
Н.Ф. ФЕДОРОВ

Н.Ф. ФЕДОРОВ · СОЧИНЕНИЯ ·

4

Н. Ф. ФЕДОРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

evidentis

Москва
2005

ББК 87.3(2)
Ф 33

Редактор *И. И. Блауберг*
Художник *В. К. Кузнецов*

Составление и подготовка текста
А. Г. Гачевой при участии *С. Г. Семеновой*

Публикация материалов из фондов Государственного музея
Л. Н. Толстого — *Т. Г. Никифоровой*, из фондов рукописного
отдела ИРЛИ — *И. А. Савкина* и *Б. Н. Тихомирова*

Федоров Н. Ф.
Ф 33 Собрание сочинений: В 4 томах. Том IV. М., 2004.

ISBN 5-94610-031-9

© Составление и научная подготовка текста
А. Г. Гачевой при участии С. Г. Семеновой, 2004
© *evidentis* 2005

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ
О
Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ, Л. Н. ТОЛСТОМ,
В. С. СОЛОВЬЕВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ ПИСЬМА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО^{1*}

Неужели Вы думаете, что от земли на небо нет иной дороги, кроме той, которая лежит чрез гроб и могилу?

Митрополит Филарет

(по вопросу о прогрессе: почему теснота пространства земли не может и не могла служить препятствием телесному бессмертию)

А я, хотя не могу отказаться от звания и должности воина, однако не могу ничего сказать об искусстве оружием наносить раны и смерть. Мне указано оружие... которым даже дается мертвым (жизнь).

Митрополит Филарет³

Милостивый Государь
Всеволод Григорьевич!

Нам случайно попало письмо Ф. М. Достоевского, очень важное для характеристики его религиозных убеждений. И мы решились напечатать это письмо в издаваемой Вами газете с незначительными сокращениями в том, что не относится до выражения поразившей нас мысли Федора Михайловича.

В письме идет речь о каком-то неизвестном мыслителе, которых ныне так много на Руси и до которых нам нет дела; нам важна мысль самого Федора Михайловича — мысль изумительного величия, — эта мысль дает смысл и цель жизни человеческой, в чем именно и нуждается наше время, когда благодаря утрате цели⁴ и смысла жизнь потеряла всякую цену. Достоевский говорит в своем письме, что — «самое существенное есть долг воскресенья прежде живших предков»⁵, т. е. наш долг, наша обязанность, наше дело заключается, следовательно, в том, чтобы воскресить все умершее, утраченное нами как сынами, как потомками наших отцов, предков. Конечно, этот долг есть и заповедь Божья, требующая от человеческого

* Письмо Ф. М. Достоевского — с предисловием в виде письма к редактору, в коем не только кратко объясняется долг воскресения, но и должно быть показано, что в этом долге *нет ничего мистического* и что этот долг необходим для разрешения противоречия между двумя критиками Канта — теоретического и практического разумов².

рода, как существ разумных, не размножения лишь и наполнения мира, но и управления им, т. е. заповедь Божья требует от рода человеческого обращения этой необъятной, слепой, бездушной силы вселенной в одушевленную духом, разумом и волею всех воскресенных поколений*. Так мы понимаем мысль о долге, лежащем, по его мнению, на всех людях, и сколько мы ни думали об этой мысли, ни к какому другому заключению прийти не могли; нельзя понять эту мысль иначе и потому еще, что, по словам Достоевского, — выполнение этого долга остановило бы деторождение; это значит, что тогда не будет уже ничего рождающегося, само собою, бессознательно делающегося, и все тогда будет произведением разума, воли, сознательного труда; ничего тогда не будет дарового, а все трудовое. Мысль Достоевского тем более заслуживает внимания и скорейшего приступа к делу, к осуществлению, что рост человечества оканчивается, население переполняет землю, и еще столетие, много два, и мы вынуждены будем или молить Юпитера, Аллаха (христианского Бога просить об этом нельзя) о ниспослании истребительных войн, моров и других бедствий, способных уменьшить население; или же, действуя по-христиански, путем полного воспроизведения умерших из разложенного их праха, мы должны будем сделаться способными жить и вне земли, во всей вселенной.

Как ничтожны пред этою задачею все цели, которые до сих пор ставили человеку: комфорт (хотя бы и для всех) и роскошь, — по существу своему ничего необходимого в себе не заключающие** ; или же наибольшая свобода людей друг от друга, а не объединение в труде для достижения определенной цели, задачи, т. е. свобода — это нечто отрицательное, положительного содержания не имеющее; и наконец прогресс, который к свободе, разобщению***, присоединяет еще превозношение младшего над старшим, сынов над отцами, живущих над умершими, над этими отвратительными предками, как выражается Рише⁷; словом, прогресс, будучи сознанием превосходства наибольшего над отцами и предками, наименьшего (относительно) над животными, есть в то же время признание своего полного ничтожества пред слепую бесчувственную силу; а такое преклонение пред этой силою исключает всякий смысл и цель существования, ни о каком долге при этом и речи быть не может. Достоевский же, считая самым важным долг воскресения прежде живших предков, отправлялся, очевидно, от мысли, диаметрально противоположной свободе и прогрессу, ибо для осуществления указанного им долга требуется не преклонение пред слепой, неразумной силой и не свобода друг от друга, а объединение разумных существ в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в труде обращения этой силы из смертоносной в живоносную, т. е. требуется всех сделать познающими и все — предметом знания, и знания не пустого, а выражающегося в деле****. В наше время, когда так много

* Т. е. требует замены рождения воскресением, бессознательного сознательным, дарового трудовым.

** Можно ли ставить целью приобретение излишнего и ненужного?..

*** Le Roy-Beaulieu⁶ сокрушается о тесноте земли, а в других планетах желает иметь новые рынки для сбыта наших мануфактурных игрушек, вместе с нашими пороками. Разобщение потому и нужно было, чтобы предохранить другие миры от заразы нашею игрушечною промышленностью и нашими пороками.

**** При этом на первый план выдвигается земледелие, а индустрия — и то как временная — превратится в кустарный промысел. Земледелию принадлежит великая будущность: живущие у праха предков и обрабатывающие [его] в пищу потомков сделают этот прах материалом для воскрешающей пластики.

говорят о всеобщем-обязательном образовании, мысль сделать всех познающими не должна казаться чересчур смелой; и нельзя не заметить, что требовать всеобщего-обязательного образования возможно только во имя всеобщего же долга, во имя обязанности, о которой и говорит Достоевский, во имя долга, который, требуя жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех, требует объединения всех живущих для воскрешения всех умерших, объединения всех сынов для возвращения жизни всем отцам. Что же может быть выше этого?! Это не эгоизм и не альтруизм, а бесконечно высшее того и другого!

Требовать же всеобщего-обязательного образования в надежде лишь на то, что оно изгонит суеверия, в надежде, что при всеобщем-обязательном образовании не будет скопцов, как это полагает Вахтеров («Русская мысль», 1897 г. № 1-й)⁸ — значит забыть, что Ориген был не безграмотный, столотворение и тому подобные суеверия распространяются между не безграмотными, а в среде не только грамотной, но и хорошо грамотной.

Мысль о том, чтобы всех сделать познающими и все обратить в предмет знания, даже не нова, мы встретили ее в эпиграфе статьи «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» («Наука и жизнь», 1894, № 15–16)⁹; в этом эпиграфе говорится, что «современная наука есть вывод из наблюдений, сделанных кое-кем, кое-где и кое-когда, тогда как она должна быть выводом из наблюдений, производимых всегда, везде и всеми». Но наблюдения — это еще только знания, а не дело, — наука же станет делом, когда она будет опытом, производимым всеми, во всем мире, по одному общему плану.

В статье «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» делается ссылка на 166 т. «Чтений в обществе истории и древностей Российских» (3 кн. 1893 г.), на предисловие к сказанию о построении обывденного храма в Вологде¹⁰, в предисловии же этом предлагается целый план построения школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице как образцу единодушия и согласия; и ссылаясь на это предисловие, автор статьи полагает, вероятно, что в этих священных храмах-школах возможно ввести то просвещение, с которым соединено расширение самого знания, возможно, следовательно, осуществить мысль, выраженную еще Каразиним, предлагавшим наглядное преподавание соединить с метеорологическими и другими всякого рода наблюдениями.

Вместе с письмом Достоевского нам досталась и небольшая тетрадка, — к сожалению, неполная, под заглавием «Чем должна быть народная школа?», — вероятно, копия или черновик статейки, о которой говорит Достоевский и выражает полное с ней согласие¹¹. А эта статейка начинается вопросом, чем должна быть народная школа, должна ли она требовать вечного подчинения закону слепой природы, по которому последующее поглощает предыдущее, чтобы быть поглощенным в свою очередь, вечного подчинения слепой силе, которая не может созидать, не разрушая, рождать, не умерщвляя; или же народная школа должна требовать подчинения закону Божию, божественной заповеди, по которой последующее должно восстанавливать предыдущее, достигая тем самым и собственного бессмертия, т. е. должно исполнять тот долг воскрешения, о котором говорит Достоевский. И, конечно, вопрос этот решается в пользу закона Божия, а не закона природы, который требует постоянной борьбы и на основании которого еще очень недавно генерал Драгомиров защищал безусловную необходимость, вечность для

человечества войны. Собственно, «Военная заметка» в Новом Времени, в которой приводится мнение М. И. Драгомирова о неизбежности и безусловной необходимости войны¹², — и побудила нас ускорить печатанием письмо Ф. М. Достоевского, которое ставит долгом человеческому роду именно то, что — согласно с мнением самого Достоевского, — сделав ненужной войну, должно сделать в высшей степени необходимым войско, т. е. действительно всеобщую, для всех и на всю жизнь обязательную воинскую повинность. Важнее же всего в этом то, что сам генерал Драгомиров, если согласится с вытекающими из мысли Достоевского последствиями, может содействовать установлению *драгого* всему роду человеческому *мира*, содействовать возвышению войска и подготовить великую ему будущность.

Генерал Драгомиров, вероятно, очень удивится, что, защищая безусловную, вечную необходимость войны, он тем самым лишает войско истинно великой будущности; отрицая же, согласно с мыслью Достоевского, вечность войны, можно, или — вернее — неизбежно будет признать вечность войска, неизбежно будет признать необходимость его существования до тех пор, пока оно победит ту силу, которую можно назвать врагом временным и другом вечным (природу); победив же эту силу, войско, которым будет весь род человеческий, станет сознанием и волею, т. е. разумом природы, и таким образом заменит собою так называемый закон, а в сущности слепоту природы, пред которою ныне все преклоняются.

Признание со стороны генерала Драгомирова необходимости войны, ведущее к непризнанию великой будущности войска, происходит, надо думать, от того, что генерал Драгомиров, — как это ни странно, — не признает полного определения войска, такого определения, которое обнимало бы все, для чего употребляется войско. Войско назначено, как говорят обыкновенно, защищать отечество от внешних врагов и от врагов внутренних. Но куда отнести следующий случай. В большом губернском городе начался пожар. Огонь приблизился к пороховому погребу. Народ в ужасе бежал из города. Только та часть народа, которая обязана стоять и там, где все другие имеют право бежать, по собственному почину прикрыла своими телами кровлю порохового погреба¹³. Поступив так самоотверженно, солдаты знали, что за такие подвиги, или дела, Георгия не дадут, и не только подвигом не признают, но даже и «делом» не назовут... Этот случай не единственный, конечно; известен недавний подвиг самоотвержения русских воинов на Суй-Фуне во время наводнения, который свидетельствует, что хотя войны и нет, но войско продолжает совершать подвиги, подвиги мирные, спасает не своих только, но и корейцев; спасает чужих с потерей своих, и это потому, конечно, что для русского войска пред бедствием общим, естественным, нет иноземцев, нет чужих. Известны также действия войск по истреблению саранчи и множество других подобных. — Очевидно, что войско и *de facto*, и по военному праву обязано бороться не с себе лишь подобными, но и со слепыми силами природы, пред которыми защитники войны не поневоле только преклоняются, но и хотят служить им вечно, вопреки 2-й заповеди, Божественности которой могут и не признавать, но выражения в ней сознания человеческой, т. е. разумной, природы отвергнуть не могут. В статье С. Ч-т-ва, помещенной в № 91-м «Русского инвалида» за прошлый 1896

год, выражается убеждение, что расходы на содержание нашей армии «окупаются не только при защите ею престола и отечества от врагов внешних и внутренних, но также и самоотвержением ее в дни народных бедствий в мирное время», почему и делается приглашение к изучению этой стороны деятельности нашей армии...¹⁴ Но не в таких действиях, не в таких победах, хотя бы и многочисленных, все же, однако, случайных, заключается великая будущность войска; великая будущность его заключается в торжестве над теми именно законами, в неизменность которых верят признающие вечность войны, признающие лишь слепую природу и не признающие никакого значения за природою разумною... Разве человек не создание той же природы? — говорит генерал Драгомиров...¹⁵ Но если бы и признать человека созданием природы, — неизбежно все-таки будет признать его таким созданием, в котором природа и стала именно сознавать свое несовершенство, несовершенство коренное, состоящее в том, что все последующее поглощает, вытесняет предыдущее, чтобы быть поглощенным, вытесненным в свою очередь; несовершенство, обусловленное разъединением миров, благодаря которому жизнь на земле могла проявляться лишь в смене поколений, т. е. поглощением и вытеснением; а в этом несовершенстве усмотрели закон, по которому природа, созидая, разрушает; под этот закон подвели и войну, как его разновидность. Но человек не только всегда чувствовал и сознавал это несовершенство природы, не признавая его законом, но явился нарушителем этих законов природы даже прежде, чем сделал первый шаг свой, ибо самое вертикальное положение человека есть уже явное противодействие падению, всеобщему тяготению, самому универсальному закону природы. А вертикальное положение человека, конечно, не природное, не естественное его состояние, а состояние выше-природное, которого он достиг трудом, искусством (пеленания и т. п. приспособления). О человеке и нельзя сказать, что он создание природы, напротив — он есть результат именно недосоздания, результат лишений, естественного пауперизма, пауперизма, общего богатым и бедным, всем людям; человек — пролетарий, он — пария в царстве живых существ. Но в этом-то и был залог будущего величия человека, потому, лишенный естественных покровов, орудий защиты и т. п., он должен был сам все это создать себе, он должен был создать все это собственным трудом. Человек и ценит только трудовое, постоянно расширяет область трудового, и не трудно догадаться, что завершением этого движения должно быть обращение всего, от чего зависит жизнь человека, в трудовое, так что в конце концов человек будет в зависимости от собственного лишь труда; и следовательно, весь мир, метеорические, теллурические, космические процессы будут его действиями, и вся природа будет его трудом. К этой именно цели человек направляется и голодом, и язвами, и всеми другими бедствиями, так что, как только человек приостанавливается, медлит в расширении области труда, — расширяется область бедствий, т. е. природа казнит человека смертью за незнание, за бездействие и тем вынуждает его все к дальнейшему и дальнейшему расширению деятельности, области труда.

Бедственный 1891 год, которому, очевидно, будет подобен и нынешний 1897 г., не повел к расширению царства труда, хотя поводы к тому были. В этом году «Русские Ведомости» сообщили об опыте вызывания дождя посред-

ством взрывчатых веществ, веществ, употребляемых преимущественно на войне для взаимного истребления¹⁶. Опыт этот сделан был в Америке, хотя скорее можно было бы ожидать, что подобные опыты будут произведены именно в России, как стране, страдающей очень часто неурожаями от бездождия, а также и от многодождия, как стране, требующей, вопиющей о регуляции метеорическими процессами и вместе располагающей большими военными силами, как бы созданными для защиты от метеорических погромов. «Русский Архив» весьма кстати напомнил, что еще 80 почти лет тому назад знаменитый Каразин предлагал произвести опыт вызывания дождя посредством громоотвода, поднятого на аэростате, который стал ныне также военным орудием. «Русский Архив» не ограничился сообщением факта, но, ревнуя о славе России и сочувствуя ее нуждам, как и нуждам всего мира, предлагает не вызывание только дождя, а регуляцию всего метеорического процесса; хотя должно сказать, что для современного поколения, напуганного бесконечностью пространства и времени, раскрываемую астрономиею и геологию, привыкшего в течение четырехвекового преклонения пред слепую силу природы чувствовать пред нею только свое ничтожество, для современного поколения страшно даже подумать о таком деле, как регуляция метеорическим процессом; и тем не менее в «Русск<ом> Архиве» предлагается в видах регуляции обратить армию в естествоиспытательную силу, — что никоим образом не может лишить ее боевой мощи, — предлагается ввести метеорические наблюдения при мирном обучении войск (особенно при стрельбе) и этим способом открыть степень пригодности американского, каразинского «и вообще всех возможных способов воздействия на природу, которые не замедлят открыться, как только на это будет обращено исключительное внимание». («Русск<ий> Архив», 1892 г., № 5, «Каразин и господство над природою», стр. 76-я, а также «Пенз<енские> Губ<ернские> Ведомости», 1892 г., №№ 30 и 32 в статье «Об управлении силами природы».)¹⁷ Должно заметить, что Каразин со своими предложениями об опыте вызывания дождя обратился чрез Аракчеева, когда он был в Париже с императором Александром I-м, но Аракчеев насмеялся над Каразиним, обозвав его колдуном¹⁸, а между тем и сам Меттерних не обозвал бы священный союз словом *verbiage*¹⁹, если бы монархи, заключившие его, обязались ввести сказанные выше наблюдения в свои армии и опыты, подобные каразинскому, чем и было бы положено начало обращению орудий истребления в средство спасения от голода и язв, болезней, в их коренных причинах. Но не только в те годы после Наполеоновских войн, даже и в настоящее время, когда орудия истребления достигли удивительного совершенства, наши новые мнимые христиане, забывая, что полчеловечества постоянно голодает, слышать не хотят, что острие меча, копыя, пики, поднятое на аэростате по проекту Каразина («Русск<ий> Арх<ив>», 1892, №1 5, и «Наука и жизнь», 1894, № 15–16 «К вопросу о памятнике Каразину»), а также взрывчатые вещества (Примеч<ание> Менделеева к статье о взрывчатых веществах в энциклопедическом слов<аре> Брокгауза и Эфрона, т. VI-й, стр. 177-я)²⁰, вероятно, и многое другое, употребляемое на войне, могут оказаться средством, влияющим на атмосферные явления, а следовательно, и спасающим всех без различия от голода и язвы.

Во всяком случае, обращение орудий истребления в орудие спасения от общих всем бедствий заслуживает внимания, должно бы сделаться предметом мысли и дела, а между тем наши пророки проповедают недумание и неделание.

Путем обращения орудий истребления в орудие спасения от голода и язвы, в этом общеобязательном для всех сынов человеческих деле, и может объединиться род человеческий, чтобы не только свое существование сделать независимым от слепой силы природы, но и эту бездушную, смертоносную силу сделать орудием своей воли, подчиненной воле Бога всех отцов человеческих. В этом-то и заключается великая будущность войска, или народов всей земли, обращенных в войска, т. е. «в массы, действующие по одному плану», потому что только такие массы, как сказано в вышецитированной статье «Русского Архива», «действующие по одному плану, вполне удовлетворяют основному условию великой общей работы — повсеместности и всеобщности»²¹.

Вместе с переходом гражданского на военное положение, на такое военное, в котором с обязательной службою соединено всеобщее-обязательное знание и образование, вступит в мир высшее нравственное начало, основанное на сознании действительного общего всем сынам человеческим несовершенства (смертности), основанное на признании себя сынами умерших отцов, повелительно требующем воскрешения и бессмертия на место постоянной заботы об охранении каждым своего достоинства от других, чего требует нынешняя фарисейская нравственность...

С истинным почтением честь имею быть всегда готовый к Вашим, Милостивый Государь, услугам

Н.П.

1897 год, 11 июля

г. Воронеж

О ПЕРВОМ ПРИВЕТСТВИИ ПИСЬМУ ДОСТОЕВСКОГО²²

«Новое время» напечатало в отделе «Среди газет и журналов» в № [7688] выдержки из письма Достоевского о долге воскрешения. Редакция обозвала письмо Достоевского туманным, забыв спросить себя, как советовал Гёте, где туман — в письме или в голове редакции.

ПИСЬМО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО²³

Неужели вы думаете, что с земли на небо нет иной дороги, кроме той, которая лежит через гроб и могилу?

*Митрополит Филарет*²⁴

В № 80-м газеты «Дон» текущего года напечатано неизданное письмо Ф. М. Достоевского, а при нем пояснение в виде письма к редактору. Считаю необходимым перепечатать письма эти, ибо в них заключается мысль глубины необычайной и неизъяснимой отрады для тех, у кого есть в сердце любовь, кто понес незаменимые утраты.

Ф. М. Достоевский упоминает о неизвестном мыслителе, который говорит о *долге воскрешения*, т. е. причисляет христианское учение о всеобщем воскресении не к догматическому лишь Богословию, но и к нравственному; равно как обращает все науки и искусства в знание и дело Воскрешения, делает из него обязанность всех сынов человеческих ко всем отцам, как к одному отцу, обязанность и ко всей вселенной, идущей по своей слепоте к неизбежной гибели, обращает воскрешение в заповедь, притом наивысшую, ибо в любви к Богу отцов, этой наибольшей заповеди, — заключается и любовь к отцам, и только в исполнении долга воскрешения эта любовь может проявиться во всей полноте своей. Из этой заповеди вытекает вторая подобная ей — *Братство*, объединяющее сынов в одном общем деле.

Долг воскрешения — это нравственность для совершеннолетних, это настоящее единственное дело, дело познания сил природы, безжалостно, по слепоте своей, пожирающей детей своих, и превращения этих смертоносных сил в живоносные. Неизвестный мыслитель требует выхода рода человеческого из его детского состояния, ибо что такое философия, занимающаяся игрою в отвлеченные понятия? Что такое чистая наука, равнодушная к общим бедствиям человеческого рода, и прикладная, из игрушечных опытов делающая приложения к производству мануфактурных безделушек, вносящих вражду, которую она же, наука, вооружает истребительными орудиями? Искусство, творящее лишь подобия живой действительности? Общество, нуждающееся в постоянном надзоре и дядьках? Все это не очевидное ли детство. Все наши изобретения и открытия суть произведения не нужды, а прихоти, досуужества, хотя и могли бы быть употреблены на дело²⁵.

К ИСТОРИИ ДОЛГА ВОСКРЕШЕНИЯ И ПЛАНА ИСПОЛНЕНИЯ ЭТОГО ДОЛГА²⁶

Письмо Достоевского, говорящее о долге воскресения, не произведя *ни малейшего впечатления**, совершенно, однако, затмило приложенное к нему

* Кажется, только «Новое Время» упомянуло о письме Достоевского и сделало выдержку из него, и при этом не преминуло заметить, что письмо Достоевского отличается туманностью; но где туман — в письме Достоевского или в голове автора заметки «Нового Времени», — об этом ничего не сказано, вопреки известному совету Гёте.

письмо к редактору, в котором очень кратко излагался самый план исполнения долга воскрешения. Надежды, самые слабые, возлагаемые на это письмо, не оправдались, а опасения вполне подтвердились. Письмо Достоевского *читали* и, не найдя в нем для себя ничего занимательного*, бросили, не обратив внимания на предпосланное ему *предисловие* в виде письма к редактору**.

То же самое или даже худшее будет со стихотворением Кожевникова «Да придет Царствие Твое». Автор даже испугался, когда я показал ему толкование его стихов. Вообразив, что я желаю поместить это толкование рядом со стихотворением, он испугался, конечно, потому, что опасался, чтобы его не заподозрили в согласии с планом воскрешения. Я несколько успокоил его, сказав, что если и желаю напечатать толкование на его стихотворение, то не иначе, как через месяц, следовательно, в его власти не признать, отвергнуть толкование²⁷. Тревожило также автора опасение попасть в соседство писем не Достоевского, конечно, а предисловия к нему, т. е. письма к редактору. Но он был очень доволен, когда я просил его передать редактору «Русского Обозрения», что я вовсе не желаю видеть перепечатку писем²⁸.

* * *

При издании письма Ф. М. Достоевского сделана *большая ошибка*, что не было помещено опровержения *мистицизма*, свойственного, к сожалению, этому знаменитому писателю и который, т. е. мистицизм, хотя и не в очень большой дозе, проник и в это его письмо²⁹. Признав долг воскрешения, он, конечно, признал воскрешение *делом* знания человеками своих тел, как и слепой силы всей природы. И христианство признает, что то, что ныне является для нас *та́инственно*, непостижимо, *мистически* в Евхаристии, высшем из всех таинств, будет *явно, понятно, постигаемо*, т. е. нами самими воспроизводимо, воссоздаемо при всеобщем воскрешении как [исполнении] воли Божией, явленной в деле всечеловеческом. Теперь не только мир *не наше* представление, а даже наше тело *вовсе не наше*. Только воскрешение делает человека обладателем своего тела, т. е. имеющим жизнь в себе.

Благодаря этой ошибке, Н. А. Энгельгардт видит в учении о долге воскрешения — Мистицизм. Если бы Энгельгардт обладал хотя бы небольшою проницательностью, то он легко бы заметил, что предисловие приписывает Достоевскому такие мысли, которые наверно никогда не приходили ему в голову, действительно зараженную мистицизмом, и отличаются скорее чем-то совершенно противоположным мистицизму. Нужно быть лишенным всякой проницательности, чтобы не заметить, что предисловие, прикрываясь авторитетным именем Достоевского, старается провести свои собственные мысли. Предисловие напоминает несколько апокрифы, в которых над своими сочинениями надписывались уважаемые имена. Правда, самое письмо Достоевского

* Ибо для людей XIX века, как и для животных, воскрешение не заключает в себе ничего привлекательного.

** Но и прочитавшие Предисловие под влиянием письма Достоевского признали его *мистическим*!?!?!

(очевидно!) оставлено неприкосновенным, хотя в нем (т. е. письме) есть такие места, которые было бы лучше опустить, — как, например, рассуждение о телах, какими они будут по воскресении, — <места,> которые плохо вяжутся с долгом воскресения³⁰; а главное — самое воскресение для него было лишь мыслию, о которой можно поговорить на досуге, а не таким делом, от которого зависит решение всех самых жгучих вопросов³¹.

* * *

Союз с Достоевским очень невыгоден для нас³². Благодаря ссылке на Достоевского, Энгельгардт имел основание причислить учение о долге Воскрешения к *мистическим и докритическим* <учениям>. Рассуждения Достоевского о будущих телах показывают, что он совершенно не знает, что дело воскресения состоит в обращении слепой силы природы, в нас и вне нас действующей, в управляемую разумом, т. е. в регуляции внешней и внутренней, слабое начало которой (т. е. внутренней) положено в гисто- и органотерапии^{*33}. Строго говоря, Достоевский своими рассуждениями отвергает *воскрешение как дело (всех сынов человеческих)*. Он говорит, какими будут тела, а не какими они сделаются, когда все процессы тела будут проявлениями или действиями правящего разума. Он говорит о Евангелии и об Апокалипсисе — это очень хорошо, но умалчивает о знании — это очень дурно.

Вообще, все письмо несомненно свидетельствует, что «*долг воскресения*» занимает у него не только самое последнее, самое низкое место, но и ни к чему не обязывает, а уже никак не составляет всеобъемлющую основу всего дела человеческого. Для Достоевского «*Долг воскресения*» мог лишь дать *два прекрасных часа беседы*, а не был планом или проектом, который нужно приводить в исполнение.

Ценно в письме Достоевского утверждение, *дважды повторенное*, о воскресении *реальном, буквальном, личном*, которое, однако, *сбудется*** на земле³⁴ (и на земле), а не будет произведено усилиями всех людей.

Зато его рассуждения о телах воскресших отличаются *удивительной наивностью*.

Почему говорится в письме, что долг *восполнен*, а не исполнен, и почему он, <долг,> ограничивается *первым воскресением*, о котором, сколько известно, в Евангелии вовсе не говорится.

Воскрешение же телесное само по себе, если не понимать его метафорически или аллегорически, иносказательно, есть прямое отрицание мистцизма.

* Точно так же, говоря о прекращении деторождения, он также, очевидно, не догадывается, что такое прекращение есть лишь частный случай превращения всего рождающегося в воссоздаемое.

** Это «сбудется» также плохо вяжется с Воскрешением как *общим делом*: в слове «сбудется» выражается *роковое*, а не *волевое*.

«Произошло столкновение двух самых противоположных идей... Чело- веко-бог встретил Богочеловека, Аполлон Бельведерский — Христа»³⁵.

В долге воскресения победил не Аполлон, не смертная красота, не ис- кусство подобия, а красота бессмертная, искусство действительное.

В долге воскресения человек освобождается от животности, т. е. все бессознательное, слепое, рождаемое превращается в сознательное, в воссози- даемое.

«Разве может быть родиной живого народа кладбище?»³⁶ — Кладбище должно быть местом *не бессознательного рождения*, а сознательного воссо- зидания, воскресения, не живого только, а бессмертного.

НЕБОЛЬШОЙ ЭПИЗОД В ИСТОРИИ МОСКВЫ 1892 г. ИЛИ КОЛОССАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ³⁷

Проект построения обыденной церкви-школы Пресвятой Троицы при Му- зейском храме двух чтителей Пр. Троицы Николая и Сергия, как памятника пра- зднования 500-летия Преп. Сергия³⁸, и даже колоссальный проект объединения всех живущих для воскресения всех умерших, и завоевания армиею, навербо- ванною из всех воскрешенных поколений (кои останки открыты лишь в глубо- чайших слоях земного шара), всей вселенной, начиная от солнечной системы до тех миров, кои недоступны даже для *сильнейших телескопов* и отпечатлеваются лишь на самых чувствительных фотографических пластинках, — весь этот про- ект можно рассматривать как *небольшой эпизод* в истории Москвы 90-х годов XIX века, который будет отмечен лишь тогда, когда история не будет ограничи- ваться изображением *вершин только*, ибо идеал истории — всех признать в большей или меньшей степени историческими деятелями. Будет ли принят этот проект или останется эпизодом, покажет будущее. (Конечно, этот проект оста- нется крошечным эпизодом, который будет *забыт* безусловно.)

Эпизод этот начинается статьею С. в № 254 «Московских Ведомостей» и письмом его же, в котором помещено выпущенное редакцию «Московских Ведомостей»...³⁹

В этом эпизоде принимал некоторое участие и гр. Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, А. А. Фет (непрямо)⁴⁰. Сюда можно присоединить, хотя и не имеющего большого значения, автора статьи — «Нравственная идея в догма- те Св. Троицы и нравственные идеи в догматах церкви» — Антония, ректора трех Академий и ныне епископа Уфимского⁴¹.

Гр. Л. Н. Толстой имеет особое значение для учения «Объединение жи- вущих сынов для воскресения умерших». Литературная деятельность Тол- стого начинается автобиографическою повестью «Детство», «Отрочество», «Юность» — в которой <он> оплакивает утрату детства, тогда как в учении «О причинах небратства и средствах восстановления его» «*Детственность*», отрицание чуждости или — точнее — незнание чуждости, сознание всеобще- го родства, сыновства и братства признается *основою учения о воскресении*

как цели и смысле жизни. «Детство» напечатано в 1852 г. и писано, вероятно, в 1851 г.⁴², что и совпадает с началом учения о *воскрешении* как деле общем всех сынов. (Эта Новая Пасха, т. е. Всеобщее воскресение, заменяющее рождение, явилось осенью (1851 г.).)⁴³

Крайнему развитию анализа у Толстого соответствовало развитие синтеза в учении объединения для воскресения. Неуважению к уму у Толстого соответствовало в авторе «Воскрешения» уважение к уму такое, как и к вере в смысле дела, осуществления⁴⁴. Предпочтение Толстого к бессознательной жизни пред сознательной, тогда как расширение сознания на все миры, превращение всей природы в жизнь сознательную есть прямое выражение воскресения. «Часто теперь я спрашиваю себя, — говорит Толстой, — когда я был лучше и правее: тогда ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, или теперь, когда, потеряв силу развития (на 27-м году), сомневаюсь в силе и значении ума человеческого» («Юность», гл. IX). Что же должен он был думать, когда услышал о всеобщем воскресении как результате знания и дела всего рода человеческого, притом, как исполнителя воли Бога?!..

«Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни». «Очень раннее... развитие анализа... поколебало в нем религиозное чувство и веру в разум человеческий»⁴⁵.

Это-то и значит, что в чудо он не верил, а логики не признавал.

* * *

Статья — «В чем счастье» — доказывает только, что счастья нет и у тех, которых считают обыкновенно счастливыми⁴⁶. Потому-то буддизм и рождается в этом сословии.

Но то счастье, которое он <автор статьи> предлагает мнимым (глаголемым?) счастливыми (интеллигенции, горожанам), не считается счастьем теми, которые пользуются им, этим счастьем (крестьяне).

1. Жить под открытым небом? Но где же на земле есть небо, настолько родственное нам, чтобы можно было жить под ним, не защищаясь от него, небо, которое было бы *истинным*, т. е. показывалось таким, каким оно есть в действительности, и притом *благим, родственным, доступным*. Очевидно, что то, что автор вопроса о «счастье» считает решенным, есть только начало вопроса.

2. Труд <— но труд> есть именно средство для разрешения вопроса о неродственном, т. е. скрытном и враждебном отношении природы (неба) к нам.

3. Семья составляет условие счастья, — но семья хорошая, а хорошая есть вопрос; да и хорошая семья не может быть окончательною целью.

4. Безболезненная смерть есть бессмыслица; но если бы можно было достигнуть <такой смерти>, то нужно указать средство.

В заключение автор говорит, что смерть и болезнь мы всегда будем иметь⁴⁷, т. е. уничтожает все предшествующее рассуждение. Если будем иметь болезнь и смерть, то будем иметь и нищих, потому что голод, болезнь и смерть происходят из одного источника.

* * *

Критика Михайловского не осуждение, не брань только под видом Позднышева самого Толстого, который самого себя казнит, называя развратником, а вместе и самовосхваление: Позднышев бессилен, говорит критик, против соблазнов, а пред ним, Михайловским, бессильны соблазны, и потому он одобряет существование соблазнов (соблазнов мануфактурных, художественных), признавая и в «Крейцеровой сонате» присутствие соблазнительной силы⁴⁸. Нагота и т. п. только на развращенных действует соблазнительно, говорит критик, подобный Михайловскому, желая узаконить существование развращающей литературы и искусства, а несчастные, имеющие плоть и кровь, не желая казаться развращенными, смотрят, слушают, читают, даже хвалят развращающие произведения и действительно развращаются⁴⁹.

Если брак становится в начале, а смысл жизни в конце повести <«Крейцера Соната»>, то это показывает, что последний, т. е. смысл или цель жизни, получил такой животрепещущий интерес, что желание узнать его равняется желанию у читателей романов узнать развязку романа.

* * *

Страшный вопрос для самого автора этой статьи оказывается не столько еще страшным, чтобы примирить его со всеми, чтобы заставить, принудить его действовать исключительно в видах примирения⁵⁰. Предлагая собирать сведения чрез добровольцев, не было никакой нужды умалчивать о тех усилиях, которые употребляло правительство еще с начала весны для сбора сведений об урожае и неурожае. Было бы даже гораздо лучше упрекнуть себя в запоздалости своего предложения, чем не сказать, умолчать о своих предшественниках. Сбор сведений чрез добровольцев и чрез чиновников, собирание сведений официальное и неофициальное могут служить лишь взаимным пополнением. Тут нет ни причины, ни повода к пререканиям. Так бы и нужно было сказать автору, если бы он хотел мира, а не войны, согласия, а не раздора, <тем более,> что для чиновников по статистике — тут юридическая обязанность, а для автора — обязанность нравственная⁵¹.

Впрочем, настоящее бедствие, тем не менее, подействовало благотворно на автора: оно смягчило несколько его злобу; оно расширило даже его взгляд, он признал необходимость знать Индию, Америку, Австралию, т. е. он признал необходимость географии, но еще не признает необходимости астрономии⁵², хотя астрономия, сама того не сознавая, собирает сведения во всей вселенной о количестве тех веществ, из коих построены наши тела и недостаток коих и называют голодом. Это собирание вовсе не преждевременное, если мы не хотим, чтобы наши дальние потомки упрекнули нас в запоздалости. Это бедствие, <голод,> сломило гордость <автора статьи «Страшный вопрос»> и заставило признать даже смерть, потому что пустословить простиительно только когда нет опасности⁵³.

Предлагая лишь план одновременного собирания сведений о количестве существующих запасов, автору «Страшного вопроса» не следовало бы пред-решать этого вопроса и явно склоняться к отрицательному ответу; впадая даже в противоречия и не признавая в нынешней цене — настоящей, соответствующей количеству запасов, автор как бы признает, что хлебные барышники, не стесняемые никакими запрещениями, будут продавать <хлеб> по настоящей цене. Этим предрешением автор именно и производит ту панику, от которой он хочет будто бы избавить нас.

Добровольный сбор сведений о количестве хлебных запасов, присоединенный к обязательному, должен необходимо сопровождаться также обязательно добровольным налогом⁵⁴, который и будет соотноситься с первым, т. е. с тем, что откроется путем обязательных и добровольных сборщиков сведений. Добровольно-обязательным налогом можно бы было парализовать ту панику, которая произошла бы, если бы оказался по собранным сведениям большой недостаток хлеба. Конечно, между добровольцами могут оказаться такие, которые пожелают увеличить нужду — но это будет значить увеличивать налог, и правительству не будет нужды уменьшать недостаток, в чем его обыкновенно обвиняют.

Автор <«Страшного вопроса»> запрещал думать, как же мог явиться у нас Иосиф⁵⁵ [не дописано.]

* * *

Получен ответ от Л. Н. Толстого на письмо И. М. Ивакина по вопросам о книжном обмене в видах теснейшего сближения двух народов, и об атмосферной регуляции в видах спасения от голода и еще теснейшего сближения уже всех народов⁵⁶. Отнесшись ни тепло, ни холодно к первому вопросу, т. е. книжному обмену*, он, Лев Николаевич, обратил второй вопрос — регуляцию метеорическими явлениями, — не упоминая о святом ее назначении, исключительно в утилизацию, как будто имелось в виду пользоваться только стекающею в море будто бы бесполезно — что совершенно неверно, — водою дождей. Вода стекает в море не бесполезно, а с величайшим многообразным вредом. Нынешнее лето отличалось не бездождем только, а вместе и страшными разрушительными ливнями, потопами, уносившими даже плодородный слой земли, изрывавшими землю буераками, оврагами, черторьями; а если так будет продолжаться, то не окажется ли весь наш черноземный пласт земли на дне Черного и Каспийского морей. Если небо, которое крестьяне называют кормильцем, становится разрушителем, то это показывает, что конец кормлению, время отнятия от груди давно уже наступило.

Американский опыт вызывания дождя только что доказал несомненно, что американцы недостойны великого дела спасения человеческого рода от голода, о чем они даже, по-видимому, и не думали, так что *даже желатель-*

* Таким ни теплым, ни холодным отношение представляется особенно в сравнении с письмом De Baue⁵⁷.

но, чтобы подобные американским частные местные опыты не удавались*. Обратить силу, направляющую сухие и влажные, холодные и знойные токи воздуха (ветры), в управляемую разумом, может быть дано только согласию всех народов, всех людей, может быть делом лишь всего рода человеческого. Взять привилегию на производство искусственного дождя — это не только злоупотребление, это профанация, выражение самого крайнего нравственного и религиозного упадка. Они хотели быть подобными богам, оставаясь, пребывая в розни, как внушает сатана, а не подобными все в совокупности *Богу Триединому*, быть совершенными, как Бог Отец, по слову Спасителя.

И Эдвин Гоустон, которого восхваляет статья «Московских Ведомостей» № 316, ноября 15-го, смотрит также на опыт вызывания дождя не как на совокупную работу всего человеческого рода, а <как> на дело только немногих, на опыт местный, и даже в учреждении аэростатных наблюдательных лишь станций, притом не повсеместно, а лишь во многих местах, усматривает затруднение, а не необходимость⁵⁸. А между тем учреждение даже станций действия, станций Каразинских, не представит затруднений всюду, где есть войска, ибо это не новое учреждение, а лишь превращение в естествоиспытательную силу войска, не ослабляя его и боевой силы.

Обращение опыта вызывания дождя в частное дело, обращение воздуха, атмосферы, неба то есть, в частную собственность — это последняя стадия, это самая уже низшая ступень греха секуляризации, за которою должен следовать поворот, реакция. Регуляция есть общее священное дело, богослужение.

В ЧЕМ ДОЛЖНО СОСТОЯТЬ ИСТИННОЕ ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА, ИЛИ РЕШЕНИЕ КАК СТРАШНОГО, ТАК И ЗАБАВНОГО ЯКОБЫ ВОПРОСОВ, И В ЧЕМ СОСТОИТ ОБЩИЙ ТРУД?⁵⁹

«Не земля, а небо нас кормит», — говорят крестьяне. А говоря так, они, конечно, признают, что «кормление» имеет свой срок и должно кончиться. Наступающее время и есть начало этого конца. Наши же общие с французами и даже немцами предки⁶⁰ то же самое *кормление небом* называли «доением небесных коров», т. е. дождь считали действием человека, а не явлением природы, или явлением небесным, вызываемым человеком, не трансцендентным, а имманентным. Способ же Каразина, а также американский есть перевод мифического в позитивное, но не школьно-позитивное. Этот акт есть священный, нравственно-религиозный, отрицание язычества как поклонения слепой силе и осуществление христианства. И крестьяне правы, говоря, что бездожде и ливни суть наказание за грехи, а этот грех есть употребление динамита, пороха против себе подобных, а не против слепой силы. *Отнятие от груди* не может не сопровождаться болезненными явлениями; оно может быть даже смертельно, если это кормление небом, доение небесных коров, дождь как

* Ибо сколько бы зла натворил американский индивидуализм, если бы дождь можно было вызвать несколькими выстрелами, а не войском [1 слово неразб.] всех на пространстве целого Царства или всего земного шара.

явление слепой силы не будет заменен дождем как действием разума общего, собирательного, не русско-французского <только>, но и немецкого⁶¹, духа мира, а не вражды.

Отнятие от груди есть только начало совершеннолетия, т. е. объединения всех в труде познания и управления слепую силою, носящею в себе голод, язву и смерть, ибо если не произойдет соединения против истребительной силы, то будет истребление: война внутренняя и внешняя, будет торговый обман, вызывающий надзор (полицейский), наказание, словом — опеку, как над несовершеннолетними. Все учреждения юридические и экономические служат выражением несовершеннолетия. Библиотеки же, музеи, создаваемые не куплею и продажею, а взаимным обменом и трудом добровольным, так же как и съезды и постоянные институты всенаучные, двународные, как начало международных, по вопросу о голоде собираемые и создаваемые, служат началом совершеннолетия.

Но как далеки мы от совершеннолетия, это видно из того, что большинство профессоров холодно относятся к обмену книжному, тогда как большинство их охотно подписали адрес в пользу евреев, т. е. торгового обмана⁶², подражая в этом студентам, упредившим их в этом целым годом.

Говоря «останови деятельность твоего ума»⁶³, не опасается ли Толстой, что ум или умы будут *против* возвращения к земле, где ум не будет иметь приложения, где не будет ему простора. Или же Толстой боится *искусственных* измышлений, но нет ничего естественнее возвращения к могилам предков, как нет ничего искусственнее городской жизни и нигде нет такого простора [не дописано.]

* * *

Наука, которая есть кой-какие выводы из наблюдений, сделанных кой-где, кой-когда и кой-кем⁶⁴, и не может быть *знанием*, если, конечно, отдавать себе отчет в том, что такое знание, и тем паче не может быть делом, делом общим всех, и потому <не может быть и> средством против общих *всем* зол, бедствий, средством исцеления от них. <И> потому трудно найти что-либо бессмысленнее определения науки, даваемого Толстым: «Наука, будучи случайным собранием *некоторых знаний* (?!!), в настоящее время заинтересовавших нескольких праздных людей, может быть или *невинным* препровождением времени для богатых людей^{*}, или, в лучшем случае, только орудием зла или добра, смотря (будто бы) по тому, в чьих руках оно будет находиться»⁶⁵. Тогда как наука не может делать добра, пока находится в руках немногих, а не всех. Решительно, невозможно допустить, чтобы Толстой, пропове-

* Невинным оно, знание, быть не может, потому <что> безучастие к бедствиям человеческим есть уже преступление. Преступление, но только *для взрослых*, а чистое знание — невинно в смысле ребяческого.

дывавший всю жизнь не-думание и не-делание, мог признать себя делавшим доброе дело, — нужно будет признать не-делание самым одурманивающим средством.

Легко поверить, что для Толстого труд никогда не казался добродетелью⁶⁶, а праздным занятием, игрою, которые нужно было придумывать, приискывать, что не всегда было легко. На другой год по переезде в Москву — в первый год участием в переписи он забавлял себя или одурманивал себя⁶⁷, ибо вопрос о смысле жизни уже начинал тревожить его, — он начал было заниматься астрономиею с целью ниспровержения Коперниканской системы⁶⁸. К счастью <для> Коперника, подвернулся Минор, и Толстой занялся еврейским языком⁶⁹, для ниспровержения христианства, конечно, и Коперник был спасен. Забыв свое опровержение Коперника, он издевается над вознесением *на небо* и новым пришествием с неба для *казни живых и мертвых*⁷⁰.

Из 3-х сочинений: «Трудолюбие, или торжество земледельца», «Неделание», т. е. торжество *недумания* и *неделания*, торжество безделья, и «Страшный вопрос», т. е. *запрещение думания и делания в виду Страшного вопроса*, — эти три сочинения графа Толстого *не должны* быть разделяемы, из них надо составить особую книжку, посвященную памяти *грамоты о вольности дворянства, грамоты, освобождавшей от думания и делания*. Автор этих сочинений, обозрев мануфактурную выставку, т. е. выставку игрушек, пожелал динамитцу, а всем библиотекам пожелал сгореть⁷¹. Кто не узнает в этих пожеланиях автора *недумания и неделания!*..

О ВЕЛИКОМ СИНТЕЗЕ, СИНТЕЗЕ ДЕЛОВОМ, СИНТЕЗЕ ДЕЛА И ВНУТРЕННЕГО, И ВНЕШНЕГО⁷²

Учение об объединении для всеобщего познания и общего дела, т. е. Учение о воскресении как воле Божией, а деле человеческом, *предшествовало учению о не-думании и не-делании и отрицанию объединения*, или, что то же, учению об объединении *на не-думание и не-делание*, хотя последнее стало известно гораздо ранее первого, положительного учения. Толстовство было естественным следствием кантовского признания невозможности знания. Оно обратило кантовский агностицизм* в заповедь, требуя *не-думания*, и ограничило *практический разум нравственностью*, высшим выражением коей было *не-делание*. Второе же учение обращало *субъективизм* теоретического разума в *проективизм*, а отрицательное учение практического разума обратило в положительное, требуя от совокупных усилий всех сил людей живущих возвращения жизни умершим, на место запрещения только лишать жизни. Иначе сказать, требуя *синтеза* всех способностей людей, также *синтеза всего разложенного, рассеянного*, т. е. Синтеза внешнего и внутреннего, или совокупления живущих для оживления всего разложенного, мертвого.

* Хотя «агностицизм» — термин не кантовской философии, но он весьма применим к ней.

О СВОБОДЕ, КАК ИДОЛЕ XIX-го ВЕКА — ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЕЕ⁷³

Последнее слово свободы — устройство Царства Божия бездействием — отказом от уплаты податей, от исполнения всякой и особенно воинской повинности, от всякого повиновения.

О бесцельном труде и свободе, первое не есть ли полное выражение последней, не в свободе ли скрывается полное отрицание и смысла жизни?

Свобода и бесцельность, свобода и рознь, и последняя есть прямое следствие первой, как и бесцельность есть плод свободы. Больше и больше сокращение рабочего дня, от 8-ми часового до 4-х, 3-х часового и, наконец, до «Не-делания», как заключения, есть также выражение той же свободы. Подать, повинность, всякая обязанность есть выражение рабства, несвободы. Только оценив свободу в ее следствиях, можно понять, почему Толстому нужно приписать открытие именно того, что наиболее приятно XIX веку. <Достигается это приятное> — бездействием, не-деланием, т. е. отказом от уплаты податей, от исполнения всякой повинности и особенно воинской, от исполнения всяких распоряжений власти, отказом даже от *обещания исполнять* (т. е. клятвы). <Следствием же этого будет>: разрушение государства, Церкви, как стеснения, отречение от веры и науки (освобождение ума от работы мышления), уничтожение всего, что сдерживает людей от борьбы, от взаимного истребления. Таким образом, под «не-деланием», под «непротивлением злу», названным святейшим именем — «Царство Божие», скрыто желание самого величайшего зла человеческому роду.

Труд, как бесцельный, Золя, ожидание Дюма, как надежда без дела, и неделание Толстого⁷⁴ — все это плоды свободы, этого идола XIX века.

К трем сочинениям, исчисленным во оглавлении: к «Недуманию», или торжеству невежества, к «Не-деланию», или торжеству тунеядства, к «Страшному вопросу»⁷⁵, т. е. о голоде, приводящем к остервенению, нужно еще прибавить *преступное, злое неделание под видом непротивления злу, под видом «Царства Божия».*

В России напечатано «Не-делание», а в Берлине напечатано объяснение к тому, что значит «Не-делание»⁷⁶, и Берлин, напечатав его, конечно, сопровождал его пожеланием ему полного успеха в России, т. е. чтобы Россия отреклась от воинской повинности. Толстой, конечно, хорошо знает, какую страшную силу заключает в себе не-делание, и было бы большою наивностью указывать ему на ужасные последствия исполнения его заповедей «не кланись», «не плати податей», «не вой», т. е. откажись от исполнения воинской повинности: отречение от всякой службы, от повиновения законам и распоряжениям, разрушение государства, церкви, науки и искусства; снятие всего, что сдерживает борьбу, взаимное истребление, — этого-то конечно и желает автор «Царства Божия», но кто его автор?

Новое сочинение, носящее ироническое название «Царства Божия» (кулачное право или анархия), можно рассматривать как опровержение принципов толстовского учения о не-делании и непротивлении злу, посредством известного логического приема «argumentum ad absurdum»⁷⁷. Если принципы Толстого, последовательно проведенные, приводят к всеобщему разрушению,

то очевидно порок заключается в самих принципах. Сочинение это, написанное в Берлине, — высший продукт национальной ненависти немцев к России, — составлено так искусно, что наша интеллигенция (даже и французы были введены в заблуждение⁷⁸) серьезно стала доказывать, что отказ платить подати, отбывать воинскую повинность приведет к такому состоянию, в каком находилась наша тогда еще обильная земля до призвания варягов, и <это> заставит призвать немцев. Но этого-то и желает автор, верно рассчитывая на наше легкомыслие.

ДОБАВЛЕНИЯ К СТАТЬЕ «В ЗАЩИТУ ДЕЛА И ЗНАНИЯ...»⁷⁹

В двух евангельских словах: «*Я и Отец одно*» и «*Отец Мой доселе делаю и я делаю*»⁸⁰, — заключается утверждение патриотизма в первом, и во втором — не отрицание только «не-делания», но и указание на дело: мы, сыны человеческие, составляем ли одно с нашими отцами, когда отцы умерли, а мы остались живы и не сделали, не обратили нашу жизнь в дело отеческое, от отцов исходящее и к отцам приводящее, имеющее предметом и целью отцов.

Толстой оказывается последователен: отрицая дело, он отрицает и побуждение к делу — любовь к отцам. Признавая же любовь к отцам, нужно признать и дело, как выражение нелицемерной любви.

К списку разбираемых сочинений⁸¹ нужно <прибавить> «Патриотизм», и тогда «Страшный вопрос» явится последствием отрицания патриотизма, отчуждения сынов от отцов, имеющего свое выражение в городах, не только поглощающих труды сел, но и заражающих и воду и землю, т. е. берущих у сел хлеб и дающих им гниль, заразу. Под *не-думанием* будет разуместься *забвение отцов*, в чем и заключается невежество (и ничто так не отчуждает сынов от отцов, как фабрика); под *не-деланием* будет разуместься *отрицание дела* как выражения самой глубочайшей любви к отцам. Толстой знает только патриотизм, который ненавидит, убивает, тогда как истинный патриотизм воскрешает. Но если бы Толстой сказал, что он желает только не убивать, а не воскрешать, тогда мы обязаны напомнить ему, что в прежнем своем сочинении он сам себя называл убийцею⁸². Нежелание воскрешения не значит ли желание остаться убийцей?

Недостаток записки против Толстого «В защиту дела и знания...» заключается в том, что опровержение начато прежде, чем опровергаемый сказал последнее свое слово, — это слово и есть «Патриотизм». Тем не менее в записке заключается опровержение того, что еще не было досказано опровергаемым*.

* Возражения на соч. Толстого, до последнего Тихомирова и г-жи, которая, опровергая Толстого, «*рискует показаться отсталою*» (остроумное определение, данное себе г-жею Манасенкою, может вполне заменять фамилию, например: «Сочинение г-жи, которая рискует показаться отсталою»), остановились на признании в нем анархизма пассивного, а не лицемерного. Тихомиров даже ожидает еще последнего слова, будто недоговоренного об «уничтожении мира», хотя оно им, [Толстым.] принято, [произнесено,] но названо спасением мира⁸³.

Эпиграф «Отец мой доселе делает и я делаю»^{*} не ясен лишь для нашего времени⁸⁴, которое, быть может, и замечает, что во всей исторической драме, во всей Истории *есть* (а не *суть*) два действующих лица, вернее, вопреки эпиграфу, два *противодействующих*: отцы (старшее) и сыны (младшее поколение), или отцы, угнетающие сынов, и сыны, восстающие на отцов^{**}, но вовсе не замечает, что должно быть одно лицо, или, вернее, *одно существо*, и вся История — *одно дело*, дело всех живущих (сынов) для всех умерших (отцов), т. е. всемирно-патриотическое дело.

Это история как проект. Все разнообразие лиц в Истории прошедшей и текущей суть только искажение отцов и сынов, ставших в ненормальные отношения друг к другу, причем сыны стали «блудными сынами»^{***}. Сыны, увлеченные красотой дочерей до забвения отцов, и составляют блудных сынов, город, который и есть блудный сын села. Промышленность и торговля, составляющие суетное дело города, служат к *обострению полового увлечения*, и город является собранием женихов и невест от детского возраста (детские балы) до глубокой старости. Половой подбор, усиливший *борьбу* за существование, которое уже не составляет общего дела всех сынов и вызывает нужду надзора, всякого рода власти для сдержания этой борьбы. Изображение этого состояния составляет особую статью под заглавием «Проект Юбилейной выставки XIX столетия»⁸⁵. Здесь же нужно лишь сказать, что, как город есть блудный сын села, т. е. еще невозвратившийся к селу, так и ученое сословие есть незаконный сын города. Разве не странно встречать естествоиспытателей проживающими в городе, тогда как их естественное место в селе. Но точно так же и историков-археологов место не в городе, который выбрасывает умерших из своих стен и терпит старину только благодаря не совершенно заглохшей совести даже у блудных сынов — горожан. Цивилизация еще не сказала своего последнего слова; об этом последнем слове сказано в статье о Качимской школе⁸⁶.

Но в Истории раздора и у блудных сынов есть общее⁸⁷. Эта самая блудность, раздвоение, вытеснение сынами отцов, борьба у женихов и у невест составляет их отрицательное единство.

В эпиграфе заключается указание на дело, отрицание не-делания и осуждение бесцельного труда.

^{*} И в роде человеческом также Отцы делают, а сыны их отделяют.

^{**} А может быть, <наше время> и не замечает этого и во всяком случае не признает *раздвоение злом*, которое тотчас начинается, как только сыны отделяются от отцов, становятся «блудными», а вернее сказать, признает <такое раздвоение> под видом *прогресса благом*. Это антитезис Гегеля, борьба Дарвина. По Фейербаху — последующее поглощает предыдущее, а по Спинозе — предыдущее поглощает последующее.

^{***} Есть одно только нормальное в настоящее время отношение: *Учитель детей*, и нет ничего ненормальнее *учителя взрослых*, т. е. *ученых*, ибо существование недорослей обуславливает существование всех искажений отеческого дела — воспитания.

* * *

Кроме главного недостатка статьи, *недостатка конца*⁸⁸, нужно присоединить еще следующие два: 2 недостаток — *нашему веку* (ученому и интеллигентному классу в особенности), мнящему о себе очень много и очень высоко, указано очень слабо на его *несовершеннолетие*, а для *несовершеннолетних* и Толстой делает исключение в законе непротивления («В чем моя вера», стр. 233, Цитата из «Критического разбора», стр. 33)⁸⁹. 3 недостаток — так называемая Русская литература названа сочинениями иностранцев о России, но названа голословно, тогда как это легко было бы доказать немногими словами в статье, объясняющей происхождение толстовщины грамотою о вольностях дворянства.

* * *

В сыне человеческого дан не только долг, но и *содержание* долга (*отцы* — История)⁹⁰.

Все моралисты, и Кант в особенности, берут *«отвлеченного человека»*, и потому вынуждены *давать долгу произвольное содержание*.

В вопросе, которым оканчивается заметка «О Титуле», гораздо легче прочесть ясный ответ на задачу жизни или на то, в чем, в каком деле заключается исполнение воли Божией⁹¹, чем в следующем, ничего не говорящем ответе Толстого, что исполнение воли Бога состоит *«в служении* Пославленному человеку в мир»*⁹². Если даже этот ответ обратить в вопрос, то в нем не будет ни малейшего основания для ответа: служение не определяется ни тем, кто посылает, ни кого посылает (человек, как самое неопределенное слово), ни местом послания.

Если же мы признаем, назовем людей живущих, т. е. сынов умерших отцов, орудием воли Бога умерших, т. е. вытесненных из жизни, отцов наших, притом Бога Триединого, требующего от сынов многоединства, совокупности, или братства, то нужно намеренное омрачение ума, чтобы не отгадать этого общего дела сынов, ежеминутно чувствующих над собою гнет силы умерщвляющей, осиротившей их, лишившей их отцов-предков, притом силы слепой, для которой в человеке заключается правящий разум.

Последнее сочинение Толстого — О религии и нравственности — есть в высшей степени искусственное, не из жизни почерпнутое, и притом еще самое пошлое, истасканное приведение всех религий к трем типам с самою неверною характеристикю особенно первого, первобытного⁹³.

Толстой не удивлялся бы, что все, кроме человека, подчиняется, как он неверно выражается, *вечному закону*⁹⁴, если бы подумал, что это *«все»* есть не чувствующее, не сознающее, а человек, как чувствующее и сознающее, не хочет** и не должен подчиняться слепой силе, стихийному движению, в кото-

* Если только не состоит в том, чтобы ничего не погубить, а все воскресить.

** Даже ягненок сопротивляется, убегает, а не подчиняется охотно якобы, по Толстому, вечному закону, по которому он назначен быть пищею волку. Самое вертикальное положение есть нарушение вечного закона падения, всеобщего тяготения. Вертикальное положение есть религиозный подъем.

ром Толстой, не подумавши, видит вечный закон. Человек обязан подчиняться Богу Живому, смерти не создавшему, и именно повелевающему, чтобы он, <человек,> не служил ничему, что есть на небеси — горе и на земли — низу. Очевидно, Толстой не понимает и ветхого завета, а не только новый, который Христа, — воскресение и жизнь, — ставит нам образцом. «Религиозное чувство, — по Толстому, — всегда вызывается не внешними, страшными явлениями, а внутренним сознанием своего ничтожества, [одиночества и своей греховности]»⁹⁵, а сознание своего ничтожества несомненно вызывается и внешними и особенно страшными явлениями: бурями, землетрясениями, язвами, голодом и, вообще, смертью, так что смертность и ничтожество — однозначущи. *Сознание же своего одиночества*, т. е. сознание своей розни, отсутствие общего для нас всех дела, требуемого смертностью, т. е., как сказано, признанием себя сынами умерших отцов, — *не может быть отделяемо от сознания греховности*, а между тем Толстой не видит этой общей между ними черты. В нашем вопросе нет ничего произвольного, нашего личного, тогда как в толстовском ответе только и есть один личный произвол.

К СТАТЬЯМ О Л. Н. ТОЛСТОМ⁹⁶

Нахал, позволивший себе то, что не дерзнул сказать ни один из лакеев Каиафы и Пилата, обозвал Христа бродягою⁹⁷. Этот бывший рабовладелец, признавая себя безгрешным, приглашает всех, имеющих наглость считать себя честными, оставить бесчестное, т. е. освободившее крестьян правительство. Это завершение интердикта, наложенного этим новым папою на Россию, разрешившего от присяги (не клянись), запрещавшего платить подати и нести воинскую повинность (не воюй). Владелец многих тысяч десятин земли убеждает в то же время крестьян довольствоваться 3-х аршинным наделом земли⁹⁸.

* * *

Письмо бывшего рабовладельца гр. Льва Толстого старается убедить всех честных людей оставить бесчестное, т. е. лишившее помещиков крепостных крестьян, правительство⁹⁹. В этом письме легко понять, что и почему он называет бесчестным. Но что такое честность и кто может назвать себя честным? Этот вопрос более чем труден для людей, еще имеющих совесть. Любопытно знать, найдется ли такой наглый человек, который откажется от службы бесчестному правительству, т. е. признает себя честным, иначе сказать, безгрешным. Уж конечно не у нищих духом найдет отклик Толстой на свой горячий призыв.

Прежде всего сам Толстой признал себя честным человеком, а меня считает бесчестным, если справедливо, что он подписал лист, в котором приглашали меня остаться на службе¹⁰⁰, со стороны Толстого — как нечестного человека, в чем он и не ошибся: я потому и хотел и хочу оставить службу, что никогда не мог, и теперь, по причине старости, еще менее могу исполнить честно свое дело, свою должность.

...Если название нашему веку — «лицемерный», то Толстой есть истинный представитель этого века.

ЧТО ТАКОЕ ДОБРО¹⁰¹

Подобно тому как у Соловьева под «*Оправданием добра*» заключается осуждение и отрицание лишь порока, так и у Толстого... Хотя под видом эстетики («Что такое искусство?») Толстой и написал этику, тем не менее он знает лишь отрицательное добро, знает, *что́ оно не есть*, и не знает, *что́ оно есть*. Под искусством же Толстой понимает только передачу чувств от одних к другим¹⁰², а не осуществление того, что *каждый* носит в себе в передуманном и пережитом виде, если только он истинный сын человеческий, носящий в себе образы своих родителей и предков, — как бы это должно быть, а не блудный сын, — как это обыкновенно бывает, — сердце которого обращено к вещам, имуществу, причем, искренно или неискренно, это свое пристрастие прикрывают обыкновенно заботою о детях, о будущем, т. е. о продолжении эфемерного и бесцельного существования. Не в осуществлении того, что носит в себе сын человеческий, видит Толстой цель искусства, а в объединении в одном чувстве, содержания которого не знает, и когда называет, по рутине, <это чувство> братским, то забывает, что люди братья лишь по отцам, предкам, а забывши отцов, делаются чужими; следовательно, то, что Толстой называет братским, вовсе не братское. Что счастье Толстого скорее этика, чем эстетика, видно из того, что красоты он не признает¹⁰³, а добро признавать, по-видимому, желал бы, — *но какое добро?!..* Добро, говорит Толстой, — *«никем определено быть не может»*¹⁰⁴. Но добро потому и не может быть определено Толстым, что он допускает лишь добро отрицательное... Если будут исполнены заповеди — «не убий» или «не вой» (если это больше нравится), — не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, не судись, т. е. не ссорься и т. д., *то не будет только зла*, и притом зла лишь наносимого самими людьми друг другу, и можно будет сказать, *что́ не есть добро*, в чем нет добра, но нельзя будет сказать, *что́ оно есть*, в чем состоит добро, т. е. отрицательно определить добро мы можем, а дать ему положительное определение, по Толстому, нельзя. Если, однако, не будет *убийства*, т. е. не будут отнимать *жизни*, если не будет прелюбодейства (берем это в самом обширном смысле), т. е. если не будут давать *жизнь* другим, отнимая ее у себя, или же если не будут отнимать *жизнь* у себя, не давая ее даже и другим (проституция); если не будут красть, т. е. отнимать средства к жизни; лжесвидетельство также может вести к лишению жизни и ведет, во всяком случае, как и всякая ссора, — к ослаблению ее, к приближению смерти... Что же останется, если будут исполнены эти заповеди, устраняющие лишь зло, предписывающие даже не сохранение, а лишь не отнятие *жизни*, — останется все-таки *жизнь*. Итак, идя даже путем отрицательным, мы приходим к определению, что такое *добро*, — добро есть жизнь. Добро *отрицательно* будет не отнятие лишь жизни, а *положительно* — сохранение и возвращение жизни. Добро есть сохранение жизни живущим и возвращение ее теряющим и потеряв-

шим жизнь. Таким образом даже из того, что проповедует Толстой, по строгой логике выходит, что добро состоит в воскрешении умерших и в бессмертии живущих. Такой вывод должны признать все, или же пусть докажут нелогичность этого вывода. Признав же логичность этого вывода, признавать сохранение и возвращение жизни лишь настолько, *насколько это якобы возможно*, значит позволять себе произвол и по своему произволу полагать пределы добру, — что и есть величайшее зло, преступление против всех умерших и живущих; это значит допустить произвол подобно Толстому, который сказал, что добро «*никем*» будто бы «*определено быть не может*»; а между тем, если бы он не приписывал себе безусловного авторитета, ему следовало бы сознаться в собственном лишь бессилии (а может быть и в недостатке лишь смелости) определить, что такое добро, а не говорить, что оно *никем* определено быть не может. Нельзя, впрочем, не заметить, что утверждая, будто добро *никем* определено быть не может, Толстой сам, и по крайней мере дважды, определяет, что такое добро. Между прочим, Толстой видит добро, как выше сказано, в осуществлении братского единения людей, и это без всякого отношения к умершим отцам, по которым только мы и братья. А между тем только для осуществления добра, требуемого строгою логикою, а вместе и детским чувством, т. е. сыновнею и дочернею любовью, во исполнение завета Христа — «*будьте как дети*», т. е. как сыны, как дочери, — и может осуществиться «*братское единение людей*», т. е. сынов и дочерей; только во исполнение долга воскрешения может осуществиться и братское единение людей, потому что для осуществления этого долга нужно соединение людей, как разумных существ, в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, для обращения ее из слепой в управляемую разумом, из смертоносной в живородящую; а в этом именно (т. е. в возможности обратить природу из слепой в силу, управляемую разумом, из смертоносной в живородящую) и заключается то, без чего все искусства оказываются бессильными для устройства братского единения, ибо пока полчеловечества голодает, до тех пор братских отношений между людьми быть не может. Если бы искусство и убедило часть человечества уморить себя добровольно голодом для того, чтобы спасти другую часть от голода, то уморившие себя поступят, конечно, по-братски, а принявшие такую жертву и оставшиеся жить, — как назвать их поступок?.. Справедливость требует сказать, что все, предлагаемое Толстым для объединения, было уже испытано церковным христианством, ибо в храме христианская церковь соединила все искусства для действия ими всеми в совокупности, и однако это к братству не привело. Попыток устроить братство, *не обращая внимания на причины, которые делают людей небратьями*, т. е. поселяют между ними вражду, было так много, что история потеряла счет таким попыткам.

В сущности, ничего нет неверного в определении искусства — «*передачею сильного чувства, испытанного каким-либо человеком из народа*»¹⁰⁵; определение это чрезвычайно лишь ограничено и только формально. А между тем в это же определение, не ограничиваясь одною формою, можно было бы включить и все содержание и все средства, коими может располагать искусство. Искусство по существу своему есть не передача лишь, а *осуществление* всеми

способами, всеми силами, какими только могут располагать сыны и дочери человеческие в их совокупности, *осуществление* того чаяния или желания, которое возбуждается под влиянием самого сильного чувства, какое только могут испытать люди, под влиянием чувства, вызываемого смертью самых близких людей, т. е. родителей, чувства столь же общего всем людям, как обща всем смерть, которая потому и может всех объединить. Передача чувства теми, которые сильнее чувствуют, тем, которые чувствуют слабее, имеет лишь временное значение и большой важности в себе не заключает, потому что для смерти нет нужды в красноречивых толкователях, чтобы оказывать могучее действие к объединению, в особенности, если будут приобретаться все новые и новые средства для воздействия на умерщвляющую силу. Только в деле возвращения жизни всем умершим могут объединиться все живущие, без этого же никакое красноречие и никакие художественные средства братского единения произвести не могут... Противодействием этому объединению служат все соблазны, совокупность которых можно видеть на всемирных выставках... Какое искусство может победить эту выставку, которая втянула в себя все искусство!!..

11-го июля 1898 года.
г. Воронеж

ОБ ИСТИНЕ И КРАСОТЕ В СТАТЬЕ ТОЛСТОГО «ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?»¹⁰⁶

Судя по серьезности писателя и по чрезвычайной важности предмета, какова истина, нужно полагать, что определение истины сделано не кое-как, а с самую строгою точностью. Самое презрение, которое писатель выражает к истине, требовало от него тем паче осмотрительности и величайшей строгости в определении. Так мы и принимаем определение истины, сделанное в статье — «Что такое искусство?»!

Если истина, по словам Толстого, есть *только* соответствие определения предмета с самою его сущностью, — то, во всяком случае, чтобы быть истинною, определение предмета должно иметь исчерпывающую полноту, т. е. <обнимать> все его свойства, явления, в нем и на нем происходящие. Если же *сущность предмета*, как говорит Толстой, *равна всеобщему всех людей пониманию предмета*, то это, конечно, означает безусловное обладание предметом. Принимая же за предмет истины все, подлежащее знанию, всю вселенную, не исключая и людей в их прошедшем и настоящем, а за познающих (или понимающих) принимая действительно всех людей, т. е. не живущих только теперь, но и всех живших, словом — все поколения человеческие, — тогда мы будем иметь, с одной стороны, — совокупность всех миров, подобных нашей земле, солнцу (согласно Коперниканскому мировоззрению), а с другой — совокупность всех человеческих поколений, т. е. всех разумных существ. В каком же случае явления, происходящие в первых, т. е. во всех мирах, будут необходимо соответствовать представлению, пониманию их в последних, т. е. в разумных существах? Конечно, тогда только, когда движения этих миров и явления, в них и на них происходящие, бу-

дут выражением разума всех поколений, т. е. когда разумные существа в их совокупности будут управлять слепую силу миров, силою, движущею миры и производящею <в них и> на них различные явления. Когда это будет так, — и только тогда, — понимание или представление миров будет *необходимо* соответствовать их сущности, т. е. знание доказывается делом, наука доказывается искусством. Давая презрительное определение истины, утверждая, что она есть *только* (!) соответствие между предметом и мыслью, Толстой и не думал, конечно, что для полного их соответствия нужно, чтобы разумная сила управляла слепую силою (тою силою, которая носит в себе голод, язвы и смерть), а потому никакого добра от истины и не чаял. Управление <же> слепую, умерщвляющую силою разве не есть самое великое добро? Ведь таким управлением объединение распространяется и на умерших, на всех без всяких исключений, и безобразию тления оно дает красоту, или благолепие, нетления, красоту телесную, в которой выражается духовная и нравственная красота. Во что же обращается этот торжествующий вопрос, заключающий в себе, по мнению Толстого, и самый ответ, — таким несомненным он ему представляется, — «что же общего между понятиями красоты и истины — с одной стороны, и добра — с другой?..»¹⁰⁷ Общее между ними оказывается то, что их и отделить одно от другого нельзя.

До сих пор мы рассматривали добро во всеоружии знания и искусства, теперь же попробуем отделить от него и знание, и искусство, лишить его органов, орудий естественных и искусственных, всякого знания и умения, — даже сознание нельзя ему оставить, потому что сознание не может быть отделено от знания. Отделив же все это, во что обратится добро? Это будет слепая сила, слепое влечение, ни в чем себя не выражающее, ни в чем себя не проявляющее. Человека, желающего добра, лишить знания, т. е. истины, это значит — лишить его возможности делать добро, это значит подвергнуть его величайшему наказанию, мучению. Впрочем, если добро заключается в *не-делании* и *не-думании*, как это и проповедывал Толстой, в таком случае добро и не требует никакого выражения или проявления, потому что и само обращается в ничто, в нирвану, и это значит, что добра также нет, как нет, по Толстому, и истины. Вот к чему приводит отделение добра от истины; а если отделить от добра красоту, т. е. то, что нравится, что доставляет не только радость, удовольствие, но производит восторг, восхищение, энтузиазм (пребывание в Боге), — добро окажется тем, что нам не нравится, что доставляет огорчение, отвращение, или — по меньшей мере — окажется тем, к чему мы остаемся равнодушными. В этом случае делать добро, т. е. то, что не нравится, значит подвергать себя мучениям; если же мы остаемся к добру равнодушными, в таком случае в нашем деле, — когда будем делать добро, — будет выражаться бездушие. Где же тут нравственная или духовная красота?!.. А между тем определение добра тем, что нам не нравится, или, во всяком случае, тем, к чему мы равнодушны, прямо вытекает из определения, которое Толстой дает красоте, признавая за красоту то, что нам нравится, и говоря, что красота *противоположна* или *скорее противоположна* добру. Очевидно, Толстой принимает за истину и красоту искажения их, вызвавшие такие положения, как наука для науки, искусство для искусства, и за этими искажениями не видит ни истины, ни красоты; отделяя же добро от истины и красоты, он и добро обращает по меньшей мере в ничто и требует для этого ничто делать все. И какой же практический результат всех этих рассуждений?!.. Разве тот, что возбуждая к

добру равнодушие, если уже не отвращение, Толстой обращает жизнь людей, вынужденных тем не менее делать добро, в сплошной, беспросветный ад; так что у Толстого, можно сказать, есть лишь ад, ад безысходный, и нет не только рая, но даже и чистилища. — Отвергая науку для науки и искусство для искусства, почему Толстой не хотел согласиться с тем, чтобы и наука и искусство стали средством осуществления высшего блага, т. е. воскрешения, которое есть объединение всех без исключения, а не живущих только?!.. Потому что воскрешение невозможно?!.. О том, что такое невозможно, выше было уже сказано. Пусть однако <будет> так, но сам Толстой признал возможным такое действие на облака и тучи, чтобы они проливали дождь там, где он нужен; почему же он отказался содействовать силою своего авторитета, — как это ему предлагали, — в видах обращения войска в орудие такого действия и даже ничего не ответил на обращенный к нему категорический вопрос: что лучше — бросить ли оружие, или же обратить его на спасение от голода, т. е. от такого общего всем людям бедствия, борьба с которым необходимо привела бы людей к объединению?!..¹⁰⁸ Не потому ли все это так несимпатично Толстому, что, обратив действие на слепую силу природы, не было бы надобности и в проповеди — «не плати податей», «не исполняй воинской повинности» и всего тому подобного, проповедуемого Толстым под видом учения «о непротивлении», а в сущности возбуждающего к противлению; тогда, напротив, пришлось бы проникнуться благоговением «к лицу короля», преданностию «к знамени»¹⁰⁹. Толстой так привык к осуждению для осуждения, что остановиться уже не может и поневоле относится враждебно ко всему, что грозит прекращением этой деятельности, бесплодности и даже вредности которой он видеть не хочет.

Толстой оканчивает свою статью об искусстве надеждою или признанием, а вернее лишь уступкою, что в будущем, быть может, будут открыты новые идеалы, высшие тех, которые он признает...¹¹⁰ Но еще двадцать лет тому назад (в марте 1878 г.) в письме известного писателя Ф. М. Достоевского, напечатанном лишь в 1897 году, был указан идеал, которого — признаваемый Толстым составляет, конечно, только часть¹¹¹. Кроме того, об идеале Достоевского можно говорить лишь в единственном числе, ибо Существо всесовершенное служит ему источником и образцом. Употребление слова *идеал* во множественном числе указывает на непризнание одного истинного идеала, указывает на разъединение, на странное опасение объединением ограничить свободу личностей, тогда как объединение лишь увеличивает могущество каждой личности... Впрочем, Достоевский назвал идеал, о котором говорит в вышеозначенном письме, *долгом*, показывая тем, что этот идеал должен и может быть осуществляем каждым и всеми в совокупности, а не оставаться призраком, манящим и никогда не достигаемым, каковы идеалы, о которых говорят во множественном числе и для которых недостижимость есть существеннейшее свойство. Конечно, не следовало бы и говорить об идеале Достоевского, если бы исполнение его зависело от осуществления идеала Толстого, <— по которому задача заключается в осуществлении братского единения людей,> — но оказывается, что только при осуществлении идеала, т. е. *долга*, Достоевского возможно исполнение и идеала Толстого, полагая, конечно, что идеал Толстого не призрак, не мираж, не всегда останется лишь в мысли, но будет и делом. Несомненно, что идеал Толстого составляет лишь часть всеобъемлющего идеала Достоевского уже потому, что идеал Достоев-

ского обнимает всех без произвольного исключения тех, которые не имели возможности даже слышать проповедь о братском единении, — разумеем живших до начала этой проповеди, — не говоря уже о блаженстве испытать или жить в братском единстве, чем и до сих пор никто не пользуется. По смыслу *долга* Достоевского объединение не ограничивается живущими, а распространяется и на всех умерших, оживляя их; причем это оживление не только ставится долгом для живущих, но и признается необходимым условием братского объединения и самих живущих, необходимым, следовательно, условием осуществления идеала Толстого. Это оживление и есть искусство самое естественное; если оно и не творчество, то воссоздание, воспроизведение, совершаемое по образу и по подобию самого Творца всеми людьми как единым художником. Это искусство не ограничивается словом, не есть оно и изображение на полотне, на камне, это не обман, не кажущееся лишь, а действительное оживление умерших. Пред таким великим делом, как действительное оживление, не могут не умолкнуть все раздоры, и не только уничтожатся внешние раздоры, но живущие объединятся и внутренне, нося каждый в себе психо-физиологические образы отцов, как основу братства, и переводя их из внутреннего, из мысли в дело, из представления в действительность... В этом лишь деле и выразится вся глубина братского единения, и здесь, действительно, добродетель сама себе служит наградою, за добродетель труда воскрешения отцов награждаются добродетелью братского объединения сыны. По идеалу же Толстого, в котором он и сам не признает красоты, — не признает того, что может нравиться, что может возбуждать к себе глубокую любовь, во имя чего будут отказываться от вражды, от лишения, жажду которого, как это хорошо известно, конечно, и Толстому, победить не легко, — по идеалу Толстого только *пустота* и *ничто* будут наградою за отречение от порочных страстей. Искусству Толстого увлекать или отвлекать от пороков нечем. Грозить наказанием как следствием порока, — что видим в рассказе Толстого, в котором он грозит за земельную жадность крестьянам, страждущим малоземельем, треххаршинным наделом¹¹², — но угроза наказанием ослабляет добродетель, лишает ее ценности. Толстой не назвал свой идеал даже *долгом* объединения и не дал себе ни малейшего труда подумать о том, как привести в исполнение объединение, не позаботился о том, чтобы составить проект объединения, указать не на одну цель, но и на трудности и на средства к осуществлению. А между тем все имеют право спросить Толстого, что нужно делать, чтобы достигнуть братского объединения. Сказать только «*не воюй*» оказывается недостаточным, — Толстой давно уже сказал это и Америка знает эту его заповедь¹¹³.

ПАНЕГИРИСТУ СМЕРТИ — ВЕЛИЧАЙШЕМУ ЛИЦЕМЕРУ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹¹⁴

Кроме лицемерия, свойственного сословию, к которому он принадлежит, лицемерие — самая существенная, личная черта его характера. Какую нужно иметь бездну бесстыдства, чтобы, проповедуя отказ от платы податей и от воинской повинности, относить <это> к непротивлению злу и прикидываться таким человеком, который желает мира, а не величайшей смуты.

Конечно, требовать от Толстого, который в чудо не верит, а логики не признает, требовать, чтобы он говорил подумавши, чтобы в его словах был смысл, нельзя. Поэтому, когда он говорит, что смерть — недурная вещь, то, если он, избалованный всеобщим поклонением, не вменяет в обязанность принимать его слова на веру, как бы они ни были нелепы, не должны ли мы спросить о значении этого изречения? Разумеет ли он под смертью — конец жизни, сопровождаемый или мучительными отвратительными болями, или же остающийся совершенно неизвестным для всех, не считающих себя просветленными *Свыше*. Ему известны попытки криминалистов-филантропов изобре-сти казнь, лишенную всякой боли, мучительности. Достигли ли они цели? Предполагая даже возможную безболезненную смерть, разве недостаточно одной неизвестности, чтобы не называть хорошим то, что <можно> назвать <только> неизвестным! Даже те, которые признают другую лучшую жизнь, и те переход к ней не считают хорошим. Но смерть не есть лишь конец жизни, она проникает всю жизнь, являясь в ней в виде всего того, что ее разрушает. Тогда похвала смерти должна быть распространена на все болезни, на все бедствия, от коих страдают люди. Спрашивать Толстого, чью смерть он считает недурною, свою или других людей, близких или неблизких, — совершенно лишнее: Толстой знает только лишь себя.

Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон

РАЗГОВОР С Л. Н. ТОЛСТЫМ¹¹⁵

В сентябрьской книжке «Русской Мысли» помещена статья Мищенко под заглавием «Мысли гр. Л. Н. Толстого об искусстве», в конце которой приводится из романа «Воскресенье» самое его начало.

Эта статья напомнила мне мой разговор с самим автором «Воскресенья» в Москве, у него в доме, 5 и 9 апреля настоящего года, и именно по поводу того самого места в романе, которое приведено в статье Мищенко и в котором весна в природе противопоставляется тому, что делают люди... «Весна была весною даже в городе», говорит Толстой. «Солнце грело, трава оживала... березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие листья...; галки, воробьи по-весеннему, радостно готовили уже гнезда... Веселы были и растения, и птицы, и насекомые и дети» (sic!) «Но люди, — большие, взрослые люди... считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта „красота“ мира Божия, данная для блага всех существ, — „красота“, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что „они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом“. Так, в конторе губернской тюрьмы считалось священным и важным... то, что накануне получена была за номером... бумага о том, чтобы... были доставлены... три содержащиеся в тюрьме... арестанта», — (которые, однако, этою же весною лишили жизни человека, привлеченного в дом терпимости и именно тем же весенним чувством)...

Сделав эту выписку, которую мы приводим не вполне, Мищенко восклицает: «Разве это не торжественный гимн мировой жизни и ее радостей!»

Разве это не рыдание всего человечества над „властью тьмы”, которая не дает всем людям пользоваться на воле благами жизни?»¹¹⁶

Первое свое восклицание Мищенко относит к природе, под блеском внешней красоты которой он не замечает в ней «власти тьмы» и смерти, и, преклоняясь сам, он всех зовет уподобляться и служить ей; второе же восклицание он относит к существам разумным, не замечая, что они, лишь повинаясь «власти тьмы», ищут власти друг над другом и не видят «самой простой истины», что слепая сила (природа) потому и творит зло (и прямо, и чрез нас), что разумная не исполняет своего дела, своего долга, не управляет слепую, бездушную и бесчувственную силою, а подчиняется и даже служит ей, — стала ее орудием.

Прежде всего нужно заметить, что всякого, кто читал «Крейцерову сонату» и статью «Об искусстве», — должно поразить полное противоречие этих произведений с тем, что говорится в приводимом Мищенко месте. В статье «Об искусстве» Толстой вооружается против красоты, а в «Крейцеровой сонате» он с ужасом относится к любви, которая возбуждается весною и приводит к устройству гнезд. В «Крейцеровой сонате» сам Толстой находил, что эта любовь не только не ведет ни к миру, ни к согласию, а, напротив, возбуждает зверство и скотство в людях... Все это мне пришлось высказать одному близкому родственнику Л. Н., занимающему довольно видное положение в судебном мире¹¹⁷; этот разговор повел к горячему между нами спору и мне пришлось доказывать, что люди правы, придавая значение не весеннему чувству, возбуждающему скотские и зверские чувства, а тем учреждениям, которые именно и предназначены на то, чтобы сдерживать эти чувства.

Когда в апреле настоящего года я был у Л. Н. в Москве, то, передавая ему поклон от его родственника, с которым мы поспорили, я позволил себе сказать, что этот его родственник совсем не таков, как председатель суда, выставленный в романе «Воскресенье». И когда Толстой стал хвалить своего родственника, я сказал, что недавно чуть было не поссорился с ним, и рассказал наш спор. Выслушав рассказ, Л. Н. заметил: «Вот не ожидал такого возражения!» и тотчас же согласился, что весна располагает не к такой любви, которая ведет к миру и согласию, сказал, что имел в виду вообще чувство, которое производит природа; как например, «деревья, покрытые инеем», добавил он.

Но затем этого разговора Л. Н. не продолжал и стал говорить о другом.

Из всего, что я слышал от Л. Н. в этот раз, в два вечера, 5 и 9 апреля, меня особенно поразили следующие его слова: «Вот я стою одною ногою в гробу и все-таки скажу, что смерть вещь недурная». Эти слова многое разъяснили мне в мирозерцании Л. Н., в особенности, когда я припомнил и другое его выражение; держа в руках череп, он сказал (не мне, а другому лицу и много уже лет тому назад): «люблю эту курноску...»¹¹⁸ Эти два выражения и особенное сочувствие к зимней, мертвой природе, к одежам инеем деревьям, — как все это согласить с гимном весне, или мировой жизни и ее радостям, — по выражению Мищенко?!.. Тысячу раз поэты всех времен и народов указывали на мнимый мир в природе, особенно в весеннюю пору, и в противоположность этому — на действительную вражду людей даже и в это прекрасное время года. Что же нового усмотрел Мищенко в картине, нарисованной Толстым?!..

Лишь только теплый, весенний луч солнца коснется земли, пробуждается на ней жизнь, а с ней и борьба, и вражда; живые существа начинают не «объединяться», а спариваться, делиться на пары, и из-за этого борются, побивают друг друга; кто посильнее, покрасивее, похитрее, остаются победителями; спарившись, — истощаясь и стареясь — производят новое существо, а сами погибают среди горя и забот о новом поколении. То, что поэты писали в живых картинах, философы приводили в простейшие выражения, в сухие формулы, — в самой весне прозревая смерть. «Смерть, — говорили философы, — есть переход одного или двух существ», — слившихся под влиянием весеннего солнца в плоть едину, — «в третье — посредством рождения»^{*119}. Допустим, что среди рожденных нашелся бы один, хотя бы только «один», который, увидав труп родившего и воспитавшего его, убитого горем и заботою о нем, — понял бы, что в этом светлом весеннем луче кроется и «умерщвляющая сила». Этот прозревший и был бы «сын человеческий», дитя, которое, и достигши зрелого возраста, сохранило детское чувство, любовь к родителям. Этот-то сын человеческий и заповедал бы всем, понявшим его, — научать и собирать в одно общество, в одну силу всех сынов человеческих, и, конечно, не бесцельно, а для возвращения жизни тем, от которых сами ее получили, и чрез это именно слепая, умерщвляющая (под видом рождения) сила, — разлитая повсюду, во всей вселенной, — будет обращена в управляемую разумом; чрез это только и разумные существа из бессознательных и невольных орудий смертоносной силы (этой «власти тьмы»), сознательно и свободно сделаются орудиями существа Всеблагого. И только в этом, и ни в чем другом, может быть цель объединения; объединение же бесцельное, объединение на «неделание», невозможно.

Только свет «всеобщий» знанья,
 Долга «общего» сознание,
 Воля «всех» и «всех» любовь
 Одолеют смерти силы
 И отцов из тьмы могилы
 Воскресят для жизни вновь.
 Нет иного нам спасенья!
 В общем долге воскрешенья
 Всем бессмертье дано.
 Но всеобщими трудами
 Заслужить должны мы сами
 То, что Богом суждено.

*Из стих. В. Кожевникова
 «Жить или не жить?»¹²⁰*

* Это определение смерти как перехода, чрез рождение, одного или двух слившихся существ в третье, до очевидности ясно у животных простейшего устройства: внутри клеточки появляются зародыши новых клеточек; вырастая, эти последние разрывают материнскую клеточку и выходят на свет: здесь очевидно, что рождение детей есть вместе с тем смерть матери; дети не сознают, конечно, что их рождение было причиною смерти их родительницы; но придадим им это сознание, что они почувствуют тогда?!..

В приведенном примере новорожденная клеточка явилась на свет совершеннолетнею, — человек же рождается несовершеннолетним, и во все время вскармливания, воспитания он поглощает силы родительские, питаясь, так сказать, их телом и кровью; так что, когда окончится воспитание, силы родительские оказываются совершенно истощенными и они умирают, или же делаются дряхлыми, т. е. приближаются к смерти.

Но точно ли Толстой — поклонник смерти, каким он сам себя выставляет в вышеприведенных выражениях? Вся его жизнь, вся его деятельность служит опровержением этих слов. Мнимый любитель смерти, он во всех своих произведениях преследует тех, которые лишают жизни, стесняют ее, вредят ей... Он следит за сохранением жизни всех и везде, — так высоко он ставит и ценит жизнь! Нет сомнения, что он готов бы был пожертвовать своею собственною жизнью ради сохранения и возвышения жизни многих, ради торжества ее над смертью; он хотел бы, можно сказать, своею смертью попрасть смерть. Правда, он часто ошибается, принимая друзей жизни за ее врагов; ошибается и в средствах, принимая, например, «сопротивление» за «непротивление»; но это существо дела не изменяет. Велика, наконец, заслуга Толстого и в том, что, назвав свое новое произведение «Воскресением», он до очевидности доказал невозможность нравственного воскресенья без воскресенья действительного, телесного. Если бы Нехлюдову доставили череп умершего его ребенка, сказал ли бы он — «люблю эту курноску»?! Нельзя же видеть воскресенья в жертвоприношениях Нехлюдова, как бы велики они ни были, в его хлопотах об оправдании невинно осужденной и т. п.

* * *

Ключ к вопросу о супраморализме и имморализме как коренному вопросу нашего времени безусловного отрицания, требующего, может быть, даже жаждущего чего-либо положительного¹²¹

Объединение на не-думание и не-делание, или бесцельное объединение, могло бы быть простою *нетовщиною*, но в действительности оно оказывается «*злою нетовщиною*», ибо не только заповедовало «не учись», переносило забастовку в мир знания, искусства и религии, было и наукоборством, и религиоборством. Достаточно указать на две заповеди, которые «Искусство» Толстого должно укоренить в роде человеческом. Благоговение к жизни животных и благоговение лишь к достоинству человеческого, которое и состоит в жертвовании своею жизнью жизни животных¹²², и все это как заповедь: «не плати податей» и подобные, прикрытые маской непротивления и *высшего блага*, которое состоит в *небытии*, т. е. отсутствии блага... (Все статьи и заметки о Толстом должны быть соединены под заглавием «Злая нетовщина Яснополянского лицемера».)

Второй вопрос. Объединение в общей думе и общем деле, естественном деле и думе, ставящем себе цель, как первое проявление сознательного существования, ибо сама природа, почувствовав в сынах и дочерях боль утраты отцов и матерей, а в братьях и сестрах — боль розни и сознав тот самообман, посредством которого слепым рождением сынов заменяется воскрешение для бессмертия отцов, расширяющее сознание, она, природа, и дает себе Цель: Объединение для воскрешения.

Из второго вопроса возникают многие вопросы: вопрос о начинателе и руководителе дела объединения или умиротворения, о центрах объединения, о средствах объединения. Ключом к этим вопросам — то определение, которое дает себе разумное существо.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. ТОЛСТОГО: «НЕ УБИЙ»¹²³

Есть ли История — истребление, или История войн,
<т. е.> убийств со стороны властителей?

В противоположность прокламации Толстого, мы должны признать убийство виною, грехом не других только, а самих себя, т. е. всеобщим, наследственным грехом, и всем в совокупности, в союзе, притом всеми своими силами и способностями, <надлежит> искупить грех — убийство — противоположную ему добродетелью.

Начало этому искуплению положено уже много веков тому назад, и до сих пор <оно> не подвинулось ни на один шаг, даже соединения для этого не совершилось, потому что и знание, и искусство человеческое и все силы их употребляются не для того, чтобы снять с себя тяжесть греха лишения жизни всех умерших поколений. Живем мы или для себя, или для других, для разных мелких дел, а не все в совокупности, все живущие, все сыны для одного всеобщего дела, которое только и может возратить ценность и обанкротившейся науке, и утратившему ценность искусству. Только когда наука станет знанием всех разумных существ, всех сынов умерших отцов, имея своим предметом самую силу рождающую и умерщвляющую, и Искусство также всех <будет> пользоваться этою силою, чтобы созидать не мертвые подобию, а действительное воссозидание и оживление, <только тогда> эти Сверхнаука и Сверх-Искусство будут исполнительницами требований Супраморализма. Только наглость никогда не думавших об этих вопросах может говорить о невозможности этого единственного средства искупления всеобщего греха.

Итак, что значит толстовское — «Не убий»? Не признавая жестокости в действиях анархистов, а жертвы этих убийств находя *заслужившими* такую участь, даже еще худшую, согласно арифметическому расчету, как убийц тысяч и миллионов¹²⁴, Толстой забывает о происхождении у нас власти Царской, власти карать и миловать. Толстой умалчивает о Владимире, который боялся казнить разбойников, о другом Владимире, который детям [завещал] не казнить неправого¹²⁵. Тишайший из тишайших юноша Михаил, нельзя сказать, чтобы он был выбран, ибо выбора он не принял, а был *принужден* народом принять власть над страной разграбленную, разоренную, царством разрушенным, <и> с опасностью для жизни родного отца¹²⁶. — Толстой в своей прокламации, не говоря об искусственном происхождении государства, указывает на искусственный способ <его> уничтожения, призывая чиновников, служащих отказаться от службы, народ отказаться от платы податей и отправления воинской повинности, — <и> все это называется *непротивлением*.

Этими заповедями *непротивления* (присоединяя к ним «не клянись») — Толстой, этот бывший рабовладелец, думает разрушить государство. Присвоивая

себе папскую власть, запрещающую давать клятвенное обещание повиновения власти, он даже разрешает от клятвы, говоря от имени Христа: «Не клянись». Затем, делая себя единственным представителем всего народа, этот самозванный депутат народа отказывает власти в праве сбора податей и набора войска, хотя <сам> народ принудил принять такую власть родоначальника царей русских. Наконец, ставя себя выше царской и конституционной власти, Толстой, говоря, или предписывая, — «Не судись», уничтожает судебную власть.

Конечно, Толстой не так глуп, чтобы думать, что его слово заставит всех отказаться от присяги, от платы податей, от всякой службы; но часть может принять его учение и действовать насилем на не признающих толстовского учения, т. е. произойдет усобица, резня, чего, конечно, и желает Толстой. Супраморализм <же> и супралегальность, как истинное христианство, предлагает к обязательным службе и налогу присоединить добровольные.

Нужно сопоставить с народным воззрением, так же, как и с Евангельским пониманием «Не убий», толстовское учение, чтобы понять всю его мерзость и гнусность. Мы все, осужденные взаимно истреблять друг друга, должны быть названы, по выражению русского народа, *несчастными*, а не *преступниками*. Несчастнее же всех из нас *Цари*, осужденные разбирать наши дразги, осужденные карать, но и *миловать*, но о последнем Толстой умалчивает, — а потому <и> не могут быть названы, по выражению злого и испорченного ребенка Толстого, убийцами. Точнее — по тому же народному воззрению — мы должны быть названы несовершеннолетними, Цари — дядьками, хотя в том же возрасте находящимися. Война, по такому воззрению русского народа, который разбой называет *шалостями*, будет шалостью, а потому только озлобленный, завистливый генерал (генерал от литературы¹²⁷, завидующий военным генералам) мог сказать, <что> заведывание войском есть «скверное и постыдное дело приготовления к убийствам»¹²⁸.

Конечно, и война, и суд — зло, но зло взаимное, произведение народов и царей, но гораздо более дело народов, чем Царей. Но называя войну и суд убийством, Толстой не говорит о причинах этого и <о> средствах освобождения от этого зла, кроме, конечно, гипноза и разгипнотизирования¹²⁹.

Сварливость испорченного ребенка, одержимого духом разрушения, ясно видна из следующих фактов. Осмотрев выставку, Толстой сказал: «Динамитцу бы», — хотя эта промышленно-художественная <выставка> есть собрание игрушек, но очень даровитого, многообещающего ребенка. В Библиотеке сказал: «*Сжечь бы все эти книги*», — хотя сам пользовался ими и, конечно, с преимуществом пред всеми другими читателями.

Больше всего Толстой ненавидит родину (Россию), столько же славян, несколько менее немцев и другие народы, кроме евреев, к коим, как врагам России, он *выказывает* любовь, которой в нем нет ни малейшего следа. Еще менее — животных, поставляя «в благоговении к жизни животных» достоинство человека. Только к безжизненной слепой силе Толстой не питает ненависти. Ко всему умному, ученому он относится с дьявольской ненавистью и прославляет юродивых идиотов вроде «Таё»¹³⁰. Почитает он только «ничто», считая не-бытие — благом, упрекая (как Шопенгауэр, Гартман) тех, которые видят зло в уничтожении. Если бы нужно было изобразить Толстого по Ви-

зантийскому способу, изображая в лоне или недре <его> то, что наиболее ему дорого, подобно тому как Сына Человеческого и Божия изображаем, помещая в Его лоне Бога отцов, — что <дóлжно> поместить в недре проповедника злой нетовщины?

Революцию или *revolt*¹³¹, т. е. резню имеет целью произвести прокламация Толстого под видом пробуждения от гипноза, прокламация последнего эпигона революционной эпохи, стоящего во главе всех чающих взрыва? Позволяем себе из толстовской прокламации сделать вопрос и противопоставить ему другой:

Взаимное истребление людьми друг друга и убийства власть имущих есть ли произведение гипноза каких-то злых колдунов, от которых может избавить нас всех добрый колдун Толстой своею прокламациею 8 августа?

Или же:

Мы все — как орудия слепой естественной силы, — взаимно истребляя друг друга, гипнозом оправдываться не можем, а должны объединиться против неразумной силы природы для обращения ее в управляемую разумом, и Циркуляр 12 августа не мог ли бы быть началом этого объединения, если бы он не был искажен юристами?

Первый вопрос — вопрос, конечно, <только> для нас, для приверженцев же Толстого — изречение Оракула, произнесенное в Ясной Поляне и обнародованное в Лондоне для распространения во всем мире и особенно в дорогом отечестве, в ненависти к которому Толстой не раз открыто высказывался. Это магическое слово «*Не убий*», поведенное миру 8 августа 1900 года, назначено, по словам Толстого, пробудить мир от гипноза и водворить мир, — вот заключение этого призыва, начатого, как всегда делает наш фарисей, множеством эпитафов из Библии, из Евангелия. Даже самое заглавие < («*Не убий*») > почерпает наш архилицемер из того же священного источника*. Относительно 2-го эпитафа, что ученик не выше своего учителя¹³³, можно сказать, что это изречение не касается русских студентов и гимназистов, которые, конечно, выше своих профессоров и учителей. Но это было сказано Толстым в 1900 году. В 1901 г., став во главу студентов¹³⁴, этот наукоборец отверг бы этот текст.

«Так что не убивать надо Александров, Карно¹³⁵ и др., а надо разьяснить им то, что они сами убийцы» (это <разьяснить> тому Александру, которого народ принудил к войне, столь ему нежеланной, даже ненавистной ему, — что, конечно, известно бесстыдному лгуну Толстому), «не позволять им убивать людей» (<непозволяющим> прежде, конечно, нужно самим не убивать; сказать царям, чтобы они не убивали, может только тот, *кто сам без греха*, не только неповинен руками, но и *чист сердцем*¹³⁶), «отказываться убивать по их приказанию», т. е. не воевать, что и хотел сделать Николай II, за что и был обруган Толстым. Надо напомнить Толстому, что ему предлагался способ, никого не обвиняя, никому не вредя, обратить орудия истребления в орудия спасения от неурожаев и других бедствий. В письме своем на категорический вопрос: бросить ли надо оружие или употребить его на спасение

* Даже самый фарисейский «Листок „Свободного слова“»¹³² носит на челе своем изречение «Не в силе Бог, а в правде».

от голода, — на этот существенный <вопрос>, с которым к нему обратились, Толстой промолчал, хотя согласился, <что> предлагаемый способ <обращения оружия на спасение> возможен¹³⁷. Этим молчанием он убедил нас окончательно, что вовсе не жизнь человека ему дорога. Что бы он стал делать тогда со своим гипнозом, чем бы он стал мстить своим врагам?

«Если люди еще не поступают так, — продолжает Толстой, — то происходит это только из того гипноза, в котором правительства из чувства самосохранения старательно держат их». (Как же это мы, загипнотизированные, не чувствуем на себе этого влияния и можем обсуждать вопрос об убийствах?) «А потому содействовать тому, чтобы люди перестали убивать и королей, и друг друга, можно не убийствами — убийства, напротив, усиливают гипноз, — а пробуждением от него». Как это «убийства усиливают гипноз»?!. Не значит ли это простые вещи объяснять мудреными, непостижимыми! Не значит <ли> это дурачить всех или гипнотизировать? «Это самое я, — заканчивает Толстой, — и пытаюсь делать этой заметкой». Таким скромным именем называет Толстой свою прокламацию, которая под видом «Не убий» возбуждает к убийству, а под видом оправдания обвиняет <убиваемых>, выставляет <их> в таком виде, что они не могут не возбуждать ненависти, которая должна проявиться в убийствах.

Если проект умиротворения, представленный Толстым в его прокламации в немногих словах, но дышащих безумною злобою, перевести с его дьявольского языка на человеческий, то выражение «разъяснять царям, что они сами убийцы» <будет> значить, что они имеют войско, судей, администрацию или полицию; выражение «а главное, отказываться убивать по их приказанию» <значит> — нужно <отказываться> от воинской повинности, и «не позволять им убивать» <значит> уничтожить войско, суд, словом, уничтожить государство, ничем его не заменяя. Такое сопротивление и восстание против власти Толстой называет непротивлением. До такого бесстыдного лицемерия, насмешки над смыслом, конечно, еще никто никогда не доходил. Найдется ли хотя один настолько бесстыдный человек — кроме студентов или гимназистов, — который скажет, что Царь может все эти веками созданные учреждения, имеющие корни свои в слепой силе природы, уничтожить в один миг, как требует колдун, гипнотизер Толстой.

Сокрушаясь о малом числе убитых королей, президентов и др. сравнительно с убиваемыми на войнах во всем мире, Толстой вменяет <возбуждение войн> властителям и таким образом делает их убийцами тысяч, миллионов людей. Хотя он сам не верит в это, но знает, что такую ложью, таким словесным приемом можно возбудить негодование у малоумных и полуумных и премногоумных студентов, ветеринаров и т. п. Нельзя не удивляться гражданскому мужеству Л. Н. Толстого, разумея, конечно, под гражданским мужеством проявление храбрости там, где нет никакой опасности.

Толстой говорит, что ему понятны чувства убийц Гумберта и др., вызванные страданиями порабощенного народа, он не понимает только побуждений тех добровольцев, которые шли умирать в Сербию; не понимает побуждений, которые вызвали войну 1877-78 гг., не понимает Плевненское побоище*. Уж, конечно, никто не скажет, чтобы пером Толстого руководила истина и желание добра.

* [Эту войну] менее всех желал тот, кого Толстой винит за плевненских мертвых.

Раз мы ему лично доложили, что видим в его публицистических сочинениях одно только желание зла¹³⁸. Этот доклад почтительный он принял за брань, за поругание, поношение, гонения, и очень радовался и веселился, сам причисляя себя к лику мучеников.

Говоря об убийстве в ветхозаветном смысле, Толстой забывает об убийстве в новозаветном смысле, о котором говорится в Нагорной проповеди, особенно им превозносимой. В этом смысле, в самом глубоком смысле, все вредящие словом и делом суть убийцы, но убийцы не в одинаковой [степени].¹³⁹

Что почувствуете <вы> к людям, о которых вам говорят, что «все воспитание их, все занятия, все сосредоточено на одном: на изучении *прежних* убийств» (т. е. Истории, но История не была бы истинною, была бы ложью, если бы скрывала эти убийства), «наилучших способов убийств в наше время, наилучших *приготовлений* к убийствам. С детских лет они учатся убийству во всех возможных формах, всегда носят при себе орудия убийств»¹⁴⁰. — Орудием убийства может быть и язык, который Толстой всегда носит с собою, и до сих пор еще не было изобретено орудия более истребительного, чем язык. К каким самоубийствам и убийствам не приводил он!

Конечно, Толстой хорошо знает, что власть есть сдерживающая сила, и что как бы властители ни злоупотребляли своею властью, тем не менее устранение этой власти произвело бы в миллионы раз больше зла.

Сравните Циркуляр 12 августа Николая II-го и прокламацию Толстого 8 августа и увидите, что циркуляр произошел из детского чистого чувства (детским его называет и сам Толстой) и потому уже лживым быть не может¹⁴¹; и если его нельзя назвать глубокомысленным, то только потому, что <в нем> есть подражание Толстому и г-же Суттнер¹⁴². Тогда как прокламация <Толстого> уже, конечно, не из детского чувства вытекла. Назвать прокламацию Толстого детскою значило бы осквернить святое слово *дитя*. Прокламацию Толстого должно бы назвать ребяческою глупостью, если бы она не была лицемерно-лживою.

Читая прокламацию этого фарисея, обвиняющего царей в спеси, можно подумать, что <сам Толстой> родился в вертепе, что ясли были его колыбелью, что он не имел всю жизнь, где главы преклонить. Этот человек, надевший поношенный полушубок, смеет упрекать кого-либо в роскоши! Ему ли завидовать тем, кои окружены атмосферою лжи и подобострастия! И более умная и честная голова, чем у Толстого, не устояла бы против расточаемой ему лести. Но аппетит к лести растет вместе с ее увеличением. Судя по прокламации, можно подумать, что кроме унижения, поношения, поругания Толстой ничего не видал, с такою озлобленною завистью он говорит о восторженных приветствиях Царям. Разумный человек, очутившийся на месте Толстого, конечно, старался бы избегать этих оваций, а он, как известно, ищет их. Надо ожидать, что Чертков назначит большую премию, или все свое богатство обратит в премию, тому, кто напишет [1 слово неразб.] панегирик Толстому. Мы знаем, как хвалы, расточаемые Скобелеву¹⁴³, возмущали этого завистника, любителя лести, который всякую похвалу другому, а не ему и его приверженцам принимает за оскорбление*. Кто не за него, тот против него, — что мы видели и испытывали на себе и не раз.

* Н. Ф. Федоров рассказывал, что во время войны 1877–78 г., когда слава Скобелева дошла до апогея, Берс¹⁴⁴, брат Софьи Андреевны Толстой, приходя в Румянцевский музей, говорил по поводу восторгов, высказывавшихся тогда Скобелеву, — «а в Ясной Поляне теперь *шипят*». (Примеч. Н. П. Петерсона.)

Вы несомненно больше, чем Голиаф, и я несомненно несравненно меньше, чем Давид, но во имя Троидного Бога дерзаю восстать против Вас. Но во имя Троидного возможна не борьба, а умиротворение¹⁴⁵.

Помеченное 4-м апреля произведение бездушного хулителя, было ли оно писано в великие дни страдания Христа или в светлые дни Воскресения (столь ненавистного Толстому), одинаково доказывает, насколько он чужд народу и земле русской и как страшно неверно название этого озлобленного иностранца, пишущего о России, писателем, да еще великим, русской земли. Наша литература, делавшаяся с Петра Великого (и даже прежде) более и более Rossik'ою, т. е. сочинениями иностранцев о России, достигла в Толстом наибольшей ненависти, которая не пропустила ни одной слабости, ни самого малого недостатка, даже преувеличив их. Наша Литература — бич России. Не было ни одного иностранца, который бы питал такую злобу к России, как Толстой. Но с наибольшею злобою в России он относится к Православию*, и особенно к Православию Пасхальных дней. Итак, и Страстная служба, и Пасхальная — Колдовство? Тут нужно поставить ни знак вопроса, ни знак изумления и удивления, а особый знак, знак ужаса, которого нет, кажется, ни в какой Грамматике, потому что она не предвидела — надо сознаться в справедливости выражения — дьявола в человеческом образе¹⁴⁶. Говоря, что Христос выбросил бы антиминос, следовательно, и плащаницу, он открывает нам свою душу, показывает, какая злоба кипела в ней при виде антиминосов и всего подобного им.

Мы сами были свидетелем, какой он мастер вызывать слезы на своих глазах и как искусно он умеет обращать внимание на эти слезы, тогда как другие стараются их скрыть. Приближаясь к нему, уже чувствуется холодное бездушие. Он совершенно неспособен к состраданию**. По его собственным словам, он видел все службы¹⁴⁸, следовательно, и Страстных и Светлых <дней>, и ничего не почувствовал, хотя служба Страстной недели вся состоит из чтения Евангелия, на часах, на утрени, на вечерни, 12 Евангелий на утрени Великого Пятка, 4 на часах и одно на вечерни, занимая чуть не половину этой вечерни.

* Евгений Львович Марков, известный литератор и публицист второй половины XIX века, рассказывал мне, что один из протестантствующих сектантов Воронежской губернии с рекомендательным письмом Маркова был в Москве у Толстого; они ходили по Москве, и когда случайно встретили икону Иверской Божией Матери в карете, Толстой, указывая на икону, сказал — «она презлая». Так рассказывал Маркову, возвратившись от Толстого, сектант, икон не чтущий, с большим осуждением Толстому. (Примеч. Н. П. Петерсона.)

** Вспомним собственный рассказ Л. Н. Толстого — рассказ покаянный — о том, как Татьяна Александровна Ергольская, заменившая ему мать и вскоре после его женитьбы на Софье Андреевне умершая, перед смертью просила перевести ее из комнаты, в которой прожила многие годы, в другую, гораздо худшую, потому что, если она умрет в хорошей комнате, то воспоминание о смерти долго будет мешать им занимать эту комнату. И Лев Николаевич перевел свою, можно сказать, приемную мать незадолго до ее смерти из хорошей комнаты в плохую. Если в Т. А. Ергольской говорила любовь к своему приемному сыну, когда она просила перевести ее из хорошей в плохую комнату, то какое поразительное равнодушие надо было иметь, чтобы согласиться на эту просьбу! (Примеч. Н. П. Петерсона.)¹⁴⁷

Рубинштейн, который в своей опере «Христос» театр превращает в храм¹⁴⁹, так прочувствовал, так передал Страдания, изображенные в Евангелии, что, по свидетельству Баскина, весь зал рыдал¹⁵⁰. Г-жа Гончарова говорит, что впечатление от драмы (Страстей) в Обераммергау получается потрясающее и оно во всю жизнь не изгладится. Напротив, с течением времени оно усиливается, становится цельнее. Все лишнее изглаживается из памяти; укладываются там лишь сцены, центром которых является Христос, происходящие по Евангелию и так хорошо с детства знакомые каждому. «За мной целая скамья была занята простым народом; они шопотом делились своими впечатлениями, изливавшимися из глубины их простых сердец, потрясенных страданиями Христа... Им стала понятна заповедь любви до самоотвержения, наглядно представленная на *Тайной Вечери* и на Голгофе. Здесь они поняли душой Евангельские истины добра и зла и не скоро забудут их. Да не одни простые люди, много образованных * плакали, как дети»¹⁵¹.

* * *

Письмо к Синоду, можно сказать, ничего не говорит о Православии, но очень много сообщает о самом Толстом и должно быть названо: «*Что такое Я*»¹⁵².

То, чего мы ожидали в не очень еще близком будущем, и только у таких высоко цивилизованных животных, каковы, напр<имер>, американцы, именно уничтожение даже гражданского погребенья, отождествление его с вывозом всяких нечистот, в этом отношении Толстой оказывается действительно человеком XX-го, даже м<ожет> б<ыть> конца XX-го века **, когда прогресс личности достигнет последней степени совершенства, т. е. когда каждый, признавая существование лишь себя, <будет> отрицать существование всех других, признавать <других> не в качестве личности, а лишь в качестве вещей, которые при обветшании их должны будут бросать<ся> и удаляться от глаз, чтобы не возбуждать <в> живущих аналогического представления (вывода) относительно самих себя. Согласно с прогрессом погребения произойдет великое преуспеяние в устранении рождений. Признающие лишь существование самих себя, конечно, не будут давать, т. е. отдавать жизнь детям, и сим последним не придется жаловаться на то, что им дали жизнь, не испросив на то их разрешения. Рождение, связанное с болезнью, с трудом питания и воспитания, с старением, будет устранено легчайшими способами, и все силы будут направлены исключительно на брачные без рождения наслаждения, и жизнь личная достигла бы, если не до *infini*, то до *indéfini*, как это еще провидел пророк XVIII века Кондорсе¹⁵³. Вместе с расширением половой любви, взаимной любви мужчин и женщин, когда такая любовь достигнет высшей степени, и взаимная ненависть <однополых> друг к другу достигнет также совершенства. Между одноименными будут столкновения, а между разноименными (мужчины и женщины) будет наибольшее сближение. Если <спа-

* т. е. не совершенно <еще> оупевших.

** Клевета этого хулителя доходит до того, что и он считает <других> подобным<и> себе, который выбрасывает останки человеческие, т. е. антиминсы.

ривание» приведет <к> сближению до безразличия, то <ненависть однополых» приведет к отчуждению до истребления. Таков Идеал — Цивилизации и прогресса.

Многогранный художник и ремесленник и совершенно бесталанный философ, <Толстой» не подлежит вменению. Тем не менее тот, кто, по свидетельству самого Толстого, назвал его дьяволом в человеческом образе, был недалек от истины, той истины, которою Толстой заменил христианство. Призывающий Россию к неплатежу податей обвиняет в подстрекательстве синодальное определение, отличающееся неизвинимою мягкостью. Он сам недоволен этою мягкостью¹⁵⁴. Ему очень бы хотелось поруганий, поношений, что придало <бы> ему ореол мученика, а он так жаждет дешевой ценою приобретенного мученичества! Известно, что про человека, сказавшего ему, что он желает и делает лишь зло, Толстой жаловался, что тот его будто бы ругал¹⁵⁵, а он (Толстой) смиренно принял это поругание, поношение, всяк зол глагол.

По собственному свидетельству, «от Бога исшедший и к Богу идущий»¹⁵⁶ завещает человеку *не-делание*, т. е. *освобождение* от всякой работы и особенно умственной, обезглавление человека; рабочий день низводит от 8-и часов до 0, а 16-и часовую праздность доводит до 24-х часов. Всех сделать невеждами, закрыть все пути к знанию! Враг Науки и Искусства, он на деле выказывает глубокое уважение к художественной промышленности или ремеслу. Сапоги его работы Фет хранил как изящное произведение¹⁵⁷. Это произведение было прямым ответом на вопрос Д. Писарева «Шекспир или сапог?», — ответ самим делом.

* * *

[начало не сохранилось]

...не давать этих игрушечек, этих кружочков, по его выражению. Нельзя не спросить при этом, почему он, считая себя поклонником Христа, запрещает отдавать эти кружочки тому, чей они носят образ¹⁵⁸. Почему он, превозносящий Нагорную проповедь, не скажет согласно с духом этой проповеди: когда у тебя просят рубль, дай два рубля, т. е. кружочка. Почему яснополянский фарисей не дал прямого ответа на вопрос: что лучше, бросить оружие или употребить его на спасение от неурожая. В письме Толстой признал возможность действия на атмосферу, а в разговоре с некоторыми лицами называет фантазиею указанный ему способ спасения от неурожая. Однако эта фантазия продолжает разрабатываться [1 слово неразб.] проект Станоевича, вопреки его не фантастических заповедей. Австралия вводит воинскую повинность, Америка воюет и Англия, несмотря на то, что он строго-настрога приказал не воевать.

Этот барич, никогда никаких нужд не испытывший, обладатель двух дворцов в своей резиденции, говорит, что *только* животные имеют дома! Это бесстыдное толкование того места Евангелия, где Христос говорит, что и лисы имеют норы, а Сын Человеческий не имеет где главы преклонить¹⁵⁹.

Бывший рабовладелец, а ныне обладатель тысяч десятин, проповедует народу о трехаршинном наделе землей!

Лицемерие достигает самой высшей степени, когда он заповедь «не плати податей», «не клянись» называет непротивлением злу, а особенно в его истинно дьявольских прокламациях, где он, стараясь всеми способами *возбудить страсть* к убийству, говорит, что убивать не должно, — так говорят читавшие эти прокламации, и конечно, все убийства нынешних времен, Австрии императрицы, короля Италии, президента Америки¹⁶⁰ должны лежать на совести Л. Н. Толстого.

Все отрицательные заповеди сходятся в учении о не-думании и неделании, проявление которых находит свое выражение в частных забастовках в университетах¹⁶¹. Но чтобы учение о не-думании — отрицании разума нашло себе полное выражение, нужна Универсальная забастовка, которая обняла бы все университеты, академии, все школы, Музеи, которые он ставит [ниже] кабаков. Эта колоссальная забастовка и была бы венцом лицемерного объединения.

Осмотрев Промышленно-художественную выставку, это собрание игрушек для несовершеннолетних, он пожелал создателям ее не выхода к совершеннолетию, а только уничтожения, восклицая: «динамитцу, динамитцу!», а затем, будучи в библиотеке, пожелал ей быть сожженной. Итак, не учись, не служи, не плати податей, жги, разрушай все вещественное, и умственное, и художественное. Под «не воюй» разумеется обращение внешней войны во внутреннюю, возбуждая всеми художественными средствами к убийству, прикрываясь лицемерно словом иудейским: «не достоин нам никого убить»¹⁶².

* * *

[начало не сохранилось]

[про]грессом, т. е. признанием превосходства младших над старшими, последующих над предыдущими¹⁶³. Толстой — этот потомок по прямой линии Хама, признающий только внешнее, охотно отдает предыдущих в жертву последующих. Осуждая, или не одобряя чувства предыдущих, т. е. отцов, к сынам, он совершенно не признает сострадания в последующих к отцам. Когда он, не видев детей в течение целого месяца, почувствовал радость при свидании с ними, то каялся в ней, осудил в себе ее как слабость.

Если бы рожденные почувствовали, что рождающие, давая им жизнь, сами теряют ее, свою жизнь, то *что* они признали бы своим делом, своею обязанностью? Когда рожденные, достигши полноты роста, чувствуют в себе избыток сил в то самое время, когда у их родителей оказывается недостаток <сил>, то вышесказанный вопрос об их обязанности к родителям требует решения. Не задавая себе этого вопроса, как и все животные, подчиняясь слепой силе, чувственному влечению, заменяя братский союз для возвращения жизни отцам брачным сочетанием, человек повторяет в сокращенном виде мировой процесс жизни и всей Истории, совершенно не сознавая происходящего в них, <не сознавая того, что происходит> в брачной чете.

Толстой признавал неестественность брака для человека, но отрицая его, он ничего не ставил на его место. Конечно, воздержанием от сочетания и рождения не сохранить жизни. Нужно познание и управление процессом жиз-

ни, чтобы начать дело возвращения жизни отцам, т. е. воскрешение всеобщее — это и будет Царство Божие, новое небо и новая земля.

В довольно близком к этому изложению виде Толстому известно было это учение о воскрешении. В беседе с Троицким, профес<сором> психологии, и другими членами Психологического общества Толстой даже излагал это учение, конечно, в смешном виде, предлагая автора этой теории избрать членом Психологического общества. Так Троицкий передавал этот разговор Буслаеву¹⁶⁴. Даже на обычное возражение, как же уместятся на земле воскрешенные поколения, Толстой, по словам Троицкого, отвечал, конечно, с улыбкою, что и это предусмотрено: Царство знания и управления не ограничено землею. Таким или чем-нибудь подобным отвечал Толстой, вызвав неудержимый смех всех присутствующих. Конечно, Толстой не настолько знал это учение, чтобы не смешивать с другими, ничего общего с ним не имеющими. Так, прислал он однажды некоего (кажется) Никифорова, мужа Засулич. Никифоров на основании известного статистического вывода об увеличении средней продолжительности жизни делал заключение к бессмертию¹⁶⁵, конечно, для будущих поколений, что прямо противоположно учению об обращении слепой, рожд<ающей> и умерщ<вляющей> силы в управляемую разумом, т. е. в воссозидающую и оживляющую все *прошедшие* поколения. Хотя объединение есть необходимое условие исполнения долга сыновнего, долга сынов умерших отцов, но следующая фраза Толстого, о которой он говорил, что *она должна очень понравиться* признающим вообще общее дело рода человеческого: «Давайте мы, по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански, налегнем народом, не поднимем ли? Дружной, *братцы*, разом»¹⁶⁶, — эта фраза понравиться признающим общее дело не могла, и в этом, конечно, Толстой ошибался. Объединение на одно мгновение вовсе не подходит к соединению всех способностей всех людей или <к> объединению в труде познания слепой силы природы. Это объединение в чувстве глубоко различается от построения храмов в один день, в определенный период времени.

«РЕЗЮМЕ» ФИЛОСОФИИ Л. ТОЛСТОГО¹⁶⁷

У московских купчих по самую смерть пользовался славою пророка Иван Яковлевич, описанный у Прыжова в числе многих московских дураков и дур¹⁶⁸. Но и интеллигенты нуждаются в пророках, хотя бы эти пророки, как Толстой, давали лишь отрицательные ответы: студенту говорит он «*не учись*», чиновнику — «*не служи*», призываемому к воинской повинности — «*откажись*». «*Не плати податей!*» — говорит податным. Для Выставки — «динамитцу!»; Музеи <и библиотеки> нужно <бы> сжечь. Храмы и Музеи — «хуже кабаков!». *Не жить ни с кем, ни для кого* — вот высшая цель, воля Бога, т. е. самого Толстого. Жить не для себя лучше жизни для себя, что означает: лишиться себя жизни. Лучше всего *совсем не жить*. Это безусловная нирвана, нигилизм, самая злая нетовщина.

Издеваясь над здравым смыслом, все это <он> называет *непротивлением злу*. Эти частные советы он возвел в общий, верховный закон, во всеобщий

принцип, конечно, высшего «Безумия» под названием *не-думания* и *не-делания*. Сам того не сознавая, <он> составляет полную противоположность *Панлогизму*, *Пангегелизму*. <Эта> Философия «Безумия» есть порождение «века бездушия», века капитализма <и> индустриализма. Верный своей отрицательной философии, Толстой, осмотрев промышленно-художественную выставку, произнес: «Динамитцу бы!» В библиотеке Румянцевского Музея он сказал: «*сжечь бы все эти книги!*»

Рабы Толстого, конечно, усмотрят во <всем> этом <проявления> глубины чувства, <благородного> негодования и т. п.... Но как [они] назовут нашу критику чистого (теоретического) безумия, не-думания, и критику безумия практического (неделания)*. <Критикой> Зоила или Менцеля?¹⁶⁹ О, нет! слишком много чести! Не <критикой ли> Терсита? нет! еще хуже — лакея, для коего и Толстой даже не великий человек, конечно, не потому, чтобы Толстой не был великим человеком, а потому, что лакей всегда остается *лакеем*.

Задача всех сделать познающими и все сделать предметом знания и дела, т. е. всех объединить в действии, чтобы все рождающее и потому умерщвляющее стало делом воссозидания. Это и будет все-думанием и все-деланием.

...Лишь только было это написано, получилось известие о безнадежном <(по болезни)> положении Л. Н. Толстого¹⁷⁰, и тотчас лицо его для нас преобразилось и заставило искать в нем только хорошее.

* * *

Мне пришлось быть очевидцем превращения знаменитого художника в плохого философа, или, вернее, моралиста, который сам не мог себе дать отчета в том, чего он хотел¹⁷¹. Крайний индивидуалист, он не терпел даже такого общества или общения, в котором не было бы ни малейшего принуждения. Раз, возвращаясь с лекции Миклухо-Маклая, он с восторгом говорил о дикарях, у коих каждый имеет свой, *исключительно ему одному* принадлежащий *шалаш*, где он может забыть о существовании ему подобных¹⁷². Даже учение о Троице в смысле такого общения, при коем единство делается не стеснением, а даже расширением жизни личности, а самостоятельность личностей не ведет к розни, — <даже> такое учение ему показалось очень антипатичным, может быть, потому, что в таком смысле оно имело значительное преимущество пред исключительным монотеизмом. Толстой очень много и долго говорил против такого учения о Троице, хотя ничего дельного не сказал, а затем разразился стихами:

«Трое вас,
Трое нас,
Помилуй нас!»

Читал он о Психократии, как приложении Психологии, <о Психократии,> открывающей души, делающей их видимыми (лицезрение превращающей в душезрение) и, на основании такого знания, сближающей людей, сози-

* Все ученые, т. е. люди, обреченные на бездействие, считают не-делание добродетелью, и самую трудную добродетелью немногих избранных.

дающей общество, — но ничего не говорил по этому поводу. Толстой *собирал подписку* для одного молоканина¹⁷³, чтобы обеспечить ему содержание на целый год, в который он мог бы заняться опровержением учения о Троице, и я — читатель Св. Троицы в смысле образца единодушия, совершеннейшего общества, объединения для воскрешения, — подписал, твердо уверенный в непоколебимости этого *догмата-заповеди*. (Это было в 1882 или 1883 г.)^{*} Не знаю, набрал ли Толстой подпискою такую сумму, какую желал иметь молоканин (60 рублей); не знаю, что последовало из этой подписки, написан ли или нет <трактат> этого врага Троицы...

* * *

В конце сентября 1881 познакомился с Толстым, слушал чтение его «Евангелия»¹⁷⁵. У него сошелся и с Соловьевым. Осенью этого года происходила перепись Москвы¹⁷⁶, в которой принимал участие Толстой. В этот же год началось превращение Толстого, великого художника, в плохого философа. Тогда же было сообщено Соловьеву и Толстому и Страхову Предисловие. Оно было защищено ими против Страхова, которому очень не понравилось. В начале следующего года Соловьев читал самый проект воскрешения, мнение о котором высказано в письме от <12 января> 1882 г. ...

Я хорошо помню, что Соловьев в конце января, в двадцатых числах, отправился в восторженном состоянии. Накануне отъезда он читал первую лекцию, которую наметил было читать. И в самый день отъезда он был у меня на квартире и все <в> таком же восторженном состоянии, а возвратился потом очень унылым. Рассказывал, что по окончании лекции беседовал со студентами и заметил, что воскрешение не как идея, а как факт не воспринимается ими. В следующем году он стал католиком¹⁷⁷.

* * *

Автор статьи «Великий спор» предлагает Восточной Церкви подчиниться папскому авторитету и этим средством, нужно полагать, надеется положить конец спору, великому, как он называет его, на место того, чтобы сказать «чудовищному»¹⁷⁸. Очевидно, что автор смотрит на эту борьбу более с *эстетической* стороны, чем с *нравственной*. Ответ составителя примечаний тогда соответствовал бы предложению сочинителя статьи, если бы сам предлагал Вселенский Собор, как средство прекращения грандиозного спора¹⁷⁹. Но для философов, писателей *мысли* важнее *дел*. Если же мы взглянем на небольшой спор двух писателей с деловой стороны, со стороны дела, то увидим, что для защитника папского авторитета, передающего все дело в руки папы, и не остается никакого дела, пока оно не будет ему указано признанным им авторитетом. Для тех же, которые не слагают с себя обязанности действовать, признают соборное действие, предстоит заменить чудовищный спор *великим делом*, т. е. начать переговоры с своими собратиями, т. е. другими журналами по вопросу об общем деле и о необходимости

^{*} В этот же год 1882–1883 возник близ Генуи Заратуштра...¹⁷⁴

средоточия, объединяющего центра, т. е. Вселенского Собора, — прибавлять слово «постоянный» нет надобности, ибо в слове «вселенский» оно заключается. Вселенский Собор есть собор всех поколений: человечество всегда, а не по временам только должно действовать как один человек. Переговоры о соборе для самой журналистики есть вопрос о прекращении *анархии*, царствующей в ней самой. Журналы суть органы, посредством коих целые группы людей, народы, сословия и все специальности, как небратские состояния, могут вести переговоры, совещаться между собою *о своем объединении*, т. е. *о Вселенском Соборе*. К сожалению, журналы до сих пор были *органами спора, а не совещания*. И такое состояние кажется всем совершенно нормальным, и самый вопрос о соединении покажется диким, чуть не безнравственным. Нужен радикальный переворот в самых основных воззрениях, чтобы понять, что мы поставлены в такое положение, что безнравственность для нас обязательна. Только Общее дело нравственно; в общественном деле нельзя быть нравственным.

ПО ПОВОДУ СТАРАНИЙ СОЛОВЬЕВА О СОЕДИНЕНИИ С РИМОМ¹⁸⁰

«Кто говорит, что любит дальних и не любит близких, тот есть ложь». Так, полагаем, сказал бы Иоанн Богослов¹⁸¹, если бы в его время [не дописано.] Это не значит, что из любви к близким нужно ненавидеть дальних, как по месту, так и по времени.

«Зову властительные тени...»¹⁸² Этот новый зов, обращенный к Риму, к папам, напоминает старый зов к варягам. Вечная вражда, ненависть к своим есть источник того и другого. Вместо властительных теней не лучше ли бы было призвать Бога согласия и поклоняться ему не словом, а делом.

«Разделение церквей обусловливало собою и разрыв между жизнью Церкви и государства; ибо можно сказать с уверенностью, что если бы *христианское единение* не было нарушено в пределах самой Церкви... то она (Церковь) удержала бы и свой верховный авторитет над государством и обществом»¹⁸³. Но такое единство было бы господством, не имеющим ничего общего с христианским братством, хотя бы папство и не употребляло инквизиции для истребления ересей. Страх папского властолюбия превозмог страх мусульманского ига, и греки пожелали лучше быть под властью открытого господства, чем признать коварное единство, <ложное> братство.

«Единство церкви не упразднило антихристианских начал в жизни общества, но оно давало возможность постоянного и правильного противодействия этому злу, разделение же церкви подрывало у нее именно силу противодействия»¹⁸⁴. Но папство именно и не имело, а отвергало самое орудие братотворения — исследование причин небратского состояния, без которого <(т. е. исследования)> устроить братство невозможно, а исследование, отвергнутое церковью, делалось критикою и выражалось в ересях.

«В разделении Церквей мы видим главную опору всего антихристианского движения и важнейшее проявление антихристианской политики»¹⁸⁵. Разделение

* Но такого единения и не было в церкви.

и имело бы такое значение, если бы не только единство, не номинальное, конечно, существовало, и если бы даже было лишь стремление устроить братство, — но такую задачу не задавались ни западная, ни восточная Церкви, и надо сознаться, что такое стремление было только в ересях. Но ереси думали устроить братство искусственное, не обращая внимания на причины, которые обуславливают небратское состояние. Ереси же обращали главное внимание, исследование не на внутренние раздоры, которые были причиною власти, а на недостатки церковной и гражданской власти, которые были следствием этих раздоров.

О Риме прежде всего нужно сказать, что это центр искусственный, сила которого основывалась на раздорах окружающих народов (искусственный он потому, что противоположен внутренней природе человека). Орудие Рима есть внешний закон, нет надобности прибавлять «поддерживаемый военною силою», ибо в понятии внешнего закона заключается уже это определение. Апостол Павел в своем I-м послании, отвергая закон¹⁸⁶, отрицает значение Рима как христианского.

«Неужели судьба Православной Церкви должна быть навсегда связана с мнениями и деяниями этого чересчур тонкого политика?» (Фотия)^{*187}.

«Римские легаты торжественно положили в Софийском соборе отлучительную грамоту на Михаила Керуллария и сообщников его глупости»^{**188}.

«И если бы разделение церквей было дело справедливое и полезное (всегда и всеми считалось оно событием прискорбным), то личные недостатки его виновников не помешали бы церкви почтить их. Но ни патриарх Фотий, ни патриарх Михаил Керулларий, ни Никита Стифат и никто из подобных ревнителей не удостоился от Церкви почетного имени^{***}. Церковь молчаливо осудила их^{****}. Они дурные люди и совершили дурное дело^{*****}. И нам должно думать не о том, как бы защитить их дурное дело, а о том, как бы искупить его», т. е. призвать властительные тени! Дело идет не о примирении, а о подчинении. Автор — адвокат для западной, прокурор — для восточной Церкви, но не примиритель.

«Ничего от него, ничего к нему, такова Царская воля!..» — кричали монофизитские епископы¹⁹⁰. Требование не прибавлять ни одного слова к символу, ни убавлять исходило от еретиков, но само по себе оно не было еретическим. В нем, в этом требовании, заключалось желание прекратить споры, водворить мир, т. е. то, что было только в мысли, в метафизической формуле, как в учении о Троицизме, то самое осуществить в жизни, на деле, не спорить только о единстве, не противоречащем множеству, а воспроизвести его в братстве, в церкви.

Призыв пап, обращение в католицизм скрывает за собою подчинение России Польше.

* Сделавши выписку из опровергаемой статьи, Николай Федорович оставил здесь место для выражения, но не успел или забыл заполнить его. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

*** То же, что оговорено в предыдущем примечании. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

**** Если бы Соловьев сделал справку не в Календаре Гатцука, а в других, более серьезных изданиях, хотя <бы> в аггеологии Сергия, то не сказал <бы>, что Церковь не почтила Фотия¹⁸⁹.

***** Странное толкование молчания. Эти миллионы людей, которые не попали в святцы, нужно <значит> считать за осужденных?

Церковь промолчала, а автор?..

Со всеми фактами, приведенными в указанной статье, не только можно согласиться, но даже добавить их: например, на VII-м Вселенском Соборе представитель папы предлагает отлучение обставить особым обрядом, таким, как он и теперь у нас совершается. Но отлучение и показывает, что действительного единства не было в Церкви, ибо если бы в Церкви было чувство единства, то она, подвергая себя операции отсечения члена своего, сознавала бы себя калекою, а не ощущала бы радости и не называла бы «торжеством» самоокалечения¹⁹¹.

ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬЮ В. С. СОЛОВЬЕВА «ЕВРЕЙСТВО И ХРИСТИАНСКИЙ ВОПРОС»¹⁹²

Можно бы, конечно, не обращать внимания на воззрения, по которым предполагается русское духовенство подчинить папской власти, дворянство и чиновничество наше заменить польскою шляхтою, а городские классы России — евреями¹⁹³, если бы в самой жизни не совершалось нечто подобное. Католицизм, вытесняемый с Запада, силится проникнуть к нам и, пользуясь нашим невежеством, обратит нас в орудие для возвращения себе прежней власти на своей родине и находит у нас людей, которых иначе нельзя назвать, как жертвами обмана, усиливающимися дать этому стремлению католицизма что-то священное и идеальное. Эти люди, умышленно или неумышленно, не говорят, что под видом освобождения духовенства от светской власти¹⁹⁴ будет к нам внесена борьба этих двух сил, по меньшей мере бесплодная. Они не берут на себя труда объяснить, почему эта борьба, существовавшая всюду, у нас не будет иметь места? Какое право мы будем иметь отказать непогрешимому в учреждении инквизиции? Низойти до ответов на бесчисленное множество подобных вопросов для пророка папства, конечно, неудобно.

Точно так же нужно признать за явление <уже> совершающееся вытеснение русского чиновничества и дворянства польским и немецким. Если и справедливо, что дворянство русское «в своей рутинной оппозиции правительству, в своем отчуждении от народа не может служить посредствующим звеном между Царем и землею»¹⁹⁵, что оно (дворянство и чиновничество), как интеллигенция, значительно ниже и польской, и немецкой, то следует ли отсюда, что оно должно быть обречено на вымирание? На этом основании и весь русский народ должен быть осужден на смерть, как американские индейцы и австралийские дикари, с чем также примириться нельзя. Но в том и разница между пророком папским и христианским, что первый не только не делает никаких попыток к спасению своих близких, а даже прямо становится на сторону вытеснителей.

Допустим, что евреи лучше, чем их привыкли мы представлять, положим, что они одержимы «стремлением до крайних пределов реализовать и материализовать свою веру и свое чувство, дать им скорее плоть и кровь»¹⁹⁶ (такое стремление есть принадлежность вообще народа, противоположное же есть свойство философов), — но решиться без колебаний отдать им, евреям, на жертву русский народ значит не иметь и искры чувства. А между тем ев-

реи и без поощрения и идеализирования водворяются в наших городах и вытесняют аборигенов и начинают брать во владение наши села. Эти явления тем легче совершаются, что наша интеллигенция, западническая партия, поляков и евреев считает святынею.

Но папская проповедь не образумит ли ее, не произойдет ли в ней, вследствие этого, перемены? Пока польско-еврейское племя медленно и незаметно будет внедряться в русскую землю, до тех пор оно не будет обращать на себя должного внимания. Когда же эти два племени открыто заявят о своем притязании, когда под обращением в католицизм будет разумеется подчинение русского народа польскому дворянству и еврейскому мещанству, тогда надобно будет ожидать пробуждения даже у нас.

Заглавие статьи не выражает всего ее содержания: в ней заключается не только еврейство и христианский вопрос, а еще и поляки и русский вопрос, католицизм и вопрос о православии. «Больной человек» — не поляки, не евреи, не католики, а русские и православные. Болезнь же в том и заключается, что мы, подвергаясь влиянию поляков, немцев и евреев, обречены исчезнуть с лица земли. Были ли в нас какие-либо задатки, которые мы могли бы внести в мир, поставить вопрос о мире на иных основаниях, — мы не можем утверждать наверное, но несомненно можно сказать, что примирение, которое проповедают апостолы католицизма, есть примирение мнимое. Если бы Россия обратилась в католицизм и стала бы помогать папе в восстановлении «христианской государственности» на Западе, то, несомненно, Запад, видя в папе орудие России, отверг бы уже совершенно папство, или же, изгнав нашего папу, выбрал бы нового антипапу, и борьба между Западом и нами возгорелась бы с еще большею силою.

Дело в том, что вопрос о вражде Запада с Россиею, хотя бы и обращенною в польско-еврейское царство, и вообще вопрос о небратстве гораздо глубже, чем предполагают защитники папства, которые о мире и не думают, и даже не желают его. В чем <же> состоит великое, самобытное призвание России, если она отдается полякам, близким по крови, а по духу и культуре примыкающим к романо-германскому Западу?..

Наше призвание состоит в том, чтобы на место личной свободы, ограничивающей деятельность человека, поставить «службу», открывающую деятельности каждого обширное поприще, если только с обязательною службою будет связано всеобщее обязательное воспитание, не только приготавливающее к службе, но испытывающее, к чему каждый способен, в чем, на каком месте обязательной отеческой службы может проявить наибольшую деятельность.

Ошибка автора состоит в том, что он игнорирует знание: наука не призвана у него к деятельной роли в вопросе о примирении (и самого примирения он не признает, ибо папство и еврейство предназначаются к господству). Он ожидает таких явлений, для которых нет причин, и не допускает таких явлений, причины которых остаются в прежней силе. Почему папство не будет действовать по-папски? почему польское дворянство, гораздо больше чуждое народу, чем русское, сделается народным, а евреи откажутся от тысячелетних привычек и не будут действовать по-жидовски? Автор «Еврейства <и> христианского вопроса» усвоил себе, по-видимому, стремление евреев, осужденное Евангелием: он требует чуда.

* * *

Стихотворение «Из Лонгфелло», переведенное Соловьевым, помещенное в ноябрьской книжке «Русского Обозрения», писанное, вероятно, в начале октября¹⁹⁷:

Ах! Память все вернуть готова:
Места и лица, день и час, —
Одно лишь не вернется снова,
Одно, что дорого для нас.
Все внешнее опять пред нами;
Себя лишь нам не воскресить
И с обновленными струнами
Душевный строй не согласить.

Отчаяние язычника, для которого дорог только он сам:

Одно, что дорого для нас
.....
Себя лишь нам не воскресить.

«Я бы сказал мгновению: „остановись“, если бы мог сказать: „воскресните, мертвые”»¹⁹⁸. — Это сильнейшая критика на Фауста, на всю Западную Европу с эпохи Возрождения, с *Memento vivere*¹⁹⁹, т. е. *помни лишь себя, или знай только себя*. Лонгфелло признавал лишь возможность метафизического воскрешения и невозможность действительного. Как крайний европеец, ультра-европеец, т. е. американец, он сокрушался о невозможности действительного воскрешения только себя, а не воскрешения всех, а не всеобщего воскрешения.

* * *

Пока Соловьев суетился над этим суетным, не исключаящим и не уменьшающим ни внутренней, ни внешней войны соединением, разразился метеорический погром, который показал явно, в чем заключается опасность (*общая для христиан всех видов и не христиан, для верующих и неверующих*), а американский опыт наметил, какое великое, благотворное употребление может получить орудие *революции* и войны, постоянно совершенствуемое, более и более могучая грозная сила взрывчатых веществ, и в чем может заключаться не суетное, а действительное соединение²⁰⁰. Метеорический погром с одной стороны, война и революция*, избравшая динамит своим орудием, <с другой,> выдвигают вопрос, о котором <раньше> не стоило и думать, на первый план.

* т. е. война сословная, подпольная; но и войны международные и те стремятся превратиться в скрытные. Подпольность есть идеал, свидетельствующий о крайнем нравственном упадке. К кровопролитию присоединяют тайну.

Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил, что для осуществления Общего дела нужно по крайней мере 25 или 10 тысяч лет (полагая, конечно, что первоначально нужно теснейшее объединение, а потом прямое воздействие на природу), тогда как для обращения России в католицизм, или для подчинения папе (что он называет соединением церквей!), достаточно 15 лет, — поэтому последнее дело он предпочитает первому, о коем и говорить было <бы> еще несвоевременно!²⁰¹

А между тем метеорический погром 91 года вызывает общее дело, ибо требует объединения всех народов в деле регуляции слепой силы, порождающей неурожай. Итак, жизнь выдвигала тот вопрос, о котором, по-видимому, не стоило и думать. Но чтобы то, что заключалось в условиях времени, сделалось доступным хотя <бы> меньшинству, чтобы было приведено оно в сознание, нужно было некоторое разъяснение. В эпоху обращения народов в армии и обращения всего, выработанного знанием, в орудие войны, <в эпоху> всеобщего ожидания войны в высшей степени важно было показать, что оружие может быть употреблено на спасение от голода, что война может быть заменена регуляцией. Время же сближения двух народов указывало, что выработка плана этого *святого* общего дела могла быть произведена всенаучным съездом двух народов, совместно или предварительно с всенаучным книжным обменом²⁰², в котором одном все-таки было более действительного сближения, чем в соединении церквей. 10 октября я предложил, а Соловьев охотно принял на себя составление такого объяснения знамений времени, назначив 12 октября для *совместной* работы, но индивидуализм взял верх над первым порывом, и 12 же он отказался от *совместной* работы, и результатом *отдельного* <его труда и был реферат «О причинах упадка средневекового миросозерцания».>²⁰³

ПРИПИСКИ И. Ф. ФЕДОРОВА НА РЕФЕРАТЕ В. С. СОЛОВЬЕВА «О ПРИЧИНАХ УПАДКА СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ»²⁰⁴

К заглавию: «О причинах упадка средневекового миросозерцания» приписано: «*т. е. нынешнего христианства*».

Ко 2-му абзацу к словам: «и что этот упадок для истинного христианства несколько не страшен», — приписано: «подразумевается: а даже желателен, и именно для исполнения этого желания и написан реферат.

Христианство истинно, но не совершенно еще ни по объему (не все еще народы обратились в христианство), ни по содержанию, — христианство не стало еще общим делом, регуляцией, воскрешением».

К 3-му абзацу: «Если христианство есть дело, то успешность его зависит от делателей, от их усердия, от их энергии».

К словам: «Это перерождение есть процесс духовный, в нем должно участвовать само человечество своими собственными силами и своим сознанием», — приписано: «Какими силами? Только духовными, сознанием?» И затем: «Это духовное-то перерождение есть наше дело? И как бы могли уча-

ствовать в таком перерождении прогрессисты, натуралисты, которые, по словам Соловьева, одни что-то делают».

К словам: «Только после внешней разлуки дух Христов, внутренне овладев апостолами, переродил их», — приписано: «Если переродил, то значит апостолы не могли грешить?»

К словам: «Важное преимущество тех веков пред последующими состояло в том, что христиане могли быть и бывали гонимыми», — приписано: «Видеть возможность совершенства при существовании гонителей (гонимые свидетельствуют о существовании гонителей) значит не признавать, что человечество когда-либо может быть совершенно нравственным, т. е. таким, в котором все совершенны и нет ни гонимых, ни гонителей, нет ничего безнравственного, — значит признавать, будто христианство, чтобы быть истинным, нуждается в том, чтобы в целом человечестве было нехорошо. Это свидетельствует, что Соловьев не понимает, в чем состоит *общее дело*, не понимает христианство как дело, и особенно как *общее дело*».

К словам: «Лечение болезней есть также, пожалуй, компромисс» приписано: «Лечение болезней, как устранение болезней в их причинах, а не в отдельных случаях, — есть самый путь к совершенству, т. е. к обращению слепой силы в управляемую разумом».

К словам: «Но Христос приходил в мир не для того, чтобы обогатить жизнь несколькими церемониями, а спасти мир. Своею смертью и воскресением Он спас мир в принципе, в корне... истинное спасение есть перерождение», — приписано: «Спасение — воскресение, а не перерождение. — Смерть и воскресение Христа выразились в церемониях и обрядах, как поучительном, воспитательном, образовательном, художественном выражении принципа; это тоже проповедь, но только несравненно сильнейшая проповеди только словом».

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. С. СОЛОВЬЕВА «НАРОДНАЯ БЕДА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ»²⁰⁵

Г. Соловьев видит причину голода в полукультурности общества и бескультурности народа, забывая, что и в Германии неурожай, и во Франции — недород²⁰⁶, несмотря еще на значительное преимущество Западной Европы пред нами в метеорологическом отношении. Но если под культурой, в которой вообще преобладает *улучшение* (облагораживание, аристократизация) над *сохранением* и красота над прочностью, признать и *вырождение* (сознание уродливостей*), как необходимую ее принадлежность, то в полукультурности можно видеть надежду на большее время для спасения, ибо за *вырождением* следует *вымирание*. Вырождение и вымирание есть необходимое следствие улучшения.

Что же касается до бескультурности народа, то это, к сожалению, совершенно несправедливо, ибо в селах заводятся трактиры — эти улучшенные кабаки, хлопчатобумажными заменяют льняные и пеньковые изделия, как ук-

* Разве маленькие руки у культурных европейцев и маленькие ноги у культурных китайцев не уродство, как и культурная свинья, превращенная в массу сала?

рашениями; непочтительность к отцам, семейные разделы. Что касается до удобрения полей, то наши крестьяне не прибегают к тем способам, какие употребляют голландцы, <которые,> выводя старую лошадь в поле, пускают кровь и водят по полю... Можно довольствоваться и двумя десятинами, если вывозить «гуано» из антиподов²⁰⁷. Если культура придает плодородную силу своим полям, лишая <плодородия> другие страны, то такой способ не может быть решением вопроса*.

Естественный (слепой) прогресс состоит в *улучшении, облагораживании*, под которым кроется *вырождение и вымирание*, тогда как сохранение, которое невозможно без восстановления, есть сознательный прогресс.

Город есть продукт культуры, горожане — это улучшенная порода людей, как плотоядная, хищная порода составляет в животном царстве улучшение травоядной. Город берет себе зерно, а земледельцам оставляет мякину, себе берет пшеницу и рожь, а крестьянам оставляет плевелы, сорные травы. Город вынуждает к большей эксплуатации природы и потому, если и производит, то во всяком случае усиливает метеорические погромы²⁰⁸. Западный город эксплуатирует гораздо больше чужие страны, чем свои. Россия же есть именно земля, которую эксплуатирует и чужой, и свой город, утроивший свое население в последнее 30-летие. Культура есть улучшение, достигаемое на счет своего и чужого крестьянства и наказываемое вырождением и вымиранием. Между улучшением и вымиранием существует необходимая связь, ибо улучшение дает преобладание одной какой-либо способности, например, в человеке развивает нервную систему, в лошади — мускулы, свинью обращает в сало... т. е. нарушает гармонию отправления и таким нарушением ведет к разрушению организма, болезням, вымиранию.

* * *

Не улучшение, не благосостояние, не культура, а только сохранение может соединить всех в общей помощи²⁰⁹. Культура есть улучшение, облагораживание, а вовсе не сохранение особенно прочное. Культура дает решительное преобладание улучшению над сохранением. Не патриотизм, а любовь к отцам может дать полное обеспечение, сохранение.

«Мы так мало сделали, чтобы обеспечить *благосостояние* народа, и теперь должны, вместо всяких *высших задач*, думать о том, как бы прокормить миллионы голодных крестьян»²¹⁰. Прокормить голодающих нынешний год и обеспечить от голодовок на все будущие годы — и есть *высшая задача*, <поставляющая> сохранение выше улучшения и благосостояния.

«Вследствие того, что в эти 30 лет не было у нас общества** об *улучшении* народной жизни, теперь ставится вопрос об ее *сохранении*»²¹¹, — т. е. теперь только мы и пришли к *настоящему вопросу*, это-то и есть самая высокая задача, ибо в вопросе об улучшении, как и о благосостоянии, «согласие» едва ли возможно, тогда как в вопросе о *сохранении* трудно допустить *разногласие*.

* Если только жаркий пояс не считать хранилищем, из коего должны почерпать силы народы умеренных стран.

у нас их очень было много!

А между тем, если по вопросу об улучшении образовалось множество обществ, то вопрос о сохранении не привел к единению, и автор статьи о помощи народу ограничился сравнением для разрешения вопроса об организации в единое общество для помощи народу²¹², да проповедью о любви, в которой он постарался как можно больше оскорбить не принадлежащих к его партии²¹³. Этого мало! автор той же статьи в том же месяце, когда была напечатана она, употребил все усилия, чтобы раздуть вражду на месте объединения²¹⁴. <И> это тем более непростительно, что автору был известен способ, безобидный для всех, верный или неверный, но признанный таким (то есть верным) самим г. Соловьевым, испытать который было бы притом весьма легко, и это испытание, если не делу, то знанию, во всяком случае, было бы полезно, а что всего важнее, *соединило бы всех без исключения в этом опыте.*

Приняв сочувственно план этого опыта, автор <проекта> объединения для помощи народу подробностей этого плана знать не захотел, а потому не знал <и> о средстве против настоящего зла: прокормления миллионов <людей> соединением добровольной благотворительности с обязательным или подходящим налогом. Пророк и проповедник единства предпочел заняться, как он выразился, делом более или менее публичным²¹⁵, т. е. вызывать вновь междоусобную брань и травлю своею речью о средневековом мировоззрении.

Не понимая «сохранения», предпочитая ему неопределенное «улучшение» и «благосостояние», автор не понимает и патриотизма, смешивая его с мнимым братством*, т. е. отвергает решительно религию, которая есть объединение сынов в деятельной любви к отцам, а такое только объединение и есть действительное братство.

Добронамеренная ошибка 60-х годов XIX века была лишь завершением ошибки, быть может, даже злонамеренной, 60-х годов XVIII века²¹⁷. Улучшение быта крестьян, под которым скрыто было освобождение, если и не привело крестьян к тому, к чему приведено было дворянство освобождением с наделом крестьянскими душами или разоружением, т. е. освобождением от участия в общерусском историческом деле, или отставкою с сохранением жалованья и разрешением заниматься частными делишками, быть Чичиковыми, Маниловыми, Собакевичами, <если, повторяем, крестьяне не были приведены к тому же,> то только потому, что освобождение не было таким же полным, как дворянское, требовало выкупа, сохранило общину. Тем не менее свобода принесла свой плод — ухудшение, и только военная школа, если она все оружие обратит в опыт регуляции в связи с церковною <школою>, если последняя будет требовать расширения опыта регуляции, как орудия Божией воли [не дописано.]

Где Соловьев видел врагов просвещения, которые требовали семейных разделов, непочтения к отцам, пьянства? Во всем этом выражается влияние города, т. е. культуры. Трактиры в селах — разве это не культура?

* <Нужно> «понять его (патриотизм) не как ненависть к инородцам и иноверцам, а как деятельную любовь к своему страдающему народу»²¹⁶.

БЕЗГРЕШНОМУ ПРОРОКУ НЕПОГРЕШИМОГО ПАПЫ, САМОЗВАННОМУ ПРОРОКУ²¹⁸

Безгрешный, по собственному свидетельству, пророк, почему он не осмеливается назвать настоящим именем то христианство, которое называет истинным? Не потому ли же, почему 10 лет проповедовал *подчинение* непогрешимому папе, называя это подчинение *соединением*? Почему, называя наше подчинение Западу в лице варягов и немцев *подвигом*, он не скажет прямо, открыто, что наше *освобождение* от поляков (1612 г.) есть *преступление*? 10 лет лукавства могут ли внушить нам веру в его свидетельство? Если под истинным христианством разумеется враждебный нам папизм, то мы обязаны спросить скрытого, лукавого пророка, что скрывает он под «благом», ради которого мы должны организовать, т. е. составить общество?

«Коли умирать, так умирать всем» — вот это истинная проповедь, произнесенная богатыми, поделившимися с бедными последними остатками хлебных запасов. Если вся Россия повторит это слово, произнесенное в селе Селезневке, то она не умрет, а оживет, и оживет для лучшей жизни, жизни самостоятельной.

Слух о подоходном налоге мы приняли как «радостную весть» и молим не откладывать его до будущего года. Еще просим допустить к участию в налоге, добровольно налагаемом, и тех, которые вчетверо менее против двухтысячного дохода получают, а не ограничивать этот налог будущим только годом; словом: просим к требованию обязательного налога присоединить предложение добровольного налога²¹⁹. Мы не только не хотим <жить> по примеру народов, которых ставят нам в пример, — мы понять не можем, как можно торговаться, стараться уменьшить налог, требуемый для спасения от голодной смерти. Вопреки тем же образцам, мы хотим равенства в обязанностях и свободы делать более добра, чем от нас требуют. Только такое равенство и свобода согласны с братством, которое мы и желаем восстановить, полагая его в беспредельной, не ограничиваемой смертью любви к отцам, предкам.

Мы берем образцом не 1812 год, когда приглашали к пожертвованию для спасения жен и детей*, а 1612, когда великий Минин предлагал продать жен и детей для спасения отечества, что значит в настоящее время отказаться (постепенно) от мануфактурной промышленности, существующей и возникшей из угождения женским прихотям и для изнеженного воспитания детей.

Но не желая подражать западным образцам, мы не хотим, однако, отделяться от западных народов, а даже желаем действительного, а не мнимого сближения, к каковому относим и выставку, которая, возбуждая, усиливая зависть бедных к богатым, может привести к внутренней, так называемой гражданской войне, революции. Не к действительному сближению относим и посещение флота²²⁰, который указывает на внешнюю войну; но мы не отрицаем доброжелательности и в посещении флота, и особенно в подписке на заем²²¹; но в займе видим отречение, замену налога, нежелание его, т. е., одобряя француз, осуждаем себя.

* Оставив в Кремле кости собирателей и допустив поляков надругаться над костями Гермогена.

Не придавая значения обмену произведениями рук, хотя бы и столь искусных, как французские, как они показали себя на Выставке, и признавая в них даже злоупотребление и умственными и физическими силами, — <мы> придаем важное значение обмену произведениями ума и чувства, ибо при нынешнем бедственном состоянии недостаточно даже самого сильного проявления нравственных сил, соединения в общем пожертвовании; нужны чрезвычайные и постоянные умственные усилия и соединение их, особенно если мы желаем обеспечить себя от неурожаев, уничтожения урожаев в их причине. Книжный обмен может служить началом <такой> деятельности.

* * *

Коротенькая заметка в «Русском Архиве» оказалась не совершенно бесплодною, потому что она или открыла г. Соловьеву Смысл войны, или же одновременно с ним нашла его, т. е. смысл; а открыть *смысл* войны в эпоху *бессмысленного* отрицания ее есть немалая заслуга²²². К сожалению, г. Соловьев сделал большую уступку бессмыслию, заменяя совершенно безумное требование разоружения (или, вернее сказать, отказа от оружия, что, конечно, не может иметь другого результата, кроме замены внешней войны внутреннею) сокращением <вооружений>, в виду единственно страшного врага в наше время — кочевников или не расслабленных европейскою цивилизациею степняков, обитателей громадной полосы степей от Азиатского берега Великого океана до Африканского берега Атлантического океана²²³.

Говоря о бессмысленном отрицании войны, признаем разумным не отрицание ее, а превращение, о котором и будет сказано ниже. Ибо человек ни создавать, ни уничтожить ничего не может, а может лишь воссоздавать или изменять злое на доброе.

Если бы Соловьев обладал полным смыслом войны, то ему следовало бы, прежде чем требовать сокращения <вооружений>, доказать, что все употребляемое и вновь применяемое к военному делу не может иметь другого употребления, кроме истребления. А между тем не только русский, или Каразинский, а даже американский способ спасения оружием от голода не был еще опровергнут. Содействуя урожаю хлебов, Каразинский способ может производить урожаем смертоносных микробов, вопреки сердобольным буддистам.

Для опровержения же нужен опыт, т. е. обращение армий всех народов в естествоиспытательную силу, что не может ослабить боевой их силы. Дело это, конечно, очень нелегкое, но во всяком случае оно возможно не только разоружения, а даже и сокращения вооружения, и притом безусловно мирное.

К сожалению, Соловьев говорит о расширении Царства мира, <но> умалчивает о расширении Царства знания, а между тем только последнее упорочивает первое, если только оно <(знание)> истинно. Соловьев открыл смысл войны, но не открыл *смысл мира*.

Относясь гордо и презрительно к воинственной силе азиатских варваров, Соловьев раболопно относится к европейской цивилизации и культуре. Открывая смысл войны вообще, он не хочет вникнуть в смысл цивилизованной войны. [А

между тем] нужно именно открыть *смысл Цивилизованной войны*, чтобы не отрицать ее возможности (европейской войны), как отрицает ее Соловьев. Цивилизация стремится уменьшать кровопролитие на войне, делать войны более и более бескровными. Она действительно нашла самый верный способ для достижения этой цели. Честь этого гениальнейшего открытия принадлежит самой цивилизованной стране в Европе — конечно, Франции. Усовершенствован этот способ был китайцами и японцами. Но только в будущей, быть может, даже ближайшей европейской войне этот способ будет доведен уже до полного совершенства. Две неприятельские армии, сближаясь, заметив с аэростатов, поднятых до облаков, друг друга, тотчас открывают огонь, даже при дальнострельном оружии при таком расстоянии совершенно безвредный, но очень способный напугать культурные, цивилизованные нервы. Тогда армия, которая не испугается грома собственных выстрелов, останется победителем. Войны опасаться не стоит, потому что военное мужество уменьшается не по годам, а, может быть, даже по дням, но зато гражданская храбрость растет по часам. Поэтому армия, не обладающая военным мужеством, окажется очень храброю против обезоруженного врага. Тут комедия может превратиться уже в трагедию... В чем найдет разнузданная гражданская храбрость сдержку? Не в зоологической ли нравственности? Новая История началась гуманизмом, ограничиваемым деизмом, и как только она уничтожила эту границу, т. е. стала атеизмом, так и гуманизм стал превращаться в брутализм и бестиализм — свиньизм. История становится частицею Зоологии, одни руководствуются Дарвином, другие, как например, Данилевский, — Кювье²²⁴, но из зоологии не выходят. Конечно, преобладающий порок цивилизованных — корыстолюбие. Поэтому победитель постарается содрать с побежденного как можно более миллиардов, и можно бы посоветовать побежденному не скупиться, если он хочет отомстить врагу.

Еще одно обстоятельство относительно будущей войны с усовершенствованным оружием было забыто. Если прежние с неусовершенствованными орудиями канонада и стрельба вызывали грозы, то что должна вызвать канонада с нынешними орудиями? Если допустить соответствие между канонадою и грозой, то усовершенствованное оружие может быть доведено до такого совершенства, что гроза, вызванная силою канонады, истребит обе неприятельские армии.

* * *

«Чем более * человек *развит*, тем менее ** ему нужно внешнего, наружного, чтобы отрешиться от земного и перенестись в молитве к возвышенному»²²⁵. Эти слова, дающие самый легкий способ прослыть за человека развитого, от частого повторения до такой степени опошлели, что стали не только предрассудком, суеверием, но оскверненными, можно сказать, (лицемерами) людьми, не имеющими ни малейшего религиозного чувства, — потому <слова эти> и нуждаются после такого злоупотребления в пересмотре. Особенно в

* менее.

** более.

этом пересмотре нуждается способность отрешаться от земного и возноситься в молитве к возвышенному. Но об этих отрешившихся от всего земного и говорится в притче о впадшем в разбойники. Конечно, не к этой религии, ученой интеллигентской, аристократической принадлежал мужик Самарянин.

Существование этих немногих способных отрешиться от земного, этих белоручек, обуславливается существованием очень многих, которые должны постоянно возиться с гнилью, прахом, грязью, помоями, экскрементами. Если отрешение от земного есть высшее религиозное чувство, то для создания себе таких обожателей Господь Бог осудил большинство на вечную опалу, сделал <большинство> рабами. И что лучше: отрешиться ли от земного ради небесного, или небесное внести в земное, Небо низвести на землю, земное возвысить до небесного?..

Начиная пересмотр, проверку, мы ставим вопрос: чем был бы человек или чего лишился, не имел бы, если бы религиозное чувство действительно ни в чем внешнем не выражалось? Вертикальное положение, с коего начинается явление человека в мир, есть религиозная поза.

Гордый своею Идеолатриею (философия есть идеолатрия), Соловьев снисходительно-презрительно относится к Идололатрии, которую видит в Православии, которое, однако, так же далеко от Идололатрии, как и от Идеолатрии.

* * *

[Братство и отечество свое полное выражение получают в объединении живущих для воскрешения умерших, в объединении всех сынов без разделения и без слияния] для возвращения жизни отцам²²⁶. Связь между объединением живущих и воскресением умерших, — как и между объединением сынов, т. е. получивших жизнь, и теми, от которых они получили ее, — *безусловно необходима*. Для живущих не оживлять умерших значит не исполнять безусловного требования. Такое же точно безусловное отношение связывает сынов с отцами. Объединение же живущих сынов исключает и слияние, и рознь.

Такие же требования, как, например, «чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию и достаточный физический отдых, но чтобы он мог пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования»²²⁷, — при крайней [их] неопределенности, не имеют никакой обязательности. Оговорка, что все прочее от лукавого, излишня, потому что под «обеспеченный» и «достаточный» можно подвести всю роскошь, все ненужное и излишнее.

Объединение для воскрешения, или братство, исключает всякое стеснение и не требует досуга, потому что самый труд земледельческий обращает в дело воскрешения и самую мануфактуру, т. е. создание тканей и органов искусственных, обращает в воссоздание нетленных покровов и орудий восприятия всяких явлений и действия на все явления в совокупности со всеми живущими.

Обеспеченные средства, отдых, досуг, — все эти неопределенности вытекают из самого неопределенного слова «Человек», тогда как объединение живущих сынов для воскрешения умерших отцов вытекает из обращения человека в сынов человеческих (т. е. сынов умерших отцов) как одного сына без разделения и слияния, предполагающего как свою необходимую основу Бога Триединого, в котором дан образец для объединения без разделения и слияния, без ига и борьбы и в котором заключается требование воскрешения, ибо основа бессмертия заключается в беспредельной любви Сына и Духа к Отцу, потому воскрешение всеобщее есть исполнение заповеди и проявление воли Триединого Бога.

Объединение живущих сынов для воскрешения умерших отцов есть требование Божественной заповеди и нравственной необходимости, тогда как по физической необходимости они, сыны, обречены на вытеснение отцов и на взаимное истребление.

Г. Соловьев, как будто не веря, что нужно искать только воскре<ше>ния, т. е. Царства Божия, требует права на благополучие для каждого в человеческом царстве и тем вносит в него борьбу, тогда как воскрешение только объединяет. *С своим правом на благополучие Соловьев становится на сторону не имеющих обетования*²²⁸.

Право на благополучие (нынешнее, экономическое) ничего не имеет общего с долгом воскрешения, даже противоположно <ему>, тогда как право и на земное, т. е. всемирное, а не личное благополучие, <право на благополучие,> понимаемое не в узком смысле, заключается в долге воскрешения.

Автор двух нравственностей — эпикурейской (ибо и Эпикур требовал умеренности от своих последователей) и аскетической, совершенно чуждых од<на другой> [не дописано.]

ЗАМЕТКИ К ПОЛЕМИКЕ Б. Н. ЧИЧЕРИНА И В. С. СОЛОВЬЕВА²²⁹

Ошибка г. Соловьева заключается, по нашему мнению, в том, что он с самого начала *не* отверг искусственно отвлеченное понятие «человек» и не поставил на место его «сын человеческий», т. е. сын умерших отцов, — <понятие,> в котором дана обязанность сынов или долг Воскрешения.

Вместе с признанием людей сынами дано братство и отвергнуто как совершенно низменное все юридическое и экономическое. (Это-то и значит созовышу вас в горний Иерусалим, в Царство Небесное.) Вместе <с этим понятием сына человеческого>, нераздельно с ним, как лежащее в основе его, является понятие или представление Бога, притом именно Триединого, так что нечестиво и говорить о происхождении идеи Бога, а можно и следует говорить об измене отцам и Богу отцов, откуда и происходит отрицание Бога, отрицание, возможное лишь у блудных сынов. Благоговение, или, точнее, сыновнюю и дочернюю любовь, любовь без похоти и страха, нужно поставить в основу, а не спрашивать, согласно с Чичериным* : «Можно ли утверждать это начало как общеобязатель-

* Ни в чем так не выражается скотское понятие г. Чичерина, как в выражении: «А когда разум развивается, зависимость прекращается (как у животных)»²³⁰. Она изменяется, то есть усиливается со смертью родителей. Зависимость переходит в союз, но прекращается лишь с исполнением долга воскрешения.

ное нравственное правило наряду с принципами аскетизма и альтруизма?»²³¹ — А между тем братство, вытекающее из отношения к отцам, стоит несравненно выше их <(аскетизма и альтруизма)>, ибо требует жизни не для себя, не для других (только), а со всеми и для всех, со всеми живущими для всех умерших, т. е. долга воскресения; а воскресение требует не воздержания, не аскетизма, а *замены* рождения воскресением.

Для сынов умерших отцов или предков *должное* несомненно есть и *желательное*; и потому и нет необходимости в новом пророке, новом Мессии и даже <в> новом Единородном Сыне Божиим. Неужели нужно новое откровение для того, чтобы заменить «Будьте совершенны» словами «Будь совершен», т. е. заменить множественное единственным, ибо прибавки «не желай» и «будь» или «будьте», конечно, есть лишь пояснение²³². Нужен, следовательно, не пророк, а комментатор.

Но в этой замене множественного числа и заключается самая грубая ошибка. «А это значит: не только имей добрую волю, будь честен и добродетелен, а еще будь безболезненным, бессмертным, нетленным», т. е. будь Фаустом, будь западником, выше всего ставь личность, бессмертие — во-первых, а воскресение уже затем. Это уже не альтруизм. Да и не это <одно> только, а еще: «сделай так, чтобы все твои ближние* были безболезненны, бессмертны и нетленны»²³³. Как будто сделаться лично бессмертным несравненно легче, чем <сделать ими> всех! Г. Соловьев изменил не слово, а лишь грамматическую форму Евангельского слова, и вышло что-то чудовищное. Он, конечно, не признает, что нужно жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех. Теперь понятно, что у г. Соловьева нет долга воскресения, потому что воскресение у него не добродетель. Но в воскресении, как добродетели, заключается обязательность нравственная.

Воскресение и нравственное совершенство тождественны; поэтому совершенствоваться совокупными силами значит побеждать пороки не в себе лишь в отдельности, но в самом корне, в слепой силе природы, т. е. <это значит> объединиться в труде <познания ее сил, овладения ими и управления ими>. Не завершение лишь, не полнота лишь совершенства, а и самый процесс совершенствования нуждается в помощи Божией. Иначе для чего же воскресение, если нужно новое творение!²³⁴

Можно ли назвать мировой процесс богоматериальным (название «богоматериального» не указывает ли на пантеизм?), когда человек, орудие воли Божией, пал? Падение человека, назначенного управлять слепую мировую силу, состояло в том, что он отдался своим похотям, вместо исполнения воли Божией, а мир стал предан своей слепоте. И можно ли говорить о трех или даже о четырех царствах, как представляющих постепенные повышения бытия, ибо чем жизнь прозябения ниже или хуже жизни скотской и зверской? Это три порока. Повышения в них видеть нельзя, <нельзя> и увековечивать эти три порока, как делает Чичерин²³⁵, подражая, конечно, Данилевскому,

* заметьте: не отцы!

подражавшему Кювье. В Истории человеческого рода можно видеть три эпохи или царства: 1) царство *сынов человеческих*, мнимо исполняющих волю Божию, погребаяющих <лишь>, а не действительно воскрешающих; 2) сынов блудных, забывающих погребение в смысле воскрешения, отвергающих мнимое воскрешение и, не признавая действительного <воскрешения>, возвращающихся в скотское состояние; 3) сынов человеческих, исполняющих волю Божию, как действительно воскрешающих, т. е. посредством воскрешенных поколений спасающих вселенную от падения*.

Отделять нравственность от религии — это значит вносить раздор между религией и наукой, между учеными и духовными²³⁶. Нравственность может быть только или Теоантропическою, или зооантропическою, ибо антропическая (или гуманизм) ничего определенного в себе не заключает. Но и сын человеческий, отторгнутый от Бога отцов, не имеющий пред собою образца <в> Сыне Божиим и Духе Святом, <так же> не имеет цели и дела.

Признав измену источником, причину безбожия, отрицания Бога отцов, мы в самом Боге, в Его существе видим утверждение безусловной верности сынов, как одного сына, и дочерей, как одной дочери, ибо в Самом Существовании Бога видим безграничную любовь Сына и Св. Духа к Отцу. В учении о Троице заключается отрицание <измены> и возвращение блудных сынов. «Общество, — говорит Соловьев, — не есть внешняя граница личности, а внутреннее** ее восполнение, и относительно множественности общество не есть арифметическая сумма или механический агрегат, а нераздельная целостность общей жизни»²³⁷; а оно есть и агрегат глубокого объединения. — То есть: единство не есть стеснение, а самостоятельность личностей — не противодействие друг другу, а полное содействие в деле общем воскрешения. Содействие <(добровольное, непринужденное)> постепенно заменяет (природную) организацию как выражение еще животности.

* * *

Соловьев впадает в метафизику, когда говорит, что нравственность предполагает отношение к другим людям²³⁸; <говорить так,> значит не знать, что другие люди для сынов и дочерей есть родители и родитель родителей (Бог), следовательно, вовсе не другие (так же, как не чужой, не другой для Сына Человеческого был и Отец отцов). Другое для них <(для сынов и дочерей)> было то, что мы называем природою, которая разными лишениями привела человека к сознанию и он очень рано признал, что не в чуждой природе, а с нами Бог. Таков первоначальный момент человеческого сознания и жизни. Философом первый сын человеческий не был и потому вопросом о реальности внешнего мира не задавался, потому он ни для Чичерина, ни для Соловьева не понятен. Признав природу другой, <сын человеческий> тотчас <же> признал, что за эту другую есть свое, т. е. не с природою, а с нами Бог.

* Блудные сыны отрекаются от мнимого воскрешения и приготавливают, сами того не сознавая, действительные средства для воскрешения.

** почему же не внешнее?

6-я глава статьи Чичерина разбирает мнение г. Соловьева об отношении личности к обществу. По словам Чичерина, Соловьев то является Торквемадою, то анархистом. <И это> потому, конечно, что он не видит в Троином Боге образца для общества, а в безграничной любви Сына и Св. Духа <к Отцу> указания на путь к осуществлению бессмертного общества²³⁹.

В 7-й главе разбирается тройное препятствие (кроме личных страстей и пороков) к осуществлению, как он говорит, безусловного нравственного идеала, а не проекта, <как бы это следовало сказать,> данного в учении о Троице²⁴⁰. Если бы г. Соловьев не остановился на явлениях, т. е. на внешних и внутренних войнах, или борьбе и иге, выражающемся в казнях победителя (т. е. обвинителя уголовного), и вообще на юридическом и экономическом началах, а обратился к причинам, вынуждающим людей, или сынов человеческих, стать между собою в юридические отношения на место родственных, подчиниться суровым экономическим законам, то он увидел бы, что юридические порядки находятся в зависимости от экономических, а экономическое зависит от техники, от органов, которые создает себе человек. Пушка <и> ружье разрушили замки, т. е. уничтожили феодалов, а паровая машина создала крупную промышленность и убила мелкую. Если же человек вместо эксплуатации первое место даст регуляции, требующей совокупления всех сил всех народов и всех сословий и дающей власть не над людьми, а над природою, разумной силе над слепою силою, если знание всеми природы и взаимознание — необходимое условие для регуляции — станет в основу, то как возможно будет иго или чей-либо то ни было деспотизм? Невозможны будут и взаимное стеснение и борьба. Все условия, поднимавшие сынов на отцов, братьев на братьев, исчезнут, и тогда естественная любовь сынов к отцам проявится во всей силе, хотя она совершенно никогда не умирала, — и регуляция обратится <в воскрешение отцов, в возвращение жизни потерявшим ее.> Тогда все экономические отношения рабочих и капиталистов, все суды окажутся такими мелкими и жалкими, вся политика внутренняя и внешняя пустыми дрягми. Одна постановка рядом права и нравственности явится чудовищностью. Отрицать экономические законы нужно не потому, что они не имеют всеобщности и необходимости, а потому, что они безнравственны, что подчинение им вносит вражду, разрушает братство и отечество.

Братство и отечество свое полное выражение получают в объединении *живущих* для воскрешения *умерших*, объединении сынов (братство) для возвращения жизни <отцам (отечество).>

«Сомневаемся также, чтобы нашелся *хотя бы один человек*, кроме него (Соловьева), который бы поставил себе такую задачу», т. е. сделать людей бессмертными даже телесно²⁴¹.

Достоевский — возвеститель долга воскрешения, и *Толстой* как *противник*, и Чичерин как неудачный пророк и основатель новой, бесстыднейшей антинравственной системы, в которой высшею доблестью человека поставлена мужская половая потенция²⁴², — как полная противоположность Соловьеву.

В газете «Дон», издаваемой в г. Воронеже, напечатано еще в июле месяце неизданное письмо г. Достоевского, из которого видно, что не одно, а три лица признавали Долг воскрешения. Опровергая г. Соловьева, мы, конечно, никак не можем разделять легкомысленного издевательства г. Чичерина над бессмертием и воскресением или даже воскрешением, и даже разделяем отвращение г. Соловьева к циническим выходкам скотской нравственности Чичерина²⁴³. В оправдание г. Чичерина можем только сказать, что нравственность его не есть что-либо оригинальное, а принадлежит вообще нашему веку, ибо еще в XVIII веке теологическая точка зрения была изменена на антропическую, а в нашем веке на зоантропическую. Только одни умеют скрывать неприглядные стороны этой нравственности, а простодушные открыто выставляют гнусную сторону таких мнений.

Г. Чичерин, конечно, мог не знать о письме, напечатанном в провинциальной газете, хотя оно почти вполне перепечатано в газете «Новое Время», только без предисловия, в котором еще четвертое лицо присоединяется к признанию долга воскрешения, присоединяется к тем трем лицам, которые независимо друг от друга пришли к той же мысли. Но как многоученный г. Чичерин мог не знать, что мысль, если не о воскрешении, то о возможности достижения телесного бессмертия вовсе не новая. Еще Декарт — <как> мы узнали из статьи Брюнетьера, — считал это возможным²⁴⁴. Неужели неизвестно г. Чичерину очень известное сочинение Кондорсе, которое считает возможным расширить жизнь, если не до *infini*, то до *indéfini*²⁴⁵. В декабре 1874 <года> в «Христианском Чтении» напечатано Чтение ректора Иоанна (епископа Смоленского), в котором признается участие человеческого рода в деле воскрешения²⁴⁶. См. также Stofels²⁴⁷.

Письмо это принадлежит человеку совершенно неученому, который записал, что вспомнил из своего весьма ограниченного числа прочитанных им книг.

P.S. Стихотворение г. Кожевникова, напечатанное в «Русском Обзрении», — «Да приидет Царствие <Твое>», очевидно, также говорит о воскрешении.

В веках грядущих цель одна
Трудом всеобщим, знанья силою,
Любовью смерть остановить,
И прах отеческий, всем милый, —
К бессмертной жизни возвратить²⁴⁸.

Представьте, что согласно с прозрением вещего поэта, наша нынешняя пустая и бесцельная жизнь заменилась объединением и участием ближайших наших потомков, всех без исключения, в деле — священном в религиозном смысле, великом — в нравственном, прекрасном — в художественном и глубоко истинном — в знании, словом — в деле воскрешения нас, своих ближайших предков, для того чтобы и мы, восстав, могли принять участие в деле воскрешения предшествующего нам поколения, т. е. наших отцов, — «прах отцов, всем милый, к бессмертной жизни возвратить», расширяя Царство Божие на отдаленные миры, не ограничивая его одною землею.

Если наша Поэзия родилась на кладбище, как уверяет Соловьев, родилась в начале нынешнего века, то какая разница между Элегиею Жуковского²⁴⁹, не самородною, а заимствованною, элегиею полного отчаяния и фатализма, и новым стихотворением, возвещающим о единой Цели и общем для всех деле и служащим лишь введением к новому ряду [не дописано.]

ПРИБАВЛЕНИЯ И ПОПРАВКИ К ПИСЬМУ К ЧИЧЕРИНУ²⁵⁰

Г. Соловьев не придает значения этому, чрезвычайно важному для него совпадению: одновременному появлению письма Достоевского, в котором он как бы из гроба обличает в ошибке г. Чичерина, говорящего, что не найдется ни одного человека, который бы разделял мнение г. Соловьева о деле воскрешения. Как отнесется г. Чичерин к посмертному выражению Достоевского, <мы не знаем,> что же касается г. Соловьева, то он остался и глух и нем к загробному свидетельству Достоевского в его пользу.

В письме к г. Чичерину нужно сделать некоторые поправки. Если три лица, пришедшие к той же мысли независимо друг от друга, значат больше, чем 300 заимствовавших, <то> еще менее значения имеет пресса, суеверно отвергающая непривычное для нее учение. Нужно будет прибавить к этим словам, что под массою разумеется не сельская, а именно городская, этих блудных сынов.

Даже Ренан, по-видимому, в «Vie de Jésus» признает действительное воскрешение, хотя и требует для него миллионов лет. В письме к Бертло он так неясно излагает это учение, что, кажется, и там местами приходит к признанию действительного <воскрешения>²⁵¹, так что оказывается, что в долге воскрешения сходятся и благочестивый православный [1 слово неразб.], и даже нечестивый Ренан.

К концу письма нужно заявить сожаление, что г. Чичерину выпал несчастный жребий быть первым (если не считать Толстого) противником долга воскрешения, и этим как бы заявляя, что новый или забытый закон уже объявлен и что вопрос — если позволительно так говорить — о долге и деле воскрешения открыт.

ПО ПОВОДУ «КРАТКОЙ ПОВЕСТИ ОБ АНТИХРИСТЕ»²⁵²

Сколько раз Вы выдавали себя за пророка; да одно уже подписывание своего имени под такими статьями, <как повесть об Антихристе,> доказывает, что Вы пришли «в свое имя». Нужен же путь не к миру, а к союзу в деле познания слепой бесчувственной силы. Мир есть уже результат союза и без него быть не может²⁵³.

Будет ли наступающее столетие веком Антихриста или Антихристианства, началом конца мира или же веком (юбилеем) Христа и Христианства, т. е. началом совершеннолетия или *совершенства* религии, науки, искусства, нравственности?²⁵⁴

Записка об Антихристе («Книжки „Недели”», февраль 1900 г. «Под пальмами») есть ответ на возражение против статьи того же автора (Вл. С. Соловьева) «Что такое Россия?» ([№] 37, 1897 г. газеты «Русь»). В защиту статьи «Что такое Русь», т. е. против России, против светской власти, которую он обратил в Антихриста, а Православие подчинил Католицизму²⁵⁵.

Царю, в отцов место поставленному от Бога отцов, не мертвых, а живых, Царю, вместе с народом вступающему на борьбу со слепую умерщвляющею силою, Царю не душ, как Папа, противопоставляется избранный Европейскими Соединенными Штатами в Императора автор сочинения «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию». Хотя этот Император не нашего Царства, не нашего государства действует по программе, преднаписанной ему в «Оправдании добра», в статьях «Смысл войны» и в других, где мир достигается войною и держится на промышленных выгодах, связывающих культурные народы, благоденствие же достигается требованиями *прав для каждого благополучия, отдыха и досуга*, возведенными в высшее нравственное начало^{*256}, тем не менее этот Западный Император объявляется Антихристом. Конечно, этот Император, милостию не Бога отцов, а милостью народов избранный, как узурпатор, может быть назван противником Христа, но непонятно, для чего автор «Оправдания добра» делает этого, хотя и наделенного всеми телесными и душевными достоинствами <императора>, исполнителем своей программы. Точно так же непонятно, почему автор статьи «Под Пальмами» делает Антихристом Спиритуалистом, хотя он только материализм, по видимому, относит к *младенчеству философии*. В действительности же сама философия в ее последней, критической форме должна быть отнесена к несовершенному роду человеческого пред объединением в исполнении единого общего дела или долга воскрешения.

«Представление о вселенной как о системе пляшущих атомов и о жизни как результате механического накопления мельчайших изменений вещества — таким представлением не удовлетворяется более ни один мыслящий ум. Человечество навсегда переросло эту стадию философского младенчества»²⁵⁷. Не переросло, а перерастет, когда заставит эти атомы плясать под свою дудку и когда будет управлять всем механизмом как мельчайших, так и крупных изменений вещества, в себе и вне нас во всей вселенной действующих. Тогда

* Антихрист, по Соловьеву, разрешает *социальный вопрос*, водворяя мир на всей земле и благоденствие, т. е. сытость, тогда как христианство — не мир, а союз для обращения слепой, чувственной силы в управляемую разумом людей, ставших орудием Бога отцов, и разрешения светом Христовым вопроса о двух разумах или двух невежествах, народного и философского, на которое осуждены философы и критики. Неразумие и есть результат двойственности разума.

сам род человеческий станет орудием Бога отцов. Только сделать это может не философия, которая и есть младенчество для разумных существ, разделившихся на ученых и неученых; <сделать это может человечество, т. е. разумные существа,> у которых уже нет разделения на ученых и неученых, нет и двух разумов, ибо область практического разума, область действия, так же обширна, как и область созерцания для теоретического разума. Спиритуализм будет силою, когда дух будет управлять материей, но не прежде. Легко понять, отчего у Императора-спиритуалиста нет силы.

В будущий век, век великого обещого, всех соединившего, дела, т. е. когда не будет деления на мыслящее и действующее, не будет разделения разума на теоретический, или философский, разум и практический, или проективный, философия, как мыслимое, мнимое, совсем не будет иметь места; она, философия, будет признана младенчеством человеческого рода. Великое же дело будет явлением христианства в силе, так что восстановление философии, связанное с новым распадением человеческого рода на работающее и мыслящее условия, нужно будет отнести к антихристианскому явлению, к падению.

Если Антихриста назвать, как делает это Соловьев, Сверхчеловеком, то сверхчеловеком в ницшеанском смысле. В Христианстве «сверхчеловек» означает новый или обновленный, совлекшийся ветхого, и возрожденный, что связано с крещением, которое не есть привилегия, а должно быть всеобщее, так как заповедь «шедше научите, крестяще, все народы» имеет целью в связи с научением сделать человеческий род *сверхчеловечеством*, и не в мистическом, а в материальном смысле *воскрешения и бессмертия*²⁵⁸. Есть два материализма: материализм подчинения слепой силе материи и материализм управления материей, не в мысли лишь, не в игрушечных, кабинетных опытах, или лабораторных, а в самой природе, материи, делаясь ее разумом, *регуляцией*.

Философия вообще враждебна религии*, но вредна она для религии тогда, когда обращается в ее (религии) защитницу. Конечно, наш философ (Соловьев) не враг религии, а друг, который, однако, хуже всякого врага. На небесах радуются о всяком грешнике кающемся, наш же философ радуется, что Христианство, уменьшившись количественно, выиграло в качестве. Забыл гордый философ о брахме потерянной и найденной овце! Неужели Христос, если бы Он возвратился на землю, поселился бы среди этих праведников, а не пошел бы к грешникам и мытарям, хотя бы и услышал от нашего философа: «Зачем [1 слово неразб.]?» и прочие безумные глаголы. Нужно быть именно философом, чтобы не почувствовать, сколько глубочайшей грусти в этих словах, обращенных к избивающему пророков Иерусалиму: «сколько <раз> хотел я собрать чад твоих»²⁵⁹, а по воскресении опять посылает ко всем без исключения народам своих учеников. Но нашему философу кажется, что праведников еще очень много, и чтобы сократить их число, он заставляет антихриста созвать собор, — и вот еще более количественно уменьшилось Хрис-

* По свойственной младенчеству заносчивости, философия, вопреки церковному верованию <и> учению, не допускает всемогущества Божьего, творящего из ничего, хотя это верование практического значения не имеет, потому <что> никто и никогда, кроме разве мистиков, не допускал, чтобы человек мог творить из ничего... Но злобою философия всегда обладала не младенчествуящую.

тианство и, может быть, опять выиграло в качестве, т. е. в отрицательных добродетелях, сделались величайшими аскетами. Но замечательно, что Христианство уменьшилось во всех трех исповеданиях, тем не менее беспристрастный философ говорит нам, что первенство в количественном отношении осталось за католиками, но не упоминает, чтобы у протестантов, например, качественная сторона была выше, чем у католиков. О православных мы не говорим. Нельзя требовать сверхъестественных добродетелей от философа. Он может любить только тех, кого реже видит или совсем не видит.

Наш философ, признающий мысль и не признающий действие, берет человеческий род в тот момент, когда проповедь закончена, соединение, следовательно, не состоялось. Кончина наступает, но кончина, как говорит <он>, исторического процесса, но не космического, т. е. он отделяет исторический процесс от космического, разумные существа в их совокупности от слепой смертоносной силы и тем лишает <род человеческий> всякой возможности спасения. Почему он объединение вручил Антихристу, объединение и внешнее, и внутреннее? Почему собор занимается не соединением даже, а лишь примирением и только христиан в умаленном числе?

Отделение исторического процесса от космического, т. е. Истории (как науки о всех умерших поколениях) и Астрономии (как <науки> о бесчисленных мирах, слепую, а не разумною волею движимых, т. е. оставленных своей слепоте, как и человек своим похотям), показывает, что философ относится <к этому космическому процессу> так почтительно, что не делает его предметом своей мысли.

Но что всего поразительнее, <так это то,> что г. Соловьев не в состоянии объяснить, почему Император — человек добрый, как сам автор сознается, — почему же он антихрист? «Не все то золото, что блестит» — какое же это объяснение?!²⁶⁰ Тогда как точный, определенный ответ дать очень легко. Он, Император, не в отцов место, не от Бога отцов, не мертвых, а живых, поставленный, заменяет дело о смерти и воскресении отцов вопросом о бедности (пауперизме), вопросом социальным*. Дело братского объединения, т. е. братотворения — делом внешнего примирения без внутреннего. Когда Христос говорит, что «нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда»²⁶¹, то нетрудно понять, что пока будет смерть, будет и бедность. Хотя автор уверяет, что Император всех насытил, но каким путем он это сделал, путем сверхъестественным, чудом, или естественным, г. Соловьев этого секрета нам не открыл, остается нам верить ему на слово. Но мы верим Слову Божию, что нищие всегда будут, конечно, пока будет смерть. Ошибка Императора заключается в том, что он вопрос об общих бедствиях, вопрос естественный, вопрос о слепой силе, заменил вопросом сословным, социальным, и тогда как первый требует соединения всех сил человеческих, требует всех сделать познающими (т. е. разрешает вопрос о разделении на ученых и неученых, или вопрос о двух разумах), второй вопрос, вопрос о пролетариате, — вопрос, требующий вражды против богатых; т. е. вопрос социальный заменяет вопрос о просвещении. Отождествлять вопрос о досуге, или праздности, с вопросом о просвещении — нелепо. Тогда как в во-

* т. е. Вопрос о всемирной любви заменяется вопросом о лицемерном сострадании к бедным и угнетенным.

просе об общих бедствиях заключается требование просвещения под страхом смертной казни со стороны самой природы.

«Краткая повесть об Антихристе» блестяще написана, но надо сознаться, не все то золото, что блестит.

* * *

Апокалипсис — Откровение, бывшее Соловьеву во время пребывания под Пальмами²⁶². Участник страдания. Католики в России, живущие средневековым мировоззрением, и Россия, избег<ающая> [не дописано.]

Действующие лица: Антихрист — автор. Антоний или Аполлоний; Иоанн Богослов^{*}; Петр II; Профессор Паули, т. е. Павел II. Депутаты: католики (большинство), протестанты, православные и старообрядцы.

Публика состоит из людей, у ранних обеден не бывающих и вообще обрядом пренебрегающих и под видом духовной религии не признающих никакой, не исключая самого генерала, лучшего из всех, не говорим <уже> о тупом князе, приверженце Толстого, ни России, ни православия никогда не любившего, а после освобождения крестьян возненавидевшего их, [или о] барыне, очень доброй и весьма ограниченной, [а также о] политике, который явно не признает того, что все, включая и Z, отвергают тайно.

Можно согласиться с Соловьевым, что Император, как он описан у него, есть Антихрист, так же как Антоний или Аполлоний, который орудие спасения обращает в орудие казни²⁶⁴, также или тоже заслуживает звания слуги Антихриста, тогда как его Иоанн есть Лже-Иоанн, так же как и Петр II и Паули есть Лже-Петр и Лже-Павел.

*О 4-х самозванцах: Анти-Христ и его слуги
Анти-Иоанн, Анти-Петр, Анти-Павел²⁶⁵*

Можно согласиться с Соловьевым, что Император, как он описан у него, хотя и действует по программе автора «Оправдания Добра», есть, однако, действительно Антихрист, т. е. Соловьев себя делает отцом Антихриста, потому что он не в праотца место и не от Бога отцов не мертвых, а живых поставлен, а милостью народа призван царствовать, и хотя <он> вносит мир <и> соединяет все народы земли, но для чего нужно это собиранье, он, оказывается, не знает. <Он> создает в центре мира — Музей, который служит только хранилищем останков <предков>²⁶⁶, а не средством возвращения жизни, воскресения, <он> примиряет исповедания, но цели и смысла мира не знает, а слуга его обращает орудие спасения в орудие казни.

Иоанн же, который признает другого главу, кроме Христа, хотя и говорит о любви ко Христу, это, очевидно, Анти-Иоанн. Петр II, присвоивший

* Хотя Христос и сказал Петру, что ему нет никакого дела до Иоанна, но Соловьев заставляет <Иоанна> преклониться пред Петром II²⁶³, а Павел, как профессор, хорошо знал, что в Священном <писании> нет основания для такого подчинения, но Соловьев его вопреки [1 слово неразб.] заставил молчать.

себе главенство, [есть Анти-Петр], и Павел II, не обличающий их, делается также Анти-Павлом. Какой <же> плод <может ожидаться> их примирения?

Конечно, могут возразить, что если Музей, как только хранилище, есть учреждение Антихриста, то кладбище, которое тоже есть хранилище, есть ли антихристианское учреждение? Но пока на кладбищах будут отпевания, их, кладбища, нельзя назвать только хранилищами, и если отпевания оказываются безуспешными, то вина эта лежит на нас, на нашей розни, которая препятствует соединить наши силы в одну совокупную молитву и одну литургию. Мы, как сыны, не всеми силами любим Бога отцов, не стали <еще> орудиями Его воли.

Во всем сочинении Соловьева есть только антихрист и его слуги, а Христа — нет, т. е. есть отрицательное, есть разрушение, но нет воссоздания. Где же у него Агнец, который откроет книгу за 7-ю печатями?²⁶⁷ То, что ему кажется мертвым, что представляется ему лишенным жизни, как кладбища, в них-то, в кладбищах, которым Музеи служат лишь представителями, окажется вся мощь жизни. Будут они (кладбища) Центрами воспитания, соединяющего всех сынов, ставших послушными орудиями воли Бога отцов, чтобы обратить умерщвляющую силу в оживляющую. Кладбища не будут обращаться в *сады-гульбища*, но они останутся *столовыми* для сынов человеческих, где каждая могила будет *столом*, трапезою, на которую будет полагаться пища, но не из праха отцов произведенная, а из внеземных пространств почерпнутая, так что прах отцов, который теперь обращается в пищу потомкам, возвращаться будет тем, кому он принадлежал. Тогда то, что совершалось у живущих внутри организма (т. е. пища, из праха отцов произведенная, обращалась в их плоть и кровь), — то самое будет происходить вне организма, т. е. прах будет преобразовываться в ткани тела умерших.

Сады будут не гульбищами, ибо растение будет орудием воскрешения, воссоздания тел. Своими листьями [оно] будет почерпать газы, [1 слово неразб.] вздохи, ветрами принесенные, а корнями [не дописано.]

Соловьев не говорит, в каких отношениях находится Император-Антихрист к Петербургскому правительству, которое дало убежище у себя папству Западному и не отказало, конечно, в этом и Азиатскому или Восточному Папе (Далай-Ламе). Победив две страшные *лжи*, Петербургское правительство могло бы быть признано христианским. Поэтому очерк об Антихристе нужно дополнить описанием Императора христианского, который, низложив Антихриста, мог бы историческому процессу дать иной ход, предупредить кончину. Апокалипсические угрозы могли <бы> не исполниться, а Иоанн благодарил <бы> Бога за <такое> неисполнение, ибо — он не Иона. И Соловьев, если в нем хотя искра²⁶⁸, должен остаться доволен за прибавление к его очерку Антихриста очерка торжества христианства.

* * *

Под названием «*Антихристианство и Христианство*», так же как под заглавиями: «Искусство как игра или творение подобий и как дело» (или о несовершеннолетия и совершеннолетия); «О культе предков или долге воскрешения и <о> культе женщин или <об> индустриализме и милитаризме»;

«Подчиняться ли слепой, неразумной силе должны разумные существа или управлять ею, делаясь орудиями Бога отцов не мертвых, а живых?» и под многими другими подобными заглавиями, а вернее, под всеми ими вместе может быть раскрыто Христианство в его силе, могущей противостать поднимающемуся Антихристианству, вся мощь которого представлена во Всемирной Выставке, имеющей скоро открыться²⁶⁹. Показать в Выставке *«путь, открытый ко вселенскому миру и благоденствию»* значит показать, в чем кроется сила Антихриста (соловьевского)*. Если же мы представим Выставку изнутри, как рекламу фабрики и торгового магазина, т. е. индустриализма, оттесняющего учреждения религии, науки и Искусства на задний план, а два дома терпимости, как языческие храмы, выдвигающего на первый <план>, а извне вооружим Выставку всеми орудиями милитаризма, то мы покажем, в чем заключается антихристианство сверхчеловека соловьевского, т. е. точно покажем, что он не только не золото, хотя и имеет его блеск, а есть именно зло, хотя и придает себе вид добра. В Выставке мы видим *воскресших богов*, которые замирали, а совершенно не умирали, в поклонниках которого и видит, конечно, Антихриста Мережковский²⁷⁰, так же как и Ницше. Старая Русь видела в Императоре, перенесшем к нам культ «воскресших богов», Антихриста, а ассамблеи представляла капищами этих богов²⁷¹ и служение им и молодых <людей>, и помолодившихся стариков — падением, отречением от христианства.

Очевидно, вопрос состоит в том: нужно ли внешнее соединение (кооперация) на возможно кратчайшее время (на 8-и и менее часовой рабочий день для 16-и и более часовой праздности) для создания всеобщего комфорта или же <нужно> глубочайшее объединение во взаимознании (психократии), в труде познания слепой, умерщвляющей силы для обращения ее в живоносную, делаясь орудиями Бога отцов не мертвых, а живых. Первое называется культурой, цивилизацией, под коими и скрывается антихристианство, а под вторым разумеется Христианство активное, которое употребляет все силы знания и искусства для достижения высшего нравственного совершенства, при котором благотворительность обращается в возвращение жизни, во всеобщее воскресение.

В преддверии нового века мы и *задаем вопрос*: будет ли наступающее столетие, *начавшись Выставкою*, веком Антихриста (или антихристианства), *началом конца мира*, или же, *начавшись юбилеем Рождества Христова*, станет *началом совершеннолетия* или совершенства религии, науки, искусства и нравственности?²⁷² Совершенство религии заключается в признании себя орудиями воли Бога отцов не мертвых, а живых. Совершенство знания — в устранении противоречия между двумя разумами и соединении двух сословий в отеческом деле. Совершенство искусства — в замене сынами творения подобий своих отцов действительным отцветованием.

* «Антихрист» Соловьева марксист или народник?

Стихотворение Соловьева, относящееся к году пребывания в Лондоне, занятий в Британском Музее 1875 г.²⁷³

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю *высшую* согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

(Считать Высшую волю чуждою себе — не значит ли считать Бога не отцом, а Баринном! — Это не смирение, а [не дописано].)

Н. Ф. Федоров, В. А. Кожевников

КОНЧИЛАСЬ ЛИ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ?²⁷⁴

В сентябрьской книге «Вестника Европы» недавно скончавшийся В. С. Соловьев, излагая свои мысли по поводу «грозы панмонголизма», надвигающейся, по его мнению, на цивилизованный Запад, вспоминает слова своего отца, историка С. М. Соловьева, о будущем человеческого рода и о конце всемирной истории, слова, на которые стоит обратить внимание. Вот эти слова:

«Современное человечество есть больной старик и всемирная история внутренне кончилась...» Иначе сказать: современное человечество не только старб, но и больно; для него остается только смерть. Мало того! Внутренне оно уже умерло; история его кончилась; ничего нового оно уже произвести не может.

Такова была, по словам Соловьева-сына, «любимая мысль его отца», «его продуманный и проверенный взгляд на историю»²⁷⁵. Мы же позволяем себе заметить, что в этих словах В. С. Соловьева слышится голос не живого человека, не сына, а отвлеченного мыслителя-философа; потому что со стороны любящего сына по меньшей мере странно приписывать отцу, в качестве «любимой мысли», мысль столь безотрадную, как выше приведенная. Возводить такую мрачную мысль в «любимую» значит лишать отца и семьянина надежд на светлое будущее даже для его ближайших, для его потомства; значит лишать патриота — любви к отчизне и веры в нее и, наконец, историка — любви и веры в предмет его жизненного труда, во все человечество. Признать же мнение о близости смерти рода человеческого любимую мыслью историка русского значит сверх того обидеть историю Русскую. Ужели, спро-

сит всякий прочитавший эти слова, таков конечный вывод сорокалетних занятий Русской историей почтенного ученого?..

Допустим, что новых народов на смену старых, точно, нет; ибо островитян, которые съели Кука (слово С. М. Соловьева), пожрали европейцы, а краснокожих доедают американцы, недавно перенесшие свой «империалистский» аппетит и на Старый Свет (на Филиппины). Истребление негров (о неспособности которых к «обновлению» истории упоминал С. М. Соловьев) идет также довольно успешно²⁷⁶.

Но дело в том, что новых народов и не нужно для продолжения исторического процесса, для того, чтобы спасти всемирную историю от конца (конца во всяком случае позорного, — все равно, будет ли он результатом взаимного истребления или хотя бы и мирного всеобщего истощения и вымирания). Не нужно появления *новых* народов на арене всемирной истории, потому что соединение и *старых* народов могло бы предотвратить такой исход истории, если бы эти народы могли соединиться для общего, все человечество спасающего дела. Такое соединение и имело искони в виду христианство; оно и должно было служить целью христианской проповеди. Но возможно ли это соединение теперь, когда европейские (то есть не-христианские, хотя и величающие себя таковыми) миссионеры приходят к народам, у которых еще не иссякла любовь к отцам, и проповедают им, что они, крестившись, будут по смерти наслаждаться зрелищем вечной казни своих родителей? Возможно ли при *такой* проповеди соединение народов на общее спасительное дело?.. Конечно, даже старосветские и новосветские Каннибалы догадались, что такие искренние проповеди, годные еще, быть может, для высококультурной Европы, совсем непригодны для менее развращенных народов, а потому они и решились скрывать этот столь любезный прогрессивным народам догмат.

Но что сказать об умах «высшего порядка», о гуманных мыслителях и публицистах, которые открыто, в стихах и прозе, призывают к европейским народам о необходимости разгрома Китая? Нужна изумительная наивность или же напускная слепота для того, чтобы проповедовать всемирный поход против целой расы, раздробление огромного государства, беспощадное истребление многолюднейшего народа *христианским* мечом, ради того, чтобы мягкосердные европейцы не заразились жестокосердием китайцев!²⁷⁷

Не глубоко ли печально, что враг «средневекового мирозерцания» (В. С. Соловьев) завершил свою писательскую деятельность гимном «наследнику меченосной рати» («Дракон», «Вестник Европы», сентябрь 1900 г.), воззванием к возобновлению крестового похода, кровавого и беспощадного?.. Во всяком случае, не из уст проповедника терпимости ждалось услышать такой призыв на союз, даже на отождествление «Креста с Мечом»!²⁷⁸

Да и на чем, наконец, основаны все эти по меньшей мере преждевременные страхи? На предполагаемой, будущей лишь опасности, не подтверждаемой, а опровергаемой настоящими событиями, когда небольшие сравнительно отряды разбивают массы китайцев?²⁷⁹ Нужна горячая вера в пророческий дар Соловьева, чтобы на основании его приходило в отчаяние, дрожать за судьбу цивилизации и для спасения ее взывать к средствам, о которых истинное человеколюбие должно бы стыдиться даже упоминать. Но те, в ком еще

не угасла вера во все человечество, тем подобает верить в то, что конец всемирной истории еще не настал, что смертный приговор над человечеством еще не произнесен бесповоротно и безусловно, что от доброй воли самого человечества, от его истинного просвещения и полного знания, от его живого нравственного чувства и неустанной всеобщей энергии зависит не только спасение его в будущем, но и восстановление истребленного в прошлом.

Географическое завершение всемирной истории, то есть тот факт, что ныне *вся* земля стала ее сценою, иными словами, начало *действительно всемирной* истории Соловьев-сын принял за ее конец. Война европейцев и американцев с китайцами была первою истинно-всемирною войною, и не простая случайность, что именно русскому генералу выпала на долю честь командовать соединенными войсками Старого и Нового Света²⁸⁰. Но за этим знаменательным событием должно бы последовать и всемирное посредничество России с целью всемирного объединения народов, подобно тому, как и первый призыв к установлению мира всего мира исходил из России²⁸¹. Не сокрушаться, следовательно, надо о том, что новых народов более не является, а нужно радоваться тому, что старое не поглощается новым. Верхом же нравственного совершенства был бы не только отказ от поглощения старого новым, но и восстановление старого, конечно, не в его недостатках и пороках, не в том виде, в каком оно было, а в том, в каком оно могло бы и должно бы быть.

**ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕКЦИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 25 ФЕВРАЛЯ 1882 <ГОДА>,
ЛИТОГРАФИРОВАННАЯ СТУДЕНТОМ В. КАЗАНСКИМ ПО ТЕКСТУ
СОЛОВЬЕВА «ЖИЗНЕННЫЙ СМЫСЛ ХРИСТИАНСТВА»²⁸²**

В этой лекции нет места науке, а только философия, и самое дело есть лишь мысль, а не план, не проект обращения слепой силы природы в управляемую совокупным разумом человеческого рода. Он называет [это дело] одухотворением природы омертвелой и распавшейся, которая должна стать его, [человечества,] живым телом; «в самом человечестве одухотворение его должно вести к соединению физически живущей его части (видимая Церковь) с частью физически умершею (церковь невидимая)»²⁸³, <для чего> признается необходимость содействия человека.

«Увековечение человеческой личности подчинением слепых физических сил разумной воле человека». Стр. 17-я. «Не гибель природной особи есть разрешение мирового противоречия между частным и общим, а ее воскресение и вечная жизнь. И это разрешение добывается чрез разумное и свободное действие человеческой воли»²⁸⁴.

VI. Воскресение Христа принимается за поворотную точку всемирной Истории. До воскресения искомым являлось божественное, а по воскресении — соответствующее этому божественному человеческое. Результатом первой является Богочеловек, результатом второй — человекобожество в собирательном смысле. Древний мир созерцал Бога, новый дал действие. Богопочитание дало богодействие (теургию)²⁸⁵.

«Разъяснению вопроса о сущности <христианства> у В. С. Соловьева посвящена одна из прекраснейших лекций его, читанных в нашем университете, — говорит проф.-протоиерей В. Рождественский в речи, читанной в публичном собрании Санкт-Петербургского философского общества 26 ноября 1900, — именно *последняя* лекция его, читанная в 1882 г. 25 февраля» («Христианское чтение», февраль, 1901)²⁸⁶. Эта лекция есть, можно сказать, перевод сказанного проекта на философско-мистический язык. Соловьев предлагал назвать его всемирною литургиею.

«На Христианство, — говорит Соловьев, — можно смотреть тройко: как на *Исторический факт*, как на *идею* и как на *задачу* человечества. Если мы поймем Христианскую идею, то факт христианства явится как естественная необходимость, а задача Христианства как нравственная обязанность»²⁸⁷. Проще сказать, Христианство не идея, а проект не таинственного лишь искупления, а действительного телесного воскресения.

«Зло есть всемирный закон, закон природы», закон неразумной природы, неразумной, пока бездействует разумная, «ибо всякая жизнь в природе начинается с борьбы и злобы, продолжается в страдании и рабстве, кончается смертью и тлением»²⁸⁸. Но в этом самом «отчуждении и разладе всех существ, в их взаимном противоречии и несовместности состоит *бессмысленное*, иррациональное бытие мира. Злое и бессмысленное в сущности одно и то же. И если злобный разлад всех составляет бессмыслицу в мире, то *смысл* мира будет противоположное, т. е. всеобщее примирение, лад, или смысл мира есть всеединство»²⁸⁹, а яснее — многоединство.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ЛЕКЦИИ Н. Я. ПЯСКОВСКОГО «КАК МЫСЛИЛ ВЛ. СОЛОВЬЕВ О ВОСКРЕСЕНИИ»²⁹⁰

*К лекции Пясковского*²⁹¹

Не Московскому Музею III-го Рима, не главному Архиву Министерства международного мирного дела²⁹², а Историческому Музею выпала счастливая доля услышать первому *радостную весть* о воскресении не как Идею, а как факте (лучше было бы <сказать> — проекте), о воскресении не как мистическом, а как реальном деле. Эта великая весть и отживающее учреждение (Университет) может оживить, и нездоровшее <(Музей)> — привести в зрелость. С 21 марта можем считать начало нового века, XX века, если он усвоит воскресение не как Идею, а как дело. XIX век превозносил Идею, а XX-му, как более зрелому, нужно дело. В Программе чтения приветствуем зарю великого дела (фрашо-керете Истинного Заратуштры).

* * *

«Пессимизм, агностицизм и доктрины Соловьева. Жизнерадостная философия. Реализм или мистицизм в вопросе о воскресении»²⁹³.

По-видимому, здесь Пессимизму нынешнего времени противопоставляется Жизнерадостная философия Соловьева, а Агностицизму (относящемуся к знанию сословному, а не всеобщему, всех, к знанию в одиночку, знанию без общего дела) противопоставляется или, по крайней мере, должно противопоставляться, Воскресение как научный опыт воссоздания Божьего создания, до сих пор разрушаемого человеком, воссоздания человеческим родом как единым экспериментатором и художником, братством всех сынов, воскрешающих всех своих отцов и матерей.

Такое воскресение можно назвать *гностицизмом*, если оно есть *мистицизм*, или же *превращением Гносеологии в Гносеоургию*, превращением знания во всеобщее дело, переходом от таинственного храмового дела, или Литургии, к внехрамовому, превращающему явно, последовательно прах в самое тело и кровь тех поколений, от разрушения коих он произошел, для регуляции всех миров, *если воскресение есть реальное, а не мистическое.*

* * *

Что противопоставляет Соловьев позитивистическому агностицизму или позитивистической ограниченности? Ограниченное знание? Мистицизм или агностицизм²⁹⁴.

Что противопоставляет Соловьев волюнтаристическому пессимизму, или ограниченности воли, дела? Жизнерадостная философия есть далеко не соответствующий ответ на пессимистический вопрос. Не философия, т. е. *жизнерадостная мысль*, а *жизнерадостное Дело*, дело воскресения — <вот достойный ответ.>

Агностицизм — непознаваемость, Пессимизм — отчаяние в осуществлении дела.

Программа:

«Страх смерти и смысл жизни», т. е. жизнь будет иметь смысл, когда она будет употреблена на приобретение бессмертия, смерть возбуждает страх.

Три оправдания и два доказательства.

* * *

Когда Пясковский* задавал в своей программе вопрос: *«Реализм или Мистицизм в вопросе о воскресении»* и склонялся в ответе к последнему²⁹⁵, в это время или вскоре после этого Толстой обозвал Мистицизм *колдовством*²⁹⁶, т. е. отверг мистицизм, не признавая реализма. Прямо противоположно Толстому в письме к Пясковскому²⁹⁷ признан *реализм, не отвергая мисти-*

* Пясковский — толкователь Вл. Соловьева, который, нужно прибавить, вместе с Достоевским признавал *долг воскресения.*

цизма, т. е. чудесного действия, уже по тому одному, что мистицизм находится в области *агностицизма*.

Хотя Толс<той> уверяет, что он изучил и теоретически, и практически православие, но как же он не заметил, что наша служба, и особенно страстная и пасхальная, есть не что иное, как *комментарий Евангелия*, а в последние дни Страстной и на Св. неделе Псалтырь, наиболее употребляемая в Богослужении, почти устраняется, а между тем эти дни служат образцом всех других служб, так что со временем службы всем святым, для коих дни их памяти, их успения, суть Пятки и Субботы (день же воскресения всех их сливается со днем Воскресения Христова) и по Службе уподобятся, ближе будут подходить к последним дням Страстным, как это уже исполнилось для дня Успения Пр. Богородицы²⁹⁸. И нынешний Служебный год есть лишь пятидесятикратное повторение двух недель, Страстной и Светлой, принимая последнюю за один день.

* * *

В то время, когда Пясковс<кий> читал свою лекцию об учении Соловьева о воскресении, в это время в «Мире Искусства» — 1900 г. — был уже напечатан Первый том критического исследования «Христос и Антихрист в Русской литературе — Л. Толстой и Ф. Достоевский», а в нынешнем 1901 в том же журнале «Мир Искусства» те же два писателя рассматривались как религиозные мыслители²⁹⁹. Но нам неизвестно, в каком отношении Мережковский находится к Соловьеву, писавшему в то же время об Антихристе. Но статья и Соловьева немного обращала внимания, а Мережковского еще меньше, хотя в это время вышло увещание или отлучение Синодом Толстого. Но самый предмет этот так чужд нашему веку, что не обратил на себя внимание.

* * *

Лекцию Н. Пяковского о том, как мыслил Вл. Соловьев о воскресении, не удостоил своим посещением ни один из друзей этого философа³⁰⁰. Такое пренебрежение относится несомненно не к личности Соловьева, ни даже к личности лектора, а, очевидно, к предмету лекции, к воскресению.

В сборнике статей, посвященных памяти Вл. С. Соловьева (М., 1901 (Вопросы философии и психологии. Январь-февраль, книга 56)), судя по разбору в «Историческом Вестнике» (№ 5, май), совсем не упоминается об этом предмете³⁰¹, которому сам Соловьев, как, конечно, известно его друзьям, придавал, особенно в последние годы, важное значение, и даже в посмертной его статье о Лермонтове, помещенной в «Вестнике Европы» (февраль), раскрываются основы (как, по-нашему, неверно или очень отвлеченно понимает Соловьев) учения о воскресении³⁰². Такое замалчивание легко может быть объяснено. Подобно тому, как друзья Языкова не обратили никакого внимания, даже забыли и заглавие сочинения, которое Языков (умирая) предлагал им прочитать и которое, по его словам, должно было совершенно изменить их взгляд на учение о воскресении³⁰³, так и друзья Соловьева видели в этом убеждении *слабую* сторону, пятно в его философском учении и потому считали и считают долгом замалчивать его.

Вл. Соловьев не вышел из области теоретического разума. Он знает лишь человека и смертного и не знает сынов умерших отцов. Это-то, должно быть, и есть те теоретические обоснования, о которых он хотел поговорить после чтения рукописи, которую называл Проектом³⁰⁵. А после счел за лучшее промолчать.

Прочитав статью Вл. Соловьева о Лермонтове*, статью недодуманную, необдуманную, лишенную всяких указаний к переходу от слова к делу, т. е. воскресению и бессмертию, неверно — и что хуже всего, — даже глубоко безнравственно понятным, не мог не пожалеть, что лишен всякой возможности высказать, что, не прибегая ни к нищестанству, ни к мраку мистицизма, ничего своего, произвольного не внося, можно идти прямым путем к воскресению и бессмертию. В статье его нашел я даже ответ на возражение, сделанное ему по поводу Евангельского слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Вы, говорил я ему, в этом выражении не прибавили ни одного слова, ни убавили, и только изменили грамматическую форму слова, и этим больше его исказили, чем вставкою или убавкою целых слов. Вы заменили множественное число единственным. По Евангелию, Совершенство дается людям не в одиночку, ни в отдельности, а в их лишь полной совокупности. Нужно объединение всех живущих для воскрешения всех умерших, нужно объединение сынов для возвращения жизни отцам, объединение всех разумных существ против неразумной, слепой силы природы³⁰⁶. Соловьев соглашался и даже говорил, что легко изменит это место своей книги «Оправдание добра». Но сделавшись нитчеанцем, он уже не считал нужным объединение, следовательно, Церковь. Каждая ветка, не находясь на лозе, может творить все. Соловьеву — мнимому аристократу — очень понравилось быть сверхчеловеком, т. е. превозноситься над себе подобными, принимая небольшое несходство за крупное превосходство. Он охотно подчиняется слепой силе и только чванится над близкими, <чванится> своими мнимыми достоинствами. Несмотря на такую мерзость, нет обличающего [не дописано.]

Разница между Соловьевым и Ницше прежде всего заключается в том, что первый отличается трусостью, а Ницше смелостью. Ницше, признав сверхчеловечество, открыто заявляет презрение к человечеству, а бояливый Соловьев, признав также сверхчеловечество, которым, конечно, не могут быть все люди, не решается открыто выразить презрение к человечеству. Говоря о несовершенстве человека, Соловьев боится прямо сказать, что это несовершенство зависит прямо от него самого. Соловьев осуждает Ницше и К^о только за то, что он, Ницше, высказывает презрение *заранее*, ничего не сделавши сверхчеловеческого³⁰⁷. Почему же Соловьев не сказал, что он, Соловьев и К^о, сделал или сделали сверхчеловеческое.

Презрение к человеку и присвоение исключительного сверхчеловеческого достоинства себе одному или себе и К^о Соловьев признает истинною, если присвоено оно *не заранее*, а оправдано действительным улучшением. «Челове-

* т. е. предисловие к этой статье от 441–455 стр.; это лекция, читанная в марте 1899 г., напечатанная в феврале 1901 г. в «Вестнике Европы».

ку, — говорил он, — естественно хотеть и быть больше и лучше, чем он есть в действительности». Эту лучшую действительность он сам (один или с К⁰) делает или, другими его словами, «делает более заметно и очевидно в качестве <существа> собирательного (т. е. с К⁰), менее заметно, но столь же несомненно и в качестве существа личного». Хотя здесь умолчано, но тем не менее презрение узаконено, если оно основано на действительном достоинстве. «Вся история* состоит в том, что человек делается лучше и больше самого себя**, перерастает свою наличную действительность, *отодвигая ее в прошлое****, а в настоящее выдвигает то, что еще недавно было противоположным действительности, — мечтою, субъективным идеализмом, утопиею»³⁰⁹. Если бы для Соловьева прошлое, История были отцы, а настоящее — сыны, то какой смысл имели бы эти выдвигания и отодвигания? Во всяком случае, и по самому названию, сверхчеловек есть выделение, превознесение одной части человеческого рода над другой. Что такое К⁰ сверхчеловека: нация? сословие? или партия? секта? <И, конечно,> оно — Сверхчеловек и К⁰ — не есть *сознание* всех разумных <существ> *своего превосходства над силою слепую*. В Католицизме Папа — сверхчеловек, а духовенство — К⁰. Соловьев остался католиком.

Соловьеву кажется, что он нашел эту истину, *которую держится, которую привлекает* к себе нищестанство и которую оно может быть опровергнуто. — А на чем держится, — если только оно держится, — Соловьевское заблуждение?

Выделение, презрение, сам сверхчеловек есть порождение *отвлеченного человечества*, порождение заповеди: «Познай самого себя». Вместо лишнего всяких определений существа — человек, — признайте себя *сыном всех умерших и еще не умерших отцов*. В этом естественном (а не искусственном, как человек и смертный)**** <определении> заключается и долг объединения — братство, и цель объединения — возвращение жизни сынами отцам по воле Бога отцов не мертвых, а живых. Нет необходимости говорить ни об эгоизме, ни альтруизме, как только мы возвратились к первоначальной истине, стали как дети, для коих и существует только родство. <Как станем детьми,> так сейчас <и> окажется *величайшею безнравственностью*, да и крайнею нелепостью сделать некоторых (многих или немногих — это все равно) бессмертными, т. е. то, что теперь иронически говорится о сильных земли, об аристократах, — сделать действительностью. Большого зла сам дьявол не мог бы изобрести. Если бы даже эта привилегия была временна, для чего понадобилась эта очевидная нелепость? Почему привилегированные не устроят сциентифичный ад, чтобы держать в вечном рабстве смертных... Все это основано на недомыслии.

«При тех же двух глазах можно стать сверхчеловеком****, а при сотне глаз можно оставаться только мухою»³¹⁰. Да, если эти сотни глаз не будут произведением знания и дела, а <будут> даны природою. Не только отпра-

* Конечно, та, которая кончилась³⁰⁸.

** Умолчано, как: в лице всех или только некоторых.

*** А не восстанавливая те прошедшие поколения, в коих были эти недостатки.

**** Сын умерших отцов — это значит: смерть мы знаем индуктивно. Тогда как слово смертный есть дедуктивное, даже предшествующее опыту, понятие, что очевидная нелепость.

**** Т. е. бессмертным, конечно, мнимым, недействительным.

ления всех органов (функции), но и морфология органов должна быть произведением знания и дела, труда³¹¹. Нужно, чтобы микроскопы, микрофоны, спектроскопы и т.д. были естественною, но сознательною принадлежностью каждого человека, т. е. чтобы каждый обладал способностью воспроизводить себя из самых элементарных веществ и, следовательно, обладал бы возможностью быть, — конечно, последовательно, а не одновременно, — везде. Организм, по причине бессознательного развития, создал патологические органы. Орган обоняния стал органом насморка, т. е. постоянного выделения болезненной материи; два главных органа выделения — экскрементов и мочи — суть органы *патологической морфологии*. Смертность — органический порок человека и животных.

Ради отвлеченной мысли — этой якобы высшей умственной жизни, — разные Спенсеры готовы пожертвовать всеми внешними чувствами. Спенсер радуется исчезновению у культурных людей тонкости внешних чувств, живости наблюдений. С этой точки зрения слепота будет прогрессом; тогда как истинное, действительное, — а не мнимое, <только> мысленное, — требует, чтобы все, доступное мысли, стало доступным и чувствам. Нужно, чтобы все вибрации стали доступны нашему восприятию.

Только на этом условии возможно бессмертие, притом только чрез воскрешение отцов возможно бессмертие сынов, ибо воскрешение есть сознательная замена бессознательного процесса рождения. Соловьев вовсе не подумал, при каких условиях смерть будет невозможна. Она будет тогда только невозможна, когда слепая сила природы во всех мирах вселенной будет чрез воскрешенные, а не рожденные, поколения обращена в силу, управляемую разумом.

Соловьев, конечно, очень удивился бы, если бы узнал, что сверхчеловеком — в смысле обладания <(управления)> слепую силою природы, — будут *мужики*, которые прах предков обращают в пищу и одежду потомков, а мужиками в этом смысле *станут все*. Соловьев же, по-видимому, воображает, что для дела воскрешения, — если только он признает его, — нужно будет создать, учредить, особый класс людей, особый орден — рыцарей воскрешения. Он вовсе не понимает, что Воскрешение есть дело всеобщее, а вместе и для каждого родное... «Ясно, — говорит Соловьев, — что ежели человек есть прежде всего и в особенности смертный, т. е. подлежащий смерти, побеждаемый, <преодолеваемый ею,> то сверхчеловек должен <быть> прежде всего и в особенности победителем смерти, т. е. освобожденным (освободившимся?) *от существенных условий, делающих смерть необходимою*, и, следовательно, исполнить те условия, при которых возможно или вовсе не умирать, или, *умерши, воскреснуть*»³¹². Если нужно исполнить некоторые условия, чтобы, умерши, воскреснуть, то что же нужно сказать о прежних умерших, которые и не могли исполнить этих условий, что же — для них нет воскресения? Соловьев, очевидно, говорит только о бессмертии, а не о воскресении, и особенно всеобщем. Быть «освобожденным от существенных условий, делающих смерть неизбежною», т. е. освободиться от этих условий, не управляя ими, освободиться от них лично... Всегда рознь, действие в одиночку!.. Для Соловьева воскресение, конечно всеобщее, не есть естественное произведение природы, переходящей из бессознательного состояния чрез человека, <т. е.> разумные существа, в сознатель-

ное, в управляемое разумом и чувством. Всеобщее воскресение есть полнота, совершенство жизни всей природы, всех миров вселенной, совершенство умственное, эстетическое и нравственное.

Полагаем, что и Соловьев не отвергнет верности для всего прошедшего и настоящего, — т. е. пока мир отдан своей слепоте, — следующего положения: «Всякое последующее поглощает предыдущее, чтобы быть поглощенным в свою очередь». Это закон слепой природы. Для разумных же существ последующие, т. е. сыны, *поглощение* должны заменить *возвращением*. Как же это может быть сделано несколькими лицами!!! Только лишенный всякого философского смысла может говорить такие нелепости!

«Положим, такая победа над смертью не может быть достигнута *сразу*, что совершенно несомненно. Положим также, — *а это уже сомнительно*, потому что не может быть доказано, — что такая победа <при теперешнем состоянии человека> не может быть достигнута вообще в пределах единичного существования». Далее Соловьев говорит, что условия смерти нам хорошо известны (а он вовсе их не знает), «<так> должны быть известны и противоположные условия». «Хотя бы и не было пред нами настоящего сверхчеловека, но есть сверхчеловеческий путь, *которым шли, идут и будут идти многие, на благо всех*, и, конечно, важнейший интерес в том, *чтобы побольше людей на него вступали, прямее и дальше <по нем> проходили*»³¹³. Хотя бы одного назвал по имени. Мы же принимаем, что человек от первого шага, принятия вертикального положения, заменяет орудия борьбы — начиная от рук, — орудиями созидания. Теперь же нужно желать, чтобы всеобщая воинская повинность в связи со всеобщим-обязательным образованием у всех народов (на Конференции мира) заменила орудия истребления орудиями регуляции. <Соловьев же> под многими, идущими сверхчеловеческим путем, по-видимому, понимает вообще добрых людей; но если бы и все люди стали добрыми, то и тогда смерть не уничтожилась бы, или — вернее сказать — потому и не могут все люди стать добрыми, что есть смерть, т. е. есть условия, возбуждающие вражду, следовательно пока человек не начнет воскресать, он будет убивать.

Соловьевское воскресение есть не всеобщее, *не всеми производимое*, а лишь сословием сверхчеловеков, и распространяется ли на всех или нет, — неизвестно. — Бессмертие есть удовлетворение эгоистических стремлений, т. е. приобретается каждым в отдельности, хотя бы некоторые <и> приобретали бессмертие для воскресения других. — Соловьевское учение отрицательную заповедь Супраморализма «жить не для себя и не для других» обращает в положительную, требуя жизнь для себя расширить до бессмертия. Сомнительным ему кажется лишь достижение такого бессмертия сразу, и спорным — невозможность достигнуть победы над смертью в пределах единичного существования.

*Бессмертие как привилегия сверхчеловеков*³¹⁴

Учение о бессмертии как привилегии некоторых высказано Соловьевым по поводу Лермонтова. В Лермонтове Соловьев видит зародыш того настроения, направления чувств, мыслей и отчасти и действий, которые нашли полное свое выражение в Ницшеанстве.

В Ницшеанстве, как во всяком заблуждении, есть несомненная истина, которую оно держится и которую оно извращает. Заблуждение это, по Соловьеву, состоит не в том, что Ницше создает сословие сверхчеловеков или одному Я приписывает исключительно сверхчеловеческое значение, а в том, что такое значение сверхчеловеческое и презрение к человеку присвоется *зара-нее* (курсив самого Соловьева) и требуется, «чтобы это присвоенное, но ничем еще не оправданное величие было признано другими, стало нормою действительности»³¹⁵. Итак, заблуждение не в привилегии, а в преждевременном ее присвоении (узурпации?). — Показав заблуждение (Я и К⁰) и узаконив, по-видимому, презрение, хотя условно, Соловьев хочет показать истину.

Насколько ложна заповедь знать самого себя, забывая о других и о деле, настолько истинно и благо требование критического отношения к себе, — не к некоторым <только> мыслям, чувствам и действиям, — а ко всему своему существу, к «самому способу своего бытия в целом»³¹⁶; притом это требование, возникающее из заповеди «Покайтесь»³¹⁷, — должно относиться ко всем, к каждому. Соловьев же не делает из критики универсального закона, как христианство, потому что не видит, не чувствует приближения Царства Божия. Критическое отношение, требуемое не от всех и дающее право на презрение к своим ближним, показывает, как далеко мы ушли, уклонились от христианства, т. е. как глубоко пали!

Критическое отношение к «самому способу *своего* бытия» — что этот способ есть не свой, а *общий*, философ эгоизма не обращает <на это> никакого внимания, — требует радикальной перестройки своего существа, а не того лишь, чтобы «быть больше и лучше, чем он есть в действительности». Для человека, которого Господь создает чрез него самого, ничего не должно оста<ва>ться даровым, данным, а все должно быть приобретено трудом, трудом всех, общим. Недостаточно сказать: «в той или <другой> мере — то, что *он сам делает*, — делает более заметно и очевидно в качестве существа *собира-тельного*, менее заметно, но столь же несомненно и в качестве существа *личного*». — Критические требования, чем далее, тем более понижаются, так что оказывается, что «вся История состоит в том, что человек делается лучше и больше самого себя, перерастает свою наличную действительность, *отодвигая* ее в прошедшее». Не подчеркивать, а зачеркнуть <нужно> эту хамитическую, а вместе и бессмысленную фразу. Отодвигать в прошедшее мы можем лишь мыслью, т. е. <мы можем только> говорить о пороках наших отцов, от коих мы сами будто бы освободились, тогда как наша задача, как сынов, — искуплять грехи отцов. Сын же Историка, говоря о вдвигании в настоящее того, «что еще недавно было противоположным действительности, — мечтою, субъективным идеализмом, <утопией>», очевидно, никогда не мечтал о долге сынов, долге воскрешения, как уверял Достоевский, и даже не предполагает, что осуществление этого долга есть полное водворение <блага, добра> и уничтожение всякого зла. Говоря о росте внутреннем, связанном с внешним, физическим, он не знает, что рост переходит в рождение, а совершенная форма рождения, в которую оно должно перейти, есть не внутреннее, мысленное, а действительное воскрешение. Критика способа своего бытия ограничивается лишь функциональными отправлениями. В морфологии Соловьев

не видит ни ограниченности, ни патологичности. Он вовсе не понимает или не признает, что дело человека относительно своего организма, как произведения бессознательной эволюции, <состоит в том, чтобы> обратить <его> в управляемый разумом, воссозданный. Органом зрения, которым так доволен Соловьев, род человеческий оказался недовольным и создал искусственный, хотя также несовершенный орган. «При тех же двух глазах могут раскрыться „вещие зеницы, как у испуганной орлицы”»³¹⁸. Но эти вещие зеницы могут не видеть, а лишь предполагать, и под влиянием страха даже неверно. — Смерть стала органическим пороком, морфологическим, а не функциональным <только>.

Сверхчеловечество в Соловьевском смысле, как превозносящее бессмертием над своими предками-отцами и современниками-братьями, — гораздо более безнравственно, чем превозношение богатством, властью, как в немифической, секулярной Истории. <При превозношении бессмертием> мифы станут действительностью. Как бессмертные боги Гомера относятся к смертным, так Сверхчеловеки Соловьева относятся к людям, т. е. между сверхчеловеком бессмертным и человеком смертным несравненно более расстояние, чем <между> человеком смертным и животным. Но удовлетворит ли такая привилегия самих сверхчеловеков? Не найдутся ли между ними такие честные люди, которые, — если уже невозможно всех сделать бессмертными, — разделят судьбу смертных; а с другой стороны, какие чувства будут питать смертные к бессмертным? Если бессмертный Сын Божий сошел на землю, чтобы всех, конечно, сделать бессмертными, то найдутся, <несомненно, Ему> подражатели. *Только искаженное христианство, как Католицизм*, может мириться с привилегией, — бессмертный папа и католическое духовенство не есть ли сверхчеловечество, которое, приобщаясь <животворящей> крови Господа, лишает ее смертных³¹⁹.

Любопытно бы было знать, как Соловьев из внешних условий жизни сделает привилегию сверхчеловеков, как он заставит Солнце сиять над сверхчеловеками и обливаться зноем или покрывать мраком смертных? И воде и всем стихиям нужно будет сделать внушение, чтобы они сдуру не потопили сверхчеловеков <или не причинили бы им какого вреда>, так как морфологических преимуществ сверхчеловеки не имеют.

«Теперь ясно, — говорит Соловьев, — что ежели человек есть <прежде всего и в особенности> смертный, <т. е. подлежащий смерти, побеждаемый, преодолеваемый ею>^{*}, то сверхчеловек должен быть <прежде всего и в особенности> победителем смерти», — не вообще, а быть ему лишь «освобожденным (освободившимся?) от существенных условий, делающих смерть необходимою, и, следовательно, исполнить те условия, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерши, воскреснуть». Из этого следует, <что> для воскресения нужно сделать кое-какие распоряжения и, кажется, еще со-

* Несколько выше Соловьев говорит: «вот куда (т. е. на смертность) должны бы, по логике, с особенным вниманием смотреть люди, *желающие подняться* выше данной действительности, — желающие стать сверхчеловеками. Потому что, чем же в особенности отличается то *человечество*, над которым *они хотят подняться*, как не тем именно, что оно смертно?»³²⁰

вершенно неизвестные* , так что все умершие до открытия этих условий лишены всякой надежды воскресения.

Соловьев считает несомненным, что такая победа сверхчеловеков над смертью не может быть достигнута сразу, а что такая победа при теперешнем состоянии человека не может быть достигнута вообще в пределах единичной жизни, — это кажется ему уже сомнительным. Хотя то, что он сам такой победы не достиг, — это уже истина.

Но Соловьев — человек уступчивый — готов, хотя и с большим сожалением, заменить сверхчеловека сверхчеловеческим путем, но и тут [речь идет о] пути, которым шли, идут и будут идти многие (а не все) *на благо всех*, но не чрез всех, — т. е. *хорошая цель, достигаемая дурными средствами*.

Неуменье, неспособность подняться до универсальности указывает глубокий упадок самой философии. Замечается ли этот упадок у многих, или это привилегия одного Соловьева?!..

Сверхчеловечество есть отречение от братства (от всех живущих), от отечества (от всех умерших), отречение от общего великого дела и осуждение на блуждание и заблуждение, т. е. на философию без религии. Сверхчеловек есть блудный сын и вечный жид.

Бессмертие может ли быть привилегией одних живущих?

В признании бессмертия привилегией живущих заключается отрицание долга воскресения предков. Для хамитического Запада, приносящего отцов в жертву сынам (что у нас сделалось болезнью), достижение бессмертия было признано некоторыми высшею ступенью прогресса. Восток мог приносить сынов в жертву отцам (но мы не знаем такой теории, такой системы, по которой возвращение жизни <отцам> требовало бы смерти сынов). Для нас же Бессмертие сынов, достигаемое чрез воскресение отцов, есть цель, долг, совершенство жизни.

Нетрудно понять, что то, что мы называем *живущими*, суть или *недозревшие*, или *отживающие*, т. е. *рождающие* и поэтому *умирающие*.

«Бессмертие как привилегия сверхчеловеков» не есть ли величайший эгоизм, несравненно больший, чем «бессмертие как привилегия даже всех живущих», хотя и сие последнее есть страшный эгоизм. Может быть, людям нужно было пережить ужас привилегированного бессмертия, бессмертия сынов при смерти отцов, бессмертия, отделяющего присных, близких одного от другого, брата от брата, чтобы признать необходимость долга воскресения. Гёте так <и> не понял того момента, когда Фауст мог сказать времени — *остановись, не умерщвляй!* У нас понял даже западник Карамзин³²¹, — не говорим о простых, не изуродованных образованием людях, — что может удовлетворить всех.

Нужно представить себе этот орден бессмертных сверхчеловеков, созерцающих гибель одного поколения за другим. Это будет полное торжество

* Неизвестные, конечно, нам, смертным, а он <(Соловьев)>, конечно, принял меры, чтобы ему воскреснуть, он — первый от сверхчеловеков.

язычества. В лице бессмертных сверхчеловеков мы увидим языческих богов, которые будут отличаться от нас лишь функционально, а не морфологически. Не нужно будет изучать классических языков, потому что мы будем телесными очами созерцать богов и богинь... Мифы станут действительностью. Конечно, только благодаря тому, что грамотность, расширившись количественно, пала качественно, читавшие <статью> Соловьева не заметили всего богатства ее содержания!

Конечно, отношения между бессмертными Сверхчеловеками и смертными не могут быть иные, как помещиков к крестьянам, в наилучшем случае.

Сверхчеловеки — это <и есть> самые языческие боги на земле.

Сверхчеловечество — это папизм с неумирающим папою, духовенство, причащающееся крови и делающееся бессмертным.

Сверхчеловечество — это ламаизм с великим Ламою во главе, <с> кутухтами.

Если все делается чрез сверхчеловеков, а сами смертные без них ничего не могут, то сверхчеловечество не есть <ли> само воплощение гордости.

Бог создает людей чрез них самих, а Сверхчеловеки лишают этого права смертных, то как же это не гордость? Если смирение есть первое условие сделаться сверхчеловеком, то смирение же требует отказаться от него, от сверхчеловечества.

* * *

Как адвокат дьявола Соловьев перечислил все грехи Лермонтова от самой колыбели до преждевременной могилы³²².

Такой человек, который объехал весь Кавказ, подвергаясь постоянным опасностям, изучал восточные языки, приготавливаясь к путешествию на Восток до самой Мекки, собирался в поход в Туркестан с Перовским³²³, такой-то человек будто бы был чужд мировым судьбам Востока! — «Спор», «Три пальмы», «Ветка Палестины» свидетельствуют, что он мыслию совершал походы на Восток.

Его любовь к Москве, ненависть к Санкт-Петербургу и презрение к Западу не указывают ли, что ему не чужды <были и> судьбы Запада.

«Как часто силой мысли в краткий час

Я жил века и жизнью иною, и о земле позабывал».

«Мне нужно действовать, я каждый день бессмертным сделать бы желал».

«Всегда кипит и зреет что-нибудь в моем уме»...³²⁴

Приняв во внимание годы, можно смело сказать, что едва ли кто более совершил военных подвигов, путешествий и столько написал, хотя не достиг возраста ни Ахилла, ни Александра, и дважды был изгнан, не говоря об изгнании из Университета. Его личность была поэтичней всех стихотворений. Россия в нем лишилась великого поэта и величайшего полководца.

АБСОЛЮТНЫЙ МИМИТИЗМ И БЕЗУСЛОВНЫЙ ОКЦИДЕНТАЛИЗМ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА³²⁵

Если Россия, то есть русская интеллигенция, страдает отсутствием самостоятельности, то Владимир Соловьев должен быть признан полнейшим ее представителем. Его учение должно быть названо *Абсолютным мимитизмом*, законченным подражанием Западу. Он отрицал только одну национальность, ту, которая и сама относилась к себе всегда отрицательно, т. е. русскую национальность; он проникнут благоговением ко всем религиям: и к религии войны — Исламу («честному магометанству»), и к религии золота — иудаизму, с презрением относящемуся к земледелию, и к религии мрака и невежества — католицизму, словом, ко всем, кроме православия, состоящего в печаловании о своем несовершенстве.

В философии под отрицанием отвлеченного скрывается, и даже не скрывается, а открыто обожается отвлеченность и сословие, живущее не делом, а тоже одними отвлеченностями. Под понятиями и представлениями он <(Соловьев)> не заметил проектов; эмпирию он не расширяет до должных размеров, то есть до пределов всеобщего наблюдения и опыта, что могло бы быть, однако, достигнуто путем распространения образования или, точнее, познания, на всех, и в чем заключалось бы и отрицание сословности в знании. Он знает опыт или Историю лишь всемирно-мещанскую (европейскую, западную), а не всемирно-крестьянскую, стремящуюся землю в ее целостности сделать предметом всех в совокупности.

Не признавая самостоятельной философии в России, <Соловьев> не видит, что отрицание западной философии будет или должно быть отрицанием философии вообще, как знания. Он видел кризис там, где наступал уже конец философии*.

Сын западника, он в индивидуализме превзошел Ницше, делая из бессмертия привилегию Сверхчеловеков. Он видел зло лишь в позитивизме, тогда как главное зло заключалось в кантизме, который не заметил своей коренной ошибки — <в> отделении (антиномии) двух разумов и мнимом примирении <их> в рефлектирующем суждении, слабость коего критика не показала, и особенно <зло заключается в Социализме>, который основал свое учение на возвращении к кантовскому предрассудку.

Если бы Соловьев серьезно отвергал *отвлеченность*, то он *учреждения*, или органы, религии, знания и искусства предпочел бы *теориям*. После шумной защиты диссертации, ничего самостоятельного не заключающей, ему предстояло на выбор или устройство высшего органа знания и действия для громадного континента, каким должен бы быть Музей 3-го Рима, т. е. Музей Московский, как <орган> высшего собрания**, а Соловьев предпочел пас-

* Человек, которому принадлежит ироническое: «Хороший человек в восточном вкусе не мог признавать совершенства в Восточной философии».

** А <между тем> он сам определяет процесс совершенствования как *собирательный* в естественных его формах — семье, народе и — что вовсе неестественно — человечестве, вместо «человеческом роде», не поставив в основу сынов и дочерей человеческих вместо отвлеченного «человек».

сивную роль читателя в богатейшем Музее Британском³²⁶, вместо того, чтобы употребить свои таланты на создание или устройство Музея в Москве; он даже не хотел оказать малейшего содействия в установлении <книжного> обмена, не международного, а только франко-русского, чтобы дать просветительное значение этому союзу.

Точно так же из *двух кладбищ* он предпочел *Египет* — кладбище невозможного сохранения не жизни, а даже трупов, предпочел его *Кремлю*, также кладбищу, но кладбищу воскрешения, Кремлю 3-го Рима, в Памира или Эдема место стоящему, где знание должно достигнуть управления слепую силою, умерщвляющею, — т. е. раскрыть значение и Православия, и Самодержавия. Соловьев искал вдали то, что находилось вблизи, у самого места его рождения.

Показать, чем должен быть Кремль, — это не значит распоряжаться, не спросясь хозяина, как он говорил, <напротив, это выражение Соловьева свидетельствует> только <о его> неверии в силу Истины и блага.

АСХАБАДСКАЯ ПОЛЕМИКА

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ О «БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ»¹

«E non più sangue, non più sangue
allada
La dolorosa terra...
Ma tutto il mondo è patria e tutti
un santo
Entusiasmo avviva
E di pace solenne e unite un canto
Alia di riva in riva».

*Ada Negri*²

Заинтересовавшись полемикою видимо назревающего вопроса, честь открытия и постановки которого принадлежит нашей отдаленной среднеазиатской окраине, нельзя было не вспомнить, что эта же окраина была, может быть, родиной истинного Заратуштры. Единый возврат жизни, уже бессмертной, — воскрешение (вместо бесконечного ряда возвратов жизней (Wiederkunft), осужденных от рождения на смерть, как полагает проповедник учения мнимого Заратуштры — Ницше), — здесь, в сердце Азии, у подножия «кровли мира», Памира, получил некогда наименование «фрашо керете»³ — «благого дела», к совершению которого призывались все люди, а не одни «сверхчеловеки», как полагал В. Соловьев, а потому такое дело и было предтечею христианства*. К сожалению, великая заслуга открытия этого вопроса, пока еще не оцененная, омрачена полемическим задором, совершенно беспричинною враждою.

Автор «Блаженной жизни» мог бы над статьею своего оппонента «По поводу статей о Народном доме» поставить эпитафию: «мне нужен или тесный гроб, или вся вселенная!», эпитафию из любимой его поэтессы Анны Виванти⁴, и для вопроса о воскресении как общем деле, требующем обращения всех в познающих, чтобы слепую силу вселенной обратить в управляемую разумом воскрешенных, — для этого вопроса лучшего эпитафия и придумать нельзя.

Г. Pensoso, по-видимому, не отвергает великой задачи разумных существ в их совокупности и даже признает самое существенное в этой задаче. К сожалению, полемика и здесь, как везде, отвлекает от дела, а «жизнь не ждет»!⁵ Очень жаль, что г. Pensoso по какому-то недоразумению придал главное значение вопросу, заниматься которым свойственно отживающим народам, — *свободе на рознь* (т. е. свободе совести), и защищает не то, что может быть *общим у всех людей без принуждения и насилия*. Это-то общее и есть «святая святых» всего рода человеческого, которое никак не противоречит «святому святых» и

* Желательно было бы, чтобы в вашей Средне-Азиатской окраине, близ родины истинного Заратуштры, был обличен Заратуштра мнимый, Заратуштра-Ницше.

каждого человека, ибо это последнее есть жертвенник, воздвигнутый в сердце всякого сына человеческого своим родителям. Такой жертвенник имеет законное место в храме всеобщего воскресения; в сердцах же блудных сынов ставятся жертвенники, коим нет места в храме воскресения; впрочем, и эти жертвенники — не более, как искажения истинных.

В вашей уkraine было уже возвещено, что воскресение есть *общее дело всех и родное каждому*: все живущие должны быть историками, а все умершие — предметом истории, неотделимой от естествознания и естествоуправления. *Все*, все без исключения нужны для восстановления генеалогического древа человеческого рода⁶, и притом не по источникам, писанным руками лишь людей, а по тем, которые начертаны и поныне пишутся природою на небе и на земле, и в нас самих, хотя читать их мы еще не научились, а только едва начинаем разбирать азы.

Другая властительница дум г-на Pensoso (Ада Негри) воспевает стариков, но лишь бесприютных и голодных⁷, а не старость как умирание. Она еще не поняла, что пока будет смерть, будут бедность, голод, болезни и прочие беды, будут, следовательно, и обездоленные, и униженные. Конечное зло не там, где хотя «трудно», но еще «дышится» и где «горе слышится»⁸, а там, где уже совсем не дышится, где и горе уже не слышится. Умершие — это наиболее униженные, самые обиженные, наиболее оскорбленные из всех, смертельно оскорбленные! Имеем ли мы после этого право считать смерть пределом любви, знания и дела? Если все наше дело есть борьба за жизнь против смерти, то почему границею этой борьбы ставится лишь один из моментов этого процесса: прекращение дыхания или разложение? А между тем даже превращение в прах и рассеяние его по вселенной не могут быть пределами для любви безграничной.

Если г. Pensoso действительно писатель вдумчивый⁹, строго мыслящий, который, приняв какую-нибудь мысль, не откажется и от следствий, из нее истекающих, то, признав, что задача науки есть обращение слепой силы природы в управляемую разумом и чувством, он должен отказаться от всего, что им написано пред этими строками и после них, должен заменить полемику миром, союзом. Ибо слепая сила — действующая во всех громадных солнцах и планетах до космической пыли включительно, проявляющаяся в разнообразных волнах звука и света, для коих мы пока еще слепы и глухи, — под влиянием регуляции, направляемой высшею, сыновнею любовью и осуществляемой полным знанием, станет воскрешающею, не будет уже, рождая, умерщвлять, как это ныне есть; всякое последующее тогда уже не будет поглощать предыдущего; жизнь и людей, и природы получит смысл и цель и станет действительно «блаженною» во всей полноте ее, блаженною в мысли, в чувстве, в художественном своем проявлении, станет блаженною и в высшем из всего — в нравственном, или — вернее — в религиозном, смысле, в смысле исполнения воли Бога Отцов, живых, а не мертвых. То будет жизнь, все благое в себе вмещающая, уничтожающая даже всякую возможность зла, — *жизнь в Боге*. Это будет *всецельность*.

Не мы, а сама природа в нас, почувствовав ужас поглощения, поставила общей для всех целью всеобщее воскресение. Объединение же для такого

дела по величию и святости не потребует никакого принуждения, кроме принудительного образования несовершеннолетних.

Когда слепая сила будет управляема разумом (полным знанием) и чувством (*высшею*, т. е. сыновнею, любовью), тогда: — «Уже не кровью будет тогда заливаема наша земля... И *целый мир* станет нашею родиною, и соединенная из всех человеческих голосов торжественная песнь мира будет разливаясь от берега до берега, от края до края», как это говорится в эпитафии из стихотворения «Non mi turbar» Ады Негри¹⁰.

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Г-НА PENSOSO «БЛАЖЕННАЯ ЖИЗНЬ» и «КРУГОМ ДА ОКОЛО» (№№ 3 и 20 газеты «АСХАБАД» 1902 г.)¹¹

Рассматривая с точки зрения полемического искусства две статьи: «По поводу статей о Народном доме» и «Блаженная жизнь», нельзя не увидеть, что автор последней — большой любитель полемики, как игры, как спорта, и ведет ее не прямыми путями, имея, однако, возможность разбить своего противника законными средствами, на законном, так сказать, основании. Слабый пункт автора 1-й статьи заключается в утверждении, будто вопрос о цели вовсе не существовал бы, если бы не было отрицательных сторон жизни; таким образом, можно думать, что под блаженством он разумеет лишь отсутствие страданий и смерти, а не что-либо положительное, и человек, следовательно, мог бы быть бессмертен и безболезнен по праву рождения, а не по труду. На самом же деле истинное блаженство заключается в труде познания и воссоздания жизни, чем и дается активная роль и науке, и искусству, а нравственность возводится на высшую степень и торжествует над слепую силою при всеобщем участии в этом общем деле.

К сожалению, приходится сказать, что хотя автор первой статьи и сам *несомненно* понимает блаженство в сейчас изложенном, положительном, активном смысле, тем не менее в статье своей он изображает это блаженство *преимущественно* отрицательными чертами и тем дает своему противнику право возразить: «где же тут цель» и т. д.¹²

Но, с другой стороны, надо сказать, что эту слабую стороною 1-й статьи ее оппонент (г. Pensoso) почти не воспользовался и предпочел прибегнуть к приемам полемики неподходящим, обвиняя автора 1-ой статьи в том, чего тот и не думал говорить. Таковы обвинения: *будто бы «жить надо для того, чтобы жить»*¹³, тогда как из текста 1-й статьи явствует, что жить надо, чтобы блаженствовать. Столь же неверно замечание г. Pensoso, будто в 1-й статье вовсе не дано разрешения вопроса: в чем заключается блаженство, — а дан лишь маленький намек на это. На самом же деле в этот якобы маленький намек входит уничтожение болезней, всяких бедствий и самой смерти, словом, всякого зла, и это не само собою делается, а достигается трудом, и трудом совокупным всего рода человеческого; причем нужно еще сказать, что в этом именно труде род человеческий объединяется по образу и подобию Пресвятой Троицы, неслиянной и нераздельной, то есть достигает того совершенства, которое заповедано нам Христом в словах: «будьте (не *будь*, а именно *будьте*) совершенны, как Отец ваш Небесный совершен»...¹⁴ Не

замечая всего этого, не обмолвившись об этом ни единым даже словом, г. Pensoso только запутывает вопрос, спрашивая: «Есть ли это блаженство плоти?» или же «блаженство духа?», т. е. он вводит в спор вопрос неразрешимый, да и ненужный, — вопрос о материализме и спиритуализме. Не вдаваясь в этот праздный вопрос, давший г-ну Pensoso повод к саркастическому сравнению обсуждаемого учения с Исламом¹⁵, позволим себе заметить только, что г. Pensoso не мог не видеть, что взгляд автора 1-й статьи на блаженство вмещает в последнее и блаженство ума, достигшего полноты знания целой вселенной, и блаженство чувства, соединяющего все поколения человеческого рода, и наконец блаженство воли — в управлении всею слепую силою, проявляющеюся во всех мирах.

Нельзя назвать справедливым и обвинение г-ном Pensoso своего противника в ограничении знания, в ограничении его пределами религии. Правда, автор 1-й статьи придает всему своему учению характер религиозный, но зато религии он не полагает никаких пределов, и потому, религиозизируя, так сказать, знание, он отнюдь не суживает этим пределы знания, а наоборот, расширяет их безгранично. Все дело в том, что надо понимать под религиею; а что под нею понимает автор 1-й статьи, это — уже без всякого сомнения — видно из его подлинных слов: «для исполнения наибольшей заповеди * нужна *вся наука, все искусство*»; и несколько ниже: «для осуществления этого дела требуется, *повторяем, вся наука, все искусство; нет такого знания, которое не нашло бы приложения в таком всеобъемлющем деле*»^{**17}. После столь ясных и решительных требований участия *всей науки, всего искусства, всех видов знания* для того дела, в котором автор 1-й статьи видит дело религиозное, как мог г. Pensoso обвинять его в суживании задачи пределами религии и игнорировании необходимости науки, знания, искусства?.. Всеобщее дело, как и истинная религия, вмещают непременно все это и все это объединяют для всеобщей конечной цели; иначе и религия превращается в ничто и самое дело становится невозможным.

Однако справедливость требует заметить, что автор 1-й статьи, виновный в том, в чем его обвиняет г. Pensoso, впадает, впрочем, в очень большую ошибку, когда полагает, что наше единство будет лишь *неполно и только недостаточно* без восстановления всех умерших. Он должен был бы сказать, что без этого не только было бы неполно и недостаточно наше единство, т. е. братство, но оно стало бы тогда *прямо невозможным, даже немыслимым, безнравственным*, потому что без совершенного *познания* отцов, очевидно доказуемого только *делом воскрешения* их, было бы невозможно и сыновство, а следовательно, и братство, или единство, как невозможно и бессмертие без всеобщего воскрешения!

* «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»; и «возлюби ближнего твоего, как самого себя»¹⁶.

** Вместо «*вся наука, все искусство*» нужно сказать: для осуществления общего дела необходимо соединить *все искусства* в храм-школе (всеобщее обязательное образование); и на этот храм-школу нужно смотреть не как на *подобие* лишь мироздания, а как на *проект* мира, — как на проект мира, в котором *поглощение* заменено *воскрешением*, осуществляемым чрез посредство всех наук, объединенных в науку мироздания — астрономии, трудом *всех* людей, ставших, благодаря школе, *познающими*.

Наконец, неправильным и именно неполным должен быть признан взгляд автора 1-й статьи на то, будто управление всеми мирами нужно *только* для размещения всех умерших. Цель всемирного всечеловеческого дела не одно только это расквартирование! Цель заключается в том, чтобы сделать через нас, через воскрешение всю слепую силу природы и все миры, в которых она проявляется, сознательными и управляемыми.

Если полагаться на приговор г-на Pensos, произнесенный им в статье «Кругом да около», то наша религия православная — даже не остров в безбрежном океане религий и знаний, а лишь «островок»!¹⁸ Острова — это, конечно, католицизм, быть может, буддизм или даже ислаимизм. Но и католицизм имеет только субъективное, конечно, значение. Не объективно, разумеется, и наше православие, наш островочек. Но зато оно и не субъективно лишь, а *проективно*, т. е. оно требует дела, дела общего, всех объединяющего, но не мистического; требует науки, но не сословной (одних только ученых), требует искусства, но не как подобию, а как действительного воссоздания всего умершего. Всего этого требует религия, чтобы стать объективной.

Что же может быть вне православия, если оно признает и разумные существа, и неразумную силу, неуправляемую и еще не познанную разумными существами, хотя всеведущее и всемогущее Существо требует от разумных существ, чтобы они не служили неразумной силе, а управляли бы ею. Что же, спрашиваем мы, может быть вне такого «островка», если православие ни знанию, ни делу разумных существ в их совокупности, *как орудий всеведущего и всемогущего Существа*, никаких границ не полагает, а свое настоящее само считает пред таким будущим за ничтожное, даже не за мелкий островок, а за малую песчинку. В таком зараз и скромном, и величавом определении *Православия* заключается вопрос *о деле*: что мы, все в совокупности, должны делать? Мы признаем, следовательно, лишь заповеди, хотя и догмата ни одного не отрицаем, находя во всех них требования дела, то есть опять-таки заповеди, и заповеди не одни отрицательные только, но и положительные.

Мы хотим лишь дела, не устраняя ни одной науки, потому что все отрасли знания могут и должны служить этому всеобъемлющему делу. Понятно, что религия, требующая объединения всех без исключения в деле безграничном, не может не считать все нынешние системы нравственности недостаточными, но, однако, не отрицает их. Высочайшая же нравственность выражена не в Нагорной Проповеди, а в заповеди всеобщего собирания: «шедше, научите все языки» во имя Троиного Бога, Который есть образец совершеннейшего общества и в Котором *единство* не есть *игло*, не гнет, не стеснение, самостоятельность же личностей не ведет к розни. Иначе можно выразить эту заповедь таким образом: объединение или братотворение чрез усыновление Богу отцов, не мертвых, а живых, для исполнения долга к тем, от которых мы получили жизнь, ко всем отцам, как одному отцу, для исполнения притом этого долга всеми своими силами и способностями и искусством, а не одною лишь молитвою. Поэтому мы и признаем, кроме храмового дела, или литургии, еще и вне-храмовое дело, не таинственное лишь обращение хлеба и вина в тело и кровь, но и обращение самого праха отцов, чрез управление естественною силою, рождающею и умерщвляющею, — в тело и кровь отцов. Обращение же слепой силы природы в управляемую только

«для тихой и мирной жизни», порождаемой умственными эмоциями, как говорит г. Pensoso¹⁹, может удовлетворить только отживающих, больных, усталых, дряхлых старцев...

Считаем необходимым дать разъяснение г-ну Pensoso и относительно следующих его слов: «Где заповедь, предлагаемая автором (т. е. * *) „жить со всеми живущими для воссоздания всех умерших?“ По Евангелию такой заповеди нет»²⁰. Конечно, г. Pensoso, Вам очень хорошо известно, что таких именно слов в Евангелии нет, а потому и такое требование с Вашей стороны свидетельствует лишь о широте Вашей терпимости. Но если и нет буквально этого выражения в Евангелии, тем не менее это выражение строго согласно с духом Евангелия, требующим служения Богу отцов *всеми силами человека*, и как нетрудно понять, служение это, или дело, есть неизбежное следствие осуществления евангельской заповеди объединения по образу Пресвятой Троицы, дающего *всем* участие в деле, для всех священном.

В заключение объяснения с г-м Pensoso позволим себе заметить, что, признав в авторе статьи «Кругом да около» такую страшную полемическую силу, какую он сам себе приписывает, полагая, что из желания укрыться от его ударов, не зная, что отвечать на его все-сокрушающие вопросы, противники его меняют свои имена²¹, — станет непонятным, зачем при такой своей силе этому богатырю диалектики понадобилось еще призывать к себе на помощь Соловьева и Лакомба²²; не проще ли было бы прямо решить вопрос о внерелигиозной нравственности, указав просто, что еще можно прибавить к формуле — «жить со всеми и для всех», к этой формуле религиозной нравственности, вмещающей в себе и *всю мирскую нравственность*.

Все зло, от которого мы страдаем, заключается в отделении разума от веры как дела²³. (Это вопрос «о двух разумах и двух сословиях»*, приводящий к двум невежествам, — один из «Пасхальных Вопросов».) Истина проста! Для Христианства и Храм-школа, как соединение религии и знания, есть плеоназм, ненужное усложнение²⁵.

Всякая церковь есть *школа* оглашения, т. е. научения, и *храм* крещения (понимая под *крещением*, согласно с катехизисом, *все таинства*). Крещение же есть очищение или искупление от греха как причины смерти, т. е. оно есть возвращение жизни безгрешной и потому бессмертной. И *наука* есть учение о смерти и жизни, ибо она открывает, что вся вселенная состоит из тех атомов и молекул, на которые разлагается всякое умирающее существо и из коих слагается всякое живое.

* О разуме *чистом* (или теоретическом) и разуме *практическом*, о сословии *ученых* и о сословии *неученых*. «Как только мысль отделяется от действия, мыслящее от действующего, действующее становится слепым, а мыслящее делается теоретическим; мрак отделяет интеллигенцию от темного сословия; темное для себя, это сословие темно и для интеллигенции; знание интеллигенции — не прямое знание, а отраженное, бледный образ. Чем слепее, рутиннее становится действие, тем темнее оно становится для себя, тем менее выражает оно себя и для других, тем менее оно познаваемо. Обращение действующего в сознающего и мыслящего в действующего — будет уподоблением нераздельности, единству». («Вопрос о братстве и причинах не братского состояния мира». «Записка от неученых к ученым».)²⁴

Искусство же состоит в умении все разложенное вновь сложить и оживить, а не творить лишь подобие живого. Тогда, т. е. когда мы будем обладать этим умением, тогда разложение не будет уже иметь власти над людьми.

Само же *воскрешение* совершается уже вне школы и храма наученными и крещенными, совершается в самой природе, чрез обращение *трудом* всех слепой рождающей и разрушающей силы в воссозидающую и оживляющую. Это — внехрамовая *Литургия*, или общее дело всех сынов и дочерей человеческих.

Отсюда очевидно, что наука и религия вовсе не враждебные силы. Жаждающие разделения их, конечно, не дают себе отчета в том, чего желают, ибо такое разделение вносит в каждую душу раздор, заставляет ум терзать сердце, вечно враждовать каждого с самим собою.

Свобода совести предполагает отрицание истинной религии. С одной стороны, она как бы снисхождение к слабости, а с другой — разрешение на обожание всякой нелепости, обожание людьми, конечно, *такими, каковы они теперь*. Ошибка заключается в том, что род человеческий, не достигший объединения в общем деле, признается совершеннолетним. (Это также один из «Пасхальных Вопросов»: «О совершеннолети и несовершеннолети».)

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО К Г-НУ «PENSOSO»

(по поводу статьи его «Свобода на рознь» в № 47-м «Асхабада» за 1902 г.)²⁶

Г. Pensoso находит, будто его оппонент *только в конце своей статьи* признал, что «объединение для всечеловеческого дела не потребует никакого принуждения», и саркастически восклицает по этому поводу: «Наконец-то!.. Вот и хорошо! Не надо было автору в одной и той же статье противоречить себе»²⁷. Да противоречия никакого и не было! Свобода на рознь — повторяем в третий раз, если не в четвертый, — есть отсутствие единства, *общего дела для всех*. Ко вступлению в него, в общее дело, а следовательно, и к предварительному отысканию как цели общечеловеческого дела, так и путей к нему, мы и призываем, призываем всех и, *конечно, добровольно*, а не по принуждению, которое не только невозможно, но даже и немислимо по учению, излагаемому в статьях оппонентов г-на Pensoso, кроме разве принуждения при обязательном образовании несовершеннолетних. Да и возможно ли говорить о принуждении или насилии, когда все излагаемое учение проникнуто призывом к делу *общему для всех* и родному *для каждого*, проникнуто призывом к полнейшему согласию, образец которого дан в Троице-едином Боге, в Коем нет ни ига, ни гнета, ни тени принуждения, но нет и розни, нет ни господства, ни рабства. И если г-ну Pensoso угодно быть рьяным защитником «свободы на рознь», то его оппонент желает быть только сторонником *добровольного согласия*. Г. Pensoso, по видимому, не хочет понять, что праву вести словесную войну в ожидании, что истина сама собою явится, противопоставляется *не принуждение, а объединение* в таком деле, которое могло бы примирить всех и сделало бы столь дорогую ему свободу на рознь и нежелательною, и ненужною. Искание же прими-

рительного начала всегда существовало: мы не говорим уже об эклектизме и синкретизме; но сама «Критика чистого разума» — что она такое, как не проект *мира* в ученом *мире*? Толстой, с которым нам случалось говорить об этом вопросе, заметил даже, что он удивляется, как после Канта мог быть спор между спиритуалистами и материалистами. Примирительный проект Канта мог бы действительно осуществиться, если бы причины теоретических споров не коренились в жизни практической и в свойствах лиц, занимающихся полемикой. Вот почему критика разума практического обязана была указать на средства и на пути к объединению, а между тем Кант представил в ней скорее контрпроект мира, проект вечной борьбы, хотя из-под пера того же мыслителя и вышла особая статья с проектом вечного мира. Проект же действительного избавления от всякой розни и борьбы, — как от войны с оружием, войны величавой, так и от войны словесной, чернильной, жалкой, но *душегубительной*, — есть вместе с тем проект и восстановления всех жертв борьбы и розни. Он-то, этот проект, и должен заменить и может заменить свободу совести.

Г. Pensoso утверждает, будто относительно блаженной жизни «автор начал говорить иначе, чем раньше: раньше он (автор) говорил о блаженной жизни загробной, по воскресении, а теперь — о блаженной жизни на земле под условием исполнения воли Бога отцов»²⁸. Здесь цитирующий опускает самое существенное, слова: «Бога отцов *не мертвых, а живых*». Вся выписка доказывает, что г. Pensoso вовсе не понял учения о том общем деле, которое могло бы избавить от всякой борьбы и смерти. Он не понял или не хотел понять различия между трансцендентным воскресением (к которому надо причислить и приводимое им в его статье о Зороастре²⁹) и воскресением имманентным, т. е. между воскресением, которое произойдет, или может произойти, помимо разума и воли, знания и дела человеческого рода, и воскресением волею Божию, но через самих людей совершаемым. Такое учение и было формулировано в статье «По поводу статей о народном доме» в словах: «жить необходимо не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм)... Жить необходимо со всеми живущими для воссоздания всех умерших в жизнь бессмертную»³⁰ и т.д. Это и есть воскресение имманентное, т. е. объединение всех живущих для этого дела, воскресение не как чудо, а как естественное следствие перехода слепой силы природы в разумную во исполнение воли Божией, не желающей погибели никого и хотящей «всем спастись и в разум истины прийти»³¹. Вопреки упреку г-на Pensoso, в приведенной статье говорилось о жизни именно на земле, или, точнее, на всех землях или мирах вселенной. Также и в статье «По поводу полемики о блаженной жизни» три раза или, вернее, пять раз говорилось о воскресении как деле всех людей, да и вся статья эта говорит только об этом деле. К сожалению, г. Pensoso присвоил себе широкое право игнорирования всего, что говорится против него или что ему не нравится, и даже право приписывания своему оппоненту того, чего он и не думал говорить; а это делает спор с ним невозможным. Вот почему, дабы не утруждать более внимание читателей бесплодную полемикою, мы заявляем, что объяснения с г. Pensoso по этому поводу мы прекращаем.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НИЦШЕ³²

В одной из статей, недавно напечатанных в «Асхабаде», было — по поводу столь модного в наше время философа Ницше — выражено желание, чтобы учение этого мнимого Заратуштры («Also sprach Zarathustra») нашло себе правильную оценку и обличение и в нашей среднеазиатской окраине, близкой по месту положения к родине истинного Заратуштры. Словно в ответ на это пожелание в № 36-м «Асхабада» появилась статья «Отрывок из религиозного учения Зороастра»³³. Ввиду этого позволяем себе и мы высказать несколько мыслей об учении Ницше, которое представляется нам особенно важным потому, что оно, хотя и отрицательным способом, чрезвычайно способствует уяснению величайшей задачи человеческого рода: вопроса об общечеловеческом деле, вопроса, уже не раз обсуждавшегося на страницах «Асхабада».

Не вдаваясь в пространное изложение философской системы, неуместное в газетной статье, мы ограничимся приведением основных положений учения Ницше к немногим простым вопросам, ответить на которые могли бы, думается нам, не одни специалисты-ученые.

Вот эти простые вопросы.

1. Основною чертою учения Ницше является преклонение пред всемогуществом слепой силы природы. Совершенно понятное естественное обожание Существа всеведущего и всемогущего он переносит на слепую силу. Но здесь-то мы и вправе предложить ему и его поклонникам наш 1-й вопрос: Что лучше — «amor fati или odium fati», то есть любовь или ненависть к силе слепой, умерщвляющей, в вечном могуществе которой Ницше не допускает и сомнения, хотя ненавидеть ее можно было бы уже за одну ту злую шутку, которую она сыграла над самим поклонявшимся ей мудрецом (лишившимся, как известно, рассудка).

2. Во-вторых, Ницше в своем учении превозносит жажду власти («Wille zur Macht»). Но и здесь должно спросить: что из двух лучше — *властвование ли над себе подобными? или же соединение со всеми ними в общей ненависти к бездушной смертоносной силе?..* Спрашивается, почему философ хочет внушить разумным существам любовь к самому постыдному рабству перед неразумною, бесчувственною силой, а над разумными существами требует чего-то еще более позорного, требует *господства*, лишая их, разумные существа, воли и разума, вместо того, чтобы возвысить их *всех* до познания и управления этою слепую силой, ей же, слепой и неразумной, приписывает волю?

3. Неужели в своем предубеждении, или ослеплении, перед Ницше его поклонники не замечают, что сила, к которой он старается внушить любовь, есть та самая, которая в нас всех (разумных существах) познала свое несовершенство, т. е. познала, что, рождая сынов, она умерщвляет отцов? Что требуется таким сознанием, какую обязанность оно налагает на нас, — этого не понимают только философы, потому что сама философия, как сословное знание, есть принадлежность нынешнего, еще несовершеннолетнего человечества.

4. По собственному определению Ницше, только одни «сверхчеловеки» (Übermenschen) являются «удачными» произведениями природы; все же остальные, т. е. огромное большинство, причисляются к неудачным, а между тем

им-то и внушается необходимость благоговейного отношения и содействия той самой силе, которая на одного «удачного» плодит миллионы неудачников, да и не может достигать лучших результатов, будучи сама слепой, неразумной. Но в этой трагической альтернативе: причислять ли себя к удачным или неудачным, к гениям, которым все дозволительно и для которых все только и должно существовать, или же к париям, осужденным жить и трудиться, всем жертвуя для тех немногих, высших, — в этом выборе, спрашиваем мы, кому принадлежит право решения? Кто здесь судья, правый и беспристрастный? И кто будет настолько смел, чтобы себя причислить к «сверхчеловекам», а других — к существам заурядным, ничтожным, осужденным на необходимость пребывать в рабстве?!.. Если же и то, и другое невыносимо с нравственной точки зрения, одно — по высокомерию и гордости, а другое как унижительное и несправедливое, — последователи мнимого Заратуштры принуждены будут признать, но уже не с Ницше, а против него, что нравственность требует не барства и не рабства, а родства, требует не барина и не раба, а сыновства и отечества, т. е. требует от разумных существ быть братством сынов в исполнении долга к отцам, требует союза разумных существ против неразумной силы. Или, заимствуя для нашей мысли одно из образных выражений Ницше, нужно, чтобы люди были «не верблюд и не лев, а дитя» («Also sprach Zarathustra»). Но что такое дитя? Дитя (отвечает блудный сын — философ) — «это невинность, это забвение и начинание наново». Но и здесь мы еще раз спросим: «Чем же начинается дитя? что прежде всего говорит оно, кого прежде всего называет?» — *Отца и мать*. В этом-то ответе и кроются весь смысл и вся цель жизни и весь долг ее. Вот почему и Христос сказал: «будьте как дети», и возврат к детству, *так понимаемому*, поставил непременно условием спасения.

Наконец, 5) поклонников Ницше можно бы спросить: почему они не следуют совету своего же учителя: «бросить его, чтобы найти самих себя!»? Ставши свободными, ставши самими собою, они получили бы возможность беспристрастного выбора и решения предлагаемых вопросов и, вне всякого сомнения, стали бы несравненно выше того аристократизма, которым всегда страдал их большой душой учитель. Только тогда его учениками мог бы быть решен вопрос, к которому сводятся все предыдущие:

Господство ли над людьми и рабство пред слепой силою или, наоборот, господство над слепой силою и освобождение от всякого рабства?

Наконец, последний вопрос касается того пункта учения Ницше, которому и сам он, и лучшие его критики (напр., Лихтенберже) придают самое существенное значение. Этот пункт — вера Ницше в бесконечно повторяющиеся возвраты всего бывшего (Wiederkunft). Этому-то положению мы противопоставляем простой вопрос: *Что лучше — миллионы ли возвратов жизни и столько же смертей? или один единый возврат как результат перехода природы через всех нас от бессознательного бытия в сознательное*, — если только человек не есть случайный выродок и если появление разума есть новая стадия мировой жизни?

Из любви к отцам и из ненависти к слепой силе вытекает единый возврат, а из любви к слепой силе вытекает бесконечное множество возвратов, желание повторений бывшего, но без улучшения, без надежды и без возможности усо-

вершенствования. В душе мнимого Заратуштры, мудрость коего будто бы возвещает Ницше, весь мир и вся жизнь превращаются не в дело, а только в игру, в зрелище, в представление и в желание наслаждаться бесконечным его повторением, то есть в желание пребывать в вечном несовершенном состоянии, вечно быть с дядьками в виде «сверхчеловеков». Наоборот, истинный мудрец должен быть провозвестником общего дела, единого возврата всего умерщвленного темной силою природы в период ее слепоты и нашей розни, а потому и бездействия. Надо всех сделать познающими, и через познание *всехи всего* темная сила природы, светом знания управляемая и теплотою чувства оживляемая, станет «великим разумом». И это будет не искажением, а завершением механизма природы. Таким образом, ницшеанство будет превзойдено и сам Ницше тогда мог бы торжествовать победу над его собственным учением, которое он считает необходимым завершением истинной мудрости.

ПОЛЕМИКА И ВОЙНА, ИЛИ «О ДВУХ ВОЙНАХ»

(Вопрос о внутренней и внешней розни, или Свобода на ложь и на рознь, т. е. Проект умиротворения, или прекращения полемики и войны)³⁴

Учение, которое во всех статьях наших мы пытаемся изложить, прежде всего представляет отрицание вообще спора и полемики; для этого учения свобода личного понимания и истолкования есть свобода на ложь, так же как свобода совести для него есть свобода на рознь и на борьбу. Чтобы обратить спор в разговор или в совещание, чтобы иметь право вести речь с любителями полемики, мы должны предложить им прежде всего следующие вопросы:

1) Признают ли они себя сынами человеческими и признают ли долг к отцам, вытекающий из первого признания, из признания себя сынами. Признают ли они себя сынами отцов умерших (*mortui*), или же, хотя еще и живущих, но имеющих умереть (*moriguri*), умирающих (*morigundi*)? Может ли этот долг, — долг к отцам, — ограничиваться пределами жизни отцов? Имеем ли мы, наконец, право признавать умерших безусловно умершими?

2) Признают ли они, еще живущие, свой долг к умершим или же только к обездоленным?

3) Признают ли они Бога только одних живых и отвергают Бога отцов, которые для Него, — «смерти не создавшего», — не мертвы, а живы? Что значит *действительно* умерший для нас, создавших смерть, но бессильных вполне даже тело умертвить, — умертвить настолько, чтобы воскресение стало невозможным? Имеем ли мы право, не зная всех условий жизни, признавать смерть безусловною? Признаки, по которым мы определяем действительность смерти, могут ли считаться непогрешимыми вообще? Хороним ли мы умерших не на том же ли основании, на каком отделяем заразно-больных от здоровых?

4) Должны ли мы признавать себя образом и подобием Творца жизни, Творца Тринединного, требующего подобия Ему и, конечно, не от каждого в

отдельности, а в нашей совокупности? Должны ли мы уподобляться Творцу — Созидателю жизни? Если так, то, разумеется, уподобляться Ему можем мы не разрушением жизни, а воссозданием ее. Где должны мы почерпнуть образцы для нашей деятельности: в слепой ли силе Природы, т. е. строить общество по образцу организма, деля его на касты и таким образом лишая большинство права на познание, создавая орудия истребления по подобию хищных животных и даже превосходя их в этом? Должно ли искусство наше, т. е. всех людей в совокупности, ограничиваться творением лишь подобию? И в каком искусстве должны объединиться все роды искусства?

5) Признавая себя разумными существами в противоположность слепой силе Природы, в каком отношении должны мы находиться к ней? т. е. ей ли мы должны подчиняться, или она должна быть управляема разумными существами?³⁵

6) Должно ли рожденное, само собою — без нашего сознания и воли — происшедшее, даровое, превращаться в трудовое, разумное и волею воссозданное?

7) Если наше рождение есть условие смерти наших родителей, то в чем состоит наш долг?

Можно ли считать ответы на эти вопросы бесспорными? С признанием же их бесспорными и самая полемика упразднится, и совещание станет на место спора.

Полемика предполагает людей, еще в розни находящихся, не достигших еще единства, — людей, быть может, очень гуманных, граждан и гражданок, товарищей (*socii*) и товарок, но не сынов, сознающих свой долг к отцам и объединяющихся чрез это сознание в братстве, в исполнении долга к отцам; братство же без отечества, без возвращения жизни отцам невозможно, немыслимо! Быть гражданами и гражданками, товарищами и товарками значит находиться в юридическом и экономическом, или социальном, союзе, но не в союзе братском, в союзе совершеннолетнем, исключаящем рознь и вражду. Следовательно, полемика предполагает людей, находящихся в несовершеннолетии, нуждающихся в дядьках, которые сдерживали бы полемический задор в некоторых границах. Выбор дядек предполагает признание вечного несовершеннолетия. Такими дядьками и надо считать президентов республик и конституционных монархов. Самодержавие же, стоящее «в праотца место», имеет, как восприемничество, главным своим делом воспитание народа, т. е. приведение его в состояние совершеннолетия, в такое состояние, в котором люди уже не нуждались бы ни в надзоре, ни в принуждении, ни в карах наказания, словом — во всем том, что неизбежно в конституциях и республиках и освобождение от чего достижимо лишь при помощи самодержавия, которое одно и может осуществить эту перемену, перемену коренную, а не реформу только, и осуществить притом без всякой революции. Несовершеннолетие для самодержавных монархий есть состояние только временное.

Полемика, как словесная, так и письменная, как в судах и парламентах, так и в журналистике, находится в теснейшей связи с войной или борьбой в обширном смысле. Пока будет война, будет и полемика, и наоборот. Полемиической тенденцией проникнуты все произведения науки и искусства. Почин к выходу из этого, по-видимому, безвыходного состояния принадлежит слову, журналистике, как прямому выражению разума и чувства. Если письменную полемику отождествить с журналистикой, то журналистика и должна первая очнуться, пробудиться, и если, очнувшись, она пожелает дать отчет в самых основных причинах войны и полемики, которые делают людей врагами друг друга, то найдет основу вражды в слепой силе природы, зависимость от которой человек чувствует в самом себе и вне себя, во всем внешнем мире. Признать неодолимость слепой силы значит осудить себя на вечную вражду, на не-братство. Если же не отчаиваться в спасении, то выход будет ясен: нужно силы разумных существ, растрчиваемые в борьбе между собою, обратить на борьбу со слепую силою. Благодаря тому, что народы более и более обращаются в войска, а интеллигенция находит свое преимущественное выражение в органах журналистики, — последней и нужно бы подумать о соединении, признав в своем разъединении, в «свободе на рознь» истинного врага рода человеческого. Народы, обращенные в войска, уже сознают зло разъединения, и сознание этого зла (милитаризма) нашло свое выражение в циркуляре 12-го августа 1898 года. И если конференция Гагская не удалась, то вина этой неудачи скрывается в интеллигенции, не только не сознающей своего разъединения, но даже признающей в полемике благо и не желающей взять на себя труд даже подумать о соединении, требующей как блага свободы на рознь и свободы на ложь. Для многих, вероятно, как и для г. Pensoso, не существует ничего кроме или свободы на рознь, или принуждения...

Журналистика, принимающая участие в прениях парламентских, судебных и иных, не сознает своего истинного назначения: быть органом науки, стоящей вне партий, стать выше спора, обнаруживать коренные причины споров, борьбы, искать то, что есть истина для всех, — словом, быть выше полемики как принадлежности несовершеннолетия.

Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров

ЕЩЕ О СМЫСЛЕ И ЦЕЛИ³⁶

В наше время вопрос о смысле и цели существования, по-видимому, самый больной вопрос. Вот и Боборыкин, составивший себе репутацию писателя, самого чуткого ко всяким новым явлениям в жизни, выступил в «Вестнике Европы» с романом «Исповедники», в котором поднимается в сущности тот же вопрос о смысле и цели³⁷. Костровин в этом романе, воспроизводя прежнее мнение Булашова — героя романа, как можно думать по тому, что напечатано в № 1-ом «Вестника Европы», — упрекает интеллигенцию за «постыдное равнодушие к са-

мым коренным устоям духовной жизни... к вопросу совести, к ее свободе... А главное — к тому, что... без какого бы то ни было исповедания нельзя жить... другими словами: без Бога!»...³⁸ «Я и теперь то же скажу, — спокойно подтвердил Булашов» (стр. 11-я), но затем ограничивает это, сказав, что у него «*пока одна заповедь*», это — «свобода совести... то есть, свобода всякого верования. Для меня они все равны», — замечает Булашов. На вопрос же Костровина: «как же не искать истины», если сознаешь, что «нельзя жить без своего внутреннего уклада», — Булашов отвечает: «Каждый ищет ее по-своему... Но раз ты вообразил себе, что *ты только* распознал ее, ты не можешь быть терпим». На замечание Костровина, что «этак прямой путь к индифферентизму... к тому, что нас обоих печалит в русском обществе», — Булашов говорит: «Не стану тебе возражать. К чему приду я в конце концов — я не знаю. Но если нам, интеллигентам, нельзя жить без высшего уклада, то народу и подавно... И вот для этого народа я всеми силами души моей желаю полнейшей свободы его совести. Довольно и этого!» На новое замечание Костровина, что «*желать мало*», Булашов говорит: «*завоевать* ее во имя всего народа — я один не в состоянии и не берусь за это. Что в моих средствах и силах, то и буду делать». На слова Костровина — «пока не поймаетесь!» — Булашов возражает: «Ловить меня на чем же? Я никого совращать не намереваюсь. Я — простой обыватель, занимаюсь своим частным делом. Сегодня здесь, а завтра на Волге, или на Кавказе, или в Сибири» (стр. 12-я). Так что, в чем собственно будет заключаться деятельность Булашова в видах доставления народу полнейшей свободы его совести, догадаться довольно трудно³⁹; так же трудно, впрочем, догадаться и о том, чего именно желает Булашов народу, так как он говорит, что «*нельзя жить без высшего уклада*», а между тем желает народу только свободы совести. Не думает ли Булашов, что свобода совести есть путь к выработке высшего уклада⁴⁰, а потому и желает, чтобы народ пожил *пока* без всякого уклада, хотя *жить* без уклада и даже уклада *высшего*, по признанию самого Булашова, *нельзя?!..* Но насколько хорош этот путь к выработке высшего уклада, видно уже из девятой главы романа, в которой Суздальцев⁴¹ рассказывает Булашову, как, — убедившись, что вся история заключается в словах Назарянина: «Заповедь новую даю вам... да любите друг друга», — он пошел к своим благодетелям и воспитателям, исповедовавшим баптизм, с которыми был до того в единомыслии, и объявил им о своем теперь с ними разномыслии. «Разумеется, их не поколебал; но и сам остался при своем убеждении», — замечает Суздальцев, а потому, попросив заявить о таком его разномыслии и остальным единоверцам, он перестал ходить на их собрания (стр. 78). — Это было первым приложением со стороны Суздальцева заповеди о любви, в которой, по его словам, *вся истина*: он ушел от своих бывших единоверцев, очевидно, чтобы не поссориться с ними, ушел от тех, с которыми жил, которых любил; и что же он будет делать с этою своею заповедью о любви, отчуждив себя от тех, кого любил, которые и его, конечно, любили?!.. И если у Суздальцева не хватило любви на то, чтобы употребить усилие на разъяснение причин своего разномыслия с его благодетелями и воспитателями, которых ни в чем дурном упрекнуть он не мог, в доброй совести которых не сомневался, — как он будет исполнять «*самую коренную*», по его собственному признанию, — «евангельскую заповедь любви к ближнему», как он будет исполнять эту заповедь относи-

тельно чуждых ему, если не исполнил ее относительно самых ближайших своих, вообразив, что его собственная совесть почему-то добрее их совести, хотя и их совесть ни в чем недобром он упрекнуть не мог?!..

Право или свобода иметь *свое убеждение без обязанности исследования причин разномыслия, без принятия на себя долга познания* и есть право, или свобода *на ложь*, т. е. на вечное пребывание в споре, в полемике. Любовь же заставляет признать, что мое собственное убеждение, несогласное с убеждением других, моих присных, в среде которых я живу, возбуждающее во мне сомнение в справедливости их убеждений, не дает еще мне права на разномыслие, а возлагает на меня обязанность исследовать причины разномыслия, возлагает долг познания в видах устранения разномыслия, при котором не может быть и любви. И такое сомнение, ведущее к исследованию, к познанию, не будет правом, или свободой *на ложь*, это будет лишь законным побуждением к достижению истины. Поэтому и мы, излагающие на страницах «Асхабада» учение о воскрешении, не выдаем этого учения за что-то непререкаемое; все, нами излагаемое, есть лишь вопросы, обращенные, прежде всего, к ученым как руководителям в знании, а затем и ко всем *живущим*, без всяких исключений, — все это лишь приглашение к исследованию, к изучению, к познанию для разрешения вопросов, которые каждый себе ставит и без разрешения которых жизнь становится смутна, тяжка, потому что кажется бесцельною и бессмысленною. Но и задавая лишь вопросы, мы должны их обосновать, ибо хорошо поставленный, т. е. хорошо обоснованный, вопрос есть уже, как справедливо говорят, половина ответа. Все нами написанное и есть попытка обосновать те вопросы, которыми, повторяем, задается каждый, никто не может остаться им чужд; совершенное игнорирование этих вопросов создается только искусственно.

Первым основанием к постановке излагаемых вопросов служит признание, что жизнь не может не иметь смысла, быть бесцельною; признание же, что возможна безвозвратная потеря жизни, было бы противоречием этому первому положению, т. е. признанию, что жизнь имеет смысл и цель; отсюда и учение о воскрешении как общем деле, которое только и может привести людей к полному единству, к осуществлению смысла и цели, которое, вместе с тем, есть лишь новое выражение культа предков, составляющего принадлежность всех народов; не было народа, который не имел бы этого культа, и именно в той своей стадии, когда слагался в народ, когда в нем закладывалось то, что давало смысл его существованию; так, греки были несомненно чтителями своих предков до борьбы их с персами, а римляне — до пунических войн. И христианство есть не что иное, как тот же культ предков, ибо поминовение умерших есть самое существенное в христианстве, в основу которого положены воскресение умерших и любовь; а что бы это была за любовь, если бы она ограничивалась, а не усиливалась смертью любимого существа... Признать же право на сомнение и отрицание общих верований, общих чаяний, без принятия на себя обязанности, долга — участвовать во всеобщем исследовании или познании, мы называем свободой *на ложь*, потому что это значит остаться при вечном споре, или полемике, без перехода к совещанию об общем деле, об осуществлении смысла и цели, ибо только в общем деле найдет свое осуществление и смысл и цель жизни, если без нашего участия они осуществлены быть не могут. Возможно, конечно, сомнение даже в

том, точно ли жизнь имеет какой-либо смысл, а если и имеет, то нуждается ли в нашем участии для осуществления его, — что *для нас* равнялось бы также отсутствию цели и смысла, и даже еще хуже того?!..

Но возможно ли, естественно ли, чтобы такое сомнение обратилось у *живущих* в полнейшее, непререкаемое убеждение, что наша жизнь не имеет ни смысла, ни цели. Возможно ли, естественно ли для *живущих* дойти до того, чтобы требовать права или свободы на признание жизни человеческого рода бессмыслицею, и такое признание возводить на степень истины, аксиомы, не требующей доказательств. Сомнение же в смысле и цели существования, сомнение, не обращающееся в торжествующее убеждение, а возбуждающее великую скорбь и ведущее к новым и новым исследованиям в видах разрешения этих вопросов, есть — повторяем — не только законное, но и святое сомнение, подобное сомнению св. ап. Фомы, который не радовался, когда усомнился в воскресении Христа, сомнение это происходило от величайшей скорби и было результатом непреодолимого желания видеть Воскресшего, для осуществления чего ап. Фома не остановился бы ни пред какими трудностями.

Право на сомнение, на отрицание без обязанности участия во всеобщем исследовании, познании, т. е. свобода на ложь, ведет и к праву, или свободе на рознь, т. е. на вечное несовершенство, на вечные между собою дразги, что и закрепляется конституциями и республиками, которые, по самому существу своего устройства, основанного на юридических и экономических началах, необходимо возбуждающих вражду среди людей, — даже не предполагают и возможности для рода человеческого такого объединения, при котором не было бы ссор; поэтому, конечно, никакие выборы конституционных правителей и не обходятся без ссор и драк. В Париже, где теперь происходят выборы, радуются и даже гордятся тем, что драк при нынешних выборах не особенно еще много; но драк этих будет все больше, чем больше люди будут сознавать свои права и чем меньше будут поступаться ими, к чему и ведут конституции и республики по самому существу своего устройства, рассчитанного на то, чтобы обеспечить права населения, чтобы оградить его от злоупотреблений правительства, которое считается всегда склонным к злоупотреблениям; развитие в людях сознания своих прав, неуступчивости в том, что они считают своим правом, к чему и ведут конституции и республики, приведет, наконец, к войне всех против всех.

Юридическое, правовое, в сущности, есть грань между областью нравственного и областью преступного, безнравственного; юридическое, правовое — есть с одной стороны *minimum* нравственного, который считается возможным требовать от каждого, и *maximum* — безнравственного, который считается возможным допускать, терпеть... Всякое требование осуществления своего права, всякое исковое прошение есть уже действие безнравственное, как и всякий отказ исполнить предъявленное требование — есть безнравственный поступок. Стоит только представить себе братьев, судящихся между собою из-за рубашки, из-за куска хлеба и т. п. Как я могу снять с своего брата рубашку, основываясь на каком-то своем праве, если брат *говорит*, что рубашка нужна ему; и как я не дам своему брату рубашку, если брат у меня *просит* ее и, стало быть, рубашка нужна ему?! Не так же ли безнравственна и ссора между сора-

ботниками в деле, от которого зависит общее спасение: если кто толкнул меня при этом, то, конечно, или нечаянно, или само дело требовало этого, как же я пойду в суд с жалобой на толкнувшего меня соработника; и если я вижу, что причиняю боль соработнику в деле, одинаково для нас необходимым, то не сделаю ли я сам всего возможного, чтобы не причинять ему боли! Всякие ссоры, всякие судбища свидетельствуют, что люди не братья и что они не имеют общего дела, а следовательно, не сознают ни смысла, ни цели существования, ибо такое сознание необходимо приведет к общему делу, в котором только и может найти свое выражение и смысл, и цель.

Только самодержавие, в основе которого положено начало нравственное, т. е. родственное, самодержавие, при котором самодержец — отец, а подданные — его возлюбленные дети (а не рабы, как это в восточных монархиях), дети, которых самодержец руководит в деле всеобщего спасения, в деле осуществления цели и смысла нашего существования, — приведет род человеческий к совершеннолетию.

Вопрос о смысле и цели, как выше сказано, есть самый больной в наше время, и поэтому, конечно, почти одновременно со статьями о смысле и цели жизни, печатавшимися в газете «Асхабад», помещался и в богословско-апологетическом журнале «Вера и Церковь» ряд статей г. Тареева под таким же заглавием («Цель и смысл жизни») ⁴². Статей этих в подлиннике нам не удалось видеть здесь, на далекой окраине России. Из краткого же отзыва о них в 1-й книге «Богословского Вестника» ⁴³ за нынешний год видно, что цель и смысл жизни в статьях г. Тареева получают свое «полное осуществление и завершение в будущем воскресении, в *вечном* блаженстве и полном откровении Небесного Царства». Но для этого «человек должен отречься от своей душевной жизни... чтобы воспринять в себя семя духовной жизни, которая есть царствование Бога внутри нас». «Эта незаметно и произвольно нарождающаяся божественная жизнь имеет свой источник во Христе; свои средства — в посте, молитве и Христа-ради юродстве; свое содержание — в любви, вере и надежде; свою необходимую среду — в Церкви, а завершение (как уже было сказано) в будущем воскресении» ⁴⁴.

Прочитавши эти слова, составляющие, по-видимому, резюме всех статей г. Тареева, невольно напрашивается у читателя вопрос: точно ли эта жизнь берет свое начало во Христе-Логосе, от разума не отрекавшемся и аскетизма не проповедовавшем?.. По «асхабадским» же статьям о смысле и цели жизни, источник жизни — в заповеди воскресшего Христа, данной в самый день воскресения — «Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Св. Духа», — заповеди *умиротворения и научения*, то есть объединения всех народов.

Средства для осуществления цели жизни г. Тареевым указаны аскетические; но, к сожалению, из отзыва о статьях его (в «Богословском Вестнике») не видно: нужно ли общее, всех людей отречение, или же лишь немногих? Но и помимо этого можно спросить — точно ли описываемая жизнь берет свое начало во Христе, если средствами ее служат пост и молитва, которую направляет не разум, а «юродство», то есть отрицание разума и знания вообще, не одного такого, каково оно теперь есть в его несовершенстве, но и того, со-

вершенного, каким оно могло бы и должно бы быть? Что касается средств, то «асхабадские» статьи принимают пост в ином, несравненно обширнейшем смысле, в смысле отречения от роскоши, богатства, от мануфактурных игрушек, а также и молитву признают не в созерцательно-аскетическом лишь смысле, а переходящую в общее дело, дело наиболее обширное и содержательное, наиболее общепольное, в дело управления неразумною естественною силою, рождающею и умерщвляющею. Равным образом и юродство в его крайнем аскетическом смысле, как отречение от знания и искусства (не таких только, каковы они ныне есть, но и каковыми они могут и должны быть), — такое юродство «асхабадскими» статьями не признается.

Если далее под *средою* разуметь Православную церковь в отдельности от других церквей, а не то истинное православие, которое имеет целью соединить в себе всех, — тогда где же окажется любовь, которая у г. Тареева в содержании жизни занимает первое место?⁴⁵ Очевидно, что не в Боге и не во Христе источник этого учения; цель его не умиротворение, не объединение для возвращения жизни. — Позволяем себе выразиться так лишь на основании тех сведений, которые можно почерпнуть об учении г. Тареева в кратком отзыве «Богословского Вестника»; само собою понятно, что в случае неточности изложения последнего и наши суждения о мыслях г. Тареева должны в соответственной степени подлежать изменениям.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ РАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ

АССИРИЯ И УРАРТУ¹

(Историко-психологические наброски)

Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. М. В. Никольского. М., 1893. — Древняя страна Урарту и следы ассирио-вавилонской культуры на Кавказе. Его же. — Землеведение 1895. Кн. 1-я и 1-е издание «Братской Помощи пострадавшим армянам»².

I.

Какой нравственный смысл получают события конца XIX-го века на Востоке при свете старых народных преданий и новейших ученых открытий в древнейшей стране мира и чем может быть искуплено преступление, совершаемое у могил праотцев? В чем заключались особенности всемирных империй как орудий гнева (каковы Ассирио-Вавилонские) или как орудий милосердия, любви и умиротворения (какою могла быть империя Урарту и Хеттеев³). Чем должна быть империя, стоящая у Арарата — и близ священной реки (Наири) Урарту, чем была старая и малая Северная империя и чем должна быть новая великая Северная империя? Таковы вопросы, выступающие при знакомстве с новейшими открытиями в области востоковедения.

В «Наири»^{*} — стране райских, по библейскому сказанию, рек, в земле Высоких Гор «Урарту», библейского Арарата⁵, у могил двух, по библейским же и народным преданиям, праотцев человеческого рода, встречаем за 9 или даже за 13 веков до Рождества Христова и чрез почти уже 19 веков по Рождестве Христовом, т. е. после проповеди учения о любви и милосердии, — такие страшные зверства⁶; в этих, священных для большей части человеческого рода, местах совершаются на наших глазах такие ужасные вещи, что не знаем, каким — дохристианским или нынешним векам отдать предпочтение: тому ли времени, когда предшественники, земляки нынешних курдов, ассирияне увековечивали свои зверства клинообразными надписями на высоких скалах, считая такие жестокости великими подвигами, или же нужно отдать преимущество в жестокости XIX-му веку, когда обитатели древней Ассирии — курды, грамоту гвоздеобразную забывшие, а новой не научившиеся, зверства свои сами не записывают, хотя также, конечно, признают их за доблестные деяния. А что сказать о тех христианских народах, которые из корыстолюбивых целей возбуждают эти прискорбные явления, а другие терпят их и тем увековечивают господство кочевой орды и кочевников вообще, т. е. царство войны? Зверства, совершаемые в священной-

^{*} От семитического Нара (см. у Никольского)⁴.

шей местности, имеют не местное значение. Деятелями и зрителями этого преступления являются все народы, не исключая и армян, живущих вне турецкой Армении, ибо одни возбуждают, а другие равнодушно смотрят на него, а третьи действуют пристрастно. Род человеческий как будто вызывает из могилы своего родоначальника, чтобы он видел, до какого раздора, до какого бесчеловечия достигли потомки его, первого человека.

О бесчеловечных деяниях курдов и турок было много писано разными корреспондентами; мы теперь послушаем ассирийских царей, как они сами рассказывают в надписях о своих подвигах. «Я, — говорит Ассурназиргабал, — воздвиг стену пред главными воротами города (восставшего против него и взятого им). Я велел содрать кожу с вождей восстания и обтянуть стену их кожей; некоторые были замуравлены живыми в стене, а другие распяты на стене или посажены на кол вдоль стены. Со многих кожа содрана была в моем присутствии. Я велел сложить венки из их голов и гирлянды из их пронзенных трупов... Я убивал одного из двух... Только на развалинах чело мое проясняется, только утоляя гнев свой, я чувствую удовлетворение»⁷.

Эти гордые, жестокие выражения Ассурназиргабал желает сохранить во всей полноте, грозя проклятием бога Асура за малейшее их изменение. Но не для поучения бунтовщиков, не для того, чтобы другим было делать так не по-вадно, ассирийское искусство создавало такие картины. Нет, не для этого ассирийские цари воздвигали пирамиды из голов пред своими дворцами и замуровывали в стенах дворцов пленников. Страшными сценами казней любили они украшать самые стены своих дворцов. Замурованные в стенах как бы выступали наружу в этих картинах, где с ужасающей точностью представлено, как сажают на кол, сдирают кожу, отрезают члены восставших. Ассирийские цари, можно сказать, находили наслаждение жить во вскрытых кладбищах жертв, казненных ими самыми бесчеловечными способами.

Даже во время пиров выставлялись головы побежденных врагов. Один из барельефов дворца Ассурбанипала⁸ изображает такой пир: царь возлежит за столом на роскошном ложе; около него женщины его гарема, на ветви дерева висит просоленная голова его врага, претендента на престол.

Таково было содержание надписей и наглядных картин на стенах, по которым училось с детства ассирийское население. Жестокость была отличительной чертой и Ассирийского, и Вавилонского царств, ставших орудием гнева Божия, особенно против народа, избранного для исполнения дела Божия, но не исполнившего его⁹. Но сам же Господь сокрушает жезл своего гнева.

II.

Урарту, так много заимствовавший от ассиро-вавилонян, был ли их полным подобием?¹⁰ В надписях, найденных в пределах России со следами ассиро-вавилонской культуры на Кавказе, нельзя ли найти каких-либо особенностей, отличающих урартский быт от ассиро-вавилонского?

К сожалению, из такого незначительного количества надписей, какое открыто у нас, если даже к ним присоединить 80 ванских надписей¹¹, найденных не

нами, хотя и подле наших границ, едва ли можно сделать окончательные выводы относительно различия новооткрытой мировой империи от давно известных. Честь этого открытия принадлежит русскому ученому, единственному пока у нас ассириологу, г. Никольскому.

По нашим кавказским надписям цари Урарту были соперниками ассирийских царей по стремлению ко всемирному владычеству, но не были соперниками их в жестокостях*.

В 17 надписях, из 23-х переведенных г. Никольским, хотя и говорится о взятии городов и о пленных, но об истязании их нет ни одного слова. Во всех почти надписях говорится о могучем боге Халди и о милостивых и могучих же Халдиниях¹³, к которым обращаются с молитвою, которым воздвигаются храмы, приносятся жертвы. Даже в ванских надписях и самой большой из них в 400 или 500 строк Аргишти благодарит богов, что они предали ему землю Ассура в добычу и страшные армии Ассирии в подарок¹⁴. Здесь нет гордого ассирийского «я». К сожалению, полного перевода надписи мы не имели.

Значение Урарту во всемирной истории, роль новой всемирной монархии есть открытие последнего времени. Давно и всем известен Египет и только недавно узнан и открыт могучий его противник — империя Хеттеев (Beni Het, сыны Гет, или Hittim), господствовавшая в Сирии и Малой Азии, а также Урарту; последнее занимало место нынешней большой Армении, а в империю Хеттеев входила средневековая Малая Армения. Всем известны Вавилон и Ассирия и никому почти не известен его соперник ко всемирному владычеству — Урарту; Хеттеи же и Урартийцы оказываются родственными народами, и падение их, быть может, было великим несчастьем. Остались лишь царства, которые пророк Даниил изображает под видом «зверей»¹⁵.

Впрочем, лев, лишенный крыльев, который стал человеком и которому дано человеческое сердце, не изображает ли у пророка Даниила переход от Ассирии к новой империи Урарту?¹⁶ Урарту был орудием не гнева Божия, а любви и милосердия. Влияние тогдашней *Северной* империи на мировые события очень важно. До сих пор историки обращали, главным образом, внимание на движение ассирийцев на Запад и, упоминая или даже подробно описывая походы на север, не замечали, что без последних невозможны первые, т. е. без северных невозможны западные. «Только через север можно было двигаться на запад»¹⁷, подобно тому как русским чрез Вену, Берлин или даже чрез Лондон и Париж можно достигнуть Царьграда.

Урарту была сильною крепостью, которая защищала Сирию, Палестину и Египет. Этим положением объясняется необходимость двух походов Салмонасара II-го к самому центру Урарту. В первом походе от верхнего Заба дошел он до Аракса и взял Сугунию¹⁸. Во втором достиг до Арамали, взял эту столицу Арама — родоначальника Ванских царей¹⁹ — и поступил с нею, вероятно, по-ассирийски. Но этот погром только указал великий жребий урартийцам, урартийское движение идет по следам ассирийским. Столица Урарту переносится с Аракса на оз. Ван, и на восточной стороне этого озера, на высокой скале воздвигается крепость²⁰. Урарту выступает на всемирно-историческое поприще. Преемник строителя этой

* Противопоставление Урарту Ассирии, как двух полярных начал, впервые было сделано а ргіогі профессором (см. Ванские надписи), и теперь отчасти подтвердилось документально¹².

крепости сооружает подле *военного города город священный*, куда собираются святыни тех небольших, но очень многочисленных владений, из которых составилось обширное царство Урарту. Сардури I, строитель крепости, и Ишпуини, строитель храма, были собирателями — светским и духовным — Урартийской земли²¹.

Движение урартийское не ограничивалось оз. Ваном. Надписи царя Миуаша, преемника Ишпуини, найдены у Верхнего Заба, откуда открывается путь к столице Ассура²². Повелитель Урарту принимает титул царя царей, обладателя мира, признает свою столицу вторым Ассуром, следовательно 3-м Вавилоном²³. Обезопасив себя с юга, урартийцы двинулись к западу в страну родственных им Хеттеев. Царство их было завоевано или присоединено, и сыны Хета стали сынами Арама, — Арам одно из названий Сирии²⁴. Самое имя Сирии произошло, как полагает г. Никольский, от титула урартийских царей — Ашура или Ассура²⁵. При царе Аргишти Урарту достигает высшей степени могущества. Царь хеттеев делается вассалом, а царь Ассирии — данником нового царя царей, который в 400 или 500 строчной надписи, высеченной на Ванской скале, рассказывает о своих подвигах²⁶. Цари Урарту имели даже более прав на наименование обладателей миром, чем их ассирийские и вавилонские, по титулу, предшественники. Не говоря уже о священном значении для всего семитического мира горы Арарата и истоков райских рек (хотя некоторые и признают позднейшее приурочение библейских сказаний к этой местности), самое положение Урарту было центральнее положения ее соперников, ибо с урартских высот исходили и вавилонская и ниневийская реки, на которых стояли два царства, приписывавшие себе мировое значение, два претендента на всемирное значение, господство²⁷.

Империя Арама простиралась на север до Кавказа, закрывшего путь скифам, так что падение Урарту открыло всю переднюю Азию нашествию северных кочевников. На юге она доходила до Кархемиша, удерживая от нашествий кочевников южных степей, откуда вышла религия кочевых народов, *религия войны — ислам*²⁸. С запада на восток простиралась река Галиса, от полугреческой Фригии до зендской Мидии, т. е. она отделяла двух противников, художественно идолопоклонническую Грецию от идолоборческого Ирана.

Очевидно, на империю Арама выпала тяжелая роль защищать себя и других от северных и южных кочевников, бороться на два фронта, не имея притом союзников ни в западных, ни в восточных соседях, по различию верований. Такая задача была не под силу персам в эпоху наибольшего распространения их владычества. Вопрос о кочевниках и не мог быть решен персами, потому что нужно было им покончить прежде с греками, чтобы окружить кочевье с севера, так же как не может быть он решен и русскими, пока кочевники будут иметь союзников на западе.

Турецкий вопрос составляет лишь часть вопроса о кочевниках, природная религия которых возводит войну в священное дело. К сожалению, союз запада, т. е. города, с кочевьем против села, союз расслабленного язычества с свирепым монотеизмом очень прочен. Урарту был, надо полагать, царством *земледельческим*, а не городским или полукочевым²⁹. Отсюда понятно, почему царство Арама не могло выдержать борьбы с возрожденною империей Ассура. Понесши поражение при Арпаде, Урарту еще долго боролась с возрастающими силами Асси-

рии. При царе же Урсе, или Русе, еще раз собрала все свои силы, но была побеждена Саргоном, и Урса кончил жизнь самоубийством³⁰.

Покончив, как ему, быть может, казалось, с Урарту, Саргон двинулся на юг, взял Вавилон и принял титул царя Сумирского и Аккадского — самых древнейших царств, который давал право на обладание миром; но тут и начинается падение Ассирии. После поражения, которое понес в Иудее его, Саргона, преемник Сенахерим, начались восстания подчиненных народов. Сенахерим был убит и убийцы бежали в Урарту³¹, что, конечно, показывает, что восстания готовились не в Вавилоне и Мидии, а именно в Урарту, и хотя Ассаргадон и Ассурбанипал еще поддержали и даже расширили царство Ассирии, но со смертью последнего поднялось всеобщее восстание. Урарту приняла, конечно, живейшее участие в восстании, и та часть ее — Мана, которая владела входами в Ассирию, стала во главе Урарту³². В союзе народов, двинувшихся против Ниневии, урартийцы являются под именем маннейцев. Но главным врагом Ассирии делается сама природа Урарту. Высокие горы Армении, собрав небесные воды, двинули их против Ниневии, по руслу Тигра. Тигр, подмыв неприступные стены Ниневии, открыл вход в Ниневию своим соотечественникам и их союзникам. «Всепоглощающим наводнением разрушит Господь Ниневию, — предвещал пророк Наум, — и ниневийцы будут пожраны, как сухая солома»³³. Так погибло царство Ассирийское, но не восстановилось царство Урартийское, появился старый зверь, крылатый, в лице новой вавилонской Халдеи³⁴.

III.

В небольшой заметке «Еще об историческом значении царского титула», помещенной в *«Русском Архиве»*^{*}, о значении Урарту для судеб мира и о значении России, как преемницы его, говорится следующее: «В 1828 г. внесена в титул Армянская область, Урарту Ассирийских летописей, которая по новейшим открытиям, русскими учеными совершенным, играла очень важную роль в древнейшей истории Востока и в судьбах народа Божия: отвлекая силы ассириян на север, она (Урарту — Армения) замедляла падение царства Израильского, а вступая в союз с Вавилоном, ускорила падение царства Иудейского и приблизила явление Царства Божия, Царства мира, Царства Христова. Сан-Стефанский договор делал царя русского обладателем верхней долины Евфрата, и, может быть, обладание этими местами предупредило бы кровопролитие в Турецкой Армении, если бы С.-Стефанский договор не был заменен Берлинским, поставившим Армению и вне знания, и вне мира, т. е. закрыв ее для исследования и предав разорению и кровопролитию».

В издании, предпринятом с целью облегчения участи христиан, страждущих от мусульманского фанатизма, нельзя не заметить, что Царство Христово не пришло еще во всей силе, не проявилось вовне, царство же войны создало себе новую религию, которая обоготворила меч, ибо меч есть, по маго-

^{*} См. стр. 396–398 «Русского Архива», 1895, № 7.

метанскому воззрению, ключ к раю. Ислам, которого возрождение началось в Африке, стремится к объединению для завоевания христианства — разъединенного, расслабленного.

Нужно *понять* во всей силе цель, задачу, *назначение сынов человеческих в их совокупности*, как орудия божественного разума, чтобы *понять всю преступность* событий, совершающихся у могил праотцев и в коих участвуют все народы или преступным действием, или таким же преступным бездействием.

Как бы то ни было, восстановление Урарту началось вместе с принятием Новою Северною Империей титулов царей Грузинского и Армянского, наследников Урарту и Наири, т. е. страны райских рек и священной горы. Чем же должно быть царство, принявшее такое наследство, каким светом должна озариться полуночная страна? Какой свет должен воссиять для сидящих в северной тьме и сени смертной? Должна ли эта страна быть орудием гнева и войны или орудием умиротворения и просвещения. Хотя есть некоторые слабые признаки появления света, долженствующего озарить наш путь к великому делу христианской любви и божественной правды, но пока несомненно, что Северная Империя не только не стала еще орудием объединения всех народов христианских во имя этой цели, но даже не сознает, для осуществления какого великого дела она призвана!

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» И «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»³⁵

На всякую критику можно и даже должно было <бы> не отвечать, но когда эта критика объявляет Вас приверженцем Толстого и врагом знания, тогда молчание становится преступлением, притом еще приводят доказательства, которые опровергаются даже самым заглавием.

Кто враг науки — не тот ли, кто для защиты ее ссылается на незаконченность, на будущее, не замечая, что этим самым он признает ее настоящую слабость. А ссылаться в видах защиты на множество мнений, на отсутствие единства, не значит ли уничтожить науку под видом обороны, готовить ей участь метафизики, которая потому и дискредитирована, что давала множество ответов вместо одного. Не значит ли это быть убийцей знания, впрочем, невинным. Тот же, кто хочет неизвестное будущее заменить определенной целью и все знания и науки объединить в общем деле, — не есть ли истинный друг науки, который желает возвести <ее> на неслыханную высоту.

У «Вестника Европы» очень мало переводных статей, потому, конечно, что все книжки его представляют вольный перевод, т. е. рабское воспроизведение, мыслей Запада. Насколько неверно название «Русской Мысли», принятое московским журналом, настолько верно, соответствует самому содержанию журнала название Вестника, Меркурия Европы, принятое петербургским журналом. Пресмыкающийся пред «просвещеннейшими государствами Европы», он нахально относится ко всему русскому, инквизиторски следит он за

малейшими попытками проявления самостоятельности, стараясь уничтожить ее в самом зародыше. Так, от бдительного взора этого представителя не укрылась очень небольшая брошюра, хотя автор ее принял все меры к тому, чтобы принять общий цвет (мимитизм)³⁶.

Разбор такого журнала мог бы быть оставлен без ответа, если бы не одна фраза, объявляющая автора вопроса последователем Толстого, хотя лишь отчасти. «Наш критик, — говорит „Вестник Европы“, — отчасти на стороне гр. Толстого, но крайностей последнего не одобряет, доказывая, например, что учение о не-делании не может быть основано на Евангелии...»

Мало того — «в своих представлениях о науке <он> сам стоит на той же толстовской точке зрения и рассуждает в той же манере»³⁷.

На первое нужно <ответить>, что толстовское воззрение [не] *не может быть основано* на христианстве, а прямо *противоположно* ему.

<На второе же надлежит сказать, что> науку он <автор брошюры («Бесцельный труд, неделание или Дело»)> желает не уничтожить, как Толстой, а возвысить до единства и из знания обратить во всеобщее дело, дело всех, призывая всех к участию в ней.

Критик «Вестника Европы», по-видимому, маньяк, для которого все зло заключается в цензуре. У нас едва ли может быть нравственный кризис, <говорит он,> потому что у нас нет свободы печати... При существовании цензуры никто не может, по его мнению, ни думать, ни говорить, ни писать, а между тем Россия и думает, и говорит в лице Сютяевых, пишет и даже печатает в лице Бондаревых³⁸, она и литографирует и гектографирует... печатает в подпольных типографиях или за границей.

Для Толстого и Соловьева цензура не существует, а потому они пишут и мало думают, отсюда и выходит и не-думание, и не-делание. «Вестнику Европы», конечно, это неизвестно; он даже «наиболее замечательное» произведение гр. Толстого³⁹ не читал, а только слышал о нем. С другой <стороны>, при полной свободе печати многое не будет напечатано. Несомненно, что брошюра г. Кожевникова, не имея он возможности сам издать ее, не была бы напечатана ни в «Вестнике Европы», ни в «Московских Ведомостях». Такое согласие между саддукеями и фарисеями очень знаменательно. Знаменательно также искажение и замалчивание, к которому прибегают критики того и другого органа. Не менее замечательно и противоречие, в которое впадает критик «Вестника Европы», то отвергая кризис (эти «ужасы»), то признавая, что они бывали и прежде, следовательно, есть примеры... а от этого не легче нам.

Напрасно критик в своем нелепом высокомерии полагает, что только небольшая доля его (человечества), подразумевая себя и себе подобных, способна возыметь те глубокие запросы, какие приводит автор. Весь народ живет под страхом призыва к войне, с одной стороны (а если «наиболее замечательное произведение гр. Толстого» получит права гражданства в России, то можно будет, кроме внешней войны, ожидать и внутреннего взрыва), под страхом голода и мора — с другой, и под страхом смерти всегда и везде, тогда <как> подобные

критику от призыва к войне освобождены, от голода гарантированы, а смерти, как позитивисты, и знать не хотят. Потому сказанные запросы существуют наиболее для народа, тогда как для критика существует лишь комфорт, в коем некоторые — конечно, не сам критик — думают дать участие и народу, полагая, что этим все разрешается. Для критика <же> всеобщий комфорт кажется слишком великим и недостижимым идеалом. Пресмыкающийся пред «литературою и обществом просвещеннейших народов», критик «Вестника Европы» отказывает нам в праве заниматься универсальными вопросами, нашу насущную нужду признает допущение самого капитального философско-религиозного творения гр. Толстого, о котором будто бы он слышал только.

Что такое этот критик? Маниак ли цензуры, т. е. все зло видит в стеснении печати, или же приверженец Толстого, т. е. все добро видит в его последнем произведении? «Вопрос, как с этим быть?» — т. е. вообще с цензурою или с сочинением Толстого? А на универсальные вопросы, может быть, <и> позволительно наложить цензуру — это дело скучное⁴⁰.

Итак, по признанию самого критика, существует две науки; одна сочувствует бедствиям и признает в себе мощь заместить бесчеловечную, слепую, смертоносную силу живоносную⁴¹. Которую из них нужно предпочесть? Я, изверившись в Вашей, желаю последней. Можно, или, вернее, даже <должно спросить>, какое право Ваша-то наука имеет на существование? И Бондарев, и Толстой, которого Вы так усердно призываете, спросят Вас: «чем Вы платите за хлеб, который сами не работаете?» Вопрос о праве существования ученого сословия уже родился.

Ссылаться на незаконченность науки — значит признавать ее *настоящую* слабость. Если неизвестно, что она будет, то как Вы достигнете понимания новых, еще неизвестных отделов, не лишает ли <это> Вас <права> говорить о понимании науки? [И если] вся она будет исключаящие друг друга взгляды, ожесточенные споры — разве это достоинство?

Не единичные мнения двух-трех писателей, а признанные представители науки [1 слово неразб.]⁴². Неужели для защиты науки нужно уничтожить ее и признать лишь различные мнения? В таком смысле можно защищать и метафизику!

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ В. А. КОЖЕВНИКОВА «БЕСЦЕЛЬНЫЙ ТРУД, „НЕДЕЛАНИЕ” ИЛИ ДЕЛО?»⁴³

Для автора брошюры «Бесцельный труд, „не-делание” или дело?» последнее слово служит не для того, чтобы сказать, что нужно делать, а для того, чтобы скрыть это, т. е. скрыть то, что нужно делать. Впрочем, значение «дела» определить, открыть можно, если только логику и этику, истину и благо признать выражением необходимости, а не делом личного вкуса, не употреблять разум и нравственность в орудие угождения испорченному (культурному) вкусу времени. Если *не-делание* должно обозначить 0 (нулем), *дело X* (неизвестным), а *бесцельный труд* — *дробью с отрицательным знаком* (минусом)*, то Дело будет целая положительная величина, сложение, а не вычитание, всецелое. Автор называет это всецелое благом, также тщательно скрывая его значе-

* т. е. она и не хочет быть целым, она вычитается, а не слагается с другими частицами, дробями.

ние, объем и содержание. Точно так же, когда автор говорит, что нужно жить «Со всеми и для всех», т. е. не для себя, но и не для других, то и тут он, во-1-х, замалчивает, что альтруизм — любимец нынешнего эгоистического века — низводится со степени добродетели, а во 2-х, не дает точного определения слову «все»: нужно ли понимать его в строгом смысле (живущие и умершие), или же это только фраза? Автор полагает, что он ничего не потеряет, в каком бы смысле ни решил вопрос о всех и о деле и благе, и никто не отгадает его настоящего мнения, — и очень ошибается: не-делание он отрицает, дела боится, следовательно, и есть золаист — приверженец бесцельного труда.

По смыслу заглавия автор должен желать или всего, или ничего, а по статье он согласен быть кой-чем, заняться бесцельным, безнадежным трудом. Благо для него не благо, все не все, дело не дело, ибо он не-делание опровергает, а дело не определяет, избегает определить. Как он может участвовать в деле, когда он знать его не хочет? *Полное дело* есть объединение миров, регуляция их путем воскрешенных поколений. Вы хотите устранить смерть и не хотите воскрешения, а желаете оставить рождение, но пока есть рождение, дело не будет полно, будет даровое, будет смерть, а не жизнь.

* * *

«...что следовало бы точнее определить задачи общего дела и средства к их выполнению. Что общечеловеческое дело может состоять только в водворении Царства правды (?), Царства Божия*, на земле (?), во всем мире, совокупным, сознательным**, добровольным*** трудом человечества****, — это, полагаю, выражено мною с достаточной ясностью (?). Вернее, с достаточной неопределенностью!⁴⁴ Если *совокупное* заменить *братским*; *человечество* — *сынами человеческими, сынами Бога всех отцов наших (умерших), сынами человеческими, вытесняющими отцов, и сынами Бога всех вытесненных отцов* [не дописано.]

...что всечеловеческое дело может состоять только в водворении Царства блага (*добра*), Царства Божия *во всем мире*, в водворении путем совокупного, сознательного и добровольного труда (всех) *сынов человеческих*⁴⁵ на место слепой, невольной эволюции или бездушного⁴⁶ прогресса, — это, полагаю, выражено мною достаточно ясно для краткой статьи, имевшей целью предварительно только указать ошибочные, как мне думается, взгляды на труд и на назначение науки и противопоставить им другой взгляд, по моему убеждению, более правильный.

«Что же касается частного определения задач всемирного дела и способов его выполнения, то вопрос этот, по своей сложности (?), обширности не мог быть изложен в краткой статье; это составляет предмет большого сочинения. Дальнейшее же более подробное рассмотрение вопроса, „в чем должно

* чем отличается царство правды от царства Божия?

** сознательным трудом, — т. е. не слепую эволюцию?

*** Добровольным, а не невольной эволюцией или прогрессом? Наша жизнь, наша история не будет произведением слепой силы природы.

**** сынов человеческих.

состоять общечеловеческое дело”, быть может, дано будет в непродолжительном времени...»

*Для 3-го издания, исправленного.
«Бесцельный труд, не-делание...»
Предисловие⁴⁷*

В наше время «делом» называют «битву», а настанет время и ныне уже есть, когда возвращение жизни, т. е. воскрешение, назовут делом. Дело в смысле битвы имеет множественное число, а Дело в смысле воскрешения имеет только единственное число, ибо воскрешение есть единое всеобщее дело. В первый раз Дело в смысле воскрешения является очень робко в заглавии небольшого сочинения, в котором дело противопоставляется толстовскому Не-деланию и бесцельному труду Золя. Какое это дело, которое противопоставляется Не-деланию в самом обширном смысле, какой это труд, который объединяет в себе все труды всех трудящихся, давая им цель, этого никто из читавших не отгадал. Дело оставалось X-м, противостоящим толстовскому 0 (нулю) и множеству бесцельных занятий Золя, пока не появились два стихотворения (теперь <уже> три) того же автора, которые показали, что делом поэт называет знание, которое все силы природы приводит в действие, чтобы спящим в сумраке могилы жизнь возратить⁴⁸. Тем не менее автор стихотворений в новом своем сочинении не признает существования воскрешения даже в мысли, называя учение о воскрешении философией будущего⁴⁹, а между тем из письма Достоевского еще 1878 года мы должны признать существование мысли о воскрешении как деле в трех головах⁵⁰.

* * *

5. Что же такое мы, т. е. славяне?

Какой веры, заповеди мы почитатели?⁵¹

«Славяне чтили, — говорит автор, — больше всего явления природы: гром, молнию... очень чествовали предков... было немало других верований»⁵², т. е. почитаний?

Итак, какой же они были веры? кого чтили больше всего? И у язычников, многобожников есть верховный бог! Только нынешний человек может жить без убеждений, без единства в них; никого и ничего не почитая. Судя по тому, как любовно, как родного, провожали киевляне низвергнутого в Днепр Перуна, можно с уверенностью сказать, что и у славян, как у греков Зевс, Перун был отец Богов и людей, т. е. бог отцов и предков. Если жизнь селянина основывалась на повиновении младших старшему, то и на небе был старший, очевидно Перун. Подобно тому, как позднее был у русских Илья Сухой и Илья Мокрый, Никола — также Сухой и Мокрый, был и Перун Сухой и Мокрый.

В имени «славяне» и заключается понятие не славных, а славящих Бога отцов, как «арийцы» вовсе не значит почтенные, а почитатели, равнозначущее «благочестивый». Нынешние же люди не назовут себя чтущими и славя-

щими, потому что ничего не имеют святого. И презирая самих себя, будут тем не менее говорить о своем достоинстве.

Нестор имеет и дает и цель исторической жизни. Число народов у Нестора приурочено к числу *собираателей или апостолов*, посланных для *собирания*.

Объективность автора *совершенно кажущаяся*. Как у автора нет единства в убеждениях и [1 слово неразб.], так нет их и в его Истории Русской.

16. Новгород и право раздора. Новгород как идеал удельной Руси; борьба как закон. Связь раздора с обширностью владений Новгорода. Псков — подобие Новгорода, которому близость немцев не давала возможности поравняться образцу. Новгородский же раздор был причиной оттеснения Руси от Западного моря и успехов немцев и обнемечения. Великая Кровь, пролитая в Великой Северной войне, падает на вольный город.

17. Галицкое княжество... Хотя Галицкое княжество принадлежало к группе аристократических княжеств, т. е. где господствовало боярство, но в Галиции власть князя была несравненно сильнее, чем в Польше и Венгрии (как при Романе и Данииле), так что возможно, что Галиция, подавившая у себя бояр, приобрела бы власть над Польшей и Венгрией и Литвой, ослабленными панством, и народ русский не был бы обращен в быдло, но католицизм и татары сгубили Галицию.

Мог ли быть на Калке Даниил?

18. Литовское княжество [не дописано.]

К КИРЕЕВУ

*как противоположности тому, что излагается в статье
о Самодержавии,*

и

*О соединении церквей в догмате и о сохранении разделения
в жизни, деле и обряде.*

*Игнорирование дела русского, противопоставление многих умов
единой воле в Самодержавии и уравнивание свободы и
авторитета в конституционном либеральном Православии.
Отделение области Бога (Православие) от области Кесаря
(Самодержавие) не как прискорбный факт⁵³.*

«Государствование представляется для него (т. е. <для> народа) не целью, а средством, ... для народов Запада... политика составляет как бы самую их жизнь, их дорогое занятие» (стр. 249-я)⁵⁴. — В чем наша цель, наше дорогое занятие? Вот что нужно решить, <а также> и в чем состоит высшее назначение относительно каждого отдельного христианина и высшее освящение (высшая санкция) государству?..

Кого хочет морочить г. Киреев своею речью о трех началах — Православии, Самодержавии и Народности?* Под Православием он разумеет объединение в мысли, т. е. догмате, в отрицании *Filioque* и *immaculata conceptio*⁵⁵, а не

* См. Речь генерала Киреева в торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного Комитета 6-го апреля 1895 года. СПб. 1895.

<в> деле, заботясь лишь о сохранении *родного для него западного обряда*, не жертвуя ни личностью, ни имуществом, ибо папская непогрешимость и индульгенция есть посягательство на личность и имущество, т. е. порабощение. Папская непогрешимость есть источник, созидательница догматов, а индульгенция есть способ спасения, т. е. дело, а не догмат.

<Генерал Киреев,> как все наши бары, воспитанные оперною музыкою и пением, салонною живописью и вообще западно-европейскими обычаями, желает лишь того, чтобы переход в католицизм, скрытый под православием западного обряда, не был разрывом с государством, т. е. был бы узаконен. Вот в чем состоит Православие, по мнению г. Киреева.

Допуская единение в мысли относительно того, что касается духовного и внемирного, Киреев в деле светском, мирском желает разномыслия, т. е. много умов, и при этом <желает> одной воли, хорошо, конечно, зная, что при умственной анархии возможен только произвол, а не единая воля, из умственной анархии нет другого выхода, кроме произвола. 1) *Одна решающая воля*, затемняемая множеством умов, руководимых противоположными, по существу — ребяческими, интересами (рабочие и хозяева, бедные и богатые) и 2) *множество измельчавших умов*, не имеющих общего дела и цели, подчиняющихся *поневоле*, а не по убеждению, — вот идеал Киреева! В результате общее недовольство умов *волею*, обреченною на безвыходный, бесконечный разбор ребяческих ссор. Много умов — это не свет, а тьма; одна воля — произвол или неволя. Пока <у всех умов> нет <одного дела, одной цели,> одного общего и всех интереса, до тех пор воля или должна принять сторону сильнейшего, или погибнуть. Киреев, очевидно, не знает цели, не знает и дела. Мы же должны признать, что, только оставив политические, экономические и международные дразги, люди всех наций и званий могут объединиться в санитарно-продовольственном вопросе, труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язву и смерть отцов. Если санитарно-продовольственный вопрос есть полицейское дело, то это последнее есть несравненно высшее политического.

Никогда никакой Царь Русской земли не произносил такого *богохульного* слова — *l'Etat c'est moi*, — это атеизм. Такое слово мог произнести *секуляризованный* король, а не монарх, по Божью благословению, Божией милостью царствующий, так же, как «*Chiesa son'io*» мог произнести признавший себя богом папа⁵⁶. Поклонение гробам предков, которым заканчивается помазание или венчание на царство и которое, по мнению нашего канониста (Горского), заменяет византийскую акакию⁵⁷, показывает, что Царь есть наместник, стоит в отцов место; ни Царь для народа, ни народ для Царя, а Царь вместе со всем народом есть орудие Бога в деле отеческом, коего санитарно-продовольственный вопрос есть лишь начало, первый шаг. Для народа, почитающего память отцов, Царь должен стать в отцов место.

«Народ должен знать истину о правительстве, и правительство — знать истину о народе, и оба должны знать истинную цель своих стремлений» (<стр.> 245), и они не будут знать истины один о другом, пока не будет у них одной общей цели, общего дела (не как занятия <лишь>), потому что язык в этом случае будет служить не для сокрытия истины. Между правительством и

народом не будет антагонизма, а будет взаимознание, когда они будут объединены в знании слепой силы природы.

Последняя статья г. Киреева, помещенная в «Русском Обозрении», — «Спор с западниками настоящей минуты», — посвященная «моим московским собеседникам 26 и 27 февраля»*, эта статья должна убедить г-на Трубецкого, что генерал Киреев питает такое благоговение к Западу, что большего и требовать нельзя. Уже одно признание Канта и Гёте заключает полное отрицание славянства⁵⁹, так как Канта и Гёте можно и должно признать полными представителями германской народности; где же наша самобытность? В эклектизме Киреева обвинять нельзя — он признает Канта и отвергает Конта, и если к немецкому языку примешивает русский и латинский, то это вынуждено необходимостью говорить с незнающими немецкого языка. Ни Трубецкой, ни Милюков или Соловьев, а сам Киреев является разрушителем славянофильства! Замените кантовский субъективизм проективизмом, тогда очень может быть, что вы узнаете, в чем состоит дело, занятие и цель русского или славянского народа, тогда не будет и двух разумов. Немецкий Фауст, представитель разума аналитического, принимает свое весьма незначительное несходство с большинством, с народом, за превосходство, и не замечает громадного сходства — смертности. Эта-то заносчивость и делает его немцем.

Спор генерала с князем. В этом странном прении Князь уверяет, что «западники стоят за Православие, что и они сторонники монархизма и допускают некоторую долю национализма»⁶⁰, а генерал оказывается совершенным западником. Обвиняя <других> в противоречиях, он своих вопиющих противоречий <не замечает>. <Так,> отвергает Киреев «юридическое» и прославляет «гражданское», — <а между тем> гражданин не сын, и только родственное есть истинно нравственное. Если же православие есть выражение этики, а самодержавие — политики, то последнее должно быть отвергнуто во имя первого. Прославляет <Киреев> неуважительность: *сыны не гнутя ни пред отцами, ни пред властями*⁶¹, ни пред Богом, ни перед чем, кроме золота и всякой силы, т. е. ничего святого, — и это говорит последователь тех славянофилов, которые смирение считали добродетелью, а гордость — коренным пороком Запада!..

Отсутствие «Грозных, Биронов» приписывается «культурной среде». Какая же это среда, мог бы спросить князь, — московская или западная?

Эта культурная среда, эта нравственная атмосфера, в которой не могут жить Аракчеевы, а рождаются Равашоли, [1 слово неразб.] (стр. 239). Атмосфера Равашолей, Казерио и т. д. В этой же среде рождается избиратель, которому нет дела до братства народов (стр. 245). Эта же среда производит избирателей, которые превращают выборы в школу политического разврата (<стр.> 246). «Анархисты, — говорит Киреев, — начинают отказываться от насилия». И, конечно, совершенно откажутся, когда будут вооружены «*правом и картечью*»⁶².

* Из этих собеседников А. Ф. Филиппов — славянофил по недоразумению, [В.] М. Влад<и-славлев> — отъявленный западник, хотя и надевает по временам маску славянофильства⁵⁸.

Единственное средство спасения, по Кирееву, — *гласность*: развязать язык и связать руки; дозволить до известного предела браниться и не давать рукам воли. Положение в высшей степени неестественное с той и другой стороны <(со стороны общества-народа и правительства)>, тогда как переход от слова к делу — самая естественная вещь. Если власти надоест выслушивать во всяком очень много вздору, или народу — выносить далее кажущуюся тягость, «что <тогда> делать»? <Что делать,> «если правительство конфискует гласность?»⁶³ Киреев ссылается на чудодейственное время, которое делает невозможным Биронов и Аракчеевых, не объясняя, в чем состоит оно.

Вся внутренняя политика состоит из непрерывных пререканий между властью и подчиненными, которым чем более будет сделано уступок, тем более будет возрастать их требовательность. Единственное действительное средство <покончить со всеми пререканиями между властью и народом, это> — дать и власти, и народу одно общее дело. [Повторим:] нужно признать, что ни Царь для народа, ни народ для Царя, а Царь вместе с народом для отеческого дела, объединения живущих, сынов для воскрешения отцов, или объединения в труде познания и управления смертоносною силою.

Вместо требования свободы и конституции следует обратиться к правительству *с просьбою о восстановлении служебного отношения всех к государству*, обращении всех в *служилых людей*. То, что не было сделано после взятия (Корсуня) Севастополя по необходимости, то должно быть сделано теперь добровольно⁶⁴. Без предварительного обращения всех в служилых людей не может быть Земского собора, который тем и отличается от парламентов, что созывается не для защиты и ограждения прав, а для исполнения обязанностей, для обращения слепой, смертоносной силы в управляемую разумом.

Не та церковь православна, в которой *уравновешены свобода и авторитет* (власть). Русский народ отдает всю свою волю во власть Бога и не отделяет области Бога от области Кесаря, а сокрушается об их отделении, насколько это отделение существует. Отделение области Кесаря от области Бога есть прискорбный факт, а не идеал, как думает утративший всякий смысл западник Киреев.

Надо сознаться, что г. Киреев очень удачно защищается от обвинений г. Трубецкого и с большою очевидностью доказывает, что в нем нет ничего византийского, ничего славянофильского, а чистейшее западничество. Это — Либеральное православие, оно требует вселенского Собора главным образом для «пересмотра собрания канонов и выделения из них вечнообязательных и неизменных» (стр. 217, сноска 2-я). Страшно подумать, что станется с Православием после этого очищения либеральными Киреевыми канонов Православной Церкви. Пренебрежение к обрядам, ко всему внешнему, прикрывающее внутреннюю пустоту.

Стр. 219 «...мы очень желали, чтобы личный состав нашего духовенства пополнялся и из лиц, принадлежащих к *высшим слоям общества**, что несомненно подняло бы его значение и придало бы ему ббльшую самостоятельность, весьма полезную для церкви». И это несомненно приблизило бы Православную Церковь к католицизму. Таким образом, киреевское примирение есть та же уния, которая была насильно введена в Западной России, и совершеннейший простор униатским западным обрядам.

* т. е. любителями западного католического обряда.

«Латыняне упрекают нас часто в том, что мы не можем сладить с нашими раскольниками, но они забывают тот многозначительный факт, что от нашей церкви идут в раскол (по крайней мере теперь) люди *наименее культурные, наименее просвещенные**, что наш раскол состоит из людей по большей части необразованных, темных** , а от Римской Церкви отделяется, наоборот, *все лучшее*». (Поль Бэр с его катехизисом, Векерле — венгерец, который «замещает священников чиновниками при совершении таинства брака»⁶⁵.)

«По чину венчания, — говорит <на> стр. 239 этот иностранец, никогда, конечно, не заглядывавший в чин венчания, — *Московский митрополит* прежде нежели передаст...»⁶⁶ При коронации Александра Н-го действительно Московский митрополит первенствовал.

* * *

После торжества над Славянофильством «Вестник Европы» зорко следит за всяким, самонаименьшим проявлением надежды на самобытность, так что даже такой ярый западник, как Мережковский, тотчас получил выговор за выражение <такой> надежды. «Новая форма старой мечты», — так обозвал поклонник Запада непростительную дерзость даже Мережковского, для которого Запад — родина, хотя по простодушию сознался, что *темнота* нас окружает, при которой был бы замечен даже слабый отблеск грядущего света⁶⁷.

Мережковский повторяет слова Достоевского. С Восточной и Западной стороны «вся дорога пройдена, исторический путь кончен — дальше идти некуда; но мы знаем, что, когда кончается История, начинается религия...» То есть на сверхисторическом пути Запад представлен Человекобогом, Восток — Богочеловеком. Первое, надо думать, означает обоготворение смертной жизни, а второе — потребность жизни бессмертной. В самой России эта противоположность является в Толстом — «тайновидце плоти, стремящемся к ее одухотворению», и Достоевском — «тайновидце духа, стремящемся к [его] воплощению»⁶⁸.

О Достоевском можно несомненно сказать, что он не ограничивался «духом», а признал долг воскрешения. Толстой — враг воскресения плоти, сторонник умерщвления плоти.

* * *

«*Жить — действовать*». Статья кн. В. Ф. Одоевского⁶⁹. «*Парадоксальная**** мысль Одоевского, — говорит татевский педагог и натуралист, — навеянная Шеллингом, *о самоистреблении природы, предотвратимом только деятельностью***** человека, послужила темой для горячих и продолжительных споров» (не указано, где и когда происходили эти споры).

* но и наименее испорченные.

** словом, народ?

*** Напротив, очень близкая к ортодоксальной.

**** Конечно, разумною и совокупною.

«Нельзя не признать, — продолжает Рачинский, — что мысль эта выдерживает критику лишь в том случае, если в число природных деятелей* мы включим человека, еще не сознавшего своих обязанностей к природе. <Судить> о том, чем была бы эта природа** без человека, мы не имеем достаточного права»⁷⁰. Странно, совершенно напротив, нам нужно знать, нужно это знать, чтобы понять, что мы должны делать, — делать как разумные существа.

«Помощь природе, о которой вызывает Одоевский к человечеству *разумному*, пока нужна ей исключительно против человечества *неразумного*»^{***71}. — Но это не возражение, а подтверждение.

* * *

После отправки письма начинается раздумье и недовольство. В настоящем случае раздумье является по поводу первого эпитафия. Кажется ли очевидно связь между бедностью, унижением, оскорблением и смертью?⁷² Бедность есть недостаток средств к жизни, большее или меньшее лишение; смерть же есть лишение всего, полнота лишений. Главная забота должна обращаться к тем, которые всего лишились, т. е. <к> умершим. Бедность есть один из факторов смерти; унижение и оскорбление также производители смерти. Но эти факторы так тесно связаны, что выделить их в чистом, отдельном виде решительно невозможно.

Когда, — скажут буддисты, а за ними и христиане, не отличающие последнего от первого, — когда наступила смерть, нет места состраданию. Действительно, пока убивают человека, тогда только и возможно сострадание; когда же он убит, и сострадание кончается. Так, если убийство произведено мгновенно, то и сострадание продолжается только один *миг*. Буддизм признает только сострадание, и если страдание ведет к смерти, то сострадание есть прохождение в могилу. Игнорируя смерть****, мы лишаем себя единственного предмета, который бы мог всех соединить в деле возвращения жизни.

Вопрос «Социальный» и «Естественный»

Вопрос о богатстве и бедности можно рассматривать лишь как частный случай вопроса о жизни и смерти, ибо если бедность есть недостаток необходимого <и> ведет к смерти, то <и> богатство, как излишество, сокращает жизнь. Но и вопрос о богатстве и бедности можно возвести во всеобщий, если под богатством разуметь соединение в себе *всех* условий жизни (тогда богатство = бессмертию), а под бедностью — отсутствие возможности жизни.

* т. е. истребителей.

** Конечно, слепая.

*** Что хотел этим сказать Рачинский, — спросим от себя, — не хотел ли он этим выразить, что если бы не было человека, то и было бы все прекрасно? (*Примеч. Н. П. Петерсона.*)

**** Как это было до сих пор, пока «Горький» не открыл ее после четырехсотлетнего скрывания ее, когда Толстой объявил смерть несуществующею и орал во все горло: «Говорят Вам, смерти <нет>!» А ему верят, какой бы он вздор ни говорил.

Вопрос о жизни и смерти берется не в теоретическом смысле, а в смысле практическом — возвращения жизни, ибо если предмет теоретического разума есть познание жизни (жизнепознание), то <предмет> практического — искоренение смерти.

Первый Пасхальный вопрос — о замене Социального вопроса Естественным, не как замене Социологии Естествознанием, а как замене реформ и переворотов общественных регуляцией, — есть самый радикальный вопрос.

«В отречении от искусственных потребностей и объединении в труде» Глебушка видит власть земли над человеком⁷³, т. е. говорит бессмыслицу, а В. А. Кожевников в освобождении от труда видит власть над землею⁷⁴. Но если наступит время, когда человеческий род *почует от дел своих*, то этот день будет Субботою, нирваною, т. е. концом его жизни. — Дело человека и заключается в обращении всего рождающегося (само собою производящегося) и потому смертного в трудовое и потому бессмертное.

Власть земли (над человеком) или власть (человека) над землею? Это философский, бездушный, отвлеченный вопрос, коим удовлетворяется интеллигенция. Для простых людей человек есть сын умерших отцов, а земля — сила, умертвившая их, отцов, и поражающая голодом, язвою (смертью) сынов (если они, <простые люди,> не язычники, т. е. не смешивают Бога с землею и умерщвляющею силою). В чем же состоит дело Божие, Бога отцов, Бога, не отождествляемого с силою, умерщвляющею их?

ЗАЯВЛЕНИЯ О НЕЖЕЛАНИИ ВОСКРЕШЕНИЯ, О НЕЖЕЛАНИИ БЫТЬ ВОСКРЕШЕННЫМИ⁷⁵

<Господа, делающие такие заявления,> даже не поняли, что, заявляя о своем и вообще <о> нежелании людей, они поставили себя ниже всяких скотов и зверей.

Впрочем, судить о желании человеческого рода по желанию нынешнего испорченного поколения весьма неосновательно.

После отчаяния в надеждах на равенство, свободу, братство, отечество в том смысле, какой придавал им прошлый <(XVIII)> век, — чаянием могут также быть и равенство, и свобода, и особенно братство и отечество, но в другом уже смысле. Ложь относительно равенства заключается не в том только, что люди, очевидно, рождаются неравными, а в том, что, предоставляя на основании этого мнимого равенства всем одинаковые права, вносят раздор, вражду, зависть, ненависть в мир; тогда как истинное равенство, равенство пред смертью и бедствиями, общими всем людям, ведет к объединению, если только люди поймут, в чем состоит их общее родовое дело. — Если равенство по рождению есть только мнимое, то неравенство перед смертью есть только кажущееся, ибо кроме смерти, как вопроса времени, зависящего от неравенства естественного, есть еще

смерть случайная, не знающая никакого неравенства, поражающая одинаково всех. Кроме свободы естественной, с которою люди рождаются и которая и есть настоящее рабство, есть еще свобода мыслимая, представляемая (мнимая), которою довольствуются философы; истинная же свобода есть результат обращения совокупными силами слепой силы природы в управляемую разумом. Как ни странно братство, не желающее знать отцов, еще страннее патриотизм, т. е. гордость своими отцами, происшедшая из сокрушения об их смерти. Сокрушение ведет к объединению, а гордость — к раздору.

ТРИ УЖАСА⁷⁶

С одной стороны, открытое приглашение к свободному разрушению церковного общения без всякой замены <его> чем-либо другим (т. е. приглашение последовать за Толстым). С другой стороны, заявление, что разобщение есть высшее благо, что отпадение миллионов грешников должно радовать праведников, что избранная часть будет счастлива, освободившись от общения с ними, т. е. с грешниками⁷⁷, тогда как на небе бывает радость о возвращении каждого грешника и, следовательно, сокрушение о каждом отпадшем.

Третий и наибольший ужас — общее совершенное равнодушие к первым двум ужасам и к призыву Стаховича. А мы думали, что камни возопиют. Уж не все ли мы стали антихристами?!..

* * *

Прочитав речь Стаховича, можно дать ей полное заглавие и открыть истинную, скрытую ее цель. (Речь эта обращена не к полиции и администрации, а к миссионерам, которые встречают противодействие со стороны полиции и администрации. Речь говорится толстовцем, который опирается на славнофилов и на Соловьева — явного противника Толстого.)⁷⁸ О свободе совести всех православных, лево-славных, протестанских, сбокостанских, дониконовских и дубинопетровских, окружных и противокружных, коренных, пристяжных и т. д. Очевидно, не для сохранения всех этих сект восстал Стахович. Настоящая, скрытая его цель была поднять всех против церкви и государства и особенно против сего последнего. Освобождение крестьян вызвало на западе России открытое восстание⁷⁹, а на востоке произвело скрытую вражду, одно из проявлений которой мы и видим в речи г. Стаховича, Губернского Предводителя Дворянства. Ясная же Поляна стала центром, где сходятся все враждебное церкви и государству. Наше дворянство, особенно высшее, воспитанное телохранительницами гувернантками и душегубителями гувернерами — конечно, не русскими, — всегда было враждебно православию и склонно к католицизму. Стахович же, по всей вероятности, принадлежит к вообще отвергающим религию. Наше дворянство, имеющее во главе Толстого, проповедующего свободу совести, можно было бы принять за сословие вымирающее, но свобода совести — маска, под которою кроется не мир, а война, конечно, внутренняя.

Государство есть внешнее объединение, облеченное правом принуждения, которое выражается в воинской повинности, в плате податей; но цель внешнего объединения — привести к внутреннему, которое осуществляется чрез присоединение к всеобще-обязательной воинской повинности умственного и нравственно-религиозного просвещения, чрез присоединение к обязательному налогу — добровольного, к легальному — супралегального.

Свобода совести, разрешая борьбу (полемику) и запрещая насилие и войну, оказывается совершенно бессильною, ибо живая, искренняя вера не может не проявляться вовне и только мертвая вера может быть терпимою. В нынешней Европе, хотя в ней уже нет такой живой веры, какая была прежде, тем не менее в секулярном виде проявляются прежние религиозные войны. Протестантская Пруссия борется с католическими Австриею и Франциею... Поэтому очень ошибаются те, которые думают, что в наше время нет религиозных войн, — даже крестовые походы не прекратились, ставши обходными движениями в тыл Ислама. Как в Средние века под священными войнами крылись торговые, так и ныне под торговыми — скрываются религиозные. Потому и отделение духовного от светского бесполезно и невозможно.

К ОТРИЦАНИЮ РАЗЪЕДИНЕНИЯ. СВОБОДА СОВЕСТИ — СВОБОДА НА ЛОЖЬ И НА РОЗНЬ

Свобода совести, как и свобода мысли и вообще свобода, ничего определенного в себе не заключает. Достоинство ее зависит от содержания, каким она будет наполнена, а между тем из *свободы* сделали *благо* и поставили ее не только выше *равенства*, которое так же неопределенно, как и свобода, <но и> выше *братства*, которое может получить полное определение лишь от *отечества*.

Свобода ли совести, допускающая всякое отделение, ересь и секту, или <же> Доброта совести, сокрушающаяся, печалующаяся о всяком отделении, об отчуждении, розни вообще? Что нужно выбрать?

Свобода совести, допускающая все ереси, без нравственной <их> оценки, потому что не принимает на себя права отличать добро от зла, — считая всякое определение добра произволом, — будет, конечно, бессовестностью и невозможностью.

Доброта же совести, или добросовестность, тогда только будет произволом, когда она вносит ограничения в определение добра. Добро, взятое в смысле высшего нравственного блага, невозможного без высшего умственного совершенства, или просвещения, не может быть произволом, как это будет видно далее. Итак, решим вопрос: в чем состоит неограниченная доброта, совершенство совести, или полнота совести и определение блага?

Свобода совести есть *узаконение* всякого отделения, даже поощрение розни, борьбы, не считаемой не только за преступление, но не принимаемой даже за явление прискорбное, а напротив — за проявление жизни. Человек, который утратил чувство боли отделения, может ли считаться даже полусовестливым? Полнота совести заключается в печаловании столь же *о гнете или притеснении*, как и *о вражде, ведущей к отделению*. Христиане в учении о *Троице*,

в которой единство не есть иго, гнет, а самостоятельность личностей — не рознь, имеют *образец полноты совести и определение блага, лишённого произвола*. Осуществление этого образца возможно, а свобода совести невозможна. Было бы гораздо лучше говорить не о свободе совести, а о рабстве совести, о полном подчинении ее добру, благу, т. е. о *добросовестности*.

Свобода совести есть, очевидно, *односторонность*; она заботится лишь о сохранении самостоятельности (самобытности, свободы) личности и совершенно забывает о единстве, и потому, взятая в этой отдельности, будет не доброй совестью (не добросовестностью, а злосовестностью). *Итак, свобода есть добрая или злая совесть?* Эта односторонность свойственна Западу, а Востоку свойственна другая крайность — поглощение личности единством. Наше же дело есть примирение.

Полноту же бессовестности или высшей недобросовестности мы видим в речи г-на Стаховича, которая имеет целью развязать руки всем противникам правительства под видом, конечно, непротивления. Пока же будут бессовестные, не будет и свободы совести, т. е. полусовестливости. Стахович говорит в своей лукавой речи о свободе не доброй, конечно, совести, он говорит об освобождении от всякой совести. Недобросовестность уже и в том заключается, что не о примирении светского и духовного, веры и знания, Божеского и человеческого, и даже не об отделении их, а о поселении между ними наибольшей вражды говорят и трудятся поклонники свободы совести, подобные Стаховичу. Если бы Стахович добросовестно показал нам начало этого трехвекового, очень истасканного вопроса на Западе, тогда легко было бы видеть, что у нас этот вопрос в настоящее время поднят искусственно и раздут неестественно. Можно подумать, судя по речам поклонников этого вопроса, что у нас бывают постоянные ауто-да-фе*. У нас они <ауто-да-фе> и есть, только не сожигание, а самосожигательство, хотя бы по поводу научной переписи⁸⁰. Но Стахович умолчал об источнике вопроса о свободе совести, не сказал ни о результатах, к коим она приводит, ни об условиях, при коих эта свобода возможна. Что-то иное скрывается под этим вопросом губернского предводителя дворянства. Поклонник всероссийского бывшего рабовладельческого сословия, губернский предводитель дворянства видит в Толстом бога в образе человеческом (Толстой и сам не прочь считать себя богом, от которого он исшел и к которому идет), а народ видит в нем дьявола в человеческом образе⁸¹.

Просматривая список наших ересей и сект, каковы — дыромоляи, оховцы, воздыханцы... акулиновщина, даже поповцы, беспоповцы, беглопоповцы и т. п., — и это далеко не самые худшие, — нельзя не спросить, за притеснения которых из них ратует Стахович и какие из них желал бы особенно сохранить этот иностранец, пишущий о народных сектах России**. Надо полагать, что речь Стаховича написана по-французски, а потом уже переведена для русских варваров.

* В нынешнюю зиму по всей России поднят был благородный газетный вопль о свободе совести, вызванный, конечно, можно подумать, повсеместным ежедневным сожиганием тысяч миллионов еретиков?!..

** Говоря миссионерам, Стахович не может ссылаться на то, что он говорит лишь о неупотреблении насилия, а не о сохранении этих сект⁸².

Если мы припомним, что не было глупости, которую не защищал бы какой-нибудь философ, и не было нелепости, которая не была бы обожаема, то нетрудно будет понять, что свобода совести есть свобода делать глупости, обожать нелепости. Таково, конечно, отношение Стаховича к религиям, хотя он прикидывается даже ревнителем православия. Было бы большою наивностью требовать искренности от поклонников яснополянского фарисея, но и без этого ясна насмешка Стаховича над православием, ненависть его к самодержавию и совершенное равнодушие к народу и его религии, которая Стаховичу может казаться пустейшим суеверием.

В самых названиях сказанных сект, за которые распинается Стахович, — названиях, очевидно, народных, — слышится глубокая ирония, с которою относится *дух русского народа* к этим проявлениям *розни*. Согласно с духом русского народа давно нужно было бы дать вопросу о свободе совести новую постановку. Нужно говорить не об отделении, а о примирении духовного и светского, о возможном и необходимом их единстве. Не нужно забывать, что фанатизм есть выражение силы, а терпимость — бессилия. Силу же уничтожить нельзя, а нужно дать ей исход надлежащий. В деле, которое может совершить духовное в союзе с светским, вера в союзе с наукою, и будет дан этот исход. Мы говорим о таком примирении и союзе веры и знания, при которых не будет не только стеснения этих непримиримых ныне врагов, а даже расширение, взаимное их усиление.

Конечно, и Стаховичу известно, как громадна литература вопроса о свободе совести и терпимости, и поднимать вновь этот вопрос — значит из обносков Запада выбрать самые ветхие, самые гнилые. Кратко можно сказать, что вопрос о свободе совести возникает у отживающего народа или сословия, у тех, которые изверились в истину и благо, пришли к полному отчаянию. Терпимость — добродетель самая наименьшая и потому казалась полтора века тому назад легко осуществимою. <(Лессинг с его Натаном Мудрым.)>⁸³ А между тем могила фанатизма стала колыбелью нового фанатизма. Сама терпимость стала изуверством. Конечно, религиозная терпимость может указать на свои успехи. При индифферентизме, при полнейшем равнодушии водворяется терпимость, т. е. когда совсем не будет религии, тогда никакой вражды к ним, к религиям, не будет, будет полная терпимость. Полнейшим образцом терпимости является Пилат, который с таким презрением отнесся к истине, но он же является и образцом бессилия этой жалкой добродетели. Равнодушие к религии есть равнодушие и к нравственности. Самое полное, безусловное равнодушие мы видим в *ницшеанстве* и *толстовщине*. В них видим не только самую низшую форму нравственности, инфраморализм, но даже имморализм, контрморализм и антиморализм. Они совсем вышли за пределы добра и стали одним злом.

Только соединение духовного и светского, веры и знания может вывести за пределы зла и стать одним добром, стать высшей нравственностью, супраморализмом. Тот и другой, <т. е. Ницше и Толстой,> превозносят смерть,

презирают жизнь. В небытии Толстой видит высшее благо; но признавать небытие благом, это значит отвергнуть бытие блага. Один, <Ницше,> признает внешнюю войну, другой, <Толстой,> желает внутренней, скрывая ее под видом непротivления, т. е. не клянись, не плати податей, откажись от воинской повинности.

Свобода совести или добросовестность?

Свободное государство, свободные государства, на принципе вечного спора основанные, или же добровольное Царство, на объединении в познании основанное?

Обязательное или принудительное государство должно ли перейти в свободное или *добровольное* царство?

*Свобода на ложь**, или право на сомнение и отрицание, вместо обязанности участвовать *во всеобщем исследовании*, или познании, как необходимом условии достижения истины, будет свободой на рознь, свободой остаться в вечном споре, полемике, без перехода к совещанию об общем деле, без перехода от журналистики к собору; т. е. это значит остаться при несовершеннолети, вместо обязанности объединения в общем деле управления — чрез познание — неразумною, умерщвляющею силою природы; это значит оставаться вечно при конституционной розни и международной войне. Всеобщее познание есть объединение двух разумов, теоретического и практического, а всеобщее объединение требует замены вопроса социального (о богатстве и бедности) вопросом о восстановлении жизни. Свобода совести, т. е. свобода на ложь, а следовательно, и свобода на рознь, — все эти свободы есть принадлежность лишь отживающих народов, народам же, только вступающим в жизнь, как народы славянские, которые на себе испытали следствия розни, разделения, небратства, нужно подумать о превращении *poleмики* в совещание, журналистики в собор, в исследование, для выработки проекта примирения *власти и народа*, находящихся в вечном споре в конституционных государствах, нужно подумать о выработке проекта превращения конституционной полемики в Царство познания, т. е. в Самодержавие. Для разрешения вопроса о причинах небратства нужно свободу на ложь обратить в обязанность познания, а свободу на рознь в долг объединения для познания сынами себя в отцах и отцов в себе самих, для познания происхождения или исхождения сынов от отцов, которое должно быть доказано делом восстановления жизни отцов. Познание же происхождения и есть осязательное доказательство родства, потому-то братство сынов и невозможно без воскрешения отцов.

* В эпоху критики, когда истина для человека считается недоступною, чем *может* *быть* свобода *личного* познания, или толкования, как не свободой на ложь? Свобода на ложь, или право на сомнение и на отрицание, на личное понимание, т. е. на понимание, не основанное на всеобщем наблюдении и совокупном опыте!

Свобода на ложь, или право каждого на сомнение и отрицание (на вечный спор) без обязанности участия во всеобщем исследовании, или познании, как самих себя (в душах и телах), так и внешнего мира.

Свобода на рознь (и борьбу) вместо обязанности объединения — чрез познание самих себя — в общем деле управления неразумною силою природы и также чрез познание этой силы совокупными силами разумных существ во исполнение воли Бога. При объединении всех разумных существ в общем деле управления неразумною силою природы — чрез познание и самих себя в совокупности, и слепой умерщвляющей силы, — внешний мир не будет бездушным, а души не будут бессильными, и воля Бога будет исполнена.

Из условности и субъективности знания вытекает свобода на ложь. Отсутствие свободы на рознь может быть равносильно принуждению к обязательному образованию, притом связанному с расширением самого познания, которое ведет к объединению. Свобода же без образования приводила и могла привести лишь к тому, что нет нелепости, которую *не обожали бы*. Крещение дает право на просвещение так же, как и на отпевание, попытку оживления, на внесение в лицевой и толковый синодик, право на историю, на поминовение, которое имеет превратиться во всеобщее воскрешение.

Свобода совести без принудительного образования и с принудительным образованием

В первом случае, <т. е.> свобода совести без принудительного образования, будет разрешением на творение подобий всему, что есть на земле, под землею и т.д., <как это говорится во 2-й заповеди,> — разрешением на творение подобий слепой силе, рождающей и умерщвляющей, без запрещения и осуждать такое творчество, — будет разрешением поклоняться иным богам, в коих воплощены все пороки, не запрещая поклоняться ни Троициному, ни единому, т. е. разрешается быть постыдно равнодушным к добру и злу. Наука* без ненависти и без любви может относиться ко всякому проявлению жизни: к не полагающему границ проявлению полового чувства и к полному отрицанию этого чувства до скопчества, к разрешению всякого лишения жизни, к уничтожению VI-й заповеди, а также и к запрещению всякого противления, или обороны жизни. Безусловное разрешение убивать приводит к разрушению жизни, а полное запрещение всякого противления — к самоумерщвлению. Знание может также относиться и ко всем заповедям, и к VIII-й, <т. е.> к отрицанию всякой собственности, и к признанию собственности в самом строгом, безусловном смысле до запрещения податей, благотворительности. На деле такое отношение решительно невозможно. Что же делать? Нужен какой-нибудь компромисс.

Во втором случае, при обязательном образовании, и притом с расширением *знания*, доказываемого *делом*, — полным выражением знания, доказываемого делом, будет обращение слепой силы природы в управляемую разумом.

* Разумеется наука, знание нынешнее, разрешающее вопрос — «почему сущее существует», т. е. пустое любопытство, а не вопрос — «почему живущее страдает и умирает», — разумеется наука, занятие которой не обязательно и оставлено произволу каждого.

Полемика есть необходимая принадлежность вопроса о бедности и богатстве. Переход от ожесточенной полемики к умиротворению есть переход от вопроса о бедности и богатстве к вопросу о жизни и смерти.

Журналистика, с одной стороны, есть коммерческое предприятие, а с другой — учреждение нравственное, даже нечто апостольское и пророческое, только в иной форме, т. е. она <журналистика> входит в вопрос о богатстве и бедности, имея своих капиталистов и пролетариев, а должна бы быть исключительно вопр<осом> о жизни и смерти, т. е. умиротворением в деле возвращения жизни.

Проект примирения в мире ученых, зависящий от примирения ученых с миром неученых чрез образование, чрез привлечение учеными неученых к познанию, т. е. примирение зависит от разрешения вопроса об объединении двух разумов в общем деле обращения всего рожденного в воссозданное, в трудовое. Проект умиротворения в царстве мысли (полемика) и в царстве дела (война).

Отживающий (Запад) и недозревшая (Россия).

Оживление отживающего и зрелость недозревшего требуют учения о воскрешении. Полного оживления требует совсем отжившее. Как братство сынов невозможно без воскрешения отцов, так и объединение возможно только в деле всеобщего воскрешения.

Свобода совести или *добросовестность?* *Свободные царства*, на принципе вечного спора основанные, и *Добровольное Царство*, на объединении всех в познании для общего дела основанное. Добровольие исключает и принуждение, и рознь.

1. *Свобода на ложь* (личное исследование и толкование) или *право на сомнение и отрицание** без обязанности участия во всеобщем исследовании или познании означает признание необходимости вечного спора, полемики, т. е. несовершеннолетия, — ибо истина невозможна при розни, не будет, очевидно, и доказана, пока существует рознь.

2. *Свобода на рознь*, вместо обязанности объединения в общем деле, значит остаться при *конституционных* или *республиканских* (где публика во все не значит общее, а партийное) *распрях*, которые стали в этих формах обществ органическим пороком, признаваемым *добродетелью*.

3. *Свобода личного, искусственного труда* без обязанности участия в *общем, естественном для разумно-чувствующих существ труде* всех, <который заключается в управлении слепую, бесчувственную природою, в деле воскрешения>.

Журналистика имеет в основе свободу на лай, на брехню. — Как журналистику из воинственной превратить в мирную, как спор превратить в совещание — в совещание об общем деле, об общем естественном для разумно-чувствующих существ труде? — Как в конституционных и республиканских государствах прекратить узаконенную распрю, ставшую органическим пороком, признаваемым добродетелью, благом, а у большей части нашей интелли-

* Есть словари верований, ересей, но нет еще словаря неверий, куда могло бы войти и то, что Наполеон не верил в возможность пароходов, Кант не верил в возможность химического анализа в небесных телах. Вообще Кант с философией границ может доставить много примеров неверия [1 слово неразб.], опровергнутых делом.

генции даже высшим благом, — как прекратить распрю между правительством и депутатами палат, так чтобы в палатах не депутаты, а правительство требовало уменьшения налогов?

Умиротворение не может начаться без замены вопроса о бедности и богатстве вопросом о жизни и смерти, как вопросом коренным, разрешение которого, т. е. восстановление жизни, и может дать цель жизни. — Вопрос о бедности и богатстве ведет к борьбе, к войне, к разъединению, тогда как вопрос о жизни и смерти ведет к объединению. — Только поставив целью воскрешение, можно ставить вопрос об умиротворении.

<Вопрос об умиротворении можно ставить лишь тогда>: 1. Когда сыны умерших или имеющих умереть отцов поймут свой долг к отцам; 2. когда живущие поймут свой долг к умершим, признав, что знание о смерти есть не априорное <знание>, а индуктивное, следовательно, признание неодолимого есть суеверие и предрассудок; 3. когда разумные существа поймут свое отношение к неразумной, умерщвляющей силе; 4. когда существо, в котором началась замена рожденного трудовым, созданным, которое органы опоры и перемещения обратило в орудия действия, <поймет, что это только первый шаг в освобождении от рабства слепой силе>.

Почему журналистика (гласность) не стала органом доброй, радостной вести, *органом объединения*, а орудием вражды, восстания, розни? стала выражением вопроса о скудости и богатстве, а не вопроса о жизни и смерти? А между тем бедность потому и зло, что убивает, сокращает жизнь, но и богатство, дающее излишество, не удлиняет жизни, а забота о наживе разрушает жизнь*. — *Замена вопроса о богатстве и бедности вопросом о смерти и жизни*, требующим всеобщего познания, может и должна *вольные*, т. е. самовольные конституционные и республиканские государства, государства немирные, превратить в *добровольные*, мирные Царства; государства, на юридических и экономических началах основанные, <превратить> в общества, в основе которых лежат начала нравственные или родственные, т. е. в братства, отеческим делом объединенные; замена вопроса о богатстве и бедности вопросом о жизни и смерти превратит в добровольные также и государства подневольные, обязательные, на завоевании или деспотизме основанные и только номинально родственные или патриархальные. Такая замена будет переходом от обществ, по подобию организма построенных, к обществу священному, по образу Божественного Троиинства созданному. Это будет переход обязательных, подневольных, а также и вольных, своевольных обществ к Царству добровольному, — переход, чрез умиротворение совершаемый. — Все народы могут быть обращены при всеобщей воинской повинности в естествоиспытательную силу, но это может совершиться только при объединении ученых и интеллигентов *в воспитательную силу*. *В мысли* (или в выработке плана введения всех в познание) и *в деле* (или в приведении этого плана в исполнение) интеллигенция и может объединиться.

* Любители «живого» восхищаются конституционным раздором и журнальной страстной полемикой, и в то же время относятся враждебно к войне, хотя, конечно, война с этой точки (живости) превосходит и конституционные разборы, не всегда кончающиеся дракою, и журнальную брань или войну.

Полемика журнальная и конституционная суть только *подобия* войны.

Признавать вопрос о *свободе совести* исключительно юридическим, это значит ограничивать его тою областью⁸⁴, которую мы считаем неизбежным пока злом, но временным, и в сокращении лишь этого времени видим благо. В пределах этой области мы решительно не знаем, что лучше, — *разрешение* ли или запрещение поклоняться, кроме Триединого, всем богам, в которых олицетворены все пороки и в признании коих видно невежество? Когда Христос говорит «Царство Мое не от мира сего»⁸⁵, то это не значит, что оно внемирное, это значит, что в нем, в Его Царстве, не будут господствовать ни юристы, ни экономисты. — Вынужденный отдавать все время тому делу, которое любить нельзя, я рад свободной минуте, которую могу отдать на служение тому учению, которое юридическое не считает вечным, безвыходным, и указывает путь к выходу из юридического в то Царство правды, родства, [1 слово неразб.], в котором не будет нужды ни в надзоре, ни в принуждении, ни в карах наказания. — Одни думают, что такое царство существует только вне мира; а другие полагают, что нет его ни в мире, ни вне мира, и есть оно лишь в мысли; но есть и такие, которые веруют, что потустороннее станет посюсторонним, когда мысль будет переходить в дело (мысль будет проектом дела).

Можно смело сказать, что большинство пишущих сами не верят в свободу совести и совершенно равнодушны к ней, т. е. пишут с демонстративною целью. Следовало бы пишущим о свободе совести послать *словарь ересей* и религий (для свободы совести все религии — ереси), тогда они убедились бы, насколько полезна и нужна свобода совести.

* * *

Свобода на рознь и свобода на ложь*
Свобода совести и свобода личного понимания⁸⁶

«Свобода на рознь» — повторяем в третий раз (или, вернее, в четвертый раз) то, что было не в конце только, но и в начале статьи, — *есть отсутствие единства, общего дела для всех, родного для каждого, без принуждения и насилия, образец которого видим в Триедином Боге, в коем нет ни ига, ни гнета, ни тени принуждения, но нет и розни; общего дела возвращения даже жизни всем умершим, устранения ига слепой силы природы и розни разумной.*

Нужно быть бессовестным глупцом, бесстыдным нахалом, клеветником, словом [1 слово неразб.] и католиком, чтобы отвергать прямо противоположное тому, что было сказано и пересказано в этой и во многих уже других <статьях>⁸⁷. Pensoso окончательно мог бы — если бы его статья получила известность — убить отживающее отрицательное дело свободы совести, которое тогда только может существовать, когда будет положительное общее дело, при котором невозможно будет злоупотреблять ею, подобно Pensoso, этому критику-шулеру.

* Свобода на ложь (или свобода на сомнение и на отрицание), личное понимание, т. е. не основанное на всеобщем наблюдении и совокупном опыте.

ЖУРНАЛИСТИКА, ЧТО ОНА ЕСТЬ И ЧЕМ ДОЛЖНА БЫТЬ⁸⁸

Могут ли журналы и газеты из орудий соблазна, вестников небратских отношений, преступлений и наказаний стать орудиями объединения?

Переход от *общественного*, социального дела к *Общему*, естественному делу, которое касается всех без исключения, рожденных и смертных, точнее, сынов умерших или умирающих отцов, полагая, что для родивших уже началось умирание. Общественное дело касается частей лишь общества, и если общее требует объединения, то общественное есть уже необходимое разделение.

Журналы суть органы общественного дела, посредством которых целые группы людей: народы, исповедания, секты, сословия, фракции, расколы светские и духовные, толки, и все специальности, — как *небратские состояния*, могут вести переговоры, совещаться между собою о своем объединении, т. е. о *Соборе*. В действительности же журналы до сих пор были органами спора, а не *совещания* или примирения. Первое же условие для превращения спора в *совещание* есть признание *Общего отеческого и сыновнего дела, дела Божия*.

Выражением общего дела служат, следовательно, *Музеи и школы*, которые должны быть везде, где есть умирающие и рождающиеся, в теснейшей связи с *храмами*, повсеместность коих требуется вездесущием Божиим. Дело сынов умерших отцов есть общее и для верующих и неверующих. Вопрос о неразумной, бесчувственной, умерщвляющей силе (природы) и о разумных существах, т. е. должны ли последние подчиняться первой, живя в розни, или же, — объединяясь в труде познания этой силы, в нас и вне нас действующей, рождающей и умерщвляющей, — управлять ею, обращая эту силу в воссозидающую и оживляющую, сами подчиняясь <при этом> воле Бога отцов, не мертвых, а живых, Богу Триединому, требующему многоединства. Пусть же этому вопросу каждый журнал, каждая газета отведет место, приглашая всех высказать свое мнение, — лучше <же> всего свое опровержение <этой мысли>, т. е. доказать, что для газет и журналов, как представителей всех фракций человеческого рода, вражда должна быть вечна и даже попытка примирения безнравственна. Такое доказательство — будет лишь оправданием нынешнего состояния прессы всего мира, которая в этом случае подчиняется влечению слепой естественной силы, а не разумной. Освобождение же от подчинения <слепой силе> имеет реальное выражение в Школах и Музеях, в коих объединяются все науки в астрономии и истории и все искусства в архитектуре или храме.

Нужно, конечно, прежде всего убедиться в нравственной необходимости для всех людей *общего дела*, чтобы говорить о примирении журналов и газет, для коих *вражда* есть *добродетель*. Потому Исследование или самоисследование по отношению к журнальному делу каждого журнала имеет значение не познания самого себя или только себя, а Покаяния. Самоисследование в смысле покаяния требует от каждого журнала (т. е. редакции), чтобы он или она смотрели на себя как на явление историческое, т. е. не только преходящее, но такое, прехождению которого содействует сама редакция. Конечно, требовать от редакторов и даже издателей такого подвига значит считать их способными быть если не Закхеем⁸⁹, то все-таки мытарем, а не фарисеем. Конечно, редакции нельзя считать обыкновенными коммерческими предприятиями, ибо последние

прямо объявляют, что имеют целью наживу, а первые выставляют себя благодетелями или спасителями общества.

Нужно убедиться в величии и необходимости общего дела, чтобы увидеть чудовищность, преступность и всю гнусность споров и говорить о превращении споров в совещания, что, конечно, означает примирение тех групп, коих они, газеты, служат представителями, — примирение чрез участие в общем деле, начиная знанием, как историческим, так и естественным, т. е. астрономическим, или метеорологическим и космическим (падающие звезды). История тогда только будет всеобщей, когда Музеи будут всюду, где есть умирающие, когда они будут созданием всех сынов, когда синодики будут не только лицевыми, но с деяниями (биографическими). Музей открывает всем поприще для супралегальной деятельности. Чрез него и должен совершиться переход от обязательного к добровольному.

* * *

Авторский долг или авторское право? Речь Золя к молодежи о бесцельном труде и письмо его же об ограждении литературного труда от расхищения иноземными писателями, об ограждении литературного труда русских писателей от расхищения его французами и об ограждении авторского права на всей земле⁹⁰. Журналистика — голос города, как выставка — его наглядный образ. Гласность, обличающая и опровергающая обличения, сама себя уничтожает. Пасхальная журналистика, что она есть и чем должна быть; она должна стать во главе пасхального движения, [стать] сознанием его. Нынешняя, т. е. антипасхальная, журналистика, с одной стороны, служит своими рекламами *органом городского соблазна* и торгового обмана, а с другой стороны — *вестником неродственных и противородственных отношений*, причем усиление последних (т. е. преступлений) зависит от успешности первых, т. е. приманок. Следовательно, антипасхальная журналистика руководит переходом, движением, от сел к городам, от низших слоев к высшим, от окраин к центрам. — Когда город будет *думою о селе*, от которого он произошел, то и *голос его (журналистика)* будет руководить переходом (Пасха) городского к сельскому.

ДОЛГ И СВОБОДА⁹¹

...Чтобы мартиролог севастопольский* не был бесплоден, необходимо было, не предлагая мира, который ничего, кроме лжи и злой насмешки, не мог заключать в себе⁹³ (ибо кровь жертв вопияла, но не о мщении, а об уничтожении войны, хотя и уничтожение не могло дать истинного мира, если мы не могли кресити убитых), нужно было сделать призыв к поголовному (без различия сословий, дворянского и крестьянского) ополчению с клятвенным

* Вернее Корсунский, т. е. мучеников, погибших у купели самого восприемника русского народа⁹², который не хотел казнить даже разбойников и вел после своего крещения войны только оборонительные.

обещанием защиты отеческой земли. В этом призыве со стороны правительства и в этом порыве со стороны народа, столько же естественном, сколько неестественно было предложение мира после стольких жертв, — заключалось отрицание рабства и отрицание обезземеления, т. е. и освобождение, или замена барщины службою на спасение отечества, и поземельный надел являлись неизбежною необходимостью, тогда как то же освобождение и надел позднее, по устранении опасности внешней, казались произволом власти⁹⁴. Только с воинскою повинностью освобождение становилось необходимостью, а не произволом⁹⁵. Вообще свобода без долга, долга определенного, указывающего на общее дело, на цель и средства, а не того отвлеченного и неопределенного долга, который исповедовал Кант, — эта свобода без долга (французская) и свобода с долгом отвлеченным (немецкая) есть ошибка не XIX-го только века, но ошибка 4-х последних веков. *Свобода, т. е. жизнь каждого для себя (рознь), даже хуже жизни для барина, барского каприза.* Потому-то барщина <и> должна была быть заменена повинностью, возведенною всеобщим обязательным образованием до ее высшего, точно определенного выражения. Тогда не было бы и вопроса о смысле или цели жизни, вопроса о том, что делать. Общее дело давалось самим призывом. А этот призыв военным был лишь условно, т. е. в случае невозможного упорства со стороны неприятеля пред энергическим порывом и пред возможностью почетного отступления. *Мирным же этот призыв был безусловно.*

ПРИ ВХОДЕ НА ВЫСТАВКУ

Чертог твой вижду украшенный (при взгляде в зеркало колоссальных размеров, выставка французских мануфактурных зеркал в Жемоне), и одежды не имам да вниду в онь, но научи нас одеваться по-парижски, дабы и нам погибнуть от немцев и китайцев...

Выставка французская имеет несомненно образовательное значение, ибо всякий вошедший в нее, одетый в платье русского изделия, обувь, портмоне, портсигар русской же работы, припоминая свою домашнюю рвань, мебель, обои... почувствует — если он не совсем бесстыден, — насколько он низко стоит на ступени цивилизации. Если же он принадлежит к интеллигентному классу, то ему грозит опасность сгореть от стыда.

Аллегорическая картина Рах Labor вовсе не соответствует содержанию выставки, ибо и картину, и фарфором, и бронзою [выставка] напоминает об утратах Францию, [а] в военном отделе (который вовсе не может сойти с вышшения и говорит, что война нужна и Франции, и России) показывает, что свое приготовление к войне [не дописано.] Женест и Гершер тоже не думают, что война [не дописано.]⁹⁶

Для нас, для России *нынешний голод* то же самое имеет значение, какое для Германии имела *7-и летняя война*. Эта война положила начало освобождению Германии от умственного и нравственного влияния Франции и начало созданию самостоятельной литературы и философии. Для Германии нужна была вражда с себе подобными, чтобы избавиться от подражания, сделаться неподобными французам, стать немцами. Нам же нужна не вражда, а союз, и прежде всего с Францией, чтобы быть новыми людьми, а вместе возвратиться к старине, быть никому не чуждыми и всем близкими, стать *сынами человеческими*⁹⁷. Ибо сила, нас вызывающая к самостоятельности, не только не требует вражды к себе подобным, а даже вызывает к соединению со всеми, — в этом и есть наша самостоятельность, ибо для естественного, а не искусственного обеспечения от голода необходимо объединение всех народов. Если умственные силы всех специалистов будут устремлены на слепую силу, производящую неурожай, если эта сила станет предметом мысли всех, т. е. произойдет объединение всех в этой мысли, то эта же сила (производящая неурожай) станет и предметом действия соединенных в нем, в этом деле, сил, сил умственных и физических, русских и нерусских. Если нынешние ученые (кроме безучастных — чистое знание, вся нынешняя (?) наука) *заслуживают* названия коммерж- и мануфактур-советников, <а также> и агрикультур-советников, которые умеют давать советы по усилению доходности земли, а не по естественному обеспечению от неурожая, то, только освободившись от *подчинения* купцам и фабрикантам, коммерции и мануфактуре, могут ученые сделаться советниками русского народа, стать самостоятельными. Неурожай и голод могут объединить не народы только, но и сословия, объединить действительно, а не *мнимо*, как революция, назвавшая себя великою, ибо лишь объединение всех в *познании* (общем образовании) слепой силы, производящей неурожай, и устранение мануфактурной <промышленности>, производящей вражду, и замена ее кустарною промышленностью, уничтожает сословность, не заставляя даже сожалеть тех, кои по-видимому лишаются привилегий, ибо нет слов для выражения ничтожества привилегий пред величием, также несказанным, невыразимым, объединения в регуляции, т. е. внесении лада, гармонии во внешнюю природу, превращении хаоса в космос. Коллективное знание, коллективное творчество, имеющее предметом всю природу и все человечество — единым художником, объединяющим все миры (ныне разрозненные) в настоящем *путем* воскрешения всех прошедших поколений [не дописано.]

Заменить войну миром, т. е. отсутствием войны, — это значит силу разрушительную превратить в ничто, — что, конечно, совершенно невозможно. Спасение от голода не составляет эквивалентного замещения истребления. Эквивалентное замещение истребления, т. е. лишения жизни, есть лишь возвращение жизни.

Спасение от голода есть дело священное, т. е. религиозное, но религия может ли ограничиться спасением от голода? Спасение от голода есть дело общее, а не общественное, религия же есть дело всеобщее.

В сочинении Ермолова (министра) «Неурожай и народное бедствие» есть вопрос: «В какой мере метеорологические условия 1891 г. могут быть признаны исключительными и небывалыми, а также насколько возможно ожидать их повторения?»⁹⁸ Записка же «Научил ли нас чему голод 1891 года» написана *не для тех*, которые смотрят на земледелие как на *промышленность*, как на средство извлекать наибольший доход из земли, называя такое направление «рациональным», а для тех, которые видят в нем «Священное дело», средство спасения не от голода лишь, но и от смерти вообще, смотрят <на земледелие> как на орудие всемирного разума всех людей, как на орудие Бога.

И *кустарное дело* не будет *промышленностью*, а *священным делом*, когда небо не только будет *кормить нас*, но и давать силу для производства всего необходимого, насущного. Регуляция метеорического процесса путем извлечения из воздушных токов грозовой силы (электричества) заменит ту силу, которая каторжную работу извлекается из земли в виде каменного угля.

Повсеместное и постоянное изучение падающих звезд как космического процесса не может ли привести к замене земного железа метеорным, небесным?

Врагом кустарной промышленности оказывается и *протекционизм*, покровительствующий фабричной промышленности, подчиняющий крестьян фабрикантам. Приверженцы же свободной торговли хотят подчинить их вместо русских фабрикантов — иностранным.

В голодный 1891 год появился проект подоходного налога⁹⁹, имевший, конечно, целью усилить средства правительства для пропитания голодающих и для поддержания крестьянских хозяйств от окончательного разорения. По этому проекту освобождались от налога все получающие менее 2000 дохода. Многим, полагаем, из получающих менее этой цифры дохода и не развращенных еще конституционными пороками, казалось такое освобождение несправедливым и даже оскорбительным. Оно (освобождение) казалось бы и для всех несправедливым, если бы одни не были обременены большими семействами, имеющими много несовершеннолетних детей, требующих и питания и воспитания, если бы другие сами не остались несовершеннолетними, для которых мануфактурные игрушки (например, мебель, экипажи), даже красивое оперение, щегольство составляет необходимую принадлежность. Принимая во внимание нужду первых, не осуждая последних, что нужно было сделать для тех, которые вышли из ребяческого и [пропуск] состояния? Следовало бы к обязательному налогу присоединить добровольный. Такое присоединение к принудительному налогу добровольного свидетельствовало бы, что принуждение существует лишь для несовершеннолетних и что *добровольный налог представляет путь к выходу из несовершеннолетия*. Самодержавный Государь стоит в праотца место и есть отец, а не опекун и попечи-

тель*, которому желательно навсегда оставить в несовершеннолетии опекаемых. Отцов не выбирают, не нанимают; выбирают лишь опекунов, попечителей-дядек и этим выбором каждый раз свидетельствуют и подтверждают свое несовершеннолетие и, что всего хуже, в этом ребячестве видят совершенство и нас даже убедили в этом, так что мы, как и они, утратили даже самое понятие не только о совершенстве, а даже о первом шаге к нему, который состоит в том, чтобы никто в обществе не нуждался ни в надзоре, ни в принуждении, ни в угрозе даже наказания. Мы без омерзения читаем даже прения в парламентах о бюджетах, где правительство хочет как можно больше взять, а представители народа как можно меньше дать. Прения об усилении воинской повинности преисполнены лжи: мнимые защитники народа указывают прежде всего на отвлечение от дела, т. е. мануфактурного дела, которое производит очень мало нужного и очень много ненужного, бездельного. Затем эти защитники бездельного и бесцельного труда прикидываются защитниками мира, забывая не то только, что если хочешь мира, будь готов к войне, а то, что если хочешь войны, то покровительствуй промышленности, и будешь воевать для приобретения новых рынков для сбыта увеличенного производства и будешь разбит, благодаря расслабляющему действию промышленности. Ожидаемые со страхом войны при страшных вооружениях могут иметь комичный конец: чем страшнее оружие, тем война становится менее кровопролитна, так что при наиболее истребительных орудиях армии будут обращаться в бегство лишь слыша выстрелы, и та армия, которая не испугается грома своей стрельбы, останется победительницей и тогда начнется трагедия, потому что победившая армия против обезоруженного врага окажется очень храброй.

К ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ¹⁰⁰

При обязательном minimum'e <повинностей по отношению к государству> свободный и добровольный, супралегальный <их> maximum тогда только будет делом, <будет> иметь <должное> приложение, когда само государство будет превращаться в учреждение воспитательное, т. е. учреждение наименее юридическое и наименее торговое и наиболее нравственное, или родственное, притом такое учреждение, которое воспитывает сынов для отцов, а другого воспитания и быть не может, если только оно не захочет быть бесстыдною ложью, ибо знание сынов есть ведение отцов, так как и рождение сынов есть умирание отцов; родиноведение есть знание могил отцов; История есть лишь мысленное восстановление отцов, потому что природа, не подчиненная ведению сынов, есть действительная (в вышеозначенных пределах) смерть отцов.

Обращение государства в воспитательное <учреждение> и может создать совершеннолетних, свободных сынов, ибо нынешнее государство осно-

* И не наемник. Самодержавное государство имеет священный, религиозный, а вместе и патриархальный, нравственный характер, а потому добровольность не представляет в нем противоречия, как в государстве, на юридическом и экономическом началах построенном. Если же в самодержавном государстве воспитание и знание или исследование займут главное место, то добровольность делается уже необходимостью.

вано на увековечении несовершеннолетия, на обращении с взрослыми как с детьми. Ребенок не может быть оставлен без надзора, так же как не может быть оставлен без наказания, т. е. наставления, иначе он и говорить не будет. Нынешнее государство, употребляющее наказание и не признающее всеобщего обязательного наставления, имеет граждан (т. е. испорченных несовершеннолетних сынов), полу- или даже более чем полусловесных, которых весь словарь состоит из 2 или 3 сотен слов, или же имеет граждан бездельных, хотя и многословесных.

РАЗБОР СТАТЬИ «В ЗАЩИТУ ДЕЛА [И ЗНАНИЯ...]»

С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только теснейшего соединения западных и восточных берегов Российской Империи, европейских и азиатских частей <ее>, но и северных и южных окраин, ибо исследуются Карское море, устья Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность.

Эта великая дорога представляет завершение собирания Русской земли, составляющего лишь начало собирания всей земли. В деле построения этой дороги может объединиться вся деятельность власти. Комитет Сибирской дороги (к коей присоединяются как ее части дороги на Котлас, Архангельск и особенно Мурманск) станет *не Комитетом лишь министров, а Советом государственным*¹⁰¹. Заведывание переселениями — это первое, что должно бы быть присоединено к Комитету Сибирской железной дороги. Собирая переселенцев со всей земли, Комитет расселяет их сперва при главной линии, а затем строит ветви по удобным или к удобным для населения землям, заботясь при этом и об устройстве храмов-школ, как это решено Комитетом Сибирской железной дороги (Положение 23 марта 1894 г.)¹⁰², т. е. полагая просвещение в основу каждого поселения, насаждая в каждом селении и кустарный промысел, как зимнее занятие; а подготавливая ко всеобщей воинской повинности, <Комитет> должен бы ставить в каждом поселении на возвышенном месте малый кремль, или кладбище. Регулируя таким образом процесс роста населения, давая ему правильный ход и всестороннее в каждом месте раскрытие, власть объединяется и, постепенно привлекая всех, *становится общим делом.*

* * *

Решение Трансваальского Volksraad'a (Revue Scientifique. 29 августа 1896 г.), приписанное в «Русском слове» (№ 244, 10 сентября 1896) решению Техасского Общественного Собрания, как у нас проповедь одного духовного лица, связано с Птолемеевским мировоззрением¹⁰³, которое для Коперниканского есть лишь обман зрения, а с другой стороны, это мировоззрение соединено с грубым языческим представлением Бога, ограничивающим его существование воздухом, «творящим себе кумира из того, что есть гора на небеси»¹⁰⁴.

Вызывание же дождя есть лишь частный случай постоянного нарушения законов природы, [законов] бесчувственной слепой силы природы, ибо то, что естественно для человека как разумно-нравственного существа, неестественно для бездушной силы природы. В древнем мире Птоломеевское воззрение победило ту систему, которую в наше время называют Коперниканскою, т. е. чувственное победило разумное.

О СТАДНОЙ ПЕРЕПИСИ¹⁰⁵

Однодневная перепись желает знать истину одного дня (эфемерную), но даже и такой истины не приобретает.

Ни в чем так сильно не проявляется ничтожество науки, как в переписи, особенно однодневной. Начиная от ничего не говорящего имени, этого х, для решения которого ответы на все вопросы листка не дают оснований.

Народ, инстинктивно сознавая нелепость вопросов, приписывает им какие-то нехристианские цели — это не невежество, а требование истинного ведения. Ведь народ без всякого принуждения подает листки в церковь о здоровых, больных и умерших, почти каждое воскресенье или праздник, даже платит за принятие таких листков.

Народ может лишь ненавидеть совершенно чуждое ему сословие переписчиков. Самое обращение разумных существ, способных, назначенных к познанию, в предмет знания не может быть нормальным и не может дать истины даже эфемерной. Едва ли возможно придумать что-либо более неестественное, искусственное, бесцельное.

Не отчудившиеся от народа блудные сыны переписчики, а сам народ, чрез храм-школу прошедший, может знать себя всегда и везде.

РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ЗАПАД¹⁰⁶

Освобождение крестьян в России и негров в Северо-Американских Штатах вызвало у нас восстание польских и западно-русских панов, т. е. войну Запада с нашим Востоком и Севером, так же как в Америке южан с северянами¹⁰⁷. Хотя война окончилась чрез четыре года (1861–1865), но вражда Юга и Севера долго еще не прекращалась. Мак-Кинлей воспользовался войною с Испаниею для примирения Юга с Севером. Он призвал на службу старых генералов Конфедерации Ли и Уилера и не побоялся отличить их по заслугам, говорит Тверской¹⁰⁸. И у нас начинается сближение [с] поляками и вообще с Западными Славянами.

* * *

«Россия в будущем», — говорили многие, забывая, что в будущем она будет тем, чем сделает ее настоящее¹⁰⁹. Будущее будет даже хуже настоящего, если мы будем только говорить и ничего не делать. От России ждали нового

слова, но если мы будем все только ждать и молчать, то как же услышим новое слово?..

[Россия] и должна была искать средств [спасения, умиротворения], в противоположность Западной Европе, создавшей крупную промышленность, или индустриализм, и милитаризм. Правда, у нас много говорили о русской науке и искусстве, говорили о нашей противоположности Западу, но не давали реального выражения этой противоположности, как не давали реального различия предполагаемой новой русской науки от старой, западной, хотя это навязывалось само собою. Если мы действительно хотели мира, то нам и нужно было бы поставить прямо вопрос: как орудия и средства, которые употребляются на взаимное истребление, употребить на воздействие, на регуляцию той силы, которая носит в себе и голод, и эпидемии, и смерть, производит общие бедствия?

* * *

Ницше жалуется, что Гимназии (немецкие) не дают *общего* образования, а служат подготовкою к *специальному*¹¹⁰. Не фрагментарное же учение самого Ницше может служить для общего образования? Положительно можно сказать, что и ни одна из существующих философских систем не может быть положена в основу такого образования. Гимназии без Университетов, дающих специальное образование (конечно, немецкие), производя *бесплодную* интеллигенцию, *страдают перепроизводством*.

Университеты также не дают образования. «Если измерять образование тремя функциями, именно считая *потребность* в философии, влечение к искусству и *отношение* к греческим и римским древностям категорическим императивом всякой культуры, то что можно сказать об образовании наших студентов?»¹¹¹ Но что сказать и о самой культуре, если она заключается в потребности лишь в философии, <во> влечении к искусству и каком-то неопределенном отношении к классическим древностям? Тремя неизвестными определяется культура как неизвестное. И это вовсе не злая насмешка! Неизвестными определять неизвестное! Быть в науке зеркалом для чего-то или для кого-то. Иметь двойника в искусстве! Чтобы произвести гениев в этих ненужных вещах, в науке и искусстве, рад пожертвовать миллионами существ. Не верх ли это безумия и нелепости!

Базельские лекции о *будущем* учебных заведений, т. е. отживающие он учреждения [не дописано.]

МИКРОБОПАТИЯ — НОВАЯ БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛА¹¹²

Диагноз и прогноз этой болезни

Эта болезнь у нас прививная. Она состоит в том, что недоразвитые клетки, преимущественно в мозгу, получают преобладание над наиболее развитыми клеточками и убивают их. Такая болезнь служит выражением крайнего упадка умственного и нравственного. Если принять во внимание (а не при-

нять нельзя), что задача, цель человека как разумного существа — расширение знания, превращение *всякого дела в исследование*, то обращение воспитательного, образовательного периода в политическую игру, которая и сама в себе представляет искажение истинного дела человеческого, будет утратою человеческим родом его родового свойства, следовательно, такую болезнь надо причислить <к> смертельным. *Преобладание недоразвитого*, недоучек, над более развитым для разумного существа, преобладание сыновнего над отеческим для нравственного существа, конечно ведут к смерти рода.

ЦЕНА ЖИЗНИ?¹¹³

Какая же Цена Жизни? Ниже ли она всякой стоимости? Или выше всякой стоимости? Жизнь, обращающаяся в прах; вся вселенная — также прах, ибо она вся состоит из бесконечно малых молекул и атомов, на которые разлагается всякое живое существо. Цена жизни как праху, конечно, ниже всякой стоимости, т. е. = 0. Но жизнь, обратившаяся в прах и воссозданная из праха самими сынами его (праха), из разрушителей ставших созидателями, как вселенная, созданная Богом из ничего, уже бесконечно выше всякой стоимости.

«Недоучившиеся», равнозначущее «учащимся», — как они сами себя, по крайней наивности, называют, чем и обращают свое воззвание в глупую шутку пред всеми, кроме одного профессора, который усмотрел в этой нелепой шутке великое политическое дело, забывая, что от великого даже до смешного один шаг, — эти недоросли, сами того, конечно, не сознавая, призывают к разрушению, требуя прежде всего для несовершеннолетних неприкосновенности личности (то есть для «*Ното homini lupus*»¹¹⁴), требуя свободы для публичной брани, именующей себя печатью. Затем требуют свободы совести для обожания всего, что есть на земле, в воде и т. д. *, требуют свободы всем несовершеннолетним, представители коих призывают к ответственности все власти, не признавая своей ответственности ни пред кем; требуют простора для борьбы и разрушения, в одиночку и в союзе с другими шайками. Они, променявшие учение на агитацию, требуют права учения для всех и особенно для женщин (что, конечно, и нужно!), чем сами они не хотят пользоваться (предоставленными им учебными заведениями и учеными учреждениями). Для таких-то несовершеннолетних, по неведению разрушающих жизнь свою и других, и нужно чрез учение, чрез познание ценности жизни соединиться для возвращения жизни.

* Разрешая обожание всех иных богов, милостиво допускают обожание и Единого и Трехединого.

* * *

Юбилей революции!¹¹⁵ Какой смысл имеют эти два слова, поставленные рядом? *Поминки разрушения*, поминки того дня, когда решено было уничтожить самую память всего прошлого.

И реформация праздновала свой трехсотлетний юбилей¹¹⁷, но реформация лютеранская, полукатолическая, которая остановилась на полудороге. Реформация же, как и революция, не знающая пределов совершенствованию, пределов личной свободе, разъединению, может ли иметь что-либо заветное, вспоминать о разрушенном. Те, которые поставили девизом «Вперед», — не должны иметь ни памяти, ни чувства, ни вообще души.

АДДЕИДА К «ПАСХАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ»¹¹⁸

Шемахинские, Андиганские, Мартиникские катастрофы¹¹⁹ суть наказания за *наше невежество*. Природа налагает высшую меру наказания — *смертную казнь за невежество*, — это самый естественный закон, наказывающий разумные существа за недостойное употребление разума не для познания, управления неразумною силою, а для взаимного истребления, притом не в прямой, открытой войне, а в коварных гражданских распрях в виде тяжбы, беспощадной экономической борьбы и, хуже всего, — в ядовитой, ученой, литературной полемике, ибо ядовитость здесь сама себе служит целью.

Кому нижеследующая картина борьбы с слепую силою, которая не совсем точно названа «врагом временным, а другом вечным»^{**}, покажется недостаточною, тот должен признать в себе глубокую испорченность, преобладание зверского и скотского над даже человеческим, а не только родственным.

Что мы сделали со времени Лиссабонского землетрясения?¹²⁰ Сделали, хотя и немного, но могли бы уже при нынешних средствах сообщения все в совокупности действовать на землю в ее целостности (т. е. как на одно целое).

* * *

Две мечты: немецкая и славянская.

Оно (Мое Я) всегда свободно:

Цепи — заблужденье!

Весь мир — моей души великой (!) порожденье, —

говорит немецкая спесь, смешная, жалкая, бездушная.

*Славянская — горькими утратами вызванное стремление
к добродетели воскресения¹²¹.*

Мечта дать благополучие не всему лишь живущему, но <i>всем</i> умершим, страданиями доведенным до смерти. Мечта дать власть умерщвленным

* Франции нужно спешить празднованием юбилея революции¹¹⁶, ибо республика, этот плод революции, может не дожить 4-х лет.

** Название природы другом вечным потому не точно, что природа одна: и та, которая в нас, и [та, которая] вне нас. Но природа тогда только не будет другою, когда будет управляема, следовательно, и познана.

поколениям над умертвившею их силою. Эта мечта вызвана тягостью зависимости от чудовищной бездушной силы и горечью утрат.

Но что значит наша славянская, глубоко нравственная мечта, вызванная сознанием своего сиротства, своей зависимости от чудовищной слепой силы вселенной, [мечта] обратить господствующую над нами слепую силу в силу, правую союзом воскрешенных поколений, считая себя орудиями благого Существа, — что значит такая сердобольная мечта пред немецким наглым и комичным признанием своего рабства за господство (какова пронизательность!), признанием себя творцом мира... «Небеса и воды — создания людей, их внутренней* свободы»**, — так говорит француз (Гюйо), не понявший немца, который знает только <свое> Я, а других людей считает призраками, созданными Я.

Цепи — заблужденье.

Весь мир — *моей души великой* порожденье

(Весь мир — моего великого *нахальства* порожденье.)

Наша [же мечта] — страждущей души порожденье.

Этот мир (небеса и воды), который француз считает созданием людей — их внутренней свободы ([при этом, повторим,] он не понял немца), а немец *весь* мир считает своей великой души порожденьем, — славянин этот мир считает отцеубийственным.

Признавая себя орудием благого Творца, мы приходим к мысли дать чудовищу, убивающему отцов руками сынов, отеческий лик, т. е. убитым дать власть над источником всех убийств.

К самому высшему сознанию своего не(?)достоинства нужно отнести признание себя творцом, отрицание действительного рабства и признание мнимого творчества. На чистом разуме, который последовательно признал себя творцом, и держится гордая фарисейская нравственность, противоположная не саддукейской, а смиренной мытарской, признающей лишь воссоздание, признающей труд. Эта <первая, фарисейская,> нравственность и есть университетская, ученая.

О РОДОВОМ СОВЕРШЕННОЛЕТИИ¹²³

В вере и надежде на *Триединого Бога* дан нам и *образец совершеннолетия*, и *путь к нему*. Союз людей, — которые не нуждаются ни в надзоре, ни в принуждении, ни в угрозах наказаний, ни, следовательно, в *дядьках*, — для исполнения общего дела есть общество совершеннолетних. Пока все живущие (сыны) не объединятся в общем деле для воскрешения умерших (*отцов*), до тех пор будут нуждаться в *дядьках* (не в дядьях). Христианство назначено для мужей, еврейская религия для детей, а магометанская и западно-европейская для свиней. (К догмату о суровом Боге еврейства и магометанства присоединяют распущенную нравственность язычества и западного европейства). С вступле-

* «Мнимой и нахальной» есть славянская поправка к франко-немецкому безумию.

** Карлейль обращается к вселенной: «О, беспредельная, мрачная, пустынная Голгофа, бесчувственная мельница смерти! Я не принадлежу тебе, я свободен! и навеки ненавижу тебя!»¹²²

нием в общее дело и начинается совершеннолетие. Общее дело предполагает всеобщее образование, переходящее из принудительного в добровольное.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ XIX И XX ВЕКА¹²⁴

XIX век из природы сделал себе бога, поставил ее себе образцом. Жить одною с нею жизнью, творить ей подобие, быть ее орудием — признал *высшим благом*, и в подчинении себя, как разумного существа, слепой силе не видел *величайшего зла*.

XX век не в природе увидит Бога, а *выше ее*, и себя сделает орудием Этого Высшего Существа, поставив Его, а не природу себе образцом. Не с природою, а с себе подобными будет он одною жизнью жить и одно дело творить, — не уподобляться природе, обращаясь в слепое рожденное существо, не творить ей подобий, а разрушенное ею будет воссозидать.

* * *

Что именно означает осуществление ожидаемого? Не должны ли мы, все мы и притом все наши силы употребить на осуществление ожидаемого, чаемого?^{*126}

«Вера есть *осуществление* ожидаемого», т. е. не страдательное ожидание (пассивное), а деятельное участие в осуществлении чаемого, в том, что желанно и что должно быть. Синодальный перевод¹²⁷ 1-го стиха XI гл. Послания к Евреям, имеющего первостепенное значение как определение самой веры, нам кажется истинно Боговдохновенным^{**}. Определение веры приведением в бытие самого предмета упования, надежды, так тесно соединяет веру с делом, что она и не может быть уже мертвою, а кажущееся противоречие между апостолами Иаковом и Павлом само собою уничтожается¹²⁹.

Перевод этого места есть истинно православный, примиряющий Католицизм и Протестантизм, истинно народный, согласный с духом того народа, который в лице Владимира Святого спрашивает проповедника Христианства не о том, чему я должен верить, а что я должен делать, т. е. «какая ваша заповедь?»

Перевод, в котором *участвовали многие*, которые, конечно, приняли во внимание все предшествующие переводы, все толкования отцов, так что этот перевод есть выражение понимания этого важнейшего места Св. Писания не только настоящего поколения, но и прошедших.

Против такого-то перевода восстает проф. А. Некра[сов. (Продолжение утрачено.)]¹³⁰

* Προσδοκῶ ἀνάστασιν νεκρῶν — Чаю воскресения мертвым¹²⁵.

** Так же переведено это место в издании библейского общества и в венском издании Библии 1878 г.¹²⁸

«Буддизм отвергал авторитет Вед*, всю браминскую догматику, культ**, покаяние и иерархию и замещал все это более высоким нравственным поучением***. Впрочем, во всем этом не шел далее древних Упанишад, которые называют такое же презрение для всех дел» (Tiède. Manuel de l'Histoire des religions)¹³¹. Очевидно, что при этом споре о делах истинный смысл Karman¹³² был уже утрачен, тот смысл, какой он имел в ведических гимнах к предкам и [пропуск.] Но стоит только заменить в выше приведенных словах браманизм протестантизмом, и мы получим спор XVI века о делах и о спасении верою, т. е. Karman, спор, который может разрешиться только с восстановлением истинного смысла в деле всеобщем, т. е. в Воскрешении. Индия, которая служит причиной мирового раздора (международного); богатства Индии, делаясь предметом торговли, способствуют секуляризации Европейской истории, утрате истинного смысла жизни, но она же (Индия) может сделаться источником восстановления этого смысла, так же как и восстановления единого языка.

ДОБРОЕ ДЕЛО — ФРАШО-КЕРЕТЕ¹³³

Истинно добрым делом может быть только всеобщее дело (праотеческое). Потому зенды¹³⁴ и называли всеобщее воскрешение добрым делом или фрашо-керете, ибо все прочие добрые дела входят в него, как элементы. Так: 1. объединение в языке и письме, вытекающее из знания не только всех языков живых, но и в особенности мертвых, без которых, т. е. мертвых, они (т. е. живые) не могут быть приведены к единству. 2. Объединение в общем праотеческом обычае или братстве. Но объединение в письме и языке, а также и обычае, необходимо для 3-го доброго дела — поминовения, или, точнее, восстановления всех отцов как одного отца, в представлении, которое не может составлять так же последней цели, как и объединение в общем обычае, который есть культ предков. 4-ое доброе дело есть продовольственный и санитарный вопрос, которого последнее выражение есть всеобщее воскрешение, а в этом заключается и объединение религий.

РЕАЛИЗМ И МИСТИЦИЗМ¹³⁵

Воскрешение реалистическое или мистическое? Воскрешение светлое — *реалистическое*. Воскрешение темное — *мистическое*. Если <бы> *весь род человеческий* обратить в одного меднума, то этому меднуму нужно впасть в эпилепсию, чтобы произошла материализация умерших.

1) Совершение воскресения (всеобщего) *непонятным* образом, бессознательно и силою *не нашу, чуждою нам*, хотя бы и чрез нас исполняемую,

* потому что он и не понимал уже значение дел (Karman).

** обряды, жертвы.

*** нравственность без дела.

конечно, нельзя назвать исполнением воли благого Бога, — это *темное воскресение* *.

Объединение в мистическом воскресении заменяется присушением, а регуляция — колдовством.

2) Реалистическое воскрешение как сознательное, вольное, путем знания и дела всех совершаемое, есть исполнение <воли> Бога всеблагого — это *светлое воскресение*.

НАБАТ К СВЕТСКИМ И ДУХОВНЫМ, ПРАВОСЛАВНЫМ И ИНОСЛАВНЫМ, ВОЕННЫМ И ГРАЖДАНСКИМ, К 3-ЕМУ РИМУ¹³⁶

Мир коснения, незнания, взаимной злобы (по-светски), проклятия и греха (по-духовному) как причины смерти, в тебе царствующей! Твой конец придет, искупление совершится, ибо твоя сила в нашей лишь розни, невежестве и бездействии, что и есть грех.

Слепая сила, разумом не управляемая и потому разрушающая и умерщвляющая! Не вечно твое царство. Народы всего мира, обуреваемые злобою и враждою друг к другу, призывая всех своих сынов на тяжелую службу, на взаимное истребление, поймут наконец, что есть у них враг общий, постоянный, носящий в себе голод, язвы, смерть, отнимающий у сынов всех народов их отцов.

См. взгляд на картины 1812 г. Верещагина¹³⁷.

Час не настанет, время не приблизится, если мы останемся неподвижны. Ничего не делается, если мы останемся в бездействии. Слепая сила могуча, пока не пробудилась разумная. Предсказывать можно лишь *злое*, как следствие бездействия и слепоты, как побуждение к действию и знанию. *Доброе* же можно лишь делать, как разумных существ творение, как плод согласного их действия. Доброе и благое можно *не предсказывать*, а *предуказывать*, направлять, совокупляя, в одно согласное, сознательное <действие>, т. е. это значит, что пророчество кончилось, начинается призыв к делу.

Сознающие и действующие существа, несомненно, признают свое существование и начало непостижимого происхождения; создание же невежества и бездействия как источников зла и представить <себе> не могут, тогда как ведение и действие, как причины блага, есть необходимое проявление сознания. Потому существование слепой, несознающей, умерщвляющей силы объясняется бездействием разумной, чувствующей.

Пора, пора! Мужество, совершеннолетие наступает... Довольно опьяняться играми и забавами (опер<ами>) и в бессмысленной борьбе из-за мануфактурных игрушек ослаблять и истреблять друг друга, отдавая себя в жертву *общему своему врагу*, слепой силе природы. Не явное ли указание свыше, не перст ли Божий виден в том, что люди, придумывая орудия для взаимного истребления, оказывается, нашли средство и спасения от общих всем бедствий?

* Для материализации мертвых нужна болезнь — эпилепсия живых, как у спиритов.

Трубите же в трубы, звоните в колокола, соедините *и военную и вне-Церковную музыку*, чтобы призвать всех сынов, всех живущих для воскрешения всех умерших. От храмовой службы переходите к внехрамовому труду.

Пусть колокольным звоном призыва зальется вся земля, как Москва в полночь воскресения Христова. [Далее неразб. 1 предложение.] Царство Божие не нуждается в омовении, а вселенная — в пожаре.

Коснение и невежество сгореть не могут, а могут быть заменены знанием, правящим силами природы, не для истребления, а для воскрешения истребленного. Коснение, невежество притом мы знаем лишь на земле; для чего <же> пожар всей вселенной?

* * *

Папист Кожевников и Ивакин твердо уверены, что аппарат Каразина нельзя сделать предметом поэзии!^{*138}

Каразин предлагал на аэростате поднять громоотвод в Царство Тучегопителя Зевса, чтобы извлечь (мысль очень поэтичная) из облаков силу, которая держит воду в состоянии пара, силу, которая производит бездождие (теплота, жара, зной), чтобы земледельцу дать дождь, а кустарю эту силу небесную, которую он победит миллиардеров фабрикантов вместе со всеми лассаями, марксами и особенно нашими ослами-социалистами (кровно русскими) струве и туганами¹³⁹. Когда разбивали Перуна земного, Перун небесный оставался со всей своей силою и случайно мог разразиться над идолоборцами, Перуноборцами, Зевсокластами. Мстителем Прометея — истинным Геркулесом — будет тот или те, кто осуществит этот опыт <(Каразинский, вызывания дождя)>. К нам принес громоотвод сын крестьянина¹⁴⁰, который, к сожалению, не дожил до изобретения аэростата: он мог бы быть и Ираклом. Не ставши Ираклом, он стал пьяницей.

Когда мы увидим небо отверстым, открытым не для ангелов <лишь>, а <и> для людей, для смертных, увидим восходящими и нисходящими стратегов и архистратегов *земных* (а не небесных лишь), тогда станет явно, что «немногим чем умалил Господь сынов человеческих от ангелов» и если еще не все, то облака положил уже к ногам их, как говорится в псалме 8, стих 7; и если и ныне еще не видим, как во время, когда апостол Павел писал 2-ую главу своего Послания к евреям, чтобы все было ему <(человеку)> покорено¹⁴¹, то путь к покорению кажется отверстым, открытым.

* Нам никак не удавалось убедить Н<иколая> Ф<едоровича>, что, несмотря на высокий поэтический размах его конечных мыслей (доказательства чему даны даже в настоящем кратком наброске), не все промежуточные звенья их поддаются поэтическому воплощению с той определенностью и точностью, которой он требовал. Замена же того, что он называл «реальной» стороной «дела», символами и мифическими образами, оставлявшими неясности и широкий простор для толкований, его не удовлетворяла; это, с его точки зрения, был уже опять уклон в художественную мистику, к которой он был не менее строг, чем к философской и религиозной. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

* * *

[Видение 1-ое:] Видит он грозовые тучи на небесах, слышит шум облаков, грозящих разразиться градом и опустошить поля¹⁴². Видит орудия, до сих пор защищавшие Кремль от себе подобных, хотя и иноязычных, обращенными на тучи, а после пушечного грома градоносная туча разражается плодотворным, вместо разрушительного града, дождем. Слышит благодарность Богу за спасение.

2 видение. Под самыми облаками, грозовую силою заряженными, видит подобие Царской державы, вооруженной остриями мечей, копий, штыков, как бы защищающими Крест с области князя власти воздушной. Видит несколько или многие подобию Царской державы поднимающимися от башен Кремлевских, как бы истинно священный крестовый поход против темной силы от этих держав, властвующих над скрытою в воздушных потоках силою и вынуждающих их испускать светлые ручьи по указанным путям. Видит по всей великой равнине, по мании Царского скипетра, [острия мечей, копий, штыков] то поднимающимся, то опускающимся, подобные тем, которые парили над Кремлем.

Насколько обращение слепой силы природы в управляемую разумом еще искусственно, настолько оно не поддается выражению на языке богов, т. е. настолько она, [эта мысль,] не поэтична, а прозаична.

* * *

Теперь, когда признано, что падающие звезды вместе с кометами не в Солнечной системе зарождаются, а приходят в нее извне этой системы, теперь, вопреки Канто-Лапласовской теории, нужно дать иное и даже совершенно противоположное этой теории толкование происхождению и образованию Солнечной системы¹⁴³. Не Солнце выделяло из себя кольца, из них образовывались планеты, а само Солнце росло и увеличивалось, привлекая к себе падающие звезды — эти частицы космической материи, — и само Солнце, будучи вначале такую же частицей, намного превосходящей окружающие ее частицы в силе и величине, привлекало и усваивало их и росло, питаясь ливнями космических частиц. Эти частицы или облака частиц, приближаясь к Солнцу, вращаясь вокруг него, падали наконец на его поверхность, и даже упавши, вновь отделялись от нее, совершая движение вокруг него. Чем же дальше от Солнца, тем больше массы космических частиц освобождались от уменьшающейся силы притяжения центрального светила. Так образовались планеты, тем же путем принятые извне приходящие частицы увеличивались в массе и силе. При такой теории устанавливается гораздо большее единство между метеорическим процессом [и космическим.] Канто-Лапласовская теория предполагает уже от начала существование громадного скопления материи — Солнце, из которого образуются кольца, подобие коим можно признать в экваториальном кольце, дающие начало планетам, что так и могло бы быть, только не в начале и не как общий ход творения. Сознав же единство между метеорическим процессом и космичес-

ким, можно мечтать после установления регуляции метеорического процесса приступить и к космическому. Положение наше на земной поверхности к центру земли, как бы солнца, такое же, как положение земной планеты, окруженной роями частиц-спутников, к Солнцу как внутреннему ядру земли.

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

1) О божественном рождении* и божественном создании мира¹⁴⁴ и о человеческом бессознательном рождении и человеческом священном сознательном воссоздании мира, или О божественном рождении и о человеческом греховном рождении (эволюции, развитии, прогрессе), о божественном *создании* мира и человеческом священном *воссоздании* его.

2) О Пресвятой Троице, как учении о благолепии нетления, и о Пасхе воскресения.

О Пасхе как празднике и как деле, общем священном, а вместе естественном деле.

* * *

«26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всей землей. 27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»¹⁴⁵.

Образ Бога, говорящего о Себе во *множественном* числе, и относится не к одному существу, а к *двум безгрешным существам, в которых заключался тогда весь род человеческий*. Первым следствием греха была рознь. Согрешив против Бога, стали грешить друг против друга, стараясь *сложить свою вину на другого*. По недостатку взаимной любви они сделались не только грешниками, но нераскаянными грешниками. Взаимными обвинениями они утратили не только образ, но и малейшее подобие Троидиному Божеству.

«В отношении человека к миру Бог есть владыка всего и человек поставлен владыкою видимого мира». Сею чертою описывают образ Божий Златоуст и Феодорит, которые слова совета Божия о владычестве человека (26) принимают за объяснение образа Божия¹⁴⁶.

* * *

«В которых (т. е. грехах и преступлениях) вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, *господствующего в воздухе, духа, ныне действующего в сынах противления*» (Еф. II, 2)¹⁴⁷.

Но почему воздух признали обиталищем духа зла. Не потому ли, что в нем видели источник болезней (поветрий), разрушительных вихрей...

* т. е. о Пр. Троице не только как образце объединения, но и как указании на причину божественного бессмертия и человеческой смертности.

* * *

Всякий назвавший своего брата «*безумным*» считается достойным *геенны огненной*¹⁴⁸. Назвать безумным значит не признавать в человеке разума, не признавать разумным существом, имеющим обязанность участия в знании.

* * *

Заповедь же «Покайтесь»¹⁴⁹, т. е. вспомните, что у вас есть и были Отцы, что вы сыны стольких умерших отцов-предков, вспомните ваше сиротство, — это есть возвращение сердец сынов к отцам и отцов к сынам, чем оканчивается пророчество Ветхого Завета и чем начинается Новый¹⁵⁰. Но как только мы со-знали себя сынами, нам понятно и отношение наше к природе слепой, умерщвляющей, и [к] Богу, не терпящему смерти отцов, т. е. есть одна заповедь — Объединения или братства сынов (как орудия Бога отцов) в деле возвращения жизни отцам.

* * *

Если у нас нищенство стало самым выгодным промыслом, то это показывает, что проповедь «о нищелюбии» не была бесплодна. Такою проповедью был Пролог¹⁵¹. В Прологе, в сентябре 11 чтений о нищелюбии, в октябре — 14, в ноябре — 13, в декабре — 25, в январе — 20, в феврале — 14, в марте — 18, в апреле — 10, в мае — 9, в июне — 14, июль — 7, август — 9. — Христос — нищелюбец, обнищавший нас ради.

* * *

Что это такое, что, *имея один голос*, бывает четвероногим, двуногим и трехногим (Аполлодор. Биб<лиотека> III. 5,8)¹⁵². Музы научили этой загадке сознательно.

«О „государстве” у животных можно говорить только иносказательно: в сущности это либо семья, *разросшаяся* до значения рода, если хотите, *свободной* или *крепостной общины*, и „каждый живет здесь с родом своим”, не зная более высокой формы». (Основные вопросы философии <истории> Кареева. II т. стр. 144-я 1-ое изд.)¹⁵³ Т. е. русские были, по мнению этого историка, скотами, — вначале были скотами при крепостном праве, остались ими и по освобождении. Россия только иносказательно может быть названа государством, место ее в Зоологии, а не в Истории.

* * *

Посольская Изба была родоначальником Министерства Иностранных Дел. Такое крестьянское или, может быть, христианское начало лежит в основе Министерства Иностранных Дел. Изба стала Приказом Посольским, и этот приказ [стал] во главе [других], которые, вероятно, из него и произошли по мере расширения и присоединения Новгорода, Смоленска, Малороссии, Белоруссии¹⁵⁴.

Для города собирания Приказ Посольский, или внешних сношений, был главным, ибо задача собирания состояла в превращении внешних сношений во внутренние. Иногородное превращалось в междугородное. Дело собирания для Москвы было священным. Чтимые в присоединяемых городах иконы Москва переносила в свои храмы Успения, ставила их за гробами духовных собирателей.

* * *

Как объяснить одинаковое название для таких противоположных предметов. Не детский ли это оптимизм. Недаром славянское племя слывет *enfantin* и *féminin*¹⁵⁵. Только грамотными и для грамотных отмечено различие фигуративное при фонетическом сходстве.

* * *

Вена, возвращающаяся с кладбищ (1-ое ноября — 20 октября) в день всех святых, услышала о смерти Русского Царя, а Париж с вестью о смерти его отправлялся 2 ноября на кладбище¹⁵⁶. Протестантский Берлин, отвергающий поминовение, вынужден был добром или хотя злом *помянуть*. Таким образом, Западная Европа языческая, гуманистическая, желающая забыть о смерти, уверить себя (как Толстой), что смерти нет, или (как А. Ревиль¹⁵⁷), что религия вовсе не есть культ мертвых, была истинно религиозна в день 1–2 ноября (20–21 октября), ибо религия как почитание умерших неистребима: даже Париж 2 ноября поминал умерших. Неверие возможно лишь к религии, отвергающей культ умерших. Но и это возможно лишь к религии, [которая] ограничивается поминовением словом, а не делом, всеобщим воскрешением, или злоупотребляет поминовением, делая из него источник дохода.

* * *

До сего времени корень того направления, с которым должно бороться, был скрыт от нас, и нужно еще прибавить, что открытие этого корня представляет большую трудность. Если не только Гёте, даже Кант находит трудным и непонятным язык Гамана, то каким он должен быть не для немца...¹⁵⁸

*Гуманисты и Гомункулисы*¹⁵⁹

Если Гуманист есть павшее существо, блудный сын, то Гомункул есть уже конечное падение — это культурный человек XIX века. Лишь только высочил из реторты, как начал критиковать своего творца, этот недоросль, недоделанный человек, исчадие индустриализма.

* * *

«...полетел в мою душеньку, красавицу, Италию! Она моя! Никто в мире не отнимет ее у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, де-

партамент, кафедра, театр, — все это снилось мне, снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна — Вы (т. е. Жуковский, которому он пишет после получения денег от Императора Николая), да три-четыре оставивших вечную радость воспоминаний в душе моей, не перешли в действительность»¹⁶⁰. Среди этих 4-х имен поэтической части уже, конечно, не могло быть имени давшего ему возможность быть в Италии и о благодарности к которому говорит он в начале письма, надеясь, что она достигнет до потомства¹⁶¹. Она и достигла чрез это письмо, достигла до потомства, доказав всю глубину неблагодарности и лицемерия.

* * *

Французский Хронос (Temps) по поводу *празднества* поминовения, — как выражается наша газета, — обратился к французским писателям (ученому сословию, которое забвение смерти или *memento vivere* принимает своим девизом и погребения, т. е. оживления, не понимает) с вопросом о том, что они лично для себя предпочитают: сожжение в кремационной печи или погребение обыкновенным способом — сгореть или сгнить? Коротенький ответ Альфонса Доде, который находит тот и другой способ одинаково неприятным, заключается во всех 11-ти ответах, не исключая Луазена¹⁶².

* * *

Говоря о двух фанатизмах, о двух индифферентизмах, или терпимости, что нужно выбрать из этих двух зол?¹⁶³

* * *

«Текинцы смотрят на русских и на все русское с глубоким любопытством, но без благоговения. Они сознают себя побежденными, но все-таки чувствуют и свою силу, и затеи европейской цивилизации, подрывающей суровую природную мощь духа и тела человека, их, по-видимому, не вдохновляют. Туркмены крупнее, заметно плечистее и мускулистее русских. Каждый из них среди наших солдатиков, как пленный орел среди долинных птичников»¹⁶⁴.

«Туркмен не нуждается ни в тени дерева, ни в сени власти».

«Не расти дереву, где есть верблюды. Не быть миру, где есть туркмен» (песня пашей).

Шалости — в смысле грабежа, разбоя; баловство — кражи.

Если разбой — шалость, воровство — баловство, то по такому воззрению народа нынешнее состояние рода человеческого есть несовершеннолетие.

* * *

1. Вытеснив кладбище, село становится городом и, забыв о смерти, а с нею и о жизни действительной, ставит на первое место вопрос о богатстве и бедности. Поэтому Плач Церквей о кладбищах¹⁶⁵ есть плач об уклонении от истинного пути, от настоящего дела.

2. Плач о замене живой религии (религии Бога отцов, удаленной из города) мертвой религией деизма, религии сынов — религиею гуманизма.

3. Плач разумных существ о подчинении, зависимости от слепой, неразумной силы.

4. Плач о распадении на лишенных критикою святых чаяний, цели и смысла жизни и оставшихся при вере без дела и знания.

5. Об осужденных на небратство...

* * *

Говорить о борьбе человека с природою как <о> борьбе части с целым — совершенная бессмыслица, ибо по отделении от целого части будет не целое и часть, а будут две части, малая и большая¹⁶⁶. Природа, начав созавать себя, создает себе голову. Говорить о несоразмерности двух частей также бессмыслица. У природы нет разума, а у человека, т. е. разума, нет силы, — это значит, что природа не достигла полноты сознания, а разум — полноты власти.

* * *

Культура действует разрушительно, или истребительно, на половой инстинкт, она также истребительно действует и на питание, на дыхание, на все отправления, обращая все питательные вещества в медленно действующие яды, создавая смертоносные жилища, жилища, пожирающие своих жильцов, из жилищ делает саркофаги¹⁶⁷.

* * *

Все усилия человека были направлены до сих пор к достижению этих мнимых благ¹⁶⁸, которые он признает за действительные и не видит за ними ничего дальше; даже те, которые дошли до признания мнимости этих благ, не видят пути, которым может быть достигнуто истинное благо, и не считают достижение его под силу людям, обрекают себя совершенно покою, воздержанию от всякой деятельности, чтобы не служить подобиям, мнимостям, подобно тому, как установлена была суббота для того, чтобы приготовить чел<ове>ка, вечно суетного, всецело предавшегося созиданию одних подобий, — приготовить его периодическим совершенным воздержанием от обычной деятельности к той, которая должна привести [не дописано.]

* * *

Не цивилизация (гражданственность), не культура, а рекреатура (воссоздание и родственность). Не эксплуатация, а регуляция. Не государство, а отечество¹⁶⁹.

Под рекреатурою разумеется воссоздание «не нами созданного», а нами разрушенного или по нашему бездействию разрушившегося.

Под креатурою, твореньем, тварью разумеется или создание искусственное, или же созданье, не своим трудом произведенное, а по чужому капризу выдвинутое.

* * *

Говоря об обращении дарового, само собою рождающегося в трудовое, нужно разуметь *воссоздание*¹⁷⁰. Иначе «Паровая наседка», искусственная matka, механический кормилец, превращение и у человека живорождения в яйценесение. Производство фабричным путем зерна есть самое великое зло и, конечно, противоположно воскрешению.

* * *

Итак, единственно только Дело воскрешения может создать братство (которое не нуждается в прибавлении свободы и равенства, ибо рабство и неравенство несовместны с братством), ибо воскрешение есть осязательное доказательство нашего от отцов рождения, т. е. братства¹⁷¹.

* * *

При нормальном ходе, т. е. при участии в сыновнем деле воскрешения, за преступлением следует не наказание, а восстановление, хотя еще и мысленное, а мучения совести превращаются в чувство не достигнутой еще цели¹⁷².

ЗАМЕТКИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА¹⁷³

*Необходимое дополнение*¹⁷⁴

«От детских лет — говорит он, — сохранились у меня три воспоминания. Видел я черный, пречерный хлеб, которым, говорили при мне, питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал же я в детстве войны объяснение на мой вопрос об ней, который меня привел в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга... Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, и чужие, а что сами родные — не родные, а чужие». Тут есть что-то похожее на легенды, которые приписывают людям, совершившим что-либо подходящее к этим воспоминаниям.

* * *

По первому пункту обвинения могу только сказать: «грешен»¹⁷⁵. Прибавлю к этому, что мера, предлагаемая анонимом, говорящим не от одного только своего лица, бессильна исправить меня. Она напоминает мне только, что пора уступить свое место другому. Не угодно ли будет анониму занять мое место? Очень сожалею, что я могу только оставить свое место, и оставляю его, определить же кого-либо не в моей воле. На 2-й пункт обвинения, гласящий, что очередь в выдаче книг не всегда соблюдается, нужно сказать, что она никогда не соблюдается и не должна соблюдаться: если посетитель обращается с требованием такой книги, которая у дежурного находится под рукой, то такое требование должно быть немедленно удовлетворено, хотя бы другие посетители, гораздо прежде заявившие свои требования, треснули от зависти и от любви к очереди.

3-й пункт не заслуживает опровержения.

По 4-му пункту бывала вина и на моей стороне.

Хотя я и называюсь дежурным, но любезности, высказанной в конце письма дежурным, не могу принять на свой счет. Любезность эта, очевидно, относится к тем дежурным, которых аноним видел в читальной зале¹⁷⁶. Обвинение же, очевидно, относится ко мне, хотя и возможное дело, что аноним и не знает о моем существовании.

Из 5-го же пункта видно, что недовольны все посетители читального зала, а не жалуются только одни по скромности, а другие — по незнанию.

* * *

Все пять статей (от 5 июля до 22-го), напечатанные в Асхабаде (город и газета), этом бесцензурном оазисе среди цензурной России¹⁷⁷, составляют самую крутую, беспощадную переоценку всех ценностей. В них внушается глубочайшее презрение ко всему, к чему в течение четырех веков проповедывалось уважение, любовь, и требуется во имя не веры лишь, а во имя (единого) разума и воли, или долга, величайшее благоговение к тому, <к> чему в течение четырех веков внушалось презрение. Уже одно указание, что автор первоначальный этих статей смотрит на продажу литературных произведений как на святотатство, делает Толстого лицемером, а Ницше искренним эксплуататором, который вышел за пределы нынешнего весьма ограниченного добра, но в пределах зла остался. Но не нужно забывать, что автор вовсе не осуждает частной собственности, а относит ее к состоянию *несовершеннолетия* и даже литературную собственность осуждает лишь в ее крайностях, как это видно из статьи «*Плата за цитаты*»¹⁷⁸.

При обращении вопроса о том, «почему сущее существует», т. е. знания для знания, знания сословного, в вопрос «почему живущее голодает, болеет и умирает», пределы знания не сокращались, ибо для решения последнего вопроса на деле нужно было «вс,» сделать предметом знания и «всех» сделать *познающими*, что и нужно иметь в виду при пересмотре системы нашего образования. К сожалению, упущен был момент, когда можно было напомнить о истинно национальной школе, однако вовсе не враждебной всемирной, проектированной еще сто лет тому назад, но до сих пор еще не исполненной¹⁷⁹, «не осуществленной», как об этом было предсказано неизвестным пророком, «утверждавшим», что Россия на таких Фуссах, т. е. на немецких ногах, далеко не уйдет¹⁸⁰, ибо на этих ногах не только идти, но даже стоять нельзя, и школа действительно *пала*. Комиссия 23-х признала падение классической школы и необходимость национальной¹⁸¹. Сказав, что *национальная школа та, которая изучает нацию*, т. е. отечествоведение, Комиссия сочла свою «миссию» исполненной, так что на этих 46-«ти» ногах Россия и одного шага не сделала.

В разбираемой статье «К пересмотру...» о том, кто задался вопросом «Почему живущее страдает и умирает», вовсе не следовало говорить, что он обладает обширными и всесторонними познаниями, потому что он именно не был *ученым*, ибо обращался к сим последним как неученый, впрочем, указывая и разъясняя им их должное положение, именно *сословное*, и происхождение их идей из этого ложного положения. Они, *ученые*, как и *Толстой*, — поклонники

слепой естественной силы, силы, не управляемой разумом, эволюции, рождения, словом, поклонники смерти. Не следовало говорить и о силах великого и глубокого ума, т. е. о таланте умственном, ибо величайшая мысль, что «Братство сынов» в самом строгом смысле *немыслимо* без воскрешения отцов (ибо воскрешение есть результат знания и любви сынами отцов, <знания и любви> своего прошлого, доказанных делом, а от этого знания и любви зависит и взаимное знание сынов, т. е. братство), — и небольшой ум, даже величайшую бездарность, могла сделать плодотворным в высшей степени.

Тот, кто заменил вопрос «о богатстве и бедности» вопросом «о смерти и жизни», не мог аскетизм считать добродетелью, как эпикуреизм — благом¹⁸².

* * *

Эти статьи — «По поводу народного дома» и «Блаженная жизнь» — это самая злая насмешка судьбы¹⁸³. Конечно, Петерсон не хотел отдать на посмеяние, а вышло именно так! Трудно выбрать более неудачное название, как «Блаженная жизнь». *Блаженный* синоним *юродивого*. Этим названием начата *насмешка*, которую продолжает Pensoso, запоздалый поклонник давно, очень давно забытого Бокля¹⁸⁴. Чем же заменить «блаженная»? — бессмертная, воссозданная, воскрешенная, всеобщим трудом воспроизведенная¹⁸⁵.

* * *

Вопрос о поэме брошен, ну, и черт его возьми!¹⁸⁶ Асхабадская полемика настолько безнадежна, что если бы даже Черногубов предложил напечатать статьи о национальной школе, то я, как утопающий, который хватается за соломинку или, по турецкой пословице, хватается даже за змею, принял бы его предложение. Но не лучше ли утонуть, чем принять лукавое предложение?..¹⁸⁷ И если я хочу сказать еще несколько слов по поводу Асхабадской полемики, то только для того, чтобы точнее показать, при каких условиях возможен с обожаемыми полемики разговор, прекращающий спор.

Проект обращения полемики в совещание. Дезинфицирование журналистики находится в тесной связи с проектом соединения всеобщего обязательного образования со всеобщезаконоустановленной воинскою повинностью для обращения сей последней в исследование слепой силы [и превращения этой силы] в управляемую разумом. То есть: журналистика есть или должна быть средством объединения в деле познания всех сил, от которых зависят голод, болезни и смерть.

* * *

Черногубов уже не раз обращался ко мне с предложением напечатать, как он выражается, *Opera omnia*¹⁸⁸. Отказываясь от этого предложения, я ссылаюсь между прочим и на то, что некоторые бумаги находятся у г. Петерсона. Он просил меня снести с ним по этому делу. В это собрание, конечно, не войдет комментарий к поэме «Цена жизни», так как я и сам убедился в его ничтожности и предал уничтожению¹⁸⁹.

Отдавать в печать сочинение, которое наверное, можно сказать, никто читать не станет, [которое] не принесет ни малейшей прибыли, — не значит ли обманывать издателя?

* * *

Вопрос о смягчении я поднимать не буду. Приезд же г. Петерсона в Москву за душой докажет мне только, что есть человек, для которого (если только не рассчитывалось им на наживу в будущем) эта душа нужна, тогда как здесь эта душа, т. е. «дело общее для всех, родное для каждого» оказывается чужим для всех и ненужным никому¹⁹⁰. Болезнь специализации обуяла до такой степени всех, что за свое специальное дело каждый готов отказаться от матери, отца, готов все пожертвовать ему. Для меня же *враг*, но понимающий, который берет это дело, будет гораздо приятнее друга, который отказывается от него или даже *стыдится учения о воскрешении!*¹⁹¹

Владимиру Александровичу, который каждую неделю посвящает один день учению*, которое ему, конечно, очень несимпатично, делает это великую честь, а мне, принимающему эти услуги, — не делает чести.

И Петерсону нужно подумать, стоит ли поездки записка к учению, никем не признаваемому и всеми отвергаемому.

В неверии Владимира Александровича в сказанное учение я никогда не сомневался и, конечно, винить за это не мог.

Прочитав внимательно письмо¹⁹², стало для меня ясно, что <Петерсон> твердо решил не приезжать и письмо к нему с приглашением *бесполезно*¹⁹³. Очень жаль, что Ответ на эпиграф и на открытое письмо, по причине полемичности его, не может быть напечатан, тогда как статья «Полемика и война» не лишена полемики, ибо в ней задет Пенсозо¹⁹⁴, чего вовсе не нужно было делать.

* * *

Как ни много этот г<осподин> наговорил мне худого, исчисля все мои пороки и недостатки (коих действительно много), даже самые мельчайшие, даже лишь зарождавшиеся, поражая своею памятью, или злопамятностью**, и страстным желанием найти их как можно больше, но о себе он сказал или открыл, сам того не замечая, самое худшее, окончательно подтвердив то, что хотел отвергнуть. Предоставляя себе право печатать все писанное мною, даже не говоря мне о том, даже не дожидаясь окончательной отделки написанного, не давая возможности убедиться в его годности, что он имел в виду? Всякое слово, написанное десятки лет тому назад, мне ставится в вину, если [даже] я в настоящее время уже не признаю его верным¹⁹⁵.

* Мы работали с ним по воскресеньям, целый день. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** Жалко>ба на недостаток памяти в этом по крайней мере случае была совершенно несправедлива.

* * *

Один (Петерсон) не сумел, да и не найдет выгодным вести так дело, т. е. быть между двух огней, а другой не захочет¹⁹⁶. Первый мне известен, а о втором я знаю только как о человеке очень хитром и лукавом, который, вероятно, обманывает и меня, и г. Полякова, человека, по-видимому, очень хорошего. Черногоубов отдает в переписку на ремингтоне на счет Полякова рукописи, взятые у меня, четко написанные, и даже печатные статьи¹⁹⁷. Я в таком только случае [мог бы] себя извинить, если бы, отдавая рукописи Черногоубову, знал бы, что г. Поляков предварительно *прочитал их и с содержанием их был бы согласен*. Чтобы вести дело честно, и этого недостаточно. Теперь мне нужно прекратить выдачу рукописей, конечно, если он пожелает еще получить.

* * *

Как назвать год, когда среди лета пели Пасху, исполняя пророчество Се-рафима?¹⁹⁸

Пятидесятидвухлетие *мысли* или *плана разрешения антиномии эгоизма и альтруизма*, или что нужно делать, для кого жить, кому служить?¹⁹⁹ Не юбилей ли это плача о пятидесятидвухлетней неудаче? Разрешение антиномии эгоизма (убивающих) и альтруизма (убиваемых) возможно только возвращением жизни первыми вторым, т. е. воскрешением²⁰⁰.

Пятьдесят два года исполнилось от зарождения этой мысли, плана, который мне казался и кажется самым великим и вместе самым простым, естественным, не выдуманным, а самую природою рожденным! Мысль, что чрез нас, чрез разумные существа, достигнет природа полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте, и исполнит тем волю Бога, делаясь подобием Его, Создателя своего, — может ли быть <эта мысль> неестественною?!.. И вот год, который мне представился *наименее неблагоприятным* из всех протекших годов для рождения на свет этого плана, всем, несколько его, <этот план,> знавшим, этот год (время) кажется, напротив, *наиболее неблагоприятным*. Н. П., почти сорок лет веровавший в возможность появления на свет этой мысли, впал в отчаяние, признав, что время еще не пришло²⁰¹. В. К.²⁰² никогда не верил, а теперь и подавно не верит. Н. Ч-г-в²⁰³ же, не умея отделить себя от нынешнего времени, признал ее, <эту мысль,> для настоящего сумасшествием.

Об этом плане, т. е. о плане объединения всех живущих для воскрешения всех умерших, можно сказать то же, что сказал апостол Павел о Христе распятом: для верующих он — соблазн, а для неверующих — интеллигентов, или декадентов, — безумие²⁰⁴. Только для меня он остается Божескою мыслью, требующею всечеловеческого дела.

Год, в который мы находимся, по общему почти мнению, накануне всемирной войны, вынуждает — будет ли это успешно сколько-нибудь, или уже совершенно безуспешно, — сказать о самом, положим, отчаянном средстве, которое могло <бы> избавить человеческий род от *войн* как *симптомов несовершенности*. Правда, было уже говорено, хотя и очень неполно, о том, как орудия истребления обратить в орудия спасения. Теперь же нужно прямо в

возможной полноте сказать, как орудия разрушения жизни обратить в орудия возвращения жизни. Правда, — и это тем лучше, — что мысль эта не новая. Еще Первенец из умерших возвестил, что дана Ему всякая власть на небе и на земле, но что для проявления этой власти над силами природы нужно объединение всех людей²⁰⁵, чтобы они во всей своей совокупности могли действовать сперва на землю в ее целостности, а потом и на всю природу в ее полноте. Говорить о таком действии в то время, когда произнесена эта заповедь, было бы непонятно. Но в настоящее время, когда вся земля стала известною, даже оказалась сравнительно и не очень большою, когда она вся стала населенною, а местами и перенаселенною, и даже истощенною и идущею с крайнею быстротою к полному истощению, с расстроеным процессом метеорическим и плутоническим (или вулканическим), а что важнее всего, все части земли стали соединенными такими средствами сообщения, что действие всех людей, как одного, уже не может казаться невозможным, — в настоящее время, когда рост человеческого рода, можно сказать, кончился, этот рост из бессознательного рождения должен перейти в сознательное воссоздание, и война с себе подобными должна быть заменена войною всех объединенных народов со слепую силою²⁰⁶.

Гроза всемирной войны могла бы послужить предлогом для созвания Новой конференции мира, на которой представители всех народов, убедившись, — как это и показала первая конференция²⁰⁷, в чем и убеждать не представляется особой нужды, — *что мир невозможен*, но возможен союз всех народов против врага всех разумных существ, хотя и временного, против слепой силы природы, — представители всех народов могли бы принять на себя обязательство введения вместе с всеобщеобязательною воинскою повинностью всеобщего же обязательного не образования, а *участия в познании*. Причем необходимо заметить, что новая конференция мира не может и не должна ограничиваться только политическими деятелями, а должна призвать ученых всех наук. К счастью, в будущем году предполагается при *будущей всемирной выставке* в Сен-Луи созвать *конгресс ученых специалистов всех наук*, цель коего «объединение всех деятелей на поприще науки, достижение в их работе большей гармонии и планомерности»²⁰⁸. Но нынешняя наука, сознавая, что она есть вывод из наблюдений не повсеместных и непостоянных, <должна сознать и то,> что она не может сделать всю землю предметом единого опыта, или дела, если Конференция союза не даст ей возможности располагать силами всех народов для управления силою земной планеты.

Конгресс ученых <при будущей всемирной выставке>, куда призваны также технологи, фабриканты и купцы, наглядно показывает, *кому служит нынешняя наука*. Только председательство, порученное астроному, подает некоторую надежду, если этот астроном предпочитает небесные звезды земным, жалуетым коммерц- и мануфактур-советникам, что ученые познают, наконец, *кому должно служить и для кого жить*. Сама же выставка, — первая в XX веке, — осязательно представляющая наше мнимое богатство, под коим кроется действительная (голодная и холодная) бедность, — указывает (для имеющих очи видеть) на неразрешимость вопроса социального, т. е. вопроса об искусственном пауперизме, и выдвигает вопрос о пауперизме естественном, или вопрос о смерти и жизни. Но что составляет величайшую особенность предстоя-

щей выставки (т. е. изображения всех царств мира в час времени, при существовании которой уже не нужно возводить на высокую гору, чтобы показать их, все царства мира, в один момент), это образ современного Иерусалима. Здесь американско-европейский индифферентизм изображает — в виде храма Воскресения, мечети Омара, стены плача Иудеев, — три фанатизма, думая, надо полагать, о том, как <бы> эту страну, когда-то текущую млеко и медом, сделать предметом жадной эксплуатации. Но, конечно, не эксплуатация может примирить три фанатизма. Под последними двумя фанатизмами скрываются деньги и оружие, а христианство еще не приступало к делу, которое может примирить все исповедания и религии. Только всенаучный конгресс, сознав себя органом, в коем природа, мир переходят на новую, высшую ступень по пути к полному самосознанию и самоуправлению чрез воссоздание, — может быть всеобщим делом. Признавая себя таким органом, верующие не могут не признать себя орудием Бога отцов, но и неверующие могут признать, что для разумных существ подчинение слепой силе природы, небесной ли то (на небе находящейся), или земной, есть уклонение от естественного дела сознающих существ.

Итак, на научном и религиозном конгрессе (при выставке современного Иерусалима) могут быть подняты и открыты Пасхально-Кремлевские вопросы, которые в нынешнем году особенно проявились и в манифесте 26 февраля, предшествовавшем Паломничеству Царя и его семьи к гробам предков в Кремле²⁰⁹, а затем в канонизации великого читателя Светлого Воскресения, в коем Царь вместе с народом принял живейшее участие²¹⁰. И в Конгрессе ученых вместе с Конференциею союза против слепой умерщвляющей силы, как эквивалентном замещении войны, раскрываются те же военно-духовные, или — определеннее — Пасхально-Кремлевские вопросы: вопросы о двух разумах (теоретическом и практическом), о двух сословиях (т. е. ученых и народе) и о двух историях — нынешней всемирно-городской, или мещанской, и будущей всемирно-крестьянской. Последний вопрос заключает в себе вопрос о мире и войне, т. е. о двух образах жизни *отживающих*: 1) *городском*, океаническом, ближнего и дальнего Запада в союзе с азиатскою Британиею — Японию, и 2) *кочевом*, или <о> трехстах миллионах друзей Черного Царя²¹¹, и об одном образе жизни *недозревшем*, т. е. сельском, континентальном, русском в союзе с китайским. Вопрос о всемирной войне есть вопрос о том, соединится ли город с ордами <кочевников> против земледельческой страны, или же город в союзе с селом (которые и в настоящее время по ходу Истории оказались окружающими полосу степей и пустынь с кочевниками) заставят кочевников не положить оружие, а дать ему другое употребление, т. е. <город и село> вступят в общий <с кочевниками> союз против слепой силы природы.

В противоположность этой мысли, этому плану <или проекту> является учение Толстого, что смерть — хорошая вещь²¹² или ее вовсе нет, т. е. что не нужно ни воскресения или воскрешения, ни бессмертия. Сколько лет употребил Толстой, чтобы убедить себя, что смерть — хорошая <вещь>, но убедил ли он себя и кого убедил? Интеллигентная Европа четыре века старалась, все усилия употребила на то, чтобы уверить себя, как и Толстой, что смерть — хорошая вещь. Очевидно, не убедила, если понадобилось учение Мечникова, дока-

зывающее, что смерть была бы желанною вещью, если бы жизнь достигала нормальной продолжительности²¹³. Назначая жизни срок, предел, обрекая ее смерти, сравнивая смерть со сном, т. е. отдыхом, и не ставя смерти предела, делают смерть, т. е. отдых, бессрочным. Смерть и сознание — два непримиримых врага, ибо смерть есть слепота.

Что доказал Толстой своею повестью «Воскресение»? Нехлюдов — виновник смерти сына — только действительным воскресением, а не метафорическим мог исправить зло (смерть сына), им содеянное.

**ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «БИБЛИОТЕКИ И
МУЗЕЙНО-БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

* * *

Автору статьи «Московских Ведомостей» «по вопросу о книжном обмене между Москвою и Парижем» кажется, что дело об этом обмене начато не с того конца, с какого следовало¹. Но если бы он мог видеть прием, какой встретила его статья у тех, от которых должно бы ожидать почина (особенно у будущего библиотекаря, бывшего чиновника Управы Благодочиния²), то, может быть, изменил бы свое мнение. Не следует ли ожидать, что и при дальнейшем следовании по указанному статьею «Московских Ведомостей» пути обмен не встретит таких же доброжелателей, как вышеупомянутый чиновник, как М[пропуск], которого имя может превратиться из собственного в нарицательное, быть чем-нибудь вроде Музейского Иуды³. Во всяком случае мысль об обмене не была замечена теми, на кого возлагают свои надежды «Московские Ведомости», ни даже самую редакцию «Московских Ведомостей», хотя прошло уже полгода от первого заявления в печати об обмене⁴. «Московские Ведомости» вместе с «Московским Листком» в это время заняты были очень важным делом, они употребили все усилия на то, чтобы прославить Соловьева своими порицаниями⁵, т. е. делали то самое, что желал Соловьев, а именно — наделать как можно больше шума, тогда как молчание было бы для него убийственно. — Хуже всего, что «Московские Ведомости» не поняли цели обмена и сузили его до отношения двух библиотек между собою на место возможно большего сближения двух народов. Сближение должно быть главною целью. Даже ограничение с нашей стороны требования от Франции одних научных изданий имеет целью также сближение. (Предполагалось, что мы будем отправлять во Францию все у нас печатающееся, а сами будем получать только научные издания⁶.) Ставя сближение главною целью обмена, мы этим самым возвышаем библиотеки, значение которых совершенно ничтожно в настоящее время. Как должен происходить обмен? Должен ли Румянцевский Музей получать научные издания чрез посредство Национальной Библиотеки (как, недолго думая, решили «Московские Ведомости»), или же непосредственно от ученых обществ, от всех ученых, т. е. из тех же самых источников, откуда получает и Национальная Библиотека, — это еще вопрос, требующий обсуждения, причем нужно иметь в виду, что и самые сношения имеют значение очень большое. — «Московские Ведомости» предлагают самому русскому правительству выйти с предложением о бесплатном обмене. Но наше правительство, согласно с общепринятым мнением, должно считать подобное предложение унижительным для себя, как бы сознанием в своей несостоятельности. Нравственное значение обмена, при нео-

фициальном ходе дела, (сближение) превратилось бы в несвойственную официальному движению сантиментальность.

«По существу оно (предложение обмена) не выполнимо без соответственных правительственных распоряжений»⁷. Да, но по почину не России, а Франции, для которой такое предложение будет великодушием, а с нашей стороны — выпрашиванием. По укоренившемуся о французах мнению, как о народе великодушном, можно было надеяться, что Франция сделает предложение об обмене; но такое ожидание не оправдалось: ни одной журнальной статьи, ни одного запроса в Палате по этому вопросу не было сделано⁸.

ОРГАНЫ ГЛАСНОСТИ, КОНЕЧНО, НЕ ДОЛЖНЫ САМИ БОЯТЬСЯ ГЛАСНОСТИ⁹

Если всякая газета, редакция <газеты>, обязана по закону доставлять известное число экземпляров в национальные книгохранилища, то по нравственной обязанности должно представлять в местную общественную, открытую для всех библиотеку экземпляр <всякого издания> — полный, без дефектов, в прочном переплете. Но этим не ограничивается обязанность редакции по отношению к обществу. Как орган гласности, она и сама не должна бояться гласности. Редакция должна дать возможность каждому желающему сделать оценку деятельности газеты за все время ее существования. Для этой цели и служат указатели статей, помещенных в газете. Благодаря указателю статьи не пропадают бесследно, имеют уже не эфемерное лишь значение, сближаемые же с подобными явлениями других годов, [смогут] давать выводы, не лишённые значения.

Газета заключает в себе Историю местную, как общественную, так и естественную.

* * *

Статью «Дона» № 122 1896 года следовало бы называть «*Призывом к Поминованию*»¹⁰ или, полнее, Призывом к поминованию-исследованию для восстановления жизни, как началу воскрешения. Но призыв к поминованию в Музее должен бы сопровождаться призывом к повсеместному *построению мест поминования*, т. е. школ-храмов с библиотеками-музеями. (Что и было сделано в Предисловии к статье «О строении обыденной церкви в Вологде» и в статьях «Науки и Жизни» «О метеорологической обсерватории» и др. учреждений¹¹.)

Если бы призыв к поминованию укрепился в «Русских Ведомостях»¹², то этим было бы положено начало обращения журналистики в орудие призыва и к построению мест поминования, т. е. к обращению всех в познающих, и газета, призывавшая к поминованию, из органа Университета делалась <бы> органом-орудием Музея. Конечно, суеверие редакции не давало возможности осуществиться этому делу.

Призыв к поминованию-восстановлению, сопровождаемый приглашением к повсеместному построению школ-Музеев при храмах, Пресвятой Троице,

т. е. образцу собирания, посвященных, требует радикального изменения самой журналистики, которая в настоящее время есть призыв не к восстановлению прошедшего, а к вытеснению его, к наслаждению настоящим.

Сделавшись органом призыва к поминовению как началу Воскрешения, Журналистика должна отказаться от рекламы, т. е. от призыва к наслаждению и к борьбе. Признав долг Воскрешения, нужно отказаться от права наслаждения (с правом наживы) и признать обязанность возможного ограничения.

ЮРИСТУ И ЭКОНОМИСТУ БРАВЕ, КАК АВТОРУ ИСТОРИИ (НЕЧЕСТИВОЙ) МУЗЕЯ¹³

«*Полюбить право*» — это не только нечестивое слово, но и такое, которое заключает в себе вопиющее противоречие. Любить право — невозможно, ибо оно, право, есть отрицание любви. Недостаток любви породил право, закон есть наказание блудным сынам, *несовершеннолетним* <за непонимание и отсутствие любви>. Тепло и холод — далеко не так противоположны, как любовь и право. Нечестивость этого выражения, т. е. «*полюбить право*», усугубляется тем, что оно произнесено в Музее, хотя и без желания оскорбить учреждение, которому Вы делаете великое благодеяние, давая ему Историю, делаясь его Историографом, и особенно открывая ему то, чем он должен быть. А он должен быть именно неюридическим, ничего в себе принудительного не заключать, а быть выражением, более и более полным, добровольности на место принудительности, супралегальности на место законности.

Юристы с окаменелыми понятиями говорят, что принудительность есть болезнь права, но эта болезнь тогда только будет излечена, когда вновь любовь заменит право, т. е. право есть патология, болезнь, а любовь — терапия. Закон потому и нужен, что человек для человека есть *lupus*¹⁴. Закон — цепь: <как> полюбить тюрьму? полюбить цепи?

Отсутствие юридического есть, можно сказать, в Музее факт: никаких принудительных мер до сих пор не было употреблено ни при Дашкове, ни при Веневитинове, ни при Корше, ни [при] Стороженке¹⁵.

Добровольность же и супралегальность еще не факт, но и не идеал, который никогда не будет достигнут, а проект, который и осуществится, когда Музей получит значение *всенародного*, т. е. более чем *земского*, чем желал его сделать Кошелев¹⁶, и значения священного, чем, по-видимому, хотел его сделать г. С. С., который предлагал построить в один день совокупными силами, т. е. многоединством, церковь Троице-Идиному Богу при Музейском храме двух великих чтителей Пр. Троицы как образца единокровия и согласия (Святителя и чудотворца Николая и преподобного Сергия)¹⁷. Из предисловия к «Сказанию о построении обиденного храма в Вологде» видно, что Храм при Музее предполагалось, вероятно, сделать воскресною Школою-Храмом, что служило бы выражением примирения духовного и светского, Веры и Знания. «Воскресная Школа-Храм» имела целью обратить воскресный досуг в дело, воскресенье, ставшее <(по искажению)> субботой, *в труд объединения всех сынов для дела отеческого*. Этот воскресный храм-школа, в котором все де-

лалось бы добровольно, вышезаконно (супралегально), который открывал бы всякому, и духовному и светскому, возможность хотя на один день освободиться от ига закона юридического и экономического, т. е. потрудиться безвозмездно Службою ли Церковною, имеющею глубоко образовательное значение, или учебною. Такой храм при всенаучном и всехудожественном Музее достоин был бы сделаться образцом для всех храмов-школ и даже <мог бы> вызвать их построение повсюду, так же как и Музей при таком храме достоин был стать — образцом для Школ-Музеев, также повсеместных.

**ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «СТАТЬИ О
РАЗОРУЖЕНИИ И УМИРОТВОРЕНИИ»**

Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон

МЕТЕОРИЧЕСКИЙ ПОГРОМ И РЕГУЛЯЦИЯ¹
(О великой будущности войска)

В № 280-м «Русских Ведомостей» в корреспонденции из Одессы было напечатано, что в заседании Одесского Технического Общества член его г. Старков сделал сообщение «*об опытах вызывания искусственного дождя в Америке*», после которого последовали прения «*нессимистического*» характера о целесообразности помянутого средства против засухи². Но таким отношением к делу избавления от голода техники сами себя осудили, засвидетельствовав, что нет средств победить их равнодушие, если и при настоящих обстоятельствах у них достало духу ограничиться одною словесною критикою целесообразности американского способа избавления от засухи, поразившей голодом большую и главнейшую часть Русской земли. Если бы техники хоть немного тронулись общим бедствием, то они, убедившись, и не только одними рассуждениями, которые так часто бывают опровергнуты фактами^{*}, но даже самыми опытами, в нецелесообразности американского способа^{**}, попытались бы заменить его другим, — соответствующим цели, потому что если найден уже хоть какой-нибудь способ производить дождь, то отыскание надлежащего способа, способа, соответствующего цели, — дело доброй воли и усердия тех, в руках коих ключ к разумению; а они вместо того и сами не входят, и хотящих войти не допускают (Матф. 23, 13)... Наше настоящее положение таково, какого не было еще от начала Русской истории, — ни татарский погром, который прошел лишь полосой, подобно градовой туче, ни ляхоление не могут идти в сравнение с нынешним воздушным, или климатическим погромом; знойные ветры пустынной Азии, пожирая всякий злак, произвели более опустошения, чем орды, которые та же Азия высылала на нас; а влажные ветры Запада опустошили Крым, разорили Кавказскую дорогу, не дали как должно собрать урожай на северо-западе... Океан и пустыня, эти две слепые силы, вступили в союз против нас, но не могли победить нашего равнодушия, косности, хотя Господь, разнудав эти силы, вместе с тем указал и на средство... Бедствия, происходящие от слепой силы, вынуждают нас то самое оружие, которое назначалось против себе подобных, обратить против этой бесчувственной, неразумной си-

^{*} Стоит припомнить хотя бы аэролиты, так долго и упорно отвергавшиеся учеными.

^{**} Под *нецелесообразностью* разумеют *количественное несоответствие* средства с громадною силою метеорического процесса.

лы, приглашают нас — разумные силы — к общему действию. Но разумные силы оказываются бесчувственной самой стихийной силы. Слепая сила, поражающая нас бедствиями, как бы напрашивается, навязывается, требует под страхом истребления руководства ею; а ученое сословие остается глухо и слепо к этим вызываниям и продолжает ковать оружие для истребления себе подобных из-за мануфактурных игрушек. Не потому ли и ученые техники отнеслись так безучастно к опыту произведения дождя, что для них, привыкших к игрушечным экспериментам, недоступно, непонятно величие этого опыта; может быть, они иначе бы взглянули на дело, если бы орудия или снаряды, употреблявшиеся при опыте, предназначались для поливания улиц, а не полей, если бы они назначались не для спасения от голода, а для увеличения комфорта. Даже духовенство, и то не хочет заметить в этом совпадении американского опыта с нашими неурожами указания свыше, и не предполагает, что этот опыт может получить истинно-христианское назначение, ибо он может сделать войско, называемое ныне христоролюбивым, потому, надо полагать, что оно служит защитой слабых, угнетенных от сильных, притеснителей (борьба за правду), христоролюбивым в совершеннейшей степени, потому что при этом войско становится орудием защиты не некоторых только или даже многих, а решительно всех. Обращаемся и к тем, которые считают войско христоненавистным учреждением и думают бранью уничтожить войну, обращаемся и к ним с вопросом: что лучше, не воевать только и бросить оружие или же употребить его на спасение от неурожаев, от метеорических погромов, подобных нынешнему?!..³ Ни одно учреждение человеческое не имеет такой великой будущности, как войско.

Нельзя не заметить, однако, что название дождя, вызываемого сознательным действием человека, *искусственным* указывает на какое-то насилие, на нарушение порядка; а между тем производимые в Америке опыты, будучи до сих пор искусственными, должны бы сделаться исходным пунктом для введения регуляции, т. е. внесения порядка в беспорядок, гармонии в слепой хаос; если, конечно, смотреть на эти опыты не как на частное дело отдельных фермеров, а как на общее, точнее, всеобщее дело, естественное и нравственно и физически, ибо нет ничего неестественнее подчинения слепой силе. Знание во всех своих отраслях становится естественною наукою, так, есть естественная история языка, общества, естественная история умов, религий, а действие все еще остается искусственным даже тогда, когда человек действует в природе; регуляция атмосферных явлений есть попытка естественного действия, действия общего, замена слепого процесса сознательным. [Это станет] началом перехода от земной, искусственной технологии к небесной, естественной.

Что касается того именно способа вызывания дождя, который ныне производится, то вместо рассуждений только *за* и *против* него, он, как основанный на данных, собранных на полях сражений⁴, легко может быть испытан, и притом без всяких денежных трат на эти испытания; стоит лишь вменить артиллерийским командам в обязанность ввести метеорические наблюдения пред стрельбою, во время стрельбы и после нее, т. е. стоит лишь обратиться артиллерию в средство исследования, а артиллеристов в исследователей влияния взрывчатых веществ на атмосферные явления, — что ни в каком случае не

уменьшит боевой силы артиллерии в случае крайности. То же самое может быть применимо, конечно, и ко всем войскам, конным и пешим, вооруженным огненным боем. Только этим путем возможно будет разрешить, какое именно действие производит артиллерийский огонь, — как и вообще стрельба, — разгоняет ли она облака или же производит дождь; не действует ли она в разных случаях различно и не может ли это различие быть объяснено — количеством выпущенных снарядов, состоянием среды и всеми местными условиями, и если бы это оказалось возможным, в таком случае стрельба дала бы точный опыт, определенный числом, мерою.

В этом обращении военного дела, военной работы, в исследование, в изучение природы выразится новое назначение войска, а вместе и начало превращения или перехода от неестественной (в нравственном или родственном отношении) борьбы с себе подобными к естественному, разумному действию на слепые неразумные силы природы, поражающие нас засухами, наводнениями, землетрясениями и другими всякого рода бедствиями. Если же огненный бой, т. е. артиллерийский или ручной огонь, окажется недостаточно сильным, чтобы произвести разрежение воздуха, или уменьшение давления, то можно присоединить к нему способ известного Каразина*, заключающийся в поднятии громоотвода в верхние слои атмосферы на привязанном воздушном шаре; и это не потребует никаких особых трат, если опыты с этим орудием будут вменены войску в обязанность, ибо воздушный шар, если еще не вполне сделался, то делается уже военным орудием.

Если военная интеллигенция оказалась бы чувствительною к настоящему народному бедствию, поразившему неурожаем большую часть России, она могла бы и предупредить правительственное распоряжение, обратившись по собственному побуждению в исследователей природы в вышеозначенных областях ее, вполне доступных военным людям, и этим сама военная интеллигенция положила бы начало обращению войска в христололюбивое в совершеннейшей степени, указала бы на истинно братский исход накопившимся громадным силам (взрыв которых грозит миру небывалым еще потрясением) и всяким горючим веществам, вместо того исхода, для которого все это приготовлено, вместо войны, о которой опять уже начинают говорить. Не обратит ли, однако, внимание на указываемое здесь великое значение войска по крайней мере страх войны, так как голод совсем непонятен для интеллигенции, война же, от которой не избавлены ни техники, ни кассиры, ни фельетонисты и т. п. герои нашего времени, вероятно, будет понятнее для них, и в избавлении от нее сентиментальность, надо полагать, не усмотрят, несмотря на всю мелочность и пошлость, составляющую отличительную черту нашего позитивно-мануфактурного века. Только не родился еще Гоголь для обличения пошлости европейского и особенно американского XIX века...

Эта пошлость и скарედность, отсутствие истинного величия отразилось и в американском способе вызывания искусственного дождя⁵.

* Имя Каразина связано с основанием Харьковского Университета.

МЕТЕОРИЧЕСКИЙ ПОГРОМ И НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ⁶

[начало не сохранилось]

...в метеорическом отношении года? И восстановленное хозяйство будет находиться под постоянным гнетом ожидания нового метеорического погрома. Но и забвение не избавит от повторения такого же погрома; а за голодом последует язва, как необходимое следствие ненормального питания... Если Америка дала девять тысяч долларов для избавления от метеорических ударов⁷, то наша интеллигенция не даст на это и девяти копеек, потому что она совершенно неспособна переступить *узкие границы* позитивной рутины, кроме разве гипнотической дури, к которой она очень расположена, благодаря совершенной утрате нравственного смысла. — Метеорические удары еще продолжают: бездождие в Херсонских степях, в Полтавской губернии, препятствующее посеву, ливни на военно-грузинской дороге и потопаы в Испании... Но и это не в силах излечить нашу интеллигенцию от «*болезни пространства*».

Удовлетвориться пожертвованием для голодающих, как бы ни были велики эти жертвы, более чем нелепо, ибо нужно помнить, что чрез какое бы учреждение ни доставлялись эти жертвования, чрез красный, черный, огненный крест, всякое учреждение, чрез которое будут проходить большие суммы денег, тотчас обратится в Когана и Компанию, т. е. будет наполнено жидами и жидообразными людьми.

Ограничиться книжным и портретным обменом в деле международного сближения — это значит остановиться на первом шаге, даже не окончить первого шага в деле нравственного сближения. Непосредственный обмен мыслей пишущих, т. е. Съезд по вопросу о неурожае, поразившем Россию, коснувшемся и Франции, по вопросу о неурожаях, происходящих от метеорических погромов, есть необходимое продолжение обменов книжного и других. План всемирной регуляции для предупреждения этих погромов, план регуляции, на которую должны быть употреблены все военные силы, требует объединения всех народов, и прежде всего России и Франции. Вопрос о соединении или союзе их не новый. В Тильзите этот вопрос был бы решен, если бы союз, там заключенный, имел целью не господство над миром⁸, а господство над слепую силою, которое превращает войну в действие разума, знания, на слепую силу.

* * *

Если бы ведомство, заведующее доходами, принимало во внимание и причины войн, если бы отказалось от покровительства городской промышленности, то ему нужно было бы решить вопрос о ввозе иностранных товаров⁹. Если бы оно прибегло к *запретительному тарифу*, то вызвало бы контрабанду, а уничтожив его, допустило бы привоз городских товаров, за которые расплачивались бы земледельческими продуктами, и соблазны собственного производства заменило бы соблазнами иностранной работы. Очевидно, что с этой стороны вопрос о причинах войн и устранение их есть дело международное, вопрос вселенского собора. Вообще вселенский собор составляет необходи-

мость для устранения противоречий между сельскою воинскою повинностью, или защитою от слепых, нечувствующих сил, и городскою, требующею войны между людьми. Городская воинская повинность находится в полном противоречии с самим городом, с промышленностью, с распределением путей сообщения. Действительно всеобщею воинская повинность может быть в защите чувствующих, способных к страданию существ от бесчувственной силы природы. Городская военная повинность хотя и называется всеобщею, на деле далека от всеобщности, и не потому, что допускает изъятия, а потому, что гражданское и духовное не только ничего общего с нею не имеют, а даже прямо противоположны ей, и притом гражданское более противоположно, чем духовное. Промышленность, торговля, составляя главную причину войн, признают для своего благосостояния необходимым наибольшее ограничение военной повинности, потому что в их усилении находятся и средства для ведения войн. Но в средствах этих не было бы нужды, если бы не было войн, которые они же, городская промышленность и торговля, и возбуждают, которые для блага городской промышленности и торговли и ведутся. Наука и искусство, находясь в зависимости от промышленности и торговли, относятся большею частью враждебно к военной повинности. Но стоило бы только военной повинности быть не уже в теории, чем она на практике (войска призываются на помощь во время пожаров, наводнений и других народных бедствий), а шире, и тогда она могла бы примириться с религиею, наукою и искусством; могла бы она примириться и с промышленностью, если бы сия последняя ограничила свои притязания зимним промыслом в селах. Тогда военная повинность примирилась бы и с наукою и искусством, также воинственными, и вместе с ними трудилась бы к устранению войн, так как войска наиболее заинтересованы в этом устранении.

Много говорено было о войске, содержанием за счет питейного сбора; но если пьянство есть необходимая принадлежность промышленных городов, если оно развивается пропорционально с промышленностью, то и покровительство промышленности есть покровительство кабакам, доходы от фабричной промышленности суть доходы от источников производства пьянства.

К КОНЦУ 2-Й СТАТЬИ О РАЗОРУЖЕНИИ¹⁰

Из сказанного в предыдущем письме¹¹ можно составить Символ веры, веры в смысле действия или осуществления цели, указываемой в Циркуляре 12 августа. Проект обращения войска в естествоиспытательную силу, с сохранением и прежнего его назначения, новое употребление оружия для вызывания дождя, как начало регуляции метеорического процесса, замена разоружения разряджением грозовой силы и употребление этой силы для освобождения от ига капитализма без всякого насилия, для замещения, даже без борьбы, фабричной промышленности кустарною, — во всем этом выражается переход от Птоломеевского мировоззрения к Коперниканскому, уже не воззрению, а действию, переход от разрушительной борьбы к оживлению, к воссозданию, к воскрешению. Отсю-

* А фабричная промышленность и торговля — главные источники войны.

да понятны такие протесты, как Амвросия Харьковского, запрещение делать опыты вызывания дождя в Трансваальской республике¹² и т. п. Амвросий, сам того не сознавая, предлагал профессорам Харьковского Университета отказаться даже от Коперниканского воззрения, которое лежит, однако, в основе всей науки вообще и естествознания в особенности. А между тем не только христианство, а даже еврейство запрещает поклоняться небесным телам, а христианство говорит и земле о новом небе, не признавая в старом совершенства. Для этого исповедания этой веры дела нужно сказать, что Птоломеевское мировоззрение было, особенно в его первоначальном виде, Патрофикацией, перенесением душ отцов на небесные тела, т. е. оно было мнимым воскрешением, тогда как Коперниканское действие есть само воскрешение возвратившимися к праху отцов бывшими горожанами для обращения всех бездушных миров вселенной в управляемые разумом воскрешенных поколений.

Нужно еще прибавить, что так называемое хождение в народ, интеллигентные деревни, вся толстовщина есть лишь искажение того инстинктивного стремления к возвращению к праху отцов, Landhunger¹³, которое правительство возьмет в свои руки, когда начнет обращение войска в естествоиспытательную силу, когда соединит всеобщее обязательное образование с всеобщее обязательной воинской повинностью. Безобразие переходной эпохи от Птоломеевского к Коперниканскому находит свое полное выражение во всемирной выставке, которая употребит все средства, чтобы придать себе блеск истинно бессмертного. Музей с вышкой, как необходимое условие, собирая все разрушенное, устаревшее, показывает изнанку, истину выставки, а на вышке обращает взор от земли к небу новому, коперниканскому.

Войны *из-за Идей* (истинно или мнимо) стали открыто войнами *из-за наживы*, открыто *торговыми*. И войско, как наука и искусство, стало на службу купцов. Тем более требуется облагорожение войска обращением в естествоиспытательную силу, как средство оживления.

* * *

В воспоминаниях Жерве рассказывается о походе кондукторской роты во время грозы. «Пошел сильный дождь, разразилась гроза, на штыках засверкала молния... Нас остановили, приказали отомкнуть штыки, воткнуть их в землю»¹⁴. Такие случаи, конечно, очень нередки. Следовательно, указаний на мирное назначение оружия было немало. Острые штыки, сабли, поднятые на высоту, и будут громоотводами.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ДОН»¹⁵

Милостивый Государь
г. Редактор!

Принося Вам мою глубокую благодарность за помещение в № 225-м «Дона» заметки «Торгово-Промышленной Газеты» с благоприятным отзывом о статье «Разоружение»¹⁶, помещенной в № 8129-м газеты «Новое Время» от

14 октября настоящего года, я нахожу, что справедливость, как бы это нам неприятно ни было, требует (и мы Вас просим об этом) — напечатать на страницах «Дона» и другую явно враждебную, попросту даже бранную заметку, помещенную в № 226-м «Саратовского Дневника», от 21 октября, под названием «„Новое Время” и Кант». Дело спасения всех от общих всем бедствий, к которому призывает статья «Разоружение», казалось бы, есть общее всех дело, для всех одинаково близкое и дорогое, потому-то в высшей степени и горько и тяжело, а главное, совершенно непонятно, каким образом призыв к такому делу можно ставить предметом личных неудовольствий и даже брани. Указания на ошибки, на всякого рода недостатки, даже самое признание спасения невозможным, вызванное не враждою, а трудностью дела, — все это не только понятно, но и желательно, ради успешности дела, но как можно не только не желать общего спасения, но даже браниться на тех, кто этого желает?!..

Узнав, что в «Саратовском Дневнике», по поводу статьи «Разоружение», помещена заметка под заглавием «„Новое Время” и Кант», и не читая еще самой заметки, мы вообразили, — да иначе и понять это было нельзя, — что в заметке делается сравнение между Кантом и «Новым Временем» и не в пользу, конечно, последнего, а потому и написали следующее: «Если в статье «„Новое Время” и Кант» под новым временем разумеется очень известная, первая, должно сказать, в России газета, то совсем непонятно, почему газете и ее редакции, напечатавшей статью «Разоружение», и притом с оговоркою, может ставиться в укор то, в чем виновен только автор статьи?! Сделав оговорку, редакция снимала с себя всякую ответственность не только за всякие частности статьи — за что она не может быть ответственна, даже и не делая оговорки, — но и за общую мысль. Если же ставить газете в вину всякую статью, в ней напечатанную, всякую частную мысль, в статье заключающуюся, то это значит ставить газету и обращающихся к ней с своими статьями в совершенно невозможные отношения, это значило бы в каждой редакции создавать особую цензуру, и притом более тяжелую, чем общая цензура, руководствующаяся не личными взглядами, а общими правилами.

Если же под новым временем разумеется действительно новое, т. е. не нынешнее и не старое, а будущее, то, конечно, оно будет — и желательно, чтобы было, — не «кантовское» и не «конттовское»; когда же будет исполнено все, что требуется статьею, то философия Канта, теоретическая, как и практическая, не говоря уже о «Конте», потеряли бы, несомненно, всякое значение, и «Кант» первый бы этому порадовался. Нужно только дать заметке «Саратовского Дневника» заглавие, согласное со смыслом статьи «Разоружение», чтобы все против этой статьи возражения исчезли сами собою, истинное же заглавие означенной заметки будет — не «„Новое Время” и Кант», а «Объединенный опыт всего рода человеческого и Кант, или Кантовы критики (чистого разума, разума практического, критика суждения, религии в пределах чистого разума и проч.)». Пусть род человеческий никогда не достигнет такого состояния, чтобы действовать как один человек, т. е. сын человеческий, как один ученый, один художник, — никогда не достигнет того, чтобы рождение, слепая эволюция заменилась воссозданием, т. е. если статья «Разоружение» есть утопия, то и в

таком случае эту статью должно отнести к особому виду произведений, получивших в настоящее время право гражданства, — к романам или вообще литературе будущего и т. п., и сравнение этой статьи с подобного рода произведениями, не имеющими в виду ничего, кроме комфорта, хотя бы и для всех, напр<имер> Беллами¹⁷, едва ли будет для них выгодно. Неужели же, в самом деле, цель: всех сделать не познающими только, но и обращающими слепую силу природы в орудие любви всех живущих ко всем умершим, — может быть ниже цели: всех наделить комфортом?!..

При таком же всеобъемлющем опыте, или деле, как это говорится в статье «Разоружение», т. е. когда все явления будут действиями человеческого рода, тогда то, что по кантовской терминологии называется вещью в себе, будет объединенною волею людей, или сынов человеческих, но не в смысле похоти (желание) или отречения от нее (аскетизм) — как это у другого философа, — а в смысле управления во исполнение божественной заповеди слепою силою природы, зависимость от которой мы сознаем теперь в себе и вне себя...»

Это мы писали в то время, когда знали только заглавие заметки в «Саратовском Дневнике», и прочитав лишь самую заметку, поняли, до чего ошибались, рассчитывая на нечто серьезное. Оказалось, что войска всего мира, в которые при всеобщей воинской повинности обращаются целые народы, в заметке заменяются одним русским войском и это войско приспособляется будто бы самым искусственным, конечно, образом к служению науке, т. е. только знанию, и притом исследованием одного лишь вопроса — «могут ли быть вызываемы дожди действием взрывчатых веществ». А между тем в статье «Разоружение» говорится об обращении войск всего мира не к служению науке, а к делу спасения от голода и общих всем бедствий, для чего требуется всеобщий опыт; и это не искусственное какое-либо приспособление, а есть результат действия всеобщей исторического закона, по которому все бессознательное и даровое обращается в сознательное и трудовое, так и войска, действуя до сих пор бессознательно*, должны обратиться к исследованию того, что производит их деятельность¹⁸, а такое исследование и приведет к раскрытию того, как действуют не только взрывчатые вещества на атмосферные явления, но и вообще все, что ныне употребляется для войны. А так как в настоящее время нет ничего, что не употреблялось бы для войны, в войска же обращаются, как сказано, целые народы, то обращение войск к вышеозначенным исследованиям и сделает опыт всеобщим и повсеместным.

При том искажении статьи «Разоружение», которое сделано в заметке «Саратовского Дневника», Конт, конечно, будет не при чем.

Вот эта удивительная заметка, в которой заглавие не соответствует содержанию, а коротенькое изложение — а вернее, искажение — опровергается выпискою из излагаемой статьи, сделанною самим же составителем заметки, и все это заключается плоскою, не идущею к делу острою.

* т. е. не зная, какое действие канонады земные производят на грозы атмосферные.

«Новое Время» и Кант

«„Новое Время” нашло возможным приспособить русские войска, вместо служения Марсу, на служение науке и сельско-хозяйственной технике: военным частям предлагается исследовать вопрос о том, „могут ли быть вызываемы дожди действием взрывчатых веществ”. От такого оборота дела „Новому Времени” снятся радужные и вместе с тем очень нелепые сны:

„Когда военное дело обратится в исследование, то при всеобщей воинской повинности, обращающей в войска целые народы, опыт получит всеобщность, сделается повсеместным, будет производиться по одному плану, приобретет единство и, таким образом, индукция будет равна дедукции. Когда же войска от исследования перейдут к делу, к делу общему, можно сказать — всеземному, т. е. когда урожай будет находиться в зависимости от всемирного регулирования, тогда станут невозможными не только войны внешние, международные, но и внутренние, как открытые, так и подпольные, немислимы будут ни тирания, ни восстания. При опыте, доведенном до всеобщности, повсеместности и полного единства, критика чистого, теоретического разума, критика практического разума и всякие другие критики потеряют признаваемое за ними в настоящее время значение. Царь философов Кант, а также и Конт, будут развенчаны, и Россия освободится от чуждого влияния...”

Причем тут Кант и Конт? Поневоле вспоминается старая игра словами какого-то юнкера, говорившего, что он носит Канта (кант) на своем воротнике...»

Дух критики нашего времени, возведенный еще Кантом в философию, т. е. приведенный в сознание, получивший обоснование, осмысленный, — автором заметки низведен до бессмысленной брани, т. е. немотивированного, необоснованного осуждения. Автор заметки должен быть причислен, очевидно, к тем, для которых — по прекрасному выражению Гегеля — хула есть начало премудрости.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готового к вашим, Милостивый государь, услугам.

Н.

14 ноября 1898 г.

Воронеж

[Ниже приписка Н. Ф. Федорова:]

Имеет ли право провинциальная цензура не пропускать допущенное столичную цензурою? Очень может быть, что и имеет.

**БЕСЕДА В ХРАМЕ КАДЕТСКОГО КОРПУСА ПО ПОВОДУ
ЦИРКУЛЯРА 12-го АВГУСТА О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА НА ТЕКСТ
«СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ [И] НА ЗЕМЛЕ МИР»¹⁹**

К делу умиротворения, к Истории умиротворения

Слава в вышних Богу и на земле мир.

(Лук. II, 14)²⁰

Ныне день, когда на земле возведен Мир. Праздник Рождества Христова есть торжество начала умиротворения. До этого великого дня или праздника мы и откладывали беседу с Вами об окружном послании от Царя Православного ко всем державам о сокращении вооружений.

Что должны сказать мы, служители храма мира, Вам, приготавливаемым к войне юношам и детям, когда верховная власть призывает, если и не к разоружению, как переделал общий голос циркуляр 12 августа, то к сокращению вооружений, как бы желая сделать ненужными школы, приготавливающие к войне, и даже, в чаянии водворения всеобщего мира, [сделать] ненужным самое звание военное. На это мы, служители мира, не только не можем сказать «*да будет*», аминь, а должны прямо сказать «*да не будет*». Должна и даже может исчезнуть война, но святое звание военное, звание — положить жизнь за своих, за других, за всех, не исчезнет, пока в мире будет смерть, пока будет смертоносная сила, борьбу с которой и будет вести сила военная, давая только иное употребление орудиям разрушения, более и более совершенствуя их. Пятьдесят лет тому назад знаменитый проповедник при освящении храма также в военной школе, в кадетском корпусе, воскликнул: «О Боже мира, где же обещанное Тобою чрез пророка время, когда раскуют мечи на орала и копья на серпы, и не возьмет язык на язык меча (Исайя: II, 4-я)»²¹. Само собою разумеется, что слова эти буквально понимать нельзя, это не значит, чтобы мечи непременно должны быть раскованы на орала, а копья на серпы*. Это только означает, что военные орудия, орудия истребления должны получить иное назначение, должны быть обращены в орудия спасения** от общих всем бедствий, ибо тот же проповедник говорит: «а я хотя не могу отказаться от звания и должности воина... однако ничего не могу сказать об искусстве оружием наносить раны и смерть... Мне указано оружие, — меня учили искусству брани, — которым не отъемлетса жизнь, а сохраняется, или даже дается мертвому»²². Но и военное звание может сказать, что даже и теперь оно призывается не для того, чтобы наносить раны и смерть, а для того, чтобы защищать от ран и смерти других, и, насколько возможно, не нанося при этом ран и смерти. И, конечно, никто бы так не порадовался, как военные, если бы и они были научены давать иное употребление оружию, наносящему раны и смерть, и именно такое употребление,

* Когда это было сказано, тогда не было еще тех орудий, какие ныне есть.

** Великий пророк провидел день Великого пятка, когда орудие истребления, казни обращено в орудие спасения.

при котором сохранялась и даже возвращалась бы жизнь, как это говорит Филарет. И кто может положить границу этому новому употреблению оружия; а к оружию нужно отнести не одно холодное и огнестрельное оружие, но и орудие рекогносцировки, как можно было бы назвать аэростат, употребляемый в войсках. Если же к нему присоединить громоотвод, т. е. орудие разрядки грозовой силы, которая наносит и смерть, поражает болезнью (паралич) и исцеляет от нее и даже возвращает жизнь (задушенным, повешенным), то получим орудие уже не знания лишь, а и воздействия. А если орудие рекогносцировки неприятеля, себе подобного, обратить в орудие рекогносцировки врага общего, врага по нашему лишь, впрочем, неведению, наказывающего нас за это смертью, — то положить предел действию или воздействию этого орудия будет уже совершенно невозможно, при открытии новых газов, таких, которые даже легче водорода, самого легчайшего ныне газа, и которые открывают, следовательно, возможность рекогносцировки, а может быть, и воздействия даже на междупланетные пространства. И вот обещанное чрез пророка будет исполняться; исполнится и то, что было сказано Тем, Кто выше всех пророков, — «дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит»²³. Конечно, не должно забывать, что творить это могут лишь те, которые будут на Лозе²⁴, соединены с Ним и между собою, т. е. это обетование относится к людям не в отдельности, а в полной их совокупности. И в настоящее время войско назначено не для того только, чтобы защищать отечество от внешних лишь врагов и от врагов внутренних, как это думают обыкновенно; ибо куда отнести следующий случай: «В большом губерньском городе...»²⁵

Этот случай не единственный, конечно, — недавно было нечто подобное в Асхабаде; известен также подвиг самоотвержения... вопреки 2-й заповеди.

В статье С. Ч-т-к-ва в № 91-м за 1896 год «Русского Инвалида» делается приглашение к изучению этой стороны деятельности нашей армии²⁶.

Будем же молить Господа о расширении мирной деятельности и сокращении немирной, будем молиться, чтобы Он соделал нас орудиями своей святой воли, орудиями не разрушения, а возвращения жизни.

Здесь бы нужно поместить Молитву об умиротворении.

* * *

Две проповеди конца прошлого века, из коих одна произнесена в день тезоименитства Государя Императора Николая II-го, другая назначена для произнесения в день Рождества Христова в Кадетском корпусе²⁷, доказывают, вопреки принятому мнению, что и в России не везде Циркуляр 12 августа был принят холодно, как это обыкновенно думают. Но не этим только отличаются эти две проповеди, не блещущие красноречием, но они обе преисполнены такой искренней любви к истинно тишайшему Царю, в которой ему, автору проповеди, скрывшему свое имя, нет равного. В этом отношении он совершенно противоположен нашему «Черному пророку»*, называемому Циркуляр неискрен-

* Л. Н. Толстой. Толстого называем черным пророком в чаянии появления белого пророка.

ним (лицемерным) и детским²⁸ и в своей злобе не замечающему, что эти два свойства исключают одно другое. Нужна в наше время большая смелость, чтобы недоверие народа к власти, узаконенное противодействие, или конституцию, назвать делом черным, злым. Под Самодержавием же автор понимает силу, не только вводящую всеобщий мир, но и обращающую все силы людей против слепой силы природы.

* * *

Для многих, быть может, покажется непонятною связь между внешним умиротворением, которое предполагает водворить Циркуляр 12-го августа <1898 г.>, и внутренним, к которому призывает картина-икона, показывая нам Сына Божия с Богом отцов в Его лоне, или недре, как образец для всех сынов человеческих, когда они достигнут меры возраста Христова²⁹. Хотя внешнее умиротворение требует только, чтобы люди не вредили друг другу, а внутреннее требует, чтобы они любили друг друга, первое требует только мира, а второе — союза, т. е. соединения в чувстве, мысли и деле, — тем не менее первое без второго решительно невозможно, а второе лишь очень трудно и имеет своим необходимым следствием первое. Такое соединение — и внутреннее, и вытекающее из него внешнее, — есть не умиротворение, а уже братотворение. Икона-картина, указывая нам Бога отцов в лоне Сына, раскрывает нам наше единство, т. е. братство, требует, чтобы мы сознавали себя в отцах и отцов в себе.

Из всех сословий, кроме крестьянского, сельского, только военное, т. е. призываемое жертвовать жизнью, сохраняет еще сознание родства и признает еще нечто священное, ибо только во имя родства и во имя священного дела понятен призыв к пожертвованию жизнью. Войско остается еще не совершенно секуляризованным. Гражданское является взамен родственного и отрицает религиозное (например, гражданский брак, гражданское погребение). Секуляризованное же войско, т. е. нанимающееся защищать торгово-промышленные товарищества, — причисляя к ним и земледелие, — оно, секуляризованное войско, есть также товарищество, которое, пользуясь опасностями, грозящими государству, может требовать высшей платы.

Циркуляру <12 августа 1898 г.>, по-видимому, намеренно придан совершенно светский характер, так как он обращается не только к инославным, но и <к> иноверным народам. Не странное ли, однако, явление: религия мира игнорируется и призываются на конференцию исповедующие религию войны?! Но как невозможно истинное примирение инославных и иноверных без отрицания войны, так невозможно и действительное примирение без признания родства, без признания общего происхождения, без признания Бога всех отцов, не Бога лишь Авраама и Исаака и Бога Авраама и Измаила, а Бога Адама, <примирение невозможно> без признания братотворения для отцетворения. Если бы Циркуляр выразил надежду хотя бы на отдаленное соединение, то он вызвал бы насмешку в том слое общества, к которому обращался. Циркуляр не рассчитывает, не считает нужным <рассчитывать> на сочувствие народов для успешности дела. Такому всех касающемуся делу дан чисто дипломатический характер. Чтобы

достигнуть умиротворения, нужно призвать и духовенство, и ученых, <нужно> призвать и народ, словом, нужны все: Религия, Наука, Искусство, военное и гражданское сословие. Умиротворение может даже оживить проповедь, как разъяснение того, почему дело конференции, понятое надлежащим образом, касается всех. Умиротворение безгранично расширяет науку и может дать новый полет поэзии и всем искусствам. В таком смысле Конференция может считаться не эпохой новою, а *новою эрою* или самым высоким подъемом мысли и чувства.

* * *

Нынешний 1901 <г.> очень сходен с 1891 г., в который по поводу сближения России с Францией появился проект Книжного обмена, в который же метеорический погром и американский опыт с взрывчатыми веществами вызвал проект обращения орудий истребления в орудия спасения от голода. В нынешний год повторился метеорический погром и в то же время появился проект *Станоевича* («Новое Время», № 9140, 15 августа 1901 г.)³⁰. По этому проекту предлагается заменить вибрации, производимые стрельбою из мортир, вибрациями, производимыми сильным электрическим колокольчиком или сиреною низкого или высокого тона, поднятыми на аэростате или прикрепленными к воздушному змею, следовательно, производящими вибрации в самой туче, в самом месте образования града. «Наши южные метеорологические обсерватории и *военные воздушные парки могли бы произвести такие опыты без излишних затрат и без ущерба для своих прямых занятий*», — говорит В. Р-ков в «Новом Времени» в этой же статье («Борьба с градом», № 9140)³¹. Но это не все.

«Таким образом, — продолжает он, — старинная народная вера в могучую силу колокольного звона оправдывается наукою, а раньше была санкционирована религиею и в чине благословения кампана говорится: „О еже гласом звенения его (колокола) утолитися, утишитися и *престати* всем *ветрам зельным*, бурям, громам, молониям и всем вредным безведриям и злорастворенным воздухам”». Известно, какое громадное значение имеют волны света, тепла, электричества. «Н. Тесла³² изобрел *осцилятор*, передающий на расстояние без проводов *электрическую энергию посредством настроенных в унисон камертонов*. Вибрации воздуха при колокольном звоне несомненно должны оказать влияние на электричество туч». Влияние же это зависит от высоты колокольного тона. «Быть может, при различных тонах будут получаться различные эффекты, так как степень тона определяется количеством вибраций звучащего тела в секунду. *Быть может, изменяя тон, будем иметь возможность то рассеивать градовые тучи, то предупредить ливень, то — наоборот — вызывать дождь в засуху...*» Над этим, мало сказать, как говорит автор, «стоит подумать и поработать», для этого стоило обратить все войско в естествоиспытательную силу, т. е. весь народ. При глубочайшем же изучении соотношения между звуковыми вибрациями и всякого рода другими волнениями во всех телах неорганических и органических, во всех фазах их сложения и разложения, фраза: «*vivos voco, mortuos plango, fulgura frango*»³³, — получит широчайшее значение. Созываю живых для совокупного отпевания мертвых, чтобы посредством звуковых вибраций, производящих всякого рода волнения, вызвать сложение разложенных тел и их оживление.

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ РЕДАКЦИИ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»,
принятие которого могло бы дать ей очень определенное
направление, но ничем ее не связывающее³⁴**

(Десятилетие между двумя голодовками от засухи 1891–1901.) Два проекта вызывания дождя: Проект Каразина (Американский) и проект Станоевича (который можно назвать Славянским).

Две статьи, вызванные этими проектами в «Новом Времени». В статье 14 октября 1898 «Разоружение. Как обратить...», говоря об обращении войска в естествоиспытательную силу, прибавляется: «Если бы огненный бой, т. е. артиллерийский и ручной огонь...» и т. д. «Опыты с этим орудием (Каразинский громоотвод на аэростате) не потребуют никаких особых трат... ибо *воздушный шар*, если и не вполне еще сделан, то уже *делается военным орудием*».

Другая статья «Нового Времени» нынешнего года, хотя носит название «Борьба с градом», однако об аппарате Станоевича говорит, что «мы будем иметь возможность... то *предупредить ливень*, то, наоборот, *вызывать дождь в засуху*».

Точно так же автор этой статьи В. Р-ков прибавляет, что «...*военные воздушные парки могли бы произвести такие опыты без излишних затрат и без ущерба для своих прямых занятий*». Автор этой второй статьи, очевидно, не знал о существовании первой, хотя напечатанной в той же газете. Мы не знаем, заметила ли сама редакция, что она уже дважды указывала на то средство, которое может заменить невозможное разоружение и привести к невозможности войны.

Редакция «Нового Времени» всегда держалась, сколько мы знаем, убеждения, что война не волевое явление, что никакими уговариваниями, как бы они ни были сильны, войны уничтожить нельзя. Если же редакция усвоит мысль, выраженную в вышеприведенных статьях, т. е. замену разоружения обращением войска в естествоиспытательную силу, спасающую от голода, а также попытку спасения от эпидемий истреблением патогенных бактерий, тогда редакция может пропагандировать соединение со всеобщей воинскою повинностью всеобщего обязательного образования, и даже не считать злом введение всеобщей воинской повинности повсюду с сказанным приложением*. В Вашей же газете было сообщено, что Австралия, или Австралийские штаты, желают введения воинской повинности, и Аргентина, которая может считаться Южно-Американскими Штатами, уже, говорят, ввела обязательную воинскую повинность. А самое важное — Редакция может настаивать на созвании не в очень дальнем времени новой Конференции мира, которая создала бы у всех народов *Школу-Лагерь***, безусловно национальную для всех народов, как

* При всеобщезобязательной воинской повинности, соединенной со всеобщезобязательным образованием, — всякое сельское кладбище обращается в *Школу-Кремль*, в Эдема место, бес-
смертного жилища, стоящий, *которое и дает ему цель*.

** *Школа-лагерь* не для физического лишь воспитания, но и внегородского естествоиспытания. Школа-лагерь, обращаясь в Школу-Кремль, не только соединяет и Храм и Музей, но из Крепости, защищающей кладбище — прах умерших, — должна обратиться в оживляющую прах, т. е. во внехрамовое и внемозейское дело.

Школу-Музей и Школу-Храм, в коих образование соединено было бы с распространением познания. См.: О Национальной школе сто лет тому назад и чем она должна быть столетие вперед³⁵.

РЕГУЛЯЦИЯ — ВЫРАЖЕНИЕ РЕГУЛЯТИВНЫХ ИДЕЙ В ОБЩЕМ ДЕЛЕ³⁶

Из права на ложь и права на рознь вытекает обязанность объединения в деле исследования и регуляции. Разоружение, или обращение орудий истребления в орудия спасения, есть часть проекта примирения *в мысли и деле*, примирения или обращения *полемики в совещание*, языка как орудия спора, также, следовательно, орудия истребления, — в орудие объединения.

«Разоружение», при всеобщезаставительной воинской повинности у всех народов, будет означать обращение всех народов чрез всеобщее же обязательное образование *в естествоиспытательную силу*, или обращение слепой силы природы в управляемую разумом всех разумных существ. При этом уничтожается разделение на два разума и на два сословия (ученое и неученое), приводящее к двум невежествам*, и предмет знания разума теоретического становится предметом дела разума практического**. Когда *все* станут познающими, а чрез познание — регулирующими силою земли, тогда апостериорное знание, достигнув всеобщности, будет равно априорному знанию. Такое знание будет уже не городское, а сельское. Для войска города уже и в настоящее время служат лишь зимними квартирами, а настоящее поприще действия есть *поле*, когда же войско будет обращено в естествоиспытательную силу, в борьбу с природою, тогда действие войска не будет ограничиваться летним лишь временем, будут и зимние кампании, конечно, для того, чтобы зимы сделать нормальными.

Если под городом будем разуметь место крупной фабричной промышленности, а под селом — кустарной, мелкой зимней промышленности, то регуляция посредством, например, Каразинского аппарата, извлекая из атмосферы теплоту, которая держит воду в виде <пара> и приводит воздух в движение, в токи, то для сообщения этим токам нужного движения и обращения пара в дождь получится *сила*, которая и может быть употреблена на производство [не дописано.]

Почему бы, как первый шаг к переходу войска от борьбы с себе подобными к действию на слепые силы природы, не возложить на войска защиту от *градобитий*? Необходимость такого применения войска — очевидна из того, что «история градобойного дела указывает на несколько десятков случаев увечья (а изредка и смерти) людей при пользовании разнозарядными градобойными мортирами», как это говорится в статье В. Р...ва «Первая русская градобойная мортира» в № 40-м «Московских Ведомостей» от 9 февраля 1902 г.³⁷ Несчастные случаи имели место, конечно, потому, что стрельба из мортир в за-

* Только чрез проективное (чрез осуществление или дело) субъективное представление станет объективным, т. е. будет знанием, а не невежеством.

** В настоящее же время практический разум ограничивается нравственною оценкою действий людей, не в их совокупности, а в розни.

щиту от града производилась людьми, мало подготовленными к этому, не привыкшими обращаться с пушками, и если бы стрельба была поручена артиллеристам, никаких несчастных случаев не было бы. Военная сила, примененная к защите от града, легко перешла бы к еще более широкой и плодотворной деятельности, к защите и от засух, так как в той же статье Р...ва говорится, что «сущность предотвращения града заключается, как замечено, в вызывании дождя из градоносных туч», а потому «является [вполне вероятным основание применить в будущем градобойные мортиры и к борьбе с засухой]». — Чрез войско же должно испытать и действие проектируемого Станоевичем электрозвукового предохранителя от града, производящего сильные воздушные колебания на значительных высотах. Применение предлагаемого Станоевичем способа, по словам В. Р-кова в статье «Борьба с градом», напечатанной в «Новом Времени», «состоит в том, что [к воздушному змею, подобному тем, какие употребляются в современной метеорологии для исследования воздуха, или к небольшому привязному аэростату прикрепляется сильный электрический колокольчик или сирена низкого или высокого тона, способные производить в самых облаках, так сказать, на месте, воздушные колебания, значительно более сильные, чем вызываемые вихревыми кольцами мортир. Высоту подъема шара или змея, конечно, всегда можно изменять сообразно высоте туч, ставя, таким образом, аппарат в наилучшие условия действия. Шар или змей удерживается стальной проволокою вместе с двумя другими изолированными проволоками (медными или алюминиевыми), проводящими электрический ток к колоколу от батареи с земли. Можно было бы и батарею поднять на шар,] если бы сила тяги позволила это»³⁸. Изложив таким образом способ, предлагаемый Станоевичем, по сообщению в № 3052 «L'illustration», В. Р-ков говорит далее: [не дописано.] «Над этим стоит подумать и поработать», — заключает свою статью В. Р-ков³⁹.

ПИСЬМА

1873

1.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
19 августа 1873. Москва

Ваше дружеское предложение¹, добрейший Николай Павлович, я не могу иначе принять, как с большою благодарностью. Вам однако известно, что я в настоящее время не могу выехать из Москвы. До сих пор прочитано 55 листов, всех же листов 140!² Даже приблизительно трудно сказать, когда будет все окончено. Впрочем, если я не ошибаюсь, учитель земской школы не без удовольствия примет на себя, хотя бы и временно, обязанность архивариуса. При этом только условии, мне кажется, и может осуществиться Ваше прекрасное предложение относительно учеников. Во всяком случае я еще не теряю надежды поселиться у Вас, в Керенске. Свидетельствую мое почтение Фаине Ивановне, Никол<аю> Ивановичу³.

Не забудьте написать: занимают ли детей игрушки, которые Вы купили в Москве?

До свидания. Искренно любящий Вас
Николай Федоров.
М<осква> 19 авг<уста> 1873.

Адресуйте Ваши письма: *Большая Грузинская улица, дом Морозова, в кварт<иру> чинов<ника> Иванова.*

Как только найду квартиру, тотчас извещу Вас.

2.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
10 сентября 1873. Москва

Предположение, о котором Вы говорите в письме своем от 29-го августа¹, мне кажется, встретит множество едва ли преодолимых в настоящее время затруднений, если даже ограничиться на первый раз введением наблюдений в *одной* только школе. Упомяну о некоторых. Для барометрических наблюдений нужно определить предварительно высоту места над уровн<ем> мор<я>; инструменты должны быть выверенные; со стороны учителей требуются некоторые познания в физике и физичес<кой> геогр<афии>. Кроме того, дороговизна ин-

струментов может возбудить неудовольствие в Земс<ком> собрании, для которого все это будет казаться излишнею роскошью* (Эти затруднения главным образом зависят от недостатка в наших городах специалистов (землемеров, врачей и пр.), которые и хотели и могли бы принять участие в этом деле.)

В виду таких затруднений, мне *кажется*, следовало бы, отложив на время представление этого предположения земскому собранию, заняться подготовительною работою и прежде всего приобрести для учителей, желающих ознакомиться с этим делом, какое-нибудь руководство к метеорологии (лучшее из руководств, известных мне [часть текста оторвана]). Желая, сколько могу, содействовать Вам в этом предприятии, я постараюсь не пропустить ни одного сочинения, выходящего по этому предмету, и извещать Вас о них своевременно. О всем прочем надеюсь переговорить с Вами лично. 64 листа кончены.

Искренно любящий Вас

Н. Федоров

Если можно, пришлите мне записку Вашу о зимних промыслах в Керенском уезде, составленную Вами для Губернс<ких> Ведомостей². Не забудьте также выслать адрес г<оспо>жи, которая занимается шелководством³.

10 сентября 1873.

3.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 сентября 1873. Москва

Обращаюсь к Вам, добрейший Николай Павлович, с просьбою. В одном из Ваших писем Вы предлагали мне место архивариуса... По известным Вам обстоятельствам я не мог тогда окончательно воспользоваться Вашим предложением¹. В настоящее же время — если, конечно, это место остается вакантным и не имеется других каких-либо препятствий — я охотно принял бы его. Но усерднейше прошу Вас не стесняться отказом, если есть хотя малейшие затруднения к осуществлению Вашего тогдашнего предложения. Подумайте хорошенько! — Относительно условий одно только я нахожу несколько неудобным: опасаясь стеснить Вас, принимая Ваше обязательное предложение поместиться в Вашем доме. Нельзя ли будет приискать очень небольшую, дешевенькую каморку? Вероятно, в Керенске квартиры недороги. Впрочем, полагаюсь на Ваше благоусмотрение, остаюсь в ожидании ответа

любящий Вас Николай Федоров.

На проезд, полагаю, не потребуется более 15-и руб.
М<осква>. 20 сентября 1873.

* Цена барометров — 10–30 руб.

1874

4.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 января 1874. Москва

Оканчивал я последний корректурный лист, когда получил Ваше письмо¹, добрейший друг, Николай Павлович. Предложение Ваше, как видите, пришло как нельзя более кстати. Только в условиях Вашего наиделикатнейшего предложения нужно сделать некоторые перемены: плату необходимо уменьшить, а к незначительным занятиям по библиотеке² присоединить какую-нибудь работу, например, *переписку*³. Прошу Вас усерднейше обратить внимание на этот, по моему мнению, очень важный пункт. Только, т<ак> ск<азать>, осязательный труд может быть оплачиваем, все же прочее, по Вашему справедливому замечанию, не подлежит денежной оценке.

До 16-го января я останусь на теперешней своей квартире и к этому числу надеюсь получить от Вас ответ. В ожидании ответа я начал собирать различные сведения, относящиеся к Керенскому краю. Из этих материалов можно составить *местн<ый> историческ<ий> учебник*, который мог бы заинтересовать не одних только учащихся изображением того участка, которое принимал любимый Вами Керенск, как и всякий другой уголок России, в делах Русской земли и какую службу сослужил этому делу⁴. Об этом предмете надо говорить или очень много, или уже ничего не говорить. При свидании будем говорить много, и тогда, я надеюсь, Вы пожелаете принять деятельное участие в сей работе.

Любящий Вас Ник. Федоров.

М<осква>. 1874 г. 10 января.

5.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 июля 1874. Москва

Друг мой Николай Павлович.

Выпись, данная Вешнякову на поместье Асайки Бекбулатова Карачурина, по словам Чаева и Соловьева, имеет немаловажное историческое значение¹. По желанию Чаева, занимающегося специально этим временем, я убедительнейше прошу Вас переслать к нему помянутую выпись. Адрес его: *В Москву, в Оружейную Палату, Помощнику Директора Николаю Александровичу Чаеву*. По снятии копии рукопись будет возвращена к Вам в целости. Он же, Чаев, желал

бы напечатать вполне всю выпись в приложении к своей книге, которая готовится им в настоящее время к печати², и предлагает, сколько пожелаете, оттисков с этой выписи.

Данные к Истории Керенска, относящиеся ко времени Асайки, можно найти в «Материалах», изданных «Русскою Беседою» в Москве 1857 года³ на стр. 134, 135, 151, 163, 164 и мног<их> других.

Свидетельствую мое почтение Фаине Ивановне⁴, детям, моим хозяйкам и вам.

Любящий Вас Николай Федоров.

Мой адрес: Марьино Слободка, Александров переулок, дом Дорофеева.
Москва, 1874 г. Июля 27.

б.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
12 августа 1874. Москва

Очень жаль, добрейший друг Николай Павлович, что Вы не побывали в Москве, я сообщил бы Вам небезынтересные сведения о Керенске XVII века. Те страницы, которые означены в прошлом письме¹, переписаны и ждали Вас. Конечно Вы, по всей справедливости, можете мне заметить, что *выпись*² не заставила себя ждать. Сознывая себя неправым, могу только благодарить Вас за ту дружескую поспешность, с которою Вы исполнили мою просьбу. Чаев не замедлил также письменно выразить Вам свою искреннюю признательность³. Еще в одной вине следует принести покаяние: поверьте, что на этот раз я весьма сожалею, что остался, как Вы говорите, верен себе, да неверен — прибавлю от себя — долгу благодарности. Следовало бы, по крайней мере, поблагодарить тех, по милости которых я очень скоро, без всяких задержек и остановок, доехал до Моршанска и кроме всевозможной предупредительности и внимательности ничего другого не видал и за все сие спешу принести мою запоздалую благодарность⁴. Рассказ о дальнейшем пути позвольте отложить до личного свидания и обратиться теперь к рассказу о Вашем, гораздо более занимательном, путешествии⁵. Сведения о Большечевке⁶ любопытны и были бы еще любопытнее, если бы Вы поискали хотя в тех обрывах, из которых Керенцы добывают камень, каких-либо окаменелостей, раковин и т.п. и вместе с образчиками самой каменной породы привезли бы их в Москву, если намерены пожаловать сюда. Ржавец⁷ ждет от Вас более подробного описания; точно так же и Медвежий угол: Вы, вероятно, помните, что есть в Керенском уезде другой Медв<ежий> угол. Он находится там, где *развиляется* Ушенка⁸. Что же касается до Чиуш-Каменки⁹, до обилия в ней камня, то об этом я слышал от Вас еще в Керенске. И тогда уже сделано было предположение о происхождении Каменки¹⁰ (*без камня*) от Чиуш-Каменки, богатой этим материалом. Предполагалось также для окончательного удостоверения в этом происхождении навести справку о прозвищах крестьян первой Ка-

менки и сравнить их с известными уже Вам крестьянскими фамилиями последней, т. е. Чиуш-Каменки, очевидно, получившей свое название от самой местности, содержащей много камня, а не по наследству или происхождению, как первая Каменка¹¹. Этот прием, кажется, можно употребить для разрешения Вашего недоумения относительно Баранчеевки¹². Баранчеевка в XVII в. называлась *Вадовскою*, но такое же название носила Коповка¹³, а может быть, и другие селения, лежащие по течению Вада¹⁴. Вышеупомянутый способ сравнения прозвищ может дать некоторые указания на происхождение Баранчеевки, если только в ней самой или в ее окрестностях нет какого-нибудь ручья, носящего название «Вада», что, впрочем, мало вероятно.

Очень жаль, что, бывши в Ижморе, Вы не навестили священника Масловского¹⁵, от которого могли получить какие-нибудь сведения об этой интересной местности, принадлежавшей, как Вам известно, Московскому Благовещенскому Собору¹⁶. Если случится побывать Вам в селении Котле, не забудьте расспросить о Кудеяре и его дочери...¹⁷ Затем, пожелав Вам, всему Вашему семейству и всему Керенску, о пребывании в котором не забуду, всякого блага, остаюсь любящий Вас

Ник. Федоров

День Ваших именин мне будет теперь памятен¹⁸.
М^{осква}. 1874 г. Августа 12.

7.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 сентября 1874. Москва

Друг мой Николай Павлович,

Вы, вероятно, уже получили «Русский» Архив» нынешнего года. Этот журнал посылает к Вам П. И. Бартенев¹. Обратите внимание в № 8 на статью «Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II», гл. 31-я (Депеша лорда Гарриса лорду Стормонту) и глава 27 на стр. 397. И^{ван} Р^{оманович} Рон^{цов}, о котором говорится в означенных главах, по словам редактора «Русского» Архива», был сыном англичанки Брокет². Некоторые подробности о событиях, в которых участвовал И^{ван} Р^{оманович}, можно отыскать у Шлоссера в Истории XVIII-го века³.

Сведения о Керенске, извлеченные мною из материалов, относящихся ко времени Разина, переданы Н. А. Чаеву для пересылки к Вам вместе с Вешняковскою выписью⁴. Надеюсь я также получить копию с Наказа, которым (уповательно) снабдило Керенское дворянство своего депутата Ломоносова⁵.

На письмо Ваше буду отвечать в следующий раз. Видели ли Вы архив Архангельской церкви?⁶

Пожелав Вам и всем Вашим всякого блага, остаюсь любящий Вас

Ник. Федоров

25 сентяб^{ря}

8.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

17 ноября 1874. Москва

Друг мой Николай Павлович, Вы очень меня порадовали, уведомив, что у Вас все по-старому: председателем Ильин, и Вы, конечно, секретарем¹. У меня тоже по-старому: Бартенева я оставил...² В настоящее время нахожусь у Чиждова. Он, Чиждов, предложил мне заниматься постоянно его библиотекою, т. е. ставить вновь приобретаемые книги и составлять систематический каталог — плата помесечно³. Приняв же во внимание, что новых книг поступает не очень много, составление же систематического каталога не может быть постоянным, Вы увидите, что это занятие не только не может, но и не должно быть постоянным. Есть у меня и другие работы, но тоже временные. Все это, полагаю, может быть покончено к мес<яцу> февралю или марту. Если к тому времени Вам предложат составление отчетов по мировым участкам и Вы найдете возможным передать мне эту работу, то этим доставите Вашему покорнейшему слуге удовольствие прожить хотя некоторое время в Керенске. Что касается до Керенской моей квартиры, по-прежнему остающейся за Вами, признаюсь, это последнее обстоятельство приводит меня в немалое смущение. Я не могу не ценить в нем истинно дружеского расположения с Вашей стороны, но желаю, чтобы оно обходилось Вам не так дорого, и льщу себя надеждою, что Вы устроите это дело согласно моему желанию.

Любящий Вас Н. Федоров.

Поклон мой Фаине Ивановне, вашим чадам и домочадцам и моим хозяикам.

Относительно Керенской старины могу сообщить Вам очень немногое: сделана мною краткая выписка из Шлоссера т. IV стр. 227–233 о событиях, в которых принимал участие И. Р. Ронцов⁴.

Отдаленность квартиры (адрес Вам известен: я надеюсь в непродолжительном времени переменить квар<тиру>, о чем не премину известить Вас) препятствовала мне посещать публ<ичную> библиотеку⁵; к тому же она была закрыта до последних чисел октября. Не теряю надежды приобрести *Пахта*⁶ и еще кое-что в этом роде.

17 ноября

1874 г.

1875

9.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
6 февраля 1875. Москва

Друг мой Николай Павлович.

Я только что переехал на другую квартиру¹ и собирался уже сообщить Вам адрес новой квартиры, как получил от Вас письмо². Место, которое Вы предлагаете мне в Керенске, к сожалению, я не могу пока принять. То самое обстоятельство, которое дает мне возможность сообщать Вам некоторые данные о прошл^{ом} Вашего края, не позволяет мне еще принять место в Керенске. Я нахожусь в настоящее время на службе в Публичной Библиотеке³. Но Вам, может быть, известно, что Библиотека закрывается на летнее время (от 15 июня до 15-го августа). Я желал бы провести это время у Вас в Керенске⁴. А Вы постараетесь к тому времени собрать *сколько возможно более столбцев* и друг^{их} старинных бумаг. Еще лучше, если, не дожидая лета, Вы побываете в Москве⁵. Не забудьте притом захватить с собою: 1) тот столбец, в котором упоминается о новокрещенных буртасах; и 2) список Керенских воевод, писан^{ный} мною карандашом в тетрадке из синей бумаги⁶. В Москве же Вы получите материалы для Истории Керенска. Адрес мой: Близ Триумфальной Тверской, в Оружейном переулке, дом Белянкина № 30. Этот дом Вам известен. Мой усерднейший поклон Фаине Ивановне, детям, всем Вашим домашним и моим хозяйкам.

Любящий Вас Н. Федоров.

10.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
24 апреля 1875. Москва

24 апреля 1875.

Друг мой Николай Павлович

Вчерашний день переехал я на новую квартиру, о чем и спешу Вас уведомить¹. Ответа на письмо, отправленное к Вам еще в прошлом месяце² (какого именно числа, не припомню), по сие время не получено. Хотел было послать к Вам «несколько заметок по поводу школы»³, но счел за лучшее отложить до личного свидания с Вами. Книги, о которых упоминалось в прошлом письме, до сих пор не получены из Петербурга.

Любящий Вас Никол. Федоров.

Адрес: Дорогомилово, дом Мещанина Чижова, в квартире гармониста Соловьева.

В дополнение к прошлому письму нужно прибавить, что выражение «ἀλοκατάστασις τῶν πάντων» (восстановление всего) заимствовано из книги «Деян<ий> Апост<олов>» III, 21, по крайней мере встречено мною это самое выражение с таким указанием у одного из известных писателей.

11.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 июня 1875. Москва

Друг мой Николай Павлович.

Занятия у нас окончились, и я собираюсь к Вам¹. 21 июня надеюсь выехать из Москвы. В Калиновке (кажется так?), вероятно, можно нанять лошадей до Керенска, и Вы очень хорошо сделаете, если не исполните Вашего обещания выслать своих лошадей на станцию. Опасаюсь задержать их, если не удастся выехать в назначенный день.

До свидания

Любящий Вас Николай Федоров.

15 июня 1875.

12.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 сентября 1875. Москва

Друг мой Николай Павлович

Письмо Ваше получил и очень благодарен за память. Спешу сообщить Вам свой адрес: Малая Бронная, дом Фальковского, в квартире Федора Петровича Петрова¹.

С нетерпением ожидаю Вашего приезда в Москву².

Любящий Вас Ник. Федоров.

24 сентября 1875

13.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 ноября 1875. Москва

Друг мой Николай Павлович

На всякий случай уведомляю Вас, что на нынешней, известной Вам квартире¹ я пробуду только до 5-го декабря, да и в библиотеке пробуду недолго: на этих днях подано в отставку². По переезде на новую квартиру уведомлю Вас. — Писем от Вас со дня Вашего отъезда³ не получал.

Любящий Вас Ник. Федоров.

25 ноября.

14.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
21 декабря 1875. Москва

Друг мой добрейший
Николай Павлович

Месяца через два только мне можно будет принять Ваше дружеское предложение¹, за которое приношу Вам свою искреннюю благодарность. Если Вы приедете в конце февраля или в начале марта в Москву, как предполагали², то мы могли бы вместе отправиться в Керенск. У Вас мне можно будет пробыть месяца два, или даже три. Пока еще я остаюсь при прежней своей службе и на прежней, известной Вам, квартире³ (до 5-го января), поспешите прислать проповедь Вашего священника⁴. Написал было я Вам длинное письмо⁵, но послать не решился. Оно будет ждать личного свидания с Вами в Москве или в Керенске.

Любящий Вас Николай Федоров

21 декабря

1876

15.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
6 января 1876. Москва

Спешу сообщить Вам адрес новой моей квартиры. Близ Пречистенки, по Хрущовскому переулку, дом Селезнева¹. Благодарю Вас за присылку проповедей². Очень сожалею, что Вы по изменившимся обстоятельствам не можете приехать в Москву в феврале месяце, но я не теряю надежды быть у Вас в марте³. До свидания.

Любящий Вас Ник. Федоров.

6 января 1876.

16.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Не позднее 10 февраля 1876. Москва
Черновое

Больница есть также одно из средств к объединению прихода в общей заботе и к воспитанию прихожан. Только доставляя возможность делать пожертвования для больницы, Вы сделаете истинное благодеяние приходу. Не одни богатые, но и бедные не должны быть лишены этой святой возможности: достаточно нарубить или принести охапку дров, привезти воды в больницу, чтобы послужить «приходу и больнице на пользу», а себе на душ^{евное} образование. Следует, мне кажется, избегать, сколько только возможно, денежных жертвований, ибо деньгами откупаются от сердечного участия в деле. Тряпка, принесенная в больницу, имеет больше образовательного значения, чем денежное пожертвование. В тряпку может быть много вложено души, а только от такого вклада «вещь» получает истинную «ценность». (Политич^{еская} экономия не знает такой ценности, ибо эта бездушная наука, считая личную выгоду за единственный двигатель человеческих действий, не только принимает порочное состояние человека за нормальное, но и узаконяет его, т. е. порок воз-

водит в добродетель. Приходская же больница, как неотделимая часть церкви, как «осуществленная молитва о больных», экономическую свою сторону не отделяет от воспитательной.) Через тряпки и бабы могут сделаться попечительницами больницы. Кроме того, они могут принимать и личное участие в больничном деле: почему бы вместо одной постоянной сиделки не предоставить исполнение этой должности усердию всех прихожанок, когда и сколько времени каждая из них пожелает. Таким путем все прихожане без различия пола, от мала до велика могут быть соединены в общем служении больнице и иго этой службы будет благо и бремя содержания ее будет легко. Только тогда прихожане будут считать больницу «своею» и будут дорожить ею, когда она будет поддерживаться усилиями и попечением всех, ибо только то любит человек, на что положил он свой труд и свою заботу.

Как ни важны пособия сами по себе, но еще важнее то воспитание, та привычка, которая усваивается этими действиями. Пособие — это доход, воспитание — капитализация дохода. Первое — жатва, последнее — земля, почва, приносящая постоянные урожаи. Желательно, чтобы пособия делались руками детей. Для них это будет превосходная школа, лучший урок, образование, словом, общение. Только внутри души прихожан может быть положено прочное основание больнице, способное к беспредельному совершенствованию. Сочувствие, расширяясь более и более, отдаст самих <себя> и всю природу обратит в средство лечения, восстановления. Тогда медицина, врачебное искусство, отождествится с Религиею, сделается орудием сей последней.

Относительно денежных пожертвований нужно особенно быть осторожным в приеме их. Не только не просить о таких пожертвованиях, но даже отказываться, если будут их предлагать; благодарить, но не принимать, если будут даже просить о приеме их; тогда только нельзя будет отказать, когда усиленно будут умолять о приеме, как о благодеянии для них, дающих. (Малое пожертвование предпочитать большему.) Такое даяние будет идти от души и потому не может быть отвергаемо. Все сказанное есть только слабый комментарий на притчу о двух лептах.

Приношение, очищенное от всякого принуждения, от самой тени духовного насилия, даст начало настоящей больнице, а не тем призракам больниц, которых довольно много в настоящее время. Отсутствием всякой принудительности, расчета и выгод «Приход» резко отличается от всяких обществ, построенных на юридических или экономических началах. Экономическое общество тем отличается от церковного, или психического, что в первом «вещь» служит не выражением сочувствия, а яблоком раздора — молитва Спасителя представляется в извращенном виде: Ты не во мне и я не в тебе...

Счастливы Вы, занимая место без *власти* в *беднейшем* приходе беднейшего из городов России, также небогатой сравнительно с другими государствами. Должность Церковного старосты есть совершенно новая должность: ибо были Храмовые старосты, называвшиеся только Церковными.

17.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
10 февраля 1876. Москва

Друг мой Николай Павлович

Спешу отвечать на Ваше письмо. Вчера только (9 фев<аля>) его получил. «Чем занять учеников при посещении ими больницы»¹, — спрашиваете Вы. Ответ, по моему мнению, должен заключаться в самом вопросе, если вопрос поставлен надлежащим образом. Из письма Вашего видно, что больница, по недоверию ли прихожан к новому для них делу, или по иным каким причинам, не могла начать своей деятельности². Следовательно, и занятия детей, при посещении ими больницы, должны заключаться пока в приготовлении только к уходу за больными. В настоящее время готовится ко 2-му изданию, изменен<ному> и дополнен<ному>, книга докт<ора> Залуговского под таким именем названием: «Уход за больными»³. Судя по рассказам г. Залуговского (он иногда бывает в библиотеке), книга его может служить некоторым пособием при занятиях с детьми в больнице. Само собою разумеется, занятия не исключают и знакомство с анатомичес<ким> устройством чело<веческого> тела и с гигиеною, как желаете Вы и Ваш брат⁴. Если вышеупомянутая книга 1-го издания⁵ еще находится в продаже, то я не замедлю прислать ее к Вам к празднику Пасхи, а может быть и ранее. Надеюсь увидеть Вас в Керенске.

Любящий Вас Ник. Федоров.

18.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
2 апреля 1876. Москва

Друг мой Николай Павлович.

По некоторым обстоятельствам нахожусь вынужденным отложить свою поездку в Керенск до начала мая, а может быть даже до половины июня. С большим сожалением я решился на такую отсрочку. Ранее не мог Вас уведомить, так как и сам не знал, что должен буду принять такое решение. В ожидании личного свидания, не могу не напомнить Вам об одном намерении Вашем, которое Вы, вероятно, не привели еще в исполнение. Помнится, Вы хотели в качестве Церковного Старосты, вместе с Священником, обойти весь приход в видах ближайшего ознакомления с прихожанами. Желая принять хоть какое-нибудь участие в этом деле, прилагаю при сем 8 рублей на случай, если встретятся при Вашем обходе нуждающиеся в небольшом денежном пособии. Впрочем, представляю Вам употребить их, как Вам заблагорассудится. Что касается до семян шелковичного червя, то кроме Маслова добыть их негде¹. Если найдете возможность довольствоваться масловскими, то напишите, и я пришлю их по почте.

Любящий Вас Ник. Федоров.

2 апреля 1876.

19.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
8 мая 1876. Москва

Друг мой Николай Павлович

Семена шелковичного червя отправлены к Вам еще 28 апреля и, вероятно, уже получены Вами¹. Хлопоты по этому делу принял на себя, по моей просьбе, П. Егор. Гусев². Что касается присылки мастера³, то дело это такой важности, что не мешает об нем крепко подумать. Расходы по содержанию мастера, устройству кузницы будут лежать, конечно, на тех же плечах, которые уже обременены больницей, школою? Не слишком ли?

Любящий Вас Ник. Федоров

8 мая 1876.

20.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
1 июня 1876. Москва

Друг мой Николай Павлович,

Из последнего Вашего письма видно, что Вы намерены приехать в Москву в начале июля, я же собирался в Керенск в июне (не ранее 21 июня). Стало быть, если Вам нельзя будет перенести Вашу поездку с июля на начало или середину июня, то и мне не придется быть в Керенске. Прошу Вас не замедлить ответом, можете ли Вы изменить время Вашей поездки в Москву. Впрочем, я ни в каком случае не останусь в Москве на вакационное время. Есть еще у меня просьба к Вам: на случай, если может состояться моя поездка в Керенск, то я бы просил Вас отложить Вашу полемику¹ до этого времени. Буду надеяться, что Вы сделаете эту уступку.

Любящий Вас Николай Федоров.

1 июня 1876.

21.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
15 июня 1876. Москва

Друг мой Николай Павлович.

Спешу уведомить Вас, что я намерен выехать из Москвы 19 июня¹, а может быть и раньше.

Любящий Вас Ник. Федоров.

15 июня 1876 года.

1878

22.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 30 марта и 6 апреля 1978. Москва

Добрейший и многоуважаемый
Николай Павлович,

Сейчас получил Ваше письмо и спешу отвечать. Из этой поспешности Вы можете видеть, как обрадовало меня Ваше желание возобновить переписку. Надеюсь, что Вы не ограничитесь перепискою и не оставите меня своим посещением, когда будете в Москве, или же, если Вы найдете это более удобным, я готов побывать у Вас в Керенске. Желательно бы было получить от Вас несколько подробностей о Керенской школе и о Ваших частных делах. Мой адрес: Большой Козицкой переулок, дом Свешниковой № 377. Арбатской части 5 кварт<ала>. Посылаю адрес на случай приезда Вашего в Москву, писать же гораздо удобнее чрез Музей, когда Вы уже это и сделали¹.

Подробный ответ на Ваше письмо надеюсь доставить Вам чрез несколько дней².

Любящий Вас Н. Федоров.

23.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 апреля 1878. Москва

Ожидания мои, добрейший и уважаемый друг Николай Павлович, к величайшему сожалению, не сбылись. Сегодня я получил Ваше письмо от 19 апреля. До половины июня, как видно, нельзя надеяться на свидание. А до того времени, как бы ни было мне желательно побеседовать с Вами письменно о вопросах, затронутых в рукописи¹, но я должен отказать себе в этом удовольствии. На рукопись пришлось сделать столько замечаний, что ни в каком письме их уместить невозможно. Всякое же сокращение может повести только к большим недоразумениям. Ответ на Ваше первое письмо² хотя и был готов при получении рукописи, но по тем же причинам я послать его теперь не могу, а сохраню до личного свидания с Вами, в ожидании коего остаюсь

любящий Вас Ник. Федоров.

Что касается до руководства для занимающихся фотографией, то употреблю все усилия, чтобы отыскать и выслать к Вам.

Забыл Вас спросить, обратили ли Вы внимание на статью Мечникова «Воззрение на человеческую природу», помещенную в Вестнике Европы 1877 № 4³. Статья замечательная, прочтите, если не читали.

25 апр<еля> 1878.

24.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 мая 1878. Москва

Рукопись Ваша¹, многоуважаемый друг мой Николай Павлович, далеко не произвела на меня такого неприятного впечатления, как Вы полагаете. Недостатки, кои в ней, по моему мнению, заключаются, могут только послужить к вящему уяснению самой сути дела. Мне кажется, достаточно трех или четырех дней личного свидания, чтобы придать ей надлежащий вид. Если Вам нельзя будет побывать в Москве, то не забудьте, что я буду свободен от занятий по библиотеке от 15 или даже 14 июня.

Живу я в настоящее время в слободке Потылихе у Воробьевых гор (Серпуховской части, 5-го квартала, дом Прохора Герасимова). Письмо, которое Вы просите прислать к Вам, решительно не может служить для той цели, для коей Вы желаете его иметь, потому что оно написано до получения рукописи². Что касается руководства по фотографии, то поиски мои по сие время были безуспешны. Обращался я к фотографу, но эти господа сами не занимаются приготовлением пироксилина, а покупают его. В химических руководствах, кои я просматривал, приготовление этого препарата описывается так же неудовлетворительно, как и в известном Вам руководстве Ольхина³.

До свидания

любящий Вас Николай Федоров.

20 мая 1878.

25.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 июля 1878. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

Премного благодарен Вам за высылку 4-х листов рукописи, полученных мною при двух письмах, первое от 4 и второе 8-го июля¹. Ответ на Ваши письма не мог доставить к Вам тотчас по получении их: дождь, грязь и холод помешали мне быть в Москве, откуда только и можно отправить письмо². Кроме того, спешу окончить к Вашему приезду в Москву работу, начатую в Керенске, — приготовлено 8 листов, кои составляют, как мне кажется, необходимое и продолжение, и объяснение, и дополнение к находящимся у Вас листам. Поправки, сделанные Вами, мне кажутся и совершенно уместными, и необходи-

мыми. Вообще вся рукопись требует и пересмотра, и исправления. С нетерпением жду Вашего приезда.

Любящий Вас Никол. Федоров

14 июля 1878.

26.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 июля 1878. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

Очень благодарен Вам за высылку еще 3-х листов (9–11)¹. Мне совестно, что я Вас так утруждаю. В прошлом письме я уже предлагал Вам не торопиться высылкою и еще лучше привезти их с собою. Настоящее письмо есть уже четвертое. Первое послано 14 июля, а третье 20-го². Уведомления же о получении их я до сих пор не имею. Вероятно, Вы их не получили. Нынешнее письмо опушу в какой-нибудь другой почт<овый> ящик.

Любящий Вас Ник. Федоров

23 июля 1878.

27.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

29 июля 1878. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

Четыре письма к Вам послано¹, а уведомления о получении их я до сих пор не имею. Настоящее, пятое, письмо пошлю заказным. От Вас получено 2 листа введения и 11 листов текста².

Жду Вашего приезда³.

Любящий Вас Никол. Федоров.

29 июля 1878

28.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 августа 1878. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

На днях Вы должны получить из книжного магазина Соловьева: Систему Астрономии Хандрикова 1-й том; Славянскую книгу для чтения Толстого (4-я книжка). Из магазина Вольфа: Славянскую грамматику Классовского¹. Был во всех известных книжных магазинах в Москве и ни в одном из них не нашел ни астрономии Бруннова, которая считается лучшею, ни астрономии Савича². В Центральном Магазине и у Вольфа надеются отыскать эти книги, и если для Вас не окажется годным сочинение Хандрикова, то тогда можно будет выслать одно из этих ру-

ководств, или даже и оба, если, конечно, найдутся. Славянских же и Русско-Славянских грамматик очень много, я затрудняюсь в выборе: специалистов же, с которыми можно бы было посоветоваться, в настоящее время еще нет в Москве.

Станислав Осипович Василевский значится, по адрес-календарю на 1878 год, врачом для бедных по Мясницкой части — адрес его: Мясницкой части, 3-го квартала, Армянский переулок, дом Торонова³. Что касается до шубы, то она оставлена у И. С. Половцева⁴; оценена <в> 10–15 рублей. Оставить за собою я еще не решился.

Любящий Вас Никол. Федор<ов>.

Свидетельствую мое почтение Юлии Владимировне⁵.

Москва

22 августа 1878.

29.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

12 сентября 1878. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

Замечания Ваши, высказанные в письме от 21 августа,¹ мне кажутся совершенно справедливыми, конспект предисловия² составлен, по моему мнению, весьма хорошо; о самом же предисловии нельзя сказать того же: оно очень неудовлетворительно.

Ответ на Вашу заметку о «долге»³ хотя и готов, но я подожду его послать.

Из Книж<ного> Магазина Вольфа Вы должны получить 2-е Грамматики: Буслаева и Смирновского⁴. Что касается астрономии Брюннова, то она выписана из С<анкт>-П<етер>б<ур>га Вольфом, но еще не получена. К Вам были посланы от Соловьева и Вольфа книги: грамм<атика> Классовского, Аст<рономия> Хандрикова и славян<кая> книжка для чтения Толстого⁵, но получили ли Вы их, мне неизвестно.

Любящий Вас Ник. Федоров.

Передайте мой поклон Юлии Владимировне.

Москва

12 сентября 1878 г.

30.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 ноября 1878. Москва

Многоуважаемый друг мой Николай Павлович,

Приношу Вам глубочайшую благодарность за доставление рукописи¹. При поспешности, с коею она была составляема, в нее вкралось так много не-

достатков разного рода и оказалось так мало порядку, что чтение этой рукописи произвело на меня не очень приятное впечатление, особенно последние листы. Исправления начаты, и я постараюсь окончить их к Вашему приезду. Я очень нуждаюсь в Вашем совете и помощи. Отправляя последнее письмо², очень опасался я, чтобы Вы не прочли в нем нежелание с моей стороны выслушивать замечания. Могу Вас уверить, что именно страдаю от того, что ни от кого не слышу их. Шубу Вашу у Ив<ана> Серг<еевича>³ я взял, хотя и не пользовался ею, так как погода стоит очень теплая. Итак, я Вам должен состою 15 рублей, кроме оставшихся 4-х, если не ошибаюсь. У Вольфа давно не наводил справок относительно астрономии Брюннова⁴, да и не знаю, нужна ли она Вам в настоящее время; если нужна, напишите, или еще *что другое* нужно. Впрочем, вышеозначенный капитал я не могу уплатить вдруг, а с некоторою рассрочкою. Такой громадной суммы я еще никогда не был должен.

Вашей супруге, Юлии Владимировне, свидетельствую мое глубочайшее почтение.

В ожидании Вашего приезда остаюсь любящий Вас Ник. Федоров.

21 ноября 1878.

1879

31.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
24 мая 1879. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович.

Книжку «О метеорологических наблюдениях», изданную в Николаеве¹, я привезу с собою, если найду в Москве, что однако весьма сомнительно. Нынешний день я был уже в двух или трех книжных магазинах, но поиски мои окончились безуспешно. Приехать к Вам я постараюсь числа 5-го или 6-го июня². Чай или привезу с собою, или же вышлю к Вам чрез чайный магазин. Живу я в настоящее время: в слободке Потылихе, дом Герасимова, у Воробьевых гор. (Серпуховской части, 5 квартала.)

До свидания. Кланяюсь Юлии Владимировне и детям.

Любящий Вас Ник. Федоров.

24 мая 1879.

О дне выезда извещу Вас в непродолжительном времени.

32.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
31 мая 1879. Москва

Многоуважаемый друг Николай Павлович. Не получив еще ответа на письмо свое от 23 мая¹, я не знаю, застану ли Вас в Керенске, если выеду прежде 15 июня². Буду надеяться, что настоящее мое письмо Вы получите еще до 6-го июня, когда я думаю выехать из Москвы к Вам. Музей будет закрыт, по случаю перестроек, с 1-го июня³. Кланяюсь Юлии Владимировне и детям.

До свидания

любящий Вас Н. Федоров

31 мая 1879 г.

Чай к Вам отправлен из Магазина Генералова на Арбате.

1880

33.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
8 января 1880. Москва

Многоуважаемый Николай Павлович!

Приведенное Вами место из Пос<лания> Ап. Павла, допускающее и мистическое толкование, *решительно не может быть поставлено эпитафией к рукописи явно антимистического содержания*¹.

Мало того, нужно выбрать такой эпитафия, который бы прямо говорил против метафор, против уединенных мечтаний, спасений в одиночку, причем мечта принимается за действительность, — вообще против мистицизма. Правда, мистицизм принимает иногда повальный характер... но, говоря вообще, он развивается преимущественно у людей, любящих [уединение] или склонных к уединению. У тех же, кои находятся в невольном уединении и бездействии, мистицизм едва ли может встретить хороший прием. Прелести изолированного положения мне хорошо известны, и никак нельзя сказать, чтобы я благословлял одиночество и бездействие, — прошу извинить за эгоистическое отступление.

Рукопись, о коей Вы упоминаете в своем письме, вся, можно сказать, пропитана ненавистью, даже злобою против одиночества, следовательно, не лишена и человеколюбия. Мистический эпитафия тут вовсе неуместен. Если бы обстоятельства не помешали Вам побывать в Москве, Вы еще более убедились бы в этой истине, и я весьма сожалею, что предполагаемая поездка не состоялась. Все дополнения, все вновь составленное имеет целью разъяснить учение об истинном долге. Только не ознакомься с этим, Вы могли придумать негодный эпитафия.

Уважающий Вас Николай Федоров.

8 января 1880.

34.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
23 октября 1880. Москва

Многоуважаемый Николай Павлович,

Словацкая сказка, о которой Вы пишете¹, не имеет большой важности и может, мне кажется, быть опущена. Статью², указанную в Вашем письме, я пе-

решотрел и нашел там несколько замечательных разъяснений первоначального значения слов, напр<имер>: солнце — родитель, смертный — одно из древнейших названий человека, тело — труп... Выражение: «человек научился понимать» и пр. чрезвычайно знаменательно, хотя и применено только к [1 слово неразб.] свастике. Мне кажется, сообразно этому правилу слова «отец, мать» должны были первоначально иметь смысл не того, или тех, которые дают жизнь, а наоборот, тех, которым дают жизнь, принося на их могилу пищу, питье. Впрочем, всей статьи я не читал.

Обещание Ваше приехать в Москву меня очень обрадовало. Музей закрывается на праздник Р<ождества> Х<ристо>ва только на 3-и дня. Гораздо лучше, если Вы приедете в самом начале января, тогда у меня, может быть, найдется рублей 15 или даже 20 лишних.

Постарайтесь же исполнить Ваше обещание.

Уважающий Вас Ник. Федоров

23 октября

1880.

Юлии и Ольге Владимировне³ кланяюсь, а также и всем детям⁴.

1882

35.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

12 января 1882. Москва

Многоуважаемый Николай Павлович,

Недели чрез две, по всей вероятности, я положительно напишу Вам: будет ли у меня возможность побывать у Вас в Керенске зимою, или придется отложить поездку до лета¹. Благодарю Вас за присылку рукописи². Сегодня я получил письмо от Влад<имира> Сер<геевича>, которому сообщил эту часть рукописи для прочтения. Вот начало этого письма: «Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а следующие два дня много думал о прочитанном». Далее заявляется *безусловное согласие* с прочитанным³. Говоря беспристрастно, в рукописи много недостатков, и самый существенный состоит в том, что у этого, если можно так выразиться, здания нет входа и хотя он строится, но еще не окончен. Желание Ваше относительно Н. Н. Страхова отчасти исполнилось. Он читал начало рукописи (предисловие). В споре, возникшем по этому поводу, сторону рукописи держали Л<ев> Н<иколаевич> и Вл<адимир> Сер<геевич>, а Н. Н. Ст<рахов> был против рукописи⁴. Меня при этом не было.

Затем остается только пожалеть, что я не могу теперь же приехать к Вам. Передайте мой поклон Юлии и Ольге Владимировнам⁵, Григорию Павловичу⁶, детям.

Уважающий Вас Ник. Федоров.

От Мамонтова Вы должны получить окончание Истории Греции Герцберга⁷.

В Петербурге есть Петерсон, который пишет в «Новом времени»⁸ и пишет, хотя весьма смутно, — так мне говорил Вл<адимир> Сер<геевич> — то самое, что есть и в рукописи. — Не родственник ли Вам?

12 января 1882.

36.

А. Е. ВИКТОРОВУ

16 мая 1882. Керенск

Глубокоуважаемый Алексей Егорович,

Обращаясь к Вам с покорнейшею просьбою, надеюсь, что Вы не откажетесь получить по прилагаемой при сем доверенности жалованье и переслать его ко мне, по нижеозначенному адресу. Чувствую, что «согреших на небо и пред Музеем»¹ и поступаю как наемник, но никак не могу приехать ранее начала июня. Вы премного обяжете меня, если уведомите, нужно ли будет приехать к этому времени или нет; полагаюсь на Ваше решение. Прошу передать мой поклон Дмитр<ию> Петровичу, Юрию Дмитр<иеви>чу, Евг<е-нию> Фед<орови>чу, Елп<идифору> Васильевичу, Адол<ьфу> Петр<ови>чу, Егору Иван<ови>чу, Ник<олаю> Ник<олаеви>чу².

Готовый к услугам Н. Федоров.

Адрес: Керенск, Пензенской губ. Николаю Павловичу Петерсону.
Керенск 1882. Мая 16.

1884

37.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 22 апреля 1884. Москва

Черновое

Ваше замечание совершенно справедливо, что статья о местной Истории¹ имеет очень большое значение, потому-то на нее нужно обратить большое внимание. Прежде всего самое название статьи — «О местной Истории», — как очень отвлеченное, нужно изменить. Участие местности во всеобщей жизни, Истор[ии], выраженное живописно, архитектурно, есть Музей, храм, составляющий только проект участия в естественной жизни природы. Разница большая: Музей или храм есть что-то [1 слово неразб.], что можно вообразить, и если он будет представлен в истинном виде, как выражение Царства Божия, то он может увлекать, может сделаться предметом не мечты только и даже постоянной думы, но и действия².

1887

38.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
20 августа 1887. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович.

Прежде всего приношу мою искреннюю благодарность Вам, Вашей супруге и всему Вашему семейству за все время моего пребывания в Керенске¹, оставившего во мне очень отрадное впечатление. С величайшею благодарностью возвращаю Вам часть долга (8 рублей), на 2 руб. прошу Вас купить, что заблагорассудите, для подарка крестнице в день ее именин и имениннику 30 августа². Сообщите, при случае, Григорию Павловичу прилагаемый при сем перевод нескольких слов, взятых из списка населенных мест Инсарского уезда³: *Ускляй* — сплавная река; *Сиялейка* — серебряная; *Акишанес* — беленькая; *Широкоис* или *Шерькаис* — волнистая. Эти 4-е слова, по мнению сообщившего мне этот перевод, несомненно мордовского происхождения. Следующие же 4-е слова он считает сомнительными: *Костылай* — источник, буквально — откуда река; *Пелетьма* — страшная или опасная; *Вязера* — высокая вода; *Потишь* — река, поросшая травой, буквально — полу и трава.

Еще раз благодарю Вас и Юлию Владимировну и желаю Вам всего лучшего

Уважающий и любящий Вас

Ник. Федоров

20 августа 1887.

1-го сентября постараюсь выслать Вам Персидс<кий> [1 слово неразб.] и все прочее.

39.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 января 1888. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович,

В Вашем письме¹ больше всего поразило меня известие о предстоящей продаже дома*. Судя по Вашему молчанию, я считал это дело благополучно оконченным. Незадолго до получения Вашего письма видел я Л. Н. Толстого². Спрашивал он об Вас, говорил о бабушке Юлии Владимировны³. Тут был удобный случай сказать ему о Вашем настоящем положении, что, конечно, было бы равносильно просьбе**. Что такой случай может повториться — это весьма вероятно. Но не забудьте: у Толстого есть непоколебимое убеждение, что он может располагать лишь теми деньгами, которые он выучает от ручного труда...

Случай на этот раз не заставил себя ждать. Сегодня ([1]9 янв<аря>) опять видел Толстого и сказал ему о Вашем деле***. Хотя рассказ мой об этом и не был так убедителен, как бы я желал, но тем не менее нужно быть совершенно лишенным проницательности, чтобы не заметить в моих словах просьбы. Я же с своей стороны желал бы быть уличенным в грубейшей ошибке, полагая, что слова мои никаких последствий иметь не будут. Припомните толкование графа на текст: «а Сын Человеческий не имеет, где главы преклонить». Что сказал бы Не имевший пристанища, выслушав, «что только животные имеют дома»?⁴ Очевидно, под видом толкования кроется возражение...

Но иногда люди бывают лучше своих теорий.

Остается еще один человек, который мог бы оказать свое содействие, если бы захотел. Один из моих знакомых обещал поговорить с ним⁵. Но и тут надежды очень мало. Поэтому, если г. Логвин<ов> предложит Вам нужную для

* Н. П. Петерсона, назначенного к продаже за неуплату долга. Грозило целой большой семье остаться без крова. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** То есть помочь внести недоимку, за которую дом был назначен к продаже. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

*** То есть о вышеизложенной предстоящей беде с домом. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

Вас сумму⁶, то, по моему мнению, Вы не должны своим отказом лишить свою семью очага и дома^{*}.

Поздравляю Вас, Юлию Владимировну и все Ваше семейство с Новым годом и желаю всем Вам оставаться на старом месте. За присылку 2-х посл<едних> листов благодарю.

Любящ<ий> и уваж<ающий> Вас Н. Федоров.

19 янв<аря> 1888

40.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

11 февраля 1888. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Николай Павлович

Обрадованный благополучным окончанием дела о доме¹, я откладывал ответ на Ваше письмо со дня на день, желая познакомить Вас с одним произведением, которое прошло незаметно у нас, да и не у нас только. Автор^{**} назвал свое произведение романом, но такое название лишь совершеннейшая клевета относительно первой половины сочинения; что же касается второй половины и особенно последней страницы, то эта часть заслуживает того, чтобы ее заклеить именем романа, даже самого пошлого романа, впрочем, не столько за то, что в нем написано, сколько за то, что в нем не дописано. Даже 2-е или 3-и строки в конце могли бы поправить дело. «В Мареммах» — так названо это сочинение^{***}. По прочтении оказывается, что «В Мареммах» означает «над Кладбищем». Миазмы же, висящие над этою местностью, служат наилучшею защитой, крепостью для этих старых могил, могил самого загадочного народа — этрусков⁴. Этрурия — это европейский Египет, но более таинственный, чем африканский. Язык этрусков, несмотря на все усилия лингвистов, остается непроницаемою тайною. Вопрос о родстве и смерти, по моему мнению, положен в основу этого произведения, которое потому уже нельзя назвать романом, что героиня этой повести узнает, что такое любовь, вместе с мыслию о смерти своей воспитательницы, так что любить означает для нее — не пережить умерших (стр. 104 и 108). 1-я глава этого произведения начинается взятием в плен или арестом Сатурнино Мастарны, разбойника, руки которого низвели многих в

* Просьба о помощи была изложена Л. Н. Толстому в более определенной форме другим лицом, но от помощи он уклонился, заметивши: «если бы даже и пришлось потерпеть нужду, зачем лишать человека возможности испытать то, что так полезно в нравственном отношении?..» (Примеч. В. А. Кожневникова.)

** Речь идет о романе Уйда «In Maremma»². Русский перевод его, первоначальный (без пропусков) я принес Н-козла>ю Ф<едорови>чу, в уверенности, что это произведение его заинтересует. Так и оказалось. Он читал его с восторгом, ставил необыкновенно высоко, несмотря на порицательный приговор над концом его, и подверг его подробному анализу со своей точки зрения. Все это составило содержание нескольких статей, ныне, к сожалению, утраченных. (Примеч. В. А. Кожневникова.)³

*** Вы, конечно, не читали этого романа; иначе Вы сообщили бы мне, как теперь я сообщаю Вам.

мрачный аид. Такое начало показывает, что героем этой поэмы будет не бандит, хотя народ и считает его героем (чем-то в роде Карла Моора), хотя и по самому имени он — один из потомков того рода, который дал Риму царей. 2-х летнюю дочь этого потомка лукумонов⁵ автор отдает на воспитание старухе — последн<ей> отрасли мирных вальденсов⁶, — старухе, утратившей сыновей, дочь, внука и «живущей воспоминаниями об умерших». Берет эту воспитательницу автор у самой высокой вершины высочайших гор Западн<ой> Европы, полагая, конечно, что цивилизация не коснулась еще этих высот. Мудрая, несмотря на свою простоту, воспитательница, утаив от своей воспитанницы ее происхождение, образует из нее *дочь человеческую*. Объявив же родителей ее умершими, она (сама того не подозревая) направляет любовь дочернюю к миру умерших. Благочестивая старуха нарекает ее Мариною, по имени Магдалины, которую она смешивает с египетскою ее соплеменницею. «Таким образом не совершившая еще греха, — гов<орит> авт<ор>, — получила имя раскаявшейся грешницы», т. е. в этом имени выражается идея первородн<ого> греха в религиозн<ом> смысле и наследствен<ного> порока в секулярном смысле. Народ зовет ее чайкою, Музою. Имя Марии забыто, но при чтении 12-ой главы нужно вспомнить об этом имени⁷. Я постараюсь приобрести этот роман и прислать Вам (самое любопытное оставляю до следующего письма). Юлии Владимировне и всему Вашему семейству шлю мое глубочайшее почтение.

Бабушка Юлии Владимировны говорила Л. Н. Толстому, что отец его был влюблен в нее, и я, сказал мне Толстой, верю в это⁸.

Глубоко уважающий и любящий Вас

Н. Федоров

11 февраля 1888.

41.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

9 сентября 1888. Москва

Премного благодарен Вам, глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович, за присылку 3-х листов¹, и тем более благодарен, что очень хорошо понимаю, что последние 2 листа стоили Вам немалого труда. Недоконченную фразу в одном из этих листов надеюсь окончить вместе с Вами, так как я питаю некоторую надежду, что Вы сами приедете с отцом² в Москву. Клиника уже открыта, о чем послана Вам телеграмма.

Хотел я Вам послать несколько листков из сочинения Л. Уорда, переведенных Кожев<никовым>, в которых говорится об контроле над природою, т. е. о чем<-то> в роде регуляции³, но в той же надежде на Ваш приезд я отложил посылку. Есть у меня книга — служба на Успение Пр<есвятой> Б<огоро>д<и>цы, составленная по образцу вечерни Вел<икого> Пятка и утрени Вел<икой> Субботы⁴. Эту книгу могу также Вам передать. Продолжаю заниматься статьею, которая начиналась, если не забыли, словами: «История есть всегда воскрешение, только для ученых оно есть метафорическое, т. е. знание

только, а для народа действие, но только мифическое»⁵. Читаю при этом Кареева⁶, который находит, что История не будет иметь смысла, если счастье будет принадлежать только будущим поколениям; нужно, чтобы и прошедшие не были несчастливы, т. е. не были приносимы в жертву будущим, и тем не менее в прогрессе он находит удовлетворительное решение этого вопроса, и притом относит это решение не к Историософистике, а к Историософии⁷. Об этом вопросе можно было бы побеседовать, если приедете в Москву. Принося еще раз искрен^{<нюю>} благодарность, остаюсь любящий и уважающий Вас

Н. Федоров

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

9 сент^{<ября>}

1888

42.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 9 сентября и началом октября 1888. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

В то время, как я получал от Вас начальные листы «Вопр^{<оса>} о прич^{<инах>} небратст^{<ва>}» — этого неученого произведения, — у меня были под руками Тезисы докторской диссертации и самая диссертация профес^{<сора>} Кар^{<еева>} под названием «Основные вопросы философии Истории»¹. И хотя в докторской диссертации и неученом произведении предмет один и тот же, т. е. жизнь человеческого рода, — но для беспристрастного взора философа небратство не составляет глубочайшего извращения жизни нашего рода, а потому и не входит в основные вопросы, и даже, как далее будет видно, противоположное движение делается для него руководящею идеею, а небратство — целью. Полное заглавие диссертации: «Основные вопросы фил^{<ософии>} Истории. Критика историософических идей и опыт научной теории историософического прогресса», т. е. критика различных мнений о смысле жизни и попытка создать свое собственное мнение об этом предмете. Чтобы дать понятие о последнем, выписываю вполне определение, которое он ^{<(Кареев)>} дает прогрессу, сожалея, что по многословию нельзя сделать из него эпиграфа. «Прогресс, — говорит он, — есть постепенное возвышение уровня человеческого развития. В этом смысле прототипом прогресса является индивидуальное психическое развитие»² [дальнейший текст представляет собой черновой набросок фрагмента 1 части «Записки» со слов «Прогресс, — говорит один известный профессор» до слов «и вся деятельность человеческая, умственная и физическая, есть проявление этой цели» и 8 примечания к 1 части «Записки» (см. Т. I наст. изд., с. 50–53, 64–66).]

43.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
14 октября 1888. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Принося Вам искреннюю мою благодарность за присылку 2-х листов рукописи¹, я удивляюсь не медленности высылки, а тому, что Вы находите возможным, при всех Ваших делах, уделять время и на это еще занятие. Я же с своей стороны не мог ничего сделать, а взялся еще передать Вам, вместе с поклоном от Ф. И. Буслаева², следующую его просьбу: ему нужно экземпляров 20 или 25 того номера «Пензенских Губернских Ведомостей», в котором напечатана статья Селиванова под заглавием: «Юбилей Ф. И. Буслаева»³. Он, т. е. Ф. И. Буслаев, желает, чтобы Вы попросили Редакцию «Пенз<енских> Ведом<остей>» о высылке ему этого №-а в сказанном количестве (или даже чем больше, тем лучше) экземпляров по следующему адресу: Большая Молчановка, дом Бернова... Для чего он выбирает окольный путь, когда можно идти прямою дорогою, т. е. обратиться прямо с своею просьбою в редакцию, — для меня совсем непонятно.

Еще раз благодарю Вас за присылку, остаюсь
любящий и уважающий

Н. Федоров

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему
Вашему семейству.

14 окт<ября>
1888

44.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
22 декабря 1888. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович. Премного благодарен Вам за присылку еще двух листов, так что теперь у меня имеется 10 листов первой и столько же листов второй рукописей¹.

Кроме тех сочинений о сторожевых линиях, о которых было сообщено Вам в прошлом письме², есть еще и другие, но отыскать их в Вашей библиотеке нельзя, конечно, потому, что их и нет там. Что касается до обещанных извлечений из сочинения Георгиевского «Анализ иероглифической письменности, как отражающей в себе Историю жизни китайского народа»³, то делать эти извлечения, не рисуя самых букв, бесполезно, а рисуя буквы по памяти, легко впасть в ошибку. Приведу Вам мнение одного из синологов (Абель-Ремюза) о китайских буквах. «Ни на одном языке, — говорит он, — невозможно передать энергию этих (т. е. китайских) живописных букв. На место наших условных, произносимых, бесплодных (stériles) знаков китайское письмо представляет глазу самые предметы, и в этих предметах оно изображает только то, что в них

есть самого существенного, так что нужно несколько фраз, чтобы исчерпать значения одного только (китайского) слова»⁴. Оно как будто имеет целью превзойти и живопись, отбрасывая от нее излишнее, и фонетическую грамоту, восстанавливая исчезнувшую в сей последней жизненность. А иероглифическая письменность Китая отражает в себе историю не китайского только народа, как сказано в заглавии книжки, а первобытную Историю всего человеческого рода, и не первобытную только, а и настоящую у всех нецивилизованных народов, не исчезнувшую совершенно и у цивилизованных. В анализе китайской письменности находится много такого, что подтверждает сказанное в рукописи о культуре предков, о происхождении искусств, даже о санитарном вопросе⁵. В будущем месяце надеюсь я приобрести эту книжку и прислать Вам. Гораздо труднее будет отыскать сочинение Лядского «Новое объяснение грозы», потому что оно издано в Ковенской Губернии⁶.

Поздравляю с праздником Рождества Христова и Новым годом Вас, Юлию Владимировну и Все Ваше семейство.

Глубокоуважающий и любящий

Н. Федоров

22 декабря
1888

45.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 января 1889. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович.

(Вместе с этим письмом) посылаю в гранках статью о Л. Уорде¹. Насколько можно судить из краткого изложения этой статьи, Л. Уорд отвергает естественный прогресс и признает только прикладное знание, т. е. требует, чтобы наука служила пользам и выгодам человека, т. е. наука жива только в мертвых произведениях мануфактуры. Он присвоивает себе право делить науки на живые и мертвые, подобно языкам. При этом он забывает, а может быть и не понимает, что наши языки, состоящие из слов, утративших смысл, не могут быть названы живыми и только при помощи мертвых языков могут возратить жизненность. Очень может быть, что он и признает, что наука не должна быть знанием причин вообще, но едва ли этот американский кулак и эпикуреец в состоянии понять, что наука должна быть вопросом о причинах небратства, или такой розни, которая делает нас орудиями слепой силы природы, орудиями стеснения и вытеснения, т. е. смерти. Точно так же он, конечно, не понимает братства, или объединения человеческого рода для регуляции слепой силы природы, или обращения ее в орудие сыновнего чувства, как всеобщечеловеческого. На природу он смотрит как на предмет *не регуляции, а эксплуатации*, потому-то и заслуживает наименование кулака. Он вовсе и не желает, чтобы слепая сила природы стала выражением общей воли и разума, а хочет наложить на нее *произвол искусственных потребностей*, к которым он, погрязший в тине городской жизни, — не может отнестись критически. Хотя Л. Уорд противник теории невмешательства, но он вовсе, по-видимому, и не думает об обращении ученого сословия, школы, в комиссию, т. е. полном обращении знания в действие (а без этого превращения наука останется схоластикой, хотя и позитивной), в выработку проекта обращения слепой силы в нравственно разумную.

«Генетический прогресс, — по Л. Уорду, — имеет результатом *рост*». Конечно, под понятием *рост* тут разумеется*, по крайней мере, должно разумеется и рождение, как его <(роста)> продолжение в измененной форме. Рождение же есть отделение, распадение, которое и делает нас орудиями естественного, генетич<еского> прогресса со всеми вышесказанными следствиями.

* если только разумеется? определения роста в статье этой нет.

«Росту в телеологическом прогрессе соответствует, — по Уорду же, — *мануфактура*». Но разве можно росту, если даже и не понимать его в таком обширном смысле, противопоставить мануфактуру как будто выражение всего творчества человеческого рода, рода, понимающего притом истинное значение рождения. Если рожденных (т. е. сынов) снабдить предведением и знанием слепой силы природы, то нужно будет лишить их совершенно совести, чтобы деятельность их превратилась в производство мануфак<урных> игрушек, а не в регуляцию. Только субъективное чувство (не американское даже, а собственно уродовское) может находить счастье в мануфактуре.

Во всяком случае система, которая хочет разумную силу человека обратить на производство игрушек, а в природе видит материал для этих игрушек, должна быть отнесена к детскому возрасту человеческого рода.

Поздравляю Вас, Юлию Владимировну и все Ваше семейство с новым годом.

Уважающий и любящий Вас

Н. Федоров

1 января 1889 г.

46.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 марта 1889. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович. Не знаю, как и выразить Вам свою признательность за Ваше предложение приехать на Пасху в Москву; но было бы непрослительным эгоизмом с моей стороны принять Ваше предложение. Если будет возможно, я сам постараюсь приехать в Керенск к Празднику Пасхи.

Возражение на сочинение Лядского было помещено в 12 № 1886 года «Русской мысли». Это возражение, к сожалению, включает в себе голословное отрицание, *приправленное порицаниями, а также и похвалами, которые хуже прямой брани*. Возмутительно издевательство столичного ученого над скудостью ученых пособий, которыми может пользоваться обитатель глуши¹. Но как ни велики средства первого сравнительно со средствами второго, разница эта пред таким явлением, как гроза, совершенно ничтожна, а потому и превосходство, которое не умеет скрыть рецензент, вовсе не так велико, как он думает.

Если же г. Лядский в своих наблюдениях одушевлен тою мыслию, о которой говорится в заключении его статьи, то его нравственное превосходство над всеми учеными, которые сами не знают, для чего они занимаются своими науками, не уменьшится и в том случае, если теория его окажется ошибочною или нуждающеюся в поправках. Я не читал ответа г. Лядс<кого>² и очень опасаясь, что он не в том видит свое преимущество, в чем оно действительно заключается.

Быть может, он не придает большого значения тем практическим последствиям, о которых говорит в конце своей книжки (ученый рецензент не обратил на них внимания), но во имя последних исследование становится нравственною обязанностью, так же всеобщей, как и воинская повинность, а не занятием на досуге, от безделья... Это первое преимущество. В Вашем письме указано и другое преимущество, так же важное, как и первое... Наблюдатель, принявший в руководство книжку г. Лядского, будет понимать, говорите Вы, «что и для чего он делает, тогда как Главная физическая обсерватория», так же как и рецензент московский, «желают иметь автоматических наблюдателей»³. Это значит, что в книжке Лядского есть свет, она просвещает, а Петербургская и Московская наука оставляет во тьме своих самых усердных слуг. Но много ли найдется и вне столицы таких ограниченных людей, которые ради чистой науки согласятся пожертвовать своим разумом, принять такие оскорбительные, безнравственные условия. Тогда как мысль г. Лядского, перенесенная из конца книги в ее начало, была бы требованием, обращенным ко всем, принять участие в великом деле, при сознательном участии в великой мысли.

14 лист предисловия и листы 15, 16 и 17⁴ получил и приношу Вам глубочайшую благодарность. Прилагаю при сем: краткий обзор оглавлений предисловия⁵ с некоторыми пояснениями.

Пожелав Вам, Юлии Владимировне и всему Вашему семейству всяческих благ, остаюсь

глубокоуважающий и искренне любящий Вас

Н. Федоров

5 марта

1889.

Очень бы желал побывать у Вас на Пасху⁶.

47.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 апреля 1889. Москва

Мой совет Вам, глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович, держаться на своем посту до последней возможности. Правда, Ваше положение очень тяжелое, даже в высшей степени тяжелое, но держаться еще можно, ибо, по собственным Вашим словам, Логвинов тогда только поступит с Вами как с судебным присяжным, когда увидит возможность обойтись без Вас¹, но пока этого нет, да и будет ли, тоже еще неизвестно. Допустим однако, что эта возможность наступит, то и тогда нужно еще будет решить вопрос, что лучше, самому ли удалиться или ждать увольнения? В последнем случае переход Ваш к неприятному для Вас занятию адвокатурою — т. е. лишь на счет ссор людей между собою — будет вынужденным, а не по собственной воле и выбору принятым. Давая совет держаться до крайности, полагаю, что он не противоречит

и Вашему собственному желанию, не противоречит желанию и Юлии Владимировны и всего Вашего семейства, коим и свидетельствую при сем мое глубочайшее и низжайшее почтение. Мне кажется, что Логв<инов> и сам чувствует, что он не прав против судебного прис<т>ава, и самый искренний друг его, т. е. Логв<инова>, не мог бы дать ему лучшего совета, как отказаться от требования залога теперь, когда не требовали его в течение 11^л лет. Я почти уверен, что он не будет настаивать на своем требовании, если только ему не будут напоминать о его несправедливости.

За присылку 11^л листов приношу Вам мою искреннейшую благодарность. Надежды мои на поездку в Керенск в мае месяце не оправдались; приходится отложить ее до половины июня².

Глубокоуважающий и любящий Вас

Н. Федоров.

26 апреля
1889.

48.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

18 сентября 1889. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович

Письма мои от 8 и 10 сентября, вероятно, Вы уже получили и убедились, что предположения Ваши, высказанные в Вашем письме от 10 сентября¹, были неосновательны. Вопрос, затронутый Вами в первом Вашем письме, легкий по-видимому, оказался настолько для меня трудным, что ответ на него, вместо того, чтобы быть посланным тотчас после получения первого Вашего письма, мог быть отправлен лишь 10 сентября. Этим и объясняется долгое мое молчание.

Из письма Вашего (10 сентября) видно, что Вы приступили к писанию Исторического очерка, пропустив прибавление к 2-му предисловию², вероятно потому, что не нашли его — при моем отъезде нескольких листов этого прибавления не было найдено, — я же кроме той статьи, о которой Вы пишете (о воин<ской> пов<инности>), никакой другой не брал.

5-й лист — окончание статьи о трудолюбии³ — получил и приношу Вам мою искреннейшую благодарность.

Юлии Владимировне и всему Вашему семейству свидетельствую мое глубочайшее почтение

Глубоко уважающий и любящий Вас

Н. Федоров

18 сент<ября>
1889.

1890

49.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
22 марта 1890. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,

За присылку трех листов¹ приношу Вам мою глубочайшую благодарность. Небольшую поправку к 1-му листу Вы найдете на следующей странице. Эта поправка может, мне кажется, заменить и самое заглавие. Теперешнее же заглавие нужно перенести к концу этой статьи: там оно будет понятнее. Если же нужно заглавие, то можно поставить вопрос: «Чем должна быть История для неученых?» Или «Что такое История для неученых? (и для ученых)». В конце 1-го листа вместо «в лице Христа» нужно сказать: «*во имя Христа объединяются все живущие для об<щего дела воскресения>*»². «Крейцера соната» не была напечатана и, кажется, и не будет напечатана³. Читал я эту повесть в рукописи. Постараюсь достать для Вас, если будет можно. «Смысл жизни»⁴ не был переведен, сколько мне известно. Можно ли будет купить в оригинале, не знаю. Больше всего меня порадовало в Вашем письме известие, сообщенное Вами, о решении Сенатом «Городского дела» в Вашу пользу, т. е. в пользу города, а также и улучшение Ваших отношений с Логвин<овым>⁵, который, как видно из Вашего письма, благополучно возвратился на родину, что меня тоже радует. Еще раз благодарю Вас за посылку.

Искрен<не> любящ<ий> и глубоко уважающий Н. Федоров

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

22 марта
1890

50.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
28 мая 1890. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович

Благодарю Вас за присылку 6 и 7-го листов¹. Предыдущие листы помечены Вами, как и следует, 4 и 5-м, в моем же письме по ошибке эти листы названы 4 и 5-м. Число всех листов будет 7, если не считать краткого предисловия, в коем 4-е листа. Пока могу сделать только небольшую прибавку к 9 параграфу

последнего из присланных Вами листов... «Культе Отцов и есть История», ибо что такое т<ак> н<азываемый> поход аргонавтов? Пелеринаж ли к горе, на которой был распят их предок Прометей (Япетович), и паломничество к гробу их предшественника по плаванью Фрикса и памятнику Геллы на реке Фазисе (м<ожет> б<ыть> Фисону, омывающему страну, богатую золотом?), или же плавание аргонавтов есть искание золотого руна, т. е. просто золота? Вероятно, и походы аргонавтов, подобно крестовым, из священных стали торговыми² — это небольшое извлечение из довольно большой статьи, которую едва ли стоит помещать.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и любящий Вас

Ник. Федоров.

28 мая 1890 г.

О Л. Н. Толстом я слышал только, что он болен; отчет же или извлечение из отчета Обер-прок<урора> Св. Синода 1887³ у нас еще не получен.

51.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 сентября 1890. Москва

Вы очень порадовали меня, глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович, присылкою 3-х листов¹. Ваши неудачи с первого раза меня очень поразили. То, что более всего Вас страшило, то самое и случилось относительно Мити² и его экзаменов. Что же касается Володи³, то вышло то, что и ожидать было нельзя!

Но рассудив, что Вы хотели сделать, м<ожет> б<ыть>, и очень хорошее для них, но невозможное для Вас, надо будет помириться с этими неудачами.

В этом письме могу сделать одно только замечание к последней статье⁴. «История для неученых — как факт, — есть...» Такое определение Истории для неученых, как факта, есть определение ее по Гомеру и по «Слову о полку Игореве», а Гомер тогда только был понят, когда произведения его были признаны неучеными, т. е. народными, хотя и переработанными учеными. В этом признании великая заслуга ученых немцев. Но признав произведения народные, общие выше произведений личной розни, они (ученые) остались, однако, при последних. Признавая, что кабинетные произведения могут быть лишь подделками под народные, они, ученые, не считают, однако, кабинеты, кельи только временными пребываниями, местом сокрушения об отделении, одиночестве, местом создания плана выхода из одиночества, плана воссоединения.

«Слово о полку Игореве» и есть, м<ожет> б<ыть>, произведение дружинной поэзии, но произведение таких дружинников, которые жили одною жизнью с народом, или по крайней мере отделение от народа считали самым великим злом. Но ни Гомер, ни «Слово...» не дают полного определения Истории (неученой). Гомер оканчивает свое произведение погребением⁵, а «Слово...» не признает возможности «кресити», потому эти произведения еще языческие. История же для неученых христиан должна быть расширена до вселенского синодика, плача, прелагаемого в дело, в радость воскрешения. Такое определе-

ние Истории совершенно согласно с двумя правилами критерия⁶. Как факт, она языческая, а как проект, она христианская.

Благодарю Вас за присылку 3-х листов.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение и благодарность Юлии Владимировне и всему Вашему семейству⁷.

Глубоко уважающий и любящий Вас Н. Федоров.

P.S. Ноги мои поправляются.

19 сент<ября> 1890.

52.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 сентября 1890. Москва

[начало письма утрачено]

...<отли>чие этой повинности от сельской, имеющей целью перевод городского сословия в сельское в видах регуляции необузданной слепой силы природы и превращения ее в живородящую. Сельская воинская повинность ставит себе целью достижение совершеннолетия. Власть при этом получает значение лишь временное, — наместника, соединяющего в себе и душеприказчика, и учителя, знание и воспитание. Эта власть необходимо кончается вместе с исполнением долга, т. е. воскрешением.

В промышленной повинности власть, ради улучшения комфорта, получает значение *вечного опекуна* или попечителя, а не временного наместника, ибо промышленность, как и искусство, есть лишь *подделка* под живое (игрушки), а потому в промышленной повинности или долге не может заключаться требования воскрешения или совершеннолетия, только при сопоставлении промышленной повинности с сельской первая получает надлежащую оценку. Без этого сопоставления обращение военной армии в промышленную (это не устранение, а усиление причин войны), обещание всем дать высшее образование, т. е. всех сделать учеными, но в деле знания не участвующими, может действовать обольстительно на тех, кои ученых считают высшим сословием, лучшими людьми и которые из промышленности сделали себе идола, не подозревая в ней источника вражды.

Сельская же воинская повинность, по причине усиления бедствий и смертоносности со стороны слепой силы, переходит от борьбы с себе подобными в регуляцию этой силы и этим самым заменяет подделку под жизнь, т. е. мануфактуру и искусство, действительным воскрешением, а лжебратство, нуждающееся в надзоре и понуждении, [обращает] в действительное братство, ибо только в деле отеческом, т. е. воскрешения, сыны становятся братьями.

Продолжение этой безобразной нескладицы приходится отложить до следующего письма.

Глубоко уважающий и люб<ящий>

Н. Федоров

27 сентября 1890.

Свидетельствую мое почтен<ие> Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
6 октября 1890. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,

Чугунный образ найден и отправлен по указанному Вами адресу. Выписки Ваши из книги Рода¹ обещал перевести В. А. Кожевников, насколько это возможно, так как указания Ваши на страницы книги, которой ни у нас, ни у кого нет, совершенно бесполезны. По получении переводов не замедлю доставить их к Вам. Для наполнения же письма помещаю несколько заметишек на II, III и IV параграфы присланных Вами листов² (о I-м же параграфе, составляющем продолжение предыдущего письма³, будет сказано ниже). II-я статья⁴ м<ожет> б<ыть> названа оглавлением или кратким изложением содержания 2-го предисловия. Предисловие же это говорит об испытании вер Запада и Востока (ближнего) или ставит вопрос о том, к какому убеждению мы должны прийти, если на нашу борьбу с Исламом, поддерживаемым всем Западом, будем смотреть как на опыт или испытание. Результат этого 1000-<летн>его испытания или опыта есть вопрос о Троице как заповеди, данной сынам по отношению к Отцам. Для ученых это вопрос еще о признании догмата заповедью, для неученых же это вопрос об исполнении⁵. III-я статья — О критерии при испытании вер⁶. Этот критерий есть не отрицание, а двойная поправка той заповеди, на которой держится ученое сословие. Два правила неученого критерия⁷, поставляемые взамен одного (*«познай самого себя», говорящего о знании и умалчивающего о деле, указывающего на самого себя и забывающего о всех других*), не должны быть отделяемы, должны быть одним правилом. Этим правилом отвергаются ученые как сословие, а требуется всеобщее обязательное образование, чтобы «все» стало предметом знания «всех» и не осталось бы знанием, а обратилось во всеобщее дело. Критерий есть только путь, приводящий нас к такому делу, в коем могут объединиться все и для коего необходимо всеобщее знание. Критерий учит нас не отличать только Истину от лжи, не познавать лишь благое и злое, а, отрекаясь от последнего, быть орудием осуществления первого. Этот критерий связан с началом, продолжением и всею будущностью нашей Истории. Он связан с призывом к народу, в *родовом быту* живущему, князей, устроителей обязательной воинской повинности, и призывом *печалующегося* о войне и розни христианства. Этот критерий разрешает противоречие между военно-гражданским и родственно-христианским. Но разрешение этого противоречия легко может быть понято только народом, в родовом быту живущим, ибо дело, которое требует соединения решительно всех и требует глубочайшего знания вселенной, есть дело людей, сознающих себя сынами всех умирающих и умерших отцов. Только в признании людей сынами критерий получит полную определенность. Познайте себя в отцах и отцов в себе и будете братьями, а не отделяя знания от дела, будете орудиями воскрешения отцов. Но и отрекшиеся от родового быта (т. е. цивилизованные, культурные народы и *сословия*) не могут отречься от сказанного решения, ибо в критерии заключается обличение и цивилизации и культуры, которая нашла свое высшее выражение в последней, юбилейной выставке Парижа⁸, показав-

шей все, что сделано было для розни и вражды. В этом критерии заключается обличение и социализму, который показанное на выставке стремится сделать достоянием всех, т. е. объединить во имя комфорта живущих, забывая умерших; в нем же заключается обличение пессимизму, который не только хочет уничтожить (искренно или лицемерно) все показанное на той же выставке, т. е. роскошь, но и самое бытие, т. е. хочет объединить людей во имя «Ничто». Иначе сказать, издевается над объединением и отвергает дело, не ведая сам того, что творит. Но от всеобщего уничтожения один только исход — всеобщее воскресение.

Свидетельствую глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и любящий

Н. Федоров.

6 октября

1890

1891

54.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
5 июня 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович,

Судя по Вашему письму от 28 мая¹, надо полагать, что Вы ожидаете в непродолжительном времени решения вопроса о том, оставаться ли Вам в Керенске, или же переезжать в Чембар. От всей души желаю последнего, желаю и для Вас и для себя. Но что делать, если замедлится решение этого вопроса, а мне нужно бы иметь к 15 июню определенный ответ². Конечно, не от Вас зависит решение вопроса, но я буду ждать от Вас к 15-му июню уведомления о том, состоялось ли Ваше определение в Чембар, или нет³. Дал бы Бог получить утвердительный ответ. В ожидании такого ответа остаюсь

Глубокоуважающий и любящий Вас

Н. Федоров

5 июня 1891.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

P.S. Купался только еще один раз.

55.

Ю. В. ПЕТЕРСОН
19 июля 1891. Подольск

Глубокоуважаемая
Юлия Владимировна

Посылаю моей крестнице Наташе¹ 5 руб. Свидетельствую глубочайшее почтение Вам и всему Вашему семейству.

Глубокоуважа<ющий>

Н. Федоров

56.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
8 августа 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Занявшись в прошлом письме* вопросом об эпитафии, так прескверно изложенном, что его и посылать не следовало, я ничего не сказал о дневнике, который Вы начали писать, хотите продолжать, но не хотите мне прислать, найдя его малосодержательным. Но если бы это было и так, то очень важно решить или хотя поставить вопрос о том, почему дневники бывают малосодержательны и что нужно, чтобы сделать их содержательными. Не наведет ли Ваш дневник хотя на некоторое решение этих вопросов.

К Записке от неученых к ученым:

В настоящее время задумал я осмотреть Московские кладбища**, т. е. синодики, писанные на самой земле, писанные *барельефом* и *горельефом*², и нашел, что истину, смысл кладбищ нужно искать в барельефах, т. е. в могилах *невежд и бедняков*; в горельефах истина кладбищ искажена, но и искажение имеет интерес, как имеет интерес, и чрезвычайно большой, Французская выставка, которую я также навесил³, если на нее смотреть как на искажение, как на злоупотребление силами, похищенными у кладбищ***. В чем состоит истина барельефов и ложь горельефов, я предоставляю Вашей собственной догадливости, в ожидании этой разгадки остаюсь глубокоуважающий и любящий Вас Ник. Федоров, свидетельствуя глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему Семейству.

8 августа 1891.

57.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Между 8 и 20 августа 1891. Москва

Кладбищенский, внегородный Музей

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Я убедился, что без эпитафии «Дать ли всем участие в комфорте или объединить всех в труде познания слепой силы» нельзя¹.

Обходя кладбища, я увидел то, что должно быть уже после проповедания Евангелия всем народам, «когда придет конец», видел «мерзость запустения на месте святе», где именно и не должно быть ей (Марк. XIII, 14), ибо недостаточно для кладбищ, как даже и для музеев, быть лишь хранилищем. А между тем, на этих святых местах, на кладбищах, не только гордые памятники богатых рушатся, но и самые могилы бедняков сравниваются с землею, уничтожа-

* 6-го августа¹.

** Был только на двух.

*** Еще более любопытное искажение будет представлять Русская выставка в Париже будущего года.

ются, в чем, конечно, выражается нынешнее отношение сынов к отцам. Кладбищенские священники и левиты видят ежедневно это разрушение и проходят мимо; видел и я много камней распавшихся, падших, хотел даже поднять один из них, небольшой, стоявший на могиле младенцев, которых есть Царствие Божие, как гласит надпись на нем, но не смог поднять его и больше не покушался на такие подвиги, как, конечно, и священники и левиты. Что же нужно делать? Закон, вероятно, предоставляет родственникам заботу о сохранении памятников и не вменяет в обязанность священникам и вообще кладбищенскому начальству попечение о них.

Запустение есть естественное следствие упадка родства и превращения его в гражданство. Кто же должен заботиться о памятниках, заниматься ими; кто должен возратить сердца сынов отцам? Восстановить смысл памятников, утраченный благодаря неравенству, проникшему даже в царство смерти, — <для этого> нужен, конечно, Музей со школою. Тут даже вопиющая и вместе самая естественная необходимость в нем. Но и археологи видели это разрушение и проходили мимо, и, по-видимому, и вопроса о кладбищах со стороны сохранения памятников не поднималось, ибо археология, как и всякая наука, бездушна и нуждается в оживлении, но Музею на кладбище без души нельзя быть.

Какой же враг разрушает эти памятники? Со стороны людей здесь только равнодушные: ни камней, ни крестов не уносят с кладбищ (это было бы святотатство). Разрушителем является там сила, которая носит в себе голод, язвы, смерть. Она же производит разрушение, гниение и тление, как слепая сила (т. е. она жизнь же наносит смерть по своей слепоте). Для спасения кладбищ нужен переворот радикальный, нужно центр тяжести перенести на кладбище, т. е. кладбище сделать местом собирания и без<воз>мездного попечения всей той части города, которая в нем хоронит своих умерших, зарывая <их>, как клад. Создавая Музей, ему надо предоставить не цензуру лишь памятников, а руководство при их построении, в видах сохранения смысла памятников. Могилы [продолжение утрачено.]

58.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 августа 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

(В настоящем письме я старался выразить мнение местного жителя по поводу известной Вам статьи о Лодыгине¹.) Прочитав о пожертвовании, которое заслуживает быть известным и там, где есть библиотеки, и там, где их нет, я — обитатель *безмузейного* града — превратился весь во внимание, ожидая найти в этом пожертвовании тайну зарождения и роста этих учреждений, значенных сохранять от бесследной гибели проявления умственной и душевной жизни и даже вызывать их в наших захолустьях, ибо где нет таких учреждений, там все имеющие один талант, не говоря уже о получивших 5 и 10 талантов (?), обречены топить его в вине, в картежной игре... если не успеют бежать из родины и сделаться блудными сынами. (Мнение, высказываемое местным жителем *безмузейного* города, есть мнение язычника, не знающего, что Музей есть выражение *посмертной* любви к отцам... Задача же Музея дать приложение всем талантам (способностям) — это истинно христианское дело, ибо Хри-

стос был не только враг Субботы, бездействия и был читателем Бога, не почившего от дел, а Того, который доселе делает и требует, чтобы и большие, и малые способности — таланты и лепты — имели свое приложение, что возможно только для Музея как союза всех сынов.)² Что же я услышал? Услышал о человеке, который, занимаясь в Музее, выписывал для своей частной библиотеки то, что не находил в общественной. Правда, в таком отношении к учреждению нельзя не видеть не только сближения, а даже слияния, так сказать, частной библиотеки с общественною еще до пожертвования, если владелец позволял, ограничивая свое право собственности, пользоваться <своею библиотекою> занимающимся в Музее еще при своей жизни*. Тем не менее в этом способе я ничего не усмотрел особенного, пока не узнал, что большие библиотеки придают очень важное значение удалению от себя дублетов и обмену их. Тогда я увидел, что тому, кто положил свою душу в составляемую им библиотеку, эта же душа подсказала и способ увековечить ее, ибо отсутствие дублетов, т. е. полезность охраняла ее, если, конечно, будущие жертвователи подражали бы ему. Тут я начал понимать, почему в его пожертвовании заключался способ повсеместного созидания библиотек. (См. в приложении 1-й пункт.) Мало того, я нашел в самой статье о пожертвовании даже умаление его заслуги. Сказавши, что он сделал для своего собрания уже все то, что обязаны делать служащие в Музее, прибавлено: «записал на особые карточки каждое отдельное сочинение и т.п.» Конечно, автор не хотел унижить или умалить заслуги Н. Д. <Лодыгина>, а вышло именно так: после «и т.п.» остается и даже нужно прибавить «и т.п.» подобный вздор». Однако, ознакомившись с устройством библиотек, я узнал, что во-1-х, не на всякой карточке можно писать; нужна карточка известной меры, нужно их заказать, а главное, необходимо писать с соблюдением некоторых правил, нарушение которых затрудняет или даже делает невозможным отыскивание книг, а жертвователь писал так, что облегчал отыскивание, обозначая главное слово цветными чернилами, писал старательно, благоговейно, т. е. *религиозно*, как в старые времена, когда господствовал «Устав», а не скоропись нашего времени, в которой заключается обличение для XIX века.

Жертвователь имеет детей, но он пожертвовал не своим только сынам, а всем сынам, всем занимающимся, как одному сыну, — это есть расширение родственности (продолжение будет в следующем [письме]).

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и любящий Н. Федоров.
20 августа 1891.

Приложение³

«Московские Ведомости», очевидно, не нашли заслуживающим известности** то пожертвование, которое, как мы полагали, может вызвать к существованию Музеи даже и там, где их еще не было, ибо должны они быть повсюду, где есть умирающие, где есть кладбища, как и школы должны быть повсюду, где есть рождающиеся, чтобы научить *сих последних их обязанностям*,

* Так это и было.

** Хотя я наверное еще не знаю, было ли напечатано или нет.

их истинному долгу к умирающим*, т. е. примирить сынов с отцами, а не отделять их, потому что превозношение над отцами, осуждение их составляет отличительную черту века нашего, века восстания сынов на отцов, не только не обещающего обществу благоденствия, но грозящего ему близким падением, смертью.

Статья, описывающая это пожертвование, состоит из 5-и пунктов, содержание коих мы здесь выписываем, желая раскрыть, уяснить все значение завещанной жертвы, сознавая в своем бессилии сделать это достойным такого приношения образом.

1^й пункт показывает, что в это пожертвование *завещатель положил всю свою душу*, что с его стороны это не было отдачею по смерти того, в чем не было нужды при жизни; это не *денежный дар*, даваемый без всякого участия души, которым покупается право на равнодушие и бездействие и коим откупаются от участия мыслию, чувством и делом в жертве. Жертва же, о которой мы говорим, была приношением человека, испытавшего предварительно нужды учреждения, недостатки его, познавшего самые причины оных, но не осудившего учреждение, а пополнившего своим завещанием недостатки, открытые в нем, сочинениями, к его специальности относящимися, и указавшего тем путь к пополнению их вообще. — Тогда как большинство, не входя в нужды учреждения, не давая ему ничего, казнит его за все. В настоящее время мы имеем целое сословие (ученое и интеллигентное), считающее своею великою, святою обязанностью судить живых и мертвых. Если это последнее отношение, осуждение наместо избавления от нужд, заслуживает названия антихристианского, то приношение Н. Д. Лодыгина будет точным подражанием самому Христу, вселившемуся в нашу кожу, испытавшему наши нужды, пришедшему спасти, а не судить мир, и тогда не осужденные тем, кто имел право судить, сами себя осудим.

2. Пожертвование *собственным трудом*. Он не только принес дар свой Музею, но он сам совершил предварительно весь — сколько это возможно — труд приема, явив в этом деле образец труда высшего, не по принуждению, из-за платы или награды совершаемого.

3. *Пожертвование своими познаниями* — это советы, даваемые им тем, которые занимались в Музее предметами, близкими к его специальности. Такая педагогическая деятельность, весьма полезная для большинства занимающихся в Музее, сделала бы Музей высшею школою, если бы успел он соединить в себе специалистов — советодателей по всем отраслям знания и дела.

4 пункт рассматривает пожертвование как выражение нравственного чувства, родственной любви, не ограничивающейся своими детьми, — пожертвование приносится всем сынам, как одному сыну. В этих четырех пунктах говорится о любви отцов завещающих.

5. Этот пункт говорит об обязанности сынов, об эвхаристии, не ограничивающейся ни изображениями умерших в храме, ни внесением их в синодик, ни портретами, ни биографиями в Музее, ибо религиозизация есть такое выражение благодарности (евхаристии), или любви сынов, которое не может удов-

* отдачи сынами отцам всей души внутри, по чувству благодарности и по долгу, что должно соответствовать во всеобщем деле в<оскрешению>.

летвориться идеальным выражением в храме и музее, удаленных от праха умерших, а требует реального выражения на кладбище, ибо Музей, создаваемый любовью отцов *завещающей* и любовью сынов *исполняющей* (т. е. душеприказчеством), есть выражение любви посмертной, любви, не ограничиваемой смертью, любви, следовательно, наибольшей, которая была бы, однако, лицемерною, если бы ограничивалась памятником могильным и поминовением на нем и не дошла бы до всеобщего оживления.

59.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 сентября 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

До сих пор не мог прислать Вам окончания статьи о Н<иколае> Д<митриевиче> Л<одыгине>¹, потому что был отвлечен другим делом, из которого, впрочем, ничего пока не вышло и, конечно, ничего и не выйдет. Осыпавый требованиями таких книг (иностраннных), каких у нас нет, я пришел к мысли, пользуясь нынешними дружескими отношениями Франции и России, затронуть вопрос об литературном обмене, состоящем в том, что Россия будет доставлять Франции (Национальной ее библиотеке) все выходящее в ней по одному экземпляру по части науки и литературы, а Франция то же самое будет делать для России, т. е. для Московского государства, как нас называют на Западе. И таким образом Россия в своем центре будет иметь произведения французских умов, а также и изображения их (т. е. портреты писателей и деятелей), так как первые (сочинения) для нас, православных, не мыслимы без последних (портретов). Что важнее для сближения народов, произведения ли их рук (выставка)² или произведения умов (библиотека), понимая под последнюю — согласно с мыслию первого собирателя на Руси всех чтомых книг — собрание книг как памятников людей умерших и неумерших, т. е. толковый синодик к лицевому?

Несколько человек обещали мне написать и в русских, даже во французских газетах по этому предмету, но пока еще ничего нет, кроме одной статьи, которую я не мог еще прочитать³. Вопрос об этом обмене очень сложен, хотя он может служить образчиком только начального объединения, завершением же его *м<ожет> б<ыть>* лишь объединение в деле регуляции голодоносной силы...

В Вашем письме разделение нового предисловия на 4-е параграфа кажется очень хорошо, только в 3-м параграфе слова «несовершеннолетие» и «малолетство» имеют не одинаковый смысл⁴, не должны иметь одинаковый смысл, как, по-видимому, они у Вас употреблены: мы хотя несовершеннолетни, но не малолетни. *М<ожет> б<ыть>*, я и ошибаюсь, забывши самый текст.

Болезнь моя, хотя и повторялась, но уже не в такой сильной степени, очень сожалею, что и Вы испытали нечто подобное.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и искренне любящий

Н. Федоров

6 сентября

1891.

60.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 5 и 15 октября 1891. Москва

Черновое

Проект подоходного налога двойного свойства, назначенный для спасения от последствий нынешнего метеорического погрома, нельзя отделять от проекта войска с дwoяким назначением, имеющего целью устранение этих погромов в их коренных причинах, и не потому только, что нельзя оставаться под гнетом постоянного ожидания такого радикального разорения сельского хозяйства, каким грозит нынешний погром.

Подоходный налог, требуя ограничения своих личных, хотя и искусственных потребностей, не устраняет, однако, антагонизма между личным интересом и общим благом. Поэтому добровольный *maximum* — возможен лишь как порыв, как временный подъем, а не как постоянное состояние. Военное же воспитание, отучающее от искусственных потребностей, и превращение мануфактурной городской промышленности, возбуждающей и поддерживающей искусственные потребности, в сельскую кустарную уничтожат антагонизм. Сельская же кус<тарная> промышленность и военное воспитание суть необходимые принадлежности войска с дwoяким назначением, ибо мирное назначение войска состоит в объединении всех (всеобщей повинности, неотделимой от всеобщего обязательного образования) в труде познания слепой силы и регуляции ею, т. е. в новом сельском знании и искусстве.

Если Западная Европа, не знающая другого *единства*, кроме *господства*, принуждена была в избежание такого единства сделать *нейтральной* страну горных проходов, горный узел, Центральные Альпы (Швейцарию) (почему полуостров розни и называется *Альпийским*), то при ином, высшем понимании единства *Памир*, также горный узел, по которому весь старый свет нужно назвать *Памирским* (т. е. назвать его по *Отечеству*), недостаточно нейтрализовать¹, а следует сделать центром регуляции, как Константинополь — центром соединения для регуляции устройением постоянных ученых институтов всех народов. Сегодня получил от нашего молодого ориенталиста С. С. Слудского письмо, писанное к нему французским археологом Вауе, в котором этот ученый называет проект литер<атурного> обмена *une grande et belle idée*²

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

16 октября 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Благодарю Вас за присылку 14-и листовой рукописи¹ и за настоящее письмо от 10-го октября². Я полагал, что и Вы, подобно и всей нашей интеллигенции, не обратили никакого внимания на американский опыт искусственного * дождя, произведенный так кстати во время нашего страшного неурожая от бездождия⁴. Бедствия, происходящие от слепой силы, вынуждают нас то самое оружие, которое назначалось против себе подобных, обратить против этой бесчувственной, неразумной силы и пригласить разумные силы к общему действию. Но разумные силы оказываются бесчувственнее самой стихийной силы. Слепая сила, поражая нас бедствиями, как бы напрашивается, навязывается, требует под страхом истребления руководительства. А ученое сословие остается глухо и слепо к этим вызываниям и продолжает ковать оружие для истребления себе подобных из-за мануфактурных игрушек. Даже духовенство, кажется, не замечает в этом совпадении американского опыта с нашим неурожаем указаний свыше и не предлагает, что он, этот опыт, может получить истинно христианское назначение **, и военная интеллигенция не хватается обеими руками за это средство, которое может сделать войско безусловно христоролюбивым. Обращаемся ко всем, которые считают войско христоненавистным учреждением и думают бранью уничтожить войну, с вопросом: что лучше — не воевать только и бросить оружие или употребить его на спасение от неурожая, от метеорических погромов, подобных нынешнему?*** Хуже всех других сословий отнеслись к этому опыту техники. На сообщение г. Старкова в одесском Техническом кагале или синедрióне «последовали прения пессимистического характера о целесообразности упомянутого средства против засухи» («Русск<ие> Вед<омости>» № 280)⁷. Может быть, они иначе взглянули бы на него, если бы эти орудия и снаряды назначались для поливания улиц, а не полей, если бы они назначались не для спасения от голода, а для увеличения комфорта. Для техников, привыкших к игрушечным экспериментам, недоступно, непонятно величие этого опыта. Техники сами себя осудили, когда, отвергнув целесообразность американского средства, они не заменили его другим средством, и *даже не искали* этого средства, притом отвергли данное опытом не другим же опытом, а лишь словами. А между тем наше положение таково, какого не было от начала русской Истории: ни татарский погром, который прошел лишь полосой, подобно градовой туче, ни ляхоление не могут идти в сравнение с нынешним воздушным или Метеорическим погромом. Знойные ветры пустынной Азии, пожигая всякий злак, произвели большее опустошение, чем орды, которые она (Азия) на нас высылала; а влажные ветры Запада опустошили

* Название искусственного дождя будет верно только до тех пор, пока эти опыты будут производиться не по одному общему плану, и не на всем земном шаре, и порознь. Если Вы напишете статью в губерн<ских> Ведом<остях> о искусственном дожде³, то мне очень бы желательно видеть ее прежде напечатания.

** Этим опытом полагается начало «Христианской мировой⁵ „технологии“».

*** И. М. Ивакин хочет предложить этот вопрос Л. Н. Толстому⁶.

Крым, разорили Кавказскую дорогу... Океан и Пустыня, эти две слепые силы, вступили в союз против нас, но не победили нашего равнодушия, косности. Разнуздав эти силы, Г<оспо>дь указал и на средство... Если метеорический погром открывает Санитарно-продовольственный вопрос, то слух о подоходном налоге дает нам возможность поднять вопрос о переходе нашего общества от юридического к нравственному состоянию, ибо можно будет обратиться к правительству с просьбою, чтобы к требованию обязательного налога присоединить предложение добровольного взноса и соединить в одних руках и налог, и его пожертвование, а не раздроблять последнее между частными обществами, которые не только менее заслуживают доверия, но могут вести и не к единению...⁸ Этот антипарламентский способ действия будет началом нашего освобождения от влияния парламентской Европы и от подражания ей.

Если к вопросам продов<ольственно>-санит<арному> и к вопросу о переходе от юридико-экон<омического> к нравств<енному> или родственному присоединим открывающиеся вопросы: Дарданельский, или о проливах, и Памирский, или о горных проходах⁹, то легко уже понять, что нужно, чтобы соединить все эти вопросы в один и придать ему высшее значение? Барсов, которому я сообщил, по его настоятельной просьбе, заметки о современ<ном> положении, о подоход<ном> налоге, поступил тоже подло, но все не так подло и коварно¹⁰, как Соловьев¹⁰.

Глубоко уважаю<щий> и иск<ренне любящий> Н. Федоров

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

62.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 октября 1891. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Николай Павлович

Ваша статья в «Пенз<енских> губе<рнских> Вед<омостях>» просто сразила меня. «Брошюра стоит только 50 копеек». Такой конец дает решительно всей статье Вашей вид рекламы в пользу залежавшейся брошюры г. Лядского¹. Но если для меня Ваша статья имеет только вид рекламы, то для не знающих Вас она будет казаться спекуляциею, желанием воспользоваться нынешним бедствием для распродажи брошюры г. Ляд<ского>. Впрочем, Ваша статья Пенз<енских> Ведомостей заключает в себе совершенно другое дело и ничего общего не имеет с тем, что изложено в первом предисловии², недавно присланном Вам^{*}, и служить предварительною статьею не может.

Предисловие надеется, что голод и другие бедствия, на которые оно и указывает, вынудят ученое сословие изучать природу исключительно с точки зрения регуляции, управляемости ею, обращения слепой силы в сознаваемую.

* И не имеет ничего общего со всею рукописью.

Неудачи Американского, Каразинского и какого бы то ни было способа остановить это изучение не могут.

Что же касается американского способа, как основанного на «данных, собранных на полях сражений»³, то он может быть испытан* без *всяких пожертвований*. Стоит только правительству вменить артиллерийским командам в обязанность ввести метеорические наблюдения пред стрельбою, во время стрельбы и после стрельбы, т. е. обратить артиллерию в средство, а артиллеристов в класс ученых, изучающих влияние взрывчатых веществ на атмосферные явления (что не изменит боевой ее силы в случае крайности). То же самое может быть, конечно, применено ко всем войскам, вооруженным огненным боем, конным и пешим. В этом обращении военного дела, военной работы в исследование, в изучение природы, выразится новое назначение войска, а вместе начало превращения или перехода от неестественной (в нравственном или родственном смысле) борьбы к естественному действию. Если же огненный [бой], т. е. артиллерийский и ручной огонь, окажутся недостаточно сильными, чтобы произвести разрежение или уменьшение давления, чтобы так-им обр-азом изменить направление воздушных токов или ветров, то можно присоединить Каразинский способ и также без всяких жертвований, ибо Каразинский снаряд сделался или делается военным орудием.

Что касается до обращения, помещенного в конце новой Вашей статьи, то я ничего не могу сказать ни за него, ни против ничего не могу сказать, так как это было, как сказано уже, *совершенно другое и притом денежное*⁵.

О Толстом говорить не советую, во 1-х потому, что не понимаю, как, говоря против Толстого, Вы будете иметь на своей стороне его приверженцев; во 2-х потому, что статья, *подобная* Вашей ненапечатанной, составлена Ивакиным и отправлена к Толстому, на которую он и отвечать, вероятно, не будет⁶. Ваша же статья будет Вам возвращена без всяких поправок и дополнений.

Уважающий и любящий Вас

Н. Федоров

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

27 октября 1891.

63.

В. С. СОЛОВЬЕВУ

Конец октября — начало ноября 1891. Москва

Черновое

Я также сожалею и глубоко сожалею, что обстоятельства *публичного* свойства, которое есть *злоупотребление общественного*, которое тоже не есть еще *благое употребление*¹, отнимают у Вас время, а это время могло бы быть употреблено на *общее*, в коем нет ничего суетного, *всепримиряющее* дело, которое не вызывало бы против Вас вражды, не лишенной, конечно, в настоящее время основания. Есть люди, которые в этом возбуждении вражды, намеренно вызываемой, видят пробуждение общества. Но это пробуждение — совершенно

* Существует также мнение, что артиллерийский огонь разгоняет тучи и облака. См. Араго: «Гром и Молния» и Смирнова: о Громоотводе⁴.

суетное, ибо пробужденные, переругавшись*, погружаются в еще более глубокую спячку. А между тем вопрос, который, по моему предложению, Вы могли бы вызвать, настоятелен во всяком смысле и не терпит отлагательства ни на минуту.

Он вызвал бы к жизни даже натуралистов, не говоря уже о духовном и военном сословии, ибо опыт, о котором было Вам сообщено, требует большого обсуждения или даже замены другими средствами, если только эти бесплодные пыталы природы пожелают сделаться из коммерц- и мануфактур-советников, каковыми они по сие время были, советниками народа в его беспримерном бедствии. Но если эти опыты имеют целью искоренение неурожаев в их коренных причинах, освобождение в будущем от метеорических погромов, то <они необходимы> и для избавления от последствий нынешнего погрома, более страшного, чем все монгольские и польско-литовские нашествия, ибо слепые силы Востока с их иссушающими ветрами и влажные ветры слепого Запада соединились против нас и требуют, вопиют** о соединении разумных сил, сил всех народов, восточных и западных, и возвышении в разумную силу темного, по его собственному названию, народа. Такое сознание*** нужно, оно необходимо, чтобы соединиться для общей помощи бедствующим от голода.

Книжный обмен, временный съезд и постоянные институты, подобные тем, которые имеет Франция в Риме и Афинах, только не для изучения <одного> прошедшего, но и настоящего состояния, для изучения человека и природы — все это составляет необходимые ступени соединения против слепой силы, носящей в себе голод, язву и смерть. <Все это должно быть прочно> связано, <а не> тонкими, как волосок, нитками.

Подходный налог, обязательный в *minimum* и добровольный в *maximum*, есть самое простое и единственное средство для спасения *всех* голодающих. Успешность подходного налога, особенно в его добровольной части, находится в прямой зависимости от сознания, что, с одной стороны, в будущем неурожай будут усиливаться и расширяться, а с другой — что это расширение вынудит нас сделаться разумною волею, правящею слепую силою. Обязательно-добровольный налог есть в то же время средство перехода от общества юридического, держащегося надзором и наказанием, к обществу добровольному, составляющему полную противоположность конституционному государству, в котором урезывается и обязательный налог. Горячую мольбу к правительству и ко всем чающим спасения от голода хотели <мы> просить Вас составить, а Вы занялись средневековым мировоззрением... И я передал, точнее, вынужден был передать заметки об кн<ижном> обмене, в<ременном> съезде, институтах Барсову², который способен только исказить их. Тогда я еще не читал реферата 19 окт<ября> и не знал, что под средневековым мировоззрением разумеется нынешнее христианство, «которого упадок неизбежен»³, подразумевается — даже желателен.

* Чтение Ваше в Псих<ологическом> Обще<стве> было также публичным, т. е. с шумом, треском, которое имело целью больше оскорбить, а не исцелить большинство.

** <Но> кто имеет уши, чтобы слышать их, эти вопли?

*** Т. е. сознание о постоянном усилении неурожаев в будущем и о необходимости противодействовать им соединенными силами.

1892

64.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
4 января 1892. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

О Мокшанских голодающих взялся довести до сведения г-жи Толстой Ив<ан> Мих<айлович> Ивакин — бывший учитель ее детей¹ — и получил *полный отказ*. Добыть сочинения Толстого, указанные Вами², *чрезвычайно трудно*, а переслать тем путем, о котором Вы пишете, просто невозможно. Какой же Книжный магазин возьмется открыто переслать запрещенные сочинения по поручению совершенно незнакомого ему человека!! Постараюсь приобрести их, но за успех не ручаюсь.

В нынешний страшный год я надеялся, по крайней мере, что найдется один или два человека, которые заинтересуются вопросом о голоде... и не нашлось решительно никого.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

21 декабря 1891 года послано для голодающих 3 руб<ля> и 3-го января нынешнего года 5 руб<лей>.

Глубокоуважающий и искренне любящий Вас Н. Федоров
4 января 1892 года.

65.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
10 января 1892. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович

Книги, о которых Вы писали¹, мною приобретены, но никто не берется переслать их, не из страха ответственности, а из опасения прослыть толстовцем. Вас и особенно Вашего поклонника толстовщины, конечно, удивит, что есть еще люди, которые не считают лестною для себя эту кличку, но есть еще и такие... Я же буду иметь возможность отправить эти книги только 2-го февраля. Стоят они 3 рубля 50 коп. Эти деньги я прошу Вас взять с обожателя толстовщины, когда, конечно, получите книги, и обратить в пользу голодающих.

Надеюсь, что он не сочтет дорогою эту цену, так как подобные ему любители, как говорят, платят и по 50 рублей за эти книжки.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и искр^{енне} любящий Вас Н. Федоров.

Это письмо уже четвертое с 21 декабря, из них 2 денежные и два неценные².

66.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 марта 1892. Москва

10-го октября я предложил, а Соловьев охотно принял на себя «литературную обработку» — как выразился Соловьев в позднейшем письме, назначив 12-ое октября для совместной работы, — идеи о том, что все выработанное знанием в орудие войны и, вообще, истребления, может быть употреблено на спасение от голода, что война может быть заменена регуляцией, которая способна не уравнивать, а обратотворить сословия и народы, чего нельзя достигнуть никакими революциями; что нынешнее время, время сближения двух народов (России и Франции) указывает, что выработка плана этого святого общего дела может быть произведена всенаучным съездом ученых двух народов, совместно или предварительно с всенаучным книжным обменом, в котором одном вс, -таки было более действительного сближения, чем в мнимом соединении церквей, в соединении только в догмате и даже не в обряде, не говоря уже о соединении в жизни. Но индивидуализм, в котором Соловьев обвиняет христианство, взял верх над первым добрым порывом и в самый день 12-го октября он отказался от общей работы, а результатом отдельного его труда и был реферат «О причинах упадка средневекового мировоззрения», читанный 19 октября. В этом реферате отведено было последнее место *плану* объединения в деле спасения от голода, который выражен в самых общих чертах, даже не как *план*, а как внешний факт; опасность должна соединить, говорит он, верующих и неверующих для спасения земли от омертвения и себя от смерти¹. Только поставив на последнее место факт спасения от голода, стало возможным громить средневековое мировоззрение, т. е. прошедшее и настоящее христианство, за индивидуализм, или рознь, за догматизм и спиритуализм, когда оно (христианство), не имея орудия для соединения и обращения мысли (догмата) в действие, в действительное возвращение жизни, души праху умерших, и не могло, конечно, освободиться от догматизма, индивидуализма и спиритизма. По этой же причине реферат стал объявлением войны, а не приглашением к соединению. Возникшая вслед за чтением грызня в газетах названа Соловьевым в письме ко мне² публичною жизнью, за отречение от которой он корит псевдо-христианский индивидуализм, а также и меня.

67.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
27 апреля 1892. Москва

К Церк<овному> распр<еделению> Чтений или Эст<етическому> Бог<ословию>.

К первым 2–5 неделям Поста¹.

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович

Статья о будущем войска² должна быть ответом и на вопрос о самом коренном средстве спасения от динамитных погромов или заговоров, от подпольных, сословных, внутренних гражданских войн или революций. *Употребление городского пролетариата*, как подлежащего воинской повинности, или военной службе, вооруженной или снабженной и снабжаемой всеми *изобретениями* цивилизации, — для испытания их (изобретений) как средств против засух и ливней, т. е. как орудий атмосферной регуляции, такое *употребление городского населения на службу селу*, т. е. *на службу общую*, и должно спасти от внутренних раздоров, усобиц. В таком употреблении заключается переход от *городского язычества* или духовного лишь христианства к *сельскому христианскому делу*, к культу Ильи громовника.

Рознь была причиною обоготворения слепой силы, носящей в себе голод, язву и смерть, т. е. Ваала, Индру, Зевса, Юпитера, Перуна..., потому что рознь же была причиною невежества, а следовательно и бессилия (грехи земли).

При разъединении человек мог знать себя только как члена отдельного народа или как только самого себя, а природу — в объеме отдельной местности, т. е. в очень ограниченных пределах места и времени. Эта ограниченность кругозора и заставила преклониться пред явлениями неизвестно откуда приходящих сухих и влажных токов (ливней и засух), обуславливающих голод и следующие за ними болезни. Но не все, однако, преклонились пред неведомою силою, потому что были люди, которые за слепыми явлениями провидели *благую и разумную силу*, орудиями которой и желали, и даже думали быть. Таков был Илия. Он был более, чем пророк, ибо был человеком не слова только, но и дела и главным образом дела. С одной стороны, он громил поклонников слепой силы, силы гроз и дождей, а с другой, сам низводил на землю огонь и дождь³, конечно показывая этим, что не поклоняться, а управлять этою силою должен человек.

Естественно, эта сила м<ожет> б<ыть> управляема только совокупными усилиями знания и труда всех людей. Какою же силою Ильи действовал, или же он был мифом, т. е. в нем, в Илии, в сказании об Илии выражено желание стать орудиями *всеблагого* могущества в управлении слепою силою природы?

Но если окажется, что орудия, придуманные человеком для взаимного истребления, станут средством спасения от последствий другого зла, человеком же учиненного, т. е. расхищения природы, то такое превращение величайшего <зла> — *полноты зла* — в самое высшее благо не свидетельствует ли о

существовании *всеблагой* причины. Отрицая телеологию знания, мы вынуждены признать телеологию действия. Это доказательство не от знания, а от действия. Человек, подчиняясь слепой силе, достиг, с одной стороны, в деле взаимного истребления (создавая и предметы и орудия вражды), а с другой стороны, в деле расхищения, истощения естественной силы и во внешнем мире и в себе самом, всевозможного совершенства, так что обеспечил свою погибель, убедившись, что и вне себя и вне мира нет ничего благого. А между тем оказывается, что эти самые орудия истребления могут стать при объединении не только средствами восстановления расхищенной силы, но и воскрешения истребленных существ, так что человек, лишаясь господства над себе подобными, получает власть над слепую силу.

Чем же тогда будет «вещь в себе», «непознаваемое»? Но только человеческому роду, объединенному в общем деле, откроется тайна всеблагого существа. В настоящее время вопрос, какую силою действовал Илия, неразрешим. Для нас Илия является протестом против поклонников слепой силы, к коим принадлежат все неверующие, все ученое сословие. Деятельность Илии начинается возвещением бездождия разве по его слову. *Такое наказание было естественным последствием для земледельческой страны, уклонившейся в городскую жизнь, по примеру своих соседей финикиян, или хананеев*⁴. Но если наказание не привело к цели, то не нужно забывать, что Илия не считается умершим, а признается предтечею будущего пришествия. «Вот я пошлю к Вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он примирит сердца отцов с детьми и сердца детей с отцами, чтобы я, пришед, не поразил землю проклятием» (Малах. IV. 5 и 6). Это последние стихи последнего пророка ветхого Завета, которые не вполне приводятся в I гл. 17 стих<е> Евангелия Луки и которые взяты эпитафией (3) во втором предисловии⁵. Очевидно, что проклятие в том только случае грозит, если примирение не состоится.

Я не знаю, почему бы опыты Каразина и т. п., осуществленные народами и сословиями всех стран, обращенными в армии, не признавать явлениями «в духе и силе Илии»⁶, ибо эти опыты, обращая армию в орудие спасения от голода, от засух и ливней, не только уничтожают войну международную, но и войны сословные, т. е. действительно приносят примирение. Замечательно, что культ Илии получил особенную важность у славянских народов вообще, а в России в особенности. Первым храмом в Киеве еще до Владимира, до Ольги, до принятия веры князьями, как видно из договоров с греками, был храм Св. Илии, названный почему-то даже соборным. Даже в Константинополе культ Илии получил особенную важность при Императоре Василии Македон<янин>⁷ вместе с усилением славянства в империи и даже, как полагают, заимствован им у славян. У нас Илия был почитаем как громовник, как дождевик, как плододавец. Илия Сухой и Илия Мокрый. Так назывались две церкви в Новгороде — в одной молились о дожде, в другой испрашивали ведра⁸.

День празднования Илии (огнем повитого, пламенем вскормленного) отнесен ко времени наибольшего проявления грозовой силы⁹, пред жатвою и посевом <озимого>, к перелому в лете, когда не только Солнце идет на зиму, но и лето поворачивает к холоду, когда северные животные начинают подвигаться к югу.

Если славянское племя преимущественно усвоило себе культ Илии, то, конечно, потому что заняло самую глубь материка, суши. В этой стране и Архангелы Михаил и Гавриил и Св. Георгий стали *громовниками*, и даже Николаю Чудотворцу усвоено проименование *Мокрого*.

Иногда народное сказание соединяет этих громовников в общем деле борьбы с злыми духами континента: Юрий заряжает; зажигает и направляет Гавриил. А эти злые духи, конечно, ливни и засухи, или — полнее — голод, язва и смерть. Наконец, народное сказание заставляет и падших в боях на земле бороться на небе с сказанными врагами, т. е. делает и их *громовниками*. А нам остается пожелать, чтобы и живущие воины, по молитвам падших и всех святых громовников, вступили в борьбу и получили победу и одоление над воздушными супостатами.

Посылаю Вам эту статейку, хотя она нуждается в большой обработке и не в одном только языке.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

27 апреля

1892

68.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 июня 1892. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Мне кажется, Вы напрасно сократили статью о дожде¹, потому что, если даже она (в урезанном виде) и будет напечатана, — что весьма мало вероятно, — то подобно статье «Русского Архива», тоже очень урезанной (в предисловии и послесловии), пройдет бесследно — и это даже лучшее, что может случиться, по крайней мере относительно статьи «Русского Архива»². 15-го июня надеюсь выехать из Москвы³ и думаю, что Вы не успеете еще окончить сокращения статьи «Русского Архива» к этому времени*.

Вам, конечно, известно, что в нынешнем году предполагается праздновать 500-летний юбилей Пр. Сергия. Хотел Вам изложить здесь свои предположения о праздновании юбилея Пр. Сергия⁵, но лучше будет отложить до личного свидания. Не отгадаете ли Вы их? (эти предположения?)

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Искренне предан<ный>

Глубо<ко> уважающий

Ник. Федоров

8 июня

1892.

* но потому-то он и поспешил окончить до моего приезда и *вышли пустяки!*⁴

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 сентября 1892. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Замеченное Вами влияние температуры на ход холеры было наблюдаемо и здесь¹. Но если справедливо, что смертность или заболевание от холеры уменьшается вместе с понижением температуры и увеличивается с ее повышением, то очевидно, что то же средство, которое должно бы быть употребляемо для избавления от неурожаев, то же средство нужно принять и против моровых поветрий (холеры), — т. е. регуляция воздушных течений или ветров. Против моровых поветрий регуляция есть даже единственное средство, которое неученые могут предложить ученым изобретателям чудовищной «изоляции»², потому что это средство (изоляция) хуже, злее того зла, против которого оно употребляется. Изоляция* в строгом смысле есть отделение заболевающих и умирающих отцов и матерей от сынов и дочерей в то время, когда первые наиболее нуждаются в помощи последних. Замена же родственного участия, какое бы оно ни было, лицемерным гуманизмом не уменьшает зла. Изоляция должна бы быть отделением и малых детей от матерей, но и медицинский кагал, гораздо худший технического, и тот не решился в этом случае быть последовательным. Средство это (изоляция) законно только для общества, по типу организма (заимствованному разумными существами от неразумной природы) устроенного, а не по образу Пресв. Троицы создаваемого. Это отъятие, живосечение предположили производить в год пятисотлетнего поминования читателя Св. Троицы³, в которой указывается на истинно нравственное средство, на объединение для регуляции взамен изоляции или отлучения.

Впрочем, если бы даже зависимость холеры от температуры не подтвердилась, то во всяком случае средство против нее нужно искать не в изоляции, а в регуляции других сил природы.

Дезинфекция — другое средство, придуманное учеными для борьбы с холерою. В этой борьбе холера принуждает ученых прибегнуть к сожиганию, как самому полному выражению дезинфекции⁴, — к сожиганию — если бы оно строго применялось — того, на что были употреблены все силы знания, ради чего была истощаема природа и т. д. Сожигать то, чему поклонялись! А между тем холера есть не случайное явление, а необходимое следствие нынешнего торгово-промышленного устройства мира с его двумя столицами: Калькуттою, стоящею у самого источника холеры, откуда она по сухопутным и морским путям разносится по всему миру, и другою столицею — Лондоном, который благодаря всемирно-торговым барышам создал себе исключительное санитарное положение, сделался неуязвимым для холеры.

Холера, как и голод, оказываются бессильными вывести человек<еский> род на истинный путь-дорогу.

К статье о построении обыденного храма⁵ приготовлено (вчерне) продолжение «Об установлении особого праздника и о составлении особой служ-

* Эта изоляция есть, конечно, мечта, утопия, которую применять во всей строгости просто невозможно.

бы Св. Троице, как напутственного молебна для внехрамового служения или регуляции»⁶. Эту статью можно отложить, а следовало бы окончить ту, которая помещена в предыдущем письме⁷, но я забыл, на чем остановилась она. Вместе с этим письмом послано и денежное с 12-ти руб.: 10 руб. за пальто, 1 рубль имяниннице 26 августа⁸, другой [1 слово неразб.] детям.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству. Благодарю Грушу⁹ за память.

Глубокоуважающий и искренне любящий Вас Н. Федоров.

3 сентября 1892

Ю. П. Бартенев еще не возвратился¹⁰.

70.

С. С. СЛУЦКОМУ

Между 13 и 23 сентября 1892. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присылку «пропуска», сделанного «Моск<овскими> Вед<омостями>»¹. Пропуск, сделанный этою недостойною газетою, свидетельствует лишь о достоинстве пропущенного места, и было бы желательно, чтобы статья Ваша в полном составе была напечатана в другой газете. Не могу не сделать небольшого замечания относительно одного места Вашей статьи, м<ожет> б<ыть>, впрочем, неверно мною понятого. Согласно с Вашей статьею, Москва имеет три органа памяти, по числу 3-х великих ее духовных деятелей, но отделять этих 3-х деятелей объединения, как и разделять самую память, — значит, конечно, действовать не согласно с учением Прес<вятой> Троицы. Русская Церковь соединила память сперва 3-х святителей, потом присоединила к лику их четвертого, а теперь было бы благовременно присоединить 5-го к собору 4-х Московских чудотворцев^{*3}, которые были также читателями Прес<вятой> Троицы, и день 5-го октября был бы днем памяти не 4, а 5-ти св<ятых> покровителей Московс<кого> государства.

Если не должно отделять Музеев от храмов, то не следует их совершенно сливать. Конечно, не те немногие рукописи и старопечатные книги, которые находятся при Успенс<ком> соборе и Чудов<ом> мон<асты>ре, называете Вы Музеем (и которые следовало бы передать в общий Музей, ибо нынешнее разделение Музеев есть лишь временное недоразумение), а самые Собор и Монастырь... Не желая удлинять письма, я прерываю его и спешу сообщить Вам, что Музей сегодня получил повестку с 1000 руб. храму Сергия при Музее, конечно, для построения храма Св. Троицы⁴. Филимонов⁵, который еще недавно советовал мне выдумать что-нибудь получше обыденных храмов (на что я отвечал, что обыденные храмы выдумал не я, а древняя Русь, а новая Русь даже в лице

* Петр был первый покровитель Москвы, Алексей и Сергий были его продолжателями в этом деле; Филипп вышел из монастыря, основанного одним из последователей Сергия, Савватием²; Иона в первой (?) грамоте своей (1448 г.) называет Пр. Сергия святым.

не всех археологов понимает значение этих храмов), а теперь тот же Филимонов предлагает мне чуть ли не в качестве пророка явиться к Дашкову⁶ и возвестить ему о необходимости построения храма, а я отвечал ему, что не лучше ли ему самому в качестве археолога явиться к Директору.

71.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Октябрь 1892. Москва
Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович

Письмо к о. Антонию¹ отправлено*. Очень может быть, что и оно, как и письмо к другой духовной особе³, останется без ответа. Но будет или не будет дан на него ответ, во всяком случае, оба письма могут быть соединены, чтобы составить общее письмо к духовенству, дополнив, конечно, то и другое, особенно первое**.

Это, дополненное <таким> образом письмо и будет *первым* предисловием к записке⁴ не только уже от неученых к ученым, но и от мирских, светских к духовным, т. е. записке и к верующим и неверующим или сомневающимся, предлагая тем и другим на место бесплодных споров «*доказательство от общего, отеческого или сыновнего дела*», как средства, примиряющего верующих с неверующими, делающего их верными отцам, и «*доказательство от дела Божия к Его (Богу отцов) бытию*».

В обращении к ученым от неученых, в последнем названии заключается укоризна и ученым, как не исполнившим своего долга. Существование двух классов, неученых и ученых, свидетельствует не только о невежестве первых, но и о слабости [знания последних].

72.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
18 декабря 1892. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Если бы Вы читали мое письмо, то в присланных Вами листах значилось бы «Записка от неученых к ученым *духовного сана****¹, а если бы Вы не забыли прежних моих писем, то и ко 2-му эпиграфу «Почему *мир* не *мир*», прибавили бы: «Почему для одних *мир* возможен только *вне мира* (спиритуалистов), а для других *нет мира ни в мире, ни вне мира* (материалистов)?»² Духовенство же должно стоять выше и тех и других, не соглашаясь и с теми, которые «*непознаваемое*» для ученого сословия (для чистого теоретического разума и для знания вообще) считают *таковым же*, т. е. непознаваемым, и для всех в сово-

* Т. е. я передал Георгиевскому² это письмо для отправки к о. Антонию.

** Копии с письма я не оставил, торопясь отправить его, а потому не мог прислать и дополнения.

*** или я не ясно написал?

купности, в единении, т. е. не признают «непознаваемость» наказанием ученому сословию за отделение и не считают своею задачею соединение со всеми в труде познания <слепой, смертоносной силы> и обращения ее в живоносную, как сказано в 3-м эпитафее³.

У нас, т. е. в Музее, старый библиотекарь подал в отставку, и на его место назначен новый⁴, а вместе с тем в «Московских Ведомостях» появилась статья под названием «Замерзшая библиотека»⁵. Название заимствовано из отчетов старого библиотекаря⁶ и может быть полезно для нового, хотя он и не участвовал наверно в этой жидовской проделке. Автору статьи, объявившему библиотеку замерзшею, т. е. умершею, эта мнимая смерть нужна для того, чтобы градского главу сделать воскресителем или новым создателем библиотеки⁷. Для оживления же библиотеки автор выпрашивает полмиллиона. Градский голова тоже, конечно, не причастен этой затее.

Семенович обещал (но пока не исполнил и, вероятно, не исполнит) отвечать непрошенному ходатаю за Музей⁸ и сказать ему, что из всего появившегося в печати о Музее видно, что он не желает быть в тягость ни городу, ни государству и не на деньги возлагает свою надежду: так, недостаток иностранных книг желал он заменить международным обменом вместо покупки, обменом в видах сближения, и если обмен с Франциею не удался, благодаря крайнему тщеславию этого ненадежного союзника и мнимого друга России, то он должен уступить с другими народами, лучше понимающими нужды просвещения.

Недостаток личного состава Музей думал заменить введением печатанных карточек, сокращающих труд описания, или же этот недостаток пополнить добровольцами⁹. Вполне же заменить добровольцами нас, наемников, тогда только будет возможно, когда Музей получит священное значение. Если бы Семенович написал надлежащим образом статью, то, может быть, положено было бы начать вопросу о том, нужны ли миллионы для библиотек и музеев или же они могут создаваться доброю ненаемною волею. Автор «Замерзшей библиотеки» между прочим издевается над любезностью музейской администрации, на которую книг нельзя, говорит он, приобрести¹⁰. В виде ответа на эту насмешку я сообщил г. Семеновичу же статейку о Николое Дмитриевиче Лодыгине, как доказательство, что любезность есть сила, способная привлекать целые библиотеки и даже вызывать на труд каталогизации¹¹.

Для наружной росписи храма, в которой должно бы выразиться теснейшее соединение Музея с храмом, знания с верою, Вячеслав Иванович предлагал написать 17-ть картин, а два любителя живописи предложили составить эскизы для этих картин, но будет ли все это исполнено — еще вопрос.

Благодарю за присылку 3-х листов, свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

(Нужно бы было переписать это письмо, но очень холодно, руки зябнут.)

Глубоко уважающий и любящий

Н. Федоров

18 декабря

1892

73.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Март 1893. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович!

Письмо к от. Антонию еще не послано¹. В нем нужно сделать небольшое изменение. Просьбу о позволении напечатать его письмо можно оставить, но угрозу принять молчание за разрешение нужно исключить, т. е. «Оставление без ответа этого письма ... на первое письмо», ибо в просьбе о позволении сделать публичным оскорбление, сделанное наедине, заключается твердая уверенность в своей правоте, а в предполагаемой к исключению фразе выражается желание мщения. Я не решился послать письмо к о. Антонию, между прочим, потому, что надеялся придать письму сколько-нибудь примирительный характер, более согласный с учением, которое в нем защищается. И. М. Ивакин, которому я читал письмо, нашел в словах «это понятно всякому ребенку» выражение, равносильное антониевскому «Приобретите учебник». Так, конечно, поймет это выражение и о. Антоний, хотя в нем, в этом выражении, заключается понятие о чистейшей простоте учения, доступного детям... «От них это самое именно требуется» и можно прибавить: *«требуется людьми простыми сердцем, нищими духом»*. Эта прибавка, б<ыть> м<ожет>, несколько смягчит вышеприведенное выражение, так как можно быть уверенным, что о. ректор более дорожит, в душе конечно, званием ученого, чем званием христианина, и к нищим духом принадлежать не захочет. «Положа руку на сердце, — нужно прибавить в конце, — могу сказать, что я долго, очень долго обдумывал письмо, ради того только, чтобы избежать выражений, которые могли бы показаться оскорбительными, — что так трудно сделать в споре, а между тем самый уже спор есть великий грех пред лицом Троиного, потому что Троиединство как образец должно и может сделаться первым бесспорным пунктом».

После слов: «пишем больше от меня не получите» — «хотя не скрою, что с глубоким сожалением я убедился, что иерархи» и т. д. до конца².

АРХИМАНДРИТУ АНТОНИЮ (ХРАПОВИЦКОМУ)

30 марта 1893.

Спешу предупредить, что это мое последнее к Вам обращение; забывая об обиде, составляющей содержание Вашего письма, я не могу не выразить радости по поводу этого письма, потому что в нем Вы говорите, будто не находите никакой разницы между тем, что называете в своей речи *нравственной идеею*, и тем, что в моем письме названо *планом* (а не выводом, как ошибочно говорится в Вашем письме, ибо такого слова (слова *вывод*) у меня вовсе не было), — *планом объединения* всех во многоединстве по подобию Божественного Троиинства. Если это действительно так, а не одно лишь недоразумение с моей стороны, то Вы, следовательно, соглашаетесь, что объединение не ограничится только теоретическим его признанием, *одною идеею*, но получит и внешнее выражение, и в Вашей речи было, следовательно, не то, что я в ней видел. Но что же непонятного в моем письме? Достигнет ли род человеческий такого состояния, при котором не будет нужды ни в надзоре, ни в наказании, т. е. состояния совершеннолетия? С требованием быть большим, совершеннолетним обращаются к каждому ребенку, ко всем детям, обращаются люди простые сердцем, нищие духом. Или же род человеческий, не достигнув совершеннолетия, навсегда останется в состоянии несовершеннолетия, т. е. под игом слепой силы, поражающей нас голодом, язвою и смертию? Можно сказать, что состояние совершеннолетия для рода человеческого невозможно, можно сказать даже, что оно и нежелательно, но что же в этом непонятного? И для выражения таких мыслей, пред важностью которых исчезает всякая разница между учеными и неучеными, между светскими и духовными, — для постановки таких вопросов, без разрешения коих сама жизнь обращается в ничто, мне нет надобности ни в какой другой терминологии, кроме общенародной, общепонятной. По Вашему же выходит, что христианство, или понимание его, есть принадлежность только *наших*, доступ в среду которых открывает, или может лишь открыть, учебник философии, составленный для семинарий, ибо Вы говорите, будто без изучения этого учебника нам и говорить с Вами нельзя, мы не поймем друг друга. Но в таком случае какое же значение будет иметь учебник, предназначенный для всех, т. е. храм, иконопись, богослужение; разве все это христианству не учит, понимания о нем не дает?!.. Если бы для понимания христианства нужно было изучить учебник философии, т. е. если бы христианство было понятно только ученым, то это был бы уже не тот свет, который во тьме светит и тьма его не объяла, это не был бы свет истинный, который просвещает *всякого* человека, проходящего в мир.

Судя по примерам, приводимым Вами в письме, можно усомниться впрочем, чтобы для Вас стало ясно — по моему изложению — значение плана, проекта: ибо в спасении верую только, а не делами, несомненно есть *идея*, но не *план* спасения действительного (не мысленного лишь или мнимого); в дневнике же отца Иоанна Кронштадтского, если в нем говорится о чудесах, которые он творит, и если эти чудеса действительны, излагается, очевидно, уже не идея, а самое дело¹, хотя и не общее дело, не дело спасения всего рода человеческого.

Но ужели же не очевидна разница между *делом*, как бы ограничено оно ни было, которому учит о. Иоанн, и *идеєю* спасения одною верою?! В таком случае значение философской терминологии не служит ли препятствием к пониманию простого, общенародного языка?! Как бы ни было, прошу Вас, — скажите прямо: в том ли *наше* (т. е. всех людей, всего человеческого рода в совокупности, а не каждого в отдельности) *дело*, чтобы быть орудием Божественной воли в труде познания слепой, естественной силы для обращения ее из смертоносной в живоносную; или же не обречены ли мы на вечное противление Божественному велению, не обречены ли мы на то, чтобы, оставаясь в розни, вечно придумывать лишь орудия взаимного истребления и истощения природы ради чувственных прихотей? Усерднейше прошу Вас, отвечайте хотя кратко, — *да* или *нет*². Или не позволите ли напечатать мое первое к Вам письмо с Вашим на него ответом? Считаю долгом еще раз успокоить Вас, что писем от меня больше не будет; к сожалению, я убедился, что иерархи наши не хотят, а может быть, и времени не имеют выслушивать обращающихся к ним с своими недомыслиями, а потому и сердятся на вопрошающих, хотя бы они и спрашивали не о личном лишь спасении, а о спасении всеобщем.

Могу сказать, положа руку на сердце, что я долго, очень долго обдумывал это письмо ради того только, чтобы избежать выражений, которые могли бы показаться оскорбительными, что так трудно удается в споре; да и спор сам по себе есть уже грех пред лицом Троидного. Троидинство, *как образец*, может и должно стать первым бесспорным пунктом, началом объединения.

1893 г. 30 марта, Мокшан³.

75.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 августа 1893. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович. То, что Вы видели во сне, Вы мне уже говорили наяву. Ничего особенного не случилось, хотя поезд опоздал на 4-е часа. Премного благодарен Вам за присылку 2-х листов¹. Сочинение Бондарева² прочитать еще не успел, а просматривал статьи Киреева и нашел в них краткое изложение задачи, которую ставят себе старокатолики³. Это изложение есть выписка из письма к нему (Кирееву) Овербека: «Нам (старокат<оликам>) предстоит примирить эти два направления (Катол<ицизм> и Протест<антизм>)... и с помощью Востока стать снова Православными... Не ограничиваясь восстановлением нашего единства с Востоком, мы должны привлечь к нему весь Запад...»⁴ Задачу эту находит Киреев «слишком широкою и непосильною для нашего индифферентного века»⁵. Вместо того, чтобы ограничивать, суживать задачу, не лучше ли было бы поискать такого средства, которое могло бы пробудить наше равнодушное поколение. Останется ли наш век индифферентным, если с вопросом о примирении Церквей соединить вопрос о примирении народов путем объединения их в таком деле, которое, спасая от голода, может избавить от войны. Воинскую повинность, обращенную в обя-

занность спасения от голода, и Католиц<изм> и Протес<тантизм> могут признать священным долгом. Это средство расширяет задачу, требуя соединения светского с духовным, знания с верою. Старокатоликов, т. е. их представитель, нельзя назвать учеными духовного сана, а светскими учеными, занимающимися духовными предметами, потому что большинство из них принадлежит к профессорам. Старокато<лицизм> произошел из протеста против догмата непогрешимости светских людей, собравшихся в Мюнхенском Музее под председательством камергера Баварского короля и подавших петицию, подписанную 8000 лиц. В этой петиции встречается в первый раз имя «Старокатоликов». Задача, которую Киреев находит очень широкою, есть та самая, которая приписывается им в 1-м предисловии⁶, потому, если нужно будет обратиться с письмом к А. А. Кирееву⁷, то в этом письме надо будет указать на попытку против самого индифферентизма, который теперь и является главным врагом соединения Церквей (как прежде этим врагом был фанатизм), как [на] необходимое условие всякого церковного соединения. Не одолев индифферентизма, нельзя рассчитывать даже на соединение со старокатоликами, хотя оно самое индифферентное соединение.

В числе брошюр, изданных А. А. Киреевым, есть и разбор сочинения Вл. Соловьева «Славянофильство и Национализм». К славянофилам Солов<ьев> причисляет К. Аксакова и Каткова, находя в них общую черту: лжепатриотизм. Киреев также признает сходство между ними, только не в лжепатриотизме, а в истинном, и находит нужным во имя каких-то прежних заслуг Соловьева и в чаянии будущих сделать возражение⁸. Вернее было бы славянофилов причислить к западникам, не Каткова делать славянофилом, а К. Аксакова и его предшественников (Хомякова и др.) отнести к западникам, как это сделано в 1-м предисловии, с чем, *однако, не согласится* Киреев. Все это нужно принять во внимание в случае обращения к нему.

На особом листке прилагается поправка к «Оглавлению»⁹, которую нужно было бы внести в нее.

Благодаря Вас и Юлию Владимировну за все время пребывания в Мокшане, остаюсь глубоко уважающий и искренно любящий

Н. Федоров.

Всем детям кланяюсь.

23 августа

1893

76.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 25 сентября и 30 октября 1893. Москва

Черновое

В день памяти Преп. Сергия послано к Вам предисловие к «сказанию о построении обыденного храма...»¹ В этом предисловии заключается, или, лучше сказать, скрыт призыв к празднованию 1-го юбилейного акта². Предисловие

же помещено, или, точнее, *погребено* в «Чтениях Общества Истории и Древностей»*, в «Чтениях», которые никто, кроме ученых (признающих лишь факты, иногда и идеи и никогда планы, или проекты), не читает, т. е. читают его те, в душах которых умер и Христос, и конечно не воскреснет Сергей с планом его прославления. Издатель сказания⁴ обещает напечатать в следующем году какой-либо памятник об открытии мощей Пр. Сергия, а в предисловии к нему помянуть все, что было сказано в нынешнем, и указать с особенною силою на то решительное преимущество, которое имеет празднование открытия мощей пред сокрушением о сокрытии их в землю по необходимости лишь физической. Затем повторить призыв к празднованию Пасхи <(т. е. открытия мощей)> Преп. Сергия сооружением храмов просвещения в смысле внутреннего объединения, указав еще на связь просвещения с всеобщою обязательностью защиты отечества, о чем не было упомянуто в нынешнем предисловии**. Лет через 10 или 12, — что будет уже в будущем XX-м веке, — ввиду приближающейся пятисотлетней годовщины открытия мощей Пр. Сергия может быть открыта эта статья, как памятник XIX века***, если, конечно, план, в ней заключающийся, не выступит сам прежде этого срока. Такой путь во всяком случае предпочтительнее распространения чрез газеты. Хуже же всего искать покровительства Л. Н. Толстого, который пользуется действительно большою славою, но славою изобретателя всякого рода парадоксов. Его покровительство гораздо пагубнее всякой вражды. Этот мнимый противник войны есть враг всякого примирения и сеятель вражды.

Что *может* *быть* хорошего в этом старании выдвинуться напоказ, да еще при помощи Толстого!

Если бы в статье, скрытой в предисловии к сказанию, ни для кого в настоящее время не нужной, погребенной в нечитаемых «Чтениях», если бы в этой статье была сила, она была бы, конечно, открыта. Но этого-то и нет в призыве к 1-му юбилейному акту, и потому полагаем, что в ней не высказано многого.

* * *

Хотя призыв к празднованию будущего юбилея, как я писал Вам, *схорошен* был от нечистых взоров фельетонистов, но я сам оказался виновником открытия. Причем был обруган тем же самым С. Слудским, которому Вы прошлого года отвечали...⁶

В предложении построить храмы-школы во имя Троицы при всех храмах, какому бы святому или празднику ни были они посвящены, он находит какой-то произвол. «Я хочу, — говорит он, — построить Покрову, а вы требуете Троице». Возражение нелепое и несправедливое, ибо никто не запрещает ему строить

* Помещение в «Чтениях» имеет даже преимущество пред *сдачею* в «Архив Русский», куда сдана мысль, очень искаженная, о регуляции, скрытая в предисловии к статье о Каразине³.

** Нынешнее же предисловие *может* дать ложное представление о просвещении.

*** А чтобы она была открыта, нужно принять следующую меру: нужно С<ергею> Ал<ексеевичу> Бел<окурову>, поместившему в предисловии план празднования, отметить в будущем прибавлении к указателю «Чтений в Обществе Истории и Древностей Русских», составлением которых он также занимается⁵, под словом план, проект или программа празднования юбилея открытия мощей — указание на предисловие к «Сказанию о» построении *обыденной* церкви.

храм Покрову, а только требуется не забывать Троицкого Бога, Который всегда подразумевается. — И выше Покрова, который охраняет читателей Св. Троицы от стрел поклонников Аллаха, предполагается Троицкий Бог, так же как за враждой магометан против христиан скрывается примирение во имя Троицкого Бога, в чем, т. е. в примирении, и выражается почитание Св. Троицы.

77.

В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Не ранее осени 1893. Москва

Черновое

Принося искреннюю благодарность за брошюрку¹, которую я нашел в возвращенной Вами книжке, не могу не принести вместе с тем и искреннего раскаяния в тех грубых и несправедливых словах, которые вырвались у меня в увлечении спора². Мне казалось в эти минуты, когда Вы, великий художник, стали на сторону иконоборного Ислама, что я защищаю Ваши интересы против Вас самого. И тем прискорбнее было слышать <от Вас> эту защиту <Ислама>, что речь пред этим шла о Кремле. А Кремль имеет для Вас великое значение: мне кажется, что Вы всю жизнь трудились для Кремля (за небольшим исключением). Ибо ужасные сцены Туркестана³ поясняют нам, почему появилась на свет эта крепость, которую мы зовем Кремлем. Эти же сцены дают меру величия той цели, которую имел Кремль, проникая своими острожками, этими малыми кремлями, в глубь степи, т. е. умиротворение степей. И Ваши Индийские картины⁴ имеют очень близкое отношение к Кремлю. Не знаю, думали ли Вы, рисуя всю роскошь Индии, что эти богатства вызвали к существованию Тиры, Вавилоны, Лондоны, вообще город, который разрушает Кремль не в смысле Крепости, а в смысле священного его значения. Но больше всего Вы служили Кремлю, когда писали страшные картины войны⁵, ибо истинный праздник Кремля, по которому он и известен всему Западу, есть день Воскресения жизни, Пасха, а не уничтожения ее, не война. Приспособив эти картины к Кремлю, Вы обратили бы его в воспитательный Музей, который совершенно необходим для народа, призванного к всеобщей воинской повинности, чтобы эта повинность хотя в отдаленном будущем получила иное назначение.

Впрочем, я очень хорошо понимаю, что эта мечта, как Вы ее назовете, не только не извиняет, а даже усугубляет вину, в которой приношу искреннее раскаяние.

По прочтении перевода брошюрки извинение становится лишним. Все сказанное ему <(В. В. Верещагину)> было, хотя и грубо, но совершенно справедливо: он, как любитель правды и простоты, должен благодарить нас за высказанную ему очень нелестную для него истину⁶.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. Москва.

Черновое

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович

Надеясь, что Ваше здоровье поправляется, я решаюсь обратиться к Вам с моею покорнейшею просьбою: не примете ли на себя не тяжелый для Вас труд изобразить нижеследующую мысль, нескладно прозою изложенную, стихом, которым Вы владеете в совершенстве. Похвала Мордовскому Качиму за сооружение Церковной школы единодушным трудом *многих*¹ и пожелание ему расширить и возвысить ее (школу) единодушным трудом *всех без изъятия* до школы-храма, посвященного высочайшему образцу мира и согласия Пресв<ятой> Троице, чтобы таким образом стать ему (Мордовс<кому> Качиму) зеркалом для подражания всей России вообще и интеллигентной в особенности, *в делании* совокупном, общем всех отцов и сынов и дочерей (подразумевается: всех живущих для всех умерших), как образце величайшей добродетели.

Это — гимн единодушному деланию, а не бездушному деланию Зола и бессмысленному не-деланию Толстого и Дюма², гимн, посвященный русскому и инородческому крестьянству, духовенству и дворянству и всем чающим избавления от голода, язв и войн, так как и сама Качимская школа «во избавление от голода» устроена³. На капитал общественных работ она начата, а бесплатным и добровольным трудом окончена. Этот гимн имеет очень близкое отношение к Вашему труду, в котором выражается не осуждение лишь бесцельному деланию и не-деланию, но и жажда *Цельного* дела или делания⁴. Недавно был в Музее автор «Страшного вопроса», разрешаемого недуманием и не-деланием. Он продолжает искать себе новых союзников на дальнем Востоке в Китае, для распространения «Не-делания» на всем Западе⁵. Наделенный 10-ю талантами, он хуже с ними поступает, чем получивший один талант. Сам он не зарывает своих талантов, а употребляет их на то, чтобы убедить всех наделенных талантами зарыть их в землю, т. е. не-дела<ние>. Это уже не 16-и часовая праздность (8-и часовой рабочий день), <а> 24-часовая... Торжествующий автор «Не-делания» и не подозревает, каких могучих противников он имеет в Качимских детях.

В то время, когда интеллигенция у нас занята была смертью Ренана, а народ ходил к Троице, в это время в Мордовской глуши совершилось (м<ожет> б<ыть>, по молитве московс<ких> паломников ко Пр. Троице) великое событие, которому недостает только искусного пера, чтобы стать (не удивляйтесь) всемирно-историческим событием, и думаю, что это событие найдет себе наконец достойного выразителя или деписателя, и тогда явится не повесть, не поэма, а «*Быль*» о том, как дети, *сыны и дочери* крестьян-мордвинов построили школу с помощью своих *отцов* родных и духовных, особенно тех трех мужей, которых можно назвать крестными отцами школы, церковного сторожа, отставного унтер-офицера, и того великого мужика, который ходил по избам, на-

поминал, [1 слово неразб.], просил, умолял* и достиг наконец цели⁶ — да будет имя его благословенно отныне и до века. Событие это было описано и даже не однажды, но оценено не было ни разу.

Писатель Епархиальн<ых> Ведомостей, по-видимому, не предполагает, а м<ожет> б<ыть>, только не говорит, о том, какое великое значение, смысл заключается в совокупной, дружной работе отцов и детей, — тут начало примирения их, которое становится вполне понятным лишь в школе-храме, который воздвигается всеми живущими для молитвы за всех умерших, молитвы, неотделимой от труда. Хуже же всего, что автор унижает, конечно неумышленно, детскую работу, называя ее муравьиною⁷, и это в то время, когда натуралисты и даже не натуралисты стараются приравнять муравьев к человеку, но и они, сколько мне известно, не открыли школы в муравейниках; за малостью усилий, средств детских, он не замечает великости цели.

79.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Недавно был в Музее автор «Страшного вопроса», разрешаемого недуманием и не-деланием, по его, конечно, мнению. Он продолжает искать себе союзников на Дальнем Востоке для распространения «не-делания» на всем Западе и особенно у нас. Наделенный десятью талантами, он хуже с ними поступает, чем получивший один талант. Сам он не зарывает своих талантов в землю, а употребляет их на то, чтобы убедить всех имеющих 10, 5 талантов подражать получившему один талант. Очевидно, и здесь Толстой поступает согласно с Буддой и вопреки Христу. Это уже не 16-и часовая праздность (8-и часовой рабочий день), а 24-часовая.

Торжествующий автор «Не-делания» и не подозревает, каких могучих противников имеет он в Ваших Качимских детях. Ваш Мордовский Качим у меня на первом плане. Великому событию конца сентября и 1 октября, в Вашем захолустье совершившемуся, недостает только искусного пера, чтобы стать ему (не удивляйтесь) всемирно-историческим событием. Оно, это событие, совершилось именно в то время, когда интеллигенция здесь, и особенно в провинции, озабочена была смертью Ренана, а народ ходил к Троице, и, быть может, по молитве паломников ко Преев. Троице и совершилось это богоугодное, т. е. именно Триединому Богу угодное событие. И я надеюсь, что оно найдет наконец себе достойного выразителя или деписателя. Тогда явится не повесть, не поэма, а *быль о том, как Дети* (т. е. сыны и дочери крестьян-мордвин) *построили школу с помощью своих отцов*, родных и духовных, особенно тех трех мужей, коих можно назвать восприемниками, крестными отцами школы, т. е. церковного сторожа, запасного унтер-офицера и того великого мужика, кото-

* Это качимский Каразин.

рый ходил по избам, напоминал, просил, умолял и достиг, наконец, цели. Да будет благословенно имя его отныне и до века. Событие это описано было не однажды*, и ни разу не было оценено достойным образом.

Писатель Епарх<иальных> Ведомостей, по-видимому, не предполагает, а м<ожет> б<ыть>, только не говорит, какое великое значение и смысл заключаются в совокупной, согласной работе отцов и детей. Тут начало примирения их, которое станет вполне понятным лишь в школе-храме, воздвигаемом всеми живущими для молитвы к Животворящей Троице о всех умерших, молитвы, не отделимой от труда общего, животного.

Хуже же всего, что тот же писатель унижает, конечно, неумышленно, детскую работу, называя ее муравьиной, и это в то время, когда натуралисты, и не одни натуралисты, стараются приравнять муравьев к человеку, хотя они (т. е. натуралисты), сколько мне известно, еще не открыли школы в муравейниках. В слабых силах детей нельзя не видеть великой цели, соединившей их (и, конечно, чувствуемой ими) для добровольного труда. Здесь не бесцельный труд Золя и опровержение самим делом, вытекающим из искренних и чистых, в эти по крайней мере трудовые минуты, сердец детей, — опровержение самое сильное толстовскому не-деланию. Быль о *построении школы детьми* и может, и должна оканчиваться словами Христа: «*Будьте же как дети*», обращенными ко всей России, ко всему миру, — словами, которые, при построении школы-храма, получают особенно великий смысл.

Еще менее оценено это событие в «Богослов<ском> Вестнике» професс<ором> канонического права, хотя он и называет его маленьким по внешности, но очень *знаменательным* событием в жизни Русской Церкви, находя, что таких маленьких событий совершалось и совершается очень много на Святой Руси, и при этом указывает на учителей, трудящихся за очень незначительную плату, находя в этой скудной плате не физическое страдание, а нравственное якобы унижение, т. е. измеряя достоинство человека размером жалованья. Излагая событие, г. профессор не удостоивает даже главных деятелей, крестьянина и сторожа, назвать по имени, а обозначает лишь буквами, а между тем, кто знает, быть может, крестьянин М. В. и сторож М. Б. станут всюду известны, где только будут школы, а имя профессора будет забыто, и Быль-История о том, как дети построили школу, станет первою детскою книгою, которую будут читать и (взрослые), и старцы. Построение школы есть вместе с тем и самое сильное нарушение всех законов политичес<кой> и социальной экономии. На всем Западе нашу великую *Быль* назовут *сказкою*, баснею, которая научает неоплаченному труду.

* Мне известно два описания, одно в «Пенз<енских> Епар<хиальных> Ведом<остях>», а другое в «Богослов<ском> Вестнике».

И. А. БОРИСОВУ

Между 22 и 25 декабря 1893. Москва.

Черновое

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Премного благодарен Вам за Вашу весьма искусно составленную статью с эпиграфом, как будто созданным для журнала, носящего название *«Наука и жизнь»*, ибо повсеместное и постоянное наблюдение всеми всего заключает в себе разрешение вопроса о теснейшей связи науки и жизни, что и составляет, или должно составлять задачу этого органа печати, чтобы стать ему необходимым для всех вообще и для России в особенности.

Я тем более благодарен Вам за присланную статью, что — не заметить этого нельзя — предмет ее (чуждый для Вас) не очень Вам приятен, а вернее сказать, и совсем неприятен. Вы не признаете статьи своею; к сожалению, и я не могу признать ее моею и прошу Вас не давать ей хода, не пускать в печать.

Сожалая, что Ваш нелегкий труд пропадает напрасно, я считаю долгом объяснить, почему мне нежелательно видеть в печати статью, которая отделяет знание всеобщее от дела общего, натурального, родного для человеческого рода, простого, понятного, отделяет школы познания от храмов, признавая их выражением не общего дела, а непознаваемого, агностицизма. Начав чрезвычайно смелою выходною (всех сделать познающими и все сделать предметом знания), оскорбив мимоходом (конечно, неумышленно) невинные кладбища сравнением с очень виновными Музеями, Вы кончаете справедливым заключением, что такие требования неосуществимы; <т. е. неосуществимы> требования всеобщего знания, требования всех засадить за книгу, как это особенно ясно выражено в первой Вашей статье... «всякая книга есть не более, как пособие к дальнейшему изучению познаваемого, к той великой еще не напечатанной (стало быть написанной?) книге, изучение которой (т. е. книги) должно составить задачу человеческого рода»¹. Не значит ли это признание знания, да еще книжного, последнею целью человеческого рода? <Такие требования> — это глас вопиющего в пустыне, — т. е. они не найдут отзыва в сердцах современников, и нужно прибавить, и не могут и не должны быть встречены сочувствием у потомков. Мужиков сделать «учеными» не значит ли это привлечь всех к решению пустейшего вопроса — «почему сущее существует», т. е. вопроса знания, когда как не-книжных людей занимает и может занимать вопрос, «почему живущее умирает», умирает от голода, от язвы и от своих братий, т. е. от войны внешней, от войн внутренних, от домашних, <от> всякой медленно убивающей борьбы; иначе сказать, <людей не-книжных> занимает вопрос о том, почему вообще существует смерть, почему слепая, неразумная сила господствует над разумною. Если Господь создал разумную силу, а господствует неразумная, то очевидно, что от бездействия первой творит зло последняя. Не чувствовать же господства неразумной силы в себе и вне себя, во всякой болезни, недомогании, болезни своей и своих, близких и дальних, в ветрах, морозах, во всех капризах погоды, во всей природе, не сознавать себя орудием этой же силы при всяком столкновении с другими — это значило бы отказываться от со-

знания, от разума, не доходить до общей причины зла, в чем и состоит общее образование, живое, а не отвлеченное. *Объединить всех, наделенных разумом, в труде познания слепой силы*, носящей в себе голод, язву и смерть, для обращения этой силы из слепой в управляемую разумом и из смертоносной в животносную, — это и составляет задачу школы, но не той, которая, отделив сынов живущих от отцов умерших, поставляя долгом первых забывать о последних, отделила школу от храма и тем лишила жизнь и смысла и цели. А вопрос о смысле и цели жизни стоит на очереди и составляет, м<ожно> с<казать>, даже вопрос дня. Только для сословного знания храм считается выражением «непознаваемого», агностицизма (а школа — знания), а потому и не м<ожет> б<ыть> соединен, <не может> составлять одно со школою. Не желание навязывать свои мнения [движет мной], а необходимость показать, почему я не могу Вашу заметку признать выражением того, что нужно было бы провести чрез печать, и тем делаю Ваш труд бесплодным. Согласиться с тем, что выражено в этой статье, — это значило бы [отрицать, что] в вопросе, поднятом в настоящее время, в вопросе о том, какое употребление должно сделать из жизни, <в> вопросе о смысле, или, вернее, о цели жизни, в вопросе, в котором решается судьба человечества (о котором пока высказались 3, 4 человека из пользующихся знаменитостью, но журнал, поднявший этот вопрос, надеется представить мнения о нем всех мыслящих людей и не в одной Европе), в этом величайшем вопросе жизни и знания — последняя цель.

1894

81.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 марта 1894

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

На всякую критику можно и даже должно было не отвечать, но когда критика объявляет Вас приверженцем Толстого и врагом знания, приводя при том такие доказательства, которые опровергаются самим заглавием, тогда молчание становится *преступлением*. Кто враг человек<еского> знания, можете спросить Вашего критика, не тот ли, кто для защиты его ссылается на незаконченность знания, на будущее, не замечая, что этим самым он признает его настоящую слабость. А ссылаться в видах защиты на множество мнений, из которых оно состоит, не имея единства, не значит ли уничтожить его, под видом обороны, готовить ему участь метафизики, которая потому дискредитирована, что давала множество ответов вместо одного, — не значит ли это быть убийцею знания, правда невинным, бессознательным!

Тот же, кто хочет неизвестное будущее заменить определенною целью и все знания объединить в одном общем деле, не есть ли истинный друг знания, который хочет возвести его на неслыханную высоту.

В подтверждение же необходимости объединения, в подтверждение же существования кризиса нужно, чтобы Вы привели из собранного Вами материала хотя частицу, что может составить небольшую брошюру, которую и должно, не медля, напечатать.

Глубокоуважающий,
готовый к услугам

Н. Федоров.

Брошюру можно озаглавить: Ответ «Московским Ведомостям» и «Вестнику Европы»¹.

11 марта
1894.

Хорошо сделаете, если послушаетесь доброго совета.

А. И. ВВЕДЕНСКОМУ
 После 15 марта 1894. Москва.
Черновое

Горячо благодаря Вас за лестный отзыв о моем сочинении, я не могу не выразить глубокого отвращения к тем попыткам спасти христианство нехристианскими средствами, которые предлагает В. П. Федоров. Отказавшись от денежных выгод от продажи брошюры, пожертвовав их той школе, которая создана была почти безденежно¹, я достаточно показал, что не могу разделять мнения, будто «Вера без денег мертва», мнения настолько распространенного, что оно перестало уже возбуждать отвращение. Полагаем, что христианство обладает достаточною внутреннею силою, чтобы привлечь к себе бескорыстных и самоотверженных защитников, если бы оно в них нуждалось. Припомните судьбу Киево-Печерской Лавры, созданной, как и Ваша Троицкая Лавра, молитвою и трудом, и судьбы других монастырей, построенных *на богатые пожертвования*. Прочтите сказание о построении Качимской школы; загляните в предисловие к «Сказанию о построении обыденного храма в Вологде»², там найдете целый план, хотя и кратко выраженный, *объединения на почве церковно-религиозной*, ничего общего не имеющий с *апологиею словом*, уже достаточно доказавшей *свое бессилие*... Эти примеры (случайно мне известные) доказывают, что есть и другие пути, которые далеко отстоят от путей, предлагаемых сынами века сего, к каковым принадлежит и В. П. Федоров, б^ыть м^{ожет}, очень дельный экономист и финансист; но чем же его «общество апологии христианства» отличается от ассоциации натуралистов, которые также ищут и почетных членов, не считая свое дело достаточно почетным, ищут богатых, чтобы иметь достаточные материальные средства³. Они считают свое дело приятным и даже полезным занятием, *а не необходимым, не всеобщепобавительным*, т. е. не признают грозной необходимости изучения той силы, которая носит в себе голод, язвы <и смерть>, и не видят в этом изучении нравственной священной обязанности для всех, чтобы человек мог всеми способностями (науками) служить одному делу. Т^о е^{сть} христианство и натуралистов может сделать участниками общего дела, а автор «Общества апологии» и христианство хочет обратить в частное, партийное дело. Деньги есть сила, сила искусственная, пока мы не обладаем настоящей, естественною силою, которая не может уже сделаться частным достоянием, как деньги. Но деньги есть сила злая, более злая, чем «меч», господство этой силы приходится признать, но зачем же расширять это господство, как хочет автор «Общества апологии христианства», тогда как общее дело потребует освобождения, хотя и постепенного, от власти денег...

Апология словом, которая у нас не так мала, как полагает Балашевский инспектор⁴, а западная защита словом даже чрезвычайно велика, а между тем, что же она сделала для христианства? Число отступников, как видно из Ваших статей, все продолжает расти⁵, потому-то и нужно апологию словом заменить *общим делом*, а не защитою и паче всего избегать устройства кружков, обществ, потому что христианство не может быть партией. Оно есть именно *общее всех*,

и материалистов, и идеалистов, пессимистов и оптимистов, скептиков и догматиков, субъективистов и объективистов, *дело*. Христианство выше всех партий: у него нет и не может быть врагов. Вражда против христианства есть лишь недоразумение.

Так, в таком роде следовало бы написать письмо к А. Введенскому.

83.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

30 мая 1894. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,
Рукопись к Вам послана¹, и Вы можете удержать ее у себя, не прибегая к переписке. Вероятно, мне нельзя будет выехать к Вам ранее 15 июня².

Недавно, как будто, открылась некоторая возможность напомнить о памятнике Каразина, т. е. о вышке Музея, обращенной в обсерваторию³, и о всем, что может Р<умянцевский> Муз<ей> сделать образцом для местных Музеев. В одном очень редком атласе гравюр, изданных в Лейпциге в 1811 и 12 году, т. е. пред походом Наполеона в Россию, оказалась картинка, изображающая нынешнее здание Музея в том виде, в каком оно было до пожара 1812 года⁴. Из этой картинки видно, что дом, занимаемый ныне Музеем, хотя принадлежал тогда частному лицу, но тем не менее по своей наружности гораздо более походил на Музей и даже именно Музей всенаучный, чем в настоящее время, когда этот дом стал достоянием общественным, когда в нем помещен Музей Румянцевский и Московский.

Вершина ныне обезглавленного Музея занята была тогда богиней Мудрости, и другие части здания, ныне лишенные украшений, были оживлены статуями: Цереры, Флоры... Средняя часть здания имела наружное сообщение с боковыми частями по террасам, уставленным древесными растениями, представлявшими как бы два ботанических сада. У подножия расстилался зоологический парк, наполненный не только земными, но и водными животными... Рихтер — издатель вышеупомянутого атласа — называет дом Пашкова красую Москву, волшебным замком фей⁵.

Москве, готовящейся в настоящее время к празднованию коронации⁶, было бы своевременно подумать о реставрации здания Музея, носящего ее имя.

Линниченко, пишущий статью об этом предмете, обещал воспользоваться известною Вам статьею «Науки и Жизни» № 44 1893 года⁷, но, конечно, воспользуется не так, как бы это было желательно. Если же, как и нужно ожидать, реставрация не будет произведена, или вернее окончена, к Коронации, хотя прошло уже более 80 лет от пожара 12-го года, то остается еще одно побуждение к окончанию. В 1899 году исполнится 100 лет со дня кончины В. И. Баженова — строителя здания нынеш<него> Музея. Баженова же можно назвать отцом Новой Русской архитектуры: он первый задумал изучить все древние здания России и создать самобытный Русский стиль⁸. Само собой разумеется, что

реставрация Музея не должна быть рабским подражанием тому, что было до пожара, потому что пожар истребил то самое, что было в старом здании *подражанием французам*. К реставрации Музея нужно еще присоединить и реставрацию храма Пр. Сергия, при Музее находящегося. Если Вы припомните, что пожертвование неизвестным 1000 рублей на построение храма Пр. Троицы при храме Пр. Сергия не было принято Музеем, потому что при нем нет *храма* Пр. Сергия, а есть *придел*⁹. Теперь же оказывается (если только это подтвердится), что Храм Пр. Сергия один из самых древних в Москве и первый, посвященный Сергию, а храм Николая к нему пристроен позднее¹⁰.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и искрен<не> любящ<ий>

Н. Федоров

30-е

мая

1894

84.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 30 мая и 15 июня 1894. Москва

Черновое

Статья: «*В защиту Дела и Знания...*» есть разбор сочинений двух родов: из них одни *все читали* или, как сочинение Кожев<никова> <«Бесцельный труд», «неделание» или «дело»>, многие, а другие *никто не читал* или <же>, как описание пост<роения> Качимской школы, <читали> очень немногие¹. Содержанием записки² служит забытый голод <1891 года,> т. е. метеорический погром, и не обратившее на себя внимание средство против него.

Вы пишете, «что (у нас) многие не слыхали об опытах искусственного дождя. Надо хотя в двух словах пояснить это»³. Но уже было пояснено, что у нас вся интеллигенция иностранцы и ничего не знает, а главное, знать не хочет о том, что наиболее нужно для мужицкой России. И до мужиков, как я от Вас же слышал, дошел слух об опытах, и они, принимая небо за твердь, опасаются, что когда в ней пушками пробиты будут отверстия (хляби), то произойдет потоп. Но и Вами самими было сказано, что голод, а следовательно и все, что может спасти от него, не имеет никакого значения для наших русских иностранцев (интеллигенция — только телом проживающая в России, а душою за границею), следовательно, пояснение может только оттолкнуть от статьи. Можно сказать, что пояснений американского опыта не будет сделано, а кто хочет узнать, пусть прочтет там-то, а кто не хочет, тот пусть и не читает статьи, она не для него писана.

Не слыхавшие об искусственном дожде интеллигенты и слышавшие от крестьян о пушечных выстрелах, вызывающих дождь, конечно, отнесут крестьянские рассказы не к своему незнанию, а к глубокому невежеству крестьян и будут взывать к необходимости школ, просвещения, которого сами не понима-

ют. Просветители народа считают себя исполнившими долг просвещения, принесшими великую пользу народу, когда успеют детям внушить сомнение относительно крестьянского объяснения грома (и гроз) действием разумной силы (Илья-пророк). Впрочем, простодушные просветители и не подозревают, что они идут к отрицанию существования высшего Разума. Заменить пророка Илию электричеством — значит ли это сделать понятным грозы?

85.

В. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

18 июня 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый Всеволод Измайлович

Искренно признателен Вам за сообщение взглядов харьковцев на вопрос о памятнике Каразину и особенно благодарен за сообщение задуманного Сумцевым Литературно-ученого Каразинского общества¹. Но мне кажется, что такое общество уже существует и основано оно самим Каразиным: ибо что такое Харьковский Университет, как не ученовоспитательное учреждение, обязанное обсудить во всех подробностях планы Каразина и представить их другому учреждению, истинным основателем коего был также В. Н. Каразин, т. е. Министерству Народно-Просвещения? Конечно, Университет в таком только случае мог бы заменить проектируемое Н. Ф. Сумцевым общество, если бы все профессора этого университета так же хорошо сознавали долг, налагаемый на них Историєю, как понимает его Сумцев.

И не за одно только сообщение, но и за содействие самому делу глубоко Вам признателен. Благодаря Вам сам Багaley² вынужден уже защищать памятник-статую, ссылаясь на Каразина. Но не может быть сомнения, что и сам Каразин предпочел бы осуществление мысли Потоцкого³ воспроизведению его лишь наружности, хотя нет также сомнения, что и восстановление наружности в виде ли бюста или портрета во весь рост имеет очень важное значение. Нужен даже целый Музей Каразинский, где собрано было бы все писанное им и о нем и все касающееся его прямо или косвенно.

В заключение я должен сказать, что только благодаря Вам статьи «Науки и Жизни», неудовлетворительные сами по себе, обратили на себя внимание Багалея и Сумцева⁴.

Не знаю, как высказать Вам свою благодарность.

Глубоко признательный

Н. Федоров

На всякий случай сообщаю мой адрес: Воронеж, квартира Городского Судьи 3-го участка⁵.

18 июня 1894

Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
17 июля 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Николай Федорович, к величайшему сожалению, заболел в Воронеже; здесь не редкость лихорадки; захватил лихорадку и Николай Федорович, купаясь, несмотря на недомогание, которое чувствовал... Поэтому он и не пишет Вам сам теперь же, а надеется написать вскоре; мне же поручил известить Вас, что статья, о которой Вы спрашиваете, вчерне, можно сказать, готова, и сегодня начнем переписывать ее¹. Николай Федорович думает, что она должна быть напечатана в небольшом количестве экземпляров и даже с надписью — «Для немногих», в особенности если это может смягчить придирчивость цензуры. Что касается цены, то это вполне будет зависеть от Вас; на самом сочинении можно и совсем не выставлять цены, или же выставить *очень* высокую цену. *Самым желательным для Николая Федоровича <было бы> напечатать на обложке — «Не для продажи».* Впрочем, в этом отношении он предоставляет распорядиться Вам, как Вы найдете удобнее. В цензуру статья пойдет за моим подписом и с моим адресом, но в печати она должна появиться анонимно.

Покорнейше просим Вас написать нам возможно скорее, как Вы думаете обо всем этом и когда нужно будет выслать Вам статью, — тотчас же по переписке, или же Вы назначите срок, к которому она должна быть у Вас.

Николай Федорович посылает Вам проект письма, при котором разслано в редакции Епархиальных Ведомостей «Сказание об обыденном храме в Вологде»²; то, что в этом проекте зачеркнуто карандашом, то в самое письмо не вошло.

Если цензура будет недоумевать о цели издания брошюры, то можно сказать, что цель заключается в собрании мнений по вопросу, о котором говорится в брошюре. Впрочем, во всем этом, что касается объяснений с цензурою, Н<иколай> Ф<едорович> полагается вполне на Вашу опытность и благоразумие.

Не могу не выразить Вам моей глубокой благодарности за предложение напечатать статью о великом деле... Я так давно томлюсь желанием, чтобы было поведено, наконец, миру, в чем его спасение; — и теперь, кажется, является надежда, что желание это осуществится. Впрочем, я так желаю этого, что боюсь верить в возможность осуществления его, и буду до конца бояться, что явится какое-нибудь препятствие, и больше всего боюсь препятствий со стороны самого Николая Федоровича.

Примите уверение в глубоком почтении и совершенной преданности всегда готового к услугам Вашим

Н. Петерсона.

1894 года
17 июля
Воронеж.

Н<иколай> Ф<едорович> обещает Вам еще раз поспешить ответом.

87.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
25 июля 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Случайно или неслучайно, но письмо Ваше, в котором Вы мне делаете Ваше доброе и щедрое предложение, писано 15 июля¹, в день памяти Св. равноапостоля Владимира, т. е. в день Вашего Ангела. Уже то одно, что эта подробность не ускользнула от моего внимания, свидетельствует о той глубокой признательности и искренней благодарности, с какою я прочитал Ваше предложение.

Полагаю, что письмо написано 15-го июля неслучайно, и это еще более усугубляет мою признательность.

Впрочем, я до сих пор еще не пришел ни к какому решению: сперва другие дела, а теперь болезнь отвлекают от этого вопроса. Очень благодарен Вам за сообщение сведений из Каменец-Подольска². Но как объяснить существование храма под названием «*обыденного*» в соседней с Подольскою губернии, в самом Владимире Волынском, как это видно из сочинения П. Батюшкова под названием «Волынь»³. Не можете ли задать этот вопрос, когда будете писать, Вашему Каменец-Подольскому корреспонденту?

Желательно также было бы иметь оттиск статьи о Преп. Сергии, помещенной в «Подольских» Епархиальных Ведомостях» 1892, №№ 47–49 или эти самые №№⁴.

Хорошо также, даже очень хорошо, если бы автор этой статьи о Пр. Сергии просмотрел опыт указателя того, что было напечатано у нас на Руси о Пр. Сергии, помещенный в 10 и 12 №№ «Библиографических записок»⁵ (издаваемых в Москве), и отметил пропуски и исправил ошибки в нем.

Пожелав Вам всяких благ, остаюсь глубоко признательный Вам

Н. Федоров.

25 июля
1894.

88.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
25 июля 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Николай Федорович все еще болен¹ и, приписывая свою болезнь климату Воронежа, хочет уезжать, не дождавшись даже половины августа, — к величайшему моему огорчению; я же думаю, что болен он от злоупотребления купаньем, — он продолжал купаться и после того, как почувствовал себя плохо, купался в таком состоянии дня три, не менее 2-х раз в день... Что касается высокой цены, о которой говорилось в прошлом письме², то это в видах умиловивления цензуры, которая, будучи предупреждена о предполагающейся высокой цене, убедится, что брошюра предназначается не для пропаганды, и

может смягчить свою суровость. Относительно числа экземпляров Никол<ай> Фед<орович> выражает только свои желания и полагает, что печатать ее нужно в возможно меньшем количестве экземпляров, потому что не надеется, чтобы она разошлась, — во всяком же случае он предоставляет это Вашему распоряжению и совершенно согласен с Вами, что на число экзempl<яров> должны указать расходы по напечатанию... Что касается пожертвования³, то за покрытием расходов по напечатанию может ничего не остаться, может оказаться даже дефицит, что очень вероятно, что и Вам, конечно, хорошо известно, а потому о пожертвовании в настоящее время и речи быть не может. А если впоследствии такое пожертвование оказалось бы необходимым, то выбор, на что жертвовать, чрезвычайно труден, и эту трудную задачу и мы будем иметь в виду, просим и Вас подумать об этом... Кстати, послали Вы что в Качимскую школу и какой получили оттуда ответ; не получили ли какого-либо ответа из Редакции «Пенз<енских> Епарх<иальных> Вед<омостей>», и как идет в настоящее время Ваша брошюра??.⁴ Все это очень интересно.

Посылаем Вам заглавия, одно из которых д<олжно> б<ыть> напечатано на первом листе, краткое, а другое, подробное, д<олжно> б<ыть> напечатано на 2-м листе. Это последнее состоит, во-первых, из Эпиграфа к заглавию с комментарием к нему, указывающим отношение этого еванг<ельского> текста к вопросу о неделании и общем деле. Затем следует 1-ое заглавие с объяснением, почему 1891 г. не стал исходным пунктом общего дела, <с объяснением также> и истинного смысла сочинений Толстого, вышедших во время, до и после голода. Затем 2-ое заглавие защищает знание и дело тем, что делает их средством спасения от голода, а вместе — и соединения всех, духовных и светских, в этом братском деле. Потом три эпиграфа, или афоризма, к самому сочинению, излагающие самую суть дела. И, наконец, список сочинений, которые разбираются в тексте самого сочинения. Так как эти листы могут подлежать исправлению, то просим Вас отнестись к ним возможно строже и сообщить Ваши на них замечания. В следующий раз будут высланы переписанные листы текста, которые, по-видимому, исправления уже не потребуют. Я и Никол<ай> Федорович свидетельствуем Вам свое глубокое почтение и просим скорее ответить на это письмо. Глубоко Вас уважающий Н. Петерсон.

На 1-м заглавном листе:

В защиту дела и знания против автора не-думания и не-делания, или научил ли чему нас голод 1891 года. Защита заключается не в опровержении, не в полемике только, а главным образом в указании дела.

На втором заглавном листе:

«Отец Мой доселе делает и Аз делаю»⁵, — великое новозаветное слово это сказано евреям, верившим, что Бог почил от дел; оно же может относиться и к Толстому, который хочет, чтобы и род человеческий почил от дел, желает для него, б<ыть> м<ожет>, сам того не сознавая, субботного года, или еврейского юбилея, т. е. бездействия, или буддийской нирваны — неделания. Главным же образом слово это относится ко всем христианам, требуя от них всеобщего дела. Слово это включает в себе не осуждение только юбилеев еврейских,

субботних годов, суббот, бездействия, но и требует, взамен их, юбилеев христианских, воскресных, поминовений делом.

Но в чем же состоит *не-делание** и в чем состоит наше общее — по образу дела Божия, дела Отца и Сына, — *всеотеческое дело, дело братское всех сынов человеческих*.

Научил ли чему нас голод 1891 года.

Этот год, год метеорического погрома в России и американской попытки употребления истребительных веществ на спасение от голода, этот год мог бы быть исходным пунктом превращения войска в орудие естествоиспытания, т. е. введения метеорических наблюдений в войсках или же, по крайней мере, литературного обсуждения этого вопроса, если бы указание на совпадение погрома в России и опыта в Америке встретило деятельное сочувствие со стороны Толстого⁶, этого приверженца мира. Тогда предложение ввести в войска метеорические наблюдения исключило бы возможность призыва к отказу от воинской повинности, от уплаты податей и т. п., призыва, который не может не вызвать со стороны правительств карательных мер, который способен внести раздор между правительством и народом; тогда как первое предложение, <обращающее войско в естествоиспытательную силу,> имея в виду наименее существеннейшие интересы народа, <избавление его от неурожая,> должно привести к наиглубчайшему согласию правительств и народов, вместо царствующего ныне на Западе антагонизма между ними. К сожалению, — забыл ли автор «Страшного вопроса» о голоде, приводящем, по его же словам, к остервенению, или же признал *не-делание* достаточным средством спасения от всех бедствий, — только за «Страшным вопросом» последовало его «*Не-делание*». А между тем в действительности за голодом 1891 г. последовал другой *страшный вопрос, моровые поветрия* следующих годов⁷, и к вопросу о неурожаях злаков присоединился вопрос о чрезвычайных урожаях бацилл, бактерий, и вопрос о естественном воздействии на эти явления касался уже вопроса о смерти вообще; это — вопрос *продовольственно-санитарный* в самом обширном смысле.

До голодного года Толстой прославлял *трудолюбие*, хлебный труд, доходя в этом до отрицания умственного труда, предлагая *не-думание*⁸, что было бы, конечно, торжеством *невежества*.

После же голода Толстой прославляет уже *не-делание*, т. е. желает, по видимому, торжества *тунеядству*. Изданное в Берлине сочинение о непротивлении злу насилем⁹ можно бы принять за разъяснение значения *не-делания*, если бы оно само не возбуждало вопроса о том, что такое христианство? — есть ли оно *новое жизнепонимание*, согласно заглавию, или же, согласно последним главам сочинения (10 и 11-я), оно есть *новое суеверие*, основанное на доверии к тем, которые только сами себя считают понявшими христианство, на доверии к меньшинству, которое только одно будто бы понимает Нагорную проповедь? (Это ту проповедь, которая была и обращена к нищим духом, <не к меньшинству, а следовательно, к большинству>?!..) В чем же мы должны искать Царства Божия, в собственном ли понимании христианского учения, или

* В понимании Толстовского *Не-делания* оказалось разногласие, происшедшее не от *неясности*, а от различного отношения к Толстому литературных партий.

же в доверии к пониманию его меньшинством; где мы должны искать его, в начале книги или же в конце ее?!.. И если верно последнее, то что значит первое, если тут не самое страшное лицемерие, которое святейшим именем Царства Божия прикрывает величайшую ложь, — лицемерие, за которое Толстой так клеймит, так позорит и верующих, и неверующих, и религию, и науку.

В защиту дела и знания против автора не-думания и не-делания должно сказать, что *наука*, не сокращая своего объема, *вся* может и должна быть исследованием причин небратства, а *дело* может и должно быть *средством* восстановления братства. Таким образом, вопрос о причинах небратства и о средствах восстановления братства является всеобъемлющим, если только этому вопросу нельзя противопоставить *беспричинности* небратства; т. е. если небратство причин не имеет, в таком случае и для восстановления братства нет необходимости ни в знании, ни в деле, — как этого и хочет Толстой. Записка по этому всеобъемлющему вопросу, вступление к которой и составляет настоящее издание, пишется от неученых к ученым духовным и светским, которые осуждаются автором не-думания и не-делания, как представители двух суеверий, — суеверия прошедшего (религия) и суеверия настоящего (наука). Наука не будет суеверием для народа, когда участие в знании дано будет *всем*, когда *все* будут призваны к знанию от юности, а ученые будут учителями народа от самого детства его, т. е. учителями детей, и тогда, следовательно, популяризация потеряет всякое значение, т. е. ученым не нужно будет относиться к взрослым, как к детям. И вера не будет суетною, когда знание, наука, будет делом, т. е. средством осуществления того, что требует, или обещает, религия. Вместе с примирением религии и науки уничтожится суеверие, не будет противоречий в философии, не будет вражды школ, или систем философских.

Почему мир не мир? Почему для одних мир только вне мира (спиритуалисты), а для других нет мира ни в мире, ни вне мира (материалисты)? — Не очевидно ли, что вне-мирное верующих будет в самом мире, когда *мысль* станет *делом*, а не *ожиданием* лишь, как у Дюма, и не *неделанием*, как у Толстого?!..

Почему природа нам не мать, а мачеха или кормилица, отказывающаяся кормить?!.. А отказ кормить и есть страшный вопрос...

Участие ли *всех* в комфорте (социалисты) или участие *всех же* в труде познавания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, т. е. источник страшного вопроса, разрешение которого заключается в обращении смертоносной силы в живоносную. Труд познавания будет при этом и трудом объединения, трудом общим, в котором не может быть превозношения одного над другим, т. е. гордости. Общий труд включает в себе также знание, а не скрывание пороков; он есть не забвение и не одурманение, а искупление коренных пороков; он есть дело Божье и вместе человеческое, и объединяясь в этом деле, Божьем и человеческом, *все* не познавали бы только *бытие* Бога, а

чувствовали бы Его присутствие и *сочувствовали бы друг другу*; т. е. общее дело есть условие (условие *sine qua non*¹⁰, как говорят ученые), — исполнения заповеди о любви к Богу и к людям. Началом же этого объединения в труде будут два юбилея, духовный и светский, о которых и будет здесь говориться, два юбилея христианских, воскресных, поминовения делом¹¹.

Сочинения, рассматриваемые в статье¹².

До голода:

1. Т. М. Бондарев и Л. Толстой. *Трудолюбие*, или торжество земледельца («Русское Дело» 1888 г. №№ 12 и 13); иначе — *не-думание*, или торжество невежества.

В голодный год:

2. Л. Толстой. «*Страшный вопрос*» («Русск<ие> Ведом<ости>» 1891 г. № 303-й), или голод с его спутниками, приводящий к остервенению.

После голода:

3. Л. Толстой. «*Не-делание*» («Северный Вестник» 1893 г., № 9-й), или *торжество безделья, тунеядство*.

4. Л. Н. Толстой. «Царство Божие внутри вас», — заграничное объяснение того, в чем состоит *не-делание*, отождествляемое с *непротивлением*.

5. *Сказание о построении обыденного храма в Вологде* («Чтен<ия> в обществе Ист<ории> и Др<евностей> Российских» 1893 г. т. 166), в предисловии к которому говорится об юбилее Преп. Сергия, читателя Преев. Троицы, в память которого и может весь народ создать себе повсеместно школы-храмы, посвященные образцу единодушия и согласия — Преев. Троице, во избавление от голода и язвы.

6. *К вопросу о памятнике Каразину* («Наука и Жизнь» 1894 г. № 15–16-й), где говорится об юбилее Каразина, в память которого и могут быть созданы школы-музеи, соединяющие распространение просвещения с расширением самого знания и с воздействием на слепую силу; но только чрез соединение с храмами-школами, получая священное значение, эти школы-музеи могут служить, быть орудием в деле всеобщего спасения.

7. Постройка и освящение нового здания церковно-приходской школы в с. Мордовском Качиме, Городищенского уезда (Пенз<енские> Епарх<иальные> Вед<омости>. 1892 г. № 20, октябрь). В заключение помещается ответ на *не-делание*, ответ самим делом и притом тех, которым принадлежит, по слову Христа, Царство Божие; — или *быль* о том, как дети построили школу. Не убедят ли Толстого дети?!..

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
27 июля 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Ник<олай> Фед<орович> приготовил Вам начерно письмо, от переписки которого, для него всегда затруднительной, я его избавляю. Вот что приготовился писать Вам Ник<олай> Ф<едо>рович:

«Страх, что Вас может напугать заглавие в два почти почтовых листика¹, заставляет меня писать к Вам прежде получения от Вас ответа. Длинные заглавия, впрочем, как Вам известно, не новшество, и наше длинное заглавие есть лишь восстановление старины. Восстанавливая старинный способ длинных и подробных заглавий, мы заранее желаем познакомить читателя с тем, что он найдет в самом сочинении, чтобы избавить его от чтения и покупки ненужного. Очевидно, что в желании превзойти старинных книжников в длинноте заглавия кроется бескорыстие, а быть бескорыстным не на свой, а на Ваш счет, конечно, очень легко, и трудно даже было удержаться от проявления этого бескорыстия на деле. В нынешних коротких заглавиях заключается и скрытность, и приманка, реклама и друг<ие> пороки; в нашем же кратком заглавии, по тому же дешевому бескорыстию, нет ничего подобного... «В защиту знания», но многие скажут, что знание в наше время в защите не нуждается... А голод для города и для наших ученых, т. е. для иностранцев, пишущих о России, не имеет ничего занимательного. Между тем вопрос о голоде и насущном хлебе есть истинно русский, вопрос крестьянский и христианский, вопрос земли и народа, живущих под страхом нашествий иссушающих ветров с Востока и ливней с Запада. Вопрос же о голоде, как недостатке необходимого для сохранения жизни, в связи с преизбытком разрушающего жизнь, есть вопрос о самой смерти, следовательно, вопрос всемирный. В заглавии, которое из голодного года делает эпоху, эру, начало нашей самостоятельности, — не как дело самолюбия, а как предмет необходимости, спасения от конечной гибели, — сказалась вопиющая нужда русского народа».

Вот то, что приготовился написать Вам Ник<олай> Фед<орович>, и кроме того он считает нужным прибавить, что разнообразия предметов, о которых говорится в заглавии, избежать было нельзя, потому что они находятся в теснейшей связи, и исключение одного из них сделало бы непонятным самое дело, о котором говорится в статье.

Переписано почти восемь листов²; когда будет переписана половина, вышлем ее Вам, не дожидаясь переписки второй половины. Просим Вас скорее сообщить нам впечатление, которое произвело на Вас длинное заглавие.

Ник<олаю> Фед<оровичу> лучше, и он собирается идти купаться, несмотря на мои представления всей опасности такой невоздержанности; но упорство его непреодолимо, как это Вам, вероятно, уже известно.

При желании всего Вам наилучшего и свидетельствуя глубокое почтение, как лично от себя, так и от Ник<олая> Фед<оровича>, остаюсь душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

1894 года

27 июля, 2 часа дня. Воронеж.

90.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Начало августа 1894. Воронеж

Глубокоуважаемый, предорогой
Владимир Александрович!

Это опять-таки пишет вам Никол<ай> Федоров<ич>, или я с его чернового.

Вы, конечно, правы, предлагая опустить второе заглавие¹, которое может оттолкнуть большинство. Но если это большинство и будет, то, не полагаясь на свои мнения, оно ждет обыкновенно решения меньшинства; для меньшинства же именно и нужно то, в чем Вы не отказываете 2-му заглавию, т. е. нужна содер-
жательность. Предлагая опустить 2-ое заглавие, вы хотите лишиться самого Толстого удовольствия прочитать *подлинные* заглавия своих сочинений: *Страшный вопрос*, приводящий голодные миллионы к остервенению, разрешаемый *не-думанием* и *не-деланием*. Прочитав такое точное определение своих сочинений, в *России изданных*, Толстой, полагаем, пожелает пробежать и самое сочинение в надежде найти такое же точное определение и заграничных его изданий. Тем более невозможно опустить 2-ое заглавие, что первая статья говорит о таком предмете (о самобытности России), который не только у Толстого, но и у всякого нынешнего читателя ничего, кроме улыбки сожаления, вызвать не может. Начинаясь тем, что вызывает сожаление, презрение, записка заключает в себе все, что есть для нашего времени самого ненавистного. Недостаток записки заключается, впрочем, не в содержании только, но и в форме... Записка эта, написанная в 1888 г. и ежегодно пополняемая новыми и новыми вставками, достигла в нынешнем году идеального совершенства в нестройности². Второе заглавие и было попыткою краткого изложения *всего «дела»*. В этом заглавии излагалось и небесное происхождение дела, и его земное начало. В статье, начинающейся эпиграфом «Отец мой доселе делает и Аз делаю», — излагается небесное происхождение дела, начало которому полагается юбилеем Преп. Сергия, основателя духовного просвещения*; в статье же, начинающейся словами — «Научил ли нас чему голод 1891 г.», излагается земное происхождение общего дела, встретившего такой неблагоприятный прием, как у

* Вы хотите оставить текст <эпиграфа> и опускаете комментарий; потому ли это, что текст не нуждается в комментарии, комментарий излишен, или же толкование неверно; а между тем из этого текста так естественно, кажется, вытекает указание и на дело отцов, и на дело сынов, а еще естественнее осуждение бездействию, дням и годам покоя, так что непонятно, как христиане, называя себя последователями Христа, могли удерживать название субботы для того дня, который Христос озаменовал исцелениями и воскрешением?

тех, которые стоят во главе нынешнего времени, так и у того даже, кто до голодного года проповедывал необходимость хлебного труда для всех, а после голодного года — *не-делание*. Равнодушие тех, кои изучают слепую силу,носящую голод, т. е. естествоиспытателей, к памяти того, кто первый предложил способ воздействия на эту силу, или равнодушие к юбилею Каразина, особенно резко выразилось в проекте устава Русской Ассоциации, по примеру Британской устрояемой, — поэтому разбору этого устава и посвящена особая в записке статья³. Статья «В защиту дела и знания» раскрывает единство небесного и земного дела, духовного и светского, и самая защита состоит в том, что земные средства знания и дела употребляются на достижение небесной цели, восстановления братства. В этих 3-х статьях и заключается сущность 2-го заглавия.

Очень верно Ваше замечание относительно второй половины первого заглавия, в ней, действительно, заключается рекомендация, даже просто самовосхваление, чуть не реклама, и эту половину лучше всего совсем исключить. Первую же половину этого заглавия, чтобы быть верным не только духу, но и букве, не изменить ли так — «против автора «не-делания», запрещающего и думание». Впрочем, не беда, если будем и неверны букве и поставим «не-думание» в кавычках, как и Вы находите лучшим. Можно, и даже должно, поместить также *то*, чем Вы предлагаете заменить второе заглавие, поместить с тем окончанием, как у Вас — «защиту, заключающуюся не в опровержении, не в полемике только, а главным образом в указании дела», — тут это не кажется ни рекомендацию, ни самовосхвалением; но статья эта ни в каком случае заменить второе заглавие не может.

Что касается пожертвования, то вопрос этот подвергнут систематическому исследованию и пока это исследование к положительному результату не привело. На что пожертвовать, — на памятник Каразину или же на общество, затеваемое Сумцовым для исследования планов Каразина⁴, или же на обычный храм, — но что ни приходило в голову, пожертвование на это оказывалось противоречием самому проекту об общем деле... Остается пожертвовать на Русскую Ассоциацию, устраиваемую по образцу Британской, чтобы получить там право голоса и возможность представить контр-проект?!.. Впрочем, исследования этого вопроса еще не кончены и, быть может, приведут еще к какому-либо положительному результату.

Очень бы хотелось иметь поскорее Ваше окончательное мнение о 2-м заглавии с подробным указанием всего в нем непонятого для большинства или, по крайней мере, по вопросу о комментарии на текст — «Отец мой доселе делает и Аз делаю». Переписка статьи оканчивается, и задержка может быть только за заглавием. А затем, желая Вам всего хорошего и скорейшего окончания Вашего «Якоби»⁵, остаемся как я, так и Никол<ай> Федор<ович> с глубоким почтением и искреннею преданностью.

Н. Петерсон.

Как подписывать статью, довольно ли имени, отчества и фамилии, или же нужно выставить чин и должность?

Получив от Вас длинное письмо, вместо благодарности просим еще такого же длинного. Надолго ли хватит Вашего терпения⁶.

Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
13 августа 1894. Воронеж

13 августа 1894 года

Воронеж.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Ваше письмо от одиннадцатого¹ было получено, когда только что была окончена статья с совершенно переделанным вторым заглавием², которое теперь более похоже на введение, причем те слова, которые Вы предлагали поставить тотчас после первого заглавия, оказались необходимым завершением введения в новом виде. Введение это излагает сжато и кратко все дело, изложению которого, по мнению Н<иколая> Ф<едоровича>, недостает многого, а вместе там есть и излишнее. Хорошо бы было, конечно, избавить статью от излишнего и дополнить ее необходимым, но сделать это без совершенной переделки статьи — невозможно...

При самой переписке и после переписки приходилось делать поправки, а потому некоторые листы испещрены помарками и приписками, — надеемся, что это не помешает представлению статьи в цензуру и не затруднит цензора. Есть на полях карандашные заметки в виде вопросительных знаков, — не найдете ли Вы возможным обратить на эти места особое внимание в видах изменений, которые еще возможны, так как Ник<олай> Фед<орович> завтра едет в Москву, чтобы 15-го быть в Музее. Между прочим обратите внимание на 1-й стр. 3 листа на слово *жертвоприношение*, не найдете ли Вы заменить его каким-либо другим словом. В числе разбираемых в статье сочинений помещен и Ваш «Разбор взглядов З<оля>, Д<юма> и Т<олстого> на труд»³, разбором этого Вашего сочинения и заканчивается статья; но если бы Вы нашли почему-либо неудобным этот разбор, то его можно и вычеркнуть; или же не дополнить ли его? Так как и этот разбор, как и вся статья, отличается, по мнению Н<иколая> Ф<едоровича>, больше всего недостатком необходимого. Лучшим в статье Н<иколай> Ф<едорович> считает разбор проекта устава Ассоциации⁴, — в разборе этом ясно, по-видимому, показан недостаток смысла и особенно нравственной основы в этом проекте.

Статья отправляется к Вам ценною посылкою, а Н<иколай> Ф<едорович> возвращается в Москву, как он говорит, на бесцельный труд, — он и за труд это не считает, — и без всякой надежды на избавление от него хоть когда-либо, потому что в уставе о пенс<ионном> и единовр<еменном> пособ<ии> оказалась 357-я ст<атья>, по которой Н<иколаю> Ф<едоровичу> до пенсии остается еще четыре года⁵, а четыре года для него, как он думает, все равно, что миллион лет. Вместе с исчезновением надежды на избавление от бесцельного труда исчезает и надежда на полное изложение дела.

В Москве Н<иколай> Ф<едорович> будет ждать с нетерпением Вашего приезда, а теперь низко кланяется, желает скорейшего окончания Якоби⁶ и всего хорошего.

Примите уверение и в моем глубоком уважении и душевной преданности.

Н. Петерсон.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
20 августа 1894. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Теперь, вероятно, Вы уже получили статью: «В защиту дела и знания»¹ и собственными очами убедились, что она, в ее настоящем виде, очень далека от ясности, а потому и вопрос, для кого, для большинства или меньшинства назначается эта статья, решается сам собой. Впрочем, ни большинство, ни меньшинство не будет читать этой статьи, а прочтет ее только цензура, если Вы ее представите туда.

Теперь несколько слов об эпитафье². Эпитафья «Отец Мой доселе делает и Я делаю» неясен именно для *нашего времени*, которое хотя и замечает, что во всей исторической драме есть два действующих лица, или вернее, вопреки эпитафье — <два лица> противодействующих, — даже не признает этого раздвоения злом, которое начинается тотчас, как сыны отделяются от отцов, становятся *блудными*, а под видом прогресса признает даже это раздвоение благом. Если бы в тексте было сказано — Отец мой делает, а я разрушаю, я не с ним, а против него иду, — тогда наше время поняло бы его. <Для нашего времени> отцы (старшее) и сыны (младшее поколение), или отцы, угнетающие сынов, и сыны, восстающие на отцов, — но <оно (наше время)> вовсе не замечает, что *должно* быть одно лицо, или, точнее, *одно существо* и вся История — *одно дело*, дело всех живущих (сынов) для всех умерших (отцов). Вся протекшая и нынешняя история представляет лишь искажение истинного отношения сынов и отцов, ставших в ненормальные отношения друг к другу, т. е. ставших блудными сынами. Сыны, увлеченные красотой дочерей до забвения отцов, и составляют блудных сынов — город, который и есть блудный сын села. Промышленность и торговля, составляющие суетное дело города, служат к *обострению полового увлечения*, и город является собранием женихов и невест от детского возраста до глубокой старости. Половой подбор, усиливающий борьбу за существование, которое должно бы быть предметом не борьбы, не вытеснения сынами отцов, а общим делом всех сынов, — вызывает нужду надзора, всякого рода властей для сдержания этой борьбы. Изображение этого состояния составляет особую статью под названием: «Проект юбилейной выставки XIX-го века»³. Здесь же нужно еще сказать, что как город есть блудный сын села, т. е. еще не возвратившийся к селу, так и ученое сословие есть незаконный сын города. Разве не странно встречать естествоиспытателей проживающими в городе, тогда как их естественное место в селе. Но точно так же и историков-археологов место не в городе, который выбрасывает умерших из своих стен и терпит старину только благодаря не совершенно заглохшей совести даже у блудных сынов... Все это сказано, хотя оно и известно Вам, для того, чтобы показать, что для объяснения эпитафьи нужна вся История, История и как факт, и как проект. И вся статья «В защиту Дела и знания» есть комментарий к «Отец мой...» — только очень плохой. Потому-то Вы и правы, находя *краткое толкование* этого многосодержательного, даже, если можно так сказать, *всесодержательного* текста — очень неясным.

В ответ на Ваше письмо от 13 августа прилагаю библиографическую справку, какую успел сделать нынешний день.

В ожидании Вашего приезда остаюсь глубоко уважающий и любящий
Н. Федоров.

20 августа
1894 г.

Полного собрания сочинений Шеллинга из 14 томов изд<ания> 1856–1861 г. есть только *три тома от 3 до 5*.

Отдельных сочинений Шеллинга, кроме французских переводов, на немецком языке — 19.

Сравнивая имеющиеся у нас сочинения Шеллинга с полным (?) списком его сочинений, не нашел следующих трех:

1. Über das Verhältniß des Realen und Idealen in der Natur.
2. — " — — — der bildenden Kunst zur Natur.
3. Denkmal der Schrift von den göttlichen Dingen. 1812

Это сочинение, вероятно, у Вас есть, так как оно касается Якоби⁴.

Из философс<ких> журналов того времени нашел следующие:
Zeitschrift für spekulative Physik, 1800.

и

Neue Zeitschrift für spekulative Physik, 1802, 1 ч.⁵

P.S. Но в Истории раздора и у блудных сынов есть нечто общее. Эта самая блудность, раздвоение, вытеснение сынами отцов, борьба у женихов и у невест. Цивилизация, старающаяся скрыть эту борьбу, и культура, или вырождение, как следствие этой борьбы, составляют отрицательное единство этой Истории. В эпитафье заключается и указание на дело (Христово), отрицание не-делания (еврейства, буддизма) и осуждение бесцельного труда (язычества).

93.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Конец августа — начало сентября 1894.

Черновое

[начало письма утрачено]

...а требует мира со всеми, больше чем мира требует согласия. Осуждение патриотизма вовсе не есть вставка в какую-то повесть, как Вы полагаете (Беседа досужих людей)¹, а целое сочинение, вышедшее за границу и завершающее предшествующее, которое напало глав<ным> образом на войну, а новое говорит о патриотизме как о *источнике войны*². В Rev<ue> des d<eux> M<ondes> 1 августа был уже разбор этого нового сочинения Тол<стого>³. После выхода «Не-делания» и до выхода нового сочинения, которое можно назвать антипатриотизмом, Записка могла быть защитой Дела, которое для нее было якобы вопросом, как и не-делание. Теперь же она прямо может и должна

быть защитой отеческого дела. Новое сочинение Толстого называется «Христианский дух и патриотизм», в действительности же это не только антипатриотизм, но и антихристианство. Это сочинение должно не увеличить лишь список сочинений, разбираемых в Записке, а дать полное, коренное объяснение каждому из прежних сочинений Толстого. Таким образом, основною причиною Страшного вопроса будет антипатриотизм или отчуждение от отцов, не-думание обратится в забвение отцов, а не-делание в преступление против них. Пока будет город, будет и голод, а город будет и т. д.

94.

П. С. МИРОНОСИЦКОМУ

Конец августа — начало сентября 1894

Черновое

Когда я читал в «Пензенских Епархиальных Ведомостях» о том, как зачиналась школа в Мордовском Качиме¹, — а лучшего начала для школы, как построение ее самими детьми при содействии отцов и духовных и родных, и придумать, кажется, нельзя, — я тогда еще не знал, что построению этой школы предшествовала другая школа, в простой, деревенской избе, где обрубки деревьев и кадушки заменяли скамьи, не знал, что начало этой школе положил человек, который, имея права на преподавание в высшей школе, предпочел ей низшую, столичное или городское житье променял на деревенское захолустье². В Ваших словах «понравилась ему жизнь брата, *понравилось в селе, понравилось при родителях**; полюбил он всю душою школьное дело и отправился в соседнее село Мордовский Качим открывать школу» слышится и отголосок старины, а в то же время чувствуется, что тут полагается начало чего-то очень важного для будущего. Не знал я, что у Вас есть рассадник учителей, которыми снабжаются даже и другие епархии. Что же теперь пожелать Вам? Одно только, кажется, остается пожелать, — что, впрочем, невольно приходит на мысль при чтении сказания о построении Качимской школы: не уменьшилось ли бы число «немалочисленных противников» школы и не увеличилось ли бы число друзей школы, если бы ставилась школа-храм вместо церковно-приходской школы? Еще лучше, если бы эти школы-храмы посвящались Пресвятой Троице, так как большей святости на земле и быть не может! Было бы чрезвычайно дерзостью быть противником храма, Ей посвященного. Лучшего покрова, лучшей сени для школы, конечно, и быть не может. Но если бы нашлись не противники, а такие люди, которые приравнивали <бы> лишь святых к Пресвятой Троице, то, конечно, для таких людей именно и нужна школа. Нас, москвичей, научила почитать Пр. Троицу основанная Пр. Сергием Лавра, и мне желательно было бы знать, как велико влияние или почитание Пр. Сергия вдали от Москвы, т. е. есть ли храмы или приделы, посвященные Пр. Сергию, в Вашей епархии, или <же> особенно чтимые иконы Преподобного Сергия, как празднуются дни памяти его, 5 ию-

* О если бы всем нравилось это, жизнь в селе, возвращение к родителям.

ля и 25 сент<ября>. Праздновался ли 500-летний юбилей? Ходят ли на богомолье к Троице из Ваших мест³.

Прилагаем небольшую брошюру, по поводу этих вопросов написанную⁴.

95.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Сентябрь 1894. Москва

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Кажется, мною сделано все, чтобы, *не ссорясь*, прекратить с Вами всякие сношения. Чтобы избежать ссоры и раздражения, я даже не показал и вида, как оскорбителен был для меня Ваш подарок фенц. порошков¹. Но вы нашли нужным повторить оскорбление и в еще более грубой форме! Опасаясь повторения подобных выходов с Вашей стороны, я вынужден написать это письмо, за которое прошу прощения. Если будут получены письма из Каменец-Подольска или из Качима², то можете — если найдете это нужным — препроводить их к Сергею Алексеевичу Белокурову³ по следующему адресу: Москва, Садовники, дом № 8. Еще раз прошу извинения за письмо с такими неприятными объяснениями.

Готовый к услугам

Н. Федоров.

96.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

14 сентября 1894. Москва

Вы, конечно, правы, глубокоуважаемый Владимир Александрович, отказав мне в прочтении Вашего сочинения о Якоби¹, но и я, конечно, не буду неправ, если откажусь принять от Вас благодеяние в виде издания известной Вам рукописи², хотя бы даже заимообразно и с приличными процентами. Глубоко оскорбленный предложением денежного благодеяния вместе с отказом в прочтении... я считаю долгом возвратить и прежде полученные от Вас книжки, если и не самые оттиски и брошюрки «О бесцельном труде»³, то их стоимость, тем более, что последние изданы в пользу Качимской школы и в дар принимаемы быть не могут. Посему и прилагаю 1 руб. в пользу сказанной школы. Кроме возвращаемых Вам двух №№ «Rev<ue> des Rev<ues>» и № 3996 газеты «Нов<ости> Дня», у меня остается еще одна Ваша книжка, которую я, к сожалению, не могу передать иначе, как только лично Вам. Возвратив Ваше, нахожусь вынужденным утруждать Вас просьбою возвратить мне рукопись «В защиту дела», взяв ее из Цензурного Комитета⁴. Она нужна мне для исправления и особенно для исключения из нее всего внесенного Вами⁵, чтобы не оказаться нарушителем священного права литературной собственности, которое, как видно из отказа в чтении Вашей рукописи, Вы понимаете в самом строгом

смысле и стараетесь предупредить нарушение этого права, тщательно скрывая свое сочинение. Готовый к услугам Н. Федоров.

14 сентября 1894 г.

97.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 октября 1894. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Предыдущее письмо Ваше¹ меня весьма огорчило: с одной стороны, Вы грозите тотчас после моей смерти начать печатание *всего* чернового, подготовительного лишь, не зрелого, а с другой стороны, по поводу последнего сочинения Толст<ого>² высказываете мнение, которое показывает, что Вам вовсе, по-видимому, неизвестно, что важно, что неважно в том, что собираетесь печатать, и потому Вы легко можете повредить делу. Статью, о которой Вы спрашиваете, обещает напечатать Юр<ий> Петр<ович> Бартнев³. Отзывы получены только из двух мест: из Сольвычегодска и из Нижегородской губернии⁴.

Цензурный комитет продолжает рассматривать рукопись, несмотря на частые туда хождения В. А. Кожевникова⁵.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Не известно ли Вам, не могут ли имевшие право на получение половинной пенсии просить о замене этой половины выдачею единовременно годового оклада жалованья при выходе в отставку⁶. Думаю, что нет.

Глубоко уважающий и искренно любящий

Н. Федоров

21 октября

1894

98.

В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

После 20 декабря 1894. Москва

Получив уведомление о запрещении рукописи «В защиту знания и дела» и о задержании этой рукописи в комитете, я охотно принимаю запрещение, но не могу не считать конфискации рукописи наказанием незаслуженным и безмерным. В оправдание свое могу привести следующие соображения. Записка «В защиту знания и дела» назначалась не для продажи; издать ее предполагалось в самом ограниченном количестве (экземпляров), не более как в 50 экземплярах. Вся «Записка» есть вопрос, и только вопрос, а не решение, вопрос, с которым предполагалось обратиться к людям (и весьма немногим) убеждений определенных, зрелых, в том числе к самому автору «Не-делания». Следовательно, пропаганды быть здесь не могло. Такой опыт можно было бы сделать и не прибегая к печати. Представляя же рукопись в Комитет, желатель-

но было только знать, позволительно ли сделать такой опыт? На решение комитета о недозволительности его я не жалею, о снятии запрещения не прошу. Нравственный долг с моей стороны исполнен: вера в некоторую пользу, которую могла принести «Записка», была, очень м<ожет> б<ыть>, моим заблуждением, ошибкою, но не преступлением.

Не совершив, таким образом, преступления, я подвергся тяжелому наказанию в виде конфискации дорогой для меня собственности, т. е. удержанию не на время, а навсегда рукописи, произведения многолетнего труда. Статья 58 Ценз<урного> Уст<ава>, очевидно, относится к сочинениям преступного содержания¹, а потому Цензурный Комитет может, не нарушая закона, а снисходя лишь к благонамеренности, хотя неискусно и неясно выраженной, возвратить рукопись по принадлежности*. И даже готов дать подписку, что и впредь эту рукопись ни в один из Комитетов представлять не буду, твердо веруя, что если есть в рукописи что-либо нужное, то оно выйдет на свет, несмотря ни на какие запрещения, путями, которые ведомы одному Господу.

Прося Вашего снисхождения, осмеливаюсь сказать, что рукопись так мне дорога, что Ваш отказ вынудит меня обратиться к милосердию Монарха. В заключение не могу не выразить глубокого изумления на бесполезную жестокость: не приобретая ничего, Вы лишаете человека самого драгоценного его достояния! Простите грубое слово, вызванное превеликим горем, б<ыть> м<ожет>, Вам непонятным. Не теряю, впрочем, надежды, что, м<ожет> б<ыть>, <вслед> за прошением, мне придется принести Вам благодарение за возвращение рукописи³.

99.

П. П. МИРОНОСИЦКОМУ

Не ранее конца 1894.

Черновое

По непростительной лени и увлечении суетою, я на выраженное Вами желание описать всю Историю построения школы не отвечал тотчас же самую горячую просьбою о скорейшем исполнении Вашего истинно благого желания, благого не для меня только, а для самой Вашей школы, в которой она, т. е. История школы, по моему мнению, должна быть ежегодно прочитываема в годовщину дня основания школы и это прочитывание, б<ыть> м<ожет>, сделало бы праздничный день основания школы поучительнее, образовательнее даже будничных дней учения; благим же это описание, смею думать, будет и для многих и очень многих сел и деревень нашей обширной России, и м<ожет> б<ыть> и не России только — и там, где вовсе не знают, что такое помочи и толоки и какие чудеса эти помочи и толоки при помощи Божией могут производить и производят в нашей, славу Богу, еще не совсем цивилизованной стра-

* От исправления отказываюсь, потому уже, что исправлять, не зная, в чем заключаются неправомерности, нельзя. Не смею просить о сообщении мне мотива запрещения, если же оно <сообщение> не против закона, то приму с благодарностью².

не. С какою охотою я напечатал бы Вашу Историю школы, а м<ожет> б<ыть>, и перевел на другие европейские языки — на европейские, восточные, к сожалению, не знаю. Эту же Историю построения, помощь и толоку, я представил бы на Рижский съезд в подтверждение вопроса, который назначен между других для обсуждения на этом съезде, вопроса о происхождении обыденных храмов¹, и этот ручеек, с которым Вы сравнили Вашу школу, я убежден, обратится в великую реку, пьющие из которой не будут жаждать вовек. Эта История в Вашей школе должна быть раздаваема в виде награды за успехи и особенно тем, которые не только сами успевают, но и другим, мало успешным, облегчают учение — в этом и состоит благонравие — это тоже помощь успешных, т. е. тех, которые получили 5 талантов, приходящих на помощь получившим лишь один талант.

Рассказ о построении школы помощью и толокою, может быть, сделается книжкою, по которой будут учиться читать, ибо из этой истории учащиеся узнавали бы, каким способом Русская [земля] спасала и будет спасать и все [1 слово неразб.], и весь мир.

100.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1895

*Черновое**Вотяки и Рише*¹

«Нравственные идеи делают нас так мало похожими на наших отвратительных предков», — к которым, т. е. <к> отвратительным предкам, принадлежат и вотяки и большинство нынешнего человечества.

Потерпела ли наука банкротство? Да, если науку отождествлять с Рише. Рише, обзывающий своих предков *отвратительными*, должен ожидать от своих потомков такого же названия, — но они не будут хамитами.

Вы не относитесь брезгливо к делу вотяков, напоминающих наших предков, и справедливо видите в этом деле что-то мрачно-могучее и несправедливо — что-то зловещее. Впрочем, если носителями света считать Рише и ему подобных, <относящихся> с таким брезгливым и безнравственным отвращением к предкам, то ничего, кроме зла, в будущем не предвидится. Фарисейское любование своими лишь мнениями (идеями) будто бы нравственными, противопоставляя себя якобы отвратительным предкам, не может нам внушить любви к нашим действительно отвратительным братьям французам. Но верх лицемерия выражается в следующей фразе: «зло есть то, от чего страдают другие». Сам Иуда позавидовал бы такому лицемерию. Желая выразить высшую степень нравственности, падают до самой низкой степени безнравственности. Допуская вечное существование других, не своих, чужих, они не только отрицают единство, а даже возможность объединения, и есть надежда, что Рише доальтруизируется до того, что принесет род человеческий в жертву каким-нибудь животным, сострадав голодным тиграм, подобно Будде и его жалостливому последователю Толстому-Льву. Волк будет пастись вместе с ягненком — этого не достаточно. Нужно, чтобы ягненок сам лез в пасть волка, — это альтруизм.

«Человек не должен уступать своего права на образ и подобие Божие ни за какие блага мира, ни за счастье и довольство свое или *хотя бы всего человечества*, ни за спокойствие и одобрение людей, ни за *власть и успех в жизни*» (за фортуны и карьеру?) — Какое же низкое понятие о Боге имеет этот осел Новгородцев², если для уподобления Богу нужно [1 слово неразб.] стать врагом всех людей, даже всего рода человеческого! Судя по тому, что все исчисленные

им блага завершаются властью и успехом в жизни, надо полагать, что и предыдущие <блага> могут считаться благами только по ребяческим понятиям Новгородцева.

Очевидно, «Образ Божий», по Новгородцеву, состоит в глубочайшем отчуждении от всех людей.

Право на образ Божий человек не должен уступать ни за какие блага, а под благами Новгор<одцев> разумеет, судя по тем, которые он ставит последними, такие пошлости и низости, как успех в жизни, власть.

101.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 февраля 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

По известным Вам обстоятельствам (т. е. с одной стороны потому, что обращать Музей в богадельню не хорошо, а еще хуже удерживать за собой место, когда его готов занять человек и молодой и специально подготовленный к нему¹, а с другой стороны потому, что в мои лета было бы верхом безумия откладывать «приведение в порядок бумаг» не только на 4-е года, а даже на четыре месяца), по этим-то обстоятельствам я считаю себя вынужденным подать в отставку на 6-й неделе Великого Поста* и первые две недели по приезде в Воронеж (т. е. Страстную и Пасху) пробыть у Вас, а затем месяца на два поселиться на окраине Воронежа, если, конечно, не найдется занятия, о котором Вы говорите в своем письме², — что очень маловероятно. Видеться можно раза два в неделю. Полагаю, что для Вас не будет обременительным один раз в неделю навесить меня, так же как и мне раз же в неделю посетить Вас и Ваше семейство³.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Поправился ли Гриша?⁴

Глубокоуважающий и искренне любящий

Ник. Федоров

P.S. Обратили ли Вы внимание на приписку в прошлом моем письме⁵ о нецензурном выражении (т. е. учен<ые> — свин<ьи>), написанном карандашом в рукописи, представленной в ценз<урный> Комитет?⁶ и что думаете об этом?

28 февраля

1895 года

* я собирался уже в конце февраля просить об увольнении от службы, но инфлюэнца, от которой я по сие время не оправился, помешала мне исполнить это намерение.

102.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 28 февраля и 7 апреля 1895. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Николай Павлович,

К удивлению моему, я до сих пор не получил ответ на вопрос, помещенный в конце прошлого моего письма. Считаю нужным повторить эти вопросы: имею ли я право обращаться Музей в богадельню? имею ли право удерживать место, которое желает занять человек молодой, специально подготовленный к нему? Имею ли я право рассчитывать (при моих годах) не только на 4-е года жизни, но и на сохранение сил настолько, чтобы быть способным исполнить то дело, которое и теперь не без труда мною м<ожет> б<ыть> приведено к концу (разумею разбор и приведение в порядок бумаг). Полагая, что ответ м<ожет> б<ыть> лишь отрицательный, я думал (если бы получил Ваш ответ к 20 февраля) подать в отставку и к 1-му марту быть свободным, а 5-го или 6-го уже выехать в Воронеж. Теперь это самое м<ожет> б<ыть> сделано на 6-й неделе, если получу ответ до 20 марта. Очень вероятно, что Вам не понравилось мое намерение иметь квартиру на окраине, а не у Вас¹. Это, конечно, понятно и хорошо с Вашей стороны. Но нужно обратить внимание на следующие обстоятельства: и в Керенске, и в Мокшане, и в Воронеже на меня смотрели как на бессовестного, который мог жить на счет человека, обремененного очень большим семейством; правды в этом мнении было немного и потому я мог не обращаться на него внимания. Теперь же будет в этом мнении правда. Надлежащей платы я в настоящее время дать не могу, а ненадлежащую, т. е. уменьшать плату, Вы не имеете права, как бы того ни желали.

103.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 апреля 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

В отставку я еще не подавал¹ и, нужно сознаться, по соображениям экономическим, т. е. просто денежным, хотя нет дня, когда бы я не чувствовал и не сознавал необходимости выхода из Музея по соображениям нравственным. Поставленный в необходимость выбирать из двух зол меньшее, т. е. или Музей обращаться в богадельню, или обременить собою уже обремененного большим семейством, я последнее зло считаю горшим первого и тогда только поеду в Воронеж, когда буду иметь средства не только прожить там 2-а месяца, но и выехать из него. Я вынужден теперь делать то, чего не делал никогда: собирать, копить, когда хотелось бы поскорее сбыть. Что может быть отвратительнее и гнуснее этой злой необходимости! Но так как я еще не достиг совершенства в этом пороке, то и приходится откладывать поездку. Во всяком случае я постараюсь известить Вас своевременно о выезде.

Что касается Ценз<урного> комитета, то не лучше ли его оставить в покое². Во всяком случае, нужно повременить. Не знаю, издал ли свое сочинение Кожевников³. Теперь больше чем когда-нибудь нужно остерегаться повредить ему*, как человеку враждебного, противоположного направления**.

Свидетельствую глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству. Пишите.

Глубокоуважающий и искренне любящий

Н. Федоров

7 апреля

1895

104.

А. А. КИРЕЕВУ

Не ранее 1 марта 1895.

Черновое

Препровождаемые к Вам статьи могут быть причислены к славянофильским, с некоторым, однако, различием***.

Нынешнее славянофильство говорит о соборах (соборной церкви), общинах и артелях как отличительных, хотя и несовершенных еще проявлениях славянофильского духа, т. е. соборность оно видит и в мирском, и <в> церковном строе славянства, как предзнаменование лишь великой, неопределенной будущности, но вовсе, по-видимому, не думает: во-1-х, для чего, для *какого дела* нужно такое совокупление сил, *какой долг* нужно исполнить, *какой цели* должно достигнуть; во-2-х, не думает также и о том, как, *какими способами* произвести теснейшее соединение, как в частях, так и в целом; в-3-х, не задает даже себе вопроса, *во имя Кого и по какому образцу* должно происходить собрание. Словом, оно, славянофильство, как и западничество, относится к будущему пассивно, а не активно, т. е. или разумное существо возлагает все свое упование на слепую силу (эволюция, прогресс) и ждет от нее, от слепой силы, разумного, целесообразного действия, или же Бога хочет сделать своим работником, а не себя орудием Его воли; а если и есть активное отношение, то оно ничего, кроме *разрушения*, не знает.

В посылаемых статьях эти именно три вопроса <и> затрагиваются. В них заключается: 1. Уже призыв к делу, а не восхваление соборности, — <к> делу общему, совокупному, к делу всех сынов человеческих по отношению ко всем отцам³. 2. Образцом для соединения служит Троидное Божество: в безгранич-

* Подразумевается: в Цензурном Комитете перед выходом его книги каким-либо возражением против запрещения Комитетом рукописи Н<иколая> Ф<едорови>ча. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** Один из неосновательных попреков, не раз, в минуту горячности, срывавшихся у Н<иколая> Ф<едорови>ча и столь же быстро отменявшихся. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

*** Эти статьи, краткие и для внимательного читателя, в более подробном изложении встретили препятствие в цензуре¹, но в полном изложении, в виде вопроса к людям зрелых убеждений обработанные², в небольшом количестве не для продажи изданные, не подверглись бы запрещению.

ной преданности и любви Сына Божия и Духа Святого к Богу Отцу указывается образец для всех сынов и дочерей человеческих по отношению ко всем отцам, образец для всех живущих ко всем умершим, ибо смерть не должна полагать предела любви, так как полнота любви есть причина бессмертия в Божестве, так же как недостаток любви есть причина смерти в человечестве. 3. Способами соединения служат: во-1-х, повсеместное построение при всех церквях школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице как образцу единодушия и согласия, без завистливой правды, к 500-летнему юбилею открытия св. мощей Пр. Сергия, этого великого чтилителя Пр. Троицы, во имя Которой и требуется повсеместное их устройство. (Этот способ кратко излагается в Предисловии к Сказанию о построении обыденного храма в Вологде.) Во-2-х, присоединение к школам-храмам (т. е. <к> духовным) школ-музеев (светских), *но музеев, которые занимаются не хранением лишь останков протекшего и отжившего, а также наблюдением и направлением текущего* (регуляция природы) для восстановления и оживления протекшего. Столетний юбилей осн<ователя> Министерства <народного Просвещения> Каразина и нужно поставить термином для исполнения этого плана. (Этот 2-й способ излагается также очень кратко в статье «Науки и Жизни». М. 1894. «О памятнике Каразину».)

Эти два способа имеют одну цель, один долг преследуют, этим они и отличаются от нынешнего бесцельного, разъединяющего образования. Объединение, производимое чрез школы-храмы, нераздельно соединенные с школами-музеями (т. е. соединение духовного и светского), не должно быть смешиваемо с самим делом, производимым соединенными духовными и светскими: объединение живущих, объединение сынов имеет целью отцов умерших. Если *живущее*, т. е. *еще не умершее*, забывающее уже умерших и не замечающее умирающих, несмотря на непрерывность умирания, будет ставить себе целью *свое благо* (комфорт), то дело, такую цель имеющее, будет не только чудовищно безнравственно, но и в высшей степени бессмысленно. Нужно еще прибавить, что забывающие, не замечающие умирания есть *сыны*, а умершие и умирающие — *отцы*. Не замечать такой непрерывно и повсеместно действующей силы, как смерть, значит ли это сознать действительность? Музей, как хранилище останков, есть именно сознание действительности. Храм, посвященный *животворящему Троиединству*, указывает на *объединение* и на *цель* совокупного действия; Музей, как наблюдатель текущего и регулятор его, есть средство для восстановления и оживления протекшего. Храм-Музей означает соединение веры и знания в совокупном деле, школа же с храмом-музеем означает соединение сынов-учеников с отцами-учителями в общем деле воскрешения отцов-умерших.

Школы-Храмы, созидаемые во имя животворящего Троиединства, а не почитающего одноличного одиночества или <же> безличной слепоты, — и Школы-Музеи, в надежде воскрешения, а не уничтожения (Нирваны) или покоя (Субботы) сооружаемые, не для одной только России назначаются. Построение их не может ограничиваться пределами России, как бы обширна она ни была*. Христианство, как дело (а другого христианства Россия не знает), не может

* Здесь и начинается вопрос, которым Вы особенно занимаетесь⁴.

примириться с существованием инославия и иноверия*, потому что православие есть печалование о розни, отчуждении, религиозном *размирии*. Вернейшим признаком Православия именно служит *деятельное* печалование, а не созерцательная, лицемерная мировая скорбь. Если <же> православие есть печалование о розни, то Молитва Православия будет о устранении розни, а соединение будет приготовлением к делу.

105.

В. М. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ
17 июня 1895. Воронеж

Многоуважаемый
Владимир Михайлович!

Письмо Ваше от 8 июня¹ получил только 13-го, т. е. накануне закрытия Музея, а потому очень многого и не могу Вам сообщить по вопросу о переселениях в Абхазию.

В статистических описаниях губерний и областей Российской Империи, в т. XVI-м, ч. 5-й, где Кутаисское генерал-губернаторство (1858 г.), о населении Абхазии говорится, что оно почти исключительно состоит из абхазцев, и больше ничего.

А. Ф. Риттих. В сочинении Риттиха — «Переселения», изд. в Харькове 1882 года, на стр. 70–72 говорится, что восточный берег Черного моря причисляется к местам, наиболее пригодным для русской колонизации. На этнографической же карте того же Риттиха² только в четырех местах значится русское население, обозначенное четырьмя красными пятнышками, очень небольшими. «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», сочинение А. Л.³, издано в 1885 году, — в этом сочинении говорится, что все население в Абхазии простирается до 52 тысяч, и о русском населении в этом сочинении я ничего не нашел, хотя и не ручаюсь, что, по краткости времени, что-нибудь и просмотрел.

В известном сочинении Н. Серповского «Переселения в России в Древнее и Новое время и их значение в хозяйстве страны»⁴, а также в сочинении Григорьева о крестьянских переселениях из Рязанской губернии⁵, — о переселениях в Абхазию ничего не нашел.

В Списках населенных мест Кутаисской губернии⁶ Абхазии совсем нет, вероятно, Абхазия в это время к Кутаисской губернии не причислялась. Вот все, что я мог узнать для Вас и Всеволода Измайловича⁷ в такой короткий срок, и очень сожалею, что результат моих справок имеет такой отрицательный характер.

Очень желал бы побывать у Вас и побеседовать, но к сожалению, обстоятельства делают невозможным исполнение моего желания. Прошу поклониться

* Как не мириться и Вы с существованием инославия. В лице Вашем Славянофильство сделало уже большой шаг от созерцания к делу примирения, — в Вашем усилии к соединению с старокаатоликами⁵.

от меня Всеволоду Измайловичу и извинить меня пред ним, что не мог сделать для него всего, что бы хотел.

Ваш любящий Н. Федоров

17 июня 1895 года.

Г. Воронеж.

106.

В. Н. МАК-ГАХАН

Конец сентября 1895. Москва

Черновое

К Мак-Гахан Варваре Николаевне

С удивлением и радостью читали мы, что в Америке не только униаты, которые у нас с таким трудом воссоединяются с Православием, но и вообще католики из славян массами присоединяются к Православ<ию>. С меньшей радостью читали о протестанте, желавшем присоединения, тогда как у нас протестантизм в лице штунды торжествует свою победу над верою и языком русских или малорусских людей. Не здесь ли и должно начаться соединение христиан разных толков. Присоединен<ие> к храму школы и музея, а также посвящение [храмов-школ] Триединому, может только способствовать этому соединению. Школа-Музей, освящаемая Храмом, делает сынов продолжателями, а не разрушителями дела отцов, заменяет нынешний искусственный строй естественным родственным.

Но есть еще святое дело, которое можно, а вернее, должно соединить с Храмом-школою и Музеем, которое сделает необходимым соединение. В 1891 г. в тяжелый для нас голодный год и бездождие чрез Ваше посредство мы узнали об опыте вызывания дождя посредством того вещества, которое в настоящее время употребляется для истребления людьми друг друга, т. е. [об] употреблении его для спасения от голода¹. Итак, не нужно было бросать оружие, как этого требовали Толст<ые>, Зутнеры², зная хорошо, что этого сделать нельзя, [а нужно] употребить его на спасение от голода, что, конечно, возможно, а войска имеют, кроме огнестрельного оружия, и др<угие> орудия. [Конец листа, далее не сохранилось.]

107.

И. А. ЛИННИЧЕНКО

Между 30 сентября и 2 октября 1895. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый Иван Андреевич

Прежде всего убедительнейше прошу Вас исключить из Вашей статьи всякое упоминание обо мне. Затем не могу не выразить моего удивления к самому названию «Настоящее Румянцевского Музея», о котором, т. е. о настоящем Музее, много было сказано даже излишнего по поводу недавнего его открытия¹. От Вашей же статьи надо было ожидать, что она не ограничится на-

стоящим, а в прошедшем укажет право Музея на внимание к нему правительства и общества, как это Вы и хотели сделать.

Наконец, о себе я должен сказать, что заслуживаю не похвал, а больших укоризн, потому что, достигнув глубокой старости, вызывая неудовольствия читателей своею старческою медлительностью, не даю хода молодым силам, которые, конечно, гораздо лучше моего исполняли бы мое дело².

Впрочем, чтение Вашей статьи было бы для меня гораздо лестнее всяких похвал.

Благодаря Вас за внимание к моим книжным заслугам, остаюсь глубоко уважающий, готовый к услугам Н. Ф.

и еще раз прошу исключить из Вашей статьи все сказанное <обо> мне.

108.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 октября 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Прошение об отставке подано¹, но только по получении аттестата я уведомлю Вас о времени выезда из Москвы, что едва ли может быть ранее половины октября². Постарайтесь удержать Митю³ до этого времени. Пробыть же у Вас я думаю столько времени, сколько нужно для приведения в некоторый порядок бумаг, употребляя на это дело вечера и праздники. Под приведением в порядок разумею лишь составление сборника фрагментов или отрывков (по вопро<су> о прич<инах> небратства и пр.), распределенных в несколько отделов, а не составление чего-либо связно<го>, стройного. В конце всего сборника нужно поместить статью, конечно исправленную, о Самодержавии⁴, т. е. в конце вопроса о причинах... или, точнее, вопроса об отеч<еском> деле — статью о руководителе дела. Десять листов этой статьи получил и приношу мою глубочайшую благодарность. В №№ 8 и 9 «Русского Обозрения» найдете статью о Самодержавии⁵, а в последнем, т. е. 9, найдете указание и на другие статьи и по этому же предмету⁶.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству

Глубокоуважающий и искренне любящий Н. Федоров

1 октября

1895

P.S. Вероятно, многим, м<ожет> б<ыть>, и Вам Ариофильство покажется очень искусственным, искусственнее славянофильства, но если Вы припомните, что Вопрос о причинах небратства может быть выражен одним словом: *Хамитизм*, а следовательно, вопрос о средствах восстановления братства также одним словом *Иафетизм*, что тождественно Ариофильству, то ясно будет, что в самом вопросе об отеческом деле указано уже на Ариофильство, притом еще только чрез дальний Запад (американских арийцев) возможно примирение с ближним Западом (с европейскими арийцами) и лишь чрез этот последний с Славянством западн<ым> и южным. Европа только в Америке начинает созна-

вать несостоятельность и искусственность своего религиозного и общественного строя, т. е. протестантизма и республиканизма и еще более конституционализма. Если сравнить американские ревивали с нашими обыденными храмами, как явлениями одного с ними порядка, произведениями религиозного подъема, который не ограничивается раскаянием, а переходит в дело, на место тех болезненных безобразий, в которых проявляются амер<иканские> ревивали, то легко понять все преимущество религии дела перед религией чувства. А ревивали могут именно служить ответом на вопрос: было ли что-либо подобное нашим обыден<енным> храмам на Западе, особенно дальнем⁷. Статью о ревивалиях и обыден<ных> храмах нужно бы было отправить к Мак-Гахан, которая говорит о православной Нью-Йоркской Церкви, что она есть «плод усердной, дружной, общей работы русских людей всех состояний»⁸.

109.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 октября 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Николай Павлович

Точного дня отъезда назвать не могу¹. Вероятно, выехать придется не раньше воскресения и не позже вторника, и к тому еще остановиться в Рязани², не более, конечно, одного дня. Ввиду такой неопределенности на вокзал выходить Вам, конечно, невозможно. Письмо с прибавочным листом³ получил и благодарю Вас за высылку его.

Ю. П. Бартенев сообщил мне стихотворение, написанное В. А. Кожевниковым, в котором он очень удачно выразил то, что прошлого года еще не совсем признавал⁴. Надо сознаться, что я вовсе такого исхода не ожидал и очень сожалею, если что неприятного сказал или написал об нем.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне

благ<одарный> Н. Федоров

27 октября 1895 г.

110.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Ноябрь — начало декабря 1895. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый Владимир Александрович.

Горячо написанное, по Вашему очень удачному или счастливому* выражению, Стихотворение в прозе Сер<гея> Петр<овича> Бар<тенева>¹, по моему

* Но это счастье и удача есть не дар, а произведение долгого, предшествующего труда мысли.

мнению, относится к будущему веку. Оно предвещает появление пророка², как и Ваше стихотворение³, потому что глубокому убеждению свойственно желанное принять за осуществленное и будущее представлять как настоящее. Но для настоящего времени громкое провозглашение преждевременно, ибо все, что от начала является с шумом и громом, бывает обыкновенно недолговечно. Наш век, не имеющий упования жизни будущей, заменил воскрешение существованием лишь в мысли потомков, т. е. *Славою*, вечную памятью. Но сознавая прозрачность такого существования, наш век придумал творить себе поминовения при жизни. Юбилеи, при жизни творимые, поминки, над живущими еще совершаемые, суть проявления глубочайшей безнадежности. — Юбилеи же по смерти должны быть переходом от восстановления в мысли к воскрешению на деле по мере превращения смертоносной природы действием сыновнего знания и любви в живоносную природу, силу, волю. Ценно же не восстановление, а только воскрешение.

Ваш «Призыв» я никому не читал, даже Н. П. Петерсону упомянул об нем⁴, но самого стихотворения не сообщал, хотя оно у меня имеется в двух экземплярах. Желательно, чтобы и стихотворение в прозе или в стихах не получило преждевременного распространения, т. е. пока не явится учение о воскрешении как необходимое следствие эволюционизма и коллективизма, господствующих в мысли нашего века, как переход от пессимистического настроения к *вере, которая*, по прекрасному синодальному переводу 1-го стиха 11-й главы Посл<ания> к Евреям, *есть осуществление ожидаемого*, т. е. вера, в деле выражаемая^{*}.

И во мне вышесказанная господствующая мысль века совершает переход к воскрешению; но то, что Вы и другие называют моим трудом, есть вовсе не мой <труд>, а также и Ваш и многих других, которые, сами не подозревая, участвовали в нем! И в Вашем стихотворении «Призыв» «Пророк» есть слово *собирательное*. Лучше же всего, посоветуйте Сер<гею> Пет<ровичу> вычеркнуть слово *пророк*, пока его стихотворение в прозе не приняло стихотворной формы. И я со своей стороны напишу ему, если Вы сообщите мне его адрес. Это слово лишает меня возможности прочитать и Ваше, и его стихотворения другим и даже <заставляет> желать им возможно меньшего распространения.

Продолжаю читать Вашего немецкого пророка, надеясь, что все, что он говорит метафорически, сбудется в действительности⁶. Прежде я хотел Ваши 4-е эпиграфа заменить двумя, потом тремя, теперь же я думаю все метафоры о воскрешении обратить в эпиграфы; напр<имер>, Ленц говорит: «Назначение поэта, художника (коллективно весь человек<еский> род) в пределах возможного <быть проявлением> одной творческой способности Бога-Творца»⁷. Создавать человек не может, а может: воссоздавать то, что Бог создал, а человек разрушил, умертвил.

* Проф<ессор> Казан<ской> Дух<овной> Акад<емии> находит синод<альный> перевод странным и требует замены его своим личным измышлением, отделяющим веру от дела, как протестанты. По его переводу, Вера есть опора (ипостась) имущих упование, вещей освещение невидимых⁵.

111.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
30 октября 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,

Обстоятельства вынудили меня еще раз отложить отъезд¹. У нас вдруг заболело несколько служащих, и я должен был замедлить выходом в отставку. Хотя я обещал прослужить еще месяц, но едва ли сдержу свое слово и уеду в половине ноября. За квартиру отдал за полмесяца. Знаю, что ввожу Вас в большие затруднения своими отсрочками, но ничего не могу сделать! Уведомьте меня, поступил ли Митя в военную службу или нет?

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне любящий
Н. Федоров.

Получили Вы оттиск из «Русского Архива»², давно уже Вам посланный?
30 октября
1895

112.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
15 ноября 1895. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,

Еще раз я вынужден сделать отсрочку отъезда до конца ноября и, надеюсь, уже последнюю...¹

Очень сожалею, что не мог сообщить Вам лично к Воронежскому празднику 23-го ноября² о новом, если не чуде, то о посмертном влиянии Преп. Сергия и святит. Митрофана, обнаруженном — где бы Вы думали? — в чуждой, даже враждебной нам Англии. В письме* митроп. Филарета к Антонию, наместнику Тр<оице>Серг<иевой> Лавры, говорится об англичанке — почитательнице Святых Православной Церкви, — которая видела во сне свв. Сергия и Митрофана. Это было в то время, когда в Англии обнаруживалось некоторое стремление к сближению с Православною Церковью. Англичанка сообщила о своем сновидении одному английскому пастору и возбудила в нем сильное желание ближе познакомиться с Русскою Церковью. Об этом-то пасторе, не называя, к сожалению, его имени, и говорит Митр. Филарет в письме к своему наместнику³. Впрочем, я не теряю надежды узнать имя и пастора, а также имя чительницы Святых Московского и Воронежского. Сон этот, если смотреть на него как на внушение свыше, имеет очень важное значение**, ибо он показыва-

* от 22 октября 1838 года.

** Если даже смотреть на него как на естественное следствие долгого и внимательного чтения, он также будет иметь не малое значение.

ет, что святые и новой, петровской Руси, и древней одинаково указывают на необходимость сближения с Англиею⁴, на сближение, конечно, в вере живой, т. е. не в мысли только, но и деле, и деле святом, ибо сближение с Англиею было бы союзом не против какого-либо народа, напр<имер> Германии, а против той всеземной силы, которая м<ожет> б<ыть> названа врагом лишь временным, а другом вечным. Союз этот м<ожет> б<ыть> уже формулирован следующим образом: Союз для борьбы на два фронта — северный (Полярн<ый> хол<од>) и южный (тропич<еская> жара); борьба на два фланга: Восточн<ый> (засуха) и Западный (ливни); атака Центра, кровли мира, пустынно-холод<ного> Памира, как завершение обходных движений не против уже ислама, а против ига тропического зноя... Ополчение против стихий, война с ними не есть что-либо совершенно новое, на нее не обращали только внимания, не делали предметом изучения. Впрочем, Полков<ник> Ч<истяков> обещал напечатать в военной газете приглашение к военной интеллигенции заняться Историею участия войска в деле спасения народа от естественных бедствий, иллюстрировав это приглашение изумительным подвигом военной команды, по собственному почину спасшей Оренбург — как это Вам известно — от взрыва порохового склада⁵. Желательно было бы, чтобы эта заметка г. Ч<истякова> не только обратила на себя внимание и вызвала изучение о мирном действии войска в прошедшем, но и заставила бы подумать о том, чем может и должно быть войско в этом отношении в будущем. Как только получу № Инвалида с заметкою Ч<истякова>, поспешу выслать Вам.

Спросите священ<ника> Зверева⁶ (но письма моего *не читайте* ему, особенно вторую половину), известно ли ему и вообще в Воронеже вышеуказанное письмо митр<ополита> Филарета о пр. Сергии и св. Митрофане? Оно напечатано в 1877 году в первой части Писем Фил<арета> к Антонию, стр. 297.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубоко уважающий и искр<енне> любящий Н. Федоров

15 ноября

1895

P.S. Спросите также священ<ника> Зверева, принимал ли Воронеж — чтиль святого новой Петровской России — какое-нибудь участие в юбилее святого древней Руси — Преп. Сергия? В вешем же сне инославной иноземки являются соединенными Святые представители древней и новой Руси, как бы предрекая то время, когда не будет вражды между старым и новым, между старообрядцами и православными, западниками и т<ак> н<азываемыми> славянофилами, самим Западом и всею Россиею.

Вспомнил ли кто об этом сне в год юбилея Преп. Сергия?

113.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Декабрь 1895. Москва

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

Еще многое не успел передать Вам из относящегося к статье «*Международная благодарность*»¹ не для помещения в ней, а лишь для сведения, и между прочим следующее. Как ни поразительно замеченное совпадение, что библиотека дочери Прусского короля как раз помещается под тем местом, откуда отец составительницы библиотеки приветствовал Москву как спасительницу Германии², еще удивительнее другое незамеченное совпадение, что и Киселев — этот изумляющийся западник — стоит над памятником или библиотекою «*Отца западничества*» Чаадаева³, которому дано было дожить, не увидеть смерти до осуществления его упований, до взятия Севастополя — места крещения Владимира от греков, а не от латинян* — т. е. дожить до торжества Запада, отмстившего за поругание ими Москвы и за взрыв Кремля разорением Корсуня... Как же после этого не верить и не надеяться «в конечную победу добра на земле?...» О дальнейшем я не буду распространяться, чтобы не затронуть Ваших предрассудков**. Как Вам кажется, это случайность?

Глубокоуважающий Вас
Н. Федоров.

114.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
27 декабря 1895. Москва

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

Очень простой, а вместе и остроумный способ, изобретенный Юр<ием> Пет<ровичем> Барт<еневым>, поддержанный и Вами, способ уничтожить — конечно, ненамеренно — всякое значение и силу статьи «*Международная благодарность*» приводит меня в удивление и озлобление***. Нужно только последовать совету Ю<рия> П<етровича> Б<артенева> и разделить статью, чтобы одна ее часть обратилась в пустословие, а другая в бессмысленный проект¹. Я никак не могу понять, для чего нужно откладывать проект обмена на два месяца, если есть, хотя малейшая, надежда на осуществление его, и почему совсем

* А в этом именно, т. е. в принятии крещения не из Рима, и видит Чаадаев все зло России.

** Предполагаемых моих «Предрассудков» в сторону Запада и ценностей Западной культуры, за переоценку коих жестоко и многократно упрекал меня Н<иколай> Ф<едорович>. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

Деляя эти замечания, В<ладимир> А<лександрович> Кожевников, упрекавший Н<иколая> Ф<едоровича> в том, что он будто бы все возлагает на силы человека и недооценивает благодати, не обратил внимания на вопрос — случайность ли указываемые в письме совпадения. (Примеч. Н. П. Петерсона.)⁴

*** Упрек вызван был желанием редактора «Русского Архива» П. И. Бартенева разделить мою статью в ее расширенном виде на две части и напечатать ее в двух книжках журнала, а не всю сразу. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

не уничтожить его, если он неисполним? Конец статьи, который откладывается, не ниже, а, может быть, выше начала, если только к нему прибавить несколько слов, показывающих, что *Музей*, как выражение благодарности *Кремлю*, может наглядно представить решение существенного вопроса нашего времени, как он формулирован в самом заглавии Вашего же сочинения: «Бесцельный труд, неделание или дело», и решение также важного вопроса об отношении знания к вере, светского к духовному, соединение которых послужит к их взаимному расширению, а не стеснению. Мне очень бы хотелось прочитать дома конец статьи, который и по Вашему и по мнению Юрия Петровича Бартенева недостойн стоять рядом с началом. Способ, изобретенный Юрием Петровичем Бартевым для скрещения недостатков, больше чем странный и во всяком случае недействительный. Не естественнее ли было бы исправить эти недостатки вместо неестественного отделения начала от конца? Это отделение не спасет первое (т. е. начало) и не улучшит конец. По моему мнению, разделение равносильно уничтожению обеих частей. Что касается всенаучного обмена, то он есть лишь первое слабое выражение международной благодарности, причем несоразмерность была бы лишь для Германии преимущественным правом на учительство, пока Россия будет оставаться учеником. Тогда же, когда ученичество кончится, может наступить обратная несоразмерность и Россия, конечно, не откажется от обязательства, хотя бы он [обмен] оказался материально для нее невыгоден. Впрочем, этот обмен, как выражение международной приязни, не может и не должен наносить материальный кому-либо ущерб, и в таком именно смысле он и предлагается для взаимного обсуждения двух или нескольких наций, а потом и всех. Вторым шагом для международного сближения может быть союз по введению метеорических наблюдений в армиях русской и немецкой и обмен результатами этих наблюдений по вопросу, поднятому Америкой относительно влияния канонады и стрельбы на метеорические явления. Еще важнее употребление аэростатов, существующих и в Германской и в Русской армиях, для опытов, предложенных Каразиным, которые, конечно, должно производить по плану, выработанному Германским и Русским Штабами в связи с физико-естественными факультетами той и другой народности. Вообще союз по обращению войск в естествоиспытательную силу без ущерба боевой их силы — пока сия последняя нужна — для нас необходимо заключить преимущественно с двумя Англиями (европейскою и американскою), чтобы бороться на всей земле с врагом всех народов, врагом, которого мы видели на картинах Верещагина и о котором говорилось в начале статьи². Если все это будет сказано, то установится полное соответствие между двумя частями статьи «Международная благодарность»... и отделять их не будет надобности.

Глубокоуважающий

Н. Федоров.

27 декабря 1895 года.

В доказательство необходимости большего и большего обращения войска в естествоиспытательную силу можно привести еще следующее соображение:

если есть соответствие между силою канонады и силою гроз, вызываемых ею, то совершенствование оружия будет наконец вызывать такие грозы, которые будут истреблять обе враждебные армии, т. е. это значило бы, что в самой природе положен предел человек<еской> вражде! что нет и не может быть вражды вечной! и есть Разум, правящий миром!

<Сверху письма такая приписка:>

Благодарю Вас за письмо³ и очень рад, что Вы пришли к той же мысли, которая высказывается и в этом, запоздавшем письме.

1896

115.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
15 февраля 1896. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович.

Очень благодарен Вам за присылку перв<ого> листа¹ и тем более благодарен, что Вы, не имея помощника, находите время для этой работы. Пропущенное слово, вероятно, было: романское.

Что касается статьи «Международная благодарность», то в ней многое опущено, а иное искажено². В двух же заметках об этой статье ничего почти не добавлено и ничего не исправлено. Помещены они в газете «Русское Слово», одна под названием «О Румянц<евском> Музее», в № 38, а другая под тем же названием с прибавкою «как памятнике 12-го года» будет, надо полагать, помещена в сегодняшнем №-е, т. е. 15-го февраля³. Посылать их Вам не стоит, так же как предшествовавшую «Международ<ной> Благодар<арност>и» заметку «Об историческом значении вышки Румянц<евского> Музея»⁴, о которой я, кажется, писал уже Вам. Директор еще не назначен⁵.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне любящий Н. Федоров.

15 февраля
1896 года

116.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
22 марта 1896. Воронеж

Христос Воскресе, глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Считаю долгом поздравить Вас с Праздником Праздников, с престольным праздником Кремля, этого Алтаря храма Воскресения, о поклонении которому западных царей Вы поведали в статье «Международная благодарность»¹. При виде такой благодарности Кремль не мог остаться безмолвным, не мог не одушевиться, не оживиться, когда услышал из уст Запада признание, что и для Запада, наконец, раскрывается великий смысл и значение его для мира, — его,

оставшегося до того в глубоком унижении и презрении не только у чужих, но и у своих. Своею статьею, указав великий смысл Кремля², Вы не только поставили, но и зажгли свечу <перед Кремлем,> в виде всенаучного музея с вышкой, увенчанною поклоняющимися царями³. И Кремль не может уже оставаться безмолвным, немым, он не может не воспеть, ибо служба начинается. Кремль — до сих пор безмолвный хранитель праха отцов, собирателей земли — исцеляется от немоты; онемевший, остолбеневший от скорби при виде праха отцов, Кремль начинает приходить в себя, начинает плач и рыдание над этим дорогим прахом, начинает призыв всех живущих к соединению, — к соединению в животворной песне воскрешения, которая пробудит мертвых к жизни, — призывает всех, да воскликнут:

О Пасха — велия, сердца сынов отцам возвращающая!

Пасха — святая, крепости разоружающая, смертоносные орудия в живоносные обращающая!

О Пасха, звук колоколов в зов к умершим превращающая!

Пасха, умы пытателей природы к небесам возводящая!

Пасха — велия и священнейшая, — от глада, язвы и смерти всех нас небесными силами избавляющая и жизнь праху отцов возвращающая!

Пасха всечестная, весь Кремль в алтарь превращающая!

Пасха всевятая, знанию пути указующая, искоренением причин вражды суд обезоруживающая и все гражданское в братство превращающая!

О Пасха верных, самодержца, в отцов место стоящего, в руководителя дела сыновнего, дела воскрешения отцов, венчающая и бесцельный труд в целесообразное, великое, святое дело предлагающая!⁴

Надеюсь получить от Вас эту песнь пасхальную в более художественном изложении.

Глубокоуважающий Вас Н. Федоров. Прошу передать мой поклон Юрию Петровичу и его супруге⁵.

Христос Воскресе, глубокоуважаемый Владимир Александрович! Примите и от меня поздравление с Праздником из праздников, в раскрытии смысла которого Вы принимаете такое участие, даже и теперь трудитесь, как я слышал, над статьею «Поющие Башни», или — точнее — «Поющий Кремль»⁶. Если будете писать к Сергею Петровичу⁷, то Николай Федорович просит Вас передать ему его просьбу принять на себя труд увенчать оперу Рубинштейна «Христос Воскресением», чему он и положил уже начало тем, что Вы так метко назвали стихотворением в прозе⁹.

Письмо Ваше от 19 марта¹⁰ я получил, просьбу об отставке Ник<олай> Федор<ович> вместе с сим посылает¹¹, но как и что он будет, до сих пор не решил. Как только все это определится, тотчас Вам напишу.

Глубоко Вас уважающий и искренно Вам преданный

Н. Петерсон.

1896 года

22 марта.

* Прочитавши статью об опере А. Г. Рубинштейна «Христос», Н<иколай> Ф<едорович> живо заинтересовался смелостью художественной задачи, в основу ее положенной, но находил план композитора незаконченным и мечтал о своем проекте финала к сказанному произведению, на что и намекается в этом письме. (Примеч. В. А. Кожевникова.)⁸

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
2 апреля 1896. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Если будете в Музее, узнайте, пожалуйста, прислал ли Матвеев рисунок памятника и фотографический снимок картины¹, как он обещал, и какое употребление из них и особенно из первого сделали*. Еще в Москве я получил письмо от Матвеева², которое, кажется, Вам показывал и на которое не успел тогда ответить; а теперь, не зная ни адреса, ни имени, ни отчества Матвеева, я лишен уже возможности сделать это, а потому и прошу Вас не отказать мне сообщить Матвееву, что, по моему мнению, он напрасно оправдывается в том, что Киселев³ на его картине остается с покрытою головою. Если относительно самого Киселева, относительно данного случая это неверно, то смотря на Киселева как на представителя русской интеллигенции, не тогдашней только, но и настоящей — *что гораздо важнее*, — как это указано и в Вашей статье, — должно признать, что другого отношения от него к поклонению, возданному Кремлю, и быть не могло. В своем письме Матвеев говорит, что Киселев остался в шляпе по ходу действия между королем и его сыновьями; когда же они, все трое, стали на колена, то и Киселев обнажил бы голову, как и *всякий другой* на его месте. Киселев, конечно, так и поступил бы, как говорит Матвеев, но этого нельзя сказать о всяком другом, что и будет, надо полагать, доказано по меньшей мере невниманием, с которым, по всей вероятности, публика отнесется к картине Матвеева... А если бы на выставку допускались в шляпах, то можно с уверенностью сказать, что никто из интеллигентной публики не снял бы шляпы пред картиною поруганного Кремля и поклоняющихся ему чужеземных королей, даже и те, которые пожелали бы снять шляпы свои, и им ложный стыд помешал бы исполнить это желание**.

Посылаем Вам *Величание Пасхи* в новом виде⁴. Мы не считаем эту редакцию последнею, законченною... Вы сами легко заметите, что в этой новой редакции форма принесена в жертву содержанию, выражение пожертвовано смыслу, философия, если можно так сказать, преобладает над поэзией; поэтому и просим, что можно — изменить, что нужно — прибавить, а иное и исключить, чтобы это «Величание» хотя несколько приблизилось к тому, что можно назвать программю для будущего, как Вы выразились в Вашем письме от 26 марта⁵; а вместе чтобы и форма была приведена в соответствие с содержанием, выражение со смыслом. Если бы это «Величание» *можно было* выразить и в формах светской поэзии, то существование в двух видах даже увеличило бы значение величания. Очень жаль, что нельзя прочесть это величание многим, которые могли бы принять участие в создании Величания, так как желательно, чтобы произведение это было бы коллективным. Впрочем, и теперь не только

* Фотография с картины, помнится, была доставлена в Музей и некоторое время помещалась там на виду. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** Опасаясь унизить свое достоинство, показать свои рабские будто бы чувства, и делаются рабами чужого мнения, действительно унижают свое достоинство; потому-то в понятии хамитизма и соединено — нахальство с рабским страхом.

по форме, но и по содержанию оно никак не может быть названо произведением личным.

Величание, или похвала, Пасхе

1. Пасха велия, сердца сынов отцам возвращающая! О Пасха, города к селу, к праху предков возвращение светло празднующая!

2. Пасха святая, крепости разоружающая, смертоносные орудия в живоносные обращая! О Пасха, слепые силы вещества сыновнею любовью одухотворяющая!

3. Пасха всечестная, весь Кремль в алтарь и Москву в храм всего мира превращающая!

4. Пасха новосвятая, чад своих от всех концов земли к Кремлю, как алтарю воскресения, собирающая и бесцельные, суетные труды их в одно великое, святое, целесообразное дело превращающая!

5. О Пасха верных, самодержца, в отцев место стоящего, в руководителя познания и дела сыновнего, светлого дела воскресения отцев, венчающая!

6. Пасха, умам пыталелей природы небесные пространства отверзающая и мрачные глубины могил светом знания озаряющая!

7. Пасха, сынов человеческих выше законов юридико-экономических, выше законов слепой силы природы возводящая! (Супралегалность.)

8. Пасха непорочная, искоренением причин вражды суд обезоруживающая, иго надзора снимающая и к совершеннолетию род человеческий приводящая!

9. Пасха, знание глубины душ открывающая и взаимным знанием все гражданское в родное, братское превращающая!

10. О Пасха велия и священнейшая, от глада, язвы и смерти всех нас силами неба и земли избавляющая, и жизнь праху отцев возвращающая!

11. Пасха красная, прах и тлен в благолепие нетления облекающая, плач и рыдание в веселие вечное прелагающая!

Возвращаясь к началу письма, считаю нужным заметить, что в том же хамитизме, в раболепстве либералов заключается причина и того, почему картина Матвеева не будет обращена в памятник. Если бы даже Матвеев потерпел полную неудачу с своею картиною, постарайтесь внушить ему, что, несмотря на неудачу, ему нужно нарисовать картину в большом виде, потому что только в большом виде эта картина может иметь значение; а главное, чтобы он смело, в видах усиления впечатления, нарушил законы перспективы, нарисовав тень вышки, дабы показать, что это совершенно невероятное для нас событие происходит именно в Москве, на месте, всем известном.

Не переписываетесь ли Вы с Сергеем Петровичем Бартеневым; какого он мнения о духовной опере «Христос», и не возмущает ли его исключение из оперы Воскресения и не настолько ли он возмущен этим, чтобы самому дополнить это опущение?!..⁶

Поклонитесь от меня Юрию Петровичу с супругою⁷ и их чадами.

Обнимаю Вас, дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович, и остаюсь искренно любящий Н. Федоров.

2 апреля 1896 г.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
26 апреля 1896. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

В Музее пока остался¹, а квартиру нашел уже занятою, и хотя хозяйка новому квартиранту отказала, но пока он не нашел себе новой, я остаюсь без прибежища. Письмо это пишу в квартире Боборыкина, а вчера ночевал у Е. И. Соколова².

Во время дороги, казалось, хорошо сложились в голове «Величания Пасхи»³, а теперь не могу всего припомнить. 1-й ст<их>, по-видимому, нужно так изложить:

Пасха Божия, спасительная! в безграничной (неописуемой) любви Сына Божия и Духа Св<ятого> к Небесному Отцу нам, земнородным, «образ и вину» (или источник) бессмертия являющая (или показывающая) и к раскаянию в смерти (отцев), искупаемой лишь Воскрешением, нас, блудных сынов и дочерей, приводящая. 2-й ст<их>: Пасха, умы и сердца сынов к отцам возвращающая... и Человека (гуманизм!), вины за собой к отцам не признающего или отвергнувшего, в сан Сына человеческого, добровольно на себя грех приявшего, возводящая (?).

4-й ст<их> есть обращение целого города в Святилище Богу, показавшему в Себе на источник бессмертия и на способ возвращения Жизни или искупления. В этом стихе, говорящем о новом духовном центре собирания, заключается призыв или обращение к ученым духовного сана, православным и инославным, единоверным и иноверным для объединения всех в деле или движении от «городов» как скопищ не помнящих родства бродяг к праху предков, к «селу» (3-й ст<их>).

6-й ст<их>. Призыв или обращение к ученым светским, своим и иностранным, к храму предков (всеенаучн<ому> Музею) пред святилищем Бога единодушия и согласия, путь к воскрешению общему указывающего. 5-й ст<их>. О неограниченном руководителе сыновнего движения к праху предков для его оживления. 8-й ст<их> — о переходе от земной регуляции к небесной (от земли к небесам, от смерти к жизни). Для будущей рентгеновской оптики глубины могил не будут уже мраком...

(Текст и толкования еще не окончательные.)

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне любящий

Н. Федоров

Апрель 26
1896

119.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
28 мая 1896. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович,

Выставка, устроенная в две недели, есть чудо, которое делает великую честь своему устроителю¹. Вы мне прислали вырезку из газеты «Дон»², а другие две воронежские газеты сказали ли что-либо о выставке или же промолчали?³ Мне случайно пришлось прочитать в «Московском Листке» корреспонденцию из Воронежа от 16 мая, в которой даже не упомянуто о «Выставке»⁴. А между тем посетителей на «выставке» было так много, несмотря на то что в разного рода развлечениях в эти дни недостатка не было, как видно из этой же самой корреспонденции, где говорится даже о дневных спектаклях.

Желательно было бы знать мнения разных лиц о выставке. Очень благодарен Вам за присылку описания выставки.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне любящий

Н. Федоров

К Вам послан № 136 «Русского Слова», в котором перепечатана заметка из «Рус<ского> Инвалида» по поводу истории нашей армии⁵. Была ли выставка в Ломове?⁶ Напишите.

28 мая 1896 г.

120.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
6 июня 1896. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой друг
Николай Павлович,

На письмо Ваше от 2-го июня¹, полученное 5-го, я отвечал тот же день и даже час, *едва пробежав* статью, приложенную к письму, не советуя печатать оную. Теперь же, когда прочитал со вниманием эту статью, мне остается надежда лишь на благоразумие редактора губерн<ских> Ведомостей, который, конечно, не поместит Вашей статьи с таким вызывающим заглавием!! Поспешите взять статью из редакции. Изумительно, что в *самой России*, русским Вы говорите, что американский опыт возбудил у них мысль об употреблении войска на дело спасения от голода, тогда как в 1891–92 справедливо упрекали русских в том, что такой-то именно мысли у них не пробудилось, и ни одна редакция ведомостей не хотела напечатать этой мысли. Впрочем, письмо Ваше по-

слано еще 2-го июня, и Вы, конечно, уже исправили Вашу ошибку и взяли уже Вашу статью из Редакции*.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Глубокоуважающий и искренне любящий

Н. Федоров

6 июня

1896

121.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 июля 1896. Воронеж

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Позволяю себе послать Вам книгу С. Г. Рыбакова «Церковный звон в России»¹. Она, как мне кажется, может иметь некоторое значение при написании статьи, которую Вы хотели написать, — «Поющий Кремль, или Башни Кремля, что они такое и чем должны бы быть?», как необходимое дополнение Вами же написанной и уже напечатанной статьи «Стены Кремля — что они такое и чем они могли бы быть»². По поводу книги Рыбакова послана статейка в «Археологические Известия и Заметки»³, в которой указывается на различие способов звонить в колокола у нас, в России, и на Западе (в Италии, Франции и Германии), различие, представляющее один из редких случаев, где преимущество несомненно на нашей стороне. В этой статейке вопрос о звонах у нас и на Западе, о причинах, по которым возник и до сих пор удерживается западный способ звона — посредством раскачивания не языка, а самого колокола, — предлагается рассмотреть и обсудить на предстоящем Археологическом Съезде в Риге⁴. Затем в статейке указывается на вопрос, возбуждаемый Рыбаковым (стр. 46 и 47 его книги), какому из звонов принадлежит будущность, — ритмическому ли, как полагает Рыбаков, или мелодическому, как думает отец Израилев?!⁵ И при этом выражается несомненное убеждение, что более образовательным <должен> б<ыть> признан звон мелодический, потому что мелодический звон службу, совершаемую ныне в храме, переносит на улицу, на площадь, делает участниками в службе всех на всем обширном пространстве, куда звон доносится. Выражается также убеждение, что при таком расширении храма возбуждается и воспитывается *благоговение*, чувство, совершенно чуждое нашему времени и даже противоположное всему направлению века; при этом невозможна будет площадная и уличная брань, как немислима она в храме.

* Письмо это вызвано моею статьею, которую я хотел поместить в «Воронежских Губернских Вестниках», в которой указывал, что американский опыт вызывания дождя посредством взрывчатых веществ вызвал у нас в России мысль об обращении войска на дело спасения от голода, указывал, что мысль эта явилась по крайней мере у одного русского, имея в виду Н<иколая> Ф<едоровича> Федорова. Но он, желая всегда остаться в тени, испугался этого указания и потребовал взять статью из Редакции. (Примеч. Н. П. Петерсона.)²

Указывается и на миссионерское значение мелодического звона: посредством мелодического звона всеми службами, кроме литургии верных (которую, быть может, найдут неуместным передавать колокольным звоном в местах разноверных; хотя в храмы во время всяких служб открыт ныне доступ всем инославным и иноверным), могут быть постоянно оглашаемы инославные и иноверные, и тем будет исполняться великая миссия приведения всех к единому настроению. Могучий звон колоколов будет действовать сильнее всяких проповедей, вносящих больше розни, чем единства. Миссионерское значение мелодического звона указывается самим Рыбаковым, полагающим, что будущность принадлежит не мелодическому, а ритмическому звону. На странице 47-й своей книги Рыбаков приводит выписку из «Лит<овских> Епарх<иальных> Ведом<остей>», в которой автор, прослушав мелодические звоны, устроенные отц<ом> Израилевым в с. Ваулове, между прочим говорит: «как хорошо было бы, если бы эти мерные, *мелодические* звуки, раздаваясь все громче и громче с православных наших храмов, покрыли собою нестройное гудение колоколов, раскачиваемых на гордо высящихся латинских костелах». В заключении сказано, что православная церковь, имея вокальную музыку внутри храма, с мелодическим звоном получила бы музыку инструментальную вне храма.

Копия этой статейки послана самому Рыбакову в письме, которым он возбуждается к тому, чтобы и сам представил свою книжку на Рижский Съезд⁶. В письме к Рыбакову доводы о важном значении звона, и именно мелодического, дополняются указанием на значение, которое он может иметь на дальнем Западе, в Америке, где бедные, надо думать, лишены всяких способов к удовлетворению религиозных потребностей, так как в храмы впускаются только те, которые могут купить места, т. е. люди состоятельные⁷. Если это верно, то легко понять, какое значение может иметь для бедняков в этой стране мелодический звон, если он, доступный всем, будет раздаваться с православных там храмов. В письме к Рыбакову задается также вопрос, не встретит ли запрещения наш мелодический звон на ближнем Западе, в Западной Европе, и особенно в Европе католической, — в виду несомненно образовательного и миссионерского значения этого звона; а вместе выражается и пожелание, чтобы Министерство Иностранных Дел, предполагающее ныне увеличить число православных храмов в иностранных государствах, устраивало бы во вновь создаваемых храмах звон мелодический. К мелодическому звону необходимо присовокупить и наружную роспись храмов, имеющую также миссионерское значение. Но как мелодический звон есть лишь призыв к соединению в общей молитве, так и наружная живопись — иконы-картины — указывает лишь на соединение, ибо православная церковь, по самому устройству, не может иметь притязания на господство. Если с мелодическим звоном и наружной росписью в странах инославных и иноверных храмы будут иметь миссионерское значение, то внутри России они будут школами, т. е. образовательным средством. Ваша будущая статья — «Поющий Кремль» — не будет ли вместе новым и сильнейшим доводом в пользу великого значения мелодического звона?

Пользуюсь случаем, который привел меня писать это письмо в день Св. равноапостольного Владимира, чтобы принести Вам мое поздравление со днем Вашего ангела и пожелать всего наилучшего в мире.

Глубоко уважающий Вас, душевно преданный и всегда готовый к услугам Вашим

Н. Петерсон.

1896 года

15 июля

Г. Воронеж,

Острожный бугор,

дом № 4й.

122.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 августа 1896. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Судя по программе, Ваша статья «Поющий Кремль, или Башни Кремля, — что они есть и чем должны быть»¹, будет самым естественным и необходимым дополнением Вашей же статьи — «Стены Кремля, что они есть и чем должны быть», т. е. к говорящим живописью стенам Кремля новою статьею Вы присоединяете поющие башни Кремля и тем вполне определяете смысл Кремля, так как в говорящих стенах и поющих башнях раскрывается весь глубокий смысл, все великое значение Кремля 3-го Рима, Кремля, как стоящего в Эдема или Памира-место, подобно Самодержцу, в праотца-место венчанному или поставленному.

Согласно с духом времени и с характером не только русского народа, но и всего славянского племени, и особенно согласно с общинным духом, всем первобытным племенам свойственным, который не может удовлетвориться музыкою домашнею, камерною, или затворною (как Вы превосходно передали понятие, заключающееся в этом слове, и одним словом осудили по достоинству эту музыку), согласно, наконец, с потребностью все обращать в орудие просвещения, необходимо было бы обратить в поющий не один лишь Кремль Московский, но и Кремли, и Острожки всех тех городов, где они еще сохранились; а те города, где уже нет или совсем не было ни Кремлей, ни Острожков, должны бы были создать и свои поющие Кремли, не как крепости, конечно, а как Музеи-школы с башнями *для наблюдений* над врагом общим и тем не менее лишь временным и *для действий* в видах обращения этого врага в друга вечного, должны создать свои Кремли, как поющие *Дединцы-Детинцы*.

К картине владычества музыки над душою современного человека надо бы присоединить, что наибольшую власть музыка имеет над душою славянского племени, и потому, надо полагать, музыка славянская будет обладать особенною силою, будет самою властною музыкою, которая приведет и все другие племена к объединению, — славянское племя найдет способ обратить музыку в орудие душеуправления, в орудие объединения, в музыку, которая будет ободрять сынов человеческих в походе против еще бездушной, бесчувственной, отцеубийственной силы.

Статьей о Ревивалях² хотим ответить на запрос к X-му Археологическому Съезду о том, было ли на Западе что-либо подобное, аналогичное, построению наших обыденных церквей³. Статья эта готова, но прежде чем посылать ее на Съезд, думаем послать ее в отечество ревивалей, в Америку к Мак-Гахан при письме⁴, в котором напоминаем ей о статье ее в «Русских Ведомостях» по поводу американских опытов вызывания дождя и сообщаем, что из этой статьи выросло целое учение об обращении оружия в орудие спасения⁵, с кратким изложением того из этого учения, что не требует обширных объяснений. Для нее будет совершенною, конечно, новостью, что ее статья имела такие последствия. Адрес Мак-Гахан у нас есть, но мы не знаем, как писать Мак-Гахан по-английски, думаем так: «*Mac-Hachan*»; так ли это, — сообщите?

Глубокоуважающий и искренно любящий Н. Федоров.

Бывший острожный бугор, а ныне говорящий картинами и поющий Воронежский Кремль.

1932 год 7 августа⁶.

123.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1 сентября 1896. Москва

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

Ваше прекрасное письмо к Петер<сону>¹ (к сожалению, испорченное голословным обвинением) можно считать уже за статью, которую Вы, по моей якобы вине, вынуждены были оставить². Только заглавие: «О власти звука» следовало бы, по моему мнению, заменить другим. Нужно говорить о Кремле, вооруженном силою звука или гласа колоколов против шума торгового города, т. е. толпы, зараженной горячкою или лихорадкою наживы, а не об отвлеченной лишь власти звука. Голос колоколов есть глас Бога единодушия и согласия, который одним ритмическим звоном воспитал строителей обыденных храмов, а при мелодическом звоне будет в состоянии бороться с шумом культурного города, как выражения самого утонченного, самого низкого язычества, того, которое чтит уже не Марса, не Юпитера, а Меркурия, бога купцов и воров, бога не воинов или рыцарей, а разбойников, ибо нынешние войны (секуляризованные), ведомые не за веру и идею (хотя <бы и> мнимые), а из-за наживы, заслуживают названия разбоев, каковы итальянск<ий> разбор в Абиссинии и британский в Южной Африке³.

Статья, как Вы, конечно, помните, была вызвана приготовлениями к коронационным торжествам в Кремле и приближением Кремлевского праздника Пасхи, но и теперь, когда помазанная в Кремле на великое дело водворения мира власть встречает и на Западе радушный прием, потому что противодействует британскому влиянию, готовому из-за торговой наживы повергнуть в войну весь мир, — и теперь на сцене те же 2-е силы, та, которая воплощена в Кремле, и та, которая находит свое выражение в ярмарочном шуме торговых городов и в торгово-промышленных выставках, как вывесках, хотя эти последние, как Нижегородская, ставят на первом плане муз и называют себя художе-

ствен<ными>⁴. Все события нынешнего года напрашиваются в статью о звонах (или об оценке различного рода звуков), хотя и с отрицательной стороны. Рижский Съезд не воспользовался своим положением и не поставил вопроса о западном и русском звонах и о будущем последнего⁵. Нижегородская выставка пошла дальше, воздвигла гонение на колокола⁶, как об этом говорится в Вашем письме, хотя и не называется гонением. Это гонение в честь и угоду Ислама и турок было направлено на колокола в то самое время, когда деланы были попытки превратить колокольный звон во всенародную музыку, как это видно из Вашего же письма, доступную решительно для всех, за слушание которой невозможно даже брать плату. А это такой порок, который наш век и его порождение выставка, где все продажно, — простить не могут. Замечательно, что в то время...

Продолжение хотя и написано, но не переписано и потому я оставляю его, опасаясь утомить Вас своим вздором. Готовый к услугам Н. Федоров.

1 сент<ября> 1896 г.

124.

В. С. СОЛОВЬЕВУ

Осень 1896 — весна 1897. Москва

Черновое

О замене «Воскресных писем» «Воскресным Делом», в котором заключается отрицание Не-делания и всех бесцельных дел. «Воскресные письма» напоминают лицемерное благочестие «Воскресного Чтения» и нечестивое название или признание *Воскресения досугом*¹.

Предполагаемое Вами название Вашему журналу «Воскресные письма» не найдете ли Вы возможным заменить более определенным и более согласным с духом Завета Нового, точнее <его> выражающим названием: «*Воскресным делом*», ибо мы, вопреки прямому слову Христову: «Отец Мой доселе делает и Аз делаю», обратили Воскресение в Субботу, в бездействие и в день воскресения осуждаем себя на покой, объявляем, так сказать, себя покойниками, мертвецами*. Те, которые говорят, что дело не в названии, они-то и лишили Слово и смысла, и жизни. Мы же, конечно, должны быть верны названию и говорить о деле, о деле, конечно, общем, отеческом. Социалисты говорят только о сокращении рабочих часов, о 8-и часах работы, не заботясь о достоинстве этой рабо-

* Самый деловитый народ Европы, англичане, дальше всех других ушел в деле обращения <дней> Воскресения в Субботу, в бездействие. Требование для Священного дня бездействия указывало, что 6-и дневное дело признаваемо было греховным. Один день бездействия должен <был> искупить это 6-и дневное злодеяние, тогда как бездействие вообще бессильно, не уничтожает свершенного зла. Бездействие есть не добро, а только по видимому не зло, ибо бездействие при существовании зла есть преступление.

Чем отличается Не-делание от безделья?

ты, и вовсе не думают о том, чем наполнять 16-и часовую праздность. Что касается суетной работы, производящей ненужные игрушки, то для такой работы не только 8-и часов, а даже и 8-и секунд не следует употреблять. Ограничивать же дело необходимое, спасительное часами и вообще ограничивать <его> было бы безнравственно.

Воскресное Дело и есть исполнение долга воскресения или дело Воскресения. В Пасхе ставросимон, в Страстной не неделе, а седмице, 7-и дел, так же как в Пасхе анastasимон², составляющей один день, предначертана программа Вашей семидневной газеты³. Согласно с этой программой, в первом отделе, соответствующем Понедельнику, должно говорить о всем том, что разрушает, ведет к кончине и род человеческий, и мир⁴. Это История как факт, от которой нельзя отделять Истории как проект. Когда услышите о войнах и о военных слухах, услышите о распространении воинской повинности, пусть [даже] вся Америка устроит всеобщезобязательную воинскую повинность, смотрите, не ужасайтесь; услышите о изобретении новых разрушительных веществ, превосходящих робуриты и т.п., не ужасайтесь, ибо эти вещества не бросать следует и военные силы не уничтожать, как требуют легкомысленные женщины⁵ и не женщины только, а употреблять, приспособлять военные силы и орудия на регуляцию, на спасение от голода, язвы... Войны — не конец, а голод, мор, труссы — только начало болезней, против которых нужно употреблять эти силы. Когда же Вам будут говорить, прикрываясь Евангелием и именем Христа: «отказывайтесь от воинской повинности, от плате<жа> податей» и под видом непротивления злу будут стараться поднять сынов от отцов и против стоящего в праотцов место⁶, тогда уже нельзя не ужасаться, но отчаиваться не следует.

Во 2-м отделе (Вторник) будем говорить о снятии или разрешении противоречия между Божиим и Кесаревым и титулом Божиим и Царским⁷.

В 3-м отделе чин Среды занимает центральное место: день приготовления к погребению или начало раскрытия смысла погребального обряда⁸.

Раскрытие смысла погребения и ведет к Евхаристии⁹, предвещающей самое воскресение. Следующая за ней Евхаристия вечера Субботы¹⁰ есть уже обращение смысла в самое дело. В этом великом отделе и должны быть сосредоточены все наши силы.

125.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Декабрь 1896. Москва

К вопросу о беспричинности небратских отношений

Статьи Меньшикова «Ошибки страха», глубокоуважаемый Николай Павлович, я не читал и ни от кого об ней не слышал¹. Книжное варварство, учиненное приверженцем Меньшикова², доказывает самым делом, что *страх насилия над книжною, по крайней мере, собственностью* — *вовсе не ошибка*. Сам Меньшиков, облаявший Вяземского³, доказывает тем, что Вяземский *не ошибся*

бы, если бы опасался оскорбления со стороны лицемерного автора «Ошибки страха». Ошибались, если верить Меньшикову, те, которые считали Вяземского неспособным к насилию, т. е. страдали ошибкою веры в добро, ошибкою упования. Если из Вашей неоконченной, или, вернее, только что начатой статьи я верно понял Меньшикова, то едва ли он стоит опровержения.

Свидетельствую глубочайшее уважение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Уважающий Н. Федоров.

К 3-му января — дню акта в Музее — мне обещали напечатать статью о двух учреждениях: *об отжившем* (Университет) и *недозревшем* (Музей)⁴. Вместо Татьянина дня (12 янв<аря>) у Музея будет «*день Малахии*» (3-го января), последнего пророка ветх<ого> завета, предсказывавшего явление Предтечи нового завета, который примирит отцов с сынами и сынов с отцами⁵. Вражда же сынов к отцам и есть коренной порок Университетов, за который Малахия грозит проклятием и гибелью. *Пророка Малахию можно считать патроном всех Музеев.*

126.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Февраль 1897. Москва
Черновое

Глубокоуважаемый Николай Павлович,

Вы, кажется, полагаете, что я по пристрастию лишь уравнивал вопрос о Музее с вопросом о детях и отцах¹. Но «недозревший», кажется, достаточно показывает, что нынешний Музей я не признаю таким, каким он должен быть. Музей же, созидаемый всеми силами всех сынов всем отцам, как одному отцу, может ли быть уже или шире вопроса о детях и отцах? Такое отношение сынов к отцам есть уже выражение совершеннолетия. Задача Музея довести род человеческий до совершеннолетия. Совершеннолетие же требует обращения Кремлей, или центральных кладбищ, — а также и местных (которые при всеобщей воинской повинности должны быть крепостями), — в Музеи, т. е. из мест обороны от себе подобных, небратских, в места регуляции, управления слепой силой, которая ставит нас в небратские отношения, для восстановления всех жертв борьбы и жертв умерщвляющей силы природы, так чтобы совокупность всех ныне существующих миров регулировалась совокупностью всех прошедших, воскресших поколений: слепота силы выражается в рождении (природа), а разумность, сознательность в воскрешении. (Можно сказать: О природе как незавершенном творении, или Вопр<ос> о детях и отцах, ибо и мир завершится любовью всех сынов и дочерей к отцам и знанием всех отцов сынами и дочерьми.)

Когда Музеи выработают проект о *Кремлях и Кладбищах*, тогда Музеи будут *отживающими*, а *кладбища-крепости* нездоревшими или отживающими — это будет новая стадия вопроса о детях и отцах. О третьей стадии было сказано: О кремлях-кладбищах отживающих и о природе нездоревшей, т. е. незавершенной, и все так же это воп<рос> о детях и отцах. У Вас есть черновая тетрадь, очень старая, которая называется: Кладбища, Кремли, Музеи²; эту тетрадь нужно бы привести в порядок. О этой необходимости я говорил Вам еще в Воронеже³.

127.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 мая 1897. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович. Думаю не позже, как к *половине мая* ехать в Воронеж, выйдя, конечно, в отставку¹.

Не говоря о других недомоганиях, должен упомянуть о ногах, которые начинают так пухнуть, что очень может быть нельзя будет надеть сапог.

Очень жаль, что ни Ивана, ни Афросиньи² у Вас уже нет. — Иваном *один* раз был недоволен, следовательно он человек очень хороший.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству. Желаю Вам здоровья.

Глубокоуважающий и искренне любящий

Н. Федоров

6 мая 1897

О дне выезда из Москвы уведомяю особым письмом³.

Судьба преследует Каразина и по смерти. В. Срезневский показывал мне биографию его (Каразина), составленную им для Биограф<ического> словаря, в которой редактор Чечулин вычеркнул все самое важное; но и сам Срезневский не упомянул ни одним словом о известном Вам проекте Каразина⁴. Г. А. Джаншиев в статье об Урарту, приготовляемой им для Сборника в пользу армян Малой Азии, упомянул о пожаре Оренбургском, о спасении при наводнении корейцев русскими войсками на р. Суйфуни, упомянул об американском опыте, а Каразина пропустил⁵.

128.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 августа 1897. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович,

Появление на свет долга воскрешения¹ свидетельствует, что вопль «страданий, вызванных смертоносно стихийною силою» (из Вашего письма²) достиг до Господа, и Бог Адама, Бог Ноя, Сима, Хама и Иафета, Бог не мертвых, а Бог живых — живых, по обетованию воскресения, как говорит Златоуст, — требуя исполнения долга воскресения, обещает исход не из Египта, а переход от земли на небо. По завету Новому все миры вселенной суть обетованная земля и для всех умерших, или, вернее, еще не оживленных, по вине живущих, т. е. еще не умерших, но не действующих, не оживляющих, как бы (они были) уже совсем умершие. Только бы ожили живущие, тогда станут воскресать и умершие поколения.

Но как вызвать на дело нынешних саддукеев, не верующих в воскрешение, и фарисеев, мнимо верующих в него? У меня заготовлены статьи для тех и других. Об них-то и о многом другом и желал бы я побеседовать с Вами в следующее воскресение, если это будет можно, в Подольске³. Впрочем, я убедитель-

нейше прошу Вас не стесняться. Если бы мы и напрасно проездили в Подольск, то в претензии на Вас не будем, зная, что у Вас больной человек на руках.

Когда Вы, удрученный печальми, возвращали письмо Достоевского, Вы, конечно, не думали, что возвращаете его для того, чтобы оно явилось на свет, чтобы возвести о долге воскресения. Как только я увидел Ваше письмо⁴, а затем взглянул на письмо Достоевского, уже 20 почти лет мною не виданное, тотчас решил сделать Достоевского провозвестником великого долга. Ирония над мыслителем принадлежит исключительно мне⁵, но тем не менее я глубоко признателен Вам и никогда не забуду, что Вы пожелали вернуть мне это сокровище, но для пользы дела его следует оставить за Достоевским.

Мне кажется, что мысли, изложенные в начале письма, связанные с Вашими личными горестями, Вы могли бы передать Вашим сильным стихом. Попробуйте!

Касательно Вашего пожертвования и мне хотелось бы, чтобы деньги, вырученные от продажи Вашего нового сочинения, поступили на усиление средств библиотеки при Воронежском Музее⁶. К сожалению, Библиотека и Музей в Воронеже не составляют одного учреждения⁷, и, конечно, следует пожертвовать второму, который сделал выставки необходимою принадлежностью Музея, т. е. не библиотеке, а Музею, пожелав им теснейшего соединения.

С нетерпением ожидаю прочитать или выслушать о поющем Кремле⁸, о котором с таким восторгом говорил мне Ю. П. Бартнев.

Глубокоуважающий и искренно любящий Н. Федоров.

P.S. Напишите хоть что-нибудь о явлении долга воскресения на Земле?

19 авг<уста> 1897.

129.

В. С. СОЛОВЬЕВУ

Сентябрь-декабрь 1897. Москва

Черновое

Если Вы, вступая в спор с Чичериным, не опасались унижить ученье о воскресении, то следовательно, считали его противником достойным и победою над ним желанною, а стало быть, указание на ахиллесову пяту Вашего противника было делом немаловажным. Правда, Чичерин не Ахиллес, однако он представитель очень значительной части (интеллигенции), имя которой — легион, а по-славянски — тьма; а что всего хуже, эта тьма мнит себя светом, а между тем вне своего узкого и преузкого кругозора ничего не способна видеть, и особенно того, чему суждена будущность. Категорическое отрицание воскресения, признание <его> за личное мнение, почти за безумие, со стороны Чичерина¹ и ему подобных не может не усилить веры в долг воскресения. Долг воскресения есть пробный камень, и он показал всю пустоту противоположного мнения.

Вы, к сожалению, не хотите пользоваться самым слабым местом своего противника, потому что сами Вы *не верите* в долг воскресения или <в> Царст-

во Божие и рядом с ним ставите Царство мира сего, проповедуете право на благополучие, как будто вне долга воскрешения м<ожет> б<ыть> какое-то еще благополучие². Царство Божие, давая высшее блаженство, исключает всякое злополучие. <Вы> говорите об отдыхе, т. е. об ограничении дела³, говорите даже о досуге, т. е. о пустоте, которую нужно наполнить каким-то неопределенным совершенствованием! Говоря об отдыхе и досуге, Вы узаконяете существование такого дела, которое ограничивать и даже на время совершенно оставлять необходимо, т. е. дело злое, тяжкое, рабское, изнуряющее, убивающее, — а его нужно совсем заменить. Дело воскрешения есть дело даже преимущественно земледельческое, одухотворение которого заключается не в хорошей обработке, предполагающей увеличение дохода **, а в обращении его в исследование, в опыт, который освобождает результаты этого дела от случайностей погоды, регулируя ее повсеместно. Регуляция же дает силу повсюду, заменяет тяжкое добывание запасов этой силы из глубины земной. Точно так же каторжную работу добывания металлов должно заменить метеоритным железом и др<угими> металлами того же происхождения, привлекая их из тех стран посредством регуляции притягивающей силы земли.

Дело воскрешения мануфактурную промышленность обращает из производства искусственных тканей в воссоздание естественное тех тканей, из которых сложен человеческий организм⁴.

Экономисты и социалисты — для нас между ними нет разницы — хотят земледелие превратить в промышленность городскую, мечтают зерно добывать фабричным путем. Тогда [как] дело воскрешения или воссоздания обращает и заводскую, и фабричную промышленность в земледелие, признавая, конечно, земли и вне земли, заменяя искусственное дело регуляцией естественного процесса.

Имея долг воскрешения, в котором заключено все благо, умствен<ное>, нравств<енное> и эстетичес<кое>, Вы говорите или требуете права для каждого на благополучие, <на> *получение блага*, т. е. счастья дарового, а не дела трудового, находя это счастье в производстве промышленном, [в] делишках. А [о] каком досуге, то есть о какой пустоте говорите <Вы>, имея дело воскрешения всенаполняющее! А <о> каком отдыхе можно говорить, имея дело воскрешения, которое заменяет питание созиданием своего организма, полученного от отцов, возвращая <отцам> жизнь, полученную от них. Это сознательное возвращение заменяет слепое рождение.

Отдых в деле воскрешения был бы лишением, а полный отдых при этом был бы смертью. Отдых [не] был бы лишением при кустарной промышленности, при работе для себя, а воскрешение есть труд для себя и для всех. Труд воскрешения есть замена слепоестественного и искусственного сознательно естественным. Воскрешение есть воспроизведение <бессознательно> рожденного сознательным трудом.

* Весь нынешний труд <надо> заменить делом воскрешения, а не ограничивать его и не искать досуга, когда не знаете, чем наполнить его. Ограничивать же дело воскрешения 8-ю часами или 4-мя часами — и безнравственно, и нелепо, и невозможно. Регуляция внешней жизни природы и внутренней должна быть непрерывна. Ограничивать ее <значит> ограничивать благо.

** Хорошая обработка земли есть одухотворение ее духом корыстолюбия.

Сол<овьев>, по-видимому, полагает, что дело воскрешения или Царство Божие можно и нужно отложить и прежде устроить лучший порядок в обществе; или, м<ожет> б<ыть>, он отделяет Царство Божие от Воскрешения, потому мы должны поставить вопрос: В каком отношении находится дело воскрешения к жгучему вопросу наш<его> врем<ени> об отношении рабочих к фабрикантам?

Сокрушаясь о раздоре, презирая самый предмет раздора, т. е. производимые мануфактурною промышленностью игрушки, указывающие на несовершенство, *Дело воскрешения* при самом вступлении в мир в виде регуляции берет на себя распределение дождей и ведра, вместе с тем распределяет солнечную силу каждому селу и деревне, так что скопление населения у мест добывания запасов солнечной силы в виде каменного угля и у мест производства посредством этой силы различных произведений делается ненужным, и население возвращается к праху предков, переходит из городов к селам, удовлетворяя существующий у городских рабочих Landshunger. — Эта жажда земли есть инстинкт воскрешения, любви к предкам. Когда же земледелие не будет в зависимости от случайностей урожая, тогда и торговля потеряет свое господствующее значение, а с нею и бог промышленности, купцы и фабриканты, которые мечтали бы все дни недели превратить в Mercredie <(в день Меркурия, Среду)>, не исключая и недельного дня, т. е. в дни действительного служения этому ложному, не мнимому [для них] богу.

Пока будет нужда в искусственной промышленности и торговле, пока соединение всех в знании и управлении силою природы не даст возможности каждому создавать естественные ткани и органы своего организма, чему Гистотерапия и Органотерапия⁵ служат пока слабым началом, — до тех пор Меркурий останется *силою*.

Дело воскрешения есть спасение от социального переворота.

Для чего вооружать бедных против богатых, рабочих на фабрикантов, внушая первым право на благополучие, когда путем регуляции метеорологического<го> процесса можно дать каждому селу и каждой деревне силу для работы на месте, не удаляясь от праха отцов, ибо произвести дождь значит извлечь из облака силу, которая держит воду в состоянии пара. Возможно это или невозможно, но несомненно, чтобы предупредить столкновение двух партий, должно обратить все умственные силы на замену той силы, которая получается из глубин земных, из запасов, сделанных землею у солнца (из нефти, каменного угля), тою же силою, непосредственно из атмосферы почерпаемой. Фабриканты должны будут <тогда> ликвидировать свои дела, и рабочие, удовлетворяя <свою> «Жажду земли» (Landshunger), потянутся из городов в села.

Регулируя притягательною силою <земли>, нельзя ли было бы усилить падение космической пыли, заключающей в себе и железо, и другие металлы? Таким образом и горнозаводское дело и фабричная промышленность станут сельским делом, переходя более и более от искусственного производ<тва> тканей и орудий к созиданию тех тканей, из коих слагается человек<еский> орган<изм>.

Дело воскрешения вытекает не из сочувствия к эксплуатируемым рабочим, не из негодования к хозяевам-эксплуататорам, а из сокрушения о раздоре

и презрения к предмету раздора. Оно упраздняет вопр<ос> о распределении, обращаясь к самому источнику раздора.

130.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 ноября 1897. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый Николай Павлович

Не нужно быть пессимистом, чтобы не питать особого доверия к человеку, способному к таким подтасовкам, о которых говорится в Вашем письме к о. Антонию¹. Вы же желаете такого человека сделать своим союзником против Соловьева, посылая этому надежному союзнику статью «Что такое Русь?»² Соловьев же, как Вам известно из моего письма³, обещал исполнить Ваше желание, описать двухчасовой разговор свой с Достоевским⁴, сколько припомнит*. Конечно, хорошо не помнить зла, забыть о ядовитой выходке о. Антония, но не следовало бы забывать и добра. *На доброжелательную присылку г. Кожевниковым своего стихотворения Вы до сих пор не удосужились выслать просимые им статейки*⁶. Вам, по-видимому, приятно оставаться пред ним виноватым, когда так легко сделаться невинным. Спрашивать моего совета относительно сношения с от. Антон<ием> совершенно бесполезно. Вы продолжаете ему верить. Я с своей стороны предлагаю Вам как адвокату от. Ант<ония> следующее: Пришлите мне копию первого письма к о. Ан<тонию>, а также копию его ответа⁷. Все эти документы я передам Соловьеву, когда он приедет в Москву^{**}. С своей стороны дополню эту коллекцию новым документом, на который о. Антоний отвечал точно такую же выходкою, как и Вам⁹. Из этих материалов г. Соловьев может составить статейку, которая ознакомит многих с учением о Пресв<ятой> Троице.

Вы желаете войти в сношение с новым епископом, напрашиваясь на новую неприятность, для того только, чтобы он перепечатал письмо Достоевского с приложением к нему¹⁰, но простая перепечатка без новых разъяснений *совершенно бесполезна*.

Соловьев^{***} обещал напечатать какую-нибудь статью, и я думаю, что можно бы для печати приготовить статью о Выставке Fin du siècle¹², а также статью, оставленную мною для внесения в нее прибавок: «О храмах обыденных вообще и Спасообыденских в особенности»¹³, о которой Вы, по-видимому, забыли. Вопрос о храмах обыденных есть вопрос о способности к соединению. *Была ли на Западе — стране корыстных стачек — когда-либо бескорыстная стачка для построения храма? Возможно ли для 3 и 4-го сословий соединение для построения Школы-Храма, в коем дети того и другого сословия могли бы получить общее первоначальное образование? Какое общее образование нужно*

* «Конечно, не исполнил»⁵.

** Но он, Соловьев, хотя и был в Москве, но в Музей не заходил (1903 г.)⁸.

*** Заметку «Что такое Русь?» я показывал Соловьеву. Отдавать ее в печать не следует. «Гражданин», конечно, не напечатает ее¹¹.

и при каких условиях оно возможно для этих двух сословий? Какому забытому на Западе Богу нужно посвятить этот храм? Вот вопросы, которые вызывает эта статья.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

19 ноября
1897

131.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Последняя треть ноября — начало декабря 1897. Москва
Черновое

Взгляд на сожигание умерших, затеваемое блудным сыном Москвы бесстыдным Петербургом¹, как на казнь, даже самую лютую, есть, очевидно, воззрение совершенно народное. При этом соумирание, спогребение становится сомучением, сомучением адским. Тот, кому Вы сказали об этом новом злоумышлении Петербурга *, тотчас почувствовал уже на себе прикосновение огня, обжог, когда воскликнул, что Государь, т. е. стоящий в отцов или умерших место, не дозволит такого злодейства. Желательно, чтобы Вы записали Ваш опрос².

Что касается до техники, перевозносимой Вами, то я признаю ее существование и значение, но лишь как временное и переходное. На что понадобилось Вам летание? Конечно, и оно может иметь значение в деле исследования, следовательно полезнее велосипеда. Думать, что аэростат может служить исходным пунктом, открывающим возможность перемещения в небесных пространствах, переходом в другие небесные земли, по нашему мнению, есть большая ошибка. Гистотерапия и органотерапия, которые не только служат обновлением, но и началом воссоздания своего организма, а вместе с тем и возвращением отцам отеческого, они и создадут организмы, способные к безграничному перемещению. Только воскрешающие и воскрешенные могут иметь эту способность. Созидание своего тела так же связано с воссозданием родительского, как питание с рождением нового существа.

Ваше мнение о вдохновении как чуде явно неверно. Внезапное вдохновение есть плод предшествующего продолжительного труда мысли. Нужно держать мысль постоянно на предмете, вдуматься, перечувствовать его, <чтобы> сказать живо, сильно. Для Вас сделать это очень легко: стоит только собрать, пополнить и исправить Ваши мелкие сочинения, начиная от «Плача моск<овских> церквей» до того Дела, которое должно отереть всякую слезу и которого смысл раскрыт лишь 3-мя стихотворениями³.

Плач Моск<овских> Церквей, Плач Стен Кремлевских. Наконец, Дело, которое должно отереть слезы, возвратит кладбища первым <(церквам)> и умершим в Кремлях и <на> кладбищах — жизнь⁴.

* Умиравший П<етер>бург, который свое неестественное существование хочет поддержать, продлить сожиганием умерших, только завершит свое вредное 200-летнее существование.

Но зарывание в землю так же наказание, как <и> сожигание.

Стих, который хочет перенести бесчисленные поколения наших отцов на бесчисленные чуждые теперь еще нам миры, чтобы сделать их, т. е. миры, своими, может всех своих родных, по личным воспоминаниям известных, перенести на них, воскресить <и> любимых Вами гуманистов, вопреки их желанию. Слова «Воскрешение» и «вознесение» есть для настоящего времени та форма, которая должна заменить Дантовскую в виде ада, чистилища и рая.

132.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее декабря 1897. Москва

Черновое

Новое Ваше стихотворение «Лука Элладский» искупляет Ваши три стихотворные греха: забытый «Призыв», напечатанное, к сожалению, стихотворение «Да придет Царствие Твое» и, к счастью Вашему, еще не напечатанное и которое и не должно быть отдаваемо в печать, 3-е стихотворение¹. Разумею то, в котором сын человеческий призывает духа оживить прах отцов. Ваш новый герой, который жил «не в передсмертные дни Эллады», не в тот «грустный век», когда Эллада умирала, а много веков спустя после смерти Эллады (в X веке). Этот-то герой, перенесенный из X-го в V или IV век*, обрадовавшись смерти матери, убегает от ненавистных, конечно, ему братьев, восходит на высокую гору, куда даже ветер не заносил праха отцовского, и там воспевает гимн Тому, Кто жизнь праху даровал. В старину и отшельник возвращался к Пасхе в монастырь к братии, а Ваш отшельник не признал и в праздник Пасхи ни отцев, ни братьев. За такую насмешку над воскресением был он награжден язычества возрождением в лице Афродиты.

Да простит Господь автору стихотворения его грубое непонимание воскресения, которое и есть духа и тела братское примирение, чем и не оканчивается его стихотворение — этот гимн одиночеству, небратству, т. е. отречение от Бога Троидного.

Ибо — Край родной навеки покидая,
Чуть лишь очи матери сомкнула
смерть беспощадною рукою.

— Беспощадность, казалось, должна была расположить его к жалости, —
он не грустил, не плакал ни о ком.

— Можно прибавить к этому — и ни о чем.

Богатства роздал беднякам,
а производителям богатств
— рабам — дал свободу⁴.

* Хронологические данные о Луке Элладском (кстати сказать, очень смутные) были, конечно, известны мне и до указаний Н<иколая> Ф<едоровича>ча; но *ma licentia poetica*², которую я в данном случае считал дозволенной ради цели художественной, представлялась Н<иколаю> Ф<едоровичу> недопустимой. О преувеличениях его в упреках за мою маленькую поэму и о разъяснениях, последовавших по этому поводу, см. дальнейшие письма и «Воспоминания»³.
(Примеч. В. А. Кожевникова.)

Автор, вероятно, хотел изобразить Л. Толстого, который не только равнодушен, а даже ненавидит и близких, и дальних [1 слово неразб.], братьев, раскаивается, когда чувствует радость, увидя своих детей после небольшой разлуки⁵, однако, жертвует им и деньгами, и трудом, а Лука Элладский даже жизнью. Но Толстой осудил бы себя и за любовь к природе, которой полон был Лука Элладский — он, как Фауст, одною жизнью с природою дышал⁶.

1898

133.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Январь 1898. Москва

Черновое

Личные добродетели и великое всеобщее дело
возвращения жизни всеми живущими всем умершим.

Горячая защита Вашего старого стихотворения¹, подтверждающая теперь все, что было сказано тогда, вынуждает нас признать эту защиту за прозаическое окончание стихотворения, написанного в июне прошлого года^{*2}. Умолчание же о том, что воскресение есть духа и тела братское примирение, показывает, что о пришествии Царствия Божия и речи не может быть. Призыв к делу воскресения обращается в призыв к отшельничеству, к празднованию Пасхи вдали от братьев и праха отцовского, что, конечно, удивит Луку Элладского и всех отшельников, возвращавшихся к Пасхе в свои монастыри. Вы совершенно напрасно исчисляете все добродетели Вашего героя-отшельника, ибо, если бы все доброе, что сделано святыми и не святыми, было собрано Вами, то все это, как ни хорошо само в себе, было бы низшее пред тем благом, которое должен исполнить объединенный, обратотворенный род, к которому он призывается христианством.

Противопоставлять великому делу воскресения личные добродетели может по меньшей мере равнодушный к воскресению или страждущий мизоанастасиею или анастасифобиею.

134.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 января 1898. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович

В настоящее время нет уже надобности в переписке статьи «О Выставке», а также статьи и «О Храмах» обыденных¹. Соловьев ничего не сделал, что обещал, и не остается и надежды на исполнение обещания. Можно, на-

* Вашу защиту нужно признать вторым изданием с комментариями «Луки Элладского», вышедшего уже много спустя после стихотворения. Не признав ни одной ошибки в Вашей поэме, Вы и мою хронологическую ошибку обратили в истину.

против, опасаться с его стороны чего-нибудь нехорошего, потому что я имел неосторожность показать ему заметку, написанную в ответ на его статью: «Что такое Русь?»², а также сделать кой-какие возражения против его книги, которую следовало бы назвать не «Оправданием добра», а полным его осуждением и отрицанием лишь порока...³ Переписанная Ивакиным статья «О внешней росписи»⁴ находится у меня, и я никак не могу понять, для чего Вам нужно иметь три экземпляра, а другим ни одного.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству, а также поздравляю с Новым годом.

3 января
1898 г.

Готовый к услугам Н. Федоров.

135.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 6 и 30 января 1898. Москва

Черновое

В. А.

Вы были совершенно правы и искренны, не впадали в противоречия, не послав письма о Ницше к Соловьеву¹, ибо, с одной стороны, опровергать учение Ницше, а с другой стороны, с нетерпением ожидать услышать Заратуштру (т. е. учение Ницше) в музыкальном изложении² было бы прямым противоречием.

Я же с своей стороны вовсе не желаю навязывать *своего учения, которое теперь в особенности стало в полное противоречие со всем тем, в чем Вы находили свое высшее удовольствие*, ибо соединение всех искусств в театре* (подобии) совершенно противоположно соединению их в храме-школе**. При сем последнем соединении, идейная живопись превращается в проективную, т. е. изображает проект общего дела в школе-храме, в его внутренней и внешней росписи, программная музыка становится внехрамовою как аккомпанемент общего дела обращения орудий борьбы в орудия спасения, соединяя церковную музыку с военною. В храме-школе совершается переход от подобия к действительности, тогда как идейная живопись, как изображение отвлеченных понятий кистью, и программная музыка, как изображение звуками, суть лишь подобия, так, как и самый театр. А должны ли соединиться все искусства в Музыкальной драме или Трагедии, как изображению гибели мира, или же все искусства должны соединиться в архитектуре, ее высшем произведении — храме, не как подобии мироздания, а как проекте мира (в котором нет поглощения), воскрешающего все погибшее чрез все знания (чрез всех ставших познающими),

* Зародыш соединения искусств указывают уже у Лессинга: «Природа, как кажется, предсказала музыке и поэзии не только идти вместе, но и слиться...» Гердер говорит «о лирическом памятнике, в котором поэзия, музыка, действия, декорации соединяются вместе для общего эффекта». Нордау, не допускающий ничего, кроме дифференцирования, должен и Лессинга, и Гердера, и Гегеля причислить к выродкам³.

** Храм-школа — это соединение науки и религии.

соединенные в науке Мироздания — астрономии и чрез воскрешение делающие всех бессмертными, <в храме> как проекте дела общего, изображенном в росписи внешней и внутренней и в музыке внутренней и внешней, направляющей к цели, к осуществлению дела.

Высшее произведение Архитектуры — храм с пением и службами — представляет действительно соединение всех искусств, в котором не низводится, как в светском театре, живопись на степень ландшафта, а архитектура совершенно теряет всякое художественное значение, становится простым «помещением», а напротив, в храме-школе все искусства не стесняют, а пополняют одно другое.

Из двух главных стилей храмовой архитектуры, готической, изображающей лишь стремление к небу существа, испытавшего коренное зло мира (поглощение), т. е. изображающей одно стремление к небу всем своим существом (очами, голосами, руками), т. е. это храм лишь молитвы. Другая форма — русско-византийская, которая не стремление лишь, не мольбу, а дело человека или проект дела воспроизводит, и землю, отдающую поглощенных ею жертв, и небо, населенное воставшими. Из этих двух стилей Запад остался верен своей готической, ибо и в храмах своих он изображал лишь молитвенное стремление, трагедию кончины мира, а византийская изображала возобновление и восстановление всего мира.

Оставив Вас, я к одиночному заключению в холодной комнате в Субботу присоединил такое же приятное заключение на Воскресение⁴. Вы никогда не поймете, что значит сознавать свою полную никому ненужность, служить лишь предметом бескорыстного благотворения.

Получив мое письмо от 5 января⁵, Вы сначала были недовольны, но, конечно, очень скоро заметили, что Вы ничего не теряете, потому что я Вам ни на что не был нужен, а даже был стеснением⁶.

136.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Январь-февраль 1898. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович

С благодарностью получил три листа¹.

Помнится мне, что на самом первом листе рукописи «О Храмах> обид<енных>» тотчас после вопросов Белок<урова> и Слуд<ского> сделана была предварительная попытка определить различие между строителями наших малых обыден<ных> храмов и строителями громадных, многовековых храмов Востока и Запада, чтобы показать племенные различия этих двух половин земн<ого> шара².

Храмы Запада были даже более чем многовековые, ибо некоторые из них не были достроены до самого последнего времени. Недостроены же они были не столько по громадности и трудности работы, сколько по недостатку единодушия и согласия или же по отречению от стремления в высь, к небу, по причине перехода от горнего к низменному, от подъема к падению, от средневекового к новому, от католицизма к протестантизму, от храмов к «сараям бого-

служения» (по меткому выражению одного писателя³), от романтизма к позитивизму, американизму*.

Но не временем лишь постройки и незначительною величиною наши Церкви отличались от западных храмов. Наши малые Церкви были одушевлены пением внутри и звоном вне, который поднимался выше пиков готических храмов, голос и звон которых не соответствовал их высоте. Готические храмы — это колокольни, слабо оживленные звоном, немые или полунемые звонницы. Колоссальные храмы Востока, несмотря на свою громадность и тщательную отделку, употребляли сравнительно менее времени для строения, не потому, чтобы на Востоке не было розни, а потому что недостаток внутреннего единодушия и согласия заменялся внешнею, принудительною властью. Они не были храмами Триединому Богу, не были выражением единодушия и согласия, а были храмами Бога воев Иеговы и Аллаха, бога отшельников — Будды и бога рождения, разрушения и временного возрождения — Тримурти. Быть же хотя на короткое время, на один день подобием Триединого являлось великим предзнаменованием для строителей обыденных церквей. Если не было ни на Западе, ни на Востоке ничего подобного нашим обыденным Церквям, то почему бы не доставить тому и другому себе случай испытать хотя на миг святость единства, а вкусив его, подумать накрепко об увековечении единства и устранении розни.

Единство есть даже и теперь, несмотря на различие между всеми этими храмами, а следовательно и их строителями, т. е. народами и племенами, ибо все строители — сыны умерших отцов. Последний вздох их отцов, отлетавший в высь, к небу, указывал путь строителям готических и подобных им храмов. Храмы, стлавшиеся по земле, углублявшиеся в нее, были хранителями праха отцов. Храмы же обыденные не улетали от праха отеческого, а пением и звоном не отличались от их душ... Что-то в этом роде было написано на первых листах, хотя может быть и очень нескладно.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Готовый к услугам

Н. Федоров

P.S. В Декабрьской книжке 1897 г. «Русского Обозрения» помещено стихотворение Кожевникова «Лука Элладский»⁵. Если Вы не получили от автора оттиск, то возьмите [обрыв листа] прочтите «Луку Элладского».

137.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 февраля 1898. Москва

Черновое

[начало письма не сохранилось]

...оставить место, которое во всяком случае будет занято более способным. Статья 101 облегчает выход в отставку и требует его¹.

* На обыденных церквях в Америке в особенности можно видеть, как велико различие между нашими и американскими храмами. Об этом различии было писано к Вам прошлого года⁴.

В начале марта думаю подать в отставку², а Вас прошу поискать на окраине Воронежа комнату подешевле. (Видеться можно один или два раза в неделю.) По получении аттестата тотчас Вас уведомя и тогда можно дать задаток.

Благодарю за присылку 7-го листа³. Прибавить к нему нужно следующее: Доброжелатель Музея С*** предлагал построить, надо полагать, обыден<ную> воскресную школу-Церковь при Музее⁴, имея, конечно, намерение возвысить его (т. е. Музей) *в глазах народа*, возбудить к нему любовь, сделать его *священным*, в противоположность Университету, пользующемуся у народа незавидною славою, искупить грех университета. Университет — учреждение, т<ак> с<казать>, шляхетское, основание <же> Музея совпадает с 1861 г., хотя народным назван он быть еще не может, ибо Музей еще *недозревшее* учреждение, как Университет — *отживающее*. Музей — место поминовения, а университет — отрицания прошедшего. В Школе-Храме примиряется духовное с светским. В воскресной школе-церкви все должно бы делаться *добровольно и супралегально* и таким образом эта школа-храм давала бы возможность и духовным, и светским лицам освобождаться, хотя на один день, от ига закона юридического и экономического, т. е. потрудиться безвозмездно службою учебною или церковною. Воскресная Школа-Церковь имеет цель обратить воскресный *досуг в дело. День воскресения*, ставший или еврейскою субботою (покоем), или языческою оргиею («Татьяна-пьяна», — говорят об университетском празднике) — *в труд объединения всех сынов для дела отеческого*. Такой храм при всенаучн<ом> Музее достоин был бы сделаться образцом для всех школ-храмов и даже вызвать их построение повсюду, так же как и Музей при таком храме достоин был бы стать образцом школ-Музеев также всеместных⁵.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Готовый к услугам Н. Федоров

24 февраля
1898

P.S. О Луке Элладском до следующего письма⁶.

138.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
24 марта 1898. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович. Приношу Вам мою искреннюю благодарность за скорое исполнение моей просьбы¹ и спешу дать ответ на Ваш вопрос о дне отъезда и о поезде. Думаю выехать 29 марта [в] Вербное Воскресение с почтовым поездом². Получил и другое Ваше письмо с двумя листами статьи «О Храме<ах> Обыден<ных>». В дополнение к сказанному в предыдущих письмах по этому предмету могу прибавить еще следующее. В одном из этих писем Воскресение Христа названо (Иоан. II, 19) обыденным сооружением Им самим Храма своего пречистого тела, а обыденное строение храма, воздвигаемого *безденежно для бескровной жертвы*, подобно, следовательно,

очищенному (Иоан. II, 16) от крови и денег Иерусалимскому храму, можно и должно назвать трехдневным, при чем только и раскрывается глубокий, все-христианский смысл этих обетных храмов. Храм будет *трехдневным*, если постройка его, вызванная какими-либо бедствиями, страданиями, морами, начнется в *Пяток* вечера, превратив и *Покой* Субботы в *Труд*, подобно Сыну Человеческому, исцелившему расслабленного и воскресившему Лазаря в день покая*, а *освящение храма* окончится в полночь дня Воскресения или начало дня избавления от страданий и смерти. Такого значения, такого смысла самим дням строители объединенных храмов по-видимому им не придавали, хотя такое значение и смысл в них заключается, т. е. заключается вся сущность Христианства: Род человеческий, исполняя волю Отца отцов, отождествляясь с Нею, он, страждущий и умирающий, совокупным многоединым трудом, по образу Троиственного, достигает бессмертия и святости. Это значение обыденных храмов заслуживает более складного изложения!

Надеюсь лично засвидетельствовать свое почтение на следующей неделе Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

С глубочайшим почтением
готовый к услугам

Н. Федоров

24 марта
1898

P.S. Недавно проф. Янжул читал лекции по вопросу о том, «на что нужны миллионы?» и при этом указал на Румянцевский Музей как на нуждающийся в поддержке миллионеров³. Но Музей 3-го Рима, принимая подачки от миллионеров, этим самым будет освящать жажду к миллионам и возводить во святых миллионеров, подобно мормонам. Что хорошо для отживающего учреждения, очень дурно для незрелого. Музей, желавший построить в один день воскресную Школу-храм⁴, посвященный образцу единодушия и согласия, Богу собирания всех воедино, построить трудом безденежным, бесплатным, в коем тахитим трудового и минимум дарового, такой Музей должен знать иной путь существования. Созидая Воскресную школу-храм, он открывает святую возможность и *духовным*, и *светским* заменить *еврейскую праздность* и *языческие оргии* трудом бесплатным, т. е. дает *высшее освящение добровольности и супралегальности*. Приглашая к созиданию обыденного храма, Музей хотел привлечь народ, который отталкивал от себя университет, желавший просветить его мраком неверия. Для наших интеллигентов обыденный храм есть анахронизм, пережиток... Но пока то, что для одних свет, для других мрак, до тех пор просвещение невозможно, т. е. пока не последует примирение духовного и светского...

* а в исцелении слепого осудившему тех, которые дело исцеления заменяют рассуждениями о том, кто согрешил: сам слепой или его родители, — рассуждения, *позволительные и в день покая*.

139.

В. И. СРЕЗНЕВСКОМУ
Между 24 и 29 марта 1898. Москва

Глубокоуважаемый
Всеволод Измайлович

К величайшему моему сожалению, я не могу исполнить Вашего желания быть в Музее во Вторник, потому что уезжаю в Воронеж и окончательно оставлю Музей¹.

С истинным уважением
имею честь быть

Н. Федоров

140.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
2 апреля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемому В. А. Кожевникову
Христос воскрес!¹

Каменные бабы как указание смысла и значения музеев.

[Далее следует текст 1 части статьи «Каменные бабы» (см. Т. III наст. изд., с. 165-167).]

2 апреля 1898 г.

141.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
9 апреля 1898. Воронеж

Дражайший и глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Ваше первое стихотворение¹, славящее трехдневное воскресение, а вместе и обыденное, обыденное потому, что зная день нельзя отделить от дня всеобщего труда, а последний — от дня воскресения, — это стихотворение можно, по моему мнению, поставить выше даже двух последующих стихотворений, как ни прекрасны они сами по себе. В «Призыве» нужно, кажется, изменить лишь одно слово: слова — «Зарей багровой» надо заменить словами «зарю дивной» (или чудной), разумея под этой чудной зарей, озарившей Восток, Ваше напечатанное стихотворение «Да придет Царствие Твое»². «Призыв», написанный прежде, мог бы быть теперь напечатан в «Доне», если Вы на то изъявите согласие (ждем разрешения напечатать, а также заменить слово «багровой»³), и тогда последующее станет *предыдущею зарею*, а началом зная дня нужно будет считать, вопреки Вашему мнению, появление учения о долге или деле воскресения в самом полном составе, от кого бы оно ни шло. К глубоко-моему сожалению, из Вашего письма⁴ мне стало ясно, что на Вас Воскресение, в смысле нашей службы, нашего дела, как исполнения Высшей воли, не

производит ободряющего, оживляющего действия, и это тем удивительнее, что недавняя Ваша утрата должна бы заставить Вас обратиться всем сердцем, всею мыслью к тому делу, в коем, работая для всех, Вы трудились бы для возвращения своих личных утрат. Относительно расхолаживающего будто бы действия учения, явленного в полном составе, я могу сослаться на письмо В. С. Соловьева, в котором он говорит в впечатлении, которое произвело на него учение⁵; копию письма этого Вы можете прочитать у Ю. П. Бартенева. Нужно заметить, однако, что Соловьев читал рукопись с изложением учения еще в начале 1883 года^{*}, и читал еще не все, что было написано и к этому времени. Я никак не могу понять, откуда Вы узнали о расхолаживающем действии сочинения о долге или деле воскресения в полном его виде? В таком виде никто его не видел и не читал, потому что оно существует лишь в моем представлении. Охлаждающее действие происходит от передачи по частям, и от передачи *моей*, очень неискusной. Сразу это учение, действительно, может поразить не *сынов*, как Вы говорите, а людей нашего времени, погрязших в политических и социальных мелочах и дрязгах, и только при разъяснении становится понятным и удобоприемлемым. И как может расхолаживать учение, требующее от сынов во имя Бога отцов исполнения долга воскресения, — принятие коего и избавит без всякого насилия от пролетариата, которым так занят наш век, и всех других бедствий нашего и ненашего времени.

К Вашей статье думаю прибавить не о музее, о котором у Вас сказано достаточно, а о конспекте, приложенном к книге, который также имеет отношение к музеям и библиотекам, как это Вы увидите, когда эта заметка будет напечатана и к Вам прислана⁶.

Пишу я не своей рукой, отчасти по старческой слабости, а отчасти, чтобы не затруднять чтением неразборчивого письма. Прошу Вас поклониться от меня Юрию Петровичу, Надежде Степановне⁷ и И. М. Ивакину, если увидите его. Юрия Петровича спросите, дождусь ли я от него письма о судьбе оставленного ему трактата о догмате Св. Троицы и полном знании?⁸

Затем остаюсь глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный

Н. Ф. Федоров

9 апреля 1898 года.

142.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 9 и 12 апреля 1898. Воронеж

Черновое

Г<глубоко>у<важаемый>

В<ладимир> Ал<ександрович>

С тех пор, как я узнал, что первое или одно из первых воспоминаний в Вашей жизни было причитание, призывавшее повелительно землю расступить-

^{*} Это ошибка: несомненно установлено, что это было в начале 1882 года. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

ся и любовно призывавшее родителей встать, взглянуть <на дитя свое>*, для меня стало ясно, что Ваше призвание заключается в том, что начато стихотворением¹, которое понравилось всем без исключения. И здесь не напечатанное Ваше стихотворение было переписано г-жею Марковою².

Не дождавшись еще Вашего письма, спешу Вас уведомить, что Евгений Марков прочитал Вашу книгу от доски до доски и отзываясь об ней в самом благоприятном смысле; можно надеяться, что он печатно отзовется о Вашей книге, хотя и не обещает этого³. Проезжавший чрез Воронеж Попечитель Кавказского Округа был ознакомлен с Вашей книгой и советовал Губернатору и Звереву⁴ войти с ходатайством о том, чтобы она была рекомендована для фундаментальных библиотек при гимназиях; и Губернатор — как Председатель Статистического Комитета, при котором Воронежский музей, — хотел было уже приступить к этому ходатайству, но Зверев нашел нужным прежде спросить Ваше на то разрешение⁵. Зверев надеется, что в Воронеже разоидется экземпляров до ста Вашей книги, но сам не решается просить Вас о присылке такого количества экземпляров. Но особенно нравятся здесь Ваши стихотворения, и преимущественно еще не напечатанное, посвященное Соловьеву, — Евгений Марков, познакомившись с этим стихотворением, просил познакомить с ним и жену его, участницу во всех его путешествиях⁶, а г-жа Маркова, прочитав стихотворение, пожелала списать его и своеручно это исполнила. И не одна Маркова переписала это стихотворение, но и другие, о которых не упоминаю, потому что они Вам не знакомы и ничем не известны; так что Ваше стихотворение, хотя [продолжение утрачено.]

143.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
12 апреля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Приношу Вам искреннюю благодарность за присылку причитания и особенно за все пояснения, лично Вас касающиеся, к этому причитанию¹.

Что касается до прибавки к статье о рецензии Глаголева², то прибавка заключается в том, что музей признается прямым порождением и выражением философии чувства и веры и реакцией против критической философии, все превращающей в миф, призрак, представление и т.д.

В посылаемых вырезках для тех же лиц, как и гектографированная статья, заключаются две статьи, 1-я относится ко дню Пасхи, а 2-я ко дню антипа-

* Я рассказал как-то Н<иколаю> Ф<едорович>чу о том, что в раннем детстве моем моя няня, убаюкивая меня, часто пела следующее причитание:

Привяжу я коня к колоколенке, (близ кладбища, конечно)

Сам ударюсь о сырú-землю

«Расступися, мать-сырú-земля;

Ты раскройся гробовá доска,

Встань-проснися родна-матушка

Погляди на свое дитятко!» (дальнейшего не помню).

Н<иколай> Ф<едорович> пришел в восторг от этого причитания и по своему обычаю вывел из этого факта широкие следствия. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

схи; первая была Вам выслана гектографированною, но в печати она несколько изменена и добавлена, а 2-я статья совершенно новая и относится до сделанного Вами опроса³. Эта статья была бы, может быть, полнее, если бы Вы прислали дополнение к Вашему опросу (который с нетерпением ожидается).

Еще многое было бы нужно сказать, но отлагаю это многое и очень многое до следующего письма, чтобы не задерживать отправки вырезок.

Зверев говорил, что он мог бы разместить в Воронеже до ста экземпляров Вашей книги, — об этом я Вам, как кажется, уже писал⁴.

Обнимаю Вас и остаюсь искренно Вам преданный

Н. Федоров

12 апреля 1898 г.

В следующее воскресенье надеемся поместить статью о мироносицах в новозаветном смысле; а также готовится особая статья по вопросу, Вами возбужденному, о надписи, разъясняющей смысл баб⁵ и разъясняющей причины, почему такого разъяснения в Румянцевском Музее не было.

Отправлена статья к Джаншиеву под заглавием — «Как назвать 1897 год, годом ли политических жестокостей на Востоке или же годом естественных бедствий, как наказания за них». Джаншиев этой статьи, конечно, не печатает⁶.

Просим поскорее ответить — согласны ли на напечатанье стихотворения «Призыв» и на перепечатку стихотворения — «Да придет Царствие Твое», как пояснения «дивной зари», о которой говорится в первом стихе «Призыва»⁷.

Свидетельствую и я мое глубокое Вам почтение и искреннюю преданность. Николай Федорович просит кланяться Надежде Степановне, Юрию Петровичу⁸ и И. М. Ивакину. Юрию Петровичу просит кланяться с напоминанием о статье — «Догмат Пресв. Троицы и полное Знание»⁹.

Н. Петерсон

144.

М. А. ВЕНЕВИТИНОВУ

16 апреля 1898. Воронеж

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич

Вынужденный просить об отставке, я, однако, не отказываюсь служить в Музее вольнотрудящимся, как это Вы мне предлагали и если позволят, конечно, силы¹. Но в настоящее время я чувствую себя настолько слабым, что не могу исполнять надлежащим образом того, что требует служба в Музее, как бы снисходительно ни относились ко мне в этом отношении, а потому и прошу Вас покорнейше дать ход поданной мною просьбе об отставке². Не могу не сказать, что живя здесь, в слободе Троицкой³, почти в деревне, я начинаю чувствовать себя несколько бодрее, чем чувствовал себя, живя в Москве.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности, всегда готовый к услугам

Николай Федоров

Аттестат прошу выслать в г. Воронеж на имя городского судьи 3-го участка Н. П. Петерсона.

1898 16 апреля

145.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 июля 1898. Воронеж

8-ое июля 1898 г.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Спешу послать Вам четыре статейки из газеты «Дон», которых Вы еще не читали¹. Прошу извинить, что не выслал их раньше; причина тому недосуг — перечитать все эти статейки, чтобы сделать в них исправление опечаток, извращающих иногда самый смысл. Николай Федорович, получив Ваше письмо со статьею о Софии², стал было писать длинное письмо, которое начиналось сожалением, что Вы вместе с статьею о Софии не прислали и статьи о Музее³, и выражалась надежда, что и последняя так же хороша, как и первая. Но затем вместо длинного было послано Вам короткое письмо⁴, потому что написание длинного требовало много времени, а это могло отдалить высылку Вами статьи о Музее. Теперь статья о Музее уже получена и длинное письмо требует соответствующих изменений; и кроме того, статью о Музее не успели еще прочитать, остановились на 22-й странице; и все, что прочитано, Николаю Федоровичу очень нравится. Письмо же Ваше, последнее пред отъездом на Восток⁵, глубоко огорчило Никол<ая> Федор<овича> тем, что Вы учение о воскрешении называете нехристианским*, называете не прямо, но таков прямой вывод из Ваших слов, и другого, при всем желании, сделать из них нельзя. Кроме того, в учении о воскрешении — воскрешение есть все; оно не есть что-либо конечное, — им начинается, им заключается и вне его нет ничего; отвергнув воскрешение, нельзя быть в этом учении согласным с чем-либо, не искажая его... Содержание даже всех посылаемых статейек есть только воскрешение, хотя они на полноту претендовать не могут и говорят не о конечном, а лишь о самом начальном, можно сказать, первоначальном. В настоящее время переписывается большая статья — «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве, и о том, как может разрешиться противоречие между ними»⁶. Под Коперниканскою наукою, мировоззрением, разумеются все науки, соединенные в астроно-

* Я не называл учения о воскрешении нехристианским, в смысле его противоречия духу христианства или несогласности с ним, а говорил лишь о том, что в Св. Писании и в писаниях святоотеческих упоминается не воскрешение, осуществляемое родом человеческим естественными средствами, а воскрешение, чудесно, сверхчеловеческою силою совершающееся. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

мии, а под Птоломеевским искусством — все искусства, соединенные в архитектуре, в храме, в храме храмов, святой Софии. К удивлению, оказалось, что статья эта как будто прямо написана против статьи Толстого — «Что такое искусство?» В этом убедились только на днях, познакомившись со 2-ю частью статьи Толстого, напечатанной в 1-й кн. за 1898 г. «Вопросов Философии и Психологии».

Поэтому написанная и переписывающаяся статья, в сокращенном виде, посылается родственнику Толстого Денисенке⁷, который, вероятно, сообщит ее Толстому лично 28 августа, день 70-летия его, или перешлет ее раньше. В статье этой показывается, что под добром, составляющим цель жизни, Толстой должен признать воскрешение, если только он не совершенно отвергает логику и не откажется от того, что сам же говорит.

Статью эту, в сокращенном виде, думаем гектографировать и один оттиск пришлем Вам.

Николай Федорович низко Вам кланяется и свидетельствует Вам свое глубокое почтение и благодарность за присылку статей, которые надо бы напечатать (особенно о Музее, о котором, кажется, совсем неизвестно).

Прошу и от меня принять уверение в глубоком почтении и искренней преданности.

Весь Ваш Н. Петерсон.

Ю. П. Бартнев обещался в июле приехать в Воронеж, но вот целый месяц нет ответа на посланное ему письмо⁸. Вы так близко к Воронежу и неужели не заедете?!⁹

146.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 июля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемому Владимиру Александровичу приглашение в Воронеж, со всем, что вывезено Вами с Востока, для обсуждения вопроса о Центральном Музее.

Статью о всемирноцентральном Музее нельзя было лучше начать, как указанием на две крайности или противоположности, которые представляет Восток и Запад¹, из необходимого и желанного соединения коих и выступает смысл и цель жизни, выражаемая проектируемым Музеем. Но Музей этот не должен быть лишь изучением умерших, а должен <быть> вместе и изучением умерщвляющей силы, т. е. природы, не историко-археологическим, но и естествоиспытательным, — делом регуляции. Проект обращения города, при Храме Божественной Премудрости², как высшем образце Птоломеевского Ис-

куства, находящегося, в Музей человеческой мудрости, т. е. Коперниканской, как орудие <мудрости> Божественной, есть вместе проект освобождения Царьграда. Турки превосходно подготовили столицу мира к обращению в Музей. Крепость уничтожили, так что город Константина может быть вооружен орудиями регуляции на место истребительных, т. е. [предполагается] обращение последних в первые, без чего невозможно разоружение. Промышленность и торговля — эти враги Музея — доведены турками до ничтожества, если я не ошибаюсь*. Зато развалины, кладбища, памятники, небрежно хранимые, требуют Музея. Поставить Царьград вне политики — это единственный способ положить начало решению Восточного Вопроса. Нужно лишить город всякой привлекательности для властолюбивых и корыстолюбивых вождений и сделать его священным для всех (а священным для всех может быть только Музей) — чтобы решить вопрос о Константинополе. Центр<альный> Музей и есть то кольцо (Натан-Мудрый Лессинга), которое должно принадлежать достойнейшему, а достойнейший лишь тот, кто не имеет притязания на исключительное обладание³. Центральный Музей будет и вселенским собором, продолжением 7-го вселен<ского> Собора, узаконившего, можно сказать, Музей...⁴

Остаюсь в надежде скорого приезда Вашего в Воронеж.

Глубокоуважающий Н. Федоров.

10 июля

1898.

Царьград находится между Западом и Востоком, а из соединения Запада и Востока рождается Музей. Когда Запад обращает предмет созерцания Востока в предмет дела, тогда и является Музей. По мере того как Запад будет отказываться от *суетного дела*, полным выражением которого является *Всемирная Выставка*, а Восток — от бездействия, полным выражением которого являются *кладбища и развалины*, т. е. *смерть и разрушение*, Музей будет расти и весь Царьград обратится в Музей. Рост кладбищ, вызываемый действием Запада (борьбою) и бездействием Востока, вынудит и легкомысленный Запад отказаться от *бесцельного Труда*, а Восток отказаться от *не-делания*, и для того и другого явится вопрос о *деле* или *Музее*. В своей брошюре Вы все сделали для затемнения вопроса о деле⁵. В настоящей статье, ограничивая Музей Историею и археологиею, Вы не только отвергаете изучение умерщвляющей силы, но и той силы, которая носит в себе голод, отвергаете не только воскрешение, но и умиротворение путем обращения орудий войны в орудия спасения от голода, что составляет прямую задачу центрального города, и только во имя умиротворения можно говорить о нейтрализации и обращении его в Музей. Но доросла ли Наука до необходимости иметь центр и органы повсеместно? Может ли эта организация держаться без священной цели — воскрешения?

* Кроме мелкой промышленности и торговли, которые нужно перенести по причинам санитарным.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
 Между 8 и 12 июля 1898. Воронеж
 Черновое

*Константинополь — центр объединения,
 Памир — центр регуляции.*

Письмо Ваше¹ застало меня за составлением статьи (статья уже не новой) о Птоломеевском искусстве и Коперниканском мировоззрении и о том, как *может* *быть* разрешено противоречие между ними?² — Это что-то вроде эстетики, но под Коперниканс<ким> мировоз<зрением> понимаются все науки, соединенные в астрономии, а под Птоломеевским искусством — все искусства, соединенные в архитектуре, т. е. <в> храме или <в> храме храмов — Софии. Вопрос, следовательно, сводится на разрешение противоречия между наукою (знанием) и искусством, т. е. наукою Коперниканскою и искусством Птоломеевским, каким оно остается <и> до сих пор. Если все науки можно соединить в Астрономии, не исключая Истории, т. е. ряд поколений, живших на земной планете и созерцавших всю вселенную, то, с другой стороны, Астрономия, т. е. вся наука, есть только история представлений и мысли человеческого рода. Астрономия, как предполагаемая действительность, есть вся вселенная, все миры. Как история, астрономия есть лишь представление и мысль всех живших на земле поколений. Что нужно, чтобы мысль стала осязательною действительностью?

Если же, как говорят, не было никогда обмана более возвышающего нас, как Птоломеевская система, то нужно сказать, что нет истины, которая действительно могла бы нас так возвысить, как Коперниканское мировоззрение, если оно станет мирозданием, т. е. искусством воссоздания его <(мира)>, или если Коперниканская гипотеза будет действительно доказана, <доказана> делом, а доказана она *может* *быть* лишь путем регуляции всех миров чрез все воскресенные поколения. Миры, т. е. планеты и звездные системы, *освобожденные воскресенными поколениями от уз тяготения* решительным преобладанием психического над физическим и *соединенные братским согласием для исполнения долга к предкам*, обращаются в ученые, — говоря нынешним скверным языком, — экспедиции для исследования эфирного пространства. Конечно, для людей XIX века, так высоко ставящих достоинство каждого человека, разыскивать частицы и образы какого-нибудь Сидора или Карпа будет очень унижительно. Но в этих экспедициях будут участвовать Сидоровичи и Карповичи. Философы, находящие ненужным воскресение простых <людей>, преувеличивают свое несходство с ними, по ошибке принимая его за превосходство.

Позволительно ли задаваться вопросом, при каких условиях Коперниканская гипотеза может сделаться очевидною, осязательною истиною? Можно ли говорить о религии, науке, знании, искусстве, не касаясь воскресения? Объединение живущих (сынов) для воскресения умерших, объединение разумных <существ> против слепой силы. Объединение созданных по образу Творца вос-

создателей для той же цели, воскрешения. Отбросить цель, оставить труд, — это ли вы хотите?

Первое письмо Ваше говорит о храме Софии, который может считаться *высшим выражением Птоломеевского искусства*, ибо в нем выражены и даль, и глубь, и высь, тогда как в других стилях выражается лишь одно из этих изменений. Второе письмо Ваше о Цареградском Центральном Музее³ можно бы считать *выражением Коперниканской науки*, если бы Вы не ограничили задачу Музея изучением умерших, т. е. Историею и Археологиею, а распространили <бы> изучение <и> на умерщвляющую силу, т. е. включили <бы> в Музей <и> Естествознание. Введением, пропиелеями к этому Музею можно считать так называемый Новый Музей, как собрание надгробных памятников или способов недействительного оживления, а старый [2 слова неразб.] можно считать началом обращения самого Константинополя в Музей⁴ или *освобождение Царьграда*, а с ним и *Науки и Искусства* от ига Индустрии, торговли, политики. Музей Центральный есть реакция против всемирной выставки, дающей науке и искусству место на заднем дворе, а религию в лице кладбищ <всемирная выставка и совсем> выбрасывает за город.

Регуляция метеорического процесса есть уже начало небесного Коперниканского искусства, которое силу, носящую в себе голод и язвы, обращает в живоносную, оживляющую.

В день желанный наше Солнце и днем не будет суживать нашего кругозора, не будет затмевать других миров или светил одухотворенных и небо не будет подобием купола магометанского храма или, хуже, протестантского сарая богослужения, как точно обозначил <протестантскую молельню> один из наших писателей⁵, а будет подобно Византийскому или старорусскому <храму>, не терпевшему пустоты и безжизненности, а покрывавшему храм и вне, и внутри иконописным письмом. Каждый год в день Вознесения будет появляться на небе новая одухотворенная звезда, принявшая в себя новое поколение воскрешенных... Притом для людей преображенных, полноорганных не будет и сама земля непрозрачною, ибо будут у каждого очи, способные ощущать всякую вибрацию, будет каждый способным создавать <себе> орган ощущения для всего сущего. Многоочитое существо может закрывать и открывать свои бесчисленные органы зрения, ощущения.

Звезды не будут светящимися точками, а будут иконами, одетыми светом как ризами. Коперниканские земли явятся на Птоломеевском небе, которое вовсе *не обман*, небесный свод вовсе не призрак; низкая температура в высших слоях атмосферы должна все газы превратить в жидкость. Жидкий свод — что же это за призрак?

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 8 и 12 июля 1898. Воронеж

Черновое

(Храм Софии есть высшее произведение Птоломеевского искусства, а Царьградский [музей] должен бы быть выражением Коперниканской мудрости.)

Вашей брошюре¹ следовало бы дать заглавие «Птоломеевское не-делание (созерцание) и Коперниканское небесное дело как замена бесцельного труда или трудов (земных)». Последний, т. е. «бесцельный труд», стоит между Птоломеевским созерцанием мира и Коперниканским воздействием на мир, как переходный момент. По учению Птоломеевскому, и земля — центр мира, и человек — высшее существо на земле, а по Коперниканскому же, земля, столько же хранящая в себе останков поколений разумных существ, сколько во вселенной *бездушных* распавшихся миров, может сделаться центром, Царьградом, Кремлем, жертвенником вселенной или миров, освобожденных от уз тяготения, одухотворенных и *объединенных* воскрешенными поколениями, смерть коих была следствием, *распадения миров*. Жизнь на земле, по причине распадения миров, могла проявляться лишь в смене поколений. Сыны умерших отцов или умерших поколений в Коперниканском мировоззрении должны были признать зависимость смерти от распадения миров всей вселенной, как последней причины. Распадение необходимо привело бы к смерти, если бы сия последняя не пришла по причинам случайным, по слепоте естественной силы или, что то же, по бездействию разумной. Те, кои допускают безнравственное и очень ученое учение о возможности бессмертия без воскрешения, т. е. без труда не духовного лишь, не могут признавать этой зависимости смерти на земле от распадения миров вселенной, от слепоты единства, <в котором ныне находятся,> и <от> отсутствия сознательного единства или общения миров, которое может быть лишь следствием воскрешения всех прошедших поколений и объединения ими всех миров. Только объединение миров вселенной чрез воскрешенные поколения будет последним доказательством истинности Коперниканской системы. Очевидно, что следствия *Коперниканского переворота* еще очень далеки не только от действительного своего завершения, а даже от мысленного их признания. Причину этого непризнания нужно видеть в том, что распавшиеся науки не были соединены в астрономию и философия не была мыслию или сознанием этого соединения. Заповедь Дельфийского демона, этого злого духа, «Познай самого себя» (т. е. только себя) обратила сынов человеческих в блудных сынов и действительное небо и землю — прах отцов — заменила мысленным, отвлеченным. Поклонник отвлеченности, мертвой правды, враг своего отечества, <Сократ> не хотел даже отказаться от обращения сынов Афины в блудных сынов; достойный изгнания из отечества, он, к сожалению, был лишен жизни. Он сузил нравственность. Все знание ограничил разбором дрязг человеческих, тогда как только полное устранение их и замена общим отеческим делом всех сынов и было нужно.

Город, подчинив науку промышленности, небесные науки обратил в земные: так явилась механика искусственная — не небесная, так явилась физика света, теплоты, гроз, отвлеченная от небесных миров, коих она составляет свойства или явления. То же нужно <сказать> о еще более земной науке химии, но есть уже и небесная химия, химия спектрального анализа.

Если село имело бы науку, или если село будет иметь науку, то эта наука будет небесною.

149.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
12 июля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Николай Федорович по прочтении обеих статей Ваших, о храме Софии и о Музее¹, находит, что они так много возбуждают вопросов, что ни в каком длинном письме сказать всего невозможно; а потому он убедительнейше просит Вас приехать в Воронеж, чтобы вместе обсудить богатое содержание Ваших статей, которые, по его мнению, должны быть напечатаны не на одном русском языке, но и на многих иностранных, и не на западно-европейских лишь, но и на восточных. Вместе с тем он просит Вас привезти с собою в Воронеж и все, что Вы вывезли, конечно, с Востока, в виде фотографических и всякого рода снимков и т.п. И я, конечно, присоединяю мою покорнейшую просьбу к приглашению Николая Федоровича Вас в Воронеж. Нам приходила мысль и самим ехать к Вам в Козлов, но несмотря на искреннее и горячее желание видеться с Вами, мы никак не можем ехать к Вам по множеству непреодолимых причин, а потому и решаемся просить Вас приехать к нам. Николай Федорович находит, что Ваши две статьи о Храме Софии и о Музее удивительно соответствуют статье «О Коперниканской науке и Птоломеевском искусстве»², ибо Храм Софии может считаться *высшим выражением Птоломеевского искусства*, так как в нем выражена и даль, и глубь, и высь, тогда как в других стилях выражается одно лишь из этих измерений. А Цареградский Центральный Музей можно бы считать *выражением Коперниканской науки*, если бы Вы не ограничились задачей Музея изучением умерших, т. е. историею и археологиею, а распространили бы изучение и на умерщвляющую силу, т. е. включили бы в Музей и Естествознание... Все это, впрочем, требует больших разъяснений, а потому и останавливаемся до личного свидания, в котором — мы оба надеемся — Вы нам не откажете.

Посылаем обещанную статейку под заглавием «Что такое добро»³, написанную в ответ Толстому на статью «Что такое искусство», из которой Николай Федорович был в силах прочитать лишь стран<иц> 15 и конец статьи 2-й, в 1-й кн. «Вопр<осов> Философии и Психологии» за 1898 год.

Николай Федорович начал было письмо к Вам⁴, которое должен был оставить, потому что оно слишком разрослось, а письмо это начиналось так: «Статью о всемирно-центральном Музее нельзя было лучше начать, как указанием на две крайности, или противоположности, которые представляет Восток

и Запад, из необходимого и желательного соединения коих и выступает смысл и цель жизни, выражаемая проектируемым Музеем». Но этот Музей (как уже сказано) не д<олжен> б<ыть> лишь изучением умерших, но и изучением силы умерщвляющей, т. е. природы, и пр., словом, д<олжен> б<ыть> делом регуляции. «Проект обращения города соборов — находящегося при храме Божественной Премудрости, как высшем образце Птолемеевского искусства, в Музей человеческой мудрости (т. е. Коперниканской), как орудие мудрости Божественной, есть вместе проект освобождения Константинополя...» И пр. и пр. и пр.

Николай Федорович Вам низко кланяется и не сомневается в скором свидании с Вами в Воронеже⁵. И я питаю надежду на личное с Вами знакомство, которое ожидаю с большим удовольствием.

Душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

150.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

13 июля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Сейчас мы прочли Ваше письмо от 11-го, посланное 12-го июля¹, а Вы, вероятно, в то время, как мы читали Ваше письмо, прочли наше, которое послано вчера же² и в котором вложена статья, которую предполагается отправить к Толстому³. После отправки к Вам этой статьи оказалось необходимым сделать к ней некоторые дополнения и исправления. Статья эта к Толстому еще не отправлена и мы подождем ее отправлять до Вашего приезда в Воронеж и совместного обсуждения как статьи, так и письма, при котором предполагается послать статью; письмо служит значительным дополнением и разъяснением статьи⁴, в нем указывается на письмо Достоевского, в котором говорится именно о тех идеалах будущего, об идеалах, появление которых в будущем Толстой допускает.

Честь имеем поздравить Вас со днем Вашего ангела и от души желаем Вам всего лучшего. Очень будем рады Вашему приезду⁵, который будем ждать с нетерпением; для Николая Федоровича все дни, конечно, равны, но для меня желательно было бы, чтобы Ваш приезд совпал с таким днем, когда я от служебных обязанностей свободен; дни эти — 22, 26, 27, 28 июля, а 19 июля меня и совсем в городе не будет. Если Вы сообщите, когда приедете, мы Вас встретим на вокзале.

Николай Федорович низко Вам кланяется. Примите и от меня душевный привет.

Весь Ваш Н. Петерсон.

13 июля 1898 года.

151.

Л. Г. СОЛОВЬЕВУ

Между 24 июля и 12 августа 1898. Воронеж

Черновое

В Вашем эскизе «Первосвященнической молитвы» можно видеть даже, как создается 4-ое Евангелие, четвертое по времени лишь и первое по значению. Иоанн, весь обратившийся во внимание, слушая первосвященническую молитву или присутствуя при беседе Сына с Отцом¹, не может не видеть в Лоне Отца Сына, окруженного сиянием, славою до создания еще мира², по свидетельству самого Сына. Видя же Славу Единородного у Отца, не может уже не сказать, что Слово, которое он слышит, было как *логос в начале у Бога*.

Созерцая же в душе Сына неизгладимыми чертами написанный светлый образ Отца³, не мог не сказать, что Сей, носящий этот образ, *был искони к Богу*. Поэтому надо полагать, что картина не была бы закончена, если бы в душе Иоанна не была повторена картина первосвященнической молитвы, но с другой стороны, Иоанн видит исключительно только Отца и Сына и если и представляет Иерусалим⁴, то только как мир, который должен также увидеть то, что он созерцал, и из мира стать миром.

152.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 июля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемому автору «Призыва» Владимиру Александровичу. Ваше стихотворение прославляет три дня и каждый из них может быть предметом особого стихотворения, т. е. нового призыва, если Вы пожелаете продолжать Ваше благовестие. Первый день есть день «всеобщего знания», ибо тогда только ночь неведения минует и день ведения настанет, когда *«все делается предметом знания и все станут познающими»*, а мрак неведения обнимает не народ только, который называет себя темным, но и философов, отрицающих возможность знания или знающих только то, что *они ничего не знают*, живущих в вечном мраке *«непознаваемого»*.

Второй день — есть *день всеобщего братского труда*, заменяющий день покоя, бездействия, или Субботы. День всеобщего труда тогда только настанет, когда силы слепой природы, в нас и вне нас находящиеся, будут подвижны знанием, когда все делается предметом братского дела всех сынов человеческих. *Тогда мы не будем 6 дней действительно служить мнимым богам и мнимо, мысленно служить один день истинному Богу*, т. е. всеобщий братский труд заменяет и еврейское субботнее праздное бездействие, и языческую суетную, городскую, мануфактурно-торговую деятельность.

Третий день будет днем всеобщего воскресения, ибо силы слепой природы, подвижные уже мыслию и чувством сынов человеческих, не могут не возвратить жизни отцам (разыщут, соберут рассеянное, воссоздадут разрушенное, оживотворяют умершие тела своих отцов).

Таким образом *ночь неведения* превратится в *день просвещения*; *Суббота*, *день покоя*, в *день всеобщего труда*, а день воскресения Христа в день всеобщего воскресения.

Особое стихотворение можно бы посвятить превращению ночи неведения в день просвещения¹, точно так же как превращение Покоя Субботы в святое дело воскресения м<ожет> б<ыть> предметом другого стихотворения, а радость воскресения (воскресающих и воскрешающих), предчувствие которой мы имеем в радости матери, в художественном творчестве, в нравственном подвиге, может составить пред<мет> 3-го стихотворения. Пробовал переписать набе-ло, испортил три листа и вынужден послать черновой набросок.

Искренно любящий и глуб<око> уважающий Н. Федоров.

P.S. Мироносицкий (сын) чрез Георгиевского, бывшего в С<анкт>-П<етер>б<ур>ге, прислал Вам свою брошюрку², которую и получите в Музее вместе со словесной благодарностью, которую передает Георгиевский же от него, сына Мироносицкого.

153.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Конец июля 1898. Воронеж
Черновое

Ваше стихотворение «Призыв» могло бы занять первое место в религиозном подъеме и оживлении, если бы оно не ограничивалось обращением к одному брату, а ко всем братьям, ибо только всеобщю Помощью, взаимною толокою всей земли может вся Русь быть наделена и школами-храмами, ведущими к единению, и школами<-музеями>, вводящими всех в дело познания. Тогда прохождение ночи неведения и наступление дня всеобщ<его> знания было бы не предсказанием, а самим исполнением.

154.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
4 августа 1898. Воронеж

Благодарим Вас, глубокоуважаемый Владимир Александрович, за приезд в Воронеж, и еще больше благодарим Господа, направившего Ваш путь к исполнению дела Господня и давшего Вам удостоверение, что «*труд Ваш не тщетен пред Господом*»¹. Ваше стихотворение, если будет напечатано, может стать основой, базисом дела². Три дня, кои прославляет «*Призыв*», служат комментарием первой проповеди, произнесенной к народу после очищения храма Воплощенным Словом — по евангелию Иоанна³, ибо трехдневное воссоздание разрушенного храма, о котором говорится в проповеди, в действительности было совершено почти в один день. Это же стихотворение может служить толкованием и к старому русскому обычаю (произведению всей русской истории и русской природы), — к обычаю строения обыденных храмов, которые можно считать как обыденными, так и трехдневными, если строение

начинается с вечера *Пятка* и оканчивается к полночи *Воскресения*. Из Вашего «*Призыва*» легко пойдем, почему ночь неведения разрешается утром Воскресения, ибо видим превращение ночи неведения в светлое знание и дня покоя (субботы) в день труда, — «*когда знанием движимые силы и всеобщий труд спящим в сумраке могилы жизни воссоздадут, и, встряхнув оковы тленья с праха мертвецов, возвратит день воскресенья сыновьям отцов*»⁴. Таким образом «*Призыв*» открывает нам путь, коим *все* можем в разум истины прийти и *каждый* в меру возраста Христова, — открывает путь, которым сделаемся способными воссоздать разрушенные храмы тел наших родителей и чрез то делать неразрушимым и бессмертным храм собственного своего тела.

Николай Федорович шлет Вам привет и низкий поклон. И я свидетельствую мое глубокое Вам почтение. Душевно Вам преданный и безгранично благодарный

Н. Петерсон.

4 августа 1898 года.

г. Воронеж.

155.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 23 августа 1898. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович

Письмо Ваше получил только 23 августа¹. Совершенно согласен с Вами, что *теперь благовременно заняться статьею «1897 г.»*², а Толстым можно и должно не заниматься и *ни в каком случае не следует посылать в виде гектографий статей о добре и пр., ибо он наверное подумает, что эти статьи гектографированы в сотнях экземпляров и разосланы повсюду, и не может даже не подумать этого и не подивиться самонению*. Самому же г. Денисенко* можно сообщить, объяснить, что гектографированные статьи назначены *для очень немногих*³.

Заметка о Предкремлевском Музее не была напечатана, потому, говорит Веневитинов, что получена очень поздно⁴. Конечно, Веневитинову кажется странным, наивным, отсталым предпочтение сыновнего, отеческого человечейшему, высшему званию человек, словам для него еще не истасканным и даже модным. Статья или заметка имеет и не минутное значение, ибо она мирное учреждение, исключительно нравственное ставит выше немирных, юридико-экономических, не говоря о предпочтении, которое она дает Музеям как памятникам пред скульптурными изображениями.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и Все-му Вашему семейству.

Глубоко уважающий и любящий

Н. Федоров.

Если у Вас готовы не оконченные при мне листы, то пришлите, а также и первый, который я забыл взять.

* *его все хвалят, как я слышал.*

156.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 15 и 25 августа 1898. Москва

Черновое

Ваше новое неоконченное стихотворение нужно назвать приветствием *Кремлю со второй Поклонной горы*¹, или только началом приветствия. А окончанием его должна бы быть молитва с той же Поклонной горы об осуществлении великого дела, к которому Кремль всех призывает, к замене хранения оживлением, одушевлением мертвых, чтобы стало возможно разоружение.

Враги побеждены, но мира нет, и вот уже много лет стоят вооруженные с головы до ног народы друг против друга, придумывая все новые и новые вооружения, ожидая столкновения каждый день и час. По призыву с Севера² начались съезды и разговоры, а к делу не приводят. Прогневался Господь, начались неурожай, язвы, землетрясения.

В этом привете сказано, чем был Кремль, а в следующем, следовательно, будет сказано, чем он должен быть. Он был *живою оградой от тучи врагов, охранявшею священные алтари* разрушенного праха положивших жизнь за дело собирания отцов. Вся сила сынов уходила до сих пор на оборону лишь праха отцов, на *хранение* его. 12-ое августа подает надежду, что эти тучи врагов будут разоружены. Куда же эта сила будет употреблена? Не на мануфактурные же игрушки? Не на внутреннюю войну? Не должны ли мы соединенные силы, умерщвляющие и истребляющие, привести на алтарь праха отцов? Конец стихотворения, мне кажется, должен быть молитвою со второй же Поклонной горы к Богу отцов, чтобы он соделал нас достойными орудиями погребения смерти.

Примиренные приступим к <священному> алтарю над смертным прахом отцов для животворящей, живоносной жертвы.

157.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 августа 1898. Москва

С великою радостью спешу сообщить Вам вырезку из 230 № «Москов<ких> Ведомостей» с рецензией, которая называет Ваше сочинение «Фил<ософия> чув<ства> и Веры» редким явлением и ценным вкладом...¹ Этот № «Моск<овских> Ведом<остей>» получил от Ив<ана> Мих<айловича> Ивакина. Благодарю Вас и всех Ваших за радушный прием². Благодарю и за стихотворение, к сожалению, неоконченное, которое можно бы назвать приветствием Кремлю со второй [Поклонной горы]³. Когда тучи врагов, от коих Кремль живой оградой защищал свящ<енный> прах отцов, будут разоружены, как того желает *Манифест* 12 августа⁴, в чем тогда будет состоять дело сынов? Но только объединение для оживления и может привести к примирению.

Еще раз благодарю Вас и всех Ваших за несколько часов, проведен<ных> в Козлове.

Искрен<не> признат<ельный> и предан<ный> Вам

Н. Федор<ов>

25 августа

1898

158.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Между 28 сентября и 3 октября 1898. Москва

Черновое

Я гораздо скорее получил пенсию, чем ответ от Вас на свое письмо¹. Не прошло еще двух недель от моего увольнения, как уже пенсия мне была назначена². Вам, вероятно, так же трудно получить Статью из редакции «Нового Времени» об умиротворении без разоружения³, как мне Статью о самом мирном учреждении Импер<атора> Александра II из редакции «Русск<ого> Архива»⁴, а между тем, если бы эта статья была напечатана *до появления слуха* об отобрании из Музея картины Иванова⁵, то отобрание становилось бы святотатством, оскорблением памяти деда, оскорблением или унижением Москвы, ибо в этой статье картина-икона Иванова названа благословением Московскому Музею. Такое значение дара Императ<ора> Алек<сандра>, выказанное печатно после появления слуха об отобрании, должно казаться искусственным, изобретенным для удержания картины. Отобранием же картины будет положено начало разрушению Музея, бывшего уже в упадке и в опале, так что то, что Музею Московскому должно было принадлежать по всем правам, доставалось Музею Петербургскому, никаких прав на него не имевшему. Разумею картину Матвеева, купленную для Музея Александра III⁶. Это отобрание есть медленная казнь, казнь по частям. Удовлетворив один Музей, как отказать другим Музеям, которые предъявят свои требования на приглянувшиеся им редкие предметы у казнимого собрата, не собрата, а отца всех музеев Новой России, и Музей, основанный Царем-Мучеником, станет Музеем-Мучеником.

159.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 октября 1898. Москва

Англия и Россия

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович,

Мне кажется, что статью «О разоружении» гораздо необходимее и полезнее послать в Англию, чем в какую бы то ни было другую страну, ибо

средство, предлагаемое в статье «Возможно ли разоружение?»¹, несомненно касается столько же России, как и Англии, и даже последней несравненно более, чем первой. В 1891 году, когда Америка делала опыты вызывания дождя, голод в России и голод в Индии, происшедшие от одной и той же причины, от бездождия, казалось, красноречиво говорили мнимым обладателям суши и океана о необходимости проверить американский опыт, вводя наблюдения над метеорическими явлениями при маневрах и при битвах. Но и Россия и Англия остались глухи к этим — если можно так сказать — знаменам времени, хотя лежащий между ними, отделяющий их Памир — эта кровля мира — мог сделаться центром регуляции и из отделяющего стать соединяющим, из центра вражды — центром мира². Еще недавно опять голод в Индии (1896?), от коего гибли миллионы людей, и голод в России в 1897 году, происшедшие опять-таки от бездождия*, даже не напомнили об американском опыте. Нужно еще прибавить, что Россия и Британская Индия страдают не от нашествия лишь иссушающих ветров Средней Азии, но и от нашествия оттуда же страшных кочевых орд, т. е. имели и имеют одних и тех же врагов. Только мирное занятие Памира, только союз, заключенный на могиле, быть может, предков Арийских народов (земледельческих), в состоянии умиротворить степи, обезоружить орды, отделяя кочевников Передней Азии от кочевников, более воинственных, Средней или Верхней Азии, откуда первые получали постоянно подкрепление и возрождение воинственного духа. Памир есть крепость, защищающая Константинополь, и пока Памир будет в руках кочевников или пока нынешние обладатели не заключат действительного мира, основанного на реальном обеспечении, на регуляции атмосферных явлений, до тех пор Царьград, хотя бы освобожденный, не может считать себя застрахованным от новых нашествий и вся Европа — от повторения гуннских погромов. Средство, предлагаемое статьею, не признающей возможности разоружения без регуляции, не только не потребует сокращения морских сил от Британии и от обеих даже Британий (американской и европейской), а даже увеличения их для *разряжения грозовой силы* самого грозового кольца совокупными действиями двух морских Британий и сухопутных России и Китая, союзом любви к предкам соединенных. И тогда только <люди> из мнимых станут действительными обладателями и суши, и моря.

Глубоко уважающий и любящий Н. Федоров.

21 октября

1898.

* См. Воейков... Голод в Индии для Англии оказывается очень выгодным³, так что не об уменьшении <голодовок> она заботится, а об усилении их.

Г. А. ДЖАНШИЕВУ
25 октября 1898. Москва
Черновое

Милостивый Государь
Григорий Аветович.

Посылаю забытое Вами в библиотеке письмо. За экземпляр Вашей книги¹, присланной для Музея, приношу мою искреннюю благодарность. В присылке же оттисков обезображенной статьи² вижу насмешку, но не возвращаю их, а оставляю, конечно, не для распространения, а чтобы изъять из употребления. Ваша личная Цензура урезала статью, а моя личная же Цензура хочет уничтожить ее (не сжечь ли?). Стоящая над нами Цензура может только радоваться, видя такую терпимость! *Всю протекающую неделю не читал «Русских Ведомостей», тем не менее уверен, что обещанная Вами заметка в них не появлялась*⁴. Вы, конечно, и не читали статьи «Нового Времени» о разоружении. А если бы заглянули в нее, то легко могли бы заметить, что название статьи не соответствует ее содержанию. Авторское заглавие — «Возможно ли разоружение», данное задолго до появления циркуляра 12-го августа, теперь стало бы ему возражением. Редакция «Нового Времени» заменила возражение подтверждением, назвав статью «Разоружением», за что, конечно, мы ей очень благодарны.

Вопреки, однако, новому заглавию, вопреки г-же Зуттнер⁵, вопреки г. Толстому, вопреки Турецкому Султану, статья желает *не сокращения вооружения, а распространения его на всех, не исключая и турецких христиан; только этому вооружению изобретения истинно языческого хочет дать христианское употребление, сделать его орудием знания и всеобщего спасения.* Потому статья «Нового Времени», обещая мир всем, обещает и *порабощенным освобождение*, вооружая их против общего врага, слепой силы природы. Стоит только России протянуть чрез Памир руку Англии, как Ислам окажется окруженным, осажденным со всех сторон и будет вынужден не положить оружие, а под руководством европейских инструкторов дать оружие христианское употребление, т. е. стать христианами на деле, а дело и мысль обратить в христианство, и будет единомыслие, внешнею необходимостью поддерживаемое. Европейские инструкторы должны бы всему, что введено в употребление в войсках, дать умственно- и нравственно-образовательное употребление, только чрез военных инструкторов магометанство может обратиться в *христианство*. Как ни странно в военных инструкторах видеть христианских миссионеров, но только чрез них всему, что вводится в войска, может быть дано христианское употребление. Нужно, чтобы не только Корпус или дивизия, <но> и каждый полк, даже рота, эскадрон и особенно каждая батарея были вооружены карантинским аппаратом, грозопроводными змеями и аэростатами — зондами, снабженными электрическими проводниками. Европейцев же только казни, от слепой, по бездействию и розни разумных существ, силы лишь происходящие, т. е. голод, чума и т. п., могут вынудить к объединению в сказанном деле. Для Вас

* Но появилась, оказывается, в родственном «Русским Ведомостям» «Курьере» № 288 19 окт<ября>, понедельник³.

же, конечно, не нужно никаких внешних побуждений, чтобы сказать доброе слово о добром деле. Своей заметке Вы могли бы дать заглавие: Как всеобщее примирение соединить с освобождением от угнетения?

Готовый к услугам
с истинным почтением

Н. Федоров.

25 октября 1898 г.

Вам, конечно, известен автор статьи «Курьера».

161.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
17 ноября 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Посылаем Вам посвященную Жуковскому и Вам статейку о памятнике Александру III-му и просим, чтобы Юрий Петрович прочитал ее Жуковскому, предварительно прочитав ему и ту, которую он, вероятно, уже взял из редакции «Московских Ведомостей»¹.

О многом бы надо было поговорить, но торопимся отправить статейку.

Как здоровье Надежды Степановны², заболевшей в самый день отъезда Николая Федоровича, который бесконечно благодарит Юрия Петровича, Ивана Михайловича³ и особенно Вас за хлопоты при его отъезде, благодаря которым он доехал прекрасно. Николай Федорович просит засвидетельствовать его глубочайшее почтение Вашей мамаше⁴, гг. Северовым⁵ и П. И. Бартеневу.

Примет ли «Русский Архив» для напечатания автобиографию Л. Г. Соловьева, с которой Вы несколько знакомы; если не примет, то мы напечатает ее в газете «Дон»⁶, редактор которой очень просит эту автобиографию и обещает много отдельных оттисков.

Возражение «Саратовскому Дневнику»⁷ написано и отдано в Редакцию «Дона»; на будущей неделе будет напечатано⁷.

И я с своей стороны свидетельствую мое глубочайшее почтение Вам, Юрию Петровичу и Ивану Михайловичу.

Душевно Вам преданный и благодарный Н. Петерсон.

Подробности в следующем письме. 1 ч<ас> ночи с 16 на 17 ноября 1898.

162.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
21–23 ноября 1898. Воронеж

21 ноября

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Вчера мы были на лекции знаменитого профессора Комаровского, который был приглашен читать в пользу Публичной Библиотеки и читал о разоружении¹; вся лекция его заключалась в жалобах на чрезвычайные расходы, к которым приводит милитаризм, миллионы и миллиарды так и сыпались, подобно тому как Буква сыпал их в Лиссабоне (№ 8165й «Нов<ого> Вр<еме-

ни»». «Среди газет»². По мнению лектора, милитаризм должен привести или к войне, или к банкротству, т. е. к потере жизни или к потере богатства (мануфактурных игрушек и безделушек), и оказывается, лучше уже война; вот тут и говорите о возвращении жизни, о воскрешении, о ценности жизни. Способы смягчения тягостей милитаризма поистине изумительны: признавая вооруженный мир в высшей степени тяжким, он предлагает державам заключить договор о продлении такого состояния на семь лет с тем, впрочем, чтобы больше вооружений не увеличивать; договор этот должен быть заключен только между европейскими державами, за исключением Турции, которая не принимается, так как не может считаться европейскою державою³. Америка тоже может делать, что ей угодно; да и войнолюбие европейских держав ограничивается лишь одною Европою, а в Азии, Африке, в Австралии разрешается воевать, сколько им угодно, употребляя армии из туземцев под командою только европейцев. Таким образом, воевать воспрещается только России, у которой таких войск нет, — этот вывод делается, конечно, не лектором, который только не объяснил, как может воевать Россия, не имеющая особых войск из туземцев. Приводя в своей лекции мнения французских писателей, лектор в конце лекции упомянул и о русском писателе, напечатавшем статью, в которой предлагается употребить войско только на вызывание искусственного якобы дождя⁴; но лектор находит неприличным оружие, предназначенное для истребления, обращать в орудие спасения; и, не отвергая возможности спасения, он находит нужным создать для этого новые такие же орудия, истратив на них новые миллионы. Впрочем, упомянул профессор о статье «Нового Времени» не без предварительного внушения, и то мнение, которое высказал он о статье, оказалось совершенно сходным с мнением Вашкевича⁵, который стоит во главе попечительного о Библиотеке Комитета. Вашкевичу статья была тоже прочитана, и он нашел войско недостойным того великого дела, о котором говорится в статье. По этому случаю Вашкевичу готовится письмо⁶, копию которого пришлем и Вам.

Николай Федорович приносит Вам глубокую благодарность за изумительно скорое исполнение просьбы Родзевича⁷ и просит извинения, что до сих пор не благодарил Вас за это... Известно ли Вам, что Ваша книга⁸ рекомендована во все средние учебные заведения; а между тем, как известно, в продаже ее нет. Как Вы думаете в этом случае поступить? Зверева мы не видали и не знаем, извещал ли он Вас об этом⁹.

Мы ждем от Вас, что Вы напечатаете, наконец, стихотворение, посвященное Соловьеву еще в прошлом году¹⁰.

Возвращена ли редакцией «Московских Ведомостей» заметка о памятнике Александру II и получена ли Вами заметка из Воронежа о памятнике Александру III-му, и читаны ли они Жуковскому¹¹, а если читаны, то произвели ли какое-либо впечатление, и какое именно? Хотели послать Вам напечатанными статьи о «Саратовском Дневнике»¹², Вашу статью¹³, но до сих пор не добьемся напечатания. И ректор до сих пор молчит со статьею о картине «Первосвященническая Молитва»; передана ему и заметка, приглашающая духовенство к содействию делу, начатому циркуляром 12 августа, и он выразил большое удовольствие, выслушав заметку, просил оставить ее у него, но какое сделает из нее употребление, не известно¹⁴. Интересно бы узнать, проник ли в народ слух о циркуляре 12 августа?

Николай Федорович и я покорнейше просим Вас передать нашу глубокую благодарность Ивану Михайловичу¹⁵ за покупки, которые привез Никол<ай> Федор<ович> моим друзьям; в этот второй раз они произвели еще больший восторг, чем в первый; а одна вещица задала довольно большую работу, прежде чем догадались об ее назначении...

Написано довольно много, между прочим по вопросам, которые должно было бы поднять на предстоящей конференции мира; написано письмо Энгельгардту по поводу его статьи в «Н<овом> Врем<ени>» о Толстом¹⁶, но еще не послано; а теперь Никол<ай> Федор<ович> хочет заняться составлением проповеди ко дню Тезоименитства Государя Императора (6-го декабря)¹⁷.

Николай Федорович просит Вас передать его чрезвычайную благодарность И. М. Ивакину еще за присылку снимков; и спрашивает, получили ли Вы от него письмо Толстого¹⁸; если получили, то пришлите, если возможно, копию этого письма, которую хотим послать Энгельгардту, — и если Вы найдете, что послать можно. Кончен ли французский перевод статьи «Нов<ого> Вр<емени>» и послан ли? Напечатана ли эта статья в журнале Стэда?..¹⁹ Много и еще вопросов и просьб и к Вам, и к Ивану Михайловичу, но Ник<олай> Федор<ович> находит, что и написанного слишком много, даже бессовестно много.

23 ноября

Вы уже оказали большую пользу Воронежскому Музею²⁰ и можете оказать еще большую. В Воронеже существует обычай приглашать для чтения лекций в пользу разных учреждений. Мы полагаем, что автор «Философии Веры и чувства», сочинения, получившего одобрение Мин<истерства> Народн<ого> Просв<ещения>, автор «Св. Софии» и «Цареградского Музея»²¹ мог бы и даже должен бы был принять предложение, если оно будет ему сделано, прочитать лекцию по предмету, им избранному. Мы же с своей стороны примем надлежащие меры, чтобы такое предложение Вам было сделано, если, конечно, Вы наперед обещаете принять предложение. Предметом лекции мы просили бы Вас сделать предстоящую Конференцию об умиротворении. Кроме пользы Музею, самая лекция о конференции могла бы провести мысль, которая чрез печать едва ли может быть проведена... А между тем для многих будет, как говорят ныне, симпатична мысль открыть конференцию принятием всеми участниками обязательства ввести всеобщее обязательное образование в представляемых ими государствах, и притом в связи с всеобщю обязательною повинностью, обращая самую военную службу в способ знания природы. Можно оговориться, конечно, что Вы не специалист по международному праву, а хотите лишь высказать свое мнение по делу, которое не может не быть близко всякому человеку. Желание видеть Вас в Воронеже навело Никол<ая> Федор<овича> на мысль, чтобы Вы читали в Воронеже о Конференции, о которой у него приготовлен большой материал, для разработки которого Вам надо бы приехать дня за два до лекции. Приезд Ваш был бы для нас большим праздником. Можно даже прочитать не одну лекцию: Иванов, известный автор платы за цитаты, будет, говорят, читать целых три дня — о Белинском, Чернышев-

ском, Добролюбове и проч. и получит за это 250 рублей²², и гр. Комаровский трудился здесь не безвозмездно, он получил 70 рублей за лекцию, обработкой которой, очевидно, совсем не занялся.

Николай Федорович свидетельствует Вам свое глубокое почтение и просит засвидетельствовать его почтение Вашей мамаше²³, гг. Северовым²⁴, Ю. П. Бартеневу, Надежде Степановне²⁵, здоровье которой его беспокоит, и И. М. Ивакину. Прошу и от меня низко кланяться Ю. П. Бартеневу и И. М. Ивакину.

Желая Вам доброго здоровья и возможного в мире благополучия, остаюсь глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный Н. Петерсон.

Прилагаем копию письма, посланного Вашкевичу. Извините за неопрятность письма, переписывать решительно нет времени.

163.

Г. С. ВАШКЕВИЧУ

22 ноября 1898. Воронеж

Извините меня, если я позволю себе сказать здесь, что был в высшей степени изумлен, услышав, будто люди, призванные *жизнь свою положить* и вынуждаемые силою долга для защиты одних лишать жизни других, — что эти люди недостойны будто бы послужить даже делу умиротворения, т. е. достижению такого состояния, при котором люди не убивали бы только или хотя бы даже не вредили друг другу. Пораженный совершенно неожиданно этою мыслью, я не мог тогда ничего Вам возразить, а потому и решаюсь написать Вам... Нам (пишу не от одного себя), напротив, *умиротворение* кажется делом слишком несоразмерным с тою добродетелью, которая требуется от полагающих свою жизнь для защиты других, с тою добродетелью, выше которой ничего не нашло само Евангелие, по крайней мере для людей в отдельности. Единственное дело, которое могло бы удовлетворить защищавших своих с потерю не только собственной жизни, но и с вынужденным лишением жизни других, это — не умиротворение, а оживотворение, участие в деле всеобщего воскрешения. Войско же, обращенное в естествоиспытательную силу (как это говорится в статье «Разоружение»), а не производящее лишь выстрелами *искусственный якобы дождь*, как это сказал на лекции, очевидно, не читавший статьи профессор¹, — и приводит к этому, потому что естествоиспытательная сила, которую при *действительно* всеобщей воинской повинности делается весь род человеческий, обращает всю естественную силу природы из умерщвляющей в оживляющую и из смертоносной в живоносную. Война — это страшная нравственная антиномия. Отказаться от защиты подвергшегося нападению, по большей части слабого против сильного, это не есть *непротивление*, а величайшее преступление, участие в убийстве, и притом слабого сильным, обиженного обидчиком, быть может, безоружного всеоружным. Если же будем защищать одних и при этом поневоле будем убивать других, в этом преступления хотя и не будет, но лишение кого бы то ни было жизни все же останется величайшим злом, — а потому воскрешение есть единственное разрешение этого

противоречия. Воскрешение необходимо и потому, что понесшие утрату не могут согласиться ни на какую замену, ни на какое вознаграждение, кроме действительного возвращения жизни; а лишить возможности возвращать жизнь — в отношении вынужденных убивать других, защищая своих, было бы величайшей несправедливостью, в отношении же убивающих не вынужденно, а вольно, равнялось бы лишению их возможности искупления.

И вовсе не одни лишь военные поставлены в необходимость убивать; строго говоря, умерших нет, а есть только убитые. И гражданские убивают, и словом, и всеми способами, убивают не по тяжелой лишь обязанности или необходимости, а иногда и по злобе; и если уже военных считать преступниками, то во сколько же раз преступнее гражданские?!.. И почему в военных Вы видите только убивающих, т. е. осужденных убивать, и не видите в них также и идущих положить свою жизнь?!.. И кому же желательнее прекращение войн, как не военным, поэтому от них-то именно и должно ожидать самого искреннего и горячего участия в деле умиротворения, и не потому только, что война им самим грозит смертью, а главным образом, быть может, именно потому, что во время войны они вынуждены убивать других. И как можно считать недостойными великого дела людей, которые гибнут, томимые жаждою, под жгучими лучами солнца, в пустынях Туркестана, гибнут в ледниках, на вершинах Альп, в снегах Балканских гор и пр.

Во всяком случае, сознавая и себя грешными, виновными в вытеснении других, вольном и невольном, мы не осмелимся считать недостойными великого дела даже миллиардеров, хотя для умиротворения, как сказано в статье «Разоружение», миллиарды и миллионы не нужны. Чтобы не нуждаться в миллионах, мы и предлагаем ввести в войска, которые, как все признают, уничтожить в настоящее время нельзя — а мы думаем, что и не следует уничтожать, — пока хотя бы метеорологические лишь наблюдения во время учений, маневров и т. п.; и эти наблюдения, в связи с стрельбою, дадут, можно надеяться, «точный опыт», как сказано в статье, «опыт активный, определяемый числом, мерою, весом». Нужно даже зло не уничтожать, чего и сделать нельзя, а превращать его в добро, — в этом и заключается смысл заповеди, повелевающей не противиться злу злом.

Не будучи еще знаком с Вами лично, я знал Вас за человека в высшей степени справедливого, который служит украшением общества, как выразился о Вас один также весьма почтенный человек, а потому Вашу несправедливость относительно войска и военных я приписываю только недоразумению.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готового к Вашим, Милостивый Государь, услугам.

22 ноября 1898 года. г. Воронеж.

P.S. Позволю себе обратить Ваше внимание на письмо к редактору «Дона», которое на днях будет напечатано в этой газете, по поводу отзыва о статье «Разоружение» — в «Саратовском Дневнике»². Я был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным напечатать и это письмо с Вашим на него возражением, или же не сообщите ли мне Ваши возражения просто в письме³? Желая этого в видах разъяснения дела, которое не могу не считать делом великой важности и

стоящим того, чтобы о нем говорить. Думать, что умиротворение возможно в силу таких договоров, *не ведущих к расширению* области знания и не имеющих никаких ручательств, гарантий, за их ненарушимость, о которых говорил профессор в своей лекции 20-го ноября⁴, было бы уже слишком наивно и может быть извинительно лишь профессорам и ученым, действительной жизни не знающим.

164.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
26 ноября 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

По поручению Николая Федоровича пишу Вам нижеследующее:

Прежде всего приношу Вам мою глубокую и горячую благодарность за превосходное стихотворение — «*Предкремлевский Музей*»^{*}; но почему оно не может быть напечатано? Для меня это непонятно и очень жалко. Затем, мы не могли достать здесь «*Курьера*», того номера, в котором напечатан отзыв о статье «*Разоружение*»¹; не поможете ли Вы нам в этом случае, просмотрев «*Курьер*», начиная с 15 октября, номеров пять-шесть, и прислав нужный номер? Заметка о памятнике Александру III-му посылалась, главным образом, для прочтения, если возможно, Жуковскому, и то не иначе, как прочитав ему наперед заметку о памятнике Александру II-му, посланную в редакцию «*Московских Ведомостей*» и, по всей вероятности, оттуда не полученную², судя по тому, что в Вашем письме об этой заметке нет ни слова. Печатать эту заметку не предполагалось, так как теперь это было бы бесцельно, а в «*Русском Архиве*» печатать ее тем более нельзя, что и она подвергнется, конечно, той же участи, как и статья о Предкремлевском Музее^{**}.

Предлагая автобиографию Соловьева редакции «*Русского Архива*», мы хотели сделать ей услугу; теперь же мы решили поместить эту автобиографию в газете «*Дон*», редактор которой очень просит ее и обещает сотню особых отписок⁴; а Марков хочет писать к ней предисловие⁵.

Зверев говорил, что Ваша книга в Семинарии разослана, а в светские средне-учебные заведения рекомендована. На днях Вы получите от него приглашение читать в Воронеже в пользу Музея⁶; а также он будет просить Вас прислать Вашу коллекцию видов, вывезенную из Святой земли, которую хорошо бы было выставить в здешнем Музее на праздники Рождества⁷; а затем она будет в целости и с благодарностью возвращена Вам.

Николай Федорович поручил мне написать обычные поклоны и пожелания Вам и всем Вам близким, Юрию Петровичу, Ивану Михайловичу⁸ и проч.

* Оставшееся в наброске, неоконченное мое стихотворение, которое я не находил поэтому заслуживающим напечатания. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** То есть противодействие со стороны редактора П. И. Баргенева, высоко чтившего Николая Федоровича, но находившего многие его проекты «фантастичными», а подчас даже и «тревожащими солидных читателей Архива». (Примеч. В. А. Кожевникова.)³

И я прошу принять мое искреннее пожелание всего лучшего. Бесконечно обрадовали бы нас, если бы согласились приехать в Воронеж и прочитали бы здесь лекцию, — в блестящем успехе мы не сомневаемся¹.

Глубоко Вас уважающий, всюю душою преданный и благодарный

Н. Петерсон

26 ноября

1898 года

Г. Воронеж

165.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2–3 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

После Вашего письма, в котором Вы отвечаете на восемь пунктов и по всем восьми оказывается полная неудача, получены и остальные Ваши письма¹, причем последнее с вырезкою из «Курьера»², за которую премного благодарю; весь же номер «Курьера», откуда сделана вырезка, ни на что не нужен. По второму пункту из восьми в первом письме Вы говорите — «еще неизвестно», — но что может сказать Жуковский, если ему будут читать конец без начала?³ В начале (т. е. в статье о памятнике Александру II-му, погибшей в редакции «Моск<овских> Вед<омостей>») говорится о воставших собирателях, говорится, что прах, который защищали стены и башни Кремля, ожил; после этого, конечно, будет понятно и то, что говорится на первой же странице 2-й заметки, утверждающей, что мысль, выраженная в памятнике отцу, может быть еще яснее выражена в памятнике сыну, если дать ему в руки акакию... Не зная же и не читая 1-й заметки, что может подумать Жуковский, сразу же встретившись во 2-й заметке с акакией, — ведь это вызовет в нем изумление или смех! Конечно, из какой-нибудь статейки не стоит подвергать себя неприятности, отправляясь в редакцию «Московских Ведомостей», но за что же подвергать осмеянию мысль, во всяком случае, ничего зловердного в себе не заключающую? а между тем Юрий Петрович хочет поступить именно так, настаивая на прочтении Жуковскому конца без начала, несмотря на самые настоятельные просьбы не читать. Покорнейше прошу Вас возвратить мне хоть вторую заметку, чтобы и она не погибла у Юрия Петровича...

Вы не отвечали еще на вопрос, отдано ли в печать стихотворение «Жить или не жить»⁴, а если оно не отдано, — это девятая и весьма горькая неудача; кто знает, быть может, оно и заставило бы кого-либо жить, кто потерял охоту к жизни. Конечно, быть может, странно говорить о возвращении жизни, когда она потеряла всякую ценность; но возвращение жизни самим человеческим родом, как дело всего рода человеческого, как исполнение им самим Божественного дела, и придает жизни самую высокую ценность. Не может быть большего обвинения Создателю, как сказать, что Он скрыл от нас цель жизни, — она скрыта только от мудрых и разумных и открыта младенцам: каждый младенец, каждое

дителя чувствует эту цель. Если не будете как дети, то будете осуждены на вымирание, на малоденствие. А если будете как дети, т. е. сохраните жизнь цельною, не поврежденною, беспорочною, безгрешною, т. е. причин смерти в себе не носящею, следовательно сказать, будете бессмертны, [а] это значит повторить то, что было сказано впереди. Так бы это и было, если бы не было наследственного греха; во 2-м же Адаме (в Котором нет наследственного греха), на руках Матери <лежащем>, есть указание на безусловную жизненность. Быть детьми значит сохранить жизнь цельною, беспорочною, бессмертною, а не быть детьми значит носить в себе смерть; это просто трузизм, который, к сожалению, неизвестен мудрецам нынешнего века. Поэтому долгоденствие в ветхом завете, бессмертие — в новом завете за любовь к отцам, выраженную в возвращении жизни родителям, есть не награда, а естественное следствие. Быть детьми, т. е. сынами и дочерьми, и любить родителей, это одно и то же; поэтому и требуется быть детьми и ничем кроме, ибо в этом — все, и воскресение, и жизнь, т. е. все благо.

Приношу Вам глубочайшую благодарность за известие о коротком опросе по поводу циркуляра 12-го августа. Нужно бы узнать, как смотрит народ на цель воинской повинности; думает ли он, что воинская повинность служит для защиты праха отцов, *который имеет встать* и поэтому сожигания которого он так страшится. Опрос об этом был бы необходимым дополнением, второю частью первого опроса — «*Любовь погибает*»⁵, этой «философии извозчиков и разносчиков», как произнесли хульные уста Черногуба, или — лучше — Черноуста⁶. Хорошо было бы спросить также татар, слышали ли они о новом могучем друге Падишаха и что они о нем думают; надеются ли они, что этот враг мира, Черный Царь, антиимператор, Вильгельм-хан, успеет наделить их оружием⁷, когда Белый Царь задумал разоружение.

Сказав о московских неудачах, скажем и о воронежских: на известное Вам письмо к Вашкевичу⁸ — нет ответа; на письмо к Маркову о том же предмете⁹ — нет ответа; от ректора — ни о статье о внутреннем умиротворении (или иконкартине), ни о заметке о молитвенном участии церкви в деле, начатом Циркуляром 12 августа, которая ректору по-видимому так понравилась, — тоже нет ответа¹⁰. Проповедь на 6-ое декабря¹¹ хотя и взял св. Зверев, но хочет ее разбавить, чтобы не быть трубою чужих слов, как он выразился, признавая по ошибке, конечно, общее, родственное всем за чужое. Ко 2-му слову на день Рождества Христова, которое предполагалось произнести в Кадетском Корпусе на текст «*На земле мир*»¹², Зверев отнесся холодно, хотя в этом слове разбирается вопрос, — должно ли уничтожиться военное звание с осуществлением умиротворения, которому начало полагается циркуляром 12 августа. Вопрос неизбежный и пусть ему придумают иное разрешение, кроме указанного в ст<атье> от 14 ноября¹³. В слове говорится: «Должна и даже может исчезнуть война, но святое звание военное, звание — положить жизнь за своих, за других, за всех не исчезнет, пока в мире будет смерть, смертоносная сила, борьбу с которой и будет вести сила военная...» Написано еще письмо в редакцию Епарх<иальных> Вед<омостей> с жалобой, можно сказать, на лекцию Комаровского и двух излагателей этой лекции в двух светских, выходящих в Воронеже газетах, отдающих дело умиротворения, это священное дело, исключительно в руки бездушных юристов¹⁴. Письмо по назначению еще не послано, но, вероятно, и оно не пройдет.

Статья, посланная в Редакцию «Дона», о заметке «Саратовского Дневника», совершенно сходной с заметкою «Курьера», искажена цензором и осталась у нас в гранке¹⁵.

О Выставке¹⁶ в следующем письме.

Прочитав Ваше прекраснейшее стихотворение «Предкремлевский Музей», я перечитал Ваше же неоконченное и не менее прекрасное стихотворение «Кремль»¹⁷ и не только открыл конец этого стихотворения, но и изложил его виршами в прозе, а Вас прошу изложить эти вирши, хотя и <изложенные> прозою, в стихах, конечно, не для печати.

За оставшуюся не по Вашей вине в Редакции «Моск<овских> Вед<омостей>» прозу заплатите стихами, окончив Ваше стихотворение о Кремле.

Живую оградой...

.....

Священного праха

.....

Вы были.....

Перед тучей врагов.

А вот и конец:

Когда тучи врагов, метавшие молнии,
станут стройными полками друзей (братьев)
в ряд с живою оградой сынов,

тративших жизни силу на защиту мертвого праха отцов, — тогда что станет с избытком силы у сынов и с прахом, лишенным жизни, отцов?

На этот вопрос в прозаических виршах требуется ответ в стихах. Стихотворение будет именоваться «Кремль и Умиротворение».

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше неленостное поддержание письменных сношений. Прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Вашей мамаше, гг. Северовым, Надежде Степановне, Юрию Петровичу, Ивану Михайловичу¹⁸.

И я присоединяю мое засвидетельствование глубокого к Вам почтения. Пишем далеко за полночь, а потому если что и не так, не обессудьте.

Глубоко Вас уважающий и всюю душею Вам преданный

Н. Петерсон

2-3 декабря

1898 года.

В следующем письме постараемся исправить недосмотры этого письма.

166.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович.

Из Вашего письма от 5 декабря¹, в котором Вы прислали вырезку из «Нового Времени», видно, что Вы не получили еще длинного письма с добавлени-

ями на полях, чрезвычайно мелко написанными²; — жаль, конечно, что Вы не получили этого письма, а вместе и хорошо, что не утруждали своих глаз чтением мелкого писания (конечно, это шутка). За вырезку из «Нового Времени»³ приносим глубокую благодарность, но «Новым Временем» мы здесь пользуемся и присланное Вами уже читали, — во всяком случае присылка вырезок очень важна, эти вырезки указывают то, на что необходимо обратить внимание. Но, к сожалению, надо признаться, что известие о паломничестве Стэда⁴ на меня (Ник<олая> Фед<оровича>) не произвело хорошего впечатления; в пояснение этого будет прислана Вам беседа на наступающий новый год, где говорится о партии гордецов, не дающих себе труда подумать о причинах царствующего в мире взаимного истребления, а также и о бесплодности сходок, всякого рода демонстраций, манифестаций, агитаций, т. е. употребления насилия, хотя бы и нравственного только, для дела умиротворения. Такие действия нельзя сравнивать с общими молениями или адресами, челобитными к верховной власти. Есть два рода содействия умиротворению, последнее — мирное, а первое — воинственное. Допустим, что две паломнические экспедиции из двух Британий, европейской и американской (т. е. из Соединен<ных> Штатов), придут в Петербург и своими криками о мире так повлияют на конференцию⁵, что члены ее единогласно постановят полное разоружение, т. е. распушение всех солдат и моряков в чистую отставку; не скажут ли тогда все правительства, не исключая и России, что послы превысили власть? Эти два снежные кома, вышедшие из Англии и Американских Штатов, прокатившись по Америке и всей Европе, дойдя до Петербурга, вырастут в огромные лавины и, обрушившись на конференцию, могут вынудить ее к чему угодно. И надо думать, что эти люди, страдающие ревностью не по разуму, смотрят на солдат (подобно Вашкевичу⁶) как на свору дрессированных собак; действуют они, очевидно, по чувству, по страсти, а не по разуму, действуют, не думая, даже не зная, что все существующее имеет свои причины, и нужно действовать на причины, а не <на> следствия. Видно, что Стэд — из страны, где господствуют говорильни (парламенты), превратившиеся ныне в кричальни, бранильни, в смеяльни, в места драк; не возвращение ли это опять к кулачному праву, как несомненно возвратились мы ныне к той эпохе, когда ежеминутно ожидалось нашествие неприятеля. Стэд — журналист, твердо верящий, что агитация всемогуща, что агитацией можно сделать все, потому что все зло, по их<, журналистов,> мнению, зависит только от нежелания власти и вообще людей делать добро, зависит от нежелания лишь, а не от тех условий, в которые поставлена деятельность человеческая, вынуждающих людей делать зло, которого они не хотят; они не хотят знать, что только изменение этих условий сделает иную и самую деятельность человеческую. Это-то и доказывает трезвость проекта, требующего чрез всеобщее-обязательное образование дать оружие иное лишь употребление, требующего не сейчасного разоружения, а лишь и такого употребления оружия, которое, развиваясь, несомненно приведет к миру и больше, чем к миру, а между тем этот проект не кричит «долгой оружие» и держащих оружие не только не дерзает считать сворой собак, но считает их не хуже всех других, а даже лучше многих, не усваивает себе презрительного к ним отношения, думая, что может приказать им бросить оружие.

Воронежский Музей хотел бы тоже откликнуться на призыв к умиротворению, как бы следовало назвать циркуляр 12 августа, окрещенный русскою и иностранною прессою именем — «разоружение». Вопрос об умиротворении имеет божественное происхождение, родина его Палестина, день его рождения есть день Рождества Христова, поэтому выставку и нужно сделать к Р<ождеству> Х<ристову>⁷; а Вы посетили весною настоящего года эти святые места и, конечно, не с тою целью, с какою был там осенью Черный Царь, враг мира и друг войны⁸; Вы были в городе мира (Иерусалиме) и, вероятно, привезли масличную ветвь с Елеонской горы, помянули у Гроба Спасителя собирателей и умиротворителей Русской земли, вывезли коллекцию видов замечательных мест Палестины, которую Вы и обещали выслать по письму Зверева⁹; но мы обращаемся к Вам с другой просьбой: Вы, видевший столько картин, картинных галерей, выставок, не можете ли указать, а еще лучше подобрать для выставки гравюры картин, которые относились бы к делу умиротворения, к делу мира. Впрочем, мы понимаем всю трудность и даже невозможность выполнения нашей просьбы; но желание содействовать всеми мирными способами делу мира заставляет нас обращаться с этою просьбою и к Вам, и к Вашему родственнику-художнику, и к другим знакомым Вам художникам в надежде, не выйдет ли что-нибудь из этого; может быть, самая невозможность нам кажется по нашему незнакомству с произведениями живописи. Нельзя ли попросить у Ю. П. Бартенева издание описания нового Кремлевского памятника?¹⁰

Если Вы не получили письма нашего последнего большого, в котором объяснено, почему нельзя читать Жуковскому статьи о памятнике Алекс<андру> III-му без прочтения статьи о памятнике Алекс<андру> II-му, мы стараемся восстановить это письмо¹¹.

Николай Федорович свидетельствует свое глубокое почтение Вам, Вашей мамаше, гг. Северовым, Надежде Степановне и Ю. П. Бартеньевым, И. М. Ивакину.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный

Н. Петерсон

8 декабря 1898 г.

Простите за небрежность письма. Переписывать решительно нет времени.

167.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Ваш ответ, что «стихотворение „Жить или не жить” будет напечатано в одной из следующих* книжек „Русск<ого> Вестника”»¹, я оценил надлежащим

* Заметьте, не из ближайших, что тоже было бы хорошо, а из *следующих* — это просто великолепно!

образом. Просьбу об окончании стихотворения «Кремль»² беру назад. Проповедь отца Зверева³, если была написана и произнесена, то будет напечатана в одной из следующих книжек какого-нибудь из духовных журналов и газет. О почтительном или непочтительном отношении к моим мыслям Юрия Петровича мне нет никакого дела⁴, и я решительно не могу понять, для чего Вы об этом пишете мне. О Вашем же непочтительном отношении к моим мыслям я окончательно убедился, получив письмо (от 1-го дек<абря>) от одного из сотрудников английского «Revue des Revues», живущего в Москве⁵. Я всегда думал, что Вы очень опасаетесь быть заподозренным в сочувственном отношении к моим мыслям, теперь в этом сомнения быть не может, да и дурного тут нет ничего. Вы имели право сделать перевод статьи о разоружении и послать от себя, как переводчика, к Стэду, но по какому праву Вы указали на меня как на автора статьи, этого я понять не могу. Препровождая к Вам письмо г. Роберта Лонга, прошу Вас передать ему, что я никаких сообщений к г. Стэду не посылал. Сделать это Вы обязаны, но можете заявить, что Вы не разделяете мнений, выраженных в этой заметке о разоружении, а послали ее как курьезную.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Вашей мамаше и гг. Северовым.

Глубокоуважающий и преданный

Н. Федоров.

10 декабря
1898

168.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Между 11 и 17 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Прежде всего надо повидаться с Лонгом и узнать, что ему хочется узнать¹. Многое, по всей вероятности, Вы и сами ему разъясните; относительно же того, что Вы не решитесь разъяснить сами, сообщите сюда, и тотчас же получите ответ. Если, по болезни, личное свидание с Лонгом для Вас невозможно, то не напишете ли ему и не спросите ли его письменно разъяснения, чего ему нужно². Вы можете беседовать с ним как переводчик статьи, а относительно автора статьи можно сказать, что его в Москве нет, что он и не объясняется по-английски и не желает быть известным. До получения вопросов от мистера Лонга мудро догадаться, что ему нужно.

Поэтому просим Вас поспешить войти в сношение с Лонгом, — ведь он может и уехать из Москвы. Интересно знать, как они смотрят на посланную им статью и на письмо, при котором послана статья; во всяком случае видно, что они эту статью еще не поместили³. Интересно самого мистера Лонга расспросить, а все сведения, которые ему нужны, тотчас же будут доставлены.

По-видимому, можно бы послать мистеру Лонгу статью *о Титуле*⁴ или об умиротворении, писанную еще в 1895 г., с добавлением, что все сказанное в ней о России по отношению к континенту и его умиротворению относится и к Анг-

лии, и к Американским Штатам относительно умиротворения на океанах. Все присоединения, делаемые Англиею в Океании и Африке, нас радуют, как расширение области знания, из коего может возникнуть воздействие на землю как на одно целое⁵, когда умиротворение состоится. Радуемся этому как приближению эры мира, или — точнее — эры союза против слепой смертоносной силы природы. И нас даже очень огорчило, когда разнесся слух, к счастью ложный, что Америка отказывается от Филиппин⁶; это нас столько же огорчило, сколько обрадовало известие при самом начале войны, что американцы уже за Великим Океаном. В этом гигантском шаге мы видели уже слияние каналами двух океанов и замкнутые круги телеграфных проволок около земной планеты, как естественного магнита... Но нас глубоко огорчает хамское отношение к великому старцу Китаю⁷. (Это из новой статьи — «Эра мира или геджира войны»⁸.)

Надобно сказать также Лонгу, что статья 14 октября⁹ была написана гораздо раньше августа месяца, — она была уже готова на Пасху и только немного после этого добавлена.

Статью о титуле, которая была помещена в № 7-м «Русского Архива» за 1895-й год, не можем послать за неимением лишнего под руками экземпляра, не найдете ли Вы в Москве?.. Но прежде, чем давать ее мистеру Лонгу, надо внимательно прочесть и поправить знаки, особенно в том месте, где говорится об Урарту — Армении, которая задерживала падение царства Израильского и способствовала падению царства Иудейского, — так надо по смыслу, знаки же расставлены так, что ничего разобрать нельзя.

Николай Федорович свидетельствует свое глубочайшее почтение Вашей мамаше, гг. Северовым, он, я и жена моя также и Вам. Простите, тороплюсь. Дай Бог успеха в сношениях с Лонгом. Всею душою преданный и глубоко уважающий Н. Петерсон.

169.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Между 17 и 19 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Я не знаю, что именно нужно Стэду или Лонгу¹, но если им нужно знать только об умиротворении, то и об этом есть почти во всех статьях, напечатанных в нынешнем году в Воронеже *задолго до 12-го августа*, но с неизбежным присоединением к умиротворению, или объединению, самого дела, для которого только оно и нужно. Особенно говорилось об умиротворении в статье «Воронежский Музей в 1998-м году»; говорилось о нем и в статье «О Титуле» и даже в коротенькой заметке о Баженовском Кремле («Русское Слово». 1-е октября 1897 г.); но главным образом говорится об этом в предисловии (в письме к редактору) к письму Достоевского². *Но можно ли будет познакомить Лонга с этим предисловием к письму Достоевского, судить об этом можете только Вы, после переговоров с Лонгом.* На Ваше же требование сказать об умиротворении в связи с общим смыслом учения нужно отвечать, что об умиротворении

и нельзя даже говорить без связи с общим смыслом учения, т. е. умиротворение нельзя отделять от воскрешения не только по нравственной, но и по физической необходимости. В следующем, самом кратком определении задачи Конференции заключается все учение³:

Конференция, стоящая на высоте своего призвания, должна воинскую повинность, — т. е. повинность взаимного истребления, как выражение зависимости человеческого рода от слепой силы, — обратить посредством всеобщего обязательного образования, или познавания смертоносной силы природы, в нас и вне нас действующей, в повинность обращения этой слепой умерщвляющей силы в оживляющую, в повинность всеобщего возвращения жизни, т. е. воскрешения.

Такова полная, естественная, неискусственная постановка вопроса о задаче Конференции мира, или, вернее, союза против слепой силы природы, как основной, коренной причины раздора, частным случаем которого и является война. Следовательно, экспертами в этом деле не могут быть лишь дипломаты, юристы, экономисты, а должны быть представители всех знаний, только бы суеверия и предрассудки XIX века они не переносили в это дело, дело будущего века, в дело примирения чрез возвращение жизни умерщвленным, на которое XIX век смотрит чисто по-ребячески, думая, что можно уничтожить войну, не устранив причин вражды, причин в высшей степени законных.

Задача конференции прежде всего состоит в возвращении к старой, народной, священной воинской повинности, которая защищала землю как прах отцов, как Кремли, или кладбища; тогда как новый, секуляризованный милитаризм под землю, которую он призван защищать, понимает богатства, в ней (золото, серебро, камен<ный> уголь) и на ней находящиеся, т. е. фабрики, заводы, магазины и пр. Конечно, для нашего времени глупо защищать прах отцов; но защищавшие его имели в виду, что прах этот имеет восстать; только при этом пояснении защита праха отцов становится понятною и священной обязанностью. К сожалению, этих пояснений нужно слишком много, так как приходится излагать в самом кратком виде, так что, может быть, многое будет и непонятно, а если хотите понять, то надо приехать в Воронеж, потому что излагаемое здесь есть сокращение многих статей. Оговорившись, продолжаем...

При всеобщем умиротворении в защите праха отцов нужды уже не будет, и тогда защита, или силы, тратившиеся на эту защиту, будут обращаться на дело оживления посредством присущей всем людям, т. е. сынам человеческим, как разумным существам, способности познавания, которая не проявлялась в оживлении только по причине разъединения и вражды. Самое примирение, т. е. объединение, совершается ради оживления, или воскрешения. Говорить же о примирении (т. е. об уничтожении силы, проявляющейся в раздорах), о примирении без оживления, значит забывать, что человек ни уничтожить, ни создать ничего не может, а может лишь превращать и воссоздавать. Промышленность же, которая есть искусственное, мертвое воспроизведение тканей и органов человеческого тела (т. е. подделка), ни нравственно, ни физически не может быть эквивалентным замещением действительного разрушения жизни; т. е. война, как и всякая борьба, действительно лишает жизни, а промышленность,

хотя бы присоединить к ней и все искусство, недействительно воспроизводит жизнь; а между тем из торгово-промышленных интересов ведутся войны и вводится всеобщая воинская повинность. Когда говорят, что ради непроизводительного милитаризма физические и духовные силы отвлекаются от естественного назначения, разумея под естественным назначением фабричную промышленность, впадают в страшную ошибку, потому что фабричная промышленность, дающая своим произведениям соблазнительную наружность, возбуждает вражду, и чем соблазнительнее наружность фабричных произведений, тем они враждебнее. Естественному назначению более соответствует кустарная, зимняя промышленность, от земледелия не отвлекающаяся, произведения которой с лилиями не состязаются, не обманывают и войн не вызывают (но действительно естественной промышленности, или искусству, положено лишь слабое начало в гистотерапии и органотерапии). Поэтому Задача Конференции заключается в том, чтобы сделать милитаризм производительным, употребляя его для регуляции, которая не только земледелие избавит или должна избавить от неурожая, но и кустарной промышленности окажет могучее содействие против фабричной.

(Продолжение в след<ующем> письме.)

Получили Вы письмо, в котором говорилось о выставке⁴, и что Вы об этом думаете; если приехали бы, то большое оказали бы содействие и устройству выставки, и обработке статей, которые имеются, — предварительно, впрочем, побывав и переговорив с Лонгом. По-видимому статья напечатана не была⁵, но будет ли напечатана и почему не печатается?!..

При сем прилагается статейка «31-я годовщина воронежского Окружного Суда»⁶, в которой тоже говорится об умиротворении и об участии в нем суда; если бы возможно было перепечатать ее где-либо, или только упомянуть, указать на нее было бы очень хорошо, — в особенности развив мысль, заключающуюся в статье.

Затем Никол<ай> Федорович посылает Вам пенсионную книжку и просит не присылать собственных денег, а *именно* получить из Казначейства деньги, которые там. Деньги у него еще есть, как он говорит, и самое тяжелое для него это идти в Казначейство, бесконечно ждать там и обращаться к чиновникам за получением денег, — он просит избавить его именно от этой необходимости. Начав об этом, позволю себе признаться и в следующем под строжайшим секретом от кого бы то ни было и особенно от Никол<ая> Федоров<ича>, который, к сожалению, так скор на гнев, единственный, кажется, его недостаток, происходящий от бесконечно большой любви; должен признаться, что обманываю Никол<ая> Федоровича, — плачу дороже за стол и квартиру, чем он думает и платит; весною вместо 4 рублей за квартиру без мебели я платил 6 руб. и кроме того купил диван и т. п., и во время пребывания Ник<олая> Федор<овича> истратил на него рублей 15-ть, мысленно вычитая эти деньги из долга, который Вы имеете за мной. Теперь же дело несколько затруднительнее, теперь я ему сказал, что квартира 5 р. 50 к., а плачу за нее — 7 р. (приплачиваю 1 р. 50 к.), стол 4 р. — приплачиваю 3 р. 50 к., так что приходится приплачивать по пяти [конец листа, следующий лист утрачен.]

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
19 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Прежде чем продолжать о задачах Конференции, необходимо сказать следующее: в прошлом письме говорилось о статье «Воронежский Музей в 1998 г.». Вы читали эту статью до 12-го августа; прочтите ее теперь, и Вы увидите, что она ближе к делу Конференции, чем статья «Разоружение» в «Новом Времени», поэтому очень бы хорошо было прочитать эту статью мистеру Лонгу¹, но именно надо *прочитать* ему эту статью, пропустив все, что имеет местное значение, — поэтому именно *самому* Лонгу в руки эту статью давать не следует. Вероятно, и самому Лонгу будет приятно, если Вы вызоветесь прочитать ему статью, потому что это будет для него интересный и даровой урок русского языка, для изучения которого он и живет в Москве. — Теперь продолжается прошлое письмо²:

Вышеприведенное определение *дела* или задачи Конференции мира (Гагской) есть лишь приложение закона, свойственного разумным существам, по которому всякая деятельность превращается в исследование природы, в нас и вне нас действующей, от которой мы находимся в полной зависимости*. — И военное дело состоит не в борьбе лишь с себе подобными, но и в борьбе со слепую, стихийною силою, и именно в этой последней области открывается для военного дела обширное поприще. Приложение вышеозначенного закона, — состоящего в обращении всякой деятельности в исследование, — ко всему военному делу избавит Конференцию от принятия произвольных мер. Так, по какому праву Конференция могла бы наложить (как кто-то предлагал) запрет на исследование взрывчатых веществ; тогда как исследование действия на атмосферные явления этих веществ не только совершенно законно, но и обязательно! Циркулярная нота (12 августа 1898 г.), сзывающая Конференцию для изыскания способов сохранения мира и облегчения от тягостей вооруженного мира, не должна предупреждать эти изыскания указанием на сокращение вооружений, как на способ облегчения, потому что тех же результатов, т. е. облегчения, можно достигнуть и чрез расширение воинской повинности; при расширении воинской повинности до возможно полной всеобщности, в мирное время люди не будут отвлекаемы ни от семей, ни от земли, которую обрабатывают, а лишь в свободное от полевых работ время будут собираемы в ротные, батальонные, полковые штабы, которые будут совпадать с гражданско-административными учреждениями. Тогда и содержание таких войск не будет стоить громадных сумм, как ныне. Улучшенные же при этом пути сообщения, необходимые для быстрого сбора войск, не могут считаться непроизводительными тратами, — пути сообщения и так необходимы.

* Этот закон есть совершенная противоположность прогрессу, который есть, как движение бессознательное, само собою происходящее, приложение закона слепой природы, слепой силы природы, к разумному существу.

Затем очень интересно знать, что такое этот мистер Лонг? Статьи его, которые Вы встречали, какого содержания, — юридические, экономические, естественные или какие?!..

Что за странный контраст между заграницею и Россиюю в отношении Циркуляра об умиротворении! За границей доходят до Бог знает чего, составляют митинги, комиссии, — Стэд не единственный устроитель агитации...³ У нас же полнейшее равнодушие, можно сказать летаргия! — Мы читали одну проповедь на день тезоименитства Государя Императора⁴; в этой проповеди исчисляются все благодеяния его: пожертвования на голодающих, поддержка церковно-приходских школ и проч., а о циркуляре об умиротворении ни слова!.. Что это такое? Вся ли уже Россия поражена летаргиею или только некоторые лишь органы?!.. Ваш опрос⁵, очень короткий, по-видимому, свидетельствует, что народ относится к циркуляру живее, чем наша интеллигенция... Кстати, и наша проповедь была произнесена 6-го декабря, но не в Воронеже, а в пригородной слободе «Придаче», произнесена учеником VI-го класса Семинарии⁶ с некоторыми изменениями, незначительными, впрочем. Будет ли напечатана, еще не знаем. Есть и еще две проповеди — на Рождество Христово, специально приспособленная к кадетскому корпусу, и на новый год...⁷ Вот до какого безумия дошли: сочиняются проповеди, которые никогда, может быть, и произнесены не будут. Почти каждый день пишем Вам, и все еще остается много не сказанного; поэтому-то и необходимо личное свидание; но нам пути к Вам заказаны, потому что крылья связаны.

171.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
20 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Указание на статью о титуле¹ было сделано по следующему обстоятельству: в № «Нового Времени» от 8 декабря (Внешние известия) приводится выписка из статьи Стэда, в которой он начинает вопрос об умиротворении в обширном смысле с деда нынешнего Государя²; а между тем этот вопрос был начат еще Александром I-м (Священный союз — тоже вопрос о мире³), братом прадеда нынешнего Государя, так что это вопрос династический в противоположность Пруссии, для которой теория огня и меча, к сожалению, есть также династическая. Статья же, напечатанная еще за несколько лет до 12 августа 1898 г., — смысл всей Русской Истории видит в умиротворении, или объединении; говорим о статье «Еще о титуле». Сообщать статью о титуле необходимо с таким предисловием.

Затем весьма было бы желательно знать, что именно поручено Стэдом мистеру Лонгу узнать от автора статьи 14 октября. Если ему поручено войти в сношение, то ради чего-либо, и не может ли мистер Лонг показать самое письмо Стэда, в котором он делает ему поручение⁴, так как, не читая самой статьи, мистер Лонг едва ли мог надлежащим образом и формулировать то, что Стэд желает

знать от автора статьи. Самое лучшее, конечно, если бы Лонг разрешил выписать из письма Стэда то, что относится до статьи «Нового Времени» и автора ее...

В сущности говоря, те основания, которые со слов Лонга в начале Вашего письма Вы приводите к ненапечатанию посланной к Стэду статьи⁵, к ней не относятся, статья эта никаких разоблачений не делает, и есть мнение одного или нескольких лиц, необязательное ни для кого, не исключая и Стэда, если бы даже он и поместил статью в своем журнале. Впрочем, после беседы с Вами и сам Лонг пришел, кажется, к убеждению, что статья может быть напечатана; а если он прочтет ее, и притом с Вашими объяснениями, он еще более укрепитесь в мысли, что статья не только может, но должна быть напечатана. Прочтя самую статью, он, вероятно, поймет и то, что требуется не сокращение, а именно расширение воинской повинности на всех без всяких исключений, причем она, <воинская повинность,> и теряет свой специальный характер, так что путем расширения военной повинности мы и придем к уничтожению того, что называется милитаризмом.

Из полученных уже Вами писем Вы увидите, что мы просим Вас, если возможно будет, познакомить Лонга с статьями — «Воронежский музей 1998 г.» (напечатана в июне настоящего года в газ<ете> «Дон») и с предисловием к письму Достоевского; но эти статьи необходимо не давать, а прочитать Лонгу, потому что из первой статьи надо многое выпустить. Прочитав статьи, Вы дадите Лонгу два бесплатных урока русского языка, за которые он, конечно, будет Вам очень благодарен.

Теперь следовало бы продолжать предыдущие два письма *о Конференции*⁶, теперь следовало бы говорить об обращении нынешней, которую можно назвать городской, воинской повинности в сельскую, или об обращении города в могучее село, но об этом в следующем письме.

В заключение, опять повторим свою просьбу, если это Вас, конечно, не стеснит, приехать в Воронеж. Просим об этом потому без стеснения, что Вы, собственно, любите путешествовать; личное же свидание с Вами дало бы возможность и Вас спросить о многом, и многое сообщить.

Николай Федорович свидетельствует свое глубокое почтение Вам, Вашей мамаше, гг. Северовым, Надежде Степановне и Ю. П. Бартеневым и И. М. Ивакину.

Глубоко Вас уважающий и всюю душею Вам преданный Н. Петерсон.

20-го декабря

1898 года.

Г. Воронеж.

172.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Не получая от Вас давно писем, мы думаем, не опасаетесь ли Вы сообщить голую истину; но говоря о конференции, стоящей на высоте своего призывания, мы никак не думали, что предстоящая конференция может достигнуть

этой высоты, ведь это значит рассчитывать на то, что члены конференции будут свободны от суеверий и предрассудков как нового, так и средневекового времени. Мы не думали, чтобы и Лонг, и Стэд могли бы согласиться с тою задачею, которая должна бы быть поставлена Конференции об умиротворении¹ и которая заключается в обращении воинской повинности чрез всеобщее обязательное образование в повинность воскрешения. Поэтому мы уже готовы услышать от них самое худшее, но нам необходимо знать настоящее их мнение, потому что если они не могут согласиться на такую постановку Конференции, как это следует по существу ее, то они легко убедятся в невозможности умиротворения без замены действительного умерщвления действительным оживлением, ибо, умерщвляя действительно, человек в виде всей промышленности и всего искусства дает изображение, образ лишь жизни, а не действительную жизнь. Можно ли, однако, согласиться на то, что человек предназначен действительно умерщвлять и только мнимо, недействительно восстанавливать жизнь, и даже отвергать всякие попытки к объединению для действительного оживления, т. е. для такой цели, которая, казалось бы, есть самая естественная и необходимая, ибо давать взамен убитого портрет или статую, облеченную в самые лучшие одежды, вооруженную всеми искусственными органами, — разве это эквивалентное замещение убитого, если бы и поставить эту статую даже под свод, т. е. под искусственное небо и проч. Убедясь же в невозможности разоружения, или сокращения вооружений при настоящем положении, легко могут согласиться на то, чтобы Конференция, или совокупность представителей всех государств, приняла бы обязательство ввести всеобщее обязательное образование, как средство осуществления всеобщего умиротворения. Такая задача, если бы и не была принята — и даже наверное не будет принята — Конференциею, то встретила бы, во всяком случае, сочувствие в обществе, в особенности в нашем обществе, которое верит во всемогущество образования, хотя оно этого всемогущества вовсе не имеет. Конференция, если она действительно имеет целью умиротворение, должна начаться принятием представителями всех государств — вместе с призывом всех к защите — и обязанности дать образование *всем* без исключения, т. е. призвать *всех*, как наделенных разумом, к познанию не имеющей разума силы природы, которая притом и ставит всех нас во враждебные друг к другу отношения и именно чрез промышленность и торговлю, конечно, городскую, крупную, а не чрез кустарную, сельскую, т. е. мелкую.

Можно бы познакомить Лонга с *началом* и *концом* статьи о Каразине, напечатанной в «Русском Архиве» за 1892 г. № 5-м, *кажется*².

Кстати, не спросите ли Лонга, было ли в Англии что-либо подобное нашим обыденным церквям?

Посылаем Вам объявление о предстоящей выставке в Воронеже, из которого Вы увидите, что альбом к Кремлевскому памятнику Александра II-го мы просили не для себя, а для выставки. Жаль только, что в этом объявлении не упомянут и Ю. П. Бартнев³; но это не по нашей вине, а по торопливости Зверева, с которым приходится видеться и редко, и все только наскоро. Если Вы подумали, что альбом к памятнику Александра II-го нужен для восстановления погибшей в редакции «Московских Ведомостей» статьи⁴, то это Вы ошиблись,

и в письмах наших этого не было. Не погибла бы и заметка о памятнике Александру III-му, которой от Ю. П. Бартенева еще не получили⁵.

Посылаемая вырезка есть некоторое приглашение посетить выставку, посетить Музей. Хотя на выставке будет то, что Вам известно хорошо, но Музея Вы все-таки не видали; главным образом дело будет заключаться в том смысле, который желательно придать выставке⁶, и Ваш приезд помог бы весьма осуществлению этого желания. Целая комната будет отведена памятнику Александра II-го и трем Римам; очень бы нужно было храм Петра в Риме (в большом виде) и Успенский собор⁷, — кажется, есть новое издание Родионова, очень бы хорошо его иметь *на время* лишь выставки, а не покупать ни в каком случае.

Николай Федорович свидетельствует Вам, Вашей мамаше, гг. Северовым, Надежде Степановне, Ю. П. и П. И. Бартеновым, И. М. Ивакину свое глубокое почтение и поздравляет с праздником Рождества Христова, с праздником мира.

И я с своей стороны приношу поздравление с великим праздником Вам, Петру Ивановичу, Юрию Петровичу Бартеновым и Ивану Михайловичу Ивакину. Н<иколай> Ф<едорович> просит Вас еще раз поблагодарить И. М. Ивакина за присылку видов для Л. Г. Соловьева и напомнить ему об обещании сделать фотографический снимок с Музея со статуею наверху⁸, который находится у Щукина⁹.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный

Н. Петерсон.

1898 года

24 декабря.

P.S. На выставке, между прочим, будет пятьдесят номеров изображений Рождества Христова.

173.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 декабря 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Прежде всего Николай Федорович благодарит Вас за радостную весть и благодарит за то, что нерадостные вести Вы сообщаете ему не непосредственно; благодарит за избавление от неприятности получения пенсии из Казначейства¹, а относительно новой книжки заботиться не предстоит надобности, — при помощи Бушеры² Н<иколай> Ф<едорович> получил уже книжку и на новый год.

Никол<ай> Федор<ович> находит необходимым познакомить Лонга с содержанием последнего к Вам письма³, в котором говорится о принятии всеми государствами, участвующими в конференции, обязательства ввести у себя всеобщее образование, в котором наглядное преподавание соединено было бы с наблюдениями и опытом повсеместными, т. е. чтобы образование было соединено с расширением самого знания, без чего образование не имеет значения, — и таким образом наука сделалась бы выводом из наблюдений не кое-где, кое-

когда и кое-кем сделанных, наука стала бы выводом из наблюдений, делаемых постоянно, повсеместно и по общему плану, производимых везде, всегда и всеми; этим путем и войско, в которое должны быть обращены целые народы без всяких исключений, сделается естествоиспытательною силою. Принятие обязательства ввести всеобщее образование в связи с расширением самого знания, казалось бы, не может встретить в наше время никакого возражения, тем более, что принятие такого обязательства конференциею не помешает ей принять и другие, как установление Божьего мира, обязательства не усиливать вооружений на несколько лет, делать предупреждения, в случае необходимости объявить войну и т. п., хотя все эти, в сущности незначительные, обязательства встретят значительные препятствия. Так, прежде всего, принятие их требует непременно полного единогласия, так что несогласие одного лишь голоса сорвет весь сейм (или конференцию о мире), как это говорилось в старину. И этот голос уже есть, — Германия рассчитала усиление своих вооружений уже на большее число лет, чем Стэд требует для Божьего мира. А что будет делать Россия, если Англия объявит войну Франции, — откажется ли она от дела умиротворения или окажется ненадежным союзником, в чем ее уже и обвиняли по делу о Фашоде⁴. И таких вопросов, по всей вероятности, окажется множество; тогда как вопрос о принятии на себя обязательства всеобщего образования с производством тех опытов, о которых говорится в статье «Нового Времени»⁵ и которые ведут к расширению самой области знания, — принятие на себя такого обязательства вынуждало бы не только к миру, но и к всеобщему союзу, т. е. принятие такого обязательства и было бы союзом всех народов для обеспечения себя от голода, язвы и т. д., полагая, что такое знание, такое зоркое наблюдение за всеми явлениями должно раскрыть причины и неурожаев, и моровых поветрий и пр. Конечно, в статье «Нового Времени» говорится об этом весьма недостаточно, и теперь готовится новая статья о задачах Конференции о мире⁶, или, точнее, о союзе.

Николай Федорович свидетельствует Вам, Вашей мамаше, гг. Северовым, Бартеневым, Ивакину свое глубокое почтение и ждет от Вас дальнейших известий о сношениях с Лонгом, и особенно благодарит за поспешность, с которою Вы постарались изгладить неприятное впечатление от известия в письме от 23 декабря письмом от 24 декабря⁷, т. е. тотчас же, на другой же день.

Примите и от меня глубочайшую благодарность за добрую весть, предвещающую и еще более добрые вести, которых и ждем с большим нетерпением.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный Н. Петерсон.

28 декабря 1898 года.

P.S. Перепишем и пришлем Вам три проповеди⁸, которые должны понравиться Стэду уже потому, что он может смотреть на них как на агитацию в пользу мира.

174.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Начало января 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Честь имеем поздравить Вас с наступившим новым годом и от всего сердца желаем Вам и всем близким Вам доброго здоровья и возможного благополучия.

Статью о титуле следовало бы, конечно, дать Лонгу¹; но англичане эту статью примут за оправдание, за идеализацию, за апофеоз агрессивной политики, и не вполне будут неправы. Но мы уже писали Вам, что радуемся агрессивной политике и самой Англии, насколько эта политика касается морей и океанов и если она будет связана с расширением знания, систематическим исследованием захваченных местностей², т. е. с устройством в таких местах обсерваторий, научных разного рода станций, словом — всенаучного музея. Было бы особенно интересно, если бы Вы поподробнее изложили возражения Лонга. Что собственно разумел Лонг под общеобразовательным значением войска, отделяя его от воспитательного? Если он разумел под этим — расширение самого знания, т. е. обращение войска в познавательную, естествоиспытательную силу, то сокращение войска, воинской повинности, в числе ли, или же во времени службы, будет умалять значение войска в этом отношении. При действительной всеобщности воинской повинности, каждый новорожденный тотчас же призывается на службу, каждая акушерка есть член приемной комиссии, всякий новорожденный становится предметом исследования и попечения научного; исследование каждого призываемого на службу, — что в настоящее время делается в несколько минут, в полчаса, много час, — расширяется на целый курс, начинающийся с самого момента рождения, и по мере возраста призываемого, по мере того как он входит в разум, призываемый из пассивного предмета исследования становится активным и сам принимает участие в исследовании и себя, и всего окружающего. Все сказанное есть не что иное, как приложение закона, необходимо свойственного разумным существам, закона, по которому всякая деятельность должна превращаться в исследование, ведущее к тому, чтобы все стало предметом знания и все познающими. Регуляция всего, что происходит в настоящее время слепо, регуляция слепой силы, в нас и вне нас действующей, и будет результатом приложения вышесказанного закона. Этот же закон всеобщего исследования в статье «XXXI-я годовщина Воронеж-

ского Окружного Суда» был применен к Окружному Суду, как он должен быть применен и ко всем возможным учреждениям, низшим и высшим, в видах умиротворения. Конечно, о сейчасности тут и речи быть не может; однако невозможности в предлагаемом, очевидно, нет, а трудности велики; для начала же предлагается самый незначительный шаг, только введение тех наблюдений и опытов (особенно с орудием рекогносцировок, т. е. с Каразинским аппаратом), о которых говорится в статье «Разоружение». Согласиться представителям держав, участвующих в конференции, принять на себя взаимные обязательства ввести в войска всех этих держав такие наблюдения и опыты, казалось бы, нетрудно, если только Конференция не захочет ограничиться одним *Божьим миром*, т. е. остаться совершенно бесплодною. Стэд, приглашая к установлению Божьего мира, т. е. того, что было во времена средневекового варварства, когда была война всех против всех, — высказал, очевидно сам того не сознавая, ту страшную истину, что мы опять пришли в то самое состояние, при котором нет ни одного места, безопасного от ужасов войны, и ужасы эти могут нагрянуть повсюду с быстротою парового или даже электрического поезда (можно сказать — полета). Об этом состоянии имеется особая статья под заглавием «Военная Эволюция»³. Мы пришли в такое состояние, при котором требуется хотя короткое и непрочное перемирие, но называть это перемирие *Божьим* не есть ли оскорбление Бога, не явное ли это нарушение 3-й заповеди?!...⁴

Приносим Вам глубокую благодарность за Вашу возню с Лонгом, которая не ~~может~~ ~~быть~~ особенно приятной. Если Вы дали Лонгу статью Чистякова⁵, то нельзя ли спросить его, — в истории их полков упоминается ли о мирных подвигах войск?..

Никол<ай> Федорович просит Вас передать его поклоны и поздравления с новым годом, а также пожелания всего лучшего Вашей мамаше, гг. Северовым, Бартечевым, Ивакину.

Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный

Н. Петерсон

175.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 января 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Ничего удручающего в известиях, Вами сообщенных, я не нахожу. Из Вашего письма видно, какую кремацию производят новоизобретенные орудия¹, но еще не известно, какое действие производят эти орудия на другие явления. Пруссия несомненно желает зла, изобретая такие орудия, но почему бы России не сделать попытки обратить это зло в добро!

Говорить с народом о воздействии на природу нужно, мне кажется, не словом, а делом. Дать, напр<имер>, дождь в бездожде. Если же говорить словом, то словом Божиим. В *обладании землею* дано нам от Бога *дело*. А мы *обладание землею* заменили взаимным поеданием. Поедом едим друг друга и не в войне лишь, но и в мире. — Это последнее, если и не Божие, то народное сло-

во, в коем слышно, однако, что-то Божие — «*Заповедь же обладайте*, — как объясняет Властов, — по мнению некоторых толкователей, указывает на *постоянное овладение силами природы посредством изучения ее законов*»².

Если народ равнодушен к сокращению вооружений, то, следовательно, они — еще не тяжелы и их можно расширить, что еще более облегчит народ, как об этом было писано. Больше всего нужно бояться *удачи* конференции, т. е. сокращения, которое, будучи исполнено лишь Россией, сделает ее жертвою бессовестного Запада.

Уж не полагаете ли Вы, восхваляя агитацию, что Россия не вооружается благодаря лишь агитации Стэда и что достаточно его появления в Германии, чтобы прекратились вооружения!

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Вашей мамаше и гг. Северовым, Надежде Степановне и Юрию Петровичу³. Не могу понять, для чего он удерживает записку о памятнике Алексан<дру> III-му⁴, *переполненную противоречиями*. Между прочим напомните ему и о рукописи «О Св. Троице и полн<ом> знании»⁵. Очень Вам благодарен за все Ваши хлопоты с мистером Лонгом.

Не потому ли не доходят до Вас письма Лонга, что он неверно пишет Ваш адрес, иначе как понять, что до Вас не дошел циркуляр Стэда⁶, который наверно был послан Вам Лонгом и во второй раз.

Николай Павлович⁷ свидетельствует Вам свое глубокое почтение. Он очень занят теперь отчетами.

1899. 11 декабря⁸

Душевно Вам преданный

Н. Федоров

176.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 января 1899. Воронеж

Глубокоуважаемому и дорогому автору статьи о кремации «Любовь погибает»¹ Владимиру Александровичу.

(Дополнение к письму от 11 января)

Если не преувеличены известия о действии на трупы новоизобретенных орудий², то разницы в отношении народа к вопросу о войне и умиротворению и к вопросу о кремации *не будет*. Бездушная интеллигенция, смотрящая с гигиенической точки³, вероятно, очень возрадуется новому изобретению, а народ не придет ли в ужас от орудий, не убивающих только, но и производящих огненное погребение, которое, по народному воззрению, — ничего *неясного и смутного* в себе не заключающему, — лишает убитых не только настоящей, но и будущей жизни. Люди из народа решатся ли стрелять даже в творцов этого адского изобретения? Конференция, из интеллигентов состоящая, мнений народных не знающая и презирающая их, может и не обратить внимания на это новое усложнение вопроса о войне и мире.

Мне кажется, автору статьи «Любовь погибает» следовало бы сказать о новых пушках, которые совсем погубят любовь, потому я спешу написать, хотя

и думаю, что ничего-то Вы делать не будете⁴, а это было бы, однако, первым добром, извлеченным из немецкого зла.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Вашей мамаше и гг. Северовым.
Душевно преданный

Н. Федоров

12 января
1899 г.

P.S. Новоизобретенная пушка будет славою Пруссии и гордостью ее черного царя⁵, будет украшением Юбилейной выставки XIX-го века⁶, ибо если каждая рана будет сопровождаться горением, то битвы обратятся не в кремацию лишь трупов, но и в сожигание живых людей. Не имеет ли в виду новое изобретение действовать страхом на народ, пользуясь его убеждениями? После таких успехов в деле истребления не произойдет ли реакция?

177.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
22 января 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Николай Федорович просит Вас извинить его, что, не испросив Вашего согласия, он решается послать Вам свою пенсионную книжку и просит Вас получить его январскую пенсию; получив же, удержать и деньги, и книжку у себя, так как Никол<ай> Федор<ович> в половине февраля думает поехать в Москву, чтобы поселиться не в самой Москве, а около нее, в Подольске или Сергиевском Посаде, где из этих мест можно найти подешевле комнатку¹. Не можете ли Вы или И. М. Ивакин сделать ему в этом отношении каких-либо указаний, так как Вы знакомы с Подольском, а Иван Михайлович знаком и с Подольском, и с Сергиевым Посадом в особенности, где у него есть и знакомые, — не может ли он кому-либо из них написать по поводу комнатки для Никол<ая> Федор<овича>, который бы, приехав в Москву, где он думает пробыть не больше дня, мог бы отправиться к новому месту жительства, имея уже некоторые указания насчет будущего своего обиталища².

Никол<ай> Федор<ович> очень сожалеет, что Вы ни слова не сообщили из того, что говорил с Вами Лонг в последнее посещение; ведь Вы говорили же с ним что-нибудь. Не сказал ли он чего-либо о статейке «Еще о титуле»³ и о других, которые Вы давали ему; счел ли он нужным отправить их к Стэду или же возвратил их? Все это очень интересно знать. Если Вы опасаетесь очень огорчить Никол<ая> Федор<овича> сообщением неблагоприятных отзывов, то это напрасно, он привык уже и к невниманию и к непониманию, а знать отзывы ему необходимо, потому что отзывы эти, мало огорчая, вызывают на что-либо новое, более разъясняющее общее дело, общую задачу.

При сем прилагается листок начатого было Никол<аем> Федор<овичем> письма к Вам, которое осталось неоконченным⁴, потому что я вырвался ненадол-

го от своих служебных занятий... После написания этого Никол<ай> Федор<ович> решил не посылать Вам написанного им, чтобы не утруждать Вас разбором того, *как он выразился*, что и сам плохо разбирает, в письме же, своеобразно написанном Никол<аем> Федор<овичем>, к сведению, сообщенному Григорием Александровичем⁵, присоединялся следующий факт из статьи «Памирский поход» («Историч<еский> Вестн<ик>», 1898 г., октябрь, стр. 157-я), в которой говорится о построении укрепления на Памире и между прочим сказано, что в укреплении вместе со складом вещей, пороховым погребом находится и метеорологическая будка, как бы необходимая принадлежность этой крепостцы⁶. А затем в письме было выражено желание, чтобы Григорий Александрович указал в особом реферате на необходимость введения наблюдений в *нашей* армии при стрельбе и на маневрах, а чрез конференцию и международные договоры привлечь к таким наблюдениям и армии всех других народов. Затем Ник<олай> Федорович выражал радость, что пророчество его по отношению к Вам не исполнилось⁷; он в этом случае никак уже не последует по стопам пророка Ионы, огорчившегося неисполнению его пророчества. Никол<ай> Федор<ович> будет сожалеть, если в Вашу новую статью не вошло то, что Вы слышали по поводу кремации после напечатания статьи — «*Любовь погибает*»...

Никол<ай> Федорович свидетельствует Вам, Вашей мамаше, гг. Северовым, Н. С., Ю. П. Бартевым и И. М. Ивакину свое почтение и шлет свои поклоны.

Пользуюсь и я случаем засвидетельствовать Вам мое глубокое почтение. С нетерпением ждем появления Вашей статьи. Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный Н. Петерсон.

22 января 1899 года.

178.

Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
10 февраля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Думали поместить Вашу статью¹ в одном из Воронежских изданий, но все они оказались для нас закрытыми; сам Губернатор не находит ничего возмутительного в таких вычеркиваниях цензора, как из фразы «*царь философов Кант*» — слова *царь* и т. п.², сам Губернатор находит, что всякое упоминание о циркуляре 12-го августа нуждается в разрешении Министра Двора...

Николай Федорович теперь не совсем здоров и напишет Вам о Вашем стихотворении³ несколько поправившись, если успеет сделать это до отъезда в Москву. Я с своей стороны приношу Вам глубокую благодарность за присылку и мне этого прекрасного стихотворения; буду ждать того стихотворения, которое предполагается поместить в мартовской книжке «Русск<ого> Вестника», а также и в апрельской⁴. Кстати, Николаю Федоровичу хотелось бы знать, кто это такой А. Г., написавший «*Забывтая философия*»⁵; если Вы этого не знаете, то можете узнать чрез Георгиевского⁶, а он это должен знать.

Николай Федорович приносит Вам глубокую благодарность за присылку стихотворения и статьи, и за все Ваши о нем заботы. Он свидетельствует свое почтение и кланяется Вам и всем Вашим.

К величайшему сожалению, я последнее время совсем не помогаю Николаю Федоровичу, потому что служебные дела отнимают у меня все время.

Глубоко Вас уважающий и всюю душою Вам преданный

Н. Петерсон.

10 февраля 1899 года.

Воронеж

179.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый Николай Павлович

В письме г-жи Н. В.¹ указан следующий адрес: Острожный бугор, д. № 1-й кв. Мазуренко² для Н. В. В Воронеже она была проездом и уезжает, т. е. хотела уехать 25 февраля. Узнайте о ее местожительстве в кв<артире> Мазуренко или у Вашкевича³ и объясните им, почему я не мог исполнить желания г-жи Н.В. Я выехал из Воронежа в самый день смерти Яков<а> Федоровича Браве 15 февр<аля>, а 24 февр<аля>, в тот день, когда она прислала Вам письмо и Некролог⁴, я вместе с Вл<адимиром> Алек<сандровичем> Кож<евниковым> составили заметку в память Я<кова> Ф<едоровича> и отправили к Г. А. Джаншиеву с просьбою напечатать в «Рус<ских> Ведомостях»⁵. Письмо Ваше с письмами Энгельгардта и Н. В. было получено мною 2-го марта⁶. Я очень сожалею, что не мог видетъся с г-жою Н. В.

Письмо Энгельгардта, сухое и холодное⁷, не обещает ничего доброго. Остается ждать ответа на то, что Вы ему послали⁷.

Мой адрес: *Московская губ., Сергиев посад, Московская улица, дом Бурцева.*

Свидетельствую мое глубочайшее почтение и благодарность Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Искренне уважающий и любящий Н. Федоров

3 марта 1899 г.

180.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Благодаря только Вам, я еще вчера мог прочитать в № 8280, 17 марта, «Нового времени» статью «Военные мысли о штатском деле»¹. Это разбор, и очень дельный, статьи 14 октября «о разоружении», хотя автору В. Симонову,

конечно, неизвестно, что статья о разоружении есть лишь введение в вопрос *об обращении разрушительной силы в воссозидательную*. Этому вопросу, согласно с Вашим и С. М. Северова мнением, нужно предпослать другой вопрос, хотя решенный, но *неисследованный*. Это вопрос об условности или безусловности пророчеств² (см. пророче<ство> Иеремии XVIII, 7 и след.) о кончине или разрушении мира, который, т. е. вопрос, нужно начинать от пророчества о кончине Ниневии и кончать пророчеством о кончине Иерусалима и кончине всего мира. Если книгу пророка Ионы — первого пророка первой мировой Империи — признать, как это делает Властов, *общим вступлением в отдел пророческих книг*, но не Ветхого только, а и Нового завета³, то все сказанное против безусловности пророчества о разрушении Ниневии еще с большею силою может быть сказано о безусловности пророчества о разрушении всего мира, ибо Бог пророка Ионы есть Бог и творца Апокалипсиса. Было бы неслыханною дерзостью подумать, что Христос или ученик Его Иоанн мог бы выразить сожаление о неисполнении пророчеств о кончине мира. Вопрос о кончине мира может быть, по моему мнению, выражен следующим образом: Будет ли Кончина мира страшною катастрофою или же мирным переходом, без войн, без естественных бедствий, в мир, правимый разумным существом? Иначе сказать, останутся ли люди противниками воли Божией, как теперь, или же, *объединясь*, станут орудиями Бога в деле обращения разрушительной силы в *воссозидательную**. В этом вопросе заключается вся задача Конференции.

Вопрос об условности кончины или разрушения мира еще лучше разрешается следующими установлениями у сирохалдейцев, соединению с которыми положено начало в прошлом году⁵. Есть у сирохалдейцев праздник — один из пяти важнейших — *Среда общественного моления ниневитян*. Есть у них и трехдневный пост общественного моления ниневитян, который полагается за 20 дней до Великого Поста, т. е. недели приготовительные к посту начинаются трехдневным молением ниневитян, окончившимся спасением Ниневии от разрушения. Не подтверждает ли это установление ту мысль, что и вся четырехдесятница есть моление о спасении всего мира от разрушения. Надо еще прибавить, что в некоторых текстах книги Ионы читается вместо *трех дней 40 дней*.

В Среду общественного моления ниневитян совершается Литургия Нестория⁶, в которой есть замечательные молитвы об угнетателях: «...Испрашиваем Твоего милосердия для всех наших врагов... Не о суде или мщении молимся Тебе, Г<оспо>ди Боже, но о сострадании и спасении... ибо Ты хочешь всем людям спастися и в разум истины *идти*»⁷. На основании молитв за угнетателей можно молиться о спасении Антихриста и Чер<ного> Царя Немецкого, который, признавая безусловность кончины мира, отвергает возможность умиротворения. Очень сожалею, что в кратком письме не мог полнее и яснее изложить этот вопрос.

Сегодня, 20 марта, получил письмо от Н. Стороженка⁸. Ответ пришлю для передачи ему — Н<иколаю> Ильичу Стороженке⁹. Свидетельствую мое

* Представителями катастрофы являются черный пророк⁴ и черный Царь Вильгельм II, который стремится к всемирному обладанию, хочет быть угнетателем всего мира.

глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам¹⁰.

Любящий и уважающий Вас Н. Федоров.

Боюсь, что вы не разберете моего марания.

21 марта

1899 г.

181.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

23 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. Препровождая к Вам ответ или проект ответа на это письмо¹, полученное мною 20 марта в субботу, а посланное или в пятницу, или пятнадцатого, я прошу Вас прочитать этот ответ со вниманием, и если найдете что-нибудь прибавить или убавить, то возвратить это письмо ко мне; в противном случае, отрезав верхнюю часть письма, отправить по принадлежности в Музей к Н. И. Стороженко². К Вам послано уже 2-а письма от 19³ и 21 марта. Кланяйтесь всем Вашим.

Искренне уважающий и любящий

Н. Федоров.

182.

Н. И. СТОРОЖЕНКО

23 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый

Николай Ильич

Искренно признателен Вам и Михаилу Алексеевичу¹ за предложение принять участие в подготовительной работе для Пушкинской Выставки². Но я очень мало знаком с Пушкинскою литературою и должен сознаться, что не могу разделять такого нынешнего крайнего увлечения, которое, по-видимому, ничего не признает, кроме Поэзии, в Поэзии же знает лишь Пушкина. В виду такого болезненного увлечения, говорить нынешним Парнасцам, что существует другой вопрос, к изучению которого мог бы содействовать Музей, совершенно бесплодно³.

Не увлекаясь Пушкиным, я вполне разделяю *банальное*, как Вы называете, мнение о евреях, банальное, т. е. мнение, исходящее от тех, которые от них, от евреев, страдают. Что касается Браве, то он своею добровольною, самоотверженною деятельностью искупил невольный грех еврейского происхождения⁴. В «Русских Вестн⁵» в заметке о Браве 11 марта очевидно есть пропуски, не обозначенные точками, как бы это следовало⁵. Надеюсь, что Вы, хорошо знающий заслуги Браве для Музея, поместите в «Рус⁶ских» Вест⁶» просьбу о доставлении портрета Браве⁶, если он у кого-нибудь окажется, и такою просьбою избавите Музей от нареkania в неблагодарности, если портрета и не найдется.

Еще раз благодарю и М<ихаила> Ал<ексеевича>, и Вас за предложение; хотя я и отказываюсь от настоящего предложения, но очень желаю, чтобы нашлась такая работа, в которой и я мог бы быть полезен, несмотря на свою старость.

Готовый к услугам,
искренне уважающий

Н. Федоров.

183.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович

Вы очень порадовали меня обещанием приехать в субботу или на будущей неделе. Этот будущий приезд, как все прошедшие, и *очень* многое другое нужно отнести к самоотвержению с Вашей стороны, ничем не искупаемому с моей стороны. Вашим приездом Вы не только доставите мне величайшую радость, но и очень большую пользу. У меня уже подготовлено письмо к автору «Военных мыслей о штатском деле»¹, а также нужно написать «Об условности пророчеств о кончине мира», кратко изложенное в письме к Вам 21 марта². Это последнее письмо, а также письмо от 23 марта с ответом Стороженко³ я опустил в ящик на станции железной дороги, что, однако, как оказывается, не ускоряет отправки писем.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Сергею и Михаилу Михайловичам.

Искренно любящий и глубоко уважающий Н. Федоров.

P.S. Сейчас получил письмо от Н. П. Петерсона. «3-го марта, — говорит он в письме ко мне, — я получил частное известие (которое подтверждения еще не получило, но *по-видимому* сомнения возбуждать не может), что назначен членом Суда в Асхабад»⁴.

Письма Ваши получил и за отгиск послал Вам благодарственное письмо⁵.
24 марта
1899 г.

184.

В. Я. СИМОНОВУ

29 марта 1899. Москва

Москва¹. 29 март<a> [18]99

М<илостивый> Г<осударь>.

Выраженный в Вашей статье «Воен<ные> мысли о штат<ском> деле» доброжелательный отзыв о статье «О разоружении», отзыв даже изумительно доброжелательный, дает мне смелость представить на Ваше усмотрение некото-

рые мысли в разъяснение вопроса, Вас заинтересовавшего. Вы совершенно верно определяете сущность статьи, говоря, что она «состоит в том, чтобы тот громадный запас энергии, который с такими заботами, жертвами и денежными затратами собран в виде армии, употребить на дело»². Позволяю себе только пояснить, что под этим делом нельзя разуместь дело, которое достаточно было бы назвать «общеполезным»; дело это должно быть названо *безусловно-необходимым*, насущным, так как в нем заключается спасение от голода и болезней, т. е. смерти³. Говорить об общеполезном значит как будто еще допускать произвол в выборе дела, тогда как строгое логико-этическое требование состоит в замене истребления воссозданием⁴.

Совершенно согласен с Вами, что при тех условиях, в которых в настоящее время поставлено военное дело, нельзя ожидать большого успеха от введения предлагаемых мер⁵. Но устранение причины, препятствующей успеху, бесспорно, возможно, и Вы сами вполне верно усматриваете эту причину в образовательной неподготовке войска к сказанному делу. Требуется, следовательно, прежде всего соединить с воинскою всеобщю повинностью и всеобщее обязательное образование. И к исполнению этой важнейшей задачи именно в настоящее время и открывается прямой и широкий путь: разумеем предстоящую конференцию о сокращении вооружений. Впрочем, мы совершенно согласны со всем сказанным Вами о конференции; согласны, в частности, и с мыслью Вашею, что «общая забота всех толкующих о конференции состоит в том, как бы отечество каждого не проиграло чего-нибудь». Поэтому мы и предлагаем меру, от которой никто проиграть не может, а выиграть должны все, так как речь идет о деле безусловно всеобщем: мы предлагаем, чтобы все участвующие в конференции державы обязались ввести каждая у себя всеобщее обязательное образование в связи со всеобщю воинскою повинностью. Оттого эту последнюю мы не только не упраздняем, но даже и не сокращаем, а, наоборот, расширяем. Уже и до сих пор воинская повинность включала в себя элемент воспитательный и образовательный, как в физическом, так и в умственном и в нравственном отношениях (последнее особенно ценно при современной, столь широко распространенной нравственной разнузданности и бесхарактерности). Существующее, следовательно, в настоящее время в военной жизни в зачаточной степени требуется развить, расширить, поднять на уровень несравненно более высокий, то есть всех сделать познающими и все сделать предметом знания, неотделимого от дела. Это и было бы переходом от современной науки, основанной на наблюдениях и опытах, производившихся или производящихся кое-где, кое-кем и кое-когда, к науке будущего, основанной на наблюдениях и опыте, производимых всеми, всегда и везде.

Подробнее излагается этот вопрос в рукописной статье «*О задачах конференции*»⁶, статье, имеющей, впрочем, мало шансов попасть в печать. — Прилагаю раньше напечатанную статью о будущности войска⁷. Если бы Вы пожелали поделиться Вашими мыслями об обсуждаемом вопросе, Вы весьма обязали бы, направивши ответ по следующему адресу: в Москву, Арбат, Калошин пер., д. Давыдова, г. Кожевникову⁸. С совершенным почтением имею честь быть NN.

185.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
2 апреля 1899. Сергиев Посад

В запрещении стрелять в воздух выражается вера в птоломеевское мировоззрение и неверие в коперниканское, отдается предпочтение мнимо религиозному пред истинно-нравственным*, не выказывается и большого знания и Свящ<енного> Писания. Впрочем, это запрещение сделано, если не ошибаюсь, *не в Америке*, как говорит «Церков<ный> Вест<ник>», а в одной из республик *Южной Африки*¹. Очень благодарен Вам за два письма, полученные от Вас².

Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам свидетельствую мое глубочайшее почтение. Искренне любящий и глубоко уважающий

Н. Федоров.

Благодарю за копию письма к В. Симонову³.

2 апреля

1899

P.S. На станции 1-го числа был.

Получил письмо от Н. П. Петерсона. 3-го апреля оставляет должность, «а дня через два или три после этого буду у Вас»⁴.

Что скажете о художественном нашествии России на Западную Европу: Архитектуры в виде Русского храма в Вене, концерт Синод<альных> певчих там же; драмы, романа. Конференция Гагская есть также нападение России на Западную Европу, но мирное.

186.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
11 апреля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович.

От полноты сердца не всегда глаголют уста. Ваше радушие, распространившееся и на меня, и на Н<иколая> Ф<едорови>ча, и не Ваше только, но и Марьи Григорьевны, С. М. и М. М. Северовых, превзошло все, что я когда-либо видел и испытал в этом роде. Принести Вам за все это глубочайшую благодарность немедленно же по приезде в Воронеж было потребностью сердца, души¹. Николай Федорович и еще более преисполнен благодарностью к Вам, к Марье Григорьевне, М. М. и С. М. Северовым, потому что еще больше пользовался и радушием, и Вашими заботами о нем, свидетельствующими о великой любви...

От этой частной благодарности перейдем к благодарности всеобщей, к благодарности всех сынов человеческих к Богу всех отцов. Эта благодарность совершается и не может иначе совершиться, как путем объединения чрез всеоб-

* На дуэли выстрелить вверх — оскорбить Религию; выстрелить в противника — оскорбить нравственность. Замечательный конфликт Религии с нравственностью!

щее воспитание, а Вы как член воспитательного общества имени Царя Миротворца, Александра III, желали иметь *«Завет»* читателя Пресвятой Троицы, а также и предисловие к *«Сказанию о построении обыденного храма в Вологде»*², где излагается план повсеместного образования, и таким образом Вы вновь поднимаете вопрос, который остался без движения, погребенный в *«Чтениях Общества Истории и древностей»*. Поэтому здесь и хотелось бы указать на тот объем, который должен иметь этот план, чтобы быть действительно всеобщееобъединительным, вести к искуплению. Там говорится, что школы-храмы должны быть повсеместны, но не говорится, что эти школы должны быть двойные, — одни *д<олжны> б<ыть> воспитательные*, посвященные образцу единодушия и согласия, Пресвятой Троице, другие же — *исправительные*, обращаемые из тюрем, как школ разврата, в школы-храмы покаяния и потому посвящаемые благо разумному разбойнику и *целомудренной блуднице*, помазавшей Господа, приготовляя Его на погребение (то есть употребив то, что служило к возбуждению половых страстей, на погребение, или воскресение), — благо разумному разбойнику как образцу глубочайшего раскаяния в нарушении единства, согласия, т. е. любви, грехе против Преев. Троицы; в нарушении, доходящем даже до лишения жизни, как выражения величайшей ненависти, до лишения жизни без потери собственной, без употребления ее на спасение жизни других, т. е. без всяких смягчающих вину обстоятельств. Как те, так и другие, т. е. школы воспитательные и исправительные, должны быть мужские и женские, или сыновние и дочерние, посвященные Сыну и Св. Духу, в безграничной любви к Отцу пребывающим, в чем и заключается основа бессмертного существования Троицаго Бога. Но пока рождение не заменилось воскрешением, воспитание требует сохранения внутренней девственности, требует, чтобы дочь, рождая детей, оставалась бы дочерью своих родителей, которые и для сынов, и для дочерей составляют одного, ибо пока нет соединения двух в одну плоть, нет и естественного рождения... Но и от родителей требуется, чтобы и они не телесно лишь, но и духовно составляли всегда одно существо, уподобляясь Богу-Отцу.

Построение повсеместно школ-храмов, посвященных Пресвятой Троице, есть самое точное исполнение заповеди, произнесенной Христом по воскресении — *«научите, крестяще во имя Отца и Сына и Св. Духа»*, заключающей в себе требование объединения для воскрешения, ибо *научите* — школы, *крестяще* — храмы, *во имя Отца и <Сына и Св. Духа>* — Троица <Пресвятая>. Все эти <— при разделении на мужские и женские —> четыре вида школ составляют литургию оглашенных, литургию уже внехрамовую, т. е. объединяют для совершения внехрамовой литургии верных, т. е. для евхаристии, благодарности действительной Богу и отцам, для воскрешения.

Тут несколько перепутано и не все может показаться ясным, по причине краткости, но желая поскорее послать это письмо, посылаем его, не исправляя, чтобы не переписывать.

Просим Вас передать наши нижайшие поклоны и глубочайшее почтение Марье Григорьевне, М.М. и С. М. Северовым, И. М. Ивакину, Ю. П. Баргтеневу, Николай Федорович кланяется также Надежде Степановне³.

Всею душою любящие Вас

Н. Федоров и Н. Петерсон.

Недостаток места не дает нам возможности высказать особенную благодарность Сергею Михайловичу⁴ за хлеб-соль, которыми он нас напутствовал. Бородинский хлеб нам очень понравился, дети его с удовольствием употребляют даже с чаем, как пряник.

187.

Л. Г. СОЛОВЬЕВУ

Между 11 и 15 апреля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый Лев Григорьевич

К глубокому прискорбию моему узнав о Вашей размолвке с Н<иколаем> Павл<овичем> Петерс<оном>¹, — надеюсь, лишь временной, — я усерднейше прошу Вас не оставлять дела, предпринятого Вами, — Иллюстрации внешней росписи храма², которой начало уже Вами положено. Икона-картина, которую Вы показывали на празднике Рожд<ества> Христова³, даст всем видеть то, что мы лишь услышим на утрени приближающегося Великого Пятка⁴. Вам выпал прекрасный жребий показать всем Сына в Отце и Отца с нашими предками в душе Сына⁵, которые своим единением в Боге призывают к миру нас, своих потомков. И в какое время? Когда собираются представители всех народов земн<ого> шара, чтобы водворить мир на земле. Прилагаемый при сем очерк Иконы-картины «Первосвященнической Молитвы»⁶, несмотря на свое крайнее литературное несовершенство, значительно улучшился, если бы к нему был присоединен фотографический снимок с Вашего произведения⁷.

Прилагаю прекрасное стихотворение с эпиграфом из паремии на Утрени Свят<ой> и Великой Субботы⁸.

Надеюсь, что Ваш гнев на Ник<олая> Павл<овича> Пет<ерсона> Вы не перенесете на меня, который никаких с Вами прений не имел, а даже высказал свое глубокое расположение и уважение в статьях: «Музей Л. Г. Соловьева» и «Воронежский Музей в 1998 <году>» — статьи, не получившие известности, забытые, б<ыть> м<ожет>, и Вами.

С истинным почтением
имею честь быть

Н. Федоров

188.

В. Я. СИМОНОВУ

Между 12 и 15 апреля 1899. Воронеж

Черновое

Глубокоуважаемый Владимир Яковлевич

Осмеливаюсь предложить Вам, как специалисту, вопрос относительно военных — железнодорож<ных> команд: имело ли право гражданское начальство голодающих губерний, на основании существующих узаконений, требовать содействия от воен<ных> жел<езно>дор<ожных> команд для перевозки

хлеба, или же нужно установление особого на этот случай закона?¹ Прошу Вас простить мою назойливость, позволяющую себе послать Вам вырезку² того же свойства, каким отличалась и посланная Вам при письме Достоевского заметка³, к которой Вы не высказали сочувствия; но в этой новой статейке превознесена Россия, хотя без всякого шовинизма. Со стороны же военных людей мне приходилось нередко встречать сочувствие к таким воззрениям на Россию! Я всегда предпочитал военную прямоту гражданской Кривде. Простите навязчивость старику, который, впрочем, не будет на Вас в обиде, если Вы не удосужитесь прочесть этот фельетон провинциальной газеты, в коем притом много непонятого для неместных жителей. Пусть это — мечта, но эта мечта имеет что-то, кажется, русское, славянское и резко отличается от всех социалистических романов будущего.

Еще раз прошу простить мою назойливость и навязчивость, хотя ради наступающего праздника всеоживления и *всепрощения*⁴.

189.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 апреля 1899. Воронеж

15 апреля 1899.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Благодарю за пересылку ко мне письма Вл. Яков. Симонова¹ и с превеликою дерзостью посылаю новое к нему письмо, да еще с вырезкою², предоставляя, впрочем, на Ваше усмотрение, посылать его или уничтожить. В первом случае, т. е. если найдете нужным послать, то прошу Вас, удерживая смысл посылаемого письма к В. Я. Симонову, *изложить его по-своему*³.

Глубоко сожалею, что не мог исполнить Вашего желания относительно портрета. Но по своему характеру я люблю лишь стусевываться, стираться, делаться незаметным... и вдруг признать за собою *jus imaginum!*⁴ Ваши же портреты написаны в душе моей неизгладимыми чертами, так что, если бы можно было вскрыть ее, то Вы увидели бы не меня, а самих себя и всех, которым и шлю мой привет, т. е. Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам. Сергею Михайловичу посылаю вырезку из «Дона» «Ворон<ежский> Музей 1998 г.» и прошу принять ее, если у него нет этой вырезки. Такую же вырезку нужно вложить в письмо к В. Я. Симонову. Адрес его *С<анкт>-П<етер>б<ург>. Мойка. 32*. Препровождая ко мне письмо Вашего тезки В. Я. Сим<онова>, Вы, конечно, должны были думать, что оно меня очень огорчит. Но моя уверенность и дерзость растут вместе с непризнанием и отрицанием моих убеждений. Напомните Юрию Петр<овичу> об оттисках его статей⁵ и о монографе Пушкинского стихотворения «Дар напр<асный>» и сами, если можете, помогите ему. Нужно воспользоваться нынешним увлечением Пушкиным и *Самого Пушкина сделать орудием раскрытия «Цели жизни»*, которая выражена в Вашем стихотворении «Цель жизни»⁶. В заключение пожелаем, чтобы молитвами Преподобного Сергия, внушившего Вам прекрасную

мысль содействовать осуществлению плана повсеместного построения школ-храмов к 500-лет<нему> юбилею открытия мощей чтителя Пресвятой Троицы, Образца единодушия, согласия и *умиротворения*⁷, — да соделает Вас Г<оспо>дь двигателем дела всеобщего образования, или, вернее, *познавания* причины всякой вражды и борьбы — единственно верного пути к умиротворению, которого Конференция мира, к сожалению, не сознает и, принявшись за дело, не дала даже себе труда подумать, что она предпринимает.

Глубоко уважающий и любящий

Н. Федоров.

Р.С. Л. Г. Соловьев обещал фотографический снимок к статье об иконе Первосвященнической молитвы⁸.

190.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

20 апреля 1899. Воронеж

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Александровичу (жертвователю на Музей Воронежский и Школу Качимскую и проч.)...

Препровождая при сем заметку о Качимской школе¹, составляющую необходимое дополнение и к Предисловию «Сказания о постр<оении> обид<енной> церк<ви> в Вологде» и к объяснению, очень неясному, этого предисловия в первом письме², надеемся, что Вы сделаете все возможное в новом Вашем положении члена общества распрос<транения> просвещения, конечно, *благого*. Н. П. Румянцев, пожертвовавший свой Музей на благое просвещение³, поставил при входе в него статую Мира⁴ и тем дал точное определение просвещению: благое просвещение должно содействовать умиротворению. До сих пор то, что одни (верующие) называли светом, другие (неверующие) называли мраком и наоборот, что для философов было свет, для верующих — тьма. Теперь будет положен конец этому разногласию, если Конференция не только признает обязанностью всех народов поголовное просвещение, но и взаимную помощь всех народов в деле Просвещения.

Справедливо сказано, что «Гнило всякое слово хвальное». После второго письма⁵, в которое попало гнилое словцо, наступил такой упадок сил, что я никак не мог окончить ни Пасхального письма о всеисцеляющей и всеоживляющей Пасхе⁶, при которой только и может быть всепрощающее умиротворение; не мог окончить <и> ответа А. Б., который напал на статью «О разоружении», полагая, что она имеет последователей⁷. Статья о забастовках, как продолжение статьи «О двух учреждениях: об отживающем (Университете) и нездоровшем (Музее)», ограничилась лишь изложением содержания⁸.

Особенно жаль, что не могу Вам послать неоконченного и неотделанного Пасхального письма. А в этом письме вся утренняя Пасхи (или, точнее, канон) названа Гимном Просвещению, ибо она начинается: «Воскресения день! Просветимся людие», т. е. чрез просвещение совершается переход от смерти к жизни, от земли к небеси, и оканчивается она, т. е. собственно канон: «Воскресения день»

и также «Просветимся торжеством, и друг друга обымем»⁹, следовательно умиротворение, всепрощающее братотворение, есть дело также просвещения.

В нынешний академический год было две Пасхи: 18 апреля и еще прежде 12 августа, ибо и в России, где Циркуляр был встречен очень холодно, я слышал сравнение этого призыва к миру с *Пасхальным благовестом*.

Николай Павлович¹⁰ (он весь погрузился теперь в прощальные визиты) и я шлем Вам поцелуй мира, Вам, Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичу, Юрию Петровичу, Ивану Михайл<овичу>¹¹.

Преданный Вам Н. Федоров.

20 апреля

1899.

191.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 апреля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович.

Из трех писем, к Вам посланных, получен ответ лишь на первое¹. Два же других заказных письма с разными приложениями, вероятно, не дошли до Вас.

Очень бы мне хотелось знать Ваше мнение о *заглавии*, которое само по себе скажет Вам больше, чем сама статья, носящая его. «О забастовках (шабашах) и *Конференции против травматических эпидемий*»². Название войн травматическими эпидемиями принадлежит, как Вам, конечно, известно, знаменитому хирургу Пирогову³, а я только войну под этим названием делаю предметом занятий Конференции мира. Взгляд на войну как на травматическую эпидемию нельзя приписывать лишь натуралистам, ибо и Евангелие *грехи* называет *болезнями*, а войны нельзя не причислить к *международным грехам*. При таком воззрении на войну вся История является одною всеобъемлющею войною, более и более расширяющеюся и усиливающеюся, притом составляющею лишь один из видов борьбы как принадлежности всей слепой и даже не слепой, но не достигшей полноты сознания, природы. Пирогов, знаменитый не только хирург, но и педагог, называя войну травматическою эпидемиею, конечно, указывает, где нужно искать действительного врага всех людей, врага также, разумеется, временного, а не вечного, ибо вечная война есть так же утопия, как и вечный мир без всеисцеляющего и всеоживляющего воскресения. Во имя, таким образом, Пирогова и нужно обратиться к Конференции с предложением поголовного приготовления всех к изучению той силы, которая делает человека орудием взаимного нанесения ран. Если такова задача знания, то как назвать забастовщиков, субботников, руководимых наукоборцем, бесстыдным лицемером Толстым?

Конечно, Конференция может ограничиться сокращением строевого войска, наносящего раны, и увеличением не строевого, санитарного, излечивающего раны войска! Не такое же ли это безумие, как, придумав такую казнь, ко-

торая соединяет наибольшую мучительность с наибольшею продолжительностью, прибегать к анестезирующим средствам?..

Свидетельствую глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичу.

Искренне и глубоко преданный Вам Н. Федоров.

24 апреля

1899

192.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24–25 апреля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Сегодня, 24 апреля, отправил к Вам письмо, сегодня же и получил от Вас¹. Но из Вашего письма, полученного 24 и неизвестно когда отправленного, я не мог узнать о судьбе *письма к В. Симонову*, которое было вложено в одно из моих писем к Вам² с приложением статьи из газ<еты> «Дон» «Музей в 1998 г.». В настоящее время предполагается возобновить сношение с В. Симоновым, а потому и нужно знать, было ли отправлено письмо к нему или же нет, что я предоставил на Ваше усмотрение. Надеюсь, что Вы не замедлите ответом на мой вопрос о сказанном письме, так как я думаю 30 апреля выехать из Воронежа, но куда же отправлюсь, сего еще не решил³.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичу.

Искренно и глубоко преданный Вам

Н. Федоров

25 апреля

1898⁴

193.

Н. П. ПЕТЕРСОН, Н. Ф. ФЕДОРОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

29 апреля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Я сегодня только возвратился из моей поездки в Пензенскую губернию, и сегодня получилось Ваше письмо от 27 апреля¹, в ответ на которое Никол<ай> Федор<ович> просил написать, что последнее письмо к Вам² он писал до получения от Вас известий, как о получении Вами писем с приложениями, так и о посылке письма к Симонову³; кроме же тех приложений, которые Вы перечисляете в Вашем письме от 27 апреля, ничего послано не было, и Вы по неясности лишь письма его могли подумать, будто он послал Вам еще статьи о Забастовках и Конференции против травматических эпидемий⁴.

Мы думаем отправиться в Асхабад числа 5-го⁵ всем семейством разом, а Николай Федорович думает пожить в Воронеже месяца три-четыре, завтра пойдем смотреть ему квартиру. Когда вопрос о квартире будет решен, он сообщит Вам свой адрес.

Вчера получилось разрешение Цензуры на выпуск брошюры⁶ и сто экземпляров приготовлены для отправки к Вам, но отправка будет задержана впредь до напечатания дополняющего брошюру объявления.

Николай Федорович свидетельствует Вам, Марье Григорьевне, С. М. и М. М. Северовым свое глубокое почтение; я и жена моя также свидетельствуем Вам глубокое почтение

Глубоко Вас уважающий
и душевно преданный

Н. Петерсон.

Письмо Ваше понял и очень благодарен

Н. Федоров⁷.

194.

Н. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

После 3 марта 1899.

Черновое

Энгель наконец откликнулся, после, однако, настойчивых требований возвращения посланных ему статей. Прямого и подробного разбора их он, однако, не дал, ссылаясь на угнетенное состояние духа, произведенное последними событиями. Признав мистицизм великого писателя (Достоевс<кого>) большою стороною его духа, он себя причислил к приверженцам строгого критицизма Канта¹, а нас, следовательно, как признавших себя приверженцами Достоевского, <признал> мистиками и противниками критицизма.

Полагаю отвечать так: *Мистицизм признаем болезненным явлением², а Критицизма держимся гораздо строже самого Канта*, который в Критике практического разума признает то, что не допускает в Крит<ике> чистого (теор<етического>) разума, то, что должно быть предметом общего действия, перенесено [у него] в область веры. Мы же признаем лишь доказательства от *опыта, от общего дела, от практического разума, только не так узкого*, как у Канта. Чтобы практический разум соответствовал теоретическому, был бы делом, исполнением *идеала* (Бога, по Кр<итике> чис<того> разума), нужно человека из орудия слепой силы, вытесняющего своих отцов, обратить в орудие Бога, возвращающего жизнь отцам. Называть это дело «задачею», а не *Священным долгом* могут только блудные сыны, а считать эту задачу «обширною» могут лишь живущие в розни. «Мне кажется, — говорит Энгель, — задаваться столь обширною задачею, как воскресение *бывших до нас*^{*}, значит переходить пределы, которые поставлены духу человеческому его *самокритикою*»³. Что же это за самокритика, которая составляет пределы долгу, труду, делает дух без-

* в самом деле, что они нам?

душным? Очевидно, эта критика подкупленная, а чем <она> подкуплена, можно видеть на всякой промышленной Выставке: <она подкуплена стремлением> жить для блага, даваемого фабрикою. Неподкупленная, беспристрастная критика, обращая *все знание*, науку в вопрос о причинах немирного состояния *мира* (милитаризма неба и земли), признает только, что нет вражды вечной и безусловной, а устранение временной, конечной, как бы обширна она ни была, считает долгом разумных существ, таких, у коих дело с мыслью, теория с практикою не расходятся. Отказывая человеку в исполнении этого долга, Вы оставляете людей осужденными убивать друг друга, убивать постоянно, понемногу, в чем и мы виновны против Вас, возражая и причиняя этим хотя малейшую неприятность. А что всего хуже, просить прощения бесполезно, ибо лишать жизни понемногу мы можем каждый в отдельности, а возвращать жизнь, — что возможно лишь в совокупности, — запрещает самокритика. Верить же в возможность прощения — значит впадать в мистицизм, потому-то покаяние есть таинство. Разве раскаяние уничтожает то зло, которое уже сделано? Только воссоздание исправляет зло. Итак, наше <учение> есть чистейший Критицизм без компромисса, допускаемого практич<еским> разумом Канта. Оно есть *позитивизм* без «непознаваемого», хотя деятельность, требуемая от нас, не выходит из области временного и условного, ибо нет зла вечного, а устранение временного есть наше дело, наш общий долг, *как орудий Безусловного*. В религии мы не отделяем догмата от заповеди; в философии отрицаем всякий *догматизм*. Наше учение не догма, а *метод*, в противоположность мистицизму, который есть догматизм без всяких доказательств; наше учение соединяет в себе веру с *безусловным неверием*.

Если кому нужна Самокритика, то именно Канту и особенно Фихте, ибо отрицание действительности мира значит признание себя лишь мыслящим словом, а вовсе не отсутствие действительного мира. Самокритика прямо противоположна познанию самого себя, т. е. знать только себя; ибо и критика есть осуждение и отрицание всего и всех, а потому и самокритика должна быть осуждением и отрицанием себя, т. е. покаянием, смирением, а не гордостью.

Вопрос об отношении «*проективного*» к субъективному и объективному заслуживает гораздо более внимания, чем вопрос об отношении субъективного к объективному*. Последний, исключаящий, или, вернее, отличающийся отсутствием проективного, есть выражение нынешнего глубоко безнравственного состояния мира, обрекающего громадное большинство человеческого рода на темноту невежества, а меньшинство на бездействие, а то и другое, т. е. весь род человеческий, на бессилие, на подчинение его слепой силе, на вечное несовершенство. Вопрос об отношении субъективного к объективному, на который так много было положено труда, тем не менее не разрешен и не может быть разрешен сам по себе, а требует внесения *проективного*, которое возглавливает

* У живых людей, т. е. неученых, «*представления*» заменяются «*проектами*». «*Представления*» есть принадлежность ученых людей, но не всегда, а когда они заняты изучением, исследованием; а у простых людей, когда им нечего делать, проекты заменяются представлениями.

всех, объединяет всех в деле познания слепой, умерщвляющей силы. Для проективизма небо не может быть лишь предметом созерцания и умершие не могут <быть только> предметом бесплодного сожаления.

Вы говорите в своем письме о Самокритике. О науке под таким названием мы не слышали, но если эта наука говорит о господстве (нынешнем) слепой силы над разумною, то непризнающих такого господства мы не знаем, кроме разве поэтов (на тему Прометея); или же если <само>критика опровергает возможность мистичес<кого> воздействия, вроде заклинаний, на природу, то и такая наука нас не касается. Если же Самокритика находит невозможным объединение *всех* в труде познания слепой силы природы, носящей в себе голод, язвы и смерть, то такой науки, ни ее литературы мы совершенно не знаем.

195.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 мая 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Опасаясь наскучить своими рассуждениями, не могу, однако, не упомянуть об одном забытом юбилее. В будущем 1900 году 25 декабря исполнится *19-ть веков*, по принятому счислению, от *Рожд<ества> Христова*. Возражения против юбилея я слышал от людей верующих, но говорить об них не буду. Задача этого 19-векового юбилея, конечно, подвести итоги тому, что сделано и что недовершено христианством; почему именно недовершено и что нужно для довершения, т. е. это вопрос о причинах небратского или немирного состояния всего мира; следовательно, задачи Юбилея и задачи Конференции¹ имеют много общего, могут содействовать, дополнять одно другое. Такое совпадение можно бы считать обстоятельством очень благоприятным для дела умиротворения, но говорить об этом в коротких словах нельзя, а потому оставляю...

Н<иколай> Пав<лович> Петер<сон> со своим семейством теперь, вероятно, уже в Асхабаде². Письмо Ваше получено им пред самым отъездом.

Мой адрес: *Воронеж, Троицкое, дом Скрынченко, № 45*; по этому адресу, как я сейчас узнал, письма доходят *чрез две недели и даже больше*. Впрочем, по словам хозяина дома, письма гораздо скорее будут доходить по следующему адресу: *Воронеж, Губернское Правление, Григорию Дмитриевичу Скрынченко*³ с передачей Н. Ф.

Будете ли Вы в Москве в конце мая и могу ли я выслать к Вам пенсионную книжку?

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Преданный Вам

Ник. Федоров.

12 мая 1899 г.

Ещё два слова: Воронежская Выставка, устроенная почти накануне XIX-ти векового юбилея христианства, устроенная, можно сказать, из ничего, могла бы дать начало двум большим Выставкам⁴.

Но у нас точно заговор всех сословий против Конференции. Даже духовенство участвует в общем замалчивании. Какой-то Архиерей отслужил молебен об успешности Конференции, но пример не нашел подражателей. Пушкинский юбилей⁵ для того, очевидно, и раздут, чтобы отвлечь внимание от Конференции. Что мог бы сделать М. А. Веневитинов для Музейской Выставки по делу об умиротворении (см. «Исторический Вестник» № 2-й. 1899 г. Статья «Первый конгресс по Истории Дипломатии» (стр. 653, 655), бывший прошлого года осенью)⁶.

196.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
29 июля 1899. Воронеж

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович.

Премного благодарен Вам за посещение Воронежа. Из беседы о Вашем последнем путешествии¹ я вынес много нового, неожиданного. Вашу поездку на север можно назвать путешествием в страну обыденных храмов, в ту часть ее, по крайней мере, которая наименее исследована в этом отношении. Если бы я знал, что Вы поедете не по железной дороге, а по старой дороге, по северным рекам, то я бы просил Вас описать обыденный храм в Великом Устюге², в Цивозере, Туровце, кальки с коих (последних двух) мне дал В. В. Верещагин³ и которые я Вам, кажется, показывал⁴. После не совсем удачной попытки собирания сведений о храмах обыденных чрез посредство Епархиальных Ведомостей и Архивных комиссий⁵ в Вас неожиданно открылся непосредственный исследователь на самых местах единодушного соединения в труде построения *целых храмов, в чем прообразовано будущее соединение живущих для воскрешения умерших. В этом соединении не рук только, но и душ заключается самая отличительная черта Православия, так же характерная, как и печалование. Мне кажется, что печалование о розни и гнете и объединение, отрицающее то и другое <(рознь и гнет)>*, как это в строении обыденных храмов, заключает в себе критерий для суждения о достоинстве религий, сект, обзором коих Вы занимаетесь. Будем надеяться, что Вы побываете и в Брянске, где положено начало строению храмов из рельс⁶, которое могло бы иметь великую будущность.

Если бы я владел стилем, я непременно бы прославил эти редкие теперь и в прошедшем минуты плодотворного единодушия, создававшие в один день, точно в сказке, храм, соединяющий в себе все искусства.

В нескольких картинах могло бы быть представлено это построение. Для нашего времени, времени побоищ в парламентах, должно представляться изумительным зрелище обыкновенно бурного веча или мирского схода с его горланами и мироедами, согласно и *единогласно* решающего создать храм в один день.

Поездка в лес и возвращение из леса в виде *священного хода* и вся работа, превращающаяся в *Священное дело*, показывает, как исчезает противоречие между мирским и духовным, и человеческое дело становится Божиим. Невероятное для нашего времени соединение Божественного и человеческого становится очевидным. При сильном душевном подъеме рабочий день достигает 24 часов.

В идеальной картине построения обыденной церкви нужно было бы положить почин работы «в шестой день и час (пятък)», когда сам народ разрушил храм тела Христова. В день же покоя, в Субботу, день, в который Христос воскресил Лазаря и воссоздал храм своего тела, <надлежит> совершить весь труд построения храма, окончив его освящением к началу Воскре<сного> дня. В этом построении не заключается ли все догматическое, этическое и эстетическое Богословие?

Преданный Вам Н. Федоров.

29 июля 1899.

Ваше письмо (27 июля)⁷ получил прежде отправки своего и жду с нетерпением другого о Вологодских храмах и подвижниках.

197.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 августа 1899. Воронеж.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Крайне сожалею, что Вы не можете поехать в Среднюю Азию¹, а вернее в Средину мира, к Священному Меру, к Памиру, этой кровле мира, по имени которого весь старый свет следует назвать Памирским материком, не можете побывать на пределах Царства добра <(Иран)> и зла <(Туран)>, где легче было бы для Вас решить, что говорил и что не говорил Заратустра². Если бы наша (скорее не наша) интеллигенция одною жизнью жила с русскою землею, то приближение Руси к пределам этих Царств³ обязывало бы ее сказать свое слово по этому вековечному вопросу. Одно уже слово «ташкентцы» показывает, как чужд был Салтыков русской Жизни <и> Истории⁴. От Салтыкова не укрылась эта тяга в Ташкент для наживы, но укрылось значение этого движения к центру мира.

Все это я говорю, конечно, для того, чтобы отдалить решение вопроса: ехать или не ехать в эту страну, которая, однако, от самого детства представлялась для меня в высшей степени обаятельной. Впрочем, вопрос этот решился, можно сказать, сам собою. Косьма Петрович⁵ вызвался заменить Вас, сопровождать мне, и даже ему обещан уже отпуск и билет до Петровска*, и я должен согласиться на Ваше предложение⁶. Впрочем, билет до Петровска нужно будет взять 3-го класса, потому что и у Косьмы Петровича будет не 2-го, а именно

* Он, Косьма> Петр<ович>, уже писал Ник<олаю> Пав<ловичу> Петерсону, прося его выехать в Красноводск.

3-го класса. Отъезд назначен 15 августа. Удобно ли будет Вам приехать к этому времени в Воронеж? Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и всем Вашим.

4 августа 1899 г.

198.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
8 сентября 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович

Я очень опасаясь, что ничего не сумею сказать для Вас любопытного о Туркестане¹, об этой в высшей степени, впрочем, замечательной стране, замечательной своей пустынностью, требующею наибольшей (высшей?!) деятельности от человека.

Красноводск² служит достойным входом в безводный Туркестан. Этот красный водою город не имеет, оказывается, своей воды, а пользуется привозною, цена которой, как я слышал, доходит иногда до 50-и коп<еек> и даже, *будто бы, до рубля за ведро!* Есть в Красноводске «опреснитель», но вода этого опреснителя имеет, говорят, очень неприятный вкус.

Туркестан после всего, что я видел, читал и слышал об нем, представляется мне в виде высокой пирамиды, сложенной из черепов и поставленной под безоблачным небом, среди безводной песчаной пустыни. Такое изображение символа смерти, умерщвления и безжизненной пустыни могло бы служить даже *гербом Туркестана*. В этом гербе была бы вся и География и История Турана*, указывающая не на прошедшее только, но и на будущее, т. е. на то, что должно бы быть, ибо нигде так не очевидна необходимость обращения орудий истребления, создавших пирамиды черепов, в орудия спасения от бездождия и безводия, как в этой центральной на всем земном шаре пустыне. В Закаспийской области³, равняющейся по величине Франции, более 4/5 занимает необработанная земля (пустыня) и лишь 1/5 обработанной, притом еще вместе с горами, почти лишенными всякой растительности. Чтобы обратить внимание людей науки на эту пустыню, которая, как говорят, более и более разрастается и грозит поглотить всю Россию... была составлена записка, в которой указывалось на необходимость сделать Туркестан, и именно Самарканд, местом будущего съезда естествоиспытателей и врачей, а также и археологического съезда. Самарканд же лежит у подножия Памира**, столько же важного в естественном, как и в историческо-археологическом отношениях. Записка эта была представлена Вице-Президенту Археологического Кружка в Ташкенте Н<иколаю> П<етровичу> Остроумову и принята им, по-видимому, очень благосклонно⁴, хотя в этой записке то, что многие считают фантастичным, *не отсутствует*.

* Построенные нами в Туркестане *скудельные* (т. е. из глины) города, очевидно, недолговечны, — что-то в роде миража (марева) в пустыне.

** Запрос же о Памире был еще сделан к X-му Археологическому Съезду, на что и было указано в Записке...

В столице Тимура⁵ пробыл только день, потому буду говорить не о том, что видел, а о том, что, по краткости времени, не мог видеть и что Вы рассмотрите поподробнее, если будете в Туркестане. В 10 верстах на юг от Самарканды находятся развалины *Кяфир-Калы*, последней крепости христиан в Туркестане, — тут-то бы и следовало быть русскому Самарканду. Недалеко от этих развалин находится пещера — *Кяфир-мола* (могила неверных), т. е. христиан. Эта пещера, в которой исполнители воли Тимура задушили дымом последние остатки несториан — читателей пророка Ионы и апостола Фомы⁶. Несториане в настоящее время присоединяются к Православию⁷, поэтому, кажется, следовало бы у этой пещеры поставить *Новопечерский монастырь-памятник*, сделать его Лаврою всего Туркестана. Назначить день памяти этих мучеников и сделать его местным или даже всероссийским праздником. В русском Самарканде, за неимением других святых, чтут мифическую могилу Даньяра, т. е. пророка Даниила⁸. — По восточному обычаю, заменяющему наш поклон, прижимаю руку к сердцу, находя, что таким знаком лучше можно выразить приязнь, благодарность, с коими и остаюсь Н. Федоров. Свидетельствую мое глубокое почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам. 8 сент<ября> 1899. Прилагаю 1-й лист к статье «О храмах обыденных»⁹.

Николай Павлович и Юлия Владимировна¹⁰ Вам шлют свой поклон.

199.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 сентября 1899. Ашхабад

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович.

Спешу дать ответ на Ваш вопрос о выписках из статьи о храмах обыденных¹. Чем более будет этих выписок сделано Вами, тем лучше. Если бы вся эта статья вошла в Ваше сочинение, то было бы очень хорошо и, конечно, в дословных выражениях, если эти выражения точны, и в измененных, если они не очень точны и ясны в статье о храмах обыденных². Прилагаю при сем 3-и листа продолжения статьи «О храмах обыденных» и два письма, которые вошли в статью, а в Вашем экземпляре их нет³. Эти письма набело не переписаны, потому что спешили отправкою, согласно Вашему желанию.

Можно сказать кое-что и о храмах Туркестанских.

Создание каменных храмов в Туркестане также требовало соединения множества человеческих сил, как у нас строение деревянных храмов в один день. Обыденный храм — торжество над временем. Каменный храм Туркестана, воздвигнутый в лишенной камня местности, — торжество над пространством и тем большее, чем дальше место строения от места добывания камня. Добровольное у нас заменялось здесь принудительным. Легенда приписывает построение огромных мечетей-памятников эмирам, султанам, употреблявшим свои громадные полчища на эти постройки, расставляя их от каменоломен до мест сооружения этих храмов.

В № 33 газеты «Неделя» напечатано письмо из Рима под заглавием «Уничтожение града»⁴. Листок с этой статейкою прислал Е. Л. Марков из Воронежа в Асхабад Ник. Пав. Пет<ерсону> с надписью под заметкою о граде «Прямо-таки Ваши чаяния». По поводу письма из Рима составлена была небольшая записка и препровождена к Е<вгению> Льв<овичу> с просьбою переслать ее, если он найдет это возможным, в Редакцию «Недели»⁵, коей он, кажется, состоит сотрудником. Записка начинается словами, взятыми из лекции Наццари, отставного офицера, читанной им пред многочисленной публикою. «Если бы, — сказал бывший офицер, — пушки были направлены вместо груди людей на тучи, несущие разорение бедным крестьянам, то это было бы более достойно человечества»⁶. Сказав верно, высказав истину, как говорится в записке, он не остался верен этой мысли, а тотчас ей изменил. Вместо того чтобы говорить об обращении орудий истребления, огненного боя, в руках войска находящегося, в орудия спасения, хотя бы от града лишь, он заговорил о другой артиллерии, заводимой сельскими хозяевами. «Неделя», говоря о лекции Наццари, думает ознакомить Россию с совершенно в ней будто бы неизвестным вопросом. Записка же, приводя выписки из газет и журналов, доказывает, что не только этот вопрос известен, но даже имеет, с одной стороны, ожесточенных противников (арх<иепископ> Амвросий), а с другой — возведен даже в теорию, в общий вопрос об отношении разумных существ к слепой бесчувственной природе, не как двух сил, от века существующих (как Ормузд и Ариман, белбог и чернбог), а как временное лишь раздвоение силы, которая делается тем более слепа, чем больше бездействует разумная. Россия, как продолжательница Ирана, делаясь орудием Безусловного Существа, т. е. делаясь христианскою, объединив всех, устраняет обусловленное бездействием разумной силы зло, т. е. смерть, и восстанавливает благо, т. е. жизнь. Впрочем, в самой Записке не говорится ни об Иране и Туране, ни об Ормузде и Аримане, а говорится о высшей нравственности, в которой добро не обусловливается существованием зла и не обречена она, как нынешняя мораль, делать добро, не искореняя никогда зла. В Записке это изложено полнее, а потому и яснее.

Приготовлено письмо к Вам, в котором излагается программа наиболее плодотворного путешествия по Туркестану⁹, и будет вскоре послано к Вам... Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне. Поздравляю от себя и от Н<иколая> Пав<ловича>¹⁰ со днем Ангела Сергея Михайловича¹¹, и с именинником Михаила Михайловича¹².

Пожелав всяких благ, остаюсь преданный Вам Н. Федоров.

15 сентября

1899 года.

* Лекция читана в *Фраскати*. Любопытно бы знать, что скажет либеральный папа⁶ по поводу пушек, направленных на тучи? Найдет ли и он, подобно Амвросию Харьковскому⁷, в пушечной салютации небу оскорбление Божеству?

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
19—22 сентября 1899. Ашхабад

У подошвы Паропомиза, на рубеже Ирана и Турана¹

19 сентября 1899 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

До сих пор все путешественники, приезжавшие сюда, были или специалисты, или же люди, мало понимавшие всемирно-историческое значение той страны, куда приезжали. Чувству их ничего не говорили, ничего священного не представляли ни Памир, ни Иран, ни Туран; путешественники последнего сорта ничем, можно сказать, не отличаются от живущих здесь русских — приказчиков, чиновников, офицеров, — людей, конечно, очень либеральных, но совершенно чуждых истории страны, имеющей мировое значение, и потому их нисколько не поражает в стране Заратуштры, Джемшида, Афросиабов, Густаспов, Искандер-Душаха, Тимура² — названия улиц именами Пушкина, Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, — этих карликов пред такими исполинами. Новая, секулярная Русь не может понять величия Ирана и Турана, она не чувствует пульса исторической жизни, который бьется в этой стране. Равным по значению этому пункту можно признать лишь китайское побережье Великого Океана, где Россия, сойдясь с Китаем, встретила с соединенными силами Запада, встретившись с передовым его (Запада) отрядом (Англией) еще ранее на Памире³, также русско-китайском. В этих двух пунктах, можно сказать, наисильнее бьется в настоящее время пульс истории, здесь решаются *коренные, основные* вопросы жизни рода человеческого, кроющиеся под политическими. И точно так же еще вопрос — который из этих пунктов важнее, еще вопрос, — китайское ли дело служит диверсией, отвлечением от индийского, или же индийское отвлекает от дела китайского. Во всяком случае, нельзя не признать, что в этих пунктах встретились, наконец, два обходных движения, сухопутное и морское, — внутренний смысл этих движений и нужно понять! Вам предстоит завидная роль — первому взглянуть на эту страну, на это сердце мира, по Вашему выражению, не с приказческо-либеральной, а с всемирно-исторической, нравственно-религиозной точки зрения.

Туркестан был местом борьбы севера с югом, Турана с Ираном, земледельца с кочевником, ближнего Востока с дальним, и это тогда еще, когда не было не только дальнего Запада, но и ближний едва зарождался, — это доисторическое еще время, или эпоха, если история начинается борьбой Востока с Западом, когда на историческую сцену выступают страны приморские, а потом океанические; но это *история* лишь *океаническая*, односторонне принимаемая за всемирную. Есть и другая история, которая начинается борьбой Ирана с Тураном, — это *история континентальная*, и только встреча сил океанической и континентальной делает историю истинно всемирною.

Но что такое Туркестан, или Туран, и где его границы? А также и что такое Иран?.. Не всегда Туркестан был станом турок, был он станом и монголов, принадлежал китайцам, был буддийским, христианским, потом магометан-

ским, — прежде чем стал русским, или зендо-славянским; но всегда он был *пустынным*, даже и тогда, когда владел им Иран, враг пустынь и безжизненности⁴. И этот Туран, как Западный, ныне русский, так и Восточный — китайский, — составляет лишь центральную часть полосы пустынь и степей, которая тянется от Западного океана до Восточного через весь старый, Памирский материк. Если пустынность есть существенное свойство Туркестана в физическом отношении, то трудно определить физическую границу Турана как к югу, так и к северу, потому что пустыня распространяется все дальше и дальше и к северу и к югу, как и Памир поднимается все выше и выше, становясь все холоднее и холоднее. Итак, Туркестан нужно признать пустынею, которая образовалась там, где два северных материка спаялись и образовалась страна, наиболее, с одной стороны, отделенная от океана, а с другой — закрытая высокими горами от теплого и открытая к студеному морю, страна, откуда пустыня и бесплодие распространяются во все стороны. Если же пустынность есть существенное свойство Турана и если верна пословица, сказанная о турках, — *«где ступит Османова нога, там не растет трава»*, — в таком случае название его Туркестаном, станом турок, совершенно верно, причем северною границею тюркского племени нельзя поставить ни Урал, ни даже Волгу и Каму. Точно так же нужно признать близким к истине и отождествление пустыни с фаталистическим Исламом, — а в таком случае и восточная граница Туркестана отодвигается все на восток, и Туркестан теснит, и может быть и вытесняет китайцев. Итак, союзником пустыни является Ислам, как религия, и турецкое племя, как воспитанник пустыни и фаталистического Ислама, который не противодействует слепой силе и не воспрещает отдаваться слепым влечениям (газават и многоженство). Если же действительная победа над язычеством выражается не в разрушении или истреблении идолов, а в управлении теми силами, которые олицетворялись в языческих богах, то и Ислам вместе со своим носителем, турецким племенем, может быть побежден лишь в той пустыне, которая его породила; а пустыня может быть побеждена лишь низведением на нее вод с неба, обращением пустыни в поле, в ниву, в чем и должна заключаться задача северного преемника Ирана⁵; но для этого ему необходим союз с Западом, с двумя Британиями⁶, а между тем Запад в борьбе Ирана с Тураном был всегда союзником Турана, как в древнем, так и в новом мире. Благодаря этому союзу погиб древний Иран, но если с помощью этого союза будет побежден и новый Иран, обзываемый Западом Тураном, тогда Запад увидит у себя настоящих туранцев, как это и предсказывал в известной картине («Желтая опасность») черный царь (германский император) до своего еще путешествия на Восток⁷. Низведение воды с неба, победа над грозовой силою есть победа разумного существа над слепой, бесчувственной силой, победа Ормузда над Ариманом, Белбога над чернбогом⁸, Белого Царя (Ак-падишаха) над черным царем (Кара-падишахом), христианства над антихристианством, победа *добра* над *злом*, т. е. Ирана над Тураном. Иран и Туран — это не символы добра и зла*, а синонимы, и не в отвлеченном или произвольном смысле, а в конкретном, связанном со всей историею мира, где добро есть жизнь, а зло есть смерть; торжество добра над злом есть победа жизни над смертию, возвращение жизни, воскрешение, так

* См. статью — «Что такое добро?»⁹

что Туран есть смерть, Иран — жизнь, Туран совпадает с антихристианством, а Иран с христианством, с истинным, активным христианством. Черный пророк черного царя, союзника 300 миллионов мусульман, т. е. Турана, этот черный пророк <(Ницше)> и есть анти-Заратустра, лже-Заратустра, который не может не признать в строителях пирамид и столбов из черепов «сверхчеловеков», стоящих за пределами добра и осуществляющих идеал зла.

Вся ли земля (небесное тело) станет покорным слепой силе Тураном, т. е. пустынею, кладбищем, бесцельно носящимся среди бесчисленных миров, разумом не управляемых, и потому к падению, к гибели идущих? Или же вся земля станет Ираном, раем, Эдемом? Но последнее возможно лишь тогда, когда разумная, чувствующая сила на земле, — прах отцов носящей, — делаясь орудием Бога света и добра, возвратит праху (отцов) сознание и жизнь, чтобы населить воскрешенными поколениями разумных, чувствующих существ бесчисленные миры, разумных существ не имеющие, — и тем спасти их от падения и гибели. Паратомиз, стоящий между Ираном и Тураном, и предлагает этот вопрос: чем же будет земля, Ираном или Тураном? Туран — мир, т. е. борьба, или иго (гнет); Иран же не может быть миром, пока Туран вооружен, пока Туран есть мир, а не мир¹⁰. Иран может быть миром лишь в мысли или в проекте обращения невежественного Турана и злоупотребляющего знанием, т. е. нечестивого, Запада к исполнению — путем познания — долга благочестия. Как ни обширен, как ни могуч злой Туран в его союзе с Западом, признавшие себя орудиями слепой силы природы, но Иран, как орудие Бога света, может и должен стать безграничен, всемогущ, потому что сила Турана — в розни и бездействии разумной силы (Ирана).

Но чтобы проникнуться надлежащим чувством в стране у подошвы — пред лицом Памира, недостаточно прокатиться по железной дороге, в вагонах с буфетами, кафе-шантанами* и т. п., а необходимо совершить и не путешествие даже, а паломничество, потому что после Палестины нет более священного места, как Памир. Поэтому, если Вы приедете в Асхабад, то, чтобы поездка Ваша была плодотворна, надо будет пробыть здесь несколько дней, минимум три дня, потому что отсюда необходимо устроить хотя небольшую поездку не в вагоне, а на корабле пустыни и на ишаках, взяв и ишакчи, если возможно, знающего и порусски. Лучше всего эту поездку предпринять в Аннау, где находятся развалины древней большой мечети, не уступающей самаркандским¹¹. До Аннау не более десяти верст, и это первая железнодорожная станция по пути в Самарканд. Без такой поездки верного представления о Туране составить нельзя; расстояние здесь небольшое, но достаточное для того, чтобы здешний край предстал таким, каким он был задолго до магометанства, в самой глубокой древности. Верблюда для поездки следует взять не такого, какие больше всего встречаются в Асхабаде и каким он, вероятно, не был в древние времена, а такого, каких мы видели в Ташкенте, — асхабадский верблюд имеет жалкий вид, а ташкентский величавый. Дорога идет при подошве Копет-Дага, древнего Паратомиза, на самой границе

* Кафе-шантанов в поездах еще нет, но господствующие ныне либеральные приказчики не замедлят, конечно, устроить их, так что едущий в таком поезде даже и в глубь Азии будет чувствовать себя, точно в Париже.

Турана и Ирана. К сожалению, мы не знаем, как назывался он в Зенд-Авесте, если есть там название этого хребта; здесь и справиться об этом нет возможности, а в Москве вы можете узнать это у Риттера — «Иранский мир» (по русск<ому> пер<еводу> «Иран»¹²), у Дармстеттера (новое изд<ание> Зенд-Авесты¹³). Эти горы видны и из вагона, а караванный путь идет еще ближе к их подошве, и Вы увидите еще ясней эти горные хребты, причудливые, как мечты; по крайней мере они нам такими кажутся, не выдавшим никаких других гор. Здесь почти самый южный пункт наших владений, здесь в июне тени в полдень, можно сказать, совсем не бывает, даже самые высокие деревья не дают ее, потому что солнце кажется почти в зените; ночью же, при ясном небе (а не ясным мы его еще не видели), сидя на верблюде, можно наблюдать неизвестное на севере явление, захождение Большой Медведицы, хотя еще и неполное. Поездку нужно устроить так, чтобы она заняла часть дня и часть ночи; нужно обставить это путешествие вполне по-восточному (на верблюде, с балабоном, с погонщиком в косяюме, который он не менял со времен Авраама, а может быть и со времен Адама), и притом так, чтобы это путешествие напоминало, как бы переносило нас в библейские и даже добиблейские времена. Близость железной дороги, нового способа передвижения, только усилит впечатление от старого. Железная и караванная дороги! Сколько тысячелетий лежат между этими, рядом идущими дорогами... Звон *цилиндрического* колокольчика на шее верблюда и пронзительный свисток паровоза в этой пустыне!..

Но чтобы получить в таком путешествии общее впечатление, необходимо предварительное детальное изучение. В первый день Вашего пребывания в Асхабаде предполагается осмотр нового, русского Асхабада, этого восемнадцатилетнего молодого человека¹⁴, построенного из брения, вернее из пыли, ибо пыль здесь строительный материал, пятая стихия, можно сказать. Может быть, Вам не придется видеть, в таком случае мы скажем Вам, как легко был воздвигнут этот скудельный город: на самой улице, с пылью по колена, наливается вода, делается вроде теста, прибавляется мелкой <рубленной> соломы, и строительный материал для простейших построек готов. Не все, однако, постройки так воздвигнуты; менее простые сложены из кирпича-сырца, обожженного туркестанским солнцем, а иные и на фундаментах из камня, <который во множестве разбросан между горами и городом.> Кирпич, обожженный не солнцем, а огнем, употребляется только для облицовки, для украшения, как что-то драгоценное. В городе, говорят, два сада и парк, на самом же деле он весь стоит в саду; древние греки называли бы его Пантикапеею. Улицы имеют тенденциозные названия и народ их совсем не знает, постройки так однообразны и улицы так похожи одна на другую, что трудно по виду узнать, где находишься и т. д. и т. д. Асхабад старых городов русских не напоминает; церквей на такой город мало, всего четыре, считая с армянской и кладбищенской, — пятая строится¹⁵. На главной площади, справедливо названной Скобелевскою, собор — одноглавый с пятиглавою колокольнею, чего нам нигде не приходилось видеть. <Асхабад> имеет музей, два памятника, третий строится...¹⁶ Впрочем, всего описать нельзя, пришлось бы для этого «Киев продать на бумагу, Чернигов на чернила», — приезжайте и сами увидите.

На другой день Вашего пребывания утром предполагается экскурсия к горам и в аулы; это тоже путешествие в древнюю, в ветхозаветную историю. Вечером в тот же день — прогулка по трехверстной аллее в Кеши, в растительный питомник¹⁷, где можно будет ознакомиться с флорой степей; там Вы увидите и *саксаул* (или сазак), почти безлистный, *сезен*, что-то вроде нашей березы с светло-розовой корой и с корнями в несколько сажень длины, кустарники — *черкес* и *кандым*, маленький борджок: травы *эркек-селим* и *уркачи-селим* — лучшие кормовые растения... Такие питомники существуют почти во всех построенных русскими городами. Этим как будто хотят доказать, что в противоположность туркам, где ступит русского нога, там растут лес и трава, хотят доказать, что мы не поляне только, но и древяне...

Продолжение проекта Вашего пребывания в Асхабаде и путешествия от Красноводска до Самарканда, у подошвы Памира, будет в следующем письме. Будем ждать Вашей статьи об обыденных храмах, о которых было говорено в прошлом письме¹⁸ в ответ на Ваше желание сделать выписки из известной рукописи¹⁹, что было бы очень и очень желательно. В этом же письме писали Вам и о том, что послано Маркову, а затем была послана в Ташкент к Остроумову статья под заглавием «Так называемые» „Каменные бабы”, как первый надгробный памятник», с теми статьями, которые были напечатаны о Каменных Бабах в газете «Дон»²⁰, Вам известными. В Туркестане, где так часто встречаются выражения — *Баба-Гамбер*, *Имам-баба*, по отношению к кладбищам, как их названия, мы убедились, что нужно читать не каменная баба, т. е. по-русски, а баба, по-туркестански, что значит не женщина, а отец, и писать следует не каменья, а каменные бабы²¹.

Пожелав Марье Григорьевне, Вам, Сергею и Михаилу Михайловичам Северовым, которым не мешало бы побывать на юге, остаемся Аксакал и Карасакал²².

22 сентября 1899 года.

201.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Вторая половина сентября — начало октября 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый Владимир Александрович, посылаю Вам эту выписку и письмо в надежде, что Вы воспользуетесь им для Вашего сочинения¹.

«На Воздвижение по многим местам воздвигал православный люд в старые годы *обыденки-часовни*, да Церковки малые — по обещанию в честь праздника. В день Воздвижения ставятся придорожные кресты... В обычае также воздвигать-поднимать и кресты на новостроящихся храмах». Существование особого дня строения обыденных храмов показывает, что этот обычай был нередким явлением. Очень жаль, что автор статьи «Праздник Воздвижения в простонародных сказаниях» не сказал, в каких именно местах такие обычаи наблюдаются. Статья эта помещена в «Правительств^{енном} Вестнике» № 200. 14 сентября 1899 г. Неизвестного автора. В следующих словах: «С верою помолиться праведному человеку на *Воздвиженьев день*, так *животворящий*

крест и со смертного ложа подымет», — в этих словах для всякого сына и брата умерших день Воздвижения превращается — «в Воскресения день», а автор статьи замечает в этих словах лишь связь веры с правдою², свидетельствуя об отвлеченности ума и сухости сердца.

Очевидно, у народа Воздвиженье считается праздником строителей храма, а строителями храма хотел он быть весь от мала до велика. Оттого и возник этот обычай, дававший возможность участвовать в строении храма всем. Если постройка креста на Воздвижение была прямым выражением праздника, то дальнейшее усердие превратило эту постройку в строение целого храма, завершавшегося воздвижением на нем креста.

В этом празднике знамения страданий, смерти (крест), исцеляющем от болезни, возвращающем к жизни (Словущее воскресение³), повторились и Страстные дни и Пасха. Таким образом, и весеннее оживание, и осеннее умирание указывало на дело искупления. В осеннем умирании исчезало то, что было нечистого в весеннем оживании.

Но почему в *старые* годы, *по многим* местам воздвигал православный народ обыденные часовни и малые храмы, а *теперь* ограничивается постановкою лишь крестов и, кажется, *в очень немногих местах*, так что я и не слыхал до сих пор об этом обычае, не слыхал о нем, во-видимому, и Малышевский, написавший большую статью о придорожных крестах...⁴ Конечно, Петровская реформа, отделившая от верующего или верного народа неверных интеллигентов и подчинившая последним первый, не уничтожила, а ограничила строение храмов постановкою крестов. Будем надеяться, что построение школ-храмов-памятников (т. е. с музеями) примирит живущих верою и водящихся разумом, т. е. сомнением, критикою (интеллигентов), примирит в *сомнении апостольском*, требующем действительности, осуществления чаемого, ожидаемого.

Заповедь о построении школ-храмов дана Поправшим смертью смерть, как указание пути, каким будет возвращена жизнь сущим во гробех. Под словами «*научите всех*» разумеются школы, повсеместно устрояемые, разумеется дело или литургия собирания и оглашения, т. е. воспитания всех, а под *крестяще* разумеются храмы, в коих крещенные, усыновленные Богу исполняют долг к отцам (Евхаристия — благодарность). Исполнение долга будет лишь поминовением, пока не совершится полное объединение. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Преданный Вам

Н. Федоров.

202.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
5 ноября 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый Владимир Александрович! Посланная Вам «похвала», или панегирик, Толстому¹, — панегирик даже преувеличенный, как это и следует на Востоке, — некоторым образом требует от Вас, как уже писавшего о Толстом, как автора известной брошюры по поводу толстовского «Не-

делания»², требует отзыва и по поводу приписываемого ему в *разговоре* великого дела. И тем более это следует, что Вы сами говорите, что статья «запрятана на страницах издания, почти неведомого в России»³, т. е. внутри России, а на окраине, нужно прибавить, русские это издание не читают, а туземцы и читать не могут. Остается только Вам познакомить, хотя бы на страницах «Русского Вестника», с мнением Толстого о смерти и жизни, предметах, не лишенных интереса. И тем легче Вам это сделать, что, перепечатав этот небольшой рассказ, Вы можете сказать, что попалась Вам эта статейка случайно, и Вы, считая важным всякое слово великого писателя земли русской, считаете нужным извлечь эту статейку из столь малоизвестного издания. Сообщив статейку для перепечатки, Вы можете даже и не подписывать ее⁴.

Все предыдущее написано со слов Николая Федоровича, но затем его укусила какая-то муха, и он сказал, чтобы я послал это письмо от себя, а об нем не упоминал бы. Должно быть, что-нибудь было в его жизни такое, что так испортило его характер, и всякое сближение с людьми делает для него мучение, мучительно и для тех, кто вздумает к нему приблизиться. Все это в высшей степени тяжело и, главным образом, за него обидно.

Простите, больше ничего пока не пишу. Марье Григорьевне, М. М. и С. М. Северовым, Юрию Петровичу и Ивану Михайловичу⁵ свидетельствую мое глубокое почтение.

Жена моя низко Вам кланяется. Душевно Вам преданный и от всего сердца благодарный Н. Петерсон.

5 ноября 1899 г.

P.S. Сейчас Никол<ай> Федорович сказал мне, что сам Вам пишет⁶.

Посылаем письмо астроному Глазенапу со статьею о падающих звездах⁷.

203.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

5 ноября 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Я очень был обрадован, получив после долгого ожидания письмо от Вас¹. Статью, оканчивающуюся воззванием к повсеместному и всенародному построению школ-храмов², нельзя ли посвятить тому обществу поощрения просвещения (настоящего его названия не помню), коего членом Вы избраны нынешнею весною³. Не знаю, упомянуто ли в Вашей статье о Качимской школе, а в построении этой школы можно слышать отголосок старины, созидавшей быденные храмы. Напомнить, хотя одной строкой, былинку нашего времени о том, как дети вместе с отцами построили школу, вероятно, и теперь еще возможно⁴. Замечательно, что «Правительственный Вестник» некоторым образом, можно сказать, исповедал учение о Троице как образце для человеческого общества, как это можно видеть из вырезки, посланной к Вам, из этой газеты⁵. Статьи, напечатанные в «Асхабаде» и посланные к Вам⁶, и здесь даже не обратили на себя внимания. За статью «Разговор с Толстым», в котором похвала ему выражена словами тропаря Светлого Воскресения «Смертью смерть попра», я очень

раскаиваюсь, хотя за этою великою похвалою скрывается глубокое осуждение всему его учению, как совершенно противоположному учению Того, Кто действительно смертью смертью попра... Я прежде полагал, что эта заметка, касающаяся Толстого, столь знаменитого человека, может возбудить внимание к учению о воскрешении, приписанному самому Толстому, но теперь это ослепление прошло, и я даже буду рад, если эта заметка пройдет незамеченною.

Жду с нетерпением оттиска Вашей статьи.

Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам свидетельствую мое глубочайшее почтение.

Преданный всею душою

Н. Федоров

5 ноября
1899.

204.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 ноября 1899. Ашхабад.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

8 ноября послано письмо к С. А. Белокурову, в котором я уведомляю его о передаче рукописи «О храм<ах> Обыден<ных>» Вам для извлечения из нее всего, что нужно для Вашей статьи¹, а вместе прошу передать Вам же и другие сведения, если он получил таковые после моего отъезда², — что, впрочем, маловероятно. Я с своей стороны буду очень рад, если он передаст Вам письма Ребрина³ и другие о том же предмете. Я забыл упомянуть об этом в письме С<ергею> А<лексеевичу>. Но Вы можете показать ему настоящее мое письмо, хотя я думаю, что этого не потребуется. Мне кажется, что сведения, сообщаемые Ребриным об усердии к храмостроительству, вовсе не исключения, не остатки. Об этом усердии мог бы Вам сообщить кой-что К. П. Афонин⁴. Прилагаю при сем Введение к «Вс<емирной> Выставке»⁵, т. е. собранию произведений *бесцельного труда*, которая приводила бы к *не-деланию*, если бы Храм-школа, или, точнее, *Храм-Музей с вышкою*, не указывал бы на дело. Не можете ли Вы это введение — *стилистически безобразное*, исправив изложение, вместе с статьею о выставке (неоконченною), которая у Вас оставлена, напечатать к предстоящей выставке?⁶ Впрочем, статейка эта большой важности не имеет и может быть оставлена, сдана в Ваш Архив (конечно, не «Русский»).

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам. Михаилу Михайловичу приношу поздравление, если он именинник⁷. Всею душою преданный

Н. Федоров.

P.S. Письмо к С. А. Белокурову было вложено в Ваше письмо, так что Вы можете по своему усмотрению или вручить это письмо ему, или оставить у себя.

10 ноября 1899

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
17 ноября 1899. Ашхабад

17 нояб<ря> 1899

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

В воззвании к повсеместному устройению школ-храмов — что мне кажется у Вас самым важным и ценным¹, — нужно бы указать на значение соединения школ с храмами, не как, конечно, сбережения места, а во-1-х как на реакцию против безобразий современного лаицизма, особенно у наших мнимых союзников — французов, а во-2-х как на исполнение заповеди, данной Поправшим смерть, чтобы сущим во гробех жизнь возвратить: ...Научите (школы), крестьяне (храмы) все языки во имя Троицы как образца соединения и умиротворения. В этой заповеди заключается повеление о повсеместном устройении школ-храмов как средства умиротворения, которое и должны бы совершить представители всех языков, сошедшиеся для умиротворения², т. е. для обращения орудий разрушения в орудия спасения от общих бедствий, путем постепенного обращения всеобщезаключательной воинской повинности во всеобщезаключательное образование или познание. Тогда Съезд представителей всех религий³ (кроме евреев) вполне исполнил бы, сам того не сознавая, величайшую христианскую заповедь, хотя и теперь сошлись они по заповеди Воскресшего Умиротворителя, доказывая тем, что дело умиротворения живущих для воскрешения умерших подвигается бессознательно даже против воли нынешнего поколения, хотя и очень медленно.

При соединении школы с храмом такие безжизненные науки, как География и История, которые для народных школ заменяют все науки, получают смысл и жизнь, когда будут рассматривать землю — предмет географии — как *немирное* жилище, производящее кладбище — предмет Истории. Такое отношение живущих (сынов) к умершим (отцам), конечно, указывает на долг первых к последним.

Не знаю, сказано ли у Вас о смысле соединения школы с храмом, и нельзя ли, если не сказано, прибавить об этом в нескольких строках⁴.

Судя по присланным статьям⁵, Вы могли бы и об этом предмете сказать что-либо очень убедительное. Благодарить за сообщение сведений о храмах обыденных следует и даже должно, конечно, *не меня*, а тех, которые доставили эти сведения, *каковы Ребрин* и др. Можно написать благодарность и Белокурову С. Ал. и *ни в каком случае не мне*. Эту незаслуженную благодарностью Вы мне сделали бы большую, очень большую неприятность⁶.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и [Михаилу] Михайловичам.

Преданный всюю душою

Н. Федоров.

P.S. Не можете ли Вы *показать* статью «Туркестанских Ведомостей» о съездах археологов и естествоиспытателей в Туркестане Янчуку⁷ и вообще тем, которые могли бы оказать содействие к осуществлению этого дела?

206.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
19 ноября 1899. Ашхабад

19-ое ноября. 1899.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Спешу представить Вам список лиц, доставивших сведения о храмах обыденных, которых и следовало бы благодарить, *а уж, конечно*, не меня: священ<ник> И. Лавров (из Нижегородс<кой> губ.), священ<ник> Ребрин (Пермской губ.), священ<ник> Т. Е. Чулков (Вологодской губ.), Страхов (из Твери), священ<ник> Т. П. Тарбеев (Калужс<кой> губ.). Следует также благодарить Серг<ея> Алексеевича Б<елокурова>, разославшего просьбы о доставлении сведений о храмах обыденных в Архивные Комиссии и во все редакции Епархиальных Ведомостей. Ваше желание выразить мне благодарность *очень меня напугало, и я убедительнейше прошу Вас не делать мне такой неприятности*¹. Жду с нетерпением последних двух статей, а за первые две приношу мою глубочайшую благодарность². Написал было особое письмо по поводу Ваш<их> статей, но, найдя его очень нелепым, не послал³.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам. Искренне преданный и любящий

Н. Федоров.

Не можете ли Вы *показать* статью о съездах в Туркестане Янчуку⁴ и вообще тем, которые могли бы оказать содействие к осуществлению этого дела? Н<иколай> П<авлович>⁵ и его семейство Вам шлет свои поклоны.

Есть ли у Вас статья «О ревивалях и обыденных храм<ах>»⁶ и нужна ли она Вам?

207.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
22 ноября 1899. Ашхабад

22 ноября 1899

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Еще несколько слов о Школах-храмах и их значении.

Присоединяя Школу к Храму, присоединяем к нему (приводим) тех, *коим принадлежит Царствие Божие*. Храм, присоединяя к себе школу, принимая детей, берет на себя обязанность блюсти их *от соблазнов*^{*}, сохранять в них детское чувство, т. е. сыновнюю и дочернюю любовь. И самый храм создается *Богу отцов, Богу Троидиному*. Говоря, что нужно создать не просто храм, а *школу-храм*, хотим, конечно, указать на важность заповеди:

* Самым полным выражением соблазнов служит всемирная Выставка, эта школа блудных сынов. Нынешнюю выставку¹ следует назвать *Школою-выставкою*, судя по тому, как много детей от<о>всюду посылают на это Парижское Позорище.

«*Будьте как дети*», заповеди основной, краеугольной, ибо не человека (гуманизм), а сына человеческого воспитать и составляет дело школы, цель школы, так как в сыне человеческом соединяется и чистота детского чувства, и зрелость разума, расширяющая детское чувство до любви ко всем отцам, как одному отцу. Легко понять, в чем может состоять высшее выражение любви всех сынов, как одного сына!

Храмы-школы имеют особенную важность для Православия, и именно потому, что они обращают тот недостаток, в коем обыкновенно упрекают Православие, в его преимущество. Православие, говорят, признает в религии лишь внешность, обряд, отвергая мысль, чувство, душу, или — не признавая их нужными. Если бы даже этот упрек был и справедлив, то с присоединением школ к храмам уважение к внешности будет означать, что Православие не довольствуется *Догматикою*, т. е. религиею лишь в *мысли** (идеолатриею), а требует, чтобы Догматика, т. е. Догматическое Богословие, получило полное выражение всеми видами искусств, соединенными в храме, неподвижном или движущемся (в крестных ходах), во внешней и внутренней росписях, во внутреннем пении и во внешней музыке (в звоне), в службах суточных и годовых, во всем, что может составить предмет Эстетического Богословия, которое имеет величайшее значение как *воспитательное средство*, приводящее к осуществлению на деле того, что в эстетическом Богословии выражено эстетически, в догматическом — лишь в мысли, а в так называемом нравственном Богословии не имеет пока никакого выражения, а потому и названия Богословия эта часть (нравственная) не заслуживает. Эстетика храма требует от сынов человеческих в совокупности такого добра, которое уничтожает зло, т. е. смерть, а не того добра, которое без зла существовать не может. Ни светская, ни духовная Этика не видит величайшей добродетели в том объединении, которое выражается в построении храма в один день. Для Православия же в этом совокупном деянии заключается великое благо, также как в печаловании о розни и гнете, ведущем к осуществлению подобия Троице, кроется высокое нравственное чувство, ибо Православие есть отрицательно — печалование, а положительно — осуществление Общею Помочью и Толокою *Чаемого, таинственно* в виде храма и литургии, а явно — во внехрамовой литургии, в воссозидании не подобия, а действительности (лицем к лицу).

Не знаю, будет ли для Вас ясно это очень краткое изложение новой науки о школах-храмах? Свидетельствую глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам. Николой Павлович и его семейство Вам кланяются.

Всею душою преданный

Н. Федоров.

* Догматика из школьной в храме получает эстетическое выражение, а вне храма должна становиться *этической*, т. е. *общим всех делом*.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 1 и 12 декабря 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Посылая Вам «Введение»¹, я полагал, что Вы присоедините его к оставленной у Вас стат<ье> «О всемирной Выставке»*. Напечатанное отдельно, «Введение» представлялось бы нелепою выходкою. Статья же «О всемирной Выставке», к коей можно бы присоединить заметку «О местных школах-выставках», была бы не только уместна, а даже <и> необходима после вставки в статью о храмах обыденных нескольких слов о *Школах-Храмах*, если, конечно, смысл этих последних показан³. Школы-Храмы, создаваемые сынами человеческими, означают примирение знания с верою или верностью и любовью к Богу отцов, т. е. если вера есть осуществление чаемого, то знание будет средством не опровержения, как теперь, а средством осуществления самим делом чаемого. Предмет же чаяния указан в Симв<оле> Веры.

Школы-Выставки, как создаваемые сынами, забывшими отцов, должны *доказать и показать*, что нет иного блага, кроме производимого фабрикою. Эти-то блага и будут показаны в школах-выставках для образования, отождествляемого с *расширением потребностей*, признаваемых в школах-храмах *соблазнами*. И на местной выставке при школе можно поставить с соответствующею обстановкою на самом видном месте манекен девицы, одетой в материи (гниль), которые вырабатывают фабриканты для соблазна крестьянских баб, словом, раздетой в пух и прах. Фабриканты, конечно, весьма охотно снабдят образцами на платья кукол для школ-выставок. Когда проект повсеместного устройства таких школ, который нужно представить на Парижскую Выставку, будет осуществлен, тогда уже нельзя будет сказать («Вест<ник> Евр<опы>» № 8. Стр. 735): «Крестьянские потребности крайне ограничены, обстановка жалка. Духовный мир — узок и беден», — <как> говорит бесстыдный Головачев⁴, хорошо зная, что этот духовный мир <и> совсем исчезнет (как его уже нет и у Головачева, если не считать уничтожение всего внефабричного за широту воззрения). Духовный мир, конечно, исчезнет, когда дети, согласно с Головачевым, будут думать, что умеренность есть добродетель баранов, и забудут, что неумеренность есть добродетель свиной. Школы-выставки именно назначены для сманивания населения в города, на фабрики. В видах пояснения выставки, нужно осмеять привязанность к праху отцов. Сказать что-нибудь вроде «глупой луны на глупом небосклоне»⁵ тем, которые еще видят в небе Бога и души отцов.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Искренне преданный Н. Федоров.

Ваше обещание приехать весною очень меня обрадовало, но до весны так долго...

Янчуку не отдавать, а только показать или дать только для прочтения⁶. Редакция «Туркест<анских> Вед<омостей>» не выслала ни одного экземпляра, хотя послано на 50 коп.⁷

* В статье «Всемир<ная> Выставка» нет конца, но теперь он готов и я мог бы его выслать².

209.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
12 декабря 1899. Ашхабад

12 декабря 1899.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

Письмо Ваше от 27 ноября¹ не только успокоило меня, но и очень обрадовало. Обещание Ваше приехать в Туркестан² и было причиной моей радости, тем большей, что пред этим чувствовал какое-то угнетенное состояние. Вы много вынесли из Вашей поездки на Север^{*4}, надеюсь, что и поездка на юг не останется бесплодною. Не забывайте, что на юг нужно ехать раннею весною; но и при самой ранней поездке еще долго, очень долго придется Вас ждать. В настоящее время я окончательно убедился, что печатание мелких статей не только бесполезно, а даже вредно. Заметку о Выставке как преступлении против всех X-и заповедей⁵ *отдельно* печатать и недолжно и не желательно, если бы и было можно. Даже в соединении со всею статьею о Выставке, как об этом говорится в прилагаемом письме⁶, очень, кажется, неясно и невнятно написанном, и в таком случае не следует.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам

Преданный всею душою Н. Федоров.

Н<иколай> П<авлович> и Юл<ия> Вл<адимировна>⁷ Вам кланяются.

210.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
15 декабря 1899. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович

Утром отправил к Вам письмо, а вечером получена рукопись: «„Всемирная Выставка” как встреча Нового Века»¹. Встреча *«всемир<ною> выставкою»* XX-го века означает полное отрицание *Юбилея XIX-и векового Р<ождества> Х<ристов>*. Встреча же XX века *праздником Р<ождества> Х<ристов>* означает не уничтожение или отрицание Выставки, а признание в ней изумительного богатства чрезвычайно остроумных, в высшей степени искусно сделанных игрушек и безделушек, свидетельствующих о такой талантливости, которая заслуживает аттестата зрелости, т. е. перехода от игры к делу. Совершенно справедливо, что Выставка есть отрицание всех X заповедей ветхого закона. Справедливо, что выставка чревата внутренними переворотами и внешними войнами. Блеск кимберлейских алмазов, если таковые есть на выставке, разве не свидетельствует о неизбежности столкновения соседей. Для любвеобильного же христианства, как ни прискорбны эти кровопролития, однако они свидетельствуют лишь о несовершенности, о ребяческом увлечении и буров и анг-

* Отчего Вы не напечатаете Ваше стихотворение о Севере³, которое читали мне пред отъездом?

личан блестящими камушками². Этот великий Юбилей, объявляя войны — шалостями, *дает амнистию всему прошлому.*

Сейчас ходил в библиотеку. На улицах уже 3-й день лежит снег, холодный ветерок, но Солнце греет больше, чем у нас в феврале. Не то в домах. В Асхабаде и во всем царстве Аримана печи греют только самих себя. Горницы же с Ормуздом большие спорницы. Внутренность домов бог холода избрал местом своего особого пребывания. Не верьте, если Вам будут говорить, что Ариман умер, нет, он жив, как живы все языческие боги. О живучести их столько же свидетельствует выставка, сколько и о своем несовершенности. Искусство человеческое, как оно выражается выставкою, бессильно против языческих богов. Но это Искусство еще не дело, а игра.

Юбилей Р<ождества> Х<ристова>, объявляя все прошлое детским возрастом, открывает великую будущность человец<ескому> роду, но эта будущность не придет сама собою, ибо она есть общее всех дело. (Такой взгляд нельзя не признать христианским в православном, т. е. вселенско-христианском смысле.) Проект повсеместного построения школ-храмов, если бы он был узаконен международною конференциею мира, стал бы началом дела. Если воззвание к построению школ-храмов находится в 4-й статье³, то я *очень опасуюсь, что она не будет напечатана.*

Вы твердо уверены, что статья «Выст<авка> как встреча нового века» не будет напечатана в светских журналах, потому что выставка составляет любимую игрушку всех партий (за одним, впрочем, исключением — Толстой, осмотрев выставку, пожелал «динамитцу»⁴). Конечно, если даже к строгому осуждению выставки присоединить снисходительный взгляд, указанный в настоящем письме, то и тогда, полагаю, светские журналы не напечатают ее. Я же с своей стороны думаю, что на духовные журналы, которые гораздо либеральнее и трусливее светских, еще менее можно надеяться.

Нужно бы еще во имя детей, отправляемых на выставку⁵, сказать несколько слов.

В статью Вы столько вставили своего, и очень хорошего, что должны *подписать ее своим именем.*

Мне кажется, местами в Вашей статье Христианство отождествляется с аскетизмом (стр. 6 и др.). 3-й эпитаф правый стороны, т. е. христианский, по моему мнению, дает неверное освещение первым двум христианским <же> эпитафам, а 3-му языческому эпитафу «Твори» противопоставлено христианское «Помышляй», т. е. языческое дело заменяется христианскою лишь *мыслию*⁶.

Я решительно ничего не имею против помещения Вашей статьи в Журн<але> «Вера и Разум»⁷.

По моему мнению, учение, имеющее целью примирение светского с духовным, при неполном, частичном изложении, т. е. *в виде небольших статей*, будет отвергаемо той и другою сторонами. Для одних оно будет казаться «диатрибою из времен невежества», а для других — неверием. Будет отвергнуто и

теми, которые, по-видимому, имеют цель ту же, называясь: *Верою*, а вместе <и> *Разумом*.

Впрочем, попытайтесь. Препровождая рукопись, прошу, если не будет напечатана, возвратить ее. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Николай Павлович и Юлия Владимировна Вам кланяются.
Преданный всею душою

Н. Федоров

15 декабря
1899

1900

211.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 2 и 15 января 1900. Ашхабад

Черновое

Я уже Вам писал, что статья, в которой говорится о Школах-храмах, не будет напечатана¹, и я не ошибся, хотя редакция поступила хуже, чем я написал², но я и не утверждал, чтобы ничего не могло быть хуже того, что я предполагал. В настоящее время самое слово «Школа-храм», вероятно, уже стало цензурным преступлением. Учреждением в Государст<венном> Совете *Департамента Народного Просвещения, Промышл<енности> и Торговли*³ школа неразрывными узами соединена с развитием Торговли и Промышленности. <Тому же содействует и забота> Минист<ерства> фин<ансов> о широкой постановке художественно-промышлен<ного> образования, <об устройстве> художественно-промышленного Музея⁴. <И> все это в умирающей от голода стране?!⁵

Конечно, в то время, когда горсть набожных земледельцев* побивает колосса промышленности⁶, мы поспешили создать учреждение, которое уподобит нас, наконец, сколь может, Англии. Проект Школ-выставок⁷ как бы создан для этого нового учреждения. Понятно, что это прямой и кратчайший путь к обессилению всякого государства. На Выставке⁸ будет показано и усовершенствованное оружие, — которым кочевые и земледельческие народы будут бить промышленные, культурные, — на свою погибель ими изобретенное.

212.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

11 января 1900. Ашхабад

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович

Новый юбилей Р<ождества> Х<ристов>, или вступление христианства в ХХ-й век, после *критического* XIX века, когда Христос вновь был предан суду и поруганию от новых иудеев и новых язычников, которые хотели лишить Его не только сана Сына Божия, но и Сына Человеческого, помазанника, оставляя Ему

* Говорится, очевидно, о бурах. (Примеч. Н. П. Петерсона.)

лишь имя Иисуса¹, забывая, что слово «Иисус» значит Спаситель от греха как причины смерти, следовательно, значит *Воскреситель* (в этом слове все Его дело, и жизнь, и смерть, от первой проповеди (Иоан. II, 19-22; XI, 46-53; Матф. XXVI, 61, XXVII, 40)). После унижений, которые далеко превзошли все, что сделано было и простодушным Пилатом, и злым Каиафою, в новом юбилее Христос должен явиться пред новым веком в еще большей славе и мощи. Нужно, мне кажется, было указать на то, что до сих пор замалчивалось. *Мнимое* протестантское спасение (т. е. спасение лишь мыслию) и *недействительное* католическое (т. е. спасение делами, ничего в себе спасительного не заключающими) нужно отнести к несовершеннолетним формам христианства. Юбилей XX века должен быть призывом к Вере как делу самого осуществления чаемого. Разве в заповеди собирания (научите, крестяще)^{*} всех народов, т. е. всех живущих, во главе коего стоял сам первенец от мертвых, могла быть другая цель, кроме довершения воскресения, когда и само крещение было лишь символом воскресения? Ввиду таких интересов я позволил себе сделать замечание на Ваши эпитафьи³, что вовсе не значит, чтобы я не ценил Ваш труд и не был глубоко благодарен Вам за него. Если же еще принять во внимание, что XIX век покрыл всю землю сетью сообщений, ввел почти всюду общую воинскую повинность, то задачей XX века будет вопрос об едином общем деле (если взаимное истребление и всемирную войну не считать таким делом), которое могло бы соединить всех и землю, как одно целое, поставить предметом этого дела.

Москва, конечно, и не думает о юбилее Р<ождества> Х<ристова>. Она, как слышно, задумала ознаменовать канун 19-и векового юбилея Р<ождества> Х<ристова> копию Парижской Выставки⁴, как бы вывескою, рекламою, считая за честь быть и самой лишь копию Парижа. Благодаря этому обстоятельству статья о выставке была бы своевременна, если бы она не была вообще анахронизмом или, как Вы говорите, Диатрибою из веков невежества⁵. Статья была бы уже потому полезна, что напомнила бы христоролюбивой Москве о забытом ею 19-и вековом юбилее.

На Ваш вопрос, когда и кем было составлено расписание Еванг<елий> и Посл<аний>⁶, здесь (в Асхабаде) я не могу дать ответа; притом и самый вопрос мне не совсем понятен. Есть, как известно, Евангелия и Апостол, расположенные по чтениям, которые появились очень давно. Наши первоучители переводили на славянс<кий> язык Евангелие апракос⁷. Просмотрите сочинение Мансветова о типике⁸, хотя прямого ответа на Ваш вопрос там не найдете. Очень сожалею, что не могу дать удовлетворительного ответа.

Напишите, пожалуйста, возвратил ли Вам Н. А. Янчук статью о съездах в «Туркестан<ских> Ведомостях» и *что сказал?*⁹ Не можете ли Вы прислать, если у Вас есть, хорошую карту Туркестана и прилегающих земель Персии и Индии. Поздравляю с Новым годом Вас, Марию Григорьевну, Сергея и Михайла Михайловичей.

1900. Янв<аря> 11

Преданный Вам Н. Федоров.

Юл<ия> Влад<имировна> и Ник<олай> Пав<лович> Вам кланяются и поздравляют всех.

^{*} Заповедь же соединения всех², конечно, выше Нагорной проповеди.

213.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
После 11 января 1900. Ашхабад
Черновое

Никак не могу забыть Вашего вопроса о чтениях Евангельских и Апостольских* и, не имея возможности дать прямой ответ, скажу несколько слов о том, почему, по моему воззрению или догадке, распределение чтений начинается 4-м Евангелием и начало этого Евангелия читается в день, «когда смерти празднуем умершвление»¹. Кто, когда и где в первый раз прочитал это Евангелие в день Пасхи, я не знаю (едва ли кто знает!), но то для меня несомненно, что на нем, на этом человеке или сыне человеческом в минуты чтения была рука Господня. Она открыла <Евангелие> и указала на это место, т. е. последнее Евангелие поставила на первое место**. Это так же верно, как верно то, что в Евангелиях при слове «Бог» всегда подразумевается «Бог отцов, не мертвых, а живых»³, ибо Евангелие не есть произведение бездушной, мертвой учености. Евангелие Иоанна не составляет исключение из этого правила, и в этом Евангелии нужно прилагать к слову «Бог», пред которым все живо, слово «отцов». Это самое глубочайшее определение Бога. Он есть жизнь без смерти, добро без зла, и из самого Его существа вытекает заповедь, *восприимающая умерщвление* (во всяком виде) *живущих* и *требующая оживления умерших*, т. е. уничтожения зла и водворения высшего блага. Вот это-то Слово, пред которым все живо, и было искони. Это же Слово было у Бога, и Сам Бог был это слово. Здесь Слово есть не отвлеченный разум, ибо Бог, пред коим все живы, есть Любы⁴, и человеческий род, когда будет объединением живущих, оживляющим умерших, будет также Любы. Особый способ чтения [продолжение утрачено.]

214.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Между 24 января и 3 февраля 1900. Ашхабад
Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Иронический ответ и *Веры, и Разума**** меня не испугал. Я знаю, что вся нынешняя вера и разум, а не харьковская только², из христианской превративша-

* Это — письмо, неоконченное, ко мне в ответ на мой запрос: кем и когда установлен был распорядок годового церковного круга апостольских и евангельских чтений? Н[<]иколай Ф[<]едорович очень заинтересовался этим вопросом и много положил труда на поиски исторического на него ответа, однако, безуспешно. От глубокого смысла и строя этого круга чтений он был в восторге и говорил даже, что Евангелие, читаемое *так именно, по этому распределению*, является еще более глубокомысленным и поучительным, чем при рядовом чтении. (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

** Перевод (?) Евангелия Толстым² начинается первым стихом Евангелия Иоанна I гл., что, конечно, Толстой считал *своим* открытием.

*** В редакцию журнала «Вера и Разум», по настоянию Н[<]иколая Ф[<]едоровича, была послана статья «О Всемирной Выставке»¹. Редакция возвратила мне статью при очень вежливом ответе, в котором одобрялось содержание статьи, помещение же ее в журнале, однако, отклонялось, как «неудобной по некоторым обстоятельствам». (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

яся в буддийскую, будет против того *дела и долга*, признать неисполнимость которого значило бы признать *беззаконность, бессовестность* самого существования нашего, которое, по ребяческому суждению нынешних Веры и Разума, *должно быть наполнено пустяками*, а необходимое будто бы придет само собою, не требуя от нас ни усилий, ни труда (не требуя объединения в труде познания), не только всеобщего, а даже вообще труда. И Вас, знавших, что Вы посылаете «Диатрибу из времен невежества»³, не должен удивлять насмешливый ответ редакции «Веры и Разума», которая, конечно, не читала всей рукописи. Я не знаю, стала бы редакция читать рукопись, если бы было предпослано ей письмо следующего содержания. «Мне случайно попалась рукопись, очевидно новейшего изделия, которая при первом взгляде представляется диатрибою из времен невежества и глубочайшего суеверия, а при внимательном чтении оказалась в ней неслыханная дерзость знания, признающая притом себя согласной с самою простою детскою верою. Не полагаясь на свое суждение, ибо в век позитивизма, так ограничивающего область познаваемого, что все существенное составляет, как оказывается, предмет непознаваемого, очень *может* *б* *ыть*», что показавшееся мне дерзостью есть лишь кажущаяся дерзость, а потому я и посылаю рукопись к Вам, которые, конечно, не признают узких пределов, полагаемых для *веры* Кантом, а для знания не признают границ, поставляемых Кантом, которые опытные науки не раз уже переходили с большим успехом, так что можно подумать, что ставить пределы и для веры и для разума есть тоже своего рода дерзость». Впрочем, все эти ухищрения совершенно бесполезны, ответ был бы тот же самый.

Почему же, Вы можете спросить меня, я продолжаю верить, если не жду других ответов, кроме прямо отрицательных или же утвердительных лишь иронически?..⁴

Какой удобный момент для *России* сказать *Англии* (т. е. повторить то, что она, сама Англия, говорила): *Руки долой*. Этот Остров, знающий только себя, не признающий себе равного, превзошел, кажется, даже евреев в умении возбуждать к себе ненависть. Эти изверги, еще недавно защищавшие разрывные пули, имеют нахальство жаловаться на употребление <таких пуль> против них⁵, как бы считая употребление их своею привилегиею. Не одни воинственные горцы Запад<ной> Индии, услышав, что для них назначены разрывные пули, почувствуют беспредельную ненависть к этим извергам. Ненависть к ним растет (ибо и Южную Африку, [2 слова неразб.] Китай обратят в новую Ирландию, как и Индию) и соединит все народы, и окружат остров злодеев и грабителей всего мира. Голос обрадованных народов возопиет: разрушайте, разрушайте его. Пал, пал он, злой Лондон!⁶

215.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 февраля 1900. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Получив письмо Ваше от 9 января¹, я стал ждать оттиска². Хотя и написал два письма, но непереписанными послать не решился³. Теперь оттиски получе-

ны. Но как ни прекрасно написана статья о *хр<амах> обыден<ных>*⁴, я все-таки предпочел бы прочитать Вашу поэму «*На валу*»⁵. Понятно, что живущим на окраине, на крайнем валу России в XIX веке желательно прочитать, как жили в XVII веке на Вашем Козловском валу. Когда вы побываете в Туркестане и увидите множество развалин здешних острожков и башен, то, вероятно, напишете еще большую поэму под названием «*На Иранском валу*». Вы, конечно, послали отгиск и Серг<ею> Алекс<еевичу> Белокурову. Нельзя ли послать также Серг<ею> Сергеевичу Слуцкому — автору статьи «*Храм Св. Троицы*» при Румянцевском Музее?»⁶ Он служит в *Архиве же Министерства Иностранных Дел*. Конечно, не забыли К. П. Афонина?⁷ В переписке с ним я не нахожусь, потому что Господь Бог не умудрил меня письменным искусством, о чем свидетельствует и настоящее письмо. В непосланных письмах много говорилось о злобе дня. Конечно, нельзя желать торжества Англии над бурами, но не нужно и скрывать от себя, что победы буров будут победами *Германии*⁸. России, по моему мнению, следовало бы напомнить Англии и всей Европе о том, как она, т. е. Россия, после побед своих в Турции 1878 г., по требованию Англии и Германии, явилась на суд Европы и покорно исполнила решение Берлинс<кого> Конгресса. Почему бы Россия не могла предложить Англии явиться на вновь созванную Конференцию в Гааге? Но на этой конференции, оградив буров от посягательств Англии, следовало бы оградить и *сию последнюю от посягательств Германии*, которая, конечно, поспешит занять место Англии в *Южн<ой> Африке* — и не в одной *Южн<ой> Африке*. Союз России с Черным Царем, с его 300000000 друзей-мусульман⁹, совершенно невозможен, тогда <как> союз России с двумя Британиями¹⁰ все-таки вероятнее. И, конечно, Лонгу¹¹, вместо того чтобы желать поражения своему отечеству, лучше было бы *пожелать союза с Россией по делу умиротворения*.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Всею душою преданный Н. Федоров.

4 февраля 1900.

216.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 4 февраля 1900. Ашхабад

Черновое

Если Выставка отрицает не словом, а делом все X заповедей ветхого закона, то Новый завет должен уже не мысль лишь возводить горе, по тому уже одному, что в Вашей статье о Храмах обыденных говорится о проекте построения повсеместно Школ-храмов¹, который и есть уже начало дела, долженствующее заменить «Выставку», если бы к Школе-Храму придать Музей с вышкой*, что дало бы сему последнему священное значение. Правда Музеи были вообще устранины из статьи о Храмах обыденных.

* Музей как храм предков, поглощенных землю, направляет не мысль только в глубь преисподней, а вышка возводит очи горе, силится открыть пути в небо.

217.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
9 февраля 1900. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Чрезвычайно благодарен и очень огорчен высылкою карты на 6-и листах¹. Обращаясь к Вам с просьбою, я разумел такую карту, какие издаются газетами и какую я видел у Вас, изданную, кажется, к путешествию Гром<б>че<в>ского². Очень был бы рад, если бы карта эта пригодилась для Вашего путешествия в Туркестан, которого ожидаю с большим нетерпением. Сейчас, 9 февраля, получил Ваше письмо от 30 января³, и желал бы, если можно, предупредить присылку карты Авганистана, а потому спешу отправкою этого письма. И так уже много обязанный Вам, я опять обратился к Вам с просьбою, а Вы не отказали, как бы это следовало сделать.

Много и премного благодарный Вам и преданный всею душою

Н. Федоров.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и <Михаилу> Михайловичам.

9 ф<евреля> 1900 г.

218.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
21 февраля 1900. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Несколько писем отправлено к Вам, но, вероятно, не все дошли до Вас. Настоящее письмо посылаю заказным. Здесь начинается весна, очень запоздавшая нынешний год, которая, однако, не замедлит превратиться в знойное лето. Если Вы не отказались от поездки в Туркестан, то напишите, когда Вы собираетесь совершить это путешествие, до Пасхи или после нее? Лучшее время для путешествия в Туркестан, говорят, март или вторая половина марта и начало апреля; только равноденственные бури, которые господствуют, как я слышал, на Каспии в марте месяце, составляют неудобство для путешествия в это время. Конечно, я желал бы возможно ранней Вашей поездки, но настаивать не решаюсь, прошу только уведомить о времени поездки¹. Настоящее письмо Вы получите не ранее начала марта, и ответ на него может быть здесь получен около половины марта. Поэтому ответом нельзя медлить. Янчука Н. А. нужно *просить о возвращении № «Турк<естанских> Ведомостей»²*, потому что другого экземпляра нет не только у нас, но и в самой редакции «Тур<кестанских> Ведом<остей>». Нынешнее торжество англичан гораздо более их унижает, чем поражения, понесенные ими от горсти очень способных к сдаче буров. Это торжество над врагом, не только количественно, но и качественно невысокого достоинства, показывает, какой жалкий и пустой народец англичане. Даже не умеют скрыть своей радости от таких позорных побед!

Нужна была такая конституция, как английская, чтобы воспитать подобных гадин. При таком торжестве и буры представляются уже колоссальною величиной пред британским ничтожеством. Впрочем, война еще не кончена. Может быть, Кронье — исключенье?³ За англичан же можно поручиться, что их храбрость будет расти вместе с уменьшением сопротивления. Вот пред каким народом мы всегда трепетали, делали всякого рода уступки!

За карты Туркестана приношу мою искреннюю благодарность⁴. В них я нашел и ту часть Авганистана, которая мне была нужна, а потому в особой карте Авганистана нет надобности.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Всею душой предан<ный> Н. Федоров

21 февраля 1900 г.

219.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 марта 1900. Ашхабад

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович

Если бы Вы, при постигшем Вас горе, совсем забыли о моем даже существовании, то и тогда я, конечно, не имел бы ни малейшего права жаловаться. Теперь же, когда Вы, несмотря на Ваше тяжелое положение, не только не забыли, а высказываете очень большую, даже чрезвычайную заботу о моем возвращении, связанную с материальным пожертвованием¹, то мне остается только удивляться и благодарить. К. П. Афонину я дал обещание ехать с ним², если Ваша поездка в Туркестан почему-либо не состоится³. Но дадут ли ему отпуск, еще не известно. Остаться же на лето в Асхабаде, при отсутствии купания, считаю невозможным. Зиму здесь можно было провести лишь при особых, исключительных стараниях Юлии Владимировны и Ник<олая> Павловича⁴.

Ехать одному мне кажется возможным, если только отделаться от багажа, как бы он мал ни был, переслав отдельно на Ваше имя или как-нибудь иначе. Только после Вашего очень благожелательного письма⁵ я позволяю себе говорить о таких пустяках.

Прошу передать Марии Григорьевне мое искреннее соболезнование в постигшем ее горе. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Сергею и Михаилу Михайловичам.

Всею душой преданный

Н. Федоров.

17 марта 1900 г.

220.

К. П. АФОНИНУ

Между 17 и 26 марта 1900. Ашхабад

Черновое

Глубокоуважаемый и добрейший

Несмотря на все мое желание сделать Вам угодное, я не могу злоупотреблять добротой Владимира Александровича, хотя бы он сам меня просил. Дать <мне> возможность доехать самым коротким и самым дешевым путем от Асхабада до Воронежа и моему <спутнику> есть величайшее благодеяние со стороны Владимира Александровича, а с моей стороны было бы непростительным пользованием его щедростью, если <бы> не вынуждалось необходимостью, оставаясь в Асхабаде, страдать в Асхабаде от простуды всю зиму и особенно весну, а летом быть лишенным столь необходимого для меня купания. Не желая лишать Вас удовольствия путешествия, я или буду ждать Вас до начала мая или — если отправлю свой небольшой багаж отдельно, то могу легко доехать и один¹.

221.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

26 марта 1900. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Доехать коротчайшим и самым дешевым путем до Воронежа, а потом до Москвы — вот мое желание. Путешествие же по Черному морю, предлагаемое Вами, было бы с моей стороны недобросовестным пользованием Вашей добротой. Наибольшее мое желание, отправив отдельно свой хотя и небольшой багаж, ехать одному, никого не отвлекая от собственных его дел. Для чего, напр<имер>, Коз<ьме> Петровичу¹ ехать в Петровск, по дороге, ему уже известной? Взять пассажирский билет мне кажется не особенно трудным! Самое наибольшее же мое желание — поселиться в каком-нибудь городке и жить исключительно своею пенсией. Я уже так много пользовался Вашей добротой, что пора и честь знать. — Фантазию Соловьева² не только читал, а даже за месяц до появления этой статьи в печати сказал, кого хочет уязвить этот папист. Я не знаю, в каком смысле Вы находите слова Соловьева *достойными серьезного размышления*, а потому ничего не скажу о его фантазии, хотя написал кой-что по этому поводу³. Впрочем, если будете в Музее, то спросите музейцев, известно ли им, что Музей есть порождение Антихриста, созданный им как насмешка над презираемым им Православием и Старообрядством! Конечно, этот Музей не Румянцевский, а Цареградский, и не нынешний Цареградский, а будущий, на создание коего щедрый Антихрист назначил что-то много миллионов⁴. Если же им неизвестно об этом будущем Музее, которому нынешние, конечно, служат предтечами, то пусть прочтут в февральской книжке «Недели» статью Вл. Соловьева «Под Пальмами»⁵.

Я и Вам советую прочитать эту блестящую статью⁶, в которой Вы, быть может, найдете немало для себя симпатичного, кроме мага Антония или Аполлония⁷ — что Вы нашли достойным размышления.

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за все, что Вы делаете для меня, ведомое, а может быть, и неведомое. Преданный всею душою Н. Федоров — P.S. Если я поселюсь в Воронеже на лето, а Вы будете в Козлове, то Ваше посещение было бы для меня большим праздником. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

26 марта 1900 г.

222.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 апреля 1900. Ашхабад

Христос Воскресе!

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович

После дней страдания, рано утром в день Светлого Воскресения получено Ваше прекрасное, но неоконченное стихотворение¹. В нем есть Великий Пяток — день сострадания всем страждущим, в нем выражено глубокое отвращение к непонимающим страшного величия Великого Пятка, а мнящим себя выше всех, будучи самою пустотою, нирваною. Здесь, в Туркестане, с особою силою открывается Крестное слово. Нигде в мире нет стольких Голгоф, краниевых мест, пирамид, как гор, из черепов воздвигнутых. Здесь в Туркестане на всех украшениях, на одеждах, на утвари, на оружии видим крест. Крест составляет краеугольный камень, говорят изучавшие среднеазиатский орнамент (Каразин)². Этим орнаментом Туран свидетельствует против Ислама, обратившего Великий Пяток в день ликования. Великий Пяток — день обращения орудий истребления в орудие спасения — должен бы особенно быть почитаем в Туране, в царстве Аримана. Он и будет чтим, когда все орудия истребления обратятся в орудия спасения от всех общих бедствий и от всего зла. Крест был, вероятно, самым древнейшим, б<ыть> м<ожет>, первым орудием казни. Самая простота его формы свидетельствует об этом. Вид этого орудия был воспроизведением, подобием человека, простершего руки к небу в момент глубокой скорби («к небу шлет стенанья»)³. Так что в этой казни было богохульство. Если вертикальное положение человека было первым выражением религиозного чувства (начало религии), то в крестной казни было первое отрицание религии. Долго небо зрело эти казни, ожидая раскаяния от самого человека, т. е. ожидая, что он сам поймет, что ему нужно делать, и, наконец, решило преподать ему великий урок обращения орудия казни в орудие спасения и, к стыду всех муд-

рецов и интеллигентов, предоставило *разбойнику* первому признать в распятом *Спасителя*. Обращение орудия истребления и богохульства в орудие спасения человеческого рода — вот истинно божественное мщение. Вот что значит «Мне отмщение и Я воздам»⁴ в новозаветном смысле. Это извлечение из статьи «Великий Пяток в Туране, Царстве Аримана»⁵, где всегда, можно сказать, «Толпа людей живет в волнах страданья, то кровь свою...» И в пустынном Туране — «цветут земных страстей роскошные поляны». Все это есть в Вашем стихотворении, но нет в нем Воскресения, или есть лишь слабые признаки его зари. А между тем Ваши слова «Жить *со всеми*, все зло и смерть побеждая», принятые в строгом смысле, заключают светлое воскресение в самом обширном смысле. Чтобы действительно жить *со всеми*, нужно все и умершие бесчисленные поколения наших отцов *оживить*, а через них все *чуждые* миры вселенной *породнить*. Тогда не будет безжалостного рая, а вся вселенная будет одним раем, и люди не будут орудиями слепой, чувственной, умерщвляющей силы, принимая рабство за господство, как сверхмирный титан, а станут орудиями Бога, не только смерти не создавшего, но и требующего от сынов оживления отцов, ибо Он — Бог не мертвых, а живых.

Поздравляю со светл<ым> Праздником Вас, Марию Григорьевну, Сергея и Михаила Михайловичей... Н<иколай> Павлович и Юл<ия> Владимировна Вас поздравляют с праздни<ком> Воскресения Христова.

Р.С. Где напечатана новая драма Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся...»?⁶

Телеграммы от К. П. Афонина еще не получено⁷.

10 апреля

1900.

223.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

16 мая 1900. Подольск

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович!

На другой день Вашего рождения получил Ваше дивное стихотворение¹. Чудная молитва от жаждущих быть совершеннолетними, как Бог-Отец наших отцов! Надпись над молитвою: «Да будет воля Твоя», — сделала бы ее выражением лишь одного прошения, тогда как в ней — целая Этика, только не для людей, взятых в отдельности, а в их полной совокупности. В ней вся и Эстетика как «любви взаимной красота»; т. е. любовь взаимная воскресенных поколений заменила бы небесных миров всеобщее тяготение. Извините за плохой комментарий на Вашу прекрасную молитву, с которою христианство могло бы вступить в двадцатый век своего существования. Глубоко благодарный Вам Н. Федоров.

224.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 мая 1900. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Из Вашего письма от 17-го¹ не видно, чтобы Вы получили мое письмо от 16 мая. В этом последнем письме — восторженная хвала стихотворению² и благодарность за этот неожиданный подарок. Во всем стихотворении одна буква, только одна буква, смущает меня, буква *и*; только не в слове «мир», где, как Вы и сами указали, конечно, нужно *и* заменить *і* («*Чтоб в міре их осуществ-лять*»)³, а в стихе: «*Возможность жизнь вернуть и тем, кто...*» Мне кажется, что здесь «*и*» обращает воскресение отцов из необходимо-должного во что-то сверхдолжное, как бы <в> прибавку, которая может и не быть. «Жить со всеми и для всех» только и значит «*Жить со всеми живущими для всех умерших, чтобы возвратить все лишившимся всего*». — Это высшая добродетель. Не изменяя настоящего стиха, нельзя ли сделать небольшой вариант к нему, если найдете основательно эту заметку. Для вящего усовершеня, а не желанием осуждения вызвана эта заметка. (Очень может быть, что в самом тексте было основание для Вашего выражения, т. е. ошибка сделана мною.) Ваше стихотворение во всяком случае останется для меня драгоценным даром, за который приношу Вам мою искреннейшую благодарность. Преданный всею душою Н. Федоров.

Благодарю за уведомление о пенсионной книжке. Что касается адреса г-жи Е. Я. Федоровой⁴, то справка в настоящее время будет бесполезна, потому что, как я вспомнил, на лето она всегда уезжает из С<анкт>-П<етер>б<ург>а.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Михаилу и Сергею Михайловичам и всем Вашим.

19 мая 1900.

225.

М. М. СЕВЕРОВУ

Между 19 и 30 мая 1900. Подольск

Черновое

Глубокоуважаемый

Михаил Михайлович

Не зная адреса хулителя пасхального рескрипта, а вместе опасаясь оскорбить Надежду Степановну¹, я предлагаю Вам вместе с Марией Григорьевной² решить, должно или нет послать прилагаемое при сем письмо к легкомысленному и малосмысленному последователю того учения, которое хулу считает началом премудрости³. Я не понимаю, почему этот последователь опошлевшего уже критицизма, незнакомство с которым он так блестяще доказал на своем экзамене по философии⁴, — почему он в молитве Царя о соединении отторг-

нувшихся видит старообрядцев, а не католиков, также отторгнутых папизмом от Православия, и протестантов, не воссоединившихся с ним.

Судя по широте понимания Православия в рескрипте, по самому духу Императора, воспитанного всемирным путешествием⁵ и уже призывавшего весь мир к примирению⁶, судя, наконец, по месту, где произнесена Молитва о воссоединении, т. е. Москве — 3-м Риме, — что особенно любезно старообрядцам, надо полагать, что не старообрядцев только разумел сын Миротворца⁷, а молился о всех и за вся.

К сожалению, у меня нет рескрипта и я не мог в Подольске достать его, чтобы еще раз прочитать. У Влад<имира> Александровича⁸ два экземпляра, если можно, пришлите.

Напомнить о статье «Плач о Царьграде, или о впечатлении, произведенном на Запад падением Царьграда»⁹, — отчего бы не послать ее к Священнику, к которому послан колокол.

226.

Ю. П. БАРТЕНЕВУ

Между 19 и 30 мая 1900. Подольск

Черновое

Милостивый государь

Юрий Петрович

Записка «О Москве как Пасхальной резиденции» была отправлена к Вам по желанию Владимира Александровича¹, и не только я, а даже и сама записка не желала попасть в Ваш не-Русский Архив, не умеющий видеть в новизне глубокую сторону. Записка, как Вы знаете, сумела ускользнуть из первого письма и только во втором письме попала в Ваши не-русские руки. Нечистый дух, считающий примирение и объединение за оскорбление, нечистый дух, избравший Вас и Ваш журнал своею резиденциею, на этот раз, желая делать, как всегда, зло, сделал добро, возвратил записку, за что я и приношу Вам мою искреннюю благодарность.

Шлю мой привет Надежде Степановне², твердо веря, что она не разделяет Ваших античеловеческих и антихристианских выходов. Желая, чтобы и дети Ваши в этом не походили на своего отца.

Искренне сожалеющий Вас Н. Федоров.

Записку, посланную к Вам, Вы и не должны были печатать, но потому, что она очень слабо выражает великий смысл Пасхального рескрипта.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
30 мая 1900. Подольск

Дорогой и глубокоуважаемый
Владимир Александрович,

Если оригинальность — препятствие к напечатанию, то как назвать журнал, одержимый боязнью оригинальности?¹ Такая боязнь есть ли принадлежность богословских или вообще русских журналов? Надо будет спросить об этом у нового редактора А. Ф. Филиппова². В Москве я еще не был по причине очень оригинальной для лета погоды: осенние дожди и зимние холода. Но в комнате тепло и стекло *давно* вставлено.

Статью³ не только пересылать, а даже и с собою перевозить не следует, что с нею делать в Подольске? В Москве можно бы дать кому-нибудь прочесть, хотя я и не знаю, кому? Остается обратиться паки и паки к «Молитве»⁴. Еще одно достоинство нахожу в Вашей молитве. В ней слово «Отец» (Отче) поставлено не в начале, а в конце, так что вся молитва показывает именно то, что нужно, чтобы весь род человеческий *мог неосужденно призывать Небесного Бога-Отца*, т. е. нужно, чтобы нынешнее взаимное умерщвление заменено было всеобщим оживлением, и даже нужно для действительного уподобления, чтобы не было для живущих *иного* дела, кроме оживления умерших, ибо иное дело было бы служением цным богам и вызвало бы и Суд и осуждение. Эта молитва о прекращении «войны всех против всех» найдет ли сочувствие там, где она <, война,> наиболее чувствуется, т. е. в городах? Переезд на дачу есть также указание на несостоятельность городской жизни.

Признательный Вам

Н. Федоров.

Май 30
1900 г.

P.S. Если у Вас есть несколько экземпляров напечатан<ного> в «Новом Времени» Вашего стихотворения к Фр. Ницше⁵, то, прислав мне один, премного обяжете. Макс Штирнер вновь входит в славу. В нынешнем году вышел во Франции перевод его известного сочинения⁶. И ему бы нужно было написать приветствие с возрождением. В Германии, говорят, его ставят выше самого Ницше. М. Штирнер, Ф. Ницше и Л. Толстой — вот три пророка конца XIX века. Это, кажется, уже последнее слово в знании самого только себя.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и всем Вашим.

В заключение выпишу следующее место из Кирилла Александрийского, встреченное мною у Маутнера («Гипатия»)⁷. Это место свидетельствует, что молитва, если не о воскрешении, то о воскресении, была обычна еще в конце IV-го века, и притом время наступления воскресения ставилось в зависимость от жизни христиан. «*На них*» (т. е. юношей, удаляющихся от церковных собраний), — говорит Кирилл, — «*падет вина* в том, что пришествие Царствия Небесного *будет отодвинуто на неопределенное время* и будут обмануты надежды миллионов людей, *денно и ночью молившихся о*

том, чтобы разверзлись могилы и чтобы живые вкусили блаженства Царствия Небесного»⁸.

15 дней прошло от Вашего отъезда и 15 остается до приезда, согласно Вашему обещанию⁹.

Буду ждать.

Преданный Вам Н. Федоров.

228.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 июня 1900. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Чрезвычайно благодарен Вам за Ваши письма¹ и особенно за обещание приехать двумя днями даже ранее назначенного Вами времени².

Мы здесь живем решительно вопреки Календ<арю> Демчинского, но тем не менее мысль заменить гражданский, искусственный календарь естественным есть мысль совершенно верная³. Эта замена мне кажется так же глубоко истинною, как замена отвлеченного понятия *человек сыном человеческого*, или — точнее — *сыном умерших отцов*. Как только последнее стало на место первого, так для меня «все исполнилось света, и небо и земля и преисподняя». Вопрос, что делать сынам умерших отцов, как единокровным осиротевшим братьям, стал для меня яснее дня, светлее Солнца. Становясь на точку зрения неверующих, разве мы не должны сказать, что сама природа в нас, живущих, создала свой долг к умершим, как только искусственное «человек» заменилось «сыном умерших отцов», т. е., *рождающая смертное*, стала она (т. е. неразумная природа, превратившись в разумную) *воссозидающею бессмертное*.

Очень признателен Вам за присылку стихотворения⁴ и за две вырезки, особенно за ту, в которой говорится о Китае. Меня не то удивляет, что мы поддерживаем в Китае британских, франко-бельгийских* и вообще *европейских кулаков* против китайских крестьян⁵, не имеющих никаких орудий, кроме рук, против переусовершенствованного оружия; я опасюсь, как бы мы не двинули корпус или два в Африку в помощь британским или иоганисбургским кулакам для истребления боэров, т. е. пастухов и крестьян⁶. Англичане еще очень великодушны. Пошли они нам приказ явиться на помощь в Африку, разве мы осмелились <бы> не исполнить приказа? Разве мы ослушались приказаний Дизраэли и Бисмарка явиться на суд в Берлин!⁷ Теперь мы идем наказывать сынов за почитание отцов! Травлю отцов, которою мы занимаемся с окончания Крымской войны, хотим распространить за пределы России. Если под «прогрессом» разуметь сознание младшими своего превосходства над старшими, живущи-

* Бельгийцам, которые после немцев и жидов первые благодетели России, конечно, должно помочь!!

ми — над умершими, сынами — над отцами^{*}, то мы далеко ушли в деле прогресса: мы твердо уверены, что раб выше своего Господина, посланник выше пославшего, ученик выше учителя, а студент выше всех профессоров. Прежде правительство наказывало студентов, предполагая в них любознательность, временным закрытием Университетов. Теперь же студенты требуют себе права под видом забастовок закрывать Университеты⁸, с гордостью доказывая, что такую болезнью, как любознательность, они вовсе не страдают. Война с китайцами, если она продлится, очень м<ожет> б<ыть>, выдвинет вопрос о хамитизме и заставит сознаться в том, что хамитизм не такая еще великая добродетель, как европейцы предполагают.

Если Вас интересуют китайские дела, то обратите внимание на следующие два новые издания: 1. *Подроб<ная> карта действий «Большого Кулака» в Китае*. Ц. 30 коп. 2. *Карта сфер влияния Евр<опейских> госуд<арств> в Китае*. Ц. 30 коп. *Приобретать их не стоит*, а взглянуть не мешает.

Когда Вы будете в Москве и если у Вас будет много времени, и если при этом будете близко к той библиотеке, в которой берете книги, то нельзя ли будет взять тот № России или Руси (газеты, издаваемой, по-видимому, при жур<нале> «Неделя»), в котором помещено Вл. Соловьевым *Предисловие* к его статье «Под пальмами»⁹. Впрочем, *это не важно*. Демчинский сделал в Геогр<афическом> общ<естве> новое предложение: исправить наш календарь без всякой ломки, отбросив високосные дни¹⁰ (предложение это не новое). Но отбрасывая високосные дни, не должны ли мы праздновать Пасху не в воскресные дни? Во вторник жду Вас.

Искренно преданный Вам

Н. Федоров.

7 июня
1900

Марии Григорьевне и всем Вашим свидетельствую мое глубочайшее почтение.

229.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
23 июня 1900. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович

Премного благодарен Вам за посещение Подольска. Очень отрадное впечатление оставила по себе и поездка в Дубровицы¹. Жаль только, что пребывание Ваше в Подольске не могло быть продолжительнее. Впрочем, как бы оно ни было продолжительно, все-таки казалось бы коротким, особенно для того, чтобы надлежащим образом поставить 12 вопросов².

^{*} Прогрессисты, подобно животным, признают сыновство до известного возраста, пока нуждаются в помощи родителей. Оно, сыновство, тождественно для них с несовершеннолетием. В Евангелии же сыновство отождествляется с совершеннолетием. Христос называет Себя Сыном Человеческим по вступлении в служение роду человеческому.

Нижеследующие строки можно считать введением к этим 12 вопросам. Нам, т. е. России, предстоит страшное испытание: отказаться ли от дружбы с французами*, мечтающими при помощи России отхватить чуть не пол-Китаю, или же сделаться предателями Китая⁴. Сама История ставит нам вопрос: признать ли себя европейцами и задушить вместе с ними *старейшее Царство земли — Китай*, или же отказаться от гнусного, опозоренного *имени европейцев и американцев*** и положить предел расхищению Китая. Самим не брать и другим не давать***. Никогда еще Россия и весь мир не переживали такого кризиса. Отказаться от европейства — значит признать несостоятельность Цивилизации и Культуры. Замечательно, что в каждом из 12-ти вопросов Записки, составленной в Подольске⁹, говорится об *европейском*, т. е. о том, что *теперь есть***** и что не должно быть, и о *не-европейском*, т. е. о том, что должно быть и чего теперь нет. В 3-м вопросе «О двух отношениях разумных существ к неразумной силе, о подчинении ей и управлении ею», в культуре и выражается подчинение, рабская покорность разумного существа слепой, *умерщвляющей* силе, ибо культура есть уродование самих себя, животных, растений, вообще природы, приводящее к *вырождению и вымиранию, истощению*. Культура, цивилизация, эксплуатация суть самоубийство, взаимное убийство и обессиление внешней природы вместо *регуляции*. Этого возвышенного дела нынешняя подлая Европа, привыкшая к эксплуатации и утилизации, не поймет.

Вам бы следовало написать для Шереметьева¹⁰ о Самодержавии, как оно было и как оно должно быть. Замечательно, что наш фарисей — Толстой к Евангелию обращался с вопросом, позволительно ли платить подати, и мы можем сравнить ответ Сына Божия и сына дьявола¹¹. Судя по противоположности ответов, какое другое имя можно дать нашему лицемеру¹². В 12-м вопросе о *конституции* говорится очень мало и очень мягко. Конституция *не есть лишь выражение несовершеннолетия, т. е. выбора себе дядек, или открытое признание своей незрелости, она, Конституция, есть глубокое народоразвращающее средство...* Разрушение золотых копей — вот единственная угроза, которую понимает Европа, и буры даже не решились для спасения отечества коснуться этой единственной святыни, которую признает Европа¹³. Китайцам грозят разрушением могил!¹⁴ Глупость ли это, как думают европейцы, а следовательно, и русские интеллигенты? Точно ли Золото — святыня, а прах предков — дерьмо? Это вопрос,

* Об искренности французской дружбы сказано в статье «Авторское право и авторская обязанность»³, или вопрос, почему французы хорошо понимают первое и стали неспособны понимать второе, или вопрос — почему не состоялся книжный обмен между такими друзьями, как Россия и Франция?

** Горьким опытом и мы приобрели право называть европейских аггелов — заморскими дьяволами, рыжими варварами. Мы не только не поддерживали пушками наших миссионеров⁵. Мы молились в Пекинском *храме Премудрости*⁶, *Софии, о двух Царях, Белом и Желтом*, молились о вечном мире Китая и России и об избавлении от общих врагов хищников, европейцев и американцев.

*** Нельзя не заметить, что наше владение в Китае означает лишь *необходимый выход* к Океану⁷, тогда как Запад своими захватами *закрывает выходы Китаю, устраивает осаду и блокаду его берегов*⁸. Закрывать выходы к морю, запираить, быть тюремщиками — вот и вся внешняя политика Европы.

**** В том, что *теперь есть*, заключается и *европейское*, как *отживающее*, и *русское*, как *недозревшее*; город — отживающее, село — незревшее.

который, как мне кажется, и будет решаться в Китае. Из этого вопроса можно бы сделать эпиграф ко всем 12-ти Пасхальным вопросам¹⁵. Записку о эпиграфах, плохо составленную, еще хуже переписанную, я не решаюсь послать, а оставляю до Вашего приезда в Подольск¹⁶. Письмо это написано уже давно. Пробовал переписать, вышло еще хуже. Искренно, всею душою предан<ный> Н. Федоров.

Марии Григорьевне и всем Вашим свидетельствую мое глубочайшее почтение.

23 июня

1900.

230.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 26 и 30 июня 1900. Подольск

Спешу, дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович, послать разбор X-и заповедей Венского Синая¹, написанный в тот же день, как они получены. Благодарю Вас и Марию Григорьевну за Пасхальные Вопросы². Письмо от 23 июня Вы, конечно, уже получили.

Не могу не сказать нескольких слов о новых заповедях. Вместо X точных и определенных заповедей, непониманием коих, напр<имер>, «Не убий, не лиши *Жизни*», оправдываться нельзя, ставятся 10-ть загадок, неизвестных величин, 10-ть *x*, *y*, одно другого неопределеннее и темней: добро, зло, *человечность*, или заповеди человеческие, законы природы, или *естественность* (этим словом, которое так же ясно, как человечность, необходимо пополнить этот сборник неопределенных слов), дело и объединение на какое-то дело. Эти неопределенные слова легко заменить словами всем понятными и известными. Все живущие, не исключая Вейса, знают себя сынами неумерших или умерших отцов, т. е. всех отцов. Слово «смертный» мы оставляем философии, как отживающему знанию без дела. Все также знают и в нас и вне нас силу, которая, рождая, умерщвляет, т. е. жизнь и смерть. Капитальнейший недостаток заповедей Вейса состоит в том, что они относятся к людям, взятым в отдельности, а не в совокупности. Если и позволительно обращаться к людям в отдельности, то только для осуждения этой отдельности или розни. Итак: I и II <заповеди,> — Люби добро* и добрых и не питай ненависти к злым, — *значат люби жизнь и всех живущих*, т. е. объединение всех живущих поставь первую заповедью. Для чего нужно объединение? Чтобы *ненавидеть зло, т. е. смерть. Ненавидеть смерть* — значит *любить всех умерших*, любить не словом, а делом. Итак, если мы не хотим вносить личного своего произвола в дело нравственности, то первые две заповеди будут объединением живущих, или сынов, для возвращения жизни умершим, или отцам. При таком толковании заповеди и человек получил бы смысл; но откуда возьмется этот смысл, если не из 1-ой заповеди не Вейса, а Моисея? 3 и 4 заповеди говорят о *животности и человечности*, выказывая решительное неумение отличить их. Не презирай животноеподобного человека — значит, г-н законодатель, не

* Добро — жизнь, зло — смерть.

презирай самого себя, ибо пока в истинном человеке останется что-либо даровое, рожденное, а не обратится в трудовое, пока рождение не обратится в воссозидание, до тех пор человек останется животноподобным человеком. V-я заповедь касается лишь высокопоставленных, которым рекомендуется (снихождение или даже) возвышение низкопоставленных. Нужно сказать творцу этих заповедей, что все эти глупости, низко- и высокопоставленность, имеют значение лишь при забвении смерти, при отсутствии настоящего общего дела, словом, при безнравственности.

VI и VII заповеди исключают одна другую. Если богатые станут на место бедных, то они отдадут им свои богатства, если заповедь эта имеет в виду дело, а не мысль. Если же бедные станут на место богатых, то откажутся от богатства. Эти заповеди исчезнут сами собою при осуществлении первых двух. VIII запов^едь, по-видимому, делает убийцами всех, кто не состоит в свите г-на Вейса? IX же не заповедь, а пророчество: «Придет время...», а следовало бы сказать: объединения всех в труде познания и обращения сле^дпой силы...> Х-ую, очистив от неопределенности, нужно бы сделать первую. *Объединение* есть, конечно, *плагиа*т из Евангелия: «Шедше, научите». Но в светском научении нет того, что должно быть сказано всюду, где будет проповедано Евангелие, не сказано о женщине, которая драгоценное миро употребила не на бедных, но и не для привлечения самцов, а на *погребение*, которое стало *воскресением*, а Иуда ставил вопрос о бедности...³ И в Пасхальных вопросах забыто об этой женщине, что очень повредило этим вопросам, как постараюсь показать в следующем письме.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение и благодарность Марии Григорьевне и всем Вашим.

Искренно и сердечно преданный

Н. Федоров.

231.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

30 июня 1900. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Разбор «X Венских заповедей человечности»¹, написанный мною очень поспешно, весьма неудовлетворителен*. Я даже забыл спросить творцов этической культуры, почему они под «животностью» понимают жестокость, а под «человечностью» что-то противоположное? Животных природа наделила когтями, клыками, а человек сам себе создал такие орудия истребления и мучения, каких природа никогда и нигде не создавала². Даже обращая животных на службу своему зверству, человек клыки, напр<имер>, слонов, снабжал сталь-

* Разбор написан под влиянием раздражения, но раздражения не плодотворного, а бесплодного, ибо эта этика — самый неблагодарный предмет даже для осмеяния. Она ниже всякой критики.

** Для интеллигентов (гуманистов) «человечность» есть *небожественность*, отрицание божественности. Для народа «человечность» есть *неживотность*.

ными остриями, находя, что природа недостаточно жестока. В это-то время, когда так много сделано успехов в деле изобретения истребительных орудий, а последнего слова все-таки <еще> не сказано, в это время от имени изобретателя этих орудий <(человека)> производится слово, выражающее кротость, чистоту, любовь... Вместо обличения как награда от имени изобретателя этих орудий производится слово человечность, означающее высшую добродетель, даже совокупность всех добродетелей. Проповедуя человеческую культуру, творцы «этической культуры», конечно, знают, что и адские мучения — изобретение человека же, человеческой правды*. Если Дант предавал казням своих врагов и не очень ревностных друзей *в воображении*, то только потому, что не мог казнить их в действительности. По-видимому, человеческая нравственность отличается от религиозной тем, что заменяет обличения похвалами, приписывает человеку совершенства, каких он не имел и еще не имеет? Мне кажется, кто отделяет религию от нравственности, тот не понимает ни той, ни другой, ибо в том, чтобы относиться *религиозно* к жизни и особенно к *делу жизни*, как священному (священнодействию), и *состоит нравственность*. Этим можно покончить с декадентскою нравственностью.

В записке «Пасхальные вопросы»³ в самых первых строках необходимо вставить два-три словечка: «На переходе от Истории как взаимного истребления, нами бессознательно творимого, к Истории как исполнению проекта, необходимо, повелительно сознанием требуемого, даже безусловно необходимо требуемого, проекта всеобщ<его> воскрешения». Если такого проекта еще нет, то это значит, что мы к сознанию еще не пришли, и потому нужно поставить вопрос: если История человек<еского> рода бессознательно есть взаимное истребление, то чем она должна быть сознательно? — Для существа, ничего не желающего знать, *кроме самого себя*, — «Сознаю» может значить «Существую». Для тех же, которые не выделяют себя от всех других, не отделяют и знания от действия, сознание не может быть отделено от чувства утрат, от сознания смерти в лице других (т. е. отцов, — сознание сынами утраты отцов <и есть> сознание себя сынами умерших отцов), и чем теснее (роднее) будет связь между людьми, тем более и сознание будет признанием не существования, а утрат его, воля же, следовательно, будет тем более стремлением к воскрешению. Очевидно, что злой дух, чтобы отвлечь человека от настоящего назначения и дела, чтобы лишить его жизнь смысла, придумал эту по-видимому невинную заповедь «поз<най> самого себя». Если вопреки *прямому* смыслу, указывающему именно на *самого себя* (требуемому розни), будем разуметь человека вообще, то и тогда «познай человека» будет *игнорированием* и Бога отцов и природы (неразумной, умерщвляющей отцов), упразднением всех 12-ти Пасхальных вопросов.

На записке «Пасх<альные> Воп<росы>», полученной от Вас 26 июня, написано Вами: «желателен общий эпиграф», а я в письме от 23 июня, как бы угадывая Ваше желание, предлагал из вопроса, которым оканчивается письмо, составить этот общий эпиграф. Вопрос же, который должно назвать Пасхальным, ставит сама современная История. *Обожательницу ли золота Европу или*

* Но и Нагорная проповедь, скажут, есть произведение человеческое! Но человечество, истребляющее друг друга под знаменем Нагорной проповеди, будет лицемерно.

*обожателя праха Китай мы должны предпочесть, если этот прах «имеет во-стати»**, как говорится в чине венчания на царство Византийских Императоров. С этим же знамением воскресения <(т. е. с акакиєю)> присутствовали Императоры Византийские и на Пасхальной Службе⁴.

В Записке же отдано решительное предпочтение Китаю. Записка начинается предложением заменить вопрос о богатстве и бедности вопросом о смерти и жизни, предлагается это и верующим (2-й вопрос) и неверующим (3 вопрос) и т. д. Свидетельствую мое глубочайшее почтение и благодарность Марии Григорьевне и всем Вашим.

Сердечно и искренно преданый Н. Федоров.

30 июня 1900 г.

16-й день от Вашего отъезда.

232.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3 июля 1900. Подольск

Дорогой и глубокоуважаемый и любвеобильный Владимир Александрович.

Хозяин мой, находясь несколько лет без места, просит Вас, не можете ли Вы доставить ему какое-нибудь место? Человек он способный, трезвый.

Эпиграфы и комментарии¹ ждут Вас в Подольске, а еще больше я сам жду Вас, хотя бы без эпиграфов, которые Вы — если вспомните — хотели приискать, находя эту работу даже приятною. В настоящем письме я не буду говорить о Китае, который по-детски чтит прах предков, и о Европе, которая по-ребячески боготворит золото, а наполню это письмо выписками из Чехова, которого читал я очень мало, и особенно из Горького, которого я совсем не читал, а Вы хорошо знакомы с тем и другим. Выписки взяты из статьи Протопопова «Беллетристы новейшей формации»². Вместо международного Китайско-Европейского вопроса о прахе и золоте у Чехова можно взять вопрос о богатстве и смерти; в рассказе «Сапожник (вместо профессора) и нечистая сила (вместо Мефистофеля)» — говорится: «Теперь ему казалось, что богатым и бедным одинаково дурно... в общем всех ждет одно и то же, одна могила, и в жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть души»³. Остается узнать, что Чехов разумеет под «душой»; т. е. вопросом о богатстве и бедности заниматься не стоит, а чем нужно заниматься, вероятно, Чехов не говорит? Читали ли Вы этот рассказ? У Горького ставится вопрос уже не о богатстве и смерти, а о добродетели и смерти, и если эта добродетель — не воскрешение (т. е. <если> смерть сильнее добродетели), то издевательство Горького над нею вполне основательно⁴. Воскрешение, как добродетель, не награда, а соединение с нравственной силою силы умственной и живой художественной мощи. Лишить добродетель силы воскрешающей, оживляющей — значит лишить ее силы умственной, признать, что Бог создал существа ограниченные, создал дураков. Как ни противны мне наши ниче-

* Нужно было предпочесть обожателя праха, если бы это обожание было оживлением, а не детским или лицемерным почитанием; на деле Китай обожал того же идола, как и Европа.

анцы, но они в тысячу тысяч раз лучше всех западников и славянофилов, начиная от Белинского, Хомякова, Ап. Григорьева до Михайловс<кого>, Протопопова, Во-лынского, Киреева⁵. «Смена поколений — процесс естественный и разумный», — говорит простодушный Протопопов⁶, быть может, не замечая, что делается панегиристом смерти. *Как ни живи, а все умрешь*, — как бы отвечает Горький и во имя этого убеждения, т. е. смены-то поколений, обращается к юродивому (очень вероятно, к Толстому): *Зачем ты, брат, скандалишь?.. — Стремлюсь к самоусовершенствованию. — Чего же, мол, ради?.. — Как так, чего ради? В совершенствовании человека — смысл жизни*. — *Ну, я этого не понимаю. Вот в совершенствовании дерева смысл ясен... его употребят на оглоблю, на гроб*⁷... или вот еще: *«Ну, будет у него белая хата, а из меня лопух будет расти»**, — ну а дальше». (Тургенев, вложив эту фразу в уста Базарова, думал вконец уничтожить все молодое поколение, которое, по всей вероятности, этого и не говорило в 60-ых годах, а вот чрез 50 лет эта фраза получила, наконец, должную оценку.) *«Умнее этих слов никогда и ничего не было сказано»*⁸. И это, не фраза, а искреннее слово было еще противопоставлено фразе, действительно уже фразе, Белинского, фразе пошлой и ограниченной: *«Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен за каждого из своих братьев по крови»*. — *«Глупее этих слов никогда ничего не было сказано»*⁹, — говорит какой-то нитчеанец. Судя по статье Протопопова, появление партии наших нитчеанцев составило новую эпоху. Она напугала, сблизила все прежние партии, как ни велика была вражда между ними. Протопопов признает свое родство с семиде<сятниками>, шестидесятниками, с людьми сороковых годов, и не только с западниками, но и с славянофилами...

Мне нужно знать, какая разница между нашими нитчеанцами и западными? Мне кажется, что у Горького гораздо сильнее отвращение к *действительному злу* (смерти), чем любовь к *мнимому благу* (власти и богатству). Потому в первом эпитафии нужно, мне кажется, сделать такое изменение: *«Пока будет смерть, будут униженные и обиженные»*. Следовательно, настоящее, коренное зло не там еще, как оно ни велико, *«Где (хотя) трудно, (но еще) дышится»* и *«Где горе (еще) слышится»*¹⁰, а там, где совсем не дышится и где горе уже не слышится: умершие — это уже самые униженные и оскорбленные смертельно. Здесь не кончается вопрос, а только начинается. *«Иди к униженным, Иди к обиженным»* — чье это стихотворение? Протопопов называет его первую заповедь, которою держались все поколения, начиная от людей 40 годов до него, Протопопова, включительно. Нитчеанцы, сокрушается Протопопов, уничтожают заповедь и не сменяют, а *упраздняют* и Протопопова, и всех его предшественников. 50 лет господствовали эти нахалы и наглцы, у которых под любовью к бедным таилась ненависть к богатым и неутолимая жажда к богатству. Неумолимые враги своих противников, они, казалось, достигли полного торжества. *«Русский Вестник»* погиб, *«Русское Обозрение»* — тоже. Но вот являются новые враги, которые заставляют победителей испытать, пережить все прелести прогресса, который они так прославляли. Можно ли и Европейско-Китай-

* Т. е. ценою жизни одного поколения доставить другому возможность жить в белых, вместо курных, избах... Даже бессмертие одного поколения, купленное ценою смерти другого, будет ли благом?

ский вопрос и вопросы Нитчеанские считать началом вопроса о смерти и богатстве, о смерти и добродетели, о смерти и знании... Чтобы спасти добродетель, нужно Критику практического разума признать *Суеверием* практического разума... Это не может быть предметом письма.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и всем Вашим.

Искренно и сердечно преданный Н. Федоров.

3 июля 1900

233.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3 августа 1900. Подольск

Письмо это, недостойное и невозможное для *Соборного* чтения, нужно читать *келейно*. Только ради Юбилея я решился послать сие нелепое послание. Еще лучше отложить чтение до личного свидания, *прочитав лишь первые и последние строки*¹.

Глубокоуважаемому и дорогому автору «*Призыва*» к *двухлетней* годовщине *напечатания* этого стихотворения *6-го августа 1898 г.*² (Призыв к переходу от критики *осуждения* и *отрицания* к труду *искупления* и *воссоздания*.)

Очень благодарен за присылку справок и особенно премного признателен за присылку схем и *Zodiacus Vitae*³. В этом последнем, мне кажется, нужно сделать вставку, которая есть в схемах и которой нет в Зодии. Это будет *3-я строка*, которая выразит словами то, что в рисунке изображено чертами. Сказать это можно очень кратко: под I–III *Призыв к соединению* (к собору, к конференции союза?); под IV–VII *Проект соединения всех способностей всех людей*; под VIII–X *в деле знания и искусства, но не таких, каковы они теперь* (т. е. знание без дела и искусство как творение мертвых подобию), *объединенных в религии как Пасхе воскресения*. Под XI–XII *Исполнение проекта*, т. е. признав несовершеннолетие, заменить ребяческую (нынешнюю) свободу долгом, воинскою и податною повинностями, кои под руководством стоящего в отцов место должны превратиться из обязательных в добровольные, а орудия истребления в орудия возвращения жизни, что у Вас и изображено *в центре* (могилы двух Адамов⁴). Мне кажется, что для понимания всех 12-и вопросов и к заглавию нужно бы сделать следующую прибавку. Богатство ли истинное добро, а бедность — коренное зло или Жизнь есть благо, а смерть — зло (конечно, *жизнь без смерти* есть благо) и в чем потому состоит наше дело и долг, цель? В обогащении ли всех или в возвращении всем жизни, которая, как приобретенная трудом (воссозданная), будет неотъемлема, т. е. бессмертна.

Хотя «*Призыв*», по-видимому, касается первого лишь вопроса (о богатстве и бедности и вопро^са <о> жизни и смерти), на самом же деле вопро^с о богат^{стве} и бедн^{ости} входит во все *11-ть* вопросов в *первую их половину*,

* Вместо «*Предложения*» поставлено «*Призыв*» — это слово короче и было уже употреблено Вами в стихотворении, напечатанном 6-го августа 1898 г.

и воп<рос> о жизни и смерти — во *вторую половину* всех же 11-и вопросов*. И хотя обращается призыв, по-видимому, только к неверующим и верующим, но под неверующими нужно разуметь и философов-критиков и философов чувства, моралистов и т. д., как это и обозначено в надписании каждого вопроса, а под верующими — людей всех религий, как живых, т. е. народных, так и мертвых, т. е. ученых (вроде рел<игии> Толстого), хотя об этом и не сказано. Таким образом, если бы *призыв* был услышан, то мы имели бы *соброр, конференцию*, хотя и не мира (что невозможно), а *союза для дела*, касающегося всех людей без исключения и всего, что есть в каждом человеке и самого общего и самого личного. «Призыв» обращается ко всем ученым светским и духовным, военным и гражданским, желая *все сословие* ученых обратить в комиссию, которая построила бы знание на *всеобщем* объединении, а не <на> *сословном* начале, как теперь, сделала бы знание (не популярное, конечно) принадлежностью всех разумных существ. — Как Вы полагаете, можно ли в Zodia<cus> Vitae показать участие всех групп людей в общем деле возвращения жизни? В средневековых изображениях т<ак> н<азываемой> Литургии Ангелов можно, мне кажется, видеть образец для таких наглядных чертежей⁷. У Дидрона в 1-ом том<е> Annales Arché<ologiques> в статье Ledoux⁸ можно видеть такое изображение: На наружном круге знаки зодиака, а под ними, в следующем кругу работы, свойственные этим месяцам... в центре Христос, а в ближних кругах 12-ть пророков, предсказывающих, и 12 Апостолов, составляющих Символ веры (Соброр?), 24 старца вместе с творцом Апокалипсиса, вероятно, благодарят Бога за то, что их пророческие угрозы не исполнились. Применяясь к 12-и воп<росам>, в первом кругу можно поместить Социалистов, социологов, которые в настоящее время уподобились средневековым схоластикам, ибо одни из них считают общество только *словом* (номиналисты) и признают лишь личности действительными, а другие наоборот. Не очевидно ли, что пока *личность смертна* и пока общество не будет *согласием в общем деле возвращения жизни*, до тех пор и общество будет пустым словом, и личность не может быть признана действительностью, и социологи всегда останутся несовершеннолетними школьниками, схоластиками, а потому и нужно будет обратиться от социаль<ного> вопроса к естественному. Или в Вашем «Zod<iacus> Vit<ae>», подписав под каждым из XII отделов тех, коим они посвящены (т. е. *Социалист<ов>, верующих, неверующих, философов*), новую строку от слова *Призыв* начинаем между XII и I и ведем под всеми отделами, как бы приглашая все группы, и вводим их под XII и I отделами в центральный круг как место *Соброра*, где 12 групп соединяются в 2-е, Историков и астрономов, — это самая простейшая классификация знаний, которая облегчает воп<рос> о соединении. История — наука обо всех поколениях умерших, Астрономия — *о средствах жизни и попр<ище> жизни*,

* В Подольске Вас ждет новая статья, в которой все 12-ть вопросов расположены в двух столбцах: в *левом* (ошуюю) вопросы *о всеобщем обогащении*, а в *десном* — *о всеобщем воскрешении*. Следовало бы еще иметь среднюю, переходную полосу, где решался бы вопрос: быть ли воскресению гнева и Страш<ного> Суда или же воскресению дела и нашего труда⁵.

Если они, услыша «Призыв», проснутся «на подвиг неустанный Общего Труда»⁶, хотя их труднее пробудить, чем мертвых воскресить, хотя этот призыв не к Суду, а к труду (*в противоположность Критике*), к переходу от того, что есть, к тому, что должно быть...

<о> всей вселенной. Нужен *Новый призыв*: оставив ссоры из-за вещей (богатства), соединиться против общего врага — смерти. Уже одно только соединение будет счастьем.

Утруждая чтением такого неудобочитаемого письма, прошу снисхождения. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и всем Вашим.

Искренно и сердечно преданный Н. Федоров.
3 августа 1900.

234.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее 1900.

Черновое

Масса духовных, на всех почти языках, газет и журналов^{*}, Вы говорите, принесла Вам великую пользу, она убедила Вас в силе религии^{**}. Но справедливость требует обращаться не к одной стороне, а выслушать и противников. Я, надо сознаться, вообще мало читаю^{***} и почти никогда благочестивых сочинений, из опасения впасть в неверие. Я не читал ни Иоанна Кронштадтского, ни даже «Подражания Христу», считая его монашеским пониманием Христа¹, Который не был ни монахом, ни отшельником, как Будда или Иоасаф-царевич. Читая же противников религии, я пришел к убеждению в их бессилии.

Меня также удивляет, как Вы, любитель музыки и театра, не читали книги «Происхождение Трагедии из духа музыки»^{****}. Я только что начал читать эту книжку³ и открыл нечто такое, что уже давно Вам говорил. Европа в юности, в молодости, в средние века, в эпоху варварства была аскетом, а в старости сделалась жизнерадостным эпикурейцем: масляница наступила после поста^{*****}; и у немцев был лжеклассицизм, и эпоха возрождения есть время уже наступившего вырождения, а потом и вымирания (декадентства).

Есть значительная доля истины и в том, что он <(Ницше)> говорит о мистицизме: «ненависть к миру, осуждение природных стремлений... мир, найденный по ту сторону — все это, придуманное для того, чтобы легче оклеве-

^{*} Занимаясь в ту пору наблюдениями над современным религиозным кризисом на Западе, я выписывал несколько английских, немецких, французских и итальянских газет и журналов, преобразенных шуточно Николаем Федоровичем в «массу» таковых «на всех почти языках». (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

^{**} Надо разуметь: в том, что и в настоящее время на Западе отмечается живость интереса к религии, что религия и там сохраняет свою силу и влияние. (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

^{***} Преувеличение! Читал он много, в самом разнообразном выборе. (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

^{****} Книгу Ницше, около этого времени появившуюся в русском переводе. С этого чтения начался живой интерес Н<иколая> Ф<едоровича> к Ницше; он вчитывался в него долго и пристально, и мне приходилось переводить ему немало текстов из тех произведений Ницше, которых тогда еще не было в русском переводе. Из критических обзоров философии Ницше он особенно ценил французскую книгу Лихтенберже². (*Примеч. В. А. Кожевникова.*)

^{*****} Новое время, как эпоха упадка, было разумно, т. е. двуразумно и научно последовательно, утилитарная пошлость вместо нравственности.

тать мир по сю сторону, было, в сущности, стремлением к ничтожеству, к концу, к отдыху, к *Субботе Суббот*⁴, не к Празднику Праздников — к *Воскресению Воскресений*. Если бы Ницше под безусловною нравственностью понимал именно всеобщее *телесное* воскресение в виде совершеннейших существ, то понял бы, чего недоставало мистической безусловной нравственности. Но Ницше стал много хуже всех мистиков, ниже всех эпикурейцев, когда признал такую безусловную ложь, что «жизнь, по самой своей сущности, есть нечто безнравственное»⁵. Очевидно, он не понимал ни жизни, ни нравственности. Жизнь, превращенная из рожденной в трудовую и потому бессмертная, есть высочайше нравственная. Истинное Искусство и нравственность, т. е. Воскрешение, происходят не от похоти и опьянения, а из духа целомудрия и отрезвления, <воскрешение совершается> не блудными, а возвратившимися к отцам сынами. Учение же о происхождении Искусства из опьянения и сновидений Ницше только по неизвестности имени Антихриста назвал учением Диониса⁶.

В стихотворении *«Призыв»*⁷ слова «Брат, проснись» относятся к сну аполлоно-вакхическому, или плуто-вакхическому, к «ночи неведения», древней, языческой, и новой, языческой же, не менее темной, и ко *мнимому дню* и *темному воскресению* метафорическому, сократовскому, толстовскому, ибо только чрез *подвиг неустанный общего Труда* спящим в сумраке могилы, т. е. умершим, жизнь будет во^ссо^здана, чрез силы слепые, ставшие движимыми или управляемыми знанием. Проснись = отрезвись, которое не ждет чуда, где нужен *труд*.

Истинная этика требует такого добра, которое не нуждается в зле. Добро без зла находится и вне зла и [вне] того добра, которое не может быть без зла.

235.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Не ранее ноября 1900 г. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович! Когда будете писать Сергею Михайловичу¹, прибавьте от меня в мое оправдание на его доброжелательное обвинение, которое для меня было приятнее всякой похвалы, как <проявление> великой ревности к делу. Статья называется: Кончилась ли история², а подразумевается: Чем должна она оканчиваться — Жизнью или смертью; в самой статье ставится вопрос, что нравственно лучше: поглощение ли новыми нынешних или восстановление сими последними очнувшимися поглощенных. Подлинного выражения не припомню. Смертью ли живущего поколения или воскресением умерших поколений. Кланяйтесь Сергею Михайловичу и Ольге Эдуардовне³. Само собою разумеется, что мои слова Вы передадите не буквально. К статейке «Кончилась ли философия»⁴ хотел прибавить и «О последнем философе»⁵, но воздержался. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Михаилу Михайловичу. Преданный всею душой Н. Федоров.

1901

236.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

2 января 1901.

Милостивый государь

Николай Павлович

Мой денежный долг Вам растет: к вольному присоединяется невольный. До сих пор я думал, что только в Керенске и Мокшане¹ меня считали за бессовестного, который живет на счет очень небогатого человека, обремененного очень большим семейством. Это обвинение, совершенно несправедливое в Керенске и Мокшане, оказалось справедливым в Воронеже. По приезде в Воронеж², отправился я в Троицкое и узнал от бывшей своей хозяйки, что к 4-м рублям, платимым мною за комнату, Вы прибавляли еще 2-а рубля*. Впрочем, она тотчас сбавила рубль, но я не помню уже, как выбрался из ее дома и поспешил выехать из Воронежа. В Троицком я жил от 30 марта до 12 августа 1898 г. Уплачено за 5-ть месяцев, следовательно, я должен вам 10-ть руб. В следующем году, очень вероятно, Вы приплачивали Вере Ивановне за стол также по 2-а руб.⁶ На этой квартире жил с 12 или 13 ноября по 15 февраля, следовательно за три месяца с небольшим Вами уплачено 6-ть руб. Всего Воронежский долг 16 руб., а с Асхабадским 31. Посылаю в уплату 21 рубль. Остается: 10 руб.⁷

По случаю скорого отъезда из Воронежа я не мог быть у Лизаветы и Веры Николаевных⁸, не мог проститься с Костей⁹, о чем очень сожалею. Свидетельствую мое глубочайшее почтение и благодарность Юлии Владимировне и всему Вашему семейству, поздравляю с Новым Годом и желаю всего хорошего¹⁰.

Готовый к услугам

Н. Федоров.

2 января 1901-го года

* К подобной *ria frau*³ приходилось и в других местах прибегать друзьям Н<иколая> Ф<едорович>а, за невозможностью устроить его стол и квартиру на его скудную ассигновку⁴. По счастью, такие поступки проходили незамеченными; иначе гнев самый грозный покарал бы виновных. Такой вспышке подвергся однажды я даже за присылку грошовых порошков от кашля⁵. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

Н. Я. ПЯСКОВСКОМУ

31 марта — первая половина апреля 1901. Москва

Черновое

Христос Воскресе, смерть поправый
и жизнь всем даровавый.
Первый тропарь и отцов Воскресение.

Ни в заглавии, ни в программе нет имени Христа, а потому в вопросе, как мыслил Соловьев о воскресении, под словом «воскресение» нужно было разуметь воскресение вообще, иначе было бы сказано: «Как мыслил В. Сол<овьев> о *воскресении Христа?*» Если бы Вы даже указали на близость Вашей лекции по времени к празднику Воскр<есения> Христ<ов>а, то <все же> нужно сказать, что Воскресение Христово нельзя отделять от всеобщ<его> воскресения, как это и выражено в тропаре праздника, поставленном в эпиграфе, который служит и *завершением, отпуском*, что и Вы отчасти признаете, тем не менее считая <себя> вправе говорить лишь о воскресении <Христа>, хотя в заглавии, как сказано, такого выделения нет.

Вы хотите отвечать по рубрикам и умалчиваете о первом, о второстепенности страха за свое существование пред страхом за всех, т. е. любовью.

Сказать, что *Цель* жизни есть лишь часть будто бы «более общего понятия» «*смысла*», — это все равно, что сказать, что Воля входит в общее понятие разума, дело составляет часть мысли. Мы говорим не о целесообразности, уже существующей в мире, а о целесообразности, которую должно внести разумное существо в неразумную природу, в силу рождающую и умерщвляющую, обратив ее в воссозидающую, как исполнение воли Божией.

Не слышавши еще Вашей лекции, как мы могли понять, что Вы говорите о воскресении *Христа*, когда слова «*Христос*», как уже сказано, нет ни в программе, ни в заглавии. Что же касается проективного, то уже одна постановка его между субъективным и объективным показывает, что не в инженерном и не <в> архитектурном смысле употребляется это слово, если под ним не разуметь созидание храма или дома, и не творение мертвых подобий, а *воссозидание* не путем рождения, как это теперь, а путем знания и дела всеобщего.

Термины *субъективный* и *объективный* — термины *сословные*, термины посвятивших себя исключительно знанию и не понимающих, к сожалению, действия, т. е. полу-людей, или, точнее, термины «суб<ъективный>» и «объектив<ный>» относятся к несовершеннолетнему человек<еского> рода. Вся философия, как мысль без дела, есть лишь *схоластика*, отживающая наука, еще не вышедшая из школы. Термин «проективный» есть уже *выход к совершеннолетию*, т. е. люди, точнее сыны человеческие, будут совершителями проекта, проекта естественного для сынов человеческих: возвращения жизни отцам.

Мы полагали, что Вы не равнодушны к болезням нашего века и особенно нашего отечества, болезни, поражающей самые источники жизни, болезни, хотя и называющейся ребяческой революцией, но которая может сделаться смертоносною, а желательно, чтобы эта болезнь была не к смерти, а к славе

Божией, как болезнь Лазаря. Так мы и полагали, прочитав Вашу программу как указание на дело, пред которым и социализм, и анархизм, <даже> и не ребяческий, является несовершеннолетним.

238.

С. М. СЕВЕРОВУ
17 апреля 1901. Москва

Христос Воскресе! Глубокоуважаемый Сергей Михайлович! Поздравляю Вас и Ольгу Эдуардовну с праздником Свет<лого> Воскресения Христова. Прилагаю записочку о рукописных источниках Царствования Императрицы Елизаветы Петровны. Исчисление и оценку печатных источников найдете в № 8 (августа) «Исторического Вестника» прошлого (1900) года в начале статьи: «Дочь Петра Великого». Там не указаны, жаль, тт. 99, 102, 103 и 105 Сборника Исторического Общества (в Санкт-Петербурге), изданные очень недавно. Пожелав Вам и Ольге Эдуардовне¹ всего лучшего, остаюсь глубоко уважающий Вас Н. Федоров.

17 апреля 1901. Москва.

1) Опыт истории охотничьего оружия, метательного и огнестрельного с древнейших времен. Статья Сергея Фольца, напечатанная в журнале «Природа и Охота» 1885 г. стр. 50–184; 2) Скорострельные пищали русских оружейников 17 в. Статья Н. Чаева. «Журнал Охоты» 1874. № 1, стр. 47–49. В Московском Главном Архиве МИД хранятся все дипломатические документы царствования Императрицы Елизаветы Петровны. Кроме того, материалы для царствования Елизаветы Петровны находятся в портфелях Миллера: № 140, 5; № 244, 1 и 2; № 245. В Московском Главном Архиве находится перлюстрация депеш иностранных посланников в России. Часть этой перлюстрации хранится в Государственном Архиве в Петербурге. Там же хранятся секретные дела (государственные и проч.) царствования Елизаветы Петровны.

239.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Вторая половина мая 1901. Подольск
Черное

По отправке к Вам письма получил, благодаря Вам, целых 10 №№ «Нового Времени» и в последнем (10 мая, №9050) нашел любопытную статейку о Соловьеве и Толстом, об Антихристе и о кончине мира (т. е. кончилась ли всемирная История?). «Отзвуком сказания В. Соловьева об Антихристе, — говорится в этой заметке, — можно считать последний труд Мережковского «Христос и Антихрист в русской литературе», первый том которого под заглавием «Л. Толстой и Достоевский» вышел отдельным изданием»¹.

...Любопытны признаки, по коим можно признать Антихриста: «Вегетарианство, социализм, самообожание. Антихрист «будет по профессии *ученым артиллеристом*, а по состоянию *крупным капиталистом*»².

Надеюсь, что Вы не забудете взять с собою письмо Толстого к Синоду³. Это сочинение, можно смело сказать, ничего не говорит о Православии, зато очень много высказывает о самом себе, так что и это произведение должно озаглавить — «*Что такое — Я*», т. е. Толстой⁴.

240.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 июня 1901. Подольск

Глубокоуважаемый Владимир Александрович

Обратили ли Вы внимание на нелепые споры о национальной школе?¹ Вопрос этот был так просто разрешен еще в начале 90 годов в журнале «Наука и Жизнь» в статейке, которая начинается эпитафией: «Нынешняя наука есть вывод из наблюдений, сделан<ных> кой-где, кой-когда...»² В этой статье говорится о такой школе, которая соединяет *распространение* просвещения с *расширением самого знания*, наглядное преподавание — с наблюдениями, обучение с исследованиями, учебные учреждения с учеными, средние, напр<имер>, школы с архивн<ыми> комиссиями, статистич<ескими> комит<етами> и т. д. А как назвать школу, которая изучает *свою землю, свое небо, свой народ*? Такая школа, конечно, будет национальна, но она столько же будет национальна для России, как и для Германии и для Китая³. Нет сомнения, вышеозначенный эпитаф — Вы, конечно, его помните — предполагает *всех сделать познающими* и — что особенно важно — не отвлекая их ни от места, [ни от] звания, а даже поощряя движение не вверх, а вниз, не к центрам... Как же назвать науку, которая хочет всех сделать познающими, если нынешнюю (сословную) мы не имеем права называть русской, а должны назвать немецкою?⁴ Далее в той же статье говорится о Каразинском аппарате, которым полагается начало регуляции метеорических явлений. Если физике, ограничивающейся опытами в физических кабинетах и в большем виде на фабриках, по справедливости следует дать название *западной*, то какую назвать физику, которая слепую силу природы желает обратить в управляемую разумом?

Мне кажется, «Новое Время» было бы очень довольно, если бы ему послать эту статью «Науки и Жизни» «*К вопр<осу> о памят<нике> Каразину*»⁵. Над письмом же к этой статье можно бы поставить следующий эпитаф: «На таких Фуссах Россия недалеко уйдет» — надпись, кем-то сделанная на деле о Каразинском аппарате, отвергнутом нашими немецкими академиками и особенно Фуссом⁶. А самое письмо начать так: «100 лет тому назад, в самом начале прошлого века, Каразин, известный как основатель Харьков<ского> Универ<ситета> и не известный как действительный основатель Мин<истерства> Нар<одного> Просвещ<ения>, предлагал устроить Школу, которая поистине заслуживала названия Национальной⁷, хотя он и не называл ее таким громким

именем». Сюда бы можно присоединить рукописную статью о Архивах и землячествах⁸. «Новое Время» не боится говорить об них.

Сегодня прочитал в «Н<овом> В<ремени>»: Дочь, а не сын дадеса нам и нарекли ей имя Воскресение⁹.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне¹⁰.

Преданный всею душою Н. Федоров.

P.S. Петерсон в своем письме¹¹ занимается, как сердцеведец, *толкованием* простой уплаты с моей стороны долга¹², не соблюдая даже эпистолярных приличий.

8 июня 1901.

Прочитав сочинение Мережковского о Толстом и Достоевском, я вижу, что ему неизвестно письмо Достоевского о долге воскресения, если не будет во второй части¹³.

241.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 8 и 17 июня 1901. Подольск

Черновое

Не знаю, понятно ли я изложил в прошлом письме *вопр<ос>* о национальной школе?¹ Мне кажется, что сближение или даже отождествление *образования с познаванием* решает этот вопрос. Но тут возникает новый вопрос: для чего нужно всех сделать познающими? Решение этого вопроса касается Цели существования, т. е. касается не науки только, но и религии. Обратили ли Вы внимание на то, что в комиссии реформы Средней школы, составленной, очевидно, под страхом, что скажут студенты и что напишет Толстой, побоялись ввести хотя бы одно духовное лицо². Но как бы ни старались замалчивать *вопр<ос>* о религии, а он все-таки проложит себе дорогу, если не в комиссию, то в нашу печать. Рано или поздно, а Мин<истерству> Просвещения придется решать *вопр<ос>* о свете и мраке, ибо что для верующих свет, то для неверующих мрак, обскурантизм, мракобесие. Но и Толстой не признает Цели в жизни, называя жизнь — *«движением в неизвестное»*. Комиссия и будет ходить во мраке, пока этот мрак будет идти из Ясной Поляны.

242.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 июня 1901. Подольск

17 июня 1901.

получ<ено> 16-го вечером¹.

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович.

Препровождая к Вам вырезку из статьи Демчинского «Земская метеорология» («Нов<ое> Вр<емя>», 10 июня 1901 г. № 9074) по вопросу «Кому поручить производство наблюдений?»², вопросу, имеющему очень близкое отноше-

ние к тому делу, о коем говорилось в прошлом письме³, я вовсе не думаю, чтобы статья по такому предмету могла обратить на себя внимание в наше время, время господства не-думания и не-делания. В сейчас полученном от Вас письме Вы также соглашаетесь, что многим будет не по вкусу такое предложение.

Но если же Вы находите, что «Новое Время» перепечатает статью из «Науки и Жизни» со всем тем, что было сказано в письме от 8 июня (а в случае ненапечатания возвратит статью), то я согласен с Вашим предложением. Вырезку из №№ 15–16 «Науки и Жизни»: «К вопросу о памятнике В. Н. Каразину» посылаю, хотя это единственный у меня экземпляр. Очень жаль, что нельзя присоединить статью «О падающих звездах»⁴, а также об «Архивах и Землячествах»⁵, но можно напомнить «Новому Времени», что и в их газете говорилось о Каразинском проекте в статье «Разоружение». Впрочем, Вы сумеете составить хорошую, хотя небольшую, статью из вопросов, о коих говорится в письме от 8 июня. Если же «Нов<ое> Вр<емя>» выразит желание иметь продолжение этой статьи, то можно очень многое сказать. В настоящее время, когда Историю хотят поставить на место Латинского языка в низших классах гимназии, не исключая ее, конечно, и из высших классов⁶, можно было бы многое сказать по этому предмету.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение и признательность Марии Григорьевне и Анне Васильевне.

Искренне всею душою преданный Н. Федоров.

243.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 июня 1901. Подольск

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович.

Не для переписки послал я Вам вырезку. Переписчика я и здесь легко мог отыскать. Потому меня очень неприятно поразила присылка статьи, *которую я ни в каком случае от себя бы не послал*¹. Прочитав же статью, я понял, что и не могу и не должен посылать ее, только не по Вашей, а <по> своей вине, а именно по причине «*подлинных выражений из моего письма*». В этих подлинных выражениях, по неумелости моей или по старости, выразилось совершенно противоположное тому, что я хотел сказать. Я думал превознести *национальность*, а вышла насмешка над нею. Я хотел сказать, что выражение «русская наука» вовсе не так нелепо, как обыкновенно думают*, а вышло какое-то странное отрицание «*русской науки*», как местной. Не знаю, удастся ли мне и теперь объяснить то, что я хотел сказать. Если, думал я (а вышло, как видно, совсем другое), если нынешнюю науку как вывод из наблюдений, сделанных кой-где, кой-*<когда>*..., назовем *европейскою*, то науку как вывод из наблюдений, производимых везде, всегда, всеми, должно будет назвать *русскою* (когда,

* Даже и «Новое Время», хотя с сожалением, но соглашается, что никакой *русской науки нет и быть не может*².

конечно, план Каразина осуществится). Далее, если нынешнюю науку, ограничивающуюся кабинетными, лабораторными, словом, искусственными опытами, хотя бы в громадных размерах производимыми, назовем *европейской* или *западной*, то *регуляцию самой естественной силы* можно будет назвать *русской* (конечно, когда она будет осуществлена). Неужели нет различия между наукою, предсказывающею ведро и дождь, и наукою, производящею их?

Наконец, я полагал, что пишу о национальной школе, о том, чем она должна быть, а вышло, судя по предлагаемому Вами заглавию, главным предметом в статье было установление, притом только метеорических, наблюдений, без указания даже связи со школою³. Конечно, такое заглавие могло быть вызвано лишь напрасным опасением, что статья будет прочитана кем-нибудь из членов комиссии⁴, если бы ей дано было надлежащее заглавие, *которое я не умел выразить*.

Ваше письмо и статья открыли мне, до какой степени я устарел и оглушел. Настоящее мое письмо писано *под влиянием полной безнадежности*, и потому не удивляйтесь, если оно окажется нелепее даже первого письма, подлинные выражения которого Вы привели в своей статье.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне.

В «Новом Времени» я читал о появлении *акул* у берегов Крыма, так что опасно купаться, правда ли это?

Преданный всю душою

Н. Федоров.

P.S. Жалобу Мережковского за детей на отцов⁵ я не читал, но от Мережковского ничего, кроме мерзкого, я никогда и не ожидал.

28 июня 1901

244.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1 июля 1901. Подольск

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович

По отправке к Вам письма (от 28 июня), успокоившись несколько, я стал припоминать содержание моего первого злополучного письма¹, из которого Вы извлекли столько драгоценных перлов, и прежде всего вспомнил свой совет, поставив эпитафию о Фуссах («Русск<ий> Архив», 1893 (?) № 5, статья Юрия Бартенева²), начать статью так: «Сто лет тому назад Каразин...» Начинать же по-Вашему (прошу извинить меня за это замечание) — после краткого панегирика Демчинскому³ с такого *резюме*: «Нам нужна школа, которая бы просвещение соединяла и проч.», это все равно, что начинать с местоимения «он», не сказавши предварительно ничего. О заглавии я забыл сказать, но оно напрашивается само собою: «*О Национальной Школе сто лет тому назад*». Такое заглавие, по моему мнению, заставило бы многих в настоящее время прочитать или просмотреть статью, хотя толку из этого, может быть, и не вышло бы никакого. *Конечно, нужно давать заглавие, которое привлекало бы внимание, не*

переходя в рекламу. Предлагаемое же Вами заглавие для настоящего времени не имеет ничего притягательного. Оно скрывало бы содержание статьи, и я, согласно с заглавием, скрыл Вашу статью, а не отправил в редакцию, чего я никогда не делал и не желал делать, что Вам известно. Начало письма от 28 июня Вам может показаться даже и грубым и обидным, но я хотел только сказать, что, послав вырезку⁴, *не желал присылки к себе самой статьи*, а полагал, что Вы отправите ее или прямо в редакцию, или чрез Юрия⁵. Что лучше, я не знаю, а потому ничего об этом и не написал.

Возвращаясь к первому письму, я никак не могу представить, чтобы у меня было сказано о сословной науке, что «она предназначена для одних ученых». Она — служанка фабрикантов, купцов, индустриализма и милитаризма! Зачем же клеветать на нее, она служит усердно и первому и последнему и всякому злу. Она гордится званием мануфактур- и коммерцсоветницы. Истинная же наука, которую можно будет назвать именем *того народа, который первый ее введет*, эта наука психического объединения и материальной регуляции внешнего мира будет служанкою Бога отцов не мертвых, а живых и советницею и утешительницею сынов умерших отцов. О Демчинском можно сказать не в начале, а *в конце*, потому что нельзя второстепенное ставить на первое место. Поставивши в конце, не нужно будет говорить: недостаточно, нужно шире — этих *nomina odiosa*⁶.

Искренне преданный

Н. Федоров.

Марии Григорьевне и Анне Васильевне низко кланяюсь.

См. P.S.

P.S. Статью Вашу я завтра (2 июля) возвращу Вам в заказном письме. Примете ли Вы во внимание мои замечания, если вздумаете исправить статью — что сделать нетрудно, — или нет, я должен, однако, сказать, что *мои замечания вытекают из Вашего строгого осуждения статьи, когда ее — эту статью о национальной школе — предлагали назвать «К Вопросу о повсеместных метеорологических наблюдениях»!* или же «К Вопросу об установлении (или учреждении, или об организации) повсеместных метеорологических наблюдений». Исправленное или неисправленное имейте смелость подписать своим именем.

Само собою разумеется, ко мне присылать не следует, а отправить в Редакцию или прямо, или через Юрия, как найдете лучше. Пророческий эпитаф о Фуссах взят из статьи Юрия*, и он может сделать проверку, точно ли выставлен год и номер Архива.

1-ое июля 1900 г.

245.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 июля 1901. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. Настоящий Ваш ответ на мое письмо от конца июня очень меня утешил¹. Опасаюсь еще только, не было ли чего неприятного для Вас сказано в следующем моем письме, по-

* Из статьи его о Каразине.

сланном 1-го июля. В третьем же письме уже нет ничего личного, а говорится, но очень кратко, о трех школах: 1) Народной, 2) военной, или Царской, 3) духовной, или православной, в коих выражены три начала: Православие, Самодержавие и Народность, столь ненавистные западникам и лицемерно хвалимые славянофилами. В этих трех школах (Школе-Храме, Школе-Музее и Школе-Кремле, или кладбище-крепости, требующей перехода от хранения к воскрешению) благодаря этим соединениям устраняется в самих школах то, что в них отталкивающего, пошлого, школьного и т. д. и т. д. В краткости писем, конечно, заключается затруднение, чтобы сказать даже о православии без фанатизма, самодержавии без гнета и о народности без вражды, но и никакое мажорное письмо становится невозможным, когда нужно сказать или *все*, или ничего. Требуется же этого (т. е. чтобы было сказано все) самое время. Нынешний год, *год более страшного метеорического погрома*, чем 91 год². Этот же год есть *год войны*, готовой перейти с суши на океан, если на нем появятся бурские каперы³, *войны* (после Гаагской конференции мира), *доказывающей, что сия последняя избрала неверный путь к умиротворению*. Нынешний же год есть год «*Вопроса о национальной школе*»⁴, который уяснен и разрешен может быть лишь на новой интернациональной конференции мира, а не на X-м, конечно, конгрессе мира, собирающемся в Глазгове⁵.

В нынешнее же время, время кризиса в Марксизме и во всей философии, возвращающейся опять к Канту⁶, Пасхальные вопросы⁷ в новом виде, в котором на первое место поставлен вопрос *о двух разумах* (двух критиках) и *двух сословиях*, не богатых и бедных, а ученых и неученых, мыслящих и действующих, интеллигенции и народе, — Пасхальные вопросы в этой форме дают, как мне кажется, удовлетворительное решение, и притом именно чрез вышесказанные школы.

Прежняя форма Пасхальных вопросов, в коих предлагается заменить *вопр<ос>* о бедности и богатстве вопросом о Жизни и смерти, не устраняется, ибо *<в этой форме>* они дают цель просвещению. В них одинаково отвергается и *Евангелие богатства* (Карнеджи* — устроителя 126 библиотек), которое жертвованием на дело просвещения хочет санкционировать наживу и санкционировать миллиардеров, отвергается и *Евангелие бедности*, которое Христа из Спасителя от смерти обращает в социалиста. Повторяю, само время требует всего или ничего. Толстовство, ничточество... требуют себе опровержения и замены. Еще раз благодарю за Ваше ободрительное письмо. Марии Григорьевне и Анне Васильевне низко кланяюсь. Искренно преданный Н. Федоров.

7 июля 1901 г. За нескладное письмо прошу извинения.

Не удивляйтесь, глубокоуважаемый Владимир Александрович, что меня так возмутило предложенное Вами заглавие. Оно разрушает всю систему, которая может быть изложена в трех статьях: 1) *Школа народная*, которая состоит в соединении образования с расширением *знания человека и природы*, 2) *Школа военная*, которая соединяет образование с расширением *власти человека над*

* Carnegi. L'Evangile de la Richesse. Небольшая книга американского миллиардера, переданная мною Николою Федоровичу и показавшаяся ему очень характерною для определения некоторых тенденций современной культуры. (Примеч. В. А. Кожевникова.)⁸

природою (регуляция) и 3) *Школа духовная*, которая обращает и *знание* и *власть* над слепую силою на *общее благо* всех людей, всех поколений, т. е. <на> возвращение бессмертной жизни (О трех школах или трех объединениях).

Глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне.
Искренне преданный Н. Федоров.

246.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
11 июля 1901. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Ко дню Ваших именин пишу в защиту старшего поколения, в чем заключается счастье и младшего поколения.

Комиссия преобразования Средней школы окончила свой труд с Суворовскою быстротою¹, хотя и вызванною, по-видимому, страхом пред младшим поколением. Истории, так же как и Географии, дано в ней такое значение*, что ни у нас, ни за границей — это смело можно сказать — нет такой Истории, которая могла бы занять достойным образом место в новой школе, неверно названной Средней, потому что первые ее классы составляют низшую школу. История же должна быть написана и не для низших и средних, а для всех школ, не исключая и высших, ибо курс Истории, как и вообще всех предметов в новой школе, предполагается концентрический, т. е. центр (сердцевина?) общий. Различие заключается не в содержании, а в объеме лишь или полноте и более глубоко понимании самого содержания. Я очень рад, что ко дню Ваших именин³ Вы ознакомитесь с трудами Комиссии, а в этот знаменательный для Вас день придете, может быть, к убеждению, что и на Вас, более чем на ком-либо другом, лежит долг попытаться свои силы в составлении руководства по Всемирно-Русской Истории или хотя бы ее программы, но с подробнейшими объяснениями. Труд этот, в некотором смысле, можно сказать, уже Вами начат. «Стены Кремля» 3-го Рима и «Международная благодарность» не указывают ли на отношение ближнего Запада к России. «Обыденные храмы» старой Руси и «Плач Московских церквей» новой России очень осязательно говорят о двух эпохах нашей Истории. «Храм Премудрости 2-го Рима» и «Цареградский Музей» в нынешнем турецком Стамбуле не вопиют ли об освобождении города вселенских соборов?⁴ Ваше же первое сочинение было по Истории Старого или первого Рима⁵. Вы были и писали о всех трех Римах; не совершенно чужд Вам <и> четвертый Рим. В статьях: «Кончилась ли История» и «Христианский памятник в Китае», в которых Вы приняли очень большое участие⁶, уже открывается вдали четвертый Рим. «На валу» Вы переживали, м<ожно> с<казать>, движение русского народа в степь ради ее умиротворения...⁷ Во всех этих работах есть нечто общее и единое. И не только в этих, но и в таком произведении, как «Бесцельный труд, не-делание и дело»⁸ есть это же общее, ибо дело, о котором там намекается, есть дело 4-го Рима. А «Филос<офия> Веры и Чувства»⁹ изоб-

* Комиссия, конечно, думала только об одном облегчении младшего поколения².

ражает протест самого Запада против отвлеченного теорет<ического> разума, не признающего общего всем людям дела практич<еского> разума. Но это предполагаемое, подозреваемое единство тогда только станет очевидным и осязательным, когда Вы сделаете попытку, о которой сказано было выше, попытку составления Руководства ко Всемир<но>-Рус<ской> Истории. *Сосредоточившись* в этом предмете, Вы, можно сказать, в день своих именин дали бы себе определенное имя, угодное и Св. восприемнику от купели рус<ского> народа...¹⁰

Я разумею составление не учебника для детей низшего возраста, ибо курс, по моему убеждению, и низших школ не должен ограничиваться 3-я годами, а продолжаться до совершеннолетия, *но с значительно уменьшающимся числом учебных дней и часов*. Самое окончание курса означало бы переход учеников в младших или старших *помощников* учителей, также *на некоторые дни и часы*. Так, по крайней мере, должно бы быть, чтобы всех сделать познающими. В этом и должно бы состоять отличие русской школы от нынешней западной.

Поздравляю Вас с днем ангела, а Марию Григорьевну и Анну Васильевну с именин<ником>.

Ост<аюсь> всею душою преданный Н. Федоров.

11 июля 1901.

P.S. В начале августа думаю переселяться на зимние квартиры.

247.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 июля 1901. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович,

Конечно, я выразился очень неясно в своем последнем письме, если Вы могли подумать, будто я предлагаю Вам заняться составлением учебника в обыкновенном смысле. Под учебником я именно разумел программу Русско-всемирной Истории как факта и как проекта, с подробнейшими объяснениями... Собственно же учебник считаю паскудною вещью, заниматься которою никому не посоветую. Программу же Русско-всем<ирной> Истории занимаюсь уже 50-й год¹, и в той куче бумаг, которую я предлагал Вам взять в последний Ваш приезд в Подольск, есть несколько редакций программы в разных видах, да и вся кучка составляет лишь части программы. Но Вам было бы очень трудно или даже невозможно в ней разобраться. Кроме того, та же программа представлена в статье о *синодиках*², где о кладбищах всех стран мира говорится как об архитектурном или скульптурном изображении Истории на *самой земле* в виде *ба-* и *горельефов*, изображениях того, что скрыто древле под землею по физической необходимости (т. е. по нашей розни и потому и бессилию знания) и что должно быть вызвано по нравственному долгу сынов... Всемирно же Историч<еская> программа представлена и в *статьях о наружной и внутренней росписи Школы-храма*³, в разборе росписи Пантеона Шенаваром, росписи Но-

вого Музея в Берлине, а также в Мюнхене⁴, и множество подобных попыток, не всегда удачных, — изложения живописного Истории. (Тем не менее проект росписи Школ-храмов, средних, низших и высших, составляет необходимую принадлежность программы Истории, т. е. попытки извлечь из всех школ живописи наглядные способы изображения исторического хода не только внешнего, но и внутреннего (История мысли.)) Гораздо, по-видимому, удачнее была попытка открыть программу Истории, как факта и как проекта, в богослужебном чине, как суточном, так и особенно годовом⁵, и я не знаю, что образовательнее и воспитательнее, История ли, в иконно-картинном изображении созерцаемая, или История, в богослужебном чине чувствуемая и понимаемая, а все эти службы суть комментарии к Евангельским чтениям, распределенным по неделям, дням и даже часам. Правда, Комиссия реформы Ср<едней> Школы знает только и признает светскую Историю, но на докладе Комиссии в надписи Государя, напомнившего ей о религиозно-нравственном воспитании⁶, Комиссия должна прочесть нелегкое себе осуждение, как забывшая о самом существовании. В словах же Государя выражена, можно сказать, необходимость присоединения к школе храма, а школа-храм без росписи и пения не мыслима.

Ваше знакомство с живописью в храмах и музеях, знакомство с музыкою и пением, даже усвоенный Вами обычай читать ежедневно Евангелие *апракос* вместо Евангелия *тетр*⁷ (по-протестантски) найдет себе широкое приложение в составлении такой программы всемирной Истории. К 15-му мая изложил я в письме к Вам кратко программу русско-всемир<ной> Истории, но не послал этого письма⁸, да и теперь не могу послать, а буду ждать Вашего приезда, хотя полагаю, что осень Вы проживете в Крыму⁹, я же 1-го августа думаю переехать на зимние квартиры. Марии Григорьевне и Анне Васильевне низко кланяюсь.

Искренно преданный

Н. Федоров.

21 июля 1901 г.

Еще об учебнике.

О трех неизвестных.

Под словом «Учебник» для новой школы в прошлом письме я разумел еще разрешение *трех неизвестных*, которые поставила Комиссия реформы Средн<ей> школы, упразднив классицизм. Эти три неизвестные: *Отечественное*, *Законоведение* и *Естествоведение*¹⁰.

Вот три загадки, которые Комиссия задала верующей и неверующей интеллигентной России, изгнав классицизм языческий. Сей последний создавал в России особый класс людей, который хотя, по-видимому, сохранял один язык и одну веру с народом, но имел и свой особый еще язык и свою веру, новое язычество в виде философской идеологии и художественной идололатрии, разрешавшей жить для настоящего, а будущее считать чужим для себя делом, или даже совсем не делом. Мы так привыкли к такому раздвоению в вере и языке, в самой жизни, что считаем его неизбежным уделом человеческого существования. В классической школе существовали эти три вышесказанные загадки под видом «Русского языка», Истории и Географии, но к ним как второстепенным или даже третьестепенным

предметам серьезных требований не предъявляли. Теперь же, когда их поставили на первое место, вопрос о смысле и значении этой троицы требует настоящего решения. Собственно под этими тремя именами мы встречаем старых знакомцев: Отечествоведение, или народоведение, — это народность; законоведение — это Самодержавие как источник законов; наконец, в Естествоведении решается вопрос, *в природе ли Бог?* а люди и животные — воплощение <ли> божества? т. е. это пантеизм = атеизму, или <же> *С нами Бог*, т. е. вся природа должна быть проявлением Богочеловеческой воли, вочеловечением или очеловечением природы (всех миров). Это последнее и есть *Православие*, а первое, т. е. воплощение, есть *аполлинариева ересь*.

И прежде эти три начала составляли предмет пререкания, спора, но спора отвлеченного между учеными и литераторами¹¹. Теперь же в школе нужно будет дать определение и Православию, и самодержавию, и народности, но дать такое определение, против которого ничего не могли бы возразить те, которые все достоинство народности видят в отрицании самодержавия и православия. Было уже сказано, что по православно-народному воззрению ни народ для Царя, ни Царь для народа поставлен от Бога отцов в отцов место, а Царь вместе с народом, воздавая Божие Богови и не требуя уже Кесарева Кесареви, исполняет дело тех, на место коих поставлен от Бога не мертвых, а живых. Император, или военачальник, вместе с народом — войском — ополчается не против себе подобных, а против силы чувственной, порождающей <сынов> и отцов умерщвляющей. Тут победа над чувственною силою не отдельных лиц, а совокупная, общая...

Непростительно длинное письмо!

248.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

18 августа 1901. Подольск.

18 августа 1901 года

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Письмо Ваше от 29 июля¹ получил 16 августа поздно вечером. 17-го искал квартиру. Комната после долгих исканий найдена в Девятинском переулке, дом Карташева, квартира № 3. 20 августа или 21 думаю переехать в Москву из Подольска². Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне. Буду ждать личного свидания в конце августа. Искренно преданный и глуб<око>уважающий Н. Федоров.

249.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 августа 1901. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Письмо и статьи¹ получил, но от бесполезных уже теперь замечаний воздержусь до Вашего приезда в Москву. Я не буду даже уверять Вас — потому

что Вы не поверите, — что читал статьи, вовсе не думая ни о дерзости, ни сво-
евольии, а лишь о деле, там излагаемом. Прошу Вас, однако, повременить до
приезда Вашего в Москву рассылкою статей.

Получил наконец изумительнейшее письмо к Вановскому². Оно само за
себя говорит. Препровождаю к Вам заметку *о проекте Станоевича*³, которая
могла бы составить важное дополнение к статье «О Разоружении», вообще
нуждающейся в дополнении. Тогда после дополнений статью «О разоружении»
должно бы, если это возможно, посвятить основателю или творцу воздушных
(воздухоплавательных) парков в России Вановскому⁴. Не попытаетесь ли изло-
жить эту заметку поскладнее, если разберете.

Марии Григорьевне и Анне Васильевне свидетельствую мое глубочайшее
почтение.

Сердечно преданный

Н. Федоров.

1901. Август 24.

250.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец 1901 — первая половина марта 1902. Москва

Черновое

Цена жизни

Поэма об Офире и Памире посюстороннем (золото и прах) и потусторон-
нем (об аде и рае) и о Скифии, стране мудрости, познавшей вещей истину, сде-
лавшей истинную им оценку¹.

Скифия — обладательница истинного мерила — весы. *Офир* — золото и ад;
Памир — прах и рай; *Скифия* — весы. Суд посюсторонний и потусторонний.

Позапрошлым летом Вы обещали приискать *эпиграфы* к Пасхальным во-
просам². Эпиграфов не нашли, а написали поэму «*Цена жизни*», в которой на-
шлись эпиграфы, но не ко всем пасхальным вопросам. Нынешним летом Вы,
по-видимому, очень желали принять участие в составлении программы Русско-
всемирной истории³. О программе Вы забыли*, а между тем та же поэма могла
бы стать программю в поэтической форме, если бы представила яснее распа-
дение всемирного сознания на два разума и на два сословия (распадение сынов
человеческих умерших отцов), приведшее к *тьме двух невежеств, благодаря*
золоту офирскому, а объединение нашло <себе выражение> лишь в бесплод-
ном стремлении, т. е. в музыке, благодаря той же ложной оценке Офирского
сокровища. Тем не менее Памир и Офир придали бы поэме всемирное значе-
ние, потому что Памир есть повсюду, где есть прах или кладбище. Также и
Офир есть везде, где есть разделение на богатых и бедных, или хотя бы есть

* Судя по совершенному равнодушию к Пасхальным вопросам и программе к Русско-
всемирной истории, можно смело предсказать: ничего [1 слово неразб.] не получится.

одни бедные. Если бы Скифия не обратила кладбища в цветник, забыв о том, что происходит под цветником, и если бы объединение в строении храма не было заменено под влиянием Вагнера объединением в (радостном) пении о несовершившемся прекращении распрей⁴, Памирско-офирский вопр<ос> мог решиться только в Скифии... Тогда Поэма сделалась бы первою настольною, карманною, школьною книгою, ибо цену жизни нужно знать везде, чтобы знать, *что нужно делать?*

Нужно иметь большое поэтическое чутье, чтобы, заменив *Индию* — *Офиром*, с которым слилось представление о золоте, а *Россию* — *Скифиею*, презираемою странюю, с которой связано представление о какой-то особой мудрости^{*}, присоединить эти два слова к *Памиру* или *Меру*, с коим связано понятие о центральности и о могиле предков, и таким образом получить три термина для решения *вопроса о Цели существования и цене жизни*. С Памиром и Офиром так естественно соединено двоякое значение: с Офиром — *золота и ада*, как с Памиром — *праха и рая* (в смысле теней), так что изображение посюстороннего мира и потустороннего, можно сказать, вынуждается этими двумя словами. *Если для одних рай есть лишь по ту сторону, а для других <его нет> ни по сю, ни по ту сторону, а лишь в мысли, то для мудрой Скифии потустороннее станет посюсторонним, когда мысль станет делом.* (А в понятии заключается не знание только, но и дело.) Из Скифии вышел вопрос о замене материального социализма художественно-литературным, или вопрос о книжном русско-французском обмене, под коим крылось *ограничение литературной собственности*, и не скифы, а галлы оказались противниками этого обмена и защитниками торга своими душами, мыслями и чувствами. В Скифии народился вопрос о замене вызываемого золотом Офира истребления — борьбы — обращением всех сил в противоположное, на дело спасения жизни (или обращение всего употребляемого на войны в дело спасения от голода...).

* * *

По Вашим странным мнениям, Поэт может написать превосходное произведение и о том, о чем он никогда не думал и даже не желает думать! Нет сомнения, что Ваше отвращение к 3-му Риму и любовь к первому, особенно Папскому Риму, вполне объясняет, почему в Вашей поэме «Цена жизни» *Скифия* скомкана в 2-х или трех страничках, тогда как она должна бы быть полнее и Памира, и Офира, и Царства теней, и Царства злата. Если бы Ваша мысль на место постоянного пребывания в Ватикане⁵ делала бы хотя бы на несколько минут в день Скифию своею резиденциею, то Вы на самой околице, заставе, при самом входе в страну почитания умерших (предков) и причитаний, т. е. страну, знающую цену и вескость предкам, поместили бы лишенный жизни и плоти череп праотца, как представитель всех умерших, вытесненных его потомков, а наших предков, как укор совести живущим, попирающим прах умерших предков и не догадывающимся, что все величие, слава и задача знания и

* Мудрость Скифии в том, что она, не увлекаясь блеском золота, предпочитает труд оживления праха [пропуск] приводящему к борьбе и истреблению.

дела — вернуть праху, некогда мыслившему и чувствовавшему, жизнь и что иной задачи и быть не может у праха, еще чувствующего и мыслящего.

Вступив в Скифию, окинув ее одним взглядом, забыв о разделении на части (света), мы увидим поле, не костями усеянное, а жальниками, из которых выступают лишённые жизни отцы, окаменевшие в своей жалобе к бесчувственным сынам. Председатель Архивной Комиссии Вашей родины, Тамбовской губ<ернии>, предлагает имеющему быть съезду представителей архивных комиссий <обратить внимание на> каменные бабы как памятники, оставленные скифами на пути их движения от Минусинс<кого> края на Запад⁶. Конечно, председатель Комиссии не догадывается, что поднимает вопр<ос> о смерти и жизни, вопрос, касающийся не Историч<еской> только жизни, а всей естеств<енной> жизни, словом, всего знания всех людей. И не он один не знает, что всякая церковь есть и школа знания умерших, и храм их оживления. Созидаемые же в один день храмы были раскаянием в забвении жальников, вместе и образом воскрешения, ибо всякий храм есть подобие всего мироздания, ничтожный по величине, но высший всей вселенной по содержанию. Но эти храмы в отдельности бессильны, ничего не могут творить, *если не будут соединены в одну лозу, делателем коего <(т. е. храма)> Отец всех отцов не мертвых, а живых, <ставит Царя,> который в праотца место, череп коего <(праотца)> мы видели при вступлении в Скифское царство, ставит Царя как душеприказчика умерших и восприемника рождающихся, и этим путем объединя<ет> все школы-храмы в воинской повинности, превращен<ной> в дело познания слепой силы природы, обращаемой в управляемую разумом. Тогда Школа научения в храме будет познанием того праха, тех атомов и молекул, на которые разложились тела отцов, а храм таинственного предложения хлеба и вина в тело и кровь станет, во внехрамовой литургии, *не таинственным, не чудесным* предложением праха в живые тела отцов-предков, <предложением, осуществляемым> уже не в храмах, а на всей земле как на кладбище.*

Всем же храмам Мать — храм собирания в Кремле. Полнота значения *Кремля 3-го Рима, в Памира или Эдема место* стоящего, может быть понята лишь в день Пасхи, если бы притом он совпадал со днем венчания на царство* от Бога отцов, не мертвых, а живых, поставленного *в праотца место*, коего сухой череп оказался так высок у входа в Скифию (а Шапка Мономаха еще тяжеле)** . Кремль, созерцаемый в эту ночь или полночь с вышки Музея на второй Поклонной Горе, Кремль, освещенный в эту ночь *грозовою силою*, превращенную в *мирную*, почерпнутою в области князя власти воздушным посредством аэростатов, вооруженных *штыками* вместо остриев. Пасха была бы физическим торжеством над темной, слепую силою, олицетворяемою в виде Перунов, Зевсов, т. е. истинным торжеством над язычеством, а не мнимым, в разрушении идолов. Штыки и сабли востока обратились бы из орудий истребления в

* Это совпадение имело место в конце XVIII века, когда мы к себе ничего, кроме презрения, не чувствовали.

** Восстановление священного значения Царской власти (религионизация). Значение Шапки Мономаха; тяжел череп и «тяжела шапка Мономаха».

орудия спасения* . В день же Пасхи и коронации является новый призыв к Конференции мира, на новых основаниях, не превращения милитаризма в индустриализм, а обращения орудий борьбы в орудия регуляции слепой силы, обеспечивающей земледелие от неурожаев и дающей земледельцам силу с неба для кустарного производства, чтобы низложить крупную промышленность, <чтобы> Москву обратить в Пасхальную резиденцию, а «Город» в село** с кустарною промышленностью, из искусственной переходящую в естественную, строящую самые ткани и органы в противоположность городскому идеалу, желающему зерно и вообще и растительные, и животные вещества производить искусственно, фабричным путем. Если Кремль полноту выражения получает во дни Пасхи и венчания на Царство, то «Город» имеет свои праздники Афродиты — как блудный город, город женихов и невест, — <что и приводит> к забвению отцов и стоящего в отцов место.

251.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
18 декабря 1901. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович.

Вот пять принципиальных вопросов, которые следовало бы предложить (наглой) слепой поклоннице немецкого философа (Ницше)¹, не дерзающего даже коснуться страшного суеверия и предрассудка, в коем коснеют философы, и даже благоговеющего пред этим предрассудком — бессилие разумных существ против слепой силы природы. Потомок многих пасторов², он перенес безусловное обожание к Богу — что совершенно понятно — на слепую силу.

1) *Amor fati* или *Odium fati*³, т. е. любовь или ненависть к силе слепой, умерщвляющей, в вечном могуществе которой он не допускает сомнения?^{***}

2) *Wille zur Macht*⁵ т. е. властвование над себе подобными или соединение с ними со всеми в общем *Odium*, в общей ненависти к бездушной смертоносной силе.

— Почему (Ваш) покорный глупости философ хочет внушить разумным существам любовь к самому постыдному рабству пред неразумною, бесчувственною силою, а над разумными существами требует еще более позорного господства, лишая их воли, слепой же силе приписывает волю?

3) Слепо подчиняясь своему идолу, неужели она [(поклонница Ницше)] не замечает, что сила, к которой он старается внушить любовь, есть та самая,

* Башни, называемые в старину «сынами», потому вероятно, что они грудью защищали прах отцов, теперь станут приемниками небесной силы для возвращения земному праху отцов жизни. <Они будут> пристанями для аэростатов, почерпающих в небе грозовую силу чрез штыки, заменяющие острия, поднятые в область князя власти воздушной. Освещаемый небесным светом Кремль в день Коронации или Пасхи в Пасхальной столице [не дописано.]

** Если «Кремль» в «Эдема и Памира место» стоит, то «Город» или посад (Сити) «Офира место» занимает — разъединения внутреннего, но ему уже золото будет не нужно, когда силы будут получать с неба для кустарного производства, т. е. <когда> станет превращаться в село.

*** Ненависть даже за самого Ницше, с коим этот *fatium* сыграл такую злую шутку⁴.

которая в нас всех познала свое несовершенство, т. е. что она, рождая сынов, по своей слепоте умерщвляет отцов. Что требуется таким сознанием величайшего зла, не понимают только философы, потому что философия* есть принадлежность младенчеству человеческого.

4) Причисляет ли она себя к удачным произведениям природы, т. е. к сверхчеловекам, и хочет господства над нами или считает себя неудачным и желает рабства, забывая, что истинная нравственность требует: не быть ни баарином, ни лакеем, а быть сынами, быть братством сынов в исполнении долга к отцам, союзом разумных существ против неразумной силы.

5) Почему она не последует совету своего наставника, бросить *его*, чтобы найти *себя*, и очень может быть, что в ее душе не найдется того аристократического лакейства, коим страдал во всю жизнь ее жалкий учитель?

Итак, кратко: Господство ли над людьми и рабство пред слепую силою или наоборот?

Еще один вопрос. Что лучше — миллионы ли возвратов жизни и столько же смертей или *один* возврат** как результат перехода природы чрез всех нас от бессознательного бытия (и от опьянения) в сознательное и трезвое, если человек не случайный выродок и появление разума есть новая стадия мировой жизни.

Правда, это учение есть то самое, которое недавно знакомый Вам художник⁷ разгромил, получив молот у самого Ницше, — его великий преемник и которого Вы удостоились слышать, прежде чем он явился миру.

В заключение надо сказать, что даже его [(Ницше)] сестра⁸, несмотря на всю любовь и глубочайшую привязанность к нему, оставляла его на целые годы, потому что не могла согласиться с его, конечно омерзительными для такой души, как ее, воззрениями. Учение Ницше имеет значение как совершенная противоположность тому, что должно быть, и также потому, что открыло миру такую, не часто встречающуюся женщину — истинную дочь человеческую. В сестре, а не в брате нужно было найти поклоннице злого учения [образец.]

18 декабря

1901

* т. е. рознь и мысль без дела.

** Из *amor patriam* и *odium fati* вытекает единый и безграничный возврат, а [из] *odium patri* и *amor fati*⁶ [множество бесконечных возвратов.]

1902

252.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
10 февраля 1902. Москва

Москва. 10 ф<евраля> 1902.

Глубокоуважаемый
Николай Павлович!

По поводу Вашей полемики с г. Pepsoso позволяем себе поделиться с Вами некоторыми соображениями, а именно.

Прежде всего, на обвинение в скрытности Вам следовало бы указать на неизвестные еще «Pepsoso» статьи, каковы:

«Разоружение», «О наблюдениях над падающими звездами», «Об археологическом съезде» (в «Ташкент<ских> Ведомостях»); даже не мешало бы обратить его внимание на «Разговор с Толстым»¹; вообще дать список статей разных авторов, в которых выражена та же мысль, ибо весь вопрос надо поставить не на личную почву. Поднося же ему список статей, можно просить его о разгромлении их, так как он, по-видимому, большой любитель полемического задора. Не сделавши же предварительно такого указания, неосторожно было начинать с ним полемику, так как из всех этих статей он досыту мог бы убедиться, что имеет дело не с обскурантами, не с противниками науки, а как раз наоборот, с требующими полноты и всеобщности знания, доведенного до того, чтобы *все* стали познающими и *все* стало предметом знания и дела. Во всех статьях сказанного списка заключается не догмат, а вопрос о том, что мы, как сыны умерших или имеющих умереть (*morituri*) отцов, должны делать, употребляя слово «отец» в смысле библейском, в каком Христос называется «сыном Давида», евреи — «сынами Авраама» и т. п.

Простите за другое замечание! Не впадаете ли Вы в ошибку тактики относительно противника, когда слова Достоевского о прекращении деторождения, о телах, подобных телу Христову по воскресении, о размещении на разных мирах употребляете в догматическом смысле², то есть о воскресении говорите как об откровении, как чуде, не различаете воскресения гнева от воскресения как дела сыновней любви, совокупного труда, братства всех сынов, как дела, наконец, самой природы, приходящей в сознание печального факта вытеснения сынами отцов, т. е. зла, творимого ими невольно, и потому превращающего, т. е. долженствующего превратить слепой процесс рождения сынов в сознательное дело воскресения от-

цов. Вот как, полагаем, следовало бы говорить о прекращении деторождения, во избежание недоразумений, столь легко возникающих по поводу этого пункта.

Сознание, о котором сейчас упомянули, есть раскаяние, которое сделает нас, а с нами и всю природу, орудиями любви Бога Отцов, не мертвых, а живых*.

Признавая такое, то есть трудовое воскрешение, мы вовсе не отвергаем воскресения как чуда, как выражения гнева на род человеческий, не принявший Евангелия, не объединившийся по образцу Св. Троицы, словом, как на исполнение угрозы, то есть: если раскаяния не последует и воскрешение не будет совершено родом человеческим вольно, то оно совершится невольно, вопреки его воле, и одни будут осуждены на вечные муки, а другие на созерцание вечных мук. Несомненно, что и ад, так понимаемый, есть произведение чуда же, потому что он соединяет в себе наибольшую интенсивность мучения с наибольшей его продолжительностью, но не на время, как это естественно возможно, а на вечное время, что доступно только чуду. К Вам же насмешка Pensoso по этому поводу относиться никак не может, так как Вы говорили о бессмертии естественном, исключаящем всякое страдание³. Бессмертная жизнь может быть не-блаженною, мучительною лишь как чудо. По этому поводу можем и мы сказать, что г-ну Pensoso тоже, вероятно, должно быть что-нибудь известно о «сциентифическом аде»?..⁴

Г. Pensoso просматривал Евангелие и, однако, не заметил таких слов, как: «дела, которые я творю, и он сотворит и больше сих сотворит», конечно, если будет на «Лозе», ибо «без Меня не можете творити ничесоже!» А что разумеется в словах: «в дому Отца Моего обители многи суть»? Разве не вся вселенная дом Его?..⁵

Наконец, на вопрос Pensoso: «не укажет ли автор, для чего нужны эти миры?»⁶ следует отвечать возможно полным определением вопроса о всеобщем воскрешении. Сущность этого вопроса заключается в обращении слепой силы всей природы, всех миров через воскрешенные, а не рожденные поколения в управляемую разумом и чувством**. И таким образом в родстве всех поколений выразилось бы единство всего мироздания, а последовательное существование всех поколений превратилось бы в единовременное сосуществование, и таким образом все эти миры будут прославлять Бога.

Вопрос о том, кто виноват: наука или ученые, т. е. люди науки, — конечно, праздный, словесный, риторический⁷. В Средние века, говорят, наука была служанкою богословия, а в наше время она служанка капиталистов, фабрикантов, к которым, разумеется, следует причислить и Круппа, так как и ему служит наука и притом очень усердно.

Можно указать еще г. Pensoso на статейку «Плата за цитаты»⁸, где говорится о самих литераторах и ученых. Можно указать и на вопрос о книжном

* Если из выражения «Бог Отцов» выпустить слово «отцов», то получится отрицание воскресения и потому надо особенно тщательно следить за тем, чтобы в корректурах не выпустили его.

** т. е. когда наше тело станет нашею естественною лабораториею (вследствие знания), в которой все рожденное заменено создаваемым из самых простейших, элементарных веществ, тогда оно будет обладать последовательным вездесущием, т. е., оставаясь телом, будет обладать свойствами духа, станет плотью всеощущающею и всепознающею.

обмене, который имел целью придать политическому союзу России и Франции просветительное, нравственное значение. И что же? В России даже две такие редакции, как «Русс<ких> Ведомостей» и «Московских», отозвались об обмене одобрительно⁹, а французы в это же самое время хлопотали о конвенции, в видах защиты священного права литературной собственности.

На самый последний Ваш вопрос (что думаем мы о Вашей полемике по этим вопросам вообще) ответа еще не дали мы, за что простите! Конечно, можно только радоваться тому, что великие такие вопросы становятся предметом обсуждения так или иначе. И надо быть очень благодарным Вам за возбуждение их в печати; но вместе с тем нельзя не пожалеть, что, в силу обстоятельств, изложение учения о великом деле расчленяется на мелкие частные вопросы и, дробясь по отдельным статьям, лишено возможности быть выраженным цельно, стройно и с достаточной полнотою, так как, кроме дробления изложения, сверх того и полемические приемы мешают правильному и последовательному изложению. Если бы даже все до сих пор напечатанные статьи были собраны в одну книжку, то и тогда не получилось бы даже очень краткого изложения проекта всего дела. Благодаря же раздроблению приходится в каждой заметке кратко (то есть не совсем понятно) говорить обо всем и повторять одно и то же! Теперь даны, кажется, ответы на все вопросы г-на Pensoso, и тем не менее можно и теперь еще (в силу вышеизложенных обстоятельств) ожидать, что этот оппонент скажет, что он ничего не понял. И вина тут, конечно, не излагателя, а не зависящих от него способов изложения и обстоятельств, при которых ему приходится писать.

Так напр<имер>, и в данном сейчас определении дела усматриваются несовершенства; и оно еще не вполне безопасно от неправильных истолкований, а именно в особенности помещенное на странице 8-й¹⁰, которое (определение), пожалуй, могут счесть еще за что-то мистическое.

P.S. Как Вы и сами догадаетесь, предыдущее, хотя и исходящее будто бы от меня, писано по внушению и со слов Н<иколая> Ф<едоровича>, о чем сообщая Вам, но, конечно, конфиденциально. Мое личное мнение я высказал в предыдущем письме¹¹ и повторяю, что очень радуюсь Вашей деятельности и желал бы ее продолжения. Мой поклон и привет Вашему всему семейству. Преданный Вам В. Кож<евников>. Простите за торопливое писанье.

253.

Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
3 марта 1902. Москва

Москва. 3 марта. 1902.

Глубокоуважаемый
Николай Павлович!

Большое спасибо Вам за письмо и многочисленные статьи, к нему приложенные¹. Прочитавши последний ответ г. Pensoso «Свобода на рознь», мы находим, что этот господин ведет полемику крайне недобросовестно, что и обличается в посылаемой при сем статье². В конце ее сказано, что ввиду явных

искажений, позволяемых себе г<осподин>ом Pensoso, и приписывания им своим оппонентам того, чего они и не думали говорить, дальнейшую полемику с ним касательно прежних статей мы считаем невозможною. Но, конечно, этим замечанием мы не думаем стеснять Вас нимало в этом отношении, так что если Вы этого мнения не разделяете, или если с его стороны последует что-либо новое такое, чего Вы не сочтете возможным оставить без ответа, то, конечно, Вы не должны стесняться в этом отношении и будете поступать по личному Вашему взгляду на обстоятельства дела. Не помешало бы заметить г-ну Pensoso, что относительно «туманности»³ есть изречение Гёте: «в статье ли пишущего или в голове читающего туман?», и этот вопрос тем более вправе мы были бы предложить, что критикуемые им мысли были известны В. Соловьеву и он на туманность их отнюдь не жаловался, и на вопрос (непонятный г-ну Pensoso) о трансцендентном и имманентном воскресении: «не нужно ли заменить чем-либо эти выражения?»⁴ — отвечал, что заменять их иными совершенно излишне. Надо помнить и то, что необходимость внимания читающего должна возрастать сообразно с сжатостью статьи; при усиленном внимании кажущийся туман рассеялся бы. Что касается до упрека в «гувернерстве», то ему нет места в учении, которое все время заботится о превращении несовершеннолетних в совершеннолетних, не нуждающихся ни в гувернерстве, ни в надзоре, ни в карах наказания⁵. Если же под гувернерами он разумеет учителей народа и не мирится даже с ними, то это будет уже равносильно требованию свободы на невежество! Единственное применение принуждения допущено лишь применительно к образованию несовершеннолетних, но и то только для того, чтобы избавить совершеннолетних от всего принудительного со стороны и от рабства перед природою.

Благодарим за предложение начать печатание самого труда в его полном виде! Бесспорно, это было бы очень хорошо, но... но... для этого требуется предварительно привести все в порядок, а мы все простираемся в даль... Однако было бы весьма желательно прислать Вам для напечатания по крайней мере помещаемые в начале труда «Пасхальные вопросы»⁶. Но и они, с тех пор как были написаны, подвергались добавлениям и изменениям, так что и они теперь находятся в виде неудобочитаемом. Попробуем привести их в порядок и о дальнейшем сообщим.

— *Еще P.S. о Pensoso!* Что касается того, что он презрительно именуется «китайщиною»⁷, т. е. культ предков, то культ этот есть принадлежность всякого народа, кроме интеллигенции; хамитизм же есть свойство интеллигенции, да и то, по счастью, не всей. Примириться же могут интеллигенция и народ в действительном воскрешении, как уже в совершеннейшем культе отцов, уже не в детски-наивном смысле его в виде подобию и пр., а в реальном, деловом...

Посылаем также Вам статью о Ницше⁸: поводом частным к напечатанию ее служат обстоятельства, указанные в ее начале; общим же то соображение, что трудно найти другое учение, которое так хорошо содействовало бы разъяснению истинного учения, учения о деле, как ницшеанское, только, конечно, не

в положительном смысле, а с отрицательной стороны. Любому тезису Ницше учение Н<иколая> Ф<едоровича> противопоставляет свой положительный антитезис, как Вы увидите из краткой даже статьи.

Доканчиваю письмо уже после ухода Н<иколая> Ф<едоровича> и добавлю, что лично я очень рад Вашей газетной деятельности и благодарю за тщательное напечатание статьи об Аде Негри⁹. Видимо, и Н<иколай> Ф<едорович> доволен печатанием статей, хотя в силу своих свойств и говорит, что из этого едва ли выйдет польза. Но этим не смущайтесь и продолжайте!

Мое глубокое почтение Юлии Владимировне и наилучшие пожелания Вам всего хорошего от преданного Вам В. Кожевн<икова>.

254.

В. А. КОЖЕВНИКОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
10 марта 1902. Москва

Москва. 10 марта 1902

Глубокоуважаемый
Николай Павлович!

При сем препровождаем Вам статью «Полемика и Война»¹. Ее можно считать изложением условий, при которых полемика была бы возможна; но так как на принятие этих условий Ваши асхабадские оппоненты, конечно, не согласятся, то хотя статья и посылается, но решить, печатать ли ее или нет, вполне предоставляется Вам, для благоусмотрения которого она и написана. В ней есть, как Вы увидите, отношение и к общим вопросам, в чем собственно и заключается ее значение.

Что касается вопроса о свободе совести без принудительного образования и с принудительным образованием, то о нем несколько кратких слов сообщим в следующем письме; а пока сердечно желаю Вам здоровья и неоскудевающей бодрости в трудах на пользу истинного дела!

Марья Григорьевна² Вам шлет свой поклон. Мы Вас нередко вспоминаем, хотя видали Вас редко. Прошу Вас передать мой нижайший поклон глубокоуважаемой Юлии Владимировне.

Преданный Вам

В. Кожевн<иков>.

255.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Между 10 и 17 марта 1902. Москва
Черновое

Вынужденный безвыходностью своего положения, я прошу Вас написать г-ну Петерсону, что я передам ему бумаги, находящиеся у меня, если он придет в Москву или в Воскресенское¹, но для такой передачи потребуется не

меньше трех недель или даже месяц. Неполучение же ответа к 1-му мая буду считать отказом от моего предложения. Деньги, которые Вы считаете моими, а я не могу признать своими, можно было бы передать на проезд сюда или на прожитие здесь.

256.

В. А. КОЖЕВНИКОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
17 марта 1902. Москва

Москва. 17 марта 1902.

Глубокоуважаемый

Николай Павлович!

Благодарим Вас за присылку статей, которые прочли с удовольствием¹. Отвечать на реплику Pensoso на статью об Аде Негри не считаю уместным, ввиду явно недобросовестного приписывания того, чего и не думали говорить мы. Тратить время на опровержение полемиста, не умеющего или не желающего читать то, что написано, было бы неизвинительно. Вы уже вполне верно заметили ему, что он пропускает мимо ушей все, что ему не по вкусу².

Посылаем несколько ответных слов на статью «Открытое письмо» (в № 52-м) и на эпиграф к ней. Она, думается мне, очень удачно обличает противников, и если вздумаете, можете ее напечатать³. Вам же особо, то есть лично для Вас (а не для печати) по поводу всей этой полемики имеем сказать следующее:

Осудив себя на писание мелких статей, мы вынуждены повторять одно и то же, и тем не менее не быть понятыми. Но не пора ли покончить с мелкими статьями, от которых большого толку быть едва ли может, как это доказано полемикой с П. Ц.⁴ и Pensoso, хотя последний полемист особого рода, не часто встречающийся по степени его недобросовестности, и потому в норму всех полемистов его возводить еще нельзя. Не лучше ли придумать какой-нибудь способ для *полного* ознакомления с проектом дела?

На эту мысль меня наводит между прочим еще и следующее обстоятельство. Недавно Николаю Федоровичу случилось прихворнуть, и хотя, слава Богу, все обошлось благополучно, однако естественно этот случай навел на мысль об участии рукописей в будущем. Недавно некий г. Черногубов вызвался с предложением напечатать, как он выразился, Орега Омпиа⁵. Но Н<иколай> Ф<едорович> на это не соглашается, не особенно доверяя серьезности этого намерения, хотя и высказал при этом, что утопающий и за соломинку хватается или, по более выразительному турецкому варианту пословицы: «и за змею хватается!» И вот при разговоре по поводу этого я высказал, что было бы хорошо рукописи передать Вам. На это Николай Федорович сказал: «а как это осуществить?» Передать рукописи он мог бы, но сказал, что для передачи, то есть такой, после которой могло бы начаться прямо печатание, необходимо не менее трех или четырех недель (скорее четыре, чем три), кроме времени, потребного на переезд Ваш от Асхабада до Москвы или до Воскресенска (или Нового Иерусалима близ Москвы), где Ник<олай> Фед<орович> предполагает провести лето. Дово-

жу до Вашего сведения об этом разговоре; было даже упомянуто и о том, что есть деньги (сто семь рублей, которые я считаю принадлежащими Николаю Федоровичу (да так оно и есть!) и которые он не хочет признать своими) и что эти деньги, в случае, если бы Вы нашли возможным приехать, могли бы пойти на расходы Вашего приезда и прожития. Не знаю, хватит ли этого? Время для приезда могло бы быть определено. Май или июнь или даже июль, как удобнее.

Что Вы скажете на такой проект?..

Пока, конечно, это все — только предположение; знать же Ваше мнение об этом деле было бы очень желательно. Поимейте в виду и то, что с 20 мая я и мать уже уедем на все лето из Москвы и таким образом квартира наша для Вас и Николая Федоровича будет к услугам; можете с ним ею пользоваться, не стесняясь, так как дворник остается наш в квартире и может Вам прислуживать (ставить самовар, чистить платье и пр.). Итак, будем ждать от Вас ответа на сей важный вопрос.

Прилагаем на особом листке еще несколько слов дополнительно к предыдущей статье, посланной в последнем письме, т. е. о двух проектах умиротворения — в войне и в полемике.

Признать *свободу на ложь* или право на сомнение и отрицание без обязанности участия во всеобщем исследовании или познании, значит остаться при вечном споре или полемике без перехода к совещанию об общем деле, то есть без перехода от журналистики к собору, или остаться при несовершеннолетию.

Свобода же на рознь, вместо обязанности объединения в общем деле, значит остаться навсегда при конституционной распре, или преградить себе переход от конституции к самодержавию, которое и стоит во главе всечеловеческого дела. Этот-то переход от знания к делу и есть проект превращения полемики в совещание, для выработки проекта примирения власти и народа в конституционных государствах или для превращения другой формы полемики, конституционной, в царство общего дела или в самодержавие⁶.

Затем позвольте пожелать Вам и глубоко уважаемой Юлии Владимировне всего лучшего. Остаюсь преданный Вам В. Кожевн<иков>. Николай Федорович благодарит Юлию Владимировну за поклон и просит ей передать его поклон.

P.S. Сейчас от Юрия Петровича⁷ узнал, что Черногубов, упоминаемый выше, будто бы имел разговор об Николае Фед<орови>че с Вел<иким> Князем Константином Константиновичем⁸ и будто бы князь сказал, что даст средства на издание сочинений Николая Федоровича. Сам же Черногубов об этом Николаю Ф<едорови>чу не говорил. Не знаю, верен ли этот слух и, конечно, не могу ручаться за его достоверность; равным образом даже если бы и было так, как передавал Ю<рий> П<етрович>, из этого еще не следует, что-

бы печатание непременно состоялось. Но как бы то ни было, я счел нужным сказать об этом и Николаю Ф<едоровичу>, который еще этого не знал, и Вам на всякий случай сообщить, как говорится, — к сведению. Еще раз всего хорошего. — Я Вам послал две своих статьи о католицизме⁹, Вы же, по-видимому, получили только одну.

257.

В. А. КОЖЕВНИКОВ, Н. Ф. ФЕДОРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Вторая половина марта 1902. Москва

Москва. Марта 1902.

Глубокоуважаемый
Николай Павлович!

Считаем небезынтересным поделиться с Вами заметкою об учении некоего г. Тареева, помещенном под заглавием «Смысл и цель жизни» в журнале «Вера и Церковь» (издатель протоиерей Лицея Цесаревича Николая от. Соловьев). Статей этих в подлиннике мы не читали, а пишем на основании заметки о них в 1-м № «Богослов<ского> Вестника» за нынешний год¹. Нам кажется, напечатание посылаемой Вам краткой заметки было бы полезно как указание на то, что вопрос о цели и смысле жизни, и притом решаемый путем воскресения, не есть личное произведение, а потребность времени, что он возникает у разных лиц, независимо друг от друга. Разница же в средствах может уяснять Вашим противникам истинный характер излагаемого Вами учения, с тою притом выгодой, что таким образом избегается личная полемика с прежними оппонентами. — Следовательно, было бы недурно напечатать посылаемые строки в «Асхабаде», хотя решение этого дела вполне предоставляется Вам².

Но особенно полезно было бы послать подобную же заметку из Асхабада в «Богос<ловский> Вестник», переделавши сообразно с этим немногие выражения, и послать при этом туда для ознакомления с излагаемым Вами учением какую-нибудь из статей, печатавшихся в «Асхабаде». Если одну только, то лучше всего, кажется, статью в 62-м №-е, присоединивши к ней в виде приписки или вырезки отрывок из статьи другой, то место о супраморализме, что жить нужно не для себя, не для других и т. д. Кто знает, может быть, гг. богословы и философы прочтут наконец со вниманием то, на что большинство читавших пока не обращало никакого внимания. Адрес редакции «Бог<ословского> Вестника»: Сергиев Посад Моск<овской> губ<ернии>. В Редакцию «Богос<ловского> Вестника». Писать туда Вам нужно [как] якобы постороннему лицу, которое встретило сходные по цели и заглавиям статьи в раз<ных> изданиях и т. д. и что Вы поражены таким совпадением в таких отдаленных местностях и столь различных изданиях и т. д.³

Прошу Вас передать мой поклон глубокоуважаемой Юлии Владимировне; моя мать Вам кланяется⁴.

Преданный Вам В. Кожевн<иков>.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Конец марта — начало апреля 1902. Москва

Черновое

Мое дело погибло; посмотрим, что стбит Ваше? т. е. того <человека>, который верит *лишь в чудо*, а никакой логики решительно не признает, чем и избавляет себя от труда размышления, предаваясь всею душой излюбленному папизму¹.

«Скажи мне, что ты читаешь (в чем твое любимое чтение), и я скажу тебе, кто ты таков», — так я думаю всякий раз, когда вхожу в Ваш кабинет и вижу весь стол, и не один стол, заваленный книгами о католицизме на всех языках, кроме, кажется, русского*. Полагаю, что у всех патеров французской и польской католических церквей в Москве нет стольких изданий о католицизме. При таком зрелище невольно рождается вопрос: кто 6-ть дней всею душой служит католицизму и один день, вернее, час, посвящает Православию, к какому он принадлежит исповеданию, или, вернее, религии? Не для опровержения же католицизма во имя Православия, которым Вы совсем не занимаетесь и не знаете, Вы трудитесь?²

На моих глазах произошло обращение к Католицизму Вл. С. Соловьева. «Для Вашего учения, — говорил мне Соловьев³, ослепленный папизмом, — нужно 25000 лет». Это говорилось за два или три года до Конгской конференции⁴, когда были поделены почти все свободные земли на нашей земной планете. С тех пор совершилось множество захватов; а Соловьев тем не менее не понял значение последних событий. Правда, он говорил о конце *исторического* процесса⁵, а пред нами поднимается *Космический* вопрос, вопрос об изолированности Земли как небесного тела, которою обуславливается неизбежность смены поколений или смерти, хотя об истощении земли давно уже говорят. Исчисляется даже время, когда будут потреблены запасы топлива, скопленные землею в виде каменного угля, нефти и т.п. Рассчитывают на интенсивность (но и интенсивность имеет свои пределы) и, согласно с *городскими идеалами*, надеются и зерно добывать фабричным путем, причем село упраздняется, а с ним и естественный путь и истинное назначение человека — обращение чрез него, как разумное существо, в совокупности, слепой силы природы в управляемую разумом.

Католицизм — религия города. Католицизм извне — иго папское, а внутри — свобода розни. Требуя внешней покорности, папизм предоставляет каждому келейную свободу подражания Христу или что кому нравится. Католицизм есть полное отрицание Троицы как образца объединения. Соловьев поставил себе задачу жизни соединение, т. е. подчинение православия Папе. Этим он поставил себя в ложное положение, никогда не говорить истины, скрывать настоящую свою цель. Что же вышло? В письме 1882 <года> мы имеем ключ его жизни⁶. Проект, о котором он дал такой восторженный отзыв в этом письме, был бы теперь уже напечатан при его помощи. В голодный год 1891–92 он

* Нетрудно было бы показать, что в не читаемых Вами и презираемых духовных наших журналах найдется все, что есть у Вас, и даже то, чего у Вас нет.

также мог стать русским не пророком, а деятелем, и опять католицизм или ненависть к Православию, которая выразилась в лекции о средневековом мировоззрении, отвлекла его⁷. Был еще 3-й случай, когда Соловьев говорил о себе, что острый период увлечения Католицизмом прошел. Это было после издания письма Достоевского и выхода его книги «Оправдание добра»⁸. И этот случай кончился бы ничем, если бы даже я не сделал двух ошибок...⁹

И Вы идете по стопам Соловьева. Ваши сочинения, даже «Цена жизни»¹⁰, не могут быть исключены из отдела *Rossica*¹¹. И пока Ваша мысль будет витать в Ватикане, Вы останетесь иностранцем, пишущим о России, если даже будете писать об ней.

259.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 апреля 1902. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Меня очень беспокоит невольное оскорбление, сделанное Вам. Но я никак не могу понять, чтобы неверие в учение, никем не признаваемое и отвергаемое, могло унижать.

Зато посвящать такому презираемому учению каждую неделю один день, чтобы, как я полагаю, не обидеть верующих в это учение, — это редчайший подвиг¹. А Вы уже по меньшей мере творите такие подвиги, не говоря уже о многом другом. Письмо к Петерсону² лучше всего не посылать.

Искрен<не> предан<ный> Н. Федоров.

9 апр<еля>. 12 час.

260.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 апреля 1902. Москва

Черновое

В письме Вашем, глубокоуважаемый Владимир Александрович, я нашел гораздо большее подтверждение моих слов, которыми Вы были недовольны, чем ожидал. Сознавшись в своем неверии, Вы, как Евангельский скептик, молитесь, чтобы в Вас умножилась вера в какое-то, еще неизвестное хорошее, — что значит: и Ваш возлюбленный католицизм Вас не удовлетворяет, или Вы, по трусости, боитесь сознаться в любви к Католицизму, или Вы стыдитесь, если под хорошим разумеете воскрешение. То, что я считал в Вас неверием, — это просто страх, трусость¹.

261.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Апрель—май 1902.

Черновое

Я не скрыл от Петерсона отчаянного положения дела, отвергнутого всеми¹. Потому принятие этого дела Петерсоном делает ему великую честь, но и Ваше отречение от него не имеет нужды в извинении. Вы *очень* много сделали для антипатичного Вам учения и даже, как я убедился, особенно в последнее свидание с Вами, и *даже совершенно непонятого Вами учения*. Я с большим изумлением узнал, что Вы и теперь имеете такое же понятие о нем, какое было у Вас тогда, когда Вы нашли, как Вам казалось, учение о воскрешении в Коране². Вы и тогда, как и теперь, не видите различия между ожидаемым Исламом воскрешением и исполняемым, осуществляемым Православием. Вы очевидно не отличаете чудесного воскресения от воскресения всеобщего, совершаемого естественно, разумным путем знания и дела³, когда в указании Пенсозо на ад, как на доказательство возможности соединения мучительности с вечностью⁴, признали сильное возражение, тогда как такой ад всегда признавался сверхъестественным, делом чуда.

Хуже всего, что в своей пессимистической поэме «Цена жизни» Вы написали опровержение учения о воскрешении⁵.

262.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

После 8 мая 1902.

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Меня чрезвычайно удивляет, почему это самое демократическое ученье, которое заменяет бессмертие, по праву рождения будто бы принадлежащее человеку, *бессмертием, приобретаемым трудом, трудом неэгоистическим, трудом общим, совокупным, братским*, трудом не для самого себя, а для *родителей, предков*, тех самых, которых народ своими причитаниями старается вызвать из могил, работою над прахом, тленом, вместо чистенького труда над своею душою, над мыслями, вместо исключительной заботы о спасении своей души, *почему это учение, никогда не отделяющее себя от других, желающее трудиться для всех и со всеми, т. е. со всеми живущими для всех умерших**, признается самими аристократами, не молодыми, а старыми, гордостью, и особенно философами и учеными. Эти последние уже самоотверженно готовы пожертвовать своею будущею жизнью, в которую они, конечно, не верят, для блага потомства.

Правда, и *это учение* — хотя оно *есть не что иное, как замена средства лишь мифического действительным*, или даже не замена, а присоединение к

* Пусть нам укажут дело, <другое, кроме воскрешения,> которое было бы безусловно всеобщим и в то же время для каждого самым близким, родным.

мифическому, или мистическому, действительного, — может быть представлено в таком виде, что даже и мужикам покажется гордостью, вроде того обращения к мужику: «Вози навоз, не ленись, а там хоть и Богу не молись». С самого изобретения огнестрельного оружия в деревнях, конечно, в очень немногих, по причине бедности, крестьяне стреляли из пушек в тучи, в видах спасения полей от града. Мужики не видели в этом ничего оскорбительного для Божества, а архиепископ харьковский* усмотрел в этом действии оскорбление, заклинал профессоров Хар<ьковского> университета не употреблять такого средства для спасения от голода¹, хотя профессора вообще, как и сам архиепископ, не считают голод бедствием для себя.

Можно или даже должно спросить, что естественнее и нравственнее, превращение ли села в город, оставление земли, замена земледелия мануфактурною промышленностью, приготовлением искусственных тканей, или же замена искусства обращения праха отцов, предков в пищу, в одежду, в средства жизни потомков святым делом превращения этого праха (с помощью и по воле Бога этих отцов, которые для Него никогда не были мертвы) в тело и кровь их, чтобы они стали живы и для нас. Это было бы превращением земледелия во внехрамовую Евхаристию или Пасху, на прахе отцов совершаемую в союзе со всеми живущими, распространяя священнодействие на вземные, небесные пространства и на преисподняя земли.

Кратко: что естественнее и нравственнее, превращение ли земледелия в искусственную промышленность, или же превращение его, землед<елия>, в воскрешение?²

При обращении села в город есть ли какие-либо задатки устранения нищеты и скудости, тогда как, несомненно, бедности не мо<жет> б<ыть> при обращении искусственного земледелия в естественное, священное.

К вопросу о возвращении в село, вопросу не новому, присоединяются мотивы высшей нравственности.

Город, в котором господство от 3-го сословия переходит к 4-му, к сословию наибольшего секуляризма и утилитаризма, которое наименьший труд и наибольшее наслаждение считает высшим благом, такой город превратит два учреждения терпимости в храмы нетерпимости, так что к вытесненным из города кладбищам присоединятся вытесненные из него Храмы, Музеи, школы, высшие и низшие, кроме ремесленных, с общим ремеслом — грамотностью, вероятно, стенографическою; тогда Храм, Университет и Музей, освободившись от ига города, объединившись на кладбище, став в прямое, непосредственное отношение к земле и небу, к силе оживляющей и умерщвляющей, самое земледелие превратят в Воскрешение. Пахание обратится во вскрытие пластов земли, прах ряда поколений в себе заключающих, силою землетрясений, силою, обращенною в правильное движение, работу воскрешения совершающее.

Город, вытеснивший все, кроме кабаков как источников искусства, по Ницше, и бардаков, храм Похоти, творящей мир (мир как воля)³, отрезвится и, как блудный сын, возвратится к земле, к праху отцов.

Поговорить о Кронштадтских ревивалях⁴.

* Архиепископ принадлежал к протестантскому типу.

263.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
21 мая 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович,

Если Вам хочется освежиться от хозяйственных забот и если Вам желательно, по прошествии Праздника Пасхи, услышать Пасхальную службу¹, то стоит только взять билет до Нового Иерусалима. Вы хотя и видели Старый Иерусалим, но видели его в XIX-м веке, в Новом же Иерусалиме Вы увидите Храм Воскресения таким, каким он был в XVII веке². Правда, Вы были и в этом храме, но нельзя сказать, чтобы видели; я пробыл уже 2 недели, но тем не менее не могу сказать, чтобы видел в нем все.

Мудрее этого совета я уже ничего не могу придумать, так что остается пожелать Вам и Марии Григорьевне всяких благ, а главное, исполнения моего совета.

Всею душою преданный

Н. Федоров.

21 мая
1902 года

264.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
Между 21 и 31 мая 1902. Воскресенск
Черновое

Письмо от Ник<олая> Павловича получил¹ и ответ написал, но посылать боюсь², потому что эти загадывания на дальнее время редко удаются. Но вы напишите и как можно скорее, что с приездом его в августе месяце я примирился и буду ждать в этом месяце. С глубоким уважением смотрю на его усердие и верность делу*, которое в настоящее время находится не в аванже... Очень м<ожет> б<ыть>, что змейковые снаряды будут запрещены, и именно потому, что они имеют силу вызывать грозу, а при грозе, как известно, не невозможна, хотя когда-нибудь и где-нибудь даже опасность жизни хотя бы одному человеку⁴. Такова предусмотрительность и человеколюбие ученых естествоиспытателей. При нынешних воззрениях на отношения разумных существ к неразумной силе такие меры могут быть оправданы. Говорят, какой-то энтомолог находит возмутительным занятия пчеловодством даже с ученою целью, ибо пчела может ужалить! Нельзя не удивляться возвышенности и утонченности чувств наших великих ученых!

«Новое Время» получаю исправно, по следующему неисправному адресу: Воскресенск *Минск<ой> губ<ернии>*. Слежу с удивлением, как Америка надвигается на Европу и грозит Великобритании обратить в один из своих штатов⁵. Не

* Какое легковерие, какая глупость!³

устоит, конечно, и Германия против такой морской силы. Вот с каким Карфагеном придется иметь дело 3-му Риму. Но до Аннибала еще далеко. Но кажется, ни Американскому Карфагену, ни Германии, объявившей войну Славянству⁶ (которая, однако, не привела славян к единству), не нужно будет употреблять больших усилий для уничтожения России, ибо она сама все делает для своей гибели. Из С<анкт>-П<етер>б<урга>, который, конечно, никто не назовет русским городом, пройдут две дороги, одна по малонаселенному финскому Северу, который и иметь не может большого населения, к не русскому Владивостоку и Порт Артуру, а другая по Западному враждебному России краю к Черному морю⁷, обратив Центральную истощенную Россию в захоlustь⁸, [что и] приведет к гибели России.

265.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

31 мая 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович

Был очень рад, получив Ваше письмо¹. Не могу не назвать Вас глубокоуважаемым за Вашу неизменную преданность, не словом только, но и делом, к учению, которое до сих пор ничего, кроме неудач, не имело. В особенности за Ваше недавнее смелое сознание в своей ошибке², что в наш мелочной самолюбивый век составляет великий, даже величайший подвиг. Не знаю, был ли он оценен надлежащим образом кем-либо в Асхабаде. Называю Вас дорогим, потому что от Вас зависит дальнейшая судьба учения. Побывавши здесь — в Москве или в Новом Иерусалиме, — Вы ознакомитесь с этим учением (как мне кажется) уже в *окончательной форме*³.

Мне известны печатные отзывы о статьях, помещенных Вами в газете «Асхабад»⁴. Желательно было бы знать словесные отзывы разных лиц, а в особенности духовенства, если таковые были и если Вам приходилось слышать. Припомните и, если можно, напишите. Быть может, словесные возражения были дельнее печатных.

Владимир Александрович Вам, вероятно, писал о статье «Искусственная гроза», помещенной в «Новом Времени» во второй половине апреля нынешнего года⁵. Очень возможно, что «змейковые снаряды» будут запрещены. Назначены эти аппараты, конечно, для исследования, а оказывается, имеют силу вызывать грозы, а при грозе, как известно, невозможна, хотя где-нибудь и когда-нибудь, даже опасность для жизни, хотя бы одному человеку. Такова предусмотрительность и гуманность ученых естествоиспытателей! При нынешних воззрениях на отношения разумных существ к неразумной силе такие меры могут быть оправданы! Слепую силу позволительно созерцать и восхищаться или эксплуатировать. Сто лет, можно сказать, природа ждала от разумных существ (от своего разума) осуществления опыта, который предлагал Каразин в начале XIX века, и, не дождавшись, слепая сила решила сама показать, как можно ею управлять, т. е. вызывать грозы, и показать у того самого места, где Фуссы отвергли проект Каразина. И вот 19 апреля жители окрестностей С.-П<етер>бурга наблюдали

* Перепечатанной в «Московских Ведомостях».

грозу, которая не имела бы места, если <бы> Павловс<кая> Обсерватория не устроила в этот день змейкового международного полета, который и вызвал эту грозу, тогда как на всем пространстве России не было в этот день ни одной грозы. «Явление это, — говорится в статье, — заслуживает особого внимания ввиду того, что в настоящее время в провинции возникают новые змейковые станции». Итак, жители Павловска были свидетелями грозы, созданной их обсерваторией, созданной, конечно, неумышленно, не сознательно, неразумно...

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

Преданный все<ю> душ<ею> Н. Федоров.

31 мая 1902 — еще два месяца до августа.

266.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 июня 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович,

Очень сожалею, что Вы не могли приехать в Воскресенск. Писать же о Новом Иерусалиме — или очень много или уже ничего. Нов<ый> Иерусалим — это автобиография Никона и памятник, как мне кажется, одного из важных моментов русско-всемирной Истории¹, для Вас, впрочем, малоинтересной.

Письмо от Н. П. Петерсона² получил и 31 мая послал ответ, приглашая его приехать в Москву или в Воскресенск. — Относительно денег, как найдете лучше, так и делайте³.

«Новое Время» получаю очень исправно по следующему не совсем исправному адресу: В Воскресенск, Минс<кой> губ<ернии>. Ошибка, очевидно, сделана в редакции.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне.

Опасаясь, что письмо мое не застанет Вас в Козлове⁴, но раньше не мог послать.

Искренне преданный

Н. Федоров.

4 июня 1902

267.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 июня 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой друг,

Николай Павлович

Письмо к Вам послано 31 мая¹. Ответа по сие время не получено. Надо полагать, не дошло. В письме прежде всего говорилось, что выражение: Глубокоуважаемый и др. не чистая формальность, а имеет смысл. В особенности указывалось на печатное сознание в своей ошибке как на великий подвиг, не-

слыханный в наш мелочной, самолюбивый век...² Далее говорилось о той обсерватории, которая, занимаясь *невинными наблюдениями*, *неумышленно* произвела грозу³ и в своем простодушии даже не догадалась, какую силу она может владеть, а чуть ли не оправдывалась, что вышла было из области тупого созерцания в царство Дела. Дело, как видите, не в *почете*. А я жду Вас именно для того, чтобы изложить в возможно полном виде учение или лучше план *дела* 1) общего для всех без исключения, а вместе не чужого, а 2) своего собственного, родного для каждого *дела*, не искусственного, а 3) *дела* самой природы, приходящей чрез разумные существа к сознанию и управлению собою, т. е. тою силою, которая, рождая сынов, умерщвляла отцов, 4) *дела*, требующего соединения всех способностей всех сынов человеческих, 5) знания и 6) искусства, творящего не подобия мертвые, а живую личную действительность, 7) *дела*, дающего смысл всей жизни и цель существованию, 8) *дела*, удовлетворяющего все требования человеческого существа, 9) *дела* священного*, вступление в которое указывало бы на начало совершеннолетия, 10) *дела*, которое признавалось всегда, везде, всеми народами, за исключением *одного сословия*, отделившегося, отчуждившегося от всех, не захватившего даже щепотки земли с могил отцов, а даже отрясшего прах от ног и [которое,] не сознавая преступность выделения, создало два бессильных при своем отделении разума, обрекая народ на бесцельное дело, а себя на бесплодное *мнимое* знание. Осуждая во имя своего бессильного разума всех, оно к себе только не умело отнести критически, сознать свою вину.

Это вопрос о двух разумах — самый важный, а потому о нем и [не] следовало говорить мимоходом.

Сейчас получил Ваше письмо** и тем не менее посылаю к Вам написанное, потому что из него можно видеть, *какое именно нужно дело*, чтобы осуществилось объединение в мысли, чувстве. Не понимает же Вакар⁵ возможность воскрешения не потому, что это *очень трудно*, а потому, что оно *очень просто*.

Могу уверить Вас, что не учение о воскрешении нуждается в уяснении, а наше время нуждается в очищении от множества суеверий и предрассудков, в которых оно погрязло. Хотя я сам не обла^{даю} способностью ясного изложения.

Искренне преданный Н. Федоров

268.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

30 июня 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой друг

Николай Павлович,

Купанье вынужден был прекратить после нескольких попыток, сопровождавшихся желудочною болью. Теперь началась глазная боль. Тем не менее 5-ть писем написал о Вакаре¹, его интересном мнении, но послать ни одного из

* *дела* священного, *дела* воссозидания, по подобию самого зиждителя мира, всего по нашей вине погибшего, чтобы чрез них, от гибели спасенных (воскрешенных) и силою сознания вооруженных избавить все миры, на разрушение и гибель обреченные.

** Письмо от 13 июня получено 22 июня⁴.

<них> не решился², видя Ваше крайнее к нему пристрастие. Согласитесь, могли я ожидать, что Вы назовете интересным мнение, которое, признавая необходимость общего дела для объединения (союза любви), отвергало <бы> такое дело, которое не только общее для всех, но родное и дорогое лично каждому, т. е. воскрешение. Конечно, такое отрицание могло бы быть в высшей степени интересным, если бы сопровождалось какими-либо объяснениями, но отрицание *голословное, не достаивающее даже опровержения, презрительное* не делает чести Вашему председателю. Насколько выше его духовенство, как видно из статьи Циркунова, — за присылку которой приношу Вам благодарность³, — которое также не опровергает, но и *не отрицает голословно*. О каком деле говорит Ваш оракул, указывая на одно лишь только свойство — *общность*, т. е. что дело <это> должно быть Общим для всех, тогда как, найдя десять свойств дела, которое может иметь силу соединить всех в неразрушимый союз братства, я не считаю исчерпанным определение этого дела.

Положим, для меня ясно, что Вакар, признавая *всеобщую любовь* высшею целью, не видит, что этим самым *Воскрешению* придает «*безусловную нравственную необходимость*», всеобщую обязательность, из воскрешения делает *долг, категорический императив*. Но приятно ли для Вас будет слышать, что Ваш друг сам не понимает, что говорит. Но, не делая опровержений, он вынуждает меня в *нем самом* отыскивать причину его отвращения и презрения к делу воскрешения. Однако причину этого отвращения нахожу я не в личном его характере, а в свойствах того класса, к которому он, да и мы все, принадлежим, т. е. [к] блудным, а не человеческим сынам. Помните ли Вы вопрос: «Почему Христос воскрес в душах галилейских рыбаков и умер в душах или отвлеченных, бездушных умах книжников?» Припомните о двух скептицизмах. Сюда нужно присоединить мало известный Вам вопрос: О двух разумах, или о двух невежествах и двух сословиях, мертвом и не действительно, мнимо оживляющем. Отрицание воскрешения есть необходимая принадлежность первого сословия, блудных сынов, которые, оставивши землю, даже не только щепотки праха не захватили с могилы отцов, но отрясли прах от ног своих, отрекаясь от отцов и от Бога отцов. Воскрешение есть *самое естественное дело* для природы разумной, как для слепой рождение и смерть. Сама природа у всех народов (т. е. везде и всегда), сознав, что она, рождая, умерщвляет, поставила себе долгом воскрешение. Когда же сословие, которое всех судило и осуждало, не зная ничего выше себя, обратится к самому себе *критически*, то оно узнает, что и самое происхождение его преступно. Может быть, и Вам покажется странным призыв или приглашение к этому сословию, посыпав главу тем прахом, который они отрясли от ног своих, возвратиться к могилам отцов. Природа не знает отвлеченного гуманизма. По природе люди действительно сыны. Почему же *природа, в лице сынов* пришедшая к сознанию и объединению, не может восстановить то, что она же утратила в эпоху своей слепоты? Притом еще без воскрешения *бывшего*, т. е. прошедшего, нельзя постигнуть и обладать *настоящим*, т. е. воскрешение есть *безусловная необходимость и для знания*. Почему все эти вопросы не заслуживают опровержения? Обращались ли Вы с этими элементарными вопросами к г. Вакару и что он на них отвечал? Вы надеетесь на уяснение этого учения, а я желал

бы знать, что Вы находите в нем неясного? Не забудьте, что оно (учение о воскресении как деле) Вам известно в том лишь виде, в каком оно было два с лишком, а вернее, три года тому назад. Две-три статейки, напечатанные нынешнею зимою в «Асхабаде», не имеют никакого в этом отношении значения. Я не знаю, в чем Вы видите неясность; для меня эта неясность заключается в плохом моем изложении, в слоге, да в краткости, по причине чрезвычайно<го> богатства самого предмета, не дающего возможности долго останавливаться на каждой частности. Вероятно, даже наверное, и настоящее письмо Вам покажется неясным и по тем же, конечно, причинам.

Приглашая Вас сюда, я должен принять во внимание и следующее *очень важное обстоятельство*. Вещь не невозможная, что все, что я могу Вам сообщить здесь, *покажется для Вас неубедительным*, тогда, хотя Вы денежного ущерба не понесете и притом, после трехлетнего пребывания на окраине, Вам не окажется особенно неприятным побывать внутри России, тем не менее труд путешествия не получит надлежащего удовлетворения. Нельзя ли соединить Ваше путешествие с какою-либо личною для Вас пользою? *Подумайте*. Если, после зрелого обсуждения, Вы решитесь приехать сюда, то, по получении настоящего письма, напишите, когда именно думаете выехать и в какой приблизительно день можно Вас ожидать. — Засвидетельствуйте мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всем Вашим, когда увидите их. Я очень завидую им, пользующимся морскими купаньями, тогда как я лишен возможности пользоваться речными, все-таки возбуждающими бодрость в теле и душе.

P.S. Поищите у себя, в своих бумагах гранку газеты «Дон», на которой было напечатано возражение «Курьеру» и «Саратовскому Листку» по поводу статьи «Нового Времени» о «Разоружении»⁴, и привезите с собою, если отыщете. Искренно уважающий и любящий

Н. Федоров.

Воскресенск
30 июня 1902

269.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
4 июля 1902. Воскресенск

Прошу извинить за это и стилистически и каллиграфически скверно написанное, да и трудно понятное, письмо.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович,

Хотя не мне бы писать, да еще в кратком письме, о таком неисчерпаемом предмете, как Новый Иерусалим¹, но и я не могу не сказать, увидев Нов<ый> Иерусалим и его службы², что все наши Церкви, как несоставляющие части храма Кувуклии³, храма гроба Господня, гроба первенца от умерших, т. е. Церкви без Кувуклии, не имеют полноты, так же как и все воскресные Литургии, не оканчивающиеся Пасхальною утренею, не имеют завершения *даже для храмовой Литургии*. Только Иерусалимский храм служит полным выражением Православия, отождествляемого с Пасхою. Новый Иерусалим в некотором от-

ношении даже выше старого, ибо над ним не господствует *Храм кровавых жертв Ислама*, ставший на месте старого ветхозаветного*. В нем (в новом) нет вражды разных фракций Христианства. В старом — подлинный гроб Христов, но совсем нет настоящего Христианства. Новый наш Иерусалим XVII века не считал за грех перенести к себе следующие надписи: «Здесь лежит славный Годифредус... и душу его Бог покоит в мире» или «Царь Болдвин был второй Маккавеус...»⁵ Где же больше мира: в старом или новом⁶, презираемом Вами? Вы не приехали даже осмотреть его, а не только написать об нем. Входя в Ново-Иерусалимский храм чрез Красные врата, я видел всякий раз Плащаницу, открытую для поклонения. Это значит, что «Великий Пяток» в нем всегда. На величавом своде над Кувуклиею хоры херувимов, как на небесах, постоянно поют воскресение Христа-Спаса, а по Воскресным дням можно услышать «Христос Воскресе» и на земле⁷. («А у Вас воистину ли Он воскрес» в эти дни?**) В нем, следовательно, каждое воскресение есть светлое⁸, а по желанию богомольцев и будничным днем можно обратиться в светлый праздник.

Плащаница при самом входе в храм напомнила мне, не по сходству, а по контрасту, другой храм, храм ложной богине. Припомните выставку 1882 г.⁹, где при входе была представлена на высоком амвоне, точно в капище, женщина («богиня секуляризованного разума» XVIII века), окруженная всем, что индустрия, обратив науку в рабыню, а разум в своего раба, создала для усиления полового подбора. Жаль только, что при выходе, согласно со столь любимую нами действительностью, не представили ту же женщину в виде разрушающегося скелета, с разбитым зеркалом, с ветошками вместо роскошных тряпок, занимающих большую часть выставки. В заключение кости того же скелета, рассыпающиеся в прах. Это конец, но конец выставки и начало Музея, который пока только знает, что этот прах жил, но, к сожалению (моему лишь, конечно), еще не сознает, как блудный сын, своего долга к праху и не задается вопросом, оживут ли эти кости и этот прах; а в Новом Иерусалиме этот вопрос открыт, представлен на самих вратах при выходе из Монастыря¹⁰, а вне Иерусалима этот вопрос тщательно закрыт, и даже для самообмана на прахе и над костями на кладбищах выращивают душистые цветочки. Полная противоположность! От плащаницы с изображением умершего Господа до Кувуклии с изображением первенца от умерших, предполагающего, требующего продолжения воскресений, а наконец, на вратах при выходе — <до> напрасного напоминания подумать, оживут ли кости***. И от женщины на выставке, подчинившей художество промышленности, женщины, в великолепии одежды превзошедшей Соломона, сравнивавшейся с лилиями, — до обнаженного от этого благолепия скелета и праха! Кувуклия — это тайна жизни и смерти для Веры, вопрос о смерти и жизни для знания и, нако-

* Ветхозаветный же храм только в день входа Господня в Иерусалим был бескровным. Христос, возвратив жизнь Лазарю, в день входа избавил и животных от жертвенного заклания, изгнав волвов, овец и голубей из храма⁴.

** Из писем царя Алексея Михайловича: «а у нас в Москве Христос воскрес; а у вас, в Коломне, воистину ли воскрес?» (Примеч. В. А. Кожевникова.)

*** Вы когда-то тоже ставили этот вопрос; но это было давно, быльем поросло и стало для Вас небылицейю.

нец, — указание самим наименованием первенца от умерших — на дело *внехрамового* воскресения *следующих за первенцем поколений*.

Итак, Иерусалимский храм с его Кувуклией имеет полноту, какой нет во всех других храмах, и храмовая его служба не только имеет завершение, но и указывает на внехрамовую Литургию и Пасху.

После пленения Старого Иерусалима необходимо было создать новый, который мог бы продолжить дело старого. Никон и создал Новый Иерусалим и прежде всего для *Собора*, поставив пять кафедр для всех пяти патриархов...¹¹

Это длинное и нескладнейшее письмо написано в осуждение Вас, владеющего пером и *ничего* уже не пишущего, даже и о Католицизме. Желая Вам литературных и всяких благ.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, если она приехала в Крым, и Анне Васильевне. Искренне преданный Н. Федоров.

4 июля

1902 г.

P.S. Получили ли Вы катехизис *Ричля*?¹² Вероятно, и забыли о нем? Письмо от 25 июня¹³ уже получил.

270.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 июля 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Письмо это — *очень давно написанное*, — посылается в день Вашего ангела, и хотя Вам дана благодать превращать *нескладное в стройное*, но настоящее письмо едва ли заслуживает такого переложения.

Из неисчерпаемого предмета я взял одно и то не умел изложить надлежащим образом. Говорю это в осуждение не себе, а именно Вам. К вящему Вашему осуждению я должен еще прибавить, что, одолеваемый старостью и болезнями, я продолжаю писать, зная, что никому эти писанья не нужны. Купанье должен был прекратить после последних нескольких попыток, сопровождавшихся желудочною болью. К этому присоединилась боль глаз, а в последнее время заболело горло. Тем не менее, в пояснение предшествующего письма¹ о *полноте Иерусалимского храма и храмовой его службы* (со всеми ходами, составляющими продолжение храмовой, а не *вне-храмовую службу*), и о *неполноте всех других храмов и их служб*, прибавлю еще следующее. Алб. Ревиль², желая выяснить значение Религии или смысл, а вернее — бессмыслие или ее местное лишь и временное значение, призывает обитателя Сириуса или Сатурна на нашу планету и *решает за него*, что он понял бы в нашей жизни все, и наши фабрики, заводы, казармы, полицейские будки, больницы, только храмы остались бы для него загадкой, т. е. бессмыслицею. На это было замечено, что таких сатурновцев, которые понимают значение будок и не понимают значение храма, очень много на самой земле, и не было ни малейшей надобности беспокоить обитателей отдаленной планеты и такого дальнего мира, как Сириус. Ревиль не поясняет, почему он считает их, т. е. сатурновцев и сириусян,

стоящими на такой низкой ступени, как он сам и его единомышленники. Верно можно было только сказать, по крайней мере, о сатурновцах, что и над ними господствует слепая сила, рождающая и умерщвляющая сила природы, и их планета подчинена слепой силе падения. А потому, наверное, можно сказать, что сатурновец понял бы наши больницы, если бы видел, что туда вносят обитателей земли больными, а оттуда выносят умершими или же они выходят сами здоровыми. Наши же храмы он не понял бы, если бы видел, что туда вносят мертвыми и выносят в том же состоянии, не понял бы, если <бы> вошел и внутрь храма и увидел бы бессилие «плачей» возратить жизнь. Еще менее он понял бы, когда вместо умерших увидел бы отпевание изображений умерших канонизованных (иконы). Но если бы он вошел в Иерусалимский храм и увидел в самом центре храма Кувуклию, т. е. пустой гроб... Не знаю, есть ли в пещере гроба плащаница, но в Новом Иерусалиме и в Кувуклии, как и при входе в храм, находится изображение умершего Господа, хотя над гробом и есть образ Воскресения... Но не лучше ли было бы изобразить только Ангела, ясно говорящего: «Его нет (уже) здесь. Он воскрес...» «Подойдите... (Мф. 28, 6). Идите на гору в Галилее (Елеон) и там узнаете, что нужно делать» (28, 19). Полагая, что сатурновец понимает живопись, ему нужно было показать *Христа вышедшим из гроба в качестве первенца*, а затем повести его к воротам и показать картину <видения> пророка Иезекииля³, и на вопрос его, почему же этого нет, следует отвечать: потому что мы занимаемся вопросом не о смерти и жизни, не о всеобщем оживлении, а о бедности и богатстве, о всеобщем обогащении...

Искренне преданный Н. Федоров.

Анне Васильевне свидетельствую мое глубочайшее почтение.

P.S. Все наши Церкви, как *Успенские* и лишь на один день — воскресные, должны необходимо иметь один общий Храм *Воскресения*, в коем сознавали бы постоянно свое единство, общее призвание, цель и смысл жизни. В Нов<ом> Иерусалиме с гордостью и удивлением говорят, что ни один монастырь не имеет такого числа церквей, приделов, алтарей, как Нов<ый> Иерусалим (41)⁴. Тогда как с сожалением нужно сказать, что не все наши храмы имеют своих представителей при храме «*Гроба Господня*», и не все приходящие (и не приходящие) имеют своих патронов или ангелов, которые выну⁵ видели бы лицо Сына Человеческого воскресшего. Правда, в Н<овом> Иерусалиме есть храм всем святым⁶, что, конечно, недостаточно; но это не его вина, что он не имеет 366 алтарей!^{*} Все наши храмы (кроме Иерусалимского) посвящены дням *успения* или смерти святых, т. е. их Великим Пяткам и Субботам. День же Воскресения есть один общий для всех, день Воскресения. Точно так же всем нашим храмам, как Успенским, соответствует один общий храм *Воскресения Христова* — и не отделимого от него *Всеобщего Воскресения*^{**} в Иерусалиме.

Препод. Сергей создал храм образцу единодушия и согласия⁷. Никон же создал храм тому, что м<ожет> б<ыть> плодом согласия или всеобщего объединения, и без чего даже не может быть полноты согласия. Никон завершил

* Как имела будто бы Царьградская София. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** Нужно ли говорить, что Храмы будут успенскими, хотя бы они были посвящены дню рождения или Рождества умершего святого или воскресшего Христа, или какому-либо событию их жизни...

строение «Русского Храма», создав Ново-иерусалимский храм Воскресения⁸. Воскресение есть лишь определенное выражение того, что заключалось в неопределенном наименовании Софии — Премудрости Божией или Богочеловеческой*.

Не знаю, ясно ли я изложил паскудное учение Ал. Ревиля, признающего лишь универсальность милитаризма и полиции, но не религии.

Получил Ваше открытое письмо⁹ накануне дня Вашего ангела и поздравляю. Жду статью о неполном храме¹⁰.

271.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 июля 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Павлович. Письмо Ваше получил¹ и очень был рад, что впал в ошибку касательно Ваших отношений к г. Вакару² и его мнениям. Но очень был опечален уведомлением, что выезд Ваш из Асхабада зависит от возвращения г. Дублицкого³ из отпуска, а крайним сроком приезда он назначает 7-ое августа. Буду ждать, хотя и очень опасаясь, что и 7 августа не будет последним сроком⁴. Очень желаю, чтобы опасения мои не оправдались. До 5-го, или, вернее, до 4-го августа я могу получить Вашу телеграмму в Воскресенске, по известному Вам адресу. После же 4-го августа гораздо лучше не посылать телеграммы, так как она едва ли попадет в мои руки. Если перееду из Воскресенска в Москву, то адрес свой оставлю в квартире Влад<имира> Александр<овича> Кожевникова. Настоящее письмо Вы должны получить ко дню Ваших именин⁵, с коими и поздравляю, и успеете еще до отъезда написать письмо в Воскресенск.

19 июля 1902.

Искренне любящий
и уважающий

Н. Федоров

272.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

28 июля 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. Егор Иванович был у меня 27 июля¹, а 5-го августа обещал еще раз приехать, чтобы *помочь мне перебраться в Москву*. Статья Ваша² хороша, только начинаться она должна именно с раскаяния в пренебрежении к Нов<ому> Иерусалиму, <в> забвении его, т. е. с 5-й стр. вместо рассуждений об искусстве, которые должны

* Если празднование Софии Прему<дрости> Бож<ией> заменилось празднованием Успения Богоматери, то и Воскресение могло заменить Успение.

быть перенесены к концу статьи и составить заключение, а не начало³. Торжественное же Ваше покаяние за всю интеллигенцию⁴ тем более своевременно, что чрез 4-е года в 1906 году исполнится 250-летие от основания Н<ового> Иерусалима, да и заглавить грех равнодушия, *благодаря железной дороге*, теперь очень легко. Мне показалась странной на первой странице Вашей статьи *сноска, не имеющая никакого отношения к тексту*⁵. А страннее всего, что Вы в конце статьи *Изображение действительности* (выставку) называете *Аллегорией!!!*⁶ Это, конечно, не мешает статье быть хорошею, но ни редакция московских, ни других газет и журналов статьи этой не напечатают.

Преданный всею душою Н. Федоров. Марии Григорьевне и Анне Васильевне прошу передать мой поклон.

28 июля 1902.

Квартиры в Москве еще не нашел. Пишите на имя Егора Ивановича Соколова, если будете писать.

P.S. Теперь нужно сказать хотя несколько слово о Русском Иерусалиме; Новый Иерус<алим> не есть только подобие старого, в нем много есть совершенно русского. Вообще говоря, Нов<ый> Иер<усалим> есть памятник любви Древней Руси к последним дням земной жизни Христа и к празднику Воскресения (который нигде так светло не празднуется, как в русской земле), любви, не совершенно иссякнувшей и в Нов<ой> Руси. Но не в этом только заключается значение этого творения Никона, который гораздо более, чем Петр, заслуживает быть поставленным на рубеже древней Руси с Новою. Голгофа есть памятник страданий самого Никона и его приверженцев. В предчувствии близких скорбей и напастей, когда уже началось бессовестие между царем и патриархом, Никон стал воздвигать храм страданию Господа Иисуса (Храм Голгофский), а под ним церковь *во имя Иоанна Предтечи* («Иже за истину пострадав, радуясь»⁷) и *всех Мучеников*, где и себе приготовил могилу⁸. Под лестницею на Голгофу, под крестным путем, положил он того иподиакона, который принес к нему письмо Н. А. Зюзина⁹ и которого только смерть избавила от страшных пыток. Конечно, Никон, если бы имел возможность, дал бы место под крестным путем и Зюзину, и его жене, которая пала жертвою, как только услышала, что ее мужа требуют к допросу. В Голгофской церкви совершил Патриарх после исповеди и последнюю литургию и на погребение себя приготовил Елеосвящением, когда пришла уже стража (отряд стрельцов), чтобы сопроводить <его> в Москву¹⁰. Новый Иерусалим видел и скорбное шествие Патриарха на пребеззаконное судилище в сопровождении всей братии, со слезами сопровождавшей его. Преподав благословение на взгорьи Елеона, он бросил отсюда последний прощальный взор на свое творенье, которое видеть живым ему не было уже суждено. Дорога, или улица, от монастыря до Елеонс<кой> часовни может быть названа крестным путем Никона...

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
 Конец июля 1902. Воскресенск
Черновое

Большие неправильности, с моей точки зрения, в статье «Непонятый храм»¹.

Никакой аллегории в изображении выставки нет ни в конце, ни в начале. Превращение женщины в скелет, в прах, и ее нарядов (тряпок) в ветошки, что тут аллегорического?² А превращение обратное праха в живое тело, еще более, стало быть, аллегория? Нет, у Вас не воистину воскрес. Если даже допустить, что аллегория только в начале выставки, то и это неверно. Женщина вовсе не олицетворение Выставки, суеты — это единственное вместо множественного, это резюме, сокращение, а не олицетворение. «Музей — хранитель не бесцельного, не бездельного, а действительно ценного, достойного памяти»³, — это очень неточно. Музей — хранитель ветошек, обломков, осколков. Если Музей иногда лишь хранит прах, то это показывает, что он не достиг еще надлежащего совершенства. Прах есть принадлежность высшего Музея — Кладбища. Достоинство музейского дела определяется способностью воссоздания целого из наиболее разрушенного. Как обыденные храмы — памятники не только единодушия, но и служения трудом. Достоинство обыден<ного> храма заключается в maximum'e трудового и minimum'e дарового.

Называя изображение женщины, окруженной парфюмерными, галантерейными и иными товарами, аллегориею, Вы должны и Вывески над торговыми лавками, если бы к ним прибавлена была женщина, любующаяся этими вещами, также назвать аллегориями! <А между тем> что может быть действительнее!.. Если пред женщиною на выставке лежит кусок мыла, то и разумею мыло, назначенное для омовения тела. Если же под мылом разуметь средство очищения души, то это будет точно аллегория. По-видимому, этическую оценку выставки Вы называете аллегориею. Если и выставка может быть истолкована аллегорически, то все прочее в статье не может быть спасено от аллегорического толкования. Одним этим словом Вы убили наповал всю статью.

О Музее — неясно: «Музей — хранитель... действительно ценного». Но Музей собирает ветошки, обломки... Ценность же и достоинство Музея заключается в умении из наиболее разрушенного, потерявшего всякую цену воссоздать целое. Прах есть достояние высшего Музея — кладбища. Прах бесценен (в смысле не имеющий никакой цены), делается бесценным (в смысле высший всякой цены), когда делается предметом воссоздания. Уже в обыденных храмах, которые — не только памятники единодушия и согласия, <но> и памятники Трудового служения, ценность определяется minimum'ом дарового и maximum'ом трудового.

«...Так называемый естественный конец... т. е. смерть и разрушение, есть естественно<е> для слепой природы»⁴. Для природы <же>, пришедшей в сознание, правящей собою, смерть не только невозможна, но и немислима и необходимо возвращение всего утраченного в слепоте.

274.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ

После 13 сентября 1902. Москва

Черновое

На вопрос об остающихся бумагах ответ Ваш был: «Вы для меня умерли», т. е. это значит: бумагами буду пользоваться, как мне вздумается, т. е. буду печатать, по своему выбору, в непогрешимости которого кто же может сомневаться! Обращаться за советом к кому-нибудь в этом деле (в выборе) могут люди, не сознающие своего достоинства. А самое главное, *общее содержание всех бумаг* можно выразить кратко: *Культ умерших, возведенный в дело всех живущих, в долг, в их обязанность. Значит ли, что все Ваши обязанности кончились к тем, кого захотите признать для себя умершим?*

Культ умерших есть, конечно, обоготворение умерших. Когда я на Ваши слова «Вы для меня умерли» сказал, «что это очень лестно для меня», Вы не поняли значения этого ответа.

Конечно, Вы не повторите славу Каракаллы¹.

Хотели Вы произнести проклятие, а произнесли благословение.

Что значит Ваше «Я умер для Вас» — отречение от культа умерших, — за благоговение я, конечно, не могу их принять.

1903

275.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
15 апреля 1903. Москва

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Последняя ядовитая выходка Вашего друга привела меня в такое состояние, что я для собственного спасения должен совершенно забыть и его, Петерсона, и его друга, которого теперь не могу в мысли отделить от него. Петерсон лжет, когда говорит, что я сам отдал ему вещь, *ни мне, ни ему не принадлежащую*, разумею увезенные им бумаги.

После 7-и месячного (13 сент<ября> — 13 апреля) удерживания Петерсон прислал рукопись, твердо уверенный, что никто прочесть ее не может, кроме его самого. По этой же рукописи читал он мне и Вам, наверное сказать не могу. Но таблицу¹ без всяких помарок я сам видел, и ее-то он не прислал.

За обструкцию делу Воскрешения простить не могу, хотя бы и желал². Действительное прощение возможно при действительном воскрешении. Статьи №№ 87 и 88 «Асх<абада>» (№ 88-й мне не был доставлен) могут остаться продолжением печатания мелочей, которые принимаются за мистический бред³.

Преданный Вам Н. Федоров.

P.S. Ко всем этим удовольствиям бессовестный С. Долгов устроил в Музее каверзу⁴.

15 апреля
1903.

276.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
1 июля 1903. Воскресенск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Намерению г. Петерсона сделать систематическое изложение всего учения я готов оказать всякого рода содействие, если он даст к тому возможность, присылая предварительно свои статьи чрез Вас для прочтения. Я весьма охотно сделаю все от меня зависящее, чтобы статьи получили надлежащий смысл. Я

даже желал бы, чтобы он ускорил эту присылку, потому что чувствую, что слабею с каждым днем.

Только напрасно г. Петерсон думает, что Перцов будет печатать его статьи, *чего он и не обещает*. Вы, конечно, не читали письма Перцова, с которого прислали мне копию¹, и потому делаю буквальные выписки из копии: «Вероятно, что если не вся (т. е. статья, о которой говорил Петерсон в письме к Перцову), то частью она могла бы быть у нас помещена». — Что же могло бы быть у Вас помещено? — спрашиваем г. Перцова. Ответ: «Если Вам известен наш журнал («Новый» Путь)²», то Вы и сами легко определите, *что к нему подходит*». — *Что же к нему подходит?* — спрашиваем его. Ответ: «Некоторые из Ваших мыслей поразительно совпадают с идеями Розанова, Мережковского... — *ближайших* сотрудников Журнала и *главнейших* выразителей современного религиозно-философского движения в России». Очевидно, что г. Перцов предлагает г. Петерсону, если вся статья до поразительности не совпадает с идеями Розанова, Мережковского, то сделать выборку подходящих мест. После такого *изумительно превратного* понятия, которое составил себе Перцов из статьи, присланной ему Петерсоном, писать отдельные статейки стало *преступно*. Совершенно понятно, что Петерсон задумал составить полное систематическое изложение учения, но совершенно непонятно, что он хочет послать [его] Перцову, который не только не обещает напечатать полностью, но даже предлагает посылать только то, что согласно с направлением журнала, что «поразительно сходно с идеями Розанова и Мережковского». Как только [же Перцов] узнает о поразительном несхождении, даже самой полной противоположности учению Розанова и Мережковского, то и откажет в печатании.

Хотя мнение приписывало «Новому Пути» безусловную терпимость³, так что он допускал и Розанова, и Мережковского, а оказывается, что «Новый Путь» есть орган «главнейших выразителей современного религиозно-философского движения в России» и только поразительное согласие с идеями этих великих людей (т. е. Розанова, Мережковского и совершенно неизвестного мне Романова (Рцы)⁴) может открыть врата «Нового Пути», т. е. или сам Петерсон, ради «Нового пути», должен разрушить свой труд, или им предоставить разрушение его. Я твердо уверен, что Петерсон не станет искажать учения из угодливости Перцову. Петерсону, по моему мнению, следовало бы прямо объясниться с Перцовым, и потом посоветуйте составляющему полное изложение [учения] дать этому изложению название «Старый путь» или «Наидревнейший путь», ибо это учение родилось с первою утратою сынами или дочерьми родителей. Еще лучше дать название: *Пасхально-Кремлевский*, т. е. *Кладбищенский* вопрос* (и первые опыты оживления)⁵. Обращаясь с таким вопросом к интеллигентам, живущим самообманом, старающимся забыть о смерти или, думая только о себе, забывая о всех, признать смерть чем-то очень хорошим, [мы понимаем их] несовершеннолетие, из которого можно было бы и не выводить, если бы время, сама История не призывали к делу всех, как единственному

* или Православие и Самодержавие (верно понятое) как единственное средство спасения всего рода человеческого. В этой статье сочинения главнейших выразителей Религиозно-философского движения в России причисляются к отряду Rossica, т. е. к сочинениям о России иностранцев, озлобленных против всего русского.

средству, условию спасения. Истощение земли идет быстро. Рост человеческого рода кончен. Все части земли более или менее населены и приведены в такие сообщения, что для человеческого рода в его совокупности стало возможно действовать на всю землю как кладбище* в ее целости. С другой стороны, давно пора бросить ребяческий вопрос о бедности (притом, недействительной) и богатстве (мнимом — мануфактур<ные> игрушки), т. е. социальный вопрос, и подумать о смерти голодной, холодной (т. е. о действительной бедности) и о смерти вообще, о всех умерших, для которых все живущие суть, во 1-х, *пережившие*, преступность чего интеллигенты не понимают по своим закоренелым предрассудкам и суевериям; во 2-х, все живущие еще суть *сыны* (рожденные), а потому умершие для них не чужие, что тоже не понимают интеллигенты, ставши блудными сынами, заменив Сыночеловечество Гуманизмом, ничего не говорящим и потому хорошо скрывающим долг к отцам; № в 3-х Сыны, одаренные *Разумом*.

А еще прежде нужно произнести строжайшее осуждение, проклятие, анафему на иносказание, метафоры, символы, аллегории. До сих пор в них учение о воскресении имело самых страшных врагов. Затем, указав, для чего нужно «жить не для себя, не для других, [а со всеми и для всех]», вновь повторить заклятие на иносказания. Наконец, нужно *твердо установить*, что великое дело воскрешения совершается *в поюстороннем мире*, хотя поприщем его служат все миры вселенной. Не искать вдали, что находится вблизи (т. е. *отрицание Мистицизма*). Признать же, подобно Мережковскому, действительность в том, что доступно только эпилептикам, алкоголикам, — есть верх безумия.

По-видимому, первое условие для вступления в «новый путь» есть вражда к Православию. «Новый» значит *«Неправославный»*. Гораздо лучше иметь дело с Гарнаком⁶ — явным врагом Православия, чем с Перцовым. Гарнак был бы очень доволен, если бы узнал, что в России есть учение, отождествляющее «Православие», столь ему ненавистное, с «Пасхою» как отрицанием самого *великого зла — смерти* и признанием *Воскресения самым великим благом*^{**}. «Я — воскресение и жизнь»⁸, — говорит признаваемый нами главою Церкви, т. е. главою всех *сынов* человеческих *в совокупности*, воинствующих всеми силами ума и воли, т. е. общим действием, не против себе подобных, а против силы темной, слепой. Такое учение о том, что должно быть и чего еще нет, немецкий профессор признает, конечно, исчадием Православия, которое никак не может примириться со столь, по-видимому, любезною Гарнаку смертью, что даже под землю ищет нетления, а между тем могло бы довольствоваться мануфактурными игрушками, в наделении коими всех и состоит, *по-видимому*, Царство Божие, по воззрению западному.

В протестантизме я всегда видел начало отрицания религии, а в Гарнаке вижу конец. Теперь, по-видимому, наступило время для Православия... Но ие-

* <Кладбище,> собирающее не для сохранения, невозможного, а для возвращения жизни, которое есть долг всех живущих в совокупности <как сынов>, переживших <своих отцов>, сынов, одаренных разумом.

** [учение], для которого воскресение есть все и вне его нет ничего, кроме буддийского небытия и гарнаковского протестантизма, да разве еще Храма Христа Спасителя (а не Воскресителя, ни даже Искупителя)...⁷

рархия наша вполне доказала свою неспособность даже защищаться, а светские люди, подобные Вам, не станут заниматься такими пустяками. В последнее время я вполне примирился с окончательною гибелью учения о том, что «мы должны делать в совокупности» (чтобы управлять земною планетою в ее целостности, а затем и всю природу в ее полноте), но из письма Перцова узнал, что не все погибнет, останется память об этом учении как о каком-то метафизическом вздоре, а не проекте всемирного дела, останется позор якобы поразительного сходства с Розановым и Мережковским!!

Вероятно, учение о Духе Святом, как образце для дочерей человеческих⁹, вызвало подозрение в сходстве с розановским сексуализмом. Но в понятии о дочери заключается исключительно долг к родителям, отрицающий вполне все половое.

Свидетельствую мое почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне.

Предан<ный> Н. Федоров.

1-ое июля

1903

277.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 августа 1903. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович!

О Новом Иерусалиме и двух старцах: Серафиме — великом чтителе Воскресения и Толстом — злом противнике Воскресения.

70 лет тому назад не в одном Иерусалиме можно было ежедневно слышать: *Христос Воскресе!* В дебрях Сарова старец Серафим каждый день всякого приходящего к нему встречал этим приветом, христосоваясь с ним, т. е. обращая будни в величайший, в пасхальный праздник. В этом заключается ключ к его жизни и значение открытия его мощей для нашего времени. Сознательная его жизнь, надо полагать, началась в пасхальную ночь, и кончилась его жизнь пенем Пасхального канона в первый день нового 1833 года¹. (Если в последний день пред сходом в могилу он сам пел Пасхальный канон, то и в первый день выхода из могилы нужно было отпеть Пасхальную утреню, как это делается в Новом Иерусалиме после Литургии воскресной и, вообще, после Литургии.) Он <Серафим> по преимуществу святой той страны, которая из Воскресения сделала самый светлый праздник; и у Серафима в душе было всегда светло, как в «Великий день», и такое настроение передавалось всякому приходящему к нему; а приходили к нему христосоваться по вся дни со всех концов «Земли Светлого Воскресения», как следует назвать Русскую землю. Гений Саровского пустынноика глубже всех проник в русскую душу, в душу народа, воспитанного Пасхою страдания и Пасхою Воскресения. Не в Нагорной проповеди, как она ни свята, а в страдании и воскресении Христа — Сущность христианства. Сострадать всем страждущим и соумирать со всеми умершими — необходимое условие объединения для воскрешения. Ожесточенный враг Воскресения и чтитель Каратаевых

не может не видеть себе обличения от старца, в уважении которому он не может отказать, не противореча самому себе, не отрицая самого себя. В лаптях, рукавицах, топоре Серафима нет толстовской фальши, — в чем должен также сознаться Толстой. (Насколько Серафим для нас родной, на<столько> Толстой нам иностранец.) Вот откуда вышло обличение Толстому. Народ не может довольствоваться нехлюдовским воскресением. Приветствуя каждого словами «Хр<истос> Воскресе», Серафим хочет сказать, что в этих обаятельных словах заключается *все и для всех*. Германия, поднявшая вопрос о сущности христианства², могла бы узнать от Серафима, что воскресение есть сущность христианства, и Русь поймет вполне Серафима, когда воскресение будет для нее предметом не мысли и чувства, но и всеобщего дела.

Чудотворениями*, подвигами воздержания ознаменовали себя очень многие из святых. Но только он один, Серафим, весь год, даже годы обратил в Пасхальный Праздник. Слово «*брат*» он заменил — «*радость моя*», намекая на то время «*веселия вечного*», когда все люди будут радостью друг для друга. Конечно, все это плод его продолжительного размышления в уединении.

Нынешний год, как Вам известно, Государь посетил Н<овый> Иерусалим⁴, и жаль, что Он, прибывши ровно в 12-ть часов к воротам Монастыря, вероятно, за звоном не мог слышать исполняемый колоколами тропарь Воскресению. Остановив звон, настоятель мог бы сказать, что не его слабое слово, а сам храм колокольным гласом говорит о том Празднике, которому он посвящен. Царю же, вступающему в храм праздника Пасхи, должно бы пожелать, чтобы в нем Праздник Пасхи стал «делом», чему и положено начало Циркуляром 12-го авг<уста>, коим, можно сказать, произнесено: «Мир вам» всем народам. Государь пробыл только 2-а часа и, не успев осмотреть даже скит Никона, обещал опять приехать в Н<овый> Иерус<алим>. К этому-то *второму пришествию* и нужно бы Вам написать 2-ю статью о *художественно-религиозных* нуждах Нов<ого> Иерусалима, т. е. об исцелении башен от немоты, стен от пустоты и особенно о панорамах Палестины, чтобы показать действительную Палестину, какую она была и какую стала...

Два письма получил, одно о Шульце⁵, а другое о Петерсоне⁶. Из первого видно, что, *вероятно*, из Германии выйдет новое учение, а из второго видно, что *несомненно от нас ничего не выйдет*.

Кланяюсь Марии Григорьевне, Анне Васильевне.

Предан<ный> Н. Федоров.

P.S. Обратите внимание на отношении Толстого к Серафиму. Серафим для Толстого должен представляться идеалом человека, и этот идеальн<ый> человек признает именно то, что так яростно отвергает Толстой.

Разберете ли Вы это маранье!

10 августа

1903.

P.S. Мой адрес: Москва, Пятницкая, дом Огнева, кварт. № 7.

Не знаю, разберете ли Вы эту заметку, которую можно бы назвать «*Значение канонизации Серафима для нашего времени*», представителем коего мож-

* Рассказывают, что сам Государь получил исцеление от раны, нанесенной Ему в Японии³.

но считать Толстого. Конечно, канониз<ир>овавшие Серафима вовсе не думали, что в мощах его, истинного крестьянина, заключается сила, обличающая иностранцев, наряжающихся крестьянами и вносящих смуту именно в то время, когда Русская земля имеет наибольшую нужду в Соединении. Но в канонизации великого читателя Воскресения заключается не обличение, а указание на то, в чем заключается сила русского и всех народов. В сострадании всех живущих, т. е. переживших, к умершим и заключается сила, приводящая к объединению. В словах «Хр<истос> Воск<ресе>», коими приветствовал Серафим, заключается ободрение к достижению цели объединения. Никогда еще не было более удобного времени для составления комментария, который обнял бы все Пасхально-Кремлевские вопросы. Но...

278.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
После 11 августа 1903. Москва
Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Получив Ваше первое письмо о брани, которой осыпает меня Петерсон, я счел за лучшее отвечать письмом о совершенно посторонних предметах, о Нов<ом> Иерусалиме, о Старце Серафиме, о Толстом и т.д.¹, но между прочим упомянул, что письмо о Петерсоне получил и что из этого следует. Получив второе письмо о том же предмете², считаю нужным сказать, что чувства, которые питает ко мне Петерсон, мне хорошо известны и писать об них нет надобности. Дело же, о коем он так много заботится, считаю *совершенно отчаянным*, конечно, у нас, а не вообще, и даже все бумаги, относящиеся к нему, истреблю при первой возможности из одного уже опасения, чтобы они не попали в лапы Н. Н. Черногоубова, друга А. Ф. Филиппова, от которых можно ожидать всего дурного³. В Новом Иерусалиме было многое истреблено, но остается еще больше. Для чего нужны бумаги этому нитчанцу — понять не могу.

В заключение прошу извинить меня, что в прошлом письме *позволил снова говорить с Вами о том, о чем запретил Вам говорить и писать*. Нынешний адрес потому-то и сообщил Вам, что Вы из всего можете усмотреть, что я желал быть от Вас как можно подальше⁴.

279.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ
После 11 августа 1903. Москва
Черновое

Допустим, что Петерсон, увозя рукопись, мог полагать, что он лучшее из нее сделает употребление, чем мы. Но как объясните Вы — такой яркий защитник его — и он сам, почему не выслал копии? Только при Вашем ослеплении Вы не видите той беспримерной ненависти ко мне, какую наполнено письмо Петерсона¹, и упрекаете меня в нелюбви к нему. Но уже одна клевета в 30-дневных оскорблениях² делает понятною эту нелюбовь.

280.

Н. Н. ЧЕРНОГУБОВУ
22 августа 1903. Москва

Многоуважаемый
Николай Николаевич

Премного обяжете меня, сообщив, какая участь постигла бумаги, переданные Вами для чего-то в Р<едакцию> «Д<уше>п<олезного> Ч<тения>»¹, что обещали Вы сделать еще 14-го августа, т. е. сообщить о судьбе этих бумаг.

Готовый к услугам

Н. Федоров

22 августа
1903 года.

281.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ
Октябрь 1903. Москва
Черновое

Вы правы, говоря, что «время еще не пришло, когда учение о воскресении будет понято»¹; нужно только прибавить, что оно однако <и> не придет, если будут так действовать, как Вы делали². Отрицание Эгоизма (индивидуализма) и альтруизма прямо высказано и так разъяснено преемниками Достоевск<ого> и Соловье<ва>³, что совсем остается непостижимым, почему они, признающие себя преемниками Достоевского и Соловьева, не признали *долга воскресения, вытекающего из <отрицания эгоизма и альтруизма> с безусловной необходимостью*; т. е. это значит, что время, когда воскреш<ение> может и должно быть понято, уже пришло.

ПИСЬМА, НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ ТОЧНОЙ ДАТИРОВКЕ

282.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ ИЛИ В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1897–1903

Черновое

Если Вы поняли *великий образовательный и воспитательный смысл суточн<о>годовых обрядов*¹, если поняли, к чему они готовят, тогда, конечно, не стали бы превозносить такие неважные вещи, как лучше дать, чем получить, видя в этом полноту христианства. Страстным желанием давать можно оправдать и наживу. А сколько же нужно голодных, холодных, болящих, чтобы иметь удовольствие давать. Если бы даже удовольствие давать не переходило в тщеславие, а боязнь получать в гордость, то и тогда оно (давание и получение) не будет добродетелью, которая есть взаимность*. И эти люди, которые другой радости не знают, кроме давания, осуждают светских людей и барышень, которые находят удовольствие в нарядах и т. п. забавах! Как надо радоваться, что очень многие находят удовольствие в приобретении красивой мебели, экипажей и разных безделушек. Потому что взамен этих радостей можем предложить лишь давание того, чем сами пренебрегаем или от недостатка коего сами страдаем, следовательно, создаем человека, наносящего нам боль, страдание². Надо понимать, что наше время есть еще *пора несовершеннолетия*, поэтому осуждать нынешних людей за забавы — это то же самое, что у детей отнимать игрушки. А приписывать добродетели давания большое достоинство — это хуже всякого фарисейства.

283.

А. Ф. ФИЛИППОВУ

Москва

Черновое

Почтеннейший Алексей Флорович

Вы на себя клеветеете, когда говорите о своем неверии, но если бы Вы приписывали себе веру, то и это была бы клевета, ибо нет в Вас ни веры, ни неверия, потому что нет в Вас ничего, совсем ничего, безусловно ничего нет.

* <Тут нет взаимности, когда> ту же вещь, которую дать другому считаем счастьем, а получить ее от другого признаем несчастьем.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

63.

В. С. СОЛОВЬЕВУ (стр. 244)

Конец октября—начало ноября 1891. Москва

Черновое

Называя себя «не всегда понимающим» меня, Вы сказали несомненную истину. Но Вам бы стоило только пожелать, и Вы бы узнали даже мое мнение об «обстоятельствах публичного свойства»¹, которые лишают Вас <возможности> приступить к делу. Публичное есть злоупотребление общественного, замена его блеском и треском, но и общественное, как заключающее в себе борьбу, не есть еще благое употребление силы, времени. И *общее дело*, в котором нет вражды, есть только начало благого дела (спасение от голода), полным выражением которого м<ожет> б<ыть> лишь отеческое дело, которое есть уже всеобщее.

Верно в Вашем письме только то, что Вы не понимаете меня иногда, а еще вернее, что не понимаете никогда. Самое письмо заключает в себе оправдание в отречении от истинного дела и замене его трескучими <речами>, и притом оправдание ироническое, т. е. предпочтение решительное последнего первому.

92.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 281)

Между 18 и 20 августа 1894. Москва

Черновое

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович.

Теперь, вероятно, Вы уже получили статью: «В защиту Дела и знания»¹ (или, м<ожет> б<ыть>, точнее было бы назвать ее: «Вопрос о „деле” со знанием и „не-деланием” с не-думанием, как средстве спасения от голода и всех бедствий») и собственными очами убедились, что она в настоящем ее виде очень далека от ясности, а следовательно, вопрос, для кого, для большинства или для меньшинства назначается эта статья, решается сам собою. Само собою разумеется, что «Дело», сжатое и очень неискusstvenное изложение коего представляет означенная статья, назначается и должно быть назначено для всех без исключения. Но прежде чем сделаться достоянием всех, изложение его (Дела) должно

принять много разных видов. Изложение должно иметь в виду не большинство или меньшинство, <a> людей, которые способны начать и вести дело. Я даже не могу решить, полезно или вредно соединение изложения сущности дела с началом дела, которое излагается в двух юбилеях в конце статьи², и с изложением Каразинского и американского опытов, которые излагаются в начале статьи³, хотя мы уже на опыте узнали, что статьи о двух юбилеях отдельно одна от другой и от главного дела, которое в них выражается, не встретили сочувствия; точно так же и вопрос об обращении войска в естествоиспытательную силу, правда очень уж кратко и неудовлетворительно изложенный в «Русском» Архиве»⁴, не обратил на себя ни малейшего внимания. Настоящая статья указывает уже открыто на то великое и святое дело, которого два юбилея и новое (а вернее — самое старое) назначение войска служат земным началом, и если бы она была пропущена цензурою — что совершенно невероятно, — тогда мы на опыте узнали бы, полезно или нет открытие небесного происхождения двух юбилеев или даже 3-х юбилеев, если к столетней годовщине выхода Каразинской записки о громоотводе, поддерживаемом аэростатом⁵ (как регуляторе грозовой силы (электрической), управляющей, б<ыть> м<ожет>, и движением ветров), приурочить завершение опыта <с этим орудием>, которые можно бы ввести в войска, если бы опыт был удачен. Статья в таком только случае, мне кажется, могла бы иметь успех, если бы она с особенною силою выставила несовершенство рода человеческого вообще и особенно того сословия (ученого и интеллигентного), которое считает себя все испытавшим, все обдумавшим, во всем отчаявшимся, а между тем должно оказаться, что оно не достигло даже того возраста, в который может начаться опыт, и в том, что оно считает концом, нет еще и начала дела, и только по своему сословному положению <интеллигенция> не видит, что мысль без дела мертва есть. А между тем в статье, в самом начале, после того, как сказано, что слово о деле Отца и Сына требует юбилея Хр<истова> воскресения, юбилеев делом, *трудом*⁶, не прибавлено «и отвергает юбилей-празднства, ребяческие», вроде того, который недавно описан в «Русских» Вед<омостях>» в № 224 нынешнего года в статье «Поездка в Эвиан» Е. Н.⁷

В «деле» заключается отрицание и бездействия, и *суетного* действия или празднств.

104.

А. А. КИРЕЕВУ (стр. 291)

Не ранее 1 марта 1895.

Черновое

М<илостивый> Г<осударь>

Препровождаемые при сем статьи могут быть причислены к славянофильским с следующим различием.

Славянофильство, считая отличительною чертою Славянского племени: *общину, артель и собор*, не находит нужным объяснить, для чего нужно такое собрание и совокупление сил, как произвести такое соединение? В посылае-

мых статьях указывается дело, для которого нужно объединение, долг, который нужно исполнить; дело и долг общий всем сынам человеческим, отеческий.

Двумя способами, соединяющимися в один, предполагается осуществить это дело, исполнить долг. <Первый способ> — повсеместное построение *школ-храмов, посвященных Пр. Троице* как образцу единодушия и согласия, к 500-летнему открытию мощей великого читателя Пр. Троицы. 2-й способ — присоединение к школам-храмам школ-музеев, ставящих себе целью не хранение лишь останков протекшего, но и наблюдение текущего, управление им для восстановления и оживления протекшего и отжившего.

Христианство как дело (а другого христианства Россия не знает, ибо вера значит клятва, обет исполнить дело, заповедь; и Владимир св<ятой> спрашивает миссионеров: кая заповедь, т. е. что делать нужно, а не во что веровать¹) не может ограничиться построением вышесказанных учреждений объединения, примиряющих в себе и духовное и светское (школ-храмов с школами-музеями), <не может ограничиться> построением их лишь в России, как бы она обширна ни была. Оно (христианство как дело) не может примириться с существованием *инославия* и *иноверия*, понимая притом под *единоверием* и *единославием* не мысленное лишь или догматическое примирение, а объединение в молитве и труде, в мысли и деле, т. е. такое примирение, которое не только исключает войну, но и вообще борьбу. Мы не обольщаем себя надеждою на легкость примирения не только с иноверными, но и с инославными, не скрываем от себя, что причины религиозного *размирия* скрываются в глубинах бытовой жизни народов, обусловленной причинами физическими. Для пояснения нашей мысли, м<ожет> б<ыть>, достаточно сказать, что пока существует причина войн, будет существовать исламизм, и пока будет необходимость в денежных знаках, будет иметь *raison d'être*² еврейство, будет и гнет и рознь, т. е. или мир, худший войны, или война, худшая всякого ига.

Величайший враг совокупного дела, дела всех сынов человеческих, есть западный индивидуализм, злой силы которого мы умалить, конечно, не намерены, который знает единство только в виде угнетения. Просьба о доставлении сведений о храмах обыденных³, при сем препровождаемая к Вам, имеет целью не только собрать сведения об этих памятниках единодушного действия, но и восстановить эту деятельность, так как она и сама собою проявляется даже в настоящее время и в построении Бежецкими рабочими однодневного храма из старых рельс⁴, а также и в построении Качимской школы, в коем принимали участие не отцы только, но и дети.

Вооружившись этими сведениями, а также сведениями о «помочах и толоках», собрать которые также необходимо (а еще нужнее восстановить их в первобытной чистоте), мы могли бы не бороться на Рижском съезде (о котором говорится в посылаемом Вам оттиске из «Рус<ского> Архива» «Обыденные Церкви»)⁵, а предложить взамен борьбы всеобщее примирение во имя наших общих (арийских) отцов, на могиле коих славянство в лице России встретилось с Западом в лице Англии⁶. В Съезде (археол<огическом>) на рубеже России с Западом, у *моря*, которое теперь, благодаря каналу, стало *англо-немецким*, не следует ли поднять вопрос, касающийся другого рубежа, рубежа *России с Англиею на Востоке, на Памире*, напоминающем Меру, Эдем, вопрос археологиче-

ский по преимуществу, одинаково любопытный и для Запада, и для Востока, и предложить *Международное его исследование* в археологическом отношении.

<Впрочем,> Памирский вопрос не только археологический и научный, но и священный, религиозный. (К сожалению, этот вопрос не внесен в список назначенных для обсуждения на этом, т. е. в Риге, съезде вопросов.) Благодаря занятию (части) Памира, Русское самодержавие становится не в отца уже место, а в праотца место. Если же дело выше, важнее рассуждений и прений, только тормозящих дело, то будущность принадлежит Самодержавию, а не Конституциям. Конечно, и Самодержавие есть также лишь временная форма. Оно не вечно и не безусловно, как и смерть, ибо Самодержавие, как сказано, занимает место умерших отцов и с осуществлением долга всех сынов человеческих само собою прекращается. Пояснять же сынам человеческим, смертным, т. е. сынам умерших отцов*, об их долге к отцам было бы оскорблением их совести, уму и сердцу.

Заповедь собирания, завещанная Христом: «Шедше, научите...», по видимому только не указывает на цель, т. е. <на самом деле она ее> указывает. *В обещании, что собранный воедино род человеческий врата ада <не одолеют>*⁷, т. е. смерть не одолеет, не есть ли прямое указание, что не смерть останется победителем Церкви воинствующей, т. е. собора живущих; торжество <же Церкви>, имеющей во главе Победителя смерти, может выразиться лишь в возвращении жизни умершим.

125.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ (стр. 314)

Декабрь 1896. Москва

Статьи Меньшикова «Ошибки страха», глубокоуважаемый Николай Павлович, я не читал и ни от кого об ней не слышал¹. Книжное варварство, учиненное приверженцем Меньшикова², доказывает *самым делом*, что страх пред насилем, по крайней мере, над книжною собственностью вовсе не ошибка. Сам Меньшиков, облаявший Вяземского³, доказывает тем, что Вяземский *не ошибся* бы, если бы опасался оскорбления со стороны Меньшикова. Ошибались, если верить автору <статьи> «Ошибки страха», те, которые считали Вяземского не способным ни к какому насилению, т. е. страдали ошибкою веры в добро, ошибкою упования. Если из Вашей неоконченной, или, вернее, — только что начатой статьи я верно понял Меньшикова, то едва ли он стоит опровержения. Статье Меньшикова так же мало можно придавать серьезное значение, как и последнему письму Толстого⁴. В этом письме бывший рабовладелец, считая себя честным, т. е. безгрешным, убеждает всех честных людей, т. е. имеющих наглость считать себя таковыми, отказаться от службы бесчестному, т. е. освободившему крестьян, правительству. (Всего письма я не читал.) В этом требовании Толст<ой> является выразителем нравственности нашего века, которую можно

* Смерть мы узнаем не на себе, а на других, говоря вообще, на старшем поколении, на наших отцах.

назвать «Университетскую» в противоположность «Музейской». Эта нравственность основана на сознании своего мнимого достоинства, требующего прав, для достижения коих насилие не считается незаконным средством. У Толстого, не признающего логику, это насилие называется непротивлением злу.

Две системы нравственности были изложены в статье о двух учреждениях, об отжившем и нездоровшем⁵. Под отжившим, или созревшим для уничтожения, разумеется Университет, а под нездоровшим — Музей. Эта статейка служит лишь пояснением заметки, помещенной в «Русских Ведомостях», о долге авторов⁶. В этой последней говорилось, что ученые и писатели обязаны своим образованием библиотекам (подразумевалось — а не Университету), явно профессора приглашались руководить занятиями в Музеях, подразумевалось <же>, что популярные лекции бесполезны, а политиканствующие вредны. Университеты потому и созрели к уничтожению, что они могут выпускать лишь нездоровых — и умственно, и нравственно. «То, что для древней Руси, — говорится в этой статье, — являлось лишь в сонном видении, то мы видим теперь наяву. Во чреве „Альма Матер” слышим брехание... Университетские недоноски усиливаются создать эмбриократическое царство»⁷, перенести вне Университета то, что господствует в университетах, а нигде страх начальства пред подчиненными не выражен с такою очевидностью, как в учебных заведениях.

Статья оканчивается указанием на Музеи в связи с храмами, как на средство возвращения сердец сынов к отцам. Если бы эта статья, вчерне написанная, могла быть напечатана⁸, то этим был бы сделан первый шаг к всеобщезнательному знанию и всеобщезнательному делу, без которого не может быть всеобщезнательного образования.

128.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 317)
19 августа 1897. Москва

Появление на свет «долга воскресения» (в виде приложенного при сем письма Достоевского и предисловия к нему) свидетельствует, что вопль «страданий, вызванных смертоносной стихийною силою» (из Вашего письма) достиг до Господа, и Бог Адама, Бог Ноя, Сима, Хама, Иафета, Бог всех умерших, но не мертвых, а живых — «живых, по обетованию воскресения», как говорит И. Златоуст, в котором мне слышится глас Бога, — требуя от сынов, от живущих исполнения долга воскресения, обещает исход не из Египта, а переход (Пасха) от земли на небо, ибо по завету Новому все миры вселенной суть обетованная земля для всех умерших поколений, или, вернее, еще не оживленных, по вине живущих, т. е. еще не умерших, но не действующих, как бы уже умерших. Только бы ожили живущие, тогда оживут и умершие. Что-то скажут нынешние саддукеи, не признающие воскресения, и фарисеи, мнимо в него верующие? У меня заготовлены статьи для тех и других. С фарисеями думаю поговорить чрез Георгиевского¹; а с саддукеями может быть чрез Соловьева² или помимо его. Обо всем этом я желал бы побеседовать с Вами в следующее воскресенье — если это будет можно, — в Подольске.

Впрочем, я убедительнейше прошу Вас не стесняться. Если бы мы и напрасно проехали в Подольск, то в претензии на Вас не будем, зная, что у Вас большой человек на руках.

Когда Вы, удрученный печальми, возвращали письмо Достоевского, Вы, конечно, и не думали, что возвращаете для того, чтобы оно явилось на свет, чтобы возвестить о долге воскрешения. Как только я увидел Ваше письмо, а затем взглянул на письмо Достоевского, уже двадцать лет почти мною не виданное, в тот же миг решил сделать Достоевского провозвестником великого долга. Ирония над мыслителем принадлежит исключительно мне, но тем не менее я глубоко признателен Вам, что Вы пожелали возвратить мне это сокровище, но для пользы дела его следует оставить за Достоевским. И мне очень бы хотелось, чтобы деньги, вырученные от продажи Вашего нового сочинения, поступили на усиление средств библиотеки при Ворон<ежском> Пуб<личном> Музее. К сожалению, Библиотека и Музей в Воронеже не составляют одного учреждения. Мне кажется, следует пожертвовать второму, который сделал выставки необходимою принадлежностью Музея, т. е. не библиотеке, а Музею, пожелав им теснейшего соединения.

О, если бы мысли, изложенные в письме, Вы передали Вашим сильным стихом.

Евреи 40 лет странствовали, прежде чем вступили в землю обетованную. Нынешнее человечество предпочтет ли кривой, слепой путь прогресса прямому объединению для воскрешения, а с ним переход на все небесные земли, всю вселенную, как новую обетован<ную> страну? Как Египет отделен от земли обетования морем и пустынею, так и наша земная планета отделена от других миров безднами воздушного и эфирного океанов, воздушной и эфирной пустынь.

138.

Н. П. ПЕТЕРСОНУ (стр. 329)
22 марта 1898. Москва

Глубокоуважаемый Николай Павлович. Не могу выехать ни 22, ни 23, а лишь 29 марта в *Вербное Воскресенье*. Опасаюсь, что Вы или кто-либо из Ваших напрасно проезжает на вокзал 22 или 24, хотя я и просил Вас не выезжать.

Получил Ваше письмо с двумя листами статьи «О хр<амах> обид<енных>». В дополнение к сказанному в предыдущих письмах по этому предмету, могу прибавить еще следующее. В одном из этих писем Воскресение Христа названо (Иоан. II, 19) обыденным сооружением Им самим Храма тела своего, а обыденное строение Храма, воздвигаемого *безденежно для бескровной жертвы* (подобного, следовательно, очищенному храму Иерусалимскому (Иоан. II, 16)), можно назвать *трехдневным*, если постройка его (вызванная какими-либо бедствиями, *страданиями*, мором) начата в *Пяток* вечером, и, превратив *покой Субботы в труд* (подобно Сыну Человеческому, исцелившему расслабленного и воскресившему Лазаря в день покоя), оканчивалась *освящение<м>* к полуночи *Воскресения*, или освящение переходило за полночь дня

избавления от смерти (Воскресение). Такого значения, такого смысла самим дням строители обыденных храмов не придавали, хотя оно и заключается в них, т. е. заключало всю сущность христианства: *страдающий, умирающий* род человеческий *трудом* совокупным *достигает святости, бессмертия, исполняя волю Божественную*.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Юлии Владимировне и всему Вашему семейству.

С глубоким почтением
готовый к услугам

Н. Федоров

22 марта
1898

Недавно Янжул читал лекции по вопросу о том, «На что нужны миллионы?», и при этом указал на разрушающийся Рум<янцевский> Музей, как нуждающийся в поддержке миллионеров. Но Музей 3-го Рима, принимая подачки от миллионеров, этим самым будет санкционировать жажду к миллионам и санкционировать миллионеров. Что хорошо для отживающего учреждения, дурно для незрелого. Музей, желавший построить в один день воскресную школу-храм, посвященный образцу единодушия и согласия, построить трудом безденежным, бесплатным, во коем *maximum* трудового и *minimum* дарового, знает иной путь существования. Музей должен быть произведением народа, а не миллионеров, как университет. Музей должен дать высшее освящение *добровольности* и *супралегалности*. Он должен приглашать всех желающих хоть короткое время потрудиться бесплатно, безвозмездно, должен быть произведением Священным, храмом предков, как Церковь — храмом Бога отцов.

Эта заметка может быть приложена к статьям о Музеях, обыденных школах-храмах, о двух учрежд<ениях>, отжив<ающем> и незрелш<ем>, о *труде добровольном*.

152.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 343)
25 июля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемому автору «Призыва» Владимиру Александровичу

Ваш Призыв не найдет, не встретит отзыва. Три дня прославляет Ваше стихотворение: День знания, *знания всеобщего*, ибо тогда только ночь неведения минует и день ведения настанет, когда *все сделается предметом знания и все сделаются познающими*. В этом и заключается призыв «к жизни новой дня», вместо нынешней глубокой ночи неведения, мрака невежества*, — это *день первый*. Второй день, *день всеобщего, братского труда* на место *покоя*

* Если народ считает себя *темным*, то и философы, отрицающие возможность знания, знающие только, что они ничего не знают, не живут ли в темном царстве, в вечном мраке непознаваемого, как кантисты и контисты, а их последователи говорят о *просвещении народа*.

Субботы или дня бездействия, тогда только настанет, когда силы, в нас и вне нас находящиеся, будут движимы знанием, когда «все» делается предметом дела братского (общего) всех сынов человеческих. Тогда мы не будем 6-ть дней служить действительно мнимым богам и мнимо, мысленно лишь служить один день (Субботу) Истинному Богу, — это *день второй*.

День Третий будет днем всеобщего воскресения, ибо силы слепой природы, движимые теперь мыслию и чувством сынов человеческих (разыщут и соберут рассеянное, воссоздадут разрушенное, оживотворят умершие тела своих отцов), не могут не возратить жизни отцам.

Таким образом ночь неведения превращается в день просвещения, суббота — день покоя — в день всеобщего труда, а день воскресения Христ<ова> в день всеобщего воскресения, иначе воскресение Христа было бы днем смерти, умершвления и победою ада.

Особое стихотворение можно бы посвятить превращению ночи неведения в день просвещения и посвятить его тому, кто может и должен совершить это превращение, точно так же как превращение Покоя Субботы в святое дело воскресения м<ожет> б<ыть> предметом другого стихотворения, а Радость Воскресения, радость воскрешающих и воскресающих, предчувствие которой мы имеем в радости матери, в творчестве художника и в нравственном подвиге, может составить предмет 3-го стихотворения.

Труднейшее же из всех трех — первое.

Стихотворение — произведение не Пушкинского пророка, который призывается лишь жечь своими глаголами¹. Это же стихотворение призывает к знанию и *делу*, показывая великую будущность их, о которой еще ни один поэт не говорил.

180.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 376)

20 марта 1899. Сергиев Посад

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Благодаря Вашей внимательной предусмотрительности я сегодня мог прочитать в № 8280, 17-го марта «Нового Времени» статью «Военные мысли о штатском деле». Это разбор и очень дельный статьи 14 окт<ября> о разоружении, хотя автору, В. Симонову, конечно, неизвестно, что статья о разоружении есть лишь введение в вопрос об обращении разрушительной силы в воссозидательную. Этому вопросу, согласно с Вашим мнением, нужно бы предположить другой вопрос, хотя и решенный, но *неисследованный*. Вопрос об условности (см. пророчес<тво> Иеремии XVIII, 7 и след.) или безусловности пророчеств о кончине мира нужно начинать от пророчества о кончине Ниневии и кончать пророчеством о кончине Иерусалима и кончине всего мира. Если книгу пророка Ионы, первого пророка первой мировой Империи, признать, как это делает Властов, общим вступлением в отдел пророческих книг, но не Ветхого только, а и Нового Завета, то все сказанное против безусловности пророчества о разрушении Ниневии еще с большею силою м<ожет> б<ыть> сказано о бе-

зусловности пророчеств о разрушении всего мира, ибо Бог пророка Ионы есть Бог и творца Апокалипсиса. Было бы большою дерзостью подумать, что Христос мог бы выразить сожаление о неисполнении пророчеств о конц<ине> мира.

Будет ли кончина мира катастрофою или мирным переходом, без войн и без естественных бедствий, это зависит от того, останутся ли люди противниками воли Божией или же, *объединясь*, станут орудиями Бога в деле обращения разрушительной силы в воссозидательную. У сирохалдейцев, соединению с которыми положено начало в прошлом году, одним из пяти важнейших праздников считается «*Среда общественного моления ниневитян*», тридневный пост за 20 дней до Вел<икого> Поста, т. е. по-нашему, пред недел<ями> приготов<ительными> <к> посту. О чем же молятся сирохалдейцы, вспоминая ниневитян времен пророка Ионы, своих земляков? Очень жаль, что нам неизвестно, в чем состоят особенности богослужения этого дня, но у них есть замечательные молитвы об угнетателях.

«...Испрашиваем Твоего милосердия для всех наших врагов... Не о суде или мщении молимся Тебе, Г<оспо>ди, Всемогущий Боже, но о сострадании и спасении... ибо Ты хочешь все человеком спастись и в разум истины *идти*» (из Литургии Нестория). На основании молитв за угнетателей можно молиться о спасении антихриста и черного царя немецкого, который, признавая безусловность бурной кончины мира, отвергает возможность умиротворения. Очень сожалею, что не могу в кратком письме полнее и яснее изложить этот вопрос. Свидетельствую мое глубочайшее почтение Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам.

Искренно любящий и глубоко уважающий
Н. Федоров.
20 марта 1899.

215.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 414)
3 февраля 1900. Ашхабад

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович

Получив письмо Ваше от 9 января, я стал ждать оттиска, — но по сие время оттиск не получен. Хотел было послать давно уже написанное письмо, но, к сожалению, не успел исправить его и переписать, а потому не решаюсь послать его¹. В нем говорится о последствиях, которые, очень вероятно, произойдут от поражения англичан бурами, т. е. о теснейшем соединении англичан с Черным Царем*, другом 30000000 мусульман, против России. Говорится затем о бесплодности всяких попыток к примирению. Но почему бы России не напомнить Англии и всей Европе, что она, т. е. Россия, после своих побед в Турции 1878 г., по требованию Англии и Германии, явилась на суд Европы и покорно исполнила решение Берлинского Конгресса. Почему бы Россия не могла предложить Англии явиться на вновь созванную Гаагскую Конференцию, и на этой конференции

* Союз побежденной Англии с победоносною Германиею будет не соединением, а подчинением первой последней.

Россия могла бы, оградив буров от посягательств Англии, оградить и *сию последнюю* от посягательств Германии, которая, конечно, пожелала бы занять место Англии в Южной Африке. Союз России с Германиею по делу умиротворения совершенно невозможен, тогда как союз России с двумя Британиями, особенно после поражения европейской Британии, все-таки вероятнее. Даже всеобщая обязательная воинская повинность при соединении с таким же всеобщезязательным образованием (или познаванием) и обращением орудий войны, разрушения в орудия спасения от голода... могла бы с большею легкостью или с меньшею трудностью быть принята двумя Британиями. Напишите-ка об этом Лонгу, желающему поражения своему отечеству.

Оттиски *наконец* получены, но как ни прекрасно написана статья о хр<амах> обыден<ных>, я все-таки предпочел бы читать «На валу». Понятно, что живущим на крайнем валу России в XIX веке желательно прочитать, как жили в XVII веке на Вашем Козловском валу. Когда Вы побываете в Туркестане и увидите множество развалин здешних острожков, башен, Вы напишете еще большую поэму под названием «На Иранском валу». Вы, конечно, послали оттиск Серг<ею> Алекс<еевичу> Белокурову. Нельзя ли послать также Серг<ею> Сергеевичу Слуцкому, автору статьи «Хр<ам> Св. Тр<оицы> при Румянц<евском> Музее»? и К. П. Афонина также не забыли? С ним в переписке я не нахожусь, потому что Г<оспо>дь Бог не умудрил меня письменным искусством, о чем свидетельствует и это письмо, Вам посылаемое.

*Когда нужно будет ждать Вас в Туркестан?*² *Жду Вас с большим нетерпением.* Благодарю за присылку оттиска.

Марии Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичу свидетельствую мое глубочайшее почтение.

233.

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 432)

Между 30 июля и 3 августа 1900. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой

Владимир Александрович

Автору Призыва (к переходу от критики осуждения и отрицания к труду искупления и воссозидания), к двухлетнему юбилею напечатания этого стихотворения, 6 авг<уста> 1898.

Очень Вам благодарен за присылку Питер<ских> справок и особенно чрезвычайно признателен за присылку «Схем» и «Zodiacus Vitae». Мне кажется, что между окружностью и центром в последнем нужно бы сделать следующую вставку. (Это будет 3-я строка: в первой строке указывались причины *бессилия человека*, во 2-й строке — *в чем его сила*.) Под I–III написать: *Призыв к объединению*; под IV–VII — *Проект соединения всех способностей* (IV–VI)

всех людей (VII); под VIII–X — в деле знания и Искусства (не таких, какие они ныне, т. е. знание без общего дела и искусство как творение мертвых подобий), объединенных в религии как Пасхе воскрешения; под XI–XII — исполнение проекта, т. е., признав свое несовершеннолетие, заменить свободу долгом, воинскою и податною повинностями, которые под руководством стоящего в отцов место должны превратиться из обязательных в добровольные, а орудия истребления — в орудия возвращения жизни, что у Вас уже написано в центре, как это <и> должно быть. Мне кажется, что для правильного понимания всех 12-и вопросов нужно бы к заглавию сделать небольшую прибавку: «Богатство ли добро, а бедность — зло или Жизнь (т. е. жизнь без смерти) есть благо, а смерть — зло? И в чем потому состоит наше дело и долг? В возвращении ли Жизни, которая, как трудом приобретенная, будет неотъемлема, т. е. бессмертна, или в обогащении всех? Пока есть смерть, жизнь состояла бы в постоянном сознании этого зла — смерти, и задача и долг, дело жизни были бы ясны. Если же изолировать людей друг от друга, так чтобы они знали только себя, то такое сознание исчезнет. Блестящим примером может служить Л. Н. Толстой. Видел он, как умирали от холеры, инфлюэнцы, видел смерть собственного сына¹, но зная только себя, он твердо верил, что смерти нет.

Хотя «Призыв» касается, по-видимому, первого лишь вопроса о богатстве и бедности и вопро<оса> о жизни и смерти, на самом же деле вопро<ос> о бог<атстве> и бедн<ости> входит во все 11-ть вопро<осов>, в первую их половину, и вопро<ос> о жизни и смерти во вторую половину всех же 11-и вопросов, и хотя обращается призыв, по-видимому, только к неверующим и верующим, но под неверующими нужно разуметь и философов, моралистов, и ученых всякого рода, как это и обозначено в надписании каждого вопроса; а под верующими <надо разуметь> людей всех религий живых, т. е. народных, и мертвых, т. е. ученых (вроде Толстого), хотя об этом и не сказано. Таким образом, если бы призыв был услышан, то мы имели бы собор, конференцию, хотя и не мира, а союза для дела, касающегося всех людей без исключения и всего, что есть в каждом человеке (и самого всеобщего и самого личного, родного). Призыв обращается не к некоторым, а ко всем, желая все сословие ученых обратить в Комиссию, которая бы «знание» построила на всеобщем объединении, а не <на> сословном начале, сделала бы знание (не популярное, конечно) принадлежностью всех разумных существ. Как Вы полагаете, можно ли в Zodiacus Vitae показать участие всех групп людей в общем деле возвращения жизни? В средневековых изображениях <как> н<азываемой> Литургии ангелов, которая также представляется в виде концентрических кругов, можно видеть образец. На наружном кругу знаки Зодиака, а под <ними> в следующем кругу работы, свойствен<ные> месяцам (напр<имер>, под зимними месяцами можно бы поместить кустарные сельские промыслы, а под летними хороводы как солнцеводы и т.д.). В центре Христос, а в ближайших кругах 12-ть пророков предсказывающих... и 12 апостолов, составляющих Символ веры (Собор?). 24 старца вместе с творцом Апокалипсиса, вероятно, благодарят Бога за то, что их пророчества не исполнились (Дидрона Annal<es> Archéolog<iques> I-й т. статья Ledoux).

В. А. КОЖЕВНИКОВУ (стр. 443)

7 июля 1901. Подольск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович. Настоящий Ваш ответ на мое письмо от конца июня меня очень утешил. Опасаюсь только, не было ли чего неприятного для Вас сказано в следующем письме, посланном 1 июля. В третьем же письме говорится, но очень кратко, о трех школах: 1) *народной*, 2) Царской или военной и 3) *духовной*, или *православной*^{*}, в коих выражены три начала: Православие, Самодержавие и народность, столь ненавистные западникам, презираемые и славянофилами. В этих 3-х школах (Школе-Храме, Школе-Музее и Школе-Кремле, или Кладбище-Крепости), благодаря именно этим соединениям, устраняется и то, что в них (в самом <деле> школьном) есть пошлого, отталкивающего. В таких очищенных школах примиряется крайний консерватизм с самым крайним радикализмом. Я повторяю это для того, чтобы показать, что затруднение заключается не в одной краткости писем, а в невозможности мажорного письма, как <бы> оно ни было велико, когда требуется сказать или *все*, или уже ничего. Требуется этого самое время. Нынешний год — год более страшного метеорического погрома, чем 91 год, год войны, готовый перейти с суши на океан, если на нем появятся бурские каперы, войны, после Гаагской конференции мира, доказывающей, что сия последняя избрала неверный путь к умиротворению. Наконец, нынешний год — год вопроса о Национальной школе, который уяснен и разрешен может быть лишь на новой интернациональной Конференции мира. (Вы справедливо заметили, что национальный элемент недостаточно был оттенен в письме.) В нынешнее время, время кризиса в Марксизме и во всей философии, возвращающейся опять к Канту, Пасхальные вопросы в новом виде, в котором на первом месте поставлен вопрос *о двух разумах* (двух критиках) и *двух сословиях* (мыслящем и действующем), интеллигенции и народе, дают, кажется, путем Школы вполне удовлетворительное решение. Прежняя форма Пасхальных вопросов, в коих предлагается заменить *вопр<ос>* о бедности и богатстве вопросом о жизни и смерти, не устраняется, ибо она дает цель просвещению. В ней одинаково отвергается и «Евангелие Богатства» (Карнеджи), которое жертвованиями на дело просвещения хочет санкционировать наживу, и Евангелие бедности, которое Христа из Спасителя от смерти превращает в социалиста. Повторяю, само время требует всего или ничего. Еще раз благодарю за Ваше ободрительное письмо. Марии Григорьевне и Анне Васильевне низко кланяюсь. Искренно предан<ный> Н. Федоров.

* В Православии воплощение имеет смысл вочеловечения, т. е. внесения в природу человеческой мысли и чувства. Слово стало плотью — значит подчинило себе плоть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С ИДЕЯМИ Н. Ф. ФЕДОРОВА**

Н. П. ПЕТЕРСОН — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ¹

6 марта 1876. Керенск

Милостивый Государь
Федор Михайлович!

В объявлении о Вашем дневнике Вы говорите, что в нем найдут место и впечатления от прочитанного; — позвольте же обратить Ваше внимание на прилагаемый № листка, в котором помещена заметка из Керенска и довольно обширное возражение на эту заметку редакции². Автор заметки из Керенска хотел возражать на возражение редакции и послал прилагаемую рукопись; но редакция листка не нашла возможным дать ей место в своей газете, усмотрев в ней характер проповеди, которая могла бы быть помещена только в духовном журнале или газете. Это обстоятельство и вынуждает обратиться к Вам с покорнейшею просьбою отметить на страницах Вашего дневника впечатление, которое Вы вынесете из чтения прилагаемой рукописи, если только Вы не пожалеете труда и времени на прочтение ее.

Только глубокое к Вам уважение могло внушить смелость утруждать Вас такой просьбой.

Н. Петерсон

1876 года

6 марта.

Если Вам угодно будет зачем-либо обратиться ко мне, вот мой адрес:

Г. Керенск, Пензенской губ.

Никол. Павлов. Петерсону.

КЕРЕНСК, 1876 ГОДА³

На крещение ходят с образами на иордань (прорубь в реке, родник, колодезь, куда погружают крест). Образа обыкновенно носят сами прихожане (из простого, конечно, народа) и многие делают это по заранее данному обещанию, в благодарность за исполнение какого-либо желания, за ниспослание какой-либо радости, благополучия и т. п. В нашей местности носят образа, в этом случае, преимущественно женщины; в настоящем году их несли между прочим несколько пар девушек — в одних сарафанах и рубахах, несмотря на ветер и даль, — на иордань ходят у нас (из Покровской церкви) более чем за версту. На мои расспросы мне сказали, что многие обещаются нести образа на иордань раздевшись (т. е. без верхнего платья) и исполняют свой обет, несмотря ни на какую стужу, ни на какую погоду; одна женщина, заболев, обещалась, если выздоровеет, носить образа на иордань ежегодно до своей смерти босиком и в точности исполняла обет. В нынешнем году один купался в иордани.

Все это такого рода факты, которые свидетельствуют и об изумительной решимости, как купанье в проруби, и о громадной энергии, потому что пробыть на ветру и морозе более двух часов раздевшись, в одних ситцевых или полотняных рубахах на плечах, а иногда и босиком, — для этого нужно столько энергии, что, право, не знаешь, чему удивляться более — твердости ли, с которою переносится холод, решимости ли, с какою бросаются в прорубь, или же, в наш век религиозного индифферентизма, вере настолько живой, что она может воодушевлять на подобные подвиги. Если еще можно иногда заподозрить религиозность побуждений купающихся в проруби, то нет никакой возможности заподозрить побуждений вытерпливающих холод. Несмотря на столь живую веру, несмотря на то, что почти ни один крестьянин в рот не возьмет скоромного в постный день, которых в году более чем на половину, наш народ не воздерживается от пьянства; и судя по примеру наших образованных классов, предающихся пьянству не менее простого народа и сверх сего неизвестному еще народу недугу — картежной игре, можно с уверенностью сказать, что *не спасут наш народ от пьянства* ни чайные лавочки, открываемые в надежде, что употребление чая вытеснит водку, ни народные театры, ни всякие другие придуманные для народа развлечения, *ни самые школы*⁴. Наше образованное общество все это имеет гораздо высшего сорта, чем может быть дано народу, и однако предается пьянству, как выше сказано, не менее народа, и притом предаются этому пороку лучшие, самые симпатичные члены этого общества.

Есть в человеке чувство, самое благороднейшее, чувство, делающее человека человеком, это — желание общения с своими ближними. В чем же найдется удовлетворение оно в нашей жизни, где царствует в областях высших спекуляция, погоня за наживой, игра самолюбий; на земство, городское самоуправление, на ссудо-сберегательные товарищества, общества потребителей и т. п. мы смотрим лишь как на средство пристроить себя и своих, и в лучших случаях — как на средство провести свою какую-либо идею, и лишь только это

нам не удалось, мы бросаем дело, как негодное для нас средство, и остаются заправлять им одни те, которые успели стать его хозяевами.

Что же касается простого народа, там хотя и нет положительного зла, все более овладевающего нашими образованными классами, но и там общественные связи постепенно ослабевают. По мере же ослабления общественных связей, чувство, желание единения с своими ближними, оставаясь неудовлетворенным, находит себе только один выход — в пьянстве. Какие задушевные речи, объятия, лобызания вы увидите в пьяной компании, как размягчается сердце пьяного человека и делает его готовым на всякую услугу ближнему. И вот лучшее в человеке чувство, воспитание которого в человеческих обществах и должно составлять величайшую и едва ли не единственную задачу церкви, приводит людей к гибели. Где же спасение? в чем оно?⁵

Н. П. Петерсон

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «СПРАВОЧНОГО ЛИСТКА РАЙОНА МОРШАНСКО-СЫЗРАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ»⁶

Вы говорите, что артели, ассоциации, корпорации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества основаны на врожденном человеку чувстве общительности?⁷ Выгораживая русскую артель, которая еще слишком мало исследована, чтобы говорить о ней что-либо положительное, мы думаем, что все эти ассоциации, корпорации и проч. — все это лишь союзы одних против других, союзы, основанные на чувстве самоохранения, вызванные борьбой за существование; и это мнение наше подтверждается историею возникновения этих союзов, которые заключались сначала бедными и слабыми против богатых и сильных, а потом и эти последние стали пользоваться оружием своих противников. Да, история несомненно свидетельствует, что все эти союзы возникли из братской вражды, основаны не на потребности общения, как вы полагаете, а на чувстве страха за свое существование или же на желании получить барыш, выгоду, пользу, хотя бы и на счет ближнего. Всматриваясь же в устройство всех этих детищ утилитаризма, мы видим, что главная их забота — это устройство надежного контроля каждого за всеми и всех за каждым, — попросту, поголовного шпионства из боязни, как бы кто не надул кого. Все эти ассоциации с их контролем внутри и завистливою ко всему постороннему внешнею деятельностью представляют поразительную параллель с тем, что творится в политическом мире, где взаимные отношения народов характеризуются вооруженным миром, прерываемым кровопролитными схватками, внутренняя же их жизнь — бесконечною борьбою партий. О каком же общении, о какой любви тут может быть речь!⁸ Не потому ли все эти учреждения так плохо и прививаются у нас, что мы еще слишком просторно живем, что нам нет еще основания слишком вооружаться друг против друга, что в нас слишком еще много расположения, веры друг к другу, и эти чувства мешают нам устроить такой контроль, такое шпионство друг за другом, как это необходимо при устройстве всех этих ассо-

циаций, коопераций, торговых и других товариществ, при недостаточности же контроля они идти не могут, они непременно лопаются.

Уж не будем ли мы сокрушаться о таких наших недостатках, сравнительно с нашими более образованными западными соседями?! Нет, мы, по крайней мере, в этих наших недостатках видим наше богатство, видим, что в нас еще действует с некоторой силой то чувство единения, без которого человеческие общества существовать не могут; хотя оно, действуя в людях бессознательно, приводит их как к великим подвигам, так, весьма часто, и к великим порокам. Но в ком это чувство еще не убито, для того все возможно, лишь бы оно, это чувство, из бессознательного, из инстинкта, обратилось в силу сознательную, в такую, которая не бросала бы нас в ту или другую сторону, по слепому капризу случая, а направлялась бы нами к достижению разумных целей; без этого же чувства единения, взаимной любви, общения людей между собою, немислимо ничто великое, потому что немислимо и само общество.

[часть подлинника утрачена] обусловленные природою человека и обстановкою, в которой он живет, изменяющиеся ровно настолько, насколько изменяются обуславливающие их обстоятельства; строить общество на таких шатких основаниях — значит подчинять его случайно, помимо нашей воли, установившимся отношениям, отдавать его бессознательному течению жизни, которая выдвигает то одно из этих понятий, то другое, а ныне почему-то излюбило принцип пользы, который теперь ставится в основу общества, с оговоркой впрочем, что принцип этот должен быть правильно понят. Делая однако такую оговорку, забывают, что, прежде провозглашения этого принципа, допускающего, по сознанию самих проповедников, различные толкования, должно наперед обеспечить правильное его понимание и не провозглашать его в пылу всеобщей свалки, когда большинство сочтет для себя самым полезным придушить своего ближнего или сесть ему на шею. Правильное же понимание принципа пользы будет обеспечено лишь тогда, когда зло, причиненное моему ближнему, будет мне так же больно, как мое собственное. И вот мы опять приходим к чувству общения, взаимной любви, всеобщего единения, которое только одно и может быть положено в основу общественного устройства; и раз это чувство проникает общество, оно упраздняет всякие принципы; потому что, когда общество будет как один человек, тогда все, что бы ни сделал каждый отдельный член общества, будет одинаково на пользу как ему, так и всему обществу, и тогда действия каждого отдельного человека сами по себе будут вполне соответствовать высшим понятиям о долге, нравственности и т. п. Церковь с самого основания своего имела своею задачею воспитание в людях чувства общения; все церковно-общественные службы имеют одну цель — вести людей к миру, взаимной любви, единомыслию, заботе друг о друге; во время литургии церковь причащает всех одним телом и единою кровию Христа Спасителя Нашего и тем желает сделать нас как бы одним человеком. Но вследствие противоположности этого идеала всему, что совершалось и до сих пор совершается в Жизни человеческой, большинство людей до сих пор не в состоянии было уразуметь этот идеал; большинство до сих пор полагает всю суть христианства в предписаниях добро творить ненавидящим, благословлять клянущих; но и на эти правила нравственности большинство смотрит, как на что-то невозможное,

не применимое в практической и общественной жизни человека; поэтому призывы церкви перестали ныне действовать на людей, вера обратилась во что-то внешнее, в форму, обряд, почти без признаков духа жизни; перестали даже думать, чтобы вера могла иметь какое-либо действительное участие в жизни; церковь уже не заботится ни о бедных, ни о больных, ни о просвещении своих сочленов; все это она считает вполне посторонним для себя делом; молясь о чем-либо, она не считает себя обязанною и прилагать усилия к достижению того, о чем молится; помолвившись, она считает свое дело сделанным; тогда как не обязывает ли молитва к тому, чтобы молящийся приложил все свои силы к достижению того, о чем молится, как покаяние не обязывает ли к употреблению всех своих сил к оставлению греха; а потому молясь о мире всего мира, не должна ли церковь и в особенности непосредственные служители ее позаботиться, чтобы этот мир действительно водворился в мире; молясь о избавитися нам скорби, гнева и нужды, о благорастворении воздуха, избылии плодов земных и проч.⁹, не должна ли церковь позаботиться о достижении всего этого, и тогда церковь делается центром соединения людей не только в видах благотворительности, но и в видах изучения мира во всех отношениях, как нравственном (историческом в обширном смысле), так и физическом; потому что только молитвою, соединенною с самым тщательным и подробным изучением мира во всех отношениях, может быть пролит свет, просвещающий всех и избавляющий мир от всех зол (и тогда приход, быть прихожанином известного прихода получит опять свое значение, теперь же эти слова потеряли всякий почти смысл), — одна же молитва без приложения собственных усилий к достижению того, о чем молимся, то же, что покаяние без намерения исправиться. Возможно ли, помолвившись об избылии плодов земных, оставить поля необработанными; если же нет, то на церкви лежит обязанность, вознося молитвы о избавитися нам скорби, гнева и нужды, о благорастворении воздуха, об избылии плодов земных, о мире всего мира, о соединении всех и проч., — изучить все те условия, созданные не иным кем, но Богом, в которых поставлена жизнь человеческая и от сопоставления которых зависит как избавление наше от всех зол, так и приобретение необходимых нам благ душевных и телесных. И такое изучение послужит, кроме того, к познанию и прославлению Вседержителя, избавит людей от безбожия, сняв с него покров якобы науки. Такое изучение, само собою, обязательно для всякого христианина, для всякого члена церкви; следовательно, при таком взгляде на предмет упразднится вопрос, разрешение которого поглощает столько сил, вопрос об обязательности образования; этим же разрешается и вопрос о сокращении приходов в видах улучшения быта духовенства, рядом с которым идет открытие учительских семинарий; вопрос, собственно говоря, для христианина невозможный и свидетельствующий лишь о том, что духовенство наше, эти естественные учителя народа, эти печальники и во всем помощники своей паствы, не исполняют своего назначения; они забыли апостола Павла, который, боясь быть для кого-либо в тягость, не хотел принимать для себя приношений верующих, делавшихся ими с радостью, употреблял эти приношения на бедных, а сам питался трудами рук своих. Духовенство забыло этот высокий пример и подняло жалобы на свою необеспеченность, жалобы, более всего осуждающие само духовенство, потому что

они свидетельствуют, что духовенство не исполняет своего долга, не ищет царствия Божия и правды Его, иначе все остальное, по слову Спасителя, приложилось бы к тому¹⁰.

Соединение веры и молитвы с делом оживит надежду, приведет людей к любви, которая, по слову апостола, больше и веры и надежды¹¹. Только таким путем мы придем к новому рождению, без которого, по слову Спасителя, не может быть спасения, и облечемся во Христа, в которого теперь только крестимся.

К-в.

Керенск. 20 февраля 1876 года.

Н. П. Петерсон

ЧЕМ ДОЛЖНА БЫТЬ НАРОДНАЯ ШКОЛА?¹²

Величаем Тя,
Пресвятая Дево,
И чтим Покров Твой Святый,
Юже Тя видел вятый Андрей на воздушех
За мир Христу молящуюся¹³.

Должна ли быть такая школа вполне светскою, т. е. основывать обучение на принятом наукою взгляде на явления мировой жизни, полагающем в основу всего законы (правильнее силы) природы, действующие фатально, неизбежно, без вмешательства разумной силы; или же обучение будет полагать в основу всего — закон Божий, во всем противоположный слепому закону природы?

Если народная школа должна быть вполне светскою, то следует ли допускать в ней преподавание Закона Божия? И если следует, в какое положение поставлен будет этот предмет относительно других?

Вот вопросы, на которые, ввиду различных в настоящее время мнений, распадается поставленный в начале вопрос — чем должна быть народная школа!..

Чтобы разрешить эти вопросы, должно определить сущность Закона Божия и законов природы, определить, в чем их противоположность и не может ли быть найдено между ними, несмотря на существующую противоположность, какой-либо связи?!

Сам Бог открыл нам Закон Свой чрез Св. Мужей и пророков и, наконец, чрез Сына Своего Спасителя и Господа Нашего Иисуса Христа, земная жизнь Которого была воплощением Закона Божия, водворением его опять на земле, после грехопадения проклятой и оставленной господству ее собственных сил, сдерживавшихся с тех пор царством Закона Божия только извне. Причастниками Своей божественной жизни Спаситель соделал и своих учеников-апостолов, которых в конце Своего земного служения назвал друзьями Своими и, приравняв Себя к лозе, назвал их ветвями: «Я есмь лоза, а вы ветви, кто пребывает во

Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15, 5).

Пред завершением Своего земного служения, в величайший момент этого служения, когда Он должен был решиться на последний, страшный, все в себе заключающий акт этого служения, должен был отдать Себя на вольные страдания и крестную смерть, Христос молился ко Отцу Своему: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе; так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21). И эта молитва ко Отцу для нас заповедь, величайшая из всех, заключающая в себе все другие и ту, которая была дана Спасителем несколько раньше: «да любите друг друга, как Я возлюбил Вас» (Иоан. 16, 12).

Исполнение этой заповеди — достижение единства всех в Боге — есть и исполнение Закона Божия, достижение Царствия Божия, которое Христос заповедал нам искать прежде всего.

В другой, тоже не менее знаменательный момент своего пребывания на земле — пред вознесением своим на небо, пред оставлением учеников своих на земле одних, — Христос, обещая послать им Утешителя, выразил цель, для которой Он оставляет их на земле, в заповеди: «Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа», т. е. Христос оставил на земле учеников, чтобы они приобщили Его жизни все народы, крестя их во имя Св. Троицы, созидая их чрез новое рождение, рождение свыше, от Воды и Духа (Иоан. 3, 3[-8]) в общество, первообразом которого является единство Святой Троицы, — в такое общество, в котором единство не только не поглощает личности, но расширяет область личной жизни. В таком обществе каждая личность приобретает возможность проникать в область жизни соединенных с нею в одно общество других личностей, *друзей* своих (*другой* таким образом на русском языке теряет свой враждебный смысл, смысл — иного, чуждого), достигая этого не борьбою и враждою, а согласием и любовью. Только соединением в таком обществе, единство которого будет неразрывно и личности, составляющие его, не будут ни подавлены, ни поглощены, которое примирит не примиримое по законам природы единство и множество, которое будет многоедино подобно Богу, Который Триедин, только создавшись в такое общество, мы достигнем и соединения с Богом, жизни в Боге, Который обещал быть там, где *два* или *три* соберутся во Имя Его (одному прийти к Богу не достаточно), только чрез общество, созданное во имя, во славу и по образу Св. Троицы, мы придем в царствие Божие, и на суд не придем, но от смерти в живот¹⁴.

И так как единство не может быть при существовании смерти, — это есть первое возмущение против смерти, при существовании которой не может быть единства, потому что смерть одних и несмотря на то жизнь других свидетельствует, что действительной связи между нами нет, — уничтожение смерти, бессмертие суть ближайшая цель церкви.

Когда мы создадимся в общество, подобное Триединному Богу, в общество, в котором единство и множество, единство и личность найдут свое согласие, не будут более подавлять, поглощать, разрушать друг друга, тогда не будет и смерти, потому что смерть хотя бы одной личности была бы смертию всех. Но как прийти к такому единству, как создать Его?! Собственно единство рода человеческого существует и всегда существовало, все мы дети одного че-

ловека, только связи, соединяющие нас, ослабли, родство забылось — все мы братья между собою, но братья, забывшие своего отца. Первым шагом к воссозданию нашего единства, нашего действительного братства будет возвращение наше, — нас, блудных детей, — в дома отцов наших, освежение в нашей памяти, в нашем сердце всех родственных связей наших, с которыми последнее время мы так ревностно стремились покончить и стремились с большим успехом, — большинство не помнит не только дедов своих, но, кажется, скоро забудет и отцов, — по этому уже можно судить, каково то братство, которое провозглашается в наше время людьми, позабывшими, или еще хуже, пренебрегающими, презирающими эти последние связи. Восстановление, даже в памяти, отцов и братьев наших приведет нас к закреплению с ними наших связей; и чем выше мы будем подниматься таким образом по лестнице родства нашего, тем связи наши будут становиться крепче и обширнее... И этим путем мы станем у порога того единства, создание которого поставлено нам целью¹⁵, которое делает для нас невозможным не только потерю кого-либо из нас, но потребует как неизбежное условие своего воссоздания — восстановление всех прошедших поколений отцов и братьев наших, воскрешение их из мертвых*. А чтобы достигнуть этого результата, мы должны, кроме воссоздания в памяти прошедших поколений, еще и победить мир, овладеть его силами, обратить их на служение Богу, — первый же шаг к победе над миром есть изучение его. Итак, восстановление в памяти прошедших поколений — т. е. изучение истории, понимая ее в самом обширном смысле, так, чтоб из ее области не был потерян ни один человек, и затем изучение мира — суть первые ступени к воскрешению прошедших поколений, которое мы должны поставить своею ближайшею целью, если хотим достигнуть Царствия Божия, т. е. такого соединения со Христом, единства с Ним, при котором мы уже не могли бы без Него творить ничего: «Кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего». Поставить своею целью воскрешение умерших — суть единственное оправдание для человечества, переносившего доселе потерю своих близких и тем свидетельствовавшего, что для него нет друзей, за которых оно положило бы душу свою, что оно бедно такими чувствами; только поставив своею целью уничтожение смерти, воскрешение мертвых, мы будем иметь право называться учениками Христа; Который заповедал нам любить друг друга, Который взаимную любовь ставит признаком, по которому должно узнавать учеников Его; что же это за любовь, если мы так легко переносим смерть наших близких, оставшуюся величайшим злом на земле и по воскресении Христа; Христос своим воскресением не избавил еще нас от смерти, но дал лишь нам надежду, как на собственное воскресение, так и на воскресение всех прошедших поколений. Своим воскресением Христос дал нам надежду, пока-

* Действительная любовь друг к другу не может быть равнодушна к нуждам, и тем более, к бедствиям других; поэтому насаждение в нас действительной любви к другим даст себя знать в нашей заботливости о нуждах других, в изыскании действительного избавления наших возлюбленных от постигающих их бедствий. В первые века Христианства, когда все люди были в неведении Христа, первым актом любви к другим было проповедание им Христа, без которого ничто не может быть; и первые христиане проповедали Христа, несмотря ни на мучения, ни на саму смерть.

зал нам цель, для достижения которой он оставил нас на земле; своими страданиями, смертью и воскресением Христос примирил нас с Богом, снял тяготевшее над нами проклятие, отворил нам дверь в Царствие Божие, которую без Него отворить мы не могли, будучи ослеплены подобно содомьянам, ослепленным ангелами Божиими! Но тем не менее Христос оставил нас в том же мире, в котором мы и прежде жили, который остался тем же, как и был; и лишь наши отношения к нему, этому миру, изменились; мы уже не от мира сего — мы приобщились жизни Господа нашего, для нас уже отверста дверь в самое Царство Божие; нашим усилиям оставлено лишь достижение этого Царства и указан путь, по которому мы достигнем его, — это соединение всех, следовательно, победа над миром, который все разделяет, соединение всех в мире, любви, не подавляя и не поглощая кого-либо, т. е. опять победа над миром, который не знает другого соединения, кроме присоединения, кроме насильственного поглощения другого, слабого сильнейшим. А чтобы прийти к такому соединению, к соединению по закону Божию, мы должны, как уже говорилось выше, перешагнуть через смерть, сделать безвредным жало ее. Следовательно, ближайшая цель наших усилий — это уничтожение смерти, воскрешение мертвых.

Только воскрешение прошедших поколений, как цель нашего существования, как долг наш пред прошедшими поколениями, чрез посредство которых мы получили жизнь, снимает всякий позор с нас, с нашей способности переживать близких нам; позор, который не может быть снят никакими другими оправданиями, ни жизнью для детей, ни верою в загробную, лучшую жизнь. Самое имя детей требует оправдания, потому что оно есть результат удовлетворения одной из самых низких наших страстей; что же касается оправдания верою в бессмертие души, то хотя душа, по смерти тела, и остается живою, но она уже в области, для нас недоступной, ее существование, каково бы оно там ни было, нам чуждо, наше же существование ей не нужно, — могли ли бы мы перенести такой разрыв наших существований, если бы наша связь с умершим была единством, подобным единству, в котором пребывает Святая Троица.

Если же мы пережили умерших, поставив себе целью, долгом воскрешение их, если мы решились всю жизнь нашу, все действия направить к достижению этой цели, к исполнению долга, то переживание умерших будет уже подвигом, бесконечно возвышающим наше нравственное достоинство; чрез это и самое рождение детей, которым мы передаем дальнейшее исполнение долга, неисполнимого в течение жизни одного поколения, делается достойным благословения церкви.

Соединение людей в общество, основанное на мире и любви, в общество, подобное Троице Богу, которое приведет нас к жизни вечной и к воскрешению всех прошедших поколений, — такое соединение составляет совершенную противоположность настоящему состоянию природы, при котором закон поглощения и борьбы имеет, по-видимому, полное приложение. Несмотря, однако, на эту противоположность и на настоящее господство закона поглощения и борьбы (проще, законов природы), нет основания признавать, что настоящее состояние мира есть окончательный результат, последнее слово природы, что силы природы могут действовать лишь по ныне действующему в них закону и не могут подчиниться действию иного закона, управ-

лению Закона Божия; нет основания признавать, что ныне действующие законы природы суть единственно естественные миру законы, Закон же Божий, в силу своей противоположности законам природы, противоестествен, не приложим к управлению силами природы. Человек тоже живет в природе, рождается он тем же естественным бессознательным порядком, как и все живущее; как все живущее, и человек умирает, и тем не менее он постоянно чувствует тягостность своего настоящего существования, чувствует отвращение к поглощению и вражде, порождающим это тягостное состояние; боязнь смерти внушена человеку самую же природою, он сожалеет об умерших, и при настоящем порядке вещей сознание смертности составляет главную отличительную черту его: не указывает ли все это, что человек создан для чего-то иного, для установления иного, высшего порядка вещей?! Устранив предрассудок, свойственный ученому сословию, людям науки (и покоя) и в особенности мыслителям, считающим момент, в который они живут, за высшее, последнее выражение естественного закона, и если допускающим какие-либо изменения в этом порядке — прогресс, — то лишь изменения частные, но не коренные, — устранив этот предрассудок ученых, мы могли бы, став на их точку зрения, сказать, что природа в человеке достигла сознания коренных недостатков своего настоящего состояния и чрез него же, чрез человека, чрез его действие стремится перейти в иное, высшее состояние. Это высшее состояние природы и будет выражением закона Божия, действующего не слепо и бессознательно, но разумно и с полным сознанием цели, которая должна быть достигнута, которая в отрицательном смысле указана нам даже нашими естественными вышеперечисленными чувствами, т. е. постоянным недовольством своим положением, отвращением к порядку, которому мы обязаны этим недовольством, к порядку, основанному на законе борьбы и поглощения, боязнью смерти, сожалением об умерших, сознанием смертности, потеря которого низводит человека на степень животного, чувством стыда, побуждающим человека скрывать все, совершаемое им бессознательно, по слепому влечению или даже по принуждению природы, как деторождение, испражнения и т. п., — все это свидетельствует, что человеку не свойственна смерть, не свойственна слепота, слепая, бессознательная деятельность, не свойствен вообще весь этот порядок, основанный на борьбе, проистекающей из нее вражде и поглощении. Положительная же сторона цели указана нам в законе Божиим, как об этом тоже выше сказано, цель эта — быть совершенными, как Отец Наш Небесный совершен, быть всем едино, как Он, Отец наш, в Сыне, и Сын в Нем, так и нам быть в Них едино. Путь к этой цели опять-таки указывается нам также самую природою, которая, оставив нас беззащитными пред атмосферическими переменами, принудила нас самих создать себе защиту, путем сознательного действия, из одежды, домов и т. п.; отказав в достаточном количестве пищи, годной для наших желудков, принудила нас самих приспособить себе пищу... Таким путем сама природа развила в нас стремление к сознательной деятельности в противоположность царствующей в остальном мире бессознательности. Точно таким путем, путем сознательного действия, мы можем избавиться и от остальных невзгод, тяготеющих над нами, и величайшей из них — смерти.

Итак, закон Божий, установление царства закона Божия — это цель нашего существования, силы же природы — источник средств к достижению этой цели. Природа в настоящее время повинуется одному — стремлению своих сил; кроме силы, права сильного, никакого закона для природы не существует; в природе — слепой разгул сил; только чрез человека вносится в нее иное понятие, понятие закона; только человеком, изучившим свойства (неправильно называемых законами) сил природы, дается этим силам целесообразное направление. Настоящий порядок вещей, настоящее состояние природы относится, следовательно, к закону Божию, как настоящее к будущему, как средства к цели; и этим определяется взаимное отношение их как предметов школьного обучения. — Закон Божий — это идеал, проект, цель того состояния, того порядка, который должен быть установлен в природе в будущем и установлен чрез человека; человек должен овладеть силами природы и дать им разумное, целесообразное направление; школа на минуту не должна терять этого из виду, готовя людей ко вступлению в жизнь, т. е. в борьбу с этим хаосом, стремящимся поглотить и самого человека.

Фрагменты первой редакции

[После описания общества «по типу Троицы»:]

Не таково общество, созданное по законам природы; природа не представляет нам ничего выше организма, поэтому общество, созидаясь по закону природы, стремится быть также организмом, поглотить личности, обратить их в органы; противясь такому не свойственному, не естественному для них ограничению, личности в свою очередь стремятся к отдельному, независимому от общества существованию, т. е. к разрушению общества; отсюда в обществе, устроенном по законам природы, постоянная борьба поглощения с рознью, единства с множеством, постоянная вражда.

В устройстве общества по Закону Божию и по законам природы является противоположность этих двух законов вполне; несмотря, однако, на эту противоположность, несмотря на настоящее господство законов природы, нельзя, однако, сказать, чтобы эти только законы и могли действовать в природе, управлять ее силами; точно так же нельзя сказать, чтобы Закон Божий был неприложим к управлению силами природы, т. е. что первый из этих законов вполне естествен, а второй, вследствие своей противоположности первому, противоестествен. [...]

Природа в человеке достигла сознания коренных недостатков своего настоящего состояния и чрез него же силится перейти в высшее состояние. Это высшее состояние природы будет выражением Закона Божия, говорящего, хотя слабо, и в естественной совести человека как сознание недостатков настоящего состояния природы, как стремление к лучшему порядку вещей. Тогда как в откровении призыв к устройению иного, высшего порядка вещей мы слышим вполне ясно. В этом смысле Закон Божий никак не может быть названным законом противоестественным. И так как управляемая на основании этого закона природа достигнет высшего состояния, чем то, в котором она теперь, закон этот может

быть назван в этом смысле сверхъестественным. Но тем не менее вполне возможен, вполне для нас обязателен, несмотря ни на какие трудности, даже кажущуюся невозможность, невозможность потому, что высший настоящего порядок вещей, Царство закона Божия не может быть ограничено только настоящим, живущим поколением; не может быть ограничено также настоящим и будущим, а должно распространиться и на прошедшее. [...] Но почему Царство закона Божия не может выражаться вполне в одном живущем поколении?

Человечество, перенесшее утрату умерших поколений, доказало тем, что между ним нет той связи, какая существует между лицами Св. Троицы и создать которую призывает людей Спаситель. Когда связь с умершим уже потеряна, потеряна так давно, что думать о восстановлении ее представляется безумием, нельзя ли установить связь, которая требуется от нас Христом, только между живущими с исключением уже умерших. Но пока в нас существует еще хотя память об умерших, некоторая, даже самая, может быть, незначительная, нравственная с ними связь, по мере укрепления связи с живущими и наше чувство потери умерших будет усиливаться и наконец ляжет на нас такую тяжесть, что прежде чем дойдем до подобия Богу, мы будем ею подавлены, если не сумеем восстановить всех умерших. Если же мы дойдем до того, что никакой памяти даже не останется в нас об умерших, то мы потеряем сознание смертности.

Но хотя между людьми и нет такой связи, как между лицами Св. Троицы, между ними есть все-таки связь, связь кровная, — все они братья между собою, но забывшие своих отцов, по которым они братья; следовательно, люди, создавая свое единство, будут собственно восстанавливать его, как в памяти, так и в действительности, и окончательно это восстановление [будет] воскрешением всех умерших.

Соединение людей в общество, основанное на мире и любви, в общество, подобное Троице Богу, ведущее их к жизни вечной, к воскрешению всех прошедших поколений, составляет совершенную противоположность смерти, царствующей при господстве слепого закона природы; несмотря, однако, на это, нельзя сказать, чтобы закон воскрешения был противоположен силам природы, подчиняющимся теперь закону смерти, чтобы силы природы не могли подчинить ее закону воскрешения. Боязнь смерти, внушенная человеку самою же природою, сожаление об умерших, сознание смертности не указывают ли, что человеку не свойственна смерть; не указывает ли это на новый порядок вещей, который должен установиться чрез человека. Потеря сознания смертности, этой отличительной черты человека, обратила бы его в животное. Даже временное забвение этого сознания приводит к извращению человеческого существования, как мы видим это в европейской цивилизации, которая приняла своим лозунгом *memento vivere* и привела людей к Гартману. Тем сама природа указывает человеку, ведет его к расширению сознательного действия; оставив человека голым, она принудила его путем сознательного действия устроить себе одежды, жилище, приспособить пищу; точно так же, поместив у человека органы размножения в самом низком и скрытом месте, в противоположность растениям, у которых органы эти расположены на высшем месте и разукрашены самым привлекательным образом, наделив челове-

ка стыдливостью, в противоположность животным, заставляющей его скрывать как самые эти органы, так и отправления их, природа указывает, что бессознательное, совершаемое по слепому влечению природы рождение не составляет постоянной, всегдашней необходимости человека; этим, а также особенно трудностью совершения родов у человека и проч. природа как бы указывает, что он не обречен на безграничную плодовитость, необходимо влекущую за собою смерть, что избыток сил, обуславливающий сначала рост человека, а с возмужалостию его размножение, может быть употреблен иначе, на действие сознательное, на восстановление, которое, будучи противоположно и смерти, и рождению, упраздняет их.

Таким образом смерть и рождение относятся к воскрешению, как ныне существующее, ныне естественное, к будущему, существующему теперь в цели, в идеале, проекте, который может быть приведен в исполнение посредством тех же сил природы, которые существуют и ныне, но подчинены закону поглощения и борьбы, закону смерти. Из всего вышеизложенного ясно, в каком отношении находятся между собой Закон Божий и закон природы, т. е. бессознательный, слепой разгул сил природы, — последний есть средство к достижению первого. Этим разрешаются поставленные в начале вопросы, — школа не может быть светскою, в том смысле, как это определение делают, ни смешанною, т. е. такою, в которой преподается и Закон Божий, и светские науки независимо одни от других, — школа должна исполнить заповедь Спасителя «шедше, научите, крестяще», т. е. учить и устанавливать Закон Божий, употребляя для этого, как средство — силы природы. Таким образом, совпадая по своей цели с церковью, школа является необходимой ее принадлежностью, потому что только чрез школу могут прийти в церковь крещенные в младенчестве, а при тесной ее связи с церковью, всякая народная школа будет в то же время и школа приходская. При всякой приходской школе должны быть: 1. Вышка — для изучения сил природы; 2. Архив для хранения документов, касающихся истории края, и библиотека; 3. Фотография; 4. Больница; 5. Усыпальница; 6. Промышленные производства, соответствующие местным условиям, не отвлекающие от главного — земледелия и никак не производящие предметы роскоши¹⁶. Приходская школа должна развить в учащихся сознание смертности, поэтому каждый смертный случай должен дать ей повод к объяснению, что мы не м[не дописано.]

Н. П. ПЕТЕРСОН — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ¹⁷

29 марта 1878. Керенск

Черновое

Милостивый Государь Федор Михайлович!

Почти в начале моей рукописи ставится тот конечный идеал, к которому должен прийти человек и который осуществится лишь победою человека над смертью, и не достижением лишь бессмертия, но и восстановлением, воскрешением всех прошедших поколений. Идеал этот — Многоединство или всеединство (если так можно выразиться) человека, подобное Триединству Бога, всеединство, в котором не будет поглощена *личность*, но вместе с тем это будет и действительное, неразрывное единство; словом, идеал этот выражен в исповедуемом нами догмате о Троичности Божества, по которому при единстве Бог троичен в лицах и лица Его не сляянны, хотя и составляют одно. До сих пор догмат этот был не понят, кажется, как должно, и едва ли он может быть понят в настоящее время иначе, как идеал будущего, потому что в мире, как мы его видим теперь, нет единства там, где множество, и наоборот. Итак — ставя идеалом своим личность, которая не поглощалась бы единством, и единство, которое не нарушалось бы, несмотря на разность личностей, невозможно говорить ни о каком ином воскресении, кроме реального, действительного, личного, словом, такого, о котором говорит наша религия... Только нужно думать, что усвоенное всеми представление о неизбежности страшного суда едва ли справедливо, едва ли основано на верном понимании пророчеств Спасителя, Который между прочим сказал: «слушающий слово Мое и верующий в пославшего Меня имеет жизнь вечную; *и на суд не приходит*, но пришел от смерти в живот» (Иоан. 5, 24). Нужно думать, что пророчества о страшном суде должно принимать условно, как пророчество пророка Ионы, да и всякое пророчество, т. е. если мы не исполним заповеди Спасителя, не придем к единству, к которому Он призывает нас, то подвергнемся суду, если же исполним и достигнем нашего всеединства, тогда и на суд не придем, потому что уже пришли от смерти в живот...

Ваше письмо я пошлю Николаю Федоровичу Федорову, который возбудил во мне мысли, изложенные в моей рукописи. Год тому назад я имел о нем известие, он был тогда дежурным чиновником в читальном зале при Румянцевском музее в Москве. Мне известно также, что года два тому назад Н. Ф. хотел сам писать к В. С. Соловьеву¹⁸, но почему-то не сделал этого.

Н. П. ПЕТЕРСОН — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ¹⁹
14 марта 1881. Керенск

Милостивый Государь
Константин Петрович!

Событие 1-го марта заставляет меня обратиться к Вашему Высокочествованию с этим письмом. Всякий, кому дорого отечество, не может успокоиться лишь на том, что злодеи, лишившие нас Отца нашего, будут казнены. Необходимо глубокое исследование причин, порождающих злодеяния. При таком исследовании первым и кардинальным фактом является то, что злодеяние 1-го марта, как и все предшествовавшие ему, есть дело нашей интеллигенции вообще и нашей учащейся молодежи в особенности. Что бы там ни говорили наши газеты и журналы, для всякого искреннего человека несомненно, что оправдание Засулич, восторг при этом публики и литературы, убийство Мезенцева, Крапоткина, покушения на жизнь Дрентельна, Лорис-Меликова, события 2 апреля, 19 ноября, 5 февраля²⁰, невообразимое по своим последствиям событие 1-го марта и проч. и проч.; и рядом с этим множество самоубийств, — все это не действия отдельных безумцев, но действительный, настоящий плод жизни нашего интеллигентного общества, достаточно свидетельствующий, насколько здорова эта жизнь, какого доверия заслуживает это общество, из среды которого слышатся, однако, возгласы о доверии к нему даже и после 1-го марта, даже по поводу события, совершившегося в этот день. Для меня несомненно, что никакая власть не в силах уничтожить того зла, которое коренится в образе мыслей, и не к насилиям, не к строгостям взываю я, — этим в настоящем случае не поможешь; прежде всего необходимо, чтобы мы сознали, наконец, ненормальность нашей жизни, ненормальность того состояния, в котором находимся, в котором находится наша интеллигенция вообще и наша учащаяся молодежь в особенности, необходимо, чтобы сознали наконец, что то состояние, в котором мы находимся, и есть истинная причина события 1-го марта и предшествовавших ему.

Основное свойство нашей интеллигенции — это потеря смысла жизни, совершенная бесцельность существования, отсюда и самоубийства, отсюда и измышления самых невообразимых целей, и в том числе — измышление цели осчастливить людей экономическим равенством, материальным благосостоянием, которое, по невообразимой путанице понятий, превозносится превыше всего, превыше чужой и собственной жизни, превыше тех, кого этими благами хотят осчастливить. Такая путаница понятий происходит прежде всего, конечно, от потери веры, от забвения завета отцов — Божественного Завета, и затем от того, что наша учащаяся молодежь оставлена на произвол судьбы, оставлена праздности, лишена всякого руководства. Студент университета может ограничиться одним заучиванием перед экзаменами лекций и окончить курс совершенным невеждой, как это в большинстве случаев и бывает. Необходимо преобразование университетов (понимая под этим именем вообще высшие школы), и преобразование это должно состоять в превращении лекций в занятия учащихся под руководством профессоров в библиотеках, в помещениях коллекций и собраний археологических, палеографических, этнографиче-

ских и т. п., в лабораториях, физических кабинетах и вообще в музее. И в настоящее время Университеты устраивают у себя и библиотеки, и различные коллекции и собрания, но все это ни в какое сравнение с музеем идти не может, и устраивается при Университетах как какой-то не имеющий существенного значения придаток, занятия же в этих учреждениях для студентов не обязательны и происходят без всякого руководства со стороны профессоров; поэтому-то в библиотеках нередко собирались не для занятий, а для сходок; тогда как для большинства студентов и при самостоятельных занятиях необходимы руководство, помощь профессора, и при такой помощи многие из тех, которые в настоящее время кончают курс никуда не годными, развили бы свои силы (и быть может немалые) на пользу общую.

Наши высшие школы — университеты — развились не на нашей почве, и мы уже успели испробовать все возможные системы школ — английские, французские, немецкие и проч., и ни одна из этих систем не дала нам возможности предложить учащейся молодежи ничего, что бы удовлетворяло ее истинным потребностям, что давало бы исход, должное направление ее силам; и если силы нашей молодежи, оставленной на произвол судьбы, находят приложение в явлениях в высшей степени ненормальных, ненормальность которых имеет все градации от смешного до ужасного, винить в этом прежде всего мы должны себя, наше совершенное неумение создать что-либо свое, нам пригодное; наше отвращение к самостоятельному труду дошло до того, что утверждают даже, будто ничего своего, нашего собственного, чего бы не выдумали раньше нас немцы, французы и проч., не только нет, но и быть не может. А между тем стоило бы только посознательнее отнестись к тому, что мы заимствуем у этих иностранцев, и мы увидели бы, что перенятая, например, нами у них высшая школа и там, у себя дома, была не произведением обдуманного плана, а родилась сама собою, можно сказать, бессознательно; только этим и можно объяснить, почему явились разьединенными такие образовательные учреждения, которые, чтобы произвести надлежащее, образовательное действие, необходимо должны быть соединены, весь смысл которых в соединении, так как отделение университета, или вообще высшей школы, а также ученых обществ от музея (разумея под музеем библиотеки, археологические, этнографические и т. п. коллекции и собрания) производит то, что библиотеки и все эти коллекции и собрания бесполезны, потому что при них нет руководителей, число же необходимых при них руководителей *должно* равняться всем профессорам и ученым различных специальностей. Иначе сказать — Музей (в Москве — Румянцевский, Оружейная Палата, Архив Министерства Иностранных дел и проч., в Петербурге — Императорская Публичная Библиотека, Эрмитаж и проч.), чтобы приносить возможную пользу, должен быть соединен с Университетом и учеными обществами. Такое соединение необходимо и для Университета в видах того, чтобы университетское преподавание было не чтением и слушанием лекций, сообщающих только общие взгляды и так же мало действующих, как проповедь, а самостоятельною под руководством профессоров и ученых работою учащихся. (Это и есть гевристический способ.) При таком преобразовании профессора будут библиотекарями относящихся до их предмета отделов библиотеки, хранителями различных коллекций, собраний, руководителями сту-

дентов в их занятиях; студенты же будут помощниками профессоров — библиотекарей и хранителей различных коллекций, обязанности по должности таких помощников поставят студентов в необходимость составлять каталоги, указатели и всякие такого рода пособия; и все эти занятия должны быть систематически разделены между студентами. При таком устройстве Университета-Музея совокупность профессоров и студентов представит живую библиотеку, живой музей, в котором не останется ни одной книги, ни одного предмета незнаемым, без употребления; и это даст такое движение, такой полет науке и жизни, возможность которого, быть может, до сих пор и не подозревали; а вместе с тем такие совместные занятия профессоров и студентов избавят первых от необходимости составлять красноречивые лекции, а последних слушать то, что они могут прочитать в книгах, из которых составляются лекции. При таком устройстве профессора будут патриархально руководить студентами в их занятиях, что, избавив тех и других от напрасной во многих случаях траты времени, установит между ними сердечные отношения, уничтожит самый неестественнейший из антагонизмов, антагонизм между старшим и младшим поколениями, уничтожит партии *отцов и детей*.

Пределы письма не позволяют развить мысли, заключающейся в сделанном здесь намеке на желательное преобразование университета и вообще нашей высшей школы, которая после события 1-го марта не может быть оставлена, было бы преступно оставлять ее в прежнем виде, — но если бы Вашему Высокопревосходительству угодно было выслушать меня, то смею надеяться, Вы признали бы, что этим преобразованием было бы положено начало не только нравственному, но и социальному, политическому и экономическому переустройству общества, что таким преобразованием Университета было бы положено начало созиданию человеческого общества по образу, данному нам в учении о Святой Троице, по которому единство не уничтожает, не поглощает самостоятельности личностей и самостоятельные личности не разрывают единства; в учении о Св. Троице представлено идеально именно то, к чему стремится человечество и не может достигнуть, т. е. чтобы личность не была поглощена, и вместе — чтобы личности пребывали в полном единстве, были *«едино»*: «Да будут все едино, — как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21).

В газетах передавали, что Ваше Высокопревосходительство приняли на себя труд разобрать бумаги Ф. М. Достоевского²¹; если это так и если Вы найдете заслуживающими внимания высказанные здесь мысли, то не сочтете ли возможным отыскать в бумагах Федора Михайловича рукопись, которую я отправил к нему в последней трети прошлого года; эта рукопись могла бы отчасти осветить то, что заключается в этом письме; я говорю *отчасти*, потому что эта рукопись есть только начало довольно обширного и не вполне еще законченного труда²²; но если бы Вас заинтересовала та тетрадка, которая должна найтись в бумагах Федора Михайловича, я мог бы выслать еще тетрадку, которая гораздо определеннее выражает мысли, заключающиеся как в этом письме, так и в рукописи, посланной Федору Михайловичу. Должно заметить, что в 1877 году я посылал Федору Михайловичу небольшую рукопись²³, которая так его заинтересовала, что он прислал мне большое письмо от 24 марта 1878 года,

в котором говорит, что мысли, изложенные в этой рукописи, он «прочел как бы [за] свои», и вместе с тем задает несколько вопросов; тетрадка, посланная мною ему в конце прошлого года, есть собственно начало, предисловие к тому труду, который будет ответом на заданные им вопросы. Письмо Достоевского ко мне я надеюсь предпослать труду, начало которому хотя и было положено более десяти лет тому назад, но который в том виде, как теперь, имел ближайшим поводом это письмо.

Только глубокое уважение к Вашей научной и общественной деятельности внушило мне смелость обратиться к Вашему Высокопревосходительству с этим письмом.

Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга

Н. Петерсон.

1881 года,

14 марта.

Адрес мой: В г. Керенск, Пензенской губернии. Н. П. Петерсону. Секретарю Съезда Мировых Судей.

ВОСПОМИНАНИЯ (фрагменты)

<1885>

24 июня. Вчера я приехал в Ясную Поляну. Сегодня видел ее всю и всех ее обитателей.

За чаем толковал с Л. Н. и Татьяной Андреевной¹ о воскрешении Николая Федоровича. Это воскрешение Л. Н. сопоставил с теорией брата своего Сергея Н-ча², которая заключается в том, что мир состоит из частиц, изменяющих формы своего сочетания в бесконечности пространства и времени, и что, следовательно, возможна и такая комбинация, что раз уничтожившееся снова придет в прежнюю форму. Разница та, что у Николая Федоровича все предоставляется сознательной деятельности человечества, а у Сергея Николаевича — простому процессу.

[...]

5 июля. Видел купца-раскольника, приехавшего к Л. Н., который толковал ему об «Учении двенадцати апостолов»³.

Лев Николаевич косил часа два. Я наблюдал за ним из-за деревьев, когда он уже кончил: положил брусок в брусницу, вскинул по-мужицки на плечо косу и тихо, задумчиво направился домой. Я вышел, он меня увидал.

— А я только что думал о том, что скоро придется умирать, — сказал он. — Хороша смерть, когда жил не как мы, которые наедаемся Бог знает до чего, в то время, как другим нечего есть.

Он вспомнил о Н. Ф-че, как он живет. Он уважает, любит его больше всякого и удивляется, что тот от него отшатывается.

— Н. Ф-ч говорит, что между людьми братства потому нет, что нет общего дела; будь оно, было бы и братство; делом этим он считает воскрешение. Я же говорю, что братство может быть и без общего дела, пожалуй, просто вследствие того ужаса нашего положения, который есть прямой результат отсутствия братства. Он этого не хочет понять. У него есть пункт помешательства, которого у меня, должно быть, нет. Я ему говорил: поставьте вы общее дело целью, не определяя его точно... Но с философской точки зрения его построение правильно, он прав, ставя человечеству такую задачу, если только отодвигать ее исполнение в бесконечность времени.

[...]

[После рассказа о посещении Л. Н. Толстого в Москве в конце ноября 1885:]

Затем я Л. Н. не видал до начала января 1886 г. Попал я к Толстым случайно.

У них был В. Ф. Орлов и Ге — отец и сын⁴. Л. Н. познакомил меня сейчас же с обоими. Ге-отец был старый, лысый человек, с блестящими глазами, сухой и тонкий. В тот вечер он страдал флюсом — подбородок был укутан шарфом.

Когда мы уселись, Л. Н. спросил, давно ли я видел Николая Федоровича Федорова. Я сказал, что давно.

— А он нынче, как я слышал, у Пругавина⁵, собрались читать статью Льва Толстого «Наука и искусство»⁶, о которой я понятия не имею. Но мне все-таки интересно было бы знать его мнение, потому что оно мне дорого.

[...]

Толстых потом я не видал долго, зато о Л. Н.-че приходилось и беседовать и слышать постоянно.

В конце февраля я был у Н. Ф.-ча Федорова и прочел ему Толстовскую сказку⁷. Н. Ф.-ча она возмутила.

— Кто хочет того, что предлагает Толстой, тот не любит людей, — говорил он. — В Толстом и есть такая ненависть к людям... Нового сказка мне ничего не дала — тут только все его взгляды, все, о чем он писал и пишет. В сказке все — колоссальная ложь. Так нельзя говорить про умственный труд. Сам он никогда его не знал — писал он и пишет, только когда ему придет фантазия⁸. Это не труд — в труде есть доля принуждения. Разве ученые не устают, не живут на чердаках, не нуждаются? Разве наука уж так-таки и не сделала ничего? Он где-то в своих сочинениях говорит, что с доисторических времен не прибавилось ни одного хлебного растения⁹. Я справлялся, и оказалось — вздор: он даже не дал себе труда проверить, правда ли то, что он сказал. Если отнести написанное к его последним произведениям, тогда — я согласен — он прав, потому что небрежен он в них ужасно... Относительно воинской повинности, науки, из того, что он рекомендует в сказке и других произведениях, я знаю, что ничего не выйдет. И потом, все отрицая так, что делает он сам? Шьет сапоги. Я видел эти сапоги у Фета¹⁰ — сшито изящно, так что я таких сапог не ношу. А на выставке сам же мне говорил: динамитцу бы сюда! — на выставке, где его сапоги могли бы получить премию за изящество работы! Я помню, он как-то пришел к нам в библиотеку и пожалел, что еще не случилось в ней пожара, а сам берет из нее книги!¹¹ Где же тут любовь? Кто не любит тех, кого он видит, а говорит, что любит тех, кого не видит, тот ненавидит всех¹². — Он знает отлично это место в писании Иоанна. Сам он принадлежит к известному классу и потому его ненавидит. Пишет и говорит он всегда без отношения к последствиям. Что из его слов выйдет, это не его дело. Прочитав сказку, что же остается делать каждому из нас? Покончить с собой — это будет, по крайней мере, честно. Так нельзя, я знаю, что так нельзя ничего сделать. Во всей сказке колоссальная ложь, и Толстой остался Толстым.

Н. Ф-ч волновался, горячился, был возмущен так, как я никогда еще не видал.

Недели через две я был у него опять, и он мне опять заговорил про сказку.

— Нельзя так относиться к умственному труду. Разве при земледелии его нет? До земледельческого периода народы жили кочевой жизнью (по крайней мере, я иначе и представить себе не могу предшествовавшего земледелию периода), а разве для перехода к земледелию не надо было умственного труда? В одном из сочинений он с насмешкой говорит о спектральном анализе¹³. По моему, это — величайшее торжество человеческого ума. Правда, непосредственной пользы от него мы не видим, но и за всем тем можно ли так легко о том говорить? Я уверен, что о спектральном анализе он не прочел ни одной книжки и не знает о нем почти ничего! Да и можно ли так легко судить и о воинской повинности? У него выходит так, как будто бы Тарас и Семен сделались — один купцом, другой солдатом по своей прихоти. А из истории мы знаем, что это не так: не по своей прихоти, а по необходимости основался город — надобно было защищаться, например, нам, от кочевников. Вспомните Мономаха. Город давал народу убежище. В Евангелии, в начале, есть место — воины приходят к Иоанну Крестителю и спрашивают: что нам делать?¹⁴ Теперь, при всеобщей воинской повинности мы все стали воинами и все должны спросить, как в Евангелии: что нам делать? С этой стороны воинская повинность хороша: она поведет к громадным результатам!

— Если принять ее, значит принять и все, что из этого вытекает, — сказал я: я стал в ряды — убивать ли мне турка или дать турку возможность убить меня?¹⁵ Как тут быть?

— Это, действительно, вопрос, имеющий право на существование, — отвечал Н. Ф-ч, но не сказав ничего в ответ прямо, продолжал:

— Мы думаем, что война только на войне; нет, мы все ежеминутно ведем войну, да еще поядовитее той настоящей, которая есть только следствие этой нашей войны. Не будет этой войны, не будет и той. Нельзя так решать эти вопросы, а если и можно, то разве в сказке. Я помню то место, где дураки зовут своих врагов к себе жить. Признаюсь, оно поразило меня своей несообразностью — где ж теперь это может быть? Места и так-то уж становится мало, а они зовут к себе жить! У нас в городе в Рязанской губернии за десять лет заселили и запахали все луга, где бывало паслись стада гусей. В Китае — я вам говорил, кажется — дошло до того, что жить негде, людьми не дорожат — когда тонет судно, бросаются спасать не людей, а товар, а тут зовут к себе жить! Да вспомнил, что ведь это сказка — ну, и ничего, стало понятно все. И всякий, у кого есть разум, прочитав это произведение, скажет: да ведь это сказка! Нельзя так легко решать эти вопросы — они слишком серьезны!

В своей *«В чем моя вера»* он говорит — в защиту крепостного права, сказать по правде, — что негодную лошадь и ту кормят, а уж человека-то кормить будут¹⁶. А я скажу, что в Китае люди на коленях, с инструментами в руках, просят — да не милостыни, а работы, и ее нет!¹⁷ Я скажу, что на о. Кубе плантаторы, напр<имер>, рассчитывают, что выгодней — заморить ли работой людей, чтобы скорей убрать жатву, или потерять такую-то сумму. Да и лошадь,

коли она станет негодна, так в Голландии, напр<имер>, ей открывают жилы и для удобрения земли ее кровью водят по полю до тех пор, пока она не издохнет. Это только и мог написать крепостник. А его правило *Не противься злу* — я ему не раз говорил это — разве не защита крепостного права? Что ж тогда будет с освобождением крестьян? Нельзя так легко говорить обо всем этом. И в конце концов что же выходит из сказки? Она даже не dokonчена. Как будут жить в Ивановом царстве, что должно сделаться с Семеном? Ему остается, по моему, одно — покончить с собой, что мы часто и видим!

Я сказал, что Толстой не разделяет пессимистических взглядов на будущее — Мальтуса он решительно отвергает¹⁸.

— Мальтуса можно отвергать только тогда, когда хочешь закрыть глаза на будущее, а оно так явно! Население всюду растет, и самые войны становятся регуляцией его излишка, потому что земля должна же иметь предел в своей производительности и пространстве.

— Это ужасно, — сказал я, — но неужели нет средства поправить дело?

— Средство есть, да долго говорить о нем; только оно не так просто, как думает Толстой... А эти картинки *«Девчонки умнее стариков»*¹⁹ — что это такое? У нас уж и так стариков-то мало уважают, а тут это непохвальное отношение еще поощряют картинками! У нас молодые люди какие? Просто все министры. Пришлют к нам в библиотеке записку — эксперта нужно разбирать! И название книги написано не так, и почерк неразборчивый... Наполеон, когда был капитаном, писал еще сносно, можно было разбирать, но когда стал императором, начал так писать, что только очень немногие, да и то с трудом, могли разбирать его руку. А эти и не Наполеоны, — а уж пишут, как Наполеон!..

Прежнее заглавие толстовской *«Исповеди»* было *«Что такое я?»*²⁰, — продолжал Н. Ф-ч, — хорошо, что после он изменил. Озаглавить *«Что такое мы?»* — это я понимаю; но *«Что такое я?»* — по моему, это уж не очень хорошо. Раз я просил у него для нашей библиотеки рукописи *«Войны и мира»*. Графиня обещала²¹, но он сказал: «что нам толковать об этом!» Признаюсь, это нам очень его характеризует: он хочет как будто выделить себя из всех других людей — так они кажутся ему ничтожны!

Недавно я читал книгу Ольденбурга о Будде²². Мне так Будда стал понятен именно потому, что я знаю Толстого. Он думает, что он христианин, но в нем христианского ничего нет. Нет ничего противоположнее христианству, чем буддизм. Подумайте — один был плотник, вышел из народа, все испытал на себе; другой был царский сын — все ему наскучило, нирвану, пресыщение всем и пустоту он уже носил в самом себе. Отсюда разница в конце. Я понимаю — Христу было что сказать ученикам в прощальной беседе, но Будде что было сказать? Молитва в Гефсиманском саду у Христа, а у Будды этого нет. Философия мало утешает людей — мы знаем, а пример — Христос недаром сказал: «я пребуду с Вами до скончания века»²³ — действует. Я по своему опыту знаю, что всего более действуют на людей последние страницы Евангелия, а у Будды таких страниц нет. Он уже в себе носил нирвану; ему прискучило все, он только и ждал: скоро ли я уйду от вас. В Евангелии не то, и Толстой именно буддист. Раз Будда встретил женщину, которая была довольна всем — и ребенок у ней был здоров, и муж ее любил. Будда сказал: вот че-

ловек, которому следует подражать! В другой раз он опять встретил женщину — которая была недовольна тем, что ребенок ее нездоров. Будда ей сказал, что ребенок выздоровеет, если она возьмет рису из дома, где не было покойника. Но такого дома не нашлось. Значит, желание ее, чтобы ребенок был здоров, было побольше всяких других желаний — напр<имер> сделаться богатым, славным... Будда не заметил, что это была та же самая женщина, только в разных обстоятельствах. Значит, нельзя было ее и ставить примером²⁴. А Толстой именно это и делает, указывая на простых людей, хотя желания их часто далеко не исполнимы.

В статье, помещенной в «Русск<ом> богатстве»²⁵, он говорит, между прочим, что семья — благо, но я иногда думаю, что он далеко не всегда признает семью благом... Далее он говорит, что счастье есть труд. Но какое счастье труд и для кого? Всякий знает, что это необходимость. Потом, по его мнению, благо — безболезненная смерть. Но безболезненная смерть — или бессмыслица, или случайность. Если кого убьет грозой, эта случайная смерть есть и безболезненная, а другой нет — мы в себе носим смерть: сначала она — представление, потом с годами — ощущение, как у меня. Значит, болезнь эта есть — что же тут говорить о безболезненности? Он сам мне раз сказал: мужик крякнет, и то пойдет ему в счет.

— Много хорошего в Зенд-Авесте, — сказал мне Н. Ф-ч., прощаясь, — но много и плохого. Хороша, напр<имер>, в ней молитва не *причти нас к праведным*, как у нас, а *сделай нас участниками в общем деле!* Но много в этой религии и трусливого — боязнь прикоснуться к трупам, откуда будто бы вылетают зловредные духи. Эти духи — наши микробы...²⁶ В последней книге Агуромазда точно теряет точку опоры, точно ищет опоры у Аримана Иеша — по-моему, Иисуса²⁷. Где же еще искать?..

В мае я опять видел Н. Ф-ча, и мы опять разговорились о Толстом. Он и в этот раз сильно осуждал его последние произведения.

— Хорошо, что у него самого слово расходится с делом, но каково тем, которые верят в него и у которых слово и дело одно и то же? Если принять все его крайне протестантские мнения, то коли человек последователен, остаётся одно — покончить с собой, что какой-то из его последователей и сделал²⁸.

Я сказал, что другой угодил в Закаспийский край²⁹, — Толстой, узнав об этом, плакал.

— Как это он плакал? Ведь он человек нельзя сказать чтобы чувствительный. Он лицемер и лгун — я это в глаза скажу ему! Как же? Сам же обещал дать нам в библиотеку рукопись «*Анны Карениной*», а потом стал отпираться, говорить, что не обещал. Я было сам затеял это дело, привел его к человеку, который заведует у нас рукописями³⁰; Толстой и ему сказал, что даст, говорила это при мне и графиня, а потом он стал говорить, что не обещал. Можно сказать, что хотя и обещал, но не даст — это я понимаю, но говорить, что не обещал, хотя сам же обещал — это значит лгать, и он лгун, я в глаза ему скажу! И меня-то после этого стали считать обманщиком — мало того, тот, кто заведует рукописным отделом, слышал его обещание, а теперь, услышав, что Толстой отрекается от своих слов, начал сам верить, что Толстой не обещал, а что врал я: помилуйте, как же не верить Толстому? Словом, этот

человек до такой степени не самостоятелен, до такой степени дрянь, что даже не верит тому, что сам слышал, а верит словам Толстого!

Особенно возмущали Н. Ф-ча толстовские «*Церковь и государство*»³¹, а о сказках он говорил, что читая их, чувствуешь, что в них есть что-то как будто народное и в то же время народного нет ничего... Толстовские мнения — крайний протестантизм; он под видом любви проповедует в сущности рознь — общего тут ничего нет. — «У нас и так-то уж все идут в разброд, а он еще подливает масла в огонь!»

Вероятно, разговор о рукописях Толстого и был причиной того, что я в тот же день вечером заходил к Толстым, видел графиню и говорил с ней про обещание Л. Н-ча отдать рукопись «*Анны Карениной*» в Румянцевский музей. Графиня сказала, что отдать всегда готова на сохранение — все равно едят же их мыши в сарае, — но с тем, чтобы не лишаться никаких на них прав. — «Я никогда, конечно, не сделаю такой подлости, чтобы продать, напр<имер>, рукопись «*Анны Карениной*», положим, за 10 000, но прав на нее лишиться все-таки не хочу. Пускай они сохраняются в музее, лишь бы я имела право взять их по первому моему требованию. Не знаю, как здесь, а в Петербурге, раз отдавши в библиотеку рукопись, вы лишаетесь на нее всяких прав, а я этого не хочу! Очень может быть, что я и не потребую их никогда, это даже наверно, но право пускай будет за мной — взять их по первому моему требованию... Какая я прежде была дура! Двадцатилетней девчонкой я не понимала, что рукописи Л. Н-ча составляют драгоценность. Бывало, говорю мужу: Левочка, теперь я переписала, а то можно бросить? Он, бывало, деликатно мне скажет: нет, зачем же бросать — пусть лежат... Их теперь набралось страшно много. Пускай берут на сохранение, но лишь на таких условиях — так им и скажите!»

Она кликнула лакея, велела принести полный экземпляр сочинений Л. Н-ча³² и подарила мне: «Это вам — я рада, что исполняю свое обещание!»

— Я сколько ни читаю Толстого, — говорил мне вскоре после моего свидания с графиней Н. Ф-ч, — всегда думаю, что истина не то, что написано им, а как раз наоборот. Вот подите ж! Его учение о непротивлении злу есть нечто такое, с чем я никак не могу согласиться... А его последние произведения — в них тон как будто народный и в то же время есть что-то такое, что прямо ненародно³³. Например, «*Кающийся грешник*»³⁴ — что это такое? Скорей можно было бы озаглавить «*Сознающий свое достоинство праведник*». Право, все его последователи просто какие-то бараны, о которых он, как вы говорили, плакал, но слезы эти понятны...

По мнению его, у всякого свой особый смысл жизни, а общего смысла никакого нет. Отсюда вместо общения, любви он в конце концов проповедует рознь и думает, что он только нашел истину и владеет ею.

Иван Ильич, — продолжал Н. Ф-ч, коснувшись повести Толстого, — умирает и, умирая, уверяется, что смерти нет³⁵, — по-толстовски это вот что значит: если что есть неразрушимого в человеке, это — ничто, а ничто, разуме-

ется, не может разрушиться — стало быть, смерти нет. Вот, по-моему, как надо понимать последние слова этой повести!

Видимо, хранителю рукописного отделения Лебедеву хотелось залучить рукописи Толстого в Музей. Мы с ним скоро увиделись у Н. Ф-ча. Первый мой вопрос был, какие условия принятия *всех* рукописей Толстого со стороны Музея. Лебедев ответил, что никаких или такие, каких пожелает сама графиня. Я ей на другой день сказал об этом. Она согласилась, сказала, что завтра, 11-го мая, она уезжает в деревню, а рукописи обещала привезти в августе.

Конечно, в Музее этому были рады. Лебедев обещал даже написать условия в двух видах — просто ли отдать на хранение, так чтобы Музей рукописей на касался, или же отдать с тем, чтобы, не касаясь прав на рукописи, привести их в порядок. Я обещал передать эти условия, когда буду в Ясной Поляне, куда пригласила меня графиня.

Н. Ф-ч потом передал мне и самые условия, или, вернее, два формальные, написанные Лебедевым прошения. Я просил, чтобы к графине написали что-нибудь и в роде письма, а то она может обидеться.

Н. Ф-ч спросил, когда я поеду. — «Вам он опять пришлет, как в прошлом году, письмо!» Я сказал, что письмо было не от него, а от графини — письма писать, по его словам, он не любит, и не отвечать на письма не считает грехом.

— Он многого вообще не считает грехом, — сказал Н. Ф-ч, — он не думает, что другие этим обижаются. Барсуков, например, библиограф, который написал биографию Строева³⁶, очень обижается, что Л. Н-ч ему не ответил. Он писал к историку Соловьеву³⁷, получил от него ответ, был очень этим доволен, носился с ним, всем показывал, — а тут вдруг ничего!

Я сказал, что Толстой, может быть, потому-то иногда и не отвечает, что из его писем часто делают то, что ему не нравится, — показывают их, хвалятся ими.

— Что бы вам вздумать написать, как писалось его евангелие³⁸, ведь это была бы драгоценность! — сказал мне Н. Ф-ч.

Я выразил сожаление, что вовремя не записывал того, что видел и слышал, а теперь боюсь приняться: не будет той живости, свежести, которая свойственна только тому, что записано сейчас же на месте.

— Удивительно, — продолжал Н. Ф-ч: у него зачастую нет совсем того, что есть в евангелии, и наоборот — есть то, чего там нет. Отчего, напр<имер>, у него пропущена заповедь о том, чтобы отдавать не только верхнюю, но и исподнюю одежду, — ведь в евангелии она есть? Я не знаю, зачем он старался выбирать из евангелия только то, что подходит под его систему³⁹. Соловьев⁴⁰ раз при мне совершенно правильно ему заметил, что выбирать из евангелия, что ему нравится, незачем — все это он может найти в буддизме.

— Он как-то не признает исторической жизни человечества, — продолжал Н. Ф-ч, — по его мнению выходит так: индивидуум есть только, пока он его видит, а если не видит, если его тут при нем нет, для него он и не существует. По-моему, в этом отношении самое малейшее существо, одаренное только ощущением, полипоид, и то выше его по своему кругозору!

Далее почему-то разговор зашел о книге Иова.

— Л. Н-ч говорит, что в ней лучше, чем где-нибудь, поставлен ребром вопрос о том, как могут праведники страдать, а грешники наслаждаться, — сказал я.

— Это неправда, этот вопрос затрагивается не в одной книге Иова! Но и это не хорошо, что он затрагивается. Грешник живет припеваючи, а праведник страдает — такое отношение к грешнику происходит от зависти. Правильней было бы вовсе не затрагивать этого вопроса. Грешники наслаждаются — ну и слава Богу, хорошо, что хоть им-то от этого лучше... Это только и может происходить от зависти!

Он просил меня перевести ему некоторые места из евангелия Иоанна потолстовски, не согласился, что Иоанн вообще темен, сказал, что напротив, общий смысл его ясен и необыкновенно высок. — «Толстой смеется над Троицей; она — хоть так и не названа — является впервые у Иоанна и, по-моему, имеет глубокий смысл: «Я в Отце, и Отец во Мне и тии»⁴¹ и т. д. Это — единение всех людей, братство. Здесь догмат уже переходит в заповедь. У Иоанна единение людей всюду, а в приведенных словах и в словах «и будет едино стадо и един пастырь»⁴² оно выступает с особенной ясностью. Проповедуя рознь людей, Толстой, конечно, не понимает и сущности догмата Троицы и оттого его отвергает.

Толковали мы в Музее и домой пошли вместе. Дорогой я сказал, что в книге Симеона «История Серпухова»⁴³ я нашел кое-какие указания о моих предках — их можно проследить, пожалуй, до Смутного времени. — «Их можно проследить и после эпохи Петра, — сказал Н. Ф-ч, — справьтесь в Писцовых книгах⁴⁴. По-моему, каждый учитель должен быть историком своего уголка. Это даже давало бы ему некоторое преимущество, случись, напр<имер>, какому-нибудь Соловьеву заехать в захолустье; нельзя же в самом деле Соловьеву знать историю всякого города или местечка. Это, по-моему, великое дело, и с этой точки зрения место где-нибудь в глуши куда важнее места в Москве! Да что! Это, по-моему, религия, священнейшая обязанность каждого быть историком своего места — города, местечка, села или рода. Я иной религии, выше этой, не знаю!

Мы поравнялись со сквером храма Спасителя. Я предложил было ему зайти в храм, но он отказался. — «Не люблю я его, не люблю голых стен, точно в магометанской мечети. Я признаю только византийское искусство, а это для меня — ничего!»

Недели через две мне случилось быть в Музее. Н. Ф-ч показывал литографированную книгу Вильяма Фрея «Переписка и личные сношения со Л. Н. Т<олстым>»⁴⁵. Кажется, еще в январе я видел ее у Толстых, мне ее показывал В. Ф. Орлов. Должно быть, она и тогда мало заинтересовала меня. — «Это что-то ребяческое!» — сказал и Н. Ф-ч.

Затем явился Бирюков⁴⁶ с просьбой от Л. Н-ча разыскать книжку о Даниле Ачинском⁴⁷, который в 1812 г. был фельдфебелем, отказался от службы, был сослан на каторгу в Сибирь и после каторги жил на поселении, работая по ночам на других. Книжку эту когда-то читал сам Л. Н-ч, она была с картинкой, изображавшей Данилу.

Н. Ф-ч, как только услышал о фельдфебеле, отказавшемся от службы, усмехнулся и сказал: «Л. Н-чу непременно надо вынудить правительство на крутые меры!» — но стал искать всюду по каталогам, руководствуясь письмом Толстого, из которого — правду сказать, — нельзя было извлечь никаких указаний, в чем сознался и Бирюков.

Из библиотеки я пошел вместе с Бирюковым, потому что нам было по дороге. Он говорил, что едет в Ясную Поляну, а оттуда в Киев — по-малорусски переведена одна вещь Л. Н-ча, так надо туда по делам; спрашивал о «*Яне Гусе*»⁴⁸ — хотелось бы для их издания, сказал, что «*Первый винокур*»⁴⁹ напечатан и продано уже тысяч пятьдесят — написал его Л. Н-ч будто бы в одно утро по предложению какого-то, кажется, балаганщика, который так и не явился за пьесой; она разрешена театральной цензурой и скоро пойдет в Петербурге в каком-то народном театре.

Снабженный письмом к графине и условиями, которые написал Лебедев от ее имени, я 22-го июня был уже в Туле.

В Ясную Поляну я ехал на извозчике. Дорога прелестная — сначала идет по местности холмистой, а потом начинаются леса — самая засека. Светло-зеленые поля, темно-зеленый лес, тишь, от которой я уж отвык в Москве, благоухание... Я не узнал полей — в прошлом году они были сухи и серы, в этом благодаря дождям — свежи и зелены: овсы были чуть не по колено, рожь — по плечо, трава — по пояс.

Выехав из Тулы, я вдруг ощутил знакомую неловкость — в Басове даже велел остановиться в трактире попить чайку; но в 10 часов все-таки приехал в Ясную Поляну.

Подъезжаю к дому — никого нет. Я стал отдавать извозчику деньги — Л. Н-ч появился вдруг, точно из земли вырос.

— Иван Михалыч! Вот хорошо, что приехали. Как я рад!

Видно было, что он и точно рад.

— Пойдемте чай пить, наши еще не встали.

Я прошел в комнату сыновей, повидался сначала с ними. Когда я пришел в залу, Л. Н-ч сидел за самоваром — один.

— А вы несчастные все в Москве, — сказал он, — как поживаете? что ваши, как матушка?

У меня все было благополучно. Я в свою очередь спросил, как все у них, как он.

— Я сейчас кое-что написал — написал то, что нужно, и чувствую себя хорошо. Написать, когда является расположение, это не то, что дай-ка сяду да стану сочинять, — отвечал он мне.

Я сказал, что у меня есть письмо к графине насчет ее рукописей, что Н. Ф-ч будет крайне рад, если графиня и он согласится отдать их на хранение в музей.

— Я очень рад сделать Н. Ф-чу приятное, а Софья Андреевна тоже согласна...

На этом разговор о рукописях и кончился. Мы заговорили о Даниле Ачинском. Л. Н-ч сказал, что не знает, куда девались у него книги, которые

он собирал; между ними было и это житие с грубым изображением самого Данилы.

— Были, знаете, такие жития разных людей, не признанных церковью, и житий таких было много. Я помню, я их собирал... Надо мне спросить в Туле — там есть один, который тоже занимался собиранием их... Н. Ф-ч, — продолжал он, — за что он на меня сердится? Он высокого разбора души человек — но сектант. Что не подходит под его теорию воскресения, то он знать не хочет. Он — сектант, но человек, каких ужасно мало. [...]

[Далее следует текст о пребывании И. М. Ивакина в Ясной Поляне 22–24 июня 1886 г., опубликованный в «Литературном наследстве», Т. 69, с. II, с. 83–93. И. М. Ивакин рассказывает об увлечении Толстого крестьянским трудом, его ежедневных пребываниях на покосах, где он косил до изнеможения, об участии в сенокосе всех взрослых членов семей Толстых и Кузьминских, о разногласиях между Толстым и членами его семьи по поводу собственности, барского образа жизни, вегетарианства и т. д. Ивакин пишет о тягостном впечатлении, которое произвело на него мрачное, по его мнению, настроение Толстого. Много рассказывается об Исааке Файнермане, в то время фанатичном последователе Толстого, жившем в 1886–1887 гг. в Ясной Поляне и работавшем бесплатно для всех, кто звал его.]

В. Ф. Орлов, приехавший в Ясную Поляну днем позже, рассказывал об устройстве земледельческой интеллигентской колонии на Кавказе, на земле, принадлежавшей К. М. Сибирякову. Между прочим, Орлов заметил, «...что косить так, как косит Л. П., значит убивать себя, оттого-то он и стал такой черный, истощенный, это вместо дела значит выдумывать себе дело, чтобы заглушить внутренние страдания, в чем сознается и сам он: «когда работаешь, все забываешь». В беседах И. М. Ивакина и В. Ф. Орлова усиливаются критические ноты по отношению к образу мысли и жизни писателя: «Я прямо ему сказал, что в Ясной Поляне сами плохо знают, как жить, и напрасно приходят в нее люди с вопросом, как жить». Сойдясь в осуждении тогдашнего настроения Толстого, И. М. Ивакин и В. Ф. Орлов решили уехать из Ясной Поляны как можно быстрее. Последние слова опубликованного текста: «И мы ушли из Ясной Поляны». За этим в рукописи следует:]

Мне было грустно. Точно какой-то червяк сидел внутри меня и глодал. Грустно было, что Л. Н. стал таким, каким я его нашел, — мрачным, менее общительным, более суровым, молчаливо осуждающим. Думалось, что Фей[н]ерман тут немало подействовал, хоть и невольно... Мне грустно было и то, что невольно и я, быть может, огорчил Л. Н-ча, открыто высказал свой взгляд на их косьбу...

Было довольно темно. Я как-то взял влево, и мы дали крюку — пришлось немножко поплутать по пашне и мокрой траве. Близ дороги мы остановились и присели на мостике отдохнуть. Я сказал Орлову, что думалось и чувствовалось, сказал, что мне жалко и досадно, что невольно я, может быть, огорчил Л. Н-ча... Он отвечал, что в словах моих сказались все-таки правда — я не виноват, если они произвели действие неприятное...

— Действовать так нельзя; это значит убивать всякую жизнь, — сказал Орлов, — ведь он стал какой-то черный! И к чему все это? Право, это напоми-

нает мужика в его же повести, который хотел забрать побольше земли и умер от усилий⁵⁰. Он, впрочем, как будто хочет заглушить работой внутренние страдания. Он сам мне говорил: «Какая славная вещь эта мужицкая работа! За ней забываешь все — все свои мысли». Ведь это уж какой-то буддизм, какое-то стремление убить себя, поскорей уйти в нирвану... Он, впрочем, и всегда искал в христианстве буддизма...

Мы приехали в Козловку. Прибыл поезд, мы сели и живо домчались до Тулы... Признаюсь, когда я сел в вагон, с меня свалилась точно какая-то тяжесть, — я чувствовал, что Ясная Поляна осталась позади... Дорогой я спал, как можно спать в вагоне, почти до Москвы. Когда Москва была уже близко, Орлов мне сказал:

— А у меня все не выходят впечатления от Ясной Поляны — давят точно кошмар!

И мы стали припоминать — и Фей[н]ермана, который толковал про орган, данный человеку для исполнения воли Божией⁵¹, и про Фей[н]ерманшу⁵², и про Черткова, который в читанном Орловым письме ко Л. Н-чу спрашивает, хорошо ли умирал Урусов...⁵³

Сидя на верху конки, мы увидели трех попов, ожидавших, по-видимому, встречного вагона. Попы были толсты, жирны, в шляпах и хороших рясах. Указывая на них, Орлов мне сказал:

— Вот, все враги Л. Н-ча!

Расстались мы на Никольской: он пошел в Славянский базар, узнать, приехал ли Сибиряков⁵⁴, а я на извозчике отправился домой, обещав побывать у него на другой день.

Он жил на Бутырках. Я по уговору на другой день приехал на конке. Подъезжаю к заставе — смотрю, он с детьми вышел мне навстречу.

Мы поздоровались, и первые слова его были:

— Ужасно, ужасно!

Я знал, к чему они относились. Разговор и дома был о Ясной Поляне. Орлов повторял, что так жить нельзя: это не жить, а убивать жизнь, что он даже хочет написать о том самому Л. Н-чу. Я выразил опасение, что это напрасно.

— Правда, — сказал и Орлов, — в нем страшная гордость, страшная самоуверенность... Но его становится жалко!

Заговорив о толстовском учении, я спросил, откуда у Толстого, да и последователей его, является Бог, о котором они говорят нередко, откуда явились соблазны и почему человек им следует, хотя и имеет разумение жизни. Орлов сознался, что и для него тут неясно, что и он ничего не понимает.

— Мне приходилось спрашивать Л. Н-ча, отрицает ли он личного Бога, — продолжал Орлов, — я два раза делал опыт, и два раза он, казалось, как будто не отрицал. Отрицание личного Бога в его сочинениях существует, по-видимому, только для того, чтобы положить ясную границу между его учением и учением попов. Вот почему он как будто и отрицает, а на самом-то [деле] он личного Бога признает.

[...] Когда мы заговорили о произведениях Л. Н-ча, то о повести Толстого «*Кающийся грешник*» я привел слова Н. Ф-ча, который говорил, что, судя по содержанию, ее следовало бы назвать «*Сознающий свое достоинство правед-*

ник» и что во многих его произведениях, например, во «В чем моя вера?», он видит защиту крепостного права, а повесть «Много ли человеку земли надо» называет не иначе как повестью о трехаршинном наделе. Орлов сказал на это, что во многих барах, даже в самых ярких радикалах, он замечал стремление защищать крепостное право, напр<имер>, в Викторе Вас<ильевиче> Еропкине⁵⁵. — «А уж у Толстого-то это прямо выходит из его заповеди „Не противься злу!..”»

— По моему мнению, есть люди трех разрядов — сыны дьявола, сыны Божьи и люди, колеблющиеся между теми и другими. Я о Толстом иногда думаю: уж не сын ли он дьявола? — неожиданно закончил Орлов».

[...]

— У славянофилов остается крайне неопределенным, что же такое православие, — говорил мне Н. Ф-ч, — у нас в России бывает обыкновенно так, что один православный — католик по сущности, другой — протестант. Митрополит московский Филарет, напр<имер>, был протестант, а митрополит киевский Филарет был католик...⁵⁶ Православие, по-моему, должно примирить крайности католичества и протестантства. Язычество, по-моему, есть рознь, а еврейство — единство в его крайности: протестантство есть язычество на христианской почве, а католичество — еврейство... У славянофилов все как-то неопределенно, все как-то нужно понимать внутренно, духовно...

— Штраус, — продолжал он, — описывая вход в Ерусалим, — говорит, что, вероятно, в это время у Христа уже была мысль установить культ внутренний, духовный⁵⁷, — мысленный, мнимый, бездельный, — продолжаю я. То же было и у славянофилов, даже у Хомякова в его богословских трактатах⁵⁸. Относительно Троицы, напр<имер>, у него страшная неопределенность, мистичность. Славянофилы не умели прознавать за Троицей нравственного смысла, а между тем этим проникнуто все Евангелие, особенно Иоанна: «Я в Отце и Отец во Мне и тии едино суть» — вот Троица, хотя слова этого в Евангелиях и нет.

Если бы *нравственный* заменить словом *родственный*, было бы понятней. В пятой заповеди: чти отца etc. выражен долг по отношению к отцам. Если этот долг не ограничивать толь[ко] отцами живыми, а распространить и на умерших, тогда его следствия распространяются и по другую сторону. — «Я исхожу из того, что есть, — продолжал он, — могут быть родители без сынов, но нет сынов без отцов... Вот откуда у меня выходит долг, который я не ограничиваю. У меня нет произвола, я исхожу из того, что есть на самом деле...»

В Евангелии Христос не называется человеком, но сыном человеческим, а это большая разница. Нынешнее понятие *человек* крайне неопределенно и противно: может значить все, может и ничего не значить. Но стоит сказать *сын* вместо *человек*, и дело изменяется. Апостол Павел, называя Христа человеком, мудрит, ведь он был философ... Еще мне противно слово гражданин: я предпочел бы *солдат*. Солдат оружие носит наруже, у гражданина оно внутри, а это гораздо хуже...

Вопреки Толстому я придаю важное значение воинской повинности, и значение хорошее. Войско имеет в виду не одну только свою специальную цель, но и другие — борьбу с природой, напр<имер>, с саранчой, пожарами.

Мне кажется, дальнейшее назначение войска именно и должно будет сводиться к борьбе не с людьми, а с тем, что людям вредит, и именно через войско-то и можно будет перейти людям к тому делу, которое я ставлю для них как главное. По-моему, и науку как иначе можно определить, как не знание и исследование причины неродственных отношений людей друг к другу и к природе?

Если дело дойдет до того, что в отношении родственные, семейные закрадутся отношения иного рода, если государство проникнет в семью, что может быть хуже? — продолжал Н. Ф-ч, возвращаясь к прежней теме: вот почему в Евангелии и сказано, что конец свету будет тогда, когда дети восстанут на родителей...

В Москве совершен в сущности тяжелый грех уничтожением древних стен, разведением на их месте бульваров, гульбищ...

Перейдя затем от уничтоженных стен к Кремлю, он сказал, что главный собор там Архангельский, потому что Архангел Михаил был покровителем военных; там же погребались и цари — он охранял и умерших, как охранил тело Моисея от покушений дьявола... По острожкам на пограничьи Руси строились церкви тоже во имя архангела Михаила, и есть много сел, носящих имя *Архангельское*, — это прежние украиные острожки. Таким образом и сама Москва является первым таким острожком с церковью во имя Архангела Михаила и с приделами во имя его в Чудове монастыре, у Спаса на бору... Нечто подобное было и в Риме, но с иным характером: в каждой колонии был свой Капитолий, наподобие римского, — и в храме Юпитер изображался в виде триумфатора. У нас конечно было не так, потому что и борьбу-то приходилось вести с кочевниками не из-за славы и добычи. В этом весь смысл русской истории — даже иностранцы, и те соглашаются, что наши походы в Среднюю Азию есть нечто такое, что унаследовано нами от прежних времен... Первый оплот был таким образом Кремлевская стена, за ней Китай город, потом третья стена... Потом защита перешла к украиным городам... Теперь эти украиные города на Аму-Дарье — все это продолжение одного и того же. Уничтожать, стало быть, старые стены, где было пролито столько крови, значит забывать отцов, совершать перед ними тяжелый грех!..

— Царственная и Степенная книги⁵⁹ были учебниками — для царских детей, конечно, — говорил мне Н. Ф-ч в другой раз, — и история в них изображалась куда лучше, чем в наше время. Они представлены были даже в живописных изображениях — в Грановитой и Золотой палате. О Царственной книге Шлецер⁶⁰ отзывается дурно, но отзыв его несправедлив: он смотрит на нее как на источник для истории 12 века, а так смотреть нельзя — для этого времени она точно что не дает материалу, зато дает для эпохи 16 века, знакомит с взглядами, чувствами, чаяниями людей того времени. Читая эти книги, понимаешь, почему они заставляют византийского императора Константина Мономаха прислать Владимиру Мономаху венец и бармы⁶¹. При Константине Мономахе произошло разделение церквей, Рим отпал, а взамен того прибывает Русь — русскому князю и присы-

лаются бармы и венец, хотя исторически это и не верно. Отсюда и Москва недаром называется третьим Римом и даже говорится, что четвертого не будет... Мысль о третьем Риме вовсе не так пуста... Фальмерайер⁶², говоря о России, полагает, что если она возьмет Константинополь, всему конец — настанет мрак невежества, торжество грубой силы; тут у него и казаки, и все как следует. Он указывает на Рим — вот где источник света и свободы. По-моему, первый Рим возлагал свои руки на плечи всех, а на второй Рим, т. е. Константинополь, напротив, все возлагали свои руки — он постоянно был в осаде. Вот между ними разница. Каков будет третий Рим?

Dugui⁶³ говорит, что для Гомера боги являются чем-то грубым. В самом деле, сравните хоть Агамемнона с Зевсом, Елену с Афродитой — кто лучше? Люди лучше богов. Боги — причина вражды между троянцами и ахейцами; они для Гомера — начало зла; он признает их вечными, стало быть, вечными же считает и зло и вражду, как и теперь есть много людей, которые вражду считают делом неизбежным. Христиане говорили язычникам, что у нас люди лучше ваших богов, и не диво. Но изображая богов худшими, чем люди, он взамен их не дает ничего, на отсутствии положительного, на неопределенности он так и остановился...

Со времени взятия Константинополя турками в Европе начинается новая эпоха. Константинополь пал, это в ней колеблет веру в силу христианства, начинается эпоха язычества, гуманизма. Это не было только увлечением — нет, это было восстановлением язычества. Люди интеллигентные становятся язычниками вполне, масса остается по-прежнему. Лютер своей реформацией этому язычеству придает форму, несколько похожую на христианство, приспособляет его к новой почве. Масса гуманизм понимала, конечно, по-своему, — представляла его в виде Фауста, который продал душу черту. Имей она настоящее, а не мнимое понятие о Лютере, она бы и его трактовала как Фауста... Куда только проникал гуманизм, туда проникала и легенда о Фаусте — у нас она не принялась. Как масса тех веков представила гуманистов, так Гёте представил науку 19 века. Его «*Фауст*» можно назвать сатирой, хотя быть может и бессознательной. Но изображая неудовлетворенность знанием, Гёте не дает ничего положительного — в первой части представлен ученый, неудовлетворенный знанием, но чем он его заменяет? Кабаком и соблазнением девицы. Во второй части изображается, что делает Фауст затем: он у императора, и индустриализм у него на первом плане⁶⁴. Это характерно. В самом деле, фабрика в наш век — главное. Если бы типично изобразить современный город, то в середине надо было поставить корпус фабрики, по бокам ее — кабак и дом терпимости; впереди — магазины, на задворках — университет, потому что наука у промышленности на службе; тут же — казармы, а кругом будки... Вот общий тип города, потому что у фабрики на службе все. Она производит все гнило, иначе ей стало бы нечего делать; вся нынешняя промышленность — фальсификация. Храма в современном городе, конечно, быть не должно.

— Когда говорят о разных родах литературных произведений, — говорил Н. Ф-ч, все продолжая характеристику современности, — то забывают один современный и самый, по-моему, важный — рекламу. Какой род распростра-

неннее в наше время? Для него употребляются все способы, все средства — и слово, и живопись, и скульптура, стало быть, это сила важная!

Я знал его мысли о протестантстве, о католицизме; о язычестве он только что высказался, новый Рим и старый Рим, по его мнению, различаются только тем, что старый возлагал руки на плечи всех, а на плечи нового все возлагали руки⁶⁵, т. е. результаты исторической жизни того и другого были по существу одинаковы, т. е. существенных результатов не было, — что же должен дать третий Рим, этот Рим окончательный, потому что после него четвертого не будет?

Беседа наша затянулась, было уже поздно, да и он, когда приходилось выразить свою центральную, управляющую всем мысль, делался застенчив, точно боялся, что засмеются, начинал говорить урывками, не совсем определенно... О задаче, предлежащей третьему Риму, он и на этот раз выразился коротко и для мало знакомого с его мыслями человека не совсем ясно. Он дал понять, что вся религия, а следовательно, и религия третьего Рима должна состоять в почитании предков со всеми его последствиями, в долге сынов к отцам, в воскрешении...

— Свежий человек никак не может додуматься, что человек уничтожится — он и делает умершему, но не уничтожившемуся приношения, как наше простонародье; связь с этим имеет и наше таинство причащения — храм создается на могиле, на прахе умерших (мощи, частицы мощей)... Нужно слишком свихнуться, чтобы привыкнуть к мысли об уничтожении! Ученые говорят, что Христос воскрес в душах своих учеников; в душах воскрес — хорошо, согласен, ну, а пусть мне скажут, почему он умер в душах тюбингенских профессоров?

В декабре — я этого совершенно не ожидал — пришел ко мне раз вечером Л. Н. Толстой.

— Что поделяваете? — спросил он меня, — от Орлова я слышал, что вы занимаетесь Эпиктетом, Марком Аврелием...

Я отвечал, что Марком Аврелием, действительно, занимаюсь, перевел около десяти книг⁶⁶.

— Ну, а язык у вас какой? Надо, чтобы его понимал и мужик.

— Язык бывает только тогда, когда все отделано, а теперь языка нет, — отвечал я и спросил, где теперь Орлов.

— Он в Москве, на Кавказ было поехал, но вернулся... У него тот недостаток, что он уж слишком занят копаньем в себе... Поехал, потом стал думать, зачем ехать, когда можно быть полезным и тут, и вернулся, теперь он здесь... В марте все-таки думает опять уехать.

— А у Василия Ивановича, — продолжал он, — все несчастья — перемерли дети, девочки; очень он этим огорчен. Я недавно писал ему, хочу нынче опять писать...⁶⁷ Сибиряков — он до смешного мне верит, или старается верить во все, во что я верю, и далее не идет — как-то слышал от меня, что Василий Иванович — хороший человек, ухватился за него и теперь предлагает ему мес-

то учителя у себя в Самаре — один предмет 300 рублей, два предмета 600 рублей и, кроме того, еще 10 десятин земли — условия идеальные!

Я заметил, что мы с Орловым еще летом про это же говорили, но что сам он, Л. Н., был против...

— Неужели? Когда же это, совсем не помню!... [...]

Ко мне он зашел от Николая Федоровича, к которому заносил книгу Билля о Будде⁶⁸, но не застал его дома...

— Любопытно бы знать, где он бывает, — сказал мне Л. Н., — не у девок же! А если не у девок, то где же именно?

Я отвечал, что спрашивать его об этом я никогда не смел, и упомянул о рукописях. Оказалось, что Софья Андреевна в Москву их не привезла.

— Надо это дело сделать, нам надо вместе подействовать на Софью Андреевну. Сережа теперь в Ясной Поляне, надо что-нибудь сделать!

Я просил написать, чтобы привезли. Он обещал.

Вскоре же после этого посещения Л. Н-ч был в Публичн<ой> библиотеке, виделся с Н. Ф-чем, говорил с ним о рукописях...

По этому поводу, когда я пришел в Публичную библиотеку, Н. Ф-ч опять стал упрекать Л. Н-ча, что он стремится выделиться из толпы: это не хорошо; лучше, чтобы все подвинулись хоть на вершок, чем чтобы явились напр<имер> два человека высочайших достоинств. — «Он любит ереси, а мы знаем, что ересей было не мало, и возникали-то они из толпы... Побудет, подержится ересь немного, а там, глядишь, и нет ее... Отделять себя от толпы я, по крайней мере, не считаю делом хорошим...»

Как ни тяжело было Н. Ф-чу идти к Толстым, он однако пошел... Дело все шло о рукописях... Графиня сказала, что их не привезла по случаю болезни Л. Н-ча: она так ухаживала, что едва могла выбрать время пообедать...⁶⁹ Приехал потом Лентовский⁷⁰, Л. Н-ч ушел толковать с ним, потом вернулся и вдруг говорит:

— Ну, теперь я вижу, что вы столкнулись с Софьей Андреевной, порешили все...

— В чем мы столкнулись и что порешили, не знаю, — сказал Н. Ф-ч, — было неловко, все думалось, как бы поскорее уйти. Сидели с час, а показалось что-то уж очень долго...

[...]

<1887>

В 1887 г., осенью, в воскресенье я ходил раз на Сухаревку и встретил Страхова⁷¹. Он ездил на южный берег Крыма и по пути туда и обратно два раза заезжал в Ясную Поляну. Л. Н-ч, как он рассказывал, был все нездоров, но писал и писал — написал целую книгу «О жизни и смерти»⁷², которая Страхову крайне понравилась. Летом Ясная Поляна была полна народом, но народ был все свой; мало того, в недалеком будущем ожидалось приращение, потому что

и графиня и Татьяна Андреевна были неспроста...⁷³ Делать было мне нечего, ему по-видимому тоже; я и позвал его с собой в Публичную библиотеку.

Дорогой я узнал, что он занимается религиозными сочинениями — мистиками. Я удивился.

— Вы понимаете «мистический» в слишком неопределенном смысле, — сказал он, добродушно смеясь.

Он упомянул про Гегеля, который в конце одного из своих сочинений сослался на мистика, персидского поэта, Джелаледдина Руми⁷⁴, сказал, что все, кто только говорил о Боге, были мистики — у них в этом отношении разработано все ясно, последовательно до мелочей. Библиотека у него большая, хорошая, можно сказать, отборная: есть сочинения по естествознанию (теоретические, а не описательные), математические, философские, а теперь и — религиозные.

Не знаю, было ли в связи с его занятиями некоторое пристрастие к Москве, но оно меня несколько удивило. Едем около театра — несут образа, идут священники. Мы крестимся.

— Это в Петербурге не часто увидишь, — говорит он мне, — я давно уж там живу, а все не могу привыкнуть!

Едем мимо Архива Министерства Иностранных дел.

— И чего-чего только нет у вас в Москве! — замечает он.

Как только приехали в Музей и увидели Н. Ф-ча, разговор сейчас же зашел о Толстом, о том, как он понимает смерть.

— По его мнению, смерти будто бы нет, — сказал Н. Ф-ч, — а бессмертия души он, конечно, не признает. Иван Ильич у него умирает и говорит, что смерти нет... Толстой в чудо не верит, а логики не признает, а по-моему, это просто потому, что сам-то он боится смерти — вот себя и утешает, что смерти нет.

— Вы думаете, что он смерти боится? — спросил Страхов.

— Да, судя по тому, что он говорит такую нескладицу, думаю, что боится. Ведь у Л. Н-ча те же воззрения, что и у Эпикура. Эпикур — ему все равно, хоть бы весь мир умер, лишь бы он здравствовал. Л. Н-ч тоже, да он и всегда стоял за Эпикура... Иван Ильич умирает, а смерти нет!..

Страхов начал толковать, что у Толстого все это чудесно сделано, но Н. Ф-ч продолжал свое — что же по-толстовски, есть смерть или нет?

— Обморок — в эту минуту для человека ничего не существует. Ну а если этот обморок продолжится без конца? Что же в сущности он допускает? — продолжал Н. Ф-ч, задетый в самом чувствительном пункте, в том, что если нет смерти, то нет и главного зла, [об]условливающего и все другие виды, второстепенные, зла: думает ли он, как думал у нас один из митрополитов, что умер человек, то — «по се места и был»? Но тогда смерть есть. Или согласен он с материалистами, что одно переходит в другое? Что же до бессмертия души, то его он не допускает... Весь интерес-то тут в том, что и смерти, по его мнению, нет, и бессмертия души он не допускает, а то бы до пошлости все было обыкновенно!.. Человек называет себя смертным, а от животных никто еще этого не слышал, — заключил Н. Ф-ч, желая отграничить человека от остального орга-

нического мира и сознание человеком своей смертности привести как доказательство, что смерть есть.

— Это состояние, которое понимает Л. Н-ч, есть то, когда нет ни боли, ни страданий — вот что значит, что смерти нет, — заметил Страхов.

— Т. е. когда ничего нет — нет ощущений. Вот почему я и думаю, что он ужасно боится смерти... Что ни говорит он, все это ужасно противоположно моим воззрениям.

— Он проповедует любовь, разве вы не согласны?

— Что он проповедует, не есть любовь. Он напр<имер>, раз мне сказал: «Я их в такое положение поставлю, что им или нужно будет отвергнуть Евангелие, или...» — Так вы вот из чего хлопочете, — сказал я... Да, если у него и есть любовь, то она особого рода. Он является сюда в библиотеку, стоит вон там в углу и говорит мне: «как бы хорошо все это сжечь!» Пришел на выставку, ходил, гляжу и я — игрушки, думаю, все, ну что ж, пусть! а он говорит: «динамитцу бы сюда!» Ему бы ложь истребить, а если бы с ней попалась и неложь, то, по его мнению, и это ничего! Холод, холод от его писаний меня поражает!

— А вот Нагорная проповедь, — заметил Страхов, — подобного истолкования — я читал в одной английской книге⁷⁵ — нет ни в какой литературе.

— Нагорная-то проповедь и есть у него то место, где ложь дошла до очевидности. «Не воюй», а в Евангелии: «не убей» — где тут верность Евангелию? Все заповеди у него выходят отрицательными, а нравственность-то отрицательная требует много. Отрицательные добродетели труднее: из-за ничего делать что-нибудь трудно...

— Он столько наговорил парадоксов, — стал сдаваться Страхов, — он много этим портит.

— Как начинаю читать его, везде бездушие, бесчувственность, — продолжал Н. Ф-ч, все одушевляясь. — Про Пушкина Николай Павлыч раз сказал: я сегодня видел самого умного человека в России. самого большого художника — пожалуй, но самого умного человека — едва ли. Про Толстого можно сказать то же самое.

— Но и в Евангелии есть тоже отрицательные заповеди...

— То, что он говорит, относится к тому, что Христос отвергает. У него к лицам относится в Нагорной проповеди...

— Средство это литературное — очень сильное....

— Ну, вижу — вы литератор...

— Дайте мне немножко сказать, а то вы так разгорячились... Для пользы дела он...

— После того остается уж лишиться себя жизни... Как же? Живу я на чужой счет, ничего не делаю, потому что умственного труда он не признает. Остается лишиться себя жизни. Это честно. Впрочем, это и сделал кто-то из Военного Александровского училища — веры православной, а толка толстовского!

Звонок был уже давно, солдаты ждали⁷⁶. Мы вышли, сели у церкви⁷⁷, и разговор продолжался. Н. Ф-ч доказывал, что Толстой не понял Нагорной проповеди, Страхов — что он понял верно.

— В сущности Толстой — буддист, — сказал Н. Ф-ч, — что хорошего в бедности, страдании, а это-то Толстой и считает блаженством. Христос говорит: «блаженны... яко наследят землю», дает утешение в будущем... Да наконец говорит: «яко мзда ваша многа на небесех»⁷⁸... А Толстой ничего этого не допускает, думает, что в страдании-то уж и есть награда. Признаюсь, этого я не понимаю. Как Христос, человек простой, из народа, мог народу говорить в том смысле, в каком понимает Толстой? Кто бы его понял? Не знаю, что хорошего в бедствии, в болезни... Он отвергает и моление.

— Отвергает общее моление, — заметил Страхов.

— А молитва Господня и начинается-то словами *Отче наш*, а не *Отче мой*...

В сентябре 1887 г. графиня Софья Андреевна приезжала в Москву... В одно из воскресений, когда я пришел в библиотеку, Н. Ф-ч мне сказал, что рукописи Толстого в библиотеке, привезла сама графиня. Но с ними, оказалось, было не без хлопот. В письме к директору (Дашкову) она назвала его *Милостивый Государь*, а не *Ваше Превосходительство*; кроме того, Катков еще при жизни писал, зачем взяли в Петерб<ургскую> библиотеку рукопись его Евангелия (хотя писал и вопреки закону, ибо библиотека цензуре не подчинена, в ней все без урезок и вымарок), — так директор-то еще и боится взять, не будет, пожалуй, наград. — «Когда отдаешь что в учреждение, надо все-таки помнить, что с его стороны встретятся непременно затруднения для принятия, ибо каждый начальник до известной степени враг того учреждения, где служит. У нас директор придает значение только тому, что приносит непосредственную, денежную пользу, и больше он ни о чем не думает. „Вот, кабы рукописи Михаила Никифоровича, — мы бы взяли“, — говорит он, и нельзя его очень-то и винить: надо ж ведь и графине знать, с кем имеет дело, к чему ж оскорблять?.. Впрочем, это мои предположения: Дмитрий Петрович (Лебедев) мне ничего не говорит, что-то от меня таит, я не спрашиваю, да и вы не разглашайте, что я вам сказал...»

Таким образом, рукописи все-таки попали в Румянцевский музей, но увы! ненадолго: года через три или четыре графиня взяла их почему-то назад⁷⁹.

В декабре того же года я виделся с самим Толстым, встретил его неожиданно на Пречистенке.

— А я сейчас был у Н. Ф-ча, заходил к нему, не застал дома, иду теперь к нему в библиотеку, я с ним не видался уже с марта месяца, — сказал он мне.

Я заметил, что теперь уж четыре часа, библиотека закрыта.

— Так мы можем встретить его на дороге: он пойдет где-нибудь тут, переулками, незаметными путями, — ответил на это Л. Н-ч голосом, в котором слышалось какое-то уважение, пожалуй, зависть к этим незаметным путям.

Мы пошли навстречу Н. Ф-чу — смотрим, он и сам идет, сгорбясь, в поношенном, потертом, выцветшем пальто с бобровым воротником, тоже под стать пальто.

— А я заходил к вам, и мы было направились в библиотеку, — начал Л. Н-ч.

— И наверное бы не застали: теперь уж поздно...

Я был рад, что Н. Ф-ч встретился так скоро, потому что, поговорив немного о Шенроке⁸⁰, который был у Толстого недавно по поводу Гоголя, мы оборвали разговор, и я, чувствуя неловкость, придумывал, что бы такое сказать.

— Да, Шенрок занят Гоголем, написал книгу о нем, и очень хорошо...

И должно быть, чувствуя то же, что и я, Л. Н-ч заговорил о том, что Гоголь забытый писатель.

Я рад видеть Л. Н-ча, люблю его, расположен и он ко мне, но странно — встретишься с ним, перекинешься пятью, шестью фразами и — чувствуешь, что говорить больше нечего, делается как-то неловко. Странно, что бывает это постоянно, что неловкость и недостаток разговорного материала чувствую не только я, но и он...

— Пойдемте назад, мне можно к вам? — спросил он Н. Ф-ча, видя, что тот встретил его как будто без особого удовольствия. — Может быть, вы утомились, вам надо отдохнуть? — говорил несколько упавшим голосом, точно влюбленный, ожидающий ответа.

— Нет, отчего же, ничего...

И мы пошли все назад.

— Ну, теперь вы здоровы? — сказал Н. Ф-ч, — мы слышали, что вы были больны...

— Этого я не признаю; было то, чему быть должно.

— Болезнь быть не должна, — строго ответил Н. Ф-ч.

— А я все хотел зайти к вам в библиотеку, да все некогда. Есть у меня много книг, мне присылают — все хочу отдать вам в библиотеку. Есть один интересный писатель — итальянец (он назвал фамилию), написавший очень хорошую книгу «Сoposcenza e progresso»⁸¹, — есть она у вас?

— Надо справиться...

— Вы читаете по-итальянски, Иван М<ихалы>ч? — спросил меня Толстой.

— Стал читать неожиданно...

— Да, — с какой-то радостью подхватил Н. Ф-ч, — взял книгу и стал читать, а прежде не читал...

— Так же, как и я, — сказал Л. Н., — я вам отдам ее... А у вас был мой знакомый Леман⁸², прекрасный молодой человек, начинающий литератор...

— Да, был.

— Он читал мне свои произведения. Я, как сам писатель, могу сказать, что в них есть отрицательные достоинства — чувство меры, отсутствие всего ложного, фальшивого... Он, видно, самостоятельный человек, стремится сам собою доработаться до воззрений, не следуя общему течению...

— Ну про него этого нельзя сказать — он слушает, что ему говорят, — заметил Н. Ф-ч.

— Да, как умный человек, он слушает всех, чтобы потом переварить в себе. Он очень серьезно занят воздухоплаванием...

Н. Ф-ч сказал, что все это клонится не к общению, а к разъединению людей, а разъединение-то уж и так велико.

Толстой внезапно впал в тон Н. Ф-ча и заговорил, что вот изобрели порох, и все будто бы думали, что теперь войнам конец, — ан, ничего, все стало по-прежнему. Изобрели динамит, роборит, мелинит, и тоже ничего!

— С тех пор, как мы виделись с вами, случилось или ужасно много или не случилось ничего, — сказал Л. Н-ч.

— Что же именно случилось, если случилось много? — спросил я.

— Так, ужасно много, — ответил он неопределенно.

Мы дошли Остоженкой до угла Зачатьевского переулка. Я с ними простился, а они пошли дальше, громко продолжая толковать.

— Ну, что, как вы вчера с Толстым? — спросил я Н. Ф-ча на другой день.

— Да сначала было трудно, а потом разговорились — ничего! Мы долго ходили после вас: он меня провожал, потом я его провожал, потом он опять меня... Домой я так уж и не заходил — мне нужно было в одно место. Толковали — и ничего, размолвки не было: уступчив он был удивительно! Конечно, если б мы походили подольше, то вышли бы и размолвки, — прибавил он с улыбкой.

— А вы вчера встретили его холодно.

— Это правда, встретил его холодно, но расстались хорошо. Он приглашал к себе.

— Вы сходите.

— Да, надо будет...

Показывает мне, спустя немного, Н. Ф-ч книгу Пругавина «Библиографический список о расколе»⁸³.

Книга почтенная, но, — сказал я, — все труды Пругавина порождены мыслью, что и мы, русские, не хуже людей — и у нас есть протест, есть мнения, ереси.

— Да, это правда, — заметил и Н. Ф-ч, — у них отделить себя от толпы — что-то похвальное, хорошее. А между тем по большей части бывает, что толпа-то, от которой они себя отделяют, лучше их самих. У Толстого — то же самое. И я вижу, что он глубоко несчастен и не может не быть, при таком положении, несчастным. Он обещал нам в библиотеку книгу, где доказывается, что болезни нет, но книги этой так нам еще и не принесли... Говорит и он, что болезни нет, а было слышно, что весною сам был у Захарьина⁸⁴.

В январе 1888 года Н. Ф-ч встретился с Л. Н-чем опять, который даже заходил к нему и просидел часов до шести. Он занят был тогда Обществом трезвости⁸⁵.

— Но, как и везде, так и тут, — сказал Н. Ф-ч, — он не может не вдаться в крайность. Он хочет, чтобы водка продавалась только из аптеки. Все эти общества трезвости никогда не имели успеха потому, что не принимали во внимание множество связанных с этим обстоятельств. Как человеку не пить? Целую неделю он занят, занят не трудом — нет, а чем-то таким, что утомляет не менее труда. Говорят, что с изобретением машин труд стал легче, а, по-моему, так наоборот. Надо ж расправиться после недельной истомы! А у нас к тому же еще и климат... В западной Европе, кроме обществ трезвости, есть общества воскресного покоя... Он и так-то целую неделю в сущности не работал, а только томился, а тут его стараются успокоить! Придет же такая мысль в голову!

— Я говорил, что мы с вами собираемся к нему, а он сказал, что собирается к вам, — продолжал Н. Ф-ч, — уступчив и мягок он стал удивительно!

На другой день, когда я пришел к нему в библиотеку, он спросил, не был ли у меня Толстой. Я сказал, что нет.

— А у Фета не были?⁸⁶

— Нет.

— Вы побывайте!

Я пришел в недоумение, но это «побывайте» скоро объяснилось.

Есть у него знакомый, некто Петерсон. В это время служил он в Керенске секретарем, а прежде, когда Толстой занимался школами, был учителем в Ясной Поляне. Была у него больна жена, он вошел в долги и теперь положение его было таково, что за 1000 р. долга хотят продавать его дом. Он писал к Н. Ф-чу, упоминая, по-видимому, с надеждой о Толстом⁸⁷. Когда Н. Ф-ч виделся с Толстым, то, не прося ни о чем, рассказал ему о положении Петерсона... Толстой — ничего.

— Ведь надо быть уж очень недалновидным, чтобы не понять, к чему я говорил, а в недалновидности его упрекнуть нельзя, — сказал Н. Ф-ч, — я Петерсону так и написал, что Толстой едва ли может тут что сделать, потому что считает своим только то, что вырабатывает ручным трудом, а остальное все считает как бы себе не принадлежащим...⁸⁸ Это мысли, конечно, не мои, это — его мысли. Ну, тут не вышло ничего. Побывайте у Фета, не просите, конечно, ничего — это поставит и Вас и его в затруднительное положение, — а расскажите так просто о Петерсоне. Он его вероятно знает.

— Выйдет ли какой толк, я сильно сомневаюсь.

— Сомневаюсь и я, даже уверен, что толку не выйдет, но отчего же не рассказать? Дело тут в 1000 р., сам я помочь никак не могу — я не получаю и половины...⁸⁹

Толстой на намек не отозвался никак, у Фета я не был, но дело устроилось очень скоро само собой: близкое к Петерсону лицо⁹⁰ предложило деньги, и тот взял.

— Вышло как будто нарочно точь-в-точь так, как я писал; даже Петерсон удивился! — рассказывал мне после Н. Ф-ч.

Вскоре после того был у меня Василий Иванович Алексеев, учительствовавший со мной у Толстых. От них он уехал в Самару, чтобы «сесть на землю», сделаться мужиком.

В 1883 г., когда я там был, я видел его житье-бытье — мужиком он не сделался, а проводил дни свои скорее ни в чем. Несмотря на то, что *сесть на землю* не удалось ему с первых же шагов, он стал все-таки строить себе дом, убив на это все деньги, какие отец, чувствуя, что конец недалеко, дал ему... Когда завел Сибиряков школу в Самаре, Василий Иваныч стал там учителем. Когда он был у меня, вид у него был бодрый — я и не ожидал видеть его таким.

Привез он вести про моих самарских знакомых: башкирец — старик Магомет-шах Романыч, поивший нас кумысом, помер... Девушка башкирка Шамшамоги, которая играла нам на кобызе, вышла замуж, и влюбленный в нее Иван-татарин женился, но только не на ней. А с каким усердием ходили мы по Самаре с Иваном-татарином покупать ей на подштанники ситцу, как торговались! Бибиков Алексей Алексеич, управляющий у Толстых, стремится уйти из Самары — имеет в виду место смотрителя в сумасшедшем доме... В прошлом году, как и Толстой мне говорил, мерли у Василия Иваныча дети... Он очень скорбел, написал Л. Н-чу письмо, ища утешения, а тот ему ответ...⁹¹

— Очень уж этот ответ показался мне обиден, — сказал Василий Иваныч, — тут ищешь какой-нибудь точки опоры, а тебя с философской точки зрения!..

И он прочел самое письмо: В. И., предаваясь скорби, в сущности дает за-расти душе своей тернием; предаваться этому исключительно чувству нельзя и пр. Ответ действительно холодный и умственный, и я понял Василия Иваныча.

Орлов, приехав на место своего служения в Сибиряковскую школу на Кавказе, запил, а ученики его, которых побудил он ехать, будто бы ропщут и жалеют, что поехали...

На другой день я был у Василия Иваныча. Он жил где-то у Екатерининского парка, у знакомых. Квартира как квартира, но как только мы вошли, сейчас же стало видно, что хозяин тут как будто не один. Всюду постели, прислуги нет — точно обитатели вчера въехали, а завтра выедут.

Пошли толки о Толстом. Я откровенно сказал, что и в прежнее время, чему свидетель и Василий Иваныч, я не очень верил в правоту толстовских толкований Евангелия, являл, по словам самого Л. Н-ча, только «холодное сочувствие», а теперь и вовсе разуверился — все в учении его как-то неясно, неопределенно, да во многих случаях он и сам не следует, чему учит. Все это заставляет видеть в нем человека только умственного, который быть руководителем в жизни не может. Он и сам, видимо, опутан сомнениями и страдает, в сущности не зная, как ему быть и что делать, а издала производит, конечно бессознательно, такое впечатление, как будто сомнений нет и все для него ясно, и люди, помимо впрочем его воли, поддаваясь этому, идут к нему для решения недоумений и недоразумений. Я привел в пример Фей[н]ермана, упомя-

нул про то, как на одной аристократической свадьбе он был посаженным отцом⁹², о технике, который приезжал спросить, бросить ему училище или нет...⁹³

О Фей[н]ермане мне не сказали ничего, посаженством возмутились, а Василий Иванович даже заподозрил самый факт и сказал, что расспросит о том самого Л. Н-ча. Техник же, по его мнению, приезжал напрасно — как можно другому решать вопрос, касающийся только его и больше никого?

— Но сами вы разве не то же сделали, прося дать утешение, когда у вас умерли дети?

Он ответил софизмами самыми пустыми. Его гражданская супруга Лизавета Александровна⁹⁴ тихо мне сказала:

— Василий Иванович тогда говорил, что от Софьи Андреевны он бы это перенес, но от Л. Н-ча этого не ожидал...

Несмотря на это, вера в Толстого у Василия Ивановича была тверда и о православии он выразился в толстовском духе, неодобрительно.

— Дурно ли, хорошо ли православие, — сказал я, — а оно заявило себя тем, что сумело соединить людей в одну громадную общину, называемую Православным Востоком. Сумеет ли сделать что-нибудь подобное новое христианство? Этого не видать, а разъединять оно разъединяет... Мы думаем, что православие — только ризы да деревянное масло, а вдруг в нем есть нечто другое? А что в нем это есть, припомните-ка Маликова и Орфано⁹⁵. Как забрало их за живое, так пошли они небось не к Толстому, а туда, где, по мнению Толстого и по вашему, одна только мерзость и ничего больше. Отчего это? Ведь уж не совсем же они дураки, не совсем слепые, чтобы не видеть, где отверста им дверь спасения. Перед ними была отверста дверь толстовского спасения, а они постояли-постояли, да и прошли мимо...

Василий Иванович возражал неловко, говорил, что тут, т. е. у Толстого, построено все философски, что в православии причащения он не понимает, что Орфано говорит, что надо смирять себя, а он этого не может, что в православии есть сторона поэтическая, а у Толстого философская, которая для людей, как он, составляет самое главное. Он забыл уже, что только что упрекнул Толстого за философскую точку зрения...

— Люди далеко не все, Вас<илий> И<ваны>ч, — живут философией и разумом — живут так очень и очень немногие. Стало быть, и толстовское учение не для всех, а лишь для немногих. А в Евангелии говорится: приидите ко мне *все* труждающиеся⁹⁶ и пр.

В. Ив. говорил, что у Толстого нет системы — он дает только построение... Мы ни до чего не дотолковались и расстались без сожаления.

Дня через два я пришел в Публичн<ую> библиотеку. Занимался я тогда иностранцами, писавшими о России, и кого-то из них читал. Вдруг слышу знакомый голос, оглядываюсь — Толстой!

Он довольно холодно, как мне показалось, поздоровался со мной. Я подумал, не спрашивал ли его и вправду Василий Иванович о той свадьбе, где он был посаженным отцом. Может быть так, а может быть, мне только показалось.

О Василии Ивановиче Толстой мне сказал, что он был у него вчера, а сегодня уехал по делам училища в Петербург.

— Орлов поразил меня, Л. Н-ч, — сказал я. — Как же? Поехал на дело, поехал, по-видимому, с таким увлечением, так много мне говорил о будущей своей деятельности, а приехал и — запил!

— Да, слышал и я, но все это из третьих рук...

Он спросил письмо Белинского к Гоголю⁹⁷, взял его с собою и сейчас же ушел, но перед уходом сказал Н. Ф-чу:

— Что ж вы ко мне-то? И Иван М-ч тоже? Вот бы вы вместе как-нибудь...

— Уж мы как-нибудь вместе: я буду действовать на Н. Ф-ча, — ответил я.

После его ухода мне что-то жалко стало его.

— Он как будто не в себе — нездоров и расстроен, — сказал я Н. Ф-чу и спросил, когда же мы пойдем к нему.

Н. Ф-ч наотрез отказался.

— Ах, я и забыл — что бы мне попросить у него для нас тринадцатый-то том!⁹⁸ — спохватился он, — ведь он сам должен был бы принести, а вот не догадался! Мы все для него делаем, что можем, а ему как будто все равно...

Разговаривая дорогой о Толстом и Сибирякове, я заметил, сколько теперь народу примазалось, по-видимому, к Сибирякову и его школам... Хорош тоже и Орлов — мечтал ехать, а приехал и запил, хоть Толстой и толкует, что известие это из третьих рук.

— Запить от безделья — это я понимаю, — сказал Н. Ф-ч, — но запить при деле — не знаю... Вот Скобелев⁹⁹, напр<имер>, — ему надо было постоянно давать дело, он без дела не мог, а нет дела — он пускался заменить его чем-нибудь. Но Орлов поступил как раз наоборот.

— Сами они, люди, причастные к школе, сознаются, напр<имер>, хоть бы Василий Иванович, что Сибиряков дает все, что только нужно для школы, — заметил я, — мало того, он даже и прислуге-то приказывает исполнять в его доме малейшее желание участников... И один из них, умный, хороший человек, рассказывал Вас. И-ч, потребовал: хочу шампанского с апельсинами! Принесли и шампанского и апельсинов.

Рассказал и про письмо Толстого к В-ю И-чу по поводу смерти детей, как оно обидело его.

— Что ж, письмо это неувидительно! — отвечал Н. Ф-ч, — он сам мне наперед говорил, что приехал и, увидав детей, обрадовался, и тут же понял, что это грех... Я ему сказал, что это не грех, а едва ли даже не добродетель, и простил и разрешил его от греха, — прибавил он смеясь...

— Надо будет показать Толстому, — говорил Н. Ф-ч, показывая мне изданное вновь житие Данила Ачинского, коим года два тому назад Толстой интересовался, — нет, впрочем, не покажу, а то он вынудит, пожалуй, правительство на крайние меры... Здесь-то кое-что написано не совсем ясно, очевидно перевернуто, а он коли уж напишет, так напишет ясно, определенно, а где надо, там и пропустит, напр<имер> о клятвопреступлении, в котором сознается Данило.

Полемизируя против Толстого, Н. Ф-ч придавал огромную важность внешности, напр<имер> двуперстию и троеперстию.

— В Византии эти споры происходили на философской почве, у нас — на почве обряда, и напрасно думают, что внешность не важна. Перемена напр<имер> одежды — да это знаменует целую революцию! Или бритье бород... На западе брили бороду, так сказать, молодились, и этим бритьем все сказано — там этим показывали, что думают не столько о благе в будущем, сколько хотят жить настоящим. А были и папы, которые бород еще не брили. У нас стали брить с Петра... Я уж помню, при Николае борода считалась чем-то недозволительным, революционным... Мне пришлось самому это испытать. Жил я в провинциальном городе, брить приходил, бывало, солдат — да не с бритвой, а с косарем, так ведь мука-то бывала какая! И это каждую неделю. При Александре стали на бороду смотреть снисходительно, хотя носить ее солдатам и не дозволялось. Теперь носят все.

— Сам-то царь с бородой?

— Что-то не помню; кажется, с бородой...

[...]

— А я видел недавно Толстого на Арбате, ходил с ним долго, — говорил мне Н. Ф-ч, — говорили сначала-то ничего, а потом, как зашло дело о войне, я — признаться — сказал две глупости да вижу, что дело может принять не очень приятный оборот, поскорей простился и ушел.

— А вы куда сами-то шли?

— Шел-то я в Проточный переулок...¹⁰⁰

— Вот бы и позвали его с собой, он бы пошел.

— Я знаю — он бы пошел, из любопытства бы пошел, но я не сделал этого. Вижу, что мы не сойдемся, а чем дальше, тем все будем больше не соглашаться, я и ушел.

Господин, читавший в стороне, вдруг вступился за Толстого: отрицая войну, он прав, нельзя же пассивно к ней относиться... Н. Ф-ча взорвало.

— Он — пошлый дурак, если утверждает, что войну можно устранить проповедью!..

Господин начал говорить, что и Христос проповедовал:

— Нельзя же в виду вопроса такой важности говорить: валяйте мол! Смешно-с! По-вашему, значит, слово совсем уж бессильно?

— Надо давать отчет в том, что говоришь, — в страшной злобе, со скрежетом сказал Н. Ф-ч, — а то пустельгу-то болтали уж 1000 лет, история уж и счет этому потеряла! Сколько было ересей...

— Что ж, что много?

— А то, что ничего из них не выходило и не выйдет.

— По-вашему, стало быть, надо успокоиться?

— Вам же я по-русски говорю, что нельзя болтать зря, без толку, а он болтает совсем без толку!

— Вы уж слишком сильно!

— Не сильно, а верно. Нужно не это, другое нужно.

— Можно действовать и словом, он это и делает. В его словах много правды!

— Что он делает, это значит перевести всю злобу извне вовнутрь. Знаю я, он желает людям мира — это у него злоба какая-то. Не из любви к людям желает он мира — это уж верно!

Оба замолчали. Господин этот — знаком с Толстым, как после вспомнил Н. Ф-ч. Толстой-то и направил его к Н. Ф-чу; он занят Гоголем...¹⁰¹ Через несколько времени, когда он стал уходить и простился, Н. Ф-ч его догнал в дверях.

— Мы с вами поговорили тут о Толстом — вы не сердитесь!

— Ах, помилуйте: мало ли что говорится!

— А я опять вчера встретил...

— *Его* встретили?

— Да, *его* на Волхонке. Как вы его не встретили? Впрочем, я-то ушел гораздо позднее вас... Встретил, поздоровались и — расстались. Я уж поскорее ушел, боялся, что он со мной пойдет, но он и сам не пошел...

Встреча эта была в тот же день, когда Н. Ф-ч так горячо, так страстно говорил с господином, занимавшимся Гоголем.

— Как только заговорит он о войне, — продолжал Н. Ф-ч, — так сейчас же сию же минуту становится каким-то другим. Он все думает, что это так просто, стоит только захотеть, и все сделается. Нет, это далеко не так просто! А в одной статье у Кареева¹⁰² я читал, что это проявляется у него еще когда? В «*Войне и мире*» — вот с каких пор! Я заставил себя прочесть всю статью; так и хочется бросить — ну, а себе говорю: нет, читай! И дочел. Мне оба они противны — и Толстой, и Кареев, — Кареев тем, что по несколько раз пишет одно и то же — но кое-что о Толстом у него выражено хорошо.

— У Толстого и в «*Войне и мире*» было уж то же, что есть и теперь, продолжал Н. Ф-ч, — он и тогда считал отделенность каким-то счастьем. Раз он по поводу Миклухи-Маклая, спустя уж долго после чтения, недели с две, мне говорил: у каждого дикаря есть своя хижина!¹⁰³ Вероятно, это сильно поразило его, если он спустя довольно долгий промежуток вспомнил о том в разговоре со мной — это я только тем и объясняю себе!

— Небрежность у него в романе удивительная; он не давал себе иногда ни малейшего труда подумать, что он пишет. Будь это не Толстой, сам же Кареев засмеял бы, затоптал бы в грязь другого, но о нем говорит сдержанно... Историков он, конечно, не читал...

В марте, кажется, за 1888 год в «*Русском деле*» была помещена статья Толстого, заглавия которой я теперь не упомяну¹⁰⁴.

— Ему (т. е. Толстому) все хочется доказать, что в Евангелии все заповеди отрицательны, — говорил мне с начинающейся злобой Н. Ф-ч, — иные и положительные отрицательны у него потому, что положительные!

— К чему сердиться: ведь это уж у него не ново.

— Разумеется, сердиться не стоит. Но посмотрите вот эти слова — неужто они внушены любовью? Если это любовь, то какая-то жестокая!

И он прочел несколько подчеркнутых строк.

— И ведь все какое пустословие! Надо говорить дело, а он пускается в метафоры о телеге, перевернутой колесами вверх. Пахать — ну, хорошо, я не отказываюсь пахать. Но как это сделать? Где взять земли? А надо ведь это сделать так, чтобы никого не обидеть, ничего не затронуть. Надо, чтоб и наука и искусство остались, надо, чтоб и люди, у которых есть теперь земля, не были обижены. А он и думать про это не хочет!

— Грот недавно говорил, что он даже как будто влияние имел на Толстого в вопросе о свободе воли¹⁰⁵. Да, пожалуй, это и правда! — говорил мне вскоре после нашей беседы Н. Ф-ч. — О свободе воли, по-моему, можно с Лафатером¹⁰⁶ так сказать: все мы свободны, как птица в клетке.

Она главным образом возникла из юридической необходимости, а потом, конечно, и богословской. Как казнить иначе? Как объяснить в мире грех? Ведь тут до чего дошло — Богу, говорят богословы, необходимо удовлетворение, необходимо покарать кого-нибудь, он без этого не может! Это чисто юридическое что-то. Мне кажется, главным-то образом оно свойственно католичеству.

Толстой дошел уж Бог знает до каких нелепостей, — продолжал он, возвращаясь к своему больному пункту, — у него и жизнь-то вся сводится на труд и страданье. Это только и можно ожидать от такого избалованного человека, как он. Что хорошего в страданье?

— Его жена сказала раз мне: «ну, чего ему не достает? Деньги есть, имение есть, слава есть, детей он в начале хотел пять человек — у него их семь; а он все недоволен», — сказал я, — правду вы говорите, что он избалованный человек.

Я стал приглашать его в Третьяковскую галерею.

— Я не знаю — ну, что смотреть Репина «Крестный ход»¹⁰⁷, например? Над чем он тут смеется? Ведь смеяться над этим нельзя, жестоко! Это нам смешно: мы едим готовый хлеб, а мужикам — дело другое! Можно ли смеяться, что они не знают другого средства — средства науки...

Мне вспомнились и мужики, серьезно, с благоговением несущие разукрашенный пестрыми ленточками фонарь, и женщины, вперебой в порыве наивной набожности несущие пустой футляр от иконы, и стало обидно, горько.

— А я читаю записки Антокольского¹⁰⁸ — очень интересно! — сказал мне Н. Ф-ч.

Я заметил, что мне не нравился его проект памятника Пушкину.

— Памятник писателю — музей вроде Лермонтовского¹⁰⁹, это я понимаю, — отвечал он, — а что в статуе!

— Зато у вас в Музее будет со временем Толстовский музей — может быть, вам и портрет-то, рисованный Крамским¹¹⁰, отдадут, — сказал я, неудачно заглядывая в будущее.

— Это правда; рукописи-то его у нас теперь почти все. А ведь лицо у Толстого необыкновенное!

Я согласился — вспомнив его мягкий, упругий, фосфорический взгляд.

<1889>

[...]

Раз я иду из гимназии и встречаю близ театра Корелина¹¹¹. Он спросил, бываю ли я в Публ<ичной> Библ<иотеке> и не могу ли справиться, нет ли там двух нужных ему итальянских книг.

Я обещал. Захожу — Н. Ф-ч, по обыкновению, роется в карточках. Я сказал об итальянских книгах.

— А знаете, кто здесь? — спросил он.

— Кто?

— Толстой. Он сейчас отсюда вышел, скоро вернется.

Он действительно скоро пришел. Увидав меня, видимо обрадовался и сейчас же заговорил.

— А вы знаете — Александр Петрович...¹¹²

— Запил?

— Да, получил 40 р. и — запил.

— Откуда он столько взял?

— Он переписывал, Стахович¹¹³ ему дал. Теперь он у нас: оборвался, в чем-то нанковом, очутился в Ржановке. Я собрал три рубля — он теперь у нас. Вот уж именно — чем больше денег, тем больше зла для него. Он наемни мне рассказывал, как вы его отругали, как говорили, что во всем он сам виноват, что дела у него нет, и он был ужасно доволен, ужасно доволен! Я даже удивился: это так непохоже на вас. Пришел такой бодрый. Вот подите, как узнать, чем угодишь на человека...

— Да, это бывает, — сказал и Н. Ф-ч, — иногда люди довольны, если их отругают.

Слушая Толстого, понял суть и смысл разговора переписчика с Толстым про омары¹¹⁴.

— Ну, как вы, Л. Н-ч, поживаете? Кажется, хорошо?

— Превосходно: чем ближе к смерти, тем лучше. А вам что тут нужно?

— Встретился Корелин, просил навести справку.

— А, имею о нем понятие...

Н. Ф-ч принес ему книг — что-то на франц<узском> языке о Ломоносове и Державине. Он начал листовать.

— Как скоро доходит дело до того, чтобы изобразить по-французски ч, надо, кажется, перебрать весь алфавит, — сказал он, смотря в книгу, — что вы к нам не завернете?

— Да отстал, а теперь как будто уж и неловко.

— А вы опять пристаньте!

— Хорошо, непременно побываю.

Он спросил веревочку, увязал книги. В каталожную стал находить народ — очевидно, поглядеть на Толстого. Вошел Филимонов, Долгов, магистрант Успенский. У Толстого глаза как-то потускнели, по лицу мелькнула чуть заметная тень. Филимонов повернулся и притворился, что он это только так, Долгов с Успенским затихли в уголке.

— Так вы, надеюсь, придете.

— Приду, Л. Н-ч, непременно. А я Лелю¹¹⁵ вашего видел — какой он большой стал!

— Да, славный малый выходит. А Илья, вы знаете, отец¹¹⁶.

— Знаю, и поздравляю вас. Знаю, что и Сережа в Петербурге...¹¹⁷

— Да, к сожалению, в Петербурге. У него тот недостаток (и глаза его стали снова тускнеть), что он существующий порядок признает хорошим, правильным. В Петербурге в этом утвердится больше, чем где-нибудь.

Я был рад, что увидел его — бодрым и свежим. Он ушел, а Н. Ф-ч сказал мне:

— Он говорит, что чем к смерти ближе, тем ему лучше — я и хотел ему сказать: да ведь вы смерти-то не признаете! И у него такие противоречия всегда. Вот еще он говорит: Бог устроит все лучше, чем мы, — а сам Бога-то не должен признавать.

— Добро бы это было фразой, — сказал я, — манерой употреблять имя Божие все..

— А то ведь нет, — подхватил Н. Ф-ч, — он это говорит не в виде фразы... У него противоречия постоянно!

— Вот смотрите — записка, — говорил мне Н. Ф-ч, показывая листок бумаги, — приходила женщина, просит помощи...

— Кто она? Какой помощи?

— Вот подпись, а какой помощи — известно.

Смотрю записку — просьба выручить несчастного человека из затруднительного положения. Подпись знакомая: Александр Петрович Иванов.

— Он уж вероятно кончил свои 40 рублей, теперь шлет ко мне записку... Да дело-то в том, что если бы еще 21-го числа, ну так... А женщина так прямо и говорит: так когда же?

Я удивился, что Александр Петрович беспокоит Н. Ф-ча. Оказалось, что это уж не в первый раз: бывали и прежде просьбы и даже жалобы, что ему за работу не платят денег.

Я удивился еще больше.

— У меня был такой-то пенсионер, — продолжал Н. Ф-ч, — тот все пребывал в Проточном переулке, когда есть деньги. В трактире он пьет до тех пор, пока не захворает и не отправится в больницу. Выйдет из больницы — опять в трактир, а там опять в больницу. Я наконец ему сказал, чтобы он не писал мне больше записок...

— Он жалуется, будто ему не платят денег, — сказал я, удивленный жалобой. — Толстой, правда, дает ему денег мало...

— Да и как в самом деле дать-то?

— Зато дает одежду, кормит. Я знаю, он дал ему полушубок, сапоги. Теперь конечно уж и этого ничего нет...

На другой день вечером ко мне на квартиру является молодой человек — белокурый, в летнем пальто (а стоял мороз градусов в 20), воротник рубашки зашпилен лучинкой, расшаркивается... Подает записку — такую же, какую я видел накануне. Я сказал, что денег не дам, а что если писавшему нужно есть, он может прийти сюда.

— Я просил бы вас это написать, а то они не поверят.

Я написал. Шаркающий молодой человек, с лучинкой в воротничке, ушел.

Несколько времени спустя, отправился я и сам в Проточный переулок.

Малоросс-будочник сходил в кабак, справился, про кого мне нужно, в тамошнем адресном столе. Вышел...

— Сейчас придет, коли дома.

Я начал ждать. Вдруг являются две фигуры — одна маленькая, неопределенная, другая рослая, с подстриженной черной бородой, в летнем пальто, застегнутом до подбородка, без шапки.

— Вы спрашивали А. П-ча?

— Я.

— Он ушел давно уж, с три четверти часа, на Зубовский бульвар. Ведь вы Иван М-ч?

— Да.

— Ну, он к вам и ушел.

Пришлось идти назад. Прихожу домой — А. П-ч сидит, пьет чай, одет в какой-то желтый архалук, в калошах, в тоненьких чулках. Мать накормила его еще до меня.

Он стал показывать какие-то стихи, говорить, что в Проточном переулке он чувствует свободней, чем напр<имер> у Толстых, что, Бог даст, он поступит к Курилову (адвокату) и т. д.

— Не надо ли вам денег, — сказал я ему, когда он начал прощаться, — только немного...

— Мне бы только 15 к.; я задолжал за ночлег...

[...]

[После рассказа И. М. Ивакина о посещении дома Л. Н. Толстого 12 апреля 1889 года («Литературное наследство», Т. 69. Л. И. Толстой. Кн. 2, с. 101–104):]

На другой день я пришел в Публичную библиотеку справиться об Анненкове¹¹⁸, который занимался Хельчицким¹¹⁹, разговорились потом о Толстом — глядь, он и сам тут! Пришел за книгами, где идет речь об американских сектах.

Посмотрел, что читаю. Видит — о Хельчицком.

— А у меня после вас были вчера Стороженко и Янжул¹²⁰. Янжула я уже два года просвещаю о Рёскине, американском писателе¹²¹, — имеете понятие? — и он только теперь выписал его себе. Заговорили мы вчера о Хельчицком...

— Что же, знает о нем Стороженко?

— Нет.

— Как? Да ведь это даже у Пыпина есть¹²² — как же ему-то, профессору-то всеобщей литературы, не знать? Ведь вся и немецкая реформация-то возшла на чешских дрожжах!

— Это правда, — отозвался Н. Ф-ч.

— У них такая казенщина, — отвечал Л. Н., — но я спрашивал о Коменском — о Коменском он знает!

Вчера, после ухода барыни, я говорил Л. Н-чу о Коменском — о том, что он был педагог, имевший всеевропейское значение, на что он мне сказал: «ну? Ведь он был чех!» О Коменском он сказал, что это был не столько философ, сколько педагог.

— Да и у нас о Коменском есть много, — отозвался Н. Ф-ч, — есть его «Orbis pictus»¹²³ — перевод еще прошлого столетия.

Л. Н-ч уселся читать «Encyclopaedia Britannica», а потом скоро ушел. Я сказал ему, что вчера забыл захватить книжечки о пьянстве.

— Да, я и сам вспомнил вчера, да вы уже ушли. Я впрочем всегда их имею с собой — вот вам, возьмите!

Он вынул из кармана и дал мне две книжки.

<22 апреля 1889.> Через неделю я пришел к Толстым. Оказалось — он одевается идти с двумя сыновьями в баню. Я сказал, что провожу их.

— А я сегодня был у Н. Ф-ча, ходил за сочинениями Сен-Симона¹²⁴, — сказал Л. Н.

— Мне он недавно говорил, что дорогой вы как-то беседовали с ним об искусстве, с увлечением, ясно...

— Да, и я думаю, что ему понравилось...

— Он говорил, что понравилось. Вы, вероятно, уже все вполне себе уяснили и все написали.

— Нет.

— Как же так?

— Не удастся, вот подите! Написать-то ведь надо так, чтобы комар носу не подточил.

[...]

К РАЗДЕЛУ «АСХАБАДСКАЯ ПОЛЕМИКА»

Н. П. Петерсон

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О НАРОДНОМ ДОМЕ¹

В газете «Асхабад» помещено несколько статей о Народном доме; в одной из этих статей говорится, что *народное ведение в широком смысле есть ведение религиозное*; в другой же, напротив, замечают — «какой же это широкий смысл, если он вставлен в рамки только религиозности»². Но что такое религия? Не есть ли это разрешение вопроса о смысле и цели существования, и не человека только, а всего мира, всего сущего?!.. И возможно ли представить себе человека, т. е. существо мыслящее, следовательно сознательно относящееся к себе и ко всему окружающему, чтобы он не задавался вопросом о смысле и цели существования, а задавшись, оставил бы его без разрешения? Правда, есть люди, а в наше время это большинство людей образованных, большинство нашей интеллигенции, которые признают, что жизнь наша, и вообще существование, не имеет ни смысла, ни цели, что жизнь — это только смена поколений; другими словами: рождаются одни, большую часть своего недолгого существования страдают сами, заставляют страдать других и умирают; на смену им являются другие, и также не на радость ни себе и никому, неизвестно зачем проживут некоторое время и погибнут... Но возможно ли для существа мыслящего, чувствующего, для существа нравственного, если оно пришло к полному и искреннему убеждению, что нет ни смысла, ни цели существования, что оно, это существо, есть какая-то роковая ошибка создания, неизвестно зачем наделившего его сознанием, возможно ли продолжать такое безотрадное, бессмысленное существование до того момента, когда почему-то оно будет прервано?!.. Если люди живут, и живут сознательно, то они не могут помириться на такой бессмыслице, и чтобы остаться существами нравственными, — продолжая жизнь, — должны употребить все свои силы, все свои способности на разрешение вопроса о смысле и цели своего существования... Разрешение этого вопроса — т. е. разрешение истинное, — может быть только *одно*, а следовательно, и истинная религия только *одна*. А между тем религий много, и каждый, испове-

дующий какую-либо религию, считает свою единою истинною. Как разобраться в этом множестве и где найти действительную истинную религию?!..

Если бы мы не страдали и не умирали, если бы мы, как говорится, блаженствовали, — и притом в истинном смысле этого слова, никому не причиняя никакого вреда нашим блаженством, и все бы вокруг нас блаженствовало, — явилась ли бы у нас мысль о смысле и цели существования; бессмертная и блаженная жизнь не была ли бы сама себе целью?.. Мне кажется несомненным, что только страдания и смерть заставляют нас задаваться вопросом о смысле и цели существования, а потому разрешение этого вопроса, или упразднение его, совпадет с тем моментом, когда в мире не будет более страданий, не будет и смерти, к которой ведут страдания. Поэтому все силы людей, все разнообразные их способности — и не в отдельности каждого, но и в полной их совокупности, вся наука, все искусство должны быть направлены к одному — к уничтожению страданий в мире, с уничтожением же страданий не будет и смерти, к которой ведут *страдания*... Но существам сознающим и чувствующим, существам нравственным, одно избавление от страданий физических не может дать жизни блаженной, а следовательно и бессмертия; сознавая, что наше благополучие построено на могилах бесчисленных поколений, на могилах наших отцов, можем ли мы чувствовать себя блаженными и желать бессмертия, пока не возвратим жизни тем, от кого сами ее получили, т. е. нашим отцам; а наши отцы в таком же отношении к своим отцам — нашим дедам и т. д. Следовательно, наша задача, общее дело всего рода человеческого — не в избавлении только живущих от страданий, но и в возвращении жизни всем умершим, всему некогда живому... И мы знаем, что христианство — именно та религия, которая ведет ко всеобщему воскресению. Христос заповедал всем, всему роду человеческому, без различия эллина от иудея, собраться во едино по образу и подобию Пресвятой Троицы, которая при полной самостоятельности всех трех ипостасей составляет, однако, нераздельное единство; в этой самостоятельности божественных личностей и в нераздельном их единстве и дана нам заповедь: *сохраняя полную самостоятельность каждой личности, создать нераздельное, неразрывное многоединство всего рода человеческого*. Многоединство по образу Божественного Троиединства всех живущих — только заставит нас почувствовать со всею силою понесенные нами утраты, при нашей розни далеко не в надлежащей мере нами сознаваемые, придаст и новые силы к возвращению утрат, укажет новые способы к присоединению их в наше единство, которое без восстановления всех умерших будет неполно, недостаточно. Для осуществления этого дела, т. е. для исполнения наибольшей заповеди, нужна вся наука, все искусство, нужно придать этому делу самих себя, друг друга и всю жизнь нашу, — как это и приглашает христианство, и именно христианство, избранное народом русским, христианство православное, которое, согласно с апостолом, определяет веру как *осуществление ожидаемого* («*Вера же есть осуществление ожидаемого*»), а ожидаем мы, или чаем, по символу веры, *воскресения мертвых* и блаженной жизни будущего века. Для осуществления этого общего всем людям дела требуется — повторяем — вся наука, все искусство; нет такого знания, которое не нашло бы приложения в этом всеобъемлющем деле; сама не имеющая по-видимому никакого практического приложения астрономия —

с точки зрения общего всем людям дела — в настоящее время совершает лишь рекогносцировки в иные миры, а со временем станет знанием, правящим движением этих миров, которыми род человеческий должен обладать, чтобы разместиться, когда все воскреснет.

В заключение позволю себе сделать небольшую выписку из нового, нигде не напечатанного произведения человека, которого все хорошо его знающие признают великим, быть может, величайшим из людей; а знал его и В. С. Соловьев, пришедший в восторг от одного из его произведений, которое только и удалось Соловьеву прочитать и которое, как и все, можно сказать, произведения этого человека, за исключением весьма немногих и незначительных, остаются под спудом; знает этого человека и идол нашего времени — Л. Н. Толстой³, который не раз говорил, что *гордится* тем, что живет в одно время с этим человеком⁴. Вот эта выписка:

«Жить необходимо не для себя (эгоизм), ни для других (альтруизм), — эпикуреизм и аскетизм одинаково несостоятельны; жить необходимо со всеми живущими для воссоздания всех умерших в жизнь бессмертную — *через обращение слепой силы природы (носящей в себе голод, язвы и смерть) в управляемую разумом и чувством*, в чем и состоит естественное отношение разумных существ *в их совокупности* к неразумной и бесчувственной силе; а что особенно важно, этим самым исполняется и святая воля Бога отцов, Бога не мертвых, а живых»⁵.

В этой небольшой формуле заключается не только заповедь всему роду человеческому в его совокупности, но в ней же дается цель жизни, указывается и средство осуществления всеобщей задачи; то есть, здесь наука и искусство возводятся на высшую ступень и примиряются с религиею, исполняя совокупно *наибольшую заповедь*. И только в таком союзе с религиею наука и искусство сделаются поистине безграничными, так как станут орудиями управления всем безграничным миром. Сами же по себе наука и искусство есть только средство, есть лишь орудия, которые могут принести также и величайшее зло, как в союзе с религиею принесут величайшее благо. Нынешняя наука — не только равнодушная к людским бедствиям, но и безмерно их увеличивающая, находя свое приложение в индустриализме, который удовлетворяет, главным образом, скотской похоти, и в милитаризме, или зверстве, — и есть, можно сказать, наука зловерная.

ВОПРОС О СМЫСЛЕ И ЦЕЛИ

По поводу статьи г-на Pensoso «Блаженная жизнь»
в № 3-м газеты «Асхабад» за 1902 год⁶

В статье «Блаженная жизнь» говорится, что автор статьи под заглавием «По поводу статей о Народном доме» (в № 364-м «Асхабада» за 1901 г.) «начал говорить не о ведении вообще, а только о религии и смысле жизни», по мнению же г-на Pensoso — «это уже другой вопрос». Т. е. как это — другой вопрос, что это значит? В статье под заглавием «По поводу статей о Народном доме» говорится, что наука, т. е. «ведение вообще», есть средство, есть орудие; с этим согласен, по видимому, и автор статьи «Блаженная жизнь», т. к. признает, что «наука сама по себе безразлична». Если же сама по себе наука безразлична, если она есть орудие или средство, то для чего же и может быть она орудием, как не для религии, которая есть разрешение вопроса о цели и смысле, разрешение не академическое, конечно, а требующее осуществления того чаяния, или ожидания, к которому приводит разрешение этого вопроса; осуществление же чаяния, к которому приводит разрешение вопроса о смысле и цели, требует всех сил человека, всей его жизни, и не жизни и сил каждого только, в отдельности, а всех в совокупности, требует жизни во всей ее целостности, со всеми орудиями и средствами, требует, следовательно, всей науки, а не одного лишь отдела ее, который автор статьи «Блаженная жизнь» назвал *ведением религиозным*. Каким же образом можно противопоставлять религию науке и спрашивать: «где кончается одно и начинается другое?», не очевидно ли, что это величины несоизмеримые, и в область религии входит и вся наука, и все искусство, и вообще все, что служит жизни; что служит жизни, то служит и религии как разрешению вопроса о цели и смысле и осуществлению того, к чему приводит это разрешение. Так же невозможно сказать: «начал говорить не о ведении вообще, а только о религии и смысле жизни», как и было бы нелепо сказать: «начал говорить не о сохе и бороне, а только о человеке и хлебе, им себе добываемом». И в райской жизни нужно было не одно то знание, которое г-н Pensoso называет *ведением религиозным*⁷. «Ведение вообще» не только не было воспрещено в раю, но и было заповедано, ибо Господь, создав мир, отдал его в управление человеку, а чтобы управлять миром, нужно было познать его; человеку же путь познания показался слишком продолжительным и трудным, и он прельстился именно тем, от чего и предостерегал его Господь, воображаемую возможностью *познать* без всякого труда; отсюда — грех и смерть и еще более продолжительный и трудный путь к исполнению данной человеку при создании божественной заповеди об управлении миром. Управление миром, или «обращение слепой силы природы в управляемую разумом и чувством», — что и приведет к жизни бессмертной, а следовательно, и блаженной, — задача, которая, надо думать, достаточно содержательна, чтобы наполнить жизнь человеческого рода, и признав в этом смысл и цель, едва ли кто спросит: «жизнь, зачем ты мне дана?..» Для осуществления задачи требуется жизнь в телах, ибо мир материален и человек не дух только, но и плоть, и только *духовная* жизнь так же не может удовлетворить человека, как и одна плотская; при бессмертии деторождения уже не будет, не будет,

следовательно, и тех вожделений, удовлетворением которых прельщает магометанство⁸. Те же, которые думают, будто христианство обещает одно только духовное блаженство, совсем не понимают христианства, не понимают до забвения, что Христос приходил воскресить именно плоть человека, потому что дух бессмертен; и Сам Христос воскрес не духом, но плотию; конечно, плоть Его, по воскресении, обладала такими свойствами, которыми не обладает в настоящее время наша плоть; но по воскресении и наша плоть приобретает, надо думать, те же свойства, как плоть Христова, потому что Христос — первенец из мертвых, положивший начало всеобщему воскресению. Автор статьи «Блаженная жизнь» соглашается, что задача науки состоит в обращении *«слепой силы природы в управляемую разумом и чувством»*; и вместе с тем говорит, что задача эта выражена давно, как бы укоряя нас в желании приписать выражение этой задачи не тому, кто ее выразил раньше. Но по существу самых чаяний того, кому принадлежат вышеприведенные слова, чаяний, требующих для своего осуществления всеобщего согласия, никакого вопроса о первенстве в чем бы то ни было и быть не может; он всегда только на том и настаивает, что все, им излагаемое, как, например, *«Самодержавие»*, не выдумка его, не сочинение, а самая сущность христианства, и христианства православного; что все это уже давно выработано, и только забыто и искажено. Если же окажется, что и еще где-либо есть согласные с высказанным им, и даже предупредившие его в выражении тех же мыслей, то это как ему, так и немногочисленным его единомышленникам может доставить только радость, и радость тем ббльшую, чем больше окажется согласных. Но к сожалению, в доказательство того, что задача науки — состоящая в обращении *«слепой силы природы в управляемую разумом и чувством»*, — выражена будто бы давно, г-н Pensoso приводит выписку из Лакомба, в которой говорится, что цель для человека, — «если бы вообще было позволительно думать, что природа постановила для нас какую-либо цель», — «заключается в развитии человеческого разума»; что «порождаемое умственными эмоциями, слабое, мирное счастье может быть непрерывным и наполнить почти все мгновенья существования»; и что «правило искусства жить заключается в том, чтобы стремиться в значительной степени к умственным эмоциям»⁹. Можно ли, однако, допустить, что г-н Pensoso говорит серьезно, когда совет Лакомба — «стремиться в значительной степени к умственным эмоциям» — сопоставляет с божественной заповедью об управлении миром, в которой и заключается долг «жить со всеми живущими для воссоздания всех умерших в жизнь бессмертную, — чрез обращение слепой силы природы (носящей в себе голод, язвы и смерть) в управляемую разумом»?! И неужели же задача науки, полагаемая в исполнении этого долга и требующая объединения всего рода человеческого по образу Божественной Троицы, требующая, чтобы *все* стали исследователями и чтобы *все* было обращено в предмет знания, неужели эта задача *серьезно* может быть сравниваема с задачей, заключающеюся в доставлении возможности стремиться к умственным эмоциям, хотя бы и в значительной степени?!.. Если же это со стороны г-на Pensoso шутка, то в чем ее смысл?!.. И неужели тот, кто возлагает на науку такую великую задачу, как управление миром, кто все упования, и не свои только, а всего рода человеческого, всего живого, всего чувствующего, а следовательно, и страдающего, основывает на вере в силу знания, т. е. науки, неужели же этот человек может

задаваться целью *поругать* науку, *клеветать* на нее?!..¹⁰ И разве это клевета, когда говорят, что наука, долженствующая быть орудием величайшего блага, может быть орудием и величайшего зла? и что нынешняя наука — как чистая, как наука для науки, знание для знания — равнодушна к человеческим бедствиям, а как прикладная, она имеет свое приложение к индустриализму, возбуждающему скотские похоти, и к неразрывному с индустриализмом милитаризму, в котором выражается то, что есть зверского в человеке?! И разве не посредством науки, давшей в руки некоторых машины, создано существующее ныне страшное неравенство состояний, так что люди разделились, можно сказать, на две породы, которым трудно и понять друг друга?! Да и можно ли клеветать на науку; можно ли клеветать на огонь, на воду, или на топор, на нож и т. п. Г-н Pensoso находит также, что в статье «По поводу статей о Народном доме» обругана и оклеветана еще и интеллигенция, которой приписывается отрицание смысла жизни, по мнению же г-на Pensoso — «*неправда это*». Но если это неправда, если интеллигенция не отрицает смысла жизни, то пусть укажут, в чем заключается смысл жизни по понятиям интеллигенции? А между тем, сам г-н Pensoso в статье «Что такое свобода совести?» — требует свободы или права не исповедывать никакой религии, т. е. права на отрицание всякого смысла и цели жизни, как это разъяснено в статье «*О свободе совести*» в № 8-м «Асхабада» за настоящий 1902 год¹¹; да и в статье «Блаженная жизнь» приведена выписка из Лакомба, в которой говорится: «*если бы вообще было позволительно думать, что природа постановила для нас какую-либо цель*», то и проч.; т. е., по мнению Лакомба и согласного с ним г. Pensoso, принявшего на себя защиту интеллигенции, даже не позволительно и думать, что наше существование может иметь какую-либо цель, а следовательно — и смысл. Не заключается ли указания на смысл жизни, как понимает его интеллигенция, в статьях г-на Pensoso, помещенных в № 5-м «Асхабада», под заглавием «Жизнь не ждет»¹², и в № 7, под заглавием «Итальянская поэзия», — последняя с эпитафией: «Страдать! Страдать — значит жить»¹³; в таком случае, страдание и есть цель жизни, — цель жизни заключается в страдании и работе, состоящей в борьбе с людскими скорбью и горем, с скорбью и горем других, забывая при этом собственные скорби и горести. Но если можно будто бы удивиться, когда целью жизни ставится всеобщая блаженная жизнь, то насколько же удивительнее, когда целью ставится неустанная работа, бесконечная борьба со скорбями и горестями, со скорбями и горестями других, и это без всякой надежды на действительное избавление когда-либо и кого-либо от скорбей и горестей. Да такого избавления и желать нельзя, потому что не будет скорбей и горестей, не будет и цели для жизни, т. к. сама по себе жизнь ничего не стоит, как бы она хороша и даже блаженна ни была... Но может ли иметь целью поругать интеллигенцию человек, который и сам плоть от плоти, кость от костей этой же интеллигенции и живет с нею одною жизнью?!.. Это не брань, не клевета на интеллигенцию, а величайшая скорбь, крик отчаяния при виде тех дебрей, той пропасти, в которую интеллигенция несомненно обрушится, когда окончательно отвергнет все святое, порвет с великим прошлым, со своими отцами и праотцами, признав, что они окончательно, бесповоротно погибли.

ПОЭТЕССА «ВДУМЧИВОЙ СКОРБИ»
(UNA POETESSA DEL «PENSOSO DOLOR»)

По поводу статьи г-на «Pensoso» о «Блаженной жизни»¹⁴

В возникшей недавно на страницах «Асхабада» полемике между г. «Pensoso» и гг. «Веди-Добро» и «* *», по вопросу о том, в чем состоит «блаженная жизнь», г. Pensoso находит, что вопрос этот остается неразъясненным его оппонентами, давшими будто бы только «маленький намек» на его решение¹⁵. На самом же деле в этот будто бы маленький намек входят уничтожение голода, болезней и самой смерти, словом, всех бед, угнетающих человечество.

Ввиду того, что г. Pensoso, как видно из его статьи «Об итальянской поэзии», большой любитель поэзии вообще и особенно высоко ценит поэзию Ады Негри¹⁶, нам показалось не лишним интереса обратить его внимание на то, что даже в произведениях столь симпатичной ему поэтессы Ады Негри он может найти указания на необходимость решать вопрос о блаженной жизни именно в том смысле, в каком решается он оппонентами самого г-на Pensoso.

Хотя Ада Негри обыкновенно считается поэтессой социальной скорби, оплакивающей горе обездоленных экономической нуждой (рабочих)¹⁷, однако несомненно ее поэзия отзывается и на более глубокие, общечеловеческие скорби: в ней можно найти очень ясные указания на то, что первопричина социальной, экономической нужды — естественный пауперизм рода человеческого: голод, болезнь, смерть... Можно также из ее стихотворений усмотреть, в чем заключается спасение от этих бед и какими путями и средствами надо достигать этого спасения. Можно, наконец, в ее творчестве встретить и мечты о конечной победе добра. Мы не хотим сказать, чтобы в произведениях Ады Негри великая задача и цель жизни человечества представлена была во всей ее полноте и определенности; мы утверждаем, однако, что даровитая поэтесса во многих из своих проникнутых столь глубоким чувством песнях настолько близко подходит к разоблачению истинных причин бедствий человечества и средств к избавлению от них, что стóит только сопоставить относящиеся сюда выражения, для того чтобы весь великий вопрос о смысле и цели жизни, следовательно и о «блаженной жизни», предстал перед нами ясно и определенно.

Позволяем себе сделать несколько таких сопоставлений и, прежде всего, укажем на следующие трагические строки из стихотворения «Sulla braccia»¹⁸. Здесь дана мрачная картина теперешнего неразумного и безжалостного отношения живущих к умершим, а вместе с тем, как бы в возмездие, — и предстоящая и живущим такая же неизбежная гибель:

Il grido di chi muor nessuno ascolta;
Niun comprende il supremo sacrificio;
Sorgono i vivi al posto degli estinti
Sul lutto è la speranza:
Sconfinato è l'esercito che avanza,
Serenamente calpestando i vinti:
E come corron su le fosse mute
I bambini festanti,
Vanno le turbe, ignare e rimugghianti
Sui resti delle vittime cadute.

(...Вопль умирающего никто не слушает;
Никто не может (даже) понять
величайшей жертвы.
Живые становятся на место угасших
И на борьбу (друг с другом)
возлагают всю свою надежду.
Но и это (новое) войско смущенно
(недоверчиво к своим силам) движется вперед,
Хотя и топчет оно спокойно побежденных (смертью)¹⁹.
Так, подобно детям, радостно резвящимся
над немymi могилами,
Невежественные и дико ревушие толпы
Проходят над останками падших жертв.)

Стихотворение это вызвано смертью простого рабочего. Но вот другое, еще более трагичное, где жертвой смерти является даровитая, безвременно погибшая художница Мария Башкирцева («A Marie Bashkirtseff»)²⁰. Ужас напрасной, бессмысленной гибели жизни, молодости, таланта изображен здесь потрясающими чертами: «Меня преследует твой взор и влечет меня к себе, как отверстие бездны. И из-под волны тонких вьющихся золотистых волос ты смотришь на меня, сверкающая белизною, с нервно-дышащими розовыми ноздрями, и уста твои, хотя и крепко сжатые, шепчут: „Я думаю, я желаю (я полна дум и желаний)”, а чело, еще не изборожденное морщинами, говорит мне:

„Я рождена была для лавра, для царского трона!..” Чувствую, чувствую, что так! И, однако, ты умерла, светлорусая славянка!..

...Что остается от тебя теперь, смелая в борьбе дочь Искусства?.. Железом скованный гроб под черною землею... да крест над гробом, беззащитный пред порывами ветра... а там... внутри... среди червей... твой череп ослабил, ощерив зубы... И ничего больше!.. Только кругом, со всех сторон бесконечная, мрачная, суровая ночь... Смотрю на изображение твое, светлокудрая славянка, и взгляд твой изменчивый чарует меня; и что-то твое проникает и в мою душу, и все, все отравляет в ней мне... И вот я чувствую *тебя в себе* (Ed io mi sento te), чувствую, что я сама стала тобой... чувствую прирожденный дар творчества; чувствую в мозгу биение круговорота мыслей... Но вижу и смерть, вижу, как подкрадывается она ко мне... как она, так же точно, как и в тебе, все отсе-

кает прочь и все уничтожает... вижу, как уже дымится и чадит угасающий факел жизни. И что же? Ужели от нас ничего, ничего не остается?.. Полный отчаяния вопль души своей я шлю мраку и буре. Но не понимает его земля, а Бог на него не дает ответа... И в бесконечности наш стон замирает и погружается, как камень, в глубину волн. А между тем над сомнениями людей невежественных твой череп, о, минувшая, твой череп, скаля почерневшие зубы, улыбается, словно насмехаясь над живыми проблесками твоего духа в моем существе, которое также умрет скоро, скоро...»

Эти строки, не уступающие, по трагизму образов и выражений, сходному стихотворению Леопарди «Над античным барельефом молодой девушки» (*Sopra un bassorilievo antico: «Tal fosti! ecc»*)²¹, слишком очевидно показывают, как живо, как глубоко юная поэтесса чувствует основную скорбь жизни — утрату жизни, вечную угрозу смерти всему живущему, и перед этим основным бедствием, всем общим, сравнительно жалким и ничтожным уже становится второстепенное бедствие — бедность материальная, нужда. Трудно быть более отзывчивой, чем Ада Негри, к страданиям бедняков, но эта отзывчивость не переходит у нее в жажду злого возмездия притеснителям обездоленных, не переходит в призывы ко вражде, к ненависти и к мести. Умиляясь над овдовевшей работницею, безропотно трудящеюся из-за хлеба насущного у постели больного сына и не теряющею надежды, юная поэтесса «преклоняется перед добродетелью, умеющею прощать и не знающею ненависти, и просит у нее благословения». И (что особенно ценно), проникаясь именно этим «высочайшим, терпеливым достоинством скорби», скорби обездоленной женщины об утрате кормильца семьи, — Ада восклицает: «...никогда и моя душа не вспоминала с таким умилением мою мать, как теперь здесь»²², при виде этой скорбящей вдовы. Таким образом чужая утрата становится как бы уже не чужою, а своею при воспоминании о величайшей из своих утрат — утрате матери. А как жива, как глубока была в нежной душе писательницы любовь к матери, видно из ее стихотворения «*Pietà!*» (Сжался!), в этом трогательном призыве к жалости ко всем умирающим:

Pietà di lei che soffre!
Pietà di lei che muore!..
Fa che d'amor, di gioie,
Fa che di tutto priva
Io sia, tranne di lagrime!..
Ma che mia, madre viva!
Pietà!

(«Сжался над страждущим!
Сжался над умирающим!
Пусть буду я лишена любви и радостей,
Пусть всего буду лишена я, кроме
слез,
Лишь бы только мать моя осталась
жива!

О сжался!..)»

Священное чувство жалости к умирающему возвышается до крайних пределов в жалости к умирающей матери, в желании спасти ее. И так искренно, так глубоко чувство детской любви к матери у этой «дочери человеческой»²³, что ради спасения матери она, не колеблясь, готова навсегда пожертвовать всякою другою любовью и всеми радостями жизни. Одни только слезы, одно только печалование об утрате незабвенного, дорогого существа оставляет она себе, взамен всех соблазнов чувственного счастья, возможного только при забвении таких утрат и вообще человеческого горя. На вопрос (в пьесе «Fin ch'io viva e riu in là!»²⁴): «отчего ты никогда не смеешься, не знаешь песен веселых, ни музыки — лобзаний?» она отвечает: «Оттого, что среди ликования солнечных лучей и пламенных гимнов вселенной» (то есть среди чувственного ликования безотзывчивой к нашим скорбям природы) до меня изблизи и издали долетает отзвучие воплей, жалоб и стонов! Оттого, что на сердце мне капает алая кровь избранных, отдавших свою жизнь за свободу... Оттого, что доносятся ко мне из хижин рабочих... из дымных фабрик и заводов, из скудных бесплодных полей... доносятся стоны голодающих тружеников и тружениц... Плач, непрерывный, неотвязный, зловещий, вечный, преследует меня... застилает мне черною тучею солнце... И прочь от меня бегут и радость, и красота... и дерзкое опьянение любви и восторги лобзанья. Одно горе остается мне. Но горе это — то, которое не уступает и не преклоняется; это то горе, которое в борьбе стремится в высь, к Богу...» Вот отчего в нескольких стихотворениях Ада Негри с негодованием отталкивает от себя соблазны любви со стороны людей, забывающих в пиру личного себялюбивого счастья о бедствиях большинства. Отрезвленная от соблазнов света чувством жалости «к страждущим, к умирающим», она вызывает к своей музе: «In alto, in alto sempre, in alto ancor!» («Fra i boschi»²⁵): («Выше, непрерывно выше! и снова еще выше!»). Все разрозненное, все скорбящее и трудящееся человечество, все, как одну семью, призывает она к борьбе со злом, к делу совокупному, общему.

Te canto, o sparsa, o laboriosa, o grande
Famiglia umana!.. Va, combatti e spera,
Tenta, t'adopra e non posar giammai,
Breve è la vita! («Salvete»²⁶.)

«Тебя, о разрозненная, трудящаяся, великая семья
человеческая, пою я!
Иди, сражайся и надейся! Дерзай, отдавайся
делу и никогда не отдыхай, не останавливайся,
ибо жизнь коротка!»

Только те, кто неустанно, храбро,
с надеждою на победу борется с врагом,
только тем дается победа:
(Per chi strenuo combatte è la vittoria.
«Fatalità»²⁷.)

И если пока еще далеко до торжества добра над злом, тем дороже, тем священнее ей великие борцы за водворение будущего рая на земле, эти «герои идеи добра», хотя, как мы видели, она совершенно чужда современного модного «интеллигентного аристократизма» в духе Ницше: в противоположность бессердечному презрению певца «сверхчеловеков», Ада Негри — певец народных масс, большинства страждущего, обездоленного, огрубевшего, но не утратившего все же права на жалость. Ее сердце, как мы видели, отзывается с одинаковым состраданием и на гибель выдающейся художницы, и «героев идеи», и на гибель простого рабочего, разбившегося насмерть при падении с крыши во время работы. Ей жалки «все умирающие», оттого не к одним героям и избранным, а «ко всей великой страждущей семье человеческой» обращается она с призывом к совокупному труду, от которого ждет в будущем общего спасения. Ей уже грезится это блаженное время, она видит его: «...Уже не кровью будет тогда заливаема наша земля... Смолкнет гром ружей и пушек... И целый мир станет нашою родиною, и всех оживит святой энтузиазм, и соединенная из всех человеческих голосов торжественная песнь мира будет разливаться от берега и до берега, от края и до края».

(«E non più sangue, non più sangue
allada
La dolorosa terra...
Ma tutto il mondo è patria e tutti
un santo
Entusiasmo avviva,
E di pace solenne e unite un canto
Alia di riva in riva».
«Non mi turbar»²⁸.)

Не может ли быть таким образом Ада Негри по справедливости названа, по встречающемуся у нее самой прекрасному выражению, поэтессою «вдумчивой скорби» (*di un pensoso dolor*²⁹), высокий нравственный смысл которого может, думается нам, разъяснить и симпатизирующему ей г-ну Pensoso, в чем должна состоять действительно блаженная жизнь.

МАТЕРИАЛЫ В. А. КОЖЕВНИКОВА

В. А. Кожевников

К ВОПРОСУ ОБ УМИРОТВОРЕНИИ¹

Запад любит похваляться высокою степенью уважения власти в конституционных странах к общественному мнению. К сожалению, западные государственные деятели много раз подавали серьезный повод сомневаться в основательности такого убеждения. Но никогда еще уверенность во влиятельности общественного мнения на образ действия правящих сфер на Западе не испытывала такого чувствительного удара, как в настоящую минуту. В самом деле, можно ли себе представить более резкое, более грубое противоречие, как то, которым оказывается за последнее время поведение вершителей западной политики с мнением самого общества? Тогда как общество, от низших слоев до высших, громко и восторженно заявляет о своем сочувствии великодушному призыву Русского Императора к всемирному миру, дипломаты, политики и правители конституционных стран, не решаясь противоречить этому призыву словами, на деле с усиленной энергией и поспешностью принимают меры, как раз противоположные миру. С одной стороны, печать Старого и Нового Света поет хвалебные гимны Манифесту 12 августа; для одобрения его произносятся бесчисленные речи, собираются колоссальные митинги, готовятся небывалые по размерам, сочувственные международные демонстрации... А с другой?.. С другой — император, считающий себя за рыцаря, за преемника прав и заветов крестоносца Барбароссы, запечатлевает свое паломничество ко Гробу Господню уверениями в дружбе с Исламом, приказаниями возложить венок славы на гроб Саладина, отнявшего у крестоносцев Гроб Господень, а вернувшись на родину, провозглашает, что вернейшее обеспечение Мира есть хорошо отточенный германский меч!² Другой монарх, сосед России, заявляет, что сочувствие призыву к миру не должно останавливать увеличения военных сил на море и суше, и оповещает о какой-то пробной их мобилизации³. Англия отвечает на манифест Русского Государя захватом Фашоды⁴ и постройкою сотни новых военных судов, вызывая этим соответствующие меры предосторожности во Франции. В немецком Рейхстаге требуют огромного дополнительного кредита на военные «улучшения»⁵. Хваления за свой мирный прогресс республика

Северной Америки вступает решительно на скользкий путь завоеваний и после грустных подвигов войны с Испанией⁶ готовится к новым захватам в Азии, не оправдываемым мирными целями, и, словно под влиянием новейших речей о мире, опровергаемых немирными мероприятиями всего Запада, даже маленькая Бельгия намеревается просить об усилении обеспечений ее территориальной неприкосновенности. Это ли искреннее сочувствие делу мира? Это ли уважение к общественному мнению?..

Сам Запад сознает, впрочем, лживость положения, созданного таким образом его политиками; он даже как будто начинает каяться в этом. Главный организатор грандиозной европейско-американской манифестации в пользу Разоружения, издатель Review of Reviews Стэд⁷ (в № своего журнала от 15 декабря 1898 г.), отозвавшись с восторженною похвалою о предложении Русского Государя, в следующих выражениях характеризует препятствия, которые оно встречает на Западе. «Огромная сила самой закостенелой корысти, вкоренившейся во всех странах, сплоченная масса международной зависти и враждебного друг к другу честолюбия, словом: сам Сатана со всеми слугами своими уже повсюду ополчается на него, быть может, там наиболее деятельный, где его наименее заметно, ведущий подкопы под прикрытием личины благообразных выражений сочувствия». «Но (спешит прибавить английский публицист) и с другой стороны стоят также не малые силы! *Первая и главная сила есть сила и мощь, свойственные Самодержавию по самому существу его.* Торжественные обеты при Священном Короновании не могут быть праздными формулировками для души, столь глубоко проникнутой чувством долга, как душа Государя. Одно только непрестанное сознание той обязанности, которою Русский Царь облечен по отношению к бесчисленным миллионам людей, взирающих на него как на воплощение Божественного Промысла на земле, в состоянии поддержать его в его дневных трудах, и то же, свыше вверенное ему полномочие поможет ему пребыть твердым в своем решении и укрепит его волю для проведения намеченного дела до конца». (Review of Reviews. 15 декабря 1898. P. 551–2.)

Так смотрит на отношение Запада и России к великому современному вопросу сын Запада, сын страны конституционной, демократ, хотя и признающий, что «демократия *только случайно может функционировать с успехом.*» (Id. Ibid. P. 552.)

Не странно ли, после таких признаний, слышать не только на Западе, но и у нас мнение, которое иногда приходится слышать, будто в самой России народ относится равнодушно к великому делу умиротворения! Правда, в России нет митингов и показательных демонстраций для эффектной выставки мнений: не в обычае и не во вкусе они русского народа; но в них в данном случае и надобности никакой нет! Всякому, знакомому с русским народом, с заветами его прошлого, с его душою, излишне, праздно и оскорбительно было бы доказывать любовь этого народа к миру, его отвращение к войне завоевательной. То и другое без слов доказано делами, доказано всею историею России, ее отношениями к Западу и Востоку. Весь смысл русской истории, как и внутренний смысл самодержавия, воплощается в одном величавом и правдивом слове: «умиротворение». Поставленная верховною волею Провидения между западным миром и восточным, открытая по своему беззащитному положению коры-

ственным и честолюбивым ударам того и другого, Россия сначала, в течение долгих веков, бескорыстно и самоотверженно защищала и спасала Запад и его цивилизацию от нашествий восточных варваров, а потом, когда в этом стала миновать надобность, Россия была принуждена для своей и общеевропейской безопасности заняться умиротворением и самого Востока, благим делом, которое, с Божией помощью, она успешно продолжает и поныне. Румыния, Сербия и Болгария, Греция и Крит, освобожденные Россией из-под ига турецкого, Пруссия и другие западные страны, освобожденные ею из-под деспотизма Наполеона, могут, вместе с ею же умиротворенными азиатскими разбойничьими ордами, ответить за нас: бескорыстно ли относилось Русское Государство к возложенной на него Божественным Промыслом трудной задаче — вести войны для освобождения и умиротворения народов, и не был ли всегда готов русский народ «полагать душу свою» не за одних друзей, но и за врагов своих!

Истинный смысл народного русского мировоззрения выражен в двух великих понятиях: Православие и Самодержавие. То и другое, в пределах жизни земной, стремится к выполнению одной и той же высшей задачи: всеобщего умиротворения, «возвращения сердец сынов к отцам», а через это — восстановления всеобщего, всесыновнего братства. Церковь Православная, в отличие от небратского, деспотического угнетения народностей и личностей католицизмом и от столь же не-братского обособления и отчуждения мелких групп и личностей от целого в протестантизме, — Церковь Православная в своем широком начале соборного, братского единения и равноправия возводит учение о Пресвятой Троице, нераздельной и неслиянной, в высший образец свободного, любвеобильного единства, делая его образцом и для человеческой нравственности, для всего общественного строя и мирового согласия. К тому же стремится и Самодержавие, верное своему истинному, священному смыслу, поставляя Царя, Отца народа, в заместителя всех отцов, или, как выражалась древняя Русь, «в отцов и праотцов место», обращая таким образом и всех людей в братьев. При таком мировоззрении, принятом и усвоенном искони русским народом, немислимы, непозволительны политические партии, политические разномнения и раздоры; возможна только одна политика: политика умиротворения, объединения, возвращения к сознанию и признанию родства, исходящего из общего отечества, земного и небесного. Об успехе этой-то политики, единственной возможной с правильно-русской точки зрения, и молится непрестанно Церковь Православная, а с нею и русский народ: «о мире *всего* мира и о соединении *всех*»⁸. И лишь поскольку, впрямь до полного умиротворения, война, в смысле охраны и расширения царства мира, является печальною неизбежностью, лишь в этом смысле и Церковь, и Самодержавие, и народ православный признают войну всеобщую обязательною повинностью и несут ее беспрекословно с высшею степенью добросовестности и самопожертвования, зная и чувствуя, что «больше сия любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»⁹. Оттого Церковь, молясь о воинах, видит в них как бы мучеников, «убиенных за веру, Царя и отечество»¹⁰, то есть за дело мира; так как вера в Бога отцов есть согласие всех в признании и выполнении высшей истины, а Царь *есть* объединение родственного согласия сынов земных в общем мирном деле сыновнем и братском, Отечество же — святыня праха отцов, алтарь, свя-

зующий сердца сынов человеческих любовью животворящую. Убиенные на брани за эти великие жизненные начала в мировоззрении народа русского — подвижники дела мира, приравняемые до известной степени к славе венца мученического. В этом смысле, а не в тщеславном, в смысле подвижническом, а не в геройском, ценит солдата простолюдин и отмечает нередко особо в своем поминании усопшего «воина», словно желая этим удостоверить его преимущественное право на жизнь вечную в награду за жертву жизни временной на пользу ближнего.

Сверх того, присущее народу русскому неискоренимое в нем глубокое почтение к усопшим, к праху «отшедших от нас отцев и братий наших»¹¹, создает в душе народной естественное, особенно сильное отвращение к истреблению человеческой жизни, настолько сильное, что даже убийцу народная речь предпочитает вместо преступника называть «несчастливым», полагая вполне правильно, что сознание быть виновником смерти человека есть высшее несчастье. Русская церковная и государственная жизнь, создавшаяся в века родового и общинного быта у подножия храмов, кремлей, городков и острожков, дедиц, воздвигнутых над могилами предков для охраны их священного праха, — древне-русская жизнь передала и длинному ряду поколений почтительное, благоговейное отношение к усопшим и вместе с тем и глубокое отвращение ко всякому поруганию смертных останков опочивших. Не может, следовательно, не быть тяжелым и скорбным для русского сердца созерцание того разнообразного поругания этих дорогих останков, которое часто бывает неизбежно в трудных походах, в кровопролитных битвах и в особенности при современных, так называемых «усовершенствованных» орудиях разрушения и истребления, обезображивающих и оскверняющих богоподобный образ человеческий. Уже одно уродование и искалечивание тел усопших, одно оставление их на долгое, беспризорное тление или на съедение хищным зверям и птицам, одно, наконец, спешное, небрежное предание их земле врагами, без чина православного погребения, вдали от близких, от родины, поруганных и неоплакиваемых, — одни уже эти ужасные следствия войны наполняют русскую народную душу глубоким отвращением, которое превратилось бы в непреодолимое, если бы не убеждение, что такая гибель жизни человеческой есть мученическая жертва за высшее благо: за Веру, за Царя, за Отечество.

При таком взгляде на войну как же должен, как же может простолюдин русский относиться к новейшим «усовершенствованиям» орудий, несущих смерть и разрушение, орудий, непрерывно вводимых в военный обиход в наши дни? Как отнесется он ко всем этим динамитам, мелинитам, роборитам, минам, самодвижущимся торпедам, разрывным снарядам и метательным, предназначенным для опускания с воздушных шаров, к применениям электротехники к истреблению человеческих масс, словом — ко всем этим блестящим изобретениям гуманного века, частью уже практикующимся, частью только замышляемым? Если в так называемой «культурной среде», из которой (не в обиду будет сказано!) исходят эти изобретения, на них лучшая часть людей смотрит как на орудие величайшей жестокости, то в среде «некультурной», которой наиболее приходится страдать от *таких* успехов знания и техники, народ должен в них видеть прежде всего акт кощунственный, акт непростительного поругания над

величием умирающего или умершего. Над покойником смолкает порицание; перед ним расступается толпа; перед ним сам Царь обнажает голову... Бессильный облечь «позор тления» в «благоепие нетления» простолюдин силится, насколько возможно, облагообразить внешний вид почившего: равнодушный к щегольству при жизни, русский человек заранее, задолго до смерти, заботливо снаряжает себя, как он выражается, «на смерть», то есть к погребению, готовый и другим оказать эту последнюю услугу, этот последний долг, в исполнении которого Христос усмотрел повод к снисхождению даже применительно к великой грешнице¹². Недавно в одном католическом журнале (*La Civiltà cattolica* № 19 Nov. e Dic. 1898) нам встретилась большая полемическая статья (*Il Cadavere umano, sua filosofia e sua giurisprudenza*¹³), вызванная брошюрой неаполитанского адвоката Немпу (*Cadaveri e Sepolcri. Considerazioni giuridiche. Napoli. 1897*¹⁴) и старающаяся с точки зрения религиозной, нравственной и юридической доказать право человеческого трупа на почтительное отношение к нему, на неприменимость к нему личного произвола, выражающегося, например, в лишении его установленных форм погребения. Грустно становится за страну, где приходится доказывать нравственный долг почтения к умершим! В народе русском самая попытка этого рода показалась бы нелепостью, если не кощунством, до того самоочевиден и непреложен этот нравственный долг для совести русского человека!.. Почтительное отношение к телу умершего сказывается в русском народе его непреодолимым отвращением к сожиганию трупов, в котором он видит высшее нечестие, противоестественное преступление (см. статью «Любовь погибает» — «Русский Вестник». 1898. № 1.¹⁵). Что же сказал бы русский простолюдин, если бы он мог послушать последние прения в Германском Рейхстаге, где прусский военный министр, доказывая необходимость доведения разрушительных сил немецкой артиллерии «до идеального совершенства», находил еще недостаточным современную успешность действия ее орудий, хотя профессор Эсмарх, «ссылаясь на опыты с новыми орудиями, опыты, которые были произведены *над трупами*», удостоверился, что от последних после таких опытов «не остается и человеческого подобия, что все кости разбиваются вдребезги и превращаются в порошок, тогда как мягкие части горят пламенем»!.. («Русские Ведомости» № 7. 7 января 1899 г.)

Вольно сотрудникам рыцарственного друга Ислама стремиться к «идеалам» этого рода, не отказываясь в то же время от приписываемой ими себе роли «носителей культуры»! Но народ русский, сотрудник царей-миротворцев в священном деле умиротворения мира, несомненно с глубоким отвращением отвернется от этих новых изобретений, соединяющих зверское истребление жизни с массовой кремацией убиваемых, то есть с высшим поруганием величия усопших, по воззрению русской народной души.

ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?¹⁶

Прииди, душе, и вдуни на мертвья сия, и да оживут!
(Иезек. XXXVII, 9)

На заре существованья,
В дни, когда еще страданье
Было ново для людей,
В дни, когда весной бессменной
В красоте еще нетленной
Лик сиял природы всей, —
Из страны чужой, туманной
Гостьей странной и нежданной
Смерть явилась над землей
И природы совершенство,
Жизни прелесть и блаженство
Омрачила скорби тьмой.
И столетья миновали,
Этой скорби и печали
Не сумев рассеять прочь;
И грозит все той же тайной,
Неизбежной иль случайной,
Полдню жизни смерти ночь.
Люди, свикшись с грустным роком,
То в отчаянье глубоком
Рабски клонят вниз чело;
То за чашей наслажденья
Ищут краткого забвенья,
Умножая грех и зло;
То, стремясь в пределы рая,
Все земное презирая,
В аскетических мечтах
Шепчут: «смерть — освобожденье;
Жизнь не радость, а мученье!
Дух бессмертен: тело — прах!»
И жрецы самой науки,
Забывая чувства муки,
Нам твердят: «бессмертье — сон!
У природы бессердечной
Места нет для жизни вечной;
Смерть — живущего закон!»
Но в беспомощном страданье
Как святое упованье
Сердце веру в жизнь блюдет
И, надеждою согрето,
От Отца любви и света
Воскресенья жизни ждет.

Кто же прав в великом споре?
Ум ли и сомнений море?
Вера ль детская сердец?
И зачем на заблужденья
Медлит истиной решенья
Вечной Истины Отец?..

Не затем ли, что вся тайна
Не частями, не случайно
Быть разгадана должна?
Не затем ли, что лишь делом
Всеобъемлющим и смелым
Нам раскроется она?

Что бессмертье жизни вечной
Для толпы слепой, беспечной,
Долг забывшей, не дано?
Не как счастье даровое,
А как дело трудовое
Созидается оно!

Не мольбою лишь бесплодной,
Не мечтой лишь благородной
Нам продлится жизни свет!
Не в погоне за блаженством
И за личным совершенством
К нам сойдет бессмертье, нет!

И не блудными сынами,
Что так жаждут жизни сами,
Забывая об отцах,
Их любивших и почивших,
Нет, не жизнью долг забывших
Оживится смертный прах!

Только свет всеобщий знанья,
Долга общего сознанье,
Воля всех и всех любовь
Одолеют смерти силы
И отцов из тьмы могилы
Воскресят для жизни вновь.

Нет иного нам спасенья!
В общем долге воскрешенья
Всем бессмертие дано.
Но всеобщими трудами
Заслужить должны мы сами
То, что Богом суждено.

Нет и выбора иного:
Жизнь на миг и гибель снова,
В язвах, распрях и в крови
Всех погибель роковая,
Иль победа трудовая
Знанья, долга и любви.

* * *

Святое пламя дарованья¹⁷
 Не для того в нас возжено,
 Чтоб одиноко, без влиянья
 Угасло в сумраке оно.

Речь мудреца, мечта поэта,
 Порыв художника — творца
 Пусть будят мысль и ждут ответа,
 Живят умы и жгут сердца!

В тиши рожденное душою,
 Влечение к вечной красоте
 Пусть светит пламенной зарею
 Над миром в ясной высоте!

Блажен, кто не из жажды славы
 Был верен долгу своему,
 Кто не сокрыл, как раб лукавый,
 Талантов, вверенных ему,

Кто, Божий дар в себе почуя,
 Другим свой светоч передал,
 Не расточил сокровищ всеу,
 Кто плод трудов благих пожал!

Блажен и ты, пророк святыни,
 Кому судил суровый рок
 Быть гласом в мертвенной пустыне!
 Блажен непонятый пророк!

Не по своей вине и лени
 Не оценен ты был толпой:
 Вражда, страстей ночные тени,
 Предубеждений мрак густой

Затмили свет твой благородный;
 Ты жил, ты умер одинок,
 Но не напрасно, не бесплодно!
 Ты все же светоч, дня пророк!

Века минуют поколенья,
 Но вещей истины слова
 Воскреснут вновь, не зная тленья,
 Как свет от света* Божества,

Того, чей образ величавый
 Был незаслуженно забыт,
 Мир лучший не минутной славой**,
 А вечной памятью почтит.

Ильинское. 2 августа 1900 г.

* Или: «бессмертный» вместо «от света».

** Или: «Грядущее не краткой славой» вместо «Мир лучший не минутной славой»¹⁸.

ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА Н. Ф. ФЕДОРОВУ

1.

9–16 сентября 1875. Керенск¹

Керенск. 9 сентября 1875 года.

Долго ждал от Вас, Николай Федорович, известия, наконец сам решаюсь напомнить Вам о себе. На другой день по возвращении моем из Калиновки, куда провожал Вас², мне принесли кр<естья>не с. Козмодемьянского, Кармалейка тож³, Богатыревы, документы, по которым они надеются получить в частную собственность землю, отрезанную у них казною. Самый древний из этих документов — выпись, данная в 1672 г. по указу Алексея Михайловича и с приказу Казанского дворца воеводою Стефаном Васильевичем Шамшевым Янтуке Мурзе Мокееву с товарищами (конными козаками, пешими стрельцами, солдатами выборного полку) на старые их дачи и дикое поле, которые по ложному челобитью Шацкого города мурз были разобраны ими, т. е. этими шацкими мурзами⁴. Затем по древности следует копия с грамоты Иоанна и Петра Алексеевичей Керенскому воеводе Василию Андреевичу Опухтину, в которой значится, что в прошлом 1685 году (193-м г.) послана от них, государей, грамота к стольнику и воеводе Дмитрию Загоскину, по челобитью Керенского Пресвятыя Богородицы Одегитрия Тихвинския девича монастыря⁵ игуменьи Анны с сестрами об отводе им из порожних земель и дикого поля, прилегающих к монастырю, угодий; на это подали жалобу Никон Иванов и Василий Никонов Богатыревы, в которой объясняют, что в челобитной игуменьи Анны с сестрами земли, об отводе которых к монастырю просят, порожними названы ложно и что земли эти находятся во владении их, Богатыревых. Вследствие жалобы Богатыревых и велено было Опухтину ехать на место, взять сторонних людей и проч., и если жалоба Богатыревых окажется справедливою, в отказных книгах спорную землю записать за ними и самые книги за руками подать в приказе Казанского дворца боярину князю Борису Алексеичу Голицину. Но что оказалось по дознанию Опухтина, неизвестно. Затем следует променный акт, совершенный в 1695 г. владельцами Кармалейскими князьями Кильдишевыми с владельцем земель и угодий на речке Уменье и за речкою Ноксазгою, Трифоном Никоновым Богатыревым. Затем духовное завещание Василия Никонова

Богатырева детям его Лукьяну и Павлу, написанное в 1711-м году⁶. Затем еще есть один документ 1692 г., но я не знаю еще, куда его приурочить; нужно еще раз прочитать его, но так как я пишу вечером, написан же этот акт довольно бледно, то и не могу этого сделать сейчас же.

С 22 июля я стараюсь вести дневник, в котором хотя и есть пропуски, но их немного, да и те я старался наполнять хотя и задними числами. Вскоре же после Вашего отъезда я получил еще разные документы от кр<естья>н дер. Кувшиновки⁷ Козуровых, которые помнят свой род до первого назвавшегося Козуровым и производят свое прозвище от слова: казак, козура, Козуров. Содержание этих документов, а также двух столбцов, полученных мною от Ронцова⁸, я изложу ниже. Кроме дневника я занимался обдумываньем и писаньем программы нашей школы, придерживаясь направления, указанного Вами, и у меня вышло нечто вроде статьи под заглавием «Церковно-Приходская школа»⁹. Главное содержание этой статьи, без сомнения, Ваши мысли, не знаю, так ли, как должно, мною поняты, но я старался переработать эти мысли, или, лучше сказать, усвоить их, удалось ли мне это, предоставлю судить Вам, когда буду иметь возможность представить мой труд на Ваше рассмотрение; могу лишь Вас уверить, что я старался думать, много думать. Хотя статья моя в настоящее время и закончена, но я полагаю подвергнуть ее пересмотру и, может быть, не раз; в особенности мне кажется в ней слабым касающееся естествознания; мне хотелось помочь себе Вашим письмом, которое Вы написали было, но не послали ко мне, но в бумагах, Вами оставленных, я не нашел этого письма¹⁰. Если можно, Николай Федорович, восстановить это письмо, коли оно не сохранилось у Вас в подлиннике, то не откажитесь сделать это, если же оно сохранилось у Вас, то не откажите прислать его.

Столбцы же, переданные мне Ронцовым, заключают в себе, во-1-х, челобитную Ивашки Степанова Наумова, заведывавшего писцовыми (крепостными) делами, на Арзамасского воеводу Владимира Воробина, который не давал Наумову нужных ему для его дел людей и не исполнял никаких его требований и даже насильничал над подначальными Наумову людьми, и во-2-х, променный акт 1686 года саранского владельца Танеева с Арзамасским владельцем Головачевым.

Посылаю это письмо свое наудачу, адресуя его в Румянцевский музей. Надеюсь, Николай Федорович, что Вы сообщите мне Ваш адрес, и в возможно скором времени, так как в 1-х числах октября я должен быть в Москве.

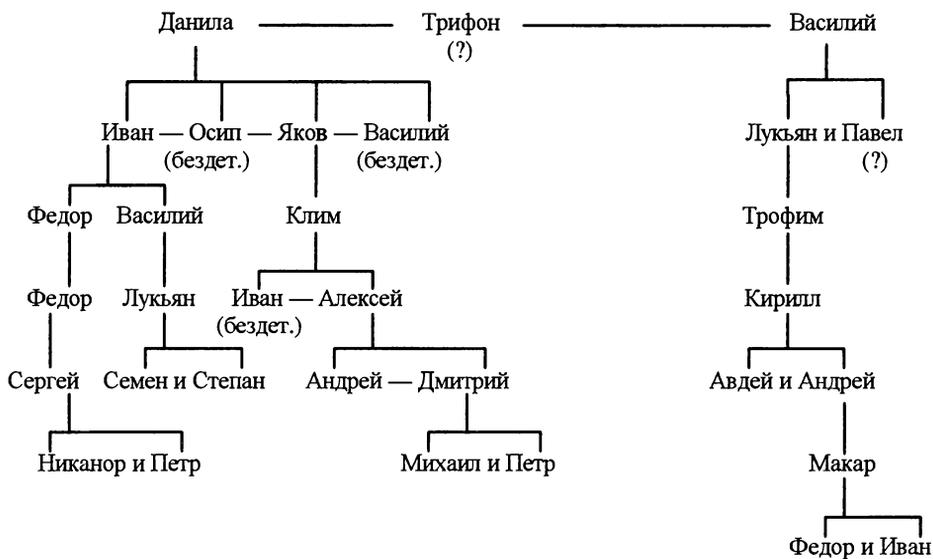
Душевно Вас любящий [низ листа оборван.]

16 сентября

В эти дни пришлось мне ездить в Пензу. Чтобы не забыть, начну с того, что вал, который одним концом упирается в Вад в том месте, откуда проведен канал (прорва, как его называют), имеет на всех своих сгибах холмики, вокруг которых небольшие углубления; кроме того, на стороне, обращенной к западу, заметно место ворот¹¹. Это я рассмотрел после Вашего отъезда.

Документ 1692 года, о котором я упомянул выше, есть владенная выпись воеводы Ивана Саввича Чубарова на поместьные земли новокрещену Васке Яковлеву Облесимову, князь Роману Удееву сыну князь Кильдишеву с товарищами (в числе которых Лука Васильев и Данила Никонов Богатыревы, но нет ни Янтуки Мурзы, ни его наследников) по с. Козмодемьянскому, Кармалейка тож. Из документов Богатыревых вышеперечисленных можно составить их родословную в следующем виде

Никоновы дети (Никон Иванов Богатырев)

Из грамоты Петра Алексеевича стольнику и воеводе верхнего города Ломова Прокофью Яковлеву Баранчеву видно, что в писцовых книгах Тараса Хитрова 183, 184, 185, 186 гг. написано по дер. Шустую за сторожевыми мордовскими Чекаем мурзою Учаевым с товарищами десятью человеками, да за полковыми козаками Наливатко Курапиным с товарищами двадцатью двумя человеками разные земли. Из той же грамоты видно, что сын Чекая Учаева и племянник Наливатки Курапина Иван князь Казуров в 189 году (1681 г.) крестился, за что и просил отделить его земли от остальных мордовских и татарских земель, указывая в своей челобитной, что за крещение в православную веру сродник его Федор Кнестяпин сверх всех наград был записан по городу Нижнему Ломову в боярские дети.

По рассказам живущих в настоящее время в Кувшиновке Казуровых, князь Иван Казуров был их родоначальником; у него был сын Савва, у Саввы Иван. Иван уже был большой, когда Савва пошел на вторичную службу при Петре Великом; жили они в это время где-то около границ настоящих Спасско-го, Наровчатского и Керенского уездов, и жили, как кажется, в скудости. Но

после ухода Саввы на вторичную службу Иван переселился на свою поместную землю близ Шустуя¹² и в том месте, где теперь Кувшиновка, поставил свой двор; народил детей двух Иванов (большого и малого), Павла и Бориса, стал заниматься землею, развел скот, пчел и стал жить богато. Когда отец его Савва воротился со вторичной службы и случайно узнал, где живет сын его, он выехал навстречу к отцу на хорошей [1 слово неразб.] лошади с своими домочадцами, принял его с честью и привел в дом свой. Больше ничего мне Казуровы не рассказали, никаких преданий в роде их больше не сохранилось, передали они мне только свою родословную в следующем виде:

Дети Ивана Савельева

Все стройные, высокие, красивые. Подчеркнутые двойною чертою живы до сих пор и с своими детьми и внучатами составляют все население дер. Кувшиновки Керенского уезда, которая и до сих пор приходом в Шустуй Нижне-Ломовского уезда. Вот все, что мною извлечено из документов, доставленных мне Казуровыми и Богатыревыми.

2.

Конец марта 1876. Керенск¹³

Дорогой друг мой
Николай Федорович!

Жду Вас с нетерпением, нужно составлять отчеты¹⁴, библиотека стоит сиротою¹⁵, да и все пойдет при Вас гораздо лучше. Не найду Вашего письма, где Ваш адрес, а потому и приходится посылать в Румянцевский Музей.

Любящий Вас

Н. Петерсон.

Отправляясь из Москвы, нельзя ли Вам будет захватить семян шелковичного червя, — будьте так добры, они нужны Екат<ерине> Богд<ановне> Кистерн; выписанные ей мною от Маслова оказались никуда не годными.

3.

*26 мая 1876. Керенск*¹⁶

Как мне объяснить Ваше молчание, дорогой друг мой Николай Федорович! Как мне понять, что в своем письме Вы тщательно обходите мое письмо и статейку, посланные к Достоевскому¹⁷, и кроме того ни словечка не пишете и о том, когда намерены быть в Керенске. Неужели Вы раздумали быть у нас? Признаюсь, Вы не можете причинить мне, я не могу испытать большего горя, как отказаться от мысли видеть Вас здесь в Керенске. Должно заметить, что в начале июля я должен быть в Москве, но свидание с Вами в Москве далеко не может заменить Ваш приезд в Керенск. У меня здесь столько дела, столько сомнений, столько вопросов, разрешить которые только можно при помощи Вашей, что всего этого не переговоришь и не передумаешь в Москве. Ради Бога, не оставляйте меня без поддержки, не прерывайте со мною Ваших сношений, пишите мне по крайней мере почаще и побольше, чем Вы это делаете; не откажите мне хоть в этой милости. Я знаю, что во мне одно лишь — это искреннее желание всего хорошего, желание, большею частью не достигающее цели, а иногда приводящее совершенно к противоположному, но при Вашем содействии, при Вашей помощи оно может принести больше пользы, чем теперь.

Жду Вашего письма и № 5 Дневника Достоевского, в котором он обещал сказать свое слово об идеалах народа¹⁸, как он их понимает. Во всяком случае я думаю отвечать ему, и мне кое-что дала для этого статья Константина Аксакова в «Братской помочи»¹⁹.

Пожалуйста, пишите мне.

Прощайте, всею душою любящий Вас

Н. Петерсон.

26 мая 1876 года

г. Керенск

4.

*Между 3 и 12 июня 1876. Керенск*²⁰

Дорогой друг мой

Николай Федорович!

Я еду на торги во Владимир, которые назначены на 9-ое июля; торги назначены на имение должников Куткина²¹ по делу, которое я веду уже давно и которое этими торгами должно закончиться; поэтому мне и невозможно никоим образом изменить время моей поездки, если только торги не будут

ни отсрочены, ни совсем уничтожены по какой-либо не от меня зависящей причине.

Что же касается моей полемики, то я совсем от нее готов отказаться в виду того, что, по-видимому, она Вам неприятна²². Собственно говоря, я и начал свое писание, потому что надеялся Вас вовлечь в необходимость высказаться. Раз это не может удаться, я молчу.

Когда я писал последнее письмо, на меня нашло какое-то затмение, и я забыл вновь Вас попросить относительно слесарного мастера из учеников Технологического Училища; мне кажется, устройство хорошей кузницы большого убытка не принесет, если кузница и не сумеет себя окупить. Устройством при школе²³ кузницы и слесарни я думаю открыть ряд предприятий, — я думаю вместе с тем пригласить из Гжели мастера-горшечника, исследовать с ним нашу Керенскую глину, из которой делают прекрасные кирпичи, и, если окажется возможным, открыть при школе гончарное производство; средства на это найдутся, между прочим, Ронцов²⁴ дает мне на начало этого дела 50 руб., дадут и другие, словом, за средствами дело не станет; кроме того, я узнал, что ежегодно зимою приходят к нам в Керенск несколько человек из Арзамасского уезда и занимаются валянием теплых валеных сапог, — это дало мне мысль открыть при школе валяльное производство, и, наконец, я открою производство веревочное. Приспособления ко всем этим производствам может сделать кузнец, и кузнец мне нужен прежде всего; открытие же при школе стольких производств, которые почти все доступны для детей и не требуют никаких капиталов для ведения их и притом не отвлекают от главного, от хлебопашества, мне кажется, поставит нашу школу и все заведенные в ней порядки в весьма выгодное положение. Конечно, Николай Федорович, я прошу Вас прежде всего подумать об этом, и если Вы найдете, что все это следует сделать, помогите мне отыскать хорошего мастера кузнеца и вместе хорошего человека, не заботясь о том, на кого падут расходы по устройству всего этого. Я удивляюсь, что на мысль об устройстве при школе, при участии учеников различных производств я напал совершенно случайно, при раздаче разных денежных пособий, которые, делают ли они безвозвратно, или же заимообразно, во всяком случае не могут особенно благотворно действовать ни на того, кому даются, ни на того, кто дает; как, по-видимому, ни странно это, но давать почти так же тяжело, как принимать; устройство же различных производств при школе даст возможность множеству людей зарабатывать и таким образом избавит от неприятности — одних брать, а других давать. Я удивляюсь, говорю, что только случай навел меня на мысль об устройстве перечисленных производств, тогда как все устройство школы как бы вело к тому, чтобы в школе той не только учились, но и жили бы в ней, работали бы в ней и т. д. Опять-таки, помню, как часто и сильно я искажал Ваши мысли, как часто и сильно я заблуждался, — я прошу Вас обсудить все, о чем я пишу, и помочь мне, чтобы мое намерение не было из тех, которыми вымощен ад. Всею душою любящий Вас

Н. Петерсон.

Надеюсь, Николай Федорович, что во всяком случае, в Керенске ли, или где в другом месте, но мы увидимся. Отлично бы было, если бы числа 20 июня

Вы приехали бы в Керенск, а к 9-му июля мы вместе бы поехали во Владимир²⁵; если Вас не будет в Москве, и я туда не поеду, и мы могли бы ехать во Владимир по Оке из Рязани до Нижнего, а оттуда по железной дороге, или чрез Сызрань по Волге, или каким другим путем. Сделайте милость, Николай Федорович, не лишите меня возможности видеть Вас, говорить с Вами, просить Вас о разрешении моих сомнений, об исправлении моих чаяний и стремлений.

Н. Петерсон.

5.

29 марта 1878. Керенск²⁶

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

В декабре месяце я послал Достоевскому рукопись, в которой старался изложить то, что было мною написано с Ваших почти слов во Владимире в июле 1876 года²⁷. В письме, при котором послана была рукопись²⁸, я сказал, что я, собственно, излагатель мыслей другого, который притом же всегда оставался недоволен моим изложением; несмотря, однако, на это, я все-таки решаюсь — мол — послать свою рукопись, потому что считаю слишком важным то, о чем в ней говорится. Послано было это письмо без подписи, но потом, выписав для библиотеки все сочинения Достоевского и долго не получая от него никакого ответа на мое требование, я вообразил, что до него не дошли ни мои деньги, ни моя рукопись, потому что адресовал я ему просто — «автору Дневника Писателя»; поэтому я написал ему вновь, адресуя надлежащим образом, и в этом письме уже назвал себя²⁹.

Вот история событий, которые предшествовали получению мною письма, здесь прилагаемого³⁰. На это письмо я отправляю ответ вместе с этим письмом к Вам и черновик моего ответа также прилагаю здесь³¹. Если Вы хотите, — я пришлю Вам и копию с той рукописи, которую послал Достоевскому; черновая у меня осталась³², но в таком виде, что посылать ее Вам непереписанною нельзя, — ничего не разберете, а переписка, при невозможности постоянно заниматься одним, потребует несколько дней.

Простите меня, Христа ради, если Вы найдете что для себя неприятное в моей переписке с Достоевским; надеюсь, что Вы не заподозрите меня в желании сделать Вам неприятное.

Очень буду счастлив, если Вы захотите написать мне что-нибудь.

Глубоко Вас уважающий Н. Петерсон

Керенск. 29 марта.

Копию рукописи я Вам во всяком случае пришлю, только спустя несколько дней и если получу какое-нибудь удостоверение, что настоящее мое письмо дошло до Вас. Спешу же теперь писать Вам, потому что, сообщив Достоевскому нить, по которой Вы можете быть найдены, боюсь, что он найдет Вас раньше, чем дошло бы мое письмо до Вас³³, если бы я вздумал наперед переписывать мою рукопись.

Еще раз прошу Вас простить мне, если я что-нибудь не так сделал. Одна вера в великость переданного Вами мне руководила мною.

Горячо Вам преданный

Н. Петерсон.

6.

*8 апреля 1878. Керенск*³⁴

Добрый и дорогой друг мой

Николай Федорович.

Ваше письмо имеет для меня слишком большую важность, — оно возвращает меня к сношениям с человеком, которому я обязан моим спасением и влияние которого на меня постоянно усиливается по мере того, как я больше и больше понимаю Вас. Я надеюсь быть у Вас на Пасху, если только не буду задержан службою (я занимаюсь еще делопроизводством в Воинском Присутствии)³⁵, и до сего времени откладываю всякие о себе и о своей школе сообщения, — а теперь пока посылаю Вам рукопись, копию которой я сообщил Достоевскому. Посылая Вам письмо Достоевского, я не нашел этого экземпляра, а попалась мне черновая, вся переправленная и перечеркнутая³⁶.

Мое глубокое уважение к Вам и искренняя любовь всегда были лучшею моею поддержкою во всех важных и трудных обстоятельствах жизни в эти четырнадцать лет, которые я Вас знаю.

Любящий Вас Н. Петерсон.

1878 года

8 апреля.

7.

*19 апреля 1878. Керенск*³⁷

Дорогой друг мой Николай Федорович! Чего боялся, то и случилось — 12 апреля поздно вечером получила телеграмма о проверке семейного положения ратников 1874 года, 14 апреля получено требование, чтобы присутствие определило, в какой день по воследовании Высочайшего повеления о призыве ратников ополчения они могут быть сданы воинскому начальнику. Все это, собственно говоря, не много прибавляет мне работы, но ввиду постоянного ожидания распоряжения о созыве ополченцев я не могу уехать из Керенска на целую неделю, как это было бы необходимо при поездке в Москву. Поэтому мне приходится отложить свою поездку до окончания всех этих тревог, т. е. до лета, когда кончатся Ваши занятия в музее; если же и к этому времени занятия по воинской повинности меня будут удерживать в Керенске, я буду просить Вас приехать ко мне. Теперь же я решаюсь просить Вас вот о чем: моя фотография мало успешна, потому что я не умею сам готовить необходимые

для нее составы, потому что рецепты этих составов, в книге Ольхина³⁸, оказываются неверными, по крайней мере я никак не мог приготовить по этим рецептам пироксилин. Нет ли в настоящее время других руководств для занимающихся фотографией, лучших нежели Ольхина. Если Вы можете мне помочь в этом деле, я был бы Вам глубоко благодарен.

С нетерпением жду Ваших ответов на мои письма, как на прежние, так и на это.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный Вам

Н. Петерсон

19 апреля
1878 года.

8.

*11 мая 1878. Керенск*³⁹

Глубокоуважаемый друг мой Николай Федорович! Из Вашего последнего письма я увидал, что моя рукопись⁴⁰ произвела на Вас дурное впечатление, и это меня весьма огорчило. Я должен Вам сказать, что еще в то время, когда я записывал с Ваших слов то, что потом вошло в мою рукопись, предполагалось сделать, кажется, до 8-ми весьма обширных примечаний, и в моей рукописи сделаны, кажется, отметки тех мест, к которым должны были относиться эти примечания, но самых примечаний я не был в силах изложить⁴¹. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы теперь же прислали мне то письмо, которое написали было по поводу письма Достоевского⁴²; очень может быть, что я не все в нем пойму так, как должно, но я все-таки подумаю о том, что там есть, и когда увижусь с Вами, буду иметь возможность задать Вам вопросы, которые послужат к большему уяснению для меня предмета. Я помню, что вначале многое из того, что Вы мне говорили, было для меня совершенно непонятно и только впоследствии делалось для меня вполне ясным. И теперь еще, конечно, множество из Ваших мыслей остаются во мне неувоенные мною, и другие, вследствие того, может быть, усваиваются слишком своеобразно, но, ради Бога, пусть это Вас не слишком огорчает...

[обрыв листа.]

и при всей несоизмеримости случаев, я все-таки не могу не видеть аналогичности моего непонимания с их непониманием и вполне надеюсь, что придет время, когда и мое понимание возвысится наконец до надлежащей степени. Вот и теперь уже, я должен Вам сказать, что статья Мечникова (кн. № 4 «Вестн<ика> Европы». [18]77 г.)⁴³ показалась мне замечательною лишь как свидетельство распространения правильного понимания тех факторов, посредством которых человечество может достигнуть цели; сама же по себе статья эта, после того, что я слышал от Вас, ничего особенно нового и замечательного для меня не представила. Конечно, неправильное...

[обрыв листа.]

рычагов, посредством которых может быть совершена работа, без определения, что именно должно быть сделано, что именно должно быть достигнуто, может причинить много бедствий.

До свидания, дорогой друг мой! Надеюсь получить от Вас скорый ответ⁴⁴, остаюсь душевно Вам преданный

Н. Петерсон

1878 года

11 мая.

9.

7 октября 1881. Керенск⁴⁵

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

При переписке известной рукописи я встретил следующее выражение: «„Брамаизм, — сказал Врама Дарма, — отличен от других религий и, однако, он сущность всех...” Люди, исповедающие эту натуральную религию, какой бы стране или народу они ни принадлежали, суть *брамаисты*»⁴⁶. «Эту натуральную религию...», т. е. какую — брамаизм или деизм? И слово *Брамаизм* (в начале фразы) не должно ли быть заменено словом «*деизм*».

Чтобы яснее Вам было, что меня затрудняет, приведу несколько строк дальше: «Но в чем же выразится это единство людей разных стран и народов? Не говоря уже о вековых антипатиях, они, люди разных стран, и понимать-то друг друга не могут. Возможно ли, чтобы международная вражда прекратилась только от того, что все народы будут исповедывать деистический *credo*»⁴⁷.

Глубоко благодарен Вам за присланные книги. Я не писал Вам ничего о Паше⁴⁸, потому что он стал теперь ходить, хотя и не совсем еще выздоровел, потому что ноги под ним как-то гнутся. 27-го сентября у нас было новое прибавление семейства — родился сын Константин⁴⁹, новорожденный и родильница, слава Богу, здоровы. Ольга Владимировна⁵⁰ еще не воротилась к нам из поездки к брату.

Юлия Владимировна и Григорий Павлович⁵¹ кланяются Вам, все дети целуют Вас.

Глубокоуважающий и душевно преданный

Н. Петерсон.

1881 года

7-го октября

Григорий Павлович приносит благодарность за сделанную Вами для него выписку⁵².

10.

*10 февраля 1882. Керенск*⁵³

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Переписка «вертикального положения»⁵⁴ почти кончена; высылать Вам эту рукопись или Вы, быть может, сами приедете, если не раньше, то хоть к Пасхе, так как на Пасху музей, кажется, бывает закрыт; хорошо бы было, если бы Вам возможно было провести в Керенске хоть две недельки — страстную и Пасху⁵⁵.

Жду Вашего ответа.

Душевно преданный и глубоко уважающий Вас
Н. Петерсон.

10 февраля 1882 года.

P.S. Все мои Вам кланяются.

11.

*20 марта 1882. Керенск*⁵⁶

20 марта 1882 года.

Мне слишком было тяжело узнать, глубокоуважаемый Николай Федорович, что я имел несчастье возбудить Ваш гнев. Это я дал Логвинову рукопись⁵⁷, и вот по какому случаю: по некоторым обстоятельствам он мог догадаться о моей нужде и несколько раз упрекал меня, что я с ним не откровенен, не хочу объяснить ему, в чем нуждаюсь, чтобы он имел возможность устранить мою нужду. Я всякий раз его благодарил, и тем дело кончалось. Но раз я ему сказал, что он сделал бы мне одолжение, если бы дал средства для напечатания одной рукописи, когда она будет готова. Он ответил на это, что с удовольствием даст на это средства, но просит, чтобы я его предварительно познакомил с этою рукописью. Я отвечал, что когда дойдет до этого дело, то, конечно, его познакомят с рукописью. После этого он несколько раз обращался ко мне, чтобы я ему прочитал что-нибудь из рукописи, и однажды я ему прочитал предисловие, которое, по-видимому, произвело на него впечатление, он выражал удовольствие, что во многом сходится с прочитанным, хотя для него и трудно представить себе воскресение иначе, как духовно, при этом он говорил, что во всяком случае нужна какая-нибудь большая перемена, потому что жить так, как теперь, становится невыносимым⁵⁸. Примите во внимание, что это говорит человек весьма богатый, которого все нужды больше, чем удовлетворены, и притом не из тех богатых людей, у которых дела запутаны до того, что иногда им приходится весьма жутко; этот никому ничего не должен, имущества не заложены и даже крестьяне еще не на выкупе; вы поймете, конечно, мою решимость, после таких его слов, вручить ему как прочитанное предисловие, так и исторический очерк⁵⁹ — *только*. Вскоре после этого вручения он уехал в Петербург,

откуда я и получил от него письмо, в котором он просит разрешение показать некоторым лицам, интересующимся теми же вопросами. Я ему отвечал, что рукопись не обработана, не окончена и в его руках только третья часть даже того, что уже написано, а потому и просил его никому рукописи не показывать, чтобы знакомящиеся с ней в таком неполном и несовершенном виде не получили превратного о ней понятия; при этом я даже заметил, что его знакомить с рукописью для меня не страшно, потому что он всегда в Керенске и, следовательно, я всегда могу познакомить его с рукописью вполне и таким образом устранить всякое неправильное понимание ее, если оно у него явилось бы. Но по приезде из Петербурга Логвинов стал извиняться передо мною, что, не дождавись моего письма, он дал рукопись Цертелеву⁶⁰ и при этом был удивлен, когда тот сказал ему по прочтении «мы это знаем», буквальные слова Цертелева, переданные мне буквально Логвиновым, и при этом, по словам Логвинова, он назвал автора; признаюсь Вам, я уже не спросил Логвинова, кого он назвал автором этой рукописи, сам же я Логвинову не называл Вас, утверждая, что для автора рукописи самое приятное остаться в совершенной неизвестности, что не только известность, но и простое обращение внимания действует на него болезненно. Вследствие таких-то моих уверений, должно быть, Логвинов говорит, что сейчас же по получении моего письма отправился к Цертелеву и уверил его, что автор рукописи совсем не тот, кого он называл. Цертелев при этом спросил, указывая на меня, в таком случае не он ли. И Логвинов ему сказал, что он не знает кто, знает лишь одно, что я не приписываю себе авторства. Дело в том оказывается, что Цертелев большой приятель В. С. Соловьева и, надо думать, читал рукопись у него⁶¹. Логвинов не передавал мне мнение Цертелева о рукописи, или, лучше сказать, передал его мне весьма странно, он сказал, что Цертелев нашел ее написанною весьма хорошо в *литературном отношении*. Из этого я понял, конечно, что мнение было неблагоприятно; но признаюсь Вам, для меня это было решительно все равно, потому что приди весь мир и скажи, что это безумие, что это бессмыслица, для меня это было бы все равно, потому что доказательством несправедливости такого мнения служит то, что в таком случае и весь мир бессмыслица, и я твердо верю, что если это не так, то ни Бога, ни мира, ни людей...

Ах, Николай Федорович, неужели же для Вас не ясно, что для меня уже невозможна жизнь без участия в общем деле человеческого рода, что мое сердце переполнено этим учением, что по мере сил я и жизнь мою направляю согласно с ним; и как же возможно было для меня не проронить ни слова с окружающими о том, что меня наполняет, и неужели же это такое с моей стороны преступление, что Вы хотите наложить на меня такое тяжкое наказание, не хотите уже приехать в Керенск, чтобы окончить и исправить рукопись⁶². Ведь Вы же и сами не вполне были немы и Цертелев, оказывается, познакомился с рукописью раньше, не чрез меня. Положим, Вы имели большее право распоряжаться рукописью, но не могу же я и себя считать вполне чужим ей, а верю-то в нее я, конечно, несомненно гораздо больше, чем Вы, потому что Вы носите ее в себе, Вы имеете возможность совершенствовать ее, а я лишь хранить ее в том виде, как она в последний раз вышла из Ваших рук.

Умоляю Вас не наказывать меня так жестоко и не лишать возможности видеть дело Ваше в возможном совершенстве. Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный Н. Петерсон.

Жду Вашего ответа и в возможно скором времени; и кстати, прошу Вас сообщить мне, что за книга *Лукашевича*, Платона «Исследование о великом годе солнца и о его числовидном годе, на основаниях естественной астрономии» и проч. Киев 1882 года.

12.

*1 сентября 1882. Керенск*⁶³

1 сентября 1882 г.

Многоуважаемый
Николай Федорович!

При разборе старых актов мне попались две отпускные, в которых значится: в 1-й — «207 году Генваря в день боярина Алексея Семеновича Шеина человека его Ивановская жена Алексеева (т. е. жена Ивана Алексеева — человека боярина Шенна) Матрена Степановна отпустила я крепостного своего человека Алексея Кузмина [на] волю, а отпускную писал боярина Алексея Семеновича ч<e>л<o>в<e>к его Фетка Третьяков по ее, Матренину, веленью» и проч.; во 2-й «Лета 1724 февраля в 6-й день Генерала и кавалера князя Аникиты Ивановича Репнина человек его Иван Борисов сын Гневашев большой отпустил я крепостную свою дворовую девку Наталью Матвееву на волю» и проч.

Что это за жена человека боярина Шеина, что это за человек князя Репнина, которые могли иметь крепостных; сами-то они в каких отношениях были к Шеину и Репнину, были ли они или крепостные, или же находились в каких-либо других отношениях, но во всяком случае, чтобы называться человеком боярина Шеина или князя Репнина, нужно было находиться к ним в каких-либо постоянных и прочных отношениях. Неужели же было время, когда крепостные могли иметь в свою очередь крепостных? Впрочем, если бы это и было так, то ничего слишком странного в этом не было бы; очень может быть даже, что этот факт давно уже известный, и мною открыт подобно тому, как одним начавшим заниматься астрономиею был открыт Юпитер; во всяком случае я счел нужным спросить Вас об этом, так как мне известно, что в последнее время крепостного права крепостные не могли даже приобретать на свое имя землю. Если же крепостные не могли иметь крепостных, то что это за люди, которые, будучи свободными, назывались все-таки ч<e>л<o>в<e>ком Шеина, ч<e>л<o>в<e>ком Репнина и проч. Не знаете ли, где об этом можно прочесть.

Относительно статьи, которую я послал Л. Н. Т<o>л<o>стому⁶⁴, то она по существу своему не может быть досказана, потому что [еще много] оста[ется] вопросов, ответить на которые может только Ваш труд. Все мои Вам кланяются. Весьма кланяется также Н. Х. Логвинов, он каждый свой приезд бывает у меня и все зовет к себе, просит посмотреть его Библиотеку, которая досталась

ему от Алексея Ивановича Давыдова, которому она стоила — Вы, может быть, помните, — 200 тысяч⁶⁵. Григорий Павлович напечатал в Губ<ернских> Ведом<остях> очерк истории Керенского края⁶⁶, вероятно, скоро получит отдельные оттиски, и один я вышло Вам; теперь готовит очерк Шеина, по материалам, доставленным Логвиновым⁶⁷. Я вздумал перевести статью о кометах из «R<evue> des deux mondes», и теперь она печатается в Губ<ернских> Ведомостях с № 185-го, кажется⁶⁸. Душевно преданный и глубоко Вас уважающий

Н. Петерсон.

13.

30 декабря 1882. Керенск⁶⁹

30-е декабря 1882 г.

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Не умею Вам и выразить, до чего мне хотелось бы быть у Вас⁷⁰; но, к величайшему сожалению, множество препятствий к осуществлению моего горячего желания; если я и думал сначала поехать к Вам на счет Логвинова, то это потому, что без меня, я думал, он не решится быть у Вас, но теперь, когда он побывал у Вас и без меня, мне совестно брать у него деньги на поездку в Москву, хотя он и не раз уговаривал меня ехать к Вам. Впрочем, это не главное препятствие; главное заключается в том, что нельзя мне оставить теперь свой дом, без меня, я боюсь, мое семейство и замерзнет и наголодается, потому что, уезжая в Москву, я не могу нанять кого-нибудь, чтобы топить печи, я не могу, наконец, оставить им такую сумму, с которою — я мог бы быть уверен — они проживут без меня, не нуждаясь; когда же я дома, то все как-нибудь устрою и достану необходимое. Но и это даже не самое главное, самое главное — невозможность оставить одну Юлию Владимировну с такими большими детьми⁷¹; так что и первое мое намерение быть в Москве, о котором я писал Вам в конце октября⁷², было совершенно легкомысленно и исполнение его могло бы принести что-нибудь неприятное. Все это меня крайне огорчает, и я принимаю как величайшее наказание — быть может, вполне заслуженное, — то, что должен остановиться и не идти дальше по той дороге, по которой шел за Вами. Но неужели же, когда труд Ваш будет обнародован^{*73}, Вы не пришлете мне хоть один экземпляр его или по крайней мере не уведомите меня о его выходе^{**}, и вообще лишите меня всяких известий о ходе Вашего труда и о Вас самих. Если я еще не совсем потерял образ человеческий, то это единственно благодаря моим сношениям с Вами, поэтому Вы можете судить, как мне легко сознавать, что я уже не могу больше принимать и того скромного участия в Вашем труде, какое принимал до сих пор, и, следовательно, я должен потерять Вас...

* Никогда не будет. (Притиска Н. Ф. Федорова.)

** Ирония, какая милая ирония! (Притиска Н. Ф. Федорова.)

Во всяком случае решаюсь попросить Вас передать мою просьбу Л. Н. Толстому о том — не может ли он возвратить мне ту рукопись, которую я послал ему летом⁷⁴; я думаю еще подумать над ней и, быть может, отправить куда-либо для напечатания. Сделайте милость, не откажите мне в этой просьбе; потому что мне очень тяжело оставлять мою рукопись в руках Л<ьва> Н<иколаевича>, который был так нелюбезен, что даже не хотел возвратить мне рукопись, которую не счел почему-либо достойной напечатания.

Душевно преданный Вам
и глубоко Вас уважающий

Н. Петерсон.

Все мои Вам кланяются. Мы послали Загоскину целый пуд из рукописей, хранящихся в Керенской Библиотеке в том числе⁷⁵, и это только четвертая часть всего.

14.

*20 апреля 1883. Керенск*⁷⁶

20 апреля

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

То, что я обратил внимание на сходство статьи Соловьева с известным сочинением и не обратил внимания на их поразительное несходство, свидетельствует о неясности статьи Соловьева, о том, что он не вполне высказался и не дал объяснения, в каком смысле должны быть поняты употребленные им слова⁷⁷. После получения Вашего письма⁷⁸ я снова перечитал статью Соловьева и встретил там такие выражения: «В природе особенное невольно и только наружно соединяется со всем... ибо это *все* есть для него неведомое... Существо не знает всего и, следовательно, не может от себя желать с ним соединения. Единственное его чувство ко всему есть страх и вражда именно потому, что оно есть ему неизвестное, чужое» (стр. 37-я)⁷⁹. И далее на той же странице: «Для того, чтобы не погибнуть в другом, существо должно от себя с ним соединиться, а для этого оно должно *знать* и о себе, и о другом. Но знания нет в природе». На странице 41-й: «Истина христианства состоит в одухотворении и обожествлении плоти. Ничто так не противно этой истине, как односторонний спиритуализм». Затем на следующей 42-й стран<ице>: «Новый мир... не может ограничиваться созерцанием, он должен жить и действовать... пересоздавая себя по образу и подобию живого Бога. Человечество обязано не созерцать Божество, а само делаться божественным. Согласно этому новая религия не может быть только пассивным богопочитанием или богопоклонением и должна стать активным богодейством, т. е. совместным действием Божества и человечества для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное и божественное». Признаюсь, я все это понял в самом реальном смысле; я не мог понять это пересоздание себя по образу и подобию Божию иначе, как воскресение, которое требует полнейшего знания. Да и сам Соловьев состояние раздора, в котором находится мир, объясняет незнанием и первым услови-

ем устранения этого раздора признает знание... Впрочем, теперь только я догадываюсь, что Соловьев, говоря о знании, придает ему слишком ничтожное значение, потому что он полагает, будто знание само по себе не служит побуждением к действию, так что, по его мнению, древний мир хотя и знал, что мир во зле лежит, но почему-то не мог будто бы пытаться выйти из этого состояния, для таких попыток одного знания будто бы было недостаточно (стр. 40-я)⁸⁰.

А вот это мне и раньше показалось умалением значения собственной деятельности человека: «И если это есть истинная жизнь, то она не может быть бессильной и бездейственной: она должна победить ложную и злую жизнь и подчинить ее дурной закон своей благодати»⁸¹. Что касается последней статейки «Сущность христианских таинств»⁸², сначала я на нее мало обратил внимания, а теперь после Вашего письма она мне представилась, действительно, в высшей степени мистической и антипатичной, чрезвычайно умалив достоинство и всего того, что ранее мною было понято в предыдущих статьях вполне в реальном смысле.

Ах, я чувствую, что с моей стороны дерзость ставить Вам какие-либо условия, но я делаю это по необходимости. Я надеюсь, что Вы поймете мое положение и не поставите мне в вину, что в случае невозможности для Вас стать поближе к моему семейству мне придется выбрать мое семейство, хотя я и вполне понимаю великость потери для меня в том случае, если Вы не будете более приезжать в Керенск⁸³. Считаю нужным сказать, что мы совершенно одиноки с отъездом [имя и отчество неразб.], нас не посещают даже [2 слова неразб.]. Не бывает у нас больше и еще более известная Анна Петровна⁸⁴, словом, никто, решительно никто нас не посещает более.

15.

*10 сентября 1883. Керенск*⁸⁵

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Федорович, два листа⁸⁶; если Вы заметите в них какие-нибудь неверности, пожалуйста, уведомьте меня. Извините, что так долго ничего не высылал Вам, — дела мира сего, в самом дурном смысле этого слова, опутали меня. Надеюсь, что теперь высылка пойдет безостановочно; у меня готов и 3-й лист, но, признаться, я оставляю у себя второй экземпляр, второй же экземпляр этого третьего листа еще не готов. Все мои Вам кланяются, в их числе и Ольга Владимировна⁸⁷, муж которой умер и она опять на старом своем месте; все мы часто сожалеем, что Вас нет у нас в Библиотеке⁸⁸; Ваше даже не видимое, но близкое присутствие благотворно на нас действует.

Горячо любящий и глубоко Вас уважающий

Н. Петерсон.

10 сентября 1883 года.

г. Керенск.

Из газет узнал о смерти А. Е. Викторова⁸⁹ и от души пожалел его, потому что у Вас среди музейских будет одним меньше из тех, которых Вы больше других там любите.

2 января 1884. Керенск⁹⁰

2 января

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Федорович, последние 4 листа (39-42) и прошу Вас обратить внимание на 1-й стран<ице> 39-го листа на следующие выражения (с 8-й строки по 12-ую): «Но вопрос в том, — сколько нужно этих сил и времени на создание всенаучного музея, на создание *прямое или косвенное, своими силами или при пособии, содействии других, конечно, взаимном*»⁹¹. Подчеркнутое мною остается для меня неясным: что значит *косвенное создание музея** и о каких это своих силах говорится, а также и о чем это пособии и содействии упоминается тут. Во всяком случае создание музея требует сил всего человечества. Кроме того, на этой же странице в 18 и 19 строках пропущено одно слово, потому что по ходу мысли, мне кажется, нужно бы сказать «интеллигентного музея», а у Вас перед словом музея стоит «Всел.», т. е. Вселенского.

Затем написанное у меня на последней странице 40-го листа *мелко*, мне кажется, следует перенести на 3-ью страницу того же листа в то место, где у меня поставлен такой знак.

Исторические очерки Русской народной словесности и искусства от Ф. И. Буслаева получены⁹², и я не знаю, следует ли писать ему об этом и благодарить его. Во всяком случае, мне одному делать это неловко, и так как у нас образовался теперь попечительный совет о Библиотеке⁹³, я ему доложу об этом даре, и благодарность Федору Ивановичу напишем от имени совета; не избрать ли его в почетные члены этого совета?⁹⁴ тогда уже он обязан будет исполнить свое обещание прислать все остальные свои сочинения⁹⁵; и кроме того, такое избрание может придать энергию и нашим местным, действительным членам Совета.

Не помню, писал ли я Вам, что от Загоскина получен ответ и обещание в скором времени приступить к печатанию полученных от Керенской Библиотеки рукописей⁹⁶. Молчание свое извиняет занятиями по изданию «Волжского Вестника»⁹⁷ и другими своими обязанностями.

Еще просьба — нельзя ли попросить Н. П. Барсукова прислать нам его Иннокентия; судя по извлечению в «Прав<ительственном> Вестнике», эта книга в педагогическом отношении в высшей степени важная⁹⁸. Я и сам написал бы Николаю Платоновичу, но не знаю его адреса, если можно — сообщите. Я уверен, что мы в состоянии были бы даже заплатить ему за эту книгу, потому что подписка все еще продолжается и, Бог даст, мы наберем рублей до 150-ти. Когда пришлете Ваше продолжение? Юлия Владимир<овна>, Григорий Павл<ович> и все мои Вам кланяются.

Глубоко уважающий Вас и всюю душею любящий

Н. Петерсон.

* Музей косвенно создавался с тех пор, как существует человек, создается и теперь; но когда будет поставлен вопрос о создании его прямо, и даже будет приступлено к составлению плана, по которому он д<олжен> б<ыть> создан, приступлено будет к исследованию сил и времени, потребных на его создание, то возможно ли, чтобы эти исследования могли иметь в виду косвенное, а не прямое создание музея?

17.

*Не ранее начала февраля 1884. Керенск*⁹⁹

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Федорович, 4 листа Вертикального положения¹⁰⁰. Готовы еще шесть, но не переписаны еще вторично. Чем больше вчитываешься в это, чем больше вдумываешься, тем неотразимее потребность приступить к исполнению проекта воскрешения, необходимость объявления его... Страшно подумать, что можешь умереть, не дождавшись этого; что пожар или другая какая-либо случайность может уничтожить все написанное...

Буслаеву письмо благодарственное, приглашение принять звание почетного члена Попечительного о Керенской Библиотеке Комитета и очерк Керенского края отправлены 20-го января¹⁰¹, и после этого получено от него его магистерская диссертация¹⁰² и еще несколько брошюр, но ответа на письмо еще нет.

«Иннокентий, Митрополит московский» получен¹⁰³, и я приношу Вам глубокую за него благодарность; но судя по тому, что книга эта выслана из Магазина Суворина, я заключаю, что Вы за нее заплатили деньги. Признаюсь, мне очень стыдно, что я Вас ввожу таким образом в расходы, при нынешней на все дороговизне...

Юлия Владимировна, Григорий Павлович и все мои Вам низко кланяются.

Не будут ли переделывать Ваш музей и не приедете ли Вы в Керенск раньше июня?¹⁰⁴

В Библиотеку выписаны: «Новое Время», «Исторический Вестник», «Отечественные Записки», «Русский Вестник», «Волжский Вестник».

Думаю выписать еще «Природу и Охоту» и «Искусство»¹⁰⁵. Не знаю, стоит ли тратить деньги на последнее; судя по обещаниям, стоит, но насколько исполнение соответствует обещаниям? Если можно, просмотрите этот журнал и напишите, как Вы его найдете. Не укажете ли Вы также, что бы, по Вашему мнению, следовало выписать. Горячо Вас любящий и всею душою Вам преданный Н. Петерсон.

18.

*20 апреля 1884. Керенск*¹⁰⁶

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Федорович, листы 43-49, и в том числе о местной истории¹⁰⁷; если окажется, что они помещены не у места, то не будет большого труда и исключить их. Особых недостатков в этих листах я не заметил, думаю лишь, что впоследствии определение статистики, а потом и вообще науки, сделано несколько иначе, и определения, заключающиеся в этих листах, служат как бы переходом к позднейшим. Эти определения показывают, как мысль развивалась.

Во всяком случае, мне кажется, что статья о местной истории имеет очень большое значение.

Душевно преданный, глубокоуважающий и горячо любящий Вас

Н. Петерсон.

20 апреля.

Юлия Владимировна, Григорий Павлович и все дети кланяются Вам.

Приезжайте возможно скорее.

19.

*3 мая 1884. Керенск*¹⁰⁸

Посылаю Вам, глубокоуважаемый Николай Федорович, 8 листов, с 50 по 57 включительно. До приезда Вашего успею выслать Вам всю эту часть, которой будет листов около восьмидесяти, и приступлю к историческому очерку¹⁰⁹. Очень жаль, что до половины июня не будет Вас в Керенске; с нетерпением жду Вашего приезда, чтобы войти в те горизонты, которые в течение года, конечно, вновь перед Вами раздвинулись. Переписывая статью о громовнике¹¹⁰, я пожалел, что слишком мало знаком с электричеством; а между тем, нет сомнения, громоотвод на аэростате, возбуждение того или другого электричества в таком месте, куда должны быть привлечены или же удалены какие-либо облака и т. п., — в этом заключается путь, по которому должно пойти теперь. Признаюсь, мне хочется даже одного из сыновей пристроить к телеграфу, чтобы и самому заняться электричеством.

До свидания, глубокоуважаемый Николай Федорович, душевно преданный и горячо Вас любящий

Н. Петерсон.

1884 года

3 мая.

Юлия Владимировна, Григорий Павлович и все мои низко Вам кланяются и с нетерпением ждут Вашего приезда.

20.

*11 октября 1888. Керенск*¹¹¹

Посылаю Вам, глубоко уважаемый Николай Федорович, 15 и 16 листы¹¹². Простите за медленность высылки; желание иметь у себя второй экземпляр задерживает меня. Приношу Вам глубокую благодарность за 2-й том Курицуса¹¹³; но мне совестно, что Вы так много тратите на меня.

Жду продолжения Ваших писем; последнее Ваше письмо целиком вошло в примечание на 18-м листе, который я писал как раз в то время, когда получил

Ваше письмо¹¹⁴. В начале декабря, по всей вероятности, я буду уже в Пензе. Желал бы знать, что Вы скажете по этому поводу. Логвинов меня весьма упрямляет остаться, но в надежде на выборы Протопопова¹¹⁵ я больше, чем следовало, позволил себе помогать в его партийных делах, чего продолжать в настоящее время *не намерен*, да и просто не могу; если же не помогать им, то они могут оказаться побежденными; причем же я тогда буду. Это меня заставляет уходить подобру-поздорову.

Юленька, Григорий Павлович и все мои свидетельствуют Вам свое почтение.

Душевно преданный и глубоко уважающий Вас

Н. Петерсон.

11 октября

21.

2 июня 1892. Мокшан¹¹⁶

2-ое июня

Глубокоуважаемый и дорогой друг мой Николай Федорович!

Давно не писал Вам и даже не помню, уведомил ли Вас о получении статьи об Илье-громовнике¹¹⁷. После этого мною еще получено от Вас три рубля на голодающих в конце мая; затем я был удивлен получением 10 руб. для голодающих от *неизвестного* посетителя Румянцевского музея, которые и передал, конечно, тотчас же по назначению, а следующая почта меня обрадовала получением статьи: «В. Н. Каразин и господство над природою»¹¹⁸. Это обстоятельство и сходство почерков на конвертах открыло мне тайну присылки 10 руб., это Петр Иванович¹¹⁹ или его сын вознаграждает Вас за участие в составлении статьи. Постараюсь воспользоваться этою статьею для помещения ее, в сокращении, конечно, в Губернских Ведомостях¹²⁰; окончив статью, я поблагодарю неизвестного посетителя Румянцевского музея за присланные 10 рублей.

Статью о дожде¹²¹ я послал в «Новое Время», но весьма изменив ее; изменение заключается в расширении технической части статьи и в сокращении обращения к книжникам и фарисеям, потому что и не печатают ее, вероятно, страха ради иудейска. Статья в новом виде послана в «Новое Время» 19 мая, но до сих пор ответа нет, — впрочем, это еще немного времени, и было бы хорошо, мне кажется, если бы она была напечатана¹²², потому что сразу явилось бы в двух различных органах печати по статье об одном и том же предмете. Признаюсь, я не ожидал от Петра Ивановича, чтобы он мог поместить у себя в Архиве то, чем сопровождается и заканчивается статья о Каразине, но и мысли самого Каразина поразительны, и это в то время, за восемьдесят лет до нас; и до сих пор никто на Западе и в Америке, ни один Эдисон не пришел к тому, во что верил и надеялся наш соотечественник. Неужели и теперь это

не выплывет, наконец, на свет Божий, неужели ученые Фуссы¹²³ опять все это затрут. А между тем вокруг Мокшана на урожай надежда плоха; с весны дождей почти не было, а были постоянно страшные ветры, иссушавшие почву; теперь идут дождички, но далеко не повсеместно, и при том в весьма незначительном количестве; но ветры не утихают и сушат почву необычайно скоро, повсюду пыль ужасная. Да, если не теперь найдут средство к управлению слепыми силами, то не поздно ли уже будет?!.. Передайте от меня благодарность Петру Ивановичу за присылку статьи и за десять рублей.

Теперь буду ждать от Вас письма с извещением о времени Вашего выезда из Москвы¹²⁴, чтобы иметь возможность рассчитать, когда Вы приедете в *Симанцину*, и там встретить Вас, а оттуда, если погода позволит, дойдем до Мокшана пешком. Юлия Владимировна и все наши дети низко Вам кланяются, и все мы ждем с нетерпением Вашего приезда. Крепко обнимаю Вас и остаюсь горячо Вас любящий

Н. Петерсон.

22.

*15 августа 1893. Мокшан*¹²⁵

15-ое августа

Глубокоуважаемый и дорогой друг Николай Федорович! Посылаю Вам вставку в статью о Толстом, вставку о Бондареве, которая в Вашем экземпляре в невозможном для чтения виде¹²⁶. Обращаю Ваше внимание на то, что «возьми камень и носи» и все, что дальше приписывается Бондареву, взято из статьи Успенского «Трудами рук своих»¹²⁷; статья же самого Бондарева, помещенная в «Русском Деле» 1888 г. № 12-й, нами никогда вполне прочитана не была; прочтите ее и не найдете ли там еще чего-либо интересного, что другими могло быть и не замечено.

Сегодня видел Вас во сне и видел, что Вы должны были остановиться в гостинице, и устрашился, вспомнив, что у Вас всего 3 рубля в кармане. Я боюсь, что Вы приехали около 9-ти часов в Москву.

Юлия Владимировна Вам низко кланяется, все дети Вас целуют. Ванька¹²⁸ говорил, что когда я умру, то Вы будете отец и будете давать им деньги.

Крепко обнимаю Вас и остаюсь горячо Вас любящий Н. Петерсон.

1893 года

15 августа.

Мокшан.

На мой вопрос, рад ли он будет, когда я умру, Иван ответил — «не скажу».

23.

30 мая 1896. Воронеж¹²⁹

[начало письма не сохранилось]

Брошюру Мироносицкого¹³⁰ прочитал всю; она мне очень понравилась, даже Юлия Владимировна читала ее с большим удовольствием; относительно же черчения плана школы¹³¹ там говорится только на 29-й странице и лишь следующее: «21 января вечером по какому-то поводу в кухню к нам явились общежитники в полном составе... Мы тотчас всем им нашли дело. Велели раздеться и пройти в комнаты. Одного посадили писать клировую ведомость и проч... С остальными я занялся черчением плана будущей школы, причем они познакомились с готвальней».

Какое-то еще третье обстоятельство я должен был Вам сообщить, но теперь никак припомнить не могу.

Посылаю последний лист статьи «Падающие Звезды, грозовая сила и пр.»¹³². Так запоздал с этим, потому что неожиданно потерял 23 и 24 мая, просидев оба эти дня в Съезде, так как земские начальники разъехались.

Из Ломова до сих пор ничего не имею; оказывается, — Елизавета Павловна уехала 17 мая в Краснослободск и сообщение отложила до возвращения оттуда¹³³.

О Воронежской Коронационной Выставке было еще в «Вор<онежских> Губ<ернских> Ведомостях», которые ограничили, впрочем, почти перепечаткой из «Дона», хотя и без ссылки на источник¹³⁴. Зверев говорил, что он послал статью о Выставке в «Московские Ведомости», но статья эта почему-то не является¹³⁵.

Юлия Владимировна и все мое семейство низко Вам кланяются и считают время, которое остается до Вашего приезда¹³⁶. Глубоко Вас уважающий и искренно любящий

Н. Петерсон.

30 мая 1896.

Что мне писать теперь?

24.

21 февраля 1897. Воронеж¹³⁷

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

С нетерпением ожидаю обещанные Вами гранки, в которых статья, поднимающая вопрос о детях и отцах, напечатана в новом, измененном виде¹³⁸. Я и раньше, конечно, понимал, что эта статья далеко не исчерпывается студенческим вопросом, упомянул же об этом только потому, что общество, кажется, очень занимается этим вопросом. Хотя, по правде сказать, занимается только от безделья.

Весьма буду рад прочитать и статью о Кремле¹³⁹. Прошу Вас также, если возможно, прислать мне статьи в «Московских Ведомостях» и «Русском слове»

№ 254-й о статье в № 244-м «Русских Ведомостей» «Долг авторов по отношению к публичным Библиотекам». Я имел об этом статью только в № 243-м «Русского Слова», но что за статья была в № 254-м «Русского Слова», а также в «Московских Ведомостях», не знаю¹⁴⁰. Если возможно, пополните этот мой недостаток.

Посылаю Вам один лист статьи о ревивалях и обыденных церквах.

Юлия Владимировна и все мои низко Вам кланяются.

Глубоко Вас уважающий и всюю душею Вам преданный

Н. Петерсон.

21 февраля 1897 г.

Родственники Толстого здесь в Воронеже очень встревожены¹⁴¹; говорят, будто готовится ему какая-то беда, а может быть, даже уже и стряслась она над ним.

25.

*26 октября 1898. Воронеж*¹⁴²

Глубокоуважаемый

Николай Федорович!

Получив сегодня, 26 октября, Ваше письмо от 24 октября¹⁴³, в котором Вы пишете, что намерены 1-го ноября оставить Библиотеку, а следовательно, и Румянцевский Музей¹⁴⁴, — я тотчас же отправился на поиски Вам квартиры и пока остановился на той же квартире у Веры Матвеевны, на которой Вы стояли в 1897 году, — с самоваром она желает теперь получать с Вас по 5 р. 50 коп. в месяц; я еще не решил окончательно с Верою Матвеевною, поищу еще поближе и подешевле, но если не найду, то придется поместиться у Веры Матвеевны. Боюсь лишь одного, что буду плохим Вам помощником, потому что и сонлив я, и дел страшно много (*теперь уже 1362 дела*), боюсь этим возбудить в Вас против себя неудовольствие, а это для меня в высшей степени тяжело; неужели же Вы и до сих пор не убедились еще в моей преданности делу и всякое мое ослабление можете объяснять не усталостью или чем-либо в этом роде, а нерадивостью и раздражаться на меня?!.. Да не будет этого...

На днях получил письмо от Логвинова, он узнал, откуда исходит статья, и выражает большое удовольствие, что статья эта появилась¹⁴⁵; опасается лишь, как бы не замолчали ее, и возлагает большие надежды, если статья дойдет до обсуждения на Конференции. В Воскресенье был у меня Ректор Семинарии, редактор Епархиальных Ведомостей, — человек несомненно умный и, по видимому, хороший; о статье, которую я передал ему¹⁴⁶, ничего не пришлось поговорить, потому что вскоре за отцом ректором приехал известный Вам Алисов¹⁴⁷, — и как я не рад был ему, Вы можете себе представить. Во всяком случае, если бы ректор приехал с отказом от напечатания статьи, он, вероятно, сказал бы, но он ничего такого не сказал; очень может быть, приезжал, чтобы отдать визит; статья у ректора с 21-го октября, следовательно, он давно успел прочитать и, как человек осторожный, перечитать статью. Ко мне он относится,

по-видимому, с большой симпатией, и, разговаривая с Алисовым, мы были вместе против этого... не знаю, как и назвать. Должен Вам сказать, что при чтении статьи ректору и прежде, чем дошли до того места, где вставлено — «Бог смерти не создал»¹⁴⁸, — вдруг ректор, как бы предупреждая, сам это сказал; но как это вышло, восстановить не могу. Мне это замечание тогда очень понравилось и даже удивило.

Я слышал, что о статье в «Новом Времени» есть отзывы в какой-то саратовской газете и в торговом листке¹⁴⁹, сам этих отзывов еще не видал; на днях мне обещали доставить газеты с отзывами. Очень интересно прочитать стихи Ю. П. Бартенева¹⁵⁰. Я пред ним виноват, не благодарил еще его за присылку оттиска из Архива о Кремле¹⁵¹; на днях напишу. Юлия Владимировна и все мои Вам кланяются и радуются, что скоро Вас увидят. Мы с Юлией Владимировной сегодня искали Вам квартиру.

Глубоко Вас уважающий и всею душою преданный и Вам, и делу, которого [Вы на]чальник,

Ваш Н. Петерсон.

26.

*19 августа 1899. Ашхабад*¹⁵²

19 августа 1899 г.

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Федорович!

К величайшему моему сожалению, не могу Вас встретить в Красноводске сам, потому что в четверг (19 августа) я дежурный, а в пятницу (20-го) у нас распорядительное заседание. Да и кроме того, без отпуска уехать мне из Ашхабада вообще неудобно. Поэтому посылаю Костю встретить Вас; он поможет Вам справиться с вещами, он найдет и место в вагоне получше. Конечно, эта посылка Кости совершенно совпадает с его собственным желанием, ему приятно и проехаться и покупаться в море.

Нужно ли говорить, как я рад, что Вы едете к нам. Я несколько не обо-льщаюсь на свой счет и хорошо знаю, что без Вас я ничто, — ни на что не способен, ни на что и не нужен; только с Вами и при Вас я еще могу быть на что-либо годен в деле воскрешения, которое для меня составляет все. Но радуясь Вашему приезду, не могу скрыть от Вас, что и страшусь его, потому что мне кажется, в последнее время Вы стали питать ко мне какую-то антипатию, которая все усиливается, и Вы почти постоянно на меня раздражаетесь. Я кажусь Вам, мне кажется, и глупым до того, что все делаю так же невпопад, как дурак в сказке, пожелавший «таскать не перетаскать» несшим покойника; я кажусь Вам, мне думается, и корыстным, хвастливым, тщеславным...¹⁵³ Таков ли я, право — и сказать не могу; но одно лишь знаю, что нет для меня ничего выше дела воскрешения, а в это дело я вошел чрез Вас; поэтому Вами я только и хвалюсь, и вся моя гордость заключается в том, что я близок к Вам... Познакомившись с Вами в 1864 году, я с тех пор не могу от Вас отстать, и что бы со

мною ни случилось, я все-таки Вас ищу. Подумайте же, как мне тяжело бывает, когда я вижу, что Вы на меня раздражены; и чего бы я не сделал, чтобы избежать этого раздражения; и если все-таки Вас раздражаю, то разве это вольно?!.. Буду надеяться, что в будущем Вы постараетесь на меня не раздражаться, — и тогда я буду совершенно счастлив. Комната Вам готова; платить за нее придется Вам два рубля и за обед четыре с полтиною. Для меня было бы величайшим удовольствием, если бы Вы позволили мне принять на себя эти расходы, по крайней мере до тех пор, пока у Вас образуется капитал, обеспечивающий возвращение в Россию, в Москву¹⁵⁴.

Всею душою Вас любящий

Н. Петерсон.

Юлия Владимировна весьма обрадована тем, что Вы будете жить с нами, и она почему-то думает, что пока Вы с нами, то нечего бояться, все будет хорошо.

ПИСЬМА В. А. КОЖЕВНИКОВА Н. Ф. ФЕДОРОВУ

1.

26 марта 1896. Москва¹

Москва. 26 марта 96.

Воистину воскресе!
Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Федорович!

Приветствую от искреннего сердца и я Вас с Праздником праздников и благодарю Вас за Ваше поздравление и добрую память обо мне. Ваше письмо я получил как раз в Светлый день Пасхи, который стал чрез это для меня еще более радостным днем. Приветствие Ваше сняло с души моей тень, ее омрачавшую. Без излишнего многословия сердечно благодарю Вас за слова мира и радости духовной, и одним из моих высших желаний будет желание, чтобы доброе отношение Ваше ко мне длилось отныне неизменно, к чему я приложу сильное мое старание.

Ваше пасхальное пение величаво по мысли и по чувствам, вдохновляющим мысли. Как продолжение или переложение церковного Канона, оно вполне выдержанно в стиле и с внешней стороны едва ли нуждается в том, что Вы называете «более художественным изложением», которое, мне думается, отняло бы у этого пения необходимый для него церковный облик, сродняющий его со старым Каноном, из которого Ваш новый естественно вытекает, как следствие и заключение, а не как что-либо присочиненное. А потому, по моему убеждению, именно в том первоначальном виде, в каком вылилось из глубины души пророческой это торжественное пасхальное пение, оно и должно быть оставлено, как призыв умирающего 19-го века к приближающемуся двадцатому, и даже больше! как завет всех девятнадцати веков христианского летоисчисления и еще больших дохристианских, — как надежда, всеми ими выражаемая, на то, что 20-й век должен бы принять как программу для своей деятельности, программу, которую ему следовало бы начать осуществлять. Форма архаическая, традиционная, церковная (то есть многими поколениями предков принятая и для объединения всех предназначенная) поэтому должна быть оставлена не перемененно в пении, содержащем программу дела не нового, а исконного, исконно стоявшего перед человечеством. — Мы не раз с Вами беседовали о многих но-

вых культах, которыми тешится или старается пополнить свою духовную пустоту и скорбь современное человечество. Здесь же мы получаем не новое исповедание веры и не новый ритуал, а только углубление смысла христианской веры и христианского поклонения Св. Троице, раскрытие их полнейшего и широчайшего смысла, с сохранением даже формы внешнего славословия, к которым приучила нас Церковь. Не знаю, что можно возразить против этих соображений; если же найдете что-либо, не откажитесь сообщить мне.

К статье о «поющем Кремле»² я мог приступить только вчера, потому что на Страстной неделе говел, а последние дни ее и первые Праздника никогда не бывает времени, да и теперь располагаю им в самом малом количестве, а потому, ради Бога, не взыщите за то, что лишь по прошествии некоторого времени буду в состоянии выслать Вам статью. Сюжет меня очень заинтересовал. Мне хоте[лось] [продолжение утрачено.]

2.

28 июля 1900. Ильинское³

Ильинское. 28 июля 1900.

Дорогой Николай Федорович!

Вчера послал Вам 2 питерских справки. Сегодня посылаю «Схему 12 пасх<альных> вопросов»⁴. В ней мною добавлено несколько слов, оговоренных в приписке карандашом. Затем оставлен нерешенным выбор термина в 12-м вопросе («предводители» мне все-таки не нравятся, хотя и «власти» не совсем выходит точно). Но вообще «Схема» вышла удивительно ясна, стройна и наглядна. Пусть говорят, что мы вдаемся в тонкости и мудрености! Здесь налицо ясность и простота и связность целого! В старину, в Ср. Века и у философов Возрождения, было в обычае графически, наглядно изображать связь, расчленение и объединение филос<офских> и богослов<ских> мыслей: схоластики, мистики, натурфилософы (Кардан, Пико⁵, Бруно и даже великий Лейбниц) находили это полезным, и я разделяю это мнение: где есть внутренняя путаница мысли, там не добиться и внешнего ясного и стройного чертежа и уподобления. Ваша схема — *chêf d'oeuvre* своего рода! и потому я иду даже дальше и, не опасаясь упрека в любви к каббалистике, позволяю себе приложить еще другое изображение той же схемы в форме круга, как наглядного образа законченности и стройности (Платон считает шар и его основную линию — круг — «идеальнейшею», т. е. (по его понятию) совершеннейшею фигурою). Окружность предлагаемой фигуры изображает как бы внешность современного положения дел, т. е. теперешней, несовершенной жизни человечества, отделившегося от центра (от смысла жизни). Эта же (внешняя) сторона представляет собою и теперешнее положение вопроса о жизни и смерти, бедности и богатстве. Умы, живущие только внешними, поверхностными мыслями, чувствами и интересами, видят и в жизни и в этом вопросе все только таким, каково оно кажется извне, т. е. разделенным, разрозненным, обособленным, враждебным друг другу, удаленным от центра. Между тем для ума глубокого и для чувства всеобъемлющего все направляется от внешнего (от окружности) к внутреннему (цент-

ру), так что каждый из 12 вопросов туда же к центру приводит. А центр есть — и цель, и смысл жизни, и решение вопроса. Этот центр мы и обозначаем как таковые (как цель и как решение); то и другое сходится в общем деле, к которому приводят и все 12 вопросов: *к возвращению жизни, к воссоединению*. Старинный каббалист мог бы над каждым вопросом у окружности подставить соответствующий знак (иероглиф), а в центре — естественным и все содержащим знаком был бы Крест на Голгофе — могильный знак над прахом предков, ждущим воскресения. К этому общему и всех связующему центру и средоточию целого (круга, сферы) стремятся все точки окружности, несмотря на свои разделения друг от друга, все увеличивающиеся по мере удаления от центра. Каждое из подразделений соответствует отдельному вопросу, причем каждый вопрос в свою очередь является двуликим (все они ведь озаглавлены «О двух...»): одною стороною каждый обращен к внешней линии, — это то, что есть, но чего не должно быть; другая сторона, внутренняя, обращена к центру, — это то, что должно быть и что во всех вопросах будет решением, когда они от разделения и обособления обратятся к объединению в центральном деле-долге. Наконец, во вращательном (круговом) своем движении последовательность всех, центром связанных вопросов, приводит к точке отправления, так что 12-й совпадает с 1-м, как и по «Схеме» выходит, так как общее дело, завершаемое в 12-м, и составляет решение вопроса общего, поставленного в 1-м. Все это, разумеется, беглый и несовершенный набросок; но несомненно, среди бесчисленных картограмм и диаграмм и этот «Zodiacus Vitae»⁶ (выражаясь старым языком) имеет свой смысл...

Писанное об эпитафиях еще не успел переписать⁷: жара одолевает и письменность юридическая, а в связи с нею и соответствующая корреспонденция. Перепишу и пришлю paulo post⁸. Но заключительным периодом, откровенно говоря, не доволен: сложно и громоздко; не говоря уже о контрасте с краткостью предшествующих изречений. Будьте здоровы и бодры духом и телом. Мать моя⁹ Вам кланяется.

Преданный Вам искренне

В. Кожевников.

3.

*12 июня 1901. Исар*¹⁰

Исар, 12 июня 1901.

Дорогой и глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Вчера получил Ваше письмо от 8 июня о «национальной школе». Среди множества статей, которые теперь пишутся по школьной реформе¹¹, Ваше слово было бы особенно желательно видеть в печати, и я с Вами совершенно согласен, что статья, Вами указываемая¹², была бы очень пригодна для настоящей минуты. Конечно, заранее можно ожидать, что многим будет не по вкусу предложение, чтобы вместо ученья кое-кем, кое-где и кое-как появилось истинное изучение природы и человека всеми, всегда и везде; противным это должно

показаться новым защитникам лени и неряшества в учении, тем, которые именно теперь доказывают, что надо учиться поменьше и кое-как. Но тем более необходим Ваш решительный протест против беспорядочного и поверхностного учения! Вот почему я убедительно просил бы Вас привести в исполнение мелькнувшую у Вас мысль о своевременности опубликования Ваших дум на этот счет. Я полагаю, что у Вас написано кое-что об этом новое; а если считаете прежнюю статью достаточною, то можно просто перепечатать ее в «Нов<ом> Времени» с предлагаемыми Вами вводными словами. Для верности успеха можно послать через Юшу¹³, если Вы это одобрите; а то так и непосредственно. Итак, если Вы это решите сделать, то либо сами прямо в редакцию адресуйте, либо пришлите, если найдете лучшим, мне статью и предполагающиеся изменения и добавления, и я перепишу по Вашим указаниям и отошлю в «Нов<ое> Время» прямо, либо через Юшу (как прикажете). Ответьте, пожалуйста, немедленно об этом. У меня здесь этой статьи нет. Если будете посылать, пошлите заказным. — Книги Мережковского я так и не мог увидеть¹⁴; но можно бы и ему написать об письме Достоевского¹⁵, если бы был известен его адрес. Впрочем, можно узнать петербургский адрес через Сережу Северова¹⁶, хотя летом едва ли Мережковский остается в Питере.

Вы ничего не написали о себе. Сообщите, здоровы ли? Купаетесь ли? Судя по газетным сообщениям, в Москве жара, а следовательно, и в Подольске, вероятно, тоже? Здесь не жарко; воздух отличный, но купаться в море неудобно за дальностью расстояния. Мать моя и Анна Вас<ильев>на¹⁷ Вам сердечно кланяются. — Не сообщите ли какой-нибудь новой статьи Вашей почитать или переписать? Если есть — пришлите. Сердечно Вам преданный

В. Кожев<ников.>

4.

*10 апреля 1902. Москва*¹⁸

Москва. 10 апр<еля> 1902.

7 1/2 ч. утра.

Дорогой и глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Очень утешен Вашим письмом. Хотя в нем Вы сопричисляете меня к неверующим¹⁹ и отрицающим, но я, повторяя слова скептика евангельского: «верую, помоги моему неверию», надеюсь, что и во мне умножится вера во все хорошее²⁰ милостию Божией, подающей веру, и в Вас умножится доверие к человеку, который Вас много лет нелицемерно любит и уважает. — Письмо к Петерсону²¹ было отправлено уже вчера заказным, но это ничего не значит! Желая Вам оправиться от недомогания, которое Вы чувствовали, и непременно ждем Вас на 1-й день²² обедать.

Сердечно Ваш

В. Кожев<ников.>

ПИСЬМА Н. П. ПЕТЕРСОНА В. А. КОЖЕВНИКОВУ

1.

*14 февраля 1894. Мокшан*¹

Милостивый Государь
Владимир Александрович!

От Николая Федоровича я узнал, что Вы издали брошюру в пользу Качимской школы². Как уроженец и постоянный житель Пензенской губернии³, где и Мордовский Качим, я преисполнен самой горячей благодарностью за Ваш труд и Ваше пожертвование. Ваш труд и пожертвование особенно важны тем, что несомненно обратят внимание на знаменательный факт участия в построении школы самих учеников и их родителей, причем дети, можно сказать⁴, служили образцом для родителей. Вы выводите на свет Божий такое событие, которое может иметь неисчислимы и благодетельные последствия, если на него будет обращено надлежащее внимание, и которое тем не менее на месте, где совершилось, прошло почти незамеченным; впрочем, здесь, на месте, надо признать, оно совсем не обратило на себя внимания, значение его было указано из Москвы...

Но зачем, обещая обеспечить за Качимской школой и в случае неуспеха издания столько же, сколько она могла бы получить по распродаже всего издания, Вы хотите умалить значение Вашего пожертвования, сведя его только на деньги; Ваш дар в том виде, как теперь, несравненно драгоценнее и воспитательнее для Качимской школы. Даже лучше, если распродажа издания затянется — получение небольших сумм в течение продолжительного срока было бы для Качимской школы напоминанием того, чего она никогда забывать не должна; и вместе с тем это было бы как бы продолжением созидания самими качимцами их школы при Вашем содействии.

Очень буду рад, если часть забот о распространении брошюры Вы возложите и на меня; триста экземпляров, если брошюра не дороже 30 коп.⁵, я размещу легко; пересылку этого количества я принимаю на себя и покорнейше прошу Вас стоимость пересылки наложить платежом на брошюры, которые будут высланы на мое имя. В Пензе два книжных магазина, один Алексеева, а

другой Доронина, оба принимают на себя комиссии по продаже всяких книг. Лучший из этих магазинов — магазин Алексеева. В уездных городах книжных магазинов нет.

Примите мою искреннюю и душевную благодарность за ту радость, которую я испытал, узнав, что дело Качимской школы не останется под спудом.

С глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть всегда готовый к Вашим, Милостивый Государь, услугам

Н. Петерсон

1894 г. 14 февраля

Г. Мокшан, Пензенской губ.

2.

27 февраля 1894. Мокшан ⁶

Милостивый Государь

Владимир Александрович!

Приношу Вам глубокую благодарность за присланный мне экземпляр Вашей брошюры, выручка от которой предназначена в пользу Мордовско-Качимской школы⁷. Не могу не чувствовать еще несравненно большей к Вам благодарности за желание поддержать дело Мордовско-Качимской школы, которое, надлежащим образом понятое, могло бы иметь большое и благотворное значение. Но мне кажется, гораздо будет лучше, если Качимская школа не вдруг получит ту сумму, которая не *на самом деле* будет выручена, а лишь может быть выручена от Вашей брошюры, гораздо лучше будет, если Качимская школа будет получать выручку по мере распродажи брошюры, и чем на больший срок это растянется, тем лучше, потому что тем дольше дух качимцев будет возбужден и будет держаться на надлежащем уровне воспоминанием о первоначальном устройстве школы, т. е. о том, что обратило на них внимание. Если же они сразу получают ту сумму, которая еще не выручена, а может лишь быть выручена, не послужит ли это скорее к угашению, а не к возбуждению духа, потому что деньги *сами по себе* способнее гасить, а не возбуждать дух. Поэтому в интересах самой Качимской школы я позволяю себе усерднейше просить Вас отказать от мысли обеспечить за Качимскою школою ту сумму, которая может быть выручена от продажи брошюры, пускай Качимская школа получит то, что будет выручено, и по мере того, как выручка будет получаться, тем более, что существование школы и без того обеспечено.

В Пензе два книжных магазина — Алексева и Доронина; с Алексеевым я входил в переговоры, и он принимает на себя продажу Вашей брошюры из 10% за комиссию. Доронин тоже будет согласен на эти условия, но я не успел с ним переговорить. К сожалению, я сам не могу принять того участия в распространении брошюры, которое желал бы⁸, потому что меня перевели в Воронеж и в конце марта должен уезжать из Мокшана⁹; но если Вы успеете выслать мне на второй неделе экземпляров 20-ть, — я их успею еще разместить здесь.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности всегда готового к Вашим услугам

Н. Петерсона

1894 года
27 февраля.

3.

20 декабря 1894. Воронеж¹⁰

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Приношу Вам глубокую благодарность за Вашу заботу выручить рукопись из Цензурного Комитета¹¹, но ни я, ни тем более Николай Федорович никогда и ни за что не согласимся ставить в неловкое положение ни Цензора, позволяющего вопреки закона (по его мнению) списывать рукопись, ни то лицо, которое будет списывать... Мне кажется, гораздо проще прямо и без всякой конфиденциальности обратиться в Комитет с просьбою возвратит рукопись, заявив, что жаловаться на распоряжение Комитета не намерены и даже согласны с мнением Комитета и сами признаем, что рукопись не может быть напечатана для всеобщего оглашения. Делая такое заявление, мы нисколько не уклонились бы от истины, потому что представленная в Цензуру рукопись есть лишь небольшая часть из обширного обращения главным образом к *ученым*, духовным и светским, которых с толку не собьешь. Николаю Федоровичу и не хотелось печатать, в этот раз он уступил, вероятно, моему горячему желанию, и напрасно; и в этот раз, как и всегда, он оказался прав. А если жаловаться не будем, то и нет основания для Комитета удерживать рукопись при делах Комитета, — я продолжаю оставаться при том мнении, что запрещенные рукописи удерживаются Комитетом только на случай жалобы, потому что в этом случае такие рукописи *самим* Комитетом препровождаются в Главное Управление¹². А куда деваает рукопись в случае запрещения Главное Управление, — в законе (ст. 59) даже не сказано¹³; и это служит новым подтверждением, что рукописи оставляются при делах Комитета только на случай обжалования. Согласитесь, что лишать кого-либо собственности без прямого требования закона было бы таким произволом, время которого, надо надеяться, прошло. И что может быть обидного для Комитета в просьбе возвратит рукопись; даже жалоба на отказ (основанный на 58 ст<атье> Ценз<урного> Устава) выдать рукопись ничего обидного сама по себе не имеет; иначе Судьи и Суды постоянно, следовательно, оскорбляются, и на Судей даже возложена обязанность оскорблять самих себя, потому что по уголовным делам они обязаны записывать жалобы недозвольных их приговорами. В подаче просьб и жалоб, установленных самим законом, я не вижу пререканий с теми учреждениями, куда [2 слова неразб.] Во всяком случае будьте уверены, что если и будет подана просьба в Комитет о возвращении рукописи, если придется подать и жалобу на отказ в этой просьбе, все это будет написано не только самым вежливым образом, но и возможно почтительно. Никакого пререкания с Комитетом я не вижу в подаче просьбы о

возвращении рукописи. Но так как извещения от Цензурного Комитета, по Вашим словам, ожидать я не могу, то прошу Вас выслать мне расписку Комитета в получении моей рукописи¹⁴.

Еще раз приношу Вам глубокую благодарность за Ваши хлопоты о рукописи и прошу извинить за беспокойства, которые причинены Вам неудачным обращением в Цензурный Комитет. И на этот раз Николай Федорович, так не желавший, чтобы рукопись была напечатана, оказался прав. Мне много раз приходилось с ним спорить, но я не помню случая, когда бы он был не прав в конце концов. Мне очень тяжело, что в Вашем письме заметно какое-то беспокойство, хотя причин к такому беспокойству я решительно не вижу. Примите уверение в глубоком почтении и преданности всегда готового к услугам Вашим

Н. Петерсона

1894 года
20 декабря

4.

После 29 декабря 1894. Воронеж¹⁵

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Очень сожалею, если последнее письмо мое могло навести Вас на мысль о недоверии¹⁶. Я вообще человек доверчивый, а в отношении Вас — сделавшее пожертвование на Качимскую школу, предложившего свои средства на поднятие того вопроса, без разрешения которого самая жизнь мне кажется не имеющею смысла¹⁷, — какое могу я иметь недоверие. Правда, Николай Федорович мне писал как-то, что Вы не хотели дать ему просмотреть Вашего Якоби перед отдачею в цензуру¹⁸, и заметил при этом, что мы пред Вами открываем всю душу свою, а Вы поступили в этом случае иначе. Но я думаю, и Н<иколай> Ф<едорович> так писал, что не показали Вы ему своего Якоби, боясь, вероятно, замечаний, которые легко могли вызвать Вас на новую работу, а я как-то слышал, что работа над Якоби Вас утомила и Вы стремитесь к другой, более интересной. Надеюсь, что Вы не сочтете бестактным мое сообщение Вам об этом. Если я позволил себе написать Вам это, то потому лишь, что знаю, как Ник<олай> Фед<орович>, всю жизнь жаждавший всеобщего единения, томится в совершенном одиночестве и как ему тяжело бывает малейшее недоверие, которое он заподозрит в тех немногих, пред которыми, как Вы, он раскрывает свою душу. Во всяком случае, не опасайтесь, чтобы я до приезда Николая Федор<овича> в Воронеж стал передавать ему те отзывы цензоров, о которых Вы сообщаете мне в Вашем письме от 29 декабря¹⁹. Но я нисколько не постеснялся бы дать Н<иколаю> Ф<едоровичу> то письмо, в котором излагалось мнение Цензурного Комитета²⁰. Какие бы выражения там ни были употреблены, обидными они быть не могут; и даже чем обиднее хотели сделать отзыв, тем лучше, потому что это свидетельствует, что сами Цензоры, утверждающие, будто ста-

тья не имеет никакой цены, сами убеждены в противном. Утверждая же, вопреки очевидности, будто автор — последователь Толстого, Цензоры свидетельствуют, конечно, что Толстой им понятнее, ближе. Вспомните афинян, слушавших и даже с интересом апостола Павла, но только до тех пор, пока он не упомянул о воскресении²¹; вспомните вопрос Пилата, что такое истина. И в настоящее время ни в истину, ни в воскресение не верят, а воскрешение не Богом только, а Богом чрез людей в их совокупности совершаемое, неприготовленно-му должно показаться такою дичью, что и все ранее сказанное человеком, выразившим такую мысль, должно потерять всякую цену. Что касается опасений, — не повредит ли мне по службе рукопись, представленная в цензуру, то я не верю в возможность в настоящее время преследования за мнения, тем более, что по службе меня считают пока одним из исправных... Интрига, конечно, все может поставить на счет; но от этого не убережешься. Во всяком случае ни малейших опасений не имею и думаю, что всякая несправедливость против меня ли то, или против кого другого, за преданность великому, всеобщему делу воскрешения может быть только полезна этому делу. Будьте уверены, глубокоуважаемый Владимир Александрович, в моем искреннем к Вам расположении, хотя и не знаю Вас лично. Я буду очень огорчен, если всякие отношения между нами будут порваны. Особенно это будет тяжело, когда не станет Н<иколая> Ф<едоровича>; а он уже стар, и страшно подумать, что, быть может, не долго уже будет с нами. Уведомление Ценз<урного> Ком<итета> от 3 декабря о задержании рукописи получил и могу Вас уверить, что если дело дойдет до прошений и жалоб, то они будут написаны с полным спокойствием и ничего и ни для кого в них обидного сказано не будет. Поздравляю Вас с новым годом и желаю всего наилучшего. Душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

5.

*18 апреля 1896. Воронеж*²²

[начало письма не сохранилось]

статью в Редакцию, так как редактору сказано было, что ни на какие изменения без предварительного переговора не согласны; а он, обещав прислать статью в гранках для корректуры, вместо этого прислал статью уже после выхода газеты, да и то тогда, когда к нему послали спросить, когда он пришлет статью для исправления в гранках²³. Редактор обещал в следующем номере напечатать объявление, что статья напечатана в измененном виде без согласия лица, доставившего статью, по ошибке редакции. Интересно, исполнит ли это обещание, или скажет, что цензура не пропустила?!..²⁴

Моя сестра имеет школу в Нижнем Ломове Пензенской губернии и хотела бы устроить такую выставку, как та, о которой говорится в прилагаемой статье (по своим, конечно, силам)²⁵, поэтому не можете ли Вы сообщить, не вышло ли каких-либо картин, относящихся к коронации, не дорогих и, если возможно, раскрашенных; если есть такие, сообщите, откуда их выписать и

сколько они стоят. Не можете ли сообщить об этом поскорее, потому что времени остается уже немного.

Николай Федорович низко Вам кланяется, он собирается писать Вам сам, а теперь просил лишь сообщить Вам, что получил два письма от Директора²⁶, — в 1-м от 7-го апреля продолжительность молчания на прошение об отставке²⁷ Веневитинов остроумно объясняет *изумлением* от очень давно известного ему намерения Николая Федоровича оставить Музей по старости, а сегодня (18 апреля) получено другое от него письмо, в ответ на посланное ему еще 10-го апреля согласие прослужить несколько времени²⁸ (как он сам предлагал в 1-м письме) единственно для доказательства, что выход в отставку вовсе не зависит от вступления его, Веневитинова, в управление Музеем; в этом последнем Веневитинов указывает с неменьшим остроумием на нетерпение, с которым ждут возвращения Никол<ая> Федор<овича> в Музей, этим нетерпением, должно быть, и объясняется, что ему надо было пять дней, чтобы начертать не в телеграмме, а в письме — «Приезжайте! Мы все Вас с нетерпением ожидаем». Но раньше, чем получено было это письмо, а именно 17 апреля, Никол<ай> Федор<ович>, не догадываясь, что нетерпение может выразиться в таком замедлении, отправил Веневитинову другое письмо²⁹, в котором молчание его принимает за отрицательный ответ на его согласие прослужить в музее еще несколько времени и просит поспешить высылкою аттестата, наименование которого в городе, где требуется немедленное уведомление о всех прибывших, может грозить неприятностями со стороны полицейской власти.

Глубоко Вас уважающий и всюю душею преданный Н. Петерсон.

Извините за помарки, приписки и вообще за небрежность письма, — переписывать решительно нет времени.

6.

*Между 18 и 21 апреля 1896. Воронеж*³⁰

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Посылаю Вам письмо Достоевского³¹, которое прошу оставить до личного свидания — вероятно, увидимся же когда-нибудь³² — или же до благоприятного для опубликования времени, — как я уже, впрочем, и писал Вам.

Очень было бы хорошо, если бы возможно было достигнуть напечатания в этом же письме посылаемой статьи в «Новом Времени» или же в другой какой газете, так как небольшие изменения в том, что напечатано, и выпуск довольно значительной части дают статье совсем иной характер, характер чего-то холуйского³³, и все это было сделано Редактором вопреки прямо выраженного требования, чтобы он не печатал статьи (если цензура не будет согласна пропустить ее целиком), — не посоветовавшись с нами.

Относительно высылки денег Николаю Федоровичу, сделать этого, по всей вероятности, будет нельзя, — здесь он никуда поступать не желает, в особенности после случившегося со статьей и после неискренних писем Веневитинова³⁴; он боится даже мести Веневитинова мне чрез Председ<ателя>

Окружного Суда³⁵, с которым он приятель³⁶; Ник<олай> Федор<ович> говорит о путешествии пешком в Киев, а там — неизвестно что; впрочем, он так стал слаб, что почти не выходит, а прежде так любил ходить и мы так много с ним ходили. Он такой особенный человек, так иначе понимает и чувствует, чем другие, что, боясь потерять его, я не все ему говорю; он это, впрочем, замечает и, кажется, не в претензии на это. Как бы я мог сказать ему о том, что заставило меня прибегнуть к Вам, к Вашей помощи³⁷; у него, я знаю, есть рублей сорок, ведь он тотчас же бы отдал эти все деньги и не взял бы из присланных Вами.

Искренно благодарный и душевно преданный
Н. Петерсон

7.

4 мая 1896. Воронеж³⁸

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Присланные Вами книги я тотчас же отправил в Нижний Ломов, сестре моей, не помогут ли они ей при устройстве коронационной выставки³⁹. Приношу Вам глубокую за них благодарность.

Пользуюсь возможностью уплатить Вам сто рублей; я получил пособие на воспитание детей по 300 рублей в год, о котором давно просил и потерял всякую надежду на получение его, и вдруг неожиданно получаю 300 рублей и уведомление, что буду ежегодно получать по стольку же; первую минуту я хотел тотчас же выслать Вам все двести рублей, но затем явилось столько разных нужд, что я решил послать Вам лишь сто рублей и просить Вашего разрешения высылать Вам остальные не по десяти рублей в месяц с июня месяца, как я обещал, а при получении в будущем году 300 рублей на детей вышлю Вам остальные сто рублей. Еще раз приношу Вам глубокую благодарность за одолжение.

По поводу письма Достоевского⁴⁰ я забыл Вам сказать, что оно осталось без ответа, потому что ответом должно было быть то, что потом было названо *Вопросом о братстве и причинах небратского состояния мира*; но Достоевский умер, не дождавшись этого ответа⁴¹.

Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный Н. Петерсон.

1896 года

4 мая

8.

*5 ноября 1896. Воронеж*⁴²

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Извините меня, что я так долго не отвечал Вам на письмо от 3-го октября, при котором Вы возвратили мне письмо Достоевского⁴³. Мне хотелось послать Вам копию этого письма, но за недосугом не могу этого сделать, во всяком случае я пришлю Вам эту копию. А теперь я посылаю Вам копию письма к *Никол<аю> Федоровичу В. С. Соловьева, которое я нашел в оставшихся у меня бумагах и написанное в половине восьмидесятых годов*⁴⁴; к сожалению, время написания этого письма более точно я определить не могу. Вот что писал В. С. Соловьев:

[Далее следует текст письма В. С. Соловьева Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 г. (см. его ниже).]

Письмо это было написано Соловьевым еще до увлечения его папизмом, и оно, по-моему, интересно не менее, чем письмо Достоевского.

Еще раз прошу Вас извинить меня за промедление. Надеюсь, что Вы уведомите меня, если переменится Ваш адрес, — я Ваш должник и в начале будущего года надеюсь иметь средства уплатить Вам если не весь долг, то хоть часть его⁴⁵.

Душевно Вам преданный и глубоко благодарный

Н. Петерсон.

1896 года
5-го ноября
Воронеж.

9.

*11 марта 1897. Воронеж*⁴⁶

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Приближается время, когда я должен получить деньги, из которых должен Вам уплатить остальной долг⁴⁷, поэтому прошу Вас уведомить меня, куда я должен выслать Вам деньги, и прошу разрешить мне выслать Вам не всю сумму. Это письмо посылаю наудачу, по старому Вашему Московскому адресу.

Получили ли Вы мое письмо с копией письма В. С. Соловьева, которое я отправил в Канн⁴⁸. Пользуюсь случаем послать Вам копию письма Достоевского⁴⁹.

Глубоко Вас уважающий, душевно преданный и бесконечно благодарный
Н. Петерсон.

1897 года
11 марта. Воронеж.

10.

21 августа 1897. Воронеж⁵⁰

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Был бесконечно обрадован Вашим письмом⁵¹ и тем, что Вы уже не за границей, а внутри России и почти в Москве⁵². К сожалению, Николая Федоровича уже нет в Воронеже с 11-го августа; я уверен, что и он был бы не менее обрадован Вашим письмом, — я его, это письмо, посылаю к нему в Москву⁵³. Пишу Вам только несколько слов, чтобы сообщить, что Музей в Воронеже называется «Воронежским Губернским Музеем» и что лица, управляющие и заведующие этим Музеем, приносят Вам глубокую благодарность за намерение пожертвовать выручку от Вашей книги на усиление средств библиотеки при Музее⁵⁴. Николаю Федоровичу, я думаю, также приятно будет Ваше пожертвование⁵⁵, потому что он весьма благосклонно относится к Воронежскому Музею, хотя ни разу в него не заглядывал.

Вытеснение на задний план того, кому принадлежит мысль о воскрешении и изумительное развитие учения об этом, выражения «которых так много» и проч. не мне, конечно, принадлежат, а тому, который весьма часто говорил, что прежде, когда из слова не делали еще продажного товара, когда словами стремились служить общему благу, тогда большею частью автор какого-либо произведения, которое казалось общенепосредственным, приписывал его какому-либо древнему известному мудрецу, писателю, чтобы обратить тем наибольшее внимание на произведение; и в данном случае по той же причине хотели навязать Достоевскому то, о чем он, по всей вероятности, и не думал⁵⁶.

Приехал Н<иколай> Ф<едорович> в Воронеж совсем больным⁵⁷; но здесь вскоре поправился и начал купаться, купаться каждый день по три раза, и только изредка вместо трех — два раза. В Москве же, несмотря на жару и любовь к купанью, он не начинал купаться. С ним сделалось там сильнейшее расстройство желудка, и он совсем потерял аппетит. Оказывается, что кроме чая, хлеба и какого-то сыра он не ел ничего в течение нескольких месяцев; и я думаю, что заболел он от истощения. Как с ним быть, чтобы заставить питаться иначе, — мудрено придумать; а при его летах такое питание, как последние месяцы пред поездкой в Воронеж, его может погубить преждевременно даже и в физическом отношении — в нравственном же отношении потеря его всегда будет невознаграждаема, конечно.

Пока не посылаю Вам других статей, напечатанных в «Доне»⁵⁸, их надо собрать, пришлю чрез некоторое время. Буду очень рад получить Вашу книгу⁵⁹; частью я ее читал и нахожу, что она не только не суха, но в высшей степени интересна, и я буду крайне удивлен, если эта книга не обратит на себя внимания.

Глубоко Вас уважающий и благодарный

Н. Петерсон.

21 августа 1897 года

30 ноября 1897. Воронеж⁶⁰

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Не нахожу слов благодарить Вас за Вашу доброту и снисходительность ко мне и не знаю, что сказать Вам в оправдание моего молчания на Ваше письмо, в котором Вы были так любезны, прислали Ваше стихотворение «Да придет Царствие Твое»⁶¹; это стихотворение я получил и от Николая Федоровича в особом оттиске с номером «Русского Слова», в котором напечатана статья о Баженовском Кремле⁶². О другом Вашем стихотворении — «Жить или не жить»⁶³ Николай Федорович ничего мне не сообщал; он, вероятно, наказывает меня этим и за мое молчание на Ваше письмо, и за другие мои провинности⁶⁴; но Вы, я надеюсь, будете снисходительнее и пришлете мне список Вашего нового стихотворения, если оно еще не напечатано, а если напечатано, то пришлете печатный экземпляр, чем премного меня обяжете, сделаете мне великое одолжение, потому что читать в стихах изложение великой мысли имеет что-то особенное; то, что начинает слагаться в стихи, выражаться в музыке, скоро, надо надеяться, найдет и иное выражение.

Одиннадцать экземпляров Вашей книги⁶⁵ получил, десять экземпляров тотчас же отвез в Музей; свящ^{енник} Зверев⁶⁶, стоящий во главе Музея, взял Ваш адрес и будет писать Вам; один экземпляр он тут же передал одному профессору здешней духовной семинарии⁶⁷, по его словам, человеку весьма серьезному, который непременно прочтет Вашу книгу и, по всей вероятности, напишет о ней отзыв⁶⁸; а один экземпляр мы с Зверевым отнесли к Евгению Маркову, — известный публицист и беллетрист, — который тоже обещал прочитать книгу⁶⁹. Николай Федорович не высоко ставит этого Маркова, хотя и признает его человеком даровитым, во всяком случае я не думаю, чтобы вышло что-либо нехорошее от обращения его внимания на Вашу книгу; раз она напечатана, то чем с больших сторон обратят на нее внимание, тем лучше...

Я много уже прочитал Вашей книги по неполному экземпляру, оставленному у меня Ник^{олаем} Федоровичем, и, конечно, прочту ее всю, а последних несколько страниц уже и прочел и порадовался Вашей ссылке на письмо Достоевского⁷⁰, и жалею об одном, что Вы допускаете возможность несбыточности надежд на восстановление утраченного⁷¹; если надежды эти несбыточны, то что же могут значить Ваши же слова — «совершенство *свойственно* только совокупному целому, а не частному, разрозненному», а также «в частном, личном, субъективном, индивидуальном совершенство может и должно существовать только в смысле потенциальном, проективном»⁷² и проч. Несомненно, совершенство заключается в *том*, чтобы человек, т. е. род человеческий, род сынов человеческих, зависел только от самого себя, в *том*, что ныне выражается в словах «свобода воли», а свободен человек будет лишь тогда, когда воссоздаст себя из первоэлементов и отдаст, возвратит все ему *данное*, и когда весь мир, вся природа будет его трудом, его созданием, — вернее, пересозданием; если это возможно, то возможно и бессмертие, и возвращение всего утраченного, потому что в воссоздании себя заключается и бессмертие, и возвращение

всего утраченного; а если это невозможно, то заложенное в человеке стремление к совершенству, значит, бесплодно. Простите это замечание, оно вылилось из глубокого к Вам уважения, из глубокой к Вам благодарности человека, которого лично Вы не знаете⁷³ и к которому тем не менее Вы так добры. Николай Федорович упрекает меня, что я забыл добро, Вами мне сделанное⁷⁴; но он в этом случае ошибается, я не забыл его и никогда не забуду.

Посылаю Вам две статейки, напечатанные еще в прошлом году; через некоторое время пришлю еще две, напечатанные тоже в прошлом году⁷⁵.

Глубоко уважающий Вас и вполне Вам преданный

Н. Петерсон

30-го ноября

1897 года.

Воронеж.

Простите, что пишу с такими помарками; переписывать не могу, — так много приходится писать по должности, что всякое переписывание своего писания становится тяжело. Для меня наслаждение заключается лишь в переписывании написанного Николаем Федоровичем, или же с его слов; но это наслаждение мне возможно только утром перед разбором и не больше двух часов в день. Когда переписываешь ранее написанное, то как-то больше вникаешь, углубляешься и представляются новые горизонты, которых раньше не замечал.

12.

24 декабря 1897. Воронеж⁷⁶

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Не нахожу слов благодарить Вас за присланное новое стихотворение Ваше; оно полнее и систематичнее первого⁷⁷, но и первое также хорошо, и я радуюсь, что они оба существуют, взаимно дополняя и разъясняя одно другое. В первом меня смущают лишь слова — «*Великих дел и счастья снов*», — слова красивые, много говорящие воображению, но разбирая их грамматически: земля — *жилище счастья снов*, — как будто что-то не выходит. Впрочем, если и верно, что тут какая-то неловкость (а может быть — я просто ошибаюсь), во всяком случае это такие пустяки, что никак не могут испортить впечатления, производимого стихотворением. Я многим его читал, между прочим Маркову и его жене, и все находят его прекрасным. Во втором стихотворении я переменял бы лишь одно слово — «Но всеобщими трудами *приобрести* (вместо заслужить) должны мы сами то, что Богом суждено». *Заслужить* — не вполне, мне кажется, выражает мысль о достижении собственным трудом, своими собственными силами жизни и воскресения; *заслужить* — это то же, что сделаться лишь *достойными счастья*, а не самому *создать* свое счастье. Есть в одной из статей известного Вам труда Никол<ая> Федор<овича> небольшая заметка по

поводу вопроса — «зачем страдают добрые люди в этом мире и благоденствуют злые», — вопрос этот Гейне назвал проклятым; по поводу этого вопроса и говорится о добродетели, которая лишь *делает достойными* счастья, и о добродетели как силе, которая дает счастье⁷⁸. И это опять лишь мелочь, а может и просто ошибка с моей стороны, и если я позволяю себе указывать Вам на то, что мне кажется, то это только потому, чтобы быть вполне откровенным, чтобы все было налицо и ничего скрытного. Повторяю, оба стихотворения превосходны, и я затрудняюсь, которому отдать предпочтение; это как два любимых человека, любишь и того, и другого, и вопроса не является, кто из них дороже, — оба дороже, как говорят дети.

Относительно того, допустимо или недопустимо сомнение в осуществимости дела воскрешения⁷⁹, — я не могу не сказать, что такое сомнение обращает всю нашу жизнь в бессмыслицу; я не позволяю себе сомневаться в возможности воскрешения, т. е. не то, что не позволяю, а решительно не могу в этом усомниться, потому что это значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только случайный и напрасный, но и совершенно бессмысленный (впрочем, случайный и бессмысленный, пожалуй, тождесловие), ибо в чем же, если не в воскрешении, может заключаться цель и смысл существования рода человеческого. Конечно, для умных и разумных, подобно Стасюлевичу⁸⁰, подобных и древним эллинам, дело воскрешения — это чистое безумие; но признаюсь, В. С. Соловьева я всегда считал величиною несравненно более крупною, чем Стасюлевич, который ничего, кажется, своего не сказал, и мне странно слышать, чтобы мнение Стасюлевича и других таких же могло остановить В. С. Соловьева от выражения того, что он считает истиною* (или, быть может, он не считает истиною долг воскрешения?!..). Никол<ай> Федорович много раз, впрочем, говорил, что для людей нашего времени страшнее всего быть смешными; боязнь быть смешным, при недостаточной уверенности в истине, удерживает, конечно, и Влад<имира> Серг<еевича> сказать открыто, что он думает. А между тем, если бы он решился безбоязненно сказать всю истину, то если бы она и возбудила первоначально смех, смех этот скоро бы прошел, а серьезное обсуждение истины, которое непременно было бы возбуждено, если бы сказал ее В. С. Соловьев, способствовало бы к скорейшему переходу от мысли лишь к делу воскрешения.

Несколько запоздал ответом на Ваше письмо, потому что хотелось поподробнее высказаться и потому что хотел сообщить Вам мнение Маркова о Вашей книге⁸¹, и для этого ходил к нему вчера, но, к сожалению, не застал его дома. На праздниках увижу его, конечно, увижу, вероятно, и свящ<енника> Зверева и что услышу от них о Вашей книге, тотчас же сообщу. Сам я читаю Вашу книгу с большим удовольствием; прекрасно составленный конспект⁸² очень помогает усваивать содержание книги; прежде, когда я читал ее без этого конспекта, читать ее было труднее.

Честь имею поздравить Вас с праздником Рождества Христова, праздником мира на земле и благоволения в отношениях между людьми; когда же бу-

* Николой> Ф<едорович> рассказывал, что он однажды сказал Соловьеву, почему он, признавая долг воскрешения, не скажет этого открыто; на это Соловьев отвечал, что тогда М. М. Стасюлевич признал бы его сумасшедшим. (Примеч. Н. П. Петерсона.)

дет это состоянием обыкновенным, а не праздничным лишь, если такие люди, как В. С. Соловьев, так трусливы и боятся Стасюлевичей — высказать истину.

Примите уверение в глубоком почтении и душевной преданности всегда готового к услугам и сердечно благодарного

Н. Петерсона.

24 декабря 1897 года.

Прилагаю еще две статейки, напечатанные в газете «Дон» еще в прошлом году.

13.

*6 ноября 1898. Воронеж*⁸³

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Не понимаю, что значит это, — Николай Федорович не едет и не пишет ничего, а я с 1-го ноября приготовил ему квартиру и со столом⁸⁴; старался сделать все это по возможности хорошо и доступно по его капиталам, которых, рассчитываю, у него на все будет рублей 17-ть; из семнадцати рублей за квартиру и стол платить девять рублей пятьдесят копеек⁸⁵, я думаю, возможно, семь с половиной останется на чай и все остальное. Стол будет состоять из горячего с хорошим куском говядины, каши или картофеля на второе; все это будет сделано чисто, вкусно и хорошо, — я уже об этом позаботился; и мне кажется, Николай Федорович впадет в ошибку, если захочет иметь квартиру без стола. Квартира его недалеко от нас, и можно бы было стол Николаю Федоровичу устроить у нас; наш обыкновенный стол ничем не отличается от того стола, который будет иметь Николай Федорович, но он никогда даром им не пользовался и платил нам гораздо дороже, чем будет платить теперь; даже когда приходил к нам из Трицкого, так сказать, уже в гости, то всегда приносил что-нибудь детям, и это приношение стоило несравненно дороже обеда, который он съедал...

В благодарность Маркову за содействие к напечатанию статьи в «Новом Времени»⁸⁶ я написал ему письмо по случаю его юбилея⁸⁷; в этом письме я несколько полемизирую с ним по поводу статьи его «Брожение духа в народе», напечатанной в «С<анкт>-Петербургских Ведомостях» в номере от 3-го октября⁸⁸; поэтому я не решился напечатать письмо без его разрешения, но письмо мое почему-то так понравилось Маркову, его жене и всем их присным, что Марков мне сказал прямо, — что ему было бы очень приятно, если бы письмо это было напечатано, и при этом выражал опасения относительно цензуры. Но письмо оказалось напечатанным без всяких пропусков, хотя и с ужаснейшими опечатками. Посылаю Вам вырезку этого письма⁸⁹; если Вы и Николай Федорович его найдете стоящим того, то нельзя ли будет перепечатать его, напри-

мер, в «Русском Слове»⁹⁰: это бы Маркову доставило большое удовольствие. Л. Г. Соловьев пришел в восторг от статьи в «Новом Времени» и ходил по нашим редакциям, прося перепечатать статью и сделать особые оттиски, обещая даже денежную за то плату; что из его хлопот выйдет, не знаю⁹¹. Он же, Л. Г. Соловьев, мне рассказывал, что Ректор Семинарии, Редактор «Епарх<и>альных» Ведом<остей>», спрашивал его, знаком ли он со мною; и получив утвердительный ответ, говорил, что я передал ему статью для напечатания, замечательную по глубине и оригинальности мысли⁹², называл статью необыкновенною. Соловьев ему на это сказал: «так печатайте же поскорее эту статью, дайте и нам прочесть ее». На это Ректор сказал: «Нет, надо еще перечитать ее». Соловьев — учитель рисования в Семинарии и обещал нет-нет, да и поговорить с Ректором о статье. В «Торгово-Промышленной газете» в номере от 15 октября сделано доброжелательное указание на статью «О разоружении» и сделана выписка⁹³; сделана выписка из этой статьи и в «Саратовском Листке» под заглавием «Кант и „Новое Время”»⁹⁴; самое уже заглавие показывает, что хотели иронизировать, но ирония вышла весьма плоская.

«Пензенские Губернские Ведомости» отказались перепечатать статью под тем предлогом, что это выходит из программы их газеты.

Вашу статью⁹⁵ еще не переписал за большим недосугом; она будет с удовольствием помещена в одной из наших газет. Не посетуйте на меня за такую медленность, но дел так много, что я прихожу в отчаяние; и как только немного оставишь служебные дела, займешься чем-либо другим, сейчас какой-либо беспорядок и чувствуешь себя скверно.

Когда было это уже написано, получил письмо Николая Федоровича, что он выедет 11-го ноября. Буду ждать его на вокзале 12-го ноября в половине четвертого дня, а это письмо пошлю уже Вам, хотя теперь и вижу, что мое письмо еще застанет Николая Федоровича в Москве; я надеюсь, что Вы сообщите ему все здесь написанное и передадите ему мой, жены моей и всего нашего семейства низкие поклоны. Жена моя и Вам шлет свой привет, — она с удовольствием вспоминает Ваше посещение нас⁹⁶; об одном жалею, что это было так ненадолго.

Не зная адреса Юрия Петровича⁹⁷, я писал ему чрез Вас; получили ли Вы это письмо⁹⁸ для передачи, в котором я благодарю Юрия Петровича за высылку особого оттиска статьи о Кремле⁹⁹.

С глубоким почтением и совершенною преданностью Ваш покорный слуга

Н. Петерсон.

6 ноября 1898 г.
Воронеж.

10 декабря 1898 года.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Быть может, это письмо мое совершенно излишне, так как Вы хорошо знаете Н<иколая> Ф<едоровича> и, следовательно, ничто с его стороны не может Вас обидеть. Вы сами хорошо знаете, что все у него исходит от изумительно высокой и пламенной любви и бесконечной преданности делу, которому он служит всю свою долгую и такую одинокую жизнь. Он мне показал ныне отправленное к Вам письмо, тон которого мне очень не понравился¹⁰¹, что я и сказал Н<иколаю> Ф<едоровичу>... Ему показалось странным, что, выражая надежду на возвращение статьи о памятнике Александру II-му из Редакции «Моск<овских> Вед<омостей>», Вы пишете, что возвратите статью о памятн<ике> Алекс<андру> III-му и она не будет прочитана Жуковскому¹⁰²; и это будто бы делается по желанию Н<иколая> Ф<едоровича>. Тогда как он не из каприза не хотел, чтобы статья о памятн<ике> Александру III-му не читалась Жуковскому, а из глубокого убеждения, что читать эту статью нельзя человеку, который не знает статьи о памятн<ике> Александру II-му¹⁰³. А если эта последняя будет взята из Редакции «Моск<овских> Вед<омостей>», то что же мешает прочитать Жуковскому сначала эту статью, а потом и статью о памятнике Александру III-му? Н<иколай> Ф<едорович> ничего не имел бы, а напротив, был бы бесконечно рад, если бы обе эти статьи были напечатаны в «Русск<ом> Арх<иве>»¹⁰⁴. Но только обе, а не одна вторая, и, конечно, без искажающих смысл изменений.

Затем ему кажется, что Вы сообщили Стэду его имя и адрес, потому что несогласны со статьей 14 октября¹⁰⁵ и боялись, как бы Вас самих не сочли автором этой статьи. И эта мысль его огорчает до отчаяния; отсюда и тон письма, прямо, по-моему, тон отчаяния. Да и как не прийти в отчаяние?! Пережить 74 года, и так пережить, как он, в пламенном и никем, можно сказать, неразделимом служении одной идее; под конец найти человека такой силы, как Вы, который, по-видимому, готов был разделить с ним это служение... Мысль потерять такого человека (я не сомневаюсь, совершенно ошибочная) или же мысль, что ошибался, надеясь на единомыслие с ним, — не может не привести в отчаяние; и это отчаяние для Н<иколая> Ф<едоровича> не было смягчено даже известием, полученным от Стэда, который, если и не поместил еще статьи в своем журнале, то во всяком случае, настолько обратил на нее внимание, что пожелал войти в сношение с автором ее. Я не сомневаюсь, глубокоуважаемый Владимир Александрович, что Вы повидаетесь, *поспешите повидаться* с лицом, обратившимся к Н<иколаю> Ф<едоровичу> по поручению Стэда, узнаете от него об участи статьи, сообщите ему все, что он пожелает узнать, и тем поспособствуете появлению статьи в журнале, который издает Стэд. Напечатание же статьи Стэдом будет значить — обращение всеобщего внимания, обращение внимания самой Конференции, обращение внимания не на эту лишь статью, но и на те богатства, которых так много и которые все еще лежат под спудом. Признаюсь

Вам, всякая надежда на то, что голос Н<иколая> Ф<едорови>ча будет, наконец, услышан, и мне придает силы трудиться; полная же безнадежность, в которой мы до сих пор находились, парализует энергию, и начинаешь чувствовать утомление. Я особенно испытываю это на себе, потому что могу предоставлять себя в распоряжение Н<иколая> Ф<едорови>ча только после десяти (а иногда и больше) часовых занятий по должности, которую оставить — значит отдать нужде по крайней мере 15-ть человек, которых я кормлю. Порадуйте же нас, глубокоуважаемый Владимир Александрович, порадуйте скорее. Помогите Вам Бог подвинуть посланца Стэда на все доброе.

Юлия Владимировна¹⁰⁶ очень была тронута, что Вы, несмотря на мимо-летность знакомства, помните даже имя ее.

Всею душою Вам преданный Н. Петерсон.

15.

*11 декабря 1898. Воронеж*¹⁰⁷

11 декабря 1898 г. 9 ч. утра.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Сейчас заходил ко мне Николай Федорович и поручил мне, свидетельствуя от него Вам глубокое его почтение, любовь и проч. и проч., просить Вас — прислать копию письма посланца Стэда, которое к Вам отправлено¹⁰⁸, а копии с этого письма мы не сняли, а также и адрес этого посланца в Москве, — кажется, он живет на Покровке, в Введенском переулке дом Такке (?!), номера не разобрали.

Еще раз прошу Вас, поспешите войти в сношения с живущим в Москве для изуч<ения> языка корреспондентом Стэда, и Ник<олой> Ф<едоро>вич надеется, что Вы не покинете его; кажется, он уже и сам теперь думает, что Вы сообщили его имя и адрес <Стэду> не потому, что *стыдились* подписаться под статьею 14 октября, а чтобы отдать лишь ему должное, как это я ему старался внушить. Всякий на его месте был бы доволен тем, что Вы сделали, а он, жаждущий одного, чтобы *все, ё его все считали бы своим*, родным, огорчается, когда говорят, что вот это-то принадлежит ему. В письме в «Новое Время»¹⁰⁹ я просил не ставить моего имени под статьею и при этом объяснил, что статья не мне принадлежит, что я лишь переписчик, отчасти, может быть, излагатель, но, конечно, подумали, вероятно, что я это так <только> говорю, потому что не назвал того, кому статья принадлежит.

Глубокоуважающий

Н. Петерсон

16.

23 января 1899. Воронеж¹¹⁰

Совершенно секретно

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

Посылаю Вам письмо, писанное вместе с Николаем Федоровичем¹¹¹, из которого Вы узнаете об его намерении ехать в Москву и поселиться или в Подольске, или Сергиевском Посаде. Что собственно заставляет Николая Федоровича переменить свое местожительство, я не умею догадаться, сам же он говорит, что ему необходимо быть поближе к Москве, чтобы воспользоваться новым назначением Шаховского для напечатания статьи «О задачах Конференции»¹¹², которая готова, но еще не переписана, а также и других прежде написанных статей...

Но как он будет жить на свои семнадцать с полтиною, решительно не знаю, делать к этому некоторые добавления было возможно здесь, а там это будет невозможно. Ввиду отъезда Николая Федоровича Вам не нужно, конечно, присылать мне что-либо, потому что в три месяца мне пришлось (т. е. придется) истратить на него не более пятнадцати рублей¹¹³, а эту сумму я могу осилить, и вместе с тем это служит некоторым облегчением при мысли о моей неаккуратности относительно Вас...¹¹⁴

Жена моя шлет Вам свой привет и низко кланяется. Душевно Вам преданный и глубоко Вам благодарный

Н. Петерсон

23 января 1899 года.

17.

19 марта 1899. Воронеж¹¹⁵

Приношу Вам, глубокоуважаемый Владимир Александрович, мою горячую сердечную благодарность за присылку оттиска поэмы «Христос и грешница»¹¹⁶, — она мне очень понравилась; жду с нетерпением увидеть в печати стихотворение «Жить или не жить» и буду рад прочитать Ваши «очерки современ<ного> религиозн<ого> и нравственного брожения на Западе»; интересно, где они появятся; или же выйдут особым изданием?¹¹⁷

К стыду моему, должен сказать, что ни разу еще не написал Николаю Федоровичу, не ответил даже на его письмо, которое он написал мне после получения чрез Вас письма Энгельгардта и других приложений¹¹⁸, поэтому я ничего не знаю ни о статье «Черный пророк Черного Царя», ни о новом письме к Энгельгардту¹¹⁹. Не начать ли переписки с Сигмою — в его последних статьях что-то мелькает?!¹²⁰

Я не совсем в нормальном состоянии, потому и не пишу Николаю Федоровичу; на днях надеюсь прийти в порядок и тогда напишу обо всем; очень может быть, что скоро приеду в Москву и к нему в посад; приеду даже раньше

Страстной недели, как обещал. Очень рад, что он хорошо устроился. Относительно еды я должен сказать, что он вечером никогда ничего не ест, кроме немного хлеба с чаем; это когда он обедает, конечно. Скучно же ему никогда не бывает, — он таким обладает внутренним богатством, что мог бы сделаться за-творником и все-таки произвел бы великое.

Занятия в Музее, т. е. занятия по разыскиванию книг, его очень тяготили, и он однажды писал мне, что ему уже немного остается жить и эти немногие уже дни ему приходится так бесплодно тратить¹²¹. Да и заметьте, что после оставления Музея он гораздо больше сделал, чем оставаясь в Музее. Точно так же — как много им было написано весною 1898 года в Воронеже. Нет, он не скучает и, поверьте, не может скучать. Статью «Добровольный труженик Рум<янцевского> Музея» прочитал и чрез Вашкевича указал той особе, которая писала Николаю Федоровичу¹²².

Приношу Вам глубокую благодарность за справку о книгах по технологической части; эта справка нужна моему брату, который в Крыму, я ему сообщу все, что Вы мне пишете, и буду ждать ответа, а там видно будет, что надо делать.

Жена моя очень Вам благодарна за память и шлет Вам свой привет.
Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

19 марта 1899 года.
Воронеж.

18.

*24 марта 1899. Воронеж*¹²³

24 марта 1899 г.

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Вам я отвечал, можно сказать, тотчас по получении Вашего стихотворения, за присылку которого усердно благодарил¹²⁴, и, мне кажется, до 22 марта Вы должны были получить мое письмо. Николаю Федоровичу в первый раз написал только 21 марта, по прочтении статьи Симонова, в фельетоне № 8280-го от 17 марта «Нового Времени»; и вчера Никол<ай> Федорович должен был получить мое письмо¹²⁵, так как 21-го я отнес его на железную дорогу, где не мог достать марки, а потому приложил только бывшую у меня однокопеечную марку, так что Никол<аю> Федоровичу придется заплатить за мое письмо двенадцать копеек. Статью Симонова я считаю весьма важною, потому что она открывает возможность говорить, и, я полагаю, «Новое Время» не откажет напечатать то, что будет написано в ответ Симонову, который находит непрактичным введение в войска метеорологических наблюдений. Мне представляется многое, что можно сказать в ответ на это... Буду ждать с большим нетерпением, что скажет на это Николай Федорович...

Ушиб мой не вполне еще прошел, хотя он ничего серьезного не представляет; и если я не совсем в нормальном теперь положении, то не от ушиба, а

от других причин, о которых сообщу при свидании¹²⁶. Дней через десять я пришлю Вам небольшой сюрприз; очень буду рад, если вместо того, чтобы присылать, я сам привезу этот сюрприз.

Надежде Васильевне Веретенниковой (т. е. Н. В.) я передам о том, куда направлен ее некролог, чрез Вашкевича¹²⁷.

Жена моя низко Вам кланяется.

Глубоко Вас уважающий и искренно Вам преданный и благодарный

Н. Петерсон.

19.

9 октября 1899. Ашхабад¹²⁸

9 октября 1899 г.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Прилагаю письмо Николая Федоровича... Наша почтовая контора крайне неаккуратна, и, не получая от Вас до сих пор уведомления, что Вами получено письмо, где Николай Федорович выражает не только согласие, но и живейшую радость, если Вы воспользуетесь всем, что Вам известно от него об Обыденных храмах, и самое лучшее, если бы в Вашем произведении нашла место вся имеющаяся у Вас статья об Обыденных храмах¹²⁹, — мы опасаемся, доходят ли до Вас наши письма, хотя все письма (три больших) посланы заказными¹³⁰. В письмах к Н<иколаю> Ф<едоровичу> от 4 сентября Вы упоминаете, что пишете мне особо, но я письма этого не получал¹³¹. Поэтому просим Вас, если возможно, пишите заказными, все-таки будет большее ручательство за то, что они дойдут. Прилагаем при сем отпечаток статьи «Асхабадский Музей»¹³².

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне, Сергею и Михаилу Михайловичам, Юрию Петровичу, Ивану Михайловичу¹³³.

Юлия Владимировна шлет Вам низкий поклон.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный

Н. Петерсон

20.

1 ноября 1901. Ашхабад¹³⁴

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Очень был обрадован Вашим письмом от 13-го октября — я начинал уже опасаться, что письма мои, адресованные в Тифлис, не дошли по назначению¹³⁵. На вопрос, кто такой П. Ц.¹³⁶, многого сказать не могу, зовут его Петр

Яковлевич Циркунов, из крестьян Острогожского уезда, Воронежской губ., занимался торговлей, имел порядочное состояние, но прогорел, теперь служит на железной дороге и состоит смотрителем артезианского колодца, который бездействует, потому что до воды не дошли еще и денег на дальнейшее бурение, истратив более ста тысяч, не дают. Он пописывает в местных газетах, и в его статьях всегда сквозит вопрос — что есть истина, часто выражается сомнение в возможности для человека познать истину и сокрушение об этом. Он знает, что статьи в «Нов<ом> Врем<ени>» и «Самодержавие» принадлежат не мне, а человеку, который старше меня, живет в Москве и известен Толстому, Вл. Сер. Соловьеву, а также автору книги «Философия Чувства», в которой я указал и ссылку на Письмо Достоевского, помещенное в газете «Дон», читал он и это письмо, но как будто впечатления на него это чтение не произвело, — он никак не может понять, что злодеи не будут наказаны¹³⁷. Статья из «Нового Времени» перепечатана по такому случаю: мне знаком Помощн<ик> Уездн<ого> Начальника Лавров (он теперь назначен нашим комиссаром в один из пограничных постов наших в Персии, где и стоит теперь с сотнею казаков на самой Персидской территории верстах в 80-ти от русской границы), человек он весьма умный, и я ему как-то показал статью в «Новом Времени». Но у меня был только один экземпляр, и я никак не мог исполнить его просьбу — дать и ему экземпляр этой статьи. Между прочим, Лавров ездил в Петербург по вызову Куропаткина¹³⁸ перед назначением в Персию и говорит, что справлялся в Редакции «Нового Времени» об этой статье и там не мог добыть номера с этой статьею. Лавров говорил, то он многим говорил о статье и заинтересовал ею; но кого именно, определенно не говорил; по просьбе его и была перепечатана статья в «Асхабаде». Гранок с возражениями «Курьеру» и «Саратовскому Листку» я у себя не нашел¹³⁹.

Признаюсь, на меня напала величайшая апатия, не хочется писать, не хочется ничего делать, — может быть потому, что мне пришлось взять на себя канцелярскую работу в нашем Суде по апелляционным делам, которые все на моей ответственности, так как в Суде я исполняю обязанности Непременного Члена Мирового Съезда, каковым наш суд состоит для местных Мировых Судей. Занятия канцелярские дают мне лишних 50 рублей, а работу мою упятерят по крайней мере против того, что бы я делал как член Суда; но без этих 50-ти рублей я не знаю, что бы стал делать, потому что и с этой прибавкой все-таки до месяца не дотягиваем, — очень дорогой город Асхабад, здесь привыкли к бешеным деньгам и никак не могут отвыкнуть от них; цены на многие предметы только и можно объяснить этою привычкою со времен Скобелева, когда за бутылку пива, стоившую в Астрахани 7 ½ коп., платили 2 р. 50 коп.; но зато младший врач, получающий теперь всего 1200 руб. в год, получал в то время по 800 руб. в месяц.

Юлия Владимировна шлет Вам свой привет. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне.

Всею душою Вам преданный Н. Петерсон.

1-го ноября 1901 года.

7 апреля 1902. Ашхабад¹⁴⁰

7 апреля 1902 года

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Письмо Ваше с заметкою об учении Тареева¹⁴¹ получил и с величайшим, конечно, удовольствием воспользуюсь этою заметкою для напечатания ее в «Ашхабаде» и, по надлежащей переделке, согласно Ваших указаний, пошлю ее и в «Богословский Вестник», приложив к заметке этой статьи, напечатанные в «Ашхабаде», — быть может одну, указываемую Вами (в № 62-м), а может быть и другие; как это сделать и что послать, я еще не думал, потому что поглощен подготовлением 23-х дел, назначенных к слушанию в последнее предпраздничное заседание 9-го апреля; но как только окончится это заседание, я тотчас же займусь этим делом. А теперь позволю себе сообщить следующее: 19 февраля я послал к начальнику здешней области, не Боголюбову¹⁴², который оставил область к ее благополучию еще в мае 1901 года, а Субботичу, возбуждавшему ходатайство об устройстве в Ашхабаде центральной для области метеорологической станции¹⁴³, статью «Разоружение» в перепечатке ее на страницах «Ашхабада»; в письме, при котором послал эту статью, я писал о необходимости устроить метеорологическую станцию на одной из самых высоких вершин Копет-Дага¹⁴⁴ с тем, чтобы на этой станции был устроен громоотвод на привязанном воздушном шаре, поднятый на ту высоту, где в наших широтах линия вечного снега, исходя из той мысли, что горы действуют как громоотводы, а достигающие пределов вечного снега горы всегда избивают атмосферными осадками. Зимой, когда линия вечного снега понижается, — писал я Субботичу, — и наш Копет-Даг достаточно высок, чтобы дать нам достаточное количество влаги; летом же, когда линия вечного снега поднимается выше Копет-Дага, мы страдаем от засух; поэтому и следует произвести опыт, — следует громоотвод на привязанном воздушном шаре поднять до той высоты, где в наших широтах был бы вечный снег; не послужит ли такой громоотвод к увеличению атмосферных осадков в окружающей его местности и как велико то пространство, на которое будет действовать такой громоотвод?! Если опыт с громоотводом окажется удачным, то ряд громоотводов в виде горной цепи дал бы возможность оросить нашу теперь безводную, а потому и бесплодную страну. Не всегда идет дождь и снег и там, где высокие горы, и там немало бывает дней без всяких осадков, и метеорологическая станция в горах с громоотводом на привязанном воздушном шаре даст нам факты, которые укажут, когда, т. е. при каких метеорологических условиях, горы или заменяющие их громоотводы способствуют образованию осадков. При этом я сослался на статью в «Наука и Жизнь» — «К вопросу о памятнике Каразину» и, выписав из этой статьи первые 14-ть строк, я говорю, что все это говорится в статье «К Вопросу о памятнике Каразину» потому, что Каразин высказывал то же еще в 1814 г., но не нашел надлежащей поддержки и не мог произвести опытов в скольконибудь серьезных размерах. Затем я пишу, что пора уже метеорологии обра-

тяться от нынешних пассивных, почти ничего не говорящих наблюдений к активным опытам, «как об этом говорится в препровождаемой статье „Разоружение“». Затем письмо оканчивается любезностями по адресу Субботича за его заботы об устройстве Метеор<ологической> станции в Асхабаде, о славе, которая ждет его, если бы предлагаемые опыты начались в Закаспийской области во время управления им этою областью... На это письмо я получил в ответ прилагаемое письмо¹⁴⁵. Николай Федорович помнит, как поступил Боголюбов, когда ему была послана статья о Музее¹⁴⁶, из прилагаемого письма он увидит, что Субботич совсем другой человек; судя по тому, что я с ним совсем, можно сказать, не знаком, никогда у него не бываю, ни о чем с ним не говорил, видел его раза два-три во время общих представлений, и тем не менее он пишет мне собственноручно (даже надпись на конверте собственноручная) и подписывается — «Искренно преданный». Я думаю, что статья «Разоружение» произвела на него впечатление, и нельзя ли им, этим впечатлением, воспользоваться, нельзя ли обратиться к Субботичу еще с какими-либо предложениями; прошу Вас и Николая Федоровича помочь мне в этом и научить, что надо делать. Судя по тому, что письмо и статью я послал еще 19 февраля, ответ же получил лишь 4 апреля, можно думать, что о моем предложении он сообщал в Главную Физическую Обсерваторию, но тамошних ничем, конечно, пробрать нельзя. Хотелось бы побывать у Субботича и спросить его, посылал ли он туда статью? Хорошо ли это будет?

Когда Вы получите это мое письмо, будет уже Пасха, а потому мы с Юлией Владимировной просим Вас принять и передать от нас также Марье Григорьевне и Николаю Федоровичу поздравление с Великим Праздником Воскресения Христова, пожелание доброго здоровья и всего наилучшего. Душевно Вам преданный, глубоко уважающий и благодарный за все, за все, за старое и за новое

Н. Петерсон.

22.

1 октября 1903. Ашхабад¹⁴⁷

1-го октября 1903 года

Глубокоуважаемый

Владимир Александрович!

Сейчас получил прилагаемое при сем письмо редактора «Новый Путь»¹⁴⁸. Я не думаю отвечать на него, но если бы Вы нашли возможным и нужным, чтобы я отправил ему статью «Дона», в конце которой помещено письмо Достоевского, то я это сделаю; у меня только один экземпляр этой статьи, но я надеюсь, что Перцев возвратит мне ее. Что касается до напечатания в журнале «Новый Путь» письма Достоевского без пропусков, то и это оставляю на Ваше усмотрение; впрочем, в настоящее время я не мог бы послать этого

письма в редакцию журнала, так как при отъезде из Воронежа отдал его на хранение в Воронежский Губернский Музей; в начале августа я писал Звереву, чтобы он прислал мне точную копию с письма Достоевского, но до сих пор никакого ответа не имею¹⁴⁹. Итак, жду от Вас ответа, — посылать ли статью «Дона» и помещать ли письмо Достоевского в журнале «Новый Путь», и если помещать, то не сопроводить ли его, как и в газете «Дон», особою статьею; если помещать со статьею, то не благоволите ли прислать мне статью, которую нужно предпослать письму Достоевского, если напечатать его без пропусков¹⁵⁰. — С своей стороны я решил ничего больше не печатать, потому что — видимое дело — не пришло еще время, чтобы учение о воскрешении было понято; я теперь буду перечитывать все у меня имеющееся, приведу все в систематический порядок, еще раз перепишу все в одну тетрадь, — которую завещаю отправить в какое-нибудь книгохранилище, как, например, Румянцевский Музей — разве не примут; ну тогда при жизни постараюсь пристроить в Воронежский Музей — там-то, Бог даст, примут. — Если же буду иметь возможность, то ремингтонирую все в нескольких экземплярах и разошлю в разные учреждения, — как Импер<аторская> Публичная Библиотека, Румянц<евский> Музей и проч.

Не попадались ли Вам афоризмы Л. Н. Толстого на каждый день, выбранные им из евангелия, Талмуда, разных писателей и собственные его, и не обратили ли Вы внимание на афоризм, в котором он советует не бояться *незнания* и бояться *ложного знания*¹⁵¹, составленный, очевидно, по шаблону: «несчастье людей происходит не от того, что люди не знают Бога, а от того, что они признают ложных богов». И вот этот человек имеет успех; все, что исходит из его уст, принимается с благоговением, и сам он благоговеет пред собой, и чувствует себя наверху блаженства, как я знаю об этом от его родственника Денисенко¹⁵² (Председ<атель> Воронежского Окр<ужного> Суда), который недавно был в Ясной Поляне и писал мне об этом своем посещении. Очевидно, Толстой удовлетворяется одними словами, воскуриваемым ему на словах фимиамом, хотя все воскуривающие ему ни в чем на деле учение его не прилагают, и сам он вопреки этого учения пользуется всеми гарантиями ненавистного ему порядка, который не мог бы существовать без ненавистных ему суда и войска. Я думаю, что тех последователей своих, которые желают на деле осуществлять его учение, Толстой сам же осудит, если они доведут это до крайности и не сумеют оградить себя от страданий, которые могут при этом навлечь на себя; и во всяком случае ни на какую помощь с его стороны в таких случаях никто рассчитывать не может, и такие расчеты он счел бы за величайшую наглость.

По поводу письма Перцева должен сказать, что посылал ему газету «Асхабад» с статьями, о которых он упоминает, и о чем я Вас уже уведомлял¹⁵³, а затем я послал ему еще и прилагаемую небольшую статейку¹⁵⁴ (посылал при этом и статью «Разоружение») по поводу восторга, который вызвало открытие Филиппова, лишившегося жизни при последнем, как полагают, испытании своего открытия, которое давало возможность на расстоянии сотен верст [окончание не сохранилось.]

26 декабря 1903. Ашхабад¹⁵⁵

Ашхабад, 26 декабря 1903 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович! Сейчас получил Ваше письмо от 17 декабря¹⁵⁶ с подробностями несказанно горестного события, которое совершилось так далеко от меня, что я не мог принять никакого участия ни в уходе за больным, ни в хлопотах по погребению. Теперь я боюсь за Вас; сохрани Бог, если Вы разболеетесь; плеврит — это не шутка, в особенности если при этом Вам, не оправившись, придется принимать участие в других похоронах¹⁵⁷. Сохрани Вас Бог для всех Ваших и для великого дела, которое будет заключаться теперь в издании всего оставшегося после великого и дорогого усопшего. Относительно наследников нечего опасаться — никаких законных наследников быть не может, потому что Николай Федорович, как я писал Вам, незаконный сын Павла Гагарина; я думал, что Евстафьев брат его, оказывается, что он ему был шурин и это жена Евстафьева — Юлия Павловна (Зинаида Гагарина была за Тришатным) — сестра Николаю Федоровичу, которого, как я Вам писал, в доме другой его сестры, Полтавцевой, звали Николаем Павловичем¹⁵⁸. Да и что наследники могут сделать с его бумагами? Неужели они захотят продать их Черногубову¹⁵⁹ или еще кому-либо. И что же могут дать за эти бумаги?!.. А если они захотят их печатать на свой счет, то и прекрасно, пусть печатают. Всякий, желающий напечатать что-либо, захочет напечатать в наилучшем виде — как же они могут сделать это без участия в этом напечатании Вас и меня, которые под диктовку великого усопшего написали почти все, что после него осталось. Кроме того, все, что у меня есть, я, несмотря ни на каких наследников, приведу в порядок и напечатать, потому что, как ни незначительно было мое участие во всем написанном великим человеком, во всяком случае мое участие в нем было, и от целого нельзя отделить того, что принадлежит и мне. Я говорю о принадлежности мне не в смысле коммерческом. Сохрани Бог от такого святотатства, чтобы извлекать какую-либо материальную выгоду из великого наследства. Прежде всего надо позаботиться исполнить его завет, чтобы торговли оставшимся после него не было. Я теперь забочусь о том, как бы избавиться от моих судебных обязанностей, если не вполне (чего, к несчастью, сделать нельзя, так как на пенсию прожить не могу), а хоть отчасти, чтобы предаться великому делу приведения в порядок великого наследства и издания его *систематически*, а не урывками только отдаваться этому делу, как это делал я до сих пор. Я не телеграфирую Вам относительно прав наследников Николая Федоровича, потому что в моем письме от 17 декабря¹⁶⁰, которое Вы теперь уже получили, заключается больше, чем скажет Вам моя телеграмма. Я думаю, у П. И. Бартенева найдется многое о Полтавцеве, муже Елизаветы Павловны, сестры Николая Федоровича, и о Павле Гагарине, его отце.

Теперь о письме Достоевского. Я очень рад, что оно оказалось в Румянцевском Музее, и совершенно, конечно, согласен на то, чтобы оно там навсегда и осталось, — Воронежский музей за свою небрежность справедливо лишен

этого дара¹⁶¹. Я писал Звереву несколько раз, и он ни слова мне не ответил; когда же я обратился к нему чрез свою дочь, живущую в Воронеже¹⁶², то он сказал, что никак разыскать письма не может, и обещал поискать письмо, когда окончатся Митрофаниевские торжества по случаю двухсотлетия со дня успения св. Митрофания¹⁶³.

Почему это Вы пишете в письме от 11 декабря¹⁶⁴, что Николаю Федоровичу 74 года. Наверно я не знаю, так как определенно Николай Федорович не говорил о своих годах, но по некоторым словам его я всегда думал, что он родился в 1824 году, что он старше Толстого на 4 года и даже с лишком, и 1824 год, кажется, год, приходящийся как раз через столетие со времени рождения Канта. Нельзя ли справиться о годе и числе его рождения в его формулярном списке, который в Румянцевском Музее, конечно, есть¹⁶⁵. В воскресенье, 14-го декабря, когда великий усопший был уже в агонии, я начал статью о 2-х возмущивших меня легендах графа Толстого — «Царь Ассагардон» и «Три вопроса», которые вышли теперь отдельным изданием¹⁶⁶, как недавно сообщили «Русские Ведомости». Когда я писал эту статью, 16-го декабря, получил Вашу телеграмму, и статья перешла к тому, кого мы потеряли¹⁶⁷. Статья была закончена в субботу, 20-го декабря, и я хотел нести ее, по обыкновению, в «Асхабад», но ко мне явился редактор «Закаспийского Обозрения» и обратился с просьбой помещать свои статьи в его газете. Так как «Асхабад» отказал мне в напечатании статьи, которую я посылал затем в «Новый Путь», а потом отправил к Вам¹⁶⁸, то я и нашел очень удобным поместить написанную статью в «Закаспийском Обозрении» и просил, чтобы ее поместили непременно 23 декабря в девятый день смерти Николая Федоровича. Но потом оказалось, что статья слишком велика, пришлось разделить ее на две, и я радовался, что та половина моей статьи, в которой говорится о великом усопшем, будет помещена если и не в девятый день кончины, то накануне или в самый день Рождества Христа Спасителя. Но, к величайшему моему огорчению, редакция меня обманула, и 2-я статья выйдет только 30-го декабря. Когда появится 2-ая статья, я обе Вам вышлю. Постараюсь написать для «Нового Времени», но для этого потребуется некоторое время; в «Новом Времени» я никакой заручки не имею, и позвольте послать статью через Вас. «Разоружение» я посылал через Евгения Маркова¹⁶⁹, который в марте прошлого года умер. — Статью Георгиевского в «Московских Ведомостях» я по получении Вашего письма у одного знакомого нашел; «Русские Ведомости» найду; думаю, что найду и «Московский Листок» с статьею Барсова¹⁷⁰. Кто-то мне прислал «Русский Листок», номер этой газеты от 18 декабря, в котором кратко говорится о смерти Николая Федоровича и об его погребении¹⁷¹.

Относительно того, что я, несмотря ни на каких наследников, буду печатать то, что у меня есть, — я пишу только для наследников; без согласия же с Вами я ничего не предприму. Говоря о том, что бумаги Николая Федоровича никакой рыночной цены иметь не могут, я забыл, что в числе их есть письмо Соловьева и Фета¹⁷², которые рыночную ценность, пожалуй, иметь могут; но неужели же из-за таких пустяков сестра Николая Федоровича потянется?!.. Та Маргарита, о которой я писал Вам в прошлом письме и о которой я не раз слышал от Николая Федоровича, не решаясь спросить его, кто она та-

кая, — оказывается Маргаритою Яковлевною Браво (не Браве ли), и в таком случае не родственник ли ей Браве или, как он подписывался, Варб, писавший о Румянцевском Музее и несколько лет тому назад скончавшийся¹⁷³, и как эта Маргарита Яковлевна приходится Николаю Федоровичу, и почему она близка Чаеву¹⁷⁴. Все бы это интересно было узнать. Что-то смутно и не знаю от кого я слышал, что от отца у Никол<ая> Федор<овича> был какой-то капитал, который он игнорировал и которым, кажется, воспользовались его родственники. Маргарита Яковлевна должна это знать, сведения об этом могут иметь значение при характеристике, при установлении образа усопшего. Сняли ли с него фотографический портрет после смерти; если сняли, пришлите¹⁷⁵. В чем заключалось вскрытие; вскрывали ли черепную область и не замечено ли там каких-либо особенностей? Где это, в какой части города Скорбященский монастырь? Надо бы поставить памятник в его духе, т. е. простую каменную плиту, т. е. стол или престол, а пред ним распятие, с адамовою головою и костями, жаждущими обаяния животворящею кровию¹⁷⁶. В расходах на памятник я принял бы участие.

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне. Юлия Владимировна шлет Вам свой поклон. Какая участь постигла статью, оставленную Вами у С. М. Северова?¹⁷⁷ Как бы хотелось иметь копию этой статьи, если она не будет напечатана. Душевно Вам преданный и глубоко благодарный Н. Петерсон.

ПИСЬМА В. А. КОЖЕВНИКОВА Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1.

28 января 1902. Москва¹

Москва. 28 янв<аря> 1902.

Глубокоуважаемый
Николай Павлович!

Большое Вам спасибо за присланные интереснейшие статьи, наводящие на многие размышления. Посылаю Вам изложение некоторых из них (о происхождении их Вы догадаетесь, конечно). Статья эта может быть, пожалуй, напечатана, разумеется, с соблюдением строжайшей анонимности².

Н<иколай> Ф<едорович> полагает, что так как г. Рубио, по-видимому, итальянского происхождения и очевидный любитель поэзии и Ады Негри в особенности, то, в случае нового объяснения с ним, было бы хорошо поставить в заголовке какой-либо поэтический эпиграф из Ады (а не Адды, как г. Рубио ее пишет)³. В прилагаемой статье о ее поэзии Вы найдете несколько извлечений из ее произведений⁴. Сопоставление же этих отрывков могло бы дать понять г. Рубио, что даже в своей любимой поэте он мог бы найти очень ясные намеки на то, в чем должна заключаться «блаженная жизнь». Не знаю, найдете ли Вы возможным воспользоваться этою статьею об Аде Негри, но на всякий случай посылаю и ее.

Лично я необыкновенно рад тому, что Вы на далекой окраине мужественно боретесь за великие мысли о величайшем деле, и должен сказать, что здесь, в сердце России, почти наверное не удалось бы напечатать того, что Вы печатаете в Асхабаде. Сердечное Вам спасибо! Пока я получил от Вас статьи г. Pensoso «об итальянской поэзии» и «Жизнь не ждет», да Ваш ответ на статьи о Народ<ном> доме, да «Блаженную жизнь», да статьи о свободе совести⁵. Жаль, что нет статьи г. «Веди-Добро»⁶, желательно бы прочесть и ее. Надеюсь, Ваша полемика с г. Pensoso будет продолжаться, чего от всей души желаю, так как это дает Вам возможность раскрывать великое учение «Великого Старца». Конфиденциально сообщу Вам, что в статьях он, конечно, находит кое-что не так выраженным, как ему хотелось бы, другое же одобряет, а вообще более доволен, чем высказывает. Статья о Ницше, упоминаемая в посылаемой статье как желательное обличение мнимого Заратуштры, могла бы быть прислана Вам⁷.

Относительно Вашего поручения сообщаю следующее: я говорил с цензором Ю. П. Бартевым. Он также подтвердил, что указание на известную типографию в прошении о разрешении издания журнала ни к чему не обязывает, так как, по получении разрешения, печатать можно будет — в другой типографии. А потому (говорит Бартев) нет надобности входить в какие-либо предварительные соглашения или в переговоры с типографщиками, а, не спрашиваясь их, можно в прошении упомянуть, что печатать предполагаю, мол, в такой-то типографии, например, хотя бы в Университетской. Вот и все! Поэтому я и не стал говорить об этом с типографщиками, тем [продолжение утрачено.]

2.

25 апреля 1903. Москва⁸

Москва. 25 апр<еля> 1903

Воистину Христос воскрес, глубокоуважаемый Николай Павлович! Только теперь могу ответить Вам на Ваше письмо⁹ и прошу принять хотя и запоздалое, но тем не менее вполне искреннее пожелание Вам и всему семейству Вашему всего наилучшего. Великое Вам спасибо за присланную новую статью¹⁰. Получил я ее дня за два до моего отъезда в Козлов и Тамбов и за хлопотами никак не успел тотчас же ответить тогда Вам и лишь теперь, вернувшись дня на 3 в Москву, исполняю это. Я от этой статьи в положительном восторге, так она ясна, полна, содержательна и прекрасно изложена. Особенно удачна постепенность развития мыслей. Ознакомление с нею людей вдумчивых я считаю весьма желательным. В отсылке статьи Горькому вижу, впрочем, некоторое увлечение, вызванное его покаянием в «Читателе». Ради сказанного в этой его статье он заслуживает, конечно, ознакомления с напечатанным теперь в «Асхабаде», но вообще знающие поближе Максима скажут Вам, что он безнадежен в смысле возможности обращения к «учению», Вами излагаемому. Это выдержанный атеистище и нигилистище, еще недавно у наших знакомых здесь в Москве похвалявшийся, что Луку (в «Дне») он «сочинил», чтобы опровергнуть Басаргину, осуждавшему его за отсутствие в его произведениях положительных типов¹¹. «А теперь (добавил он) люди глупые будут радоваться тому, что, мол, Максим обратился на путь добродетели!» Да и в Питере он публично заявил, что лишь по неудаче и против воли Лука вышел типом положительным, тогда как он желал сделать его отрицательным. А вот что я думаю: не послать ли экземпляр, во-первых, московским философам (в «Вопросы философии и психологии»), во-вторых, в «Новый путь». Те и другие в силу своего положения и программы не должны трусить перед смелостями мысли и обязаны прочесть внимательно и даже отозваться. А потому я советовал бы направить по 1 экз<емпляр>у в обе редакции («Вопросы» адрес: Москва, близ Патриарш<их> прудов, Георгиевский пер., д. Соловьева) и «Новый Путь» — Спб., Невский 88, при кратком письмеце (попросить прочесть и отозваться)¹². Это была бы проба добросовестности и понимания и патентованных философов, и вольных слуг философской мудрости.

Теперь о том, как отнесся к статье Ник<олай> Ф<едорович>. Во-первых, присланную рукопись (возвращаемую Вами) он сначала не хотел брать, говоря, что она теперь ни к чему, так как в таком виде, как она есть, ее никто и разобрать не в состоянии (а «вот таблица, которая была чисто написана, не прислана обратно»!) (его слова)¹³. Однако потом взял. Затем я прочел ему статью (по поводу Горького): слушал очень внимательно и во время чтения видимо одобрял и несколько раз говорил: «это так», «это верно», «это не плохо» и т. п. Но вот зачем нет того-то и того-то?.. И как раз затем в статье это-то и оказывалось!.. В итоге внутренне одобрил и в этот день был весел и словно смягчился. Но на другой день пришел снова в сердитом настроении (по поводу другого лица и другого дела¹⁴) и уже старался высказать, что никакого толку от напечатания отдельных статей не может быть, что будь все издано сразу — тогда бы было другое! Между тем печатание через «Скорпиона» очевидно расстроилось, так как Черногубов рассорился с ними¹⁵. Вообще Н<иколай> Ф<едорович> в последний раз был очень в раздраженном состоянии, а затем я уехал и еще не видал его. Все это грустно, конечно, но приходится мириться с такими фактами, как неизбежными. Я же лично и очень доволен статьею и тем, что столько великих мыслей увидело свет. Но вы простите мое чистосердечие, если я замечу, что буквальному печатанию рукописей автора без его согласия я сочувствовать не мог бы¹⁶. — Н<иколай> Ф<едорович> летом будет жить в Новом Иерусалиме, а я на днях еду в Харьков — в женино имение (Старобельского уезда); вернусь в Москву, и около 10 мая все уедем на все лето на Исар. Адрес мой: Ялта, Исар, дача Кожевникова, мне. Пишите, пожалуйста; не взыщите за промедление в ответе и за всегдашнюю торопливость в письмах: дела совсем задавили. Мать и Анна Вас<ильевна> Вам кланяются.

Прошу передать мой поклон глубокоуважаемой Юлии Влад<имиров>не.

**Н. П. ПЕТЕРСОН — В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ»**

Май 1903. Ашхабад
Черновое

В Редакцию журнала «Вопросы философии и психологии»

Позволяю себе послать при сем статью о Горьком, напечатанную в провинциальной газете «Асхабад», и решаюсь покорнейше просить Редакцию Журнала «Вопросы философии и психологии» прочитать эту статью, и если она заслужит того, то и отозваться о ней в ближайших книжках издаваемого редакциею журнала. Конечно, мудрено надеяться, чтобы вышло что-либо доброе из такого захолустья, как Асхабад, но иногда и это может случиться. Если моя надежда не обманет меня и редакция найдет статью настолько интересной (обращаю особое внимание на статьи 2 и 3), что захочет отозваться о ней, то покорнейше прошу ту книжку журнала, в которой будет отзыв о статье, хотя бы и неблагоприятный, выслать *наложным платежом* по следующему адресу:

Асхабад, Зак<аспийская> обл<асть>.

Н. П. П<етерсону>, Члену Асх<абадского> Окр<ужного> Суда.

ПИСЬМА Н. Ф. ФЕДОРОВУ РАЗНЫХ ЛИЦ

В. С. СОЛОВЬЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹

12 января 1882. Москва

Глубокоуважаемый Николай Федорович

Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а в следующие два дня, субботу и воскресенье, много думал о прочитанном.

«Проект» Ваш я принимаю *безусловно* и без всяких разговоров; поговорить же нужно не о самом проекте, а об некоторых теоретических его основаниях или предположениях, а также и о первых практических шагах к его осуществлению.

В среду я завезу Вам рукопись в музей, а в конце недели нужно нам сойтись как-нибудь вечером. Я очень много имею Вам сказать. А пока скажу только одно: что со времени появления христианства Ваш «проект» есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я с своей стороны могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным. Но Ваша цель не в том, чтобы делать прозелитов или основывать секту, а в том, чтобы общим делом спасти все человечество, а для того прежде всего нужно, чтобы Ваш проект стал общепризнанным. Какие ближайшие средства могут к этому повести — вот о чем главным образом я хотел бы с Вами поговорить при свидании.

Будьте здоровы, дорогой учитель и утешитель.

Сердечно Вам преданный *Владимир Соловьев*.

В. С. СОЛОВЬЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ²

Июнь — июль 1882.

Дорогой и высокоуважаемый Николай Федорович!

Приятель мой Цертелев еще в мае уехал в Петербург и до сих пор не возвращался в свою деревню, и когда вернется — не знаю, поэтому мне и не приходится исполнить своего желания повидаться с Вами в Керенске³ (помимо

кой-каких других препятствий). Значит, увидимся в Москве, куда и я теперь собираюсь. Но до тех пор хочется мне поговорить с Вами.

Дело воскресения не только как процесс, но и *по самой цели* своей есть нечто обусловленное. Простое физическое воскресение умерших само по себе не может быть целью. Воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга — воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно*. Значит, цель не есть простое воскресение *личного состава* человечества, а восстановление его *в должном виде***, именно в таком состоянии, в котором все части его и отдельные единицы не исключают и не сменяют, а напротив, сохраняют и восполняют друг друга. С этим Вы, конечно, совершенно согласны — это Ваша собственная мысль⁴. Но вот что, кажется мне, отсюда следует: если *должный* вид человечества (каким оно будет в воскресении мертвых и жизни будущего века) есть еще только желанный, а не действительный, то о действительном человечестве никак нельзя рассуждать по образу должного, потому что если должное человечество (в котором Бог есть все во всех) вполне творит волю Отца, так что здесь в человеческих действиях прямо и нераздельно действует сам Бог, так что нет надобности ни в каких особенных действиях Божиих, то совсем не то в действительном человечестве, которое вовсе не творит воли Отца и никак не есть прямое выражение и форма Божества; поскольку наши действия не соответствуют воле Божией, постольку эта воля получает для нас свое собственное особенное действие, которое для нас является как нечто внешнее. Если бы человечество свсей деятельностью покрывало Божество (как в Вашей будущей психократии***), тогда действительно Бога не было бы видно за людьми; но теперь этого нет, мы не покрываем Бога, и потому Божественное действие (благодать) выглядывает из-под нашей действительности и притом тем в более чуждых (чудесных) формах, чем менее мы сами соответствуем своему Богу. Если взрослый сын настолько внутренне солидарен с любимым отцом, что во всех своих действиях прямо творит волю его, не нуждаясь ни в каких внешних указаниях, то для ребенка по необходимости воля отца является до известной степени внешнею силою и непонятной мудростью, от которой он требует указаний и руководства. Все мы пока дети и потому нуждаемся в дето-водительстве внешней религии. Следовательно, в положительной религии и церкви мы имеем не только начаток и прообраз воскресения, будущего Царствия Божия, но и настоящий (практический) путь и действительное средство к этой цели⁵. Поэтому наше дело и должно иметь религиозный, а не научный характер и опираться должно на верующие массы, а не на рассуждающих интеллигентов. Вот Вам короткое оправдание тех чувств, которые я в последнее время в Москве Вам высказывал.

* Сбоку, рукою Н. Ф. Федорова, приписка: «Воскрешать каннибализм, т. е. воскрешать смерть! Вот нелепость!» (Примеч. В. А. Кожевникова.)

** Сбоку, рукою Н. Ф. Федорова, приписка: «Против кого Вы пишете, нельзя и понять!» (Примеч. В. А. Кожевникова.)

*** Над этими словами, между строк, рукою Н. Ф. Федорова поставлены знаки «????», очевидно, для обозначения неверного истолкования его мыслей В. С. Соловьевым. (Примеч. В. А. Кожевникова.)

До свидания, дорогой учитель. Храни Вас Бог. Заботьтесь больше о своем физическом здоровье, остального у Вас в избытке. Собираете ли рукописи? Хорошо бы приготовить к осени в литографию.

Истинно любящий Вас и глубоко уважающий *Влад. Соловьев*.

А. П. БУШЕРА — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁶

22 июля 1883. Москва

Многоуважаемый
Николай Федорович,

Бью челом и спешу исполнить Вашу просьбу, препровождая при сем Ваше жалованье за июль. Когда же увижу Николая Николаевича⁷, то попрошу его расписаться за Вас.

Если, по расчету с почтамтом, останутся копеек 10-ть, то передам их Вам при свидании.

Мои домашние и Дмитрий Петрович Лебедев⁸, который сейчас был у меня, усердно Вам кланяются.

Ваш покорнейший слуга

А. Бушера.

22 июля
1883

Сейчас вернулся из почтамта посланный с известием, что по случаю 22 июля приема в Почтамте нет; а потому вынужден ныне нахожусь отложить отсылку к Вам письма до 23-го.

Д. П. ЛЕБЕДЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁹

27 июля 1884. Егольники

Егольники
27 июля 84 года.

Дорогой
Николай Федорович!

Оба Ваши письма, хотя немного и поздно (особенно последнее), благополучно прибыли ко мне, и я с удовольствием узнал, что Вы здоровы и за делом. Виноват сто раз, что так долго не отвечал; а оправдываться не смею: простите так, без оправданий. Впрочем, второе Ваше письмо я получил только 25 числа, а посему — спросите в Рязани у Валички¹⁰; пусть сам расскажет (он же отчасти и виноват). — Вот Вам два слова и о себе («два слова» потому, что подробности сообщу при личном свидании в Егольниках). Мы все, слава Богу, здоровы, от Дмитрия Лебедева-отца до Дмитрия Лебедева-сына включительно, жена, Костя и Аграфена Тихон<овна>¹¹ также; все Вам кланяемся и на днях ждем к себе. По получении письма садитесь в вагон и поезжайте в Рязань; адрес бра-

та — Приклонская улица; у него есть свободная лошадь, которая (конечно, вместе с кучером) всегда к Вашим услугам; и из Егольников вместе двинемся в Москву. Конечно, теперь уже прежде 1-го Вы не успеете уехать; но зато спешите насколько возможно, а то ягод уже почти не застанете, а яблок оказалось не Бог весть сколько. Багаж свой (чемодан) можете оставить в Рязани: так лучше. Пишу эти строки в первом часу ночи (т. е. тайком от Мани. Если бы она знала, что я еще не сплю!). Целую Вас заочно и жду бодрым и здоровым увидеть Вас вскоре. Еще раз передаю приглашение пожаловать скорее.

Ваш весь и всегда

Д. Лебедев.

И от Федора Ивановича¹² я получил письмо. Может быть, читали в 127 № «Правит<ельственного> Вестн<ика>» (10 июня)?¹³

А. А. ФЕТ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹⁴

6 декабря 1887. Москва

Москва. Плющиха, соб<ственный> дом.

№ 481-й.

Декабря 6го, 1887 года

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Все эти дни, как стал порошить¹⁵ снежок, я собирался поехать в Музей, чтобы лично поблагодарить Вас за двойную любезность Вашу: и по отношению к разрешению Екатерине Владимировне¹⁶ осмотреть Музей и за аккуратное уведомление по поводу моей справки. Но как нарочно, эти дни внезапно порывы хронического моего удушья мешали мне исполнить этот приятный долг, так что я вынужден исполнить его письменно, чтобы не остаться в глазах Ваших в нежелательном для меня свете. Я никогда не забуду слов Льва Николаевича, относящихся к Вам в те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились с Вами и беседовали у него на квартире. Он говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы современников. Я говорю отзывы, ибо не знаю человека, знающего Вас, который не выражался бы о Вас в подобном же роде. Если бы я не считал этого неловким, то смело включил бы себя в число таких людей. Прошу верить неизменному уважению и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншин.

А. А. ФЕТ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹⁷

7 октября 1892. Москва

Москва,

Плющиха, собственный дом

18 ⁷/_х 92

Глубокоуважаемый

Николай Федорович,

Примите выражения сердечной признательности за доверие, оказанное больному, не выходящему из комнат¹⁸.

Книжку «Русского Вестника», по миновании в ней надобности, покорнейше прошу принять обратно.

Исполненный непритворного к Вам уважения [1 слово неразб.] и готовый к услугам

А. Шеншин.

Ю. П. БАРТЕНЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹⁹

30 октября 1892. Москва

Архимандрит Антоний на днях пришлет Вашу статью обратно²⁰; не замедлю ее Вам доставить.

Хотя и рискую подвергнуться опять обидному выражению Вашего на меня негодования (пусть даже и вполне заслуженного), однако не желаю самолюбие свое ставить выше дела. Да и применять к Вам общий шаблон нелепо, тем более что, ругайте меня, хоть побейте, я не перестану Вас чтить и любить.

Ошибка (моя злокозненность) поправима. В ответе М<осковским> В<едомостям> можно все восстановить, не устыжусь даже признаться в недомысли²¹. *И ни одна строка не будет напечатана без Вашей цензуры.*

Надеюсь, что гнев Ваш не настолько силен, чтобы не верить моему слову, если же он побуждает Вас не иметь со мной никакого дела, тогда простите за беспокойство.

Опасаясь этого, не решаюсь явиться лично.

Юрий Бартнев.

18 ^х/₃₀ 92.

И. А. БОРИСОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ²²
14 декабря 1893. Москва

Москва. 14 декабря
1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Простите, что до сих пор не возвратил Вам Вашу «Записку»: я еще не имел возможности приняться за нее, т. к. последние дни был болен и только сегодня встал с постели, в которой провалялся трое суток.

Вчера вечером получил письмо от двоюродного брата²³, где он сообщает мне о желании Срезневского повидаться со мною²⁴. Письмо было помечено 12-м и заключало сообщение, что «завтра он уезжает в Петербург». Другими словами: Срезневский уехал в Петербург в день получения мною письма и в то время, когда я не имел возможности исполнить его желание.

Как только мне можно будет выходить, занесу Вам статью и узнаю о причине желания видеть меня, которое выражал Срезневский.

Уважающий Вас

Иван Борисов.

И. А. БОРИСОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ²⁵
22 декабря 1893. Москва

Москва, 22 декабря
1893 г.

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Я сильно виноват перед Вами, что так долго задержал Вашу записку и не исполнял своей работы. Я все время был болен, выходил только в первый раз вчера и опять засел дома, так что сегодня посылаю Вам свою заметку. Сначала у меня болело горло, а потом проявился ревматизм, что привело меня в состояние невозможности думать о чем-нибудь дельном. (Все время читал Reches²⁶ тот том, которого я не мог найти у Вас в Музее.)

Теперь о самой статье. Я знаю, что Вы будете ею недовольны, т. к. я ни единым словом не обмолвился о школах-храмах. Это сделано умышленно. Во-первых — статья не была бы напечатана, а во-вторых (что главное) — уж Вы простите мне откровенность — я не мог писать о том, чего я не понимаю и не чувствую. Это совершенно чуждая для меня область, в которой я не привык мысленно работать. Конечно, я мог бы переписать об этом предмете с Вашей записки, но это было бы лицемерием.

Теперь далее: местами я дословно переписывал то, что сказано Вами, т. к. не находил возможным выразить этого лучше.

Так как статья принадлежит всецело Вам, то я подписался так, как, думается мне, Вы имеете полное основание подписываться²⁷.

Еще раз прошу извинения за запоздавшую и, быть может, неудовлетворительную работу.

Будьте здоровы!

Уважающий Вас

Иван Борисов.

P.S. Быть может, найдете нужным известить меня о чем-нибудь касательно заметки.

Мой адрес:

Арбат, Денежный пер., д. Гутхейль, кв. № 4.

В. И. СРЕЗНЕВСКИЙ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ²⁸

7 июня 1894. Ялта

Глубокоуважаемый

Николай Федорович!

Перед отъездом своим из Москвы я обещал написать Владиславлеву²⁹ о взглядах харьковцев на мысли, высказанные в Ваших заметках о памятнике Каразину, с тем, чтобы он пересказал Вам мои сообщения. Теперь я решаюсь написать письмо Вам, а не Владиславлеву, который, как мне помнится, хотел уехать из Москвы в конце мая, так что вести мои до Вас дошли бы лишь осенью. — В Харькове я показывал статьи о Каразине Богалею и Сумцову³⁰. Богалею одна из статей была уже знакома, другую (о метеорологической станции) он попросил у меня для прочтения, но как будто обе они не произвели на него должного впечатления; он говорил, что мысль о памятнике не была чужда самому Каразину, который думал почтить памятником-статуей первого попечителя Харьковского учебного округа гр. Потоцкого. Сумцов ничего не знал о статьях, напечатанных в «Науке и Жизни», и с большим удовольствием услышал от меня, что мысли, высказанные в них, довольно близки (в основе) к его планам. Планы его заключаются в том, чтобы учредить в Харькове ученое-литературное общество имени Каразина, которое проводило бы в публице идеи Каразина и создавало те учреждения, о которых мечтал Каразин³¹. Проект устава такого общества уже написан Сумцовым и даже подан ректору, но где-то застрял, так что Сумцов собирается вновь возбудить о нем дело и хлопотать об утверждении в Петербурге. Впрочем, от постановки статуи и Сумцов не отказывается, главным образом потому, что на это дело уже собраны деньги; небольшой памятник-бюст, думает он, можно будет поставить при входе в Университетский сад — любимое место гуляния харьковской публики³². Относительно Богалея дополню, что с мыслями, высказанными в статьях «Науки и Жизни», он вполне согласен «в принципе», но не считает возможным их осуществление в настоящее время, потому что Каразинские деньги, собранные университетом, были пожертвованы на памятник-статую, а не на что другое. Не знаю, можно ли считать это основание справедливым; во всяком случае его

можно обойти так, как обходит Сумцов. До свиданья, глубокоуважаемый Николай Федорович. Не забывайте благодарного Вам Вс. Срезневского.

Ялта. Дача Комаровой.

7 июня 1894.

С. П. БАРТЕНЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ³³

Между 30 октября и началом декабря 1895

Дорогой, глубоко уважаемый

Николай Федорович!

Согласно ли это с тем, что Вы мне говорили?

Мир коснения, незнания, злобы, т. е. греха и потому смерти! Твой конец придет! Слепая сила, разумом не управляемая и потому разрушающая! *Не вечно твое царство!*

Настанет час, когда люди выполнят волю Бога живого, смерти не создавшего!

Пора! пора! Довольно спать, опьяняться забавами и в бессмысленной борьбе убивать друг друга. Бросьте рознь! Пророк Духа Животворящего³⁴ зовет к делу всеобщему! Трубите в трубы, звоните в колокола и искру благовести воскресения раздувайте в пламя! Пусть колокольным звоном призыва зальется вся земля и пламя охватит пожаром всю вселенную. В этом пожаре сгорит мир греха, коснение и невежество и придет Царство Божие, омываемое потоками воли, озаренными знанием, движимыми любовью. Они будут источниками жизни вечной и воскресения всех умерших. Всеми и для всех совершится долг воскресения сынами отцов.

Тогда

настанет царство жизни вечной, любви совершенной! Воскресшие и просветившиеся наполнят все небо, и бездушная вселенная населится и озарится разумом. Волей разумной, волей Божией управится одушевленный мир.

Преданный, но нерадивый

ученик Ваш С. Бартенов.

Притиска Н. Ф. Федорова на оригинале письма:

Пусть колокольным звоном призыва обольется вся земля, и пламя любви, вызванной этим призывом, не ограничится пределами земли. Воссозданные и оживленные умершие поколения одухотворят ныне бездушные миры всей вселенной.

И. А. ЛИННИЧЕНКО — Н. Ф. ФЕДОРОВУ³⁵

30 сентября 1895. Москва

Многоуважаемый
Николай Федорович.

Я, к моему большому сожалению, узнал, что на Вас неприятным образом подействовало то обстоятельство, что статья моя «Настоящее Рум<янцевского> Музея» (предпринятая исключительно в интересах Музея) не была Вам прочитана Ник<олаем> Ильичем³⁶. Спешу заявить, что это случилось по моей личной просьбе. В этой статье я между прочим пользуюсь случаем публично выразить Вам те чувства благодарности и уважения, которые питают к Вам все работающие в Рум<янцевском> Музее, — под моими словами, конечно, с удовольствием подписались бы все посетители Рум<янцевского> Музея.

Я опасался, чтобы Вы не настояли на исключении этого места, что было бы для меня неприятно, т. к. и я подобно многочисленным читателям Рум<янцевского> Музея Вам многим обязан. Вот это-то опасение и было единственной причиной, почему в статье я обошелся без Вашей корректуры (хотя и зная, что Вы могли бы меня, по обыкновению, ссудить весьма ценными сведениями).

С полн<ейшим> уважением

И. А. Линниченко

18³⁰_{IX} 95.

С. П. ЩУРОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ³⁷

10 апреля 1896. Москва

Дорогой
Николай Федорович!

Не видав Вас так долго и не имея возможности побеседовать с Вами лично, я весьма соскучился. Да и не один я. Приезжайте в Москву, а то без Вас в Библиотеке беда. Я покада еще нахожусь в Канцелярии, а в Каталожной хозяйничают барышни — Горская и Носова³⁸. Пугают страшно, и публика обижается. Посетителей же, обычных при Вас, Боборыкин³⁹ в Каталожную не пускает, и там теперь пусто. — Я бываю в Библиотеке лишь урывками, так как в Канцелярии теперь дела довольно, — и мне наверх бегать часто бывает неудобно. — Перевести же меня опять в Библиотеку почему-то медлят. — Самое лучшее, если бы Вы, Николай Федорыч, вернулись и послужили бы по силе возможности, занявшись бы хотя с привилегированными посетителями Каталожной, которые теперь оттуда изгнаны. —

Уважающий Вас

Сергей Щуров.

10 апреля 1896 г.

С. П. ЩУРОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁴⁰
20 апреля 1896. Москва

20 апреля 1896 г.

Друг мой
Николай Федорович!

Пожалуйста, приезжайте скорее в Москву и поработайте, сколько можете. Я уверен, что никто не будет требовать свыше Ваших сил: делайте лишь то, что пожелаете и сколько пожелаете. Ваше присутствие в Музее необходимо как интеллектуальная и духовная власть, которая без Вас отсутствует. — Меня на Ваше место, очевидно, назначить не хотят⁴¹, — потому что боятся дать мне в руки нравственную власть, которая была в Ваших руках, зная, что я не премину воспользоваться ею в менее мягкой форме, чем пользовались Вы (я человек злой), — а они до смерти не желают смотреть из моих рук, — слишком привыкли считать меня за мальчишку. Выбор им покуда только между Вами и мной, — более сажать в каталожную некого, если они не желают ограничиться механической работой и хотят сохранить установившиеся традиции «философской школы».

Приезжайте и развяжите сей гордиев узел. Ваше служение в Музее представляло нечто в роде священства, а теперь там мечутся без пастыря и алчут духовной пищи.

Уважающий Вас

Сергей Щуров.

С. ЧИСТЯКОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁴²
После 23 апреля 1896

Глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Посылаю Вам вырезку из «Русского Инвалида» за нынешний год № 91, где наконец, после продолжительных мытарств, была напечатана в сокращенном виде моя заметка по поводу деятельности войск в дни народных бедствий, в которой я, насколько мог, постарался передать Вашу мысль относительно важного значения этой стороны войсковой деятельности.

Буду очень рад, если поданная Вами мысль вызовет у кого-либо решимость заняться серьезно изучением упомянутого вопроса; жалею, что, по условиям моей службы, едва ли буду в состоянии сделать что-либо солидное, но попытаюсь пока заняться лишь сбором наиболее интересных и характерных фактов, попутно с составлением порученной мне работы по истории одной из войсковых частей местного назначения.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и уважении, а также благодарность за Вашу постоянную любезность и помощь при моих занятиях в Румянцевском Музее.

Всегда готовый к услугам Вашим, Генер<ального> Штаба Полковник Чистяков.

С. П. БАРТЕНЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁴³

20 декабря 1896. Берлин

Дорогой, незабвенный Николай Федорович!

Я именно говорю незабвенный, ибо с тех пор, как я немножко понял то, чем Вы живете, я никак не могу иначе думать, чем так, как думаете Вы. Все наводит меня на размышления, и я тысячу крат убеждаюсь, что правы Вы во всем. И это при той жизни, в той обстановке, которая, кажется, является доказательством по противоположности: выбоины, рвы, болотины указывают, что путь не здесь.

Всего более удивляет меня, как мог я долгое время считать невозможным, нелепым, безумным то, что теперь мне кажется единственным истинным, без малейшей примеси лжи и самообмана. То, что было мне по уху как слова, имеющие лишь значение как остроумная философская выходка, внезапно предстает как безусловная истина, т. е. такая истина, как, напр<имер>, существование солнца. Не мог никак понять, зачем даровое заменять трудовым, были эти слова как звук пустой. И вдруг сейчас как глаза открылись и я понял. Да ведь целый мир явился пред глазами! я увидел часть живого организма, вашего, не могу даже назвать — учения, ибо это сама истина, которую Вы видите ясно, а другие бродят кругом да около. Ведь тогда только можно владеть, когда *сам* сделал и *всегда* можешь снова сделать. Такое в нашем управлении вполне.

Еще скажу более: чем дальше проходит время, тем то, что я имел счастье слышать от Вас, вырастает в такую истину, за кот<орую>, чувствую, сладко пролить свою кровь. Я обязан всем, что имею хорошего в нравственном (а нравственное и творит), именно тому благословию, что принял я в соприкосновении с Вами. Труд не как проклятие, а как благо! Что за радость! Снять проклятие и самое проклятое обратить в самое благословенное. Если труд нам возвратит и даст со всею полнотою все, что есть самое желанное и благое, то как же он не благословен?! И когда я падаю от усталости, достаточно одного воспоминания о Вас, чтобы снова чувствовать силу. Мне некогда писать, да и не умею выразить так, как подобает. Но повторяю, с каждым днем убеждаюсь, что правы Вы во всем, и, отведав сладкого, не могу забыть его. Доведется ли снова видеться с Вами и говорить?.. Когда капля бальзама упала на жаждущие губы, то и умирающий вскакивает и тянется, желая получить глоток. На меня упала капля от Вас, и даже она оживила! И еще скажу. Не сочтите, что есть хоть доля увлечения в моем письме. Нет! Я тысячу раз порывался написать Вам, ибо тысячу раз проникался всем величием от Вас слышанного и осязательно убеждался во многом на опыте.

Аминь!!

Целую Вас от всего сердца.

Преданный Вам С. Бартенев.

Берлин. Nürnbergerstrasse.

20 декабря 1896 г.

М. ЛЕБЕДЕВА — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁴⁴

11 января 1897. Рязань

Глубокоуважаемый и дорогой

Николай Федорович!

Сердечно благодарим Вас и Егора Ивановича⁴⁵ за поздравление с новым годом. Мы, с своей стороны, шлем Вам обоим самые лучшие пожелания на этот год и крепко надеемся, что в этом году лето Вы будете у нас. На другой день Вашего отъезда к нам приехал из Москвы еще один гость — Митя⁴⁶. Пробыл у нас три дня, а новый год встречать уехал с матерью. Праздники, после Вас, мы провели очень тихо; все время все сидели дома, потому что дети были не совсем здоровы, а Митя⁴⁷ и до сих пор еще не ходит в класс. Сейчас все трое с большим интересом заняты физическими опытами.

Еще раз желаю Вам и Егору Ивановичу всего, всего хорошего. Прошу передать Семену Осиповичу⁴⁸ мой поклон.

М. Лебедева

18 $\frac{11}{I}$ 97 г.

P.S. Читали ли Вы в «Русских Ведомостях» о выставке Верещагина в Париже?⁴⁹

Г. А. ДЖАНШИЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁵⁰

9 марта 1897. Москва

18 $\frac{9}{III}$ 97 г. Москва. Румянцевский Музей. Николаю Федоровичу Федорову.

Чего же лучше тема? Отчего бы Вам *сам* самим не написать об Урарту по книге Никольского?⁵¹ Право! Не откажите!

Ваш Гр. Джаншиев.

М. ЛЕБЕДЕВА — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁵²

8 апреля 1897. Рязань

Глубокоуважаемый и дорогой наш Николай Федорович! Приезжайте к нам говеть и встречать Светлый праздник. Все-все всей душой будем Вам рады, а Вы посмотрите нашу Рязань во всей ее весенней красе — Ока залила даже некоторые улицы в городе. Хорошо бы сделал Егор Иванович⁵³, если бы тоже собрался. Мои все здоровы, кроме Митюши⁵⁴, который вот уже 2 дня лежит в постеле. Сейчас был доктор и сказал, что сегодня почти можно сказать, что болезнь его не опасна.

Желаю Вам всего хорошего.

М. Лебедева.

Ждем Вас!

[18] $\frac{18}{IV}$ 97.

Передайте мои поклоны Семену Осип<овичу>, Егору Ивановичу, а также Георгиевскому⁵⁵.

М. ЛЕБЕДЕВА — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁵⁶

23 апреля 1897. Рязань

Глубокоуважаемый и дорогой наш Николай Федорович! Зная, как тяжело и больно переносить потерю дорогих людей⁵⁷, я не смею утешать Вас.

Приезжайте к нам поскорее, очень Вам будем рады. Ведь мы Вас все любим искренно всей душой. Считайте наш дом и мою семью своими. Мы с мамой устроим Вам уголок, где никто не будет Вам мешать жить, не меняя Ваших привычек. Бог даст, за лето Вы у нас в деревне поправитесь. Теперь и в Рязани пока еще недурно, а в Егольниках очень хорошо. Я сегодня еду туда дня три, взглянуть немного на хозяйство. Передайте Сем<ену> Осиповичу, что на его письмо я отвечу по возвращении из деревни. Спасибо Вам за Ваши пожелания детям; у них с 3-го мая начнутся экзамены. Поклонитесь, пожалуйста, от меня Егору Ивановичу. Итак, дорогой Николай Федорович, до скорого свидания. Ждем Вас с раскрытыми объятиями.

Искренно преданная и любящая Вас

М. Лебедева

[18] $\frac{23}{IV}$ 97

Рязань

М. ЛЕБЕДЕВА — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁵⁸

14 июня 1897. Рязань

Очень Вам благодарна, глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович, за память. Приехав в Рязань, я сегодня только получила Ваше письмо⁵⁹. Итак, Вы в Воронеже⁶⁰. А мы-то с каким нетерпением все ждем Вас к себе. Дети почти всякий день спрашивают: когда же придет Николай Федорович? Алеша говорит, что у него столько набралось «неразрешенных вопросов» по его археологическим изысканиям, а что вот Николай Федорович все это знает. Зачем Вы пишете, что Вы надеетесь во второй половине июля побывать у нас. Почему побывать, а не пожить и почему во второй половине, а не раньше? Повторяю еще и еще, что мы все рады Вам всей душой. Стеснять друг друга ни мы Вас, ни Вы нас совсем не будете. У нас есть в саду маленький домик в 2 комнаты, саженьх в 30-ти от дома, вот этот домик и будет Ваш, и живите в нем, как Вам хочется, не меняя своих привычек. Мои ребятишки теперь с увлечением заняты хозяйством и сельскими работами. Экзамены у всех сошли хорошо. Костя и Митя перешли в следующие классы, а Леля поступил в первый. С Костей 14 мая случилась беда, которая грозила окончиться очень плохо для него и которая так расстроила меня, что совсем уложила в постель, — расскажу при свидании. Ивана Петровича мы с грустью проводили в Иркутск и теперь совсем осиротели в Рязани, Поликарп Алексеевич тоже покидает Рязань⁶¹. Итак, до свидания! Известите, когда приедете и куда: в Рязань или на станцию — Костя выедет Вас встретить. Ждем Вас.

М. Лебедева.

[18] ¹⁴/_{VI} 97 г.

А. Ф. ФИЛИППОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁶²

27 июля 1897. Москва

Москва.

Петровское-Разумовское

июль 1897. 27.

Дорогой мой патриарх.

Я давно хотел написать Вам, стосковавшись по Вас в течение чуть ли не полгода, в которые я не имел времени заглянуть в каталожную. Сегодня мне приснилось, что Вы меня распекаете за то, что я не осведомился ни разу о Вашем здоровье, и хоть это было вовсе не похоже на действительность, но встав ото сна, я уселся тотчас же за письмо.

Очень прошу известить меня хоть несколькими строчками о том, где и как Вы поживаете. По вероятности, Вы находитесь у Ник. Ив. (?) Петерсона, или верно он знает, где Вы находитесь, и потому я рассчитываю, что эти строчки попадут к Вам. Но они, конечно, не выразят и сотой доли того чувства

сожаления, которое охватило меня, когда я услышал о том, что Вы уехали с несколько расстроенным здоровьем⁶³. Это чувство было столь же относящимся к Вам, сколько и эгоистичным.

Вы, я думаю, до того сроднились с Музеем, его интересами, библиотекой и посетителями каталожной, что наверное не скоро примиритесь с отсутствием родственной и привычной обстановки, сидя где-нибудь в Воронеже, хотя бы у такого человека, как П<етерсо>н. И мы — я говорю не от одного себя — истинно огорчены тем, что рискуем (я убежден, что поцелую Вас 15 августа⁶⁴) не встретить доброго, иногда вспыльчивого, но всегда отзывчивого Николая Федоровича, при виде которого у меня улеглась накопившаяся за день в душе горечь, недовольство неудавшимися стремлениями и окружающею жизнью. Я всегда начинал чувствовать себя в каком-то научном Святой святых, далеко от мира пошлости и венчающем мир духовных интересов.

Боюсь, что Вы нахмуритесь, читая это. Я высказываюсь неумело, а Вы чересчур суровы к тем, кто Вас любит, а главное, кто захочет ввне выразить эту любовь. Если бы я рассчитывал, что Вы захотите иной раз получить от меня весточку из Москвы, о Ваших знакомых, о том, о сем, — я бы присоединил к сегодняшнему письму и этот багаж, а теперь позвольте Вас заочно, но крепко обнять, прижать к сердцу и просить верить, что до самой моей смерти Вы останетесь одним из дорогих и высоких, воспитательных воспоминаний.

А. Ф. Филиппов.

Петровское-Разумовское
Лихоборовский проезд,
дача Романа Тимофеева.

Г. А. ДЖАНШИЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁶⁵
14 апреля 1898. Москва

Хр<истос> В<оскресе>
Многоуважаемый
Николай Федорович

Вашу интересную статью прочел с удовольствием, но, к своему искреннему сожалению, вынужден возвратить ее⁶⁶. — В ней необходимо исправить, или, точнее, выпустить два-три места, а так как Вы настаиваете на напечатании без пропусков, то я и должен с грустью отказаться от Вашей столь глубокой и симпатичной по цели статьи.

Надеюсь, что силы Ваши восстановятся и Вы к нам опять вернетесь⁶⁷.

Без Вас, сказать неложно,
Нам будет скучно всем в каталожной.

Крепко жму Вашу руку.
Душевно преданный

Гр. Джаншиев.

14 апр<еля>
<18>98

ПИСЬМО Н. Ф. ФЕДОРОВУ СОТРУДНИКОВ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ⁶⁸
25 апреля 1898. Москва

Москва, 25 апреля 1898

Дорогой

Николай Федорович,

Михаил Алексеевич⁶⁹ сообщил нам желание Ваше получить скорее отставку. Прослуживши с Вами столько лет, пользуясь Вашими постоянными указаниями, мы в настоящее время в отсутствие Ваше уже достаточно успели убедиться, что как мы, так и читатели Музея без Вас положительно осиротели и чувствуем себя беспомощными.

Утешались надеждою, что пройдет срок Вашего отпуска и Вы приедете, но письмо Ваше к Михаилу Алексеевичу нас окончательно разочаровало и огорчило. Одна надежда на то, что Вы не откажете нашей общей просьбе вернуться к нам и по-старому снова станете нашим незаменимым руководителем в занятиях по Библиотеке, одна только эта надежда и заставляет нас в настоящее время усердно просить Вас исполнить нашу общую усердную просьбу поскорее приехать к нам.

Н. Стороженко
С. Долгов
И. Бушера
А. Келлат
А. Калишевский
С. Горская
Я. Квасков
А. Калайдович
Е. Покровская
Н. Янчук
С. Щуров
М. Горская
С. Черемин
А. Кирпичников⁷⁰

Г. А. ДЖАНШИЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁷¹
Между 20 и 25 октября 1898. Москва

Многоуважаемый

Николай Федорович.

Очень сожалею, что оказались опечатки. Я сам два раза просматривал и все-таки, значит, просмотрел. Простите меня, окаянного. Составьте список опечаток, и если будет какая-нибудь возможность, редакция напечатает.

Что касается примечания, то если из него составить отдельную заметку, то ее можно бы, мне кажется, напечатать с пользой для сборника. — Статью можно бы озаглавить: «Воины будущего», «Рыцари правды» и т. п. (*quasi una fantasia*)⁷².

На днях буду в Музее, а пока жму Вашу руку.

С искр^{енним} уваж^{ением}

Гр. Джаншиев.

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»⁷³
29 октября 1898. Москва

Русские Ведомости. Москва. Октября 29 дня 1898 г.
Б. Никитская, Чернышевский пер., д. № 7.

Милостивый Государь
Николай Федорович!

Контора «Русских Ведомостей» покорнейше просит Вас пожаловать за получением следуемого Вам гонорара за помещенную Вашу статью*.

В. Э. ДЕН — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁷⁵
7 ноября 1898. Москва

Москва,
Остоженка, Штат<ный> пер<еулок>, 3
7/ХІ 98 г.

Многоуважаемый Николай Федорович

На днях узнал, к своему величайшему сожалению, что Вы решили окончательно покинуть Музей и Москву. Мне это жаль и потому, что Музей теряет в Вас силу, которую ему заменить, конечно, некем: в этой потере Музея я участвую более, чем кто бы то ни было другой, так как мне, более, чем многим другим, — приходилось пользоваться Вашими советами и указаниями. Но кроме того мне просто жаль, что, приходя в Музей, уже больше не буду видеть Вас там. Все мы, Ваши обычные посетители, и главным образом, Браве, Строев⁷⁶ и я, очень грустим, что Вас больше нет, и скучаем без Вас. Мы все-таки не теряем надежды, что Вы еще вернетесь к нам. Браве мне передал Ваш поклон, за который я Вам очень благодарен. В Музее тотчас же после Вашего отъезда⁷⁷ наступили новые порядки: в 3 часа мы все переселяемся в читальный зал, а по воскресеньям занимаемся по домам. В заключение прошу Вас принять мою глубокую благодарность за помощь, которую Вы мне столь часто оказывали, и сохранить добрую память о преданном и благодарном Влад. Дене.

Моя жена, так же, как и В. Н. Ивановский⁷⁸, Вам очень кланяются и тоже просят передать Вам свое сожаление о Вашем отъезде.

* Какую статью??! (Притиска Н. Ф. Федорова.)⁷⁴

Я. Ф. БРАВЕ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁷⁹
27 декабря 1898. Москва

27 дек<абря> 1898

Дорогой

Николай Федорович.

Болезнь (довольно сильная форма переутомления) помешала мне написать раньше, как это следовало и хотелось. — Не осудите, поэтому, допущенное запоздание. Надеюсь зато, что переплетенный экземпляр «Одного из наших центр<альных> просвет<ительных> учреждений»⁸⁰ с скромною надписью автора прибыл в Воронеж своевременно. Только в этой форме, по случаю нездоровья, мог я послать Вам поздравление с праздником.

Все Ваши поручения исполнены немедленно. Вот отчет по пунктам:

1) Книжки Некрасовой и Лебедевой переданы Семену Осиповичу⁸¹ для вручения по принадлежности, чтоб он охотно исполнит или, вероятно, уже исполнил. 2) В квартиру Кожевникова свез я книжку сам, — передал отворившему дверь человеку — со словами: «по поручению Николая Федоровича».

3) По поводу библиотеки проф. Бессонова обратился я к Николаю Ильичу *pro* директор (последний в Петербурге и нездоров). С предварительно добытым номером «Нового Времени» и Вашим письмом в руках, я убедил Николая Ильича в необходимости или полезности (во всяком случае) немедленно отправить опекуну официальное предложение прислать в Управление Музея опись содержимому библиотеки хотя бы в общих чертах и непременно обождать с назначением аукциона⁸². Это и сделано. Директору в Петербург Николай Ильич не нашел нужным писать — и по такому соображению:

а) Книги самые находятся вне Петербургского района; б) приобретены они могут быть для Музея *единственно* на средства Михаила Алексеевича⁸³. Приехав в Москву (он ожидался каждый день) и решив что-нибудь сделать, он, может быть, кого-нибудь и командирует тогда в Харь<ковскую> губернию. — Кстати, по словам Семена Осиповича, вернувшегося 23 декабря, о библиотеке Бессонова знают многие; интересуется ею, между прочим, и Белокуров⁸⁴. Говорят (м<ожет> б<ыть>, злые языки), что среди бессоновских рукописей немало таких, которые раньше принадлежали Рум<янцевскому> Музею и Моск<овскому> и Харь<ковскому> университетам... Alte Geschichte...⁸⁵

Вам сердечно кланяются: Николай Ильич, Семен Осипович, который скоро сам Вам напишет, Миронов⁸⁶, совершенно счастливый Вашим добрым вниманием, и опять Шаховской и Никольский⁸⁷. В предыдущем письме я забыл сообщить Вам новость, не лишнюю, полагаю, некоторого для Вас интереса: князя Шаховского сделали председателем Петерб<ургского> Цензур<ного> Комитета⁸⁸. Указ напечатан сегодня, но я уже несколько недель знаю об этом назначении.

О Дене⁸⁹: он по-прежнему является постоянным и усерднейшим посетителем и работником в Музее; занимается он не в Каталожной, а в читальном зале, куда изредка заглядываю и я.

Мироновская статья о художественном отделении Музея появится в «Вестнике Воспитания» 15–16 января, оттиски выйдут в конце января⁹⁰.

Со дня на день собираюсь уехать отсюда; загляну в Орел на несколько дней, оттуда так близко до Воронежа. Можно ли будет там повидать Вас, если бы я решился поехать?

Душевно благодарный Вам и почтительно преданный Я. Браве.

Я. Ф. БРАВЕ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁹¹

31 декабря 1898. Москва

31 дек<абря> 1898

Дорогой

Николай Федорович

Ден передал мне сегодня присланное Вами на его адрес письмо, которое в дороге, должно быть, возвратилось с моим, посланным Вам на второй или третий день Рождества⁹². — Адрес мой («Кремль», против Кремля в Москве) — вполне надежен. — Посылаю Вам два экземпляра «Центрального просветительного учреждения»; если найдете возможным, может быть, передадите один из них в библиотеку нарождающегося этико-юридического общества. — Знаете, Николай Федорович, — у меня явилась мысль переработать мой очерк Музея, дополнив его и поставив дело более научно и серьезно. Книжка имела незаслуженный успех. Слишком она, однако, суммарна и публицистична. Единственное оправдание для меня — это то, что я хотел к концу года (когда решаются сметные назначения и о Музее могут заговорить в Государственном Совете) дать книжку, напоминающую о положении Музея. Мих<аил> Алексеевич⁹³ распространяет ее необычайно усердно, находя это полезным. Мне совестно за несправедливо выпавшую на мою долю честь.

Много работаю теперь, Николай Федорович, и начал опять ходить в Музей. Ваше отсутствие слишком чувствуется... Иногда кажется невероятным, что Вас нет. Я считаю Ваш отъезд величайшей для себя потерей. Если б Воронеж находился не так далеко, то многие из занимавшихся раньше в Музее в каталожной ездил бы по несколько раз в месяц в Воронеж.

Вам кланяются все мои знакомые, кому известно, что Вы мне позволили писать Вам. Кланяется много С. П. Щуров⁹⁴, который очень со мной хорош теперь: все показал, разъяснил, ввел в сферу [1 слово неразб.] интересов и очень заботится обо мне. Он простой, искренний человек и серьезный работник, т. е. страшно рад работать, объяснять, рассказывать и т. д. и т. д. Яков Герасимович⁹⁵ просит меня напомнить и о нем — кланяться Вам.

Последнее Ваше письмо меня совершенно осчастливило: в Воронеж отправлюсь очень скоро⁹⁶ — нарочно для того, чтобы получить совет и благословение на одну работу, к которой Вы отнесетесь, полагаю, не без сочувствия. — Милый человек Ден — работает без усталости. Во время антрактов то просто беседуем с ним о Вас, то жалуемся на судьбу, что теперь Вы недоступны для

нас — отделены в сущности громадным чуть ли не 1000-верстным пространством. — Владиславлев из Киева переведен в Канев. Он все боится писать Вам⁹⁷.

Ваш душою Я. Браве

P.S. Вот что любопытно, Николай Федорович. Тоска в музее испытывается бывшими «каталожниками» не потому, чтобы трудно было получать книги: старичок, который ищет книги по карточкам, вполне исправно исполняет свое дело. Случалось требовать «Труды», «Отчеты» и под~~обные~~ вещи, и они очень скоро и добросовестно доставлялись. Но, очевидно, в Каталогной, кроме розыска книг, удовлетворялись раньше и другие духовные запросы, в «уставе» непредусмотренные.

Каталожная и опустела. — Я. Б.

P.P.S. Шлю мои лучшие поздравления с Новым годом. То же делает при моем посредстве Миронов⁹⁸, с которым я виделся в музее до отправки настоящего письма. — Я. Браве.

В. М. ВЛАДИСЛАВЛЕВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ⁹⁹
1 февраля 1899. Киев

1 февр<аля> 99

Многоуважаемый

Николай Федорович!

Не знаю Вашего адреса, не знаю Вашего настроения по отношению ко мне и все-таки решаюсь Вам писать в надежде, что неточность первого не помешает письму дойти до Вас, а неизвестность о втором не должна помешать мне протянуть Вам из своего далека дружескую руку, хотя расстались мы с Вами крайне напряженно и тяжело. Милый Николай Федорович! Простите мне мое «супротивничанье» Вам, но, право, я при всей любви моей, преданности и глубоком уважении к Вам, не могу, не могу и никогда не буду в состоянии напечатать хоть строчку такого, что я сам не разделяю душевно. А ведь из-за этого у нас и вышла размолвка. Неужели Вы, такой широкий и добрый, не хотите допустить свободы для моей личной совести, писательской свободы ратовать за то, за что действительно стоишь! Ведь только тогда я могу повлиять на кого-нибудь, когда говорю живым, *своим* языком, когда перед читателем стоит образ одушевленного человека, а суконный, дубовый язык писателя из-под палки не в состоянии никого ни на что подвинуть или что-нибудь дать душе.

Дорогой Николай Федорович, я Вас глубоко уважаю, очень, очень люблю, и теперь, в отдалении от Вас, часто тянет повидаться с Вами и поговорить мирно, по душе, как мы говаривали с Вами неоднократно в каталожной за горами бумажек в полусумраке короткого зимнего дня, когда Вы бывали такой добрый и терпимый. Мне хочется высказать Вам, как я Вас люблю и уважаю и как привык еще в Москве встречать самое живое сочувствие в Вас к своим литературным и научным планам, сказать, что скоро я буду назначен податным

инспектором и тогда предприиму подворно-статистическое исследование Каневского уезда; первое в этом роде в Киевской губернии, так как тут нет земства и единственная какая есть статистика — это столь знаменитая своими недостатками волостная. Издаю эту работу я, конечно, с соблюдением Вашей карточной системы, которая действительно является нравственной обязанностью для всякого писателя и распространение которой желательно в интересах упорядочения некоторых сторон библиотечного дела. Это подворное исследование даст мне материал для вывода бюджета крестьянства хотя бы одного уезда Киевской губернии, так как, мне кажется, благосостояние здешних крестьян систематически ухудшается и, следовательно, или нужно бить в набат, или увериться, что это наблюдение ошибочно.

Милый Николай Федорович! Напишите мне весточку о себе, как Ваше (вот уж истинно) драгоценное здоровье, не думаете ли вернуться в Москву с тем, чтобы снова оплодотворять умы занимающихся в Румянцевском Музее. Я рад за других, если это так, хотя и горюю за себя, так как в Киеве полная невозможность писать какое-нибудь исследование на основании печатного материала. Городская библиотека чрезвычайно бедна книгами, особенно научными, даже на русском языке; а уж об иностранных и говорить нечего. Притом, согласно господствующему в Киеве практически-промышленному направлению жизни, городская библиотека представляет собой образчик частной читальни, куда приходят прочесть свежие газеты, вышедшие книжки журнала и вообще удовлетворить мимолетную и пеструю потребность в «злобе дня». Это не храм науки, как Румянцевский музей. Я тут как рак на мели.

Милый Николай Федорович, напишите мне пару строчек. Мой адрес: Киев, Подвальный пер., д. 25, Владимиру Михайловичу Владиславлеву.

Преданный Вам

В. Владиславлев¹⁰⁰.

Н. И. СТОРОЖЕНКО — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹⁰¹
19 марта 1899. Москва

Пятница утро.

Глубокоуважаемый

Николай Федорович!

В виду предполагаемой в Музее Пушкинской выставки необходимо сделать подбор всей находящейся в Музее Пушкинской Литературы, разыскать все издания отдельных произведений Пушкина, все альманахи и журналы, в которых помещались стихотворения Пушкина и отзывы о них тогдашней критики и т. п.¹⁰² Когда мы об этом вчера рассуждали, М^{ихаилу} А^{лексеевичу}¹⁰³ пришла мысль пригласить для этой цели Вас в качестве вольноотрудящегося; он просил меня написать об этом Вам, а к его просьбе мы присоединяем и нашу общую покорнейшую просьбу приехать хоть неделки на две в Москву, чтобы

помочь нам. Вы, вероятно, знаете, что Ваш приятель Браве уже более не существует¹⁰⁴. Очень жаль этого рано погибшего труженика, который так любил наш Музей. Его труженическая бескорыстная жизнь служит лучшим опровержением банального мнения об евреях, к сожалению, сильно распространенного у нас и доказывающего, что мы в сущности недалеко ушли от варваров. — Приходящие по старой памяти в Каталожную часто спрашивают Вас и удивляются, что Вы оставили Музей. На днях очень об этом сетовал Верещагин¹⁰⁵. Будьте здоровы!

Вам искренно преданный

Н. Стороженко.

В. Я. СИМОНОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹⁰⁶

8 апреля 1899. Санкт-Петербург

Милостивый Государь!

Мне очень приятно было получить Ваше письмо с приложением оттиска о письме Достоевского¹⁰⁷, которые служат дополнением к Вашей статье. Приятно, конечно, и обменяться взглядами на тот назревший вопрос, о котором мы оба трактуем. Я смотрю на дело не так широко, как Вы, смотрю с чисто практической точки зрения и притом как человек военный. Поэтому, относясь с глубоким сочувствием к высказанной Вами идее, я не могу признать возможным ее осуществления в той форме, в которой предлагаете Вы. Я исхожу из того положения, что можно заставить кого бы то ни было делать только то, что ему полезно, выгодно; рассчитывать же на то, чтобы кто-нибудь отказался от своей выгоды в пользу общую, — невозможно: единичные случаи, конечно, могут иметь место, но брать такое положение за исходную точку — более чем рискованно. Вот с этой-то стороны я и стараюсь подойти к решению вопроса. Я становлюсь на узкую точку зрения интересов армии и говорю: заставляйте армию в мирное время делать такое дело, которое принесет выгоду ее узким интересам, т. е. улучшит ее боевую готовность, — и она сделает это дело прекрасно. Всякое же дело, не улучшающее ее боевую силу, она выполнит плохо, поэтому и не следует ей поручать такого дела. Найти такое дело для всей армии — дело крайне трудное, и я за это не берусь. Я указываю только путь, по которому надо идти, и даю примеры дела для отдельных частей армии, которым подыскать дело легче всего: в первой статье я дал дело железно-дорожным войскам и полевым дорогам, во второй — я дам дело интендантству, а затем пусть ищут для других частей армии люди более компетентные. По поводу образования и армии, как проводника его, я также, вероятно, выскажусь в следующих статьях, которых думаю дать две или три¹⁰⁸. О предстоящей конференции я пока воздерживаюсь говорить что-нибудь, надо подождать, что из нее выйдет. А до тех пор я отношусь к ней скептически, что и высказал в своей статье.

От души желал бы видеть в печати Вашу статью «О задачах конференции»¹⁰⁹. Теперь самое современное выпустить ее в свет, и она, думаю, должна навести на серьезные размышления, подобно статье «Разоружение».

Прошу Вас принять мое уверение в совершенном почтении.

В. Симонов.

8 апреля 1899 г.
СПб. Мойка 32.

И. М. ИВАКИН — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹¹⁰
27 апреля 1899. Москва

Николай Федорович!

Вчера был у меня Н. Н. Черногубов¹¹¹ в состоянии мрачном и тревожном. Говорит, что не знает, что делать, что мать проигрывает деньги, какие остались от отца, что глухонемая племянница, учащийся в нашей гимназии племянник взируют на него с недоумением, ждут от него действий и помощи, а действий и помощи оказывать он не может: он подавлен, он убит, убит нравственно...

Едет он на днях в Петербург, не зная, какие можно на него возлагать надежды, хоть Кеппен (управляющий двором вел. кн. Конст<антина> Константиновича) и писал ему, что коли не вышло в одном месте, найдется в другом... Просил он и меня подействовать в его пользу — на кого бы Вы думали? На теперешнего председ<ателя> в цензурном комитете, князя Шаховского!¹¹² Когда-то я был товарищем ему по гимназии и по университету, по-дружески дрался с ним до окровавления; потом, после университета, долго с ним не встречался — он стал цензором. Встретился я с ним года 3–4 назад у Вас в каталожной, и мы после нескольких минут колебания перешли на старое, гимназическое *ты*. Известный Вам Браве слышал это и, должно быть, изумился и чуть ли не возблагодарил. С цензором, да еще с князем на *ты* — вещь немалая! — «Я бы на Вашем месте, — говорил он Черногубову, — сейчас бы через Ивакина стал действовать — ведь он с ним на *ты!*» Но Черногубов тогда промедлил действовать, вероятно, потому, что не предвиделось нужды. Основываясь на моем прежнем знакомстве с Шаховским, теперь он просит меня походить за него перед ним. Я *никогда*, понимаете ли? *никогда* не писал Шаховскому, и вдруг махну теперь прямо просьбу, чтобы он дал Черногубову место по цензурному ведомству! Признаюсь, я пришел в немалое затруднение, как писать. Тогда Черногубов предложил мне комбинацию другого рода: Ник<олай> Федорович знает Шаховского, Шаховской знает Н<иколая> Ф<едорович>ча, мало того — я, впрочем, знаю это несомненно — любит, уважает, так нельзя ли, Н<иколай> Ф<едорович>ч, через Вас? Шаховской когда-то обещал, занимаясь биографией И. С. Аксакова, отобрать для Черногубова бумаги Тютчева, Черногубов наконец мог бы заняться бумагами и дневником Дружинина¹¹³ (в Петербурге), нашлось бы в Петербурге (или в Москве — это безразлично) и еще немало дел и

бумаг, которыми стоит заняться, но условие — служба, содержание, потому что положение Черногубова материальное плохо.

Если Вам можно что-нибудь сделать через Шаховского, то, может быть, Вы потрудитесь написать ему, замолвить ему слово перед Шаховским. Только — должно быть, в состоянии невменяемости — Черногубов просит Вас адресовать письмо ему в Петербург (выезжает он 27 или 28 апр<еля>), но куда в Петербург? Не будет ли лучше, если Вы сообразовите адресовать ответ мне (и письмо к Шаховскому, если таковое будет написано) по адресу: Москва, Зубово, Теплый пер., д. Державина, И. М. Ивакину.

Остаюсь и пр. И. Ивакин.

1899. Апр<еля> 27.

ТЕЛЕГРАММА

М. А. ВЕНЕВИТИНОВ — Н. Ф. ФЕДОРОВУ¹¹⁴
Декабрь 1899. Москва

Асхабад. Члену окружного суда Петерсону для передачи Николаю Федоровичу Федорову.

Вспоминая далекого друга, поздравляем именинника, приветствуем с праздником, шлем новогодние пожелания. Именем музейцев, Веневитинов.

ВОКРУГ ФЕДОРОВА

Н. П. ПЕТЕРСОН — Н. А. ЧАЕВУ¹
16 августа 1874. Керенск

Милостивый Государь,
Николай Александрович,

Владелица выписи, данной Вишнякову, Авдотья Корниловна Рудольф (живет в с. Лундане, Керенского уезда) весьма будет довольна, если выпись окажется настолько важною, что Вы захотите напечатать ее при Вашем романе^{*}; она просит лишь, чтобы несколько оттисков этой выписи (например, десять) с предисловием, о котором Вы пишете, были присланы в Керенское Хранилище исторических документов, касающихся нашего края, устроенное Николаем Федоровичем Федоровым³, а в настоящее время находящееся в моем заведывании; в это же хранилище должна быть возвращена и подлинная выпись по снятии с нее Вами копии. При этом я считаю долгом отклонить от себя честь открытия этой выписи; честь эта вполне принадлежит Николаю Федоровичу, пожелавшему положить начало изучению нашего края; он и в Москву поехал с целью извлечь из находящихся там архивов все, что касается Керенска, и мы надеемся, что он возвратится к нам и будет продолжать свою полезную деятельность, поможет и нам следовать за ним. Одно нас смущает: это отношение к вознаграждению за труд; за свой труд по изучению Керенского края он не принимает ничего и в Керенске жил скудною платою по занятию в архиве Съезда⁴; надеется и в Москве жить, занимаясь корректурой, перепиской или чем-либо в этом роде. Все это я пишу для того, чтобы просить Вас помочь нам продолжать наши занятия историей края; сделать же это Вы можете, дав возможность Николаю Федоровичу проникнуть в московские архивы и дав ему возможность получить какое-либо занятие, которое давало бы ему средства к существованию⁵, а требования его в этом отношении так не велики... Я с своей

^{*} Н. А. Чаев задумывал написать роман или пьесу из жизни Стеньки Разина, но ограничился созданием только двух драматических картин, «которые напечатаны в Сборнике Общества любителей Российской Словесности» (М. 1891 г. стр. 153–181)². (Примеч. Н. П. Петерсона.)

стороны все, что найду здесь интересного, поспешу Вам сообщить, и между прочим на днях приступлю к описанию старой деревянной (Архангельской) церкви⁶.

С глубоким уважением и преданностью, всегда готовый к Вашим услугам

Н. Петерсон.

16 августа

1874 года.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Л. Н. ТОЛСТОМУ⁷

20 июля 1882. Керенск

Милостивый Государь

Лев Николаевич!

Внимание, которое Вы мне оказывали в прежнее время (лет 20-ть тому назад!⁸) и зимою нынешнего года, поручая раза два Николаю Федоровичу кланяться мне и даже выразив намерение навестить меня в Керенске, дает мне смелость отправить к Вам прилагаемую рукопись. Это отчасти изложение, отчасти перевод выставленных под заглавием двух статей из «Revue des deux mondes» с присоединением собственных суждений⁹. Мне хотелось бы, чтобы эта статейка была напечатана в каком-нибудь журнале или газете, и я был бы глубоко благодарен Вам, если бы Вы не отказались послать ее в наиболее подходящую редакцию от себя. Выбираю путь для напечатания прилагаемой статьи через Вас, потому что в ней затрагиваются вопросы, разрешение которых, как мне кажется, и Вас всегда занимало, занимает и, надо думать, никогда не перестанет занимать, и следовательно, Вы лучше, чем кто-нибудь, решите, стоит ли печатать это или нет¹⁰.

В случае напечатания прилагаемой статьи я просил бы выслать номер, где она будет напечатана, в Керенск, Пензенской губернии, в Публичную Библиотеку.

Пользуюсь случаем выразить мое глубокое почтение и безграничное уважение, которые не перестаю питать к Вам с тех пор, как узнал Вас; вместе с тем не могу не сказать, что был бы несказанно обрадован, если бы каким-либо образом могло осуществиться Ваше намерение побывать в Керенске¹¹; спешу, однако, оговориться, что с самого начала сомневался в возможности этого, но одно уже это намерение Ваше не может не быть для меня приятно, как свидетельство того, что Вы обо мне еще помните.

Примите уверение в совершенном почтении и душевной преданности всегда готового к Вашим услугам

Н. Петерсон

1882 года

20 июля

Адрес мой: Г. Керенск, Пензенской губернии, Никол<аю> Павлов<ичу> Петерсону.

21 октября 1891. Москва

Не знаю, как у вас в Туле, Лев Николаевич, а у нас в Москве жизнь лишь по-видимому идет по-старому, в сущности чувствуется и перемена. Газеты каждый день трубят про голод и голодающих в разных местах, а нищих прибавилось. Правда, иной раз услышишь и шутливое сомнение: какой там еще голод, больше все от пьянства! Но большинство все же сознает тяжесть постигшего бедствия. Я — вы знаете — житель городской, но уже с мая и я начал думать, что нас ожидает голодовка, и тогда же сказал одному из своих (и ваших) знакомых, но он сострил: «Да, плохо придется тому, у кого обширный аппетит!» Уж если я городской, то остряк оказывается ультра городским, но теперь и он что-то перестал острить. Жертвуют и волей, и неволей, принимают пожертвования и деньгами, и натурой.

Недавно я прочел в газете про Вас, что вы заняты заботой о посильной помощи голодающим в одной из пострадавших от неурожая областей¹³. Я прочитал и думаю: может быть, небезынтересно вам будет узнать некоторые мысли, возникшие именно по поводу голода, о возможности (правда, неблизкой и теперь только еще зарождающейся) бороться против неурожая. Конечно, иное вам наверно уже известно, но кое-что показалось мне не только интересным, но и важным, и мне захотелось про это вам сообщить. Без сомнения, теперь прежде всего надо помогать делом, надо голодному дать хлеба, как это вы и делаете, но вы увидите, Лев Николаевич, что настоящее письмо не есть фарисейское корван¹⁴ и вызвано не тайным желанием умствовать сложа руки, когда кругом люди болеют и уже начинают мереть с голода, но уверенностью в том, что именно теперь-то и можно начать думать о борьбе с неурожаями вообще.

Теперь много толкуют о сближении между нами и Францией. Результатом была французская выставка и приезд французского флота в Кронштадт¹⁵. К чему должно было бы и могло бы послужить это сближение — на то указывает нынешний голод.

Сколько наговорено и исписано бумаги о том, что надо разоружиться, столько бранят войну! Но от брани опасность войны не уменьшается, а разоружаться никто не думает. Да и нужно ли? Ведь можно бы сделать и так, чтобы, не разоружаясь (а разоружиться, несмотря на пожелания и толки, до сих пор почему-то было невозможно), употребить оружие не против людей, а против общего для людей врага — той слепой силы, которая производит неурожай. Да и что лучше: не воевать, бросить оружие или употребить его на борьбу с силою, производящею метеорические погромы? Ведь если употребить его для последней цели, не значит ли это перековать мечи на плуги и сделать войско из христоненавистного безусловно христолюбивым?

Со времени изобретения пороха уже было замечено, что всякое маломальски значительное сражение кончалось дождем. Ученым предстояла великая задача обратить средство для истребления себе подобных в средство для защиты от бездождия. Но они не подумали этого сделать. Зато все сражения, вся пролитая в них кровь и должны пасть на них. Они же виновны и в смерти всех, погиб-

ших от голода, потому что то самое средство, которое могло бы от него спасти, они превратили исключительно в орудие истребления и потому стали виновны вдвойне, но вина их настолько тяжка, что может возбудить к ним разве жалость. Они знали действие выстрелов и не подумали применить их на пользу людям, как и не думают и теперь. Они и до сих пор заняты заботами о производстве вносящих вражду пустяков и мануфактурных игрушек, изобретением орудий на истребление людей ради спеси, ради защиты своих игрушечных сокровищ и ради прибытка от продажи их тем, которые не умеют еще делать их сами.

Если кто и думал о средствах для произведения дождя, так те были профаны, и от заправских ученых немало им доставалось. У нас, напр<имер>, при Александре I таким профаном был Каразин. Я не знаю хорошенько, какими средствами думал он достигнуть цели; об этом писано, помнится, в «Русск<ой> Старине» за 1872 г.¹⁶; знаю только, что Александру проект его понравился, он передал его на рассмотрение Академии наук, но какой-то петербургский академик сказал, что мысль Каразина неудобоприложима, — дело и заглохло¹⁷. Недавно в Одессе какой-то Старков читал сообщение об опытах производства дождя в Америке. Члены этого общества, где он читал, послушали, отнеслись пессимистически и, конечно, не сделали ничего¹⁸. А сообщение было, в виду теперешнего голода*, очень важное: американское правительство на такого рода опыты дало 9000 долларов, и одни лишь приготовления к ним произвели дождь на большом пространстве¹⁹. От того или не от того пошел дождь, но они сами себя осудили уже тем, что отвергли целесообразность этого средства, не заменив его ничем, отвергли не какими-нибудь другими опытами (каковы бы они ни были), а лишь праздным сомнением, да словами! Вероятно, они иначе бы взглянули на это, если бы дело шло о поливке улиц, а не полей, если бы заговорили не о спасении от голода, а об увеличении комфорта. Конечно, если есть города, то должна быть и городская гигиена (городская гигиена нужна, но города-то нужны ли?), но все же надо сказать, что техники наши думают, видимо, обо всем, помимо того, что составляет существеннейшую необходимость. Привыкши больше играть опытами, они не сумели оценить важности американского опыта, который как будто нарочно совпал с нашим неурожаем. В Западной Европе не делают таких опытов и понятно почему: там ведь и хлебопашество дело второстепенное**, да и климатические условия другие. Но у нас, где метеорический погром хуже татарщины, ляхолетья и французского года, ученым, конечно, непрослительно закрывать глаза и не сметь делать того, что не делается в зап<адной> Европе. Не понимает важность этого и военная интеллигенция, не сознает этого, да и вероятно и не знает, и духовенство — а то как бы, кажется, не усмотреть ему здесь указания свыше, указания на тот путь, идя по которому, технология может получить истинно христианское назначение, а не развращающее, какое имеет она в настоящее время. Но замеча-

* да весьма возможно на юге, благодаря бездождию, и в будущем году: начиная от той самой Одессы, где читалось сообщение про опыты успешного *одождения* полей в Америке, начиная от нее, благодаря страшной засухе, не только сеять, но и пахать было невозможно, потому что земля стала тверда как камень.

** Но хорошо ли, нормально ли это? Ведь если и Америку и Россию поразит голод, что будет делать зап<адная> Европа?

тельно, что в то время, как интеллигенция относится к этому равнодушно, в народ уже успели проникнуть темные слухи о том, что где-то завели машины, от действия которых может идти дождь. Если привились и прививаются у нас пароходы, железные дороги, молотилки и пр., то могут, конечно, привиться и пойти на пользу и результаты научных изысканий в деле произведения дождя. Пароходы и железные дороги привились и действуют у нас не без тесноты и тяготы для народа, а средство производить дождь в бездожде едва ли кому в чем-нибудь будет в тягость. Мне кажется, что с такой наукой не стыдно было бы, Лев Николаич, явиться и в деревню — ведь это, пожалуй, значило бы (говоря вашими же словами), что наука хочет ходить не в лаковых ботинках, а в лаптях. В виду такой задачи, как борьба с неурожаем, сближение людей или даже только двух стран явилось бы делом хорошим, но думается, что французская выставка и приезд флота делу много не помогут. Ведь все же подкладка во всем этом политическая, и дело опять-таки пахнет войною — только не со слепой силой. Прочнее было бы положить ему начало другое. Быть может, было бы лучше, если бы начавшееся сближение закрепить обменом французскими изданиями на русские: выходящие во Франции должны пересылаться в Москву, выходящие в России взамен их во Францию. Это могло бы быть первым шагом.

Теперь у нас в Москве немало толкуют про это, кое-какие сообщения попали в печать (правда, в неполном и искаженном виде)²⁰, дошли и во Францию, где, по-видимому, от этого будут не прочь. По крайней мере, в частном письме одного француза мне случилось прочесть, что «le projet d'obtenir un échange des publications entre la Russie et la France... paraît une grande et belle idée. J'ai lu et relu votre lettre qui renferme un excellent résumé de la question. Personnellement je ne puis rien vous dire que mes sentiments de dévouement et de sympathie pour votre pays. Après avoir consulté plusieurs de mes amis mieux que moi en situation d'émettre une opinion sur ce sujet»²¹ и т. д.

Обмен должен быть для сближения, а сближение для борьбы со слепой силой, погромы которой все же ведь не могут не отражаться даже в западной Европе. Франция — первый шаг. Конечно, там про обмен изданиями знают пока немногие, но о настоящей цели его не знает никто. А если бы узнали — как бы к этому там отнеслись и что бы сказали, если бы узнали?

Вы, Лев Николаевич, уже с самого начала, конечно, угадали, что письмо это есть только отголосок мыслей Николая Федоровича. Теперь он только этим и занят, только об этом и говорит. Вы своим властным словом и в России, и во Франции сделали бы то, чего конечно не сделали бы сотни писателей тысячами писаний. Вы наверное возбудили бы у нас внимание к американскому способу — ведь в самом деле, кто поручится, какие он может дать результаты? А уж обмену-то изданиями, не сомневаюсь, помогли бы как никто другой.

Сообщаю вам это все потому, что [знаю,] как вы любите Николая Федоровича, и потому, что, может быть, найдете его мысли интересными для себя настолько, насколько кажутся мне они важными. Любопытно узнать ваше мнение. Письмо от вас было бы мне праздником.

И. Ивакин.

1891. Октября 21.

Р.С. Ник<олай> Федорыч свою мысль о литературном обмене сообщил, между прочим, и некоторым из московских ученых. Но один из них такого рода обмен назвал «цыганским барышничеством», а другой сказал, что нам и в обмен-то дать нечего: мы сравниваемся с Францией в литературном отношении разве лет через триста. На это Н<иколай> Ф<едорович> сказал, что он надеется, что через триста-то лет и литературы никакой не будет, а всякое слово у людей сейчас же будет переходить в дело.

Прощайте, Лев Николаевич, желаю вам доброго здоровья, а Софье Андреевне и всем передайте от меня поклон.

Р.С. Одно замечание относительно обмена: Ограничиться книжным обменом нельзя: от книги обмен естественно переходит к непосредственному обмену мыслями лицом к лицу, т. е. к съездам²².

Мой адрес: Зубов, Крымск, д. Матвеевой.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ²³
2 октября 1893. Москва

Москва, 2-го октября 93 г.

Милостивый Государь
Петр Иванович!

Не найдете ли Вы возможным дать место на страницах Вашего уважаемого издания прилагаемой при этом письме статье моей «Стены Кремля»? Проект, в ней предлагаемый, может быть, покажется слишком смелым, но внушен он глубоким почтением и горячею любовью к родной старине²⁴. Читавшие статью находят ее заслуживающею напечатания; предоставляя решение этого вопроса Вашему благоусмотрению, покорнейше прошу Вас не отказать сообщить мне Ваш ответ по прилагаемому адресу, чем меня очень обяжете.

С глубоким почтением остаюсь
Вашим покорным слугою

В. Кожевников.

Адрес: Арбат,
Калошин пер., д. Давыдова.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ²⁵
2 октября 1893. Москва

2 окт<ября> 93. Москва

Милостивый государь
Петр Иванович!

Благодарю Вас за скорый ответ и за добрый прием, оказанный моей статье. Будьте любезны дать мне возможность просмотреть корректуру, так как

мне хотелось бы сделать самую небольшую, но нужную вставку (всего несколько слов, напоминающих о том, что в 1900-м году истекает как раз 600-летие построению первых кремлевских стен князем Даниилом)²⁶.

Затем — покорнейшая просьба: нельзя ли мне при отпечатании статьи получить 30 экз<емпляров> отдельных оттисков ее? Если это количество превышает обычное по правилам редакции число, то позвольте добавочный расход по сверхкомплектным оттискам принять мне на мой счет.

С истинным почтением остаюсь Вашим покорным слугою

В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ²⁷

5 октября 1893. Москва

Москва. 5 окт<ября> 93.

Милостивый Государь

Петр Иванович!

На следующий день после передачи мною Вам моей статьи о росписи Кремля в № 272-м «Московских Ведомостей» появилась заметка о статье в № 10-м «Дневника Артиста», в которой излагаются результаты изобретения, сделанного нем<ецким> химиком Адольфом Кеймом, изобретения, дающего возможность предохранить стенную живопись «навсегда от всяких климатических, атмосферических и световых влияний»²⁸. Столь вовремя являющееся сообщение как нельзя более на руку моему проекту, рисковавшему, разумеется, быть обозванным фантастическим нашими художниками под предлогом крайней непрочности наружной стенной живописи. Вопрос этот теперь предстает в совершенно новом свете, и потому необходимо в статье сослаться на это важное обстоятельство. Чтобы не переделывать порядка изложения, лучше и проще всего было бы сделать коротенькое добавление в самом конце статьи, в виде *post-scriptum*'а²⁹. Прилагая эту добавку, убедительно прошу Вас потрудиться переслать ее в типографию, чтобы она не задерживала набора и корректуры; корректуру же благоволите своевременно приказать доставить мне; возвращу ее немедленно.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком уважении.

Ваш покорный слуга

В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ³⁰
12 ноября 1893. Москва

Москва, 12 ноября 93.

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый
Петр Иванович!

Очень желал я лично поблагодарить Вас за присылку двух интересных книжек «Архива», но болезнь не пускает: простудился, хвораю инфлюэнцею. Позвольте же письменно поблагодарить Вас. Прочитавши стихи Пушкина, я пришел к заключению, что они сами доказывают, кто их автор: Пушкина не подделать, несмотря на его классическую простоту!..³¹ Письма Хомякова и предисловие к ним очень интересны³². № 11-й еще не весь успел просмотреть.

Позвольте мне, глубокоуважаемый Петр Иванович, обратиться к Вам за одним советом. Дело вот в чем: я написал статью под названием «Бесцельный труд, „не-делание” или дело?», содержащую разбор взглядов на знание и на труд (по поводу последнего сочинения гр. Толстого «Не-делание»). Статью эту решил издавать отдельною брошюрою; но так как она будет не более четырех печатных листов, то подлежит цензуре³³, с цензурными же нравами я, признаюсь, совсем не знаком. Придирик быть не может (в этом я уверен); только боюсь, долго продержат и, чего доброго, передадут в духовную цензуру (хотя поводов к этому, по моему мнению, нет). Вот этих-то промедлений я и желал бы избежать, так как спешу изданием, пока не остыло впечатление толстовской статьи. И вот здесь моя покорнейшая просьба к Вам: будьте добры указать мне, каким образом добиться мне, чтобы статью процензурировали поскорее и без придирик. Говорят, будто много значит, к какому цензору попадет вещь? Если это так, не откажитесь пожалуйста известить, куда и [к] кому мне следует направиться для скорейшего окончания этого дела. Рекомендации Вашей и желал бы попросить, да не смею; откровенность же в вину мне не вмените.

Несколько Ваших слов в ответ на этот вопрос крайне меня обязали бы.

С чувством глубокого почтения

В. Кожевников.

P.S. Надеюсь, что моя просьба относительно отдельных оттисков «Стен Кремля» в свое время может быть исполнена.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ³⁴
15 ноября 1893. Москва.

15 нояб<ря> 93.

Милостивый Государь
Петр Иванович!

Глубоко тронут Вашею любезностью; взявши на себя труд представить мою статью в цензуру, Вы не только облегчаете, но и ускоряете мое дело, так как я, по болезни, все еще лишен возможности выезжать.

Приношу Вам мою искреннюю благодарность и прошу великодушно извинить за причиняемые хлопоты.

В статье этой (которую прилагаю) я старался разоблачить некоторые из модных предрассудков (так называемое «чистое знание», (неопределенный и не-реальный) прогресс, космополитизм и пр.), и хотя противопоставляемые им учреждения должны бы удовлетворить всякого непредубежденного человека, тем не менее я почти уверен, что фанатизм людей известного пошиба ошестинится на меня очень злобно, если только, что всего вероятнее, статья не останется, по неизвестности имени автора, просто не замеченною. Помещать же ее в журналах, представляющих собою так называемых «передовых людей», я отказался, чтобы не нарушать правила

Перед минутными богами
Своих колен не преклоняй³⁵.

Благодарю Вас за отписки³⁶, присылка их была как раз кстати.

Еще раз извиняясь за причиняемый Вам труд, а с чувством сердечной благодарности остаюсь глубоко уважающий Вас

В. Кожевников.

А. В. ОРЛОВ-ДАВЫДОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ³⁷
23 ноября 1893. Санкт-Петербург

Петербург
23 ноября 93.

Милостивый Государь
Петр Иванович,

Прочитав в ноябрьской книжке «Русского Архива» статью г. Кожевникова «Кремлевские стены», я решился написать по этому поводу свое мнение в прилагаемой при сем краткой заметке.

Если найдете возможным, прошу Вас поместить ее в будущей Декабрьской книжке Вашего журнала.

Пользуюсь случаем, чтобы просить Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. А. Орлов-Давыдов.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ³⁸
29 ноября 1893. Москва

Москва. 29 н<оября> 93.

Милостивый Государь
Петр Иванович!

Спешу поблагодарить Вас за доставленную мне 12-ю книгу «Русского Архива». Прилагая девять рублей, прошу зачислить меня в список подписчиков «Архива» на будущий 1894 г.

Скажите пожалуйста, нет ли какого слуха о судьбе моей статьи, находящейся в Цензуре? Вы высказали надежду, что она будет в скором времени разрешена к печатанию; но я начинаю думать, что с нею случилось какое-нибудь приключение: не попала ли она в «духовную» Цензуру? Или это просто — обычное промедление? Может быть, мне следует справиться в Комитете?³⁹

Простите мне эти вопросы; но я надеюсь, что, снисходя к той естественной слабости, которая называется авторским нетерпением, Вы не откажете мне в двух словах ответа об этом деле.

С чувством глубокого уважения, остаюсь Вашим покорным слугою
В. Кожевников.

А. В. ОРЛОВ-ДАВЫДОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ⁴⁰
30 ноября 1893 г. Санкт-Петербург

Петербург.
30 ноября 93 г.

Милостивый Государь
Петр Иванович.

Из письма Вашего от 25 ноября⁴¹ я вижу, что заметка моя могла бы повести к весьма нежелательной полемике. Она была написана не в оправдание плохого состояния окраски Кремлевских стен, а чтобы указать на неуместность предложения г. Кожевникова, который, между прочим, сам отвергает простую их побелку или окраску...⁴² Поэтому покорнейше прошу Вас ее не печатать, а подлинник мне возвратить. Бог даст, и без вырвавшегося у меня протеста кошмарическая мысль расписки Кремлевских стен историческими сюжетами никогда не осуществится.

Благодарю Вас за предостережение. [...]

Гр. А. Орлов-Давыдов.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ⁴³
9 декабря 1893. Москва

9 декабря 1893.

Глубокоуважаемый
Петр Иванович!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за оказанное и предлагаемое содействие по напечатанию моей статьи⁴⁴. Очень меня радует, что мысли, в ней изложенные (не мною «сочиненные»), Вы находите верными. Проверка другими даже и того, что кажется нам непреложною истиною, всегда желательна; тем более ценно мне ободряющее слово человека опытного и в мысли, и в жизни, и притом человека русского образа мысли в лучшем смысле этого слова.

С чувством истинного уважения остаюсь признательный Вам

В. Кожевников.

P.S. Статью, по некоторым соображениям, я решил издать отдельною брошюрою⁴⁵.

Находя на статье марку и предполагая, что на прошении была другая, возвращаю Вам этот сделанный за меня расход и благодарю Вас за эту услугу.

Ю. П. БАРТЕНЕВ — С. П. БАРТЕНЕВУ⁴⁶
31 декабря 1896. Москва

³¹/XII 96. Москва, М<алая> Грузинская, д. Балдина.

Дорогой Сережа! С новым годом, новым счастьем! Идут ли на лад твои занятия⁴⁷, а главное свеж ли и бодр ты? — У нас до сих пор еще нет прибавления, хотя ждем каждодневно⁴⁸: экзамен держу в январе; водой нагнанная бодрость начинает у меня исчезать и нервы опять пошаливают⁴⁹. — Великий доволен твоим письмом⁵⁰, но не потому что сам превознесен, дело его для него свято, а сам он не ищет ничего. Уже сильно он дряхлеет, а угаснет, такого светоча не найдешь. И как жалки, мелки и пошлы кажутся все пропахшие вонью себялюбия иные прочие «великие люди»!

Ваня через месяц вернется в Москву⁵¹. О делах своих пишет глухо. — Если будет общий всем интерес и сознание, что в разбивку ничего не сделаешь, то все и будут братья. Считать же, что у кн. Юсупова нет общего с рванцем, и называть Христа царем лишь бедных, признак мелкого ума. Все мы — мікроівроці⁵². Как все великие мысли — система Н<иколая> Ф<едоровича> такова, что, узнав ее, удивляешься, да как же такой простой вещи раньше не видели, и этой слепоте верить не хочешь.

Крепко целую тебя.

Твой Юрий.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Г. П. ГЕОРГИЕВСКОМУ⁵³
Февраль 1898. Москва

Глубокоуважаемый
Григорий Петрович

Чтение пасквиля «Сев<ерного> Вестника» не произвело на меня даже того краткого раздражения, которое подобные пошлости способны иногда вызывать. Несмотря на все желание поднять на смех статью, этот болтун принужден сознаться, что «идеал», выраженный в статье, есть идеал «действительно величавый», что осуществление его желательно и что к «упованиям» автора статьи даже и автор рецензии присоединяется. *Ab hoste consilium!*⁵⁴ Значит, суть статьи дельна и хороша! Зачем же сквернословить по ее поводу? На это дано 2 ясных ответа.

1-й: «г. К<ожевник>в из „Русского Вестника“...» *Sapienti sat!*⁵⁵ по мнению автора рецензии. Если «из «Русского Вестника», думает он, — значит надо сквернословить и на автора, и на журнал: автору достается в начале «Критики»(!), журналу — в конце; а насколько справедливо то и другое, вид но относительно автора — из вышеприведенного самосознания рецензента, а относительно журнала — уже из того факта, что журнал этот, будто бы отличающийся «человеконенавистничеством», напечатал статью, посвященную (по собственному признанию рецензента) проповеди «любви всеобщей и всеобъемлющей»; проповеди, которую даже недобросовестно относящийся к делу критик называет «истинновеличавым обращением». Хорошо человеконенавистничество! Хорошо и критическое беспристрастие рецензента!

2-я причина, вызвавшая болтовню, не менее характерна. Высказана она столь же ясно. Автор, видите ли, усматривает в народном мировоззрении глупину, возвышенность, нравственность. Оказывается, что с точки зрения новейшего либерализма (после юбилея Златовратского⁵⁶, разъяснившего отношение либерализма к народничеству) приписывание народу всего вышесказанного есть грех, за который передовые писатели должны карать отсталых, сочувствующих народному мировоззрению, что и предпринимает анонимный поборник «всеобщей любви». Он настолько не допускает возможности присутствия в жалком плебсе «возвышенно-нравственных» убеждений, что не колеблется заподозрить автора статьи в том, что он «придумал» опрос и сочинил ответы представителей народного мировоззрения, пользуясь своим умением владеть народным языком. Но что же возражать на такие подозрения, а главное, на такое презрительное отношение к народу? Я, по крайней мере, слишком люблю свой народ, родной, братский, русский, и слишком высоко ставлю его достоинство, чтобы оскорбляться на подобные отзывы о нем. Тем не менее маленький случай этот невольно вызывает на вопрос: «Кто же народолюбцы?»

С совершенным почтением

В. Кожевников.

P.S. Прошу Вас передать мой поклон Николаю Ф<едорович>чу и прочесть ему это письмо. Сожалею, что никак не удосужусь лично поговорить с Вами и с ним.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Л. Н. ТОЛСТОМУ⁵⁷

17 апреля 1898. Воронеж

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Решаюсь послать Вам небольшую статейку под заглавием «Каменные Бабы»⁵⁸. Если Вам тяжело будет прочесть всю статью, то не прочтете ли то, что очерчено карандашом и чернилами.

Примите уверение в глубоком почтении и совершенной преданности

Н. Петерсон.

17 апреля 1898 года

Г<убернский?> г<ород> Воронеж, Острожный Бугор, дом № 4-й.

Бесконечно буду счастлив, если посылаемая статья настолько обратит Ваше внимание, что Вы найдете нужным отозваться на нее.

М. А. ВЕНЕВИТИНОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁵⁹

24 июня 1898. Животинное

Животинное $\frac{24}{VI}$ 1898 г.

Милостивый Государь

Николай Павлович,

Ваше письмо с приложением статей из газеты «Дон»⁶⁰ застало меня в Москве среди хлопот отъезда. Чрез Воронеж, не останавливаясь, проехал я в деревню на прошлой [неделе]. Вот почему до сих пор не успел ответить Вам искреннюю признательность за Ваши интересные сообщения. Статьи Николая Феодоровича так любопытны, что я решаюсь просить Вашего позволения оставить у себя полученные от Вас газетные вырезки и убедительно просить Вас не отказать мне в доставлении дальнейших произведений Николая Феодоровича, если они будут появляться в «Дону», которого я не получаю, а в Музейском экземпляре их трудно отличить за отсутствием авторской подписи.

Известие, появившееся в газетах, о даровании наконец денег на ремонт Музея⁶¹, по всей вероятности, должно было порадовать Николая Феодоровича. Очень бы хотелось с ним повидаться в один из предстоящих мне в Воронеж приездов. Позвольте мне надеяться при этом на Ваше любезное содействие.

Еще раз благодарю Вас и прошу принять уверение в истинном уважении
Искренно Вам преданного

М. Веневитинова.

В случае необходимости написать мне в деревню, мой адрес известен секретарю Дворянства, Николаю Васильевичу Русину⁶², который может доставить мне Ваше письмо.

С. Е. ЗВЕРЕВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ⁶³

22 октября 1898. Воронеж

22 окт<ября> 1898

Достоуважаемый Владимир Александрович. Шестьдесят рублей, а с прежними всего — триста (300) рублей на нужды Музея я получил⁶⁴.

Ваше пожертвование — крупное событие в жизни Музея, и я в первое же заседание Статистического Комитета предложу избрание Вас в члены Комитета (при котором Музей «состоит»)⁶⁵.

С своей стороны благодарственно бью Вам челом.

С интересом прочитал Ваши брошюры⁶⁶. Помню, что я обещал прислать Вам некоторые из своих работ и все труды Комитета, какие имеются в продаже. Получили Вы что-нибудь или нет? Ответьте, при случае, хотя бы Николаю Павловичу...⁶⁷

Да хранит Вас Господь!

Искренно уважающий Вас

Священник Ст. Зверев.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Г. П. ГЕОРГИЕВСКОМУ⁶⁸

16 января 1899. Москва

16 янв<аря> 99.

Глубокоуважаемый

Григорий Петрович!

Мне пришлось, по желанию Николая Федоровича, написать статью «К вопросу об умиротворении»⁶⁹, которую я хотел уже было отослать ему; но подумал, что, может быть, она подойдет в «Современную Летопись» «Русского Вестника», и потому заходил к Вам познакомить Вас с нею. Не заставши Вас, прошу, если можно, завтра побить⁷⁰ в Музее к 10 час. утра, куда я зайду, или не зайдете ли Вы ко мне сегодня вечером в 5 час. (и до 6 час.)? Если статья окажется подходящей и пройдет в цензуре, ее следовало бы напечатать [в] февральской книжке, так как вопрос рассматривается изменяющийся изо дня в день и в марте кое-что может оказаться уже непригодным.

Уважающий Вас

В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Г. П. ГЕОРГИЕВСКОМУ⁷¹
23 января 1899. Москва

23 янв<аря> 99.

Глубокоуважаемый
Григорий Петрович!

Если статья «К вопросу об умиротворении» имеет быть напечатана⁷², прошу Вас из корректуры ее вычеркнуть на 2-й странице (в конце) или в начале 3-ей фразы: «Султан подписывает прадэ о сформировании новых 12 полков кавалерии»⁷³. Фраза эта — неудачная обмолвка: факт верен, но он не подходит к предыдущим, так как впереди говорится о мероприятиях западных,

конституционных правителей, а к таковым Султан, несмотря на свою дружбу с рыцарем Вильгельмом⁷⁴, причислен быть не может.

Уважающий Вас

В. Кожевников.

П. К. КОЗЛОВ — Г. А. КОЖЕВНИКОВУ⁷⁵
23 января 1899. Санкт-Петербург

²³/I С<анкт>-Петербург — Столярный, 6

Многоуважаемый
Григорий Александрович!

Спешу ответить на Ваш вопрос о метеорологических наблюдениях, производимых на станции «Люкчинской» — у южного подножия Тянь-Шаня. Двухгодичный материал по климатологии обработан генералом Тилло и в скором времени будет сдан в печать в специальный том (III) трудов нашей минувшей экспедиции⁷⁶. — В печати результат наблюдений в отрицательной изменности может появиться на свет не скоро — не ранее осени, а то и позже нынешнего года.

Что же касается постановки дела — исследования метеорологической станции в Центральной Азии, то надо заметить следующее. Задача организации обсерватории была возложена на нас, идущих чрез Люкчюнскую котловину к Тибету. Мы же захватили с собою все необходимые инструменты и казака, подготовив последнего к обстоятельному ведению дела⁷⁷. На этот предмет экспедиция располагала лишними добавочными средствами.

Устраивая станцию в целях Геогр<афического> общ<ества>, мы в то же время воспользовались ею как складочным пунктом своей экспедиции и приобретением, чрез толкового казака, многих ценных зоологических, [1 слово неразб.] и археологических коллекций⁷⁸.

До свидания. Не знаю, удовлетворил ли Вашу просьбу. С почтением и преданностью

Ваш П. Козлов.

В. И. СРЕЗНЕВСКИЙ — С. Е. ЗВЕРЕВУ⁷⁹
7 февраля 1899. Санкт-Петербург

Библиотека Императорской Академии Наук

27 фев<аля> 99.

С<анкт>-Петербург.

Милостивый Государь
Степан Егорович!

Не будете ли Вы так добры, не окажете ли мне Вашего просвещенного содействия указанием, где можно найти бумаги и главным образом корреспонденцию Ваших воронежских жителей, покойных, Де Пуле и Хованского⁸⁰. Дело в том, что в настоящее время я приступаю по поручению Академии наук к изданию переписки моего отца Измаила Ивановича Срезневского⁸¹. Желание собрать сколько возможно большее количество писем отца побуждает меня искать его письма и к упомянутым лицам, с которыми он был в давних сношениях: если письма не пропали, нельзя ли снять копии с них или попросить о высылке сюда для скопирования? Чрезвычайно обязали бы меня сообщением мне этих сведений. — Рукопись ставленных грамот пр. Митрофана⁸², бывшая у Вас, разыскана. — Не знакомы ли Вы с Н. Ф. Федоровым, бывшим библиотекарем Румянцевского музея? Если да, прошу Вас передать ему мой искренний привет и низкий поклон. — Желая Вам всего лучшего, остаюсь

Ваш покорный слуга Вс. Срезневский.

Н. В. ВЕРЕТЕННИКОВА — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁸³
2 марта 1899. Воронеж

Воронеж
2 марта 99 г.

Милостивый Государь.

Простите, что снова беспокою Вас. Не будете ли Вы добры ответить на несколько вопросов по тому же адресу?

1). Когда вернется из Москвы Н. Ф. Федоров, и вернется ли сюда?

2). Не писал ли он Вам что-ниб<удь> о последних днях Я. Ф. <Браве>? Он попал на его похороны и написал в «Курьер» Некролог?⁸⁴

3). Могу ли просить Вас известить меня о дне его возвращения, если оно будет? Я больна, но надеюсь поправиться и ужасно хочу видеть Н. Ф. Федорова.

Живу — Острожный бугор, д. № 1, кварт. Мазуренко. Н. В., т. е. Надежда Васильевна Веретенникова.

Из Москвы ни слова в ответ на мои вопросы. М<ожет> б<ыть>, думают, что я уехала. Но я уже вернулась 28 февраля.

И. М. ИВАКИН — Н. Н. ЧЕРНОГУБОВУ⁸⁵

9 марта 1899. Москва

Многоуважаемый

Николай Николаевич!

Не знаете ли Вы адрес Дена?⁸⁶ Если знаете, сообщите пожалуйста: к нему есть письмо от Н. Ф. Федорова⁸⁷. Сообщите также, если можете, когда можно его застать дома (Рум<янцевский> музей, где он занимается, для меня недо-стижим).

И. Ивакин.

1899 марта 9.

Н. Н. ЧЕРНОГУБОВ — И. М. ИВАКИНУ⁸⁸

9 марта 1899. Москва

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Адрес Владимира Эдуардовича Дена: Штатный переулок, д. Краморева. Когда же можно застать его дома, наверное не знаю, думаю, что всего скорее — часа в 4.

Ваш Н. Черногубов.

9-го марта 1899.

С. Е. ЗВЕРЕВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ⁸⁹

30 апреля 1899. Воронеж

30 апреля 1899

Досточтимый

Владимир Александрович.

За Ваше новое пожертвование на нужды Музея новая Вам благо дарность⁹⁰. На нас, ближайших работников по Музею, Ваше внимание действует ободряюще. Работы еще много впереди, а «делателей мало».

Недавно скончался почетный член нашего Комитета Алексей Андреевич Хованский, основавший в 1867 г. в Воронеже ученый журнал «Филологические Записки» и 38 лет редактировавший это издание. Стараниями местной интеллигенции ему устроены общественные похороны, а вместо венка на его могилу положено основать стипендию его имени в одном из учебных заведений г. Воронежа. Ваш покорный слуга взял на себя труд собирать добротные пожертвования на это дело. Как значится в приложенном при сем листке, собрано уже свыше 500 рублей. Не откликнется ли и Ваша добрая душа на святое дело?

Уважающий Вас

Священник Ст. Зверев.

Р.С. Может быть, откликнется кто-нибудь из Ваших знакомых филологов. Николай Федорович говорил мне, что в Румянцевской библиотеке большой спрос бывает на «Филологические Записки». Недаром трудился покойный. Почтим же его память! Немного на Руси таких самоотверженных деятелей, каким был Хованский.

Н. Я. ПЯСКОВСКИЙ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ⁹¹

29 марта 1901. Москва

Христос Воскресе!*

Милостивый Государь

Владимир Александрович!

Ваше «учение о воскресении как средство против наших ** общественных недугов»^{***92} и моя лекция: «как мыслил В. С. С<оловьев> и т. д.»^{****93} преследуют совершенно разные цели и задачи. Ясно поэтому, что Вы и не могли в моей лекции найти того, чего ожидали от ее программы. Очевидно, Вы рассматривали программу моей лекции совершенно независимо от самого заглавия лекции...^{*****} Впрочем, я постараюсь ответить на Вашу критическую заметку по ее рубрикам.

Вы говорите: «недостаточно сказать, что воскресение дает смысл жизни... Воскресение дает не один смысл, но и цель жизни...» Думается мне, что «цель жизни» есть только привходящее понятие в более общем понятии «смысл жизни».

Все указываемые Вами критики не мои, а принадлежат В. С. Соловьеву. Поэтому *Вы критикуете* не меня, а Соловьева... Историч<еские> и философск<ие> аргументы, доказывающие воскресение, относятся *собственно к воскресению Христа*, а уже через него ко всем без изъятия людям. Из этих аргументов я выставил часть, взятую у В. Соловьева, и часть у проф. П. Светлова⁹⁴.

Вы говорите, что произнести фразу: «воскресение — не только идея, но и факт», — «это уже одно смелость в наше гнусное время». Вы советуете даже сделать поправку: «Воскресение пока еще не факт, но оно и не идея; оно еще не объективное, но и не субъективное, а *проективное*». Вы, очевидно, в этом пункте, вероятно, меня не поняли. Я говорил, что воскресение *Христа*^{*****} не идея, а факт, и при том совершившийся, совершенно реальный, исторический

* Смертию смерть поправый и сущим во гробех жизнь дароваый. Христос *воскресший* есть вместе и *воскрешающий*, как глава Церкви вселенской. (*Здесь и ниже на странице приписки Н. Ф. Федорова.*)

** жизнепагубных.

*** т. е. восстание сынов на отцов.

**** о воскресении.

***** Слова «Христос» нет ни в заглавии, как нет и в программе.

***** Слова «Христос» не было в программе, да и странно говорить о личном воскресении, как (общей) идее. Можно сказать: «Воскресение Христа, не как наше представление, а как действительность».

факт, а Вам угодно говорить о всеобщем воскресении, т. е. о будущем факте, в котором нас убедил Христос. Мне думается, что Ваш термин «проективное воскресение» несколько напоминает различные термины архитекторов, инженеров и т. д., которые могут и не осуществляться, оставаясь на планах. То ли следует сказать о верном свидетельстве Самого Богочеловека?!

Вы говорите, что в моей лекции Вы «ожидали найти средств против наших ребяческих революций», что «вместо дела воскресения» Вы «слышали о бессмертии души...»

Конечно, предела человеческим желаниям и ожиданиям нет! Но я крайне сожалею, что Вы, не вдумавшись хорошенько в заглавие моей лекции, трактуящее (заглавие) только лишь о том: «как мыслил В. Соловьев о воскресении» и, кроме того, «о значении его философии для гигиены духа», слишком широко поняли программу моей лекции. Я взял на себя очень скромную задачу познакомить своих слушателей с тем, как В. Соловьев мыслил о воскресении. В пределах этой рамки, по моему крайнему разумению, я выполнил свою скромную задачу; я не только передал пересказ мыслей В<ладимира> Сер<гееви>ча, но и делился по вопросу о воскресении подлинными цитатами незабвенного философа из его знаменитой книги «Оправдание добра».

Во исполнение Вашего желания я, ничего не имея против напечатания Вашей заметки⁹⁵, препровождаю Вам ее.

С совершенным почтением остаюсь готовый к услугам Вашим

Николай Пясковский.

29 марта. [1]901.

Москва.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — В. Я. БРЮСОВУ⁹⁶

Конец января — первая половина февраля 1904. Москва

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Благодарю Вас за присылку статьи Н<иколая> Ф<едорови>ча. В ней, если не поздно, следовало бы на 22-й странице после слов «один из искренних славянофилов» прибавить в тексте или в сноске «В. Н. Каразин, основатель Харьковского Университета»; без этого пояснения текст для большинства читателей останется непонятным. Фусс же был петербургским академиком, не сочувствовавшим идеям Каразина.

Уважающий Вас В. Кожевников.

* Вс<еобщее> воскреш<ение> есть исполнение всеобщим трудом воли Бога отцов, живых, а не мертвых. (Притиска Н. Ф. Федорова.)

Д. И. СУБОТИЧ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁹⁷
4 апреля 1902. Ашхабад

4 апреля 1902
Асхабад

Милостивый Государь
Николай Павлович

Очень Вам признателен за присылку вырезок из газеты, а теперь за Ваше любезное письмо.

К сожалению, Главная физическая обсерватория *отказала* в средствах к учреждению в Асхабаде Центральной метеорологической станции, ссылаясь на устройство такой станции в Ташкенте⁹⁸. Хотя я не сложил еще оружие и веду это дело дальше, но я должен признаться, что не имею надежды на успех.

Таким образом и Ваша мечта о наблюдениях, или, лучше сказать, — *об опытах* на Капет-Даге⁹⁹, пока неосуществима, ибо Область не имеет ни материальных средств, ни свободных интеллектуальных сил для этого дела, *не смотря на его важность и на его интерес для края*, находящегося в столь тяжелых условиях.

Искренне преданный

Д. Суботич.

Е. И. СОКОЛОВ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ¹⁰⁰
27 июля 1902. Воскресенск

Глубокоуважаемый Владимир Александрович,

С большим удовольствием слушал чтение Вашей статьи* о Новом Иерусалиме¹⁰¹, хорошо бы напечатать ее в «Московских Ведомостях», в назидание интеллигентам.

Ваш искренний почитатель

Е. Соколов.

27 июля 1902.
Новый Иерусалим

В. Я. БРЮСОВ — Н. Н. ЧЕРНОГУБОВУ¹⁰²
27 июля 1902. Москва

27 июля 1902

Жалею, дорогой Николай Николаевич, что не застали меня. Благодарю за Леонардо. Нельзя ли воспользоваться Вашим покровительством в Арх<иве> Мин<истерства> Ин<остранных> Дел. Вы более меня знаете Ив<ана>

* Я не всю статью читал Е<гору> И<ванови>чу. (Примеч. Н. Ф. Федорова.)

Фед<оровича>¹⁰³, я же видел его лишь однажды. Хотя он и по «вольному найму», но все же, вероятно, может помочь мне в весьма неважном деле. Мне надо написать два прошения Пушкина, уже напечатанные, так что без-ценные¹⁰⁴. №№ их по Архиву я знаю. Мог бы я просить о покровительстве Ю<рия> Петр<овича>¹⁰⁵, но он уехал, да и не хочется, по правде сказать. А без знакомства всегда в архивах не свободно. Если можете, окажите мне эту услугу. Я могу быть в Арх<иве> в любой день¹⁰⁶.

Ваш Валерий Брюсов.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Г. П. ГЕОРГИЕВСКОМУ¹⁰⁷
13 января 1904. Ашхабад

Милостивый Государь
Григорий Петрович!

Узнавши о доставлении неизвестным лицом в Московский и Румянцевский Публичные Музеи письма Достоевского, написанного в марте 1878 г. ко мне в г. Керенск, Пензенской губ., и принадлежащего мне, — изъявляю полное согласие на оставление этого письма в Музеях навсегда, и вместе с тем прошу, чтобы право опубликования его было предоставлено Владимиру Александровичу Кожевникову¹⁰⁸.

Примите уверение в совершенном почтении всегда готового к Вашим,
Милостивый Государь,
услугам

Н. Петерсон

13 января 1904 года,
Асхабад, Закаспийской обл.

(Комментарии к тексту см. в дополнительном томе.)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ, Л. Н. ТОЛСТОМ, В. С. СОЛОВЬЕВЕ	3
Предисловие к изданию письма Ф. М. Достоевского	5
О первом приветствии письму Достоевского	11
Письмо Ф. М. Достоевского (в соавт. с <i>Н. П. Петерсоном</i>)	12
К истории долга воскрешения и плана исполнения этого долга	12
При издании письма Ф. М. Достоевского сделана <i>большая ошибка</i>	13
Союз с Достоевским очень невыгоден для нас	14
«Произошло столкновение двух самых противоположных идей...»	15
Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект	15
Статья – «В чем счастье»	16
Критика Михайловского не осуждение	17
<i>Страшный вопрос</i> для самого автора этой статьи оказывается не столько еще страшным	17
Получен ответ от Л. Н. Толстого на письмо И. М. Ивакина по вопросам о книжном обмене	18
В чем должно состоять истинное торжество земледельца, или решение как страшного, так и забавного якобы вопросов, и в чем состоит общий труд?	19
Наука, которая есть кой-какие выводы из наблюдений, сделанных кой-где, кой-когда и кой-кем	20
О великом синтезе, синтезе деловом, <i>синтезе дела</i> и внутреннего, и внешнего	21
О свободе, как идоле XIX-го века – обратная сторона ее	22
Добавления к статье «В защиту дела и знания...»	23
В <i>сыне</i> человеческом дан не только долг, но и <i>содержание</i> долга	25
К статьям о Л. Н. Толстом	26
Что такое добро	27
Об истине и красоте в статье Толстого «Что такое искусство?»	29
Панегиристу смерти – величайшему лицемеру нашего времени	32
Разговор с Л. Н. Толстым (в соавт. с <i>Н. П. Петерсоном</i>)	33
Ключ к вопросу о супраморализме и имморализме как коренному вопросу нашего времени	36
По поводу статьи Л. Толстого: «Не убий»	37
Вы несомненно больше, чем Голиаф, и я несомненно несравненно меньше, чем Давид	42
Письмо к Синоду, можно сказать, ничего не говорит о Православии	43
...не давать этих игрушечек, этих кружочков, по его выражению	44
...[про]грессом, т. е. признанием превосходства младших над старшими, последующих над предыдущими	45
«Резюме» философии Л. Толстого	46
Мне пришлось быть очевидцем превращения знаменитого художника в плохого философа	47
В конце сентября 1881 познакомился с Толстым	48
Автор статьи «Великий спор»	48

По поводу стараний Соловьева о соединении с Римом	49
Замечания на статью В. С. Соловьева «Еврейство и христианский вопрос» ..	51
Стихотворение «Из Лонгфелло», переведенное Соловьевым	53
Пока Соловьев суетился.....	53
Еще раннею весною 1889 Соловьев говорил	54
Приписки Н. Ф. Федорова на реферате В. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания»	54
По поводу статьи В. С. Соловьева «Народная беда и общественная помощь»	55
Безгрешному пророку непогрешимого папы, самозванному пророку	58
Коротенькая заметка в «Русском Архиве» оказалась не совершенно бесплодною	59
«Чем более человек <i>развит</i> , тем менее ему нужно внешнего, наружного...» ..	60
[Братство и отечество свое полное выражение получают в объединении живущих для воскрешения умерших]	61
Заметки к полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева	62
Прибавления и поправки к письму к Чичерину	67
По поводу «Краткой повести об Антихристе»	67
Стихотворение Соловьева, относящееся к году пребывания в Лондоне	74
Кончилась ли всемирная история? (в соавт. с <i>В. А. Кожевниковым</i>)	74
Последняя лекция В. С. Соловьева в Санкт-Петербургском университете 25 февраля 1882 <года>, литографированная студентом В. Казанским по тексту Соловьева, «Жизненный смысл христианства»	76
Заметки по поводу лекции Н. Я. Пяковского «Как мыслил Вл. Соловьев о воскресении»	77
Заметки о статье В. С. Соловьева «Лермонтов»	80
Абсолютный мимитизм и безусловный окцидентализм Владимира Соловьева	88
АСХАБАДСКАЯ ПОЛЕМИКА	91
По поводу полемики о «Блаженной жизни»	93
По поводу статей г-на Pensoso «Блаженная жизнь» и «Кругом да около» (№№ 3 и 20 газеты «Асхабад» 1902 г.)	95
Последнее слово к г-ну « <i>Pensoso</i> » (по поводу статьи его «Свобода на рознь» в № 47-м «Асхабада» за 1902 г.)	99
Несколько слов о Ницше	101
Пolemика и война, или «О двух войнах»	103
Еще о смысле и цели (в соавт. с <i>Н. П. Петерсоном</i>)	105
СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ РАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ	111
Ассирия и Урарту (Историко-психологические наброски)	113
«Московские Ведомости» и «Вестник Европы»	118
По поводу брошюры В. А. Кожевникова «Бесцельный труд, „неделание” или дело?»	120
Что же такое мы, т. е. славяне?	122
К Кирееву	123
После торжества над Славянофильством	127
«Жить-действовать». Статья кн. В. Ф. Одоевского	127

<i>После отправки письма начинается раздумье и недовольство</i>	128
Заявления о нежелании воскресения, о нежелании быть воскрешенными	129
Три ужаса	130
К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь	131
Свобода на рознь и свобода на ложь	138
Журналистика, что она есть и чем должна быть	139
<i>Авторский долг или авторское право?</i>	140
Долг и свобода	140
При входе на выставку	141
Для нас, для России <i>нынешний голод</i>	142
В сочинении Ермолова (министра) «Неурожай и народное бедствие» есть вопрос	143
В <i>голодный 1891 год</i> появился проект <i>подходящего налога</i>	143
К воинской повинности	144
Разбор статьи «В защиту дела [и знания...]	145
Решение Трансваальского Volksraad'a	145
О стадной переписи	146
Россия и дальний Запад	146
«Россия в будущем», – говорили многие	146
Ницше жалуется	147
Микробопатия – новая болезнь общественного тела	147
Цена жизни?	148
Юбилей революции!	149
Аллеида к «Пасхальным вопросам»	149
<i>Две мечты: немецкая и славянская</i>	149
О родовом совершеннолетии	150
Противоположность XIX и XX века	151
Что именно означает осуществление ожидаемого?	151
«Буддизм отвергал авторитет Вед...»	152
Доброе дело – фрашко-керете	152
Реализм и мистицизм	152
Набат к светским и духовным, православным и инославным, военным и гражданским, к 3-ему Риму	153
Папист Кожевников и Ивакин твердо уверены	154
[Видение 1-ое:] Видит он грозовые тучи на небесах	155
Теперь, когда признано, что падающие звезды	155
Отрывки и наброски	156
Заметки личного характера	161

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «БИБЛИОТЕКИ И МУЗЕЙНО- БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»	169
Автору статьи «Московских Ведомостей»	171
Органы гласности, конечно, не должны сами бояться гласности	172
Статью «Дона» № 122 1896 года следовало бы называть « <i>Призывом к Поминовению</i> »	172
Юристу и экономисту Браве, как автору истории (нечестивой) музея	173

24. Н. П. Петерсону. 20 мая	209
25. Н. П. Петерсону. 14 июля	209
26. Н. П. Петерсону. 23 июля	210
27. Н. П. Петерсону. 29 июля	210
28. Н. П. Петерсону. 22 августа	210
29. Н. П. Петерсону. 12 сентября	211
30. Н. П. Петерсону. 21 ноября	211
1879	
31. Н. П. Петерсону. 24 мая	213
32. Н. П. Петерсону. 31 мая	213
1880	
33. Н. П. Петерсону. 8 января	214
34. Н. П. Петерсону. 23 октября	214
1882	
35. Н. П. Петерсону. 12 января	216
36. А. Е. Викторову. 16 мая	217
1884	
37. Н. П. Петерсону. После 22 апреля. <i>Черновое</i>	218
1887	
38. Н. П. Петерсону. 20 августа	219
1888	
39. Н. П. Петерсону. 19 января	220
40. Н. П. Петерсону. 11 февраля	221
41. Н. П. Петерсону. 9 сентября	222
42. Н. П. Петерсону. Между 9 сентября и началом октября	223
43. Н. П. Петерсону. 14 октября	224
44. Н. П. Петерсону. 22 декабря	224
1889	
45. Н. П. Петерсону. 1 января	226
46. Н. П. Петерсону. 5 марта	227
47. Н. П. Петерсону. 26 апреля	228
48. Н. П. Петерсону. 18 сентября	229
1890	
49. Н. П. Петерсону. 22 марта	230
50. Н. П. Петерсону. 28 мая	230
51. Н. П. Петерсону. 19 сентября	231
52. Н. П. Петерсону. 27 сентября	232
53. Н. П. Петерсону. 6 октября	233
1891	
54. Н. П. Петерсону. 5 июня	235
55. Ю. В. Петерсон. 19 июля	235
56. Н. П. Петерсону. 8 августа	236
57. Н. П. Петерсону. Между 8 и 20 августа	236
58. Н. П. Петерсону. 20 августа	237
59. Н. П. Петерсону. 6 сентября	240
60. Н. П. Петерсону. Между 5 и 15 октября. <i>Черновое</i>	241

61. Н. П. Петерсону. 16 октября	242
62. Н. П. Петерсону. 27 октября	243
63. В. С. Соловьеву. Конец октября – начало ноября. <i>Черновое</i>	244
1892	
64. Н. П. Петерсону. 4 января	246
65. Н. П. Петерсону. 10 января	246
66. Н. П. Петерсону. 26 марта	247
67. Н. П. Петерсону. 27 апреля	248
68. Н. П. Петерсону. 8 июня. <i>Черновое</i>	250
69. Н. П. Петерсону. 3 сентября	251
70. С. С. Слуцкому. Между 13 и 23 сентября. <i>Черновое</i>	252
71. Н. П. Петерсону. Октябрь. <i>Черновое</i>	253
72. Н. П. Петерсону. 18 декабря	253
1893	
73. Н. П. Петерсону. Март. <i>Черновое</i>	255
74. Архимандриту Антонию (Храповицкому). 30 марта	256
75. Н. П. Петерсону. 23 августа	257
76. Н. П. Петерсону. Между 25 сентября и 30 октября. <i>Черновое</i>	258
77. В. В. Верещагину. Не ранее осени. <i>Черновое</i>	260
78. В. А. Кожевникову. Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. <i>Черновое</i>	261
79. Н. П. Петерсону. Между 15 ноября 1893 и 23 января 1894. <i>Черновое</i>	262
80. И. А. Борисову. Между 22 и 25 декабря. <i>Черновое</i>	264
1894	
81. В. А. Кожевникову. 11 марта	266
82. А. И. Введенскому. После 15 марта. <i>Черновое</i>	267
83. Н. П. Петерсону. 30 мая	268
84. Н. П. Петерсону. Между 30 мая и 15 июня. <i>Черновое</i>	269
85. В. И. Срезневскому. 18 июня	270
86. Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров – В. А. Кожевникову. 17 июля	271
87. В. А. Кожевникову. 25 июля	272
88. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 25 июля	272
89. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 27 июля	277
90. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. Начало августа	278
91. Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров – В. А. Кожевникову. 13 августа	280
92. В. А. Кожевникову. 20 августа	281
93. Н. П. Петерсону. Конец августа–начало сентября. <i>Черновое</i>	282
94. П. С. Мироносицкому. Конец августа–начало сентября. <i>Черновое</i>	283
95. В. А. Кожевникову. Сентябрь	284
96. В. А. Кожевникову. 14 сентября	284
97. Н. П. Петерсону. 21 октября	285
98. В Московский цензурный комитет. После 20 декабря. <i>Черновое</i>	285
99. П. П. Мироносицкому. Не ранее конца 1894. <i>Черновое</i>	286

100. В. А. Кожевникову. <i>Черновое</i>	288
101. Н. П. Петерсону. 28 февраля	289
102. Н. П. Петерсону. Между 28 февраля и 7 апреля. <i>Черновое</i>	290
103. Н. П. Петерсону. 7 апреля	290
104. А. А. Кирееву. Не ранее 1 марта. <i>Черновое</i>	291
105. В. М. Владиславлеву. 17 июня	293
106. В. Н. Мак-Гахан. Конец сентября. <i>Черновое</i>	294
107. И. А. Линниченко. Между 30 сентября и 2 октября. <i>Черновое</i>	294
108. Н. П. Петерсону. 1 октября	295
109. Н. П. Петерсону. 27 октября	296
110. В. А. Кожевникову. Ноябрь — начало декабря. <i>Черновое</i>	296
111. Н. П. Петерсону. 30 октября	298
112. Н. П. Петерсону. 15 ноября	298
113. В. А. Кожевникову. Декабрь	300
114. В. А. Кожевникову. 27 декабря	300

1896

115. Н. П. Петерсону. 15 февраля	303
116. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 22 марта	303
117. В. А. Кожевникову. 2 апреля	305
118. Н. П. Петерсону. 26 апреля	307
119. Н. П. Петерсону. 28 мая	308
120. Н. П. Петерсону. 6 июня	308
121. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 15 июля	309
122. В. А. Кожевникову. 7 августа	311
123. В. А. Кожевникову. 1 сентября	312
124. В. С. Соловьеву. Осень 1896 – весна 1897. <i>Черновое</i>	313
125. Н. П. Петерсону. Декабрь	314

1897

126. Н. П. Петерсону. Февраль. <i>Черновое</i>	316
127. Н. П. Петерсону. 6 мая	317
128. В. А. Кожевникову. 19 августа	317
129. В. С. Соловьеву. Сентябрь – декабрь. <i>Черновое</i>	318
130. Н. П. Петерсону. 19 ноября. <i>Черновое</i>	321
131. В. А. Кожевникову. Последняя треть ноября – начало декабря. <i>Черновое</i>	322
132. В. А. Кожевникову. Не ранее декабря. <i>Черновое</i>	323

1898

133. В. А. Кожевникову. Январь. <i>Черновое</i>	325
134. Н. П. Петерсону. 3 января	325
135. В. А. Кожевникову. Между 6 и 30 января. <i>Черновое</i>	326
136. Н. П. Петерсону. Январь – февраль	327
137. Н. П. Петерсону. 24 февраля. <i>Черновое</i>	328
138. Н. П. Петерсону. 24 марта	329
139. В. И. Срезневскому. Между 24 и 29 марта	331
140. В. А. Кожевникову. 2 апреля	331
141. В. А. Кожевникову. 9 апреля	331

142.	В. А. Кожевникову. Между 9 и 12 апреля. <i>Черновое</i>	332
143.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 12 апреля	333
144.	М. А. Веневитинову. 16 апреля	334
145.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 8 июля	335
146.	В. А. Кожевникову. 10 июля	336
147.	В. А. Кожевникову. Между 8 и 12 июля. <i>Черновое</i>	338
148.	В. А. Кожевникову. Между 8 и 12 июля. <i>Черновое</i>	340
149.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 12 июля	341
150.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 13 июля	342
151.	Л. Г. Соловьеву. Между 24 июля и 12 августа. <i>Черновое</i>	343
152.	В. А. Кожевникову. 25 июля	343
153.	В. А. Кожевникову. Конец июля. <i>Черновое</i>	344
154.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 4 августа	344
155.	Н. П. Петерсону. После 23 августа	345
156.	В. А. Кожевникову. Между 15 и 25 августа. <i>Черновое</i>	346
157.	В. А. Кожевникову. 25 августа	346
158.	Н. П. Петерсону. Между 28 сентября и 3 октября. <i>Черновое</i>	347
159.	В. А. Кожевникову. 21 октября	347
160.	Г. А. Джаншиеву. 25 октября. <i>Черновое</i>	349
161.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 17 ноября	350
162.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 21–23 ноября	350
163.	Г. С. Вашкевичу. 22 ноября	353
164.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 26 ноября	355
165.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 2–3 декабря	356
166.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 8 декабря	358
167.	В. А. Кожевникову. 10 декабря	360
168.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. Между 11 и 17 декабря	361
169.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. Между 17 и 19 декабря	362
170.	В. А. Кожевникову. 19 декабря	365
171.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 20 декабря	366
172.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 24 декабря	367
173.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 28 декабря	369
1899		
174.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. Начало января	371
175.	В. А. Кожевникову. 11 января	372
176.	В. А. Кожевникову. 12 января	373
177.	Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 22 января	374
178.	Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров – В. А. Кожевникову. 10 февраля	375
179.	Н. П. Петерсону. 3 марта	376
180.	В. А. Кожевникову. 21 марта	376
181.	В. А. Кожевникову. 23 марта	378
182.	Н. И. Стороженко. 23 марта	378

183. В. А. Кожевникову. 24 марта	379
184. В. Я. Симонову. 29 марта	379
185. В. А. Кожевникову. 2 апреля	381
186. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 11 апреля	381
187. Л. Г. Соловьеву. Между 11 и 15 апреля	383
188. В. Я. Симонову. Между 12 и 15 апреля. <i>Черновое</i>	383
189. В. А. Кожевникову. 15 апреля	384
190. В. А. Кожевникову. 20 апреля	385
191. В. А. Кожевникову. 24 апреля	386
192. В. А. Кожевникову. 24–25 апреля	387
193. Н. П. Петерсон, Н. Ф. Федоров – В. А. Кожевникову. 29 апреля	387
194. Н. А. Энгельгардту. После 3 марта. <i>Черновое</i>	388
195. В. А. Кожевникову. 12 мая	390
196. В. А. Кожевникову. 29 июля	391
197. В. А. Кожевникову. 4 августа	392
198. В. А. Кожевникову. 8 сентября	393
199. В. А. Кожевникову. 15 сентября	394
200. В. А. Кожевникову. 19–22 сентября	396
201. В. А. Кожевникову. Вторая половина сентября — начало октября	400
202. Н. Ф. Федоров, Н. П. Петерсон – В. А. Кожевникову. 5 ноября	401
203. В. А. Кожевникову. 5 ноября	402
204. В. А. Кожевникову. 10 ноября	403
205. В. А. Кожевникову. 17 ноября	404
206. В. А. Кожевникову. 19 ноября	405
207. В. А. Кожевникову. 22 ноября	405
208. В. А. Кожевникову. Между 1 и 12 декабря	407
209. В. А. Кожевникову. 12 декабря	408
210. В. А. Кожевникову. 15 декабря	408
1900	
211. В. А. Кожевникову. Между 2 и 15 января. <i>Черновое</i>	411
212. В. А. Кожевникову. 11 января	411
213. В. А. Кожевникову. После 11 января. <i>Черновое</i>	413
214. В. А. Кожевникову. Между 24 января и 3 февраля. <i>Черновое</i>	413
215. В. А. Кожевникову. 4 февраля	414
216. В. А. Кожевникову. После 4 февраля. <i>Черновое</i>	415
217. В. А. Кожевникову. 9 февраля	416
218. В. А. Кожевникову. 21 февраля	416
219. В. А. Кожевникову. 17 марта	417
220. К. П. Афонину. Между 17 и 26 марта. <i>Черновое</i>	418
221. В. А. Кожевникову. 26 марта	418
222. В. А. Кожевникову. 10 апреля	419
223. В. А. Кожевникову. 16 мая	420
224. В. А. Кожевникову. 19 мая	421
225. М. М. Северову. Между 19 и 30 мая. <i>Черновое</i>	421
226. Ю. П. Бартеневу. Между 19 и 30 мая. <i>Черновое</i>	422
227. В. А. Кожевникову. 30 мая	423
228. В. А. Кожевникову. 7 июня	424
229. В. А. Кожевникову. 23 июня	425

230. В. А. Кожевникову. Между 26 и 30 июня	427
231. В. А. Кожевникову. 30 июня	428
232. В. А. Кожевникову. 3 июля	430
233. В. А. Кожевникову. 3 августа	432
234. В. А. Кожевникову. Не ранее 1900. <i>Черновое</i>	434
235. В. А. Кожевникову. Не ранее ноября	435
1901	
236. Н. П. Петерсону. 2 января	436
237. Н. Я. Пясковскому. 31 марта – первая половина апреля. <i>Черновое</i>	437
238. С. М. Северову. 17 апреля	438
239. В. А. Кожевникову. Вторая половина мая. <i>Черновое</i>	438
240. В. А. Кожевникову. 8 июня	439
241. В. А. Кожевникову. Между 8 и 17 июня. <i>Черновое</i>	440
242. В. А. Кожевникову. 17 июня	440
243. В. А. Кожевникову. 28 июня	441
244. В. А. Кожевникову. 1 июля	442
245. В. А. Кожевникову. 7 июля	443
246. В. А. Кожевникову. 11 июля	445
247. В. А. Кожевникову. 21 июля	446
248. В. А. Кожевникову. 18 августа	448
249. В. А. Кожевникову. 24 августа	448
250. В. А. Кожевникову. Конец 1901– первая половина марта 1902. <i>Черновое</i>	449
251. В. А. Кожевникову. 18 декабря	452
1902	
252. Н. Ф. Федоров, В. А. Кожевников – Н. П. Петерсону. 10 февраля	454
253. Н. Ф. Федоров, В. А. Кожевников – Н. П. Петерсону. 3 марта	456
254. В. А. Кожевников, Н. Ф. Федоров – Н. П. Петерсону. 10 марта	458
255. В. А. Кожевникову. Между 10 и 17 марта. <i>Черновое</i>	458
256. В. А. Кожевников, Н. Ф. Федоров – Н. П. Петерсону. 17 марта	459
257. В. А. Кожевников, Н. Ф. Федоров – Н. П. Петерсону. Вторая половина марта	461
258. В. А. Кожевникову. Конец марта – начало апреля. <i>Черновое</i>	462
259. В. А. Кожевникову. 9 апреля	463
260. В. А. Кожевникову. 10 апреля. <i>Черновое</i>	463
261. В. А. Кожевникову. Апрель – май. <i>Черновое</i>	464
262. В. А. Кожевникову. После 8 мая. <i>Черновое</i>	464
263. В. А. Кожевникову. 21 мая	466
264. В. А. Кожевникову. Между 21 и 31 мая. <i>Черновое</i>	466
265. Н. П. Петерсону. 31 мая	467
266. В. А. Кожевникову. 4 июня	468
267. Н. П. Петерсону. 22 июня	468
268. Н. П. Петерсону. 30 июня	469
269. В. А. Кожевникову. 4 июля	471
270. В. А. Кожевникову. 15 июля	473
271. Н. П. Петерсону. 19 июля	475

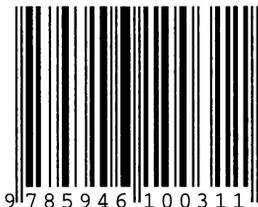
272. В. А. Кожевникову. 28 июля	475
273. В. А. Кожевникову. Конец июля. <i>Черновое</i>	477
274. Н. П. Петерсону. После 13 сентября. <i>Черновое</i>	478
1903	
275. В. А. Кожевникову. 15 апреля	479
276. В. А. Кожевникову. 1 июля	479
277. В. А. Кожевникову. 10 августа	482
278. В. А. Кожевникову. После 11 августа. <i>Черновое</i>	484
279. В. А. Кожевникову. После 11 августа. <i>Черновое</i>	484
280. Н. Н. Черногобову. 22 августа	485
281. Н. П. Петерсону. Октябрь. <i>Черновое</i>	485
Письма, не поддающиеся точной датировке	486
282. Н. П. Петерсону или В. А. Кожевникову. 1897–1903. <i>Черновое</i>	486
283. А. Ф. Филиппову. <i>Черновое</i>	486
Другие редакции	487
63. В. С. Соловьеву. Конец октября – начало ноября 1891. <i>Черновое</i>	487
92. В. А. Кожевникову. Между 18 и 20 августа 1894. <i>Черновое</i>	487
104. А. А. Кирееву. Не ранее 1 марта 1895. <i>Черновое</i>	488
125. Н. П. Петерсону. Декабрь 1896	490
128. В. А. Кожевникову. 19 августа 1897	491
138. Н. П. Петерсону. 22 марта 1898	492
152. В. А. Кожевникову. 25 июля 1898	493
180. В. А. Кожевникову. 20 марта 1899	494
215. В. А. Кожевникову. 3 февраля 1900	495
233. В. А. Кожевникову. Между 30 июля и 3 августа 1900	496
245. В. А. Кожевникову. 7 июля 1901	498
ПРИЛОЖЕНИЕ	499
Материалы к истории знакомства Ф. М. Достоевского с идеями	
Н. Ф. Федорова	501
Н. П. Петерсон – Ф. М. Достоевскому. 6 марта 1876	501
Н. П. Петерсон. Керенск, 1876 года	502
Н. П. Петерсон. Письмо в редакцию «Справочного листка района Моршанско-Сызранской железной дороги»	503
Н. П. Петерсон. Чем должна быть народная школа?	506
Н. П. Петерсон – Ф. М. Достоевскому. 29 марта 1878. <i>Черновое</i>	514
Н. П. Петерсон – К. П. Победоносцеву. 14 марта 1881	515
И. М. Ивакин. Воспоминания (фрагменты)	519
К разделу «Асхабадская полемика»	551
Н. П. Петерсон. По поводу статей о Народном доме	551
Н. П. Петерсон. Вопрос о смысле и цели. По поводу статьи г-на Pensoso «Блаженная жизнь» в № 3-м газеты «Асхабад» за 1902 год	554
В. А. Кожевников. Поэтесса «вдумчивой скорби» (una poetessa del «pensoso dolor»). По поводу статьи г-на «Pensoso» о «Блаженной жизни»	557
Материалы В. А. Кожевникова	562
В. А. Кожевников. К вопросу об умиротворении	562

В. А. Кожевников. Жить или не жить?	567
В. А. Кожевников. Святое пламя дарованья	569
Письма Н. П. Петерсона Н. Ф. Федорову	570
1. 9–16 сентября 1875	570
2. Конец марта 1876	573
3. 26 мая 1876	574
4. Между 3 и 12 июня 1876	574
5. 29 марта 1878	576
6. 8 апреля 1878	577
7. 19 апреля 1878	577
8. 11 мая 1878	578
9. 7 октября 1881	579
10. 10 февраля 1882	580
11. 20 марта 1882	580
12. 1 сентября 1882	582
13. 30 декабря 1882	583
14. 20 апреля 1883	584
15. 10 сентября 1883	585
16. 2 января 1884	586
17. Не ранее начала февраля 1884	587
18. 20 апреля 1884	587
19. 3 мая 1884	588
20. 11 октября 1888	588
21. 2 июня 1892	589
22. 15 августа 1893	590
23. 30 мая 1896	591
24. 21 февраля 1897	591
25. 26 октября 1898	592
26. 19 августа 1899	593
Письма В. А. Кожевникова Н. Ф. Федорову	595
1. 26 марта 1896	595
2. 28 июля 1900	596
3. 12 июня 1901	597
4. 10 апреля 1902	598
Письма Н. П. Петерсона В. А. Кожевникову	599
1. 14 февраля 1894	599
2. 27 февраля 1894	600
3. 20 декабря 1894	601
4. После 29 декабря 1894	602
5. 18 апреля 1896	603
6. Между 18 и 21 апреля 1896	604
7. 4 мая 1896	605
8. 5 ноября 1896	606
9. 11 марта 1897	606
10. 21 августа 1897	607
11. 30 ноября 1897	608
12. 24 декабря 1897	609

13. 6 ноября 1898	611
14. 10 декабря 1898	613
15. 11 декабря 1898	614
16. 23 января 1899	615
17. 19 марта 1899	615
18. 24 марта 1899	616
19. 9 октября 1899	617
20. 1 ноября 1901	617
21. 7 апреля 1902	619
22. 1 октября 1903	620
23. 26 декабря 1903	622
Письма В. А. Кожевникова Н. П. Петерсону	625
1. 28 января 1902	625
2. 25 апреля 1903	626
Н. П. Петерсон – в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии». Май 1903. <i>Черновое</i>	628
Письма Н. Ф. Федорову разных лиц	629
В. С. Соловьев – Н. Ф. Федорову. 12 января 1882	629
В. С. Соловьев – Н. Ф. Федорову. Июнь – июль 1882	629
А. П. Бушера – Н. Ф. Федорову. 22 июля 1883	631
Д. П. Лебедев – Н. Ф. Федорову. 27 июля 1884	631
А. А. Фет – Н. Ф. Федорову. 6 декабря 1887	632
А. А. Фет – Н. Ф. Федорову. 7 октября 1892	633
Ю. П. Бартенев – Н. Ф. Федорову. 30 октября 1892	633
И. А. Борисов – Н. Ф. Федорову. 14 декабря 1893	634
И. А. Борисов – Н. Ф. Федорову. 22 декабря 1893	634
В. И. Срезневский – Н. Ф. Федорову. 7 июня 1894	635
С. П. Бартенев – Н. Ф. Федорову. Между 30 октября и началом декабря 1895	636
И. А. Линниченко – Н. Ф. Федорову. 30 сентября 1895	637
С. П. Шуров – Н. Ф. Федорову. 10 апреля 1896	637
С. П. Шуров – Н. Ф. Федорову. 20 апреля 1896	638
С. Чистяков – Н. Ф. Федорову. После 23 апреля 1896	638
С. П. Бартенев – Н. Ф. Федорову. 20 декабря 1896	639
М. Лебедева – Н. Ф. Федорову. 11 января 1897	640
Г. А. Джаншиев – Н. Ф. Федорову. 9 марта 1897	640
М. Лебедева – Н. Ф. Федорову. 8 апреля 1897	641
М. Лебедева – Н. Ф. Федорову. 23 апреля 1897	641
М. Лебедева – Н. Ф. Федорову. 14 июня 1897	642
А. Ф. Филиппов – Н. Ф. Федорову. 27 июля 1897	642
Г. А. Джаншиев – Н. Ф. Федорову. 14 апреля 1898	643
Письмо Н. Ф. Федорову сотрудников Румянцевского музея. 25 апреля 1898	644
Г. А. Джаншиев – Н. Ф. Федорову. Между 20 и 25 октября 1898	644
Письмо из редакции «Русских Ведомостей». 29 октября 1898	645
В. Э. Ден – Н. Ф. Федорову. 7 ноября 1898	645
Я. Ф. Браве – Н. Ф. Федорову. 27 декабря 1898	646

Я. Ф. Браве – Н. Ф. Федорову. 31 декабря 1898	647
В. М. Владиславлев – Н. Ф. Федорову. 1 февраля 1899	648
Н. И. Стороженко – Н. Ф. Федорову. 19 марта 1899	649
В. Я. Симонов – Н. Ф. Федорову. 8 апреля 1899	650
И. М. Ивакин – Н. Ф. Федорову. 27 апреля 1899	651
Телеграмма. М. А. Веневитинов – Н. Ф. Федорову. Декабрь 1899	652
Вокруг Федорова	653
Н. П. Петерсон – Н. А. Чаеву. 16 августа 1874	653
Н. П. Петерсон – Л. Н. Толстому. 20 июля 1882	654
И. М. Ивакин – Л. Н. Толстому. 21 октября 1891	655
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 2 октября 1893	658
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 2 октября 1893	658
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 5 октября 1893	659
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 12 ноября 1893	660
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 15 ноября 1893	661
А. В. Орлов-Давыдов – П. И. Бартенеу. 23 ноября 1893	661
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 29 ноября 1893	662
А. В. Орлов-Давыдов – П. И. Бартенеу. 30 ноября 1893	662
В. А. Кожевников – П. И. Бартенеу. 9 декабря 1893	663
Ю. П. Бартенеу – С. П. Бартенеу. 31 декабря 1896	663
В. А. Кожевников – Г. П. Георгиевскому. Февраль 1898	664
Н. П. Петерсон – Л. Н. Толстому. 17 апреля 1898	665
М. А. Веневитинов – Н. П. Петерсону. 24 июня 1898	665
С. Е. Зверев – В. А. Кожевникову. 22 октября 1898	666
В. А. Кожевников – Г. П. Георгиевскому. 16 января 1899	666
В. А. Кожевников – Г. П. Георгиевскому. 23 января 1899	667
П. К. Козлов – Г. А. Кожевникову. 23 января 1899	667
В. И. Срезневский – С. Е. Звереву. 7 февраля 1899	668
Н. В. Веретенникова – Н. П. Петерсону. 2 марта 1899	668
И. М. Ивакин – Н. Н. Черногубову. 9 марта 1899	669
Н. Н. Черногубов – И. М. Ивакину. 9 марта 1899	669
С. Е. Зверев – В. А. Кожевникову. 30 апреля 1899	669
Н. Я. Пясковский – В. А. Кожевникову. 29 марта 1901	670
В. А. Кожевников – В. Я. Брюсову. Конец января — первая половина февраля 1904	671
Д. И. Суботич – Н. П. Петерсону. 4 апреля 1902	672
Е. И. Соколов – В. А. Кожевникову. 27 июля 1902	672
В. Я. Брюсов – Н. Н. Черногубову. 27 июля 1902	672
Н. П. Петерсон – Г. П. Георгиевскому. 13 января 1904	673

ISBN 5-94610-031-9

Н. Ф. Федоров
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
Том четвертый

Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Корректор *Е. А. Белянина*
Верстка и оригинал-макет *Е. П. Крюковой*

Президент Фонда «Традиция» *Е. Д. Горжевская*
Зав. производством *Н. П. Романова*

Лицензия ЛР № 030624 от 01. 12. 94.

Подписано в печать 17.02.1999. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 55,47. Уч.-изд. л. 50,9.
Заказ № 11014

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ, ИСПРАВЛЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ
из «ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ТОМА»

Т. IV

стр. 243, строка 18 сверху	Борисов	Барсов
стр. 245, строка 10 снизу	Борисову	Барсову
стр. 248, строка 16 сверху	Деятельность Илии начинается возвещением бездождия, разве по его слову.	Деятельность Илии начинается возвещением бездождия разве по его слову?
стр. 296, строка 8 снизу	После 27 октября 1895	Ноябрь – начало декабря 1895
стр. 331, строка 18 сверху	1 части	1 части статьи
стр. 400, строка 14 снизу	Вторая половина сентября 1899	Вторая половина сентября – начало октября 1899
стр. 458, строка 5 снизу	между 10 и 17 марта	Между 10 и 17 марта
стр. 467, строки 18–19 снизу	словесные выражения	словесные возражения
стр. 478, строка 3 сверху	После 13 сентября 1902. Москва	После 13 сентября 1902. Москва <i>Черновое</i>
стр. 567, строка 2 сверху	ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ	ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?
стр. 590, строка 16 снизу	«возьми камень и коси»	«возьми камень и носи»
стр. 618, строка 1 сверху	из крестьян Острожского уезда	из крестьян Острогского уезда
стр. 629, строка 5 снизу	Июль – начало августа 1882	Июнь–июль 1882
стр. 636, строка 6 сверху	Между 7 декабря 1894 и концом октября 1895	Между 30 октября и началом декабря 1895
стр. 655, строка 23 сверху	карван	корван
стр. 671, строка 12 снизу	Сентябрь–декабрь 1901.	Конец января – первая половина февраля 1904.
стр. 680, строка 9 сверху	После 27 октября 1895	Ноябрь – начало декабря 1895
стр. 685, строка 1 сверху	Жить или не жить	Жить или не жить?
стр. 686, строки 15–16 снизу	Между 7 декабря 1894 и концом октября 1895	Между 30 октября и началом декабря 1895
стр. 687, строка 5 снизу	Сентябрь–декабрь 1901.	Конец января – первая половина февраля 1904.

Дополнительно найденные опечатки

стр. 69, строка 10 снизу	о брахме	о драхме. См. (Лк.15:8-10)
--------------------------	----------	----------------------------